

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

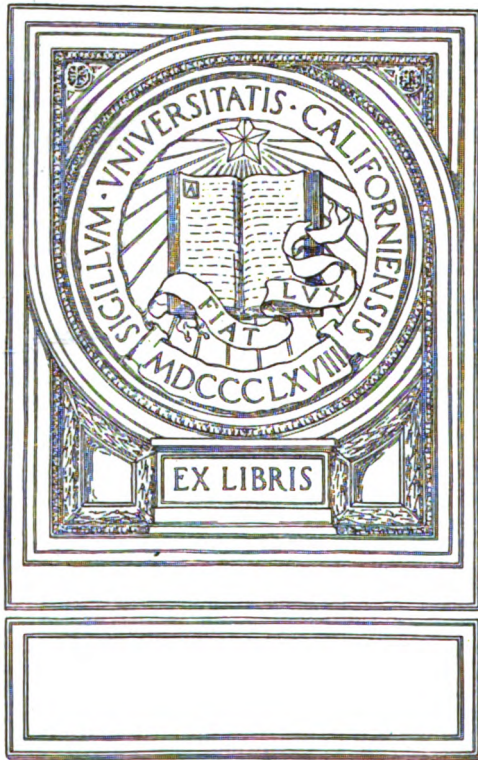
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СLVI.

7-8

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, Владимірская, домъ № 15.

1871.

LAST
A4
V.158

TO VNU
ALBANY, N.Y.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (28-го мая 1871 года). *Объ учрежденіи въ С.-Петербурѣ Фрѣбелевскаго Общества для содѣйствія первоначальному семейному воспитанію.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе въ С.-Петербурѣ Фрѣбелевскаго Общества для содѣйствія первоначальному семейному воспитанію, съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія права утвердить уставъ сего Общества.

2. (31-го мая 1871 года). *Объ учрежденіи въ городѣ Ревель гимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ учрежденіи въ городѣ Ревель гимназіи Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта
КОНСТАНТИНЪ.

МНѢНІЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе мнѣ-

нистра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городѣ Ревелѣ гимназіи, *мнѣніемъ положили*:

I. Испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе въ Ревелѣ гимназіи, съ присвоеніемъ оной наименованія «Александровской».

II. Означенную гимназію устроить на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го ноября 1864 года общихъ штатовъ и устава гимназій и прогимназій, по плану классическихъ гимназій съ однимъ древнимъ (латинскимъ) языкомъ, введя въ оной преподаваніе на русскомъ языкѣ, но съ нижеслѣдующими отъ упомянутыхъ общихъ штатовъ и устава отступленіями:

1) Въ Ревельской Александровской гимназіи должности инспектора, на первое время, не назначается.

2) Въ означенной гимназіи увеличивается число уроковъ русскаго языка и словесности, при чемъ, въ видахъ облегченія занятій симъ языкомъ, исключается изъ курса, временно, церковно-славянскій языкъ. Сообразно сему, предоставляется министру народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ Прибалтійскихъ губерній, измѣнить въ сей гимназіи опредѣленное общимъ уставомъ 1864 года число уроковъ по каждому предмету.

3) Для желающихъ вводится преподаваніе эстскаго языка, для чего обращаются на Ревельскую Александровскую гимназію семьсотъ пятьдесятъ рублей, отпускаемые нынѣ на жалованье преподавателю означеннаго языка въ Рижской Александровской гимназіи, и затѣмъ преподаваніе эстскаго языка въ сей послѣдней гимназіи прекращается.

4) Для преподаванія географіи и естественной исторіи опредѣляется особый учитель, сверхъ учителя всеобщей и русскои исторіи.

5) Для латинскаго языка, вмѣсто трехъ, назначаются два учителя.

6) Вмѣсто полагаемыхъ по общимъ штатамъ 1864 года двухъ воспитателей, въ Ревельской Александровской гимназіи допускается имѣть одного воспитателя.

7) Законоучителю лютеранскаго исповѣданія, въ сравненіе съ содержаніемъ, получаемымъ законоучителемъ православнымъ, производится жалованье по разчету числа уроковъ, полагая, на общемъ основаніи, за первые 12 уроковъ въ недѣлю по 75 рублей въ годъ за каждый, а за остальные по 60 рублей.

8) Преподаватели русскаго языка и словесности, а также всеобщей и русской исторіи, получаютъ вознагражденіе по 75 руб. за каждый урокъ, хотя бы число уроковъ каждаго учителя и превышало 12 въ недѣлю.

9) Учителю эстскаго языка производится жалованье по 750 руб. въ годъ, за обязательные для него 10 уроковъ въ недѣлю.

10) На обученіе пѣнію и гимнастикѣ назначается 400 руб.

11) Врачу назначается, вмѣсто положенныхъ по штату 1864 года 300 руб., только 200 руб.

12) Пенсіи служащимъ при Ревельской Александровской гимназіи лицамъ производится, по правиламъ для сего по учебной части установленнымъ, изъ окладовъ: директору 1.200 руб., православному и лютеранскому законоучителямъ по 400 руб., учителямъ наукъ, русскаго и латинскаго языковъ по 750 руб., воспитателю 700 руб. и учителямъ новыхъ иностранныхъ языковъ (въ томъ числѣ и эстскаго) по 550 руб. въ годъ, при чемъ однако наблюдается, чтобы пенсіи и единовременныя пособія каждому лицу, ни въ какомъ случаѣ, не превышали размѣра производившагося имъ жалованья — и

13) Содержаніе дома гимназіи обращается на ея спеціальныя средства.

III. Александровскую гимназію въ Ревелѣ открыть съ 1-го іюля 1871 года, въ составѣ четырехъ низшихъ классовъ; остальные же классы открывать постепенно въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ.

IV. Сообразно сему, въ счетъ исчисленныхъ на полное содержаніе Ревельской Александровской гимназіи 18.755 руб. въ годъ, независимо отъ суммы, причитающейся въ нынѣшнемъ году въ передатѣ въ эту гимназію изъ Рижской Александровской, на жа-

дованье учителю эстскаго языка, изъ годоваго оклада въ 750 руб., разрѣшить въ отпуску изъ государственнаго казначейства, по разчету съ 1-го іюля сего года, сверхсмѣтнымъ дополнительнымъ кредитомъ въ § 7 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на текущій годъ, пять тысячъ сто двадцать два руб. пятьдесятъ коп., съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ; остальную же часть суммы на содержаніе Ревельской Александровской гимназіи отпускать постепенно, по мѣрѣ отертія выспихъ классовъ въ сей гимназіи. Кромѣ того, въ текущемъ году отпустить экстраординарнымъ кредитомъ, въ дополненіе къ ст. 1 § 13 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1871 годъ, тридцать восемь тысячъ руб. на покупку для Ревельской Александровской гимназіи дома купца Ротермана, и четыре тысячи пятьсотъ руб. на приспособленіе этого дома къ потребностямъ учебнаго заведенія, съ отнесеніемъ сего расхода (42.500 рублей), также на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

3. (2-го іюня 1871 года). *Объ учрежденіи въ Калишской гимназіи стипендіи Морковского.*

Умершій Войцѣхъ Морковскій, духовнымъ завѣщаніемъ ^{1/12} октября 1863 года, установленнымъ порядкомъ утвержденнымъ, назначилъ, между прочимъ, сумму въ 1.200 руб. на учрежденіе одной стипендіи, съ наименованіемъ «стипендію Морковского», для отличающагося поведеніемъ ученика первыхъ четырехъ классовъ Калишской гимназіи, изъ рода Морковскихъ, или же изъ рода жены завѣщателя, Скотницкихъ, а въ случаѣ ненахожденія соискателя изъ названныхъ фамилій, — для несостоятельнаго ученика той же гимназіи примѣрнаго поведенія, по выбору училищнаго начальства.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, не встрѣчая съ своей стороны препятствія въ

учрежденію названной стипендіи на вышеизложенныхъ основаніяхъ, съ наименованіемъ оной «стипендіею Морковскаго», министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ на сіе Высочайше Государя Императора, соизволеніе, каковое и послѣдовало.

4. (9-го іюня 1871 года). *О началѣ трехлѣтняго срока временнымъ уставу и штату Демидовскаго юридическаго лица.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на считаніе трехлѣтняго срока временнымъ уставу и штату Демидовскаго юридическаго лица не со дня Высочайшаго разсмотрѣнія проекта устава лица, а со дня открытія лица, то-есть, съ 30-го августа 1870 года, съ тѣмъ, чтобы министръ народнаго просвѣщенія внесъ временные уставъ и штатъ сего лица, законодательнымъ порядкомъ, на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе оныхъ въ государственный совѣтъ къ 30-го августа 1873 года.

5. (20-го іюня 1871 года). *Объ учрежденіи при Вологодской Маріинской женской гимназіи стипендіи Бограковыхъ.*

Вдова бывшаго Вологодскаго губернскаго предводителя дворянства, надворнаго совѣтника Николая Васильевича Богракова, Людмила Николаевна Богракова представила директору училищъ Вологодской губерніи пожертвованный покойнымъ мужемъ ея по домашнему завѣщанію, засвидѣтельствованному въ Вологодской гражданской палатѣ, пятипроцентный, съ 17-ю купонами, билетъ за № 632-мъ, въ тысячу рублей, для учрежденія на счетъ процентовъ съ этого капитала стипендіи имени Бограковыхъ при Вологодской Маріинской женской гимназіи.

По всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, основанному на представленіи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на принятіе завѣщаннаго Бограковымъ билета въ соб-

ственность Вологодской Маріинской женской гимназіи, для употребленія процентовъ на плату за обученіе въ этой гимназіи одной бѣдной дѣвочки, съ присвоеніемъ ей наименованія стипендіатки Бограковыхъ, а также на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе объ этой стипендіи.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

12-го іюня 1871 года (№ 15). *Производится за отличие:* членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, директоръ Императорскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Штейнманъ — въ тайные совѣтники.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (5-го іюня 1871 года). *Уставъ «Фребелевскаго общества для содѣйствія первоначальному семейному воспитанію».*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I. Цѣль, кругъ дѣятельности и средства Общества.

§ 1. Фребелевское Общество, учреждаемое въ С.-Петербургѣ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 28-й день мая 1871 года, имѣетъ цѣлью, посредствомъ распространенія воспитательныхъ идей извѣстнаго педагога Фрѣбеля, возбуждать и поддерживать въ семействахъ интересъ въ рациональному воспитанію дѣтей, и тѣмъ содѣйствовать улучшенію воспитанія вообще.

§ 2. Для достиженія своей цѣли Фребелевское Общество: а) учреждаетъ специальные курсы съ хорошо устроеннымъ дѣтскимъ садомъ для приготовленія свѣдущихъ нянекъ и дѣтскихъ садовницъ; б) содѣйствуетъ въ учрежденію новыхъ дѣтскихъ са-

довъ выдачею денежныхъ пособій молодымъ садовницамъ; в) открываетъ публичныя лекціи для матерей и гувернантокъ, желающихъ ознакомиться съ воспитательною системою Фрѣбеля; г) издаетъ журналъ, въ которомъ знакомитъ публику съ дальнѣйшимъ развитіемъ и совершенствованіемъ дѣла первоначальнаго воспитанія, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и за границей, а равно и печатаетъ отчеты о своей дѣятельности. До приступленія къ изданію журнала совѣтъ Общества представляетъ на утвержденіе какъ избраннаго имъ отвѣтственнаго редактора, такъ и программу журнала. Представленіе это, на общемъ основаніи, должно идти чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати.

§ 3. Издержки Общества покрываются: а) чрезвычайными пожертвованіями, б) ежегодными взносами и в) деньгами, выручаемыми отъ платы за посѣщеніе спеціальныхъ курсовъ и публичныхъ лекцій и отъ подписки на журналъ Общества.

II. Составъ Общества.

§ 4. Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ обоюго пола.

§ 5. Члены раздѣляются на дѣйствительныхъ и почетныхъ.

§ 6. Лица, изъявившія желаніе содѣйствовать интересамъ Общества, именуется дѣйствительными членами. Въ почетные же члены могутъ быть предлагаемы только лица, сдѣлавшія значительныя пожертвованія въ пользу Общества или могущія содѣйствовать преуспѣянію Общества по своему положенію.

§ 7. Дѣлами Общества управляетъ совѣтъ, избираемый нижеизложеннымъ порядкомъ (см. § 17).

III. Порядокъ избранія членовъ, права и обязанности ихъ.

§ 8. Лицо, желающее поступить въ дѣйствительные члены Общества, должно быть предложено не менѣе какъ тремя дѣйствительными членами.

§ 9. Имя кандидата, съ означеніемъ предлагающихъ его чле-

новъ, объявляется въ общемъ собраніи и самый выборъ производится закрытыми записками. Избраннымъ почитается лицо, получившее въ свою пользу абсолютное большинство наличныхъ голосовъ.

Примѣчаніе. Учредители Общества, подписавшіе проектъ устава, вступаютъ въ число членовъ безъ баллотировки.

§ 10. Почетные члены предлагаются общему собранію совѣтомъ, по предварительномъ обсужденіи безъ баллотировки.

§ 11. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно въ кассу Общества сумму въ томъ размѣрѣ, каковой будетъ установленъ общимъ собраніемъ. Члены, не внесшіе означенной суммы въ теченіе двухъ лѣтъ, считаются выбывшими изъ Общества.

§ 12. Дѣйствительные члены присутствуютъ во всѣхъ общихъ собраніяхъ Общества съ правомъ голоса. Они избираются во всѣ должности по Обществу и имѣютъ право представлять совѣту Общества предположенія свои о томъ, что считаютъ полезнымъ для Общества.

§ 13. Общія всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ обязанности заключаются въ содѣйствіи интересамъ Общества.

IV. О собраніяхъ Общества.

§ 14. Собранія Общества бываютъ обыкновенныя, не менѣе двухъ разъ въ годъ, и экстренныя, по назначенію совѣта.

§ 15. Каждый членъ Общества имѣетъ одинъ голосъ. Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ же равенства голосовъ, голосъ предсѣдательствующаго даетъ перевѣсъ. Подача мнѣній въ собраніи производится только присутствующими, а отсутствующіе подчиняются принятымъ рѣшеніямъ. Собраніе считается дѣйствительнымъ, когда въ немъ присутствуетъ не менѣе 20-и человекъ.

§ 16. Въ обыкновенномъ общемъ собраніи могутъ присутствовать, безъ права голоса, и посторонніе посѣтители (гости), введенные членами.

V. О совѣтѣ и избраніи должностныхъ лицъ; права и обязанности ихъ.

§ 17. Общее собраніе избираетъ изъ среды своей совѣтъ, состоящій изъ 9-и членовъ, въ числѣ которыхъ находится предсѣдатель, вице-предсѣдатель, дѣлопроизводитель, казначей и бібліотекаръ. Всѣ члены Общества принимаютъ на себя исчисленныя званія безвозмездно.

§ 18. Всѣ должностныя лица и прочіе члены совѣта избираются на одинъ годъ, закрытыми записками, по большинству голосовъ наличныхъ членовъ.

§ 19. Совѣтъ управляетъ всѣми дѣлами Общества, то-есть: 1) обсуждаетъ предварительно предметы занятій въ общихъ собраніяхъ и устанавливаетъ порядокъ ихъ; 2) завѣдуетъ учрежденіями Общества, то-есть, спеціальными курсами и публичными лекціями; 3) ведетъ переписку съ иногородными членами; 4) дѣлаетъ выборъ книгъ для бібліотеки; 5) представляетъ ежегодно общему собранію отчеты: а) о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ, б) о состояніи учреждений Общества и дѣятельности его въ теченіе года, и предлагаетъ в) примѣрную смѣту доходовъ и расходовъ на слѣдующій годъ.

§ 20. Совѣтъ созывается предсѣдателемъ, а за болѣзнію или отсутствіемъ его — вице-предсѣдателемъ, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, за исключеніемъ лѣтнихъ вакацій. Для дѣйствительности постановленій совѣта, требуется присутствіе не менѣе 5-и членовъ.

§ 21. Предсѣдатель наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ устава и всѣхъ вообще постановленій Общества, открываетъ и закрываетъ собранія, наблюдаетъ за порядкомъ въ оныхъ и руководитъ занятіями.

§ 22. На дѣлопроизводителѣ лежатъ слѣдующія обязанности: а) составленіе и чтеніе протоколовъ въ собраніяхъ, б) составленіе годоваго отчета по дѣламъ управленія Общества и в) веденіе переписки по всѣмъ дѣламъ Общества.

§ 23. Казначею поручается сборъ взносов, принятіе денежныхъ пожертвованій и уплата по представленнымъ и провѣреннымъ совѣтомъ счетамъ и веденіе прихода-расходныхъ книгъ.

§ 24. Библіотекаръ завѣдываетъ библіотекой Общества, выписываетъ книги по опредѣленію совѣта и выдаетъ оныя для пользованія членамъ Общества.

§ 25. Всѣ обязанности по завѣдыванію учрежденіями Общества распределяются между остальными членами совѣта.

§ 26. Для повѣрки счетовъ, ежегодно избирается коммиссія изъ трехъ лицъ, которая ревизуетъ дѣятельность совѣта по хозяйственной части.

2. (5-го іюня 1871 года). *Правила попечительства о недостаточныхъ студентахъ Императорскаго университета св. Владиміра.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Составъ попечительства.

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 23-й день октября 1869 года, при Киевскомъ учебномъ округѣ учреждено «попечительство о недостаточныхъ студентахъ университета св. Владиміра».

Попечительство состоитъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя, изъ ректора, проректора и профессоровъ университета, по одному отъ каждаго факультета. Сіи послѣдніе избираются на три года.

§ 2. Кромѣ сего, на основаніи сказаннаго Высочайшаго повелѣнія, въ составъ попечительства приглашаются и постороннія лица, которыя, по общественному положенію, или по особенному сочувствію къ дѣлу, могутъ содѣйствовать къ достиженію цѣли учрежденія попечительства.

§ 3. Постороннія лица поступаютъ въ составъ попечительства съ званіемъ почетныхъ членовъ, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-жертвователей.

Примѣчаніе. Студенты, слушатели университета и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній могутъ содѣйствовать цѣлямъ попечительства только въ качествѣ жертвователей.

§ 4. Почетные и дѣйствительные члены попечительства приглашаются по опредѣленію присутствія попечительства, и по полученіи согласія приглашенныхъ, утверждаются въ этомъ званіи къ засѣданіяхъ попечительства. Такимъ же способомъ принимаются и утверждаются въ званіи членовъ-жертвователей лица, которыя изъявляютъ желаніе жертвовать ежегодно въ кассу попечительства денежный взносъ, размѣръ котораго предоставляется собственному ихъ усмотрѣнію.

Цѣль попечительства.

§ 5. Попечительство имѣетъ цѣлью оказывать вспомошествованіе тѣмъ недостаточнымъ студентамъ, которые, не приобрѣвъ права на полученіе стипендій и вообще денежныхъ пособій изъ суммъ, отпускаемыхъ университету, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ участія по своему поведенію, усердію къ научнымъ занятіямъ и по бѣдности въ матеріальныхъ средствахъ къ жизни.

Средства попечительства.

§ 6. Средства попечительства состоятъ: изъ взносовъ членовъ попечительства и изъ пожертвованій частныхъ лицъ всѣхъ сословій.

§ 7. Для усиленія этихъ средствъ попечительству предоставляется устраивать публичныя лекціи, спектакли, концерты, съ соблюденіемъ установленныхъ для этого правилъ.

Управленіе дѣлами.

§ 8. Дѣлами попечительства управляетъ присутствіе его, которое состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ, показанныхъ въ § 1 настоящихъ правилъ.

§ 9. Присутствіе имѣетъ постоянныя засѣданія свои разъ въ

мѣсяць, кромя положеннаго по университетскому уставу 1863 года канукулярнаго времени. Независимо того, попечительство одинъ разъ въ годъ приглашаетъ всѣхъ вообще своихъ членовъ въ общее собраніе для слушанія отчетовъ по дѣламъ попечительства.

§ 10. Почетные и дѣйствительные члены попечительства могутъ принимать участіе въ постоянныхъ засѣданіяхъ его.

§ 11. Изъ среды постоянныхъ членовъ своихъ попечительство избираетъ казначея для храненія и расходованія своихъ суммъ и веденія по нимъ отчетности.

Суммы попечительства вносятся на храненіе и для приращенія процентами въ кредитныя учрежденія по усмотрѣнію попечительства.

§ 12. Попечительство имѣетъ особаго секретаря, который избирается изъ лицъ, служащихъ въ учебномъ округѣ, и завѣдуетъ дѣлами попечительства.

§ 13. Вся переписка по дѣламъ попечительства съ посторонними вѣдомствами и лицами, а равно и по исполненію протоколовъ попечительства, производится отъ лица предсѣдателя — попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

Назначеніе и выдача пособій.

§ 14. Пособія отъ попечительства состоятъ: а) въ заимобразной выдачѣ извѣстной денежной суммы; б) въ платѣ за право ученія въ университетѣ; в) въ уплатѣ квартиросодержателямъ за столъ, помѣщеніе и проч., и г) въ выдачѣ безвозвратно денежнаго пособія, смотря по личности нуждающагося и по мѣрѣ средствъ, каковыми попечительство въ данное время можетъ располагать.

§ 15. Правомъ на полученіе отъ попечительства пособій пользуются только тѣ недостаточные студенты, которые, по какимъ-либо случайнымъ, уважительнымъ причинамъ, лишены были возможности выполнить условія, установленныя для полученія пособій и другихъ льготъ отъ университета, и обстоятельствами поставлены въ крайне затруднительное матеріальное положеніе.

§ 16. Въ послѣднемъ случаѣ и студенты, получающіе отъ университета пособія, могутъ воспользоваться матеріальною поддержкою отъ попечительства заимообразно или безвозвратно, смотря по нуждѣ студента и размѣру получаемого имъ отъ университета пособія. Стипендіаты, въ крайнихъ случаяхъ, могутъ пользоваться только заимообразною выдачей изъ суммъ попечительства. Во всякомъ случаѣ, въ цѣли попечительства не входитъ выдача постоянныхъ пособій однимъ и тѣмъ же лицамъ.

§ 17. Само собою разумѣется, что пособіемъ отъ попечительства, во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, могутъ воспользоваться только тѣ недостаточные студенты, которые не замѣчены въ нарушеніи установленныхъ правилъ, ни въ самомъ зданіи университета, ни внѣ онаго, и вообще къ уклоненію отъ студенческихъ обязанностей.

§ 18. Заявленія о необходимости пособія могутъ быть дѣлаемы или самими нуждающимися, или же постоянными членами попечительства, послѣдними и въ такомъ случаѣ, если они освѣдомятся о дѣйствительной необходимости пособія какому-либо лицу, которое, хотя о томъ не проситъ, но на самомъ дѣлѣ терпитъ крайнюю нужду и по своимъ нравственнымъ и научнымъ качествамъ заслуживаетъ вниманія и поддержки.

§ 19. Съ заявленіями о пособіи нуждающіеся студенты обращаются къ профессору — члену попечительства по принадлежности факультета.

§ 20. Предварительно доклада попечительству заявленія о необходимости предоставленія какому-либо студенту пособія, членъ попечительства, по принадлежности факультета, собираетъ необходимые справки для вѣрной оцѣнки нужды и права ищущаго пособія.

§ 21. Въ первое очередное засѣданіе попечительства всѣ сдѣланныя и снабженныя надлежащими справками заявленія о пособіяхъ разбираются попечительствомъ и рѣшаются по большинству голосовъ.

§ 22. Раздача пособій по опредѣленіямъ попечительства про-

наводится назначаемъ его за роспискою получающаго въ кассовой книгѣ попечительства.

3. (5-го іюня 1871 года). *О взиманіи въ С.-Петербургской Введенской прогимназіи платы за ученіе по тридцати рублей съ каждаго ученика.*

Вслѣдствіе представленія попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и на основаніи примѣчанія къ § 59 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года, г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать въ С.-Петербургской Введенской прогимназіи плату за ученіе по тридцати руб. съ каждаго ученика.

4. (12-го іюня 1871 года). *Правила попечительства о недостаточныхъ студентахъ при Демидовскомъ юридическомъ лицей.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Попечительство состоитъ при Демидовскомъ юридическомъ лицей съ цѣлію оказывать вспомошествованіе недостаточнымъ студентамъ сего лица на общихъ основаніяхъ, изложенныхъ въ Высочайше утвержденныхъ основныхъ правилахъ 28-го апрѣля 1871 года объ означенномъ попечительствѣ.

§ 2. Попечительство состоитъ подъ предсѣдательствомъ попечителя Московскаго учебнаго округа, когда онъ бываетъ въ Ярославлѣ, изъ почетнаго попечителя, директора и трехъ профессоровъ лица, а также постороннихъ лицъ, которыя по общественному положенію, или по особому сочувствію къ дѣлу, могутъ содѣйствовать достиженію цѣли учрежденія попечительства. Въ отсутствіи попечителя округа, предсѣдательство въ немъ принимаетъ на себя почетный попечитель лица, а за отсутствіемъ и сего послѣдняго — директоръ лица.

§ 3. Дѣйствительными членами считаются всѣ лица, обязавшіяся вносить членскіе взносы не менѣе 5 руб. въ годъ.

Примѣчаніе. Студенты и воспитанники другихъ учебныхъ заведеній могутъ содѣйствовать цѣлямъ попечительства только въ качествѣ жертвователей.

§ 4. Членская плата вносится въ кассу въ началѣ каждаго учебнаго года (въ августѣ мѣсяцѣ). Членъ, не внесшій платы по истеченіи полугодія, считается сложившимъ съ себя званіе члена.

§ 5. Дѣйствительные члены попечительства имѣютъ право участвовать въ собраніяхъ, право выбора въ члены правленія, на основаніяхъ, изложенныхъ въ § 17, и право дѣлать представленія въ правленіе по дѣламъ попечительства.

§ 6. Званіе почетныхъ членовъ сообщается рѣшеніемъ правленія лицамъ, которыя, по общественному положенію или по особому сочувствію къ дѣлу, могутъ содѣйствовать достиженію цѣли попечительства, а также лицамъ, внесшимъ въ кассу попечительства значительное единовременное и ежегодное пожертвованіе.

§ 7. Почетные члены, наравнѣ съ дѣйствительными, пользуются правомъ участія въ собраніяхъ попечительства, и кромѣ того, могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ правленія на одинаковыхъ правахъ съ другими его членами.

§ 8. Лица, дѣлающія пожертвованія въ пользу попечительства, не состоя дѣйствительными его членами, вносятся въ списки членовъ попечительства въ качествѣ жертвователей.

§ 9. Въ члены попечительства всѣхъ категорій принимаются желающіе безъ различія половъ и состояній.

§ 10. Управление дѣлами попечительства принадлежит собранію и правленію.

§ 11. Предсѣдательство въ собраніи и правленіи принадлежитъ лицамъ, означеннымъ въ § 2.

§ 12. Собраніе и правленіе попечительства имѣютъ свои засѣданія въ зданіи лица.

§ 13. Собранія попечительства состоятъ изъ наличныхъ и переѣздившихъ, почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ.

§ 14. Общія собранія попечительства созываются въ сентябрѣ мѣсяцѣ каждаго года.

§ 15. Собранія попечительства созываются для избранія членовъ правленія, согласно § 17, для разсмотрѣнія отчетовъ правленія по суммамъ попечительства и для обсужденія вопросовъ,

предлагаемыхъ правленіемъ объ измѣненіи или дополненіи устава попечительства.

Примѣчаніе. Независимо отъ этого, книги попечительства предъявляются во всякое время каждому желающему члену.

§ 16. О времени и предметахъ собранія каждый разъ правленіе своевременно доводитъ до свѣдѣнія членовъ, чрезъ мѣстныя газеты.

§ 17. Правленіе попечительства состоитъ, кромѣ предсѣдателя, изъ непремѣнныхъ членовъ (согласно § 5) и изъ 6-и членовъ, избираемыхъ ежегодно собраніемъ изъ дѣйствительныхъ членовъ попечительства.

§ 18. Правленіе собирается, за исключеніемъ каникулярнаго времени, по мѣрѣ надобности, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, по приглашенію предсѣдателя.

§ 19. Правленію ввѣряется вся распорядительная часть по сбору членскихъ взносовъ и благотворительныхъ пожертвованій, вспомоствованію недостаточнымъ студентамъ и проч.

§ 20. Правленіе представляетъ въ собраніе отчеты по всѣмъ дѣламъ попечительства; отчеты публикуются во всеобщее свѣдѣніе въ мѣстныхъ газетахъ.

§ 21. Для доклада дѣль въ собраніи и правленіи и вообще для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ, а также счетоводствомъ попечительства, назначается секретарь, избираемый правленіемъ изъ членовъ попечительства.

§ 22. Переписка попечительства ведется за печатью лицейскою.

§ 23. Средства для вспомоствованія недостаточнымъ студентамъ собираются отъ ежегодныхъ взносовъ членовъ попечительства и отъ пожертвованій постороннихъ лицъ, не принадлежащихъ къ попечительству.

§ 24. Попечительство можетъ, кромѣ того, устраивать публичныя лекціи и внѣ зданія лица, концерты, спектакли и вообще увеличивать свою кассу всякими другими средствами, въ предѣлахъ, допускаемыхъ закономъ.

§ 25. Попечительство оказываетъ вспомошествованіе недостаточнымъ студентамъ, при слѣдующихъ условіяхъ: а) если они не получаютъ стипендій и другихъ денежныхъ пособій изъ лицейскихъ суммъ, и б) если правленіе попечительства признаетъ просителя заслуживающимъ пособия по его поведенію, усердію къ наукамъ, занятіямъ и по затруднительному положенію относительно матеріальныхъ средствъ къ жизни.

§ 26. Студенты, получающіе стипендіи и пособия отъ лица, не имѣютъ права на вспомошествованіе. Но въ исключительныхъ случаяхъ, когда просителемъ будетъ сдѣлано подтвержденное членами попечительства заявленіе о крайнемъ его положеніи по боѣзни и другимъ причинамъ, правленіе попечительства можетъ назначать только заимообразную денежную выдачу.

Примѣчаніе. Посторонніе слушатели могутъ пользоваться пособиемъ изъ суммъ попечительства, если удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ, опредѣленнымъ для вспомошествованія студентамъ.

§ 27. Желающіе воспользоваться пособиемъ попечительства дѣлаютъ свои заявленія кому-либо изъ членовъ попечительства или прямо въ правленіе.

§ 28. Свѣдѣнія о лицахъ, нуждающихся въ пособіи, доставляются въ правленіе попечительства членами попечительства, лично ручающимися въ дѣйствительности нуждъ просителя.

§ 29. По соображеніи свѣдѣній о нуждающихся, правленіе распоряжается выдачею просителямъ пособія въ видѣ заимообразнаго или безвозвратнаго денежнаго вспомошествованія изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи попечительства.

Примѣчаніе. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, предсѣдателю предоставляется лично распоряжаться выдачею означенныхъ пособій, заявля объ этомъ въ ближайшемъ засѣданіи правленія.

§ 30. Заимообразныя выдачи назначаются правленіемъ изъ суммъ, хранящихся въ мѣстныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ на текущемъ счетѣ.

§ 31. Ближайшее назначеніе количества ссуды и срока, къ которому должно быть возвращено просителемъ выданное ему пособие, зависитъ отъ усмотрѣнія правленія.

Примѣчаніе. Правленіе должно однакожь избѣгать назначенія заимообразныхъ пособій болѣе 60 руб. и превышающихъ полугодичные сроки.

§ 32. Не возвратившій въ срокъ ссуды лишается правленіемъ права на полученіе пособия.

§ 33. Безвозвратныя вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ состоятъ въ платѣ за право слушанія лекцій въ лицей, въ полной или добавочной платѣ квартиросодержателямъ за столъ и помѣщеніе, въ платѣ въ больницы и аптеки и въ денежныхъ выдачахъ просителямъ на равныя нужды первой потребности.

§ 34. Правленію предоставляется хранить суммы попечительства въ мѣстныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, частію на текущемъ счетѣ, частью для приращенія процентами.

§ 35. Суммы, поступающія въ попечительство отъ членскихъ взносов и пожертвованій, хранятся, до передачи ихъ въ кредитныя учрежденія, равно какъ и суммы, назначенныя къ выдачѣ и вытребованныя изъ кредитныхъ учрежденій, въ лицейской кассѣ.

Примѣчаніе. На неотлагательныя потребности можетъ быть оставлено въ кассѣ не болѣе 50 руб.

5. (12-го іюня 1871 года). *Объ употребленіи внесенныхъ душеприкащиками умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Василія Петровича Боткина 5.250 рублей, согласно волю жертвователя, на приобретение художественныхъ произведеній для состоящаго при Московскомъ университетѣ музея изящныхъ искусствъ и древностей.*

Вслѣдствіе представленія г. управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ внесенные въ правленіе Московскаго университета душеприкащиками умершаго потомственнаго почетнаго гражданина, временно-Московскаго 1-й гильдіи купца Василія Петровича Боткина,

братьями его: почетными гражданами Дмитриемъ и Петромъ и академикомъ Михаиломъ Петровичами Боткиными, согласно духовному завѣщанію брата ихъ, 5.000 руб., а равно и накопившіеся на нихъ проценты, въ количествѣ 250 руб., а всего *пять тысячъ двести пятьдесятъ рублей* — принять, съ употребленіемъ этой суммы, согласно волѣ жертвователя, на приобрѣтеніе художественныхъ произведеній для музея изящныхъ искусствъ и древностей, состоящаго при Московскомъ университетѣ.

6-го (19-го іюня 1871 года). *Циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія о доставленіи свѣдѣній о перемѣнахъ въ службу лицъ первыхъ четырехъ классовъ*¹⁾.

На основаніи Св. Закон. (изд. 1857 г.) т. III уст. о сл. по опред. отъ правит. ст. 1477 по прод. 1863 г. и 1868 г., на департаментъ герольдіи правительствующаго сената возложено составленіе списка гражданскимъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ, издаваемого три раза въ годъ: 1-го февраля, 1-го іюня и 1-го октября, для чего и вмѣнено въ обязанность всѣмъ мѣстамъ и лицамъ доставлять департаменту герольдіи свѣдѣнія по установленному порядку, заблаговременно предъ каждымъ изъ означенныхъ сроковъ, а именно: 10-го января, 10-го мая и 10-го сентября. Нынѣ, по сношеніи съ гг. министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, г. министръ юстиціи входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ, чтобы свѣдѣнія, для составленія списка особъ первыхъ четырехъ классовъ, доставлялись департаменту герольдіи центральными учрежденіями министерствъ и главныхъ управленій, и Его Императорское Величество, 11-го марта 1871 года, на сіе Всемилостивѣйше соизволилъ.

Для исполненія послѣдовавшаго по этому предмету указа правительствующаго сената, отъ 10-го мая 1871 года за № 1.941, симъ предлагается гг. попечителямъ учебныхъ округовъ и на-

¹⁾ Подлежитъ исполненію на основаніи циркулярнаго распоряженія по министерству народнаго просвѣщенія отъ 3-го сентября 1866 г., напечатаннаго въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за тотъ годъ.

чальникамъ учреждений министерства народнаго просвѣщенія, непосредственно подчиненнымъ министру, доставить въ департаментъ народнаго просвѣщенія, въ возможно непродолжительномъ времени, полный списокъ всѣмъ находящимся нынѣ на службѣ по вѣреннымъ имъ управленіямъ лицамъ 3-го и 4-го классовъ, съ обозначеніемъ въ спискѣ свѣдѣній по формѣ, приложенной къ циркулярному предложенію отъ 7-го марта 1870 г. за № 2,505, и препровождать затѣмъ въ сей департаментъ дополненія къ этому списку свѣдѣнія ежегодно къ 20-му апрѣля, 20-го августа и 20-го декабря, какъ о лицахъ вновь пожалованныхъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, такъ и о всѣхъ тѣхъ чиновникахъ 3-го и 4-го классовъ, въ службѣ которыхъ послѣдуютъ перемѣны по доставленіи послѣднихъ свѣдѣній, прекратить вмѣстѣ съ тѣмъ представленіе таковыхъ свѣдѣній въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

12-го іюня 1871 года (№ 10). *Утверждаются:* доценты Императорскаго С.-Петербургскаго университета: докторъ славянскоѣ словесности *Ламанскій*, докторъ политической экономіи *Янсонъ* и докторъ государственнаго права, священникъ *Горчаковъ*— экстраординарными профессорами сего университета по кафедрамъ: *Ламанскій*—славянскоѣ филологіи, *Янсонъ*—политической экономіи и *Горчаковъ*—церковнаго законовѣдѣнія, всѣ трое съ 12-го апрѣля 1871 года. *Назначается:* инспекторъ народныхъ училищъ Виленскоѣ дирекціи, коллежскій совѣтникъ *Олонцевъ*—инспекторомъ народныхъ училищъ Смоленскоѣ губерніи. *Остается на службѣ на пять лѣтъ:* ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Папманъ*, съ 6-го іюня 1871 года. *Причи-*

сляется къ министерству народнаго просвѣщенія: титулярный совѣтникъ Катенинъ, съ 22-го мая 1871 года. Увольняются въ отпускъ по Россіи: на двадцать восемь дней: управляющій канцелярією министра народнаго просвѣщенія по дѣламъ греко-уніатскаго исповѣданія, статскій совѣтникъ Сидорскій—въ Виленскую и Люблинскую губерніи, съ 15-го іюня 1871 года; на двадцать девять дней: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Блокъ -- въ С.-Петербургскую и Ярославскую губерніи; съ 20-го іюня по 1-е августа 1871 года: директоры училищъ: Динабургскій — статскій совѣтникъ Невзоровъ—въ С.-Петербургъ, Нижній-Новгородъ и Костромскую губернію, и Пянскій—статскій совѣтникъ Куклимскій—въ Пинскій уѣздъ, по болѣзни; на шесть недѣль: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Катенинъ — въ Костромскую и Ярославскую губерніи; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года: Ковенскій директоръ училищъ, коллежскій совѣтникъ Θεоктистовъ — въ Варшаву и внутреннія губерніи Имперіи; съ 18-го іюня по 20-е августа 1871 года: ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Давровскій — въ городъ Харьковъ; съ 20-го іюня по 29-е августа 1871 года: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кулинъ — въ С.-Петербургъ и внутреннія губерніи, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двадцать девять дней: директоръ училищъ Екатеринославской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Коленко — въ разныя губерніи; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Березинъ, по болѣзни, — въ Курляндскую губернію. Продолжается срокъ отпуска за границу: ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета, статскому совѣтнику Гельмлингу — на двадцать девять дней, по болѣзни. Увольняются въ отпускъ за границу: на двадцать восемь дней: архитекторъ канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, коллежскій ассессоръ

Подчашинскій, и почетный смотритель Кременчугскаго уѣднаго училища, коллежскій ассессоръ *Андрускій*, оба по болѣзни; на двадцать девять дней: регистраторъ Императорской публичной библіотеки, надворный совѣтникъ *Миллеръ*; на мѣсяцъ вакаціонное время 1871 года: Императорскаго Варшавскаго университета: исправляющіе должность ординарнаго профессора: *Голевинскій*, *Гоиеръ* и *Розе*, экстраординарные профессора: *Косинскій* и надворный совѣтникъ *Корженевскій*, доцентъ *Фудаконскій*, исправляющій должность доцента *Павинскій* и лекторъ *Ламбертъ*; учителя гимназій: Виленской реальной, титулярный совѣтникъ *Трутневъ*, Витебской—коллежскій секретарь *Поповъ*, Ковенской—*Мичатекъ* и IV Варшавской мужской классической *Стерлингъ*, учитель Варшавскаго института глухо-нѣмыхъ и слѣпыхъ *Герсонъ*, старшая надзирательница сего института *Полубинская* и начальница Воронежской Николаевской женской прогимназіи *Денисова*; изъ сихъ лицъ: Голевинскій, Гоиеръ, Розе, Косинскій, Корженевскій, Ламбертъ, Поповъ, Стерлингъ и Полубинская—по болѣзни; на мѣсяцъ вакаціонное время 1871 года и два недѣли: надзирательница Замостьской прогимназіи *Гаврилова*; на два мѣсяца: бібліотекаръ Императорской публичной библіотеки, статскій совѣтникъ *Беккеръ*; на два мѣсяца и восемнадцать дней: надзирательница Пензенской женской гимназіи *де-Лиаронъ*, по болѣзни, считая срокъ сего отпуска съ 7-го іюня 1871 года; на мѣсяцъ вакаціонное время 1871 года и двадцать девять дней: директоръ Виленской классической гимназіи, статскій совѣтникъ *Зессель*, исправляющіе должность въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ, ординарнаго профессора—*Левестамъ* и доцента—*Вавникевичъ*, ординаторъ акушерской клиники Императорскаго Казанскаго университета, надворный совѣтникъ *Толмачевъ*, и учитель Курской гимназіи *Брезоваръ*; изъ нихъ: Зессель и Толмачевъ—по болѣзни; на четыре мѣсяца: почетный смотритель Еваторинославскаго уѣднаго училища *Ковалевскій* и канцелярскій чиновникъ канцеляріи

попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, губернской секретарь *Масалитиновъ*, послѣдній по болѣзни. *Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія*: члену Лайшевскаго уѣзднаго училищнаго совѣта *Мельникову* и штатному смотрителю Царевококшайскихъ училищъ *Сельвестрову* — за ихъ неутомимое усердіе и благотворную дѣятельность на пользу народнаго образованія среди мѣстнаго сельскаго населенія. *Увольняются отъ службы, согласно прошенію*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Брунъ*, съ 1-го іюня 1871 года. *Дозволяется носить въ отставку мундирный полкафтанъ, послѣдней должности присвоенный*: уволенному отъ службы, исправлявшему должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскому совѣтнику *Пемарскому*. *Исключается изъ списковъ умершій*: директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Гиртъ*.

19-го іюня 1871 года (№ 11). *Назначаются*: окончившіе въ семь году курсъ наукъ студенты Императорскаго историко-филологическаго института учителями: Андрей *Абрамовъ* — въ 4-ю Московскую, Михаилъ *Смирновъ* — въ Екатеринбургскую, Василій *Боголюбовъ* — въ Уфимскую гимназію и Яковъ *Заблоницкій* — въ Сумскую прогимназію, всѣ четверо по латинскому языку; Владиміръ *Яковлевъ* — въ Калужскую, Михаилъ *Полянский* — во Владимирскую, Николай *Изаоленицкій* — въ Полтавскую и Дмитрій *Өеневъ* — въ Оренбургскую гимназію, всѣ четверо по русскому языку и словесности; Александръ *Дядовъ* — въ Динабургскую, Николай *Бяляевъ* — въ Гродненскую и Александръ *Пятницкій* — въ Шавельскую гимназію, всѣ трое по русской словесности; Петръ *Зеленицкій* — въ Тамбовскую и Александръ *Соловьевъ* — въ Пинскую гимназію, оба по русскому языку; Михаилъ *Андреевъ* — въ Воронежскую гимназію — по исторіи и географіи, Агсентій *Фесенко-Насроцкій* — въ Екатеринославскую и Валеріанъ *Ходкевичъ* — въ Херсонскую гимназію, оба по исторіи и Михаилъ

Нарійскій — въ Брестскую прогимназію по греческому и латинскому языкамъ, — всѣ съ обязанностію прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и особаго отдѣла его, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Такъ какъ книга, подъ заглавіемъ: «Чтеніе Н. В. Верещагина, учредителя артельныхъ сыроварень: О наивыгоднѣйшихъ способахъ обработки молочныхъ продуктовъ. С.-Пб., 1870 (цѣна 10 коп.)», обстоятельно знакомитъ съ заграничнымъ и отечественнымъ молочнымъ хозяйствомъ и предлагаетъ нѣкоторые полезные совѣты, какъ слѣдуетъ вести молочное хозяйство для извлеченія изъ него наибольшихъ выгодъ, то нельзя не признать, что распространеніе этой книги между сельскимъ населеніемъ можетъ повліять на заботливость объ улучшеніи у насъ молочнаго хозяйства, а потому означенную книгу можно допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

2) Книга, подъ заглавіемъ «*Примѣрная мать*. Развязъ. С.-Пб., изданіе редакціи журнала *Мірской Вѣстникъ*, 1870» (цѣна 10 коп.), по своему весьма нравственному содержанию, вполне соответствующему заглавію сей книги, а также по совершенной доступности изложенія ея для дѣтскаго возраста, можетъ быть рекомендована для бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

3) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Азбука правописанія*. Сборникъ примѣровъ и статей на главнѣйшія правила правописанія для диктовки и списыванія съ книги. Составилъ А. Тихомировъ. Предназначается для начальныхъ училищъ и перваго класса гим-

назій и прогимназій. Москва, 1870» (цѣна 35 коп.) — призвать не бесполезною для учителей начальных народных училищъ, какъ увязывающую на упрощенные приемы для ознакомленія съ правописаніемъ, и посему одобрить ее для библиотекъ означенныхъ училищъ.

4) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Начала Космографіи*, со многими политипажами въ текстѣ и налитографированной таблицей. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *К. Красочнъ*. С.-Пб., 1871» — одобрить къ употребленію въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго руководства.

5) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ*, въ четырехъ отдѣлахъ. Для употребленія въ высшихъ классахъ русскихъ гимназій составилъ и снабдилъ комментариемъ *Ю. Стурцель*. Часть 2-я. Москва, 1871 г.» — допустить къ употребленію въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго пособия ¹⁾.

6) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Учебная книга географіи. Россійская имперія*. Курсъ гимназическій. Составилъ *Е. А. Лебедевъ*, 2-е изданіе, вновь исправленное. Съ картою всей Россіи. С.-Пб., 1871» — рекомендовать къ употребленію въ гимназіяхъ предпочтительно предъ употребляемымъ нынѣ руководствомъ г. Бѣлохи.

7) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Krylov et ses fables*, par Jean Fleury. Paris, 1869» — одобрить для библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій.

8) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Учебная географія Россіи*. Составилъ *М. Мостовскій*. Изданіе третье. Москва, 1870» — рекомендовать какъ пособіе при повтореніи географіи въ высшемъ классѣ гимназій.

9) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Приготовительный курсъ химіи*. Учебникъ для начинающихъ. Составилъ *А. А. Ващенко*

¹⁾ Для учебныхъ заведеній, въ случаѣ выписки отъ автора не менѣе 25 экземпляровъ этой книги, дѣлается уступка въ 15%. Авторъ состоитъ штатнымъ преподавателемъ 1-й Московской военной гимназій.

Захарченко. Вып. 1. Химія описательная. Черниговъ, 1870» — одобрить для употребленія въ видѣ учебнаго пособия въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въѣдомства министерства народнаго просвѣщенія при преподаваніи и повтореніи химіи.

10) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Практическій курсъ азійскаго языка*, составилъ Эмилій Керковичъ. Часть 1-я. Лейпцигъ, 1870» — одобрить въ употребленію въ первыхъ трехъ классахъ гимназій, въ видѣ учебнаго пособия.

11) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Учебная книга географіи*. К. Смирнова, въ трехъ частяхъ: 1) Общія географическія свѣдѣнія. 2) Европа. 3) Азія, Африка, Америка и Австралія. 10-е изданіе. СПб., 1871» — одобрить въ употребленію въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго руководства.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

6. (1⁰/₂ іюня 1871 года). *О преобразованіи специальныхъ классовъ при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.*

Кавказскій комитетъ, по разсмотрѣніи представленія министра народнаго просвѣщенія, по званію главноначальствующаго Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ, о преобразованіи специальныхъ классовъ при этомъ институтѣ и приложенныхъ къ представленію проектовъ: устройства специальныхъ классовъ при институтѣ, штатовъ этихъ классовъ и росписанія еженедѣльныхъ лекцій въ оныхъ, положилъ:

1) Исправить внесенный гофмейстеромъ графомъ Толстымъ проектъ устройства специальныхъ классовъ при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ согласно сдѣланному въ комитетѣ имъ, графомъ Толстымъ, заявленію относительно срока обязательной службы студентовъ-стипендіатовъ изъ Лазаревскихъ воспитанниковъ и сдѣлавъ нѣкоторыя незначительныя измѣненія въ редакціи проекта, по принятому для подобныхъ работъ порядку, проектъ этотъ, вмѣстѣ съ проектами штата специальныхъ классовъ и росписанія лекцій въ оныхъ, повергнуть на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

2) По Высочайшимъ утвержденіямъ проектовъ устройства специальныхъ классовъ и штата оныхъ, существующіе нынѣ при Лазаревскомъ институтѣ специальные классы преобразовать по новому
часть СЛVI, отд. 1.

проекту съ 1-го іюля 1871 года, предоставивъ главноначальствующему институтомъ право допускать на первое время въ исправленію профессорскихъ должностей въ названныхъ классахъ такихъ лицъ, которые хотя и не имѣютъ требуемыхъ для того ученыхъ степеней, но по своимъ познаніямъ, ученымъ трудамъ и преподавательскимъ способностямъ будутъ признаны вполне достойными для занятія тѣхъ должностей.

3) Определенный по штату расходъ на содержаніе специальныхъ классовъ при институтѣ, въ количествѣ 18.365 руб. 90 коп. въ годъ, не считая назначенной на вознагражденіе секретаря совѣта специальныхъ классовъ суммы, обращаемой по штату на спеціальныя средства этихъ классовъ, принять на счетъ суммъ государственнаго казначейства съ тѣмъ, чтобы въ текущемъ году была отпущена изъ государственнаго казначейства на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ, но разчету съ 1-го іюля, половина показанной выше суммы, то-есть, 9.182 руб. 95 коп.

4) Согласно ходатайству гофмейстера графа Толстого, сумму 1.500 руб. въ годъ, отпускаемую нынѣ Императорскому Московскому университету, на основаніи примѣчанія къ § 70 Высочайше утвержденныхъ 21-го декабря 1849 года дополненій и измѣненій устава Лазаревскаго института, на содержаніе 5: студентовъ изъ Лазаревскихъ воспитанниковъ этого заведенія, перевести въ институтъ для обращенія на выдачу стипендій студентамъ специальныхъ классовъ по усмотрѣнію совѣта сихъ классовъ, а также на усиленіе средствъ содержанія оныхъ, съ тѣмъ, чтобы самый переводъ упомянутой суммы былъ производимъ постепенно, по мѣрѣ выбытія изъ Московскаго университета студентовъ, получающихъ нынѣ стипендіи изъ той суммы; и

5) Постановитъ правиломъ, что студенты специальныхъ классовъ при институтѣ, воимъ будутъ производиться стипендіи изъ означенныхъ 1.500 руб., по окончаніи курса въ тѣхъ классахъ, или остаются, по усмотрѣнію попечителя института, при этомъ заведеніи для занятія разныхъ должностей и обязаны прослужить при ономъ не менѣе 6-ти лѣтъ, или же увольняются попечите-

лемъ для опредѣленія на службу въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ и въ этомъ случаѣ подчиняются тѣмъ же правиламъ, какія установлены для Кавказскихъ воспитанниковъ положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 12-го ноября 1868 года.

Государь Императоръ на журналѣ комитета, въ 16/28 день юня сего года, Высочайше соизволилъ написать собственноручно: *«Исполнить»*.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Эмсѣ, 16/28 юня 1871 года.

ПРОЕКТЪ

УСТРОЙСТВА ПРИ ЛАЗАРЕВСКОМЪ ИНСТИТУТѢ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ КЛАССОВЪ.

ГЛАВА I.

Общая положенія.

1. При Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ состоятъ спеціальныя классы, имѣющіе цѣлью изученіе восточныхъ языковъ.
2. Начальство надъ спеціальными классами принадлежитъ тѣмъ же лицамъ, коимъ принадлежитъ начальство надъ Лазаревскимъ Институтомъ, а завѣдываніе хозяйственною частью тѣхъ классовъ ввѣряется правленію института.
3. Курсъ ученія въ спеціальныхъ классахъ распредѣляется на; три академическіе года.
4. Академическій годъ продолжается съ 15-го августа по 1-е юня.
5. Въ спеціальныхъ классахъ полагаются слѣдующія каѳедры при шести профессорахъ, одномъ доцентѣ и двухъ преподавателяхъ: а) армянская словесность; б) арабская словесность; в) персидская словесность; г) турецко-татарскій языкъ; д) исторія Востока е) русская словесность; ж) грузинскій языкъ; з) практика персидскаго и турецкаго языковъ, и) восточная каллиграфія.

ГЛАВА II.

О совѣтѣ специальныхъ классовъ.

6. Совѣтъ составляютъ, подъ предсѣдательствомъ директора института, инспекторъ, ординарные и экстраординарные профессора и доцентъ. Директоръ можетъ приглашать въ собраніе совѣта также преподавателей и имъ предоставляется право голоса только при рѣшеніи вопросовъ, касающихся преподаваемыхъ ими предметовъ.

7. Обыкновенныя собранія совѣта должны происходить одинъ разъ въ мѣсяцъ, а чрезвычайныя по мѣрѣ надобности или по желанію, заявленному большинствомъ членовъ.

8. Всѣ члены Совѣта обязаны присутствовать въ его засѣданіяхъ. Въ случаѣ невозможности, къ тому, они извѣщаютъ директора о причинахъ своего отсутствія, о чемъ и вносится въ журналъ.

9. Не явившіеся изъ наличныхъ членовъ въ засѣданіе теряютъ право голоса по дѣламъ, въ этомъ засѣданіи рѣшеннымъ. Изъ сего исключаются дѣла объ избраніи профессоровъ и преподавателей специальныхъ классовъ, рѣшаемыя баллотированіемъ; не явившійся къ послѣднему можетъ передать свой шаръ одному изъ присутствующихъ членовъ, письменно извѣстивъ директора о такой передачѣ, съ тѣмъ однако же, чтобъ уполномоченный могъ располагать по довѣренности не болѣе какъ однимъ шаромъ.

10. Совѣтъ не приступаетъ къ рассмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ, если въ засѣданіи не находится, по крайней мѣрѣ, двухъ третьей наличныхъ членовъ.

11. Предметы занятій совѣта суть:

- 1) Распредѣленіе предметовъ и порядковъ ихъ преподаванія на всѣхъ трехъ курсахъ.
- 2) Присужденіе медалей и назначеніе стипендій студентамъ.
- 3) Выдача аттестатовъ, дающихъ право на чинъ.
- 4) Отправленіе за границу лучшихъ молодыхъ людей по окончаніи ими курса специальныхъ классовъ, съ цѣлью приготовленія ихъ къ ученой дѣятельности при сихъ классахъ.

5) Распоряженіе по изданію ученыхъ сочиненій и учебныхъ пособій отъ имени спеціальныхъ классовъ.

5) Рѣшеніе по программамъ на конкурсы для занятій вакантныхъ кафедръ.

7) Разсмотрѣніе финансовой смѣты спеціальныхъ классовъ, а равно разсмотрѣніе и утвержденіе ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ, составляющихъ собственность спеціальныхъ классовъ.

8) Составленіе правилъ о приѣмѣ студентовъ въ спеціальныя классы, о допущеніи постороннихъ лицъ къ слушанію лекцій, о взиманіи съ нихъ платы, объ обязанностяхъ учащихся и о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ обязанностей.

12. Совѣтъ избираетъ профессоровъ, доцента и преподавателей. О профессорахъ представляется чрезъ попечителя на утвержденіе главноначальствующаго институтѣмъ, а о доцентахъ и преподавателяхъ представляется на утвержденіе попечителя института.

13. Къ предметамъ занятій совѣта относится также обсужденіе предложеній попечителя и главноначальствующаго по вопросамъ, касающимся спеціальныхъ классовъ.

14. Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ; при равенствѣ ихъ перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя.

Примѣчаніе. Въ дѣлахъ совѣта, восходящихъ на утвержденіе высшаго начальства, прилагается и мнѣніе меньшинства членовъ.

15. Баллотированіе употребляется: 1) при избраніи профессоровъ и преподавателей; 2) при оставленіи преподавателей въ спеціальныхъ классахъ по выслугѣ опредѣленныхъ сроковъ; 3) при сужденіи объ отправленіи молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ восточныхъ языкахъ.

16. По истеченіи года, совѣтъ составляетъ отчетъ о главнѣйшихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по спеціальнымъ классамъ. Отчетъ этотъ представляется черезъ попечителя главноначальствующему.

17. Годовой отчетъ о дѣятельности спеціальныхъ классовъ читается на торжественномъ собраніи института, происходящемъ

ежегодно 24 октября, въ память перваго учредителя Лазаревскаго института Ивана Лазаревича Лазарева.

18. Для дѣлопроизводства совѣтъ избираетъ изъ среды своей секретаря, который утверждается въ должности попечителемъ института на три года.

ГЛАВА III.

Объ учащихъся.

19. Въ студенты специальныхъ классовъ принимаются молодые люди, достигшіе 17-лѣтняго возраста и притомъ кончившіе съ успѣхомъ полный курсъ въ классической гимназій или Лазаревскомъ институтѣ, или удовлетворительно выдержавшіе въ одной изъ классическихъ гимназій или институтѣ полное въ этомъ курсѣ испытаніе и получившіе въ томъ установленный аттестатъ или свидѣтельство. При этомъ совѣту специальныхъ классовъ представляется въ тѣхъ случаяхъ, когда, независимо отъ выданнаго изъ гимназій аттестата или свидѣтельства, онъ признаетъ нужнымъ повѣрить степень знанія желающихъ поступить въ студенты специальныхъ классовъ, подвергать ихъ новому испытанію, на основаніи особыхъ правилъ, составленныхъ совѣтомъ специальныхъ классовъ и утвержденныхъ попечителемъ.

20. Воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, съ успѣхомъ кончившіе курсъ въ нихъ, если сей курсъ признанъ будетъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія соответствующимъ курсу гимназическому, равнымъ образомъ имѣютъ право поступать въ студенты специальныхъ классовъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ предшествующей статьѣ. Тѣ же изъ нихъ, которые не обучались какимъ-либо предметамъ, входящимъ въ гимназическій курсъ, обязаны выдержать изъ сихъ предметовъ предварительное испытаніе въ гимназій или институтѣ.

21. Приѣмъ студентовъ бываетъ ежегодно одинъ разъ, предъ началомъ академическаго года.

22. Сверхъ студентовъ, допускаются въ спеціальныя классы, на основаніи особыхъ правилъ, составленныхъ совѣтомъ и утверж-

денныхъ попечителемъ, посторонніе слушатели, желающіе учиться одному или нѣсколькимъ изъ преподаваемыхъ въ сихъ классахъ предметовъ.

23. Для студентовъ спеціальныхъ классовъ обязательно слушаніе всѣхъ предметовъ курса спеціальныхъ классовъ, за исключеніемъ армянской словесности, обязательнаго для Грузинъ и Кавказскихъ стипендіатовъ.

24. Кончившіе съ отличнымъ успѣхомъ полный курсъ ученія и представившіе сочиненіе по одному изъ преподаваемыхъ въ спеціальныхъ классахъ предметовъ, въ случаѣ, если сочиненіе то будетъ одобрено совѣтомъ, удостоиваются аттестата, дающаго право на чинъ X класса.

25. Студенты, оказавшіе на окончательномъ испытаніи успѣхи удовлетворительные, или хотя и оказавшіе отличные успѣхи, но не представившіе въ назначенному сроку диссертаций или представившіе диссертации, не заслужившія одобренія, получаютъ аттестатъ, дающій право на чинъ XII класса.

26. Для поощренія студентовъ въ ученымъ занятіямъ, совѣтомъ спеціальныхъ классовъ предлагаются ежегодно темы на соисканіе золотой и серебряной медали или почетнаго отзыва.

Примѣчаніе. Число предлагаемыхъ темъ и медалей зависитъ отъ усмотрѣнія совѣта спеціальныхъ классовъ.

27. Правила испытаній въ спеціальныхъ классахъ составляются совѣтомъ и утверждаются попечителемъ института.

28. На иждивеніи спеціальныхъ классовъ состоятъ стипендіаты Лазаревскіе и Кавказскіе.

Примѣчаніе. Лазаревскіе стипендіаты, по окончаніи курса въ спеціальныхъ классахъ съ отличіемъ, по представленію совѣта и съ утвержденія попечителя, оставляются при институтѣ для занятія разныхъ должностей и обязаны прослужить при ономъ не менѣе шести лѣтъ. Кавказскіе же стипендіаты вступаютъ въ вѣдѣніе Кавказскаго начальства.

29. Надзоръ за учебными занятіями студентовъ, а равно и посѣщеніе ихъ квартиръ возлагается на начальство института.

30. Обязанности студентовъ и взысканія съ нихъ опредѣля-

ются особыми правилами, составленными совѣтомъ и утвержденными главноначальствующимъ институтомъ.

31. Съ каждаго студента специальныхъ классовъ, за исключеніемъ стипендіатовъ Лазаревскихъ и Кавказскихъ, а равно и содержимыхъ на внесенные въ институтъ благотворителями капиталы, взимается за слушаніе лекцій плата по пятидесяти рублей въ годъ, которая вносится по полугодно. Постороннія лица, желающія слушать не полный курсъ, вносятъ по пяти рублей за каждый предметъ.

Примѣчаніе 1-е. Плата за слушаніе лекцій поступаетъ въ спеціальныя средства специальныхъ классовъ и составляетъ ихъ неотъемлемую собственность. Она употребляется, на основаніи правилъ, составленныхъ совѣтомъ и утвержденныхъ главноначальствующимъ, на вознагражденіе преподавателей, учебныя пособія и удовлетвореніе другихъ надобностей специальныхъ классовъ, не опредѣленныхъ по штату.

Примѣчаніе 2-е. Совѣту специальныхъ классовъ института, съ разрѣшенія попечителя, предоставляется освобождать отъ платы за ученіе по извѣстной ему несостоятельности учащихся.

ГЛАВА IV.

Права и преимущества специальныхъ классовъ.

а) Права, собственно специальнымъ классамъ принадлежащія.

32. Спеціальныя классы при Лазаревскомъ институтѣ имѣютъ собственныя печати: большую и малую съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью: «спеціальныя классы при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ».

33. Специальнымъ классамъ при Лазаревскомъ институтѣ предоставляется удостоивать студентовъ этихъ классовъ аттестата на чинъ X и XII классовъ.

34. Права и преимущества университетовъ, изложенныя въ §§ 125—132 и 134—135 университетскаго устава, Высочайше утвержденного 18 іюня 1863 года, распространяются въ той же силѣ и на спеціальныя классы при Лазаревскомъ институтѣ.

б) Преимущества лицъ, принадлежащихъ къ спеціальнымъ классамъ института.

35. Профессоры и доцентъ спеціальныхъ классовъ, относительно условія для полученія сихъ званій, порядка избранія, утвержденія въ должности, увольненія и оставленія на службѣ по выслугѣ срока, обязанностей и отвѣтственности, подчиняются правиламъ, постановленнымъ для университетовъ.

36. Ординарные профессоры состоятъ въ V классѣ, экстраординарные въ VI, доцентъ въ VII, преподаватели въ VIII классѣ, и по представленію начальства института, утверждаются установленнымъ порядкомъ въ чинахъ, симъ классамъ соотвѣтствующихъ.

37. Профессоры, доцентъ и преподаватели производятся двумя чинами выше присвоеннаго ихъ должностямъ класса.

38. Получившіе аттестаты, дающіе право на чинъ X и XII классовъ, въ случаѣ вступленія въ гражданскую службу, утверждаются въ чинахъ, соотвѣтствующихъ этимъ классамъ. Права же на поступленіе въ военную службу и на производство ихъ въ офицеры опредѣляются существующими по военному вѣдомству правилами.

39. Профессоры, доцентъ и преподаватели, равно семейства ихъ, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, пользуются правами, изложенными въ статьяхъ 467 — 529 Уст. о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ Свод. Зак. Т. III (изд. 1857 года).

Примѣчаніе. Пенсіи и единовременныя пособія профессорамъ и доценту, а также семействамъ ихъ производятся въ томъ же размѣрѣ, какъ лицамъ, занимающимъ соотвѣтственныя должности въ Московскомъ университетѣ. Двумъ преподавателямъ практическихъ упражненій и семействамъ ихъ пенсіи и единовременныя пособія производятся въ размѣрѣ наравнѣ съ лекторами восточныхъ языковъ восточнаго факультета С.-Петербургскаго университета.

Подписаль: предѣдатель Кавказскаго комитета

Князь Павелъ Гагаринъ.

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Эмсъ, 10/20-го іюня 1871 года.

Ш Т А Т Ъ

СПЕЦІАЛЬНЫХЪ КЛАССОВЪ ПРИ ЛАЗАРЬВСКОМЪ ИНСТИТУТѢ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

	Жалованья.		Столовнѣ.	Квартирн.	ИТОГО.		Классъ долж-ности.	Разрядъ муштра.	Разрядъ пенсіи.	
	Руб.	К.			Рубл.	Руб.				К.
<i>Ординарнымъ профессорамъ:</i>										
1) Армянской словесности	2400	—	300	300	3000	—	V	V	По учебной службѣ.	
2) Арабской >	2400	—	300	300	3000	—				
3) Персидской >	2400	—	300	300	3000	—				
<i>Экстраординарнымъ профессорамъ:</i>										
1) Турецко-татарскаго языка	1600	—	200	200	2000	—	VI	VI		
2) Исторіи востока	1600	—	200	200	2000	—				
3) Русской словесности	1600	—	200	200	2000	—	VII	VII		
Доценту грузинскаго языка	900	—	150	150	1200	—				
<i>Двумъ преподавателямъ практическихъ занятій:</i>										
1) По турецкому языку	600	—	100	100	800	—	VIII	VIII		
2) По персидскому языку	600	—	100	100	800	—				
За обученіе восточной каллиграфіи одному изъ преподавателей добавочныхъ	300	—	—	—	300	—				
На учебныя пособія	265	90	—	—	265	90				
Итого	—	—	—	—	18365	90				
Секретарю совѣта ¹⁾	—	—	—	—	300	—				

¹⁾ Сумма на вознагражденіе секретаря совѣта отпускается изъ специальныхъ средствъ специальныхъ классовъ.

Подписаль: предсѣдатель Кавказскаго комитета

Князь Павелъ Газаринъ.

На подлинномъ написано: „Было въ Высочайшемъ усмотрѣніи,
въ Эмсѣ, 16/29-го іюня 1871 года“.

РОСПИСАНІЕ
ИНДИВІДУАЛЬНЫХЪ ЛЕКЦІЙ ВЪ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ КЛАССАХЪ.

	Число лекцій.			
	Курсъ I.	Курсъ II.	Курсъ III.	ИТОГО.
Армянская словесность	3	3	3	9
Арабская словесность	4	4	4	12
Персидская словесность	4	4	4	12
Турецко-татарскій языкъ	4	4	4	12
Исторія востока	2	2	2	6
Русская словесность	3	2	2	7
Грузинскій языкъ	2	2	2	6
П Р А К Т И К А :				
Турецкаго языка	}	е	ж	е
Персидскаго языка				
Восточная каллиграфія	1	1	1	3
Итого	23	22	22	67

Подписаль: предсѣдатель Кавказскаго комитета

Князь Павелъ Гагаринъ.

7. (20-го іюня 1871 года). *О принятіи завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Зернистовымъ капитала, съ обращеніемъ процентовъ съ онаго на выдачу пособія одному изъ учениковъ Харьковской 2-й гимназіи.*

Коллежскій регистраторъ Скориковъ представилъ директору Харьковской второй гимназіи двѣсти двадцать пять рублей и при этомъ объяснилъ, что, согласно духовному завѣщанію умершаго титулярнаго совѣтника Григорія Яковлевича Зернистова, эти деньги назначены въ пользу одного изъ бѣдныхъ и лучшихъ учениковъ Харьковской 2-й гимназіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они были вложены на вѣчныя времена въ какое-нибудь, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи, кредитное учрежденіе, казенное или частное, и проценты на эту сумму ежегодно, при началѣ академическаго года, выдавались бы въ пособіе лучшему по успѣхамъ и поведенію ученику, судя по выдержаніи экзамена или годовымъ балламъ, и чтобъ это пособіе именовалось «*пособіемъ Зернистова*».

Вслѣдствіе представленія объ этомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія входилъ по сему предмету со всеподданнѣйшимъ докладомъ, и Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше соизволить какъ на принятіе завѣщанныхъ Зернистовымъ 225 рублей, съ обращеніемъ процентовъ съ оныхъ на выдачу пособія одному изъ учениковъ Харьковской 2-й гимназіи и съ наименованіемъ таковаго пособія «*пособіемъ Зернистова*», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для сего.

8. (24-го Іюня 1871 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Мозырской гимназіи.*

Крестыяне 1-го мирового участка Мозырскаго уѣзда, правднуя въ минувшемъ году день 19-го февраля, по приглашенію мирового посредника этого участка, приговоромъ постановили:

собрать со всего участка капиталъ, на проценты съ котораго можно бы было учредить при Мозырской гимназіи стипендію для одного воспитанника изъ лучшихъ крестьянскихъ мальчиковъ того участка, и повергнувъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества заявленіе ихъ глубочайшей преданности и благодарности за дарованіе имъ свободы, съ правомъ легкаго выкупа земель чрезъ дѣйствія повѣрочныхъ комиссій, просить Всемилостивѣйшаго Его Величества соизволенія: стипендію эту наименовать стипендію Его Императорскаго Величества.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа въ представленіи по сему предмету изъяснилъ, что собранныя вслѣдствіе таковаго приговора деньги, въ количествѣ тысячи пяти сотъ шестидесяти четырехъ руб. сорока коп., внесены въ Мозырскую гимназію и ею препровождены для храненія въ Мозырское уѣздное казначейство, и что Минскій губернаторъ отозвался, что, по всеподданнѣйшему докладу о вѣрноподданническихъ чувствахъ крестьянъ 1-го мирового участка Мозырскаго уѣзда и объ изложенномъ выше ходатайствѣ ихъ, Его Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ благодарить означенныхъ крестьянъ. О чемъ для объявленія жертвователямъ сообщено мировому посреднику и припечатано въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Вслѣдствіе сего и согласно ходатайству попечителя Виленскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія входилъ по сему предмету со всеподданнѣйшимъ докладомъ, и Его Императорскому Величеству благоугодно было соизволить какъ на принятіе сказаннаго пожертвованія крестьянъ 1-го мирового участка Мозырскаго уѣзда, съ обращеніемъ процентовъ съ онаго на учрежденіе при Мозырской гимназіи стипендіи для одного изъ лучшихъ крестьянскихъ мальчиковъ помянутаго участка и съ наименованіемъ оной «стипендіей Его Императорскаго Величества Государа Императора Александра II», такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

9. (30-го іюля 1871 года).

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Красномъ Селѣ, 30-го іюля 1871 года.

У С Т А В Ъ

ГИМНАЗИЙ И ПРОГИМНАЗИЙ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. Общія положенія.

§ 1. Гимназіи имѣютъ цѣлію доставлять воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища.

§ 2. Въ гимназіи полагается семь классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ первыхъ шести классовъ и съ двухгодичнымъ курсомъ въ высшемъ седьмомъ классѣ, при чемъ преподаваніе въ этомъ классѣ располагается такъ, чтобъ ученики старшаго и младшаго его отдѣленій были обучаемы вмѣстѣ. Впрочемъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, отличившіе изъ учениковъ VII класса, по опредѣленію педагогическаго совѣта и съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, могутъ быть допущены и по окончаніи перваго года ученія въ VII классѣ къ окончательному испытанію изъ всего гимназическаго курса въ полномъ его объемѣ, и буде выдержать означенное испытаніе съ отличіемъ, удостоиваются гимназическаго аттестата.

§ 3. Гимназіи учреждаются въ такихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ, по численности и потребностямъ народонаселенія, онѣ признаны будутъ нужными. Въ каждой губерніи полагается, по крайней мѣрѣ, одна гимназія, но, по мѣрѣ надобности, въ одной губерніи и даже въ одномъ городѣ можетъ быть нѣсколько гимназій.

§ 4. Кромѣ гимназій, тамъ, гдѣ представится надобность и возможность, а также и въ мѣстахъ, не имѣющихъ гимназій, могутъ быть учреждаемы прогимназіи, состоящія только изъ четырехъ высшихъ классовъ гимназій.

§ 5. При каждой гимназій и прогимназій состоитъ приготовительный классъ, продолжительность курса котораго опредѣляется соотвѣтственно успѣхамъ и возрасту учениковъ.

Примѣчаніе. По мѣрѣ возможности, высшіе четыре класса гимназій, вмѣстѣ съ приготовительнымъ классомъ, помѣщаются отдѣльно отъ высшихъ четырехъ классовъ.

§ 6. Гимназіи и прогимназіи открываются по распоряженію министра народнаго просвѣщенія и состоятъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ попечителей тѣхъ учебныхъ округовъ, гдѣ онѣ находятся.

§ 7. Гимназіи и прогимназіи содержатся или на счетъ правительства, или на счетъ общества, сословія и частныхъ лицъ.

§ 8. Гимназіи и прогимназіи, содержимыя обществами, сословіями или частными лицами, но управляемыя назначенными отъ правительства лицами; существуютъ на одинаковомъ основаніи съ учебными заведеніями этого рода, получающими содержаніе отъ казны; а гимназіи и прогимназіи, содержимыя сословіями, обществами или частными лицами и управляемыя назначаемыми отъ нихъ лицами, подчиняются общимъ узаконеніямъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 9. При гимназій состоятъ слѣдующія должностныя лица: 1) директоръ; 2) инспекторъ; 3) преподаватели; 4) классныя наставники съ ихъ помощниками, или же надзиратели; 5) врачъ, и 6) писмоводитель. Въ прогимназій состоятъ тѣ же должностныя лица, кромѣ директора, обязанности котораго возлагаются на инспектора.

Примѣчаніе 1. Особый инспекторъ полагается въ тѣхъ гимназіяхъ, при которыхъ состоятъ пансіоны, или гдѣ съ должностію директора гимназій соединяется должностію директора училищъ губерніи; въ прочихъ же гимназіяхъ испол-

ншіе обязанности инспектора, съ утверждения попечителя учебнаго округа, возлагается на одного изъ преподавателей, по выбору директора.

Примѣчаніе 2. Въ случаѣ отсутствія инспектора прогимназій, обязанности его, по его представленію и съ разрѣшенія попечителя округа, возлагаются на одного изъ преподавателей, съ особымъ вознагражденіемъ изъ специальныхъ суммъ прогимназій.

§ 10. Важнѣйшія дѣла гимназій и прогимназій (§§ 74, 75 и 76), относящіяся до учебной и воспитательной части сихъ заведеній, обсуждаются въ ихъ педагогическихъ совѣтахъ или коммиссіяхъ; дѣла же хозяйственныя — въ хозяйственныхъ комитетахъ.

§ 11. Земства, сословія, общества или частныя лица, дающія для гимназій и прогимназій, или же для состоящихъ при нихъ пансіоновъ, содержаніе, или же определенное ежегодное пособіе въ размѣрѣ, признанномъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія достаточнымъ, имѣютъ право избирать отъ себя почетнаго попечителя гимназій или прогимназій.

Примѣчаніе 1. Если въ городѣ нѣсколько гимназій или прогимназій получаютъ содержаніе или пособіе изъ источниковъ, означенныхъ въ § 11, то для нихъ можетъ быть избираемъ одинъ почетный попечитель.

Примѣчаніе 2. Если гимназія или прогимназія содержится или пользуется пособіемъ на счетъ нѣсколькихъ сословій, обществъ или частныхъ лицъ, въ такомъ случаѣ они въ совокупности избираютъ одного попечителя, какъ общаго ихъ представителя.

II. Учебная часть.

§ 12. Учебный курсъ гимназій составляютъ слѣдующіе предметы: 1) законъ Божій; 2) русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность; 3) краткія основанія логики; 4 и 5) латинскій и греческій языки; 6) математика; 7 и 8) математическая геогра-

фія и физика, съ краткимъ естествовѣдѣніемъ; 9) исторія; 10) географія; 11 и 12) нѣмецкій и французскій языки; 13) чисто-писаніе.

Примѣчаніе 1. Преподаваніе греческаго языка вводится въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по мѣрѣ приготовленія и пріисканія способныхъ къ тому учителей. Со введеніемъ преподаванія греческаго языка, обязательнымъ становится изученіе только одного изъ новыхъ языковъ: французскаго или нѣмецкаго.

Примѣчаніе 2. Къ числу учебныхъ предметовъ для желающихъ относятся черченіе и рисованіе, при чемъ желающіе обучаться этимъ предметамъ вносятъ особую умѣренную плату, которая за недостаточныхъ, но особенно способныхъ учениковъ, производится учителю изъ спеціальныхъ суммъ гимназіи или прогимназіи. Гимнастика и пѣніе преподаются всѣмъ воспитанникамъ бесплатно; для пансіонеровъ занятія гимнастикою обязательны. По желанію родителей и за особую плату, въ гимназіи и прогимназіи воспитанники могутъ обучаться также музыкѣ и танцованію.

§ 13. Учебный курсъ прогимназіи соотвѣтствуетъ учебному курсу низшихъ четырехъ классовъ гимназіи.

§ 14. Обученіе иновѣрцевъ закону Божію производится, по возможности, въ каждой гимназіи и прогимназіи, съ особаго разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, на счетъ государственнаго казначейства или спеціальныхъ средствъ заведенія.

§ 15. Объемъ преподаванія предметовъ учебнаго курса, а равно и распредѣленіе онаго по классамъ, опредѣляется учебнымъ планомъ, издаваемымъ отъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 16. Число уроковъ по каждому предмету и распредѣленіе ихъ по классамъ обозначается въ особыхъ таблицахъ (см. приложение къ § 74), которыя, оставаясь неизмѣнными относительно общаго числа уроковъ по каждому предмету, могутъ, по ближайшему усмотрѣнію попечителей учебныхъ округовъ, основанному

на опредѣленіяхъ педагогическихъ совѣтовъ, подлежатъ измѣненіямъ въ распредѣленіи числа уроковъ каждаго предмета по классамъ. Объ этихъ измѣненіяхъ попечители учебныхъ округовъ доводятъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія въ годичныхъ своихъ отчетахъ, съ объясненіемъ причинъ, вызвавшихъ сіи измѣненія.

§ 17. Ученіе продолжается въ теченіе цѣлаго года, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней и вакацій лѣтнихъ и зимнихъ, изъ коихъ на первыя назначается шесть недѣль, а на вторыя — двѣ недѣли.

§ 18. Правила испытанія учениковъ при поступленіи ихъ въ гимназію и прогимназію, при переводѣ изъ класса въ классъ и при окончаніи ими курса ученія излагаются въ особой инструкціи, утверждаемой министерствомъ народнаго просвѣщенія для всѣхъ учебныхъ округовъ и публикуемой во всеобщее свѣдѣніе.

§ 19. Въ подготовительномъ классѣ число учениковъ не ограничивается какимъ-либо комплектомъ, а опредѣляется соразмѣрно съ помѣщеніемъ и средствами гимназіи и прогимназіи; въ каждомъ же изъ остальныхъ классовъ гимназіи и прогимназіи полагается, по возможности, не болѣе сорока учениковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, за переходомъ изъ нившаго класса, въ какомъ-либо классѣ оказалось бы болѣе сорока человекъ, или когда, при полномъ комплектѣ класса, явились бы еще желающіе поступить въ этотъ классъ, начальству учебнаго заведенія предоставляется ходатайствовать о раздѣленіи класса на параллельныя отдѣленія. Преподаваніе въ параллельныхъ классахъ поручается или учителямъ нормальныхъ классовъ, или особо опредѣленнымъ для сего преподавателямъ, которые сравниваются во всѣхъ отношеніяхъ съ учителями нормальныхъ классовъ. Въ обоихъ случаяхъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ преподавателямъ назначается одинаковое вознагражденіе за ихъ уроки въ параллельныхъ классахъ, соразмѣрно съ имѣющимися на учрежденіе оныхъ средствами, по представленію ближайшаго начальства и съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа.

Примѣчаніе. Параллельныя отдѣленія учреждаются тамъ, гдѣ представится къ тому возможность, предпочтительно на спеціальныя средства учебныхъ заведеній, и только при недостаткѣ сихъ послѣднихъ, на счетъ государственнаго казначейства.

§ 20. По ованчаніи учебнаго года, въ каждой гимназій и прогимназій происходитъ публичный актъ, на которомъ читается отчетъ о состояніи и дѣятельности учебнаго заведенія, объявляются имена учениковъ, удостоенныхъ перевода въ высшіе классы, раздаются награды отличившимъ ученикамъ и аттестаты и свидѣтельства окончившимъ курсъ. На актѣ могутъ быть произносимы также членами педагогическаго совѣта рѣчи, предварительно одобренныя совѣтомъ.

§ 21. Каждая гимназія должна имѣть: 1) бібліотеку, состоящую: а) изъ книгъ, могущихъ способствовать обогащенію учителей познаніями, и б) изъ книгъ, предназначаемыхъ для употребленія учащимися; 2) физическій кабинетъ; 3) необходимыя пособія по естественной исторіи; 4) достаточное количество географическихъ картъ и глобусовъ, чертежей, рисунковъ и моделей для рисованія; 5) гимнастическіе снаряды, и 6) музыкальныя ноты. Прогимназіи должны быть снабжены тѣми же учебными пособіями, за исключеніемъ физическаго кабинета и пособій по естественной исторіи.

§ 22. Бібліотека поручается бібліотекарю, выбираемому педагогическимъ совѣтомъ, на три года, изъ преподавателей. Прочія же учебныя пособія состоятъ, по принадлежности ихъ къ тому или другому предмету, въ вѣдѣніи преподавателей сихъ предметовъ. При храненіи и выдачѣ книгъ служатъ руководствомъ правила, составляемыя педагогическимъ совѣтомъ и утверждаемыя попечителемъ учебнаго округа.

Примѣчаніе. Управление бібліотекою можетъ быть раздѣлено, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, и между двумя лицами, съ порученіемъ одному изъ нихъ основной бібліотеки, а другому ученической, и съ распредѣленіемъ между ними, по постановленію педагогическаго совѣта,

вознагражденія, опредѣленнаго въ штатахъ на бібліотекаря. Завѣдываніе ученическою бібліотекою можетъ быть поручено педагогическимъ совѣтомъ и инспектору, надзирателю или воспитателю пансіона.

III. Учащіеся.

§ 23. Въ гимназіи и прогимназіи обучаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія.

§ 24. Къ прошенію о поступленіи въ гимназію и прогимназію, подаваемому: въ гимназіи—на имя директора, а въ прогимназіи—на имя инспектора, прилагаются свидѣтельства о возрастѣ и о званіи. Медицинское свидѣтельство поступающихъ въ томъ, что они не имѣютъ тѣлесныхъ недостатковъ или болѣзней, препятствующихъ вступленію въ общественное заведеніе, дѣлается врачами гимназіи и прогимназіи.

§ 25. Въ подготовительный классъ гимназіи и прогимназіи принимаются дѣти не моложе 8 и не старѣе 10 лѣтъ, знающія первоначальныя молитвы и умѣющія читать и писать по-русски и считать до 1000, а также производить сложеніе и вычитаніе адъ этими числами.

§ 26. Для поступленія въ I классъ гимназіи и прогимназіи требуется: а) знаніе главнѣйшихъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ и важнѣйшихъ событій священнои исторіи ветхаго и новаго завѣта; б) умѣніе бѣгло и со смысломъ читать по-русски напечатанное гражданскимъ шрифтомъ и пересказывать, по предложеннымъ вопросамъ, легкіе прочитанные рассказы, а также писать по-русски подъ диктовку, безъ искаженія словъ, крупнымъ и среднимъ шрифтами, и читать по-церковно-славянски, и в) знаніе первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій надъ цѣлыми отвлеченными числами. При семъ наблюдается, чтобы въ I классъ поступали дѣти не моложе 10 лѣтъ. Въ слѣдующіе классы гимназіи и прогимназіи принимаются имѣющіе соотвѣтственные классу познанія и возрастъ.

Примѣчаніе. Дѣти не христіанскаго исповѣданія при

поступленіи своемъ въ гимназію или прогимназію, или въ пригготовительный классъ при оныхъ, не подвергаются испытанію изъ закона своей вѣры.

§ 27. Свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи курса въ какой-либо прогимназіи даетъ право на поступленіе въ V классъ гимназіи безъ испытанія, если со времени окончанія курса до поступленія въ гимназію прошло не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Въ противномъ случаѣ, желающій продолжать свое образованіе въ гимназіи подвергается испытанію. То же правило соблюдается при приѣмѣ вновь въ тѣ же классы гимназіи или прогимназіи выбывшихъ изъ нихъ добровольно или за невзносъ платы за ученіе уволенныхъ изъ оныхъ, по внесеніи сими послѣдними всей слѣдовавшей съ нихъ въ это время платы.

§ 28. Общій приѣмъ учениковъ бываетъ каждый годъ предъ началомъ учебнаго курса; но педагогическій совѣтъ можетъ дозволить приѣмъ и въ теченіе учебнаго года во всѣ классы гимназіи или прогимназіи, если по предварительномъ испытаніи поступающаго удостовѣрится, что послѣдній, по своимъ познаніямъ, можетъ слѣдовать за курсомъ того класса, въ который желаетъ поступить.

§ 29. Одежду учениковъ въ гимназіи и прогимназіи составляютъ:

Полукафтанъ—темносиняго сукна, однобортный, не доходящій до колѣнъ, застегивающійся на 9 посеребренныхъ гладкихъ выпуклыхъ пуговицъ, съ четырьмя такими же пуговицами сзади по концамъ карманныхъ клапановъ, воротникъ (скошенный) и обшлага прямые одного сукна съ мундиромъ, по верху воротника нашитый узкій серебряный галунъ, а у обшлаговъ, гдѣ разрѣзъ, по двѣ малыя пуговицы.

Шаровары — темносѣраго сукна.

Пальто — сѣраго сукна, двубортное офицерскаго образца; пуговицы такія же какъ на мундирѣ; петлицы на воротникѣ одинаковаго съ полукафтаномъ сукна съ бѣлою выпушкою и съ пуговицею.

Шапка — одинаковаго съ полукафтаномъ сукна, по образцу военныхъ кепи, съ бѣлыми выпушками вокругъ тульи и верхняго края околыша. На околышѣ, надъ козырькомъ, жестяной посеребренный знакъ, состоящій изъ двухъ лавровыхъ листьевъ, перекрещивающихся стеблями, между коими помѣщены прописныя заглавныя буквы названія города и гимназіи или прогимназіи съ ихъ номеромъ, гдѣ таковой есть, напримѣръ: С. П. Б. 1. Г. (С.-Петербургская первая гимназія), или Р. Г. (Ришельевская гимназія), или О. 2. Г. (Одеская вторая гимназія), или Б. Л. П. (Брестъ—Литовская прогимназія).

Сверхъ сего дозволяется носить:

Башлыкъ изъ верблюжьяго сукна безъ галуна, и *Шинель* сѣраго сукна, по образцу военныхъ, съ воротникомъ того же сукна, но безъ клапановъ (петличекъ).

§ 30. Размѣръ платы за ученіе опредѣляется мѣстными педагогическими совѣтами, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія; при чемъ за ученіе въ приготовительномъ классѣ полагается меньшая плата, нежели за ученіе въ классахъ самой гимназіи и прогимназіи. Плата за ученіе вносится впередъ по полугодно — за первую половину гражданскаго года въ теченіе января и февраля, а за вторую—въ теченіе августа и сентября. Поступающіе среди того или другаго полугодія вносятъ плату за полное текущее полугодіе. При переходѣ изъ одной гимназіи или прогимназіи въ другую, если въ сей послѣдней установлена большая плата за ученіе, доплачивается лишь разность въ платѣ, на остальную же сумму представляется квитанція во взносѣ за наступившее полугодіе платы за ученіе въ той гимназіи или прогимназіи, изъ коей ученикъ выбываетъ. Внесенная за ученіе плата ни въ какомъ случаѣ не возвращается. Не внесеніе платы за ученіе въ назначенные выше сроки считаются выбывшими изъ заведенія, но по внесеніи платы могутъ быть вновь приняты.

Примѣчаніе. Плата за ученіе, равно и прочія спеціальныя средства гимназіи и прогимназіи, составляютъ неотъемлемую собственность каждаго изъ сихъ учебныхъ заведеній

въ отдѣльности и употребляются, на основаніи установленныхъ правилъ, по представленію директора гимназій или инспектора прогимназій и съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа или министра народнаго просвѣщенія, преимущественно на пополненіе штатныхъ средствъ этихъ учебныхъ заведеній и на усиленіе учебныхъ пособій, а затѣмъ уже на вспоможеніе лицамъ, состоящимъ или состоявшимъ на службѣ при заведеніи, и ихъ семействамъ, а равно на непредвидимыя расходы.

§ 31. Отъ платы за ученіе освобождаются, по опредѣленію мѣстнаго педагогическаго совѣта, заслуживающія этой льготы по своему прилежанію и поведенію дѣти совершенно недостаточныхъ родителей, при томъ не болѣе 10% общаго числа учащихся, какое процентное отношеніе вычисляется особо для гимназій или прогимназій и особо для приготовительнаго при нихъ класса. Независимо отъ сего расчета, освобождаются отъ платы за ученіе пансіонеры гимназій или прогимназій и сыновья казѣ лицъ, еще служащихъ при среднихъ и низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, такъ и лицъ, прослужившихъ при нихъ не менѣе десяти лѣтъ, если послѣднія представляютъ свидѣтельство о бѣдности. Равнымъ образомъ, до времени открытія вакансіи въ счетъ 10%, въ этотъ счетъ не входятъ поступающіе въ гимназію по окончаніи курса въ прогимназіи, если были въ ней освобождены отъ платы за ученіе и по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію будутъ признаны заслуживающими сохраненія за ними такого преимущества.

§ 32. Бѣднымъ ученикамъ, отличающимся успѣхами и поведеніемъ, могутъ быть выдаваемы, по опредѣленію педагогическаго совѣта, единовременныя денежныя вспоможенія и ежегодныя стипендіи, изъ специальныхъ средствъ заведенія.

§ 33. Выпускной экзаменъ ученикамъ, оканчивающимъ курсъ ученія въ гимназій или прогимназій, производится на основаніи правилъ, утвержденныхъ, казѣ постановлено выше въ § 18, министромъ народнаго просвѣщенія, въ присутствіи начальника заве-

денія, учителя предмета испытанія и двухъ ассистентовъ изъ числа преподавателей, а въ гимназій также инспектора или лица, исполняющаго его обязанности (§ 9 примѣчаніе 1).

§ 34. Ученики, пробывшіе два года въ одномъ классѣ, увольняются изъ заведенія.

§ 35. Правила о взысканіяхъ съ учениковъ гимназій и прогимназій, составляемыя мѣстными педагогическими совѣтами, утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 36. Ученики, окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ ученія въ гимназій, получаютъ аттестаты, а въ прогимназій—свидѣтельства. Аттестаты и свидѣтельства выдаются за подписью членовъ педагогическаго совѣта и съ приложеніемъ печати учебнаго заведенія. Сверхъ того, отличнѣйшіе изъ окончившихъ курсъ въ гимназій награждаются медалями золотыми или серебряными, число которыхъ опредѣляется всякій разъ мѣстнымъ педагогическимъ совѣтомъ. Ученикамъ, не окончившимъ курса въ гимназій или прогимназій, выдаются свидѣтельства, въ коихъ обозначаются успѣхи, поведеніе и классы, въ которыхъ они обучались, при чемъ въ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ ученикамъ старшихъ трехъ классовъ гимназій, упоминается, что они пользуются правами, предоставленными лицамъ, окончившимъ курсъ ученія въ прогимназійхъ.

§ 37. Лица, не обучавшіяся въ гимназійхъ и прогимназійхъ, имѣютъ право подвергаться испытанію изъ полнаго курса предметовъ, преподаваемыхъ въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, наравнѣ съ ихъ учениками и въ одно съ ними время, назначенное для выпускныхъ испытаній, но съ предварительнымъ взносомъ 10 рублей въ пользу экзаменаторовъ. Выдержавшіе испытаніе въ полномъ курсѣ той гимназій или прогимназій, гдѣ оное будетъ производиться, получаютъ свидѣтельства, дающія имъ одинаковыя права съ окончившими курсъ учениками прогимназій или гимназій. Внесенная за экзаменъ сумма ни въ какомъ случаѣ не возвращается. Но лица недостаточныя могутъ быть, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, вовсе освобождаемы отъ платы за допущеніе къ экзамену.

§ 38. Одновременно съ выпускными испытаніями и подъ условіемъ предварительнаго денежнаго взноса, установленнаго въ предыдущемъ § 37, могутъ быть производимы испытанія сторонними лицамъ изъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, за исключеніемъ древнихъ языковъ; но въ выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ прямо упоминается, что свидѣтельства эти не предоставляютъ правъ, обозначенныхъ ниже въ §§ 128—132.

IV. Должностныя лица.

А. Директоръ гимназій и инспекторы гимназій и прогимназій.

§ 39. Директоръ гимназій и инспекторы гимназій и прогимназій избираются попечителемъ учебнаго округа и утверждаются въ должностяхъ: первый — министромъ народнаго просвѣщенія, а послѣдніе — попечителемъ учебнаго округа.

§ 40. Въ должности директора гимназій и инспектора гимназій и прогимназій преимущественно избираются лица, пріобрѣвшія ученую степень въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи и обратившія на себя вниманіе службою по учебной части вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

§ 41. Директоръ есть начальникъ гимназій, на которомъ лежитъ полная отвѣтственность по всѣмъ частямъ благоустройства заведенія и которому, на этомъ основаніи, подчиняются всѣ служащія въ гимназій лица.

§ 42. Главная обязанность директора состоитъ въ надзорѣ какъ за ходомъ преподаванія и воспитанія, такъ и за внѣшнимъ порядкомъ и матеріальнымъ благосостояніемъ ввѣреннаго ему заведенія и вообще за точнымъ исполненіемъ всѣхъ постановленій, касающихся гимназій.

§ 43. На директора гимназій возлагается:

а) предсѣдательствовать въ педагогическомъ совѣтѣ и въ хозяйственномъ комитетѣ;

б) избирать изъ лицъ, способныхъ и имѣющихъ на то право, учителей и другихъ должностныхъ лицъ по своему управленію, съ представленіемъ попечителю учебнаго округа объ утвержденіи

ихъ въ должностяхъ, за исключеніемъ помощниковъ классныхъ наставниковъ и письмоводителя, утверждаемыхъ въ должностяхъ самимъ директоромъ;

в) аттестовать всѣхъ служащихъ подъ его начальствомъ лицъ предъ попечителемъ учебнаго округа и представлять ихъ въ наградамъ, а также въ пособіямъ изъ спеціальныхъ суммъ;

г) представлять къ увольненію отъ должности, за неспособностію или выслугою срока на пенсію, или къ оставленію на службѣ, по выслугѣ означеннаго срока;

д) увольнять служащихъ подъ его начальствомъ лицъ въ отпускъ на вакаціонное время, а по особенно уважительнымъ и нетерпящимъ отлагательства причинамъ, и въ теченіе учебнаго времени на 29 дней, но въ семъ послѣднемъ случаѣ съ непремѣнною обязанностію донести о томъ попечителю округа;

е) сноситься съ губернскими и другими мѣстными начальствами по всѣмъ дѣламъ своего управленія;

ж) опредѣлять и увольнять нижнихъ служителей и назначать имъ жалованье изъ общей суммы, положенной на этотъ предметъ по штату;

з) производить издержки, по опредѣленіямъ хозяйственнаго комитета, изъ спеціальныхъ суммъ до 30 руб. на одинъ предметъ, сверхъ штатнаго положенія.

§ 44. Директоръ состоитъ преподавателемъ во ввѣренной ему гимназій и получаетъ за даваемые имъ уроки равное съ прочими преподавателями вознагражденіе изъ штатной суммы, какъ за уроки дополнительные, соразмѣрно съ ихъ числомъ; число же даваемыхъ имъ уроковъ опредѣляется попечителемъ учебнаго округа и не должно быть болѣе 12-ти въ недѣлю.

Примѣчаніе. Содержащееся въ сей статьѣ правило приводится въ исполненіе постепенно, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія.

§ 45. По званію предсѣдателя педагогическаго совѣта и хозяйственнаго комитета, директоръ опредѣляетъ время обыкновенныхъ ихъ засѣданій, созываетъ совѣтъ или комитетъ въ чрезвычайныхъ

случаяхъ по своему усмотрѣнію, предлагаетъ на обсужденіе свои предположенія по учебной, воспитательной или хозяйственной части, по принадлежности, соблюдаетъ очередь при разсмотрѣніи вопросовъ, вносимыхъ другими членами, направляетъ пренія, слѣдитъ за правильностію и порядкомъ засѣданій и объявляетъ опредѣленія совѣта или хозяйственного комитета.

§ 46. Директоръ, въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ педагогическаго совѣта или хозяйственнаго комитета, представляетъ объ этомъ попечителю учебнаго округа на разрѣшеніе; а если дѣло не терпитъ отлагательства, то исполняетъ оное по собственному убѣжденію и немедленно доноситъ о своемъ распоряженіи попечителю, представляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, на его усмотрѣніе и журналъ педагогическаго совѣта или хозяйственнаго комитета.

§ 47. Инспекторъ гимназій есть помощникъ директора по учебной и воспитательной части, и въ случаѣ его болѣзни или отсутствія, вступаетъ во всѣ его права и обязанности.

§ 48. Инспекторъ гимназій, буде онъ назначенъ и не изъ числа штатныхъ преподавателей, становится въ ней преподавателемъ и получаетъ за даваемые имъ уроки равное съ прочими преподавателями вознагражденіе изъ штатной суммы, какъ за уроки дополнительные, соразмѣрно съ ихъ числомъ; число же даваемыхъ имъ уроковъ опредѣляется, по обсужденіи сего вопроса въ педагогическомъ совѣтѣ, директоромъ, съ утвержденія попечителя округа, и не должно превышать 12-ти въ недѣлю.

§ 49. Инспекторъ прогимназій, какъ начальникъ ввѣреннаго ему заведенія, подчиняется непосредственно попечителю учебнаго округа, и въ отношеніи прогимназій, имѣетъ одинаковыя права и несетъ одинаковыя обязанности съ директоромъ гимназій, изложенныя въ §§ 41 — 46.

Б. Преподаватели и классные наставники гимназій и прогимназій.

§ 50. Предметы ученія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ распределяются между штатными преподавателями, считающимися

въ государственной службѣ, съ присоединеніемъ къ нимъ въ семь случаѣ директора и инспектора, и между лицами, обучающими по найму. Къ первымъ относятся: законоучитель, учителя наукъ и языковъ и учителя какъ чистописанія, такъ и черченія и рисованія; къ послѣднимъ принадлежатъ учителя пѣнія и гимнастики.

§ 51. Законоучители гимназій и прогимназій избираются начальниками сихъ учебныхъ заведеній, и по предварительномъ одобреніи избираемого лица мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа.

§ 52. Въ преподаватели наукъ и языковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ опредѣляются попечителемъ учебнаго округа, по собственному его избранію, или по представленію начальниковъ сихъ заведеній, лица, имѣющія одобрительные аттестаты объ окончаніи полнаго университетскаго курса и выдержавшія установленное на званіе учителя гимназіи испытаніе.

Примѣчаніе. Въ учителя нѣмецкаго и французскаго языковъ могутъ быть опредѣляемы, до приготовленія кандидатовъ на эти должности изъ окончившихъ университетскій курсъ, и лица, не окончившія университетскаго курса, но выдержавшія особое испытаніе на званіе учителей новыхъ языковъ въ гимназіи и достаточно знающія русскій языкъ.

§ 53. Въ учителя чистописанія, черченія и рисованія опредѣляются попечителемъ учебнаго округа лица, выдержавшія испытаніе на званіе учителя сихъ предметовъ, на основаніи установленныхъ для сего правилъ.

§ 54. Учителя пѣнія и гимнастики опредѣляются въ гимназіи директоромъ, а въ прогимназіи — инспекторомъ, получая плату за труды свои изъ штатной суммы.

§ 55. Для усиленія учебной части и для образованія опытныхъ преподавателей, попечители учебныхъ округовъ могутъ опредѣлять въ гимназіи и прогимназіи сверхштатныхъ учителей, удовлетворяющихъ условіямъ, означеннымъ въ § 52. Учители эти, буде преподаютъ не менѣе 6 уроковъ въ недѣлю, пользуются всѣми правами учебной службы, но жалованья не получаютъ;

впрочемъ, имъ можетъ быть выдаваемо, съ разрѣшенія попечителя округа, вознагражденіе за ихъ труды изъ суммъ гимназій и прогимназій. Лица сія, если окажутся достойными, при открытіи вакансій имѣютъ преимущество предъ другими на занятіе штатной должности, и въ случаѣ опредѣленія ихъ на таковую, время исправленія ими сверхштатной должности зачитается въ срокъ выслуги на пенсію.

§ 56. Каждый преподаватель, по представленію директора гимназій или инспектора прогимназій, основанному на опредѣленіи педагогическаго совѣта, можетъ, съ разрѣшенія попечителя округа, давать уроки и по нѣсколькимъ различнымъ предметамъ, буде имѣетъ право на ихъ преподаваніе, и на-оборотъ, преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, обыкновенно соединяемыхъ между собою, какъ-то: исторія и географія, чистописаніе и рисованіе съ черченіемъ, и даже различныхъ отдѣловъ одного и того же предмета, можетъ быть раздѣляемо и между нѣсколькими преподавателями, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта и съ разрѣшенія попечителя округа.

§ 57. Преподаватели наукъ и языковъ раздѣляются по окладамъ получаемаго ими содержанія въ гимназійхъ на четыре, въ прогимназійхъ на три разряда, при чемъ получающіе высшій окладъ называются *заслуженными*, съ каковымъ званіемъ не соединяется однако же никакихъ другихъ правъ и преимуществъ.

§ 58. Поступающіе вновь на службу по учебной части опредѣляются преподавателями съ низшимъ окладомъ содержанія и ближайшій высшій окладъ получаютъ по выслугѣ пяти лѣтъ учителемъ въ томъ же заведеніи. Назначеніе слѣдующихъ затѣмъ высшихъ окладовъ производится, когда откроется вакансія, по старшинству, съ разрѣшенія всякій разъ попечителя учебнаго округа, за продолжительную, полезную и ревностную службу преимущественно въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи; въ случаѣ же, если окажется нѣсколько преподавателей съ одинаковымъ старшинствомъ, то избраніе одного изъ нихъ на вакантный высшій

окладъ производится въ педагогическомъ совѣтѣ, и избранный представляется на утверждение попечителя округа.

§ 59. Учителямъ дозволяется содержать у себя пансіонеровъ, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ по сему предмету министерствомъ народнаго просвѣщенія. Правомъ симъ не могутъ пользоваться директоры и инспекторы гимназій и прогимназій.

§ 60. Классныхъ наставниковъ полагается по одному на каждый классъ, какъ основной, такъ и параллельный, съ соразмѣрнымъ вознагражденіемъ изъ опредѣленной на сей предметъ штатной суммы; директоръ же и инспекторъ гимназій и инспекторъ прогимназій, состоя также классными наставниками—первый и послѣдній въ избранныхъ ими самими для сего классахъ, а инспекторъ гимназій—въ указанномъ ему директоромъ классѣ, не получаютъ за исполненіе этихъ своихъ обязанностей особаго вознагражденія.

§ 61. Классные наставники назначаются начальникомъ гимназій изъ числа преподавателей, имѣющихъ въ классѣ наибольшее число уроковъ, и утверждаются въ этомъ званіи попечителемъ учебнаго округа.

§ 62. Классные наставники, будучи вообще ближайшими помощниками директора и инспектора въ наблюденіи за успѣхами и нравственностію учениковъ ввѣренныхъ каждому изъ нихъ классовъ, принимаютъ надлежащія мѣры для преуспѣянія оныхъ, вступая, между прочимъ, съ этою цѣлію въ сношенія съ родителями и родственниками учениковъ, а равно и съ прочими преподавателями своего класса, въ тѣхъ видахъ, чтобъ уровни и письменныя задачи были равномерно распредѣляемы по днямъ недѣли и чтобы вообще преподаваніе одного предмета не стѣсняло преподаванія другихъ предметовъ.

§ 63. Въ помощь класснымъ наставникамъ, въ особенности же для надзора за учениками въ то время, когда классные наставники заняты уроками въ своихъ классахъ, а также для посѣщенія учениковъ на дому, преимущественно живущихъ не у

родственниковъ, полагается въ гимназіи два помощника классныхъ наставниковъ, а въ прогимназіи одинъ.

Примѣчаніе 1. Въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, гдѣ не окажется возможнымъ имѣть классныхъ наставниковъ, полагаются надзиратели по два на каждую гимназію, классы коей и распредѣляются между ними, и по одному на каждую прогимназію.

Примѣчаніе 2. Надзиратели опредѣляются на одинаковыхъ основаніяхъ съ преподавателями наукъ и языковъ (§ 52). Они имѣютъ ближайшій надзоръ за учениками въ рекреационное время, помогаютъ начальству гимназіи и прогимназіи въ наблюденіи за нравственностію и успѣхами учениковъ и въ отсутствіи учителей занимаются по возможности ихъ предметами съ ихъ же учениками.

В. Прочія должностныя лица.

§ 64. При каждой гимназіи и прогимназіи находится врачъ, утверждаемый въ должности попечителемъ учебнаго округа по представленію мѣстнаго начальства сихъ заведеній.

§ 65. Обязанности врача, кромѣ пользованія воспитанниковъ и постоянной заботливости объ ихъ здоровьи, заключаются въ наблюденіи: а) чтобы въ гимназію и прогимназію не поступали воспитанники, имѣющіе тѣлесные недостатки или болѣзни, препятствующіе вступленію въ общественное заведеніе; б) чтобы въ помѣщеніи учебнаго заведенія и въ распредѣленіи времени занятій воспитанниковъ соблюдались по возможности гигиеническія условія, и в) чтобы упражненія воспитанниковъ въ гимнастикѣ соображались съ требованіями правильнаго развитія и укрѣпленія физическихъ силъ юношества. Врачъ обязанъ замѣчанія свои по симъ предметамъ представлять начальству учебнаго заведенія и предъявлять оныя педагогическому совѣту для обсужденія и внесенія въ протоколы его засѣданій. Врачамъ, состоящимъ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ, вмѣняется также въ обязанность пользоваться и служащихъ при сихъ заведеніяхъ лицъ.

§ 66. Производство канцелярскихъ дѣлъ лежитъ на писмоводителѣ, въ помощь которому въ гимназіи состоятъ писецъ, получающій плату по найму.

§ 67. Опредѣленіе и увольненіе писмоводителя и писца предоставляется непосредственно начальству гимназіи и прогимназіи.

V. Педагогическій совѣтъ и хозяйственный комитетъ.

§ 68. Для болѣе вѣрнаго и всесторонняго обсужденія вопросовъ, относящихся преимущественно въ учебной и воспитательной части гимназіи и прогимназіи, при нихъ состоятъ педагогическіе совѣты.

§ 69. Педагогическій совѣтъ гимназіи составляютъ, подъ предсѣдательствомъ директора, инспекторъ, законоучитель и всѣ прочіе преподаватели наукъ и языковъ, въ томъ числѣ сверхштатные, равно и имѣющіе уроки въ классахъ параллельныхъ, а также надзиратели и воспитатели пансіона. Въ прогимназіяхъ предсѣдательство въ совѣтѣ, имѣющемъ такой же составъ, какъ и совѣтъ гимназіи, принадлежитъ инспектору. Обязанность секретаря совѣта исполняетъ одинъ изъ учителей, избираемый въ эту должность совѣтомъ на три года.

Примѣчаніе. Въ засѣданія педагогическаго совѣта приглашается, по усмотрѣнію предсѣдателя, врачъ, имѣющій въ такихъ случаяхъ право голоса наравнѣ съ прочими членами.

§ 70. Почетный попечитель гимназіи и прогимназіи, когда пожелаетъ, можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта съ правомъ голоса во всѣхъ дѣлахъ, и въ такомъ случаѣ занимаетъ первое мѣсто, но не предсѣдательствуетъ.

§ 71. Педагогическій совѣтъ въ полномъ составѣ собирается для обсужденія дѣлъ, касающихся цѣлой гимназіи или прогимназіи; дѣла же, касающіяся отдѣльныхъ классовъ или преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, обсуждаются въ коммиссіяхъ педагогическаго совѣта, состоящихъ: въ гимназіяхъ—подъ предсѣдательствомъ инспектора, или лица, исполняющаго его обязанности (§ 9 примѣч. 1), а въ прогимназіяхъ—подъ предсѣдательствомъ

одного изъ преподавателей, по назначенію инспектора, изъ всѣхъ преподавателей тѣхъ предметовъ или классовъ и изъ надзирателей и воспитателей, воимъ ученики сихъ классовъ избраны. Принятія въ комиссіяхъ рѣшенія представляются на утвержденіе педагогическаго совѣта.

§ 72. Педагогическій совѣтъ собирается въ теченіе учебнаго времени, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ мѣсяць; но въ особыхъ случаяхъ, по предложенію предсѣдателя, могутъ назначаться и чрезвычайныя собранія (§ 45).

§ 73. Дѣла рѣшаются въ совѣтѣ по большинству голосовъ, при чемъ, для дѣйствительнаго рѣшенія, требуется присутствіе, кромѣ предсѣдателя, по крайней мѣрѣ 5-ти членовъ. При равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 74. Обсужденію и окончательному рѣшенію педагогическаго совѣта подлежатъ слѣдующія дѣла: 1) приемъ учениковъ и переводъ ихъ изъ класса въ классъ; 2) освобожденіе недостаточныхъ учениковъ отъ платы за ученіе и выдача единовременныхъ пособій и стипендій отличнѣйшимъ изъ нихъ по успѣхамъ и поведенію изъ специальныхъ средствъ заведенія; 3) выдача аттестатовъ ученикамъ, съ успѣхомъ окончившимъ полный курсъ ученія, и свидѣтельствъ окончившимъ курсъ въ прогимназіяхъ или вышедшимъ изъ гимназій или прогимназій до окончанія курса, а также постороннимъ лицамъ, выдержавшимъ испытаніе въ полномъ учебномъ курсѣ, или же за исключеніемъ изъ него, по § 38 сего устава, древнихъ языковъ; 4) опредѣленіе наградъ ученикамъ, отличнымъ по поведенію, прилежанію и успѣхамъ; 5) одобреніе рѣчей, назначаемыхъ для чтенія на публичномъ актѣ; 6) избраніе изъ преподавателей членовъ хозяйственнаго комитета, секретаря и бібліотекаря, или, по примѣчанію въ § 22, бібліотекарей; 7) выборъ предметовъ для пополненія кабинетовъ и книгъ для бібліотеки; 8) распредѣленіе преподаванія учебныхъ предметовъ по днямъ и часамъ, на основаніи прилагаемыхъ у сего таблицъ числа недѣльныхъ уроковъ; 9) назначеніе въ важнѣйшихъ

случаяхъ взысканій съ учащихъ, а равно и указанія относительно примѣненія правилъ о взысканіяхъ въ данномъ случаѣ; 10) выборъ учебныхъ руководствъ и пособій изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ по принадлежности; 11) разсмотрѣніе годичныхъ отчетовъ по учебной и воспитательной части, и 12) распредѣленіе внѣклассныхъ занятій воспитанниковъ пансіона и вообще устройство внутренняго въ немъ порядка.

§ 75. Заключенія педагогическаго совѣта должны быть представляемы на утвержденіе высшаго начальства: 1) по соединенію и раздѣленію преподаванія учебныхъ предметовъ, на основаніи § 56 сего устава; 2) по разсмотрѣнію и одобренію подробныхъ программъ преподаванія каждаго предмета, составленіе конкъ, на основаніи учебнаго плана, утвержденного министерствомъ народнаго просвѣщенія, обязательно для каждаго преподавателя; 3) по составленію и дополненію правилъ о взысканіяхъ съ учащихъ; 4) по предположеніямъ объ отступленіи отъ нормальнаго устройства учебной части, о временномъ или постоянномъ увеличеніи числа уроковъ по какому-либо предметамъ въ однихъ классахъ и уменьшеніи ихъ въ другихъ классахъ, на основаніи § 16 сего устава, или объ улучшеніяхъ, которыя потребовали бы новыхъ средствъ отъ казны; 5) по опредѣленію размѣра платы за ученіе; 6) по раздѣленію классовъ на параллельныя отдѣленія и опредѣленію размѣра вознагражденія за уроки въ параллельныхъ классахъ, а равно и вознагражденія изъ спеціальныхъ суммъ сверхштатныхъ преподавателей (§ 55); 7) по правиламъ о храненіи и выдачѣ книгъ изъ бібліотеки; 8) по избранію заслуженныхъ преподавателей на высшіе оклады жалованья (§ 58), и 9) по удостоенію лицъ, не окончившихъ курса въ университетѣ и иностранцевъ, званій учителей новыхъ языковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и надирателей сихъ заведеній, а также учителей уѣздныхъ училищъ, домашнихъ учителей и учительницъ. Сверхъ сего, на разрѣшеніе попечителя учеб-

наго округа представляются всѣ случаи разногласія директора съ большинствомъ членовъ совѣта.

Примѣчаніе. Во всѣхъ случаяхъ разногласія, если меньшинство пожелаетъ, мнѣніе онаго доводится до свѣдѣнія попечителя округа.

§ 76. При гимназіи состоитъ хозяйственный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ инспектора и трехъ преподавателей, избираемыхъ педагогическимъ совѣтомъ на три года; въ прогимназіи хозяйственный комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ инспектора, изъ двухъ преподавателей, избираемыхъ тѣмъ же порядкомъ. Хозяйственному комитету поручается: совокупное наблюденіе за исправностью и сохранностью матеріальной части заведенія, а также за исправнымъ веденіемъ описей всякаго рода имуществу онаго; повѣрка суммъ и счетовъ по приходамъ и расходамъ, какъ по гимназіи или прогимназіи, такъ и по пансіону, если таковой состоитъ при ней, и составленіе смѣты по учебному заведенію и пансіону, представляемой на утвержденіе попечителя округа; наблюденіе за тѣмъ, чтобы суммы, назначенныя на содержаніе учебнаго заведенія, расходовались наиболѣе производительнымъ образомъ, съ соблюденіемъ возможной бережливости и согласно съ дѣйствительною потребностью; засвидѣтельствованіе дѣйствительнаго производства важнѣйшихъ работъ и поступленія таковыхъ предметовъ, которые пріобрѣтаются одновременно въ большомъ количествѣ. Обязанности хозяйственнаго комитета опредѣляются въ подробности инструкціей, утверждаемою министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе. Членамъ хозяйственнаго комитета изъ числа преподавателей предоставляется право отказываться отъ избранія ихъ въ эту должность на слѣдующее трехлѣтіе.

§ 77. Почетный попечитель считается членомъ хозяйственнаго комитета и занимаетъ въ немъ первое мѣсто, но не предсѣдательствуетъ.

VI. Почетный попечитель гимназій и прогимназій.

§ 78. Почетный попечитель гимназій или прогимназій избирается на три года, съ соблюденіемъ условій, изложенныхъ въ § 11 сего устава и примѣчаній въ оному, и утверждается въ должности: при гимназій — Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія, а при прогимназій — министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 79. На почетномъ попечителѣ лежитъ обязанность заботиться о правильномъ и своевременномъ доставленіи суммъ, слѣдующихъ отъ сословія, общества или частнаго лица на гимназію и прогимназію, и объ улучшеніи вообще матеріальнаго состоянія заведенія.

§ 80. Почетный попечитель слѣдитъ за ходомъ управленія и состояніемъ гимназій и прогимназій, но самъ собою не дѣлаетъ никакихъ распоряженій, а сообщаетъ только словесно или письменно, и негласнымъ образомъ, непосредственному начальству сихъ заведеній о замѣченныхъ имъ какихъ-либо безпорядкахъ, или же доводитъ о нихъ до свѣдѣнія педагогическаго совѣта или хозяйственнаго комитета, по принадлежности, и если замѣчанія его будутъ оставлены безъ уваженія, представляетъ объ этомъ попечителю округа.

§ 81. Почетному попечителю предоставляется право контроля за дѣйствительнымъ и правильнымъ употребленіемъ суммъ, идущихъ отъ земствъ, сословій, обществъ или частныхъ лицъ, на содержаніе или въ пособіе гимназій или прогимназій. Онъ участвуетъ въ составленіи смѣты и можетъ во всякое время по счетамъ и въ натурѣ повѣрять расходы, производимые на счетъ жертвуемыхъ суммъ, поступая, въ случаѣ замѣченныхъ имъ безпорядковъ, на основаніи предыдущаго параграфа.

§ 82. Почетные попечители, пока состоятъ въ семъ званіи, считаются въ государственной службѣ, и должность ихъ относится: въ гимназій — къ V, а въ прогимназій — къ VI-классу. Они носятъ такой же мундиръ, какой опредѣленъ въ гимназійхъ для директоровъ и въ прогимназійхъ для инспекторовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Пансіоны при гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

§ 83. Для облегченія родителей, не имѣющихъ способовъ воспитывать дѣтей дома, служатъ пансіоны, учреждаемые, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, при гимназіяхъ и прогимназіяхъ и находящіеся въ непосредственномъ управленіи мѣстнаго начальства гимназій и прогимназій.

§ 84. Въ пансіонеры могутъ быть принимаемы ученики всѣхъ классовъ гимназій и прогимназій, въ томъ числѣ и приготовительнаго класса; но въ гимназіяхъ ученики высшихъ возрастовъ помѣщаются, по возможности, отдѣльно отъ прочихъ учениковъ.

§ 85. Пансіоны содержатся или на суммы государственнаго казначейства, или на счетъ платы за пансіонеровъ, или же на особыя пожертвованія мѣстныхъ сословій, обществъ или частныхъ лицъ. Пансіоны, содержимыя на счетъ платы за пансіонеровъ, или на жертвуемыя суммы, получаютъ изъ государственнаго казначейства ту только сумму, которая слѣдуетъ за содержаніе въ нихъ казенныхъ воспитанниковъ.

§ 86. Источники содержанія пансіоновъ составляютъ:

- а) суммы, отпускаемыя государственнымъ казначействомъ;
- б) суммы, назначаемыя мѣстными обществами и сословіями на первоначальное устройство и обзаведеніе пансіоновъ и на воспитаніе въ нихъ тѣхъ сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, которые будутъ избраны сими обществами и сословіями при посредствѣ почетныхъ попечителей гимназій и прогимназій;
- в) доходы съ пожертвованныхъ на этотъ предметъ разными обществами и лицами имущества и капиталовъ;
- г) плата съ частныхъ пансіонеровъ;
- д) одинаковая съ частными пансіонерами плата отъ разныхъ правительственныхъ установленій и вѣдомствъ за содержаніе опредѣляемыхъ на ихъ счетъ воспитанниковъ;
- е) единовременные при опредѣленіи каждаго пансіонера взносы на первоначальное обзаведеніе.

§ 87. Въ составъ пансіона входятъ: *пансіонеры*, находящіеся на полномъ содержаніи, и *полупансіонеры*, пользующіеся только обѣденнымъ столомъ. Количество платы за тѣхъ и другихъ и взноса на первоначальное обзаведеніе для пансіонера опредѣляется, по представленію хозяйственнаго комитета, попечителемъ учебнаго округа для каждой мѣстности особо, при самомъ открытіи пансіона, и потомъ чрезъ каждые три года, на основаніи смѣты, предварительно составленной и рассмотрѣнной въ хозяйственномъ комитетѣ гимназій или прогимназій. О назначенномъ такимъ образомъ количествѣ платы за содержаніе пансіонеровъ попечитель учебнаго округа представляетъ министру народнаго просвѣщенія для ходатайства объ ассигнованіи потребной суммы на содержаніе казенныхъ пансіонеровъ.

§ 88. Опредѣленная за пансіонера и полупансіонера плата вносится впередъ по полугодно, въ январѣ или февралѣ, и въ іюлѣ или августѣ мѣсяцахъ. Не удовлетворившіе этому требованію, по истеченіи сего срока, увольняются изъ пансіона, при чемъ съ нихъ взыскиваются слѣдующія по расчету деньги, считая въ первомъ полугодіи съ 1-го января и во 2-мъ полугодіи съ 1-го іюля.

§ 89. За ученика, поступающаго въ пансіонъ не съ начала полугодія, плата должна взиматься по расчету, считая съ 1-го числа того мѣсяца, въ который поступилъ воспитанникъ.

§ 90. Въ случаѣ выбытія воспитанника изъ пансіона до истеченія полугодія, деньги, полученныя за него, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.

§ 91. Въ пансіонеры принимаются дѣти всѣхъ вообще сословій, при чемъ наблюдается, чтобы въ пансіонѣ, содержимый на счетъ одного сословія, воспитанники другихъ сословій принимались не иначе, какъ съ согласія представителя того сословія, на счетъ котораго содержится пансіонъ. Общее число пансіонеровъ въ каждомъ пансіонѣ опредѣляется, по представленію директора гимназій и инспектора прогимназій, попечителемъ учебнаго округа соразмѣрно съ помѣщеніемъ.

§ 92. Въ пансіоны дозволяется вновь принимать дѣтей отъ 8 до 15 лѣтъ включительно.

§ 93. При поступленіи въ пансіонъ представляются тѣ же документы, какъ и при поступленіи въ гимназію (§ 24); но если лица, желающія отдать дѣтей своихъ въ пансіонъ, живутъ не въ томъ городѣ, гдѣ находится пансіонъ, то они должны приложить еще письменное обязательство извѣстнаго, живущаго въ томъ мѣстѣ лица, что, въ случаѣ увольненія изъ пансіона, воспитанникъ будетъ принять къ нему въ домъ.

§ 94. Воспитанники пансіона посѣщаютъ классы гимназіи или прогимназіи и подчиняются, относительно приѣмныхъ испытаній и перевода въ высшіе классы и вообще порядка ученія, правиламъ общимъ для всѣхъ учениковъ.

§ 95. Распредѣленіе внѣклассныхъ занятій воспитанниковъ пансіона и вообще устройство внутренняго въ немъ порядка предоставляются ближайшему усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ гимназій и прогимназій.

§ 96. Директоръ гимназіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ состоящаго при ней пансіона.

§ 97. Инспекторъ гимназіи есть ближайшій помощникъ директора по управленію пансіономъ гимназіи. Онъ наблюдаетъ: а) за точнымъ исполненіемъ распредѣленія занятій въ пансіонѣ; б) за сохраненіемъ порядка, и в) за исправнымъ содержаніемъ воспитанниковъ, какъ относительно пищи, такъ и одежды. Сверхъ того, онъ распоряжается отпусками воспитанниковъ и завѣдуетъ библіотекою и всѣми учебными пособиями, составляющими собственность пансіона.

§ 98. Въ пансіонѣ прогимназіи всѣ обязанности и права директора переходятъ на инспектора, какъ непосредственнаго начальника прогимназіи.

§ 99. За труды по пансіону директоръ гимназіи и инспекторъ гимназіи и прогимназіи получаютъ дополнительное жалованье изъ суммъ пансіона, въ количествѣ, зависящемъ отъ его средствъ и ежегодно опредѣляемомъ въ смѣтѣ пансіона.

§ 100. Постоянный нравственный надзоръ за воспитанниками пансіона и руководство ихъ въ занятіяхъ ввѣрется особымъ воспитателямъ.

Примѣчаніе. Въ пансіонѣ прогимназіи одинъ изъ воспитателей считается помощникомъ инспектора по управленію пансіономъ, съ особымъ за то вознагражденіемъ изъ суммъ пансіона на основаніи § 99 сего устава.

§ 101. Должность воспитателя можетъ быть соединена съ должностью учителя, или поручаема особому лицу, удовлетворяющему требованіямъ, означеннымъ въ § 52 для полученія должности учителя гимназіи или прогимназіи.

§ 102. Лицо, избираемое директоромъ гимназіи или инспекторомъ прогимназіи въ воспитатели пансіона, сначала допускается къ исправленію должности воспитателя, и только по истеченіи годоваго срока утверждается въ этой должности, если будетъ признано къ ней способнымъ; при семъ время исправленія должности зачитается въ дѣйствительную службу.

§ 103. Воспитатели получаютъ изъ суммъ пансіона жалованье въ размѣрѣ, опредѣленномъ по штату для надзирателей гимназіи. Сверхъ того, они пользуются квартирою съ отопленіемъ въ зданіи пансіона, или, за неимѣніемъ помѣщенія, получаютъ квартирные деньги, въ количествѣ, опредѣляемомъ по смѣтѣ пансіона.

§ 104. Воспитатели дежурятъ въ пансіонѣ поочередно. Во время дежурства они должны находиться безотлучно при воспитанникахъ, руководить ихъ, въ случаѣ надобности, въ приготовленіи классныхъ уроковъ, имѣть съ ними общій столъ и ночевать въ однѣхъ съ ними комнатахъ.

§ 105. Въ случаѣ отсутствія учителей, дежурные воспитатели обязаны занимать, по возможности, классы отсутствующихъ.

§ 106. Столъ, одежда, бѣлье, обувь и всѣ учебныя книги и пособія доставляются воспитанникамъ отъ пансіона, на основаніи правилъ, установленныхъ для того особо при учрежденіи каждаго пансіона.

§ 107. Пансіонеры имѣютъ одежду одинаковой формы съ одеждою приходящихъ учениковъ (§ 29).

§ 108. Помѣщеніе пансіона, качество и количество пищи и порядокъ въ образѣ жизни воспитанниковъ должны быть сообразаемы съ требованіями гігіены.

§ 109. При пансіонѣ, въ завѣдываніи врача гимназіи, находится больница, при которой состоитъ фельдшеръ, получающій плату по найму. За труды по больницѣ врачу назначается добавочное вознагражденіе изъ суммъ пансіона.

§ 110. При пансіонѣ, гдѣ позволяютъ средства, устраивается церковь, завѣдываніе которою поручается законоучителю, съ назначеніемъ ему добавочнаго содержанія.

§ 111. Непосредственное распоряженіе хозяйственною частію пансіона, подъ главнымъ вѣдѣніемъ начальника учебнаго заведенія, предоставляется эконому, который вмѣстѣ съ тѣмъ исполняетъ обязанность смотрителя дома. Экономъ избирается начальникомъ пансіона, получаетъ жалованье изъ суммъ пансіона и считается въ государственной службѣ по гражданскому вѣдомству въ IX классѣ. Впрочемъ, обязанность эконома, гдѣ это признано будетъ болѣе удобнымъ, можетъ быть исполняема и по найму.

§ 112. Для опредѣленія годоваго прихода и расхода суммъ по пансіону хозяйственный комитетъ составляетъ росписаніе, которое представляется ежегодно на утвержденіе попечителя учебнаго округа. Въ отчетности суммъ по пансіону хозяйственный комитетъ руководствуется существующими вообще относительно отчетности правилами.

§ 113. Письмоводство по дѣламъ пансіона и веденіе счетныхъ книгъ поручается письмоводителю гимназіи или прогимназіи, который по этой обязанности носитъ званіе бухгалтера и получаетъ добавочное жалованье изъ суммъ пансіона. Если окажется необходимымъ имѣть особаго бухгалтера, то таковой опредѣляется начальникомъ пансіона, получаетъ содержаніе изъ суммъ пансіона и считается въ государственной службѣ по гражданскому вѣдомству въ X классѣ.

§ 114. Суммы, идущія на содержаніе пансіона, какъ спеціальныя средства гимназій и прогимназій, составляютъ неотъемлемую собственность каждаго пансіона отдѣльно и могутъ употребляться только на удовлетвореніе нуждъ пансіона и на награды и пособия лицамъ, служащимъ при немъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Права и преимущества гимназій и прогимназій.

§ 115. Гимназии и прогимназии имѣютъ свою печать съ государственнымъ гербомъ и съ надписью: *такой-то гимназии или прогимназии*.

§ 116. Гимназии и прогимназии освобождаются отъ употребленія гербовой бумаги при производствѣ дѣлъ и отъ платежа крѣпостныхъ и иныхъ пошлинъ по совершаемымъ отъ имени ихъ актамъ и вообще по всѣмъ касающимся до нихъ дѣламъ.

§ 117. Посылаемые подъ печатью сихъ учебныхъ заведеній бумаги и посылки, когда послѣднія вѣсомъ не болѣе пуда, принимаются на почту безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

§ 118. Зданія, принадлежащія гимназіямъ и прогимназіямъ, освобождаются отъ квартирной повинности, какъ постоимъ, такъ и деньгами, а равно и отъ денежныхъ въ пользу города сборовъ. Правило сіе не распространяется на тѣ изъ принадлежащихъ гимназіямъ и прогимназіямъ зданія, которыя приносятъ доходъ посредствомъ отдачи ихъ въ наемъ.

§ 119. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не введенъ новый порядокъ судопроизводства, никакое слѣдствіе, касающееся до лицъ, служащихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, не можетъ быть производимо безъ депутата со стороны учебнаго вѣдомства.

§ 120. Въ случаѣ взятія подъ арестъ кого-либо изъ служащихъ и учащихся въ гимназии или прогимназии, лица сіи немедленно представляются ихъ начальству. Если же они задержаны по участію или подозрѣнію въ уголовномъ преступленіи, то должностныя лица, по распоряженію которыхъ они задержаны, увѣдомляютъ объ этомъ ихъ начальство также безъ замедленія.

§ 121. Служація въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ лица, доводѣ состоятъ въ своихъ должностяхъ, въ присвоенныхъ имъ по штатамъ классахъ, пользуются вообще преимуществами, означенными въ Сводѣ Заб. (изд. 1857 г.) т. III Уст. о службѣ по опред. отъ правит.

§ 122. Директоры гимназій и инспекторы гимназій и прогимназій, доводѣ занимаютъ сіи должности и если не имѣютъ чина выше, считаются первые въ V-мъ, а вторые въ VI классѣ, и утверждаются въ чинахъ сихъ классовъ по выслугѣ: директора девяти, а инспекторы четырехъ лѣтъ, со старшинствомъ со дня назначенія въ должность; но могутъ быть производимы въ эти чины и ранѣ показанныхъ сроковъ, на основаніи общихъ правилъ, установленныхъ для гражданской службы. На основаніи общихъ же правилъ, установленныхъ для гражданской службы, производится въ чины и всѣ лица, служація при гимназіяхъ и прогимназіяхъ, но считающіяся въ службѣ по гражданскому вѣдомству.

§ 123. Преподавателямъ гимназій и прогимназій, при первоначальномъ опредѣленіи на учебную службу, производится третное не въ зачетъ жалованья изъ тѣхъ окладовъ, которые они будутъ получать при опредѣленіи въ должность. Правомъ на получение означеннаго пособія, наравнѣ съ преподавателями, пользуются и надзиратели, помощники классныхъ наставниковъ и воспитатели пансіоновъ.

§ 124. Опредѣляемые въ гимназіи и прогимназіи, на основаніи § 63, помощники классныхъ наставниковъ считаются состоящими въ X классѣ и пользуются правами учебной службы.

Примѣчаніе. Пенсіи и единовременныя пособія помощникамъ классныхъ наставниковъ назначаются изъ окладовъ, производившихся имъ на службѣ, не свыше 300 рублей.

§ 125. Всѣ преподаватели, надзиратели гимназій и прогимназій, помощники классныхъ наставниковъ, а также воспитатели находящихся при гимназіяхъ и прогимназіяхъ пансіоновъ, по выслугѣ четырехъ лѣтъ, утверждаются въ классѣ, присвоенномъ

ихъ должности, со старшинствомъ со дня вступленія въ должность, и могутъ быть производимы, безъ перевода съ одной должности на другую, тремя чинами выше класса, присвоеннаго занимаемой ими должности.

§ 126. Всѣ лица, служація при гимназіяхъ и прогимназіяхъ по учебной и воспитательной части, за исключеніемъ учителей рисованія, черченія и чистописанія, равно и семейства ихъ, пользуются, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, правами, изложенными въ Сводѣ Законовъ (изд. 1857 г.) т. III Уст. о пенс. и единовр. пособ. отд. IV о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ по учебной части вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе 1. Означенныя пенсіи и единовременныя пособія производятся въ прежнемъ размѣрѣ, то-есть, съ принятіемъ въ основаніе расчета пенсіи и единовременнаго пособія того жалованья, которое получалось по правиламъ, существовавшимъ до утвержденія устава о гимназіяхъ и прогимназіяхъ 19 ноября 1864 года.

Примѣчаніе 2. Въ основаніе размѣровъ пенсіи и единовременнаго пособія надзирателямъ гимназій и прогимназій и воспитателямъ пансіоновъ при сихъ заведеніяхъ принимается окладъ жалованья старшаго учителя гимназіи по Высочайше утвержденному штату 17 апрѣля 1859 года, сообразно съ прежнимъ раздѣленіемъ гимназій въ отношеніи жалованья на разряды.

§ 127. Учители рисованія, черченія и чистописанія и остальные за тѣмъ лица, состояція на службѣ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ не по учебной или воспитательной части, равно и семейства ихъ, подчиняются, относительно правъ на пенсію, постановленіямъ общаго пенсіоннаго устава для лицъ, служащихъ по гражданскому вѣдомству.

Примѣчаніе. Учители рисованія и черченія въ тѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ воихъ для сего будутъ

опредѣлены особыя лица, пользуются тѣми же служебными и пенсіонными правами, какъ учителя чистописанія.

§ 128. Окончившіе курсъ ученики прогимназіи, а также имѣющіе одобрительное свидѣтельство объ окончаніи ученія въ четвертомъ классѣ гимназіи, при поступленіи въ гражданскую службу, если имѣютъ на то право по происхожденію, не подвергаются испытанію для производства въ первый классный чинъ.

§ 129. Ученики, окончившіе полный курсъ ученія въ гимназіи съ особымъ отличіемъ и награжденные при выпускѣ медалями, золотомъ или серебряною, опредѣляются въ гражданскую службу, безъ различія состоянія, съ чиномъ XIV класса.

§ 130. Только ученики, окончившіе курсъ ученія въ гимназіяхъ, или имѣющіе свидѣтельство о знаніи полного курса сихъ гимназій, могутъ поступать въ студенты университетовъ.

§ 131. Ученики, получившіе одобрительный аттестатъ объ окончаніи полного курса гимназіи, но не удостоенные награды медалями, если они по происхожденію имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу, принимаются въ оную предпочтительно предъ тѣми, кои не обучались въ гимназіяхъ или другихъ равныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, и производятся въ первый классный чинъ, по выслугѣ сроковъ, опредѣленныхъ въ 593 ст. Св. Заб. (изд. 1857 г.) т. III Уст. о служб. по опред. отъ прав.

§ 131. Права окончившихъ курсъ въ гимназіи на поступленіе въ военную службу и на производство ихъ потомъ въ офицеры, опредѣляются существующими по военному вѣдомству правилами о воспитанникахъ гимназій.

Приложеніе къ § 74-му.

1. Таблица числа недѣльныхъ часовыхъ уроковъ въ гимназіяхъ.

(Съ обоими древними языками).

ПРЕДМЕТЫ.	Приготовительный классъ.								Число часовъ уроковъ безъ пригото- вительнаго класса.	Число обязательныхъ для учащихся уроковъ въ 8 лѣтъ гимназическаго курса.
		I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII. дня года.		
1. Законъ Божій	4	2	2	2	2	2	1	1	12	13
2. Русскій языкъ съ церковно- славянскимъ	6	4	4	4	3	3	2	2	22	24
3. Краткія основанія логики.	—	—	—	—	—	—	—	(1)	(1)	1
4. Латинскій языкъ	—	8	7	5	5	6	6	6	43	49
5. Греческій языкъ	—	—	—	5	6	6	6	6 (7)	29 (30)	36
6. Математика (съ физикою, математическою геогра- фіею краткимъ естество- вѣдѣніемъ)	6	5	4	3	3	4	6	6	31	37
7. Географія	—	2	2	2	2	—	—	1	9	10
8. Исторія	—	—	—	2	2	2	2	2	10	12
9. Французскій языкъ или нѣ- мецкій языкъ	—	—	3	3	3	3	3	2	17	19
10. Чистописаніе	6	3	2	—	—	—	—	—	5	5
Итого: для учащихся одному новому языку	22	24	24	26	26	26	26	27	179	206
для учащихся двумъ новымъ языкамъ	22	24	27	29	29	29	29	29	196	225

2. Таблица числа недельных часовых уроковъ въ гимназіяхъ.

(Въ коихъ еще не введенъ греческій языкъ).

ПРЕДМЕТЫ.	Приготовительный классъ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII. два года.	Число латинскихъ учебныхъ уроковъ безъ приготовительнаго класса.	Число обязательныхъ для учениковъ уроковъ въ 8 лѣтъ гимназическаго курса.
1. Законъ Божій.	4	2	2	2	2	2	1	1	12	13
2. Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ.	6	6	4	4	3	4	3	2	26	28
3. Логика	—	—	—	—	—	—	—	(1)	(1)	1
4. Латинскій языкъ	—	6	6	6	6	6	6	6 (7)	42 (43)	49
5. Математика (съ физикою, математическою географіею и краткимъ естествовѣдѣніемъ).	6	5	4	3	3	4	6	6	31	37
6. Географія.	—	2	2	2	2	—	—	1	9	10
7. Исторія.	—	—	—	2	2	2	2	2	10	12
8. Французскій языкъ	—	—	4	3	4	4	4	4	23	27
9. Нѣмецкій языкъ.	—	—	—	4	4	4	4	4	20	24
10. Чистописаніе	6	3	2	—	—	—	—	—	5	5
Итого	22	24	24	26	26	26	26	27	179	206

Примечанія: 1) Въ 1-мъ и II-мъ классахъ гимназій и прогимназій съ обоими древними языками, въ тѣ дни, въ которые назначено по два урока на латинскій языкъ, одинъ изъ этихъ уроковъ употребляется преимущественно на упражненія учениковъ въ пройденномъ и на лучшее подготовленіе ихъ къ дальнѣйшимъ урокамъ.

2) Логика преподается въ VII-мъ классѣ въ продолженіе одного лишь года, въ другой же годъ назначенный на нее урокъ употребляется на греческій языкъ; въ тѣхъ же гимназіяхъ, въ которыхъ греческій языкъ еще не введенъ, — на латинскій, съ тѣмъ, чтобы въ этотъ урокъ читались преимущественно философскія сочиненія древнихъ классическихкихъ писателей на томъ или на другомъ языкѣ по принадлежности.

3) Уроки новыхъ языковъ (въ гимназіяхъ съ обоими древними языками) распределяются такъ, чтобы желающіе могли, съ разрѣшенія директора, по совѣщаніи его о семъ съ педагогическимъ совѣтомъ, обучаться обоимъ; не оказывающимъ успѣха въ обязательныхъ предметахъ такое разрѣшеніе не дается.

4) Краткое естествовѣдѣніе преподается отдѣльно отъ физики и географіи, по два часа въ недѣлю, въ одномъ изъ высшихъ трехъ классовъ, въ продолженіе одного учебнаго года, въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ окажется способный къ тому преподаватель; иначе же необходимѣйшія свѣдѣнія по естественной исторіи сообщаются въ связи съ преподаваніемъ географіи, физики и математической географіи.

5) Въ VII-мъ классѣ назначается одинъ часъ на повтореніе географіи; но этотъ часъ, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, можетъ быть употребленъ въ одинъ изъ учебныхъ годовъ курса VII-го класса и на усиленіе преподаванія естественной исторіи въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ преподаваніе географіи ввѣрено учителю физики, буде этотъ учитель окажется способнымъ въ изложенію очерка естественной исторіи.

Штаты гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденныя 19-го іюля 1871 года и дополненныя по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 30-го іюля 1871 года.

1. Штаты гимназій (съ обоеими древними языками).

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержаніе.	Классъ должности.	Разряды.		
			Рубли.		Мундиръ.	Пенсія.	
Директору (при казен. квартирѣ).	1	—	1.200	V	V) По учебной службѣ.	
Ему столовыхъ.	—	—	800				
Инспектору (при казенной квартирѣ).	1	—	900	VI	VI		
Ему столовыхъ.	—	—	600				
Законоучителю.	1	12	900				
Учителямъ:							
Русскаго языка, съ церковно-славянскимъ.	2	22	} 13.070 рублей.	} VIII	} VIII		
Латинскаго и греческаго.	4	72 (73)					
Логики.	—	(1)					
Математики, физики, математической географіи и естествовѣдѣнія.	2	31					
Исторіи и географіи.	1	19					
Нѣмецкаго языка.	1	17					
Французскаго языка.	1	17					
Учителю чистописанія.	1	5	250	IX	IX	VII	
Класснымъ наставникамъ.	5	—	800				
Ихъ помощникамъ (при казенныхъ квартирахъ).	2	—	600	X	X	по уч. сл.	
Врачу.	1	—	300	VIII	VIII	помед. сл.	
На плату учителямъ пѣнія и гимнастики.	—	—	500				
Письмоводителю или бухгалтеру.	1	—	200	X	X	VIII	
Ему столовыхъ.	—	—	200				
На канцелярскіе расходы и на наемъ писца.	—	—	300				
На учебныя пособія.	—	—	400				
Добавочное жалованье секретарю совѣта и бібліотекарю.	—	—	240				
Итого.	—	—	21.260				

Примѣчанія: 1) Въ гимназіяхъ, въ коихъ, согласно съ примѣчаніемъ 1-мъ къ § 9, полагаются инспекторы изъ числа преподавателей, они получаютъ, сверхъ преподавательскаго оклада и вообще вознагражденія за свои уроки, еще 750 руб. добавочнаго жалованья и пользуются въ отношеніи пенсій и другихъ служебнхъ правъ одинаковымъ положеніемъ со штатными инспекторами; остающіеся же отъ нормальнаго оклада инспектора 750 руб. упо-

2. Штатъ гимназій (въ коихъ еще не введенъ греческій языкъ).

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержаніе.	Классъ долж- ности.	Разряды.		
			Рубли.		Мундира.	Пенсіи.	
Директору (при казенной квар- тирѣ)	1	—	1.200	V	V	} По учебной службѣ.	
Ему столовыхъ	—	—	800				
Инспектору (при казенной квар- тирѣ)	1	—	900	VI	VI		
Ему столовыхъ	—	—	600				
Законоучителю	1	12	900				
Учителямъ:							
Русскаго языка съ церковно-сла- вянскимъ	2	26	} 11.870 рублей.	} VIII	} VIII	} По учебной службѣ.	
Латинскаго языка	3	42 (43)					
Логикѣ	—	(1)					
Математики, физики, математиче- ской географіи и естествовъ- вѣдѣнія	2	31					
Исторіи и географіи	1	19					
Нѣмецкаго языка	1	20					
Французскаго языка	1	23					
Учителю чистописанія	1	5	250	IX	IX	VII	
Класснымъ наставникамъ	5	—	800				
Ихъ помощникамъ (при казенной квартирѣ)	2	—	600	X	X	по уч. сл.	
Врачу	1	—	300	VIII	VIII	по мед. сл.	
На плату учителямъ пѣнія и гим- настики	—	—	500				
Письмоводителю или бухгалтеру	1	—	200	X	X	VIII	
Ему столовыхъ	—	—	200				
На канцелярскіе расходы и на наемъ писца	—	—	300				
На учебныя пособия	—	—	400				
Добавочное жалованье секретарю совѣта и бібліотекарю	—	—	240				
Итого	—	—	20.060				

требуются на особое вознагражденіе учителямъ отечественнаго и древнихъ языковъ за исправленіе ученическихъ упражненій въ размѣрѣ не менѣе 100 р. каждому, а имѣющая затѣмъ остаться сумма — на учебныя пособия; въ тѣхъ же гимназіяхъ, въ коихъ будутъ особые инспекторы, особое вознагражденіе учителямъ за исправленіе ученическихъ упражненій, въ случаѣ недостатка штатныхъ суммъ, производится изъ специальныхъ суммъ гимназій и пансіона, притомъ по возможности въ размѣрѣ 100 р. на cadaго.

2) На основаніи § 58, учителя наукъ и языковъ раздѣляются на 4 разряда по окладамъ жалованья (750, 900, 1.250 и 1.500 руб. за 12 уроковъ), съ вычетомъ за каждый изъ недостающихъ до 12 уроковъ въ соразмѣрности съ получаемымъ окладомъ.

3. Штаты прогимназій (съ двумя древними языками).

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержаніе. Рубли.	Классъ должности.	Разряды.	
					Мундир.	Пенсія.
Инспектору (при казенной квартирѣ).	1	—	1.500	VI	VI	} По учебной службѣ.
Законоучителю	1	8	600			
Учителямъ:						
Русскаго языка	1	15	} 5.810	} VIII	} VIII	
Латинскаго и греческаго	2	36				
Математики	1	15				
Истории и географіи	1	12				
Французскаго языка	1	9	675			
Нѣмецкаго языка	1	9	675			
Учителю чистописанія	1	5	250	IX	IX	
Класснымъ наставникамъ	3	—	480			
Ихъ помощнику (при казенной кварт.).	1	—	220	X	X	по уч. сл.
Врачу	1	—	300	VIII	VIII	по мед. сл.
На плату учителямъ пѣнія и гимнастики	—	—	500			
Письмоводителю или бухгалтеру	1	—	200	X	X	VIII
Ему столовыхъ	—	—	200			
На канцелярскіе расходы	—	—	100			
На учебныя пособія	—	—	200			
Добавочное жалованье секретарю совѣта и бібліотекарю	—	—	240			
Итого	—	—	11.950			

Примчаніе. Въ прогимназіяхъ учителя раздѣляются на 3 разряда по окладамъ жалованья (750, 900 и 1.250 руб.). За исправленіе ученическихъ упражненій по отечественному и древнимъ языкамъ полагается въ общей

4. Штатъ прогимназій (въ воихъ еще не введенъ греческій языкъ).

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержаніе. Рубли.	Классъ долж- ности.	Разряды.	
					Мундира.	Пенсіи.
Инспектору (при казенной квартирѣ).	1	—	1500	VI	VI	
Законоучителю	1	8	600			
Учителямъ:						
Русскаго языка	1	17	} 4.970	} VIII	} VIII	} По учебной службѣ.
Латинскаго языка	1	24				
Математики	1	15				
Исторіи и географіи	1	12				
Французскаго языка	1	11				
Нѣмецкаго языка	1	8	600			
Учителю чистописанія	1	5	250	IX	IX	VII
Класснымъ наставникамъ	3	—	480			
Ихъ помощнику (при казенной кварт.).	1	—	220	X	X	по уч. сл.
Врачу	1	—	300	VIII	VIII	по мед. сл.
На плату учителямъ пѣнія и гимна- стики	—	—	500			
Письмоводителю или бухгалтеру . . .	1	—	200	X	X	VIII
Ему столовыхъ	—	—	200			
На канцелярскіе расходы	—	—	100			
На учебныя пособія	—	—	200			
Добавочное жалованье секретарю со- вѣта и бібліотекарю	—	—	240			
Итого	—	—	11.185			

сложности на всѣхъ учителей этихъ предметовъ штатное вознагражденіе: въ прогимназіяхъ съ двумя древними языками — въ 180 р., въ прогимназіяхъ, въ воихъ еще не введенъ греческій языкъ, — въ 120 рублей.

Общая примѣчанія: 1) Сверхъ численныхъ выше суммъ на гимназіи и прогимназіи, полагается на содержаніе приготовительнаго класса при каждомъ изъ сихъ учебныхъ заведеній по 1.100 руб. въ годъ, считая по 50 руб. за каждый недѣльный урокъ, будутъ ли уроки распределены между учителями гимназіи и прогимназіи или ввѣрены особымъ учителямъ. 2) Въ случаѣ необходимости повышенія учителей, пользующихся наихудшимъ окладомъ, по выслугѣ ими пятилѣтія, на ближайшій высшій окладъ и при недостаточности штатной суммы на покрытіе сего расхода, недостающая сумма вносится въ смету расходовъ министерства народнаго просвѣщенія для отпуска изъ государственнаго казначейства. 3) На содержаніе дома по 2.000 руб. на каждую гимназію и по 1.500 руб. на прогимназію, назначается въ сметѣхъ общая сумма, распределеніе которой между отдѣльными гимназіями и прогимназіями предоставляется усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія. 4) Вознагражденіе за дополнительные уроки производится въ размѣръ 60 руб. за каждый урокъ. 5) Въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ коихъ, согласно съ примѣчаніемъ 1-мъ къ § 64, будутъ назначены особые надзиратели, они получаютъ содержаніе по 700 руб. каждый, и должность ихъ относится къ VIII классу, а по мундиру къ VIII разряду и считается по учебной службѣ.

В Ы П И С К А

изъ журнала общаго собранія государственнаго совѣта 15-го мая 1871 года по проектамъ: 1) объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ уставѣ гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденномъ 19-го ноября 1864 года, и 2) о преобразованіи реальныхъ гимназій въ реальныя училища.

Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, приступивъ къ рассмотрѣнію сего дѣла, призналъ необходимымъ обратиться прежде всего въ разномыслямъ, возникшимъ въ средѣ Высочайше учрежденнаго присутствія для рассмотрѣнія проектовъ по части народнаго образованія. При этомъ, имѣя въ виду, что по первому и наиболѣе важному изъ нихъ — о томъ значеніи, какое должно быть присвоено у насъ реальному образованію, — всѣми членами присутствія единогласно признается необходимость существованія, независимо отъ классическихъ гимназій, также и реальныхъ учебныхъ заведеній, и что различіе взглядовъ обнаруживается главнымъ образомъ относительно того, могутъ ли и должны ли реальныя училища состоять съ университетами въ такой же связи, какъ классическія среднія учебныя заведенія, — государственный совѣтъ призналъ наиболѣе соотвѣтственнымъ начать сужденія свои по настоящему дѣлу съ вопроса: должны ли давать доступъ безъ экзамена въ университетъ однѣ только классическія гимназіи, или же, на ряду съ ними, также и реальныя училища?

При обсужденіи сего вопроса, государственный совѣтъ нашель, что во всѣхъ государствахъ Европы только гимназіи, основными предметами коихъ служатъ оба древніе языка и математика, признаются приготовительными къ университетамъ учебными заведеніями, и самыя достовѣрныя данныя убѣждаютъ въ томъ, что вездѣ, гдѣ только процвѣтають науки, въ томъ числѣ и науки естественныя и медицинскія, однѣ гимназіи съ полнымъ классическимъ курсомъ называются учеными школами и только даваемое ими образованіе признается пригоднымъ для приготовленія къ поступленію въ университетъ.

На основаніи существующихъ законоположеній какъ у насъ, такъ и во всѣхъ государствахъ Европы, классическія гимназіи открываютъ путь не только въ университеты, но и во всѣ высшія спеціальныя заведенія, курсъ коихъ основанъ на наукахъ математическихъ. Въ 1868 и 1869 годахъ въ одни высшія спеціальныя училища С.-Петербурга поступило 600 человекъ, окончившихъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ.

Математическія науки преподаются вообще въ нашихъ гимназіяхъ удовлетворительно. Если въ Московскомъ университетѣ на повѣрочныхъ испытаніяхъ прошлаго года оказались не совсѣмъ благоприятные результаты по математикѣ, то это составляетъ единственный и исключительный случай, который объясняется: во-первыхъ, внезапностью и неожиданностью для поступающихъ въ университетъ повѣрочныхъ испытаній изъ математики, такъ какъ прежде они производились только поступающимъ на физико-математическій факультетъ; во-вторыхъ — производствомъ оныхъ въ теченіе одного и того же дня безъ перерыва, вслѣдствіе чего многіе изъ испытуемыхъ, сильно утомившись ожиданіемъ своей очереди, не были въ состояніи выказать свои знанія въ надлежащемъ свѣтѣ по этой именно причинѣ, какъ засвидѣтельствовалъ попечитель Московскаго учебнаго округа, и въ-третьихъ, тѣмъ, что въ прошломъ году, по причинѣ отмѣны постановленій, стѣснявшихъ выходъ изъ духовнаго званія, было особенно велико число воспитанниковъ духовныхъ семинарій, желавшихъ поступить въ Московскій университетъ, и изъ нихъ-то почти никто не выдержалъ удовлетворительно испытанія изъ математики: ибо предметъ этотъ и по новому уставу семинарій поставленъ въ нихъ довольно слабо, какъ не требующійся въ большихъ размѣрахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, спеціально назначенныхъ для приготовленія къ духовному званію. Такимъ образомъ, если исключить изъ числа не выдержавшихъ испытанія изъ математики бывшихъ воспитанниковъ семинарій, то на долю другихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и гимназій, останется весьма незначительное число лицъ, не удовлетворившихъ требованіямъ повѣрочнаго испы-

танія какъ изъ этого, такъ равно и изъ другихъ предметовъ. Исключительность этого случая вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ попечителя Московскаго учебнаго округа о томъ, что на выпускныхъ экзаменахъ въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа успѣхи учениковъ въ математикѣ, по отзывамъ профессоровъ, присутствовавшихъ на этихъ экзаменахъ, оказывались постоянно весьма удовлетворительными, какъ видно изъ донесеній этихъ профессоровъ за 1863—1869 годы. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ изъ 77 лицъ, подвергавшихся повѣрочному испытанію изъ математики, всѣ безъ исключенія выдержали оное, и вообще изъ 283 лицъ, получившихъ образованіе въ гимназіяхъ и подвергавшихся испытаніямъ по различнымъ предметамъ, только 7 не удовлетворили экзаменнымъ требованіямъ, или съ небольшимъ 2°/. Министръ народнаго просвѣщенія съ своей стороны удостовѣряетъ, что, обзрѣвъ болѣе 50 гимназій въ различныхъ учебныхъ округахъ, онъ вездѣ находилъ успѣхи учениковъ по математикѣ наиболѣе удовлетворительными. Попечитель С.-Петербургскаго округа, въ свою очередь, свидѣтельствуеетъ, что преподаваніе математики и физики въ гимназіяхъ идетъ успѣшно и даетъ прогрессивно все лучшіе результаты, при чемъ онъ указываетъ какъ на то, что съ каждымъ годомъ увеличивается число поступающихъ изъ гимназій въ такія высшія спеціальныя училища, въ которыя могутъ быть принимаемы молодые люди, не только обладающіе надлежащими математическими свѣдѣніями, но и математически-развитые, такъ и на то, что изъ нѣкоторыхъ гимназій съ классическимъ курсомъ поступаетъ въ эти училища большее число лицъ, чѣмъ изъ гимназій реальныхъ. Что касается до результатовъ повѣрочныхъ испытаній изъ математики и физики въ прошломъ году въ медико-хирургической академіи, то изъ данныхъ, доставленныхъ оною, оказывается, что изъ учениковъ классическихъ гимназій только 5 человекъ не выдержали экзамена изъ математики и столько же изъ физики, а между тѣмъ извѣстно, что въ эту академію ежегодно поступаетъ весьма значительное число окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ. Тѣмъ не менѣе, для

обезпеченія еще большихъ успѣховъ по математикѣ, на этотъ предметъ въ проектѣ измѣненій и дополненій въ уставѣ гимназій 1864 года назначено девятью часами болѣе противъ прежняго.

Относительно наукъ естественныхъ слѣдуетъ замѣтить, что онѣ, входя въ болѣе или меньшемъ размѣрѣ въ курсъ какъ классическихъ, такъ и реальныхъ учебныхъ заведеній, ни въ тѣхъ ни въ другихъ училищахъ не служатъ основаніемъ учебнаго плана, или предметомъ, на коемъ сосредоточивались бы занятія учащихся, такъ какъ и самый методъ преподаванія этихъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ еще не выработался; въ тѣхъ же германскихъ реальныхъ училищахъ, которыя имѣютъ продолжительный курсъ, предметами сосредоточенія, или основой преподаванія, служатъ, при математикѣ, не естествознаніе, а главнымъ образомъ латинскій языкъ.

Въ Пруссіи, хотя учебный курсъ реальныхъ училищъ 1-го разряда и продолжается 9 лѣтъ, такъ же какъ и курсъ гимназій, и въ нихъ главнымъ предметомъ преподаванія служитъ латинскій языкъ, коему отводится гораздо болѣе времени, нежели въ нашихъ такъ-называемыхъ классическихъ гимназіяхъ, тѣмъ не менѣе училища эти относятся къ совершенно другому разряду учебныхъ заведеній и поставляются совсѣмъ въ иное положеніе, нежели гимназій. Въ § 103 проекта общаго училищнаго закона, внесеннаго въ ноябрѣ 1869 года прусскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, прямо сказано: «гимназій должны готовить въ университетскимъ занятіямъ, а реальныя училища для практическихъ профессиональныхъ цѣлей (für praktische Berufszwecke) и для высшихъ специальныхъ техническихъ училищъ». Согласно съ этимъ, тогда какъ гимназій признаются за государственныя заведенія (Staatsanstalten), то - есть, за училища, необходимыя для государства въ видахъ процвѣтанія наукъ, и въ этомъ качествѣ именуются королевскими (Königliches Gymnasium) и состоятъ подъ королевскимъ патронатомъ, съ директорами и учителями, назначаемыми отъ правительства, и получаютъ изъ казны значительную часть всѣхъ суммъ, необходимыхъ на ихъ содержаніе, — реальныя училища признаются

только городскими училищами, состоятъ въ вѣдѣніи городскихъ патронатовъ, отъ городскихъ обществъ получаютъ содержаніе, а изъ казны на всѣ 64 прусскія реальныя училища отпускается только ничтожное пособіе въ 5,500 талеровъ (со включеніемъ Ганноверскихъ реальныхъ училищъ); точно также въ Пруссіи гимназическое образованіе даетъ доступъ во всѣ факультеты университетовъ, въ высшія спеціальныя училища и затѣмъ по всѣмъ государственнымъ должностямъ; реальное же образованіе—только къ высшимъ спеціальнымъ училищамъ и къ нѣкоторымъ второстепеннымъ должностямъ по интендантской и провіантской части въ арміи и по частямъ архитектурной, землемѣрной, горной, лѣсной и почтовой. Городскія общества, а также директоры и учителя этихъ училищъ нерѣдко старались придать имъ большее значеніе, домогались для нихъ новыхъ правъ и съ своими заявленіями обращались къ сейму. Эти домогательства побудили въ концѣ 1869 года прусскаго министра народнаго просвѣщенія предложить университетскимъ факультетамъ: могутъ ли воспитанники реальныхъ училищъ, имѣющихъ 9-лѣтній курсъ и латинскій языкъ въ основаніи своего учебнаго плана, по окончаніи въ нихъ полнаго курса ученія, быть допускаемы въ университетъ? На этотъ вопросъ изъ 38 факультетовъ 29 отвѣчали отрицательно, 9 соглашались на допущеніе къ слушанію лекцій или по медицинскому, или по физико-математическому факультету, и изъ нихъ 5 — условно, 2 представили особое мнѣніе и только 2 изъ 38 высказались безусловно въ пользу допущенія къ слушанію лекцій по означеннымъ предметамъ, несмотря на то, что личный интересъ профессоровъ, получающихъ вознагражденіе отъ своихъ слушателей, заставлялъ бы ихъ желать увеличенія числа слушателей. При этомъ самый знаменитый нынѣ университетъ Берлинскій высказался единогласно противъ допущенія воспитанниковъ реальныхъ училищъ въ университетъ. Тѣмъ не менѣе, желая хоть сколько-нибудь облегчить городскимъ обществамъ содержаніе реальныхъ училищъ привлеченіемъ къ высшимъ ихъ классамъ бѣльшаго числа учениковъ, министръ народнаго просвѣщенія царю-

ляромъ отъ 7-го декабря 1870 года разрѣшилъ допускать окончившихъ курсъ ученія въ реальныхъ училищахъ къ слушанію лекцій въ университетѣ по философскому факультету, но съ тѣмъ, что и по выходѣ изъ университетовъ они не получаютъ права вступать во всѣ отрасли государственной службы, а могутъ только держать экзаменъ на званіе учителей этихъ предметовъ и притомъ единственно въ реальныхъ училищахъ.

Такимъ образомъ Пруссія какъ прежде, такъ и теперь, держится исключительно одной системы приготовленія во всѣмъ знаніямъ и во всѣмъ высшимъ должностямъ въ государствѣ, и именно системы классической.

То же самое усматривается и во всѣхъ другихъ государствахъ Европы; такъ, на примѣръ, въ Саксоніи только классическія гимназіи готовятъ къ университету; въ Баваріи реальныя училища отнесены къ разряду техническихъ и для нихъ изданъ отдѣльный уставъ совместно съ промышленными училищами и съ политехническими школами; въ Бельгіи реальныя училища составляютъ профессиональныя отдѣленія атенеевъ и также не даютъ доступа въ университетъ.

Во Франціи въ 1852 году правительство допустило отступленіе отъ общепринятаго въ Европѣ пути приготовленія къ высшему научному образованію, именно въ томъ отношеніи, что для поступленія на факультеты физико-математическіе и медицинскіе не требовалось продолженіе изученія греческаго языка въ высшихъ классахъ; но это повело къ такому упадку самыхъ медицинскихъ и физико-математическихъ наукъ, что въ 1864 году вышеупомянутая мѣра, по ходатайству самихъ же факультетовъ, была отмѣнена и Франція вновь вступила на тотъ же путь, которымъ идетъ вся Европа.

Въ Австріи дѣйствуютъ два устава о реальныхъ училищахъ: одинъ, изданный въ 1864 году для Транслейтаніи, а другой, изданный только въ прошедшемъ году, для Цислейтаніи, и по обоимъ этимъ уставамъ училища эти отнесены совершенно къ иной категоріи нежели гимназіи, и также, какъ и вездѣ въ Европѣ, вовсе не готовятъ къ университетамъ.

Въ виду всѣхъ этихъ и многихъ другихъ фактовъ, подтвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, при обсужденіи сего дѣла въ государственномъ совѣтѣ подлинными документами изъ иностранныхъ училищныхъ уставовъ, совѣтъ никакъ не могъ согласиться съ тѣмъ, что будто бы во всѣхъ государствахъ западной Европы въ настоящее время признаются два равнозначущіе и ведущіе къ одной и той же цѣли пути общаго образованія, и не признавалъ возможнымъ допустить, чтобы въ одной только Россіи, кромѣ испытаннаго вѣками классическаго пути, былъ признанъ еще и другой реальный путь подготовленія юношей къ высшему научному образованію. Вступивъ на поприще общеевропейской цивилизаціи позднѣе другихъ странъ и не утвердивъ еще у себя на прочныхъ основаніяхъ извѣданной общеевропейской классической школы, Россія не призвана пролагать новые пути въ этомъ отношеніи и дѣлать какіе-либо опыты на этомъ поприщѣ въ явный ущербъ цѣлымъ поколѣніямъ. Для Россіи, какъ и для всякой страны, въ высшей степени желательно процвѣтаніе въ ней естественныхъ, также какъ и всѣхъ другихъ наукъ; но эти науки доселѣ обязаны своими успѣхами единственно университетамъ. Впрочемъ, и въ Россіи, каковы ни были ея школы, всегда признавался лишь одинъ путь во всѣмъ специальностямъ знанія, а именно гимназическое образованіе, основанное на языкахъ латинскомъ и греческомъ. Уже въ 1849 году изъ 74 гимназій въ 47 преподавался греческій языкъ, между тѣмъ какъ нынѣ онъ преподается только въ 37-и гимназіяхъ изъ 90. Въ министерство графа Уварова большинство учениковъ ему обучалось, вслѣдствіе чего историко-филологическіе факультеты, дающіе гимназіямъ 9 учителей изъ 11-и, положенныхъ по штату каждой гимназіи, были довольно многочисленны и гимназіи наши не нуждались, какъ нынѣ, въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ. Съ 1849 и 1851 годовъ греческій языкъ былъ изгнанъ почти изъ всѣхъ гимназій, а преподаваніе латинскаго было крайне ослаблено и съ тѣхъ поръ начался упадокъ учебнаго дѣла въ Россіи; уровень приготовительнаго къ университетамъ образованія былъ крайне пониженъ, но

и тогда допускались въ университетъ молодые люди, прошедшіе одну и ту же школу, въ которой по крайней мѣрѣ латинскій языкъ былъ обязательнымъ предметомъ.

Уставъ гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденный 19-го ноября 1864 года, спасъ Россію отъ совершенной несостоятельности въ учебномъ и научномъ отношеніяхъ, которая повсюду обнаруживалась самыми печальными признаками; основными, наиболѣе благотворными положеніями этого устава нельзя не признать: 1) возстановленія изученія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ въ прежней силѣ и притомъ съ признаніемъ греческаго языка обязательнымъ предметомъ и 2) постановленія, что только классическія гимназіи открываютъ учащемуся юношеству доступъ въ университеты (§ 122). Нынѣ пересмотръ устава 1864 года предпринять съ единственною цѣлью довершить и упрочить эту учебную реформу, освободивъ ее отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, указанныхъ нынѣ опытомъ. А между тѣмъ признаніе, что двоякаго рода образованіе, ведетъ въ университету: классическое и реальное (послѣднее съ нѣкоторою лишь прибавкою латинскаго языка), было бы, по мнѣнію государственнаго совѣта, не только не усовершеніемъ и упроченіемъ учебной реформы 1864 года, а испроверженіемъ самыхъ основъ ея и возвращеніемъ къ порядкамъ 1849 и 1851 годовъ, несостоятельность которыхъ была вполне уже дознана на самомъ дѣлѣ, и притомъ еще съ нѣкоторыми ухудшеніями противъ тогдашняго положенія.

Въ уставѣ 1864 года, дѣйствительно, гимназіи раздѣлены на двѣ категоріи: классическія и реальныя, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія учреждать тѣ или другія, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и учебнымъ средствамъ, въ томъ числѣ, какое укажетъ опытъ. Реальныя гимназіи были, такимъ образомъ, какъ бы сопоставлены съ классическими, и тѣмъ была внесена нѣкоторая неопредѣленность и неправоудность въ ихъ положеніе среди другихъ учебныхъ заведеній. Это едва-ли не самый главный изъ тѣхъ случайныхъ недостатковъ учебной реформы 1864 года, о коихъ было упомянуто выше: ибо это сопоставленіе

реальныхъ гимназій съ классическими подало поводъ предполагать, что онѣ принадлежатъ какъ будто къ одной категоріи и преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли, вслѣдствіе чего возникли домогательства, чтобъ изъ реальныхъ гимназій былъ открытъ доступъ въ университетъ; когда же эти домогательства, какъ противныя закону и интересамъ университетскаго образованія, были отвлочены, то почти отовсюду послѣдовали настоятельныя просьбы о томъ, чтобы мѣстныя гимназіи были классическими; въ тѣхъ же, которыя были преобразованы въ реальныя, число учениковъ значительно уменьшилось. Этотъ недостатокъ, по мнѣнію государственнаго совѣта, подлежалъ непремѣнному устраненію изъ учебной реформы 1864 года; но какъ ни былъ онъ великъ и важенъ по своимъ, оказавшимся на дѣлѣ послѣдствіямъ, тѣмъ не менѣе уставъ 1864 года, сопоставляя реальныя гимназіи съ классическими, не относилъ ихъ къ одной и той же категоріи училищъ, а полагалъ между ними существенное различіе и указывалъ имъ различныя цѣли, предоставляя только классическимъ гимназіямъ приготовленіе къ университетамъ; нынѣ же, вопреки всѣмъ указаніямъ опыта какъ цѣлой Европы, такъ и нашего собственнаго, предлагается сгладить и это различіе между тѣми и другими учебными заведеніями, и съ этою цѣлью: 1) ввести преподаваніе латинскаго языка въ реальныя училища, впрочемъ, только для желающихъ и безъ означенія размѣра преподаванія этого предмета; 2) открыть таковымъ воспитанникамъ реальныхъ училищъ доступъ на факультеты физико-математическій и медицинскій, и 3) преобразовать въ такія училища половину всѣхъ существующихъ у насъ гимназій.

Осуществленіе такового предположенія, безпримѣрнаго въ исторіи европейской цивилизаціи, могло бы, по мнѣнію государственнаго совѣта, имѣть лишь самыя пагубныя послѣдствія для умственнаго и нравственнаго благосостоянія Россіи, даже и въ томъ случаѣ, если бы оно произведено было и не въ столь обширныхъ размѣрахъ. Въ цѣлыхъ губерніяхъ, въ которыхъ въ замѣнъ гимназій были бы учреждены подобныя училища, родители были бы

поставлены въ необходимость съ 10-лѣтняго возраста обрѣвать своихъ дѣтей вопреки, быть можетъ, природнымъ ихъ склонностямъ, на то, чтобъ они дѣлались современемъ или медивами, или математиками и натуралистами, что было бы во многихъ случаяхъ правственнымъ насиліемъ и обратилось бы несомнѣнно во вредъ наукѣ; или же они должны были бы переселяться въ тѣ города, гдѣ есть настоящія гимназіи, на что ббольшая часть не имѣла бы ни средствъ, ни возможности. Въ виду такихъ крайнихъ неудобствъ, которыя возбудили бы всеобщее неудовольствіе противъ правительства, мѣстные жители были бы вынуждены домогаться, чтобъ изъ такихъ реальныхъ училищъ былъ открытъ доступъ и на факультетъ юридическій. Какъ только это требованіе было бы удовлетворено, — а отказывать въ немъ было бы затруднительно, — неминуемо возникли бы домогательства въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ были бы настоящія гимназіи, чтобъ эти учебныя заведенія были преобразованы въ реальныя училища, съ прибавкою въ маломъ размѣрѣ латинскаго языка и со всѣми правами гимназій: ибо не только у насъ, но едва-ли и не вездѣ, большинство общества не въ состояніи вникать въ педагогическое значеніе тѣхъ или другихъ предметовъ и склонно цѣнить образованіе по тѣмъ внѣшнимъ выгодамъ, которыя оно обѣщаетъ, предпочитая въ такихъ случаяхъ естественныя науки и новыя языки, почитаемыя предметами болѣе легкими, языкамъ древнимъ, въ ошибочномъ ожиданіи отъ первыхъ изъ сихъ предметовъ болѣе прямой и непосредственной пользы, почему вездѣ прежде всего сами правительства почитаютъ священною своею обязанностию охранять интересы серіозной классической школы и связанныя съ нею общіе интересы науки и ограждать университеты отъ прилива къ нимъ не зрѣлыхъ и не подготовленныхъ слушателей. Такимъ образомъ, мало по малу, Россія вновь возвратилась бы къ одному роду общеобразовательныхъ училищъ, но училищъ, которыя стояли бы ничуть не выше нашихъ гимназій съ 1849 по 1864 годъ, и всѣ благодѣтельныя послѣдствія, коихъ можно ожи-

дать отъ учебной реформы 1864 года и которыя начинаютъ уже обнаруживаться, были бы потеряны для страны.

Если же предположить возможность совмѣстнаго существованія двоякаго рода среднихъ училищъ, изъ коихъ одни готовили бы во всѣмъ факультетамъ, а другія только къ нѣкоторымъ, тогда вся Россія, а вмѣстѣ съ нею и всѣ университеты и другія учебныя заведенія распались бы на два враждебные лагеря людей радикально различнаго образованія, борьба между которыми нивоимъ образомъ не можетъ быть желательна ни въ какомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и университеты перестали бы быть университетами, ибо исчезла бы однородность и общность приговорительнаго къ нимъ образованія, къ великому ущербу для науки вообще, и студенты сдѣлались бы неравноправными, такъ какъ одни имѣли бы право поступать во всѣ факультеты, а другіе только въ два, что совершенно измѣнило бы и самое значеніе университетовъ (*Universitas litterarum*).

Другія страны, какъ напримѣръ Пруссія, справедливо гордятся тѣмъ, что число гимназій въ нихъ возрастаетъ; а въ Россіи, гдѣ число ихъ такъ ограничено, что на 80 милліоновъ жителей имѣется всего 90 гимназій, тогда какъ въ Пруссіи на 25 мил. 208 гимназій,—половина оныхъ была бы преобразована въ реальныя училища, которыя, какъ бы ни были возвышаемы въ своихъ правахъ въ подрывъ классическимъ гимназіямъ, все-таки не были бы съ ними равнозначительны.

Выше было уже упомянуто, что историко-филологическій факультетъ даетъ гимназіямъ 9 учителей изъ 11. Съ преобразованиемъ значительной части гимназій въ реальныя училища, съ изгнаніемъ изъ нихъ греческаго языка, историко-филологическіе факультеты опустѣли бы снова и гимназій стали бы вдвойнѣ испытывать на себѣ и нынѣ ощущаемый недостатокъ учителей, точно также, какъ и учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, получающія большую часть своихъ учителей также изъ историко-филологическихъ факультетовъ, да и самыя реальныя гимназій не всегда могли бы быть учреждены по неимѣнію преподавате-

лей. Гимназіи изъ полноправныхъ, то-есть, доставляющихъ доступъ во всѣ университетскіе факультеты, обратились бы въ неполноправныя, изъ коихъ можно было бы поступать только въ два факультета, а государство все-таки не приобрѣло бы *ни одного лишняго училища*. По мнѣнію государственнаго совѣта, не путемъ уничтоженія половины классическихъ гимназій слѣдуетъ распространять просвѣщеніе въ государствѣ, а учрежденіемъ, по мѣрѣ способовъ государственнаго казначейства, новыхъ училищъ. По государственной росписи на учебныя заведенія различныхъ вѣдомствъ ассигнуется слишкомъ 21 милліонъ, изъ числа коихъ на все министерство народнаго просвѣщенія приходится не съ большимъ 9 милліоновъ. Сокращать и эту сумму для учрежденія реальныхъ училищъ было бы въ высшей степени несправедливо, потому что на подобныя учебныя заведенія, находящіяся въ разныхъ министерствахъ подъ разными наименованіями, назначено гораздо болѣе денежныхъ средствъ, нежели на классическія гимназіи.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что изученіе латинскаго языка, хотя бы и серіозное, но безъ греческаго, не даетъ удовлетворительныхъ результатовъ для общаго научнаго образованія, которое вездѣ признается тогда только полнымъ и законченнымъ, когда сосредоточивается на обоихъ древнихъ языкахъ и на математикѣ. Изученіе греческаго языка не представляетъ никакихъ особыхъ трудностей, и изъ статистическихъ данныхъ, приведенныхъ въ представленіи министра народнаго просвѣщенія, усматривается, что изъ гимназій съ обоими древними языками выходитъ до окончанія курса меньшее число учениковъ, и напротивъ окончиваетъ полный курсъ ученія большее число, чѣмъ въ гимназіяхъ съ однимъ латинскимъ языкомъ. Несправедливо также утверждаютъ, будто бы для тѣхъ, кто по какимъ-либо причинамъ не успѣваетъ окончить курсъ въ классической гимназіи, все преподаваемое въ ней ученіе оказывается бесплоднымъ, ибо грамматика, обидныхъ древнихъ языковъ съ относящимися къ ней упражненіями проходитъ вся въ первыхъ четырехъ классахъ, а ея-то изученіе и содѣйствуетъ наиболѣе формальному умственному раз-

витію, что всею Европою особенно цѣнится даже для технического образованія.

Что же касается до предположенія вводить въ реальныя училища латинскій языкъ *для желающихъ* и за ученіе его давать право на поступленіе въ университетъ, то мѣра эта, по мнѣнію государственнаго совѣта, была бы во всѣхъ отношеніяхъ неудобно-исполнима: ибо, за неимѣніемъ времени въ учебномъ курсѣ такихъ училищъ для основательнаго преподаванія латинскаго языка, пришлось бы или стѣснить преподаваніе обязательныхъ предметовъ для необязательнаго и тѣмъ сдѣлать общій для всѣхъ учениковъ учебный курсъ невозможнымъ, или же ввести латинскій языкъ только для вида, въ томъ ничтожномъ размѣрѣ, въ коемъ изучаютъ оный у насъ, на примѣръ, фармацевты и ветеринары, и тогда не было бы никакого основанія давать какія бы то ни было права за такое поверхностное его изученіе, — права, какихъ не даетъ весь учебный курсъ заведенія; подобнаго примѣра также нѣтъ нигдѣ, ни у насъ, ни въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Наконецъ государственный совѣтъ не могъ не остановиться на томъ, что, при разсмотрѣніи гимназическаго устава въ 1864 году, въ совѣтѣ произошло подобное же разногласіе, съ тою только разницею, что тѣ изъ членовъ онаго, которые предлагали обращеніе половины гимназій въ реальныя, не требовали тогда допущенія изъ реальныхъ гимназій въ университеты; мнѣніе это не удостоилось Высочайшаго утвержденія. Нынѣ же возобновляется то же заявленіе, но съ добавленіемъ къ оному соображеній о необходимости допустить воспитанниковъ реальныхъ гимназій въ два факультета университетовъ.

Руководствуясь уже послѣдовавшимъ въ 1864 году по сему предмету Высочайшимъ рѣшеніемъ, а также всѣми вышеизложенными соображеніями, государственный совѣтъ не нашелъ основанія для уничтоженія половины классическихъ гимназій превращеніемъ ихъ въ реальныя, и призналъ, что невозможно колебать послѣдовавшее уже Высочайшее рѣшеніе, вступившее въ

полную силу, и испровергать самыя существенныя основанія реформы 1864 года. Подобнаго рода колебанія въ законодательствѣ, безъ сомнѣнія вредныя вообще, являются особенно опасными въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, такъ какъ при частыхъ переходахъ отъ одной системы къ другой становятся безплодными не только значительныя денежныя затраты, но также всѣ усилія и время, необходимыя для приготовленія учителей; наконецъ, кромѣ того, при переимѣнахъ подобнаго рода, всегда является пора переходная, пора неустройства училищъ, отзывающаяся впоследствии самымъ гибельнымъ образомъ на судьбѣ цѣлыхъ поволжій.

Поэтому государственный совѣтъ не могъ допустить, чтобы, на ряду съ гимназіями классическими, и гимназіи реальныя давали также право поступленія безъ экзамена въ университетъ.

Перехода затѣмъ къ обсужденію частныхъ проекта измѣненій и дополненій въ уставѣ гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года, по которымъ въ Высочайше учрежденномъ присутствіи для разсмотрѣнія проектовъ по части народнаго образованія также не состоялось единогласнаго заключенія, государственный совѣтъ нашелъ, что онѣ касаются слѣдующихъ предметовъ:

а) слѣдуетъ ли, въ замѣнъ прибавленія одного учебнаго года къ седьмому классу, учредить въ гимназіяхъ особый восьмой классъ;

б) должно ли назначать особаго инспектора въ тѣ только гимназіи, при которыхъ состоятъ пансіоны, или же сохранить дѣйствующее нынѣ правило о томъ, что особые инспекторы полагаются во всѣхъ гимназіяхъ, имѣющихъ болѣе 200 учениковъ, и

в) слѣдуетъ ли назначать преподавателямъ, получившимъ ближайшей высшей окладъ, слѣдующіе оклады по мѣрѣ открытія вакансіи, или же увеличивать ихъ содержаніе прямо за выслугу известнаго числа лѣтъ?

Принимая во вниманіе, что польза предложенныхъ однимъ членомъ по указаннымъ предметамъ правилъ, въ педагогическомъ собственно отношеніи, признается и большинствомъ чле-

новъ присутствія и что возникшія по настоящимъ вопросамъ разномыслия заключаются лишь въ томъ: представляется ли осуществленіе этихъ правилъ столь настоятельнымъ, чтобы оправдать сопряженный съ принятіемъ ихъ весьма значительный расходъ, государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, не могъ и съ своей стороны не признать, что преобразование гимназій въ связи съ издержками, предстоящими по случаю учрежденія при нихъ особыхъ приготовительныхъ классовъ, равно какъ и на приведеніе въ дѣйствіе проектированныхъ штатовъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ, и на другіе необходимые расходы по народному просвѣщенію, потребуетъ отъ государственнаго казначейства немаловажныхъ пожертвованій. Это одно уже обстоятельство, независимо отъ другихъ нуждъ, требующихъ безотлагательнаго удовлетворенія, обязываетъ, по мнѣнію государственнаго совѣта, соблюдать, при назначеніи на гимназіи дополнительныхъ суммъ, крайнюю умѣренность, допуская только тавіе расходы, безъ ассигнованія воихъ совершенно невозможна лучшая организація сихъ заведеній.

Вслѣдствіе того, находя правильными заключенія по упомянутымъ вопросамъ большинства членовъ присутствія и соглашаясь во всемъ остальномъ съ единогласными его заключеніями относительно проекта измѣненій и дополненій въ уставъ гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 года, государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, постановилъ заключеніе, удостоившееся Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія.

10. (30-го іюля 1871 года). *О дополненіяхъ въ штатахъ гимназій и прогимназій.*

Государь Императоръ Высочайше соизволил на представленіе министерству народнаго просвѣщенія права: 1) обозначить въ штатахъ прогимназій, Высочайше утвержденныхъ ^{19-го ноября} _{1-го іюля} сего года, что помощники классныхъ наставниковъ сихъ заведеній, какъ и въ гимназіяхъ, состоятъ по должности въ X классъ

и по мундиру въ X разрядѣ; 2) включить въ штаты прогимназіи должность бухгалтера въ томъ видѣ, какъ упоминается объ этой должности въ штатахъ гимназіи, и 3) пунктъ 5-й общій примѣчаній въ штатахъ гимназіи и прогимназіи дополнить указаніемъ, что должность надзирателя сихъ заведений по мундиру полагается въ VIII разрядѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 9-й день минувшаго іюня, Высочайше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе ходатайства инспектора народныхъ училищъ Бессарабской области имѣть портреты: министра народнаго просвѣщенія, попечителя Одессаго учебнаго округа и бывшаго директора училищъ Бессарабской области, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Яновскаго, въ трехъ двуклассныхъ училищахъ: Зарожанскомъ и Николаевско-Новороссійскомъ мужскихъ и Хотинскомъ женскомъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

9/20-го іюля 1871 года (№ 16). *Назначается:* членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и редакторъ журнала сего министерства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Георгиевскій* — членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящихъ должностей.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

7. (12-го іюня 1871 года). *Правила объ обязанностяхъ студентовъ и постороннихъ слушателей Демидовскаго юридическаго лица и о взысканіяхъ за нарушеніе лицейскихъ правилъ.*

§ 1. Принятый въ число студентовъ Демидовскаго юридическаго лица получаетъ отъ лица билетъ на жительство и на

слушаніе лекцій и экземпляръ правилъ для студентовъ, безъ всякой за то платы.

§ 2. Билетъ для жительства выдается на годъ, билеты же для вѣзда на лекціи—на полгода. Но если при поступленіи студентъ не внесъ платы за слушаніе лекцій, то ему выдаются означенные билеты только на два мѣсяца.

§ 3. Для полученія билетовъ студентъ обязанъ явиться къ директору, дать письменное обязательство въ соблюденіи всѣхъ лицейскихъ правилъ и записать свой адресъ въ особой книгѣ.

§ 4. Студенты обязаны постоянно посѣщать лекціи по всѣмъ предметамъ, которые излагаются на курсѣ. Они должны являться своевременно на экзаментъ и исполнять всѣ тѣ научныя работы, которыя назначаются имъ профессорами, какъ-то: сочиненія, конспекты, переводы, извлеченія и т. п.

§ 5. Запрещается студентамъ литографированіе лекцій и конспектовъ. Такое литографированіе можетъ быть сдѣлано только профессорами, съ тѣмъ чтобъ ихъ литографированныя записки поступали въ продажу наравнѣ съ печатными книгами.

§ 6. При пользованіи книгами изъ лицейской бібліотеки студенты обязаны соблюдать установленныя для того правила.

§ 7. Студенты не составляютъ отдѣльной корпораціи. Въ лицей они подчиняются общей полиціи и исполняютъ всѣ ея распоряженія.

§ 8. Какъ внѣ лицей, такъ и въ лицей студенты обязаны исполнять безпрекословно всѣ постановленія лицейскаго начальства. Не желающіе подчиняться онымъ или не способные къ тому могутъ во всякое время просить объ увольненіи изъ числа студентовъ. Сторонніе слушатели подчиняются лицейскому начальству въ зданіи лицей наравнѣ со студентами.

§ 9. Обязательны для студентовъ не только общія правила, изложенныя въ печатномъ экземплярѣ оныхъ, но и всѣ особыя распоряженія, выставляемыя начальствомъ для свѣдѣнія на особой доскѣ. Ничто не можетъ отговариваться незнаніемъ оныхъ.

§ 10. Студенты обязаны являться въ лицей по требованію на-

чальства. Они обращаются непосредственно и каждый от себя лично: съ просьбами объ освобожденіи отъ платы и объ одновременныхъ пособіяхъ—въ правленіе лица, съ просьбами о назначеніи стипендій—въ совѣтъ, для уплаты денегъ—къ казначею, съ просьбами о совѣтѣ въ научныхъ занятіяхъ—къ профессорамъ, во всѣхъ прочихъ случаяхъ—къ директору лица.

§ 11. Студентъ обязанъ вносить установленную плату за слушаніе лекцій, если онъ не освобожденъ отъ взноса таковой, не позже какъ въ первые два мѣсяца каждаго полугодія, то-есть, не позже 1-го марта и 15-го октября.

§ 12. Студенты обязаны вести себя какъ въ лицѣ, такъ и внѣ онаго согласно съ правилами благовоспитанности и съ достоинствомъ своего званія; они не должны дозволить себѣ ничего противнаго не только закону, но и приличію.

§ 13. Не допускаются никакія дѣйствія студентовъ, носяція характеръ корпоративный. Поэтому запрещается подача адресовъ, произнесеніе рѣчей, подача коллективныхъ жалобъ, посылка депутатовъ и выставка объявленій отъ имени всѣхъ студентовъ. Отдѣльно каждый студентъ можетъ заявлять о своихъ нуждахъ лицейскому начальству и профессорамъ.

§ 14. Въ лицѣ не допускаются никакія постороннія ему учрежденія, находящіяся внѣ вѣдѣнія начальства, напримѣръ: особая бібліотека, читальня, вспомогательныя кассы и проч.

§ 15. Въ зданіи лица и во дворѣ его воссрещаются всякаго рода сборища и сходки. Въ лицѣ не допускаются театральныя представленія, концерты и другія увеселенія.

§ 16. Внѣ лица запрещаются спектакли, концерты, публичныя лекціи и проч. въ пользу студентовъ, безъ вѣдома лицейскаго начальства. Разрѣшаются всѣ такого рода выраженія благотворительности, при соблюденіи общихъ полицейскихъ правилъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вырученныя деньги были передаваемы директору лица, для употребленія наравнѣ съ прочими пожертвованіями въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Какъ студенты, такъ и постороннія лица, желающія оказать матеріаль-

ную помощь студентамъ, могутъ во всякое время обращаться къ директору.

§ 17. Курение табаку въ аудиторияхъ, въ библіотекѣ, въ читальнѣ, въ корридорахъ и вообще въ той части зданія лицѣа, которая не отведена подъ квартиры служащихъ, не разрѣшается.

§ 18. Студенты и сторонніе слушатели обязаны являться въ лицѣа въ приличной одеждѣ. Они должны соблюдать вообще въ лицѣа и особенно во время чтенія лекцій тишину и порядокъ.

§ 19. Запрещаются всякія выраженія одобренія и неодобренія профессорамъ по поводу ихъ лекцій.

Примѣчаніе. Это правило не распространяется на публичныя лекціи профессоровъ.

§ 20. Студенты обязаны имѣть при себѣ постоянно билетъ на слушаніе лекцій и предъявлять его по требованію начальства и профессоровъ. Они должны перемѣнять билеты по истеченіи срока ихъ и не могутъ передавать выданные на имя ихъ билеты другому лицу.

Примѣчаніе. Въ случаѣ утраты билета, по заявленію о томъ полиціи, студенту выдается новый билетъ, при чемъ взыскивается съ него 1 рубль въ пользу студентской библіотеки.

§ 21. Студенты не имѣютъ форменной одежды; имъ не дозволяется носить знаки какихъ-либо товариществъ, равно національные и запрещенные общими полицейскими распоряженіями востюмы.

§ 22. Студенты не могутъ дѣлать распоряженія и давать приказанія лицейскимъ служителямъ. Никакое объявленіе не можетъ быть выставляемо отъ чьего бы то ни было имени безъ разрѣшенія начальства лицѣа.

§ 23. Студенты обязаны записывать въ адресной книгѣ всякій разъ о мѣстѣ своего жительства. Безъ вѣдома начальства они могутъ отлучаться только въ ближайшія подгородныя мѣста срокомъ не болѣе 3-хъ дней.

§ 24. Отпускъ студентамъ на выѣздъ изъ города выдается

по засвидѣтельствованіи полиціи, что нѣтъ препятствій въ такому выѣзду. Отпуски выдаются директоромъ.

§ 25. По прибытіи на мѣсто отпуска студентъ обязанъ представить свой билетъ: въ городахъ — мѣстнымъ полицейскимъ управленіямъ, а въ уѣздахъ — земской, волостной или сельской полиціи. Если студентъ не можетъ возвратиться въ лицей въ срокъ по болѣзни, то онъ долженъ просить объ освидѣтельствованіи его здоровья мѣстнымъ врачомъ; при этомъ полицію прописывается, до котораго числа найдено необходимымъ продлить пребываніе студента въ данной мѣстности. Если просрочка будетъ зависть отъ чрезвычайныхъ случаевъ по отношеніямъ семейнымъ или имущественнымъ, то надлежащее засвидѣтельствованіе о томъ присутственнаго мѣста должно быть представлено мѣстной полиціи для продленія срока отпуска. Всѣ прочія основанія просрочки не могутъ быть приняты въ уваженіе, и позднѣйшія представленія доказательствъ законной просрочки не допускаются.

§ 26. За нарушеніе правилъ студенты подвергаются постановленнымъ взысканіямъ. Сверхъ того, кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ выдается требуемое для поступленія на службу по министерству юстиціи свидѣтельство о благонадежности только въ томъ случаѣ, если они во время пребыванія въ лицей ни въ чемъ предосудительномъ не были замѣчены и неуклонно исполняли всѣ существующія для студентовъ правила.

§ 27. Студенты подвергаются взысканіямъ со стороны лица за проступки, не имѣющіе уголовнаго характера. Въ случаѣ совершенія студентомъ въ зданіи лица уголовнаго преступленія, онъ отсылается въ обыкновенному суду вмѣстѣ съ приговоромъ лицейскаго начальства объ исключеніи виновнаго изъ числа студентовъ.

§ 28. Наоборотъ, въ случаѣ полученія лицейскимъ начальствомъ свѣдѣній о студентахъ, подвергшихся взысканіямъ по приговорамъ общихъ судебныхъ учреждений за проступки, совершенные ими внѣ лица, вмѣняется директору въ обязанность предлагать на обсужденіе совѣта вопросъ о томъ, можетъ ли винов-

ный быть оставленъ въ числѣ студентовъ, или онъ долженъ подлежать удаленію или исключенію.

§ 29. Равнымъ образомъ, въ случаѣ полученія лицейскимъ начальствомъ свѣдѣній о такихъ совершенныхъ студентамъ внѣ лица проступкахъ, которые хотя и не подверглись приговору судебныхныхъ учреждений, но имѣютъ предосудительный характеръ, директоръ также вноситъ на обсужденіе совѣта свѣдѣнія о такихъ проступкахъ для постановленія надлежащаго рѣшенія.

§ 30. Право налагать взысканія за нарушеніе лицейскихъ правилъ принадлежатъ директору, правленію и совѣту; въ болѣе важныхъ случаяхъ требуется утвержденіе попечителя Московскаго учебнаго округа.

§ 31. Директоръ лично своею властію можетъ назначать студентамъ выговоры со внесеніемъ въ штрафной журналъ, за слѣдующіе проступки:

а) несоблюденіе тишины въ стѣнахъ лица, не сопровождавшееся однако безпорядкомъ;

б) за ношеніе недозволенной полицією одежды и знаковъ товарищества;

в) за куреніе табаку въ зданіяхъ лица;

г) за оскорбленіе лицейскихъ служителей грубыми словами;

д) за необъявленіе въ теченіе 10-ти дней о мѣстѣ жительства;

е) за неимѣніе билета на слушаніе лекцій;

ж) за несоблюденіе приличія внѣ лица, если при этомъ не было оскорбленія кого-либо;

з) за нехожденіе на лекціи;

и) за вывѣщеніе объявленій, не заключающихъ ничего предосудительнаго, но безъ дозволенія начальства;

і) вообще за всѣ проступки, въ которыхъ высказывается небрежность къ исполненію обязанностей, но не заключается ничего безнравственнаго.

§ 32. Въ случаѣ повторенія студентомъ означенныхъ проступковъ болѣе 3-хъ разъ, директоръ передаетъ обсужденіе ихъ въ правленіе.

§ 33. Правленіе обсуждаетъ проступки студентовъ при закрытыхъ дверяхъ, только въ присутствіи обвиняемаго и свидѣтелей. Оно производитъ дѣло устно, внося только свой приговоръ въ книгу рѣшеній.

§ 34. Правленіе вымываетъ письменными повѣствами въ опредѣленный день обвиняемаго и свидѣтелей; въ случаѣ ихъ неявки, правленіе можетъ или назначить новый срокъ, или рѣшить дѣло въ отсутствіи вызванныхъ.

§ 35. Правленіе назначаетъ слѣдующія высканія: выговоръ въ присутствіи совѣта, увольненіе изъ лица, удаленіе и исключеніе изъ онаго.

§ 36. Выговоръ въ присутствіи совѣта приводится въ исполненіе самимъ правленіемъ. Таковой выговоръ сопровождается объявленіемъ провинившемуся студенту, что онъ, въ случаѣ новаго проступка, будетъ уволенъ изъ лица. Отъ студента берется подписка въ томъ, что предостереженіе ему было одѣлано. Съ выговоромъ соединяется лишеніе студента права на пособіе въ теченіе одного или двухъ лѣтъ, смотря по мѣрѣ виновности. Въ случаѣ, если правленіе признаетъ нужнымъ лишить студента стипендіи, то представляетъ о томъ на рѣшеніе совѣта.

§ 37. Выговоръ въ присутствіи совѣта назначается:

а) за неповиновеніе лицейскому начальству какъ въ лицѣ, такъ и внѣ онаго, если оно не сопровождалось оскорбленіемъ;

б) за неявку безъ уважительныхъ причинъ по вызову начальства;

в) за недовозволенное литографированіе лекцій;

г) за передачу билета на слушаніе лекцій другому лицу;

д) за выраженіе одобренія или неодобренія преподавателю на лекціи, однако безъ оскорбленія преподавателя;

е) за прочіе проступки, объясняемые легвоумствіемъ, но не заключающіе въ себѣ упорнаго нежеланія подчиниться правиламъ лица.

§ 38. Увольненіе изъ лица соединяется съ лишеніемъ права быть принятымъ вновь въ число студентовъ въ томъ же году; но

уволненный можетъ поступить немедленно въ другое учебное заведение.

§ 39. Приговоръ объ увольненіи передается правленіемъ на утвержденіе совѣта.

§ 40. Увольненіе изъ лица назначается за слѣдующіе проступки:

а) за выѣздъ изъ города безъ дозволенія начальства, кромѣ кратковременныхъ отлучекъ въ подгородныя мѣста;

б) за устройство кассъ, бібліотекъ, спектаклей, концертовъ и пр. безъ дозволенія на то отъ начальства;

в) за подпись подъ адресомъ, жалобой или прошеніемъ, поданными отъ лица нѣсколькихъ студентовъ;

г) за принятіе запрещеннаго званія депутата;

д) за подачу чужаго сочиненія вмѣсто своего;

е) за самовольное выставленіе объявленій въ лицѣ отъ имени нѣсколькихъ студентовъ;

ж) за некаженіе объявленій отъ начальства;

з) за повтореніе проступка, за который виновный уже подвергся выговору въ присутствіи совѣта;

и) вообще за проступки, выказывающіе явное нежеланіе подчиняться лицейскимъ правиламъ.

§ 41. Удаленіе изъ лица постановляется на годъ или на два, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этихъ сроковъ студентъ не могъ поступить ни въ лицей, ни въ какое-либо другое высшее учебное заведение.

§ 42. Приговоръ объ удаленіи студента постановляется совѣтомъ, который дѣйствуетъ въ той же формѣ, какъ правленіе. Объ удаленныхъ доносится высшему начальству, съ уясненіемъ причинъ удаленія.

§ 43. Исключеніе изъ лица составляетъ высшую мѣру взысканія. Исключенный не можетъ поступить въ теченіе 3-хъ лѣтъ ни въ какое учебное заведение. По истеченіи этого срока, студентъ можетъ поступить въ учебное заведение не иначе, какъ съ отвѣт-

ственности начальства и съ разрѣшенія главнаго управленія того вѣдомства, къ которому учебное заведеніе принадлежитъ.

§ 44. Приговоръ объ исключеніи постановляется совѣтомъ и утверждается попечителемъ округа. Объ исключенныхъ доносится высшему начальству, съ уваженіемъ ихъ проступка.

§ 45. Удавленію и исключенію изъ лица подвергаются студенты за слѣдующіе проступки, смотря по обстоятельствамъ, увеличивающимъ или уменьшающимъ вину:

- а) за дерзость противъ начальства и преподавателей лица;
- б) за неовиновеніе начальству, оказываемое сообща нѣсколькими студентами или слушателями;
- в) за нарушеніе порядка сообща шумомъ, крикомъ и другими дѣйствіями и за непрекращеніе таковыхъ по сдѣланномъ напоминаніи начальствомъ и профессорами;
- г) за возбужденіе къ безпорядкамъ и неовиновенію;
- д) за подлогъ въ лицѣ на экзаменѣ;
- е) за проступки, по которымъ студентъ признанъ виновнымъ общими судебными установленіями и въ которыхъ высказывается безнравственность, не оправдываемая увлеченіями молодости.

§ 46. Общія правила о стеченіи проступковъ и о мѣрѣ участія въ оныхъ прилагаются и къ постановленіямъ правленія и совѣта. Съ правомъ назначать высшее наказаніе соединяется право назначенія взысканія болѣе легкаго.

§ 47. Все постановленія правленія, утвержденныя совѣтомъ, равно какъ постановленія совѣта, утвержденныя попечителемъ, считаются окончательными и жалобы на нихъ не допускаются.

8. (26-го іюня 1871 года). *Правила объ испытаніяхъ студентовъ Демидовскаго юридическаго лица въ Ярославль.*

§ 1. Студенты лица подвергаются ежегодному испытанію, на основаніи котораго они переводятся на слѣдующіе курсы, а по окончаніи послѣдняго годичнаго экзамена удостоиваются званія дѣйствительнаго студента или степені кандидата правовѣдѣнія.

§ 2. Словесному испытанію изъ предметовъ курса предшест-

вуеть сочиненіе, которое каждый студентъ обязанъ представить на избранную имъ по какому-либо одному предмету и одобренную преподавателемъ онаго тему. Не представившій удовлетворительнаго сочиненія не можетъ быть допущенъ къ экзамену. Срокъ для подачи сочиненій назначается 15-го марта.

Примѣчаніе. Студенты IV-го курса освобождаются отъ подачи особаго сочиненія.

§ 3. Равнымъ образомъ не допускаются къ испытаніямъ тѣ студенты, которые не исполняли заданныхъ имъ упражненій, признанныхъ лицемъ необходимыми для развитія ихъ научной дѣятельности; такъ напримѣръ: не участвовали въ обязательныхъ для всѣхъ семинаріяхъ юридическихъ и политическихъ наукъ, въ рѣшеніи практическихъ задачъ и проч. Отзывы объ удовлетворительности сочиненій даются преподавателями и на основаніи этихъ отзывовъ совѣтъ опредѣляетъ, кто изъ студентовъ можетъ быть допущенъ къ экзамену.

§ 4. Словесное испытаніе обнимаетъ всѣ науки которыя излагаются на извѣстномъ курсѣ; только въ томъ случаѣ, когда преподаваніе одной и той же науки продолжается на нѣсколькихъ курсахъ, испытаніе изъ нея можетъ быть отълаживаемо совѣтомъ до окончательнаго ея изложенія. Если же извѣстная часть науки составляетъ отдѣльный предметъ или читалась въ формѣ спеціальнаго курса, то испытаніе изъ нея производится особо.

Примѣчаніе. Опредѣленіе того, чтѣ считать отдѣльнымъ предметомъ, зависитъ отъ совѣта.

§ 5. Студенты, перешедшіе изъ юридическихъ факультетовъ и выдержаніе тамъ испытаніе, не подвергаются новому, но лишь при слѣдующихъ условіяхъ: если испытаніе выдержано изъ совершенно тождественной науки и если со времени выхода студента изъ университета прошло не болѣе года. Въ противномъ случаѣ, студентъ обязанъ на ближайшемъ годичномъ испытаніи выдержать экзаменъ изъ всѣхъ наукъ, которыя преподавались въ лицѣ на предшествовавшихъ курсахъ.

§ 6. Посторонніе слушатели могутъ подвергаться испытанію

на степень кандидата. Они обязаны выдержать экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ лицейскаго курса вмѣстѣ съ студентами, оканчивающими свое обученіе въ лицѣѣ. Къ такому экзамену допускаются лишь тѣ сторонніе слушатели, которые предварительно представили доказательство успѣшнаго окончанія ими общаго образованія и имѣли бы право поступить въ студенты лица.

§ 7. Не выдержавшіе удовлетворительно экзамена на степень кандидата посторонніе слушатели могутъ быть допущены къ таковому же экзамену во второй разъ, но не ранѣе какъ чрезъ годъ послѣ перваго.

§ 8. Испытанія въ лицѣѣ производятся ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ. Въ это время можетъ быть произведенъ экзаменъ изъ какого-либо предмета только по особенно уважительной причинѣ, представленной преподавателемъ, и съ утвержденія совѣта.

§ 9. Студентъ, не явившійся на экзаменъ въ установленный срокъ по причинѣ болѣзни или по другому основанію, можетъ быть допущенъ къ испытанію послѣ вакацій въ августѣ мѣсяцѣ, но лишь въ томъ случаѣ, если о причинѣ неявки было своевременно донесено директору и если совѣтъ признаетъ таковую причину вполне доказанною и уважительною. Экзаменъ въ августѣ производится непременно изъ всѣхъ предметовъ курса, безъ зачета отиѣтовъ, полученныхъ студентомъ на не оконченномъ испытаніи въ маѣ мѣсяцѣ, если онъ таковому подвергался.

§ 10. Порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ испытаніе изъ разныхъ предметовъ, опредѣляется директоромъ лица. О немъ извѣщаются студенты не позже 15-го апрѣля. Въ случаѣ внезапной болѣзни или отсутствія преподавателя какой-либо науки, директоръ переноситъ назначенный изъ оной экзаменъ на другой день или же, по соглашенію съ совѣтомъ, назначаетъ другаго экзаменатора.

§ 11. Испытаніе производится комиссіею, состоящею изъ преподавателя науки, изъ которой производится экзаменъ, и одного ассистента. Сверхъ того, директоръ присутствуетъ въ комиссіяхъ въ званіи предсѣдателя.

§ 12. Словесное испытаніе производится по программѣ, составленной преподавателемъ и заключающей въ себѣ все прочитанное имъ по извѣстному предмету. Программа сообщается студентамъ не позже 15-го апрѣля.

§ 13. Каждый студентъ обязанъ явиться на испытаніе въ назначенный для него день. Не явшіеся безъ уважительныхъ причинъ не допускаются къ продолженію экзаменовъ.

§ 14. Испытаніе производится по билетамъ, которые студенты вынимаютъ по жребію. Преподаватель и члены испытательной комиссіи могутъ, по выслушаніи отвѣта студента на вопросъ, доставшійся ему по жребію, предлагать другіе вопросы въ предѣлахъ программы.

§ 15. По выслушаніи отвѣтовъ студента, преподаватель, по соглашенію съ членами комиссіи, обозначаетъ достоинство отвѣтовъ баллами, отъ 1 до 5 включительно, въ особомъ спискѣ.

§ 16. Въ случаѣ разногласія между членами комиссіи относительно постановки балла, студенту предлагается отвѣчать письменно и этотъ отвѣтъ передается на обсужденіе совѣта.

§ 17. Баллъ, поставленный комиссіею, ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ измѣненію. Переэкзаменовки не допускаются не только на томъ же курсѣ, но и на слѣдующихъ.

§ 18. Студентъ, получившій баллъ 1 изъ одного предмета или 2 изъ двухъ предметовъ, не допускается къ продолженію экзамена.

§ 19. По окончаніи экзамена изъ какого-либо предмета, члены комиссіи составляютъ списокъ балловъ и утверждаютъ его своею подписью. Списки эти передаются директору и изъ нихъ составляется общій сводный списокъ по всѣмъ предметамъ, который передается на разсмотрѣніе совѣта.

§ 20. Экзаменаціонные списки служатъ документами какъ для перехода на высшіе курсы, такъ и для полученія степени кандидата и званія дѣйствительнаго студента, а также для освобожденія отъ платы и назначенія стипендій и пособій. Поэтому никакія подчистки въ спискахъ не допускаются, а поправки должны быть оговорены.

§ 21. Переводятся на слѣдующій курсъ только тѣ студенты, которые получили въ общемъ выводѣ на годичномъ экзаменѣ не менѣе $3\frac{1}{2}$; при чемъ баллъ 2, допускается только въ одномъ предметѣ.

Примѣчаніе. Баллъ изъ богословія не входитъ въ счетъ общаго вывода, но студенты православнаго исповѣданія обязаны выдержать удовлетворительное испытаніе изъ этого предмета.

§ 22. Студенты, получающіе стипендіи, если не удостоиваются перевода на слѣдующіе курсы, лишаются оныхъ. Остальные студенты, не выдержавшіе или не окончившіе экзамена, могутъ оставаться на одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ и притомъ такъ, чтобы двухлѣтнее пребываніе на одномъ курсѣ повторялось въ продолженіи всего ученія не болѣе двухъ разъ; на семъ основаніи, дозволяется оставаться въ лицей, сверхъ времени, положеннаго для полнаго курса, не болѣе двухъ лѣтъ.

§ 23. На томъ же основаніи студенты, не выдержавшіе экзамена на IV-мъ курсѣ, могутъ подвергнуться оному въ слѣдующемъ году. По истеченіи этого срока, они подвергаются испытанію наравнѣ съ сторонними слушателями.

§ 24. При удостоеніи званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата дѣлается общій выводъ изъ всѣхъ отѣтокъ на курсовыхъ экзаменахъ, при чемъ изъ каждой науки принимается только по одному баллу, хотя бы студентъ подвергался испытанію изъ оной на нѣсколькихъ курсахъ.

§ 25. Удостоиваются званія дѣйствительнаго студента тѣ окончившіе курсъ въ лицей, которые въ общемъ выводѣ за всѣ 4 курса имѣютъ не менѣе $3\frac{1}{2}$. При чемъ студентамъ, перешедшимъ изъ другихъ университетовъ, зачисляются баллы на основаніи § 5.

§ 26. Могутъ быть удостоены степени кандидата тѣ студенты, которые въ общемъ выводѣ на экзаменахъ за всѣ 4 курса имѣютъ не менѣе $4\frac{1}{2}$ и по каждой наукѣ не менѣе 4. Приобрѣтеніе степени кандидата условливается для такихъ студентовъ представ
часть сLVI, отд. 1.

леніемъ удовлетворительной кандидатской диссертации и умѣнемъ пользоваться юридическими сочиненіями на одномъ изъ новыхъ языковъ.

§ 27. На томъ же основаніи, удостоиваются степени кандидата и сторонніе слушатели, а также дѣйствительные студенты лицея и университетовъ. Но они обязаны выдержать экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ лицейскаго курса въ теченіе мая или августа мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Студентамъ IV-го курса предоставляется также держать экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ.

§ 28. Студентъ, подавшій до начала экзамена на 4-мъ курсѣ сочиненіе, обратившее на себя особенное вниманіе преподавателей, можетъ быть удостоенъ степени кандидата, если ему недостаётъ до общаго вывода 4—не больше двухъ балловъ.

§ 29. Получившіе медали за сочиненіе на заданныя темы освобождаются отъ обязательства представить кандидатскія разсужденія.

§ 30. Обязательныя кандидатскія разсужденія должны быть представлены въ 6-мѣсячный срокъ по окончаніи экзамена, то-есть, съ 1-го іюня. Диссертация пишется по одному изъ предметовъ лицейскаго курса и разсматривается всѣми преподавателями, по порученію директора лицея. Профессоръ и доцентъ по той кафедрѣ, къ которой относится предметъ сочиненія, обязаны представить о немъ письменный отзывъ. Въ случаѣ какого-либо сомнѣнія, встрѣченнаго при разсмотрѣнн диссертации, авторъ ея приглашается въ засѣданіе совѣта для словеснаго объясненія по содержанію сочиненія (colloquium). Если представленная диссертация или словесное ея защищеніе будутъ признаны не удовлетворительными, то ищущему степени дозволяется представить новую диссертацию также не позже 6-и мѣсяцевъ по объявленіи ему постановленія совѣта относительно первой диссертации.

§ 31. Студенты, окончившіе испытаніе на степень кандидата, но не представившіе еще диссертации, могутъ просить о выдачѣ имъ аттестата на званіе дѣйствительнаго студента, съ тѣмъ чтобы, по

одобреніи представленной ими въ срокъ диссертации, эти свидѣтельства могли быть замѣняемы дипломами на степень кандидата.

§ 32. Студенты, выдержавшіе испытаніе на степень кандидата, но не представившіе удовлетворительной диссертации, удостоиваются званія дѣйствительнаго студента.

9. (3-го іюля 1871 года). *Правила о стипендіяхъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Л. В. Ротштейна при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

1. Съ Высочайшаго Его Императорскаго Вѣличества разрѣшенія, при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, по медицинскому факультету, учреждаются двѣ стипендіи имени медико-хирурга, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Леонтія Венцеславовича Ротштейна.

2. Каждая изъ двухъ стипендій опредѣляется въ триста рублей, получаемыхъ изъ того учрежденія, въ которомъ будетъ храниться пожертвованный для этой цѣли Л. В. Ротштейномъ капиталъ въ двѣнадцать тысячъ рублей, въ видѣ процентовъ съ послѣдняго.

3. Право полученія процентовъ съ капитала 12.000 руб. попрежнему сохраняется за жертвователемъ.

4. По смерти же его, означенными въ § 2 стипендіями имѣютъ право пользоваться студенты медицинскаго факультета Императорскаго Казанскаго университета безъ различія курсовъ.

5. Стипендіи предоставляются исключительно неизмущимъ студентамъ, и притомъ такимъ, которые, судя по предшествующему образованію, подають большую надежду на успѣхи въ будущемъ, при чемъ руководствомъ служатъ документы о бѣдности и охъ успѣхалъ въ наукахъ и поведеніи.

6. Право полученія стипендіи сохраняется за избранными студентами до совершеннаго окончанія ими курса по медицинскому факультету, при чемъ деньги выдаются имъ по 25 руб. впередъ за мѣсяць.

7. Стипендіаты лишаются права на полученіе ими стипендій

только въ такомъ случаѣ, когда поведеніе ихъ или услѣхи, на основаніи правилъ университета, окажутся неудовлетворительными, послѣдніе—безъ особыхъ уважительныхъ въ тому причинъ.

8. Выборъ стипендіатовъ предоставляется обществу врачей города Казани, доколѣ оно существовать будетъ. Въ случаѣ закрытія общества, право назначенія стипендіи переходитъ въ медицинскій факультетъ Императорскаго Казанскаго университета. При возстановленіи же общества врачей г. Казани, упомянутое выше право избранія стипендіатовъ должно возвратиться въ нему.

9. Въ случаѣ неимѣнія кандидатовъ, удовлетворяющихъ выше-сказаннымъ условіямъ, остающаяся процентная съ капитала сумма, можетъ быть употребляема на пособія для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ тѣмъ изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ, которые окажутся того достойными; при чемъ избраніе ихъ совершается на основаніи §§ 4 и 7 сихъ правилъ.

10. (3-го іюля 1871 года). *Правила о стипендіяхъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Леонтія Венцеславовича Ротштейна при Императорской 1-й Казанской гимназіи.*

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 30 декабря 1870 года, при Императорской Казанской первой гимназіи учреждаются пять стипендій съ наименованіемъ «стипендіями дѣйствительнаго статскаго совѣтника Леонтія Венцеславовича Ротштейна», на счетъ процентовъ съ капитала въ 2.000 рублѣй въ 5% билетахъ государственнаго банка 1-го и 2-го выпусковъ, пожертвованнаго оставнымъ медико-хирургомъ Леонтіемъ Венцеславовичемъ Ротштейномъ.

2. Право полученія процентовъ съ капитала пожизненно сохраняется за жертвователемъ.

3. По смерти его, проценты съ 2.000 руб. употребляются на плату за ученіе пятерыхъ неимущихъ принадлежащихъ учениковъ гимназіи, или, въ случаѣ увеличенія платы, за столькохъ учениковъ, на сколько это будетъ возможно. Въ послѣднемъ случаѣ,

если будетъ остатокъ отъ процентной суммы, то онъ выдается стипендіатамъ для пріобрѣтенія учебныхъ пособій.

4. Выборъ стипендіатовъ предоставляется, согласно желанію жертвователя, обществу врачей г. Казани, доколѣ оно существовать будетъ; стипендіатами избираются ученики не только бѣдные, но и по успѣхамъ и поведенію своему вполнѣ удовлетворяющіе § 72 устава гимназій и прогимназій, при чемъ общество врачей входитъ въ соглашеніе съ педагогическимъ совѣтомъ гимназій.

5. Въ случаѣ закрытія общества врачей, право назначенія стипендій должно перейти въ совѣтъ гимназій; при возстановленіи же общества врачей, это право должно возвратиться къ нему.

6. Стипендіатами избираются ученики безъ различія вѣроисповѣданій и сословій.

7. Избранные стипендіаты за неуспѣшность въ наукахъ лишаются стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта.

8. Стипендіатамъ, оставшимся въ томъ же классѣ на другой годъ, только по особо уважительнымъ причинамъ можетъ быть сохранена стипендія.

9. Стипендіаты, получившіе вполнѣ обеспеченіе въ матеріальномъ отношеніи, теряютъ право на стипендію.

10. Капиталь двѣ тысячи рублей составляетъ неотъемлемую собственность Императорской 1-й Казанской гимназій и хранится въ отдѣленіи государственнаго банка въ Казани въ 5% билетахъ 1-го и 2-го выпусковъ, а по смерти жертвователя будетъ храниться въ губернскомъ казначействѣ въ депозитахъ этой же Императорской гимназій.

11. (10-го іюля 1871 года). *О размѣрѣ слѣдующихъ казнь гербовыхъ пошлинъ съ контрактовъ, заключаемыхъ по подрядамъ на неопредѣленную заранѣе сумму* ¹⁾.

При разсмотрѣніи Омскою контрольною палатою разнаго рода операций, совершаемыхъ подряднымъ способомъ, замѣчено, что на

¹⁾ Подлежать исполненію на основаніи циркулярнаго распоряженія по министерству народнаго просвѣщенія отъ 3-го сентября 1866 года, напеча-

всѣ почти контракты, заключаемые на неопредѣленные суммы, употребляется гербовая бумага въ 1 руб., и ватѣмъ, по истеченіи контрактнаго срока, не производится никакихъ довысканій гербовыхъ пошлинъ, не смотря на то, что произведенныя по этимъ контрактамъ уплаты простираются иногда до весьма значительныхъ размѣровъ, далеко превышающихъ размѣръ, соответствующій бумагѣ рублеваго достоинства.

На заявленіе объ этомъ, нѣкоторые управления Тобольской губерніи, по вѣдомству которыхъ производятся равнаго рода казенныя операціи, сообщили контрольной палатѣ, что въ уставѣ о пошлинахъ не упоминается о довысканіи внослѣдствіи какихъ бы то ни было дополнительныхъ пошлинъ по контрактамъ, заключеннымъ на неопредѣленную сумму на листѣ гербовой бумаги рублеваго достоинства.

Между тѣмъ смыслъ дѣйствующихъ по сему предмету узаконеній совершенно ясенъ, именно: статью 147 уст. о пошл. прямо установлено, чтобы, при взиманіи съ контрактовъ гербовыхъ пошлинъ, принималась въ соображеніе, на основ. ст. 4 того же устава, именно та сумма, на которую контрактъ заключается; статья же 157 того же устава, на которую ссылаются упоминаемыя выше учрежденія Тобольской губерніи, не составляетъ въ сѣбѣ отношеніи исключенія: ибо, дозволяя писать контрактъ, по которому нельзя впередъ опредѣлить слѣдующей по оному суммы, на гербовой бумагѣ рублеваго достоинства, она имѣетъ въ виду только эту невозможность указывать, при такихъ условіяхъ, цѣнность требуемой гербовой бумаги, но отнюдь не ограничиваетъ всего гербоваго сбора, причитающагося въ пользу казны по суммамъ предстоящихъ по контракту платежей, только симъ рублевымъ размѣромъ. Если бы столь очевидное дѣло могло еще требовать подтвержденія, то въ дѣлахъ государственнаго контроля имѣется, между прочимъ, указъ правительствующаго сената отъ 1-го декабря 1869 года за № 62.296, изъ коего явствуетъ, что кон-

таннаго въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за тотъ годъ.

тракты, заключенные, по неопредѣленности, при совершеніи ихъ, суммы платежей по онымъ, на гербовой бумагѣ рублеваго достоинства, должны впослѣдствіи, когда сумма платежей опредѣлится, подлежать непремѣнному взысканію дополнительныхъ гербовыхъ пошлинъ, на точномъ основаніи ст. 147 уст. о пошл.

Принимая во вниманіе, что, не смотря на ясный смыслъ относящихся къ сему вопросу узаконеній, возбужденія недоразумѣній, подобныхъ настоящему, возможно ожидать и въ будущемъ, г. государственный контролеръ счелъ нужнымъ войти по настоящему предмету въ сношеніе съ г. министромъ финансовъ, который, согласно съ мнѣніемъ гофмейстера Абазы, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости сдѣлать по всѣмъ вѣдомствамъ подтвержденіе: чтобы гербовыя пошлины по контрактамъ, написаннымъ, при неизвѣстности суммы подряда, на гербовой бумагѣ въ 1 рубль, были удерживаемы съ подрядчиковъ при окончательномъ съ ними расчетѣ, въ томъ размѣрѣ, сколько будетъ ихъ слѣдовать по приложенной въ ст. 4 уст. о пошл. таблицы, соотвѣтственно дѣйствительной контрактной платѣ, и чтобъ о такомъ удержаніи было оговариваемо въ самыхъ контрактныхъ условіяхъ.

Вслѣдствіе отношенія о семъ г. государственнаго контролера, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія проситъ начальства учебныхъ округовъ сдѣлать по подвѣдомственнымъ имъ управленіямъ распоряженіе о принятіи изъясненнаго выше подтвержденія къ должному руководству и исполненію.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

26-го іюня 1871 года (№ 12). *Утверждается:* экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ зоологій, коллежскій совѣтникъ *Усовъ* — ordinarily профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ зоологій, съ 28-го мая 1871 года; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго

университета, докторъ гражданска права, статскій совѣтникъ *Никольскій* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ гражданскаго права, съ 28-го мая 1871 года. *Оставляются на службу на пять лѣтъ*: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Каривиевъ*, и директоръ астрономической обсерваторіи Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Швейцеръ*, — оба съ 1-го мая 1871 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Григорьевъ*, — съ 25-го іюня 1871 года. *Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія*: сверхштатный преподаватель С.-Петербургской первой гимназіи, состоящій въ VIII классѣ *Гуревичъ*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности. *Опредѣляется*: сверхштатный астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, докторъ *Нюренъ* — адъюнктъ-астрономомъ сей обсерваторіи, съ 29-го мая 1871 года. *Командируется съ ученою цѣлю*: доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Некрасовъ* — въ Москву и С.-Петербургъ на годъ, съ 15-го августа 1871 года. *Увольняются въ отпускъ: по Россіи*: состоящій при министерствѣ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Ивановскій* — въ разныя губерніи и великое княжество Финляндское, на два мѣсяца; помощникъ директора Императорской публичной бібліотеки, тайный совѣтникъ *Бычковъ* — въ Ярославскую губернію, съ 1-го іюля по 15-е августа 1871 года; директоръ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, статскій совѣтникъ *Кноррингъ* — въ разныя губерніи, по 29-е августа 1871 года, по болѣзни; помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, статскій совѣтникъ князь *Мецкерскій* — на три мѣсяца, въ южныя губерніи, по болѣзни; *за границу на лѣтнее вакаціонное время 1871 года*: инспекторъ Варшавской IV мужской классической гимназіи, надворный совѣтникъ *Булмерингъ*, преподаватель С.-Петербургской шестой гимназіи, надворный совѣтникъ *Бастень*, сверх-

нѣтатный учитель Варшавской III мужской классической гимназій *Крынский*; законоучители римско-католическаго исповѣданія, гимназій: V Варшавской — *Словиковскій*, Пинчовской — *Мѣшковскій* и Влоцлавской — *Ходынский*, Ловичскихъ прогимназій: мужской — *Орликовскій* и женской — *Домбровичъ*, Варшавскаго спеціальнаго уѣзднаго училища *Краевскій* и Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Вабнеръ*, класная дама и преподавательница женской Ломоносовской гимназій въ Ригѣ *Миллеръ*, — изъ сихъ лицъ по болѣзни: Бульмерингъ, Словиковскій, Мѣшковскій, Ходынский, Орликовскій, Домбровичъ и Краевскій; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и пятнадцать дней: законоучитель римско-католическаго исповѣданія Сандомирской мужской классической прогимназій *Щотровичъ*, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двадцать дней августа 1871 года: законоучитель римско-католическаго исповѣданія Солецкихъ педагогическихъ курсовъ *Лубенскій*, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двадцать восемь дней: законоучители римско-католическаго исповѣданія мужскихъ классическихъ гимназій: Холмской — *Шимонскій*, Сѣдлецкой — *Шишковскій* и Кѣлецкой — *Чероинскій*, всѣ по болѣзни; на два мѣсяца и шесть дней: попечительница Таганрогской женской гимназій *Алфераки*. Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: временному 2-й гильдіи Владимирскому купцу *Бусурину* — за пожертвованія въ пользу Жереховскаго сельскаго училища въ Владимирскомъ уѣздѣ. Исключаются изъ списковъ умершихъ: академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ *Фрицше*, и ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Пузыревскій*.

10-го іюля 1871 года (№ 13). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кохъ* — заслуженнымъ профессоромъ сего университета, съ 20-го іюня 1871 года; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Фирсовъ* — деканомъ историко-филологическаго факуль-

тета сего университета на три года, съ 24-го мая 1871 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ русской словесности *Миллеръ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ русской словесности, съ 22-го марта 1871 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ русской исторіи *Аристовъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ русской исторіи, съ 29-го мая 1871 года; доцентъ Императорскаго Харьковского университета, докторъ химіи *Литковский* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ технической химіи, съ 14-го мая 1871 года; старшій учитель С.-Петербургской 5-й гимназій *Гаазе* — наставникомъ-руководителемъ гимназій при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ по латинскому языку, съ 2-го іюня 1871 года. *Назначаются:* окончившіе въ 1871 году курсъ наукъ студенты Императорскаго историко-филологическаго института учителями: по латинскому языку *Никитинъ* — во вторую, *Пальмцвейгъ* — въ третью и *Мусселиусъ* — въ пятую С.-Петербургскія и *Алехинъ* — въ Вологодскую гимназій; по греческому языку: *Глаголевскій* — въ первую Киевскую, *Аксолоновъ* — въ Астраханскую гимназій и *Ждановъ* — въ Киевскую прогимназію; *Мусселиусъ* съ 19-го іюня, а остальные шестеро съ 1-го іюля 1871 года, всѣ семеро съ обязанностію прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ. *Перемѣщается:* директоръ училищъ Смоленской губерніи, статскій совѣтникъ *Лебедевъ* — директоромъ Московской первой гимназій, съ 19-го іюня 1871 года. *Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія:* состоящій учителемъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ и въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, надворный совѣтникъ *Венгеръ*, съ 5-го іюля 1871 года. *Командируются съ ученою цѣлю:* ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, инженеръ генералъ-лейтенантъ *Гельмерсенъ* — на два мѣсяца, въ Финляндію и Эстляндскую гу-

бернію, съ 15-го іюля 1871 года. *Увольняются въ отпускъ: въ Россіи:* Виленскій директоръ народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Садковъ* — на десять дней въ С.-Петербургъ; чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Яковичъ* — на двадцать восемь дней, въ Полтавскую губернію; чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, коллежскій совѣтникъ *Кочетовъ*, дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія *Тюльмановъ*, помощникъ дѣлопроизводителя сего департамента, коллежскій секретарь *Ошметковъ*, и канцелярскій чиновникъ того же департамента, коллежскій секретарь *Исаевъ* — на двадцать девять дней; *Кочетовъ* — въ Крымъ, *Тюльмановъ* — въ Саратовскую, *Ошметковъ* — въ С.-Петербургскую и *Исаевъ* — въ Тамбовскую губерніи; изъ нихъ послѣдніе двое по болѣзни, членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, въ званіи камер-юнкера, статскій совѣтникъ *Зборомирскій* — на три мѣсяца и двадцать шесть дней, въ разныя губерніи; *за границу:* учитель начальнаго училища въ деревнѣ *Збахлинѣ*, Нѣшавскаго (Варшавской губерніи) уѣзда *Яновскій* — на двадцать одинъ день; врачъ Императорскаго историко-филологическаго института, докторъ медицины *Левесъ* — на двадцать восемь дней; исправляющій должность учителя Калужской гимназіи *Горожскій* — по 7-е августа 1871 года; лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго Московскаго университета, титулярный совѣтникъ *Феррейнъ* — по 15-е августа 1871 года; *на лѣтнее вакаціонное время 1871 года:* лекторы Императорскихъ университетовъ: Московскаго — коллежскій ассессоръ *Смитъ*, и Варшавскаго — *Ладзарини*, инспекторъ Ломжинской мужской классической гимназіи, коллежскій ассессоръ *Клостерманъ* и учитель Бондѣвскаго начальнаго училища, Нѣшавскаго (Варшавской губерніи) уѣзда,

Одора; изъ нихъ Клостерманъ по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двадцать два дня: законоучитель греко-уніатскаго исповѣданія Холмскаго женскаго шестикласснаго училища, священникъ *Цыбикъ*; на лѣтнее вакаціонное время 1871 года и двадцать восемь дней: учитель начальнаго училища въ городѣ Бѣлгораѣ (Холмской губерніи), *Радаевъ* и воспитательница 1-й Варшавской женской гимназіи *Сабина*; оба по болѣзни; на два мѣсяца: врачъ С.-Петербургской дирекціи училищъ, титулярный совѣтникъ *Манасевичъ*, по болѣзни; по 5-е сентября 1871 года: членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, тайный совѣтникъ *Максимовичъ*; на два съ половиною мѣсяца: членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Симашко*. Увольняется отъ службы, за выслугю срока: директоръ училищъ Подольской губерніи, статскій совѣтникъ *Коленко*. Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: землевладѣльцу села Чернозерья въ Мокшавскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи, капитанъ-лейтенанту *Плещеву* — за пожертвованіе въ пользу народнаго образованія. Объявляется особенная признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному блюстителю Еватеринбургскаго приходскаго училища, потомственному почетному гражданину *Петрову* — за 10-лѣтнюю службу почетнымъ блюстителемъ помянутаго училища. Исключается изъ списковъ умершій: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Постельсъ*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета сего министерства, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу подъ заглавіемъ: «Пожары, причины ихъ и способы предохраненія отъ огня. Изданіе журнала *Досуз и Дѣло*. С.-Пб., 1868» (цѣна 10 коп.)—одобрить для библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

2) Книгу подъ заглавіемъ: «Бабушка Марѳа, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Москва, изданіе Яковлева, 1870» (цѣна 15 коп.)—одобрить для библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

3) Книгу подъ заглавіемъ: «Деревенскіе разказы (М....скимъ ученикамъ). Москва, 1864» —признать безвредною для дѣтскаго чтенія.

4) Книгу подъ заглавіемъ: «Свѣтъ Божій. Переводъ съ южно-русскаго. Изданіе второе книжнаго магазина Черкесова. С.-Пб., 1870» (цѣна 20 коп.) — рекомендовать для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ въ видѣ книги для чтенія.

5) Книгу подъ заглавіемъ: «Приемыщъ. Повѣсть изъ того времени, какъ французы брали Москву, *Т. Толмачевой*. Москва, 1870» (цѣна 12 коп.)—одобрить для библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

Официальныя извѣщенія.

Объ изданіяхъ археографической комиссіи.

Предсѣдатель археографической комиссіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ Мухановъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ отпускъ за границу, представилъ г. министру народнаго просвѣщенія нижеслѣдующій переченьъ изданій комиссіи въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, по назначенію г. Муханова предсѣдателемъ:

1. Выпущенъ при его предмѣстникѣ изданіе «Дневника Люблин-старо-Сейма» преемство въ окончанію г. членомъ Колявничевъ.
2. Изданъ XII томъ «Дополненій къ актамъ историческимъ».
3. Сего же изданія XII томъ приводится въ окончанію.
4. Изданъ VI томъ «Актовъ юго-западной Россіи».

5. Изданіе VI тома «Антовъ юго-западной Россіи» приводится къ окончанію.

6. Изданъ 2-й выпускъ «Указателя» къ 8-и томамъ лѣтописей. По предложенію предсѣдателя, коммиссія, по окончаніи 3-го выпуска, не смотря на весьма тщательное оставленіе этого указателя, нашла однакожь нужнымъ это изданіе приостановить, ибо оно отнимаетъ у редактора его, тайнаго совѣтника Бычкова, время на изданіе порученной ему лѣтописи по Лаврентіевскому списку.

7. Усмотрѣвъ, что печатаніе «Лѣтописи занятій археологической коммисіи» превратилось, г. предсѣдатель сдѣлалъ распоряженіе объ изданіи «Лѣтописи» занятій за послѣдніе 4 года, которое и приведено къ окончанію.

8. Три тома *Полнаго* собранія лѣтописей, заключающіе въ себѣ важнѣйшія изъ нихъ, сгорѣли въ пожарѣ 1856 года; по этому, имѣя въ виду, что важъ все занимающееся русскою исторіею, такъ и учащіеся молодые люди лишены были приобрѣтать эти важные историческіе матеріалы, г. предсѣдатель предложилъ коммиссіи приступить къ переизданію означенныхъ томовъ; вслѣдствіе этого было поручено издать: а) тайному совѣтнику Бычкову — лѣтопись по списку монаха Лаврентія; б) дѣйствительному статскому совѣтнику Саввантову — лѣтопись Новгородскую по синодальному списку, и в) статскому совѣтнику Палтусову — лѣтопись по Ипатьевскому списку; послѣдній трудъ приведенъ къ окончанію.

9. «Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи». Изданіе это включаетъ въ себѣ двѣ древнія карты.

10. Коммиссія издавала акты подъ слѣдующими названіями: акты историческіе, акты юридическіе, доложенія къ актамъ историческимъ, акты западной Россіи (то-есть, *Балморусскіе*), акты южной и западной Россіи (то-есть, *Малороссійскіе*), акты на иностранныхъ языкахъ и др. Полагая, что такія названія представляли много неудобствъ, г. предсѣдатель счелъ необходимымъ предложить коммиссіи, по окончаніи упомянутыхъ изданій актовъ, замѣнить эти разнообразныя названія слѣдующимъ: «Русская

историческая бібліотека», въ которой будутъ помѣщаться разнаго рода историческіе матеріалы.

Этому новому изданію положено уже начало:

а) Въ томѣ 1-мъ, подъ редакціею члена Коляловича, заключаются документы, относящіеся въ Варшавскому сейму 1605 г.; сверхъ того, будутъ помѣщены Великорусскіе акты.

б) Во 2-мъ томѣ, подъ редакціею главнаго редактора Тимошова, помѣщаются историко-юридическіе акты съ XIII по XVII вѣкъ включительно.

в) Въ 3-мъ томѣ напечатано, подъ редакціею члена Саввантова, путешествіе въ Царьградъ, совершенное въ послѣднихъ годахъ XII столѣтія архіепископомъ Новгородскимъ Антоніемъ (въ міръ Добрыня). Этотъ древній намятникъ извѣстенъ только въ одномъ рукописномъ экземплярѣ, принадлежащемъ г. Саввантову, который, по предложенію г. предсѣдателя, уступилъ комиссіи право его напечатанія. Этотъ томъ будетъ дополненъ другими историческими матеріалами подъ редакціею члена Костомарова.

11. Существуетъ много отдѣльныхъ любопытныхъ лѣтописей, какъ-то: Казанская, Вятская, Двинская и другія. Изданіе ихъ поручено члену Викторову; изъ нихъ первая будетъ издана по 25-и спискамъ.

12. Лѣтопись Сибирская. Изданіе поручено члену г. Павлову.

13. Къ 9-и томамъ «Дополненій къ актамъ историческимъ» нѣтъ указателей именъ личныхъ и географическихъ. Имѣя въ виду всеобщее желаніе, дабы они были ими снабжены, что весьма облегчитъ пользованіе этими томами, г. предсѣдатель поручилъ членамъ Труворову, Барсукову и сотруднику Григоровичу составленіе таковыхъ указателей уже они приготовлены.

14. Г. предсѣдатель призналъ нужнымъ привести къ окончанію пріостановленное на 12-мъ листѣ изданіе лѣтописи Аврамки. Изданіе поручено члену Бестужеву-Рюмину.

15. Весьма любопытныя записки Массы Германа, относящіяся къ царствованію царя Ивана Грознаго до Самозванца включительно, были напечатаны комиссіею на голландскомъ языкѣ тому

четыре года, но не обнародованы, за неимѣніемъ русскаго перевода. Переводъ этотъ былъ поручаемъ разнымъ лицамъ, но не исполненъ донныѣ. Послѣдній ученый, которому порученъ былъ этотъ переводъ, а именно г. Энгель, недавно умеръ. Полагая, что изданіе можетъ быть не бесполезно для ученыхъ, знающихъ голландскій языкъ, г. предсѣдатель счелъ нужнымъ, не удерживая его долѣе въ складахъ комиссіи, выпустить въ свѣтъ.

16. Печатаются, подъ редакціею члена Куника, хронологическія таблицы для повѣрки источниковъ византійской и русской исторіи.

17. Для облегченія справокъ занимающимся исторіею и вообще для ближайшаго ознакомленія публики съ изданіями комиссіи, а также въ видахъ болѣе дѣятельной распродажи изданій комиссіи, г. предсѣдатель нашелъ полезнымъ издать полный подробный каталогъ всѣхъ изданій ея.

18. Полагая, что изданіе Макаріевыхъ Чети-Миней не совпадаетъ, въ строгомъ смыслѣ, съ предназначеніемъ комиссіи, г. предсѣдатель приостановилъ это изданіе, тѣмъ болѣе, что оно отвлекало редакторовъ отъ болѣе цѣлесообразныхъ занятій комиссіи.

СИНТАКСИСЪ ЯЗЫКА РУССКИХЪ ПОСЛОВИЦЪ¹⁾.

Грамматика не только могла бы и должна бы многому научиться у пословицъ, но должна бы быть по нимъ, во многихъ частяхъ своихъ, вновь переверстана.

В. И. Даль. Послов. Р. нар. Напутное, стр. XXVIII²⁾.

Пословицы создавались, передавались изъ устъ въ уста, отъ поколѣннй къ поколѣнню и хранятся до сихъ поръ почти исключительно въ народѣ простомъ, еще не испытавшемъ на себѣ влiянiя европейской образованности. Что же касается образованнаго класса, то у него — скажемъ словами г. Даля — „пословицъ нѣтъ; попадаются только слабыя, искалѣченные отголоски ихъ, переложенные на наши нравы, или испошленные не русскимъ языкомъ, да плохiе переводы съ чужихъ языковъ“ (Напутн. къ посл. Русск. нар., V). Притомъ несомнѣнно, что большая часть пословицъ явилась въ ту пору, когда у насъ еще не выдѣлялся изъ народа, такъ называемый, образованный классъ, когда различные слои народа почти нисколько не отличались одинъ отъ другаго по образованiю и когда, слѣдовательно, весь народъ говорилъ однимъ языкомъ. Итакъ, языкъ пословицъ — языкъ народный. Но если мы сравнимъ народный языкъ пословицъ съ языкомъ другихъ произведенiй народнаго творчества, какъ напримѣръ, былинь, сказокъ, пѣсенъ и т. п., то окажется, что первый одною важною особенностiю существенно отличается отъ послѣд-

¹⁾ Статя г. Глагожевскаго — окончившаго нынѣ курсъ воспитанника Императорскаго историко-филологическаго института.

²⁾ Считаю нужнымъ замѣтить здѣсь, что синтаксисъ языка пословицъ мы изучали по книгѣ В. И. Даля «Пословицы Русскаго народа» (М. 1862 г.) и ниже всѣ примѣры приводятся нами, съ обозначенiемъ страницъ, по этому же сборнику.

ниго. Отличительную черту языка пословицъ составляетъ особенная любовь къ эллиптическимъ выраженіямъ. Пословицы всегда рождались и жили въ живой, разговорной рѣчи; нельзя предположить, чтобъ онѣ выдумывались, сочинялись и получали искусственную отдѣлку въ чьей-нибудь головѣ, помимо живой бесѣды; напротивъ, намъ кажется несомнѣннымъ, что пословицы вырывались изъ устъ какъ-бы невольно, случайно, въ жару живаго, увлекательнаго разговора. А кто не знаетъ, что въ живой разговорной рѣчи многія слова не досказываются, замѣняясь тономъ голоса, выраженіемъ лица и тѣлодвиженіями? Такимъ образомъ, мы думаемъ, что языкъ русскихъ пословицъ представляетъ особенности разговорнаго языка русскаго народа.

Послѣ этого не нужно, кажется, доказывать трудность изученія и научнаго объясненія синтаксическихъ особенностей языка пословицъ. Къ сожалѣнію, выполненіе этой задачи въ настоящее время еще слишкомъ мало облегчается предшествовавшими трудами по русскому языку. Въ немногихъ ученыхъ трудахъ встрѣчаются пока только отрывочныя толкованія и замѣтки по синтаксису народнаго языка. О практическихъ грамматикахъ, конечно, и говорить нечего. Только въ послѣднее время г. Стоюнинъ въ своемъ „Русскомъ Синтаксисѣ“ (С.-Пб. 1871 г.), не удовлетворяясь тѣми блѣдными, безцвѣтными, ординарными случаями изъ русскаго синтаксиса, въ которыхъ нашъ языкъ ничѣмъ не отличается отъ родственныхъ языковъ и на которыхъ обыкновенно только и останавливались наши практическія грамматики, собралъ, разсортировалъ и объяснилъ (какъ? — это другой вопросъ) множество чисто-русскихъ оборотовъ рѣчи, въ которыхъ, по преимуществу, выражается духъ нашего языка. Но такого труда, который бы специально былъ посвященъ народному языку, и въ частности, его синтаксису, въ нашей литературѣ еще нѣтъ. Рѣшаясь, изложить результаты изученія въ этомъ отношеніи русскихъ пословицъ, мы утѣшаемся тою мыслью, что если нашъ трудъ самъ собою не принесетъ большой пользы наукѣ, то, по крайней мѣрѣ, онъ вызоветъ на обсужденіе отмѣченныхъ нами фактовъ людей, болѣе насъ свѣдущихъ въ отечественномъ языкѣ, и можетъ-быть, побудитъ кого-нибудь къ болѣе обширному изслѣдованію народнаго языка.

Результаты своихъ наблюденій надъ синтаксисомъ языка пословицъ мы могли бы представить въ видѣ „русскаго синтаксиса на основаніи пословицъ“; но въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы отмѣчать множество такихъ фактовъ, которые, нисколько не характеризуюя синтаксиса языка пословицъ, составляютъ общее достояніе

и русскаго вѣдѣнаго языка и другихъ, родственныхъ ему языковъ. Наша задача, какъ мы ее понимаемъ, должна быть выражена въ формѣ слѣдующихъ вопросовъ: Въ чемъ состоятъ *синтаксическія особенности* языка пословицъ? Какія *характеристическія черты* синтаксиса этого языка, какъ языка народнаго? — Отсюда слѣдуетъ, что тѣ обороты рѣчи, которые хотя и часто встрѣчаются въ пословицахъ, но въ то же время обыкновенно употребляются и въ книжномъ русскомъ, и въ родственныхъ славянскихъ языкахъ, не входятъ въ наше понятіе о синтаксисѣ языка русскихъ пословицъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, въ книжномъ языкѣ встрѣчаются иногда и выраженія чисто-народной рѣчи, то, конечно, въ числѣ приводимыхъ нами характеристическихъ явленій синтаксиса пословицъ читатель найдетъ и такіе обороты рѣчи, которые встрѣчаются въ книжномъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ языкъ русскихъ пословицъ явился у насъ съ своими типическими чертами, какъ языкъ разговорно-народный. Этому цѣлю и объясняется то, что на однихъ предметахъ, какъ напримѣръ на употребленіи предлоговъ, мы вовсе не останавливаемся; на другихъ, какъ на выраженіи подлежащаго и на употребленіи нѣкоторыхъ падежей, останавливаемся мало, а на иныхъ, какъ напримѣръ на сказуемомъ, можетъ-быть, останавливаемся ужъ слишкомъ долго.

Въ своемъ изложеніи мы будемъ слѣдовать, главнымъ образомъ, общепринятому въ грамматикахъ плану, то-есть, сначала будемъ имѣть дѣло съ простымъ предложеніемъ, а потомъ съ предложеніемъ сложнымъ. Въ простомъ предложеніи, также по общему обычаю, начнемъ съ подлежащаго.

Мѣсто *подлежащаго* въ предложеніи принадлежитъ собственно имени существительному. Но такъ какъ значеніе именъ существительныхъ могутъ принимать и нѣкоторыя другія части рѣчи, то обыкновенно какъ въ русскомъ, такъ и въ другихъ языкахъ подлежащее выражается еще существительною формою глагола, именемъ прилагательнымъ въ муж. и средн. родѣ и мѣстоименіемъ. Кромѣ того, подлежащее можетъ составляться изъ всякаго рода вносныхъ словъ („послышалось“ Господи, помилуй! загремѣло „ура“). Языкъ русскихъ пословицъ пользуется въ этомъ отношеніи большою свободой. Такъ, въ немъ очень часто мѣсто подлежащаго занимаютъ слова неизмѣняемыя, какъ имена существительныя. Напримѣръ:

1. Одно *нынче* лучше двухъ завтра (Даль. Стр. 30).
2. *Авось* да *живетъ* въ добру не доведетъ (101).

3. *Авось* небось родной братъ (40).

4. *Пожалуйста* не кланяется, а *спасибо* спины не гнетъ (120).

Въ приведенныхъ примѣрахъ слова—*нынче*, *авось*, *живетъ*, *пожалуйста* и *спасибо* употреблены, какъ подлежащія-существительныя. Синтаксическое тожество этихъ словъ съ именами существительными въ приведенныхъ выраженіяхъ легко доказать замѣною первыхъ послѣдними. Такъ, *авось* въ нашихъ выраженіяхъ значить то же, что безумная отвага, неосновательный расчетъ на удачу; *живетъ* — излишнее самодовольство, или довольство неудовлетворительнымъ положеніемъ дѣлъ; *пожалуйста*—просьба, *спасибо*—благодарность. Но ясно, что народныя формы подлежащаго сообщаютъ выраженіямъ живость и бойкость разговорной рѣчи; между тѣмъ какъ поставленныя вмѣсто ихъ имена существительныя дѣлаютъ рѣчь болѣе сухою и отвлеченною. Синтаксическій переходъ неизмѣняемыхъ словъ по значенію въ имена сущ. нагляднѣе всего доказывается въ языкѣ пословиць тѣмъ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ даже склоняются, если только представляютъ въ этому возможность свою формой, какъ напримѣръ: „Изъ *спасибѣ* шубы не шить“ (120); „*Спасибомъ* сытъ не будешь“ (120); „*Авося* жданки съѣли“ (101); „*Авося* вѣрь не вовсе“ (101); склоненіе *небось* см. въ приведенномъ выше 3 примѣрѣ.

Среди пословиць встрѣчаются выраженія, въ которыхъ даже личныя глагольныя формы употреблены въ значеніи подлежащихъ—существительныхъ; но въ такомъ случаѣ онѣ непремѣнно имѣютъ значеніе именъ собственныхъ.

5. *Подари*-то померъ, а остался въ живыхъ братъ его, *кути* (632).

6. Вотъ идетъ *расплетѣ-косу*, *потеряй-красу* (386).

Въ первомъ изъ этихъ примѣровъ *подари* и *кути* должны быть рассматриваемы, какъ собственныя имена двухъ братьевъ, а во второмъ *расплетѣ-косу*, *потеряй-красу* служитъ собственнымъ именемъ свахи.

При этомъ мы считаемъ нужнымъ сдѣлать особенное замѣчаніе относительно слѣдующаго примѣра:

7. *Есть* у молодца не хоронится, а *нѣтъ* не воротится (241).

Подлежащія — *есть* и *нѣтъ* несправедливо было бы принимать здѣсь за ф. 3-го л. ед. ч.; потому что личныя формы глаголовъ въ народномъ языкѣ могутъ принять значеніе подлежащихъ только какъ имена собственные. Между тѣмъ такія пословицы, какъ „всякаго *нѣта* спасено съ лѣта“ (534), „по *естю* старецъ келью строить“

показываютъ, что *есть* и *нѣтъ* (=нѣсть—не есть) употребляются въ языкѣ пословицъ иногда, какъ имена существительныя. Понятно, что и въ примѣрѣ 7 *есть* и *нѣтъ*—имена существительныя или существительныя формы глагола: это въ данномъ случаѣ совершенно безразлично, потому что извѣстно, что формы *есть* и *нѣтъ* перешли въ имена существительныя, какъ существительныя формы глагола (*ес*—корень, *ть*—окончаніе сущ. формы). Напротивъ, въ пословицѣ: „*есть* слово, какъ медъ, сладко; *нѣтъ* слово, какъ полынь, горько“ (241) *есть* и *нѣтъ* должны быть признаны формами 3 л. ед. числа; но за то онѣ и разбираются въ данномъ выраженіи не какъ подлежащія, а какъ приложенія къ подлежащему *словцо*.

Какъ мѣсто подлежащаго принадлежитъ собственно имени существительному, такъ основною формою *сказуемаго* служить глаголь. Мы остановимся на тѣхъ глагольныхъ формахъ, которыя въ языкѣ пословицъ, какъ и вообще въ народномъ языкѣ, несравненно чаще, чѣмъ въ языкѣ книжномъ, являются съ своеобразнымъ синтаксическимъ значеніемъ.

Къ числу такихъ формъ принадлежитъ существительная форма глагола. Прежде она приравнивалась нашими грамматиками къ неопредѣленному наклоненію глагола въ родственныхъ языкахъ. Но начатая недавно изслѣдованія въ области народнаго языка привели къ открытію такихъ свойствъ существ. формы русскаго глагола, какихъ прежде въ ней и не подозрѣвали. Дѣло въ томъ, что эта форма въ русскомъ народномъ языкѣ очень часто употребляется, какъ самостоятельное сказуемое, замѣняя собою, съ особеннымъ, конечно, отъѣнкомъ въ мысли, всѣ личныя формы глагола. Притомъ, она употребляется, или въ качествѣ такъ-называемаго безличнаго предложенія (то-есть, сказуемаго безъ подлежащаго), для выраженія независимаго дѣйствія, или какъ сказуемое при опредѣленномъ подлежащемъ. Отмѣтимъ здѣсь важнѣйшіе случаи употребленія существительной формы глагола въ качествѣ сказуемаго.

Чаще всего существительная форма русскаго глагола, какъ безличное предложеніе ¹⁾, употребляется для выраженія роковой необходимости.

1. Чему *быть*, того *не миновать* (26).

2. Чему *быть*, тому и *статься* (26).

¹⁾ Этотъ не совсѣмъ точный терминъ мы допускаемъ ради его краткости, для обозначенія такого сказуемаго, которое, безъ подлежащаго, выражаетъ совершенно независимое дѣйствіе.

3. Кому *сгорѣть*, тотъ не утонетъ (28).
4. Воронѣ соколомъ *не бывать* (800).
5. Глуби моря *не высушить*, горю сердца *не вымучить* (137).
6. Сколько не браниться, а *быть* помириться (272).
7. Сколько ни плакать, а *быть* перестать (136).
8. Сколько ни искать, а милости у людей *не сыскать* (104).
9. Сколько воды ни пить, а *пьяну не быть* (702).

Относительно выражений этого разряда нужно сдѣлать два замѣчанія. 1) Такъ какъ факты, представляемые въ нихъ неизбѣжными, относятся къ будущему времени, то и существительныя формы глагола, употребленныя для ихъ выраженія, ближе всего подходятъ по смыслу къ той личной формѣ, съ которою у насъ, по преимуществу, соединится смыслъ будущаго времени. Но несправедливо было бы думать, что существительная форма глагола, выражающая роковую неизбѣжность, совершенно тождественна съ помянутою личною формою. Такъ, пословица „воронѣ соколомъ не бывать“ (примѣръ 4) скорѣе всего можетъ быть замѣнена выраженіемъ: „ворона соколомъ не будетъ“; но все-таки очевидно, что пословица въ томъ видѣ, какъ она создалась въ народномъ языкѣ, рѣзче и энергичнѣе выражаетъ неисполнимость превращенія вороны въ сокола, чѣмъ въ нашей передѣлкѣ. Существительная форма глагола съ дат. дополненія ¹⁾ потому и способна выразить неизбѣжность какого-либо факта, что ею въ этомъ случаѣ обозначается такое дѣйствіе, которое въ своемъ проявленіи не зависитъ ни отъ какого дѣйствующаго предмета, и напротивъ, само направляется на другой предметъ, какъ на свою *цѣль*; оттого, предметъ, который является какъ-бы жертвою абсолютнаго дѣйствія, выражаемаго сущ. формою глагола, ставится всегда въ *дательномъ* падежѣ. Отсюда ясно, въ какой степени долженъ измѣниться смыслъ дѣлаго выраженія съ превращеніемъ дат. надежа въ именительный, а существ. формы въ будущее время: дѣйствіе, обратившись въ признакъ предмета, необходимо уже теряетъ свою безусловную независимость и самостоятельность. 2) Изъ примѣровъ 6—9 мы видимъ, что вторыя части этихъ сложныхъ предложеній, выражающія въ сущ. формѣ неизбѣжность состоянія или дѣйствія, оказали вліяніе на форму сказуемаго и въ первыхъ частяхъ, начинающихся съ нарѣчія — союза *сколько ни*: подъ вліяніемъ вторыхъ частей, сказуемыя въ первыхъ являются въ существ. формѣ. Если во вторыхъ частяхъ приведенныхъ

¹⁾ Этотъ дательный иногда не высказывается, но все-таки долженъ подразумеваться.

примѣровъ мы превратимъ сущ. форму въ личную, то это превраще-
 ніе необходимо повлечетъ за собой соотвѣтствующее измѣненіе и въ
 первыхъ частяхъ. Такъ, 6-й примѣръ прійметъ у насъ такой видъ:
 „сколько ни *будешь браниться* (или: „сколько ни бранись“), а *бу-*
детъ помириться (то-есть, мировая); 9-й примѣръ: „сколько ни *бу-*
дешь искать („сколько ни *ищи*), а милости у людей *не сыщешь*“...

Далѣе, существительная форма глагола, какъ безличное предло-
 женіе, употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно выразить только
 дѣйствіе безъ отношенія къ дѣйствующему лицу и безъ всякаго спе-
 ціальнаго значенія.

10. *Поглядѣть*—картина, а *послушать*—животина (764).
11. *Знать* волка и въ овечьей шкурѣ (19).
12. И по рождѣ *знать*, что Созономъ звать (774).
13. *Не стать* говорить, такъ и Богъ не услышитъ (445).
14. *Не устать* ждать, только бы выждать (101).
15. Не просвирино дитя: *не видать* сквозь тебя (26).

Существительная форма въ каждомъ изъ приведенныхъ выраже-
 ній удобнѣе всего можетъ быть замѣнена формою 2-го лица на *шь*,
 относимую ко всякому лицу: „*поглядишь*—картина, а *послушаешь*—
 животина“ (прим. 10); „*не станешь* говорить, такъ и Богъ не услы-
 шеть (прим. 13).

Нерѣдко существительная форма глагола въ видѣ сказуемаго (безъ
 подлежащаго) встрѣчается въ вопросахъ, выражаемыхъ съ отгѣнкомъ
 сомнѣнія и раздумья. Въ этомъ случаѣ существительная форма рус-
 скаго глагола соотвѣтствуетъ сослагат. наклоненію въ латинскомъ
 языкѣ.

16. Что съ нимъ *дѣлать?* шапки не сымешь съ него (585).
17. О чемъ тому *тужить*, кому есть чѣмъ жить (54).
18. Что тому богу *молиться*, который не милуетъ (20).
19. Дадутъ дураку честь, такъ не знаетъ, гдѣ и *спсть* (804).

Замѣчательнѣйшую особенность синтаксиса языка пословицъ, какъ
 и вообще русскаго народнаго языка, составляетъ употребленіе су-
 ществительной формы глагола въ значеніи самостоятельнаго сказуемаго
 въ выраженіяхъ: *есть, было, будетъ кою—чего, кому—чему* и т. д.
 и въ образовавшихся изъ нихъ отрицательныхъ выраженіяхъ: *некою*
нечему, некогда, негдѣ и т. п.

20. За мужнину жену есть кому *вступиться* (390).
21. Было бы чѣмъ *честить* (потчивать), а честь добудемъ (804).
22. Терпѣть не бѣда, было бы чего *ждать* (102).

23. *Журить, бранить* есть кому, а *жаловать* некому (34).
 24. Есть что *слушать*, да нечего *кушать* (440).
 25. Когда нечѣмъ *заплатить* долгу, ѣхать будетъ на Волгу (584).
 26. Некуда головы *приклонить* (84).

Во всѣхъ приведенныхъ здѣсь выраженіяхъ существительная форма глагола можетъ быть замѣнена прилагательною формою глагола съ частицею *бы*, служащею для обозначенія возможныхъ и предполагаемыхъ дѣйствій. Такъ, 1-й примѣръ совершенно равняется слѣдующему выраженію: „*есть* (тотъ), кто *вступился бы* за мужнину жену“. Что касается отрицательныхъ выраженій (23—26), то въ нихъ, для такой замѣны, всегда слѣдуетъ разлагать отрицательныя мѣстоименія и нарѣчія на ихъ составныя части: некому = нѣтъ (=не есть) кому, нечѣмъ = нѣтъ чѣмъ, негдѣ = нѣтъ гдѣ, или: некому = нѣтъ того, кому; некуда = нѣтъ того (мѣста), куда; негдѣ = нѣтъ того (мѣста), гдѣ. Такимъ образомъ, выраженіе: „*жаловать некому*“ можетъ быть измѣнено слѣд. образомъ: „*нѣтъ того, кто жаловалъ бы*“. Отсюда слѣдуетъ, что въ примѣрахъ 20—26 существительная форма глаголовъ выражаетъ возможность дѣйствія. Но, говоря это, мы вовсе не допускаемъ возможности дополнять существительныя формы приставкою словъ — *можно* и *льзя*: отъ этихъ дополненій смыслъ разсматриваемыхъ пословицъ стѣснился бы въ той мѣрѣ, въ какой строго-опредѣленный смыслъ словъ — *льзя* и *можно* стѣснѣе и уже общаго смысла возможности, заключеннаго въ существительной формѣ глагола при извѣстной обстановкѣ.

Наконецъ, существительная форма глагола, въ видѣ сказуемаго безъ всякаго подлежащаго, съ частицею *бы* постоянно употребляется для выраженія желанія и условія. Частица *бы* является или одна, или въ связи съ другими частицами. Напримѣръ:

27. *Конямы бы не изъѣзживаться*, цвѣтну платью *не изнашиваться* (310).
 28. Не устать ждать, только *бы выждать* (101).
 29. *Кабы* ¹⁾ *знать*, что у кума пировать, и ребятишекъ *бы* привелъ (875).

Относительно этихъ и подобныхъ имъ выраженій слѣдуетъ замѣтить, что они сохраняютъ существительную форму глаголовъ-сказуемыхъ только при отсутствіи грамматическаго подлежащаго (разумѣется, въ империальномъ падежѣ); но какъ только является потреб-

¹⁾ *Кабы* — искаженное *какъ-бы*, *когда бы*.

ность выдвинуть на видъ такое подлежащее, существительная форма превращается въ прилагательную. Такъ, напримѣръ, предложеніе: *кабы знать* не имѣетъ подлежащаго и потому сохраняетъ существительную форму; но если мы подставимъ въ это выраженіе подлежащее *я*, то оно уже не удержится въ прежнемъ видѣ (*кабы я знать*), а приметъ прилагательную глагольную форму: *кабы я зналъ*.

Мы привели нѣсколько выраженій, въ которыхъ существительная форма глагола выражаетъ совершенно самостоятельное, ни отъ кого и ни отъ чего независимое дѣйствіе, и потому сама по себѣ составляетъ предложеніе. Но въ народномъ языкѣ есть и такіе обороты рѣчи, въ которыхъ существительная форма глагола наравнѣ съ личными формами употребляется, какъ сказуемое, при опредѣленномъ подлежащемъ. Впрочемъ, такія выраженія въ языкѣ пословицъ и поговорокъ, по самому характеру ихъ содержанія, попадаютъ рѣдко и случайно; они наиболѣе свойственны народной повѣствовательной рѣчи. Вотъ, впрочемъ, нѣсколько такихъ выраженій, найденныхъ нами среди пословицъ и поговорокъ:

30. Люди *пировать*, а мы *горевать* (34).

31. Люди *молотить*, а онъ замки *колотить* (156).

32. Мужъ въ поле *пахать*, а жена руками *махать* (397).

33. Мужъ *звать*, а жена *спать* (170).

Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что языкъ пользуется такими выраженіями въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно, помимо всѣхъ другихъ обстоятельствъ дѣйствія, выразить исключительно только его напряженность или неопредѣленную продолжительность. Такъ, съ существительными формами въ данныхъ выраженіяхъ не соединяется никакого понятія о времени. Нельзя спросить: когда люди пировать, а мы горевать? Такой вопросъ былъ бы бессмысленъ. Если сказано: „люди *пировать*, а мы *горевать*“, то существительною формою уже показывается, что здѣсь разумѣется не прошедшее, не настоящее и не будущее, а какое угодно время, или всѣ времена вмѣстѣ и ни одно въ частности. Такимъ образомъ, существительною формою въ разбираемыхъ выраженіяхъ обозначается одна только продолжительность, или напряженность дѣйствія, безъ всякаго отношенія къ какому-нибудь опредѣленному времени. Послѣ этого мы считаемъ излишнимъ polemизировать съ тѣми грамматистами, которые при существительной формѣ подразумѣваютъ личныя формы глаголовъ, которымъ они и приписываютъ значеніе сказуемыхъ. Они особенно склонны подразумѣвать въ этихъ выраженіяхъ глаголы: *начать* или *стать*.

Но, по нашему мнѣнію, тамъ рѣчь идетъ вовсе не о началѣ дѣйствія, а о самомъ дѣйстви, понимаемомъ подъ единственнымъ условіемъ напряженности или продолжительности. Мы не отрицаемъ, что при синтаксическомъ анализѣ иногда бываетъ необходимо подразумѣвать опущенныя слова, но эта необходимость ясно опредѣляется наличными членами предложенія. Такъ, въ 32 примѣрѣ мы не могли бы объяснить синтаксическаго значенія обстоятельственного слова—*въ поле* (куда пахать? бессмыслица), если бы не подставили какого-нибудь глагола движенія, напримѣръ, „отправляется, отправился“ и т. п. Но если, вмѣсто правописанія — *въ поле* (куда?), какъ у Даля, принять другое—*въ полѣ* (гдѣ?), то подразумѣвать ничего не нужно, потому что все выраженіе и безъ того понятно въ общемъ и въ частностяхъ.

Послѣ существительной формы глагола, общая личная форма (на *и, ъ, ѣ*), извѣстная болѣе подъ именемъ повелительнаго наклоненія, представляетъ наиболѣе особенностей въ синтаксическомъ употребленіи, какъ сказуемое. Прежде всего замѣтимъ относительно самой формы, что въ народномъ языкѣ, и въ частности, въ языкѣ пословицъ она употребляется въ связи со всѣми лицами обоихъ чиселъ и потому-то называется *общей личной формой*. Примѣры яснѣе покажутъ это.

1. Ты, земля, *трясися*, а мы за колышки *держися* (104).
2. *Будь дсныи* за богачемъ, оставался бы хлѣбъ за нами (77)
3. *Свои собаки гложися*, а чужія не *вяжися* (273).
4. *Вы топися*, а мы къ берегу *гребися* (672).
5. *Тони* (тоть), кому охота, а мы на песочекъ (672).

Общая личная форма въ живой народной рѣчи принимаетъ разнообразное значеніе. Мы уже не говоримъ здѣсь объ употребленіи этой формы для выраженія *просьбы, совета, приказанія*. Наша задача и здѣсь выдвинуть на видъ только оригинальныя черты въ синтаксическомъ употребленіи разсматриваемой формы. Такъ, мы должны остановить вниманіе на употребленіи общей личной формы вмѣсто прилагательной и частныхъ личныхъ формъ.

6. Такой человекъ, что *не пролей* капелъку (889).
7. Онъ съ нимъ *лей*, *перелей* (855)
8. *Знай* свое наладилъ; *знай* одно да одно (686).

Въ 6 примѣрѣ *не пролей* = *не пролетѣть* (въ немъ характеризуется пьяница); въ 7-мъ—*лей*, *перелей* = *леть*, *переливаетъ*, или *милъ*, *переливалъ*, если дѣйствіе относится къ прошедшему времени;

въ 8-мъ примѣрѣ *знай*—*знаетъ* и выражаетъ упорную сосредоточенность, или настойчивость дѣйствующаго лица на своемъ дѣйствіи.

Общая личная форма употребляется иногда вмѣсто существительной формы глагола. Напримѣръ:

9. Рубаха холщевая, хоть огня *пристыки* (641).

Что дѣйствительно форма—*пристыки* можетъ быть замѣнена существительною формой—*пристычь*, доказывается самымъ же языкомъ: приведенная поговорка ходить и въ такомъ въ видѣ: „Рубаха, хоть огня *пристычь*“ (641).

Замѣтимъ, наконецъ, что въ народномъ языкѣ поговорицъ условіе и предположеніе особенно часто выражаются общею личною формою.

10. *Не будь* лжи, не стало бы и правды (196).

11. *Напади* Богъ, нападутъ и добрые люди (8).

12. *Кинь* корочку на гору, придетъ къ тебѣ на пору (120).

13. *Разорвись* на двое—скажутъ: а что не на четверо? (121).

14. *И роди*—плати, *и хорони*—плати (55).

Однакожь, всякій замѣтитъ, что общая личная форма несравненно живѣе выражаетъ условіе, чѣмъ обыкновенныя синтаксическія формы съ союзами *пусть* и *если*; потому что въ той формѣ проглядываетъ живое разговорное начало.

Нашъ народъ особенно любитъ употреблять глагольныя связуемыя безъ подлежащихъ.

Такія выраженія, обыкновенно называющіяся безличными предложениями, мы дѣлимъ на два вида: къ первому относимъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ подлежащія не высказываются потому, что они не извѣстны говорящему, хотя въ нихъ и чувствуется потребность; ко второму виду принадлежатъ всѣ тѣ выраженія, въ которыхъ потому и нѣтъ грамматическаго подлежащаго, что дѣйствіе, выражаемое сказуемымъ, представляется ни отъ кого и ни отъ чего не зависящимъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ выраженія 1-го вида:

1. Вѣтромъ море *колышетъ*, молвою народъ (756).

2. Молву повѣтріемъ *носятъ* (757).

3. Не бархатомъ меня отъ этого по сердцу *поладило* (128).

4. Село *свело*, а барина *скорчило* (35).

5. Пошелъ чортъ по тучу, анъ изъ нея-то и *стрѣльнуло* (41).

Въ этихъ синтаксическихъ формахъ народъ выражаетъ только впечатлѣніе отъ физическихъ или душевныхъ явленій, не сознавая и не называя силъ, производящихъ эти явленія. Онъ считаетъ иногда несправедливымъ приписать явленіе ближайшей видимой причинѣ; но

въ то же время не умѣеть назвать и высшей дѣйствующей силы и потому ограничивается выраженіемъ безотчетнаго ощущенія въ формѣ такъ-называемаго безличнаго предложенія. Это особенно видно изъ примѣровъ 1 и 2-го: *вѣтеръ, молва и повѣтріе*, по народному взгляду, служатъ только *орудіемъ* (твор. пад.) какой-то неизвѣстной силы, которая колышетъ море и народъ и носить молву.

Приводимъ примѣры 2-го вида:

6. Къ пиру *пошло*, къ слову *молвилось* (446).
7. И *хожено* и *вожено*, да легче нѣтъ (37).
8. Въ дѣвкахъ *сижено* — горе мыкано, за мужъ *выдано* — вдвое прибыло (382).
9. *Посно да кормлено*, а дома *не помолено* (9).
10. Къ нашему господину вездѣ (всѣмъ) *входимо* (866).

Никому, конечно, и въ голову не придетъ спросить: что къ пиру пошло? что въ дѣвкахъ сижено? что вездѣ входимо? А это значить, что такія сказуемыя выражаютъ дѣйствіе или результаты дѣйствія безъ всякаго отношенія къ тому, что стояло бы внѣ этого дѣйствія или его результатовъ.

Тѣмъ не менѣе о выраженіяхъ какъ 1-го, такъ и 2-го вида нельзя сказать, чтобы въ нихъ не выражалось грамматическое подлежащее. Это подлежащее бываетъ скрыто въ глагольныхъ личныхъ и прилагательныхъ родовыхъ окончаніяхъ. Въ пословицѣ: „вѣтромъ море колышетъ“ формальнымъ подлежащимъ должно быть признано мѣстоименное личное окончаніе глагола *тѣ*; а въ сказуемыхъ: пошло, молвилось, сижено и т. п. такимъ же подлежащимъ служить звукъ *о*, какъ мѣстоименное родовое окончаніе.

Въ заключеніе этихъ немногихъ замѣтокъ о глагольномъ сказуемомъ, считаемъ нелишнимъ замѣтить, что вмѣсто *е* и въ томъ же значеніи въ языкѣ русскихъ пословицъ употребляются иногда звукоподражательныя междометія; напримѣръ:

1. Чайка *кики*, а казакъ *хихи* (то-есть, смѣется надъ вѣстницей дурной погоды) (224).
2. Онъ не изъ тѣхъ, что *гамъ-гамъ-гамъ*, а изъ тѣхъ, что *хрю-хрю*.

Эти звукоподражательныя междометія употреблены вмѣсто глаголовъ исключительно только для живости рѣчи, въ нихъ видны слѣды живой бесѣды, среди которой вообще слагались пословицы и поговорки.

Кромѣ глагола, мѣсто сказуемаго въ предложеніи могутъ занимать, какъ извѣстно, слова существительныя и прилагательныя. Но

такъ какъ имена прилагательныя нерѣдко замѣняются выраженіями, состоящими изъ именъ существительныхъ въ родительномъ падежѣ безъ предлога и въ нѣкоторыхъ косвенныхъ падежахъ съ предлогами, то само собой разумѣется, что эти выраженія могутъ быть также грамматическими сказуемыми. Слѣдуетъ помнить, что какъ существительное-сказуемое всегда можетъ быть превращено въ приложеніе къ подлежащему, такъ прилагательное-сказуемое — въ опредѣленіе подлежащаго. Отсюда слѣдуетъ, что если и соответствующее прилагательному описательное выраженіе можетъ служить опредѣленіемъ, то, значить, оно можетъ занимать и мѣсто сказуемаго. Этотъ законъ вытекаетъ изъ той простой мысли, что признакъ, формально утверждаемый за извѣстнымъ предметомъ въ формѣ сказуемаго, въ дѣйствительности составляетъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое, и потому въ языкѣ мы гораздо удачнѣе копируемъ природу тогда, когда соединяемъ съ предметомъ признакъ въ формѣ опредѣленія, чѣмъ когда приписываемъ предмету признакъ въ видѣ сказуемаго.

Приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ съ такими сказуемыми, которыя могутъ перейти въ опредѣленіе.

1. *Чей дворъ, того и хоромы; чей берегъ, того и рыба; чей конь, того и возъ; чья земля, того и сѣно* (678).
2. Не то *дорого*, что краснаго *золота*, а *дорого*, что добраго *матерства* (454).
3. Ковры семи *шелковъ*, а рубаха и не *прядена* (643).
4. *Безъ духа и плоти*, а по Христѣ *святъ* (крестъ) (21).
5. Совѣсть *безъ зубовъ*, а загрызеть (317).
6. Конь *о четырехъ ногахъ*, да (и тотъ) спотыкается (524).
7. *О шести ногъ* ¹⁾, *безъ копытъ*, ходить, не стучить (тараканъ и муха) (1084).
8. Видно, онъ *о двухъ головахъ* (275).
9. Была подъ вѣнцемъ, и дѣло *съ концомъ* (307).

Чтобы нагляднѣе убѣдиться въ томъ, что выраженія, отмѣченныя нами, какъ сказуемыя, въ самомъ дѣлѣ совершенно тождественны съ прилагательными-сказуемыми, стоить только обратить эти выраженія въ имена прилагательныя; эти измѣненія не отражаются ни малѣйшей переименованіемъ въ смыслѣ цѣлаго предложенія. Яснѣе всего видно тождество прилагательныхъ именъ съ замѣняющими ихъ выраженіями на примѣрахъ 1—3-мъ: здѣсь родительные падежи сказуемыхъ, оче-

¹⁾ *Ногъ* — род. пад. при числит. *шесть*, которое, въ силу этимологической формы, идетъ здѣсь за существительное.

видно, равняются прилагательнымъ, которыя должны быть произведены отъ нихъ. Такая замѣна примѣнима и къ остальнымъ примѣрамъ: *безъ духа и плоти* то же, что бездушный и безплотный; *безъ зубовъ* — беззубый; *о двухъ головахъ* — двухголовый; *съ концомъ* — конченный. Мы не скрываемъ, что нерѣдко и отъ выраженной обстоятельственныхъ производятся имена прилагательныя, напримѣръ, отъ выражений: *на горѣ, на столѣ, подъ землей, при морѣ* образуются прилагательныя: *нагорный, настольный, подземный, приморскій*. Но дѣло въ томъ, что эти производныя прилагательныя, по внутреннему значенію, рѣзко отличаются отъ своихъ первообразовъ — обстоятельственныхъ выражений: прилагательныя выражаютъ признаки *постоянный*, такъ что, напримѣръ, *нагорный* — постоянно находящійся на горѣ; между тѣмъ обстоятельственныя выраженія, отъ которыхъ производятся эти прилагательныя, въ принципѣ должны быть признаны только *случайными* признаками проявленія какого-либо дѣйствія: *я на горѣ*, конечно, не то же, что *я — нагорный*; *книга на столѣ* не то же, что *книга настольная*; *на столѣ* и *на горѣ*, очевидно, служатъ обстоятельствами при опущенныхъ сказуемыхъ, напримѣръ: *я нахожусь, стою...*, *книга лежитъ*. Между тѣмъ тѣ выраженія, которыя мы признали равными прилагательнымъ, выражаютъ признаки постоянные и существенные. Это мы думаемъ доказать тѣмъ, что наши выраженія способны явиться въ формѣ опредѣленій, которымъ свойственно обозначать именно такіе признаки. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство нашего положенія: „Стоитъ Потапъ *о четырехъ лапъ*, изъ году въ годъ воду пьетъ“ (171); „Куда конь *съ копытомъ*, туда и ракъ *съ клешней*“ (170); „Тутъ и *о двухъ головахъ* пропадешь“ (278); „*Безъ головы* не ратникъ, а побѣжалъ, такъ и воротиться можно“ (281). Въ приведенныхъ примѣрахъ слова: *о четырехъ лапъ* (Потапъ), *съ копытомъ* (конь), *съ клешней* (ракъ), *о двухъ головахъ* (ты, то-есть, всякій) и *безъ головы* (человѣкъ подразумѣвается) составляютъ опредѣленія, которыми, очевидно, выражаются существенные и постоянные признаки. Намъ можетъ быть сдѣлано возраженіе со стороны защитниковъ той теоріи, по которой сказуемыми могутъ быть и обстоятельственныя слова съ явнымъ или подразумѣваемымъ вспомогательнымъ глаголомъ; они могутъ сказать намъ: вы не допускаете, чтобы обстоятельственное слово было сказуемымъ, а между тѣмъ ваши выраженія: *безъ духа и плоти, о двухъ головахъ, съ концомъ* и т. п. развѣ не могутъ разбираться иногда, какъ обстоятельство образа дѣйствія? Могутъ, отвѣчаемъ, при яв-

номъ сказуемомъ. Но эта возможность та же самая, по которой прилагательное сказуемое переходитъ въ нарѣчіе, то-есть, въ обстоятельство, съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ является потребность точнѣе опредѣлить подлежащее глагольнымъ сказуемымъ, при чемъ признакъ, выразившійся прилагательнымъ-сказуемымъ, долженъ получить уже новое выраженіе; напримѣръ: „это *мудро*“ (сказ.) и „это *мудро* (обст.) сказано“; „онъ *безъ пояса*“ (сказуемое) и „онъ ходитъ *безъ пояса*“ (какъ? обстоятельства образа дѣйствія). Такимъ образомъ, наши описательныя выраженія только при глаголахъ, явно выраженныхъ, принимаютъ значеніе обстоятельствъ, а безъ нихъ занимаютъ мѣсто сказуемыхъ, и потомъ уже, какъ прилагательныя-сказуемыя, переходятъ въ опредѣленія. Между тѣмъ обстоятельственныя выраженія всегда остаются *только* съ этимъ значеніемъ при глаголѣ, выраженномъ явно или подразумеваемомъ.

Теперь мы хотимъ остановиться именно на тѣхъ пословичныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ обстоятельственныя слова при опущенныхъ сказуемыхъ словно просятся въ сказуемыя и дѣйствительно нѣкоторыми изъ нашихъ грамматиковъ признаются въ этомъ значеніи. Но только безъ твердой и опредѣленной грамматической теоріи можно увлекаться тѣмъ соблазнительнымъ положеніемъ, какое занимаютъ обстоятельственныя слова въ нѣкоторыхъ оборотахъ народной рѣчи и особенно во множествѣ русскихъ пословицъ. Это можно видѣть изъ примѣровъ.

1. Никто отъ міру *непрочъ* (431).
2. Кто старое вспомянетъ, тому глазъ *вошь* (307).
3. Я его съ плечъ *долгой*, а онъ на руки (686).
4. Ино *скокомъ*, ино *бокомъ*, а ино и *ползкомъ* (921).
5. Намъ, татарамъ, все *даромъ* (751).
6. Это мнѣ все *ни по чемъ* (140).
7. Покорному дитяти все *кстати* (248).
8. *Не къ лицу* пироги разбирать, коли и хлѣба нѣтъ (500).
9. *Не къ лицу* бабу въ дѣвчьи пляски (752).
10. *Не подъ стать* синему вафтану голубой подбой (700).
11. Чьи грѣхи закрыты, а наши всѣ *наружу* (186).
12. У доброй свахи женихи съ невѣстами всѣ *на перечетъ* (386).
13. Все *наготовѣ*: сани въ Казани, хомутъ на базарѣ (620).
14. Мышь съ кошкой *въ накладъ* играть (923).
15. Соколу дѣсь *не въ диво* (624).
16. Чужое добро *не въ прокъ* (674).

17. Золото не въ золото, не побывъ подь молотомъ (454).
18. Сынъ да дочь, да и тѣхъ кормить не въ мочь (407).
19. Не все работа у мельника, а стуку въ волю (547).
20. Двоимъ за нужду влѣзть, и то ни стать, ни сѣсть (604).
21. Самъ копной, брюхо горой (321).
22. Дружба дружбой, а служба службой (254).

Г. Стоюнинъ, приведя нѣсколько подобныхъ примѣровъ, говорить: „Всѣ имена съ предлогомъ могутъ соединиться съ глаголомъ *быть* (стать) во всѣхъ его формахъ, и вмѣстѣ съ нимъ выражать состояніе предмета и быть какъ *сказуемымъ* и *подлежащимъ* (въ формѣ *быть*), такъ и пояснительнымъ словомъ“ („Русскій Синтаксисъ“. С.-Пб. 1871, стр. 23). Но если мы вспомнимъ, что въ русскомъ языкѣ вспомогательный глаголь чаще пропускается, чѣмъ высказывается, то и окажется, что „имена съ предлогами“ (чаще всего встрѣчающіяся въ значеніи обстоятельствъ) довольно часто должны быть сами по себѣ признаваемы за *сказуемыя*. Впрочемъ, г. Стоюнинъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ проф. Буслаеву, который въ своей „Исторической Грамматикѣ“ говоритъ слѣдующее: „Составное *сказуемое* содержитъ въ себѣ, при глаголѣ *существительномъ*, второстепенные члены предложія, а именно: 1) опредѣленіе, выраженное, и пр.; 2) обстоятельство, напримѣръ: „онъ въ городѣ“, „—на ногахъ“, „—въ хлопотахъ“ (съ отпущеніемъ глагола *есть* или *находится*, *пребываетъ* и т. п. ¹⁾). Итакъ, обстоятельственные слова въ связи съ *существительнымъ глаголомъ* (очень часто, замѣтимъ, *опускаемымъ*) могутъ составлять *сказуемое*, такъ что въ предложеніи: „онъ въ городѣ“ *сказуемое* состоитъ изъ *обстоятельного* „въ городѣ“ и *подразумѣяемаго* *вспомогательнаго*, или *существительнаго глагола* — *есть* или *находится*, *пребываетъ*. Положимъ такъ. Но если мы вмѣсто глаголовъ *есть*, *находится*, *пребываетъ* подставимъ глаголь *живетъ*, останется ли тогда *обстоятельное* „въ городѣ“ *составною частію* *сказуемаго*? Нѣтъ, отвѣтять намъ: *живетъ въ городѣ* должно быть признано *логическимъ*, а не *грамматическимъ* *сказуемымъ*; *грамматическое* же *сказуемое* здѣсь *живетъ* и при немъ *обстоятельное*—*въ городѣ*. А вѣдь нужно же согласиться, что глаголь *живетъ* въ *грамматическомъ* отношеніи ничѣмъ не отличается отъ глаголовъ *есть*, *находится*, *пребываетъ*: разница между ними только въ *смыслѣ*. Но вѣдь если строго-этимологически разобрать глаголы *есть*, *находится*, *пребываетъ*, то и между

¹⁾ Ист. Граммат. русскаго яз. Синтаксисъ (М. 1869), § 128.

ними, думаемъ, окажется громадная разница по внутреннему смыслу. Далѣе, если въ выраженіи „онъ въ городѣ“ слово *въ городѣ* признается все-таки обстоятельствомъ, то, спрашивается, при какомъ же глаголѣ оно служитъ обстоятельствомъ? Конечно, при любомъ подразумеваемомъ глаголѣ. Но какимъ образомъ одно и то же слово можетъ быть и обстоятельствомъ и составною частію сказуемаго? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы *въ городѣ* было и составною частію сказуемаго *есть* (находится, пребываетъ) *въ городѣ*, и обстоятельствомъ при тѣхъ же глаголахъ: *есть*, *находится*, *пребываетъ*; если же мы допустимъ это, то должны будемъ допустить большую сбивчивость при разборѣ. Наконецъ, кому не покажется страннымъ, что въ предложеніи: „онъ въ городѣ“ одна половина сказуемаго состоитъ на лицо, а другая половина подразумевается? Должно быть, эти составныя части одного члена предложенія не слишкомъ тѣсно связаны между собою, если такъ легко могутъ распадаться и одна часть можетъ обходиться безъ другой...

Сказанное нами о значеніи обстоятельныхъ словъ при подразумеваемыхъ глаголахъ примѣняется и къ тѣмъ случаямъ, когда обстоятельные слова стоятъ при явно-выраженныхъ формахъ существительнаго глагола *быть*. Въ предложеніи: *онъ былъ въ городѣ* нельзя принимать за грамматическое сказуемое слова *былъ въ городѣ*: если мы считаемъ *въ городѣ* обстоятельствомъ, то оно и будетъ имѣть только это синтаксическое значеніе при простомъ (а не составномъ) сказуемомъ *былъ*, и конечно, не можетъ считаться составною частію грамматическаго сказуемаго. Если, такимъ образомъ, и съ существительнымъ глаголомъ обстоятельные слова не могутъ составлять грамматическаго сказуемаго, но всегда остаются отдѣльными членами предложенія, то тѣмъ менѣе они могутъ считаться составными частями сказуемыхъ, выражаемыхъ другими глаголами. Итакъ, обстоятельное всегда и во всякомъ случаѣ остается только обстоятельнымъ при глаголѣ — все равно, подразумевается ли этотъ послѣдній, или высказывается явно. Если же обстоятельные слова включаютъ въ составъ сказуемыхъ, то это зависитъ отъ смѣшенія грамматическаго начала съ логическимъ, или даже просто — съ практической важностью понятій, заключающихся въ обстоятельныхъ. Мы согласны, что нерѣдко вся важность заключается въ какомъ-нибудь обстоятельномъ словѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, что и въ синтаксическомъ отношеніи оно должно считаться первостепеннымъ членомъ предложенія.

Если теперь мы обратимся въ приведеннымъ выше примѣрамъ съ мнимыми сказуемыми, то окажется, что всѣ они въ сущности ни что иное, какъ обстоятельственныя при опущенныхъ глаголахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе важное логическое значеніе принадлежитъ здѣсь этимъ обстоятельственнымъ, а не подразумеваемымъ глаголамъ: въ этомъ-то и заключается объясненіе того явленія, что сказуемыя иногда опускаются, а обстоятельственныя слова остаются какъ бы представителями опущенныхъ сказуемыхъ. Опускаемыя сказуемыя обыкновенно заключаютъ въ себѣ смыслъ самый общій, который точно опредѣляется обстоятельственными словами, какъ чертами частными, живыми и наглядными; вотъ почему — замѣтимъ мимоходомъ — народный языкъ, отличающійся наглядностью и живописностью въ выраженіи мыслей, предпочитаетъ выраженія, подобныя приведеннымъ въ разбираемымъ нами примѣрахъ, между тѣмъ какъ въ литературномъ языкѣ предпочитаютъ полныя грамматическія предложенія.

Ясно теперь, что возстановить опущенное сказуемое на основаніи обстоятельственного слова — дѣло очень легкое; нужно только помнить слѣдующее правило: опускается не одинъ существительный глаголъ *быть*, и слѣдовательно, не одинъ только этотъ глаголъ можетъ быть подставляемъ на мѣсто опущеннаго сказуемаго, а и *всякій* другой глаголъ, лишь бы только, по внутреннему смыслу, онъ наиболѣе гармонировалъ съ значеніемъ обстоятельственного слова. Такъ, на примѣръ: въ 1-мъ примѣрѣ при обстоятельномъ *прочъ* подразумевается глаголъ, означающій *движеніе* (не *бѣжитъ*, не *уходитъ*); въ 5-мъ примѣрѣ можно подразумевать глаголъ *обходится*; въ 8-мъ — *не идутъ*; въ 11-мъ — *выходятъ*, или *вышли*; въ 16-мъ примѣрѣ — *не идетъ*; въ 21-мъ — *смотритъ*, *выглядитъ* и т. д. Этимъ мы и оканчиваемъ свои замѣчанія о сказуемомъ въ языкѣ русскихъ пословицъ.

По вопросу о согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ, русскія пословицы представляютъ мало замѣчательнаго матеріала. Можно указать здѣсь развѣ только на нѣсколько случаевъ логическаго, отвлеченнаго начала въ согласованіи. Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ:

1. И не намъ *чета* безъ доли *живуть* (49).
2. И не нашимъ снѣмамъ *чета* *подламывались* (777).

Въ этихъ примѣрахъ сказуемыя приняли форму множественнаго числа, вѣроятно, вслѣдствіе логическаго значенія *множественности*, скрытаго въ подлежащемъ *чета* ¹⁾.

¹⁾ Едва-ли правяныяе будетъ такой разборъ: въ первомъ примѣрѣ слово *чета* принять за приложеніе къ подразумеваемому подлежащему *люди*, а во

3. *Братъ съ братомъ на медвѣдя ходятъ* (419).

4. *Прибыль съ убылью въ одномъ дворѣ живутъ* (576).

5. *Злой съ лукавымъ водились*, да оба въ яму ввалились (107).

Грамматическія подлежащія здѣсь — *братъ*, *прибыль*, *злой* (безъ *съ братомъ*, *съ убылью*, *съ лукавымъ*); но сказуемыя стоятъ во множественномъ числѣ, потому что эти подлежащія вмѣстѣ съ соединенными посредствомъ предлога *съ* именами (*съ братомъ*, *съ убылью*)... понимаются какъ сложныя подлежащія, то-есть, *братъ и братъ*, *прибыль и убыль*, *злой и лукавый* ¹⁾. А въ такомъ пониманіи выражается уже логическое начало, но не грамматическое.

6. *Горе да бѣда съ кѣмъ не была?* (135).

7. *Соболь да куница бѣжитъ да дрожитъ*, а сѣрая овечка лезить да пышетъ (34).

8. *Среда да пятница* хозяину въ домѣ не указчица (9).

Если при сложномъ подлежащемъ сказуемое ставится въ единственномъ числѣ (а это несравненно чаще встрѣчается въ языкѣ народномъ, чѣмъ въ книжномъ), то явленіе это объясняется или тѣмъ, что сложное подлежащее, съ логической точки зрѣнія, принимается за простое, или просто грамматическимъ отношеніемъ сказуемаго къ одному только изъ подлежащихъ, при чемъ оно должно быть уже подразумѣваемо при другихъ подлежащихъ.

9. *Медъ сладко, а муха падко* (899).

10. *Грѣхъ сладко, человекъ падко* (11).

Вмѣсто приведенныхъ выраженій мы ожидали бы такіа, въ которыхъ сказуемое согласуется съ подлежащимъ въ такомъ видѣ: „Грѣхъ сладокъ, человекъ падокъ“, и въ этомъ видѣ дѣйствительно встрѣчается также эта пословица въ сборникѣ Даля. Но здѣсь признаки (сладокъ—падокъ) поняты въ связи съ подлежащими, тогда какъ въ примѣрахъ 9 и 10 тѣ же признаки поняты отвлеченно, въ видѣ чистаго, формально ни съ чѣмъ не связаннаго качества. Такимъ образомъ, 9-й примѣръ, по нашему мнѣнію, имѣетъ слѣдующій смыслъ: „медъ есть *нѣчто сладкое* (сладость), а муха *нѣчто падкое*“; точно также толкуемъ мы и 10-й примѣръ: „грѣхъ — *сладость* (сладкое нѣчто), а у человека (есть) *падкость*“.

Къ слову о согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ, обращаемъ

второмъ — къ подразумѣваемому подл. *съми*. (И не намъ чета люди безъ долги швуть. И не нашимъ сѣнямъ чета *съми* подламывались).

¹⁾ См. прекрасное объясненіе такихъ и подобныхъ имъ выраженій въ Рус. Синтакс. Стоюнина, стр. 15—17, § VII.

вниманіе читателей на замѣчательные примѣры не столько согласованія сказуемаго съ подлежащимъ, сколько исключительно русскаго, оригинальнаго *соединенія* сказуемаго съ подлежащимъ, именно соединенія личной или прилагательной формы существительнаго глагола, какъ сказуемаго, съ существительною формой какаго-нибудь другаго глагола, какъ подлежащаго.

1. За милую куму *мать* (подл.) *будетъ* (сказ.) въ тюрьму (122).
2. Когда нечѣмъ заплатить долгу, *хатъ* (подл.) *будетъ* (сказ.) на Волгу (584).
3. Сколько ни тайничать, а *будетъ* (сказ.) *сказаться* (подлеж.) (440).
4. *Быть* (подл.) *было* (сказ.) такъ, да помѣшалъ дьякъ (695).
5. *Быть* (подл.) *было* (сказ.) ненастью, да дождь помѣшалъ (35).
6. *Идти* (подл.) *было* (сказ.) на Вятку, да лаптей нѣтъ (75).

Эти замѣчательные, по синтаксическому строю, обороты принадлежать только русской народной рѣчи.

Въ заключеніе этихъ замѣчаній о подлежащемъ и сказуемомъ считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ опущеніи ихъ, какъ явленіи обыкновенномъ въ языкѣ пословиць. Подлежащее и сказуемое опускаются, конечно, потому что явное выраженіе ихъ представляется излишнимъ при данномъ сочетаніи наличныхъ членовъ предложенія: смыслъ первыхъ очевиденъ изъ той обстановки, какая образуется послѣдними. Вотъ нѣсколько примѣровъ опущенія сказуемаго изъ безчисленнаго множества этого рода явленій въ языкѣ пословиць:

1. Изъ огня да въ полямъ. — Изъ огня да въ воду (147).
2. Изъ крошекъ вучка, изъ капель море (95).
3. Безъ Бога ни до порога (6).
4. За дѣло не мы, за работу не мы; а поѣсть, поплясать — противъ насъ не сыскать (260).
5. По зимѣ въ китаешномъ, по лѣту въ дубленомъ (506).
6. Къ вечернѣ въ колоколь — всю работу объ уголь (7).
7. Деньги водомъ, добрые люди родомъ, а урожай хлѣба годомъ (1008).

Опущенныя сказуемыя легко восстанавливаются на основаніи общаго смысла каждаго выраженія. Такъ, въ 1-мъ примѣрѣ предложѣ *изъ* съ род. п. и *въ* съ винит. показываютъ, что здѣсь подразумѣвается глаголь, означающій движеніе (*изъ* — откуда, *въ* — куда). Глаголы съ этимъ же значеніемъ подразумѣваются въ 3 и 5-мъ примѣрахъ. Во 2-мъ примѣрѣ то отношеніе, въ какомъ поставлены между собою слова, озна-

чающія цѣлое (кучка, море), и слова, означающія части этого цѣлаго (изъ крошекъ, изъ капель), очевидно показываетъ, что здѣсь опущенъ глаголь значенія — *собираются, скопляются, составляются*. Въ 4-мъ примѣрѣ пропущенъ глаголь — *беремся*; въ 6-мъ — *ударили* (къ вечернѣ въ колоколь) и *хватилъ, хватай, хватимъ* (работу объ уголь); въ 7-мъ примѣрѣ опущены глаголы тѣхъ корней, отъ которыхъ происходятъ существительныя, имѣющія здѣсь значеніе обстоятельство, или, по крайней мѣрѣ, глаголы одинакого съ ними смысла; такимъ образомъ составляется слѣдующее полное выраженіе: деньги *ведутся* вodomъ, добрые люди *родятся* родомъ, а урожай хлѣба *случается* годомъ.

Въ языкѣ пословицъ встрѣчаются любопытные случаи опущенія подлежащихъ.

1. Вмѣстѣ — тѣсно, розно — тошно (604).
2. Безъ соли не вкусно, а безъ хлѣба не сытно (901).
3. Тихо не лихо, а смириѣе прибыльнѣе (805).

Истинныя грамматическія подлежащія легко могутъ быть восстановлены въ этихъ выраженіяхъ на основаніи тѣхъ обстоятельственныхъ словъ, которыя остаются какъ-бы ихъ представителями. Такъ, несомнѣнно, что въ 1-мъ примѣрѣ *вмѣстѣ* и *розно* служатъ обстоятельными при опущенномъ подлежащемъ — *жить*, во 2-мъ примѣрѣ *безъ соли* и *безъ хлѣба* — обстоятельными при опущенномъ подлежащемъ — *ѣсть* и, наконецъ, въ 3-мъ примѣрѣ *тихо* и *смириѣе* должны быть признаны обстоятельными подлежащаго *жить* (или *вести себя*). Но самыя эти слова — *вмѣстѣ, розно, безъ соли, тихо, смириѣе* никонимъ образомъ не могутъ быть признаны подлежащими.

Переходя къ употребленію падежей въ языкѣ русскихъ пословицъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать напередъ два замѣчанія: 1) философической стороны ученія о значеніи и употребленіи падежей мы не касаемся, такъ какъ она не принадлежитъ къ нашей задачѣ; 2) мы отмѣчаемъ только тѣ случаи разнообразнаго употребленія падежей, въ которыхъ, по преимуществу, выразился духъ народнаго языка. — Начнемъ съ *родительнаго* падежа.

Какъ особый видъ родительнаго обозначенія, замѣчательны въ народномъ языкѣ эпитеты, выражаемые родительнымъ существительнаго съ опредѣленнымъ словомъ.

1. Ковры *семи шелковъ*, а рубаха и не прядена (643).
2. Поля да черти *одной шерсти* (640).
3. Не дорого, что *краснаго золота*, а дорого, что ^д*добраго мастерства* (454).

Изъ всѣхъ видовъ родительнаго падежа самое обширное употребленіе принадлежитъ родительному количеству. Родительный количества въ свою очередь имѣеть нѣсколько частныхъ видовъ, главнѣйшіе изъ которыхъ можно видѣть въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1. *Всей одежи* шапка да онучи (67).
2. *Скотины* тараканъ да жуколица; *посуды* крестъ да пуговица; *одежи* мѣшокъ да рядно (63).
3. Есть *вашей брати*, въ короткомъ платьѣ (791).
4. Знай себя, и *того* будетъ съ тебя (680).
5. *Нашего полка* прибыло (711).
6. *Наготы*, *босоты* изувѣшены шести; холоду, голоду анбары полны (64).
7. *Всякаго нѣта* спасено съ лѣта (534).
8. Бабушка Мосеевна! Не поле *насъ* насѣяно (601).
9. На помойную яму не напасешься *хламу* (92).
10. На поклепъ *денегъ* не наготовишься (179).
11. Одинъ день у меня *стку* заѣлъ (129).
12. *Прошлаго* поминаемъ, грядущаго чаемъ (27).
13. Чтѣ было *муки*, чтѣ *докуки*, а ни аза, ни буки (104).

Родительный количества, представляемый примѣрами 1 и 2-мъ, въ литературномъ языкѣ обыкновенно употребляется съ предлогомъ *изъ* (изъ одежи, изъ посуды и т. п.). Въ примѣрахъ 3—10-мъ родительный количества объясняется скрытымъ при немъ понятіемъ множества, а въ 11 и 12-мъ—понятіемъ части. Въ 13-мъ примѣрѣ *что* значить *сколько*, и потому при немъ стоитъ родит. количества.

14. Не смотри начала, смотри *конца* (537).

Здѣсь родительный (*конца*) обозначаетъ неопредѣленность предмета, на которомъ должно проявляться дѣйствіе. Если бы разумѣлся извѣстный, опредѣленный *конецъ*, въ такомъ случаѣ имя его было бы поставлено въ винительномъ падежѣ; винит. падежъ показывалъ бы, что дѣйствіе должно проявиться (*смотри*) на всемъ предметѣ (во всей его средѣ), но въ такомъ случаѣ предметъ долженъ быть извѣстенъ во всемъ его объемѣ. Родительный пад., напротивъ, показываетъ, что дѣйствіе не можетъ вполне проявиться на предметѣ, потому что онъ не отличается достаточною опредѣленностію для говорящаго, или лучше сказать, онъ неизвѣстенъ говорящему въ полномъ объемѣ. Но отсюда же слѣдуетъ, что разсматриваемый нами родительный падежъ почти тождественъ съ родит. части.

Извѣстно, что въ русской языкѣ для обозначенія опредѣленнаго

времени употребляется род. падежъ существительнаго съ опредѣлительнымъ словомъ. Въ числѣ пословицъ встрѣчается замѣчательный примѣръ опредѣленія времени именемъ празднуемаго святаго, которое и ставится въ род. падежѣ, но безъ всякаго опредѣленія.

15. Было *Тита*, такъ было и пито; а нынѣ *Карна* — нѣтъ ни капли (48).

Въ народномъ языкѣ такое опредѣленіе времени обычно.

Какъ въ старинномъ языкѣ нѣкоторые глаголы, сложенные съ предлогомъ — *отъ*, соединялись съ род. пад. безъ предлога, такъ и въ языкѣ пословицъ встрѣчаются глаголы, сложенные съ предлогами *отъ* и *изъ*, съ простымъ родит. падежемъ.

16. Кто *зла* отлучится, тотъ никого не боится (108).

17. Тому *худа* не отбыть, кто привыкъ неправдой жить (149).

18. Купилъ сапоги, да не избылъ *босоты* (701).

19. Была бы честь приложена, а *убытку* Богъ избавилъ (701).

Въ заключеніе о родит. падежѣ, укажемъ на употребленіе простаго родит. падежа вмѣсто родительнаго съ предлогомъ *отъ* при *дальше* и *ближе*.

20. Дальше *куми* (или: кума, то-есть, отъ него) — меньше грѣха (168).

21. Дальше *горя* (то-есть, отъ горя) — меньше слезъ (144).

22. Дальше *моря* (то-есть, отъ моря) — меньше горя (284).

Языкъ русскихъ пословицъ представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ употребленія *винительнаго* падежа. — Такъ, винительный употребляется при выраженіяхъ — *видно* и *слышно*, слово при глаголахъ, происходящихъ отъ одного корня съ этими прилагательными.

1. *Самого* чуть видно, а *голосъ* (а *тѣсно*) слышно (комаръ) (1083).

Къ этому винительному весьма близокъ винит. падежъ при страд. причастіи средн. рода.

2. За мое жъ жито, да *меня* же бито (122).

Оба эти примѣра указываютъ на тѣсную связь въ русскомъ языкѣ глагола съ прилагательнымъ.

Отмѣтимъ замѣчательный случай употребленія винительнаго мѣста:

3. Рыбу ловить — *край* смерти ходить (570).

Этими тремя примѣрами мы и должны ограничиться ¹⁾. Вообще

¹⁾ Позволимъ себѣ, впрочемъ, привести еще нѣсколько примѣровъ, представляющихъ не столько синтаксическія, сколько риторическія особенности. Вотъ они: 1) Лапотъ знай *лаптя*, а сапогъ *сапога* (700). 2) Наряди *пня*, и пенъ хорошъ будетъ (640). 3) Денежка *рубля* бережетъ (636). Эти примѣры мы

слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ падежъ не подчиняется на столько общимъ законамъ употребленія во всѣхъ языкахъ, какъ падежъ винительный. Слѣдовательно, въ употребленіи винит. падежа нельзя искать много характеристическихъ особенностей языка.

Въ употребленіи *дательнаго* падежа языкъ русскихъ пословицъ представляетъ два особенно характеристическихъ случая. 1) вмѣсто родительнаго опредѣленія часто употребляется дательный отношенія къ лицу.

1. И не *намъ* чета безъ доли живутъ (49).
2. Голова *всему* начало (461).
3. Хлѣбъ *всему* голова (890).
4. Твердо *крѣпкѣ* брать (775).
5. Горшокъ *котлу* не товарищъ (699).
6. Сила *уму* могила (927).
7. Тутъ свѣтъ *влинѣ* сошелся. Стой! *бѣлу* свѣту край (284).

Объ этомъ дат. падежѣ г. Буслаевъ говоритъ слѣдующее: „Для большей *живости* рѣчи, родительный принадлежности и обозначенія измѣняется въ дательный отношенія къ лицу, при чемъ предметы неодушевленные и отвлеченные представляются какъ бы *одушевленными*“... (Историч. граммат. § 244, стр. 258).

2) При существительной формѣ глагола — все равно, составляетъ ли она сама по себѣ предложеніе, или занимаетъ мѣсто подлежащаго, имя того предмета, къ которому направляется дѣйствіе, ставится всегда въ дат. падежѣ. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ дат. пад. потому, что онъ употребляется въ чисто-народныхъ извѣстныхъ намъ оборотахъ рѣчи.

8. *Глуби* моря не высушить, *горю* сердца не вымучить (137).
9. *Чему* быть, *тому* и статья (26).
10. *Ни хитру*, *ни хитру*, *ни хитру*, *ни хитру*, *ни хитру* суда Божьяго не миновать (5).
11. Лиха бѣда *бѣдѣ* придти, а побѣдѣ съ ногъ *собиютъ* (146).

привели съ тою цѣлю, чтобы показать, что *лаптя*, *сапога*, *пяя* и *рубля* — не родительные, а винительные падежи. Именамъ неодушевленныхъ предметовъ здѣсь придано окончаніе винит. падежа, свойственное именамъ предметовъ одушевленныхъ, или потому, что имена вещей употреблены въ значеніи лицъ, пользующихся ими (см. прим. 1-й, гдѣ *лапотъ* — лапотникъ, крестьянинъ; *сапогъ* — человѣкъ, носящій сапоги, — состоятельный), или вслѣдствіе простаго олицетворенія; такъ, во 2-мъ примѣрѣ подъ *пяемъ* разумѣется человѣкъ толстый и неуклюжій, въ 3-мъ прим. *рубль* олицетворенъ только потому, что денежка приписано дѣйствіе, свойственное живымъ существамъ.

Творительный падежъ въ употребленіи принимаетъ чрезвычайно много отгѣнковъ или видовъ, которые и отличаются въ любой грамматикѣ. Мы укажемъ здѣсь только на тѣ случаи употребленія творит. п., въ которыхъ видѣнъ народный языкъ. Такъ, прежде всего замѣтимъ, что творит. орудія въ народномъ языкѣ пословицъ нерѣдко употребляется тамъ, гдѣ въ литературномъ языкѣ обыкновенно ставится именительный падежъ.

1. *Вътроемъ* (вм. нашего *втрехъ*) море колышетъ, *молою* народъ (756).
2. Молву *повътриемъ* носить (757).
3. *Семьею* и горохъ молотятъ (862).
4. Не *бархатомъ* меня отъ этого по сердцу погладило (128).

Далѣе, творительный орудія въ народномъ языкѣ употребляется нерѣдко тамъ, гдѣ въ обыкновенномъ книжномъ языкѣ ставится винительный.

5. Силенъ бѣсъ, и *юрами* качаетъ, а *людьми*, что *вѣниками*, трясеть (12).
6. Шутки шуты, а *людьми* не мути (968).
7. И *водой* не замутишь (216).
8. Посѣешь *крупнымъ зерномъ*, будешь съ хлѣбомъ и виномъ (1010).
9. Вижу рожь въ сусѣвѣ и *мукою* даю (733).
10. Въ міръ идти, такъ и *тѣстомъ* брать (63).

Сюда относится также употребляющійся только въ народномъ языкѣ творительный дѣйствующей причины при глаголахъ непереходящихъ.

11. День меркнетъ *ночью*, а человекъ *печалью* (125).
12. *Огнемъ* вода ключемъ кипитъ, а водою и огонь заливаютъ (927).
13. Лошадь и не мала, да *обычаемъ* пропала: ты съ хомутомъ, а она и шею протянула (810).

Творительные—*ночью*, *печалью*, *огнемъ*, *обычаемъ* соотвѣтствуютъ описательнымъ выраженіямъ, состоящимъ изъ предлога *отъ* съ род. падежемъ: *отъ ночи*, *отъ печали*, *отъ огня*, *отъ обычая*. Это свойство народного языка выражать отношеніе понятій простымъ падежемъ тамъ, гдѣ мы теперь прибѣгаемъ къ помощи предлоговъ, свидѣтельствуетъ о тѣсной связи его съ языкомъ стариннымъ.

Въ числѣ различныхъ видовъ творительнаго образа дѣйствія особеннаго вниманія заслуживаютъ *творительный сравненія* и *творит. усиленія*. Первый изъ нихъ замѣчательнъ по частому употребленію въ народной поэзіи.

Вотъ нѣсколько примѣровъ творит. сравненія:

14. Не гляди на меня *кожомъ*, гляди *розсытью* (115).
15. Кто въ чинѣ вошелъ *лисой*, тотъ въ чинѣ будетъ *волкомъ* (725).
16. Поѣхалъ за море *теленкомъ*, воротился *бычкомъ* (472).
17. Огнемъ вода *ключемъ* кипить, а водою и огонь заливають (927).

Творительный сравненія совершенно равняется описательному выраженію, состоящему изъ союза *какъ* и имен. падежа, такъ что 15 прим. можетъ быть измѣненъ такъ: „не гляди на меня, *какъ комъ*; гляди, *какъ розсыть*“.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ творительнаго усиленія.

18. Рубаха—трутъ *трутомъ*, на плечахъ перегорѣла (641).
19. Домъ чаша *чашей* (646).
20. Нынѣ конь *конемъ*, а завтра колъ *коломъ* (302).
21. Она прибираетъ, она подаваетъ, *однимъ* одна за всѣхъ отвѣчаетъ (651).
22. Ты у меня одинъ *однимъ*, какъ синь порохъ въ глазу (820).
23. *Гольемъ* голо, хотъ шаромъ покати (599).

Сюда же слѣдуетъ отнести и нарѣчія, имѣющія форму творител. падежа и происходящія отъ одного корня съ тѣми глаголами, которые ими усиливаются.

24. Онъ насѣлъ на него, да *гнетма* гнететь (219).
25. *Течма* течетъ. *Ливмя* льетъ. *Летомъ* летитъ (559).
26. *Слэхомъ* не слыхать, *виддомъ* не видать (945).

Этимъ мы и заканчиваемъ свои замѣчанія о простомъ предложеніи и переходимъ къ предложенію сложному.

Сложное предложеніе въ языкѣ русскихъ пословицъ, по нашимъ наблюденіямъ, представляетъ слѣдующія характеристическія явленія: 1) своеобразное употребленіе союзовъ и мѣстоименій, служащихъ для сочетанія предложений; 2) употребленіе союзовъ тамъ, гдѣ по правиламъ книжнаго словосочиненія они признаются излишними; 3) опущеніе словъ, обыкновенно употребляющихся для соединенія предложений; 4) перерывы въ составѣ или одного главнаго предложенія передъ придаточнымъ, или главнаго и придаточнаго предложеній вмѣстѣ; 5) опущеніе цѣлыхъ предложений; 6) сліаніе предложений, и 7) сокращеніе предложений.

1) Въ народномъ языкѣ русскихъ пословицъ своеобразно употребляются, въ особенности, относительныя мѣстоименія и происходящіе отъ нихъ союзы. Приводимъ здѣсь нѣсколько такихъ случаевъ.

Союзъ *что* нерѣдко употребляется въ значеніи винословныхъ союзовъ: *ибо, потому что, оттого что*; напримѣръ:

1. Запеклися уста, *что* мошна пуста (64).
2. Сердить, *что* не тѣмъ бокомъ корова почесалась (117).
3. И пастухъ овцу бьетъ, *что* не туда идетъ (209).
4. Аль я хуже людей, *что* вездѣ стоя пью (34).
5. Аль мое пиво не удалось, *что* подъ тынъ пролилось (184).
- 6) Аль мой дворъ съѣзжимъ творится, *что* въ него всякъ валится (184).

Особенно часто союзъ *что* употребляется съ винословнымъ значеніемъ въ такихъ вопросительныхъ предложеніяхъ, гдѣ вслѣдъ за вопросомъ высказывается и *причина*, вызвавшая его (см. прим. 4—6).

Не менѣе часто въ народномъ языкѣ пословицъ союзъ *что* встрѣчается съ значеніемъ *такъ что*; напримѣръ:

1. Пришло въ тупикъ, *что* некуда ступить (130).
2. Починилъ дѣдъ клѣтку, *что* и собаки лаятъ (701).
3. Ъсть, *что* бѣлыма на лобъ лѣзутъ (897).

Далѣе, союзъ *что* въ сравнительныхъ предложеніяхъ употребляется вмѣсто *какъ*, безъ всякаго соотвѣтствующаго союза.

1. На смерть, *что* на солнце, во всѣ глаза не взглянешь (289).
2. Мило, *что* душа, а горько *что* бѣда (135).
3. Добра, *что* влада ищутъ, а худо подъ рукой (107).
4. Горе, *что* стрѣла, разить (125).
5. Тащи съ вазны, *что* съ пожару (244).

Вмѣсто *чѣмъ—тѣмъ* при сравнительныхъ степеняхъ обыкновенно говорится *что — то*.

1. Его, *что* больше слушать, *то* пуще вретъ (201).
2. *Что* бѣднѣе, *то* щедрѣе (87).
3. Кошку, *что* больше гладишь, *то* больше хвостъ деретъ (808).

Союзы *что — то* употребляются въ смыслѣ *какъ скоро — такъ, какъ — такъ, всякій разъ какъ и иногда — сколько — столько*.

1. *Что* слово молвить, *то* рублемъ подарить (445).
2. *Что* ударишь, *то* и уѣдешь (252).
3. *Что* потѣшить (счастье), *то* и проживемъ (137).
4. У кузнеца *что* стукнуть, *то* гривна (568).
5. Доброму человѣку, *что* день, *то* и праздникъ (109).
6. *Что* городъ, *то* норовъ; *что* деревня, *то* обычай (689).

Повторяемый союзъ *что* выражаетъ то же, что въ литературномъ

ЯЗЫКѢ *ли — ли, ли — или*, иногда же онъ замѣняетъ союзы — *какъ — такъ и*.

1. *Что выпито, что вылино* — все равно (889).
2. *Что совой о пень, что пнемъ о сову, а все совѣ больно* (а все одно) (949).
3. *Что черно, что бѣло, вызолоти* — все одно (164).
4. Все одинъ Богъ, *что у насъ, что у нихъ* (19).
5. *Что осьмнадцать, что безъ двухъ двадцать* (не досказано „все одно“) (950).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о синтаксическомъ употребленіи относительныхъ мѣстоименій *кто* и *который* въ народномъ языкѣ пословицъ.

Повторяемое мѣстоименіе *кто* въ народномъ языкѣ такъ же, какъ иногда и въ книжномъ, употребляется въ значеніи — *одинъ, другой, иной*; напримѣръ: *кому сонъ, кому явь, кому владѣ, кому шишь* (47). Но въ языкѣ пословицъ мѣстоименіе *кто* даже и въ томъ случаѣ, когда оно стоитъ одиноко, часто употребляется въ смыслѣ *иной, кто-нибудь*, и вообще, въ смыслѣ неопредѣленнаго мѣстоименія, напримѣръ:

1. *Подъ кѣмъ ледъ трещить, а подъ нами ломится* (32).
2. *У кого въ вѣтѣ покрали, а къ намъ съ выемкой* (186).
3. *Кому чудо, а намъ чадо* (28).
4. *На кою подыметъ, а на меня опуститъ* (33).

Сюда же относится мѣстоименіе *чей*, замѣняющее собою родит. падежъ мѣстоименія *кто*.

5. *Чей день завтра, а нашъ нонѣ* (665).

Правда, ниже мы увидимъ, что мѣстоименіе *кто* (и *чей*) въ данныхъ выраженіяхъ, въ сущности, есть вопросительное и начинается собою вопросительное предложеііе, зависящее отъ подразумеваемаго главнаго предложеііа, но это открывається только путемъ научнаго анализа; практическое же употребленіе придадо относительному мѣстоименію *кто* въ извѣстныхъ выраженіяхъ значеніе неопредѣленнаго мѣстоименія.

Мѣстоименіе *который* въ народномъ языкѣ пословицъ обыкновенно ставится рядомъ съ своимъ опредѣляемымъ въ придаточномъ предложеііи, или иначе: то существительное, къ которому относятся мѣстоименіе *который*, ставится въ придаточномъ предложеііи, а не въ главномъ, какъ это принято въ литературномъ языкѣ.

1. *Которую осцу волежъ задавить, та ужъ не пищить* (134).

2. *По которой рѣкъ* плыть, ту и воду пить (215).
3. *Которая искра* не упала, та и не ожгла (174).
4. *Который родъ* любится, тотъ и высится (стар. о временщикахъ) (185).
5. *Въ которой посудинѣ* деготь побываетъ — и огнемъ не выжжешь (174).

Въ такихъ выраженіяхъ придаточное предложеііе непременно предшествуетъ главному. Если же, на оборотъ, главное предложеііе ставится впереди придаточнаго, то указательнымъ мѣстоименіямъ главнаго предложеііа въ придаточномъ почти всегда соотвѣтствуетъ *не кто* и *не который, -ая, -ое*, а *что* — для всѣхъ трехъ родовъ.

1. Не тотъ воръ, *что* крадетъ, а то воръ, *что* концы хоронить (159).
2. Нѣтъ такого человѣка, *что* бъ вѣкъ безъ грѣха прожилъ (11).
3. То не бѣда, *что* по карманамъ пошла (138).

Въ книжномъ языкѣ также мѣстоименія *что* употребляется вмѣсто *кто* и *который*, но тамъ случаи эти встрѣчаются несравненно рѣже, чѣмъ въ языкѣ народномъ.

2) Употребленіе союзовъ *тамъ*, гдѣ книжное словосочиненіе считаетъ ихъ излишними, несравненно ограниченнѣе въ языкѣ пословицъ, чѣмъ въ языкѣ древнихъ памятниковъ, былинь, сказокъ, пѣсенъ. Главная причина этого явленія заключается въ синтаксическомъ строѣ пословицы, какъ краткаго изреченія. Между тѣмъ какъ сказки, былины и прочія произведенія народнаго творчества слагаются изъ цѣлаго ряда предложеіій, которыя необходимо связать хотя внѣшнимъ образомъ, — пословица состоитъ чаще всего изъ одного, двухъ, и вообще, изъ очень малаго числа предложеіій; здѣсь мало простора для примѣненія къ дѣлу тѣхъ синтаксическихъ приемовъ, какіе мы находимъ въ другихъ народныхъ произведеніяхъ. Притомъ, въ стихотворныхъ произведеніяхъ, независимо отъ указанной выше причины, желаніе соблюсти ритмъ также вело къ вставкѣ частицъ, ненужныхъ въ синтаксическомъ отношеніи; а въ языкѣ пословицъ встрѣчаются, и то изрѣдка, только слабыя попытки къ стихотворному размѣру.

Только два союза—*да* и *что* въ языкѣ пословицъ употребляются тамъ, гдѣ по правиламъ книжнаго словосочиненія они оказываются излишними.

Очень часто союзъ *да* ставится въ срединѣ предложеііа для того, чтобы рѣзче выразить неестественность логической связи между по-

нтями, высказанными въ предложеніи до и послѣ этого союза. Выраженіе этого логическаго противорѣчія еще усиливается обыкновенно приставкою частицы *же* къ тѣмъ словамъ, которыя уже своимъ присутствіемъ должны были бы сдѣлать невозможнымъ логическое противорѣчіе и въ которыхъ, поэтому, лежитъ основаніе для сужденія, совершенно противоположнаго тому, какое высказывается на самомъ дѣлѣ. Вотъ примѣры такихъ выраженій:

1. За мой же грошъ *да* я же не хорошъ (122).
2. Вашими ножами *да* васъ же рѣжутъ (122).
3. За наше добро *да* намъ же рожонъ въ ребро (122).
4. За мое же добро *да* мнѣ же переломили ребро (122).

Возьмемъ для разбора 1-й примѣръ, чтобы нагляднѣе показать значеніе частицы *да* въ срединѣ предложенія. Если мы отбросимъ всѣ частицы, то увидимъ, что въ первой части предложенія — *за мой грошъ* — заключается основаніе для утвердительнаго сужденія: *я хорошъ*. Но такъ какъ на практикѣ оказывается совершенно противное, то-есть, *я не хорошъ*, то для выраженія этого противорѣчія между основаніемъ и слѣдствіемъ и употребляется частица *да*.

Союзъ *да* нерѣдко вставляется также между главнымъ предложеніемъ и придаточнымъ сокращеніемъ въ видѣ дѣпричастія.

1. Поупу, разъ оживившись, *да* на вѣкъ закатятся (943).
2. Дай боли воли, — полежавъ, *да* умрешь (212).

Въ нашихъ выраженіяхъ значеніе союза *да* легко опредѣляется съ измѣненіемъ дѣпричастій въ личныя и прилагательныя формы (вм. оживившись — оженился, полежавъ — полежишь), то-есть, съ превращеніемъ престопаго строя рѣчи въ литературный.

Что касается союза *что*, то онъ иногда въ зависимомъ вопросительномъ предложеніи ставится при словѣ, заключающемъ въ себѣ силу вопроса.

1. Не о томъ рѣчь, что виноватаго съчъ, а о томъ, *что* гдѣ онъ? (485).
2. Не про то говорятъ, что съѣли, а про то, *что* куда дѣвали, чего не доѣли? (485).

3. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ и вмѣстѣ типическихъ явленій въ языкѣ пословицъ составляетъ опущеніе союзовъ, и вообще словъ, служащихъ обыкновенно для сочетанія предложеній. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Изучая языкъ пословицъ, мы пришли къ убѣжденію, что въ однихъ случаяхъ отсутствіе союзовъ должно быть объясняемо недостаткомъ логическаго развитія у творцовъ пословицъ,

а въ другихъ оно допущено для большей легкости и краткости рѣчи. Простой народъ, среди котораго создавались пословицы, конечно, не могъ ясно и отчетливо выражать всѣ разнообразныя оттѣнки мысли: для человѣка съ начинающимся еще умственнымъ развитіемъ доступны только простѣйшія отношенія между понятіями¹⁾, напримѣръ, противоположность, сходство, мѣстная и временная послѣдовательность; но такія отношенія, какъ условіе, или основаніе и слѣдствіе, какъ причинная зависимость между мыслями, для него мало доступны. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ чувствуетъ только близость, связь между мыслями, но въ чемъ состоитъ эта близость, какая именно эта связь — для него не понятно. Потому онъ и въ языкѣ довольствуется, въ этомъ случаѣ, простымъ сопоставленіемъ предложеній безъ всякой грамматической связи. Это — одна изъ причинъ опущенія союзовъ. Другую мы указали въ стремленіи къ легкости, краткости и живости выраженія. Само собой понятно, что это стремленіе могло выражаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда логическая связь между мыслями, по своей простотѣ, была вполне доступна простому уму. Все это представляется довольно яснымъ при ближайшемъ знакомствѣ съ пословицами; потому мы и переходимъ къ указанію и объясненію частныхъ случаевъ опущенія словъ, соединяющихъ предложенія.

Въ предложеніяхъ, которыя относятся между собою, какъ подлежащее и сказуемое, нерѣдко опускаются соединительныя слова *то* (мѣстоим.) — *что* (союзъ); напримѣръ:

1. Живеть (то-есть, бываетъ) порою — течеть и вода горою (624).
2. Встарь бывало, собака съ волкомъ жила (307).
3. И жито забыто, и пито не въ честь (122).
4. Не дорого пито, да дорого быто (869).

Всѣ эти примѣры, если подставить въ нихъ опущенныя *то* — *что*, получаютъ такой видъ: 1) Живеть порою *то*, *что* течеть и вода горою. — 2) Встарь бывало *то*, *что* собака съ волкомъ жила. — 3) И *то*, *что* жито, забыто, и *то* не въ честь, *что* (союзъ) пито. — 4) Не дорого *то*, *что* (союзъ, а не мѣстоименіе) пито, да дорого *то*, *что* быто.

Мы уже видѣли выше, что въ условныхъ предложеніяхъ первая часть, заключающая въ себѣ собственно основаніе, или условіе, можетъ выражаться въ русскомъ языкѣ *общеею личною формою*; въ этомъ случаѣ, нашъ языкъ обходится безъ условныхъ союзовъ. Кромѣ

¹⁾ Съ точки зрѣнія такого человѣка мы должны были бы сказать: *между предметами*.

того, въ языкѣ пословиць условное предположеніе является въ слѣдующемъ видѣ: части его получаютъ такой строй, что по книжному словосочиненію непремѣнно должны бы быть соединены условными союзами, а между тѣмъ союзы эти опускаются.

1. Бояться несчастья — и счастья не будетъ (или: не видать). (Петръ I) (24).

2. Однѣ сласти ѣсть — горечи какъ узнаешь? (81).

3. Хорошая земля — полная мошна; худая земля — пустая мошна (61).

4. Говорить (поеть, играть) — хорошо, а замолчить — еще лучше (422).

Условные союзы (*если — то*) не употребляются для соединенія предложеній въ языкѣ пословиць, какъ мы видѣли уже выше, потому что самая логическая связь условія со слѣдствіемъ остается недоступною простому уму. Такъ, и въ приведенныхъ примѣрахъ, хотя условная связь между отдѣльными предложеніями очевидна, какъ напримѣръ, „если бояться несчастья — и счастья не будетъ“, однакожь, простому уму эта связь оказалась недоступною и это непониманіе отразилось въ языкѣ.

Въ языкѣ пословиць нерѣдко встрѣчаются случаи опущенія союзовъ при обозначеніи времени. Конечно, въ этомъ случаѣ союзы опускаются для легкости и живости рѣчи, потому что нѣтъ ничего проще, какъ пониманіе отношеній, касающихся времени.

1. Тонулъ — топоръ сулил; вытащили — и топорща жаль (123).

2. Согрѣлся — осердился; простылъ — остудился (112).

3. Будетъ въ полѣ рожь, будетъ и въ людяхъ ложь (196).

Въ первыхъ двухъ примѣрахъ, очевидно, нужно подставить союзы: *когда*, *коли* и т. п. съ соответствующими *тогда*, *то*, или безъ нихъ, чтобы вышли слѣдующія полныя грамматическія выраженія: „*когда* тонулъ, топоръ сулил; (а) *когда* вытащили, *то* и топорща жаль“; *когда* согрѣлся — осердился, *когда* простылъ — остудился“. Въ 3-мъ примѣрѣ, по нашему мнѣнію, выпущены союзы — *доколь*, *пока* — *дотоль*: „*доколь* будетъ въ полѣ рожь, *дотоль* будетъ и въ людяхъ ложь“.

Опускаются иногда противительные союзы — *а*, *но*, и замѣчательно, что, съ опущеніемъ ихъ, на словахъ, составляющихъ противоположность, дѣлается особенно сильное логическое удареніе.

1. Не хлѣбомъ живы, молитвою (8).

2. Не богатый кормить, тороватый (60).

3. Съ деньгами милъ, безъ денегъ постылъ (56).

Въ уступительныхъ предложеніяхъ, близкихъ по смыслу къ противительнымъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія два случая:

1) Иногда союзы вовсе опускаются, какъ на примѣръ:

1. Богу молиться — не вовсе разориться (то-есть, надо заняться и мірскимъ) (9).
2. Пьешь у друга воду, слаще меду (858).
3. Въ горѣ жить — некручинну быть; нагаму ходить — не соромиться (86).

2) Но чаще случается такъ, что союзъ *хоть* опускается, а соответствующіе ему союзы остаются.

4. Чужой мужъ милъ, да не жить мнѣ съ нимъ; а свой постыль, волочиться съ нимъ (675).

5. И жалъ батьки, да вести на догостъ (136).

6. Совѣсть безъ зубовъ, а загрызеть (317).

Если эти примѣры дополнить опущенными уступительными союзами, то они получаютъ слѣдующій видъ: 1) *Хоть* Богу (и) молиться, то-есть, молись, *однако* не вовсе разориться, то-есть, разорись. 2) *Хоть* пьешь у друга (и) воду, *но* (она) слаще меду. 3) *Хоть* въ горѣ жить, да некручинну быть; *хоть* нагаму ходить, *но* не соромиться. 4) *Хоть* чужой мужъ милъ, да не жить мнѣ съ нимъ; а свой *хоть* и постыль, *однако* волочиться съ нимъ. 5) *Хоть* и жалъ батьки, да вести на догостъ. 6) *Совѣсть* *хоть* и безъ зубовъ, а загрызеть.

Въ раздѣлительныхъ предложеніяхъ очень нерѣдко опускаются союзы, на примѣръ:

1. Ушелъ, не ушелъ, а побѣзжать можно (275).

2. Бойся, не бойся, а роу не миновать (27).

3. Уловъ, не уловъ, а обрѣбаться надо (Уральск. наз.) (276).

4. Свать, не свать, былъ бы добрый человекъ (414).

Если мы вставимъ, гдѣ слѣдуетъ, опущенные союзы, то 1-й примѣръ получитъ такой видъ: „ушелъ *ли*, не ушелъ *ли*, а побѣзжать можно“, или просто: „ушелъ, *или* не ушелъ, а побѣзжать можно“. Но, кромѣ союзовъ *ли* — *или*, можно также представить повтореніе союзовъ *что* и *хоть*, на примѣръ: „*хоть* бойся, *хоть* не бойся, а роу не миновать“ (2); „*что* свать, *что* не свать (все одно), былъ бы добрый человекъ“ (4 пр.).

Особенно часто опускаются вынословные союзы. Что касается причины этого явленія, то она уже высказана нами выше; а теперь приведемъ только примѣры.

1. Всякъ хлопочетъ, себѣ добра хотеть (106).

часть слви, отд. 2.

2. Маленька собачка лаетъ, отъ большой слышитъ (171).
3. Нельзя говорить: сучковъ много въ избѣ (198).
4. Силенъ врагъ, и горами качаетъ (118).
5. Жаль дѣвки — потеряла парня (111).
6. Не кланяюсь богачу, свою рожь молочу (78).

Ясно, что въ каждомъ изъ этихъ примѣровъ между отдѣльными предложениями скрывается причинная связь, которую можно выразить винословными союзами. Вставимъ для наглядности такіе союзы во 2-мъ, 4-мъ и 6-мъ примѣрахъ: „маленька собачка лаетъ, *потому что* отъ большой слышитъ“ (лай); „силенъ врагъ, *ибо* и горами качаетъ“; „не кланяюсь богачу, *потому что* свою рожь молочу“.

Кромѣ только-что рассмотрѣннаго вида, винословныя предложенія могутъ принимать и другой, совершенно обратный видъ. Въ каждомъ изъ приведенныхъ примѣровъ второе предложеніе заключаетъ въ себѣ основаніе или причину для перваго; но основаніе можетъ выражаться также въ первомъ предложеніи, и въ такомъ случаѣ второе предложеніе будетъ слѣдствіемъ или выводомъ изъ перваго. Въ послѣднемъ случаѣ, для обозначенія связи между основаніемъ и слѣдствіемъ, въ книжномъ языкѣ употребляются такъ-называемыя заключительные союзы: *следовательно, итакъ, такъ, потому* и т. п. Въ народномъ же языкѣ пословица эти союзы обыкновенно опускаются, конечно, потому, что связь между основаніемъ и слѣдствіемъ выше пониманія творцовъ пословицъ.

1. Борода — трава, скосить можно (17).
2. Дѣвушка — не травка, не выростетъ безъ славки (758).
3. Голова не карнизъ, не приставишь (736).
4. Не лапчатъ гусь, не переплывешь; не перепелица, не перелетишь (737).
5. Не солнце, всѣхъ не обогрѣешь (на всѣхъ не угрѣешь) (691).

Вставимъ заключительные союзы въ 1-мъ и 5-мъ примѣрахъ: „борода — трава, *потому* скосить (ее) можно“; „не солнце, *следовательно*, всѣхъ не обогрѣешь“.

Въ сравнительныхъ предложеніяхъ, если не ошибаемся, постоянно опускаются союзы *какъ — такъ*. Вотъ, для примѣра, нѣсколько сравнительныхъ предложеній безъ союзовъ:

1. Лихихъ пчелъ подкуръ неймаешь, лихихъ глазъ сындъ не беретъ (740).
2. Безъ солнышка нельзя пробыть, безъ милаго нельзя прожить (820).

3. Утиного зоба не накормишь, судейскаго кармана не наполнишь (164).
4. Тьма свѣту не любить, злой добраго не терпить (106).
5. Алмазь алмазомъ рѣшится (гранится), плуть плутомъ губится (107).
6. Солюю сытъ не будешь, думою горя не размыкаешь (126).

Это бессоюзіе въ сравнительныхъ предложеніяхъ (равно какъ и отрицательное уподобленіе, замѣтимъ мимоходомъ) составляетъ отличительную особенность народнаго языка. Въ книжномъ же языкѣ, какъ извѣстно, въ этомъ случаѣ употребляются сравнительные союзы: *какъ* — *такъ*: „*какъ* лихихъ пчель подкуръ нейметъ, *такъ* лихихъ глазъ стыдъ не беретъ“; „*какъ* утиного зоба не накормишь, *такъ* судейскаго кармана не наполнишь“. Иногда же употребляется только одинъ союзъ *такъ*: „алмазь алмазомъ рѣшится, *такъ* плуть плутомъ губится“ (прим. 5).

4) Въ языкѣ русскихъ пословицъ нерѣдко встрѣчаются такіе случаи, что при полно выраженномъ придаточномъ предложеніи въ главномъ предложеніи нѣтъ ни сказуемаго, ни того слова, которымъ грамматически должно опредѣляться отношеніе главнаго предложенія къ придаточному. Вотъ примѣры такихъ сложныхъ предложеній:

1. Богатому — какъ хочется, а бѣдному — какъ можется (72).
2. Мужъ — какъ бы хлѣба нажить, а жена — какъ бы мужа избыть (397).
3. Ты — какъ бы ближе въ дѣлу, а онъ — про возу бѣлу (492).
4. Ты — какъ бы добыть, а люди — какъ бы отбить (75).
5. Ты — чтобы животъ поправить, анъ вышки вовсе вонъ лѣзуть (37).
6. Ни передъ чѣмъ перекреститься, ни чѣмъ задавиться (65).

Въ первомъ примѣрѣ главныя предложенія могутъ быть дополнены и приведены въ грамматическую связь съ придаточными такимъ образомъ: „богатому *живется такъ*, какъ хочется, а бѣдному *живется такъ*, какъ можется“. Во второмъ примѣрѣ при подлежащихъ — *мужъ* и *жена* можно подразумѣвать слова: *старается*, *заботится о томъ*. Эти же сказуемыя съ указательными мѣстоименіями могутъ быть подставлены въ 3, 4 и 6 примѣрахъ. Что касается 6-го примѣра, то здѣсь главное предложеніе скрыто въ частицѣ *ни*. Если на основаніи ея мы разовьемъ предложеніе, то 6-й примѣръ получитъ такой видъ: „ни *того нтъ*, передъ чѣмъ перекреститься; ни *того нтъ*, чѣмъ задавиться“.

Въ языкѣ пословицъ, кромѣ того, встрѣчаются и такія выраженія, которыя отъ сейчасъ приведенныхъ отличаются еще тѣмъ, что и въ придаточныхъ предложеніяхъ нѣтъ союзовъ и какихъ бы то ни было словъ, которыя показывали бы отношеніе ихъ къ главнымъ. Такимъ образомъ предъ нами являются главныя предложенія безъ конца, а придаточныя безъ начала.

1. У людей вруны — заслушаешься, а у насъ вруны — соскучишься (202).
2. Дорога — хоть кубаремъ ступай (283).
3. Стужа да нужда — нѣтъ того хуже (или: нѣтъ ихъ хуже) (85).
4. Совѣтъ да любовь — на этомъ свѣтѣ стоитъ (818).
5. Этотъ грѣхъ — и всего-то три пятницы молока не хлебать (228).
6. Капля — воробью глотка нѣтъ, а камень долбить (593).
7. Колосъ отъ колоса — не слышать и голоса (1012).

Выявая въ смыслъ придаточныхъ, или объяснительныхъ предложеній въ данныхъ выраженіяхъ (то-есть, „заслушаешься“, „соскучишься“, „хоть кубаремъ ступай“ и т. д.), легко замѣтить, что опущенныя сказуемыя въ главныхъ предложеніяхъ должны выражать качество подлежащихъ; точно также изъ сопоставленія подлежащихъ въ главныхъ предложеніяхъ съ предложеніями придаточными становится ясно, что послѣднія служатъ поясненіемъ сказуемыхъ въ главныхъ предложеніяхъ. На этомъ основаніи пополняя пробѣлы въ приведенныхъ примѣрахъ, мы получимъ слѣдующія полныя грамматическія выраженія: 1) У людей *такіе* вруны, *что* заслушаешься; а у насъ *такіе* вруны, *что* соскучишься. 2) Дорога *такая* (гладкая, ровная), *что* хоть кубаремъ ступай. 3) Стужа да нужда *таковы* (такъ худы), *что* нѣтъ ихъ хуже. 4) Совѣтъ да любовь *таковы* (такъ могучи), *что* на нихъ (вм. „на этомъ“) свѣтъ стоитъ. 5) Этотъ грѣхъ *таковъ* (такъ ничтоженъ), *что* (за него) и всего-то три пятницы молока не хлебать. 6) Капля *такая* (такъ мала), *что* воробью глотка нѣтъ, а камень долбить. 7) Колосъ отъ колоса *такъ далеко*, *что* не слышать и голоса.

5) Одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ языкѣ русскихъ пословицъ составляетъ опущеніе дѣльныхъ предложеній. Опускаются обыкновенно дѣликомъ главныя предложенія и притомъ такія, которыя всякій легко можетъ представить себѣ и возстановить на основаніи придаточныхъ предложеній, зависящихъ отъ нихъ, или вносныхъ словъ. — Всѣ случаи опущенія главныхъ предложеній можно раздѣ-

лить на два вида: главные предложенія опускаются а) при зависящихъ отъ нихъ придаточныхъ предложеніяхъ, б) при вносныхъ словахъ.

а) Примѣры опущенія перваго вида:

1. Не самъ коваль — какой Богъ далъ (напримѣръ носъ) (176).
2. Не у всякаго жена Марья — кому Богъ дастъ (26).
3. Воры не родомъ ведутся, а кого бѣсъ свяжетъ (154).
4. Самъ не хвались, какъ люди похвалятъ (811).
5. Не хвались, нищій, сумою, какъ люди дадутъ (то-есть, дадутъ ли еще) (818).
6. Не суйся къ капустѣ, какъ принустятъ (237).
7. Спать, какъ коней продавши (563).
8. Ходить, какъ пальцы растерявши (489).
9. Рано пташка запѣла, какъ бы кошва не съѣла (699).
10. Можно бы про это пѣсню спѣть, да чтобъ кого по уху не задѣть (732).
11. Не будь красна и румяна, а чтобъ по двору прошла, да куръ сочла (772).
12. Чтò къ чему обычно: носъ къ табаку, шея къ кулаку (756).
13. Деньги — прахъ, а животы, чтò голуби, гдѣ поведутся (71).
14. Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плавало (914).
15. Цѣлы ль сани, а лошади пропали (696).
16. Цѣла ль шапка, а голова пропала (696).
17. Подъ кѣмъ ледъ трещить, а подъ нами ломится (32).
18. Чей день завтра, а нашъ нонѣ (665).

Чтобы образовать полныя грамматическія выраженія, возстановимъ въ приведенныхъ примѣрахъ главные предложенія, на основаніи зависящихъ отъ нихъ предложеній придаточныхъ. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть рядъ слѣдующихъ выраженій: 1) Не самъ коваль; а какой (напримѣръ носъ) Богъ далъ, *такой и носу* (глаголы, разумѣется, могутъ мѣняться смотря по предмету, о которомъ идетъ рѣчь). 2) Не у всякаго жена Марья; *а у того жена Марья*, кому ее Богъ дастъ. 3) Воры не родомъ ведутся, а кого бѣсъ свяжетъ, *тотъ и одълается воромъ* (или: тому и быть воромъ). — Въ примѣрахъ 4, 5 и 6 можно подразумѣвать одно и то же главное предложеніе, именно: *пожди* или: *посмотри*, — напримѣръ: „самъ не хвались, *пожди (посмотри)*, какъ люди похвалятъ“. Въ 7 и 8 примѣрахъ послѣ союза *какъ* опущены главные предложенія, къ которымъ собственно и относятся дѣепричастія. 7) Спать (такъ) какъ

спятъ, коней продавши. 8) Ходить (такъ), какъ *ходятъ*, пальцы растерявши. Въ 9 и 10 прим. опущенныя главныя предложенія, какъ можно заключить изъ придаточныхъ („какъ бы кошка не съѣла“, „чтобъ кого по уху не задѣтъ“), должны выражать *боязнь, страхъ, опасеніе*. 11) Не будь красна и румяна, а *пусть будетъ то*, чтобы (ты) по двору прошла да куръ сочла. 12) Чтò къ чему обычно, *то къ тому и идетъ*: носъ къ табаку, шея къ кулаку. 13) Деньги — прахъ, а животы, что (= какъ) голуби, гдѣ поведутся, *тамъ и размножатся*. 14) Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось — *все равно* (или: *это не важно*), лишь бы не плакало. — Въ 15—18 примѣрахъ придаточныя вопросительныя предложенія стоятъ въ зависимости отъ одного и того же опущеннаго сказуемаго — *неизвѣстно*, или: *не знаю, не знаемъ*, на примѣръ: „дѣла-ль шапка, *не извѣстно*, а голова пропала“ (то-есть, это достоверно извѣстно); „подъ кѣмъ ледъ трещитъ, *не знаемъ*, а подъ нами ломится“; „чей день завтра, *не знаемъ*, а нашъ нонѣ“. — Приведа въ своемъ мѣстѣ примѣры 17 и 18-й и подобные имъ, мы сказали, что *кто* и *чей* употреблены въ смыслѣ неопредѣленныхъ мѣстоименій; здѣсь же мы признаемъ ихъ уже за вопросительныя. Но дѣло въ томъ, что тамъ мы имѣли въ виду тотъ непосредственный смыслъ, какой въ данныхъ выраженіяхъ придаетъ относительному мѣстоименію всedневное употребленіе; здѣсь же мы примѣняемъ уже научный анализъ къ разсматриваемымъ выраженіямъ. Этотъ же анализъ показываетъ намъ, какимъ образомъ вопросительныя мѣстоименія въ употребленіи переходятъ иногда въ неопредѣленныя; переходъ этотъ совершается при помощи глагола *не знаю* (*не извѣстно*), обыкновенно подразумеваемаго: выраженіе — *кто—не знаю*, или *не знаю—кто*, совершенно равняется неопредѣленнымъ мѣстоименіямъ: *кто - то, кто -нибудь, иной*.

б) Приведемъ теперь примѣры втораго вида, въ которыхъ главныя предложенія опущены при вносныхъ словахъ. Такъ какъ опущенные глаголы большею частію имѣютъ одно значеніе — *говорить, сказывать, спрашивать*, то, не разбирая cadaго выраженія отдѣльно, мы отиѣтимъ опущенные глаголы въ скобахъ.

19. Сулилъ свѣчку, а прошла бѣда (*говоритъ*): ищи на мнѣ (153).
20. Сосватавшись, да (*спрашиваетъ*): хороша ль невѣста? (381).
21. Не посѣявъ ни горсти, да (*говоритъ*): пошли Богъ пригоршни (556).
22. Наступя на горло, да (*говоритъ, утѣряетъ*): по доброй волѣ (926).

23. Укусивъ пирожка, да въ пазушку (то-есть положивъ его), (*говоритъ*): помини Богъ бабушку (533).

Замѣтимъ, что опущеніе глаголовъ при вносныхъ словахъ нигдѣ такъ не умѣстно и нигдѣ такъ часто не допускается, какъ въ живой устной бесѣдѣ; здѣсь тонъ голоса и жестикація могутъ живо и наглядно показать, что высказываются чужія, а не собственные слова.

6) Переходимъ къ сліянію предложеній. Сливаются два предложенія (главное и придаточное) ¹⁾ тогда, когда одно изъ нихъ, утративъ нѣкоторые члены, до такой степени поглощается другимъ, что мы обыкновенно почти и не замѣчаемъ слѣдовъ ихъ раздѣльнаго существованія. Впрочемъ, уцѣлѣвшіе члены слитаго предложенія только на первый взглядъ могутъ быть признаны второстепенными членами поглотившаго предложенія; на самомъ же дѣлѣ они сохраняютъ самостоятельное значеніе относительно этого предложенія. Покажемъ это на примѣрѣ: „они живутъ душа въ душу“. На первый взглядъ, слова: *душа въ душу* — представляются обстоятельствомъ образа дѣйствія при сказуемомъ — *живутъ*: какъ живутъ? душа въ душу. Между тѣмъ слова: *душа въ душу* не имѣютъ непосредственнаго синтаксическаго отношенія въ глаголу — *живутъ*; они составляютъ только часть такого поглощеннаго предложенія, которое дѣйствительно выражаетъ образъ дѣйствія: „они живутъ такъ, что *душа* (одного) входить *въ душу* (другаго)“.

Народный языкъ пословицъ представляетъ много замѣчательнѣйшихъ формъ сліянія предложеній, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

1. Есть *въ ротъ да въ лотъ*, такъ не надо и *въ прокъ* (747).
2. Не *къ мѣстѣ* печальна, не *къ добру* весела (969).
3. Только сорока *перо въ перо* родится (953).
4. Пестра сорока бѣлобока, а *всѣ одна въ одну* (799).
5. Живутъ *душа въ душу* (820).
6. Ъдутъ — *дуга на дугъ* (283).
7. *Зубъ за зубъ* браниться. *Зѣвъ въ зѣвъ* грызться (267).
8. Онъ ходитъ (или: говоритъ) *врудъ на распашку* (191).
9. Полетѣлъ отъ Машки *вверхъ тормашки* (560).
10. *Часъ отъ часу* къ смерти ближе, а отъ спасенія дальше (11).
11. Не сули журавля *въ небо*, а дай синицу въ руки (716).
12. Синица *въ рукахъ* лучше соловья *въ мѣстѣ* (716).

¹⁾ О сліяніи предложеній, соединяемыхъ по способу сочиненія, намъ говорить нечего.

13. Не столько роса съ неба, сколько потъ съ лица (удобряетъ нивы) (1009).
 14. Не въ время гость хуже (пуще) недругъ (татарина) (698).
 15. Не осуди въ лаптяхъ; сапоги въ саняхъ (говорить гость, входя) (173).

Слияніе предложеній въ духѣ языка ведетъ къ очень важному результату: выраженія, не теряя ясности, приобретаютъ сжатость—одно изъ важныхъ достоинствъ языка. Въ этомъ мы сейчасъ убѣдимся, хотя и путемъ отрицательнымъ: восстанавливая поглощенные предложенія, мы замѣтимъ, что наши выраженія довольно тяжеловѣсны сравнительно съ народными выраженіями. 1) Есть, что положить въ ротъ да въ глотъ, такъ не надо класть (закладывать) и въ прокъ. 2) Не (идетъ) въ мѣсту то, что ты печальна; не (поведетъ) къ добру то, что ты весела. Здѣсь главное предложеніе поглощено придаточнымъ. 3) Только сорока родится такъ, что перо выходитъ въ перо. 4) Пестра сорока бѣлобова, а всѣ таковы, что одна вышла въ одну. 5) Сивыше. 6) Вдуть такъ, что дуга стоитъ на дугѣ. 7) Браниться такъ, что зубъ (одного) задѣвается за зубъ (другаго). Грызться такъ, что вѣвъ (одного) запущена въ вѣвъ (другаго). 8) Огъ ходитъ такъ, что грудь (у него) на распахку. 9) Полетѣлъ отъ Машки такъ, что очутились вверхъ тормашки. 10) По мѣрѣ того, какъ часть отходитъ отъ часу, къ смерти (становится) ближе, а отъ спасенія дальше. 11) Не сули журавля, который (летаетъ) въ небѣ, а дай синицу въ руви. 12) Синица, которая (находится) въ рувахъ, лучше соловья, который—въ лѣсу. 13) Не столько роса, падающая съ неба, сколько потъ, падающій съ лица (удобряетъ нивы). 14) Гость, который приходитъ не въ-время, хуже татарина. 15). Не осуди, что я въ лаптяхъ: сапоги въ саняхъ.

Къ этому мы считаемъ нужнымъ прибавить еще нѣсколько объяснительныхъ словъ. 1) Въ примѣрахъ 3, 5 — 9 главные предложенія съ придаточными мы соединяемъ посредствомъ союзовъ такъ что на томъ основаніи, что слова, уцѣлѣвшія отъ поглощенныхъ придаточныхъ предложеній, при первомъ взглядѣ представляются обстоятельствомъ образа дѣйствія и этимъ даютъ намекъ на то, что они остались отъ предложеній, выражающихъ образъ дѣйствія. 2) Въ примѣрѣ 3-мъ—перо, въ 7-мъ—зубъ и зѣвъ, въ 8-мъ—грудь, въ 9-мъ—тормашки и въ 10-мъ—часъ мы принимаемъ за именительные, а не за винительные падежи, на основаніи аналогическихъ примѣровъ, су-

существовавшихъ въ языкѣ: *душа съ душою, дуга на дугѣ, рука съ рукою, или обо руку.*

Вслѣдствіе сліянія предложеній иногда образуется особый видъ приложений, которыми опредѣляется какой-либо частный признакъ, или, точнѣе, какая-либо принадлежность предмета.

1. Стоить долина—*золотая вершина* (золотокольна) (22).
2. Это щучка—*остремиый носокъ* (хитрецъ) (727).
3. Еще какого задохъла — *во лбу мпелтъ, съ затмалкъ яени звелды* (383).
4. Уродился дѣтина—*кровъ съ молокомъ, да чортъ горѣлми прибавилъ* (888).
5. Дай море, съ берегомъ ровно, *доншико серебряно* (ловитъ съ живомъ и монетой; свадеб.) (836).
6. Уроди Богъ хлѣба—*солома въ олоблю, колосъ съ дуго, зерно съ напалокъ* (набадашннвъ) (836).

Отмѣченныя нами приложения—ни что иное, какъ уцѣлѣвшія подлешація отъ придаточныхъ предложеній, слившихся съ главными, и встать замѣтимъ, что эти придаточныя предложенія, бывъ возстановлены, обыкновенно начинаются съ относительнаго мѣстоименія—*у котораго, —ой, —* на примѣръ: „Стоить долина, *у которой* золотая вершина“; „Уроди Богъ хлѣба, *у котораго* солома въ олоблю, колосъ съ дугу, зерно съ напалокъ“.

Черезъ сліяніе предложеній, несомнѣнно, образовались и такія народныя выраженія:

1. *Спать* не сплю, *дремать* не дремлю, а все думаю думу (462).
2. *Глядѣть* глядѣть, а *видѣть* ничего не видѣть (525).
3. Онъ *битъ* не бьетъ, только страсть даетъ (212).
4. *Нарожать* нарожала, а *научить* не научила (408).
5. *Любить* хотъ не любила бѣ, да почаще воглядывала (383).
6. *Спорить* споръ, а *браниться* грѣхъ (269).
7. *Глядѣть* гляди, да *кругомъ* обходи (239).
8. *Шутить* шутя, да *людей* не мутя (968).

Вопросъ о томъ, какъ составились эти выраженія, въ настоящее время не можетъ быть рѣшенъ хотя сколько-нибудь удовлетворительно; потому что исторія языка, которая только и можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ, не представила еще данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія этого вопроса. Мы можемъ пока объяснить только значеніе существительной формы глагола при еказуемомъ въ этихъ выраженіяхъ. По нашему мнѣнію, существительная форма въ этомъ случаѣ употребляется

съ тою цѣлю, чтобы съ строжайшею точностью опредѣлить и какъ бы специализировать то понятіе о дѣйствіи, которое выражается сказуемымъ. На этомъ основаніи примѣръ 2-й мы толкуемъ такимъ образомъ: „Если разумѣть дѣйствіе, точно выражаемое словомъ—*глядѣть*, то онъ совершаетъ это дѣйствіе—*глядитъ*; если же разумѣть то дѣйствіе, которое въ языкѣ называется глаголомъ—*видѣть*, то онъ *ничего не видитъ*“. Точно также мы объясняемъ существительныя формы и въ другихъ примѣрахъ, независимо отъ формы сказуемыхъ, при которыхъ онѣ стоятъ; хотя, можетъ-быть, форма сказуемыхъ и придаетъ особенный оттѣнокъ ихъ значенію. Наша задача опредѣлить только общее значеніе существительной формы въ разсматриваемыхъ выраженіяхъ.

Къ числу выраженій, образовавшихся изъ слиянія предложеній, относятся также слѣдующія:

1. *Людно-то людно*, да человекъ нѣтъ (317).

2. *Есть-то есть*, да не про вашу честь (241).

Относительно выраженій этого рода мы сдѣлаемъ два замѣчанія:

1) Въмѣсто ихъ въ книжномъ языкѣ употребляются уступительныя предложенія; такъ, 1-й примѣръ книжною рѣчью былъ бы выраженъ такимъ образомъ: „Хотя и людно, да человекъ нѣтъ“. 2) На основаніи смысла этихъ тавтологическихъ выраженій, мы думаемъ, что они образовались изъ отдѣльныхъ предложеній чрезъ опущеніе *что-то*: „*Что людно, то справедливо—людно, да человекъ нѣтъ*“; „*Что есть, то вѣрно—есть, да не про вашу честь*“. Такое происхожденіе разбираемыхъ выраженій подтверждается, по видимому, и тѣми обстоятельствомъ, при которыхъ они высказываются; а это бываетъ или послѣ вопроса (людно ли? есть ли?), или послѣ простаго утвержденія однимъ изъ собесѣдниковъ, что-де *людно, есть*; но никогда такіа выраженія не произносятся безъ котораго-либо изъ этихъ поводовъ. Такимъ образомъ связь ихъ съ предыдущею рѣчью несомнѣнна, а это и даетъ силу нашей догадкѣ о ихъ происхожденіи.

7) Въ вопросѣ о сокращеніи предложеній въ языкѣ русскихъ словницъ мы должны ограничиться только существительною формою глагола и такъ-называемымъ дѣепричастіемъ; потому что всѣ другія сокращенія не представляютъ ничего любопытнаго.

Въ существительную форму сокращаются полныя придаточныя предложенія, начинающіяся съ союзовъ *что* и *чтобы*.

1. Коротки ноги у многи на небо *лзѣтъ* (922).

2. Женатому *учитъся* времячко ушло (451).

3. Ждутъ Оому: чають *быть* уму (462).

4. Онъ сказываетъ зайца въ вершѣ, щуку въ канканѣ (202).

Въ первыхъ двухъ примѣрахъ существительная форма замѣняетъ предложенія, выражающія цѣль, и слѣдовательно, начинающіяся съ *чтобы*: „Коротки ноги у миноги *для того, чтобы* на небо лѣзть“; „*Для того, чтобы* женатому учиться, времячко ушло“. Въ 3-мъ примѣрѣ въ существительную форму глагола съ дательнымъ дополненія сократилось придаточное предложеніе, начинающееся союзомъ *что*: „Ждутъ Оому: чають, *что* (у него) *есть* умъ“. О такомъ сокращеніи профессоръ Буслаевъ говоритъ слѣдующее: „Сокращаются у насъ въ неопредѣленное наклоненіе съ подлежащимъ преимущественно такіа придаточныя, въ которыхъ сказуемымъ бываетъ вспомогательный глаголъ. А такъ какъ этотъ глаголъ можетъ опускаться, то обыкновенно мы употребляемъ сокращенное предложеніе безъ неопредѣленнаго *быть*: такъ что вставка этого глагола бываетъ уже противна русскому словосочиненію. Напримѣръ, въ Шуйск. Акт. „Ивашко Охланкинъ сказавъ себѣ отъ роду двадцать пять лѣтъ“ (= что ему 25 лѣтъ, = сказавъ себѣ *быть* 25 лѣтъ). У Пушкина „полагая его въ развѣздахъ“ (= что онъ въ развѣздахъ, = *быть* его или ему въ развѣздахъ)“. (Истор. Граммат. § 276, стр. 347). Такимъ образомъ въ 4-мъ прим. опущена существительная форма глагола — *быть*: „Онъ сказываетъ зайца *быть* въ вершѣ, щуку *быть* въ канканѣ“. А это выраженіе въ свою очередь сократилось изъ слѣдующаго: „Онъ сказываетъ, что заяцъ въ вершѣ, щука въ канканѣ“ (то-есть, что заяцъ попался въ вершу, а щука въ канканѣ).

Въ *дѣепричастіе*, какъ извѣстно, сокращаются *обстоятельственный* предложенія; такимъ образомъ *дѣепричастіе* сближается съ *нарѣчіемъ*. Но исторія языка показываетъ, что наше *дѣепричастіе* въ то же время есть прилагательная форма глагола (*причастіе*). На этомъ основаніи, *дѣепричастіе*, заключающа въ себѣ обстоятельный смыслъ, можетъ служить въ то же время замѣною прилагательныхъ, или *причастныхъ* формъ глагола въ разныхъ падежахъ. Въ языкѣ пословицъ мы остановимъ вниманіе только на тѣхъ случаяхъ употребленія *дѣепричастія*, когда оно замѣняетъ собою прилагательныя формы въ косвенныхъ падежахъ, или, другими словами, когда оно относится не къ подлежащему, а къ дополненію.

Чаще всего такое *дѣепричастіе* можетъ быть замѣнено *причастіемъ* въ дательномъ падежѣ.

1. *Не бывавъ*, дѣвушка замужъ хочется (718).
2. *Не выдавъ*, дѣвушка вѣрится (счастье замужемъ) (718).
3. Отрывается масломъ, *глядючи* на коровій слѣдъ (741).
4. *Посола*, все съѣтся (901).
5. *Говоря* про людей, устанется, а *слушая* про себя, достанется (763).
6. *Покрившая*, пьется, *похрамливая*, живется (889).
7. *Бывшись* (то-есть, бьучись) съ коровой—не молоко (206).
8. *Бывшись* съ козой—не удои (206).
9. *Не выдавъ* вечера и хвалиться нечего (540).
10. *Живучи* одной головою, и обѣдъ варить не ловко (380).
11. *Не поиди* тощо, а *поживи* тошно (896).
12. Не пригеже ѣсть *лежа* (753).
13. *Живучи* въ Москвѣ, познать и въ тоскѣ (347).
14. Рано вставиши, больше наработашь; рано *оженившись*, скорѣе помощь будетъ (663).

Всѣ эти дѣепричастія удобно замѣняются дательнымъ падежемъ прилагательныхъ формъ, на примѣръ: „*небывавшей* (замужемъ) дѣвушка замужъ хочется“; „*посолашнему* все съѣтся“; „рано *оженившемуся* скорѣе помощь будетъ“. Въ то же время эти дѣепричастія заключаютъ въ себѣ и обстоятельственный смыслъ, — на примѣръ, „*когда посолаши*, все съѣтся“.

Въ слѣдующихъ выраженіяхъ дѣепричастіе удобно замѣняется прилагательною формою въ родительномъ падежѣ съ предлогомъ *у*.

15. *Лежа* цѣла одежда, да брюхо со свищемъ (551).
16. *Теряя*, горе скажется (26).
17. Пошла стряпня, рукава *стряпня* (484).
18. Бобы не грибы: *не посяжавъ* не взойдутъ (548).
19. *Не терши*, *не мывши*, не будетъ и калачъ (551).

Такимъ образомъ 15-й примѣръ = выраженію: „*У лежащаго* цѣла одежда, да брюхо со свищемъ“; 16-й примѣръ = „*У теряющаго* горе скажется“; 17-й примѣръ = „Пошла стряпня *у стряпнящей* рукава“; 18-й примѣръ = „Бобы не грибы: *у не посяжачаго* не взойдутъ“; 19-й примѣръ = „*у не тершаго*, *у не мывшаго* не будетъ и калачъ“.

20. Хорошая ѣжа не придетъ *левоа* (551).

Въ этомъ примѣрѣ дѣепричастіе можетъ быть замѣнено только прилагательною формою въ дательномъ падежѣ съ предлогомъ *къ*: „Хорошая ѣжа не придетъ *къ лежащему*“.

Въ заключеніе приведемъ пословицу, въ которой дѣепричастіе употреблено вмѣсто прилагательной глагольной формы въ винительномъ падежѣ среднего рода:

21. *Стоя* не валяй, а *лежа* подбирай (631), то-есть, стоящее или стоячее не валяй, а лежащее или лежачее подбирай.

Ясно, что формы — *стоя* и *лежа* должны быть рассматриваемы здѣсь, какъ древнія формы причастія настоящаго времени среднего рода.

..... П. Глаголевскій.

САТИРЫ ПЕРСІЯ.

Сатира четвертая.

Основная мысль этой сатиры выражена въ слѣдующихъ заключительныхъ ея словахъ:

«Tescum habita: noris; quam sit tibi curta supellex».

Смысль этихъ словъ тотъ же самый, что и въ извѣстномъ изреченіи γινώθι σαυτόν (познай себя), которое, по преданію, служило, между прочимъ, надписью на дельфійскомъ храмѣ Аполлона. Недостатокъ самопознанія — вотъ, по справедливому мнѣнію Персія, одна изъ тѣхъ язвъ, отъ которыхъ наиболѣе страдаетъ общество. Обыкновенно человѣкъ не видитъ своихъ недостатковъ, и потому не заботится объ ихъ искорененіи, и въ то же время слишкомъ зорко и строго относится къ недостаткамъ своихъ ближнихъ. Отсюда рознь между людьми, взаимное недоброжелательство, злословіе и клевета (ст. 23—42). Прямымъ слѣдствіемъ недостатка въ самопознаніи является такъ-называемое самомнѣіе, которое, по смыслу разсматриваемой сатиры, въ особенности замѣтно въ молодомъ поколѣніи. Отсюда его самонадѣянное и въ то же время критически не зрѣлое отношеніе къ окружающему міру. Типомъ самонадѣяннаго юноши, который, не смотря на свою неопытность, считаетъ себя способнымъ судить и рядить о государственныхъ вопросахъ, является здѣсь Алкивиадъ. Рядомъ съ нимъ выводится Сократъ, какъ представитель житейской мудрости. Онъ откровенно и беспощадно анализируетъ недостатки Алкивиада и старается уничтожить въ немъ его самолюбивые порывы. Все это очень напоминаетъ одинъ изъ Платоновыхъ діалоговъ, а именно „Alcibiades prior“. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что IV-я сатира Персія написана подъ вліяніемъ этого діалога. Впрочемъ, римскій поэтъ только въ самомъ началѣ разсматриваемой сатиры придерживается Платона, а въ слѣдующихъ ея частяхъ придаетъ своему произведе-

нию чисто-римскій отпечатокъ. Это достаточно видно уже изъ слова „*quirites*“ (въ 8-мъ стихѣ).

Уже не разъ было высказано мнѣніе, что подъ Алкивиадомъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть Нерона. Казобонъ все свое введеніе къ IV-й сатиры посвятилъ защитѣ этого мнѣнія. Другіе (напримѣръ, Мейстеръ) прибавляютъ къ этому, что за Перикломъ (ст. 3) скрывается здѣсь Вурръ или Сенека. Впрочемъ, всѣ эти мнѣнія давно уже оставлены лучшими издателями нашего автора, тѣмъ болѣе, что и схоластики, которые такъ часто замѣшиваютъ Нерона въ произведенія Персія, ни словомъ не упоминаютъ о немъ въ своихъ замѣткахъ къ IV-й сатиры. Кромѣ того, извѣстно, что Персій вообще тщательно избѣгалъ намековъ на современное ему римское общество.

IV.

„Ты радѣешь о народномъ дѣлѣ“, — представь себѣ, что это говоритъ бородатый наставникъ, котораго извелъ ужасный голодъ цыкуты, — „на что же ты надѣнешься? отвѣчай мнѣ питомецъ великаго Персила. Да, вѣдь умъ и быстрая опытность явились у тебя прежде бороды, ты-де намозолилъ себя въ томъ (знаешь), что нужно говорить и о чемъ промолчать. Итакъ, когда чернь кипитится отъ взволнованной желчи, духъ твой побуждаетъ тебя величественнымъ жестомъ наложить молчаніе на разгоряченную толпу. Что же потомъ ты скажешь? (А вотъ) напримѣръ: Квириты (граждане), это несправедливо, то дурно, а это законнѣе. Ты-де умѣешь взвѣшивать справедливость на обѣихъ чашкахъ (даже) сомнительныхъ вѣсовъ, усматриваешь правду и тамъ, гдѣ она уклоняется въ кривду, или когда погрѣшаетъ хромоногій законъ, и умѣешь ставить передъ порокомъ

<Rem populi tractas> — barbatum haec crede magistrum

Dicere, sorbitio tollit quem dira cicutae —

<Quo fretus? dic hoc, magni pupille Pericii.

Scilicet ingenium et rerum prudentia velox

5. *Ante pilos venit, dicenda tacendaque calles.*

Ergo ubi commota fervet plebecula bile,

Fert animus calidae fecisse silentia turbae

Majestate manus. Quid deinde loquere? Quirites

Ноч, puta, non justum est, illud male, rectius illud.

10. *Scis etenim iustum gemina suspendere lance*

Ancipitis librae, rectum discernis, ubi inter

Curva subit, vel cum fallit pede regula varo,

Et potis es nigrum vitio praefigere theta.

Quin tu igitur, summa nequiquam pelle decorus,

мрачную оиду. И къ чему ты, при твоей бесплодно-красивой наружности, не перестаешь преждевременно распускать свой хвостъ передъ лъстивою чернью, между тѣмъ какъ для тебя было бы лучше (полезнѣе) глотать безпримѣсную (чистую) антицирскую чемерицу! Въ чемъ для тебя высшее благо? въ томъ, чтобы цѣлый жѣзъ (semper) прожить на лавоныхъ (жарныхъ) блюдахъ и постоянно грѣть кожу на солнцѣ? Подожди, не иное что (на вопросъ о высшемъ благѣ) одвѣтила бы вотъ и эта старуха. Ступай теперь, дуй (вѣмъ въ уши): „А-де смѣй Диномахи; я красавецъ“. Пусть такъ, если (допустить, что) повертая лохмотьями Бавкида разсуждаетъ не хуже тебя въ то время, какъ продаетъ на раслѣвъ овощи негодному (распущенному) рабу.

Какъ, однако, никто не пытается проникнуть въ себя, никто, а всякій смотритъ въ котомку того, кто идетъ спереди! Если спросить: знаешь ли ты помѣстья Веттидія? — „Какого?“ — Да того богача, который близъ Куръ пашетъ столько земли, что и коршуну не облетѣть. „А, ты говоришь о томъ, на кого прогнѣвались сами боги и вому неприязненъ даже его собственный *jenій*, о томъ что, привѣсивъ армо у истоптаннаго перекрестка, со страхомъ отцарапываетъ старую смелу съ небольшой винной бочки и со вздохомъ говоритъ: „Пусть это послужитъ мнѣ на счастье!“ Прикусывая носыпанный солью чеснокъ вмѣстѣ съ шелухою, въ то время, какъ слуги его лижутъ за горнемъ съ мучною похлебкой, самъ онъ плотаетъ за-

15. Ante diem blando caudam iactare popello
Desinis, Anticyras melior sorbere meracas!
Quae tibi summa boni est? uncta vixisse patella
Semper et assiduo curata cuticula sofe?
Exspecta, haud aliud respondeat haec anus. I nunc,
20. *Dinomaches ego sum, suffla, sum candidus!* Esto:
Dum ne deterius sapiat pannucia Baucis,
Cum bene discincto cantaverit ocima vernaе.
Ut nemo in sese tentat descendere, nemo,
Sed praecedenti spectatur mantica tergo!
25. Quaesieris: Nostin' Vettidi praedia? «Cuius?»
Dives arat Curibus, quantum non milvus oberret.
«Hunc ais? hunc dis iratis, genioque sinistro,
Qui quandoque iugum pertusa ad compita figit,
Seriolae veterem metuens deradere limum,
30. Ingemit: *hoc bene sit!* tunicatum cum sale mordens
Caepe, et farratam pueris plaudentibus ollam,
Pannosam faecem morientis sorbet aceti».

плесневѣлыя дрожжи выдыхаюся укуса“. А если ты, умастивъ свою кожу, отдыхаешь и грѣешь ее на солнцѣ, то вблизи (непремѣнно) найдется неизвѣстный тебѣ человекъ, который толкнетъ локтемъ (своего сосѣда) и жестоко заплодетъ (выбранить) тебя за твою безнравственность, за то, что ты-де выщипываешь волосы изъ сокровенныхъ частей тѣла и растопыриваешь передъ народомъ твои увядшія прелести. „Отчего (спросить онъ), въ то время, какъ ты расчесываешь на челюстяхъ раздушенную бороду, у тебя, вмѣсто....., торчитъ бритый червякъ? Пусть хоть пять банщикова выщипываютъ эти питомники и кривыми клещами разшатываютъ твой вываренный задъ, все-таки этотъ папоротникъ не укротится (не исчезнетъ) ни отъ какого плуга“. Такъ мы побиваемъ (нашихъ ближнихъ) и въ свою очередь представляемъ ихъ стрѣламъ наши голени. Такъ живетъ (на свѣтѣ): такъ мы (все) знаемъ, (узнаемъ что) у тебя подъ ребрами потаенная рана, но ее прикрываетъ широкой золотой поясъ. Болтай какъ (сколько) тебѣ угодно и обманывай самого себя (твои нервы), если можешь. „Если (однако) всѣ сосѣды называютъ меня отличнымъ человекомъ, развѣ мнѣ не вѣрить этому?“ Но если ты, негодный, блѣднѣешь при видѣ денегъ, если ты готовъ на все, для удовлетворенія твоей притомливой похоти, если ты дерешься у колодца, и притомъ съ разными предосторожностями (cautus), вслѣдствіе многихъ (полученныхъ тобою) синяковъ, то не подставляй безъ толку (напрасно) народу твои жадныя уши. Отринь (отплюнь) отъ себя все, что не твое, и

- At si unctus cesses et figas in cute solem,
Est prope te ignotus, cubito qui tangat et acre
35. Despuat in mores, penemque, arcanaque lumbi
Runcantem, populo marcentes pandere vulvas.
«Tu cum maxillis balanatum gausape pectas,
Inguinibus quare detonsus gurgulio exstat?
Quinque palaestritae licet haec plantaria vellant,
40. Elixasque nates labefactent forcipe adunca,
Non tamen ista filix ullo mansuescit aratro».
Caedimus, inque vicem praebemus crura sagittis:
Vivitur hoc pacto; sic novimus: Iliā subter
Caecum vulnus habes; sed lato baltens auro
45. Praetegit. Ut mavis, da verba et decipe nervos,
Si potes. «Egregium cum me vicinia dicat,
Non credam?» Viso si palles, improbe, nummo,
Si facis in penem quidquid tibi venit amarum,
Si puteal multa cautus vibice flagellas:
50. Nequicquam populo bibulas donaveris aures.

пусть чернь возьметъ назадъ свои дары (свою лесть). Сживись съ собою, и тогда ты узнаешь, какъ бѣдна твоя утварь (какъ ничтожны твои нравственные качества).

Примѣчанія къ IV-й сатирѣ.

Ст. 1—13. „Rem populi tractas“ = rem publicam tractas. Эти слова, конечно, можно понимать въ значеніи: ты занимаешься народными, или государственными дѣлами, но глаголь tractare можетъ быть здѣсь объясненъ и въ смыслѣ *управлять*, а также *рабѣть*. Въ моемъ переводѣ я воспользовался этимъ послѣднимъ значеніемъ, къ которому склоняются и нѣкоторые нѣмецкіе переводчики, напримѣръ, Тейфель:

«Willst du die Sache des Volkes besorgen».

Подъ „бородатымъ учителемъ“ (barbatus magister) здѣсь, безъ сомнѣнія, разумѣется Сократъ. О его смерти въ этомъ мѣстѣ говорится согласно съ другими свидѣтельствами древности. Настоящее „tollit“, вмѣсто прошедшаго (sustulit) не представляетъ ничего особенно необыкновеннаго въ латинской стилистикѣ. Оно иногда ставится при относительномъ мѣстоименіи, когда идетъ рѣчь о прошедшемъ событіи или дѣйстви. Такъ у Горация (Sat. I, 2, 56):

„Ut quondam Marsaeus, amator Originis ille,
Qui patrium mimae donat fundumque laetumque“.

Другіе примѣры у О. Яна. Впрочемъ, это бываетъ и независимо отъ пропом. relatiivum, какъ, напримѣръ, у Персія во II-й сат., ст. 60.

Въ 3-мъ стихѣ „pupillus“ (то-есть, находящійся подъ опекою, въ противоположность съ словомъ *tutor*, опекунъ, по гречески ἐπίτροπος, какъ обозначается Перикль въ указанномъ діалогѣ Платона) мы перевели „питомецъ“, такъ какъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ вполне соответствующаго ему слова. „Regum prudentia“ = experientia. Къ слову „pilos“ нужно подразумѣвать *barbae*.

Глаголь „callere“ (въ 5 ст.) вполне соответствуетъ здѣсь русскому выраженію „намозолить себя въ чемъ-нибудь“, то-есть, быть знатокомъ, искуснымъ въ чемъ-нибудь. Происходитъ отъ *callum* или *callus*, мазоль. Казобонъ объясняетъ значеніе этого глагола слѣдующимъ образомъ: *Apertissime heic posuit verbum calles: nam ut callus in corpore, sic prudentia in animo longo usu paratur.*

Respue, quod non es; tollat sua munera cerdo;
Tecum habita: noris, quam sit tibi curta supellex.

Въ началѣ 8-го ст. словами „maiestate manus“ обозначается умиротворительный жестъ (*gestus pacificator*), который, по словамъ Персія, легче удастся, чѣмъ мудрая и требующая опытности рѣчь, способная успокоить разгоряченную толпу. Подобнымъ образомъ и у Лукана (въ Фарсалии, I, 297) говорится: „Caesar tumultum composuit vultu, dextraque silentia iussit“. Неумѣстность слова „Quirites“ (= *cives*), которое уничтожаетъ греческій колоритъ, приданный Персіемъ начальнымъ стихамъ своего произведенія, уже указана нами въ предисловіи къ разсматриваемой сатирѣ.

Въ 9 ст. почти всѣ издатели Персія читаютъ *puta* (собственно повелительное отъ *putare*, употребляемое какъ нарѣчіе, въ смыслѣ *exempli causa*), а не *puto*. Схолиастъ принимаетъ здѣсь *puta* въ смыслѣ *nempe*.

Въ 12 ст. довольно темное выраженіе „*aniceps libra*“ объяснено О. Яномъ слѣдующимъ образомъ: „*ubi utraque librae lanx tam aequo pondere pendet, ut aniceps ac difficile iudicium sit, quorsum vergat lingua*“. Это такіе вѣсы, въ которыхъ ни та, ни другая чашка не перевѣшиваетъ, такъ что коромысло находится совершенно въ горизонтальномъ положеніи. Это, какъ объясняетъ схолиастъ „*dubia lanx*“. Для того, чтобы подмѣтить малѣйшее отклоненіе подобныхъ вѣсовъ въ ту или другую сторону, нуженъ очень опытный глазъ. Здѣсь разсматриваемыя слова имѣютъ иносказательное и въ то же время ироническое значеніе. Сократъ иронически приписываетъ Алкивиаду такую политическую прозорливость, которой, по смыслу всей сатиры, онъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Слово „*aniceps*“ (образовавшееся по аналогіи съ *biceps*, *triceps* и *praiceps*) сложилось изъ *an* (*ἀμφί*) и *caput* (а не *capere*, какъ невѣрно объясняетъ Фестъ) и собственно значитъ *utrinque habens caput*, или *binis instructus capitibus*. Здѣсь оно употреблено въ значеніи *ambiguus* (и затѣмъ *dubius*), какъ принимаетъ и Кёнигъ, подобно тому какъ въ выраженіи *ius aniceps*. Гейнрихъ неудачно переводитъ это слово „*schwankend*“.

Въ 12 же стихѣ слово „*regula*“ можетъ быть принято въ смыслѣ *norma*. Такъ назывался *наугольникъ*, состоящій изъ двухъ линеекъ, соединенныхъ подъ прямымъ угломъ. Это инструментъ, какимъ и въ наше время пользуются разные мастера. Такая *regula*, или *norma* „*fallit pede varo*“, когда въ ней нарушено условіе прямолинейности. Даже и при такомъ условіи, хочеть сказать Сократъ, ты (Алкивиадъ) умѣешь отличить прямое отъ криваго. Изъ всѣхъ предложенныхъ объясненій разсматриваемаго мѣста только что приведенное слѣдуетъ

считать наиболѣе правильнымъ. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что слово „*regula*“ можетъ быть здѣсь принято въ смыслѣ *lex*. Въ такомъ случаѣ выраженіе „*fallere pede varo*“ можетъ значить то же что *claudicare*. Выраженіе *lex claudicat* въ латинскомъ языкѣ имѣетъ такое же право гражданства, какое въ нашемъ — *законъ хромаетъ*.

Въ 13 ст. *theta* (*theta*) называется *мрачною* (*nigrum*) на томъ основаніи, что составляетъ начальную букву въ словѣ *θάνατος* (смерть). Въ военныхъ спискахъ этою буквою отмѣчались умершіе, и кромѣ того, судьи ставили ее передъ именами приговоренныхъ къ казни.

Ст. 14—23. Изъ поставленныхъ здѣсь вопросовъ и слѣдующаго за ними общаго вывода ясно, что Сократъ считаетъ Алкивиада неспособнымъ стоять во главѣ управленія на томъ основаніи, что этотъ „питомецъ великаго Перикла“ не имѣетъ понятія о высшихъ цѣляхъ жизни и о тѣхъ обязанностяхъ, которыя она налагаетъ на человѣка. Алкивиадъ, по словамъ Сократа, слишкомъ занятъ своею наружностію (такъ здѣсь слѣдуетъ понимать выраженіе „*summa pennis*“) и притомъ „*periquam*“, то-есть, напрасно, безъ всякой пользы для общественныхъ интересовъ.

Выраженіе „*caudam iactare*“ (въ 15 ст.) допускаетъ различныя объясненія. Оно можетъ быть, во первыхъ, объяснено въ смыслѣ *милать хвостомъ* (такъ понималъ это выраженіе схолиастъ, какъ видно изъ его замѣтки „*translatio est a canibus*“, а за нимъ и Казобовъ) и относиться къ Алкивиаду, какъ демагогу, который льститъ народу. Другимъ образомъ объясняетъ означенное выраженіе О. Янъ, но допускаемое имъ сравненіе Алкивиада съ подымающею хвостъ лошады, едва-ли здѣсь уместно. Полагаю, что гораздо правильнѣе имѣть здѣсь въ виду павлина, который „*iactat caudam*“, то-есть, распускаетъ хвостъ, какъ бы похваляясь своимъ красивымъ видомъ. Такое объясненіе (принимаемое и Гейнрихомъ) можетъ быть допущено на томъ основаніи, что оно очень подходитъ къ характеру Алкивиада и находится въ ближайшей связи съ 14 ст. Наконецъ разсматриваемое выраженіе можетъ быть употреблено здѣсь вмѣсто *iactare se*, то-есть, рисоваться. Въ такомъ смыслѣ оно встрѣчается у Ювенала (I, 62):

Ipsae laceratae cum se iactaret amicae.

Слишкомъ смѣлое, въ стилистическомъ отношеніи, выраженіе (ст. 16): „*Anticygas melior sorbere megacas*“=quem melius foret sorbere и проч. Смыслъ этого мѣста уясненъ въ моемъ примѣчаніи къ 51 ст. I-й сатиры Персія. Здѣсь прибавлю только, что прилагательное „*ме-*

gasis" (удлиненная форма от *segitus* = чистый, то-есть, безпрямбсный) поставлено здѣсь для означенія, что Алкивиадъ нуждается въ сильномъ приѣмѣ чемерицы. „Summa boni“ (ст. 17) — summum bonum.

Для того, чтобы вполне понять смыслъ выраженія (ст. 18): „*assiduo curata cuticula sole*“, нужно припомнить, что Римляне очень любили, по выраженію Ювенала (II, 105): „*curate cutem*“ (или, какъ говорить вычурнымъ своимъ языкомъ Персій въ 33 ст. „*figere in cute solem*“), то-есть, умастивъ свое тѣло, грѣть его на солнцѣ. Это называлось *insolatio*, а у грековъ ἡλιοσκι. Съ этою цѣлю, между прочимъ, какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ частяхъ Италіи, на крышахъ домовъ разводились сады, которые назывались *solaria*. Это же слово означало и балконы (*maeniana*, *pergulae*, *podia*), которые устраивались также для означенной цѣли. См. Беккеровъ „*Gallus*“, ч. II, стр. 200 (II издание) и *Römische Privatalterth.* Марквардта, ч. I, стр. 253.

Въ 19 ст. мѣстоим. „*haec*“ имѣетъ указательную силу, и потому выраженіе „*haec apus*“ должно быть переведено: вотъ эта старуха. При этомъ Сократъ какъ бы указываетъ на старуху, которая случайно проходитъ мимо. Выраженія „*exspecta*“ и „*di vinct*“ заимствованы прямо изъ народнаго языка и соответствуютъ нашимъ: погоди, подожди, ступай себѣ, проваливай и пр.

Глаголь „*suffla*“ (въ 20 ст.) сходящая объясняетъ „*extende te (sic) et intumescere nobilitate, quod Cliniae et Dinomaches filius sis*“, и этому объясненію слѣдуютъ всѣ новыя издатели Персія, объясняя означенное выраженіе въ смыслѣ: *iacta, gloriare, infla te* и пр. Нельзя ли, однако, подразумевать здѣсь въ этому глаголу слова *in aures*, то-есть, дуй (всѣмъ) въ уши: я де сынъ Диномахи?

„*Dum ne deterius*“ и пр. связано слишкомъ законнически, вмѣсто: *dummodo concedas haud deterius sapere*“ и пр.

Выраженіе „*osima cantare*“ (въ 22 ст.) Казобонъ очень странно объясняетъ „*orprobria ingerere servulo*“. Много и другихъ удивительныхъ предположеній вызвали эти слова, а Кёнигъ недоумѣваетъ „*quid sibi velit osima cantare*“. Для насъ она вполне понятна, потому что упоминаемый здѣсь обычай продаванья мелкихъ товаровъ на раскѣвъ существуетъ и въ Россіи. Значеніе слова „*discinctus*“ подробно объяснено въ моей книгѣ „Гораций и его время“, стр. 51.

Ст. 23—41. Отъ Алкивиада сатирикъ (здѣсь онъ оставляетъ въ сторонѣ Сократа и говоритъ отъ своего лица) переходитъ къ общимъ

сѣтованіямъ о людскихъ недостаткахъ. Между ними, какъ уже замѣчено въ предисловіи къ этой сатирѣ, Персій выставляетъ на первомъ планѣ взаимное недоброжелательство, злословіе и клевету. Все это, по справедливому мнѣнію Персія, производитъ рознь между людьми и происходитъ отъ того, что каждый обращаетъ гораздо больше вниманія на чужіе недостатки, чѣмъ на свои собственные. Для выраженія этой мысли, Персій воспользовался здѣсь однимъ изъ Эзоповыхъ апологовъ, который, какъ видно, хорошо былъ извѣстенъ и другимъ римскимъ авторамъ (ср., наприм., Гор. сат. II, 3, 299). По словамъ Эзопа, къ каждому человѣку какъ бы привѣшены два короба, наполненные разными недостатками и пороками, — одинъ спереди, а другой сзади. Въ переднемъ коробѣ находятся чужіе недостатки, а въ томъ что за спиною — собственные, такъ что человѣкъ ихъ не видитъ, а за то постоянно имѣетъ передъ глазами пороки своихъ ближнихъ. Можно думать, что эта басня имѣла и другую редакцію, по которой у cadaго человѣка только одинъ коробъ за спиною, наполненный чужими пороками. Впрочемъ, въ обоихъ случаяхъ индифферентный смыслъ этой басни остается одинъ и тотъ же. Къ „spectatur“ должно здѣсь дополнить *ab omnibus* или *ab unoquoque*.

Съ 25-го стиха приводятся примѣры людскаго злословія. Богатство Веттидія даетъ поводъ къ разговорамъ о его скупости. „Arat“ = agros possidet. „Cures“, о которыхъ здѣсь упоминается, незначительное мѣстечко въ Сабинской землѣ. Непонятно, почему О. Янъ съ названіемъ этой мѣстности хочетъ соединить понятіе о простотѣ и строгости сабинскихъ нравовъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь здѣсь идетъ не о простотѣ, а о грязной скарденности. И какъ будто Персій не могъ назвать „Cures“ безъ всякой задней мысли! Выраженіе „quantum non nilvus oberret“ есть *locutio proverbialis*, то-есть, поговорка, употреблявшаяся, какъ и въ нашемъ языкѣ, для обозначенія необъятнаго пространства.

Человѣкъ, „на котораго разгнѣваны боги“ (ст. 27), считался въ древности, разумѣется, несчастнымъ, жалкимъ человѣкомъ, но еще болѣе такимъ, по мнѣнію Римлянъ, считался тотъ, кому не благоприятствовалъ геній. О значеніи его см. въ примѣчаніи къ 3 ст. II-й сатиры.

Въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ (ст. 28) рѣчь идетъ о *compitalia* (compitalia), извѣстномъ римскомъ праздникѣ, установленномъ, по преданію, еще Сервіемъ Тулліемъ, въ честь ларовъ (Lares compitales). Названіе *compitalia* произошло отъ *compitum* (перекрестокъ),

такъ какъ эти праздники отправлялись обыкновенно на перекресткахъ, гдѣ устроены были съ этою цѣлю часовни. Выраженіе „iugum figere“ въ переносномъ смыслѣ означаетъ: предаться покою, отдохнуть отъ сельскихъ трудовъ. Подобное выраженіе встрѣчается у Горация въ *Epist.* I, 1, 5. Скупость Веттидія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, обнаруживается, по словамъ его хулителей, въ жалкомъ обѣдѣ, которымъ онъ угощаетъ своихъ рабовъ, и притомъ въ таковой большой праздникъ. Съ другой стороны, рабы ликуютъ за такимъ тощамъ обѣдомъ: даже и мучная похлебка приводитъ ихъ въ восторгъ. Изъ этого легко заключить, какъ худо они ѣдятъ по буднямъ. Между тѣмъ самъ баринъ позволяетъ себѣ, ради праздника, выпить стаканъ вина. Но чтó это за вино! Оно уже давно выдохлось, превратилось въ уксусъ и покрылось плесенью. Вся эта картина очень жива, а послѣднія слова въ особенности доказываютъ, что у Персія не было недостатка въ умѣнїи, хотя иногда, выражались мѣтко и удачно.

Не изъять, продолжаетъ Персій (ст. 33—41), человѣкъ отъ порицаній и въ такомъ случаѣ, если онъ не похожъ на скупаго Веттидія. Напротивъ, если этотъ человѣкъ любитъ комфортъ и виѣшнее изящество, если онъ заботится о своей наружности, то на него взведутъ самыя гнусныя обвиненія въ развратѣ и „заплюютъ“, какъ выражается поэтъ, его привычки. Слѣдуетъ замѣтить, что разсматриваемое мѣсто отличается чисто античною безцеремонностію. Это почти единственное циническое мѣсто въ сатирахъ Персія, который, по словамъ его древняго біографа „*fuit verescundiae virginalis*“. Это единственная уступка, которую сдѣлалъ поэтъ нравственной распущенности Неронова вѣка. Общій смыслъ разсматриваемаго мѣста О. Янъ очень вѣрно выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „*Cum barbam tantam circa alas et comas, cum inguina depilas*“. Точно такъ понимаетъ это мѣсто и Кёнигъ, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ: „*quum alas capite comam, cum depilas penem?*“ Дѣйствительно Персій смѣется здѣсь надъ дикимъ обычаемъ, въ силу котораго римскіе развратники и нѣженки всѣми средствами старались истреблять волосы въ разныхъ сокровенныхъ частяхъ своего тѣла и въ то же время заботились о ихъ ростѣ на головѣ, то-есть, не только на черепѣ, но и „на челюстяхъ“, какъ выражается нашъ авторъ. Упоминаемое здѣсь выщипываніе волосъ (употребленное Персіемъ выраженіе „*guncage*“, значить собственно *полоть*) составляло довольно болѣзненную операцію и производилось клещами (*forcipe adunca*, ст. 40), смолою (при чемъ можно припомнить выраженіе Ювенала *resinata iuventus*) и дру-

рими средствами. Что касается до отращиванія бороды, то этотъ обычай былъ оставленъ въ Римѣ уже задолго до Персія, однако, щеголи не разстались съ нимъ, какъ видно, и въ вѣкъ Цезаря.

Въ 35 ст., вмѣсто общепринятаго чтенія „despuat in mores“, Германъ (въ своихъ Lect. Pers. II, p. 48) возстановляетъ чтеніе: „despuat: hi mores“ и проч., также встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ кодексахъ. При этомъ Германъ заявляетъ, что въ общепринятой редакціи не видно, откуда зависать винительный „guncantem“ и неопредѣленную „pandere“. Дѣйствительно, конструкція въ этомъ мѣстѣ несомнѣнно удобная (что, впрочемъ, у Персія не рѣдкость), и если „guncantem“ мы имѣемъ возможность привести въ синтаксическую связь съ предшествующимъ предлогомъ *in*, то для „pandere“ гораздо труднѣе отыскать такую зависимость. Изъ объясненія Казобона видно, что онъ принималъ въ разсматриваемыхъ словахъ accusat. cum infinit., который онъ объясняетъ тѣмъ, что въ „despuat“ здѣсь скрывается какъ бы два глагола. „Тò *despuat*, говоритъ Казобонъ, *duo-rum verborum locum obtinet, ut passim κατατρίβειν pro κατατρίβοντα βλασφημείν*“. По этому объясненію, смыслъ разсматриваемыхъ словъ таковъ: онъ заплюетъ и скажетъ, что... и проч. О. Янъ возстановляетъ грамматическій и логическій строй 35-го стиха слѣдующимъ образомъ: „*Despuat, abominetur acre indignabundus in mores tuos, qui guncas penemque arsanaque lumbi, ita ut populo pandas*“ и проч. Возвращаясь къ Герману, прибавимъ, что, для защиты предложенной имъ редакціи разсматриваемыхъ словъ, онъ удачно сопоставляетъ ихъ съ слѣдующими словами Цицерона (Verrin. V, 38): „o spectaculum miserum atque acerbum, ludibrio esse urbis gloriam, populi Romani nomen“. Германъ справедливо указываетъ на аналогію въ конструкціи означенныхъ мѣстъ Цицерона и Персія.

Въ слѣдующихъ словахъ (ст. 37) „maxillis“=genis, а слово „gausare“ (или gausara и множ. gausara, отъ греч. γαυσαίτης) употреблено въ значеніи *barba*. Слѣдующее затѣмъ сравненіе извѣстной части тѣла въ бритомъ видѣ съ безволосымъ червякомъ (gurgulio=хлѣбный червякъ) очень понятно и напрасно приводило въ недоумѣніе многихъ ученыхъ. Подъ „palestritae“ нужно разумѣть людей, которые въ палестрахъ и гимназіяхъ умащали тѣло борцовъ, а также исполняли и другія подобнаго рода обязанности. Словомъ „plantaria“ (нитомники) юмористически обозначаются здѣсь волосы. Къ „elixas“ Казобонъ справедливо дополняетъ „assiduis balneis“, а О. Янъ менѣе правильно—„calida pice“.

Ст. 43 — 46. Первый изъ означенныхъ здѣсь стиховъ составилсѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ Горация (Ер. II, 2, 97):

„Caedimus et totidem plagis consumimus hostem“.

Общественная жизнь, какъ она устроилась между людьми, представляеть безмолочную усобицу. Такъ нужно понимать смыслъ указанныхъ словъ Горация и Персія. Та же мысль выражена и словами „vivitur hoc pacto“, то-есть, „такъ живется (на свѣтѣ)“, которыя Персій представляетъ въ видѣ общаго вывода изъ предшествующихъ примѣровъ.

Что касается до слѣдующихъ словъ: „sic novimus“, то они обыкновенно объясняются, какъ мнѣ кажется, несовсѣмъ удачно. О. Янъ приводитъ ихъ въ непосредственную связь съ предыдущими и объясняетъ такъ: „omnes hac consuetudine uti in vita, notum est“. Кѣнигъ „novimus“ принимаетъ въ смыслѣ: „ita vivere didicimus“, а Гейнрихъ очень плохо переводитъ: „das ist unser Erkennen, unsere Selbsterkenntniss!“ Гораздо естественнѣе разсматриваемыя слова привести въ логическую связь съ послѣдующими „ilia subter“ и проч. Можно думать, что такъ понималъ это мѣсто и Казобонъ, имѣя въ виду слѣдующее его объясненіе: „Hac igitur ratione interiorem tuam vitam cognovimus et flagitia tua, quae iam in publicum erumpere incipiunt, quamvis diu a te dissimulata, habemus nota“. На этомъ основаніи Казобонъ правильно поставилъ послѣ „novimus“ двоеточіе. Мнѣ кажется, что „sic novimus“ здѣсь должно принять въ смыслѣ *sic omnia novimus*, то-есть: такъ (вслѣдствіе взаимнаго подсматриванья) мы все знаемъ,—знаемъ даже, что у тебя подъ ребрами скрытая рана (caesum vulnus) и проч.

При такомъ условіи, говорить далѣе Персій (ст. 45), трудно обмануть другихъ и нѣтъ никакой пользы обманывать самого себя на счетъ своихъ небывалыхъ достоинствъ. Всякій видитъ тебя насквозь со всѣми твоими недостатками. Выраженіе „da verba“, очевидно, значить здѣсь: разглагольствуй, то-есть, тверди всѣмъ о твоихъ небывалыхъ добродѣтеляхъ.

Гораздо труднѣе для объясненія слова „decipe nervos“, которыя Гейнрихъ неудачно объясняетъ „conscientiam tuam“. Переводчики также не вѣрно передаютъ ихъ смыслъ. Что, напримѣръ, значить фраза Бандера: „Betrüge die eigenen Nieren?“ Удовлетворительнѣе Теффель: „belüge dich selber?“ и Кѣнигъ: „decipe vires tuas, similia vires tuas tibi adhuc integras esse“. и пр. Еще ближе къ дѣлу старинное объясненіе Казобона, который говоритъ, что Персій имѣеть

здѣсь въ виду людей слабонервныхъ и вообще болѣзненныхъ, которые, однако, воображаютъ, что они герои и растрачиваютъ остатки своихъ силъ на вино и чувственныя наслажденія. Дѣйствительно, можно думать, что слова „нервы“ означаетъ здѣсь слабые нервы и вообще безсиліе.

Ст. 46—52. Здѣсь, по общему мнѣнію, снова появляется Алкивиадъ. На всѣ нападки Сократа онъ лаконически и очень вяло отвѣчаетъ (мы видимъ, что и здѣсь діалогическая форма сатиры не поддержана Персіемъ): какъ мнѣ не вѣрить, когда всѣ (сосѣди, vicini, то-есть, vicini) называютъ меня отличнымъ человѣкомъ. Напрасно (nequiquam), отвѣчаетъ ему Сократъ, ты поддаешься грубой лести невѣжественной толпы. Внихни въ себя, и тогда ты поймешь, сколько въ тебѣ недостатковъ. Таковъ общій смыслъ заключительныхъ словъ IV-й сатиры. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ замѣчательно труднымъ частностямъ, которыми переполнено рассматриваемое мѣсто, не могу не замѣтить, что внезапное появленіе здѣсь Алкивиада и Сократа для меня болѣе, чѣмъ сомнительно. Обвиненія въ родѣ: „viso si palle, improbe, nummo“ не имѣютъ никакого отношенія къ Аѳинскому герою, а слова „si puteal“ и пр. очень мало подходятъ къ нему уже потому, что проникнуты совершенно римскимъ колоритомъ. Внимательное чтеніе IV-й сатиры легко убѣждаетъ въ томъ, что Персій, выставивъ въ начальныхъ ея стихахъ на первый планъ Алкивиада и Сократа, затѣмъ совершенно оставляетъ ихъ въ сторонѣ и уже начиная съ 23 ст. говоритъ отъ своего собственнаго лица, а не отъ имени знаменитаго философа.

48-й стихъ представляетъ многообразныя трудности и самая редакція его далеко еще не установлена окончательно. Почти всѣ издатели Персія слѣдуютъ здѣсь чтенію „ama gum“, но чтѣ такое „penis amagus?“ Казобонъ, а за нимъ и Гейнрихъ полагаютъ, что это прилагательное соотвѣтствуетъ здѣсь греческому πικρός и можетъ быть объяснено въ смыслѣ *irritabilis*. Едва-ли, однако, не лучше старинное объясненіе этого эпитета (приводимое новымъ издателемъ Казобонова Персія), а именно: „ab impulsu voluptatis molesto, dolore scilicet, qui libidinosos urit nec quiescere sinit“. Во всякомъ случаѣ, однако, это мѣсто было бы гораздо легче для объясненія, если бы, вмѣсто „ama gum“ допущено было чтеніе *avarum*. Обѣ эти формы легко могли быть перемѣшаны переписчиками. О. Янъ, вмѣсто „ama gum“, читаетъ *amorum*. Слово *amor* онъ объясняетъ здѣсь въ смыслѣ *scortum* и вообще *persona amata*, а выраженіе „in pepem venit“ счи-

таетъ сложившимся по аналогіи съ *in mentem venit*. Разумѣется, чувство приличія не дозволило намъ представить рассматриваемое мѣсто въ дословномъ его значеніи.

Еще труднѣе для объясненія слѣдующій (49) стихъ, который всѣми признанъ за *crux interpretum*. Карлъ Фр. Германъ написалъ объ этомъ стихѣ особую монографію, въ которой собраны всѣ вызванныя имъ разнообразныя мнѣнія. Слова: „*Si puteal multa cautus vibice flagellas*“ обыкновенно, еще со времени схолиастовъ Персія, принимаются въ иносказательномъ смыслѣ. Слово „*puteal*“ обозначало верхнюю часть колодца, то-есть, каменную ограду около колодца, а затѣмъ всякое каменное возвышеніе, имѣвшее означенную форму. Здѣсь, какъ замѣчено уже схолиастами, разумѣется такое возвышеніе, построенное Скрибоніемъ Либонемъ „*in porticu Julia, ad arcum Fabianum*“. Объ этомъ „*puteal*“ есть извѣстія и у другихъ авторовъ, напримѣръ у Горация въ 6-й сатирѣ II-й книги, ст. 30: „*Ante secundam Roscius orabat sibi adesses ad puteal cras*“ и въ *Epist. I, 19, 8*: „*Forum putealque Libonis mandabo siccis*“. Здѣсь находился трибуналъ претора, и потому этотъ „*puteal*“ упоминается обыкновенно, какъ мѣсто, гдѣ разбирались процессы. Трудное выраженіе „*puteal flagellare*“ Казобонъ объясняетъ: *frequenter adire forum et in turba forensi assidue versari*. „*Flagellare*“, по его мнѣнію, значить здѣсь *premere*, какъ у Марціала (II, 30, 4) въ выраженіи „*arca opes flagellat*“. Согласно съ этимъ объясненіемъ, принятымъ многими издателями Персія, здѣсь идетъ рѣчь о сутягѣ, который является съ своимъ жалобами и трется у преторскаго трибунала. Замѣчу кстати, что такіе сутяги назывались у Римлянъ *ordinarii*, потому что постоянно появлялись *in ordine*, то-есть, въ той вереницѣ, изъ которой тяжущіеся въ извѣстномъ порядкѣ подходили къ претору. Впрочемъ, въ словъ Порфиріона и другихъ Горациевыхъ схолиастовъ (въ ихъ замѣткахъ къ указаннымъ мѣстамъ), видно, что, кромѣ преторскаго трибунала, у Либонова колодца обыкновенно производили свои сдѣлки ростовщики. Схолиасты Персія говорятъ только о ростовщикахъ и въ примѣръ негѣпости, которою такъ часто отличаются замѣтки этихъ схолиастовъ, приведу изъ нихъ одну небольшую выписку къ рассматриваемому мѣсту: „*Puteal autem dictum est, quod ibi debitor creditori dans bona sua, tanquam in puteum mittat (!)*“. Далѣе одинъ изъ схолиастовъ прибавляетъ: „*Non puteal flagellas, sed debitores, qui ille conveniunt. Multa vibice, id est multa et gravi usura*“. Въ силу такого объясненія рассматриваемыя слова получаютъ новый смыслъ, то-есть,

заключаютъ въ себѣ обвиненіе Алкивиада (?) въ корыстолюбіи. Онъ является здѣсь ростовщикомъ, вымогающимъ у своихъ должниковъ незаконные проценты (!). Это объясненіе, не смотря на полную его несостоятельность, также принято многими издателями Персія.

Какъ бы то ни было, оба указанна объясненія 49 стиха можно считать преобладающими въ наукѣ. Ихъ держатся большею частію и переводчики Персія. Такъ Тейфель, полагая, что въ означенномъ стихѣ заключается упрекъ въ сутяжничествѣ, переводитъ его такъ:

«Trittst du ins Pflaster des Richtorts Löcher, so» и пр.

Веберъ и Биндеръ полагаютъ, что рѣчь здѣсь о ростовщикѣ, и потому первый ихъ нихъ переводитъ:

«Lässt am Wechselerstand mit dem Schuldschein fleisig Dich treffen».

а второй:

«Geiselst du wohlfürsichtig mit häufigen Schlägen die Börse».

Въ такомъ смыслѣ понимаетъ это мѣсто и Низаръ: „si tu fouettes le puteal, armé d'une usure sanglante“.

Кромѣ того, разсматриваемый стихъ вызвалъ много и другихъ объясненій. Такъ Дюнцеръ (въ своихъ *Die röm. Satiriker*, стр. 205) утверждаетъ, что „puteal“ поставлено здѣсь вмѣсто *forum*, а выраженіе „puteal flagellare“ принимаетъ въ смыслѣ „am Puteal laufen“ (!?). Это иносказательное выраженіе, по его мнѣнію, значить „der Ehrsucht folgen“. На основаніи такихъ натянутыхъ умозаключеній Дюнцеръ выводитъ, что въ этомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о честолюбивомъ искателѣ почетныхъ должностей (*candidatus, petitor*), который заискиваетъ на форумѣ у народа, то-есть, у своихъ избирателей (*suffragatores*).

Найдется не мало и другихъ неудачныхъ толкованій въ такомъ же родѣ. Оставляя ихъ въ сторонѣ, не могу не заявить сожалѣнія о томъ, что новыя издатели Персія вовсе оставляютъ безъ вниманія одно старинное объясненіе разсматриваемыхъ словъ (оно, между прочимъ, предложено еще Казобономъ), которое, какъ мнѣ кажется, ближе всего выражаетъ ихъ запутанный смыслъ. Притомъ оно опирается на древнія свидѣтельства, которыя, какъ мы увидимъ, имѣютъ очень близкое отношеніе къ 49 стиху. Тацитъ, напримѣръ, сообщаетъ, между прочимъ, о Неронѣ (*Ann. XIII, 25*) слѣдующія извѣстія „....Nero itinera urbis et lupanaria et diverticula veste servili in dissimulationem sui compositus pererrabat, comitantibus qui raperent ad venditionem exposita et obviis vulnera inferrent, adversus ignaros adeo“.

ut ipse quoque acciperet (или exciperet) ictus et ore praeferret". Затѣмъ Тацитъ продолжаетъ (l. c.): „Nero metuentior in posterum milites sibi et plerosque gladiatorum circumdedit, qui rixarum initia modica et quasi privata sinerent; si a laesis validius ageretur, arma inferebant". Подобныя же подробности о Неронѣ сообщаетъ и Светоній въ XXVI гл. его жизнеописанія. При такомъ сопоставленіи 49 стиха съ приведенными свидѣтельствами, онъ получаетъ прямой и ясный, а не туманный (и почти не возможный) иносказательный смыслъ. Загадочныя выраженія „puteal flagellas" и „multa cautus vibice" дѣлаются вполне понятными.

Нѣтъ только нужды вмѣшивать сюда Нерона, такъ какъ и безъ него въ эту пору было не мало искателей приключеній, которые, возвращаясь съ ночныхъ пирушекъ, производили безчинства на площадяхъ и улицахъ Рима и вносили обиды заповѣдавшимъ прохожимъ. Разумѣется, при этомъ иногда доставалось и уличнымъ героямъ (то-есть, и они получали не мало синяковъ, какъ это видно изъ выраженія multa vibice), и потому они принимали мѣры предосторожности (cautus), то-есть, ходили цѣлыми партіями и пр. Словомъ, упрекъ, который Персій обращаетъ здѣсь къ юношѣ, въ коллективномъ значеніи этого слова (а не къ Алкивіаду) можетъ быть выраженъ такъ: Si in foro et ad puteal noctu ambulas et caedis quicumque obviam tibi sunt, cautus tamen propter cicatrices et vulnera accepta. Такъ, кажется, понималъ разсматриваемый стихъ и Пассовъ, на сколько можно судить по его не совсѣмъ точному и удачному переводу:

«Geisselst gewandt (?) das Puteal du mit mancherley Streichen».

Относительно слова „vibex", сколиастъ справедливо замѣчаетъ: „Vibices sunt plagarum tumores ac livoris vestigia". Онъ же, по поводу слова „cerdo" прибавляетъ слѣдующую замѣтку: „Per cerdonem plebeiam turbam significat. Ideo cerdo populus dictus ἀπὸ τοῦ κέρδος. Nam κέρδος *ισχυρί* dicitur." У Марціала это слово встрѣчается въ значеніи *сапожникъ*, а у Ювенала (VIII, 183 и passim) въ смыслѣ *простодѣи*. Въ надписяхъ — *cerdo faber*. Остальныя подробности заключительныхъ словъ IV сатиры объяснены въ моемъ переводѣ.

Н. Благовѣщенскій.

УЧЕНІЕ АРИСТОТЕЛЯ «О ДУШѢ» (περί ψυχῆς) ВЪ СВЯЗИ СЪ УЧЕ- НИЕМЪ О НЕЙ СОКРАТА И ПЛАТОНА.

«De anima libri tres».
(Edit. Trendelenburg. Jena, 1833).

Πολλὰ τὰ δευτὰ, κ' οὐδὲν ἀνθρώπων δευότερον πέλει.
Ξενοκλ., Αντιγόν. 333.

Предисловіе.

Ученіе Аристотеля „о душѣ“, изложенное въ настоящемъ трудѣ, заимствовано нами изъ трактата, который дошелъ до насъ въ числѣ другихъ сочиненій, приписываемыхъ Аристотелю, и извѣстенъ подъ заглавіемъ: „Три книги о душѣ“ (De anima libri tres).

Принадлежитъ ли этотъ трактатъ Аристотелю, отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужить, между прочимъ, наше послѣдующее изложеніе трактата. Филологи собрали и указали изъ другихъ сочиненій Аристотеля мѣста, въ которыхъ онъ дѣлаетъ ссылки и указанія на трактатъ о душѣ, и мѣста изъ самаго трактата, въ которыхъ Аристотель дѣлаетъ указанія на другія свои сочиненія. Равнымъ образомъ, критиками и филологами собраны и указаны изъ другихъ сочиненій Аристотеля мѣста, въ которыхъ или повторяется то, что высказано въ трактатѣ „о душѣ“, или можетъ служить дополненіемъ и объясненіемъ того, что высказано въ трактатѣ. Тѣ и другія, собранныя учеными, мѣста достаточно говорятъ въ пользу того, что трактатъ принадлежитъ Аристотелю. Мы, съ своей стороны, въ дополненіе высказаннаго о подлинности трактата другими, можемъ присовокупить слѣдующее: трактатъ о душѣ по своему содержанію доказываетъ, что все, чтѣ лучшаго и разумнѣйшаго было высказано о душѣ Сократомъ и Платономъ, понято и усвоено въ трактатѣ такъ, какъ не понято и не усвоено ни однимъ изъ послѣдующихъ мыслителей, даже изъ тѣхъ, которые считали себя послѣдователями ученія Платона. Въ этомъ

случаѣ мы разумѣемъ по преимуществу психологическое, а не метафизическое ученіе о душѣ и душевныхъ явленіяхъ, высказанное Сократомъ и Платономъ. Передать это ученіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно передано въ трактатѣ о душѣ, могъ только такой гениальный ученикъ Платона, каковъ былъ Аристотель. Кромѣ того, изъ трактата о душѣ видно, что писавшій его хорошо понималъ, на чемъ оставилась разработка психологическихъ вопросовъ до него и на что нужно обратить вниманіе въ дальнѣйшей разработкѣ этихъ вопросовъ. Поэтому, онъ и самъ дѣлаетъ попытку продолжить разработку психологическихъ вопросовъ въ тѣхъ пунктахъ, которые или совершенно опускали изъ вниманія Сократъ и Платонъ, или касались ихъ мимоходомъ (эти пункты мы уважемъ въ своемъ мѣстѣ). Здѣсь мы опять должны сознаться, что мы знаемъ одного Аристотеля, который послѣ Сократа и Платона былъ такимъ мыслителемъ, какового мы сейчасъ указали, и дѣлалъ то, о чемъ сейчасъ сказано.

Трактатъ о душѣ Аристотеля есть первый опытъ систематическаго изложенія ученія о душѣ, дошедшій до насъ отъ древнихъ. Но онъ не есть, какъ мы сказали, первый опытъ разработки и изслѣдованія вопросовъ о душѣ. Самъ Аристотель въ первой книгѣ трактата излагаетъ о душѣ мнѣнія мыслителей, жившихъ до него. Эти мнѣнія о душѣ, въ первый разъ, сколько намъ извѣстно, собранныя вмѣстѣ Аристотелемъ, показываютъ, какъ рано вопросы о душѣ стали занимать мыслителей греческихъ.

Особенно въ лицѣ Сократа вопросы о человѣкѣ и въ частности о душѣ выдвинуты были на первый планъ. Хотя мыслители до Сократа и касались въ своихъ философскихъ размышленіяхъ вопросовъ о человѣкѣ и о душѣ, но главный предметъ ихъ размышленій была, по выраженію Ксенофонта и Платона, „исторія природы“ (*ιστορία περί φύσεως*). Сократъ же, по свидѣтельству Ксенофонта, никогда не разсуждалъ о природѣ всѣхъ вещей; разсуждалъ же онъ „о предметахъ нравственныхъ“ и „о всемъ, касающемся до человѣка“¹⁾. Сократъ училъ познавать „самого себя“ (*γνώθι σεαυτόν*). По свидѣтельству Ксенофонта, Сократъ оставилъ разсужденія о природѣ всѣхъ вещей и обратился къ изученію самого себя и человѣка вообще, равно и другихъ призывалъ къ этому изученію потому, что въ изученіи человѣка онъ видѣлъ непосредственную практическую пользу, которой не видѣлъ въ разсужденіяхъ о природѣ, высказанныхъ пред-

¹⁾ Memor. 1, 1, 11. Ὁὐδέ γάρ περί τῆς τῶν πάντων φύσεως, ἤπερ τῶν ἄλλων οἱ πλείστοι, διαλέγεται. Ibid. 1, 1, 16 Αὐτός δέ περί τῶν ἀνθρωπείων ἀεί διαλέγεται.

шествующими мыслителями. „Знающіе самихъ себя знаютъ, говорили Сократъ, и то, что имъ нужно, и то, что они могутъ сдѣлать и чего не могутъ; чрезъ это они могутъ судить и о другихъ людяхъ“. „Такія знанія доставятъ пользу имъ самимъ и другимъ, кому они захотятъ сообщить ихъ“¹⁾, говоритъ Сократъ въ другомъ мѣстѣ. Ту же практическую пользу отъ изученія самого себя выставляетъ Сократъ Алкивиаду въ діалогѣ Платона „Алкивиадъ первый“.

Нѣсколько раньше Сократа софистами подняты были вопросы о воспитаніи человѣка и его общественномъ положеніи. Историки, какъ наприимѣръ Геродотъ и Фукидидъ, изучали душу народовъ и племенъ. Поэты и трагики изучали страсти (πάθη) человѣческія.

Вообще послѣ Персидскихъ войнъ въ Греціи и въ частности въ Аѳинахъ отерывается блестящій періодъ образованія. Неравносильная борьба, въ которой персидскій царь своимъ громаднымъ войскомъ могъ подавить малую Грецію, и счастливый исходъ этой борьбы для Грековъ возбудили въ мыслящихъ людяхъ того времени много вопросовъ о положеніи государствъ и людей и о правосудной судьбѣ (μοῖρα), правящей міромъ и людьми. Геродотъ вѣрилъ, что въ греческомъ войскѣ сражались противъ Персовъ герои Троянской войны. Трагикъ Эсхилъ призналъ неусыпно дѣйствующею въ мірѣ „судьбу“, которая хранитъ слабыхъ отъ нападенія сильныхъ и неумолимо поражаетъ сильныхъ, несправедливо нападающихъ на слабыхъ. Отъ міровыхъ вопросовъ трагики перешли къ вопросамъ о судьбѣ частныхъ личностей. Уже Эсхилъ писалъ трагедіи, предметомъ которыхъ служила судьба частныхъ личностей, какова наприимѣръ трагедія „Орестейя“ (Ὀρεστεία). Софокль въ своихъ трагедіяхъ рисуетъ судьбу исключительно частныхъ личностей. Главный вопросъ, который взяли рѣшить трагики, былъ такой: откуда въ мірѣ зло, по которому нерѣдко гибнуть люди повидямому невинные и не заслужившіе несчастной участи. Эсхилъ продолжалъ указывать на неумолимую судьбу и боговъ, гнѣва и наказанія которыхъ не можетъ избѣжать ни одинъ смертный. Софокль тоже обыкновенно указываетъ въ своихъ трагедіяхъ на судьбу, губящую людей; но послѣднюю онъ указалъ въ самомъ же человѣкѣ — въ силѣ „страстей“, которыя овладѣваютъ человекомъ и губятъ его. Такое рѣшеніе упомянутого выше вопроса

¹⁾ Мемор. IV, 2, 24. Καὶ διαγιγνώσκουσιν, ἃ τε δύνανται καὶ ἃ μὴ. Διὰ τοῦτο δὲ καὶ τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους δυνάμενοι δοκιμάζειν. Ibid. 1, 1, 15. Ἐὰρ ὡσπερ οἱ τ' ἀνθρώπεια μανθάνοντες, ἤγούντα τοῦθ', ὅτι ἂν μάθωσιν, ἑαυτοῖς τε καὶ τῶν ἄλλων, ὅτ' ἂν βούλωνται ποιήσειν.

было для поэта-трагика сильнымъ мотивомъ къ тому, чтобы вполне предаться изученію природы человѣка и въ частности страстей человѣческихъ. Свѣдѣніе успѣлъ въ этомъ поэтъ-трагикъ, показываютъ его безсмертныя творенія. Преемникъ Софокла Эврипидъ за живое и сильное изображеніе человѣческихъ страстей названъ былъ „траγικώτατος“. Онъ признается, что цѣлыя темныя ночи онъ размышлялъ о положеніи людей. Софоклъ искалъ средства спасти человѣка отъ ударовъ неумолимой судьбы и нашелъ его опять въ самомъ же человѣкѣ, въ данномъ ему „разумѣ“. При помощи послѣдняго человѣкъ можетъ, по убѣжденію Софокла, овладѣвать страстями и укрощать ихъ, какъ онъ овладѣваетъ окружающею его природою.

Такимъ образомъ, вопросы о нравственности, о человѣкѣ, о душѣ и проч. живо затронуты были до Сократа не въ сферѣ философіи, а въ сферѣ самой жизни и поэзіи. Явилось сознаніе важности и необходимости для человѣка изучать самого же человѣка и природу его. Въ это же время явился знаменитый испытатель природы — Иппократъ, который считалъ необходимымъ „изучать человѣка въ отношеніи къ тому, что онъ ѣстъ и пьетъ и чѣмъ занимается, также — слѣдствія, отсюда проистекающія“¹⁾; слѣдовательно, изучалъ съ тою же практическою цѣлію, съ какою изучалъ его и Сократъ.

Замѣчательно, что первое непосредственное изученіе человѣка и наблюденіе надъ нимъ привело мыслителей къ признанію въ человѣкѣ двойственной природы. Сократъ въ первый разъ рѣзко и отчетливо высказалъ взглядъ о двойственной природѣ въ человѣкѣ. Онъ отличаетъ въ человѣкѣ душу и тѣло²⁾. „Воспоминанія о Сократѣ“ Есенофонта показываютъ, что онъ признавалъ также, какъ и трагикъ Софоклъ, силу страстей въ человѣкѣ и разумъ, который можетъ овладѣвать страстями и господствовать надъ ними³⁾. Разумъ онъ признавалъ принадлежностію души, а страсти—принадлежностію нашего тѣла⁴⁾. Природу души, которую Сократъ поставлялъ въ разумѣ, онъ признавалъ отличною отъ природы тѣла: природу души онъ называлъ причастною природы божественной (τῆ θεῖν μετέχει)⁵⁾.

¹⁾ Grot. Geschicht. Griechenland. IV т., 642 стр.

²⁾ Memorab. 1, 5, . Ibid. 2, 1, 18. "Ἐνα δόνατοι γενόμενοι καὶ τοῖς σώμασι καὶ τοῖς ψυχαῖς.

³⁾ Memorab. 2, 1, 18. "Ὅδὲ γὰρ τὴν ἑαυτοῦ οὐ γὰρ ψυχὴν ὁρᾷς, ἢ τοῦ σώματος κυρία ἐστίν. Ibid. 1, 4, 17. Καὶ ὁ σὸς νοῦς ἐνὼν τὸ σὸν σῶμα, ὅπως βούλεται μεταχειρίζεται.

⁴⁾ Memorab. 1, 4, 9. Ibid. 1, 4, 17.

⁵⁾ Memorab. 4, 3, 14. 'Ἄλλα μὴν καὶ ἀνθρώπου γε ψυχὴ, εἴπερ τι καὶ ἄλλο τῶν ἀνθρώπων τοῦ θεοῦ μετέχει.

Это былъ новый взглядъ на душу. По свидѣтельству Аристотеля, представленія о душѣ мыслителей до Сократа были матеріальныя. Ее называли огнемъ, водою, воздухомъ и проч. Лучшаго представленія о ней достигли тѣ, которые присвоили природѣ души движеніе и чувствованіе. Но и эти свойства природы души предшествующіе мыслители старались выяснить себѣ изъ извѣстныхъ имъ матеріальныхъ началъ. Сократъ природу души сталъ представлять противоположно природѣ вещества и всего вещественнаго.

Такое новое представленіе о душѣ, какъ существѣ иной природы, чѣмъ міръ матеріальный, пробудило въ мыслителяхъ сильное желаніе и стремленіе узнать, какъ и откуда является въ міръ столь чудная душа и какая ея судьба послѣ смерти человѣка; затѣмъ желаніе отличить въ себѣ требованія и стремленія, которыя принадлежать одной душѣ помимо тѣла; наконецъ, какія силы души и виды проявленій ея дѣятельности и проч. Такимъ стремленіемъ всецѣло проникнуть и воодушевленъ послѣ Сократа Платонъ. Въ діалогѣ „Алківіадъ первый“ Платонъ Дельфійскую надпись „познай самого себя“ объясняетъ отъ лица Сократа такъ, что она предписываетъ изучать не иное, какъ нашу душу, отличную (ἐτεραν) отъ тѣла и всего относящагося къ тѣлу¹⁾.

Итакъ, вопросы о душѣ, о ея природѣ и явленіяхъ были предметомъ размышленій и изслѣдованій мыслителей до Аристотеля и получили уже нѣкоторую разработку и опредѣленность, особенно въ лицѣ Сократа и Платона. Въ первой главѣ первой книги трактата Аристотель показываетъ намъ, сколь ясно и какіе вопросы о душѣ и ея изслѣдованіи опредѣлились ко времени Аристотеля. Впрочемъ, Аристотель перечисляетъ здѣсь только тѣ вопросы, которые, по его убѣжденію, не получили до него удовлетворительнаго рѣшенія и представляютъ особенную трудность для рѣшенія. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

1. Какому методу слѣдовать въ изученіи души и ея сущности?
2. Есть ли душа сущность, или она количество, качество и проч.?
3. Имѣетъ ли душа части, или она не имѣетъ частей?
4. Нужно ли остановиться на изученіи души только въ одномъ человѣкѣ, или признать душу и въ животныхъ? Если признать душу въ послѣднихъ, то въ родѣ или только видами различается душа?

¹⁾ Alcib. I-й. 130. А. "Ἐτερον ἄρα ὁ ἀνθρώπος ἐστὶ τοῦ σώματος τοῦ αὐτοῦ.... Ἦ οὐκ ἄλλο τι χρῆται αὐτῷ ἢ ἡ ψυχὴ.

5. Относительно страстей и душевныхъ волненій нужно ли признать, что всѣ онѣ общи душѣ съ тѣломъ, или есть между ними такия, которыя исключительно принадлежать душѣ.

6. Кому слѣдуетъ изучать душу — физику ли, который изучаетъ тѣло, или діалектику, который изучаетъ понятія.

Аристотель ясно понимаетъ значеніе изученія души какъ для нашихъ знаній вообще, такъ въ частности для знанія природы. „Знаніе исторія души, говоритъ Аристотель въ началѣ трактата, весьма приложимо ко всякой истинѣ, преимущественно же оно приложимо въ природѣ; ибо душа есть именно начало живыхъ существъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, хотя трактатъ о душѣ есть первый опытъ систематическаго изложенія ученія о душѣ, тѣмъ не менѣе этотъ опытъ явился уже тогда, когда размышленіе и думы многихъ мыслителей, изученіе ими человѣческой природы и непосредственное наблюденіе надъ ней дали много матеріаловъ для научнаго изложенія и опредѣлили область изученія, а также и вопросы, которые должны обратить вниманіе сочинителя трактата о душѣ. Мы увидимъ при самомъ изложеніи трактата, что такіе мыслители, какъ Сократъ и Платонъ, владѣли замѣчательнымъ умѣньемъ и методомъ изучать душу и ея проявленія. Аристотель, въ свою очередь, не уступалъ самъ въ геніальности ума двумъ знаменитымъ своимъ предшественникамъ. Воспользовавшись всѣмъ лучшимъ, высказаннымъ о душѣ, Аристотель продолжилъ разработку вопросовъ психологическихъ. Для наблюденій и изученія души онъ имѣлъ новый матеріалъ въ изученіи царства животныхъ, гдѣ онъ показалъ замѣчательную наблюдательность. Первый опытъ систематическаго изложенія ученія о душѣ, сдѣланный Аристотелемъ, сталъ для послѣдующихъ мыслителей образцомъ; самъ Аристотель сдѣлался авторитетомъ въ психологическихъ вопросахъ. Оказалось такъ, что послѣ Аристотеля исторія не представила на долгое время мыслителей съ такимъ творческимъ геніальнымъ умомъ, каковы были Сократъ, Платонъ и Аристотель. Трактатъ о душѣ былъ вмѣстѣ завершеніемъ самостоятельныхъ изслѣдованій вопросовъ о душѣ, то-есть, такихъ, которыя или вносили новый принципъ въ изученіе души (каковы, напримѣръ, изслѣдованія Сократа, заговорившаго о божественной природѣ души и ея нематеріальности; каковы изслѣдованія Аристотеля, доказывавшаго необходимость изученія души

¹⁾ De anim. 1, 1, 1. Δοκεῖ δὲ καὶ πρὸς ἀλήθειαν ἅπασαν αὐτῆς (τῆς ψυχῆς ἱστορίας) μεγάλη συμβάλλεσθαι, μάλιστα δὲ πρὸς τὴν φύσιν, ἔστι γὰρ οἷον ἀρχὴ τῶν ζώων.

въ связи съ изученіемъ тѣла, такъ что изучающій душу долженъ быть и физикомъ), или которыя отрывали научные законы явленій душевныхъ и разъясняли дѣйствіе этихъ законовъ и ихъ всеобщность (каковы, напримѣръ, изслѣдованія Платона, открывшаго законы самостоятельной и независимой дѣятельности нашей души; или—изслѣдованія Аристотеля, представившаго попытку объяснить дѣйствіе нашихъ „способностей“ чрезъ движенія, происходящія въ тѣлѣ).

Среди вопросовъ, которые перечислилъ Аристотель въ началѣ трактата о душѣ, найдутся такіе, которые занимаютъ психологовъ и до настоящаго времени и о которыхъ и теперь едва-ли можно сказать, что они получили уже окончательное рѣшеніе. Нельзя при этомъ сказать, чтобы намъ хорошо было извѣстно то, какъ упомянутые вопросы и другіе, относящіеся къ психологіи, были рѣшаемы лучшими древними мыслителями, каковы были: Сократъ, Платонъ и Аристотель. Въ этомъ случаѣ, мы можемъ указать на то, что трактатъ, напримѣръ, Аристотеля о душѣ разработанъ едва-ли не менѣе всѣхъ другихъ его трактатовъ. Притомъ, и въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя посвящены трактату о душѣ, занимаетъ авторовъ по преимуществу или опредѣленіе души, и общіе принципы ученія о душѣ (гдѣ весьма много разсуждается о томъ, чтò понимаетъ Аристотель подъ терминами: *ἐντελέχεια*, *ἐνέργεια*, *δύναμις*), или ученіе Аристотеля объ умѣ (*νοῦς*), (гдѣ разсуждается о томъ, чтò понимаетъ Аристотель подъ *νοῦς κοινὸς* и *νοῦς παθητικὸς*). Мы перечислимъ здѣсь сочиненія, которыя посвящены трактату Аристотеля о душѣ.

Trendelenburg. Commentarii in Aristotelis de anima libros tres (эти комментаріи на три книги Аристотеля „о душѣ“ (*περὶ ψυχῆς*) находятся при изданіи греческаго текста трактата, изданнаго Тренделенбургомъ, которое признается однимъ изъ лучшихъ изданій и по которому сдѣлано нами изложеніе трактата).

Pansch. De Aristotelis animae definitione. Gryphisv, 1861.

Fischer. De principiis Aristotelicae de anima doctrinae. Erlangae, 1845.

Volkmann. Die grundzüge der Aristotelischen Psychologia. Prag, 1858.

Hartenstein. De Psychologiae vulgaris origine ab Aristotele rependa. Lips. 1840.

Eberhard. Die Aristotelische definition der Seele und ihr Werth für die Gegenwart. Berlin. 1868.

Ribbentrop. Aristotelis Νοῦς. Berolini, 1840.

Starks. Die Lehre von Noûs behandeln. Neu-Ruppin, 1838.

Wolf. Aristotelis de intellectu agente et patiente doctrina. Berlin, 1844.

Brentano (Franz). Die Psychologie des Aristoteles, insbesondere seine Lehre vom Noûs ποιητικὸς. Mainz, 1867.

Beck. De sensuum actione. Berolin, 1850.

Зуда же относится переводъ трактата о душѣ на французскій языкъ Сентъ-Илера (Traité de l'ame. Paris, 1846), при которомъ написано предисловіе, заключающее въ себѣ критическій взглядъ переводчика на психологію Аристотеля, свободное изложеніе всего трактата въ его послѣдовательности и подробности и комментаріи при самомъ переводѣ.

Еще менѣе разработано ученіе Платона о душѣ, особенно психологическое. Послѣднее почти совершенно опускалось изъ вниманія. Обращало вниманіе по преимуществу метафизическое ученіе Платона о душѣ (особенно ученіе о міровой душѣ, изложенное въ діалогѣ „Тимей“).

Изучая трактатъ Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона, мы пришли къ убѣжденію, что существуетъ тѣсная связь между тѣмъ, что высказано о душѣ Сократомъ и Платономъ, и тѣмъ, что высказано о ней въ трактатѣ „о душѣ“ Аристотеля. Намъ могутъ сказать, что этимъ мы не высказываемъ ничего новаго, что это сознавалось гораздо раньше тѣми, которые старались примирять и согласить философію Платона съ философіей Аристотеля, и что иначе и быть не могло, такъ какъ Аристотель былъ ученикомъ Платона. Мы, намѣреваясь изложить въ этомъ сочиненіи ученіе Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона, не имѣли претензіи высказать, какъ новое, мысль о томъ, что существуетъ связь между философіей Аристотеля и философіей Платона. Главная наша задача—изложить и передать въ своемъ сочиненіи ученіе о душѣ, заключающееся въ трактатѣ Аристотеля, извѣстномъ подъ заглавіемъ: „Три книги о душѣ“. Такъ какъ этотъ трактатъ написанъ сжато и отрывочно и поэтому представляетъ особенныя трудности для пониманія, мы нашли возможнымъ устранить нѣкоторыя изъ этихъ трудностей, обращаясь къ тому, что было высказано въ томъ или другомъ случаѣ о душѣ Сократомъ и Платономъ. Нужно сказать, что Аристотель кратко и отрывочно говоритъ въ трактатѣ по преимуществу о томъ, о чемъ подробно говоритъ и что обстоятельно раскрылъ, напримѣръ, Платонъ. Намъ интересовало и занимало по преимуществу научно-психологическое ученіе о душѣ,

какъ Аристотеля, трактатъ котораго о душѣ былъ предметомъ нашего изученія, такъ Сократа и Платона. Въ этомъ случаѣ, для насъ важно было опредѣлить и указать, что собственно Аристотелю принадлежитъ въ ученіи о душѣ, изложенномъ въ его трактатѣ, и что новаго внесъ онъ въ это ученіе. Для достиженія высказанной сейчасъ цѣли, мы необходимо должны были войти въ подробности психологическаго анализа, сдѣланнаго Сократомъ и Платономъ. Мы замѣтили, что толкователей и критиковъ интересовало больше метафизическое ученіе Платона о душѣ и мало интересовало психологическое ученіе о ней. То же съ нѣкоторымъ ограниченіемъ можно сказать о толкователяхъ и критикахъ ученія о душѣ, изложеннаго Аристотелемъ. Мы находимъ болѣе интереснымъ и болѣе необходимымъ въ настоящее время узнать и раскрыть психологическое ученіе о душѣ, высказанное лучшими древними мыслителями въ лучшемъ направленіи ученія о душѣ, явившемся въ древнемъ мірѣ. Это ученіе развивалось постепенно и послѣдовательно въ лицѣ Сократа, Платона и Аристотеля, такъ что каждый изъ двухъ послѣднихъ продолжалъ трудиться въ изясненіи и изслѣдованіи того, что не было изяснено и изслѣдовано предшественникомъ, — слѣдуя при этомъ тому направленію ученія о душѣ, которому начало положилъ Сократъ. На этотъ разъ мы встрѣтили при переводѣ Сентъ-Илера и въ комментаріяхъ Тренделенбурга (отчасти и у другихъ) только нѣсколько указаній, въ которыхъ показывается сходство и различіе ученія Платона и Аристотеля относительно частныхъ пунктовъ ученія о душѣ. Напротивъ, мы не встрѣтили сочиненія, которое было бы посвящено изложенію ученія о душѣ, постепенно развивавшагося въ лицѣ Сократа, Платона и Аристотеля. Поставивъ для себя задачей — изложить ученіе о душѣ, заключающееся въ трактатѣ Аристотеля, мы, при высказанныхъ нами выше, условіяхъ, находя необходимымъ очень часто обращаться къ мыслямъ, высказаннымъ о душѣ Сократомъ и Платономъ, старались дать понятіе и о постепенномъ развитіи ученія о душѣ въ направленіи, начавшемся отъ Сократа. Въ частныхъ пунктахъ мы сочли нужнымъ и полезнымъ войти въ нѣкоторыя подробности психологическаго анализа, представленнаго Платономъ и Аристотелемъ. Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ ученія о душѣ, представленнаго Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ, въ направленіи, данномъ Сократомъ, найдется нѣчто такое, что можетъ быть интересно и поучительно и въ настоящее время для тѣхъ, кого занимаютъ вопросы психологическіе.

Критическій разборъ и опроверженіе мнѣній о душѣ предше- ствующихъ мыслителей.

Въ началѣ трактата о душѣ Аристотель излагаетъ мнѣнія о ней, высказанныя предшествующими мыслителями. Вслѣдъ за тѣмъ онъ дѣлаетъ критическій разборъ этихъ мнѣній. Самъ Аристотель считаетъ нужнымъ изложить и критически разобрать мнѣнія о душѣ, высказанныя до него, съ тою цѣлю, чтобы „принять въ нихъ то, что высказано было истинно; а что имѣетъ какія-либо ошибки, того избѣгнуть“ ¹⁾. Для насъ же важно познакомиться съ критическимъ разборомъ Аристотеля мнѣній о душѣ, высказанныхъ до него, въ томъ отношеніи, что этотъ разборъ покажетъ намъ, въ какомъ направленіи обращаются мысли и убѣжденія о душѣ самого автора трактата.

Мнѣнія о душѣ тѣхъ мыслителей, которые считали душу водою, воздухомъ, огнемъ или другимъ матеріальнымъ элементомъ, Аристотель не удостоиваетъ критическаго разбора, находя такія представленія о душѣ слишкомъ грубыми ²⁾. Съ своимъ критическимъ разборомъ онъ обращается къ мнѣніямъ тѣхъ изъ мыслителей, которые природу души поставляли „въ движеніи“ (ἐπι τὸ κινεῖσθαι) и „чувствованіи“ или „познаніи“ (ἐπι τὸ γινώσκειν καὶ τὸ αἰσθάνεσθαι).

Сначала Аристотель разбираетъ мнѣнія, по которымъ сущность души состоитъ „въ движеніи“. Мы однако ограничимся не многими выдержками.

Всякій предметъ, говоритъ Аристотель, можетъ быть движимымъ или чрезъ себя самого или чрезъ другой предметъ ³⁾. Душѣ принадлежить, конечно, движеніе перваго рода ⁴⁾. Такимъ образомъ, душѣ свойственно движеніе; она причастна ему по природѣ. Противоположное движенію есть покой. Если о послѣднемъ разсуждать въ отношеніи къ душѣ такъ же, какъ о первомъ, то какимъ образомъ двѣ противоположныя силы могутъ находиться въ одной природѣ души? ⁵⁾ И какое движеніе принадлежитъ душѣ? Если она движется вверхъ, то

¹⁾ De anim. 1, 2, 1. Издан. Тренделенбурга. "Ὅπως τὰ μὲν καλῶς εἰρημένα λαβόμεν, εἰ δὲ τι μὴ καλῶς τοῦτ' εὐλαβηθῶμεν.

²⁾ De anim. 1, 2, 18. Аристотель называетъ «слишкомъ грубыми» (φορτικώτεροι) тѣхъ философовъ, которые считали душу какимъ-либо изъ матеріальныхъ элементовъ.

³⁾ De anim. 1, 3, 2. Διχῶς δὲ κινεῖται πάντος ἢ γὰρ καθ' ἑαυτὸν ἢ κατ' αὐτὸ.

⁴⁾ De anim. 1, 3, 4. Τῆς δὲ ψυχῆς ἔσται, εἴπερ φύσει κινήσεως μετέχει.

⁵⁾ De anim. 1, 3, 4. Καὶ ἡρεμεῖ ἐν τοῦτω φύσει. Ποῖαι δὲ βίαιοι τῆς ψυχῆς κινήσεις ἔσονται καὶ ἡρεμῖαι.

она будетъ огонь (*εἰ μὲν ἄνω κινῆσεται, πῦρ ἔσται*); если она движется внизъ, то будетъ земля (*εἰ δὲ κάτω, γῆ*). Эти движенія принадлежатъ указаннымъ сейчасъ элементамъ природы.

Разбирая мнѣнія о душѣ, присвоившія ей природѣ „движеніе“, Аристотель подвергаетъ своему критическому разбору и мнѣніе своего учителя Платона, который также приписывалъ природѣ души движеніе. Аристотель указываетъ на мѣсто въ „Тимей“ ¹⁾, гдѣ говорится, что душа движетъ тѣло. Душа представляется здѣсь въ соединеніи съ элементами природы и движеніе ея названо „круговымъ“ ²⁾.

Аристотель замѣчаетъ, что Тимей говоритъ здѣсь о міровой душѣ и разумѣетъ, конечно, разумъ. Но разумъ, говоритъ Аристотель, единиченъ и существуетъ одинаково постоянно (*συνεχῆς*) ³⁾. По изложенному же ученію душа представлена величиной. Если разумъ есть величина, то какъ онъ мыслить—всецѣло или чрезъ части?. Далѣе, если допустить движеніе души круговое, то нужно допустить, что оно безостановочно. Но какъ согласить съ этимъ то, что наши мысли имѣютъ свои предѣлы и ограниченія; на примѣръ, мысли практическія имѣютъ свой исходъ и конецъ; также мысли отвлеченныя имѣютъ свой предѣлъ, ограничивающій ихъ дальнѣйшее движеніе. Силлогизмъ, когда направляется къ заключенію, идетъ по прямой линіи, а не по круговой. Наконецъ, здѣсь снова можно спросить, какъ объяснить въ душѣ покой, если ея движеніе постоянно? и проч.

Тѣ мыслители, которые поставляли сущность души въ чувствованіи, говорили, что человекъ чувствуетъ и познаетъ вещи чрезъ элементы, которые составляютъ его природу ⁴⁾. Аристотель указываетъ на Эмпедокла и приводитъ его собственныя слова: „чрезъ землю мы знаемъ землю, чрезъ воду—воду, чрезъ воздухъ мы знаемъ воздухъ божественный, чрезъ любовь познаемъ любовь, чрезъ вражду—вражду ненавистную“. Сюда относятся всѣ тѣ мыслители, которые говорили, что „подобное познается чрезъ подобное“. Аристотель, въ опроверженіе этихъ мыслителей, умозаключаетъ такимъ образомъ: если познается подобное чрезъ подобное, то душа въ нѣкоторомъ редѣ сама будетъ тѣ же самыя элементы, которые познаютъ подобное

¹⁾ De anim. 1, 3, 11.

²⁾ De anim. 1, 3, 11—22.

³⁾ Аристотель поясняетъ тутъ же, въ какомъ смыслѣ *воῦς* онъ называетъ *συνεχῆς*, именно: *воῦς συνεχῆς* онъ понимаетъ въ смыслѣ *ἀμερῆς* (недѣлимый), въ противоположность *μέγεθος*—величинѣ, множеству, дѣлимому на части (*μεριστόν*).

⁴⁾ De anim. 1, 5, 5.

себя¹⁾. Подожми, продолжает Аристотель, что душа познает элементы указанным образом; но чѣмъ и какъ познаетъ она сѣ-
вѣстное существованіе вещей? Какъ чувствуетъ она, что такое Вогъ,
человѣкъ, тѣло, кость? Нужно спросить: не существуетъ ли въ душѣ
камень, человѣкъ и проч., также количество, качество и другія ка-
тегоріи? Если подобное познается чрезъ подобное, то у насъ будетъ
больше незнанія, чѣмъ знанія, ибо земля, напримѣръ, не способна
чувствовать. Съ другой стороны, для насъ достаточно бываетъ одного
изъ противоположныхъ элементовъ, чтобы судить о другомъ изъ нихъ;
напримѣръ, достаточно знанія о прямомъ, чтобы судить о томъ, что
криво.

Такъ критикуетъ Аристотель мнѣнія о душѣ предшествующихъ
мыслителей. Изъ всего критическаго разбора Аристотеля видно, что
онъ нападаетъ на представленія о душѣ, заимствованныя изъ міра
матеріальнаго и вещественнаго. Недостатокъ, допущенный мыслите-
лями, — представлять душу и ея дѣйствіе матеріальнѣ Аристотель на-
ходитъ до такой степени общимъ всѣмъ мыслителямъ, жившимъ до
него, что даже своего учителя Платона обличаетъ (хотя не вполне
справедливо, какъ мы увидимъ дальше) въ томъ же недостаткѣ. По-
нятно, что Аристотель свои мысли и убѣжденія о душѣ вынесъ изъ
новаго ученія о ней, даннаго Сократомъ, который въ первый разъ
высказалъ рѣзкое разграниченіе между тѣломъ и душою и провозгла-
силъ нематеріальность и невещественность души.

Но раньше Аристотеля Платонъ, проникнутый духомъ ученія о
душѣ, высказаннаго Сократомъ, опровергалъ нѣкоторыя мнѣнія пред-
шествующихъ мыслителей о ней въ томъ же духѣ и направленіи,
въ какомъ опровергаетъ ихъ Аристотель. Въ „Федонѣ“, напримѣръ,
Платонъ опровергаетъ мнѣніе о душѣ, какъ гармоніи, высказанное
Пифагорейцами²⁾.

Гармонія, говоритъ Платонъ, есть вещь сложная. Душа въ этомъ
смыслѣ есть нѣкоторая гармонія, сложенная изъ элементовъ и зави-
сющая отъ напряженія этихъ элементовъ. Раньше Платонъ доказы-
валъ, что душа существовала раньше тѣла. Если это справедливо,
заключаетъ Платонъ, то душа не походитъ на гармонію, потому что
въ гармоніи сначала получаютъ существованіе и лира и звуки и струны,
гармонія же является послѣ. Далѣе Платонъ указываетъ на то, что

¹⁾ De anim. 1, 5, 5. Τίθενται γάρ ὑμεῖς εἶναι τῆ ὁμοίᾳ τὸ ὁμοίον, ὡς περ ἀν εἰ τῆν
φύσιν τὰ πράγματα τίθεντες.

²⁾ Phaed. 91, A — 95, A.

гармонія необходимо зависить отъ частей, входящихъ въ ея составъ, такъ что если лира настроена выше, то и гармонія дѣлается выше. Не то бываетъ въ душевной жизни. Здѣсь, съ одной стороны, выдвигаются тѣлесныя пожеланія и страсти, съ другой — разсудительность, противоборствующая страстямъ и господствующая надъ ними. Случается, что человѣка мучить жажда или жажда, но душа или разумъ воспрещаетъ ему пить; человѣка томить голодъ, но душа побуждаетъ къ противоположному — не ѣсть. Образное представленіе этого акта души Платонъ находитъ у поэта:

Въ грудь онъ (Одиссей) ударилъ себя и сказалъ:
Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло.

Опредѣленіе души.

Что такое душа?

Этотъ вопросъ послѣ Сократа получилъ, какъ мы видѣли, особенную важность. Видѣть съ тѣмъ онъ сдѣлался и особенно труднымъ для рѣшенія.

Сократъ ограничился, кажется, по преимуществу отрицательными опредѣленіями души. Онъ указывалъ на душу, какъ на нѣчто иное, отличное отъ тѣла (*ἄνωγει τὴ καὶ ἄλλο*), противоположное сему послѣднему. Онъ называлъ душу „невидимой“, въ противоположность тѣлу видимому (*ὁρατὰ δὲ οὐδ' αὐτῆ· οὐδὲ γὰρ τὴν αὐτοῦ σὺ γε ψυχὴν ὁραῖς*)¹⁾. Сократъ находилъ достаточнымъ признавать существованіе въ насъ души по тѣмъ несомнѣннымъ признакамъ ея дѣйствія въ насъ, по которымъ она является господствующею въ насъ (*ὅτι μὲν γὰρ βουλεύεται ἐν ἡμῖν, φανερὸν*)²⁾. „Ты не видишь своей души, говоритъ Сократъ Аристодему, которая управляетъ твоимъ тѣломъ; поэтому можно сказать тебѣ, что ты все дѣлаешь по случаю, а не по предварительному разсужденію“³⁾. „Вы не видите моей души, повторить у Ксенофонта слова Сократа умирающій Биръ, но вы наблюдаете ее, какъ дѣйствительно существующую (*ἐστὴν ἔς ὄρασαν καταφορατὰ*), въ тѣхъ несомнѣнныхъ дѣйствіяхъ, которыя она производитъ“⁴⁾. Господство души надъ тѣломъ Сократъ называлъ иначе господствомъ „разума“. Послѣдній признавалъ онъ началомъ божественнымъ въ насъ. Въ силу

¹⁾ Memorabil. IV, 4, 14.

²⁾ Memorabil. III, 4, 14.

³⁾ Memorabil. 1, 4, 9. Οὐδὲ γὰρ τὴν αὐτοῦ σὺ γε ψυχὴν ὁραῖς ἢ τοῦ σώματος κυρία ἐστίν, ὅσα κατά γε τοῦτο ἐξεστὶ σοὶ λέγειν, ὅτι οὐδὲν γινώμην, ἀλλὰ τύχη πάντα πράττεις.

⁴⁾ Symped. VIII, 7, 17.

даннаго намъ разума мы, по словамъ Сократа, способны „къ учению“ (μαθησις) и „произвольному выбору“ (προαιρεσις) и тѣмъ отличаемся отъ животныхъ. На „разумъ“ (νοῦς) мы можемъ такимъ образомъ смотрѣть, какъ на положительное опредѣленіе души, данное Сократомъ. Мы увидимъ послѣ, что Платонъ, глубоко проникнутый учениемъ Сократа „о разумѣ“, какъ началъ божественно съ насъ, стремился постыгнуть природу нашей души въ тѣхъ проявленіяхъ, въ которыхъ она обнаруживаетъ себя въ насъ стороною разумной.

У Платона мы встрѣчаемъ, впервые, тѣ же отрицательныя опредѣленія души, какъ и у Сократа. Платонъ весьма много говоритъ о душѣ въ діалогѣ „Федонъ“. Известно, что въ этомъ діалогѣ Платонъ передаетъ послѣднюю бесѣду Сократа съ учениками. Согласно обстоятельствамъ, бесѣда рѣшается вопросомъ о душѣ и ея безсмертіи. „Если мы будемъ существовать и за гробомъ, то это существованіе продолжится не иначе, какъ чрезъ бессмертную душу“. Что же такое душа, которой несвойственно умереть? Замѣчательно, что Платонъ повторяетъ здѣсь отъ лица Сократа то же, что передано о душѣ Ксенофонтомъ. Душа наша, говорится здѣсь, „невидима“ и „не принадлежитъ къ роду вещей чувственныхъ“; она „господствуетъ надъ тѣломъ и управляетъ имъ“; „существенное свойство ея есть разумность.“¹⁾ Эти опредѣленія души у Платона обставлены болѣе полно и выражены болѣе методически, чѣмъ у Ксенофонта. Нужно сказать, что Платонъ выработалъ и свое собственное воззрѣніе на міръ. Это мировоззрѣніе онъ вводитъ и тамъ, гдѣ, повидимому, передаетъ лишь мысли своего учителя Сократа. Поэтому, считаемъ нужнымъ кратко передать здѣсь собственное мировоззрѣніе Платона. Оно достаточно высказано Платономъ въ томъ же діалогѣ „Федонъ“.

Платонъ выработалъ такой взглядъ на вещи. Въ вещи, которыя мы видимъ и ощущаемъ или воспринимаемъ чувственными органами, нельзя назвать истинно существующими, потому что онѣ никогда и нигдѣ не существуютъ одинаковымъ образомъ; онѣ измѣнчивы и переходящи. Но тѣмъ же самымъ вещамъ присуще неизмѣнное, постоянное, истинно существующее. Измѣнчивы эти видимыя и ощущаемыя вещи, потому что онѣ сложны. Входящее въ вещи или исходящее изъ нихъ производитъ въ нихъ переменъ и не позволяетъ имъ оставаться одинаковымъ образомъ. Эти видимыя вещи, по ихъ постоянной измѣнчивости, Платонъ называетъ „образами“ (εἰκόνες), „видами“ (εἶδη),

¹⁾ Phaed. 79, С. Ibid. 79, А. В. Ibid. 80, А. Ibid. 79, D. Τῆ (ψυχῆ) δε ἀρ-
χὴν καὶ βασίλειον (προβάτται).

„визуищемся“, „являющимся“. Тамъ какъ эти образы вещей воспринимается нашими чувствами, то Платонъ называетъ ихъ „чувственными образами“, въ противоположность познаваемому нашимъ умомъ. Хотя неизмѣнное, истинно сущее ни нигдѣ не можемъ наблюдать нашими чувствами, тѣмъ не менѣе познавать это неизмѣнное мы можемъ при помощи разума.

Когда Платонъ приступаетъ въ доказательству ¹⁾, что душа не можетъ умереть или разрушиться, онъ спрашиваетъ, что подлежитъ разрушенію или исчезновенію? „Не тому ли, говорить онъ, что слагается и словно по природѣ, свойственно вступать въ это состояніе, то-есть, раздѣляться на свои начала?“ Отличить, что сложно и что несложно, не трудно. „Всегда то же существующее тѣмъ же образомъ не есть ли несложное? Бывающее иногда такъ, иногда иначе и никогда не остающееся тѣмъ же, не есть ли сложное?“ ²⁾. „Не правда ли, послѣднее ты можешь постигать осязаніемъ, зрѣніемъ и другими чувствами, а первое, существующее одинаковымъ образомъ, можно постигать не иначе, какъ умомъ, послему оно не имѣетъ вида и не подлежитъ зрѣнію“ ³⁾. „Существа невидимыя и безвидныя всегда одинаковы, продолжаетъ Платонъ; а видимыя никогда не остаются тѣми же“ ⁴⁾. Если такимъ же образомъ говорить о природѣ человеческой, то о душѣ нужно сказать, что она „невидима и болѣе походить на существо безвидное“; „ей болѣе сродно быть существомъ божественнымъ, однороднымъ, слѣдовательно и не разрушаться“ ⁵⁾. Для доказательства, что душа именно такова, Платонъ указываетъ на стремленія нашей души въ одному чистому, всегда сущему, безсмертному, божественному, божественному и проч. Все это ей сродно, ибо она сама такова по своей природѣ.

Видно, что указанная опредѣленія души суть опредѣленія отрицательныя; то-есть, о душѣ высказывается то, что она не есть, что

¹⁾ Phaed. 78, С. Переводъ Баркова.

²⁾ Phaed. 78, С.

³⁾ Phaed. 79, А.

⁴⁾ Phaed. 79, А.

⁵⁾ Phaed. 79, В. Τι οὐν περὶ ψυχῆς λέγομεν; ὁρατὸν εἶναι ἢ οὐχ' ὁρατὸν; οὐχ' ὁρατὸν. Ἄσιδὸς ἄρα; Ναί. Ibid. 79, Ε. Ὅλην καὶ παντὶ ὁμοίωτέρον ἐστὶ ψυχὴ τῶ ἀεί ὡσαύτως ἔχοντι μᾶλλον ἢ τῶ μῆ. Ibid. 8, 13. Τῶ μὲν θεῶν καὶ ἀθανάτων καὶ νοητῶ καὶ μονοειδέων καὶ ἀδιαλύτων καὶ ἀεί ὡσαύτως κατὰ ταῦτα ἔχοντι αὐτῶν ὁμοιωτάτων εἶναι ψυχῆν, τῶ δ' ἀνθρωπίνῃ καὶ θνητῇ καὶ ἀνοητῇ καὶ πολυειδέων καὶ διαλυτῶν καὶ μηδέποτε κατὰ ταῦτα ἔχοντι αὐτῶν ὁμοιωτάτων αὐ εἶναι σῶμα. Ibid. 79, С. Ὅταν δέ γε αὐτῇ καθ' αὐτὴν σκοπῇ, ἐκείσε οἴχεται εἰς τὸ καθαρὸν τε καὶ ἀεί ὄν καὶ ἀθάνατον καὶ ὡσαύτως ἔχον.

ей не принадлежать. Таким опредѣленіемъ часто можно встрѣтить у Платона. Въ „Тимей“, напримѣръ, Платонъ называетъ душу „подѣлочною на части“ (ἀμειρίτως), въ противоположность тѣламъ, дѣлимымъ на части ¹⁾. Въ „Федонъ“ присвоиваетъ ей душѣ „жизнь“, въ противоположность смерти ²⁾ и проч.

Здѣсь неслѣдуетъ сказать, что опредѣленіе „отъ противоположнаго“ Платонъ возвелъ въ принципъ методическаго опредѣленія. Опредѣленія этого рода онъ основалъ на законахъ нашего разума или нашей души. По словамъ Платона, „душа наша мыслить и познаетъ общее и отличное (κοινὸν καὶ ἕτερον) въ ощущеніяхъ, подобное и неподобное, тоже и противоположное“ ³⁾. Это таковъ всеобщій законъ познавательной дѣятельности нашей души, что онъ при помощи памяти распространяется на самыя разнообразныя виды ощущенія—настоящія и прошедшія. „Наша мысль, по словамъ Платона, не иначе возбуждается, какъ противоположными ощущеніями“ ⁴⁾. Но мы будемъ еще имѣть возможность не одинокъ разъ указать на значеніе указаннаго закона нашего разума. Платонъ открылъ этотъ законъ и умѣлъ воспользоваться имъ въ широкихъ размѣрахъ.

Между опредѣленіями души, данными Платономъ, весьма важнымъ считаемъ упомянуть еще объ одномъ. Платонъ приписываетъ природѣ души „движеніе“. Душа движется сама себя ⁵⁾ и другое, отъ нея отличное. Мы видѣли выше, что Аристотель критикуетъ это опредѣленіе души, данное Платономъ, и находитъ его ошибочнымъ. Аристотель беретъ это опредѣленіе изъ діалога Платона „Тимей“; но оно не высказано Платономъ и въ другомъ діалогѣ „Федръ“. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ діалогѣ говорится о „мировой душѣ“. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что указанное сейчасъ опредѣленіе души получено Платономъ тѣмъ же путемъ, какимъ получены и перечисленные выше опредѣленія. Въ „Федрѣ“ Платонъ говоритъ, что въ мірѣ одно движется чрезъ само себя, другое получаетъ движеніе отъ иного; первое существуетъ съ движеніемъ непрерывнымъ, безостановочнымъ, во второмъ, напротивъ, движеніе существуетъ съ перерывами ⁶⁾. Отсюда

¹⁾ Tim. 35.

²⁾ Phaed. 106, C, D.

³⁾ Teaeet. 186, A. Ἡ καὶ τὸ ὁμοιον καὶ τὸ ἀνόμοιον, καὶ τὸ ταῦτο καὶ ἕτερον. Ibid. 185, D. Αὐτὴ ἡ ψυχὴ τὰ κοινὰ μοι φαίνεται περὶ πάντων ἐπισκοπεῖν.

⁴⁾ De Rep. Lib. VII, 523, C, 524, D.

⁵⁾ Phaed. 245, E. Μὴ ἄλλο τι εἶναι τὸ αὐτὸ ἑαυτὸ κινεῖν ἢ ψυχῇ.

⁶⁾ Phaedr. 245, C. Τὸ δ' ἄλλο κινεῖται καὶ ὑπ' ἄλλου κινούμενον παύσαν ἔχον παύσαν

онѣ заключаетъ, что то, что составляетъ начало движенія, должно существовать съ движеніемъ непрерывнымъ и не можетъ разрушиться; иначе за его разрушеніемъ послѣдовало бы сліяніе и остановка всего неба, всего рожденія и не было бы уже причины, по которой движимое снова пришло бы въ движеніе¹⁾. Съ такимъ непрерывнымъ движеніемъ (ἀσκήητον) существуетъ въ мірѣ душа, какъ самодвижущаяся (τὸ αὐτὸ κινουήν), въ противоположность движимому отъ другаго (ἐκτὸ ἄλλου κινούμενον), въ которомъ движеніе начинается и прекращается.

Платонъ сознаетъ вообще трудность сказать, что такое душа въ ея чистой природѣ. Въ X книгѣ „Политики“ онъ говоритъ, что въ настоящей жизни, когда душу мы знаемъ въ соединеніи съ тѣломъ и въ поврежденномъ состояніи ея, для насъ совершенно невозможно знаніе чистой и истинной природы души. Вотъ какъ онъ описываетъ здѣсь душу, какою она является и въ настоящей жизни. „Если бы мы смотрѣли на Главкена, живущаго въ морѣ, мы не легко узнали бы его прежнюю природу, оттого что изъ прежнихъ частей его тѣла однѣ переломались, другія стерлись и совершенно испорчены волнами, иныя же привосли вновь, образовавшись изъ равонинъ, морскихъ мховъ и крамней до того, что его природа стала походить гораздо скорѣе на звѣриную, чѣмъ на прежнюю“. „Такъ созерцаемъ мы и душу, исломленную многихъ золъ“²⁾. Чтобы понять природу души, на сколько это возможно для насъ, нужно, по убѣжденію Платона, обратиться „къ философіи души“³⁾, то-есть, нужно наблюдать, къ чему она привязывается. Въ „Федрѣ“ Платонъ представилъ намъ истинную нравственность души и ея стремленія. Узнать стремленія души значитъ, по смыслу Платона, узнать „идею“ души. Эту идею души въ „Федрѣ“ Платонъ передаетъ при помощи мѣа.

„Мы уюдебимъ ее (то-есть, идею души) неравнѣрной силѣ крилатой пары запряженныхъ коней, и возниаго“⁴⁾, такъ начинаетъ Платонъ. Стремленіе этой пары, управляемой возничимъ, направлено

ἔχει ζωῆς. Μόνον δὴ τὸ αὐτὸ κινουήν, ἀτε οὐκ ἀπολείπον ἑαυτὸ, οὐ πότε ληγεῖ κινουήμενον, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἄλλοις ὅσα κινεῖται τοῦτο πηγή καὶ ἀρχή κινήσεως.

¹⁾ Phaedr. 245, D.

²⁾ De rep. Lib. X, 611, D. Ὅτω καὶ τὴν ψυχὴν ἡμεῖς θεάμεθα, διακεμενὴν ὑπὸ μωρίων κακῶν.

³⁾ De rep. Lib. X, 611, D. Εἰς τὴν φιλοσοφίαν αὐτῆς (ψυχῆς) δεῖ ἕκαστε βλεπεῖν, καὶ ἐνοεῖν ἄπτεται.

⁴⁾ Phaedr. 246, A—256, E. Περὶ δε τῆς ἰδέας αὐτῆς (ψυχῆς) ὥδε λεκτέον. Ἐοικέτω δὴ εὐμφότερὸν δυνάμει ὑποπτερεῖ Ζεύγεος τε καὶ οἰνίχου.

подъ высшее пространство небеснаго свода. Коши, худо накормленныя, порывалась вверхъ, тяготѣють къ землѣ. Пшца души, захвачаетъ Платонъ, есть созерданіе сущаго, божественнаго. Отъ этой нищи возрастають крылья души. Платонъ въ блестящихъ и сильныхъ поэтическихъ выраженіяхъ описываетъ состояніе души, когда она порывается вверхъ къ небесной красотѣ,—всю тревогу ея, когда она не можетъ подняться вверхъ и ослабѣваетъ. Мы не будемъ излагать мнѣа далѣе. Платонъ этимъ мнѣомъ старается показать, что въ душѣ нашей,—въ глубинѣ ея природы лежитъ „стремленіе“, которое дѣлается неудержимымъ, страстнымъ, не дасть человѣку покоя, постоянно держать его въ напряженіи, гонить, вудить его. Это стремленіе есть нѣчто божественное въ насъ и влечетъ къ сродному себѣ. Истинное назначеніе этого стремленія состоитъ въ достиженіи истиннаго познанія. Достиженіе познанія возможно для человѣка въ настоящемъ его положеніи только постепенное. Платонъ представляетъ въ упомянутомъ мнѣа самую постепенность достиженія истиннаго знанія. Знаніе начинается съ отдѣльныхъ предметовъ, или стремленіе къ званію первоначально обнаруживается въ привязанности къ отдѣльнымъ видимымъ предметамъ. Стремленіе души часто задерживается на низшей ступени, находя свой исходъ въ привязанности къ чувственнымъ предметамъ. Оно дѣлается тогда страстію грубою, безумною, недостойною истиннаго назначенія человѣка.

Платонъ сошелся такимъ образомъ съ Сократомъ въ опредѣленіи сущности нашей души, поставивъ истинную природу ея въ „разумѣ“ (νοῦς) и „разумности“ (φρόνησις). Последнюю онъ называетъ въ „Федонѣ“ существеннымъ свойствомъ души¹⁾.

Переходимъ къ опредѣленію души, данному Аристотелемъ.

Мы съ намѣреніемъ довольно подробно изложили рѣшеніе вопроса о сущности и природѣ души, какое дано Сократомъ и Платономъ. Аристотель, изложивши мнѣнія о душѣ предшествующихъ мыслителей, совершенно не упомянулъ о мнѣніи Сократа и едва коснулся мнѣнія Платона. У послѣдняго онъ взялъ для своего критическаго разбора такое мнѣніе, которое, по нашему убѣжденію, не есть главное. Какъ мы видѣли, Сократомъ и Платономъ было высказано о душѣ и ея сущности многое такое, чего Аристотель не могъ и не долженъ былъ обойти молчаніемъ для полнаго разбора мнѣній о душѣ мыслителей, жившихъ до него.

¹⁾ Phaed. 71, D.

Всегда сознавалась трудность понять опредѣленіе души, данное Аристотелемъ. Намъ кажется, что эта трудность уменьшится, если мы при изложеніи ученія Аристотеля будемъ обращаться въ тѣмъ же или подобными мыслямъ, высказаннымъ Сократомъ и Платономъ. Мы уже видѣли, что Аристотель критикуетъ мнѣнія о душѣ предшествующихъ мыслителей въ томъ направленіи, начало которому положили Сократъ, и которому слѣдовали Платонъ. Хотя Аристотель представлялъ свое оригинальное опредѣленіе души, отличное отъ опредѣленія ея, данного Сократомъ и Платономъ, тѣмъ не менѣе метафизическое мировоззрѣніе Аристотеля, изъ котораго вытекло его опредѣленіе души, выработано имъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ философіи Сократа и Платона.

Порядокъ нашего изложенія слѣдуетъ плану, принятому Аристотелемъ въ его трактатѣ о душѣ.

Опредѣленіе души дано Аристотелемъ въ началѣ 2-й книги трактата, въ которой начинается изложеніе собственнаго ученія о душѣ Аристотеля. „Попытаемся, говоритъ онъ, опредѣлить, что такое душа, и, давъ объ ней возможно „общее понятіе“ (κοινώτατος λόγος αὐτῆς ¹).

Въ началѣ трактата Аристотель, подобно Платону, заявляетъ о трудности дать опредѣленіе души и вообще рассуждать о душѣ ²). Во 2-й книгѣ трактата Аристотель, приступая къ опредѣленію души, предпосылаетъ опредѣленіе „сущности“ вообще. „Въ сущности, говоритъ онъ, на первомъ мѣстѣ нужно отличать матерію, которая есть то, что не существуетъ само по себѣ, на второмъ — форму, видъ, иначе сказать то, почему вещь носить известное названіе; наконецъ, третье происшедшее изъ этихъ двухъ“ ³). Известно, что Аристотель старался

¹) De anim. 2, 1, 1. Περίωμοι διόρισται τί ἐστι ψυχὴ καὶ τίς ἐν εἴῃ κοινώτατος λόγος αὐτῆς.

²) De anim. 1, 1, 2. Πάντῃ δε πάντως ἐστὶ εὖ χαλεποτέρων λαβεῖν τίμα κίεν πρὶ αὐτῆς (ψυχῆς). Первая глава трактата подзаглавлена, какъ видно, ставилъ Аристотель свои размышленія о душѣ со всѣмъ, что было высказано о ней Платономъ. Большая часть затрудненій въ изслѣдованіяхъ о душѣ, какія представлялись Аристотелю, высказана Платономъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ трудностей единственно въ первый разъ столкнулся Платонъ. Она вытекала изъ известнаго рѣшенія вопроса о душѣ, предлагаемаго въ томъ направленіи мыслей о ней, въ которомъ обращался Платонъ согласно своему мировоззрѣнію; напримеръ, изъ частей состоитъ душа, или она не дѣлится на части; различаются ли души только въ видахъ, или различаются онѣ и въ родѣ и проч.

³) De anim. 2, 1, 2. Ταύτης (οὐσίας) δὲ τὸ μὲν ὡς ἄλλῃ, ὃ καὶ αὐτὸ μὲν οὐκ ἐστὶ τὸδε τι, ἕτερον δὲ μορφήν καὶ εἶδος, καὶ ἢν ἤδη λέγεται τὸδε τι, καὶ τρίτον τὸ ἐκ τοῦτων. Платонъ представляетъ въ «Филебѣ» четыре вида, по которымъ про-

не сходиться съ Платономъ въ философскомъ мышленіи. И въ понятіи сущности онъ разошелся съ Платономъ. Платонъ сущностями называлъ идеи. Послѣднія онъ описывалъ безтѣлесными, безвидными, умственными. Аристотель отвергъ умственные идеи Платона и въ сущность внесъ и матерію. Но Аристотель тѣмъ не менѣе самымъ опредѣленіемъ сущности показалъ себя ученикомъ Платона и послѣдователемъ направленія, начавшагося съ Сократа. Главное въ сущности, по убѣжденію Аристотеля, это—форма, видъ (εἶδος), иначе—тѣ, по чему вещь носить извѣстное названіе. Платонъ называлъ свои идеи образцами (παράδειγμα) и образцовыми формами вещей, по которымъ вещи носятъ извѣстное названіе¹⁾. Онъ также, какъ и Аристотель, говорилъ о матеріи, какъ о чемъ-то несуществующемъ (τὸ μὴ ὄν) и непознаваемомъ, (ἄγνωστον)²⁾. Коль скоро въ матерію входятъ идеи, изъ соединенія происходитъ извѣстная опредѣленная вещь, Аристотель, въ противоположность Платону, назвалъ форму и матерію нигдѣ и никогда не существующими раздѣльно и отдѣлимыми одна отъ другой только въ нашей мысли при помощи разума (κατὰ τὸν λόγον). Кажется, самъ Платонъ подалъ поводъ въ такому смѣшенію формы и матеріи. Онъ физическіе элементы, напримѣръ, огонь, воздухъ и проч., называлъ также идеями³⁾. Какимъ же образомъ въ огнѣ, напримѣръ, который матеріаленъ, матерію можно представить существующей отдѣльно отъ формы⁴⁾? „Всѣ тѣла, говоритъ Аристотель, есть, кажется, сущности, и въ частности, тѣла природы: ибо онѣ составляютъ элементы другихъ тѣлъ“⁵⁾. Платонъ, говоря объ идеяхъ и образахъ или видахъ, различалъ то и другое „по способу познаванія“ нами тѣхъ и другихъ. Образы или виды подлежатъ наблюденію нашихъ чувствъ; идеи познаются и соверщаются нашимъ умомъ (εἶδω вижу, знаю). Если онъ говоритъ объ объективномъ существованіи того, что

изображены вещи: «я полагаю, говоритъ онъ, первымъ видомъ неопредѣленное, вторымъ — опредѣленное, третьимъ — существо произведенное, четвертымъ — причину сдѣланія». Phileb. 27, В. То же дѣленіе представляетъ Платонъ въ «Тимей». Tim. 28, В.

¹⁾ Phaed. 103, E.

²⁾ Tim. 49. Δύναμις τοιάνδε μάλιστα πάσης εἶναι γενέσεως ὑποδοχὴν αὐτὸ οἶον τι θήνην. Arist. Met. 111, 4. Τὸ δυνάμει ὄν καὶ μὴ ἐντελέχεια ἀόριστόν ἐστιν.

³⁾ Tim. 51.

⁴⁾ Phys. 11, 1. Ἡ μορφή καὶ τὸ εἶδος οὐ χωριστὸν ὄν, ἀλλ' ἢ κατὰ τὸν λόγον.

⁵⁾ De anim. 2, 1, 3. 'Οὐσαὶ δὲ μάλιστα' εἶναι δοκοῦσι τὰ σώματα, καὶ τούτων τὰ φυσικά ταῦτα γὰρ τῶν ἄλλων ἀρχαί.

мы познаемъ чрезъ чувства и умъ, то познаваемое чувствами онъ называлъ „смѣшаннымъ“, „нечистымъ“; напротивъ, познаваемое умомъ называлъ не смѣшаннымъ, чистымъ. Чистыя начала входятъ въ соединеніе съ другими началами и съ матеріей (*ἐκμικτεῖον*) и чрезъ это теряютъ свою чистоту. Въ этомъ видѣ они дѣлаются доступными наблюденію нашихъ чувствъ, проявляя свою силу въ соединеніи. То, что Платонъ называетъ чистыми началами, Аристотель называетъ сущностями „въ возможности“, а начала въ проявленіи или соединеніи съ другими онъ называетъ сущностями „въ актѣ“, „энтелехія“, въ полной и совершенной „реальности“; напримѣръ, огонь, въ соединеніи съ матеріаломъ сгараемымъ (*καυστόν*), есть огонь „въ актѣ“, въ полной „реальности“; огонь же, не соединенный ни съ чѣмъ, огонь, какъ начало чистое, есть огонь „въ возможности“.

Душа, по опредѣленію Аристотеля, есть сущность. Въ трактатѣ Аристотеля о душѣ является особый терминъ, равносильный сущности и съ одинаковымъ значеніемъ; это—„энтелехія“ (*ἐντελέχεια*). По объясненію филологическому, *ἐντελέχεια* есть слово составное. Оно сложено изъ „ἐν“, (предл.) „τέλος“ — конецъ, цѣль и „ἔχειν“ — имѣть¹⁾. Самъ Аристотель, употребивъ терминъ: „энтелехія“, прибавляетъ, что „энтелехію“ нужно понимать въ двоякомъ смыслѣ: или какъ „знаніе“ (*ἐπιστήμη*) вообще, или какъ „наблюденіе“ (*θεωρεῖν*) или знаніе въ актѣ. Въ другомъ мѣстѣ этой же главы Аристотель объясняетъ свое пониманіе „энтелехія“ другимъ сравненіемъ: то, что онъ назвалъ выше „наблюденіемъ“, или знаніемъ въ актѣ, здѣсь онъ сравниваетъ съ „бодрствованіемъ“ (*ἐγρήγορας*), въ противоположность „сну“ (*ὕπνος*), въ которомъ нѣтъ дѣйствія, но силы находятся въ возможности дѣйствовать²⁾. Природѣ энтелехія Аристотель присволяетъ „энергію“ (*ἐνέργεια*), въ которой заключается и дѣйствіе и начальный толчекъ къ дѣйствію. Все это напоминаетъ намъ стремленіе идеи Платона.

Замѣчаютъ, что Аристотель пользуется терминомъ „энтелехія“ по преимуществу въ трактатѣ о душѣ и душу называетъ по преимуществу „энтелехіей“. Мы обратимъ вниманіе на то раздѣленіе сущностей, которое считаетъ нужнымъ сдѣлать Аристотель въ трактатѣ о душѣ. „Между тѣлами, говоритъ онъ, однѣ имѣютъ жизнь (*ἔχει ζωὴν*), другія ея не имѣютъ“. Первые, по замѣчанію Аристотеля, суть тоже

¹⁾ Trendelenb., De anim. Comment. стр. 319—21.

²⁾ De anim. 2, 1, 2. Καὶ τοῦτο διχῶς, τὸ μὲν ὡς ἐπιστήμη, τὸ δ' ὡς τὸ θεωρεῖν. Ibid. 2, 1, 5. Ἐν γὰρ τῷ ὑπάρχειν τὴν ψυχὴν καὶ ὕπνος καὶ ἐγρήγορας ἔστιν, ἀνάλογον δ' ἢ μὲν ἐγρήγορας τῷ θεωρεῖν, ὁ δ' ὕπνος τῷ ἔχειν καὶ μὴ ἐνεργεῖν.

сущности, но сущности „сложныя“ (συνθέτη) ¹⁾. Затрудняются понять, что Аристотель называет сложными сущностями. Сентъ-Илеръ (Saint-Hilaire) замѣчаетъ, что тутъ никакой нѣтъ трудности, что Аристотель указалъ лишь на вышеприведенное опредѣленіе сущности, по которому послѣдняя состоитъ изъ формы и матеріи, и изъ третьяго, составленнаго изъ той и другой ²⁾. Намъ кажется замѣчаніе Сентъ-Илера невѣрнымъ. Аристотель недаромъ замѣчаетъ это о тѣлахъ, имѣющихъ жизнь. Каждое тѣло есть сущность, но не каждое тѣло имѣетъ жизнь. Сложная или составная сущность имѣетъ въ своемъ составѣ другія сущности. Но эти послѣднія, входящія въ составъ главной сущности, суть второстепенныя. Ихъ Аристотель называетъ въ другомъ мѣстѣ „состихіями“ (συστοιχίαι) ³⁾. У Платона въ „Федонѣ“ есть замѣчаніе: „другое дѣло — причина, говорить здѣсь Сократъ, и другое дѣло—то, безъ чего причина не могла быть причиною“ ⁴⁾. Подъ первой причиною Платонъ разумѣетъ умъ и его дѣйствіе; остальное, чѣмъ умъ распоряжается, есть матерія. Аристотель первую причину въ сложныхъ сущностяхъ называетъ „душею“. Второстепенныя сущности въ общемъ своемъ соединеніи въ существѣ органическомъ составляютъ то, что обыкновенно называется „тѣломъ“. Въ отношеніи къ главной причинѣ, которую иначе нужно назвать „формой“, второстепенныя сущности занимаютъ мѣсто „матеріи“ или субстрата (μάλλον δὲ ὡς ὑποκειμενον καὶ ὄλη). „Душѣ, говоритъ Аристотель, необходимо быть формой тѣла, имѣющаго жизнь въ возможности“ ⁵⁾. Понятно, почему здѣсь потребовался Аристотелю по преимуществу терминъ, который бы выражалъ собою, что существо въ основаніи своей природы имѣетъ стремленіе къ опредѣленной, разумной цѣли (ἐντελέχεια—имѣющая въ себѣ цѣль). Въ этомъ терминѣ, на который привыкли смотрѣть, какъ на собственность, принадлежащую исключительно Аристотелю, выражается лишь характеристика

¹⁾ De anim. 2, 1, 3. Τῶν δὲ φυσικῶν τὰ μὲν ἔχει ζωὴν, τὰ δ' οὐκ ἔχει. Ὁὐσία δ' οὕτως ὡς συνθέτη.

²⁾ Traité de l'ame 163 стр. прим.

³⁾ Arist. Met. A, 7.

⁴⁾ Phaed. 99, A. Ἄλλο μὲν τί ἐστι τὸ αἰτίον, ἄλλο δ' ἐκεῖνο, ἀνευ οὗ τὸ αἰτίον οὐκ ἂν ποτ' εἶη αἰτίον. Платонъ называетъ «сопричинами» — συναίτιον το, безъ чего причина не могла бы быть причиною» (Tim. 46, С. Polit. 281, С). Аристотель въ этомъ же смыслѣ «сопричиною» — συναίτιον называетъ огонь и элементы пищи въ питаніи. De anim. 2, 4, 8.

⁵⁾ De anim. 2, 1, 4. Ἀναγκαῖον ἄρα τὴν ψυχὴν οὐσίαν εἶναι ὡς εἶδος σώματος φυσικοῦ δυνάμει ζωὴν ἔχοντος.

цѣлаго философскаго направленія, признавашаго дѣйствіе въ мірѣ разумныхъ цѣлей; такъ мыслили Сократъ и Платонъ. „Душа, говоритъ Аристотель, есть энтелехія тѣла, имѣющаго жизнь въ возможности“¹⁾. Мысль Аристотеля въ данномъ сей часъ опредѣленіи души будетъ для насъ ясна, когда мы обратимся, напримѣръ, къ объясненію Аристотеля, какъ происходитъ въ насъ питаніе. Аристотель передаетъ, что происхожденіе въ насъ питанія объясняли различнымъ образомъ: одни предложили теорію, что „подобное питаетъ подобное“; другіе доказывали, что главная причина совершенія въ насъ питанія есть огонь. Аристотель старается доказать, что тѣ и другіе говорили невѣрно. Нельзя считать огонь, напримѣръ, главною причиною, производящею въ насъ питаніе. Огонь способенъ обыкновенно возрастать и распространяться въ безконечность, если только есть для него пища, то-есть, сгораемое. Не то мы видимъ въ питаніи. Здѣсь ростъ тѣла всегда находится въ извѣстныхъ границахъ. Вообще цѣлесообразное распредѣленіе пищи въ тѣлѣ доказываетъ, что питаніе совершается въ насъ силою разумною. Мы должны, по ученію Аристотеля, признать, что питаніе совершается въ насъ при содѣйствіи нашей души. Она есть главная причина, производящая въ насъ питаніе²⁾; все же прочее составляетъ причины второстепенныя (сопричины — συναίτιον) въ питаніи.

Аристотель, называя душу „энтелехіей“ тѣла, добавляетъ: „энтелехія тѣла органическаго“³⁾. Наблюденіе показываетъ, что всѣ существа, имѣющія жизнь, имѣютъ органы; не исключаются отсюда и самыя растенія.

Такимъ образомъ, вотъ полное опредѣленіе души, данное Аристотелемъ: „Душа есть энтелехія тѣла органическаго, имѣющаго жизнь въ возможности“.

Сколько можно видѣть изъ сказаннаго доселѣ „о душѣ“, стремленіе троиухъ замѣчательныхъ философовъ древности направлено къ пониманію и изученію души, какъ „разума“ (νοῦς). Въ этомъ сказалось направленіе возрѣнія на міръ, начавшагося съ Анаксагора, на котораго Аристотель не разъ съ глубокимъ уваженіемъ указываетъ въ своемъ трактатѣ о душѣ. Анаксагоръ высказалъ ученіе „о божественномъ умѣ“, какъ устроителѣ міра. Сократъ всюду видѣлъ въ мірѣ дѣйствіе божественнаго ума, дѣйствующаго по цѣлямъ. Человѣкъ, по

¹⁾ De anim. 2, 1, 4.

²⁾ De anim. 2, 4, 7—9.

³⁾ De anim. 1, 2, 6.

ученію Сократа, сдѣлался участникомъ ума божественнаго ¹⁾. Подъ душою человѣка и нужно понимать ту искру божественную, которую наследовалъ человѣкъ по своей природѣ. Изученіе души въ этомъ направленіи шло рядомъ съ изученіемъ дѣйствія ума божественнаго, дѣйствующаго въ мірѣ. Изученіемъ одного пополнялось и объяснялось изученіе другаго. Сократъ изучалъ умъ индивидуальный въ полной его дѣятельности и силѣ, на сколько это было возможно, и отъ дѣятельности индивидуальнаго ума по аналогіи заключалъ о дѣятельности и силѣ ума божественнаго. И наоборотъ, изучая дѣятельность ума божественнаго въ созданіи и устройствѣ природы, онъ заключалъ объ истинномъ назначеніи даннаго человѣку разума. Платонъ продолжалъ изучать умъ божественный и умъ индивидуальный въ томъ же духѣ и направленіи. Но Платонъ перешелъ и къ другому вопросу: какъ часть ума божественнаго, которая является въ человѣкѣ, дѣлается умомъ индивидуальнымъ? Здѣсь Платонъ представилъ, какъ мы видѣли, замѣчательный мнѣ о смѣшеніи идеи души съ матеріей. Умъ явился въ подчиненномъ положеніи у начала неразумнаго и враждебнаго ему. Въ этомъ состояніи высшая природа въ человѣкѣ является себя стремленіемъ соединиться съ сроднымъ себѣ началомъ. Платонъ старается подмѣтить и прослѣдить, какъ умъ, погруженный въ неразумную матерію, постепенно освобождается изъ-подъ ея власти, дѣлается независимымъ и достигаетъ того, что овладѣваетъ самою матеріей. У Аристотеля въ ученіи „о формѣ“ сказалось ученіе сейчасъ указанныхъ мыслителей объ умѣ мировомъ и умѣ индивидуальномъ. Душа изучается Аристотелемъ, какъ „форма“. Выраженіе „формы“ есть выраженіе „разумное“. Душу Аристотель называетъ иначе „интеллексіей“, дѣйствующей по цѣли; а это однозначаще съ дѣйствіемъ начала разумнаго.

Нужно замѣтить, что у Аристотеля сгладилось различіе между дѣйствіемъ въ мірѣ ума божественнаго и дѣятельностію ума индивидуальнаго. Трудно отвѣтить, что изучаетъ Аристотель, когда изучаетъ душу, какъ „форму“ тѣла,—дѣйствіе ли ума индивидуальнаго, или ума мирового. Сократъ и Платонъ въ устройствѣ тѣла человѣческаго и тѣла животныхъ изучали дѣйствіе въ мірѣ ума божественнаго, дѣйствующаго подобно художнику. У Аристотеля тѣло устроится душою, какъ „формою“. Странно то, что душа, какъ учитъ Аристотель, разумно дѣйствуетъ въ устройствѣ тѣла, напримѣръ, въ питаніи, и не-

¹⁾ Memorabil. 1, 4, 9. Νοῦν δὲ μόνον ἀπὸ οὐρανοῦ ὄντα αἰ εὐτοῦχος πῶς δοκεῖ συσχεῖσθαι.

разумно, ошибочно начинаетъ дѣйствовать послѣ—въ ощущеніяхъ (общихъ) и въ воображеніи.

Замѣтимъ далѣе, что Сократъ, проповѣдуя: „γυῖσι σαοτὸν“, держался исключительно области познанія челоѡвка и его внутренней жизни. Самое изученіе челоѡвка онъ начиналъ преимущественно съ того момента, съ котораго челоѡвъкъ отступаетъ отъ животнаго и начинаетъ жить разумною жизнью. Для него дорога была въ челоѡвкѣ способность „къ ученію“ и развитію, въ которой онъ видѣлъ искру божественной природы въ челоѡвкѣ. Источникомъ изученія души было у Сократа „самонаблюденіе“. Аристотель такъ далеко отступилъ отъ Сократа, что изученіе души перенесъ туда, куда не проникаетъ уже наше сознание; напริมѣръ, таково питаніе. Аристотель признаетъ существованіе души и въ растеніяхъ.

Нужно сознаться, что взглядъ Аристотеля на душу вытекалъ нѣкоторымъ образомъ послѣдовательно, благодаря методу, которому начало положилъ самъ Сократъ. Ксенофонтъ замѣчаетъ, что Сократъ разсуждалъ „по родамъ“ (κατὰ γένη) ¹⁾. Аристотель говоритъ, что Сократъ ввелъ въ употребленіе „опредѣленіе и индукцію“ ²⁾. Платонъ объяснялъ опредѣленіе Сократа, какъ „обобщеніе“ (κοινωνία) или „соединеніе“ (συναγωγή) видовъ въ одномъ родѣ. Требованіе индукціи таково, чтобы наведеніе начинать съ явленій самыхъ простыхъ. Животныя обнаруживаютъ столь много общаго съ явленіями внутренней жизни челоѡвка, что Платону уже казалось невозможнымъ, въ силу требованій метода, дѣлать существа одушевленные на „челоѡвка и животныхъ“. Въ „Гражданинѣ“ Платонъ говоритъ, что все существующее нужно дѣлать на существа, „имѣющія душу“ (ἔμψυχα), и существа, „не имѣющія души“ (ἄψυχα) ³⁾. Поэтому, челоѡвъкъ принадлежитъ, какъ видъ, къ роду существъ, имѣющихъ душу. Но Платонъ, слѣдуя Сократу, изучалъ душу по преимуществу въ „самонаблюденіи“. Аристотель находилъ, что, въ силу требованій метода, нельзя отказать въ присутствіи души и растеніямъ. Поэтому, не ограничиваясь самонаблюденіемъ, онъ изучалъ душу тамъ, гдѣ видятъ болшую частію дѣйствіе одной матеріи.

Такимъ образомъ, рѣзкое разграниченіе между душою и тѣломъ, по которому возможно было для Сократа и Платона только отрицательное опредѣленіе души, у Аристотеля, повидимому, сгладились.

¹⁾ Memorabil. W. 5. 12.

²⁾ Met. M. 4.

³⁾ Polit. 261, В. Τὰ μὲν ἄψυχα αὐτῶν ἐστὶ πρὸς ζῴωντων, τὰ δ' ἔμψυχα.

Аристотель чувствовал это. Поэтому, онъ спѣшилъ отвѣтить на могущее послѣдовать возраженіе: „не тождественны ли душа и тѣло“. Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сравненіями и примѣрами. Онъ указываетъ, напримѣръ, на воскъ и фигуру, которая отпечатлѣвается на первомъ. Фигура, по его словамъ, не тождественна съ тѣмъ, на чемъ она отпечатлѣвается, то-есть, воскомъ. Такъ и душа не тождественна съ тѣломъ¹⁾. Душа есть сущность извѣстнаго тѣла; но она есть сущность такимъ же образомъ, какъ сущность топора есть его назначеніе — „рубить“²⁾. Если отъ топора отнять послѣднее, то останется только нѣчто „одноименное“ (ὁμωνύμος); топоръ не будетъ тогда извѣстнымъ инструментомъ. Равнымъ образомъ, нужно, продолжаетъ Аристотель, понимать и сущность, напримѣръ, глаза въ существѣ одушевленномъ. „Душа глаза будетъ зрѣніе“³⁾. Если послѣдняго не будетъ въ глазѣ, какъ, напримѣръ, въ глазѣ статуи, то глаза въ собственномъ смыслѣ нѣтъ; есть только „одноименное“ глазу. По аналогіи (ἀνάλογον ἔχει), такимъ же образомъ нужно судить и о всемъ тѣлѣ. Сущность тѣла есть душа, подобно какъ сущность глаза есть зрѣніе⁴⁾. Душа не тождественна съ тѣломъ; но она, по словамъ Аристотеля, можетъ быть отдѣлена отъ тѣла „только разумомъ“ (κατὰ τὸν λόγον).

Что доказательства такого рода не убѣдительно, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. По крайней мѣрѣ, эти доказательства не составляютъ достоинства строго-научнаго метода и не выдерживаютъ научной критики. Исторія показала, что философскія школы, возникшія послѣ Аристотеля и подъ вліяніемъ его ученія, склонились къ отождествленію духа и матеріи. Хотя самъ Аристотель остался вѣренъ принципу Сократа, поставившаго рѣзкое разграниченіе между душею и тѣломъ, но опредѣленіе души, данное Аристотелемъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто такое, что противно пониманію души, высказанному Сократомъ и Платономъ. Если душа есть только „форма“ и „энтелехія“ тѣла, то можно думать, что послѣдняя цѣль и назначеніе души состоитъ лишь въ совершенствѣ тѣла и не простирается далѣе тѣла; что въ душѣ нѣтъ болѣе силъ кромѣ тѣхъ, которыя обнаруживаетъ тѣло; съ другой стороны, что тѣло въ состояніи проявить въ себѣ все, что

¹⁾ De anim. 2, 1, 7 и слѣд. Ἀπὸ καὶ οὐ δεῖ ζητεῖν εἰ ἐν ἡ ψυχῇ καὶ τὸ σῶμα, ὡς περ οὐδέ τὸν κηρὸν καὶ τὸ σχῆμα.

²⁾ De anim. 2, 1, 8. Ἦν γὰρ ἂν τὸ πελέκει εἶναι ἡ οὐσία αὐτοῦ, καὶ ψυχὴ τοῦτο.

³⁾ De anim. 2, 1, 9. Ψυχὴ ἂν ἦν αὐτοῦ (οφθαλμοῦ) ἡ ὄψις.

⁴⁾ De anim. 2, 1, 11. Ἄλλ' ὡς περ ὁ ὀφθαλμὸς ἡ κόρη καὶ ὄψις καθεὶ ἡ ψυχὴ καὶ τὸ σῶμα τὸ ζῶον.

есть въ душѣ. Это противно духу ученія о душѣ Сократа и Платона. Но, по нашему мнѣнію, самъ Аристотель въ своемъ ученіи „объ умѣ“ не остался вполне вѣреть своему опредѣленію души.

Раздѣленіе души по видамъ и способностямъ.

Послѣ вопроса—не отождествляется ли душа съ тѣломъ, Аристотеля ожидалъ другой вопросъ, съ которымъ раньше Аристотеля столкнулся Платонъ. Это—вопросъ о частяхъ, видахъ или способностяхъ души. Уже Сократъ признавалъ душу и въ животныхъ ¹⁾). Такъ какъ предметомъ изученія Сократа былъ исключительно человѣкъ и преимущественно разумная природа его, то Сократъ и не разсуждалъ о томъ, сколько нужно признать видовъ души. Есть, впрочемъ, и у Сократа намеки на душу „неразумную“ (ἄλογος) или „животную“ (θηρῶσίδες) и „разумную“ (λογιστικὸς). Платонъ тоже по преимуществу изучалъ разумную природу въ человѣкѣ; но онъ не ограничился исключительно изученіемъ одной разумной природы въ человѣкѣ, а стремился изучить душу во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы видимъ, что Платона сильно уже занимаетъ вопросъ о томъ, сколько нужно признать видовъ души.

Мы уже видѣли, какъ вообще понималъ Платонъ виды, къ чему бы они ни относились. Видъ у Платона равносильнъ образу, обнаруженію идеи въ явленіяхъ. Обнаруженіе идеи не иначе возможно, какъ въ соединеніи ея съ чѣмъ-либо инымъ, отъ нея отличнымъ. Такъ смотрѣлъ Платонъ и на виды души. Идея души стремится къ сродному себѣ—божественному, разумному и проч.; но душа соединена съ тѣломъ и дѣйствуетъ не иначе, какъ въ соединеніи съ нимъ. Отсюда является она въ различныхъ видахъ. Въ соединеніи съ тѣломъ неразумнымъ душа сама является „неразумною“ (ἄλογος). Когда же она достигаетъ въ тѣлѣ возможности соединиться съ сроднымъ себѣ,—разумнымъ, она является „разумною“ (λογιστικὸς).

Мировоззрѣніе, усвоенное Платономъ, по которому все въ мирѣ только является въ образахъ и въ соединеніи съ другимъ, побудило Платона найти такой методъ познанія, при посредствѣ котораго было бы возможно открывать начала чистыя, не смѣшанныя. Какъ мы упомянули выше, возможность открывать такія начала Платонъ нашелъ въ природѣ нашего разума, — въ способности его „мыслить и познавать общее и отличное въ ощущеніяхъ“. На этомъ твердомъ основаніи Платонъ выработалъ методъ „аналитическій“, въ которомъ

¹⁾ Memorabil. 1, 3, 13.

даже главное значеніе „дѣленію по видамъ“. Въ силу требованій нашего разума Платонъ былъ убѣжденъ, что, если „прекрасное, напримеръ, и безобразное различны между собою, то ихъ два и каждое изъ нихъ есть одно „(хотя въ явленіяхъ они и встрѣчаются вмѣстѣ)“¹⁾. „То же въ отношеніи къ тому же и для того же не можетъ (по признанію разума) дѣйствовать и тергѣть противное, такъ что, если въ томъ же мы найдемъ это (то-есть, противное), то будемъ знать, что то же было не то же, а больше чѣмъ то же“²⁾.

Этотъ научный методъ Платонъ спѣшилъ приложить и къ изслѣдованію видовъ души. Методическій анализъ, который Платонъ представилъ намъ въ IV книгѣ „Политики“, привелъ его къ признанію въ душѣ трехъ главныхъ, основныхъ видовъ души: „разумнаго“ (τὸ λογιστικόν), „желательнаго“ (τὸ ἐπιθυμητικόν) и „страстнаго“ (τὸ θυμοειδές)³⁾. Эти три обнаруженія души Платонъ называетъ то „видами“ (εἴδη), то „родами“ (γέννη). Какъ явленія души, они справедливо должны быть названы „видами“; но поелику это самыя общія и основныя виды души, то они могутъ быть названы „родами“. Каждый изъ этихъ родовъ имѣетъ свои разнообразныя виды.

Такимъ образомъ, дѣленіе души по видамъ является у Платона двоякое: одно представляетъ два вида души, другое — три. Платонъ собственно признавалъ душу единою въ ея существѣ. Виды суть явленія, обнаруженія одной души. Душа, единая въ существѣ, въ дѣйствіи обнаруживаетъ себя различными сторонами. Такъ какъ въ настоящей жизни душа соединена съ тѣломъ, то въ соединеніи съ началомъ неразумнымъ она проявляетъ себя иначе, чѣмъ когда она соединяется съ началомъ разумнымъ. Благодаря соединенію съ тѣломъ, душа, кромѣ проявленія себя стороною „разумною“, обнаруживаетъ себя еще въ двухъ видахъ, именно — стороною „желательною“ и

¹⁾ De Rep. Lib. V, 476, A. Ἐπειδὴ ἔστιν ἐναντίον καλὸν αἰσχυρῶν, δύο αὐτῶ εἶναι. Πᾶς δ' οὐ; οὐκοῦν ἐπειδὴ δύο, καὶ ἐν ἑκάτερου; καὶ τοῦτο.

²⁾ De Rep. Lib. IV, 436, B. Δῆλον, ὅτι ταῦτόν τάναντία ποιεῖν ἢ πάσχειν κατὰ ταῦτόν γε καὶ πρὸς ταῦτόν οὐκ ἐθέλησαι ἅμα, ὡστ', ἂν ποῦ εὐρίσκωμεν ἐν αὐτοῖς ταῦτα γιγνόμενα, εἰσόμεθα, ὅτι οὐ ταῦτόν ἦν ἄλλὰ πλείω.

³⁾ De Rep. IV, 435, C—441, D. Θυμοειδές мы не приводимъ, а приспособительно къ терминологіи современной психологіи, замѣняемъ терминомъ «страстный». Θύμος намъ кажется неудобнымъ переводить словомъ: «гнѣвъ», какъ это дѣлаютъ нѣкоторые. Гнѣвъ относится къ θυμός, какъ видъ къ роду. Своими возрастающимъ страстнымъ движеніемъ, какъ гнѣвъ обыкновенно проявляется, онъ характеризуетъ ту силу души, которую Платонъ называетъ θυμοειдές. Это «δαμόνιον» души, движущій всею душою.

„страстною“. Обнаруженіе стороною разумною зависить отъ большей или меньшей зависимости души отъ тѣла, такъ, что если душа бываетъ увлечена перевѣсомъ тѣла — начала, противоположнаго разумности, она уже не имѣетъ полной возможности проявлять себя стороною разумною. Считаемо нужнымъ замѣтить, что Платонъ отличилъ и отмѣтилъ такіе виды, которые никакъ не могутъ быть объяснены изъ дѣйствія вещества. Они справедливо должны быть названы душевными видами. Видъ желательный и видъ страстный всего ближе стоять въ дѣйствію вещества и въ своемъ дѣйствіи находятъ поддержку и пищу въ тѣлѣ. Не смотря на это, характеръ этихъ явленій — оригинальный, отличный отъ явленій матеріи и вещества.

Аристотель призналъ присутствіе души и въ растеніяхъ, не говоря уже о животныхъ. Вслѣдствіе этого Аристотель никакъ уже не могъ послѣ Платона обойти вопроса о раздѣленіи души по видамъ или частямъ и о томъ, какъ примирить это раздѣленіе въ единствѣ души. Наблюдая надъ растеніями и животными, онъ замѣтилъ такого рода наглядныя явленія: отрѣзанная часть растенія производить новое растеніе на новомъ мѣстѣ; отрѣзанная часть насѣкомаго продолжаетъ нѣкоторое время обнаруживать жизнь ¹⁾. Является вопросъ: не дѣлится ли одна и та же душа на части? Если дѣлится, то въ отдѣльной части душа всецѣло существуетъ или нѣтъ? Если отрѣзанная часть насѣкомаго обнаруживаетъ ощущеніе, то она имѣетъ и возбужденіе; если же имѣетъ то и другое, то должна имѣть воображеніе и желаніе ²⁾. Но, съ другой стороны, мы видимъ, что одни животныя имѣютъ ощущеніе, но не имѣютъ въ то же время движенія; большая часть животныхъ хотя имѣетъ то и другое, но не имѣетъ разума, который имѣетъ человекъ ³⁾. Такимъ образомъ, нужно ли признавать то, что душа состоитъ изъ частей, какъ показываютъ наблюденія, или же признавать то, что она частей не имѣетъ? Если душа является въ различныхъ видахъ, то эти виды души различаются ли „въ родѣ“, или они суть обнаруженія одной и той же души? ⁴⁾

Лучшій исходъ для устраненія вышеизложенныхъ недоразумѣній относительно единства души и ея явленій въ различныхъ видахъ

¹⁾ De anim. 2, 2, 8.

²⁾ De anim. 2, 2, 8.

³⁾ De anim. 2, 2, 5—7.

⁴⁾ De anim. 1, 1, 4. *Εἰ μεριστὴ (ψυχὴ) ἢ ἀμεριστὴ, καὶ πότερον ὁμοειδῆς ἢ πασῶν ψυχῶν ἢ οὐ; εἰ δὲ μὴ ὁμοειδῆς, πότερον εἶδει διαφέρουσαν, ἢ γένει.*

Аристотель видѣлъ въ томъ же, въ чемъ нашелъ его и Платонъ. Всѣ эти виды души суть явленія души, „болѣе извѣстныя намъ“, а не „сущность“ души, доступная только познанію нашего разума ¹⁾. Самое обыденное сознаніе намъ говоритъ, что въ насъ дѣйствуетъ единая нераздѣльная душа. Когда мы говоримъ, напримѣръ, что мы познаемъ, мы называемъ двойко тѣ, чѣмъ познаемъ: мы говоримъ, что познаемъ знаніемъ или, иначе, — мы познаемъ душею; точно также, какъ мы двойко называемъ тѣ, чѣмъ мы бываемъ здоровы, — тѣломъ или какою-нибудь частію тѣла ²⁾. Душа есть энтелехія тѣла и въ соединеніи съ послѣднимъ она является въ различныхъ видахъ, вызываемыхъ требованіями назначенія этого тѣла, находящагося въ возможности. „Душа, говоритъ Аристотель, производитъ тѣ, что есть въ возможности“ ³⁾; поэтому является такою, какою позволяетъ явиться ей эта возможность. Аристотель повторяетъ въ этомъ случаѣ опредѣленіе души, какъ „формы“, матерію которой составляетъ тѣло „Тѣ разумно говорятъ, замѣчаетъ Аристотель, которые высказали, что душа не существуетъ безъ тѣла ⁴⁾, какъ форма не существуетъ безъ матеріи.

Приступая къ изложенію видовъ души, какіе принималъ Аристотель, мы должны отмѣтить одно изъ существенныхъ отличій психологій Аристотеля отъ психологическихъ изысканій, сдѣланныхъ Платономъ и Сократомъ. Аристотель принимаетъ не три вида души, какъ принялъ Платонъ, а четыре. Эти виды суть слѣдующіе: душа питающая (τὸ θρεπτικόν, ἢ ψυχὴ θρεπτικὴ), душа чувствующая (τὸ αἰσθητικόν, ἢ ψυχὴ αἰσθητικὴ), душа движущая къ мѣсту (τὸ κινητικόν, ἢ ψυχὴ κινητικὴ) и душа разумная (τὸ διανοητικόν, ἢ ψυχὴ διανοητικὴ).

Какъ ни разумно кажется дѣленіе души по видамъ, которое представилъ Платонъ, какъ ни удивительна сила и тонкость анализа, съ какою выдѣлены имъ три основныхъ вида души; не смотря на это, Аристотель отвергъ сдѣланное Платономъ дѣленіе видовъ души и представилъ свое, которое казалось ему лучшимъ и разумнѣйшимъ.

¹⁾ De anim. 2, 2, 1. Ἐπει δ' ἐκ τῶν ἀσαφῶν μὲν φαανερωτέρων δε γίγνεται τὸ σαφές καὶ τὸ κατὰ τὸν λόγον, περαιτέρον....

²⁾ De anim. 2, 2, 12. Ἐπει δὲ ᾧ ζῶμεν καὶ αἰσθανόμεθα διχῶς λέγεται, καθάπερ ᾧ ἐπιστάμεθα, λέγομεν δὲ τὸ μὲν ἐπιστήμην τὸ δε ψυχὴν. Ἐκατέρω γὰρ τούτων φαιμέν ἐπιστάσθαι. ὁμοίως δὲ καὶ ὑγιαίνομεν, τὸ μὲν ὑγεία, τὸ δε μορῆ τοῦ σώματος ἢ καὶ ὄψιν.

³⁾ De anim. 2, 2, 15. Ἐκάστῃ γὰρ ἢ ἐντελέχεια ἐν τῷ δυνάμει ὑπάρχοντι καὶ τῇ οἰκίᾳ ἢ καὶ πέφυκεν ἐγγίνεσθαι.

⁴⁾ De anim. 2, 2, 14. Καὶ διὰ τοῦτο καλῶς ὑπολαμβάνουσιν οἷς δοκεῖ μὴτ' ἔνευ σώματος εἶναι.

Аристотелю сама природа указала отличіе видовъ души и ихъ раздѣленіе. Впервыхъ, видъ души „питающей“ нужно, говоритъ Аристотель, признать отдѣльнымъ и самостоятельнымъ видомъ души, потому что есть существа, которыя имѣютъ одинъ лишь этотъ видъ души: таковы растенія ¹⁾). Далѣе, нужно признать самостоятельными видами души: „ощущеніе“ и „движеніе къ мѣсту“. Ощущеніе отличаетъ животныхъ отъ растеній. Движеніе, которое тоже отличаетъ животныхъ отъ растеній, нужно отличать отъ ощущенія потому, что нѣкоторыя изъ животныхъ хотя имѣютъ ощущеніе, но не имѣютъ при этомъ произвольнаго движенія ²⁾). Наконецъ, человѣкъ имѣетъ „разумъ“, который мы не встрѣчаемъ у другихъ животныхъ; слѣдовательно разумъ есть отдѣльный видъ души, отличный отъ прочихъ ³⁾).

Какъ ни разумно, въ свою очередь, дѣленіе видовъ души, представленное Аристотелемъ, Платонъ не могъ бы принять его, если бы только хотѣлъ остаться вѣрнымъ своему принципу дѣленія души по видамъ. Различіе дѣленія души по видамъ Аристотеля и Платона болѣе глубоко и существенно, чѣмъ какъ оно можетъ показаться сначала. То и другое дѣленіе характеризуетъ область наблюденія, въ которой обращается тотъ и другой мыслитель. Платонъ обращается въ области „самонаблюденія“; „внѣшнее же наблюденіе служитъ ему только вспомогательнымъ средствомъ. Строго ограничиваясь областію самонаблюденія, Платонъ не могъ говорить, напримѣръ, о питаніи, какъ явленіи душевномъ, на томъ основаніи, что процессъ питанія не достигаетъ нашего сознанія. На этотъ случай Платонъ замѣчаетъ въ „Филебѣ“, что не всякое движеніе, происходящее въ тѣлѣ, достигаетъ души. Онъ указываетъ при этомъ именно на процессъ питанія. Аристотель, напротивъ, обращается въ области „внѣшняго наблюденія“; „самонаблюденіе“ же служитъ ему вспомогательнымъ средствомъ. Аристотель въ третьей книгѣ трактата, въ началѣ отдѣла о душѣ, „движущей къ мѣсту“, критикуетъ дѣленіе души по видамъ, представленное Платономъ, находя неудачнымъ это дѣленіе. Но Платонъ съ своей точки зрѣнія могъ бы представить и Аристотелю свои возраженія противъ представленнаго послѣднимъ дѣленія души по видамъ. Но тѣ и другія возраженія едва-ли были бы спра-

¹⁾ De anim. 2, 3, 2. Ὑπάρχει δὲ τοῖς μὲν φυτοῖς τὸ θρεπτικὸν μόνον. Ibid. 7. Τοῦ δ' αἰσθητικῆς χωρίζεται θρεπτικὸν ἐν τοῖς φυτοῖς.

²⁾ De anim. 2, 3, 7. Καὶ τῶν αἰσθητικῶν τὰ μὲν ἔχει τὸ κατὰ τόπον κινήτικόν, τὰ δ' οὐκ ἔχει.

³⁾ De anim. 2, 3, 7. Ὁὐ πᾶσι λογισμὸς.

ведливы, пока не былъ бы удовлетворительно рѣшенъ главный вопросъ о томъ, самонаблюденіе или наблюденіе внѣшнее должно быть главною областію явленій, въ которой должно обращаться изученіе души.

Виды души Аристотель называетъ иначе „способностями“ (δύναμις). Извѣстно, какое значеніе получилъ этотъ терминъ въ психологіи въ послѣдствіи. Нельзя сказать, чтобъ указанный терминъ въ психологіи былъ употребленъ Аристотелемъ въ первый разъ. Начало употребленія его въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ его Аристотель, замѣтно еще у Сократа („знающіе самихъ себя знаютъ, что они „могутъ“ сдѣлать, и чего „не могутъ“). Хотя Платонъ три вида души нигдѣ не называетъ способностями души, тѣмъ не менѣе терминъ „способность“, „сила“ (δύναμις) онъ употребляетъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляетъ его Аристотель. Мы можемъ указать въ этомъ случаѣ на мѣсто въ V-й книгѣ „Политики“¹⁾, гдѣ Платонъ рассуждаетъ о „силахъ“ или „способностяхъ“. Онъ относитъ терминъ „сила“, „способность“ (δύναμις) по преимуществу къ силамъ тѣлеснымъ, на примѣръ, къ органамъ ощущеній — къ зрѣнію, слуху и проч. Но вопросъ о способностяхъ выяснится намъ въ послѣдствіи.

Замѣтимъ еще о порядкѣ, въ которомъ слѣдуютъ виды или способности души. Этотъ порядокъ таковъ: „душа ощущающая“ и „движущая къ мѣсту“ не можетъ существовать безъ души „питающей“. „Душа разумная“ можетъ быть только тамъ, гдѣ существуютъ всѣ прочіе виды души. Упомянутые виды души суть какъ-бы степени развитія души, такъ что низшая степень, обнаруживающаяся въ душѣ питающей, есть вмѣстѣ и основаніе развитія души, безъ котораго не можетъ быть никакихъ душевныхъ явленій. Съ этой-то способности Аристотель и начинается свое разсмотрѣніе способностей души.

О душѣ питающей (ἡ ψυχὴ θρεπτικὴ).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ держаться высказаннаго нами выше плана, то-есть, обращаться къ мыслямъ Сократа и Платона, гдѣ это потребуется для полноты и ясности излагаемаго предмета.

Аристотель, приступая къ изложенію видовъ души, говоритъ въ началѣ о томъ, какому методу нужно слѣдовать при изслѣдованіи видовъ или способностей души.

Со времени Сократа требованіе метода при изслѣдованіи всякаго предмета выдвинуто на первый планъ. Ксенофонтъ передаетъ, что

¹⁾ De Rep. Lib. V, 477, С. Д.

Сократъ употреблялъ методъ „діалектическій“ (διαλέγεσθαι) ¹⁾. Въ частности, Сократъ обращался прежде всего къ „опредѣленію“ предмета и рассуждалъ по родамъ. Послѣ этого ему открывалось широкое поле индукціи или наведенія. Къ методу Сократа Платонъ присоединилъ приемъ „дѣленій по видамъ“. Платонъ такъ увѣренъ былъ въ истинности своего метода, что называлъ его „божественнымъ, принесеннымъ съ неба Прометеемъ“ ²⁾; говорилъ, что при помощи этого метода „сдѣланы всѣ открытія въ наукахъ“ ³⁾, и что онъ самъ старается „неуклонно слѣдовать этому методу“ ⁴⁾. Главные приемы этого метода: „гипотезы“, „обобщенія“ или „соединенія видовъ въ одномъ родѣ“ и „дѣленія по видамъ“.

Аристотель скептически относится къ тому, чтобъ одинъ и тотъ же методъ могъ быть приложимъ къ изслѣдованію каждаго предмета. По крайней мѣрѣ, по его словамъ, еще не найдено такого метода. Нѣтъ, говоритъ онъ, такого метода, который бы во всѣхъ случаяхъ и относительно всѣхъ вещей приводилъ къ познанію сущности. „А когда нѣтъ одного метода, приходится угадывать, для какого предмета какой методъ пригоденъ“ ⁵⁾. И въ отношеніи къ изученію души Аристотель выражаетъ колебаніе, какой выбрать методъ ⁶⁾. Трудно опредѣлить, какому методу слѣдовалъ Аристотель въ томъ, что было высказано доселѣ. Видно, между прочимъ, что Аристотель сознавалъ значеніе „дѣленія“, которое такъ высоко цѣнилъ Платонъ. Аристотель воспользовался этимъ методическимъ приемомъ въ опредѣленіи видовъ души; но преимущество Аристотель отдавалъ „доказательствамъ“ (ἀποδείξεις). Въ доказательствахъ не малое значеніе имѣютъ у него „примѣры“ и „сравненія“ (напримѣръ, въ доказательствахъ отличія души отъ тѣла или въ доказательствахъ единства души). Онъ обращается иногда и къ примѣрамъ, заимствованнымъ изъ геометріи ⁷⁾. Не маловажную роль играетъ въ приемахъ метода Аристотеля и критика мнѣній объ изслѣдуемомъ предметѣ, высказанныхъ раньше мнѣ-

¹⁾ Memorab. 4, 5, 12.

²⁾ Pheleb. 16, C.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid. 16, 13.

⁵⁾ De anim. 1, 1, 2. Εἰ δὲ μὴ ἔστι μία τις καὶ κοινὴ μέθοδος περὶ τὸ τί ἐστίν, ἐπιχαλεπότερον γίνεται πραγματευθῆναι. Δεήσει γὰρ λαβεῖν περὶ ἕκαστον τις ὁ τρόπος. ζητητέον ἂν εἴη τὴν μέθοδον ταύτην.

⁶⁾ De anim. 1, 1, 2. Ποτερον ἀποδείξεις τις ἐστὶν ἢ διαίρεσις ἢ καὶ τις ἄλλη μέθοδος, ἐπὶ πολλὰς ἀπορίας ἔχει καὶ πλάνας.

⁷⁾ De anim. 2, 3, 5, 6.

слителями. Вообще же резко выдается у Аристотеля стремление къ системѣ и связанному построению всего, выработаннаго имъ самимъ и другими.

Въ отношеніи къ способностямъ души нужно, говорить Аристотель, напередъ узнать, „что такое каждая изъ этихъ способностей“¹⁾; наприѣръ, что такое способность мыслящая, ощущающая и проч. Для того, чтобы узнать, что такое каждая изъ способностей, нужно, говорить Аристотель, напередъ изучить отправленія способностей, то-есть, нужно обратиться къ изученію мысли, ощущенія и проч.²⁾ При изученіи же отправленій способностей нужно сначала опредѣлить, что такое предметъ противолежащій (*ἀντικείμενα*)³⁾ способностямъ, то-есть, предметъ, входящій въ столкновение съ способностями, какъ необходимое условіе вызова ихъ къ отправленію. Предметы эти суть: пища, предметъ ощущаемый, предметъ мыслимый и проч.

Разсужденія Сократа, записанныя Ксенофонтомъ, показываютъ, что прежде Аристотеля Сократъ считалъ необходимымъ отвлеченныхъ понятій переходить къ жизненнымъ фактамъ и раскрывать самый процессъ происхожденія факта. Здѣсь не упускалось изъ вниманія и „привходящее“, или то, что Аристотель называетъ предметомъ противулежащимъ. Наприѣръ, отъ вопроса: „что такое благочестіе“ Сократъ переходитъ къ вопросу: „кто называется благочестивымъ?“ Въ разсужденіи указывается на законы, существующіе относительно почитанія боговъ, и на знаніе этихъ законовъ, какъ необходимое условіе для того, чтобы сдѣлаться истинно благочестивымъ. Такимъ же образомъ Сократъ разсуждалъ и о другихъ добродѣтеляхъ, выражаемыхъ отвлеченными понятіями, наприѣръ, „что такое справедливость?“⁴⁾

Стремленіе изучить фактъ или явленіе въ его процессѣ происхожденія было постояннымъ стремленіемъ Платона. Поэтому-то Платонъ и цѣнилъ такъ высоко методъ аналитическій, который давалъ ему возможность изучать, что съ чѣмъ слагается, что дѣйствующее и что привходящее, и какъ все происходитъ. Наприѣръ, Платонъ такъ анализируетъ явленіе жажды: „Жажда не есть ли желаніе питья? Да.

1) De anim. 2, 4, 1. "Ἐκαστον αὐτῶν τί ἐστιν.

2) De anim. 2, 4, 1. Τί τὸ νοεῖν καὶ τί τὸ αἰσθάνεσθαι. Πότερον γὰρ εἰς τῶν δυνάμεων αἱ ἐνέργειαι καὶ αἱ πράξεις κατὰ τὸν λόγον.

3) De anim. 2, 4, 1. 'Αντικείμενα δὲ τῶν ψυχικῶν οἷον περὶ τροφῆς καὶ αἰσθητοῦ καὶ νοητοῦ.

4) Метод. 4, 6, 2 и слѣд.

Каждущая душа большого ли чего желаетъ, чѣмъ того, о чѣмъ говорили? то-есть, жажда есть ли жажда теплаго питья, либо холоднаго, многого либо немногаго,—однимъ словомъ какого-нибудь (опредѣленнаго). А какъ скоро къ жадѣ прибавилось бы теплее, не пробудилось ли бы этимъ желаніе холоднаго и проч.? Или самое жажданіе есть желаніе не много чего, какъ ему сроднаго, то-есть, просто питья? Такъ, самое желаніе, взятое отдѣльно, есть желаніе только отдѣльнаго, чтò ему сродно; а такое или такое (питье), это — приводящее. Все, чтò поставлено съ связъ въ чѣмъ-нибудь, по нѣкоторымъ качествамъ относится, какъ я думаю, къ иввѣстному качественному предмету; а что существуетъ само по себѣ, то относится только къ себѣ¹⁾.

Такимъ образомъ видно, что потребность анализа жизненныхъ фактовъ и стремленіе заглянуть въ самый процессъ происхожденія факта сильно стали овладѣвать мыслителями со времени Сократа. И Аристотель оцѣнилъ вполне упомянутое требованіе и стремленіе и самъ тѣмъ же путемъ надѣется достигнуть цѣли изслѣдованія относительно способностей души.

Мы сказали выше, что ни Сократъ, ни Платонъ не говорили о душѣ питающей. Но Аристотель усиливается доказать, что питаніе есть первое, въ чѣмъ душа проявляетъ свое дѣйствіе въ существахъ, и что существа, которыя имѣютъ питаніе, принадлежать уже къ существамъ, имѣющимъ душу²⁾. Аристотель указываетъ на различіе, которое обнаруживаютъ въ жизни существа питающіяся, въ противоположность тѣламъ, въ которыхъ не совершается процессъ питанія. Существа, которымъ свойственно существовать чрезъ питаніе, обыкновенно растутъ, развиваются и чрезъ извѣстный періодъ времени умираютъ³⁾. Не замѣчается этого въ тѣлахъ, которымъ не принадлежитъ питаніе. „Ни одно тѣло не умираетъ и не растетъ — замѣчаетъ Аристотель — которое не питается“⁴⁾. Одни тѣла имѣютъ жизнь, какъ выше замѣчено, другія не имѣютъ жизни. „Подъ жиз-

¹⁾ De Rep. Lib. W., 437, В. и слѣд. Перев. Карпова.

²⁾ De anim. 2, 4, 2. Ἡ γὰρ θρεπτικὴ ψυχὴ καὶ τοῖς ἄλλοις ὑπάρχει, καὶ πρῶτη καὶ κοινοτάτη δύναμις ἐστὶ ψυχῆς, καθ' ἣν ὑπάρχει τὰ ζῆν ἅπαντα.

³⁾ De anim. 2, 1, 3. Ζωὴν δὲ λέγομεν τὴν δ' αὐτοῦ τροφὴν τε καὶ αὔξησιν καὶ φθίσιν.

⁴⁾ De anim. 2, 4, 6. Αἰσθάνεται δ' οὐδὲν ὁ μὴ ἔχει ψυχὴν. Ὅμοίως δὲ καὶ περὶ αὔξησώς τε καὶ φθίσεως ἔχει οὐδὲν γὰρ φθίνει οὐδ' αὔξεται φυσικῶς μὴ τρεφόμενον, τρέφεται δ' οὐδὲν ὁ μὴ κοινωθεὶ ζωῆς.

нию же ни разумѣемъ, поясняетъ Аристотель, три факта: питаются чрезъ себя, развиваются и умереть“. Уже было замѣчено, что возрастаніе, надпримѣръ, огня не можетъ быть поставлено въ параллель съ возрастаніемъ тѣла одушевленнаго¹⁾). Равно и о движеніи, совершающемся въ питавіи, сказано, что оно цѣлесообразно и отлично отъ движенія, свойственнаго каждому изъ простыхъ тѣлъ²⁾).

Съ душою „питающею“ Аристотель соединяетъ душу „рождающую“ или „производящую“ другое подобное себѣ существо³⁾). Что въ томъ и другомъ случаѣ, то-есть, въ питавіи и рожденіи или производеніи другаго существа, дѣйствуетъ одна и та же душа съ одинаковымъ стремленіемъ, это видно изъ того, что и въ питавіи производится, собственно говоря, новое подобное. Душа питающая и рождающая, которая выражаетъ свое дѣйствіе производеніемъ новаго существа, выражаетъ тѣмъ самымъ, что въ ней положено стремленіе „къ сохраненію бытія“ существа⁴⁾), въ которомъ оно дѣйствуетъ. Это, замѣчаетъ Аристотель, есть „нѣчто божественное“⁵⁾ въ существахъ, имѣющихъ жизнь. Такъ какъ для существъ, подверженныхъ измѣненію, невозможно вѣчное существованіе, то единицы погибаютъ; но не погибаетъ „видъ“, который сохраняется чрезъ рожденіе существа подобнаго.

Хотя ни Сократъ, ни Платонъ не говорили о душѣ питающей въ смыслѣ Аристотеля, тѣмъ не менѣе мысль о душѣ рождающей, какъ о чемъ-то „божественномъ въ природѣ“, Аристотель непосредственно заимствовалъ у Платона. Въ діалогѣ „Симпосіонъ“ Платонъ въ томъ же духѣ, но гораздо сильнѣе развиваетъ мысль о стремленіи всѣхъ существъ въ природѣ къ поддержанію своего вида. Стремленіе въ насъ и животныхъ къ произведенію себѣ подобнаго существа Платонъ называетъ дѣйствіемъ „божественнымъ“⁶⁾). Это — дѣй-

¹⁾ De anim. 2, 4, 8.

²⁾ De anim. 2, 4, 7.

³⁾ De anim. 2, 4, 2. Το ποιῆσαι ἕτερον, οἷον αὐτό, ζῶον μὲν ζῶον, φυτόν δὲ φυτόν

⁴⁾ De anim. 2, 4, 13. Σώζει γὰρ τὴν οὐσίαν.

⁵⁾ De anim. 2, 4, 2. Καὶ τοῦ θεοῦ μετέχουσιν ἢ δύνανται. Πάντα γὰρ ἐκείνῃ ὀρέγεται, καὶ ἐκείνῃ ἐνεκα πράττει ὅσα πράττει κατὰ φύσιν. Ἐπεὶ οὖν κοινωοῦν ἀδυνατοῖ τοῦ ἀεὶ καὶ τοῦ θεοῦ τῇ συνεχείᾳ, διὰ τὸ μηδὲν ἐνδέχεσθαι τῶν φθαρτῶν ταῦτο καὶ ἐν ἀριθμῷ διαμένειν, ἢ δυνατοῖ μετέχειν ἑκαστον, κοινωοῖ ταύτῃ τὸ μὲν μᾶλλον τὸ δ' ἧττον. Καὶ διαμένει οὐκ αὐτό, ἀλλ' οἷον αὐτό, ἀριθμῷ μὲν οὐχ' ἓν, εἶδει δ' ἓν.

⁶⁾ Συμπος. 206, C. Κοῦοσι γὰρ πάντες ἄνθρωποι καὶ κατὰ τὸ σῶμα καὶ κατὰ τὴν ψυχὴν, καὶ ἐκείδον ἐκ τινὲ ἡλικία γέρονται, τίττειν ἐπιθυμοῖ ἡμῶν ἢ φύσις.... Ἔστι

ствіе „эроса“ въ природѣ, нудящаго всѣ существа стремиться къ бессмертію и сохраненію своего бытія. „Не примѣчаемъ ли, говоритъ здѣсь Сократу Діотима, въ какомъ тяжеломъ состояніи находятся всѣ животныя, обитающія на землѣ, и птицы, летающія по воздуху, когда желаютъ роджать, и отъ стремленія любви приходятъ въ неистовство? И, во первыхъ, какимъ пламенемъ неистой страсти пылаютъ они, стремясь къ взаимному совоусленію для чадородія? Затѣмъ, не съ величайшимъ ли стараніемъ заботятся они о питаніи рожденныхъ? Дѣйствительно, самыя слабыя животныя борются съ самыми сильными, готовы умереть, сгнбнуть отъ голода и все другое предпринять, только бы сохранить своихъ дѣтей и добыть имъ кормъ“ ¹⁾.

Переходимъ къ теоріи питанія, представленной Аристотелемъ. „Необходимо, говоритъ Аристотель, сначала сказать о пищѣ“ ²⁾. Почему необходимо это, намъ уже извѣстно. Аристотель рѣшаетъ въ этомъ случаѣ вопросъ: „противное питаетъ противное или подобное—подобное?“ Та и другая изъ этихъ теорій высказана мыслителями до Аристотеля. По мнѣнію Аристотеля, та и другая изъ упомянутыхъ теорій отчасти справедлива и отчасти ошибочна. Истинная теорія совмѣщаетъ въ себѣ обѣ упомянутыя теоріи. Дѣйствительно, въ питаніи противное дѣйствуетъ на противное, пока пища остается не переваренной. Но коль скоро пища переварится, она дѣлается подобною тому, чѣмъ воспринимается и что питаетъ ³⁾. Необходимо, чтобы пища сдѣлалась подобною тому, что она питаетъ. Только въ этомъ случаѣ питающееся существо можетъ сохранять свое существованіе. Въ питаніи нужно различать, во первыхъ, то, что питается (τὸ τρεφόμενον), вовторыхъ—то, чѣмъ питается (ᾧ τρέφεται), и втретьихъ—то, что питаетъ (τὸ τρέφον) ⁴⁾. То, что питается, есть тѣло; то, чѣмъ питается, — пища; то, что питаетъ, — душа ⁵⁾. Кроме того, не нужно

δε τοῦτο θεῖον τὸ πρᾶγμα καὶ τοῦτο ἐν θνητῷ ὄντι τῷ ζῳ ἀθάνατον ἐναετιν ἢ κληρικ καὶ ἡ γέννησις.

¹⁾ Sympos. 207, A. B.

²⁾ De anim. 2, 4, 9.

³⁾ De anim. 2, 4, 10. Φασὶ γὰρ οἱ μὲν τὸ ὁμοιον τῷ ὁμοίῳ τρέφεσθαι, καθάπερ καὶ αὐξάνεσθαι, τοῖς δ' ὥσπερ εἶπομεν τοῦμπαλιν δοκεῖ, τὸ ἐναντίον τῷ ἐναντίῳ. Ibid. 2, 4, 11. Τίνα τρόπον ἀμφότεροι καὶ ὀρθῶς καὶ οὐκ ὀρθῶς. Ibid. Ἡ μὲν γὰρ ἀπεπτος τὸ ἐναντίον τῷ ἐναντίῳ τρέφεται, ἡ δὲ πεπεμμένη, τὸ ὁμοιον τῷ ὁμοίῳ.

⁴⁾ De anim. 2, 4, 14. Ἐπει δ' ἐστὶ τρία, τὸ τρεφόμενον καὶ ᾧ τρέφεται καὶ τὸ τρεφον.

⁵⁾ De anim. 2, 4, 14. Τὸ μὲν τρέφον ἐστὶν ἡ πρώτη ψυχὴ, τὸ δὲ τρεφόμενον δ' ἔχον αὐτὴν σῶμα, τῷ δὲ τρέφεται, ἡ τροφή.

опускать изъ вниманія „посредствующаго“. Для того, чтобы пища была переварена, нужно дѣйствіе огня. Огонь-то и есть необходимое посредствующее въ питаніи ¹⁾).

Замѣчательна въ древнемъ мірѣ попытка Аристотеля доказать необходимость дѣйствія души тамъ, гдѣ, казалось, сущность дѣла объяснялась весьма просто. Хорошо, въ этомъ случаѣ, говорить Сократъ у Платона въ „Федонѣ“. „Прежде я кое-что ясно-таки зналъ, какъ и мнѣ самому казалось и другимъ; а послѣ чрезъ свои изслѣдованія я дошелъ до такой слѣпоты, что даже разучился знать вещи, дотолѣ мнѣ извѣстныя. Не говоря о множествѣ ихъ, укажу только на одну: отъ чего человѣкъ растетъ? Предъ тѣмъ временемъ я считалъ очевиднымъ для всякаго, что это бываетъ отъ пищи и питья. Когда, то-есть, чрезъ пищу плоть прибавляется къ плоти, кости къ костямъ и такимъ же образомъ все прочее, что съ чѣмъ сродно, тогда небольшая тяжесть становится уже большей, и слѣдовательно, изъ малорослаго человѣка дѣлается великорослый... Теперь, клянусь Зевсомъ, я далекъ отъ мысли, что причины этихъ вещей мнѣ извѣстны“ ²⁾). Такъ вещи, которыя кажутся большинству весьма наглядными и понятными, мыслителю, который прикасается къ этимъ вещамъ своимъ мысленнымъ анализомъ, онѣ перестаютъ казаться простыми и понятными. И питаніе, чрезъ которое увеличивается въ объемѣ существо питающееся, Платонъ не считалъ такимъ яснымъ и простымъ, какъ это кажется большинству. Аристотель рѣшается говорить и доказывать, что не иначе, какъ душа питаетъ тѣло пищею, перевариваемою огнемъ. Важно то, что Аристотель доходитъ до этого убѣжденія не иначе, какъ при помощи возможнаго въ его время методическаго анализа. Онъ обращаетъ вниманіе на движеніе пищи въ размѣщеніи ея въ тѣлѣ; сравниваетъ его съ движеніемъ извѣстныхъ элементовъ въ природѣ и находитъ, какъ мы видѣли, что существуетъ различіе между движеніемъ пищи въ тѣлѣ и движеніемъ міровыхъ элементовъ и проч. Какъ ни слабы могутъ показаться въ настоящее время знанія Аристотеля въ наукахъ естественныхъ, тѣмъ не менѣе самый приѣмъ изслѣдованія, по которому Аристотель приписываетъ питаніе душѣ, достоинъ вниманія.

¹⁾ De anim. 2, 4, 16. Πῶσαν δ' ἀναγκαῖον τροφήν δύνασθαι πέπεσθαι, ἐργάζεται δὲ τὴν πέψιν τὸ θερμὸν. Ibid. 2, 4, 8. Τὸ δὲ συναίτιον μὲν πῶς ἐστίν, ἢ οὐ μὴν ἀπλῶς γέ αἴτιον.

²⁾ Phaed. 96, D., перев. Карпова.

О душѣ ощущающей (ή ψυχή αἰσθητική).

Предметъ, къ изложенію котораго мы переходимъ, очень рано въ греческой философіи сталъ обращать вниманіе мыслителей. Прежде Аристотеля онъ имѣлъ уже исторію толкованій и объясненій. Самъ Аристотель замѣчаетъ, что ощущение, какъ существенный признакъ души, обращало вниманіе прежнихъ мыслителей. Этихъ мыслителей занимали по преимуществу ощущенія, получаемыя нами чрезъ внѣшніе чувственные органы, и интересовали тою по преимуществу стороною, по которой мы чрезъ тѣлесные органы получаемъ познаніе о внѣшнемъ мірѣ и предметахъ, насъ окружающихъ. Явилось ученіе о недовѣрїи внѣшнимъ чувствамъ въ дѣлѣ истиннаго познанія, а это вызывало потребность разъяснить то, какъ внѣшнія чувства сообщаютъ намъ знанія о внѣшнихъ предметахъ.

Сократъ, въ интересахъ изученія нравственной стороны человѣка, обратилъ свое вниманіе на такія тѣлесныя ощущенія, какъ, на примѣръ, голодъ, жажда и проч. Платонъ рядомъ съ этими тѣлесными ощущеніями и ощущеніями, идущими чрезъ внѣшнія чувства, начинаетъ перечислять ощущенія прїятности, скорби, страха и проч., то-есть, то, чтò мы называемъ чувствованіями. „Имена ощущеній, говоритъ онъ въ „Теэтетѣ“, слѣдующія: зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе, вкусъ, холодъ, жаръ и, кромѣ того, прїятности, скорби, желаніе, страхъ, не упоминая о другихъ ¹⁾. Въ „Филебѣ“ Платонъ представилъ дѣленіе ощущеній или чувствованій. Одни изъ нихъ душа испытываетъ въ соединеніи съ тѣломъ, другія принадлежатъ одной душѣ.

Аристотель въ отдѣлѣ о душѣ ощущающей ограничивается, подобно мыслителямъ до Сократа, разсмотрѣніемъ ощущеній, получаемыхъ нами чрезъ внѣшніе тѣлесные органы.

Не такъ легко, казалось, объяснить происхожденіе ощущеній, какъ происхожденіе въ насъ питанія и возрастанія. Мыслители до Сократа представили нѣсколько теорій относительно того, какъ происходитъ въ насъ познаніе внѣшнихъ предметовъ чрезъ наши тѣлесные органы. Замѣчательна, въ этомъ случаѣ, теорія Демокрита. Она состоитъ въ томъ, что отъ внѣшнихъ предметовъ отдѣляются образы (εἰδωλα), которые, проходя чрезъ воздухъ, проникаютъ въ насъ чрезъ внѣшніе тѣлесные органы, какъ чрезъ каналы ²⁾. Платонъ въ „Теэтетѣ“

¹⁾ Теет. 156, В. Αἱ μὲν οὖν αἰσθησεις τὰ τοιαῦτα ἦμιν ἔχουσιν ὀνόματα, ὅφραί τε καὶ ἀκοαὶ καὶ ὀσφρήσεις καὶ φύσεις τε καὶ ἐπιθυμίαι καὶ φόβοι κεκλημέναί τε καὶ ἄλλαι....

²⁾ Plut. de Pl. Phil. IV. 8. Λεύκιππος καὶ Δημόκριτος τὴν αἰσθησὶν καὶ τὴν νόησιν.

передаетъ о другой теоріи происхожденія въ насъ ощущеній внѣшнихъ предметовъ. Эта теорія принадлежитъ мыслителямъ, которыхъ Платонъ называетъ „текущими“ (ρέοντες) и во главѣ которыхъ стоитъ Гераклитъ. По этой теоріи движется предметъ внѣшній съ одной стороны и чувственный органъ—съ другой; при столкновеніи того и другаго происходитъ ощущение; предметъ движущійся дѣлается ощущаемымъ, органъ дѣлается ощущающимъ, а самое соединеніе того и другаго есть ощущение ¹⁾. Аристотель указываетъ на третью теорію ощущенія внѣшнихъ предметовъ, представленную прежними мыслителями. Эта теорія объясняла происхожденіе въ насъ ощущеній дѣйствиємъ „подобнаго на подобное“ ²⁾. „Подобное въ насъ познаетъ подобное внѣ насъ“, говорится въ этой теоріи.

Хотя Аристотель къ послѣдователямъ теоріи, что „подобное познается подобнымъ“, причисляетъ и Платона, но относительно послѣдняго нужно замѣтить, что Аристотель неточно передаетъ его мысль и взглядъ, котораго онъ держался ³⁾. Въ лицѣ Платона данъ новый взглядъ на происхожденіе въ насъ ощущеній. Этотъ взглядъ ясно высказанъ въ „Тезетѣ“. Въ ощущеніяхъ нашихъ, по убѣжденію Платона, нѣчто принадлежитъ тѣлу и нѣчто самой душѣ. Не органы ощущаютъ непосредственно, но ощущаемъ мы чрезъ органы, какъ чрезъ орудія; иначе сказать, ощущение, какъ такое, лежащее въ основаніи нашихъ знаній о внѣшнихъ предметахъ, принадлежитъ нашей душѣ, а не тѣлеснымъ органамъ, насколько послѣдніе по своей природѣ принадлежатъ матеріи и дѣйствию законовъ физическихъ. Платонъ, какъ мы сказали, поставилъ для себя задачей—подмѣтить и разъяснить то, какъ душа постепенно освобождается отъ матеріи и дѣйствуетъ сама по своимъ законамъ. Послѣ тщательнаго анализа онъ находитъ, что въ самихъ ощущеніяхъ, которыя совершаются въ тѣлесныхъ органахъ, душа начинаетъ проявлять уже свою дѣятельность самостоятельно. „Въ ощущеніяхъ, говоритъ онъ, душа познаетъ общее и отличное, подобное и неподобное“ и проч. Это обобщеніе и различеніе ощущеній начинается такъ рано въ личности, что мы не

αιν γίνεσθαι εἰδῶλων ἕξωθεν προσιόντων. Arist. de Divin. per somn. 2, Sext. Empir. adv. Math. IX, 19. Ritter. et Preller. Histor. Phil. Graec.-Rom. 50 стр.

¹⁾ Teaet. 156, D. E.

²⁾ De anim. 2, 5, 1. Φασὶ δὲ τίνες καὶ τὸ ὁμοῖον ὑπὸ τοῦ ὁμοῖς πάσχειν. Ibid. 1, 5, 6 и слѣд.

³⁾ De anim. 1, 2, 7. Καὶ Πλάτων ἐν τῇ Τίμαιῳ τὴν ψυχὴν ἐκ τῶν στοιχείων ποιεῖ. γίνεσθαι γὰρ τὸ ὁμοῖον τὸ ὁμοῖον, τὰ δὲ πράγματα ἐκ τῶν ἀρχῶν εἶναι.

можемъ указать предѣла, съ котораго начинается въ насъ эта дѣятельность. Это обобщеніе и различеніе ощущеній не можетъ быть отнесено къ тѣлеснымъ органамъ, потому что каждое изъ высшихъ чувствъ въ отдѣльности строго заключено въ тѣсномъ своемъ кругѣ и не можетъ познавать того, что совершается въ другомъ чувствѣ. Обобщеніе и различеніе принадлежатъ дѣятельности нашей души, одинаково дѣйствующей во всѣхъ чувственныхъ органахъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, Платонъ въ первый разъ показалъ, что ощущенія представляютъ сложный актъ, въ которомъ дѣйствуетъ душа въ совокупности съ тѣломъ или тѣлесными органами. Аристотель оцѣнилъ эту мысль Платона и принялъ, какъ истинную, хотя и не указалъ, что она высказана Платономъ. Мысль Платона Аристотель повторяетъ въ концѣ разсужденія объ ощущеніяхъ, гдѣ говорится о чувствѣ „критическомъ“ (*αἰσθητικὴ κριτικὴ*) ²⁾. Это чувство, какъ объясняетъ его Аристотель, судить (*κρίνει*) объ ощущеніяхъ различныхъ и общихъ. Существованіе и дѣйствіе въ человѣкѣ этого чувства показываетъ, по словамъ Аристотеля, что „тѣло наше не есть послѣдній органъ ощущеній ³⁾. Чувственный органъ требуетъ извѣстнаго дѣйствія на насъ предмета для того, чтобы послѣдовало ощущеніе; требуетъ присутствія предмета въ данную минуту. Чувство критическое, которое принадлежитъ нашей душѣ, не требуетъ часто присутствія и дѣйствія на насъ предмета. Достаточно бываетъ дѣйствія одного предмета, чтобы судить о другомъ или о другихъ. Объ этомъ было уже сказано. Съ другой стороны, мы судимъ о бѣломъ, напримѣръ, и приятномъ (на вкусъ) и познаемъ ихъ различіе ⁴⁾. То и другое принадлежитъ ощущенію различныхъ отдѣльныхъ тѣлесныхъ органовъ. „Но чувства отдѣльныя не могутъ судить, говоритъ Аристотель, что приятное есть другое, чѣмъ бѣлое“. Платонъ спрашиваетъ въ этомъ случаѣ Теэтета: „Не признаешь ли ты невозможнымъ, чтобы то, что ты ощущаешь посредствомъ одной способности (то-есть, одного тѣлеснаго органа), было ощущаемо посредствомъ другой, напримѣръ, чтобы ощущаемое по-

¹⁾ Теет. 184, E. и слѣд.

²⁾ De anim. 3, 3, 1. Κρίνει τι ἡ ψυχὴ. Ibid. 3, 2, 3. Οὐχ' ἐν τῷ τῆ ὄψει αἰσθητῶν καὶ γὰρ ὅταν μὴ ὁρώμεν, τῆ ὄψει κρίνομεν καὶ τὸ σκοτὸς καὶ τὸ φῶς. Ibid. 3, 2, 10. Κρίνει τὰς τοῦ ὑποκειμένου αἰσθητοῦ διαφορὰς· οἷον λευκὸν μὲν καὶ μέλαν ὄψις et cast.

³⁾ De anim. 3, 2, 11. Δῆλον, ὅτι ἡ σὰρξ οὐκ ἐστὶ τὸ ἐσχάτον αἰσθητήριον.

⁴⁾ De anim. 3, 2, 11. Ἀνάγκη γὰρ ἦν ἀπτόμενον αὐτοῦ κρίνειν τὸ κρίνον. Ὅυτε δὲ χωρισμένοις ἐνδέχεται κρίνειν, ὅτι ἕτερον τὸ γλυκὺ τοῦ λευκοῦ, ἀλλὰ δεῖ ἐνὶ τίνι ἄμφω δῆλα εἶναι.

средствомъ слуха было ощущаемо посредствомъ зрѣнія, или ощущаемое посредствомъ зрѣнія было ощущаемо посредствомъ слуха?—Какъ же можно не признать. Итакъ, когда мы мыслимъ что-нибудь о двухъ такихъ ощущеніяхъ, то, конечно, ты будешь познавать въ нихъ нѣчто не посредствомъ иного, отличнаго отъ двухъ первыхъ, тѣлеснаго органа, также и не посредствомъ одного изъ этихъ двухъ органовъ!—Справедливо“¹⁾).

Замѣчаютъ, что Аристотель въ указанномъ сейчасъ пунктѣ разногласитъ съ Платономъ. Платонъ познаніе „общаго“ и „отличнаго“ въ ощущеніяхъ относитъ къ самой душѣ, Аристотель — къ тому же чувству²⁾, называя это чувство общимъ и имѣющимъ способность судить. Послѣ указанныхъ нами мѣстъ того и другаго мыслителя, изъ которыхъ видно, что оба говорятъ одно и то же и почти одними словами, намъ страннымъ кажется упомянутое замѣчаніе о разногласіи Аристотеля съ Платономъ. Аристотель встаети объяснилъ, почему онъ познаніе общаго и различнаго въ ощущеніяхъ относитъ къ тому же чувству. Познаніе это, по его словамъ, относится къ „предметамъ чувственнымъ“³⁾. Есть предметы „чувственные“ (αἰσθητὰ) и предметы „умственные“ (νοητὰ), по ученію Аристотеля, равно какъ и по ученію Платона. Въ этомъ случаѣ, по ученію Платона, и „миѣніе“ (δόξα) имѣетъ дѣло съ чувственными предметами⁴⁾, не говоря уже объ ощущеніяхъ.

Нужно отдать полную справедливость Аристотелю въ томъ, что отдѣлъ объ ощущеніяхъ представляетъ у него замѣчательную въ его время разработку. Аристотель раздѣляетъ ощущенія на три разряда: а) ощущенія „собственныя“ для каждаго изъ вышнихъ чувствъ въ отдѣльности⁵⁾; б) ощущенія какъ-бы „случайныя“, то-есть, они получаются въ извѣстномъ случаѣ и отъ извѣстнаго предмета, но могутъ и не быть получены въ томъ же случаѣ и отъ того же предмета (напримѣръ, мы видимъ сына Диары бѣлымъ, ощущеніе бѣлаго

¹⁾ Теет. 184, D.

²⁾ De anim. 3, 2, 10. Ἐπει δὲ καὶ τὸ λευκὸν καὶ τὸ γλυκὸν καὶ ἕκαστον τῶν αἰσθητῶν πρὸς ἕκαστον κρίνομεν, τίμη καὶ αἰσθανόμεθα ὅτι διαφέρει: ἀνάγκη δὲ αἰσθῆσαι.

³⁾ De anim. 3, 2, 10. Αἰσθητὰ γὰρ ἔστιν.

⁴⁾ Tim. 28, B. (Πάντα δὲ τὰ τοιαῦτα αἰσθητὰ) τὰ δὲ αἰσθητὰ, δόξα περιλήπτα μετα αἰσθήσεως.

⁵⁾ De anim. 2, 6, 2. Δέγω δ' ἴδιον μὲν ὁ μὴ ἐνδέχεται ἕτερα αἰσθῆσαι αἰσθάνεσθαι, αἶον ὄψις χρώματος, ἀκοή ψόφου καὶ γεῦσις χύμου.

и есть случайное ощущение) ¹⁾; наконецъ, с) ощущенія „общія“, которыя не принадлежатъ исключительно ни одному изъ вышнихъ чувствъ, напримѣръ, покой, движеніе и проч. ²⁾.

Мы уже видѣли, что ощущеніе складается изъ природы тѣлесной и душевной, что оно происходитъ чрезъ посредство тѣлесныхъ органовъ при участіи самостоятельной дѣятельности души. Но прежде, чѣмъ ощущеніе вызоветъ участіе душевной дѣятельности, въ чувственномъ органѣ происходитъ сложный процессъ матеріальный. Для того, чтобъ ощущеніе совершилось, нуженъ вышній предметъ и его дѣйствіе на чувственный органъ. По принятому Аристотелемъ методу къ этому - то предмету, вызывающему ощущеніе, и нужно сначала обратиться при изслѣдованіи и опредѣлить его ³⁾.

Здѣсь Аристотель занимается рѣшеніемъ того же вопроса, который онъ рѣшалъ и въ теоріи питанія, именно: „подобное дѣйствуетъ на подобное“ или, наоборотъ, „противное дѣйствуетъ на противное“ ⁴⁾. Рѣшеніе этого вопроса одинаково и здѣсь, какъ и въ теоріи питанія; но здѣсь теорія Аристотеля развита полнѣе и обстоятельнѣе.

Платонъ ощущеніе называетъ „перемѣною“ (*αλλοίωσις*) въ ощущающемъ органѣ. Наглядное доказательство этому Платонъ указалъ въ такихъ ощущеніяхъ тѣлесныхъ, каковы голодь, жажда, боль и проч. Эти ощущенія предшествующіе мыслители упустили изъ виду, когда говорили объ ощущеніяхъ. Разсужденіе объ ощущеніяхъ находится въ „Тэтетъ“, „Филебъ“ и другихъ діалогахъ. Платонъ развиваетъ свою теорію тѣлесныхъ ощущеній такимъ образомъ. Движеніе, говоритъ онъ въ діалогѣ „Тэтетъ“, бываетъ двухъ родовъ: въ одномъ предметъ движущійся проходитъ извѣстное пространство, въ другомъ онъ можетъ не перемѣнять своего мѣста. Въ послѣднемъ случаѣ движеніе обнаруживается только перемѣною, происходящею въ предметѣ. Движеніе такого рода происходитъ, между прочимъ, въ тѣлѣ человѣка. Тѣло человѣка, какъ и всякаго животнаго, состоитъ, по убѣжденію Платона, изъ элементовъ природы, которые такъ расположены въ тѣлѣ, что оно представляетъ въ себѣ гармоническое

¹⁾ De anim. 2, 6, 4. Κατὰ συμβεβηκὸς δὲ λέγεται αἰσθητὸν, οἷον εἰ τὸ λευκὸν εἶναι διὰ τὸν οὖν.

²⁾ De anim. 2, 6, 3. Κοινὰ (αἰσθητὰ) δὲ κίνησις, ἡρεμία, ἐπιθυμία, σχῆμα, μέγεθος τὰ γὰρ τοιαῦτα οὐδεμίᾳ ἐστὶν ἴδια, ἀλλὰ κοινὰ πάσαις.

³⁾ De anim. 2, 6, 1. Λεχτέον δὲ καθ' ἑκάστην αἴσθησιν περὶ τῶν αἰσθητῶν πρῶτον.

⁴⁾ De anim. 2, 5, 3. Διὸ ἐστὶ μὲν ὡς ὑπὸ τοῦ ὁμοίου πάσχει, ἐστὶ δὲ ὡς ὑπὸ τοῦ ἀνομοίου.

устройство какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Это гармоническое тѣло способно къ постоянному измѣненію чрезъ движеніе. Перемѣны въ тѣлѣ, особенно тѣ, которыя ощутительно нарушаютъ гармоническое устройство тѣла, дѣлаются причиной явленія въ насъ ощущеній различнаго рода. Голодъ, жажда и подобныя ощущенія суть наглядныя доказательства тому, что перемѣны въ тѣлѣ имѣютъ своимъ послѣдствіемъ явленіе въ насъ извѣстныхъ ощущеній. Въ противоположность указаннымъ сейчасъ перемѣнамъ въ тѣлѣ, другія перемѣны, восполняющія происшедшій въ тѣлѣ недостатокъ, ведутъ за собой другія ощущенія, противоположныя первымъ: является чувство довольства послѣ томительнаго, на примѣръ, чувства голода, когда чрезъ принатіе пищи восполняется недостатокъ въ тѣлѣ. На такую тѣсную зависимость явленія въ насъ ощущеній отъ перемѣны въ тѣлѣ или въ какой-либо его части указываетъ, между прочимъ, Сократъ своимъ ученикамъ въ темницѣ, когда съ ноги его сняты были оковы. „Я, говоритъ онъ, прежде чувствовалъ отъ оковъ въ своей ногѣ боль, а теперь за болью слѣдуетъ, кажется, что-то пріятное“¹⁾. Законъ одинаковъ и для происхожденія ощущеній въ чувственныхъ органахъ: ощущеніе есть слѣдствіе перемѣны въ органѣ, происшедшей отъ дѣйствія на него внѣшняго предмета. Свою теорію относительно происхожденія ощущеній собственно внѣшнихъ Платонъ развиваетъ въ „Феатетѣ“. Выводъ сдѣланъ такой, что тѣлесный органъ, чрезъ который мы ощущаемъ, прежде всего становится въ страдательное положеніе и чрезъ дѣйствіе на него внѣшняго предмета испытываетъ перемѣну.

Мысль, высказанную и нагляднымъ образомъ доказанную Платономъ, что ощущеніе происходитъ отъ „перемѣны“ въ ощущающемъ субъектѣ или органѣ, принялъ и Аристотель²⁾. Поэтому поставленный выше вопросъ: „отъ подобнаго ли подобное испытываетъ дѣйствіе въ ощущеніи, или отъ неподобнаго“, разрѣшается самъ собой. Если ощущающій органъ въ актѣ ощущенія испытываетъ перемѣну и нѣкотораго рода разрушеніе, то понятно, что то, что страдаетъ, не есть подобное тому, что дѣйствуетъ³⁾.

¹⁾ Phaed. 60. С. Ἐπειδὴ ὑπὸ τοῦ δεσμοῦ ἦν τῷ σκέλει πρότερον τὸ ἀλγεῖνόν, ἤκειν δὴ φαίνεται ἐπακολουθεῖν τὸ ἡδύ.

²⁾ De anim. 2, 5, 1. Ἡ δ' αἰσθησις ἐν τῷ κινεῖσθαι καὶ πάσχειν συμβαίνει. δοκεῖ γὰρ ἀλλοίωσις τις εἶναι.

³⁾ De anim. 2, 5, 3. Πάσχει μὲν γὰρ τὸ ἀνόμοιον. Ibid. 2, 5, 7. Πάσχει μὲν οὖν οὐχ' ὁμοιον.

Но страдательное положеніе субъекта или чувствующаго органа имѣеть, по убѣжденію Аристотеля, значеніе въ актѣ ощущенія только до извѣстнаго момента. Указанный выше актъ въ ощущеніи есть „актъ неполный“ ¹⁾, говоритъ Аристотель. Уже Платонъ говорилъ „о силахъ“, которыя имѣеть наша природа и которыя составляютъ нашу мощь и способность быть дѣятельными среди страданія. „Мы, говоритъ онъ въ V-й книгѣ „Политики“, скажемъ, что силы суть нѣкоторый родъ вещей существующихъ, что ни-то и мы можемъ, чтò можемъ, и все другое, чтò ни могло бы; такъ, напримѣръ, зрѣніе и слухъ принадлежатъ, говорю, къ числу силъ, если только ты понимаешь, чтò хочу я сказать этимъ родомъ.... Въ силѣ не вижу я, продолжаетъ Платонъ, ни цвѣта, ни образа, ничего такого, чтò вижу во многомъ другомъ, и на чтò смотря, во мнѣ самомъ опредѣляю, что это иное, а то опять иное. Въ силѣ я смотрю только на то, къ чему она направляется и чтò дѣлаеть, и по этому даю имя, такъ что къ тому же направляющуюся и то же производящую называю тою же, а направленную къ иному и дѣлающую иное“ — иною ²⁾. Аристотель разсуждаетъ о тѣхъ же силахъ нашей природы при помощи усвоенной имъ терминологіи. Онъ говоритъ о сущности „въ возможности“ и сущности „въ реальности“, или „дѣйстви“ ³⁾. „Въ ощущеніи, говоритъ онъ, нужно различать два смысла и познавать, съ одной стороны, ощущеніе въ дѣйстви и съ другой — ощущеніе въ возможности“. Такъ говоритъ онъ о каждомъ внѣшнемъ чувствѣ въ отдѣльности. Аристотель силамъ ощущеній, какъ и силѣ питанія, присвоеть стремленіе „сохранять то, чтò есть „въ возможности“ ⁴⁾. Это, по объясненію Аристотеля, достигается такимъ образомъ, что ощущеніе „уподобляется“ (ὁμοιωται) ⁵⁾

¹⁾ De anim. 2, 5, 3. Καὶ γὰρ ἐστὶν ἡ κίνησις ἐνέργεια τις, ἀτελής μέντοι.

²⁾ De Rep. Lib. V, 477, C. D. Φήσομεν δυνάμεις εἶναι γένος τι τῶν ὄντων, αἷς δὴ καὶ ἡμεῖς δυνάμεθα ἢ δυνάμεθα, καὶ ἄλλο πᾶν ὃ τι περ ἂν δύνηται οἷον λέγω ὄψιν καὶ ἀκοήν τῶν δυνάμεων εἶναι, εἰ ἄρα μανθάνεις ὃ βήλομαι λέγειν τὸ εἶδος.... Δυνάμεις γὰρ ἐγὼ οὔτε τίνα χροάν ὄρω οὔτε σχῆμα οὔτε τι τῶν τοιούτων οἷον καὶ ἄλλων πολλῶν πρὸς ἃ ἀποβλέπων ἓνα διορίζομαι παρ' ἐμαυτῶ τὰ μὲν ἄλλα εἶναι, τὰ δὲ ἄλλα. Δυνάμεις δ' εἰς ἐκείνο μονον βλέπω, ἐφ' ᾧ τε ἔστι καὶ ὃ ἀπεργάζεται, καὶ ταύτη ἐκάστην αὐτῶν δύναμιν ἐκάλεσα, καὶ τὴν μὲν ἐπὶ τῷ αὐτῷ τεταγμένην καὶ τὸ αὐτὸ ἀπεργαζομένην τὴν αὐτὴν καλῶ, τὴν δὲ ἐπὶ ἑτέρῳ καὶ ἑτερον ἀπεργαζομένην ἄλλην.

³⁾ De anim. 2, 5, 2. Διχῶς ἂν λέγοιτο καὶ ἡ αἰσθησις ἢ μὲν ὡς δυνάμει, ἢ δε ὡς ἐνέργειᾳ.

⁴⁾ De anim. 2, 5, 5. Τὸ δὲ σωτήρια μᾶλλον τοῦ δυνάμει ὄντος.

⁵⁾ De anim. 2, 5, 3. Πεπονηθὸς δ' ὁμοίον ἐστίν. Ibid. 2, 5, 7. Πεπονηθὸς δ' ὁμοίωται καὶ ἐστὶν οἷον ἐκεῖνο.

тому, что ощущается. Ощущающее до тѣхъ поръ остается неподобнымъ, пока остается въ страдательномъ положеніи; въ полномъ же актѣ ощущенія органъ ощущающій и предметъ ощущаемый отождествляются въ существѣ чувствующемъ. Аристотель не хочетъ этимъ выраженіемъ уничтожить самостоятельное существованіе того или другаго. „Бытіе ихъ, говоритъ онъ, различно“ ¹⁾. Отождествленіе происходитъ въ пользу предмета: чувство или органъ ощущающій уподобляется предмету ощущаемому. Но въ то же время отождествленіе совершается въ существѣ ощущающемъ и самостоятельное существованіе предмета остается неизмѣннымъ и независимымъ. Аристотель выводитъ отсюда, что чувство воспринимаетъ „формы предметовъ безъ матеріи“ ²⁾. Тутъ играетъ важную роль у Аристотеля „посредствующее“ въ ощущеніи.

Мы уже видѣли, что Аристотель призналъ необходимость посредствующаго въ питаніи. Уже у Платона мы встрѣчаемъ указаніе на посредствующее въ ощущеніи зрѣнія: это — свѣтъ солнца, освѣщающаго всѣ предметы. Но Платонъ не допускалъ посредствующаго ни въ какомъ другомъ внѣшнемъ чувствѣ ³⁾. Аристотель, напротивъ, доказываетъ, что для воспріятія чрезъ каждое изъ внѣшнихъ чувствъ предметовъ, внѣ насъ существующихъ, необходимо посредствующее. Оно и дѣйствительно существуетъ. Этимъ посредствующимъ служатъ воздухъ и вода для зрѣнія, слуха, обонянія. Одно осязаніе, повидимому, ощущаетъ безъ посредства; но это только повидимому. Посредствующее въ чувствѣ осязанія составляетъ наше тѣло ⁴⁾. Только при посредствующемъ возможно, по убѣжденію Аристотеля, ощущеніе. Ощущеніе съ физической стороны возможно тамъ, гдѣ возможно воспріятіе формы предмета безъ матеріи. Въ этомъ же послѣднемъ случаѣ дѣйствіе предмета на ощущающій органъ должно совершаться чрезъ посредствующее. Аристотель говоритъ, что растенія не имѣютъ ощущенія, между прочимъ, потому, что они испытываютъ дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ, непосредственно проникаясь матеріей дѣйствующаго на нихъ ⁵⁾; напримѣръ, холодъ всецѣло проникаетъ въ растеніе,

¹⁾ De anim. 3, 2, 4. Ἡ δὲ τοῦ αἰσθητοῦ ἐνέργεια καὶ τῆς αἰσθήσεως ἢ αὐτῆ μὲν ἔστι καὶ μία, τὸ δ' εἶναι οὐ ταῦτόν αὐταῖς.

²⁾ De anim. 2, 11, 1. Καθόλου δὲ περὶ πάσης αἰσθήσεως δεῖ λαβεῖν, ὅτι ἡ μὲν αἰσθησίς ἐστι τὸ δεκτικόν τῶν αἰσθητῶν εἰδῶν ἄνω τῆς ὕλης.

³⁾ De Rep. Lib. 6, 507, C. D. E. 508, A.

⁴⁾ De anim. 2, 11, 9. Τὸ μεταξὺ τοῦ ὀπτικοῦ ἢ σάρφ.

⁵⁾ De anim. 2, 12, 4. Πάσχειν μετὰ τῆς ὕλης.

и овладѣвая имъ, дѣлаетъ его холоднымъ по своему свойству; такимъ же образомъ дѣйствуетъ на растеніе и огонь. Въ ощущеніи для того, чтобы послѣднее совершилось, должно существовать извѣстное отношеніе (*λογος*) между ощущающимъ органомъ и предметомъ ощущаемымъ. Чрезмѣрное дѣйствіе внѣшняго предмета на органъ не можетъ быть воспринято въ ощущеніи; напротивъ, оно, по вѣрному замѣчанію Аристотеля, которое высказано и Платономъ, разрушаетъ органъ ¹⁾; на примѣръ, чрезмѣрное дѣйствіе свѣта на глазъ разрушительно дѣйствуетъ на послѣдній; равно какъ чрезмѣрный звукъ разрушаетъ органъ слуха.

Аристотель разсматриваетъ въ своемъ трактатѣ каждое изъ внѣшнихъ чувствъ отдѣльно. Здѣсь онъ имѣняетъ въ изложеніи своему приему — начинать разсмотрѣніе предмета съ низшаго, общаго вида, а говоритъ сначала о чувствѣ зрѣнія, — о чувствѣ высшемъ въ ряду другихъ чувствъ ²⁾. Причина этому, кажется, та, что Аристотелю нужно было указать необходимость существованія посредствующаго въ дѣйствіи каждаго изъ внѣшнихъ чувствъ, а это посредствующее всего нагляднѣе обозначается въ дѣйствіи чувствъ высшихъ — зрѣнія и слуха и всего менѣе замѣтно въ дѣйствіи чувствъ низшихъ — вкуса и осязанія. Самыми необходимыми для живаго существа чувствами Аристотель признаетъ чувства низшія ³⁾, такъ какъ они стоятъ въ связи съ питаніемъ и сохраненіемъ жизни живыхъ существъ ⁴⁾. Поэтому, чувство, на примѣръ, осязанія есть необходимая принадлежность каждаго существа, имѣющаго способность ощущенія. Другія чувства, особенно высшія, встрѣчаются не у всѣхъ живыхъ существъ и Аристотель называетъ ихъ только полезными для существа живаго ⁵⁾.

Мы не будемъ входить въ изложеніе ученія Аристотеля о каждомъ чувствѣ отдѣльно. Правда, въ ученіи о дѣйствіи нашихъ внѣшнихъ чувствъ, разсматриваемыхъ отдѣльно, Аристотель обнаруживаетъ довольно остроумія и наблюдательности; но физическія и физиологическія объясненія дѣйствія чувствъ, представленныя Аристотелемъ, въ настоящее время не заслуживаютъ вниманія и не возбуждаютъ научнаго интереса. Это и выражаетъ Германъ Бэкъ въ концѣ своей диссертациі „о дѣйствіи чувствъ“ по ученію Аристотеля.

¹⁾ De anim. 2, 12, 3. Τῶν αἰσθητῶν ὑπερβολαὶ φθειροῦσι τὰ αἰσθητήρια.

²⁾ De anim. 3, 3, 14. Ἡ ὄψις μάλιστα αἰσθησίς ἐστι.

³⁾ De anim. 3, 11, 7. Αὐταὶ (ἀφή καὶ γεῦσις) μὲν οὖν ἀναγκαῖαι τῷ ζῳῳ.

⁴⁾ De anim. 3, 11, 7. Καὶ φανερόν ὅτι οὐχ' οἶον τε ζῆου ἀφῆς εἶναι ζῳον.

⁵⁾ De anim. 3, 11, 8. Αἱ δ' ἄλλαι τοῦ τε εὖ ζῆσαι.

Относительно ощущеній общихъ и ощущеній, названныхъ Аристотелемъ случайными (κατὰ συμβασιβητός), было уже нѣчто высказано выше. Здѣсь намъ остается сдѣлать дополненіе въ сказанному.

Было высказано, что Платонъ указалъ въ самихъ ощущеніяхъ самостоятельную дѣятельность нашей души, дѣйствующей по своимъ законамъ, отличнымъ отъ дѣйствія законовъ вещества. Мы видѣли также, что мысль Платона принялъ въ этомъ случаѣ и Аристотель. Это дало Аристотелю возможность объяснить происхожденіе въ насъ такихъ ощущеній, каковы, напримѣръ, ощущенія движенія, покоя, фигуры, числа, величины и проч.

Относительно высшихъ пяти чувствъ замѣчено, что каждое изъ нихъ передаетъ тѣ ощущенія, которыя оно способно передавать, и не можетъ передавать въ ощущеніи того, что принадлежитъ воспріятію другаго чувства; напримѣръ, зрѣніе передаетъ только ощущеніе свѣта и того, что освѣщено, но не можетъ передать звука, который принадлежитъ передачѣ другаго чувства. Но передать какого чувства принадлежать тѣ ощущенія, которыя поименованы выше, именно: ощущенія движенія, покоя, фигуры, числа, величины и проч.? Есть ли это отдѣльный чувственный органъ сверхъ пяти высшихъ чувствъ, или упомянутыя ощущенія передаются тѣми же указанными высшими чувствами? Аристотель доказываетъ, что „нѣтъ иного чувства въ человѣкѣ, кромѣ пяти извѣстныхъ чувствъ: зрѣнія, слуха, обонанія, вкуса, осязанія“, и что общія ощущенія не передаются особеннымъ, для нихъ только существующимъ, чувственнымъ органомъ ¹⁾. Какъ мы получаемъ общія ощущенія, могутъ пояснить намъ слѣдующіе примѣры. Случается, напримѣръ, что мы зрѣніемъ ощущаемъ сладкое, или, смотря на желчь, представляемъ ее желтой и горькой. Послѣднее свойство мы воспринимаемъ чрезъ то же самое зрѣніе ²⁾ въ извѣстный данный моментъ, въ который мы не ощущаемъ непосредственно желчи органомъ вкуса. Для двухъ вещей мы имѣемъ случайно въ данныхъ примѣрахъ одно чувство, которымъ и вознаемъ ихъ, коль скоро онѣ совпадаютъ вмѣстѣ. Общія ощущенія происходятъ въ насъ такимъ же образомъ. Одна вещь всегда слѣдуетъ за другою и сопутствуетъ ей; поэтому онѣ обѣ и сливаются

¹⁾ De anim. 3, 1, 1. 'Οὐκ ἔστι αἰσθησις ἕτερα παρὰ τὰς πέντε (λέγω δὲ ταύτας ὄψιν, ἀκοήν, ὀσφρασίαν, γεῦσιν, ἀφήν). Ibid. 3, 1, 5. 'Αλλὰ μὴν οὐδὲ τῶν κοινῶν οἶον τ' εἶναι αἰσθητήριον τι ἰδίον. Ibid. 'Αδύνατον ἴδιαν αἰσθησιν εἶναι τοῦτων (κοινῶν) οἶον κινήσεως.

²⁾ De anim. 3, 1, 5. Τῇ ὄψει τὸ γλυκὸν αἰθανόμεθα.

въ одномъ ощущеніи (αμφω ἐν) ¹⁾. Но тотъ ошибется, кто приметъ ихъ за одно чувство; напримѣръ, тотъ ошибется, кто приметъ всякій желтый предметъ за желчь, обладающую горькимъ свойствомъ ²⁾. Равнымъ образомъ, ошибется и тотъ, кто приметъ за одну вещь цвѣтъ и величину, существующіе постоянно вмѣстѣ ³⁾. Аристотель понялъ, такимъ образомъ, сложное происхожденіе въ насъ общихъ ощущеній и указалъ средство узнавать сложное происхожденіе ихъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что для того и даны намъ многія чувства, а не одно для воспріятія общихъ ощущеній, чтобы мы имѣли меньше возможности ошибаться. Если бы мы однимъ, напримѣръ, зрѣніемъ воспринимали общее ощущеніе, то въ вышеприведенномъ примѣрѣ цвѣтъ (χρῶμα) и величину (μέγεθος) мы принимали бы за одно, такъ какъ они постоянно слѣдуютъ нераздѣльно одно съ другимъ. Наблюдая же общее ощущеніе въ различныхъ чувственныхъ предметахъ чрезъ различные чувственные органы, мы находимъ, что цвѣтъ и величина различны между собою. Въ другомъ мѣстѣ Аристотель указываетъ на то, что мы имѣемъ въ себѣ способность „судить“ (κρίναι) и различать то, что въ ощущеніяхъ кажется неразличнымъ ⁴⁾. Эта способность не принадлежитъ, какъ было сказано, тѣлу. Безъ этой способности и многіе чувственные органы не давали бы ощущеній и ихъ различенія. Аристотель говоритъ, что благодаря этой нетѣлесной способности, присутствующей каждому изъ внѣшнихъ чувствъ, въ каждомъ изъ нихъ совершается различеніе чувственныхъ предметовъ, напримѣръ зрѣніе отличаетъ бѣлое и черное, вкусъ — сладкое и горькое и проч. ⁵⁾.

Θ. Зеленогорскій.

¹⁾ De anim 3, 1, 6. Ἀμφὼν ἔχοντες συγγάμονα αἰσθησιν ἢ καὶ ὅταν συμπέσωσιν ἀναγνωρίζομεν.

²⁾ De anim. 3, 1, 7. Διὸ καὶ ἀπατάται καὶ ἐάν ἢ ξανθὸν χολῆν οἶσται εἶναι.

³⁾ De anim. 3, 1, 8. Ἐδόκει ταῦτο εἶναι πάντα διὰ τὸ ἀκολουθεῖν ἀλλήλοις ἅμα χρῶμα καὶ μέγεθος.

⁴⁾ De anim. 3, 1, 8. Κρίνει τὰς τοῦ ὑποκειμένου αἰσθητοῦ διαφορὰς.

⁵⁾ De anim. 3, 2, 10. Οἷον λευκὸν μὲν (κρίνει) καὶ μέλαν ὄψις, γλυκὸν δὲ καὶ πικρὸν γεῦσις.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ УЧЕНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ф И Л О С О Ф И Я.

Въ настоящемъ обзорѣни англійской философской литературы мы обращаемъ вниманіе читателей на нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ, касающихся логики, психологіи и эстетики. Вопросъ о происхожденіи и значеніи нравственныхъ принциповъ въ настоящее время съ особенною ревностію обсуждается въ англійской литературѣ. Различныя рѣшенія его, съ одной стороны, въ духѣ Гобса, Юма, съ другой — въ духѣ такъ-называемой шотландской философской школы, то-есть, Рида, Гамильтона, составляютъ не прихоть индивидуальныхъ умовъ, но есть органическій плодъ дѣятельнаго философскаго развитія въ національномъ духѣ. Эта полемика ведется съ такимъ талантомъ съ обѣихъ сторонъ, вопросъ изслѣдуется съ такою глубиною, что мы не считаемъ излишнимъ знакомить нашихъ читателей съ болѣе замѣчательными статьями, появляющимися по этому предмету въ большихъ англійскихъ журналахъ.

The Laws of Discursive Thought, being a Textbook of Formal Logic. By James M'Cosk. LL. D. (Macmillan et Co). (Законы дискурсивной мысли. Учебникъ логики, соч. Джамса М'Коша).

Новѣйшіе англійскіе учебники по логикѣ отличаются особеннымъ нерасположеніемъ къ формальной или дедуктивной логикѣ и стремленіемъ замѣнить его индуктивною логикою. Тѣмъ не менѣе и теперь еще существуетъ въ Англии весьма значительная школа, которая протестуетъ противъ этого нововведенія, и М'Кошъ—одинъ изъ видныхъ представителей ея. Его нельзя назвать сторонникомъ формальной логики въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее, напримѣръ, германскія школы; онъ старается идти по дорогѣ средней между формалистами и индуктивистами.

Особенность этой книги состоитъ въ весьма полномъ и многостороннемъ анализѣ понятій. Темныя и несообразныя съ дѣйствительностію понятія составляютъ главный источникъ нашихъ заблужденій. Потому-то онъ обращаетъ особенное на нихъ вниманіе: весьма подробно входитъ въ анализъ различныхъ процессовъ образованія ихъ и указываетъ вліяніе на нихъ языка. Ученіе о понятіи занимаетъ почти половину книги, и эта часть труда оригинальна. Разборъ процессовъ сужденія и умозаключенія не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, чего нельзя было бы найти и въ другихъ учебникахъ, но его объясненія вообще весьма ясны и общедоступны. Къ сожалѣнію, у автора замѣчается наклонность употреблять нѣсколько невразумительную и потому странную въ нѣкоторыхъ случаяхъ терминологию, въ другихъ мѣстахъ онъ слишкомъ многословенъ, такъ что походить болѣе на оратора, съ насадри убѣждающаго въ чемъ-либо своихъ слушателей, чѣмъ на ученаго, для котораго каждое слово дорого. Наконецъ, нельзя согласиться съ авторомъ, когда онъ, въ противорѣчіе новымъ изслѣдованіямъ, слишкомъ отдѣляетъ мысль отъ языка, и вмѣсто того, чтобы считать ихъ одновременно возникающими въ душѣ, противопоставляетъ одну другому. Это повело къ тому, что онъ понялъ все значеніе языка только какъ средства для выраженія передачи другимъ людямъ мыслей говорящаго (*Athenaeum*, № 2226. June 25, 1870).

Elementary Lessons in Logic. By *Stanley Jevons*, M. A. (Macmillan et Co). (Элементарныя упражненія въ логикѣ. Соч. *Станлея Джевонса*).

Профессоръ Джевонсъ сдѣлалъ весьма успѣшную попытку дать для англійскихъ школъ учебникъ, въ которомъ заключалось бы только то, что необходимо для начинающихъ. Съ замѣчательнымъ умѣньемъ онъ держитъ себя вдали отъ разногласій приверженцевъ формальной и индуктивной логики и между тѣмъ даетъ все, что особенно цѣнно и получило особое значеніе въ новѣйшей логикѣ. Вмѣсто того, чтобы трактовать формальную логику, какъ дисциплину служебную индуктивной, какъ то сдѣлано Веномъ и Фулеромъ, или совершенно игнорировать теорію новѣйшей индукціи, какъ М'Копъ, авторъ безпристрастно изложилъ все существенное въ обѣихъ направленіяхъ. Главы объ индуктивныхъ методахъ, о наблюденіи, экспериментѣ, хотя авторъ скромно называетъ ихъ удобопонятнымъ введеніемъ къ болѣе важнѣйшимъ частямъ логики Милля, въ сущности гораздо ценнѣе и потому полезнѣе для юнаго ученика, чѣмъ тѣ выработанныя

ные трактаты Милля, на которые онъ опирается. Таковы, впрочемъ, и всѣ главы разбираемаго учебника: въ концѣ каждой главы профессоръ Джемонсъ указываетъ нѣсколько авторитетовъ, къ которымъ читатель можетъ обратиться за дальнѣйшимъ развитіемъ трактуемаго вопроса. Наиболѣе характеристичною особенностію книги нужно призвать то, что она повсюду обращаетъ вниманіе на важность языка въ дѣлѣ мышленія. Внутренняя связь способности языка съ разумомъ есть фактъ, которому новѣйшая психологія придаетъ первостепенную важность въ своемъ анализѣ человѣческаго разума. Онъ изслѣдуетъ прежде всего развитіе языка при помощи процессовъ обобщенія и обособленія. Такія главы имѣютъ важное образовательное значеніе помимо знанія, которое онѣ сообщаютъ, ибо онѣ даютъ матеріалъ для плодотворнаго размышленія (*Athenaeum*, № 2244. Oct. 29, 1870).

Benedict de Spinoza; his life, correspondence and Ethics. By R. Willis, M. D. (Trübner et Comp.). (Венедиктъ Спиноза; его жизнь, переписка и нѣика).

Для читателя неспеціалиста самую интересною частію этого труда служить та, гдѣ говорится о жизни Спинозы и его письмахъ къ разнымъ лицамъ. Уиллисъ посвящаетъ этому предмету цѣлыхъ семьдесятъ-шесть страницъ; корреспонденція, обнимающая 74 письма, изъ которыхъ нѣкоторыя довольно длинны, занимаетъ около 200 страницъ. Въ біографіи видна душа Спинозы чистая, благожелательная, любящая истину, преданная занятіямъ, свободная отъ предразсудковъ и стремившаяся къ общему благу. Письма запечатлѣны умомъ и ясностію понятій.

Трудъ этотъ есть полезный вкладъ въ обширную литературу о Спинозѣ. Едва-ли есть хотя одно сочиненіе, важное для разъясненія ученія и характера Спинозы, которое не было извѣстно и не было принято во вниманіе авторомъ. Съ любовію къ этому замѣчательному философу, хотя и не теряя самостоятельности въ своихъ отношеніяхъ къ нему, Уиллисъ разказываетъ намъ, что говорили о Спинозѣ мыслители, поэты, богословы, философы. Авторъ одинаково знакомъ съ германскою, французскою и англійскою литературой своего предмета. Онъ отзывается о взглядахъ Ольденбурга, Луи Мейера, Брессера, Исаака Оровіо, Лейбница, Лессинга, Якоби, Гердера, Шлейермахера, профессора Морица, Куно Фишера, фонъ-Флотена, Ауербаха, Сэссе, фанъ-деръ-Линде и др. Онъ говоритъ даже о поэтахъ, на которыхъ вліяло ученіе Спинозы, какъ, на примѣръ, Гёте, и вообще, о критикахъ, послѣдователяхъ и переводчикахъ этого философа. Между прочимъ,

авторъ показываетъ, какъ много Спиноза обязанъ Джіордано Бруно, можетъ-быть, гораздо болѣе, чѣмъ Декарту. Глава о согласіи между Спинозою и Сведенборгомъ также любопытна. Относительно перевода иеики должно замѣтить, что онъ слишкомъ вдается иногда въ парафразъ, слогу въ нѣкоторыхъ частяхъ труда недостаетъ сжатости. Эти недостатки легко объясняются тѣмъ, что авторъ—врачъ, и можетъ-быть, только урывками могъ заниматься трудомъ. Тѣмъ не менѣе сочиненіе это заслуживаетъ вниманія всѣхъ интересующихся знаменитымъ философомъ (*Athenaeum*, № 2216. Apr. 1870).

Social Morality. Twenty-one Lectures delivered, in the University of Cambridge. By *F. D. Maurice* (Macmillan et Co). (Соціальная нравственность. Двадцать одна лекція, читанныя въ Кембриджскомъ университетѣ).

Нельзя не отдать должной хвалы этому сочиненію профессора Морица: въ немъ видна свобода отъ исключительности и предразсудковъ, тонкость мысли и стремленіе понять все истинно цѣнное въ этомъ мірѣ. Приобрѣтая новыя мысли и новые взгляды на вещи, читатель не можетъ не чувствовать вліянія этого благороднаго и развитаго ума. Авторъ не любитъ системъ и формулъ, такъ какъ онѣ связываютъ умъ въ его изслѣдованіяхъ и только раздѣляютъ людей на школы и партіи; онъ старается всюду выражаться языкомъ общепотребительнымъ, всячески избѣгая языка школы.

Планъ лекцій можетъ быть изложенъ кратко слѣдующимъ образомъ. Соціальная нравственность состоитъ не во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, еще менѣе въ какихъ-нибудь формальныхъ правилахъ, но въ *γῆθος*, въ привычкахъ души, въ извѣстномъ характерѣ, дѣлающемъ человѣка способнымъ жить въ средѣ, въ которой онъ поставленъ. Разсматривая эти отношенія, мы находимъ, что они естественно дѣлятся на слѣдующія три категоріи: на отношенія 1) семейныя, 2) національныя и 3) ко всему человѣческому роду. Спрашивается, почему приняты во вниманіе эти именно отношенія, а не другія. Морицъ отвѣчаетъ: именно потому, что отличительная черта этихъ отношеній состоитъ въ отсутствіи свободнаго выбора: правятся они намъ или нѣтъ, мы находимъ себя подчиненными имъ. Мы становимся отъ рожденія членами семейства, вслѣдствіе того факта, что имѣемъ отца и мать; мы рождаемся сынами народа, отличающагося отъ другихъ народовъ законами, языкомъ и формою правленія; затѣмъ мы сознаемъ, что мы связаны съ другими людьми тоже какъ люди. Эти отношенія не есть что-либо побочное для насъ, служащее только нашему счастью; на-

противъ, они тѣсно связаны съ цѣлымъ нашимъ существованіемъ. Мы можемъ, пожалуй, отказаться отъ долга, возлагаемаго на насъ этими отношеніями, и своими дѣйствіями какъ-бы упразднить ихъ: это будетъ слѣдствіемъ внушеній эгоизма. Но нарушенныя отношенія всегда отомстятъ за себя. Если мы не хотимъ пользоваться ихъ благословеніемъ, они будутъ тяготѣть надъ нами своимъ проклятіемъ, но освободиться отъ нихъ мы не можемъ. Почти цѣлый томъ посвященъ подробному разбору этихъ отношеній, можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ подробному. Затѣмъ слѣдуютъ вопросы: что это за отношенія, которыя навязываются намъ самымъ фактомъ рожденія въ свѣтъ? Въ чемъ заключается ихъ таинственная сила? Очевидно, они не могутъ быть названы созданіемъ людей: ибо не наша воля создаетъ ихъ. Они указываютъ на силу, руководящую людей и промышляющую о нихъ; они доказываютъ, что есть божественный источникъ человѣчества (*Athenaeum*, № 2218. Apr. 30, 1870).

The Theorie of Practice: an Ethical Enquiry. By Schadworth *H. Hodson*. 2 vols. (Longmans et Co). (Теорія дѣятельности, нѣическое изслѣдованіе. Соч. Шедворта Годсона.).

Цѣль этого сочиненія — на старательномъ анализѣ человѣческой природы основать систему правилъ для человѣческаго поведенія. Посему авторъ прежде всего занимается классификаціей ощущеній, волненій и чувствованій, по скольку они вліяютъ на образованіе характера, и затѣмъ приложеніемъ добытыхъ результатовъ къ политикѣ, политикѣ и разнымъ практическимъ знаніямъ. Признавая, что для знанія человѣка и его дѣлъ столь же необходимъ субъективный анализъ силъ и способностей, сколько и объективное изученіе дѣяній его, Годсонъ расходится съ извѣстнымъ философомъ Контонъ, признававшимъ только объективный методъ. О необходимости перваго метода авторъ выражается такъ: „Знаніе исторіи, равно какъ права, нѣики, останется не совершеннымъ, пока трактujemy въ нихъ явленія, извѣстныя намъ изъ опыта или наблюденія, не поставлены будутъ въ связь съ ихъ физиологическимъ основаніемъ и съ системою состояній сознанія, зависящихъ отъ организма и его отправленій. Нужно достигнуть трехъ вещей: должна быть изучена исторія, долженъ быть подвергнутъ анализу характеръ, послѣ чего обѣ науки должны быть поставлены въ связь: исторія съ наукою о характерѣ и затѣмъ должно быть изучено воздѣйствіе характера на исторію. Тогда только возникнетъ полная и притомъ дедуктивная наука; нѣтъ такихъ предметовъ, которые подлежали бы

исключительно одному методу объективному, и даже физика, по его мнѣнію, не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Нужно замѣтить, что авторъ доводитъ свой субъективный методъ до крайности. Для него вѣра въ отдѣльное существованіе вѣншихъ вещей есть только иллюзія, правда глубоко вкоренившаяся и изъ всѣхъ нашихъ убѣжденій самое крѣпкое, но все-таки иллюзія. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ онъ говоритъ въ настоящемъ сочиненіи вскользь и читателя, желающаго знать болѣе обстоятельное о томъ мнѣніи его, отсылаетъ къ еще прежде появившемуся сочиненію: *Essay on the Time and Space*. Знанія автора обширны, но повидимому, труду недостаетъ систематичности и въ нѣкоторыхъ случаяхъ стройности. (*Athenaeum*, № 2225. June 18, 1870).

Hereditary Genius: an Inquiry into its Laws and Consequences. By *Francis Galton*. 8 vol. London 1869. (Наслѣдственный геній. Изслѣдованіе его законовъ и сопутствующихъ явленій. Сочиненіе Франциска Гальтона).

Въ *Edinburgh Review* (July 1870) помѣщена любопытная статья по поводу означеннаго сочиненія г. Гальтона. Вопросъ самъ по себѣ очень интересный. Какія мы имѣемъ доказательства наслѣдственности умственныхъ качествъ? За эту задачу взялся авторъ, и если вопросъ не рѣшенъ имъ, чего конечно и невозможно было ожидать, то попытка рѣшенія, имъ представленная, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія.

Наслѣдственность психическихъ качествъ не есть въ сущности фактъ безспорный. Одни положительно отрицаютъ его, какъ напримѣръ, извѣстный историкъ Бокль. Онъ говоритъ (*Исторія цивилизаціи*, т. I, гл. 4), что если критически отнестись къ упомянутому факту, то найдемъ, что онъ совершенно не доказанъ. Мы должны изслѣдовать не только случаи, въ которыхъ таланты оказались наслѣдственными, но и случаи, въ которыхъ такого наслѣдства не оказалось. Пока не сдѣлаютъ чего-либо въ этомъ родѣ, мы ничего не въ состояніи знать объ этомъ предметѣ индуктивно; пока не сдѣлаютъ болѣшихъ успѣховъ физиологія и химія, мы ничего не узнаемъ о томъ дедуктивно. За то первый авторитетъ нашего времени въ вопросахъ такого рода, Дарвинъ, держится мнѣнія противоположнаго и народную вѣру въ наслѣдственность талантовъ устанавливаетъ на научныхъ основаніяхъ. Этотъ фактъ основывается не на какихъ-нибудь основаніяхъ (философски онъ не разъясненъ еще), но есть простое эмпирическое обобщеніе, вѣрное по отношенію къ животнымъ, какъ это

доказывается возможностью улучшать скотоводство, вѣрное и по отношению къ человѣку: фактъ наследственности физическихъ и нравственныхъ особенностей достаточно доказывается исторіей. Есть фамиліи, передающіяся изъ рода въ родъ черты. „Передача не только жизни, но и сходства отъ родителей къ дѣтямъ, говоритъ докторъ Голландъ, возбуждаетъ множество вопросовъ. Безполезно однакожь затрудняться частностями, когда цѣлый предметъ не доступенъ нашему изслѣдованію. Когда мы находимъ причину удивляться передачѣ сходства отъ родителя къ дѣтямъ, мы должны допускать возможность подобнаго же удивленія и тому, что могутъ быть въ этомъ случаѣ отступленія отъ сходства.... Одинъ случай въ сущности столь же удивителенъ, какъ и другой“. Дарвинъ утверждаетъ, что наследственность должна разсматриваться какъ правило, ненаследственность — какъ исключеніе.

Въ своемъ трудѣ Гальтонъ предполагаетъ доказать, что природныя способности передаются наследственно при тѣхъ же самыхъ ограничивающихъ условіяхъ, при какихъ передается форма и физическія черты въ цѣломъ органическомъ мірѣ, что каждое поколѣніе имѣетъ огромное вліяніе на природныя дарованія послѣдующаго за нимъ. „Общій планъ моего труда, говоритъ онъ, слѣдующій. Сначала я покажу, что высокая репутація есть почти вѣрное ручательство высокой даровитости; затѣмъ я войду въ обсужденіе родственныхъ отношеній довольно значительнаго числа извѣстнѣйшихъ лицъ — именно англійскихъ судей съ 1660 по 1868, государственныхъ людей времени Георга III и первыхъ министровъ въ продолженіи послѣднихъ ста лѣтъ, и постараюсь отсюда вывести общій взглядъ на законы наследственности относительно генія. Далѣе я изслѣдую цѣлые ряды военачальствовавшихъ, литераторовъ, ученыхъ, поэтовъ, живописцевъ и музыкантовъ, оставившихъ свое имя въ исторіи, потомъ разсмотрю нѣкоторыя избранныя имена духовныхъ лицъ и новѣйшихъ ученыхъ. За симъ будетъ слѣдовать краткая глава относительно наследственной передачи физическихъ дарованій, для чего я разсмотрю родство между извѣстными классами охотниковъ. Наконецъ я сопоставлю результаты и сдѣлаю выводы“.

Осуществляя свой планъ, Гальтонъ представляетъ двойную классификацію извѣстныхъ людей, сообразно ихъ репутаціи и природнымъ дарованіямъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ утверждаетъ, что существуетъ почти постоянный средній уровень умственныхъ дарованій у жителей Британскихъ острововъ и что отклоненія отъ этого уровня —

въ сторону геніальности или тупости—должны управляться закономъ, которому подчинены вообще уклоненія отъ среднихъ величинъ. Онъ составилъ таблицы дарованій, подраздѣляя въ этомъ отношеніи человѣчество на нѣсколько степеней. При этомъ любопытно слѣдующее замѣчаніе Гальтона относительно существованія несомнѣнныхъ, но непризнанныхъ дарованій. Есть множество дарованій, болѣе, чѣмъ обыкновенно предполагается, возвышающихся въ смутныя времена и пренебрегаемыхъ при обыкновенномъ ходѣ жизни. Въ осажденномъ городѣ, какъ на примѣръ, во время индійскаго возмущенія, получили извѣстность люди, ничѣмъ прежде не отличившіеся и опять возвратившіеся къ прежнему образу жизни, какъ скоро нужды въ нихъ не было. Между тѣмъ во времена опасности они были героями положенія. Они были хладнокровны въ опасности, умны, спокойны въ страданіяхъ, сострадательны къ больнымъ и раненымъ, возбуждали мужество въ слабыхъ. Какъ будто бы ихъ нервы были слишкомъ грубы, чтобы поддаться физическимъ бѣдствіямъ, и можетъ-быть, вслѣдствіе этой грубости они нуждались въ самомъ остромъ возбуждающемъ средствѣ, чтобы взяться за дѣятельность, къ которой они были способны.

Затѣмъ слѣдуютъ таблицы, о которыхъ мы слышали уже отъ самого Гальтона. Здѣсь встрѣчается множество именъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ. Онъ перечисляетъ англійскихъ судей съ 1660 года, государственныхъ людей, литераторовъ, ученыхъ, поэтовъ и т. д. При этомъ авторъ настаиваетъ, что знаменитость ручается за талантливость, такъ что эти два факта взаимно предполагаютъ другъ друга. „Я показалъ, говоритъ онъ, что социальныя препятствія не могутъ воспрепятствовать человѣку съ высокими дарованіями сдѣлаться извѣстнымъ. Теперь я стану доказывать, что социальныя преимущества не въ состояніи дать извѣстность человѣку ограниченныхъ дарованій“. Именно съ такимъ положеніемъ автора, — замѣчаетъ авторъ статьи, изъ которой мы дѣлаемъ извлеченіе, — и нельзя согласиться. Съ одной стороны, можно безъ особенныхъ дарованій достигать виднаго положенія. Таблица, обращающая вниманіе только на замѣтность положенія, очевидно, не можетъ служить основаніемъ для выводовъ автора. Тутъ двѣ ошибки: одна заключается въ предположеніи, что видное положеніе ручается за дарованіе, что не всегда бываетъ; другая — что причиною того служитъ особенность крови, тогда какъ можно указать тому другія причины.

Дѣло въ томъ, что жизненный успѣхъ, ведущій къ видному положенію, зависитъ отъ двухъ причинъ: одна состоитъ въ природномъ

дарованіи, другая въ окружающихъ обстоятельствахъ. Еслибъ и можно было первое поставить въ зависимость отъ крови, то какъ вычислить измѣненія послѣднихъ? Какъ часто высокіе таланты гибнутъ отъ бѣдности, недостатка воспитанія? На одного успѣвающаго не приходится ли сотня равныхъ по таланту, но гибнущихъ?

Чтобы видѣть справедливость сказаннаго, можно обратиться къ примѣрамъ, приведеннымъ у Гальтона. Таблицы англійскихъ судей съ 1660 до 1865 года выработаны особенно тщательно. „Судейское званіе, говоритъ Гальтонъ, есть гарантія того, что принадлежащій къ нему имѣетъ выдающіяся способности, по крайней мѣрѣ у насъ въ Англій“. Хотя это не совсѣмъ справедливо, но допустимъ, что это такъ. Мы видимъ, что 112 судей имѣли 250 родныхъ во всѣхъ степеняхъ, достаточно извѣстныхъ, чтобъ явиться въ каталогъ автора. Но здѣсь мы замѣчаемъ явленіе, говорящее противъ его выводовъ. Изъ 250 извѣстныхъ 100 лицъ были юристы. Такъ какъ невозможно допустить, что наслѣдственъ специальный талантъ юриста, то остается причину такого явленія искать въ другихъ условіяхъ. Всякому извѣстно, что занятіе правомъ есть почти наслѣдственная профессія: судьи имѣютъ болѣе удобствъ проводить своихъ дѣтей по своей дорогѣ, чѣмъ, напримѣръ, адвокаты. Хотя вообще мало такихъ наслѣдственныхъ кастъ, какова судейская, но духъ касты существуетъ и въ другихъ случаяхъ. Въ главѣ о литераторахъ мы видимъ, что ихъ родственники были во многихъ случаяхъ литераторами же, то-есть, писали книги. Если бы тутъ дѣло было въ природномъ талантѣ, то 47 человекъ, приведенныхъ у Гальтона, разсѣялись бы по другимъ путямъ и одержали бы побѣды другими путями. Что они взялись за писанье, это доказательство не какихъ-либо особыхъ фзіологическихъ причинъ, предрасполагавшихъ ихъ къ тому, но есть слѣдствіе ихъ особеннаго воспитанія, привычекъ, удобствъ пользоваться услугами книгопродавцевъ, съ которыми были въ родствѣ, то-есть, слѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Та же наслѣдственность очевидна и въ средѣ духовныхъ лицъ. Вообще надобно замѣтить, что наслѣдственный характеръ профессій или стремленіе къ кастовой системѣ составляетъ характеристичный признакъ спокойнаго времени въ Англій: поколѣніе тогда слѣдуетъ спокойно за поколѣніемъ съ малыми отступленіями отъ обыкновенной рутинны. Такой фактъ замѣченъ въ спокойномъ столѣтіи отъ англійской до французской революціи. Въ неспокойныя времена и особенно теперь, при широко развернувшейся торговлѣ, новые люди съ большею легкостію выдвигаются на извѣстные посты.

Гальтонъ входитъ въ анализъ того, что онъ называетъ геніемъ, и классифицируетъ людей по ихъ дарованіямъ: онъ указываетъ восемь степеней даровитости и къ каждой старается приложить свой выводъ о наслѣдственности дарованія. Но такая классификація искусственна. Когда мы говоримъ объ умственныхъ дарахъ, не приобрѣтенныхъ трудомъ, а данныхъ отъ природы, то мы употребляемъ три термина для обозначенія ихъ: дарованіе, талантъ, геній. Подъ дарованіемъ мы разумѣемъ пригодность умственныхъ способностей съ успѣхомъ трудиться въ дѣлѣ, къ которому онѣ прилагаются. Талантомъ называемъ способность къ успѣху въ известной отрасли дѣятельности. Для того, чтобы вести съ успѣхомъ цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ, юристъ долженъ имѣть дарованіе весьма высокой степени. Ораторскій талантъ несма важенъ для юриста, но не въ немъ дѣло. Даръ памяти еще болѣе важенъ, но и не въ немъ опять дѣло. Проницательность, съ какою умъ входитъ въ каждый сложный вопросъ, дальнзоркость въ отношеніи отдаленнѣйшихъ причинъ поступковъ и дѣйствій людскихъ, глазъ полководца, умѣющаго употреблять средства именно тогда, когда они требуются, — вотъ что требуется отъ юриста, и вотъ что обыкновенно предполагается въ дарованіи. Въ этомъ смыслѣ дарованіе есть залогъ успѣха во всякой многосложной дѣятельности: въ дѣлѣ политики, предводительства войскомъ, торговли и т. д. Дарованіе же требуется и въ литературѣ: историкъ, философъ, критикъ, ученый каждый торжествуетъ на своемъ поприщѣ въ силу дарованія.

Подъ талантомъ мы разумѣемъ специальную способность, которая можетъ быть рядомъ съ самыми ограниченными общими дарованіями. Таковъ талантъ артиста, музыканта, математика, поэта и т. д.; часто талантъ бываетъ ограниченъ въ умственномъ отношеніи. Хотя дарованіе имѣетъ предъ собою болѣе широкую дорогу, чѣмъ талантъ, но преимущественно послѣднему мы обязаны высокимъ духовнымъ наслажденіемъ.

Спрашивается теперь: въ какой степени наслѣдственны дарованія и таланты?

Говоря вообще, дарованіе болѣе наслѣдственно, чѣмъ талантъ. Что мы обыкновенно называемъ наслѣдственнымъ талантомъ, то въ сущности не заслуживаетъ этого названія и большею частію не зависитъ отъ крови. Когда сынъ, подобно отцу, дѣлается портретистомъ, или играетъ на скрипкѣ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что таланты въ семь случаевъ наслѣдственны въ семействѣ, но что сынъ получилъ

особое воспитаніе, или сдѣлался таковымъ въ подражаніе отцу. Между тѣмъ никакое обученіе, ни подражаніе не въ состояніи передать сыну дарованій отца. Поэтому, когда мы находимъ, что дѣляя семьи отличаются дарованіями, то это можетъ служить, конечно, самымъ сильнымъ доказательствомъ наслѣдственности, какое только можно найти.

Кто изучалъ близко общество, тотъ найдетъ, что есть дѣляя фамиліи богатія дарованіями во всѣхъ своихъ безъ исключенія членахъ. Съ другой стороны, извѣстно, что ни одинъ даровитый человѣкъ не происходилъ отъ бѣдныхъ умомъ родителей. Замѣчательно при этомъ, что во многихъ случаяхъ члены семейства бываютъ всѣ даровиты, но чтобы произвести замѣчательныя, выходящія изъ ряду дарованія, родъ оказывается безсильнымъ. Всякій изъ насъ знаетъ семейства, въ которыхъ каждый членъ уменъ, но нѣтъ ни одного очень умнаго. Критикъ указываетъ въ доказательство на семейство Гренвилей. Оно имѣло большое политическое вліяніе въ продолженіи двухъ или трехъ поколѣній: многіе изъ Гренвилей сдѣлались извѣстны, большая часть изъ нихъ была даровита; но ни одного изъ нихъ не было весьма даровитаго. Другой примѣръ критикъ указываетъ въ семействѣ Фэрфаксовъ (Fairfax). Этотъ парламентскій генераль не оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ. Побочный его наслѣдникъ приобрѣлъ въ Америкѣ громадное помѣстье, простирающееся отъ береговъ Потомака до горъ Аллеганскихъ. Теперешній лордъ Фэрфаксъ докторомъ въ Балтиморѣ. Въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ они отличались качествами, замѣченными въ ихъ главѣ, — благороднымъ, рыцарскимъ характеромъ, военными способностями и религіозною ревностію.

Что же нужно сказать объ этомъ высшемъ дарованіи, которому мы даемъ неопредѣленное, но тѣмъ не менѣе всѣмъ понятное имя генія? Подъ нимъ мы разумѣемъ преимущественно творческую способность. Спрашивается, наслѣдственъ ли онъ? Было бы слишкомъ смѣло утверждать противное, но случаи наслѣдственности столь рѣдки, что скептики смотрятъ на нихъ, какъ на случайность. Не смотря на усилія Гальтона доказать свой положительный отвѣтъ, въ его генеалогіяхъ мы видимъ одинъ только примѣръ генія, именно Кольриджа, происходившаго отъ семейства, замѣчательнаго по своимъ талантамъ.

Что же касается до геніевъ высшаго порядка, способныхъ увлечь за собою человѣчество, то единогласный приговоръ изслѣдователей утверждаетъ ихъ бесплодность. Истинные геніи, говоритъ Шпурцгеймъ, всегда изолированы. „Крайности, говоритъ докторъ Элэмъ (Elam), всегда стоятъ особняками. Низшая степень ума, совершенный идиотъ,

безплоденъ; высшій геній безплоденъ физически: истинные геніи остаются безъ потомства. Между предками и ихъ потомками могутъ быть таланты по той же самой спеціальности, по какой дѣйствовалъ геній, но съ того времени, какъ фамиліное развитіе достигло своего апогея, въ немъ оно начинаетъ упадать“. Справедливость сказаннаго можно прослѣдить на примѣрахъ. Безспорными геніями въ литературѣ могутъ быть названы: Шекспиръ и Мильтонъ въ Англіи; Мольтеръ, Вольтеръ, Руссо во Франціи; Гёте и Шиллеръ въ Германіи; Данте и Мабіавель въ Италіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не видимъ ни одного примѣра, чтобы геній былъ или унаслѣдованъ, или переданъ въ потомство. Всѣ они происходили отъ совсѣмъ незначительныхъ предковъ, ничѣмъ себя не ознаменовавшихъ. Многіе изъ нихъ умерли бездѣтными, никто изъ нихъ не имѣлъ замѣчательнаго сына или внука, хотя путь къ знаменитости для нихъ былъ болѣе облегченъ, чѣмъ для другихъ. Геніи другихъ родовъ также стоятъ изолированными среди своихъ семей. Рафаэль и Леонардо да-Винчи въ живописи, Бѣтговенъ, Моцартъ и Мендельсонъ въ музыкѣ, Наполеонъ въ военномъ искусствѣ не имѣли ни одного родственника, равнаго имъ по талантамъ.

Подъ вліяніемъ мысли о наслѣдственной передачѣ дарованій, многіе, и въ томъ числѣ Вольтеръ, думаютъ, что если бы люди обращали столько же вниманія на улучшеніе своей породы, сколько прилагается его къ породамъ животныхъ, то можно бъ было фиксировать наиболѣе даровитыя породы. На это нужно возразить, что очень мало надежды на образованіе такихъ интеллектуальныхъ патриціевъ. Вопервыхъ, „*minus Ator*“ своимъ вмѣшательствомъ не мало долженъ разстроивать подобныя планы. Въ вторыхъ, въ физиологій уже установленъ фактъ, что наслѣдственныя особенности со временемъ вымираютъ и иногда очень скоро. Такъ же думали и древніе. Наболѣе славныя семейства, говоритъ Аристотель, кончаютъ безуміемъ, семейства даровитыя — идіотствомъ. Какъ подобный выводъ согласить съ ученіемъ Дарвина о продолжительной наслѣдственности, это, быть можетъ, объяснить болѣе подвинувшаяся наука. Во всякомъ случаѣ, онъ согласенъ съ основнымъ закономъ человѣческой природы, ограничивающимъ прогрессъ индивидуума, если не цѣлаго рода. Каждое поколѣніе наслѣдуетъ отъ предшествовавшаго знаніе, но ни одинъ индивидуумъ не наслѣдуетъ умноженной интеллектуальной силы. Образованіе можетъ развить то, что есть, но не прибавить ни одного атома интеллектуальной силы къ тому, что дано отъ природы. Какія бы мы ни придумывали комбинаціи, основываясь на фактѣ наслѣдственности да-

рваній, никогда мы не въ состояніи будемъ преступить положеннаго отъ природы предѣла. Es ist dafür gesorgt, говоритъ нѣмецкая по-словица, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen.

An Examination of the Utilitarian Philosophie. By the late *John Grote*, B. D. etc. London. Bell and Daldy. 1870. (Разборъ утилитарной философіи. Сочиненіе покойнаго *Джона Грота*).

Покойный профессоръ Гротъ, котораго нужно отличать отъ извѣстнаго историка Джорджа Грота, по своему философскому направленію, принадлежалъ къ числу тѣхъ самостоятельныхъ мыслителей, которые держали себя, или по крайней мѣрѣ, стремились держать себя независимо по отношенію къ существующимъ школамъ. Въ сочиненіи, заглавіе котораго выше обозначено, онъ старался совершенно безпристрастно изслѣдовать философскую состоятельность принциповъ утилитаризма. На эту его критику въ *Westminster Review*, въ январской книжкѣ 1871 года, есть отвѣтъ. Въ прошедшемъ году, по поводу появленія замѣчательной книги г. Лекки, мы познакомили читателей съ различными преніями въ англійскихъ журналахъ по вопросу о происхожденіи и смыслѣ нравственности или нравственныхъ принциповъ. Настоящій отвѣтъ *Westminster Review* есть новая, любопытная во многихъ отношеніяхъ попытка отстоять утилитарную теорію. Мы представимъ поэтому краткій анализъ этой статьи.

Судя по отзыву въ *Athenaeum* (№ 2228 July 9. 1870. 41), книга Грота написана имъ весьма давно, и лѣтъ семь назадъ часть ея была уже напечатана, но авторъ, какъ кажется, желалъ, совершенно измѣнивъ полемическую форму сочиненія, дать ему болѣе спокойный и догматическій тонъ. Къ достоинствамъ автора нужно отнести его умѣнье понимать мысли своихъ противниковъ и его безпристрастіе при оцѣнкѣ противоположныхъ мнѣній. Весьма часто онъ признаетъ за трудами Джона-Стюарта Милля блистательныя философскія качества. Въ сущности онъ не называетъ утилитаризмъ ученіемъ совершенно ложнымъ, но называетъ его одностороннимъ, противорѣчащимъ себѣ и содержащимъ элементы, очевидно, заимствованные изъ идеализма. Съ другой стороны, критикъ *Westminster Review* отзывается о книгѣ слѣдующимъ одобрительнымъ образомъ: „съ чисто Платоновскимъ уваженіемъ къ сложнымъ и абстрактнымъ идеямъ въ ней соединена значительная ясность взгляда на реальные вопросы неики и ихъ значеніе въ нашей индивидуальной и общественной жизни“.

Сочиненіе особенно замѣчательно еще и потому, что оно имѣетъ

въ виду преимущественно ту форму утилитаризма, которую далъ ему Д.-С. Милль. Онъ задаетъ себѣ задачу изслѣдовать—дѣйствительно ли идеи и чувствованія, заявленныя Миллемъ, прямо вытекаютъ изъ утилитаризма, какъ понимали его прежніе представители этого ученія; цѣль труда состоитъ въ томъ, чтобы показать, что Милль, хотя и считаетъ себя утилитаристомъ, слишкомъ хорошъ для подобнаго ученія и бессознательно опровергаетъ школу, которую хотѣлъ бы поддерживать. Отсюда понятно будетъ глубокое различіе между трудами Грота и Лекки. Послѣдній старался доказать, что утилитарный принципъ нравственности въ сущности ведетъ къ безнравственности, что великія обязанности правды, цѣломудрія никакъ не могутъ быть выведены изъ идеи ихъ полезности для нашего счастья. Между тѣмъ профессоръ Гротъ совсѣмъ не хочетъ доказывать существованіе глубокой пропасти между утилитарнымъ принципомъ и обыкновеннымъ нравственнымъ долгомъ: повидимому, онъ соглашается даже допустить, что счастье есть необходимое слѣдствіе всякаго добродѣтельнаго дѣйствія, и что говоря абстрактно, оно есть прямая и единственная цѣль дѣятельности. Поэтому Гротъ не поставляетъ на видъ практическихъ выводовъ и не хочетъ опровергать противниковъ, указывая на дурныя послѣдствія ихъ ученія. Онъ ограничивается доказательствомъ неопредѣленности и недостаточности утилитарной формулы, равно какъ ошибокъ противниковъ, полагающихъ въ ней сущность нравственной философіи. Его общее положеніе слѣдующее: утилитарная философія обязана своимъ успѣхомъ признанію и усвоенію себѣ другихъ элементовъ, а не тѣхъ, на которые она имѣетъ право въ силу своей формулы.

Прежде всего Гротъ анализируетъ смыслъ утилитарной формулы, проповѣдываемой Миллемъ, что счастье (блаженство) есть единственный признакъ нравственности, и что дѣйствія на столько нравственны, на сколько они способствуютъ нашему благополучію. Здѣсь первое, что, по мнѣнію Грота, бросается въ глаза, есть неопредѣленность термина „благополучіе“: оно понимается различно разными людьми, не всегда одинаково даже одною и тою же личностію. Отсюда Гротъ выводитъ заключеніе, что даже съ утилитарной точки зрѣнія удовольствія могутъ различаться одно отъ другаго не только по своей силѣ, но и по качеству, такъ что данное количество интеллектуальнаго удовольствія можетъ быть предпочитаемо равному количеству животнаго удовольствія: въ семъ случаѣ предпочтеніе должно основываться на общемъ опытѣ людей, испытавшихъ оба рода удовольствій.

На эту главу рецензентъ замѣчаетъ, что принципъ Милля отнюдь не предполагаетъ, чтобы существовали первоначальныя качества удовольствій, и чтобы они не могли быть сведены къ различію количественному. Милль, напротивъ, показываетъ, какъ различіе высшихъ и низшихъ удовольствій можетъ опираться только на различіе ихъ послѣдствій для интересовъ другихъ людей. Притомъ должно замѣтить, что чувствованія удовольствія, сопутствуя другимъ душевнымъ состояніямъ, не такъ рѣзко выдѣляются въ сознаніи, какъ другія душевныя состоянія, какъ напримѣръ, ощущенія или стремленія, и потому большею частію люди не ясно отдѣляютъ ихъ въ своей мысли отъ этихъ другихъ состояній, отчего по закону ассоціаціи удовольствія усваиваютъ себѣ нѣкоторыя характеристичныя особенности послѣднихъ. Посему преждевременно заявлять, что различіе въ качествахъ двухъ удовольствій не можетъ быть разрѣшено въ различіе количества, пока не докажутъ, что кажущееся качественное различіе не можетъ быть сведено къ различію сопутствующихъ другихъ психическихъ состояній.

Притомъ качественное превосходство одного удовольствія надъ другимъ, хотя и не признается большею частію утилитаристовъ, не имѣетъ въ себѣ ничего дѣйствительно противорѣчащаго утилитарной формулѣ. Можно утверждать, что удовольствіе можетъ стать цѣлію дѣйствія, но что оно должно быть оцѣниваемо въ двухъ отношеніяхъ— по количеству и качеству. Поэтому Гротъ можетъ доказывать, что Милль не согласенъ съ тѣмъ или другимъ индивидуальнымъ представителемъ утилитаризма, напримѣръ, Бентамомъ, но отсюда еще далеко до того, чтобы его ученіе было не согласно вообще съ утилитаризмомъ.

Далѣе возникаетъ вопросъ о качествахъ удовольствія: спрашивается, удовольствія и страданія допускаютъ ли возможность взаимнаго сравненія, какъ это предполагается утилитарною формулою? Гротъ утверждаетъ, что удовольствія не могутъ быть сравниваемы для научныхъ цѣлей, но что они вполне зависятъ отъ индивидуальности: они бывають различны въ разныхъ индивидуумахъ и не всегда одинаковы для одной и той же личности. Замѣчаніе весьма справедливое, по скольку оно направлено противъ слишкомъ крайней систематизаціи нашихъ удовольствій и страданій. Для рѣшенія подобной задачи необходимо глубокое изученіе человѣческаго духа, и для этого рѣшенія оказался беспильнымъ даже такой гений, какимъ былъ Бентамъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ возможности подобнаго труда. Если точная

классификація многихъ оттѣнковъ удовольствія и ихъ непосредственныхъ причинъ невозможна по причинѣ нашей неспособности отвлекать изъ нашихъ наблюденій элементы индивидуальнаго темперамента и преходящихъ настроеній, то все же этимъ не уничтожается значеніе утилитаризма и его формулы. Обыкновенно признается, что есть нѣкоторыя общія условія счастья для всякаго человѣка и при всякихъ обстоятельствахъ, и что нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ этихъ условій заключаются въ преднастроенности и поведеніи людей; слѣдовательно, обширное число правилъ, основанныхъ на существенныхъ и неизмѣняемыхъ условіяхъ счастья, могутъ быть постановлены. Такимъ образомъ становится возможнымъ построеніе моральной системы, основанной на принципѣ человѣческаго благополучія, по крайней мѣрѣ, заключающей въ себѣ наиболѣе важные его элементы.

Чье же именно благополучіе должно быть принимаемо во вниманіе при опредѣленіи достоинства дѣйствія? Гротъ находитъ, что Милль уклоняется отъ своихъ предшественниковъ, вводя идею всеобщаго благополучія, какъ цѣли дѣйствій, вмѣсто индивидуальнаго. Въ этомъ случаѣ, авторъ, кажется, не вездѣ различаетъ вопросъ объ окончательномъ руководительномъ принципѣ добродѣтели отъ вопроса о природѣ и началѣ нравственнаго чувствованія. Къ сожалѣнію, онъ идетъ по стопамъ многихъ своихъ предшественниковъ, отождествляя утилитарную систему съ системою эгоизма. Новѣйшая теорія нравственности отнюдь не то самое, чѣмъ былъ древній эпикуреизмъ. Общее между ними то, что на удовольствіе они улаживаютъ, какъ на результатъ исполненія долга и добродѣтельной жизни. Но между тѣмъ какъ эпикурейцы признавали индивидуальное благополучіе, какъ единственный руководящій человѣка принципъ, и измѣряли справедливость ея пригодностію для частнаго благополучія, утилитаристы всегда признавали, что индивидуальныя интересы не могутъ служить критеріемъ правды, но что всеобщее благополучіе должно служить для всѣхъ правиломъ жизни.

Когда Гротъ утверждаетъ, что формула Милля въ сущности не имѣетъ утилитарнаго характера, то онъ, конечно, подразумѣваетъ, что Милль вводитъ въ дѣло чувствованія, предполагаемая любовію и стремленіемъ къ истинѣ. Въ этомъ случаѣ Милль, правда, не слѣдуетъ, на примѣръ, Бентаму, который, повидимому, не признаетъ существованія чисто безкорыстныхъ мотивовъ, и благожелательныя чувствованія подводитъ подъ разрядъ обыкновенныхъ удовольствій. Школа Бентама полагаетъ, что всеобщее благо, то-есть, интересы всего обще-

ства, есть критерій доброкачественности дѣйствія, и что при установленномъ обществомъ взглядѣ на моральныя дѣйствія, съ помощію наградъ и наказаній, правильнаго воспитанія можно довести людей до исполненія долга, даже до стремленія къ добродѣтели, и что можно при этомъ обойтись безъ помощи мотивовъ самопожертвованія. Милль думаетъ, напротивъ, что для полнаго нравственнаго развитія необходимы безкорыстныя чувствованія. Однакожь нужно помнить, что и здѣсь онъ имѣлъ себѣ предшественника въ лицѣ Давида Юма, который также допускалъ существованіе чувствъ, побуждающихъ искать общественнаго блага ради его самаго, безъ всякой мысли объ индивидуальной выгодѣ.

Относительно происхожденія и природы нравственныхъ чувствованій Гротъ думаетъ, что утилитаризмъ не только ослабляетъ понятія долга и добродѣтели, придавая имъ второстепенное значеніе, но и не способенъ оправдать самое существованіе этихъ идей и чувствованій. Онъ полагаетъ, что чувство обязанности не можетъ быть достигнуто въ воспитаніи только путемъ наказаній и дисциплины: ибо идея закона предполагаетъ идею справедливости. На это психологъ можетъ отвѣтить, что теперь мы, дѣйствительно, предполагаемъ высшую справедливость, оправдывающую или осуждающую данный законъ и составляющую логическое условіе послѣдняго. Но развитіе идей слѣдуетъ другому порядку. Упомянутое высшее понятіе развилось изъ идей и чувствъ, ассоціровавшихся съ положительнымъ закономъ. Человѣческія чувствованія права и долга, первоначально возникшія съ помощію общественной дисциплины и легальнаго принужденія, ассоціировались съ общественными и легальными учрежденіями, ихъ породившими, и затѣмъ сгруппировались около общаго принципа пользы, который и получилъ вслѣдствіе того значеніе обязательнаго правила. Гротъ полагаетъ, что подобное психологическое объясненіе чувствованія долга, представляемое утилитаристами, не объясняетъ намъ всей энергіи его и всѣхъ степеней развитія его; онъ думаетъ даже, что любовь къ добродѣтели невозможна въ человѣкѣ, принимающемъ утилитарный принципъ. Чтобы быть вѣрнымъ самому себѣ, утилитаристъ кромѣ общаго благополучія не долженъ признавать какую-нибудь другую цѣль; его умъ постоянно долженъ носиться съ идеей дѣйствія, клонящагося къ счастью или благополучію; кромѣ дѣяній и цѣлей, онъ не долженъ примѣчать въ людяхъ ничего прекраснаго и добраго въ чувствованіяхъ, не долженъ признавать нравственной красоты въ человѣческомъ характерѣ. На это Милль и его послѣдователи могутъ от-

вѣчать, что любовь къ добродѣтели, какъ цѣли самой по себѣ, объясняется вполне изъ законовъ ассоціаціи. Средства, желаемыя нами только для осуществленія извѣстной цѣли, потому сами получаютъ въ нашихъ глазахъ значеніе цѣли. Добродѣтель, разсматриваемая сначала, какъ средство для высшихъ цѣлей человѣческаго существованія, потому получаетъ въ глазахъ людей освященіе и становится предметомъ удивленія. Признаніе зависимости добродѣтели отъ конечной цѣли человѣческаго счастья отнюдь не должно разрушать подобныхъ чувствованій.

Противъ доказываетъ, что утилитаризмъ рушить всякій энтузіазмъ къ добродѣтели. Добродѣтель съ точки зрѣнія утилитарной имѣетъ смыслъ содѣйствія счастью ближнихъ, производимое свободно, а не изъ чувствъ страха и отвѣтственности предъ обществомъ. Посему возникаетъ вопросъ, чѣмъ характеризуются благожелательныя чувствованія? Въ этомъ пунктѣ Милль расходится нѣсколько съ другими утилитаристами, каковы Пали (Paley) и Бентамъ. Они, повидимому, смотрѣли на эти чувствованія, какъ на видоизмѣненія нашей любви къ одобренію со стороны другихъ людей, и вообще видѣли корень ихъ въ личныхъ чувствованіяхъ. Милль, напротивъ, придаетъ огромное значеніе еще другой нравственной силѣ, именно симпатіи, въ силу которой мы участвуемъ въ удовольствіяхъ и страданіяхъ окружающихъ насъ безъ малѣйшихъ видовъ на награды или другія личные выгоды. Эта симпатія развивается, по Миллю, въ той мѣрѣ, въ какой люди приходятъ въ ежедневное соприкосновеніе другъ съ другомъ, и она служитъ главнымъ источникомъ всѣхъ высшихъ формъ добродѣтели. При значительномъ развитіи ея мы становимся неспособными дѣйствовать иначе, какъ обращая вниманіе на интересы лицъ, которыхъ касаются наши дѣйствія: мы начинаемъ стремиться къ своему счастью и вмѣстѣ къ счастью окружающихъ насъ ближнихъ. Въ то же самое время съ развитіемъ умственной и сѣрдечной стороны мы постоянно приучаемся думать о различныхъ общечеловѣческихъ интересахъ, принимать ихъ во вниманіе и привыкаемъ уравнивать отдаленные интересы вмѣстѣ съ ближайшими, смотря по требованіямъ справедливости. Этимъ путемъ мы начинаемъ чувствовать высокую цѣну такой широкой цѣли, какова всеобщее счастье, и изъ этихъ элементовъ, способныхъ къ весьма высокому развитію, можетъ развиваться, по Миллю, энтузіазмъ къ добродѣтели, отнюдь не меньшій, чѣмъ предполагается въ какихъ угодно другихъ нечестскихъ системахъ. Совокупность человѣческихъ интересовъ во всемъ ихъ разно-

образам легко может возбуждать самые сильные стремления в душах, способных в значительной степени к симпатии. Как идеал деятельности, она способна привлекать к себе поэтическое воображение и возбуждать волнения, которые иными системами считаются своею исключительною собственностью.

Обращаясь к научному методу утилитаризма, Гротъ находитъ, что его притязаніе, будто бы онъ основанъ на индукціи, въ сущности не имѣетъ основанія: изъ того факта, что люди желаютъ счастья, не слѣдуетъ, что и должно желать его. Вторая ошибка Милля состоитъ въ томъ, что онъ отъ факта желанія индивидуумовъ своего собственнаго счастья переходитъ къ желанію счастья другихъ. Между тѣмъ Милль положительно утверждаетъ, что вопросы о послѣднихъ цѣляхъ не могутъ быть изслѣдованы индуктивно. Фактическое доказательство какой-нибудь конечной цѣли, конечно, невозможно; но тѣмъ не менѣе она есть нѣчто объективное, къ чему люди стремятся, что одобряютъ, признавая ея гармонию съ своими желаніями. Чтобы доказать ея всеобщность, намъ слѣдуетъ показать не логическія права ея на довѣріе наше, а ея согласіе съ дѣйствительными человѣческими чувствами и желаніями. Это возможно сдѣлать, опираясь на тотъ фактъ человѣческой природы, что люди желаютъ не только своего индивидуальнаго счастья, но и стремятся къ нему въ согласіи съ счастьемъ большаго числа своихъ ближнихъ, и что все достойное цѣны въ человѣческой жизни можетъ доказать свою цѣну только по отношенію къ цѣли—общему человѣческому счастью.

Своей конечной цѣли—человѣческому счастью утилитаристы придаютъ значеніе идеала, до осуществленія котораго не достигаютъ даже лучшіе люди. Между тѣмъ Гротъ упрекаетъ ихъ, что они устранили изъ понята идеаль. Онъ различаетъ позитивизмъ и идеализмъ, разумѣя подъ первымъ науку фактовъ, подъ вторымъ— науку о послѣднихъ цѣляхъ, и полагаетъ, что утилитаризмъ ограничивается только первымъ. Онъ съ большою подробностію развиваетъ понятіе идеальной нравственности, предполагающей понятіе идеальнаго характера и идеальнаго общества. Научное изученіе неизмѣнныхъ условий счастья можетъ составлять дополнительную часть понята подъ названіемъ гедоники: но занимаясь изслѣдованіемъ однихъ только фактовъ, она никакъ не можетъ сравниться съ понкомъ, имѣющею дѣло съ идеаломъ желаній. Но и утилитаристы, возражаетъ критикъ, придаютъ своей цѣли значеніе идеала: основанная на фактахъ, она есть отвлеченіе отъ нихъ. Понятіе всеобщаго благополучія не есть фактъ,

постоянно желаемый людьми, но, какъ и другіе идеалы, онъ осуществляется людьми, обладающими высокимъ развитіемъ мысли и чувства. Этотъ идеалъ также способенъ возбудить живыя и глубокія стремленія.

Отсюда понятно, на сколько утилитарный принципъ можетъ гармонировать съ существующими нравственными системами. Гротъ обвиняетъ Милля въ невѣрности утилитаризму на томъ основаніи, что онъ придаетъ значеніе традиціонной нравственности; но Милль одобряетъ эту нравственность, по скольку она оправдывается приносимомъ ею пользою: по его мнѣнію, она можетъ въ большей своей части быть защищаема, такъ какъ она была слѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія общества, защищавшаго свои существенные интересы.

Во многихъ главахъ своего труда, посвященныхъ анализу понятія прогресса, Гротъ разсматриваетъ, въ какомъ смыслѣ и на какомъ основаніи утилитаризмъ можетъ быть названъ нравственностію прогресса (Morality of Progress). Утилитаризмъ можетъ быть названъ этимъ именемъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что такъ какъ цѣль его есть благополучіе, а условія благополучія составляютъ предметъ наблюденія и рефлексіи, то можно предположить, что новыя наблюденія могутъ давать толчокъ развитію идеи долга, и во вторыхъ, потому, что съ движеніемъ цивилизаціи развиваются идеи и чувстваванія, которыя поведутъ къ осуществленію ученія утилитаристовъ въ общественной морали. Гротъ оспариваетъ права утилитаристовъ называть свое ученіе нравственностію прогресса въ послѣднемъ смыслѣ. Прежде всего онъ отрицаетъ, что движеніе цивилизаціи сопровождается постоянно увеличеніемъ человѣческаго счастья. Съ другой стороны, нельзя доказать, чтобы одновременно съ развитіемъ цивилизаціи достигалось болѣе справедливое распредѣленіе счастья. Уничтоженіемъ общественныхъ классовъ скорѣе удовлетворяется эгоизмъ, чѣмъ справедливость.

На это рецензентъ вкратцѣ отвѣчаетъ слѣдующее: утилитаристы, утверждая, что между требованіями утилитарной морали и чувствами и дѣйствіями общества есть вообще стремленіе къ гармоніи, отнюдь не предполагаютъ, что каждое измѣненіе въ обществѣ развивается въ согласіи съ упомянутымъ стремленіемъ. Въ обществѣ могутъ быть различныя тому препятствія, каковы: дурное управленіе, дурныя учрежденія, предразсудки, взрывы разрушительныхъ и противообщественныхъ страстей и т. д. Но допуская это, необходимо, въ согласіи съ индукціей историческихъ фактовъ, равно какъ съ дедукціей изъ законовъ человѣческой природы, допустить и слѣдующее. Прогрессъ ци-

визаціи обозначается постепеннымъ усиленіемъ общественныхъ чувствованій. Благодаря успѣхамъ ума, увеличивается для людей возможность содѣйствовать другъ другу при достиженіи цѣлей, и съ увеличеніемъ случаевъ соприкосновенія развиваются въ людяхъ чувства, основанныя на безкорыстной симпатіи, которыя переходятъ въ чувство братства. Плоды этого движенія замѣтны въ жизни, въ характерахъ, тонѣ общественнаго чувства, законахъ, политикѣ внутренней и виѣшной, и въ правилахъ нравственности, все болѣе и болѣе приближающихся къ требованіямъ утилитарной цѣли. Въ этомъ смыслѣ утилитарное ученіе можетъ быть названо нравственностію прогресса.

Такъ какъ вопросъ о послѣднихъ основаніяхъ нравственности весьма важенъ, и споры о немъ, поднимаемые образованнѣйшими мыслителями въ Англии, весьма любопытны, то мы рѣшились познакомить читателей съ замѣчательною статью В. Торнтона, автора сочиненія „On Labour“, переводъ котораго вышелъ недавно на нашемъ языкѣ. Его изложеніе утилитарной теоріи весьма просто и удобопонятно, его замѣчанія на нее весьма остроумны и глубоки. Статья помѣщена въ *The Fortnightly Review* (Septemb. 1870. 314—337).

Прежде всего авторъ излагаетъ теорію утилитаризма, и хотя мы имѣли уже случай на страницахъ этого журнала касаться ея и излагать ея содержаніе, тѣмъ не менѣе мы вкратцѣ упомянемъ о ней, руководствуясь Торнтономъ, чтобы лучше понять смыслъ его критическихъ замѣтокъ.

Смыслъ и цѣль существованія заключается въ наслажденіи или удовольствіи. Наслажденіе можетъ быть весьма разнообразно: оно можетъ быть чувственнымъ, сердечнымъ, воображаемымъ, интеллектуальнымъ, моральнымъ. Оно можетъ быть минутнымъ и вѣчнымъ, опьяняющимъ восторгомъ и трезвымъ довольствомъ. Весь смыслъ жизни состоитъ въ наслажденіи, настоящемъ или будущемъ, которое доставляется намъ или можетъ быть доставляемо жизнію. Качество правилъ жизни зависитъ отъ того, по скольку они способствуютъ главной и единственной цѣли жизни — наслажденію. Что мы называемъ качествомъ правилъ, поведенія или способовъ дѣйствія, есть то же самое, что и нравственность, слѣдовательно, проба нравственности дѣйствій заключается въ способствованіи ихъ къ наслажденію.

Но наслажденіе, о которомъ здѣсь говорится, не можетъ быть только индивидуальнымъ: въ такомъ случаѣ, не существовало бы вовсе безнравственныхъ дѣйствій. Человѣкъ предпринимаетъ дѣйствіе

или потому, что оно, по его мнѣнію, общаетъ ему удовольствіе, или потому, что бездѣйствіе причинитъ ему болѣе страданія, чѣмъ самое дѣйствіе. Притомъ индивидуальное наслажденіе можетъ быть достигнуто часто только на счетъ страданія другихъ людей. Посему благополучіе или наслажденіе, о которомъ говоритъ утилитаризмъ, имѣетъ всеобщій, а не индивидуальный характеръ. Въ самомъ широкомъ значеніи, оно означаетъ наибольшее счастье общества, самое широкое и долгое. Отсюда могутъ быть выведены понятія добра и зла. Всякое дѣйствіе, которое можетъ способствовать постоянному благополучію общества, есть доброе, всякое противоположное есть злое.

Всѣ наслажденія могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе пять родовъ:

- 1) Чувственные, напримѣръ, удовольствія ѣды и питья, такъ-называемыя плотскія.
- 2) Эстетическія, напримѣръ, музыкальныя, или возбуждаемыя красотою формы, цвѣта и т. д.
- 3) Происходящія отъ воображенія, напримѣръ, возникающія изъ созерцанія умственныхъ картинъ.
- 4) Интеллектуальныя, сопровождающія дѣятельность умственную.
- 5) Нравственные, напримѣръ, когда говорятъ, что добродѣтель носитъ сама въ себѣ свою награду.

Безспорно, что въ послѣднихъ четырехъ родахъ удовольствій предыдущій долженъ быть предпочитаемъ послѣдующему: по крайней мѣрѣ, таково общее мнѣніе людей, испытавшихъ всѣ эти роды удовольствій. И если относительно предпочтенія нѣкоторыми людьми чувственныхъ удовольствій эстетическимъ, напримѣръ, музыкѣ, можно сослаться на фактъ, что у нихъ таково органическое устройство, что ухо можетъ доставить имъ болѣе удовольствія, чѣмъ другіе органы чувствъ, то относительно другихъ удовольствій мы можемъ спрашивать, на какомъ основаніи одно изъ нихъ предпочитается другому. Предпочтеніе это, очевидно, основывается не на остротѣ удовольствія: ибо самое сильное удовольствіе, происходящее отъ воображенія, отнюдь не сильнѣе самаго сильнаго эстетическаго, и въ свою очередь сильнѣе интеллектуальнаго. Самое живое и романтичное описаніе производитъ сравнительно слабое впечатлѣніе, чѣмъ, напримѣръ, блескъ свѣтлаго лѣтнаго солнечнаго дня доставляетъ удовольствіе ребенку, или свѣтлая лунная ночь возбуждаетъ радость въ людяхъ совершенно зрѣлыхъ. То же самое должно замѣтить и объ удовольствіяхъ нравственныхъ. Что изъ всѣхъ удовольствій нравственныхъ

наибольше цѣнны, это доказывается тѣмъ, что они ставятся выше всѣми людьми, способными дѣлать подобное сравненіе. Но почему они цѣнятся такъ высоко? Конечно, не на основаніи большей силы удовольствія, или доставляемаго. Едва-ли такія вещи, какъ самоодобреніе, симпатическое участіе въ благополучіи другихъ, благодатное сознаніе, что дѣлаемъ угодное Небесному Отцу доставляетъ намъ такое же изысканное удовольствіе, какое можетъ быть добыто другими разнообразными средствами. Уже то обстоятельство, что каждое благородное или справедливое дѣйствіе предполагаетъ болѣе или менѣе самоотреченіе, самоограниченіе или самопожертвованіе, значительно должно умѣрить степень удовольствія, доставляемаго добродѣтелью, особенно сравнительно съ безмѣрными радостями, возбуждаемыми вещами, не имѣющими ничего общаго съ добродѣтелью. Предположимъ, что какой-нибудь герцогъ, узнавъ, что онъ занялъ тронъ не по праву, передаетъ его настоящему наследнику и что онъ остается доволенъ своимъ благороднымъ поступкомъ; нельзя, однакожь, предположить, что эта передача доставитъ ему такую же точно радость, съ какою онъ вступалъ въ обладаніе трономъ и его преимуществами. Несомнѣнно, что самая высокая добродѣтель иногда не только не увеличиваетъ счастья, но даже совершенно разстраиваетъ благополучіе дѣятеля. Вообразимъ себѣ нѣжнаго отца, напримеръ, Брута, осуждающаго, въ силу долга, на смерть своего любимого сына, или банкрота, сдѣлавшагося нищимъ, но честно оберегающаго повѣренную ему собственность другихъ, хотя бы онъ и могъ спойкой воспользоваться ею. Очевидно, подобныя дѣйствія, не увеличивая счастья, повергаютъ дѣятеля въ бездну несчастія и ему остается одно утѣшеніе, что, какъ ни глубоко оно, есть несчастія еще хуже. Оба эти дѣятеля, и справедливый судья, и честный банкротъ, испытываютъ, вслѣдствіе своихъ дѣйствій, одно только страданіе, не умѣряемое ни малѣйшею долею положительнаго удовольствія. И вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что въ обоихъ случаяхъ добродѣтель доставляетъ полное возмездіе за причиненное страданіе: ибо не только страданіе здѣсь было подъято совершенно добровольно, но оба дѣятеля, безъ всякаго сомнѣнія, отказались бы отъ прежняго счастья, если бы условіемъ его было поставлено неблагородное дѣйствіе. Въ чемъ же состоитъ здѣсь возмездіе? Не въ чемъ иномъ, какъ въ слѣдующемъ: судья или банкротъ, поступивъ честно, избавились отъ страданія большаго, чѣмъ то, которое они претерпѣваютъ; теперь они мучатся безъисчислимо менѣе, чѣмъ тогда, когда, сознавая свой долгъ, они не

исполнили бы его: они избѣжали угрызеной совѣсти, сознанія, что они обидѣли ближняго и оскорбили Бога.

Въ упомянутыхъ случаяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, когда добродѣтель совпадаетъ съ исполненіемъ какаго-либо тягостнаго долга, удовольствіе, ею доставляемое, строго говоря, не можетъ быть названо удовольствіемъ. Въ большинствѣ случаевъ она есть предупрежденіе страданія, или замѣна меньшимъ страданіемъ большаго. Между тѣмъ это отсутствіе удовольствія утилитаристы рекомендуютъ, какъ нѣчто заслуживающее предпочтенія всѣмъ другимъ удовольствіямъ. Нельзя не найти страннымъ того обстоятельства, что утилитаристы совѣтуютъ намъ быть добродѣтельными не ради себя, а ради другихъ. Между отрицательными и положительными удовольствіями, которыхъ исцѣль позволительно для себя самого, они назначаютъ первое мѣсто удовольствію, возникающему изъ сознанія, что мы доставляемъ счастье другимъ и что мы дѣйствуемъ здѣсь безъ всякихъ своекорыстныхъ мотивовъ.

„Со всѣмъ этимъ — говоритъ Торнтонъ — я соглашаюсь отъ всего сердца и признаю, сохраняя полное уваженіе къ религіи, что утилитаризмъ въ сущности только расширяетъ одну половину христіанскаго ученія; онъ не только усваиваетъ, но еще распространяетъ заповѣдь Иисуса Назорея, увѣщающаго насъ любить ближняго паче самого себя, дѣлать для другихъ не только то, чего желали бы отъ нихъ для себя, но гораздо болѣе... Считать при такихъ выводахъ утилитаризмъ безбожіемъ можетъ только тотъ, кто думаетъ, что любовь къ ближнему противна воли Божіей. Кто вѣритъ, что отъ дѣлъ познается вѣра и что любовь къ Богу доказывается всего болѣе благодѣяніями человѣку, утилитаризмъ долженъ казаться только другимъ названіемъ практической религіи“.

Не смотря на то, что авторъ признаетъ за теоріей все, чего она, съ практической стороны, заслуживаетъ, тѣмъ не менѣе, онъ находитъ въ ней много тяжкихъ грѣховъ, къ исчисленію которыхъ онъ затѣмъ и переходитъ.

Первое мое обвиненіе противъ утилитаризма состоитъ въ томъ, говоритъ авторъ, что я не признаю его истиннымъ. Часть истинны въ немъ несомнѣнно есть. Дѣйствія совершенно бесполезныя не могутъ имѣть и цѣны; поведеніе, которое не ведетъ ни къ собственному, ни другимъ счастью, не можетъ быть одобряемо, и наоборотъ, поведеніе, которое, уничтожая радость и свою и другихъ, вредя себѣ и другимъ, никому не принеситъ пользы, не можетъ не быть дурнымъ; бездѣльный

аскетизмъ, не имѣющій въ виду даже самоисправление, есть не добродѣтель, а безуміе. Но допуская, что бесполезная добродѣтель не имѣетъ смысла, нельзя согласиться ни съ тѣмъ, что гдѣ нѣтъ пользы, тамъ нѣтъ и добродѣтели, ни съ тѣмъ, что гдѣ польза, тамъ и добродѣтель; нельзя допустить, что все способствующее общественному благополучію eo ipso имѣетъ право называться добродѣтельнымъ, или наоборотъ, все уменьшающее его есть зло. Замѣтимъ, что дѣйствіе можетъ быть добрымъ въ трехъ различныхъ смыслахъ. Дѣйствіе можетъ быть добрымъ, какъ заслуга, и въ этомъ смыслѣ одобряется; затѣмъ оно можетъ быть исполненіемъ простаго долга: совершеніе его не заслуживаетъ награды, но нерадѣніе о немъ можетъ справедливо подвергаться порицанію; наконецъ оно можетъ быть только не худымъ, и воздержаніе отъ него могло бы даже заслуживать одобренія. Теперь можно указать нѣсколько случаевъ, которые доказываютъ, что образъ дѣйствій, разчитанный на увеличеніе счастья, можетъ быть положительно дурнымъ.

Предположимъ, что три моряка послѣ кораблекрушенія спасаются на уцѣлѣвшую лодку и они замѣчаютъ, что имъ нѣтъ надежды достигнуть берега, если лодка не будетъ облегчена въ своей тяжести. Спрашивается: будучи на мѣстѣ одного изъ этихъ несчастныхъ, чувствовали бы вы свой долгъ подчиниться тягостной необходимости быть выброшеннымъ за бортъ, дабы сумма счастья получилась бѣльшая, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы всѣ трое пошли ко дну, или спаслись бы вы одни? Или вы сами считали бы себя нравственно обязанными избавиться отъ двухъ сосѣдей, дабы тѣмъ сохранить себя? Но если вы не имѣете права освободиться отъ другихъ, то и эти другіе не имѣютъ ни малѣйшаго права жертвовать вами, и если бы они пожертвовали вами, то поступили бы не хорошо, а дурно. И однако очевидно, ихъ дурной поступокъ способствовалъ бы большому счастью большаго числа индивидуумовъ, чѣмъ въ противномъ случаѣ, когда спаслась жизнь одного, или погибли бы всѣ. Этотъ примѣръ— крайность, но въ практической жизни можно указать много подходящихъ примѣровъ. Вы, положимъ, усталый пѣшеходъ, имѣете ли право остановить коляску вашего ближняго и заставить его взять васъ къ себѣ въ сосѣди, дабы вы сберегли свои силы для всеобщаго благополучія? Очевидно, ни малѣйшаго, помимо его собственнаго согласія. Такимъ образомъ между полезными въ высшей степени дѣйствіями оказывается много такихъ, совершеніе которыхъ есть положительное зло, а не совершеніе, напротивъ, должно быть одобряемо. Съ другой

стороны, можно указать примѣры самой возвышенной добродѣтели, разрушающіе общее благополучіе, даже прямо на то разчитанные. Когда, на примѣръ, въ Китаѣ сынъ отдаетъ себя въ руки правосудія вмѣсто преступника отца и идетъ на казнь, можетъ ли быть что-либо противнѣй общественному благу? Утилитаристы должны прямо осудить подобный поступокъ, какъ безнравственный. Неужели однакожь подобный поступокъ любящаго сына недостойнъ удивленія, одобренія, не заслуживаетъ названія нравственнаго въ высокой степени дѣянія? Не измѣняя общепонимаемаго значенія словъ, утвердившихся съ незапамятнаго времени, утилитаристы не могутъ объяснить намъ на этомъ примѣрѣ, какъ польза и нравственность могутъ совпадать вмѣстѣ.

Далѣе, я утверждаю, что утилитаризмъ вмѣсто того, чтобы указывать намъ непогрѣшимый критерій добра и зла, лишаетъ насъ на-противъ всякихъ средствъ ясно разъяснить добро и зло во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ такое различіе необходимо; въ сущности онъ противорѣчитъ той самой пользѣ, отъ которой получилъ и свое названіе.

По утилитарной неикѣ нравственность дѣйствій зависитъ всецѣло отъ ихъ послѣдствій. По словамъ главы ихъ, „мотивъ не имѣетъ ничего общаго съ нравственностію. Спасеніе утомающаго есть дѣйствіе хорошее помимо того, дѣйствуетъ ли спасающій безкорыстно, или разчитывая на плату за свой рискъ“. Есть ли вообще дѣйствія, которыя, ради приносимой ими пользы, при всѣхъ обстоятельствахъ нравственны, — въ этомъ можно сомнѣваться; но можно утверждать безъ всякаго колебанія, что существуютъ тысячи дѣйствій, нравственность или безнравственность которыхъ зависятъ единственно отъ мотивовъ. Положимъ, два доктора даютъ двумъ больнымъ одною и тою же болѣзнію слишкомъ большую дозу стрихнина и убиваютъ ихъ, нравственность или безнравственность этого дѣянія зависитъ единственно отъ того, имѣли ли они намѣреніе лишить ихъ жизни, или думали тѣмъ вылѣчить. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ простаго убійцу, въ другомъ — простаго невѣжду. Дѣйствіе можетъ быть нравственнымъ независимо отъ мотивовъ только въ томъ случаѣ, когда мы нравственность вполне отождествимъ съ пользою.

Но допустимъ, что нравственность и польза одно и то же, что различіе добра и зла зависитъ единственно отъ послѣдствій, и посмотримъ, какъ далеко можемъ двигаться въ житейскомъ мірѣ съ подобными правилами.

Первое слѣдствіе: мы никогда не можемъ быть увѣрены, каковы

будетъ результатъ нашего поведенія, а слѣдовательно, не можемъ ругаться и за его нравственность. Мы должны просто довѣрять нашему искусству при обсужденіи событій, и если благоразуміе намъ измѣнить, мы должны будемъ охвататься виновными.

Далѣе, тѣ, кто полагаютъ, что заслуга каждаго дѣйствія зависитъ отъ послѣдствій, всегда могутъ найти предлогъ для совершенія самыхъ дурныхъ дѣйствій. Мужъ, ненавидящій свою жену и любящій другую женщину, можетъ рассуждать слѣдующимъ образомъ: цѣль жизни въ умноженіи счастья и уменьшеніи несчастія; всѣ мы трое несчастны, но если одну устранить съ дороги, то оставшіеся двое могутъ быть счастливы. Бродяга можетъ думать, что если отдѣлать на него половину состоянія какого-нибудь богача, то вмѣсто одного счастливаго и другаго несчастнаго будетъ двое счастливыхъ и т. д.

Равнымъ образомъ, отождествляющіе нравственность съ общественнымъ благомъ могутъ прійти къ освященію самыхъ дурныхъ общественныхъ дѣйствій. Они должны одобрить Робеспьеровскій принципъ, что можно уничтожить $\frac{1}{10}$ часть человѣчества, лишь бы остальные $\frac{9}{10}$ блаженствовали. Въ такомъ случаѣ всякія злодѣянія, терроръ и публичный обманъ становятся высоко нравственными дѣйствіями, коль скоро они въ какомъ бы то ни было смыслѣ полезны для общества.

Наконецъ утилитарный принципъ, вмѣсто того, чтобъ быть неизмѣннымъ руководящимъ правиломъ, слѣдуетъ за всѣми измѣненіями въ сужденіяхъ различныхъ личностей. Онъ вполне зависитъ отъ предположеній, которыя въ состояніи сдѣлать дѣйствующее лицо относительно послѣдствій своихъ дѣяній. Утилитарный законъ разрѣшается въ положеніе, что каждый самъ долженъ быть закономъ для себя. Это необходимо слѣдуетъ изъ посылокъ утилитаризма. Не объявляютъ ли эти философы, что нравственность дѣйствій зависитъ единственно отъ ихъ послѣдствій? И такъ какъ по отношенію къ будущему возможны только предположенія, то не ставится ли нравственность въ зависимость отъ различія дѣлаемыхъ индивидуумомъ сужденій и предположеній, слѣдовательно, отъ ихъ способности.

Теперь мы рассмотримъ, какъ утилитаризмъ, съ другой стороны, уничтожаетъ всякое различіе между разными видами добродѣтели, смѣшивая ихъ въ одну однообразную массу. Для утилитаристовъ справедливость и социальная добродѣтель тождественны, и тогда какъ всякій послѣдователь ихъ можетъ иногда дѣлать менѣе, чѣмъ отъ него требуется, онъ никогда не въ состояніи сдѣлать что-либо сверхъ

своего долга: ибо чтобъ онъ ни предпринималъ, то можетъ быть или согласно съ общественнымъ благомъ и для него обязательно, или не согласно, и слѣдовательно, необязательно. Ни одно изъ его дѣйствій не можетъ имѣть никакой особой цѣны: вездѣ онъ исполняетъ только то, что требуется отъ него долгомъ предъ обществомъ. Добродѣтель, очевидно, становится невозможною. Единственная награда, на которую мы можемъ разчитывать, есть изъятіе отъ наказанія за то, что мы не исполнили своего общественнаго долга. Воздержались мы отъ грабежа, убійства для личныхъ выгодъ, или разорились и потеряли здоровье на службѣ государства, — мзда наша должна быть одинаковая. Но къ этимъ размысленіямъ должно быть присоединено еще и другое. Если вы слишкомъ медленно двигаетесь къ цѣли — благу общества, то послѣднее имѣетъ право ускорить ваше движеніе. Если общество, или, точнѣе говоря, большинство найдетъ, что вы не самымъ наилучшимъ образомъ пользуетесь своею собственностію, оно можетъ само распорядиться съ благотворительною цѣлію вашимъ достояніемъ: оно можетъ построить дома рабочихъ на вашей землѣ, удвоить жалованье вашимъ наемникамъ, завести національныя мастерскія. Развѣ большинство не обязано стремиться къ возможно большому счастью возможно большаго числа людей?

О ТРУДАХЪ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Содержаніе и объемъ исторіи литературы не опредѣлены еще съ такою строгою точностью, которая вполне ограждала бы науку отъ произвольныхъ понятій и распоряженій въ ея области. Причина неопредѣленности заключается въ самомъ понятіи о литературѣ, которое подвергалось различнымъ измѣненіямъ и открывало обширное поле для болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній. Но существенныя основы науки обозначатся ясно, если изслѣдователь обратитъ вниманіе на главнѣйшіе факты въ развитіи исторіи литературы, какъ науки, и отбросивъ случайное и маловажное, взвѣситъ и оцѣнитъ то, что имѣетъ дѣйствительное и непреложное значеніе. Многое множество мнѣній высказано о литературѣ, о ея задачѣ, идеѣ и т. д.; но во всемъ этомъ много такого, что сказано не вслѣдствіе глубокаго изученія и пониманія предмета, а изъ желанія блеснуть оригинальностью или просто потому, что надо же наукѣ придумать какое-нибудь опредѣленіе. Изъ массы книгъ, статей и брошюръ выдаются явленія крупныя и капитальныя, и изъ нихъ открывается связь исторіи литературы съ состояніемъ и судьбою народной образованности, и то, что какъ бы невольно является въ произведеніяхъ различныхъ эпохъ, указываетъ на необходимые условія и элементы науки.

Первоначально исторія литературы возникаетъ въ формѣ отрывочныхъ свѣдѣній о жизни и твореніяхъ писателей, преимущественно древнихъ. Впослѣдствіи на первомъ планѣ являются свѣдѣнія о языкѣ, понимаемомъ въ смыслѣ литературнаго слова. Наконецъ существеннымъ требованіемъ признается оцѣнка содержанія литературныхъ произведеній, и при этой оцѣнкѣ руководствуются или эстетическою, или историческою, или филологическою точкою зрѣнія.

Въ средніе вѣка появляются уже сборники матеріаловъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ исторіи литературы. Вальтеръ Бурлей,
часть слVI, отд. 2.

жившій въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія, составилъ на латинскомъ языкѣ сборникъ свѣдѣній о „жизни, нравахъ, словахъ и дѣлахъ древнихъ поэтовъ и философовъ“. Отцомъ исторіи литературы слыветъ знаменитый ученый XVI вѣка, Конрадъ Геснеръ, авторъ „Всеобщей бібліотеки или пространнаго каталога авторовъ, писавшихъ на греческомъ, латинскомъ и еврейскѣмъ языкахъ“¹⁾. Названіе „исторія литературы“—*historia literaria*, какъ научный терминъ, впервые является у замѣчательнаго бібліографа семнадцатаго вѣка, Ламбека²⁾. Его *prodomus historiae literariae*, какъ показываетъ самое названіе, есть только введение, но введение чрезвычайно обширное, обнимающее различныя отрасли знаній и составленное сообразно съ научными требованіями тогдашняго времени, частью серьезными, частью весьма наивными. Авторъ раздѣляетъ исторію вообще на исторію естественную, политическую, церковную и литературную. Последняя, то-есть, исторія литературы раздѣляется на три части: исторія языка, исторія писателей и исторія наукъ и искусствъ. Изданный отдѣлъ труда обнимаетъ время отъ сотворенія міра до похода Аргонатовъ и взятія Трои. Первая глава посвящена хронологическимъ соображеніямъ, толкуетъ о раздѣленіи времени до принятія христіанской эры; во второй рѣчь идетъ о первобытномъ языкѣ, въ третьей—о произведеніяхъ допотопной литературы и т. п. Хронологическія разсужденія Ламбека привели его къ заключенію, что міръ сотворенъ вечеромъ наканунѣ 26-го октября, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ скептиковъ, утверждавшихъ, что твореніе началось съ вечера на 19-е октября. Ламбекъ провозглашаетъ, какъ несомнѣнную истину, что первобытнымъ языкомъ человѣчества былъ еврейскій, что въ раю говорили по еврейски, и т. п.³⁾ Курьезы, которыми изобилуетъ первый

¹⁾ C. Gesneri: *Bibliotheca universalis, sive catalogus omnium scriptorum locupletissimus, in tribus linguis, latina, graeca et hebraica extantium et non extantium, veterum et recentiorum.* Tiguri. 1545.

²⁾ Petri Lambecii hamburgensis: *Prodomus historiae literariae.* 1659 и 1710.

³⁾ *Omne illud tempus, quod intium vulgaris aerae christianaе antecessit, in triginta novem divisum est secula cum dimidio minus novem mensibus et viginti quinque diebus, nempe a vespere diem XXVI octobris Juliani praecedente, quo Deus in principio rudem indigestamque coeli et terrae molem ex nihilo creavit, usque ad kalendas januarii anni mundi 3950 unde annorum vulgaris aerae christianaе series deducitur.... Sane quod ad primitivam linguam, quae temporibus antediluvianis et in ipso adeo paradiso in usu fuit, attinet, nemo, ut opinor, sanae mentis inficiari ausit, propriam esse hanc gloriam hebraeae... (Prodomus. cap. I, II).*

опытъ исторіи литературы, не были исключительною особенностью понятій автора, а служили отголоскомъ господствовавшихъ тогда воззрѣній. Книжки по исторіи литературы наполнялись разказами и анекдотами, занимавшими воображеніе читателей и извлекаемыми изъ многочисленныхъ издѣлій средневѣковой и позднѣйшей письменности. По остроумному и справедливому отзыву одного изъ писателей конца вѣсьнадцатаго столѣтія, исторія литературы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ была только обремененіемъ памяти и игрою въ собственныя имена. Литераторомъ величали того, кто усердно собиралъ, перечитывалъ и составлялъ трактаты о самыхъ ничтожныхъ мелочахъ литературнаго міра, какъ напримѣръ, объ ученыхъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ сапожниками или портными, о писателяхъ, которые предсказывали свою смерть, которые родились близнецами, весь вѣкъ свой провели въ безбрачномъ состояніи, никогда не ѣли свинины, и т. п. Литераторомъ первой величины считали того, кто зналъ наизусть годъ рожденія и смерти и генеалогію каждаго ученаго, годъ изданія, форматъ и число страницъ каждой книги. Литераторы, полагая достаточнымъ знать мысли другихъ, оставляли въ покоѣ свой умъ, не тревожа его ни единою собственною мыслию. Мнимые всезнайки, въ сущности не знали ничего, и лишенные вкуса, находили, что скорлупа вкуснѣе зерна, и т. д. ¹⁾.

Рѣдко, рѣдко появлялись труды, выводившіе читателя на болѣе вѣрную дорогу, въ родѣ труда Геймана, пытавшася дать наукѣ болѣе точныя границы, и изъ массы разнородныхъ матеріаловъ выдѣлать нѣсколько группъ, изученіе которыхъ можетъ повести къ дѣйствительному знакомству съ предметомъ. Смотря по тому, какія произведенія образуютъ содержаніе исторіи литературы, Гейманъ раздѣляетъ ее на географическую, топографическую и техническую. Географическая исторія литературы обнимаетъ литературную дѣятельность одной какой-либо страны, какъ напримѣръ, исторія литературы Германіи. Топографическая ограничивается одною какою-либо мѣстностью или ученымъ учрежденіемъ, напримѣръ, исторія Парижской академіи. Техническая излагаетъ судьбу отдѣльной отрасли наукъ или искусствъ (τέχνη), какъ напримѣръ, *исторія поэзіи*. Въ книгѣ Геймана говорится о письменахъ, объ успѣхахъ наукъ: грамматикѣ, пѣтикѣ, генеалогіи, математикѣ, медицинѣ, юриспруденціи и т. д.

¹⁾ Versuch einer allgemeinen Geschichte der Literatur, von Ludwig Wachler. Lemgo. 1793. ч. I, стр. 3—5.

Изъ современныхъ той эпохѣ ревнителей просвѣщенія особенно восхваляются Іоаннъ V, король португальскій, и Петръ Великій, котораго авторъ называетъ то Меценатомъ, то Августомъ ¹⁾.

Исторію поэзіи многіе писатели считали существеннымъ, главнѣйшимъ, а нѣкоторые даже исключительнымъ содержаніемъ исторіи литературы. Въ возрѣніи на поэзію долгое время преобладало механическое начало; ее опредѣляли по внѣшней формѣ: поэзія и стихотворство были понятіями совершенно тождественными. Но съ такимъ схоластическимъ возрѣніемъ не могли вполнѣ помириться даже нѣкоторые изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ старыхъ литературныхъ обычаевъ. Они, не ограничиваясь формою, обращались къ содержанію произведеній, и на основаніи его отмежевывали то или другое мѣсто въ исторіи литературы различнымъ литературнымъ явленіямъ. Эстетическая, историческая и филологическая точка зрѣнія чередовались при выборѣ данныхъ, изъ которыхъ слагалась исторія литературы какъ наука.

Основатель эстетики, давшій ей имя, навсегда оставшееся въ наукѣ, Баумгартенъ осмыслилъ начала литературной критики, заимствованныя преимущественно изъ міра древняго, изъ Аристотеля и Горация, Цицерона и Квинтиліана. Баумгартенъ развивалъ идеи, возникшія и отчасти выработанныя въ философской системѣ Лейбница и Вольфа. Самымъ вліятельнымъ изъ философовъ-эстетиковъ безспорно былъ Гегель, и его идеи, съ незначительными видоизмѣненіями, преобладали въ эстетической критикѣ до послѣдняго времени. При господствѣ эстетическаго начала исторія литературы неминуемо сводилась на исторію поэтическаго творчества, а такъ какъ задача эстетической критики—указаніе и оцѣнка художественнаго идеала, то кругъ разсматриваемыхъ явленій не ограничивался по большей части литературою одного какого-либо народа, а распространялся на литературы различныхъ странъ и народовъ. Одинъ изъ представителей эстетическаго возрѣнія на литературные памятники, признавая три главные идеала поэзіи: красоту, мудрость и свободу, считаетъ величайшими поэтами міра Гомера, автора книги Іова и Шекспира. Первый выразилъ во всей полнотѣ и совершенствѣ идеалъ красоты, второй—мудрости, третій — свободы ²⁾ По мнѣнію другаго критика, первое

¹⁾ *Conspectus reipublicae literariae sive via ad historiam literariam, aperta a Chr. Aug. Neumanno. Editio secunda. 1726.*

²⁾ *Die Poesie und ihre Geschichte. Eine Entwicklung der poetischen Ideale der Völker, von Karl Rosenkranz. 1855.*

мѣсто въ эстетическомъ отношеніи принадлежить: Псалмамъ, Книгѣ о подражаніи Христу, твореніямъ Гомера, Платона, Шекспира; второе — Божественной Комедіи Данта и Фаусту Гёте, третье — Донъ-Кихоту Сервантеса, и т. д. ¹⁾.

Эстетическая критика не всегда держалась на строгой, научной основѣ, а произвольные выводы и классификаціи не удовлетворяли пытливой мысли. Она невольно склонялась къ направленію историческому, дававшему болѣе вѣрные средства для оцѣнки литературныхъ произведеній.

Историческое направленіе, какъ понимали его въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, проводится послѣдовательно въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ для своего времени трудѣ — въ исторіи литературы Вахлера: *Versuch einer allgemeinen Geschichte der Literatur*. По опредѣленію Вахлера, исторія литературы есть систематическое собраніе фактовъ, изъ которыхъ объясняется современное состояніе литературы и культуры. Занимаясь главнѣйшимъ образомъ душою человѣка, она заимствуетъ изъ политической исторіи то, посредствомъ чего человѣкъ есть человѣкъ. Исторія литературы должна идти рука объ руку съ политической исторіей и обращаться къ ней за рѣшеніемъ возникающихъ вопросовъ и недоумѣній. Такъ упадокъ римской литературы и учености объясняется потерей гражданской свободы, тираніею жалкихъ монарховъ и общою распущенностію нравовъ, и т. д. Два начала положены въ основаніе труда Вахлера: выборъ только вліятельнѣйшихъ писателей, которые давали тонъ цѣлому ряду годовъ и прокладывали новую дорогу, и развитіе мышленія въ головѣ читателя, а не обремененіе его памяти. При изложеніи литературы Вахлеръ постоянно имѣетъ въ виду какъ благоприятна, такъ и враждебна ей историческія явленія: говорить о политическихъ преобразованіяхъ, о книгопечатаніи, объ учрежденіи публичныхъ бібліотекъ, а съ другой стороны — о деспотизмѣ, объ іезуитахъ, объ алхиміи и астрологіи, о войнахъ, и т. п.

Связь исторіи литературы съ исторіей политической давно уже замѣчена была самими авторами политической исторіи. Вольтеръ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ весьма часто переходитъ въ область литературы, и даже забываетъ о политическихъ событіяхъ, а распространяется о явленіяхъ литературныхъ. Этому образцу, говорить Вильмень, должна слѣдовать литературная критика, примѣши-

¹⁾ De l'idéal dans l'art, par. H. Taine. 1867.

вая къ литературѣ исторію, какъ Вольтеръ принималъ литературу къ исторіи. Въ своей исторіи литературы восемнадцатаго столѣтія Вильменъ разсматриваетъ литературныя памятники въ связи съ политическими вопросами какъ во Франціи, такъ и внѣ ея предѣловъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Франція приходила въ соприкосновеніе съ другими странами Европы. Вольтеръ жилъ долго въ Англіи, откуда вынесъ свои умственные и политическія убѣжденія; Бюффонъ началъ свою дѣятельность по естественнымъ наукамъ переводомъ съ англійскаго; Дидро и Руссо заимствовали у англійскихъ мыслителей свои идеи о политикѣ и воспитаніи, а Кондильякъ— всю свою философію, и т. д. Вслѣдствіе этого Вильменъ излагаетъ весьма подробно многое изъ политической и литературной жизни Англіи. Говоря о Мирабо и объ ораторахъ національнаго собранія, Вильменъ сравниваетъ ихъ съ англійскими и разбираетъ рѣчи, произнесенныя въ верхней и нижней палатахъ. Указывая вліяніе французской литературы на итальянскую, онъ распространяется объ общественномъ состояніи и правительствѣ тогдашней Италіи, и т. д. ¹⁾

Какъ у Вильмена, такъ и у многихъ другихъ историковъ литературы, историческое начало является въ видѣ соединенія, отчасти даже смѣси фактовъ литературныхъ съ фактами политической исторіи. Наиболее точное разграниченіе двухъ началъ, эстетическаго и историческаго, опредѣляющее сущность историческаго направленія въ исторіи литературы, находимъ у Гервинуса въ его исторіи нѣмецкой литературы. „Я предпринялъ — говоритъ онъ — изложить исторію нѣмецкой поэзіи со времени ея перваго появленія до той эпохи, когда она, послѣ разнообразныхъ превратностей, наиболее приблизилась ко всеобъемлющему и чистѣйшему идеалу поэзіи и искусства вообще. Моя исторія литературы отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что она не иное что, какъ исторія. Я не вдаюсь въ эстетическую оцѣнку произведеній; я не поэтъ и не критикъ поэтическихъ созданій. Эстетическій критикъ объясняетъ намъ, какъ твореніе возникаетъ, зрѣетъ и развивается само изъ себя; онъ показываетъ его внутренній ростъ, а также отношеніе его къ своему роду и къ творческой силѣ поэта. Эстетикъ всячески избѣгаетъ сравненія разсматриваемаго произведенія съ другими и разнородными; для историческаго же критика сравненіе это служитъ главнѣйшимъ средствомъ къ достиженію цѣли.

¹⁾ Cours de littérature française par M. Villemain. 1840, стр. 16—529. Tableau du dix-huitième siècle — лекціи, читанныя Вильменомъ въ 1827, 1828 и 1829 годахъ.

Не ограничиваясь отдѣльными явленіями, историческій критикъ обнимаетъ всю совокупность поэтическихъ созданий и показываетъ ихъ происхождение изъ духа и условій времени, изъ круга идей, событій и историческихъ судебъ; отыскиваетъ причины литературныхъ явленій и указываетъ ихъ дѣйствіе и вліяніе, и на этомъ преимущественно основаніи оцѣниваетъ ихъ относительное достоинство. Само собою разумѣется, что для историческаго критика необходимъ здравый эстетическій вкусъ, подобно тому какъ для политическаго историка необходимъ вѣрный политическій взглядъ. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы политическій историкъ выходилъ изъ своей колѣн и становился публицистомъ, а историкъ литературы прилеталъ къ своему предмету эстетическіе трактаты. Впрочемъ, надо замѣтить, что если изслѣдователи, каждый въ своей области, будутъ строго держаться требованій науки, то и историческая и эстетическая критика прійдутъ къ одному и тому же результату; надо только счеты вести одинаково вѣрно и правильно, хотя и по разнымъ способамъ: итоги непременно будутъ одинаковы ¹⁾).

Филологическая школа изученія литературы считаетъ въ числѣ своихъ представителей такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Яковъ Гриммъ, Лахманъ, Вабернагель, и др. Первая задача филологической критики заключается въ рецензій текста, въ выборѣ изъ множества списковъ такого, въ которомъ текстъ сохранился въ древнѣйшемъ и достовѣрнѣйшемъ видѣ. Подобно спискамъ, подлежатъ изслѣдованію переводы, извлеченія, переработки, и т. д. Затѣмъ изслѣдованіе обращается къ личности, времени, отношеніямъ и источникамъ писателя. Такое изученіе литературы Лахманъ называетъ филологическимъ; но оно отнюдь не ограничивается грамматикою, а представляетъ весь, какъ поэта и человѣка, образъ писателя съ его полною обстановкою. Существенное требованіе заключается въ томъ,

¹⁾ Gervinus: Geschichte der poetischen Nationalliteratur der Deutschen (I, 3, 12—13). Трудъ Гервинуса появился въ 1835 году, и современная критика вѣмецкая высоко цѣнитъ заслуги Гервинуса, какъ историка литературы. Dass im bereiche unserer nationalen Literaturgeschichte Gervinus mit seinem Werke den reigen eröffnet, bedarf kaum besonderer Erwähnung. Es bezeichnet dasselbe eine neue Epoche in der Behandlung der Geschichte unserer nationalen Literatur. Die Methode der genetischen Darstellung tritt hier zuerst an die Stelle blosser ästhetischer Besprechung oder biographischer Ausführung. Aus der Mitte der Zeitverhältnisse lässt Gervinus die Denkmale der Literatur vor uns hintreten und sich gleichsam selbst erklären. (Die deutsche Nationalliteratur, besonders seit Lessing bis auf die Gegenwart, von Hillebrand. 1851. III, 443.

чтобы критикъ поставилъ себя на точку зрѣнія изучаемаго автора, судилъ о его образѣ мыслей, понятіяхъ и чувствахъ по тому, какъ они проявлялись въ самомъ авторѣ, и какое впечатлѣніе производили на его современниковъ¹⁾. При разнообразіи предметовъ, которыхъ касается филологическая критика, краеугольнымъ камнемъ служатъ изслѣдованія о языкѣ, какъ о живомъ организмѣ, выразителѣ души человѣческой и народныхъ особенностей. Исторія языка неразрывно связывается съ исторіею литературы и образованности. Обзорная судьба нѣмецкой литературы и сводя разнообразіе ея явленій къ тремъ главнымъ періодамъ, Вавернагель, подобно другимъ изслѣдователямъ, находитъ всего сообразнѣе обозначать періоды литературы именами, заимствуемыми изъ исторіи языка. Всю исторію нѣмецкой литературы Вавернагель раздѣляетъ на три періода: древне-верхне-нѣмецкій, средне-верхне-нѣмецкій и ново-верхне-нѣмецкій²⁾.

Специализація предметовъ, входящихъ въ исторію литературы, повела къ принятію двухъ терминовъ, выражающихъ собою различіе въ объемѣ и содержаніи исторіи литературы — *Literär-geschichte* и *Geschichte der Literatur* въ нѣмецкомъ языкѣ и *histoire littéraire* и *histoire de la littérature* во французскомъ. *Literär-geschichte* есть внѣшняя исторія литературы: она говоритъ объ отдѣльныхъ памятникахъ и объ ихъ авторахъ, сообщая о нихъ біографическія данныя. *Geschichte der Literatur* — внутренняя исторія литературы: она излагаетъ судьбы литературы во всей полнотѣ ея жизни и движенія, рисуетъ картину внутренняго развитія народнаго духа, со времени перваго зародыша творчества до самой высокой степени, которой оно достигло въ литературныхъ произведеніяхъ³⁾. *Histoire littéraire* обнимаетъ все, на-

¹⁾ Cp. Karl Lachmann, Eine Biographie von Martin Hertz. Berlin. 1851.

²⁾ *Geschichte der deutschen Literatur, ein Handbuch von Wilhelm Wackernagel.* Basel. 1851, стр. 31—33: «Die Geschichte der deutschen Literatur zerfällt in drei Zeiträume: man nennt dieselben am füglichsten mit Namen, die aus der Sprachgeschichte entlehnt sind, die althochdeutsche, die mittelhochdeutsche, die neuhochdeutsche Zeit. Die althochdeutsche Zeit — die fränkische, die karolingische, die Zeit der Mundarten, der geistlichen, der verdeutschten Latinität, der Epik, des Singens. Die mittelhochdeutsche Zeit — die schwädische, die hohenstaufische, die Zeit der Edeln, der Hofsprache, der romanisierten Deutschheit, der Romantik, der Didactik, Lyrik und Epopoeie, des Singens und des Sagens. Die neuhochdeutsche Zeit — die des Sagens, des Dramas und der Prosa, der Bürger, der Schriftsprache, die allgemein Deutsche und die der Universalität, sie darf die Vorbereitung der Weltliteratur genannt werden, etc.».

³⁾ Cp. Grässe: *Lehrbuch der allgemeinen Literaturgeschichte aller bekannten Völker der Welt.* 1837—1859.

писанное на языкъ какого-либо народа: она рождается и умираетъ съ языкомъ народа. Въ *histoire de la littérature* входитъ только то, что носитъ явныя слѣды таланта, художественности, искусства, и отъику ея подлежатъ общія, а отнюдь не спеціальныя идеи, выраженные изящнымъ словомъ ¹⁾.

Что же сдѣлано у насъ по части исторіи литературы? Какъ опредѣляется, по убѣжденію или по обычаю, объемъ и содержаніе исторіи русской литературы?

Понятіе исторіи литературы условливается опредѣленіемъ понятія самой литературы. Значеніе слова *литература* измѣнялось у насъ, какъ мѣнялось оно и у другихъ народовъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи слову *литература* придавали у насъ смыслъ, подобный тому, какой оно имѣло у писателей древнихъ и средневѣковыхъ, колеблясь между значеніемъ простаго знанія азбуки и обладанія всестороннею ученостью. Квинтиліанъ говоритъ положительно, что слово *литература* есть переводъ слова *грамматика*, не болѣе. Цицеронъ употребляетъ слово „литература“ то въ значеніи азбуки, буквописанія, то въ смыслѣ образованности, учености — *fuit in illo ingenium, ratio, memoria, literatura...* Въ словаряхъ иностранныхъ языковъ, появившихся у насъ въ первой и во второй половинѣ прошлаго столѣтія, слова *литература*, *литераторъ* объяснялись такимъ образомъ: *literatura* — искусство въ языкахъ и наукахъ, *die Wissenschaft in Sprachen*; *literator* — учитель, ученикъ азбуки, *ein Schüler, ein Schulmeister* ²⁾; — *littérateur* — человѣкъ ученый, человѣкъ упражнявшійся въ наукахъ и языкахъ; *littérature* — ученіе, наука, просвѣщенность въ разсужденіи наукъ, ученость; *grande littérature* — великое ученіе; *il est homme de grande littérature* — онъ весьма ученъ, и т. д. ³⁾.

Понятіе *литература* выражалось терминами: *письмена* (*lettres*) и *изящныя письмена* (*belles-lettres*): „Къ успѣхамъ, каковыя академія произвела въ наукахъ, естественно приложить успѣхи, каковыя въ Россіи сдѣлали *изящныя письмена*. Начало и распространеніе российскихъ *письменъ* въ Россіи есть плодъ нынѣшняго вѣка... Новыя

¹⁾ Ср. Nisard: *Histoire de la littérature française*, и др.

²⁾ Христофора Целларія краткой латинской лексикою съ российскимъ и нѣмецкимъ переводомъ. 1746.

³⁾ Полной французской и российской лексикою, съ послѣдняго изданія лексикона французской академіи на российской языкъ переведенный собраніемъ ученыхъ людей. С.-Пб. 1786.

красоты возсіяли въ одахъ Ломоносова... Дарованія всего писателя въ семь родѣ были столь велики, столь отміньны, столь вождедѣльны, что мы знаемъ многихъ, воздыхающихъ о томъ, что сей великой разумъ раздѣлялъ время свое между всѣми отраслями наукъ къ ущербу письменъ, въ коихъ его никто заступитъ еще не могъ" ¹⁾.

Общепотребительнымъ названіемъ письменъ или изящныхъ письменъ служило *стихотворство*, которое вмѣстѣ съ „краснорѣчіемъ“ исчерпывало всю область литературы. Поддѣльными названіямъ: *поэзія*, *поэтический* въ восемнадцатомъ вѣкѣ соотвѣтствовали: *стихотворство*, *стихотворческий*. Въ отзывахъ россійской академіи о выдающихся явленіяхъ тогдашней литературы безпрестанно встрѣчались такія мѣста: „нѣсколько строфъ можно признать за стихотворческія“, „почти всѣ строфы наполнены хорошимъ стихотворствомъ“ и т. п. Въ университетскихъ уставахъ наука, обозначенная впоследствии именемъ словесности и исторіи литературы, назывались стихотворствомъ и ораторією, или краснорѣчіемъ. По уставу 1755 года полагался въ университетѣ „профессоръ краснорѣчія для обученія ораторіи и стихотворства“. По уставу русскихъ университетовъ 1804 года соотвѣтствующая кафедра названа: „краснорѣчіе, стихотворство и россійскій языкъ“, а по уставу 1835 года — „россійская словесность и исторія россійской литературы“.

Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія Карамзинъ въ своемъ „Московскомъ журналѣ“ (выходившемъ съ 1791 года) сталъ употреблять слово „литература“ въ смыслѣ изящной словесности по преимуществу, и съ его легкой руки слово „литература“ вошло въ русскій языкъ и получило въ немъ право гражданства. Въ статьяхъ Карамзина часто встрѣчаются подобные слѣдующихъ отзывы и выраженія: „сие твореніе должно по справедливости возбудитъ вниманіе всѣхъ, любящихъ россійскую литературу“; „въ тѣ мирныя времена, когда единственно думали о наукахъ и литературѣ“; „можно ли сравнивать древнюю и новую литературу“, и т. п.

Усвоенное языкомъ и пустившее въ немъ корни, образовавъ прилагательное съ чисто-русскимъ окончаніемъ, слово „литература“ не поддавалось теоретическимъ опредѣленіямъ. Попытки опредѣлить его отличались, за немногими исключеніями, большимъ или меньшимъ произволомъ; наиболѣе серіозны изъ нихъ держались или этимологи-

¹⁾ Изъ статьи Домашнева въ *Академическихъ Извѣстіяхъ* 1779 года. Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Веремова. 1867 года, стр. 196—198.

ческаго объясненія, или общепринятаго понятія, соединяемаго съ этимъ словомъ въ языкахъ иностранныхъ, или наконецъ — господствовавшихъ тогда взглядовъ и положеній въ теоріи словесности.

Одинъ изъ самыхъ начитанныхъ библиографовъ нашихъ начала девятнадцатаго вѣка, Анастасевичъ, очень вѣрно замѣтилъ, что не смотря на множество толковъ о литературѣ, о ней имѣютъ у насъ до того смутное понятіе, что даваемые ей опредѣленія можно сравнить съ усиліями челоуѣка, желающаго какъ можно точнѣе обозначить черты особы, которую знаетъ по имени и по слухамъ, но никогда и нигде не видалъ въ лицо. Въ заслуживающей вниманія статьѣ Анастасевича говорится о терминахъ для выраженія понятія литературы, употребляемыхъ въ языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, и дается такое опредѣленіе литературѣ, понимаемой въ двойномъ смыслѣ, обширномъ и тѣсномъ. Въ обширномъ смыслѣ, литература обнимаетъ всѣ безъ исключенія умственные произведенія народа, во все время его существованія, на какомъ бы языкѣ они ни были писаны. Въ тѣсномъ смыслѣ, литература заключаетъ въ себѣ произведенія такъ-называемой изящной словесности, то-есть, *поэзіи, риторики, исторіи и философіи*, изложенныя общепонятнымъ образомъ на родномъ языкѣ, ибо въ нихъ преимущественно изображается *духъ вѣка и народа*. Не смотря на тогдашнее господство стилистической критики, Анастасевичъ признавалъ необходимымъ условіемъ художественнаго произведенія не одно только совершенство языка, но что всего важнѣе, по его убѣжденію — удовлетвореніе требованіямъ разума и вкуса ¹⁾.

Предѣлы литературы, обозначенные въ статьѣ Анастасевича, служивались у послѣдующихъ историковъ литературы и критиковъ: вмѣсто четырехъ принимались только три отрасли литературной дѣятельности. Теорія руководствовалась при этомъ отчасти образцами, заимствованными древнимъ міромъ, стремилась уложить понятіе о литературѣ въ тѣ рамки, которыя наиболѣе пригодны для содержанія и главное — для формы литературныхъ произведеній древнихъ народовъ. Какъ уцѣлѣвшіе памятники классической литературы относятся преимущественно къ области поэзіи, исторіи и ораторства, такъ и позднѣйшая теорія, возникшая у новыхъ европейскихъ народовъ, ограничивала кругъ литературы преимущественно поэзіею, исторіею и красно-

¹⁾ Труды Казанскаго общества любителей отечественной словесности. Казань. 1815. Книга первая. О словесности (литературѣ), В. Анастасевича, стр. 296 — 308.

рѣчию. Изъ общаго источника европейской цивилизаціи перешло и къ намъ подобное воззрѣніе на литературу.

„Литературою языка или народа — говорить Гречъ — называются всѣ творенія, писанныя на семъ языкѣ стихами или прозою. Произведенія ума человѣческаго, въ коихъ языкъ не составляетъ существенной части, принадлежатъ къ исторіи просвѣщенія вообще, а не къ исторіи литературы въ особенности. Главныя отрасли собственной литературы суть: *краснорѣчіе* во всѣхъ своихъ частяхъ, *исторія* и *поэзія*; вспомогательныя: грамматика, эстетика и критика“¹⁾.

Ту же тройственность въ опредѣленіи объема литературы находимъ и у Вѣлинскаго съ тою только разницею, что у Греча преобладаетъ взглядъ стилиста-библіографа, а у Вѣлинскаго — взглядъ эстетика. Вѣлинскій утверждаетъ, что подъ именемъ литературы слѣдуетъ понимать преимущественно изящную литературу, то-есть, „кругъ произведеній поэтическихъ, художественныхъ. Сюда, для полноты значенія слова *литература*, могутъ относиться такія словесныя произведенія, которыя, принадлежа къ сферѣ *ученой*, какъ *исторія*, или имѣя своимъ источникомъ опредѣленную *практическую* цѣль, какъ *ораторскія* рѣчи, тѣмъ не менѣе составляютъ собою предметъ живаго общаго интереса и требуютъ для своего выраженія болѣе или менѣе *художественной формы*, а отъ людей, посвящающихъ себя подобнаго рода дѣятельности, болѣе или менѣе художественнаго таланта. Такимъ образомъ, творенія Геродота, Фукидида, Тацита, ученые по своему содержанію, въ то же время суть и изящныя произведенія по искусству ихъ концепціи и изложенія. О рѣчахъ Демосоема и Цицерона нечего и говорить, потому что краснорѣчіе требуетъ отъ импровизаціи художественности въ выраженіи, а отъ оратора — таланта и вдохновенія“²⁾.

Сравнивая опредѣленія Анастасевича и Вѣлинскаго съ опредѣленіемъ современныхъ историковъ литературы, видимъ между ними большое сходство и весьма малое различіе, особенно если обратить вниманіе не на слова, а на сущность того, что ими выражается. По опредѣленію г. Галахова, литература „обнимаетъ всѣ словесныя произведенія, изображающія *жизнь и характеръ народа*. Такъ какъ это изображеніе преимущественно является въ *краснорѣчии* и *поэзии*, то исторія краснорѣчія и поэзіи занимаетъ главнѣйшее, но не единствен-

¹⁾ Гречъ, Опытъ краткой исторіи русской литературы. 1822. § I.

²⁾ Сочиненія Вѣлинскаго. 1862. Часть XII, стр. 412.

ное мѣсто въ исторіи литературы. Въ другія сочиненія, не смотря на то, что въ нихъ преобладаютъ или *научныя*, или *практическія* дѣла, также рассматриваются исторією литературы по отношенію ихъ къ народной жизни и народному характеру, или по вліянію на развитіе краснорѣчія и поэзіи, или по *изящной формѣ*, въ которую облечено ихъ содержаніе“¹⁾.

Подъ вліяніемъ эстетическихъ идей, развитыхъ въ философской системѣ Гегеля, заявленны были болѣе или менѣе точныя требованія отъ художественнаго произведенія, и все, что не подходило подъ уровень, требуемый эстетическою критикой, исключалось изъ области литературы. Критика сороковыхъ годовъ, воспитанная на началахъ Гегелевской философіи, видѣла въ *литературѣ* высшую степень развитія *идеи*, осуществляемой въ трехъ, постепенно возвышающихся одна надъ другою формахъ: *словесности*, *письменности* и *литературѣ*. „Словесность, письменность и литература—говорила критика—суть три главные періоды въ исторіи народнаго сознанія, выражающагося въ словѣ; литература есть послѣднее и высшее выраженіе мысли народа, проявляющейся въ словѣ...“²⁾. Литература возникаетъ только въ народахъ цивилизованныхъ, въ народахъ историческихъ. Какъ словесность состоитъ изъ совокупности памятниковъ, въ которыхъ сохранилось слово народа, такъ точно литература состоитъ изъ совокупности письменно-словесныхъ памятниковъ, въ которыхъ сохранился духъ народа. Духъ народа есть всемірно-историческое его назначеніе, назначеніе, къ которому народъ призванъ, та идея, которую суждено ему осуществить. Каждое дѣйствіе такого народа драгоцѣнно, потому что оно вызвано на свѣтъ идеєю и исполнено внутренняго значенія; каждый актъ самосознанія въ такомъ народѣ имѣетъ великій интересъ, потому что самосознаніе такого народа есть самосознаніе цѣлаго человѣчества. Литература есть ни что иное, какъ раскрытіе въ словѣ этого самосознанія“³⁾.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія слова: *словесность*, *письменность*, *литература*, употреблялись безразлично, замѣняя одно другое, по личному вкусу автора. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда желали соблюсти

¹⁾ Исторія русской словесности, древней и новой, соч. А. Галахова. 1863. Т. I, стр. 1, § 2.

²⁾ Сочиненія Влѣянскаго. 1862. Часть XII. Общее значеніе слова литература. Стр. 395, 398.

³⁾ *Отечественныя Записки*. 1840. Т. IX. Критика. Исторія древней русской словесности. Соч. М. Максимовича, стр. 42.

наибольшую точность въ терминологіи, при одномъ словѣ помѣщалось въ скобкахъ и другое, какъ два выраженія одного и того же понятія. Напримѣръ, Анастасевичъ далъ статьѣ своей заглавіе: „о словесности (литературѣ)“; въ хранящемся между рукописями російской академіи отзывѣ членовъ синода о славянскомъ словарѣ сказано: „хотя въ опытѣ находятся еще погрѣшности, но какъ подлежатъ они суду письменности (литературы), то умолчано о нихъ, какъ о постороннемъ дѣлѣ“ и т. д.

Критика серовыхъ годовъ въ свою очередь находила излишнимъ педантизмомъ требовать, чтобы эти термины никогда не употреблялись одинъ вмѣсто другаго. Но такъ какъ въ русскомъ языкѣ существовало для одного и того же предмета три названія, то критика сочла своею обязанностью придумать имъ соотвѣтствующее опредѣленіе и указать ихъ взаимное отношеніе. Придуманное ею различіе заключалось въ слѣдующемъ: словесность неразборчива; письменность состоитъ изъ явленій случайныхъ и разъединенныхъ; литература отличается строгимъ выборомъ и строгою послѣдовательностью произведеній.

„Словесность неразборчива: она равно принимаетъ и дурное и хорошее. Пословица, поговорка, надпись на камнѣ, преданіе, мнѣе, глгопись, народная пѣсня, сказка, художественно-созданная поэма или драма, философское сочиненіе, журнальная статья, газетное объявленіе,—все это равно принадлежитъ къ области словесности, какъ предметы, существующіе черезъ слово и въ словѣ. Характеръ письменности—разъединенность и случайность. Органическая послѣдовательность въ развитіи — вотъ что составляетъ характеръ литературы, и вотъ чѣмъ отличается литература отъ словесности и письменности. Если произведеніе литературы носить на себѣ печать существеннаго достоинства, оно уже не можетъ быть случайнымъ явленіемъ, которое не было бы нѣкоторымъ образомъ результатомъ предшествовавшихъ ему произведеній, или по крайней мѣрѣ не объяснялось бы ими, и которое въ свою очередь не порождало бы другихъ литературныхъ явленій, или по крайней мѣрѣ не имѣло бы на нихъ прямого или косвеннаго вліянія“¹⁾.

Когда производились подобныя классификаціи и разграниченія, тогда едва только зараждалось изученіе памятниковъ устной словесности. Въ послѣднее время это изученіе сдѣлало большіе успѣхи, и ревнители устной словесности, недовольные тою низменною ролью, которую дала ей эстетическая критика, предлагаютъ слѣдующее для соглашенія понятій. Письменность заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ произведенія, написанныя на какомъ-либо языкѣ, которыя высказаны были

¹⁾ Сочиненія Бялинскаго. XII, 447, 398 и др. *Отечественныя Записки*. 1840. Т. IX. Критика, стр. 41 и др.

для простыхъ, обиденныхъ цѣлей, и служили для удовлетворенія насущнымъ, житейскимъ нуждамъ. Словесность и литература обнимаютъ произведенія, созданныя для высшихъ цѣлей, удовлетворяющія высшимъ стремленіямъ человѣка — къ истинному, къ прекрасному, къ идеалу. Вся разница состоитъ въ томъ, что словесность есть совокупность устныхъ намятниковъ, а литература — письменныхъ ¹⁾).

При возрѣвнн на литературу, какъ на совокупность художественныхъ произведеній, имѣющихъ неоспоримое значеніе для всѣхъ вѣковъ и народовъ, критика находилась въ неловкомъ положеніи, когда рѣчь шла собственно о русской литературѣ. Для выхода изъ этого положенія придумывались различные способы, смотря по времени и направленію, подъ вліяніемъ которыхъ слагались понятія авторовъ о литературѣ вообще. Критика двадцатыхъ годовъ, повторяя ходячее сближеніе развитія народа съ развитіемъ отдѣльнаго человѣка, и принимая вслѣдствіе этого три возраста народной жизни: младенческой, юношеской и зрѣлаго мужества, утверждала, что только въ послѣднемъ возрастѣ народъ можетъ имѣть литературу. Въ литературномъ развитіи полагалось шесть степеней, не болѣе и не менѣе, и русской литературѣ отводилась третья степень, никакъ не выше: характеристика ея чрезвычайно наивна. „Не у всѣхъ народовъ литература находится на одинаковой степени. У одного ограничивается она преданіями, пѣснями и пословицами, существующими не на письмѣ, а только еще въ памяти людей: такова первоначальная литература всѣхъ народовъ; нынѣ находимъ ее у племенъ дикихъ и пастушескихъ. У другаго она едва выходитъ изъ младенчества: люди пламеннаго воображенія начинаютъ, по внушенію природы или чужеземныхъ образцовъ, испытывать силы свои на языкѣ отечественномъ, напримѣръ, у Сербовъ. У третьяго являются уже писатели во всѣхъ почти родахъ, но степень и достоинство ихъ еще не опредѣлены временемъ и критикою—литература русская. У четвертаго есть классическіе писатели въ главнѣйшихъ родахъ словесности—французская литература при Людовикѣ XIV. У пятаго прошелъ уже вѣкъ классической литературы: матеріалы воображенія истощены, главные вопросы рѣшены; правильность, точность, единогласіе заступаютъ мѣсто бурнаго волненія противоборствующихъ между собою партій—нынѣшняя англійская. У шестаго литература исчезла въ народѣ, и существуетъ только

¹⁾ Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, Ореста Миллера. 1866. Второе изданіе. Выпускъ I. стр. 7—12.

въ книгахъ, оставленныхъ предками; языкъ намѣнился; первоначальный классическій сдѣлался мертвымъ, новый вступаетъ на цоприще, и его исторія вновь начинается — литература древняя греческая и римская¹⁾).

Критика сороковыхъ годовъ относилась отчасти еще строже къ русской литературѣ и отрицала самое ея существованіе, соглашаясь дать всей массѣ русскихъ литературныхъ памятниковъ одно только скромное имя словесности, а отнюдь не литературы, и допуская возможность исторіи русской словесности единственно въ смыслѣ постепеннаго развитія языка и слога. Признавая средоточіемъ и главнымъ основаніемъ исторіи русской словесности развитіе русскаго языка и образованіе литературнаго слога, критика разрѣшала вводить мимоходомъ и другіе предметы, для разнообразія и оживленія сухихъ разысканій, и разсматривая памятники собственно для языка, касаться по временамъ и ихъ содержанія...²⁾). Но та же самая критика не долго оставалась при мысли, заявленной ею съ большою настойчивостью и жаромъ. Она нашла счастливый выходъ въ признаніи необходимости историческаго начала, выводящаго исторію литературы изъ отвлеченной сферы общечеловѣческихъ, мировыхъ идей въ кругъ понятій и судебъ опредѣленнаго народа. Бѣлинскій говоритъ: „Начало и развитіе русской литературы совершенно особенное явленіе, не имѣющее себѣ примѣра ни въ одной литературѣ міра, такъ же какъ и развитіе русскаго народа. И вотъ здѣсь - то является, во всей своей очевидности, та истина, что литература есть выраженіе жизни своего народа, и что исторія литературы тѣсно слита съ исторіею народа. Всемирно-историческаго значенія русская литература никогда не имѣла и теперь имѣть не можетъ. Наша литература исполнена большаго интереса, но только для насъ. Русскихъ, потому что въ ней выразилось наше собственное развитіе, общественное и человѣческое. Другими словами: наша литература имѣетъ для насъ великое значеніе не въ одномъ эстетическомъ, но еще болѣе въ историческомъ значеніи. Исключительно эстетическая точка зрѣнія, какъ всякая односторонность, всегда доводитъ до ложныхъ заключеній: и потому, при сужденіи о литературѣ, кромѣ эстетической точки зрѣнія, нужна еще и историческая. И вотъ съ этой послѣдней точки зрѣнія, не только Державинъ, но и

¹⁾ Гречъ, Опытъ краткой исторіи русской литературы. § 2.

²⁾ *Отечественныя Записки*. 1840. Т. IX. Критика, стр. 62—64.

Ломоносовъ получаетъ великое значеніе въ русской литературѣ, не только какъ писатель вообще, но и какъ поэтъ. Даже Сумароковъ, Херасковъ и Княжнинъ, которыхъ такъ легко совершенно уничтожить съ эстетической точки зрѣнія, — съ исторической, напротивъ, получаютъ полное оправданіе, и являются, въ русской литературѣ, именами замѣчательными и почтенными. Эти трудолюбивые люди, своею дѣятельностью, хотя и ошибочною, размножили на Руси книги, а чрезъ книги — читателей, распространили въ обществѣ охоту и страсть къ благороднымъ умственнымъ наслажденіямъ литературою и театромъ, — и такимъ образомъ, мало-по-малу, приготовили для Карамзина возможность образовывать въ обществѣ публику для русской литературы“ и т. д. ¹⁾.

Первый опытъ исторіи русской литературы явился въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Ни въ восемнадцатомъ вѣкѣ, ни въ началѣ девятнадцатаго, не только не появлялось въ печати систематическаго обзорѣнія русской литературы, но сама исторія русской литературы не входила даже въ кругъ университетскаго преподаванія. Отрывки изъ русскихъ писателей, приводимые на лекціяхъ по теоріи словесности, составляли незначительное меньшинство въ сравненіи съ примѣрами изъ писателей иностранныхъ, преимущественно древнихъ. Одна изъ первыхъ попытокъ ввести исторію русской литературы въ число предметовъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, принадлежитъ профессору Харьковскаго университета Рижскому, автору нѣсколькихъ сочиненій изъ области словесности, долгое время служившихъ руководствомъ во многихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ обзорѣніи лекцій Харьковскаго университета, 1809 — 1810 года, сказано, что профессоръ Рижскій изложить науку краснорѣчія по собственному сочиненію и кратко пройдетъ исторію русской словесности ²⁾. Преподаваніе ея стало входить въ общій съ тѣхъ поръ, когда изданъ былъ Словарь русскихъ писателей митрополита Евгенія, а на основаніи его — Учебникъ исторіи русской литературы Греча. Этотъ учебникъ былъ бы невозможенъ, если бы ему не предшествовалъ Словарь митрополита Евгенія, послужившій главнымъ источникомъ при составленіи перваго опыта исторіи русской литературы.

¹⁾ Сочиненія Валинскаго, XII, 436—441.

²⁾ Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, стр. 64—74, 156.

До появленія знаменитаго Словаря русскихъ писателей митрополита Евгенія существовало два труда, изъ которыхъ можно было ознакомиться съ состояніемъ русской литературы, но преимущественно и почти исключительно, восемнадцатаго столѣтія: одинъ изъ нихъ принадлежитъ Новикову, другой — Бакмейстеру.

Новиковъ въ своемъ замѣчательномъ опытѣ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ собралъ свѣдѣнія болѣе нежели о трехъ стахъ писателяхъ, изъ которыхъ только седьмая часть приходится на долю жившихъ въ прежніе вѣка, съ десятаго до семнадцатаго; всѣ остальные жили и писали въ восемнадцатомъ столѣтіи. Предпринявши трудъ свой съ цѣлю сохранить для потомства имена лицъ, потрудившихся для Россіи на литературномъ поприщѣ, Новиковъ тщательно собиралъ извѣстія о нихъ изъ словесныхъ и письменныхъ источниковъ и дорожилъ каждою чертою, относящеюся къ „честному, разумному и добродѣтельному“ писателю. Биографическій интересъ преобладаетъ въ трудѣ Новикова, но и библиографическая сторона отличается замѣчательною, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился авторъ, точностью и полнотою. Онъ перечисляетъ сочиненія и переводы писателей, приводитъ даже надгробныя надписи, которыми современники почтили своихъ собратьевъ, и т. п. Само собою разумѣется, что очень легко указать пропуски, невѣрности, недомолвки, и вообще, болѣе или менѣе крупныя недостатки въ трудѣ Новикова, но не смотря на все это, историческій словарь Новикова останется навсегда драгоценнымъ памятникомъ нашей литературы восемнадцатаго вѣка, и какъ сборникъ свѣдѣній о современныхъ автору литературныхъ дѣятеляхъ и какъ свидѣтельство о томъ, къ чему направлены были стремленія лучшихъ людей тогдашняго времени. Цѣль, съ которою издавались словарь писателей и „россійская вивлюэнка“, показываетъ, какъ сильна и разумна была любовь къ Россіи у людей такого закала, какъ Новиковъ. Мы имѣли уже случай подробно говорить о словарѣ Новикова ¹⁾, недавно изданномъ вновь вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими памятниками ²⁾.

Бакмейстеръ, вызванный Шлецеромъ въ Россію, сотрудникъ Миллера въ его историческихъ работахъ, составилъ себѣ прочную и вполне заслуженную извѣстность превосходнымъ трудомъ своимъ: „Русская

¹⁾ Н. И. Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ, *Записки Императорской академіи наукъ*. 1865. Т. VI.

²⁾ Матеріалы для исторіи русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. 1867, стр. 1—128.

библіотека для познанія современнаго состоянія литературы въ Россіи* ¹⁾). Трудъ Бакмейстера знакомитъ самымъ точнымъ и основательнымъ образомъ съ литературною производительностью въ Россіи въ теченіе шестнадцати лѣтъ, съ 1772 по 1788 годъ. Въ составъ „русской библіотеки“ входила каждая книга, изданная или по крайней мѣрѣ приготовленная къ изданію, написанная въ Россіи, а также каждое сочиненіе, оригинальное или переводное, выходившее въ Россіи, на русскомъ или иностранныхъ языкахъ, и т. п. Многіе изъ матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, книги и брошюры, погибли безвозвратно, и единственные слѣды ихъ уцѣлѣли на страницахъ „Русской библіотеки“. Въ каждомъ выпускѣ ея помѣщались сверхъ того извѣстія о состояніи наукъ и искусствъ въ Россіи, о книжной торговлѣ, объ ученыхъ трудахъ и предпріятіяхъ Академіи наукъ и Академіи художествъ, о лекціяхъ въ Московскомъ университетѣ, единственномъ тогда въ Россіи, и т. д. Сотрудниками Бакмейстера были академики Миллеръ, Палласъ, Штелинь и нѣсколько корреспондентовъ. Но на ихъ долю приходилось сравнительно весьма немногое; главный трудъ лежалъ на одномъ Бакмейстерѣ. По точности и дѣльности сообщаемыхъ свѣдѣній, изданіе его можетъ считаться въ библіографическомъ отношеніи образцовымъ не только для того времени, но и для послѣдующаго. Онъ излагаетъ кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно обстоятельно содержаніе книги, сравниваетъ напечатанный текстъ съ рукописными, и т. п. Хотя критика произведеній и не составляла его задачи, тѣмъ не менѣе описаніе его можетъ служить прочною основой для критическихъ работъ. Говоритъ ли онъ объ исторіи Татищева, о „Древней російской вивліоніѣ“, о „Ядрѣ російской исторіи“, приписываемомъ Хилкову, и т. д., черты, приводимыя имъ, вѣрно и мѣтко опредѣляютъ достоинства и недостатки описываемыхъ сочиненій. Такъ о „Вивліоніѣ“ онъ замѣчаетъ, что читатели желали бы знать источники печатаемыхъ памятниковъ, изъ которыхъ многіе только впервые дѣлаются извѣстными въ такой полнотѣ: разборчиво или нѣтъ они писаны, какъ древнее письмо, полны или нѣтъ списки; вмѣсто всего этого говорится только, что издатель пользовался рукописью изъ библіотеки императрицы, въ которой памятники полнѣе, нежели въ другихъ рукописяхъ и т. п. Изъ Ядра російской исторіи приводятся выписки, въ которыхъ доказывается, при помощи историческихъ ци-

¹⁾ Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland. 1772—1788.

татъ и филологическихъ сблженій, происхождение Москвитянъ отъ внука Ноева и сына Іафетова, Мосоха. Съ особенной подробностью Вакмейстеръ разсматриваетъ „Навазъ“ Екатерины, послужившій однимъ изъ главныхъ поводовъ къ изданію самой „русской бібліотеки“.

Подобно шестнадцати годамъ изъ царствованія Екатерины II, нѣтъ дѣтъ царствованія Александра I изучены весьма отчетливо въ отношеніи къ литературной производительности. Академикъ Шторхъ, извѣстный трудомъ своимъ о Россіи во времена Александра I (*Russland unter Alexander dem Erster*) и другими, составилъ, вмѣстѣ съ Аделунгомъ, обзоръ русскаго языка съ 1801 по 1806 годъ¹⁾. Шторхъ описалъ книги, изданныя на русскомъ языкѣ, Аделунгъ — изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ. Въ обзорѣнціи точно обозначены заглавіе, годъ изданія и мѣсто выхода; нѣтъ никакихъ выписокъ, но за то есть свѣдѣнія въ высшей степени важныя для историка литературы. При упоминаніи о книгѣ указываются рецензіи на нее; къ обзорѣнціи приложенъ списокъ русскихъ писателей и переводчиковъ за разсматриваемое пятилѣтіе, а также — нто особенно важно — списокъ иностранныхъ писателей, сочиненія которыхъ переведены на русскій языкъ; наконецъ, украшеніемъ труда служатъ приложенныя къ нему „заключенія“, состояція изъ статистическихъ цифръ: эти цифры говорятъ чрезвычайно много и даютъ здоровый и цѣнный матеріалъ для выводовъ историко-литературныхъ. Оказывается, что въ теченіе пятилѣтія вышло всего 1.304 сочиненія, изъ которыхъ — 756 оригинальныхъ, и 548 переводныхъ. Всего болѣе сочиненій издано по богословію, именно 213; изъ нихъ 175 оригинальныхъ и только 38 переводныхъ. Затѣмъ слѣдуютъ романы, числомъ 210, но изъ нихъ только 35 оригинальныя произведенія, а остальные 175 — переводныя. По философіи вышло 22 сочиненія: 5 оригинальныхъ и 17 переводныхъ; по законовѣдѣнціи 19, изъ которыхъ 17 оригинальныхъ и только 2 переводныхъ и т. д. Переводы сдѣланы съ десяти языковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, но по количеству переводовъ, въ такомъ порядкѣ: съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, греческаго, латинскаго, шведскаго, грузинскаго, итальянскаго и польскаго. Съ французскаго сдѣлано 262 перевода, съ польскаго только 1. На романы написано 35 рецензій, по филологіи 4 и по богословію 1. Большинство писателей принадлежитъ въ потомствен-

¹⁾ Систематическое обзоръ литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ; сочиненіе А. Шторхемъ и Ф. Аделунгомъ. 2 части, 1810—1811 годъ.

ному дворянству. Въ числѣ писателей: десять князей, шесть графовъ, три министра, два посланника, два адмирала, и т. д. На восемь писателей приходится одинъ духовный; но въ общей массѣ писателей всего 11 купцовъ и только одинъ крестьянинъ, и т. д.

Изъ трудовъ, предшествовавшихъ первому опыту исторіи русской литературы, нельзя забыть „Опыта російской библиографіи“, или полнаго словаря сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ, отъ начала книгопечатанія до 1813 года, составленнаго Сопиковымъ, и „Обозрѣнія источниковъ для составленія исторіи русской словесности“, Кеппена. Трудъ Кеппена заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ говорится, болѣе или менѣе подробно, о русскихъ писателяхъ и художникахъ ¹⁾.

И Кеппенъ, и Шторхъ, и другіе библиографы принимали слово *литература* въ самомъ обширномъ смыслѣ. Отдѣляя область филологіи, которая служитъ влючомъ ко всѣмъ прочимъ знаніямъ, Шторхъ вводитъ въ исторію литературы все, что произвело книгопечатаніе во всѣхъ отрасляхъ знанія: по богословію, философіи, правовѣдѣнію, медицинѣ, педагогикѣ, естественнымъ и военнымъ наукамъ, исторіи, математикѣ, географіи, статистикѣ, эстетикѣ, мнѣологіи, краснорѣчію, поэзіи, исторіи просвѣщенія вообще. Свѣдѣнія о литературной производимости по всѣмъ этимъ отдѣламъ онъ называетъ *исторіею литературы*. Кеппенъ говоритъ: „что касается до выраженія *словесность*, то я скорѣе могу согласиться съ писателями, принимающими оное въ обширномъ смыслѣ, нежели съ тѣми, которые хотятъ назначить ему предѣлы самыя тѣсныя. Къ исторіи просвѣщенія причислить должно: исторію словесности, исторію искусствъ, художествъ и ремеслъ и наконецъ исторію народной промышленности. Исторія словесности можетъ быть раздѣлена на исторію учености, на исторію самихъ ученыхъ и исторію разныхъ предметовъ, имѣющихъ особенное вліяніе на просвѣщеніе, какъ напримѣръ: книгопечатанія и книжной торговли; коихъ распространеніе много способствуетъ умственному и нравственному образованію народа“.

Тѣ вопросы, которыхъ могли не затрогивать библиографы, возникали сами собою при каждой попыткѣ систематическаго изложенія исторіи литературы. Библиографы описывали книги по группамъ и отдѣламъ и сообщали свѣдѣнія объ авторахъ въ азбучномъ порядкѣ.

¹⁾ Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № 1. Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи російской словесности. 1819.

Исторія литературы должна связать явленія не одною только внѣшней, но и внутреннею связью, руководствуясь опредѣленнымъ выборомъ, а не помѣщая все безъ разбора. Въ исторіи литературы неизбежно обнаруживается то или другое направленіе, преобладаетъ то или другое начало. Въ каждомъ изъ главныхъ началъ: эстетическомъ, историческомъ и филологическомъ, возможны разнообразныя видоизмѣненія и отгѣнки.

Эстетическое начало проникло въ нашу литературную критику, хотя въ чертахъ самыхъ общихъ, не долго спустя послѣ появленія самой науки эстетики. Профессоръ Московскаго университета Шварцъ, сотрудникъ Новикова, пользовался сочиненіями Баумгартена и другихъ теоретиковъ. Лекціи Шварца особенно замѣчательны по своей методѣ, соединявшей изложеніе эстетическихъ идей съ сравнительнымъ разборомъ произведеній различныхъ литературъ. Въ осьмнадцатомъ столѣтіи эстетика признавалась необходимымъ предметомъ для высшаго, университетскаго образованія. Въ планѣ русскихъ университетовъ, выработанномъ во времена Екатерины II, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ системѣ преподаванія отведено эстетикѣ, предметъ которой — сказано въ планѣ — возвышеніе духа, образованіе вкуса и развитіе стремленій къ истинному и прекрасному. Различныя видоизмѣненія эстетической критики, подъ влияніемъ литературныхъ теорій, господствовавшихъ въ западной Европѣ, отразились и у насъ. Критика, основанная на началахъ ложно-классическаго направленія, уступила мѣсто критикѣ, построенной на началахъ Шеллинговой, а вслѣдъ за тѣмъ Гегелевой философіи. На попрощѣ эстетической критики подвизались у насъ съ большимъ достоинствомъ и успѣхомъ Мераляковъ, Надеждинъ, Бѣлинскій и другіе. Но въ литературѣ нашей нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ бы излагалась и оцѣнивалась съ эстетической точки зрѣнія вся совокупность явленій русской литературы въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Хотя въ былое время и являлись попытки исторіи русской литературы съ эстетико-философскими претензіями, но это была невольная дань вѣбу, лишенная серьезнаго, научнаго значенія.

Также точно нельзя назвать ни одной исторіи русской литературы, написанной съ филологической точки зрѣнія. Но за то наша ученая литература по справедливости можетъ гордиться двумя классическими произведеніями, въ которыхъ заключаются драгоценные, критически изслѣдованные матеріалы для исторіи русской литературы, въ смыслѣ строгой науки, съ преобладающимъ филологическимъ на-

чаломъ. Эти два труда, обнимающіе и объясняющіе древній періодъ русской литературы: „Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума“, *Востокова* и „Описаніе рукописей синодальной бібліотеки“, *Горскаю* и *Невостровеа*.

Въ большинствѣ трудовъ по исторіи русской литературы преобладаетъ, въ томъ или другомъ видѣ, направленіе историческое. Оно обнаруживается въ различныхъ статьяхъ и монографіяхъ о русскихъ писателяхъ. Таковы многочисленныя статьи Вѣлинскаго, Дудышкина, Галахова и другихъ; таково сочиненіе князя Вяземскаго о фонъ-Визинѣ; наконецъ, богатѣйшій матеріалъ заключается въ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ Грота къ его превосходному изданію сочиненій Державина. Въ трудахъ, посвященныхъ не отдѣльному писателю или одной какой-либо эпохѣ, а исторіи русской литературѣ вообще, историческое направленіе обнаруживается то въ видѣ смѣси біографіи, бібліографіи и политической исторіи, то въ стремленіи связать памятники литературы съ вопросами религіозными и общественными.

Первообразомъ и главнѣйшимъ не только пособіемъ, но весьма часто даже источникомъ для трудовъ по исторіи русской литературы вообще должно назвать составленные митрополитомъ Евгеніемъ словари духовныхъ и свѣтскихъ русскихъ писателей. Высокое значеніе этого труда митрополита Евгенія давно уже оцѣнено ученою и литературною критикою. Даже въ самый разгаръ обличительнаго направленія даровитѣйшіе изъ его представителей воздавали должное слугамъ Евгенія, осыпая ѣдвыми укорами новѣйшихъ бібліографовъ, идущихъ по открытой имъ дорогѣ и позволявшихъ себѣ высокоумно относиться къ его работамъ только потому, что имъ удалось подобрать нѣсколько кирпичей, забытыхъ или оставленныхъ безъ вниманія пресвѣщеннымъ зодчимъ при постройкѣ цѣлаго и прочнаго зданія. Академія наукъ почтила столѣтнюю годовщину рожденія знаменитаго писателя ученымъ торжествомъ и изданіемъ сборника статей, въ которыхъ разсматриваются его труды вообще и составленные имъ словари писателей въ особенности ¹⁾.

Первое и обширное замѣтваніе изъ словарей митрополита Евгенія сдѣлано Гречемъ въ его „Опытъ исторіи русской литературы“, изданномъ въ 1822 году. Значеніе труда Греча опредѣляется временемъ

¹⁾ Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Т. V, выпускъ первый. 1868. Чтенія 18-го декабря 1867 года въ память митрополита Кіевскаго Евгенія, съ приложеніями. стр. 8—22, 217—292.

его появленія, источниками и способомъ ими пользоваться. Книга Греча явилась за полвѣка до нашего времени, и была *первымъ* опытомъ исторіи русской литературы во всея ея объемѣ. Авторъ воспользовался лучшимъ источникомъ и пособіемъ, не утратившимъ своей цѣны и для послѣдующихъ поколѣній, именно словаремъ Евгенія, одна часть котораго, о духовныхъ писателяхъ, была уже издана, хотя и неисправно, а изъ другой, о писателяхъ свѣтскихъ, были напечатаны только отрывки; но личное знакомство и сношенія съ митрополитомъ Евгеніемъ давали Гречу возможность пользоваться и рукописными матеріалами. Свѣдѣнія филологическія, встрѣчающіяся въ опытѣ Греча, заимствованы также изъ превосходнаго источника, — изъ разсужденія Востокова о славянскомъ языкѣ¹⁾, хотя научные выводы Востокова отчасти заслоняются у Греча господствовавшими тогда въ литературѣ нашей нисколько не научными понятіями о языкѣ и слоgѣ. Въ заимствованіяхъ Греча изъ словаря Евгенія замѣтенъ выборъ, основанный преимущественно на предпочтеніи изящной словесности другимъ отраслямъ литературы. Число писателей, упоминаемыхъ Гречемъ, почти то же, какъ и въ словарѣ Новикова, вышедшемъ за пятьдесятъ лѣтъ до того времени. Гречь опускаетъ многія извѣстія, находящіяся не только у Евгенія, но отчасти даже у Новикова, и относящіяся къ переводамъ на русскій языкъ древнихъ классическихъ писателей и французскихъ энциклопедистовъ; не упоминаетъ о трудахъ, отмѣченныхъ Евгеніемъ, касающихся восточныхъ языковъ и народовъ и т. п. Но онъ говоритъ о поэтахъ новѣйшихъ, о которыхъ не упоминается у Евгенія: о Жуковскомъ, Батюшковѣ, князѣ Вяземскомъ, Пушкинѣ, особенно подробно о Жуковскомъ и Батюшковѣ, и приводитъ о нихъ пространную выписку изъ составленной Плетневымъ общей характеристики русскихъ поэтовъ. Раздѣляя исторію русской литературы на два періода и подраздѣляя ихъ на шесть отдѣловъ, Гречь помѣщаетъ въ началѣ каждаго отдѣла самый краткій и общій очеркъ внѣшней и внутренней исторіи Россіи въ теченіе этого времени. Первая называется авторомъ „политическимъ состояніемъ Россіи“ вторая — „просвѣщеніемъ“. Такъ въ рубрикѣ „политическое состояніе Россіи при Екатеринѣ II“ упоминается о присоединеніи Литвы,

¹⁾ Востокова, Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составленной по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Философскія наблюденія. А. Х. Востокова, изд. И. И. Срезневскій. 1865, стр. 1—27. Впервые напечатано оно въ 1820 году, въ семнадцатой части Трудовъ общества любителей россійской словесности.

Курляндіи, Крыма, и т. д., а въ рубрицѣ „просвѣщеніе“ — объ уничтоженіи торговыхъ монополій, о раздѣленіи Россіи на губерніи, о судебныхъ реформахъ, и т. п. Въ рубрицѣ „литература“ упоминается о самыхъ крупныхъ явленіяхъ преимущественно въ области поэзіи, ораторства, исторіи; такъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ названы: поэтическія произведенія Батюшкова и Жуковского, проповѣди Филарета и исторія Карамзина.

Появленіе исторіи русской литературы Греча произвело замѣтное впечатлѣніе въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ. По поводу ея завязалась оживленная полемика, въ которой, кромѣ Греча, приняли участіе Катенинъ, Марлинскій, Жандръ и другіе. Эта полемика любопытна въ томъ отношеніи, что довольно живо рисуетъ тогдашнія литературныя понятія, господствовавшія въ русскомъ образованномъ обществѣ, и потому даетъ лучшую мѣрку для оцѣнки труда Греча сообразно съ современными ему требованіями и направленіемъ. Притомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ наивностей, самыя дѣльныя возраженія высказаны вскорѣ послѣ выхода книги, а послѣдующія напады на нее гораздо безцвѣтнѣе и несостоятельнѣе, такъ какъ ограничиваются большею частью избитыми фразами о томъ, что авторъ вмѣсто исторіи литературы представилъ коллекцію формулярныхъ списковъ, и т. п.

Въ то время не прекратились еще споры объ отношеніи между славянскимъ и русскимъ языкомъ, раздѣлившіе литераторовъ на два враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ ратовалъ небольшой кругъ приверженцевъ Шишкова, а въ другомъ — многочисленные послѣдователи Карамзина. Ревнителі славянскаго языка отрицали существованіе какого бы то ни было древняго или стариннаго памятника собственно русскаго языка. По ихъ мнѣнію, языкъ народныхъ пѣсень мѣнялся безпрестанно, Слово о полку Игоревѣ писано бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, лѣтописи — варварскимъ языкомъ; Теофанъ Прокоповичъ и Кантемиръ писали дурнымъ языкомъ; Ломоносовъ усовершенствовалъ литературный языкъ, приблизивъ его къ славянскому. Библию — утверждали нѣкоторые — легче понимать, нежели лѣтописи: библия — правильный переводъ съ превосходнаго подлинника, отъ древнихъ времявъ дошедшій въ спискахъ исправныхъ и сверхъ того въ каждомъ вѣкѣ подвергавшихся новому исправленію; если бы и лѣтопись сохранилась въ вѣрныхъ спискахъ, если бы ее читали въ училищахъ, а ученые исправляли ея слогъ, то ее также легко было бы понимать, какъ и библию. Гречъ полагаетъ, что языкъ лѣтописей,

повѣстей и т. п. есть тотъ же богослужебный; что Слово о полку Игоревѣ писано славяно-русскимъ языкомъ, подобнымъ библейскому; что Русская Правда—памятникъ языка дѣловаго, а не книжнаго вообще: по ней нельзя судить о книжномъ языкѣ подобно тому, какъ о нынѣшнемъ стихотворномъ языкѣ нельзя судить по слогу приказному. Противники возражали, что уже до двѣнадцатаго вѣка русскій языкъ былъ самостоятельнымъ, отдѣльнымъ отъ славянскаго, и въ доказательство приводили Русскую Правду, Слово о полку Игоревѣ, даже лѣтопись Нестора, въ которой находится множество народныхъ формъ: „просяче, хотяче, володѣть, мирникъ (союзникъ), котора, рота, пустить на воронъ (отдать на грабежъ)“, и въ особенности договоръ Смоленскаго князя Мстислава съ Рогою и Готскимъ берегомъ, представляющій отличительныя свойства русскаго слога. Но ревностные защитники народности языка не далеко ушли въ филологіи, и для подтвержденія своихъ доводовъ сравнивали, какъ вещи однородныя и одновременныя, языкъ Русской Правды съ языкомъ Исхода по нынѣшнему печатному изданію.

Въ отношеніи къ содержанію, обвиняли Греча въ сухости и безцвѣтности изложенія, въ отсутствіи связи между біографіями авторовъ и ихъ произведеніями, въ замѣнѣ ея перечнемъ сочиненій и формулярными списками. Говорили, что слѣдовало бы, по примѣру Жюнгене и Сисмонди, показать тѣсную связь жизни автора съ его твореніями и взаимное ихъ вліяніе, не забывая характеристическихъ чертъ и рисующихъ время анекдотовъ, какъ, на примѣръ, слова Екатерины Брюсу, запретившему представленіе трагедіи Николаева: „Сорена“. Въ оправданіе свое авторъ Опыта ссылался на недостатки матеріаловъ въ отношеніи къ умершимъ писателямъ и на невозможность написать полныя біографіи живыхъ, не измѣняя истинѣ и не затрогивая авторскаго самолюбія.

Одно изъ самыхъ серіозныхъ обвиненій состояло въ пропускѣ однихъ писателей и въ неразборчивомъ помѣщеніи другихъ. Пропущены: Грибоѣдовъ, бывшій уже тогда авторомъ двухъ комедій — „Молодые супруги“ и „Притворная невѣрность“; Загоскинъ, авторъ „Комедій противъ комедіи“ и „Богатюнова“; Баратынскій; Спасскій, издатель Сибирскаго Вѣстника, ознакомившаго насъ съ зауральскою природою; малороссійскіе писатели—Сковорода и Котляревскій, и т. д. Не упоминается о канцлерѣ Остерманѣ и статсъ-секретарѣ при Петрѣ III Волковѣ: Остерманъ обезобразилъ судебный и дипломатическій слогъ латинизмами и другими дикостями; Волковъ очистилъ его и усовер-

шенствоваль, что видно изъ манифестовъ, писанныхъ при Петрѣ III. Говоря о состояніи наукъ и искусствъ, авторъ забываетъ о Мартосѣ, Егоровѣ, Кипренскомѣ, Толстомѣ, называя Бурцова, Магницкаго, Кирилова и другихъ, и т. д. ¹⁾

Примѣръ Греча не остался безслѣднымъ. Въ теченіе нѣкотораго времени издано нѣсколько опытовъ, изъ которыхъ особенно заслуживаетъ вниманія трудъ профессора Кіевскаго университета Максимовича ²⁾. Его „Исторія древней русской словесности“ задумана по взгляду болѣе серьезному, нежели другія, и носитъ на себѣ слѣды современнаго состоянія науки, касаясь вопросовъ, занимавшихъ въ то время ученыхъ, посвятившихъ себя изученію русской старины и русскаго языка. Планъ Максимовича весьма близокъ къ плану Греча: сперва сообщаются свѣдѣнія, относящіяся къ внѣшней исторіи; затѣмъ рѣчь идетъ о состояніи просвѣщенія, далѣе перечень писателей, и наконецъ, нѣсколько главъ о языкѣ, составляющихъ большую часть сочиненія. Въ нихъ говорится о языкѣ русскомъ, устномъ и письменномъ; о различныхъ видоизмѣненіяхъ живаго, народнаго языка; объ отношеніи русскаго языка въ церковно-славянскому и западнымъ славянскимъ, и т. п. Филологическія изысканія привели автора къ мысли, что ни одинъ изъ существующихъ славянскихъ языковъ не можетъ въ строгомъ смыслѣ считаться родоначальникомъ всѣхъ прочихъ, но что первобытный, первославянскій языкъ существуетъ въ каждомъ изъ нихъ, и свойства его познаются единственно посредствомъ сравнительнаго изученія всѣхъ славянскихъ языковъ. Но если уже допустить происхожденіе одного отъ другаго, то древнѣйшимъ

¹⁾ Ср. критики и антикритики на Опытъ Греча въ *Сынъ Отечества* 1822 года, части 76 и 77; въ «Благонамѣренномъ», 1822 года № 15, ч. XVIII; въ «Вѣстникъ Европы», 1822 г. июнь, № 11 и 12, и др.—Весьма важенъ польскій переводъ книги Греча, принадлежащій Ллинде: «Mikołaj Gracza Rys historyczny literatury Rosyjskiej, z Rosyjskiego przez Samuela Bogumiła Linde. 1823. Warszawa». Тогда же и тамъ же вышли: «Dodatki do Mikołaj Gracza Rysu historyi literatury Rosyjskiej, zebrane i ułożone przez S. B. Linde».—«Dodatki» состоятъ изъ переводовъ сочиненій, принадлежащихъ русскимъ ученымъ писателямъ и относящихся къ области исторіи русской литературы, какъ, напримеръ, Кеппеля (Обозрѣніе источниковъ для исторіи русской словесности), Ватюшкова (Вечеръ у Кантемира; О характерѣ Ломоносова), князя Вяземскаго (О Державинѣ), Каченовскаго, Бестужева, Булгарина и др. Къ переводу книги Греча Ллинде сдѣлалъ значительное количество примѣчаній; въ предисловіи говорится объ отавахъ о книгѣ Греча, высказанныхъ въ русской литературѣ.

²⁾ Исторія древней русской словесности, сочиненіе М. Максимовича. Книга первая. Кіевъ. 1839.

изъ всѣхъ можно съ наибольшимъ вѣроятностію считать языкъ русскій, основываясь преимущественно на его полногласіи. Поставленный Максимовичемъ вопросъ о полногласіи, по важности своей, привлекалъ къ себѣ вниманіе позднѣйшихъ ученыхъ, содѣйствовавшихъ выясненію его нѣсколькими филологическими изслѣдованіями ¹⁾. Въ трудѣ Максимовича замѣтны научныя приемы, которыхъ напрасно было бы искать въ другихъ руководствахъ. Въ особомъ отдѣлѣ онъ говоритъ о сочиненіяхъ, которыя могутъ служить пособіемъ при изученіи русской словесности, и рядъ которыхъ начинается Герберштейновъ и обанчивается учебниками тридцатыхъ годовъ. Что касается собственно писателей, то краткія свѣдѣнія о нихъ, обнимающія время до половины тринадцатаго столѣтія, извлечены изъ словаря Евгенія, какъ замѣтилъ уже Перевлѣскій въ своемъ отзывѣ о книгѣ Максимовича. Но что всего болѣе изумило и поставило въ тупикъ тогдашнюю критику, это—самый выборъ предмета, существованіе котораго отрицали весьма упорно и горячо. „Исторія русской словесности,—и еще древней! Какъ громки и какъ неопредѣленны, какъ заманчивы, и ужъ какъ обманчивы эти слова“, восклицаетъ авторъ обширной критической статьи, въ которой всего болѣе говорится объ общемъ значеніи словесности и литературы и всего менѣе о самой книгѣ, разборъ которой, судя по заглавію, статья посвящена ²⁾. Почти то же говорить другой рецензентъ: „Исторія древней русской словесности—гдѣ древней русской словесности—какое мудреное и несмѣшное названіе! Поневолѣ призадуматься, поневолѣ пожмешь плечами и покачаешь головой. Представить изящныя произведенія, въ родномъ словѣ выразившія жизнь и духъ извѣстнаго народа, и представить ихъ не какъ пошло, а въ стройномъ, органическомъ порядкѣ, въ строгой хронологической послѣдовательности, въ тѣсной, взаимной связи съ гражданскою жизнью народа—вотъ главная задача, собственный предметъ и настоящій объемъ исторіи словесности! Сочиненія людей, труженниковъ, даже писателей несовсѣмъ обиженныхъ природою не должны быть впускаемы въ исторію словесности: ихъ мѣсто на листахъ библиографическаго каталога людской письменности и въ биографическомъ словарѣ писателей“. Поэтому рецензентъ называетъ книгу Мак-

¹⁾ Максимовича, Начатки русской филологіи. 1848.—Лавровскаго, О русскомъ полногласіи, — въ Извѣстіяхъ втораго отдѣленія академіи наукъ. 1859, т. VII, вып. 5.—Потебни, О полногласіи,—въ *Филологическіе Записки*, издаваемыя въ Воронежѣ, 1864, вып. 5,—и др.

²⁾ *Отечественныя Записки*, 1840. Т. IX. Критика, стр. 37—72.

симовича, исторію, небывающей словесности и предсказываетъ ей неминуемую и скоростеижную кончину, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ средство, и притомъ единственное, для ея спасенія: оно заключается въ томъ, чтобы изъ исторіи древней русской словесности переимѣнить книгу въ исторію славяно-церковной письменности въ Россіи, такъ какъ намъ дѣйствительно нужна исторія славянской письменности въ нашемъ отечествѣ, и это особенно полезно для нашего языка.¹⁾

Подобные взгляды и сужденія господствовали въ нашей литературѣ, когда появился ученый трудъ Шевирева: „Исторія русской словесности, преимущественно древней“, рѣшающей не аргюги, а самимъ дѣломъ вопросъ о существованіи древней русской словесности.²⁾ Подробное разсмотрѣніе книги Шевирева повело бы, съ одной стороны, къ оцѣнкѣ двухъ противоположныхъ направленій, господствовавшихъ тогда въ литературѣ, и къ опредѣленію ихъ связи съ условіями общественной жизни того времени, а съ другой — къ разбору всѣхъ главнѣйшихъ памятниковъ русской словесности до шестнадцатаго вѣка, обзорѣнемъ котораго заключается трудъ Шевирева. Поэтому, не входя въ подробности, укажемъ въ нѣсколькихъ чертахъ достоинства и недостатки сочиненія Шевирева, и изъ множества факторовъ приведемъ хотя одинъ или два, чтобы замѣтокъ нашихъ не оставить вовсе безъ подтвержденія.

Исторія русской словесности Шевирева, по своему научному достоинству, занимаетъ почетное мѣсто не только въ ряду систематическихъ изложеній исторіи русской литературы, но и въ цѣломъ ряду сочиненій, посвященныхъ обзорѣмъ внутренней исторіи русскаго народа въ древній періодъ его историческаго существованія. Книга Шевирева изобилуетъ данными, свидѣтельствующими о добросовѣстномъ и усердномъ изученіи источниковъ и самостоятельномъ ихъ изслѣдованіи; она отличается стройностью изложенія и группировки фактовъ и представляетъ первый въ нашей литературѣ образецъ собственно историческаго направленія, рассматривая литературные памятники въ связи съ релігіозною, умственной и общественною жизнью народа.

¹⁾ Галаганъ. 1839. Часть VI. № 56, стр. 113—124. Разборъ Паревляскаго Исторіи древней русской словесности, соч. Максимовича.

²⁾ Исторія русской словесности, преимущественно древней, публичныя лекціи профессора Шевирева. Два выпуска, 1846.—Продолженіе труда и новое изданіе двухъ первыхъ выпусковъ вышло въ 1858—1860 годахъ подъ названіемъ: «Исторія русской словесности». Всего 4 части, содержащія двадцать лекцій и обнимающія время до начала XVI столѣтія.

Шевыревъ принадлежалъ къ числу ученыхъ, разработывавшихъ и двигавшихъ науку; онъ содѣйствовалъ обогащенію ея своими открытіями и изслѣдованіями, поэтому и трудъ его чуждъ того компилятивнаго характера, которымъ отличаются почти всѣ другіе труды этого рода, отъ самыхъ плохихъ до самыхъ лучшихъ.

Сказаннаго достаточно, чтобы признать за сочиненіемъ, обладающимъ подобными достоинствами, важное и неоспоримое значеніе въ наукѣ¹⁾. Но это значеніе неохотно признаваемо было при жизни автора, и только послѣ того, какъ онъ сошелъ въ могилу, послышался голоса въ пользу неутомимаго труженика, безкорыстно служившаго наукѣ въ теченіе всей своей жизни. Причина такой неприязни заключается отчасти въ томъ, что Шевыревъ принималъ участіе въ журнальной дѣятельности, невольнао увлекавшей его въ полемику, но всего болѣе въ тѣхъ недостаткахъ его книги, отрицать которые не въ правѣ вполнѣ безпристрастный изслѣдователь.

Существенный, коренной недостатокъ заключается въ увлеченіи, которое обнаруживается въ выводахъ, иногда вовсе неожиданныхъ, не вытекающихъ изъ его же собственнаго, отчетливаго и добросовѣстнаго, изложенія фактовъ. Эти выводы объясняются воспримчивостью автора къ тому направленію, подъ влияніемъ котораго прошла первая пора его литературной дѣятельности, и которое отличается романтизмомъ съ примѣсью мистическаго оттѣнка: такое направленіе является у Баадера и другихъ писателей, стремившихся слить религію съ поэзіею и философіею. Памятники древней русской литературы, до которыхъ впервые дотрогивалась литературная критика, открывали просторъ для примѣненія къ нимъ любимыхъ воззрѣній автора, тѣмъ болѣе, что содержаніе памятниковъ было по преимуществу религіозное. Восторженный порывъ, поэтический образъ, который такъ умѣстенъ въ художественномъ произведеніи, совершенно въ иномъ свѣтѣ является въ ученомъ изслѣдованіи. Та же самая критика, которая такъ восхитилась лирическими мѣстами у Гоголя, не могла переварить лиризма, дѣйствительно неумѣстнаго, въ строго ученое сочиненіе Шевырева. А въ какомъ родѣ были эти лирическія движенія, и какъ связывались они съ общою нитью повѣствованія,

¹⁾ О Шевыревѣ см. Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, II, 603—624. Рать и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 12-го января 1866 года Н. Тихонова: Памяти С. П. Шевырева.

это можно видѣть изъ слѣдующаго пересказа преданія о витязяхъ, которые за гордыню свою перевелись на Русь:

„Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася — забѣлѣлася ставка богатырская; что не синь во поляхъ засинѣлася — засинѣлися мечи булатные; что не крась во поляхъ закраснѣлася — закраснѣлася кровь съ печенью... Илья Муромецъ, сзываетъ витязей. Сбѣгались на зовъ его витязи, сажались на добрыхъ коней, бросались на силу бусурманскую. Не столько витязи рубить, сколько добрые кони ихъ топчуть. Бились три часа и три минуточки; изрубили силу поганую. Побѣдивъ ее, загордились витязи и стали похваляться такъ: не намахались наши могучья плечи, не уходились наши добрые кони, не иступились наши булатные мечи! И вотъ, первый, Алеша Поповичъ-младъ обезумѣлъ отъ гордости и говоритъ: подавай намъ Силу небесную; мы и съ тою Силою, витязи, справимся. Чуть промолвилъ онъ слово неразумное — и слетѣло двое небесныхъ воителей, и вѣщали они громкимъ голосомъ: а давайте съ нами, витязи, бой держать, хоть насъ двое, а васъ семеро. Разгорѣлся Алеша Поповичъ на тѣ слова, поднялъ онъ коня борзого, налетѣлъ онъ на небесныхъ воителей и разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча — стало четверо и живы всѣ! Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча — стало восьмеро и живы всѣ! Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча — стало вдвое болѣе и живы всѣ! Бросились на Силу всѣ витязи стали они Силу колоть - рубить, а Сила все растеть да растеть, все на витязей съ боемъ идетъ. Не столько витязи рубить, сколько добрые кони ихъ топчуть, а Сила все растеть да растеть, все на витязей съ боемъ идетъ. Испугались могучіе витязи, побѣжали они въ каменные горы, въ темныя пещеры. Подбѣжить витязь къ горѣ и окаменѣть, подбѣжить другой и окаменѣть, подбѣжить третій и окаменѣть. Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси. Такъ русскій народъ, этимъ глубокомысленнымъ преданіемъ объясняетъ себѣ, какъ въ древней его жизни сила тѣлесная, олицетворенная въ витязяхъ, побѣдивъ азіатскія орды, уступила мѣсто силѣ духовной, которая мало по малу простерлася во всѣ концы земли русской. Но позвія народа въ прошедшемъ пророчить и грядущее: такъ и въ этомъ преданіи о минувшемъ русскій народъ сознаетъ свое будущее духовное назначеніе, сознаетъ, что сила духа должна будетъ въ немъ побѣдить всякую силу тѣлесную“¹⁾.

¹⁾ Исторія словесности, преимущественно древней. 1846. Т. I, стр. 198—203.

Простое изложеніе фактовъ, необходимое до поры до времени, казалось тогда, какъ многимъ кажется и теперь, черезъ-чуръ сухимъ и безжизненнымъ; но для выводовъ еще не была достаточно разработана фактическая основа, а потому иные изъ нихъ являлись словно по вдохновенію, не имѣя живой внутренней связи съ не подлежащими сомнѣнію фактами. Романтическое увлеченіе тѣмъ сильнѣе бросалось въ глаза, что оно относилось къ тому періоду русской словесности, который не удостоивался даже и имени литературы. Много жестыхъ словъ пришлось прочитать Шевыреву по поводу его сочувствія къ памятникамъ русской старины и древности. Но говоря вообще, сочувственный взглядъ на минувшее часто возникаетъ какъ-бы невольно у людей, посвятившихъ себя изученію родной старины. Сама ученая критика, въ лицѣ Лахмана, признаетъ законность подобнаго отношенія къ изучаемому предмету, требуя отъ изслѣдователей, чтобъ они съ полнымъ сочувствіемъ выставляли на видъ все хорошее, открываемое ими въ давно минувшемъ, а дурное, если оно не преобладало, болѣе оправдывали и объясняли, нежели строго осуждали по понятіямъ позднѣйшаго времени. Сочувствіе выходитъ изъ должныхъ предѣловъ, если къ нему примѣшиваются чуждыя наукѣ тенденціи, и тогда на ряду съ вещами весьма дѣльными являются невѣрности, преувеличенія, наивности. Не мало примѣровъ тому можно найти въ любой изъ европейскихъ литературъ. Нѣмецкій историкъ, пользовавшійся въ свое время громкою извѣстностью, Генрихъ Луденъ, увлекаясь нѣмецкимъ патриотизмомъ, позволялъ себѣ умышленно искажать источники, въ чемъ наивно и сознавался. Описывая наружность Карла Великаго, Луденъ говоритъ, что у Карла были большіе, полные жизни, голубые глаза, и тутъ же прибавляетъ, что въ памятникахъ ничего не говорится о цвѣтѣ глазъ, но онъ сдѣлалъ ихъ голубыми единственно изъ патриотизма. У Шевырева, хотя цѣтъ ни малѣйшаго посягательства на искаженіе текста древнихъ памятниковъ, но изрѣдка попадаются догадки не вполне удачныя, отчасти даже наивныя, а для автора нѣтъ большаго врага, какъ проскользнувшая въ трудѣ его наивность. Всѣ другіе недостатки или судятся гораздо болѣе снисходительно, или проходятъ вовсе незамѣченными. Произвольный выводъ и сближеніе, блестящій парадоксъ не только не привлекаетъ въ иныхъ случаяхъ укоровъ, но способствуетъ извѣстности автора: критика оправдываетъ его тѣмъ, что поставленный имъ вопросъ вызываетъ работу мысли, будитъ умъ читателей и слушателей, а для нихъ, говоря словами поэта, всегда „миль и дорогъ тотъ, кто спитъ ихъ мысли

не даетъ“. Но наивностей не прощаетъ самая непридирчивая критика, а при малѣйшей враждебности она хватается за нихъ, чтобы преслѣдовать своего литературнаго противника и бросить тѣнь на сочиненіе, достоинство котораго, рано или поздно, будетъ безпристрастно оцѣнено вѣстожами дѣла, свободными отъ всякихъ постороннихъ вліяній, цѣлей и соображеній.

Не смотря на господствовавшее въ критикѣ нашей раздраженіе противъ Шевырева, достоинство труда Шевырева, поставившаго исторію словесности на небывалую у насъ высоту въ научномъ отношеніи, признано самыми строгими его судьями и порицателями, отдающими справедливость заслугамъ автора. По ихъ отзывамъ, фактическая часть труда Шевырева, безспорно лучшая въ своемъ родѣ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что исторія литературы подвигается у насъ впередъ; содержаніе памятниковъ излагается подробно по лучшимъ источникамъ, и т. д. ¹⁾. Что же касается до того, какое впечатлѣніе производили лекціи Шевырева на мыслящее общество, то объ этомъ можно судить по отзыву Кирѣевскаго, писанному по горячимъ слѣдамъ. Хотя Кирѣевскій принадлежалъ къ кругу писателей къ которому враждебно относилось большинство литературныхъ органовъ, но свѣтлый умъ и честныя убѣжденія Кирѣевскаго признаны людьми всѣхъ партій, согласныхъ и несогласныхъ съ нимъ въ его коренныхъ убѣжденіяхъ.

„Прежде чѣмъ начались чтенія Шевырева, — говоритъ Кирѣевскій — многіе изъ его слушателей не вѣрили ихъ возможности. Предметъ лекцій казался имъ неблагодарнымъ; они думали, что чтенія о древней словесности могутъ имѣть только одинъ интересъ — филологическій; нѣсколько памятниковъ, говорили они, не составляютъ еще словесности; литература наша началась съ Ломоносова, и т. д. Представьте же себѣ ихъ удивленіе, когда, послѣ самыхъ первыхъ чтеній, они должны были убѣдиться, что лекціи о древней русской словесности имѣютъ интересъ живой и всеобщій, который заключается не въ новыхъ фразахъ, но въ новыхъ вещахъ, въ богатомъ, малозвѣстномъ и многозначительномъ ихъ содержаніи. Эта новость содержанія, это оживленіе забытаго, воссозданіе разрушеннаго есть, можно сказать, открытіе новаго міра нашей старой словесности. Другое ка-

¹⁾ *Отечественныя Записки*, 1846. Т. XLVI. Критика, стр. 17—36. Тамъ же. Т. XLIX. Библиографическая хроника, стр. 57—72. *Атеней*. 1859. № 1, стр. 1—35.

чество чтеній Шевырева, которое служить основаніемъ и какъ бы необходимымъ условіемъ всего ихъ достоинства,—это достовѣрность его изложенія. Онъ употребилъ на изученіе своего предмета многіе годы постоянной работы, — работы ученой, честной, можно сказать, религиозно-добросовѣстной. Каждый фактъ, приводимый имъ, изслѣдованъ со всевозможною полнотою; часто одна фраза, едва замѣтная посреди быстрого теченія рѣчи, есть очевидный плодъ долговременныхъ разысканій, многосложныхъ сличеній и неутомимыхъ трудовъ. Дѣйствіе, которое производятъ лекціи Шевырева, очень сильно и разнообразно: нѣкоторые восхищаются ими до восторга; другіе судятъ строго, съ противоположнымъ пристрастіемъ; но почти никто не остается равнодушнымъ. Иные видятъ въ нихъ борьбу русскаго просвѣщенія съ западнымъ, и въ этомъ ошибаются. Цѣль профессора совсѣмъ не та, чтобъ унижить одну часть человѣческой образованности передъ другою. Онъ выражаетъ ихъ особенности, сравниваетъ для поясненія, старается опредѣлить съ безпристрастіемъ и видимо ищетъ избѣгнуть всякой исключительности. Его любовь къ Россіи — любовь сознательная, а не слѣпой восторгъ, выражающійся въ бессмысленныхъ восклицаніяхъ. Тѣ, которые хотятъ видѣть противное, вѣроятно, болѣе обращаютъ вниманіе на собственныя свои предубѣжденія, нежели на изложеніе профессора. Замѣтно, что общее участіе къ лекціямъ безпрестанно возрастаетъ, также какъ и число слушателей. Сначала ихъ было около полутора ста; теперь ихъ уже болѣе трехъ сотъ¹⁾ и т. д.

Въ ближайшей связи съ трудомъ Шевырева, и по самостоятельности и по направленію, находится „Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности“ г. Ореста Миллера²⁾. Главнѣйшее вниманіе автора обращено на народную словесность, въ которой онъ видитъ полное проявленіе русской народности, а народность онъ признаетъ тою существенною, жизненною силою словесности и литературы, которая самымъ рѣшительнымъ образомъ опредѣляетъ значеніе произведеній и ихъ авторовъ. Около трехъ четвертей книги, обнимающей періодъ до тринадцатаго вѣка, посвящено устной словесности; весьма подробно рассмотрѣны остатки мнѣической, обрядовой поэзіи, а также остатки мнѣическаго, животнаго и былеваго эпоса. При разборѣ письменныхъ произведеній постоянно указывается на отношеніе ихъ къ

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго. 1861. Т. II, стр. 190—195.

²⁾ Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, Ореста Миллера. 1866. Изданіе 2-е, вып. 1-й.

устной словесности. Какъ Шевыревъ, при оцѣнкѣ памятниковъ, стоялъ на точкѣ зрѣнія библейско-византійской, такъ для г. Миллера идеаломъ служить воззрѣніе христіанское, какъ оно выражается въ Евангеліи, и степенью приближенія въ этому идеалу измѣряется достоинство твореній народныхъ пѣвцовъ и представителей народной образованности. Наиболѣе совершенный, идеальный образъ русскаго чело-вѣка, созданный творчествомъ народа, авторъ видитъ въ Ильѣ Муромцѣ; лучшимъ созданіемъ древней русской литературы онъ считаетъ поученіе Владиміра Мономаха. „Не изъ книжной византійской премудрости—говоритъ авторъ—почерпнулъ нашъ Мономахъ свои золотыя слова: „не убейте“; онъ почерпнулъ ихъ изъ книги, которую книгой евангельскою называетъ народъ нашъ,—изъ этой книги, понятаго не чрезъ посредство присяжныхъ ея толкователей (они предписали Владиміру святому—казнить), а собственнымъ свѣтлымъ славянскимъ умомъ, собственной теплою славянскою душою... Во все продолженіе среднихъ вѣковъ, кромѣ его задушевнаго голоса, раздался въ томъ же духѣ только еще одинъ — голосъ ученаго Итальянца... Чувство чело-вѣколюбія въ Мономахѣ такъ же сильно, какъ и въ нашемъ идеальномъ Ильѣ Муромцѣ: *ни правито, ни виноватаго не убивайте, говоритъ Мономахъ, и не повельвайте убить; хотя бы онъ и заслуживалъ смерти, все-таки не губите никакой души христіанской*“.

„Такъ и чувствуешь, что эти слова любви, отмѣняющія смертную казнь, вылились изъ христіанскаго духа того же народа, который въ своей поэзіи говоритъ устами отца Ильи Муромца:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина“¹⁾.

Самостоятельность и искренность воззрѣнія соединяется у автора съ отчетливымъ изученіемъ предмета; все, что говорится въ „Опытѣ“, говорится на основаніи внутренняго убѣжденія, а не повторяется съ чужаго голоса. Избѣгая окольныхъ путей, авторъ не боится стать въ разрѣзъ съ тѣмъ или другимъ направленіемъ, а прямо и смѣло высказываетъ свой образъ мыслей и результаты трудовъ своихъ надъ памятниками русской словесности, не теряя изъ виду памятниковъ другихъ славянскихъ народовъ, а равно и тѣхъ произведеній европейскихъ литературъ вообще, которыя находятся въ большей или

¹⁾ Ореста Миллера, Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, стр. 285—286, 281.

меньшей связи съ произведениями собственно русской народной словесности.

Для изученія русской литературы важнымъ и богатымъ пособіемъ служатъ два труда, появившіеся почти въ одно и то же время съ сочиненіемъ г. Миллера: одинъ изъ нихъ принадлежитъ пресвященному Филарету, архіепископу Черниговскому, другой—г. Галахову.

Словарь русскихъ писателей, составленный архіепископомъ Филаретомъ ¹⁾, хотя и названъ „Обзоромъ русской *духовной* литературы“, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, относящихся и къ свѣтской литературѣ и къ свѣтскимъ писателямъ, если они хотя нѣкоторое время были въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ или если труды ихъ больше или меньше касаются круга духовныхъ предметовъ. Въ словарь говорится о Словѣ о полку Игоревѣ, о путешествіи Анастасія Никитина, а равно о Надеждинѣ, Сперанскомъ, Неволинѣ и др. Достоинства книги Филарета признаны немедленно по ея появленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ указаны, но не вполне справедливо, и ея недостатки ²⁾. Свѣдѣнія о писателяхъ сопровождаются въ „Обзорѣ“ перечнемъ сочиненій; иногда приводятся отрывки и сличенія: такъ, переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный въ четырнадцатомъ вѣкѣ митрополитомъ Алексѣемъ, сличенъ съ греческимъ подлинникомъ и съ другими славянскими переводами. Во многихъ случаяхъ обнаруживается большая полнота и вѣрность свѣдѣній сравнительно съ словаремъ Евгенія. Пособія во времена Евгенія были гораздо скуднѣе: тогда не было еще описанія рукописей ни Толстаго, ни Царскаго, ни Румянцева. Приписывая сочиненіе какому-либо автору, Евгеній иногда полагался только на свидѣтельство Татищева и даже Селлія. Этими объясняются кажущіеся пропуски въ словарь Филарета, въ которомъ напрасно было бы искать названныхъ у Евгенія лицъ, которымъ, въ строгомъ смыслѣ, не должно быть мѣста между писателями, какъ, напримѣръ, келейникъ Іосифъ, Андрей Савиновичъ и др. Недостаткомъ „Обзора“ слѣдуетъ признать неполноту библиографическихъ указаній и произвольное названіе авторовъ, не означенныхъ во многихъ изъ древнихъ рукописей. Такъ одно изъ безыменныхъ

¹⁾ Обзоръ русской духовной литературы. 862—1720. Сочиненія Филарета, архіепископа Харьковского. Харьковъ, 1859.—Обзоръ русской духовной литературы. 1720—1858 (умершихъ писателей). Филарета, архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. Книга вторая. Изданіе второе, дополненное. Черниговъ. 1863.

²⁾ Извѣстія 2-го отдѣленія Академіи наукъ. 1857. Т. VI, вып. I. *Отчетскія Записки*, 1857, іюнь, и др.

„словъ“, направленное противъ женщинъ, приписывается Данилу Заточнику на основаніи сходства съ „словомъ“ Заточника по содержанію и добродушно-шутливому тону, и т. п. Но значительное число указанныхъ критикою пропусковъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются невѣрными: изъ сочиненій, пропущенныхъ по словамъ критики, жизнеописаніе князя Феодора показано въ § 100, жизнеописаніе Никандра — въ § 218, о Всеволодѣ сказано въ § 133, и т. д. Краткость свѣдѣній, относящихся къ апокрифамъ, объясняется тѣмъ, что авторъ имѣлъ въ виду преимущественно, и почти исключительно, оригинальныя, а не переводныя произведенія русской литературы.

Въ противоположность съ трудомъ архіепископа Филарета, книга г. Галахова: „Исторія русской словесности, древней и новой“ изобилуетъ библиографическими указаніями ¹⁾. Съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и отчетливостью собраны авторомъ многочисленныя библиографическія данныя, перечислены всѣ, сколько-нибудь цѣнныя, статьи о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ: поэтому исторія литературы г. Галахова должна быть настольною книгою у всякаго, занимающагося исторіею русской литературы. Къ ней необходимъ указатель, которымъ сопровождаются обыкновенно всѣ серьезныя и обширныя труды. Мы не будемъ касаться вопроса о томъ, можетъ ли трудъ г. Галахова называться исторіею литературы въ строгомъ смыслѣ слова, сообразно съ современными требованіями науки, отличается ли онъ строгимъ внутреннимъ единствомъ въ изложеніи и оцѣнѣ памятниковъ и т. п. Заслуга автора останется велика даже и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на предложенный вопросъ. Въ сужденіяхъ о литературныхъ памятникахъ авторъ считаетъ необходимымъ слѣдовать исторической точкѣ зрѣнія, которая, по его собственнымъ словамъ, состоитъ въ опредѣленіи отношенія памятниковъ къ жизни писателя, къ характеру народа, къ современному обществу, къ состоянію общечеловѣческой жизни, къ предыдущимъ и послѣдующимъ литературнымъ явленіямъ и къ успѣхамъ просвѣщенія. Эти требованія исторической критики примѣняются авторомъ такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, къ оцѣнѣ произведеній русской литературы различныхъ эпохъ. Самъ авторъ преимущественно занимался новымъ пе-

¹⁾ Исторія русской словесности, древней и новой. Сочиненіе А. Галахова. Т. I. (Исторія древней русской словесности. — Исторія новой до Карамзина). 1863. Т. II. Первая половина. (Исторія новой словесности отъ Карамзина до Пушкина). 1868 г.

ріодомъ русской литературы, то-есть, восемнадцатымъ и девятнадцатымъ вѣкомъ; поэтому въ обзорѣніи ихъ гораздо болѣе самостоятельности, нежели въ предыдущихъ отдѣлахъ. Такимъ образомъ, книга г. Галахова состоитъ изъ весьма удачныхъ извлеченій изъ специальныхъ изслѣдованій и монографій и изъ ряда статей, принадлежащихъ вполне самому автору. Между обоими отдѣлами не существуетъ, быть можетъ, надлежащей соразмѣрности, но такъ какъ автора пришлось бы укорить не въ краткости нѣкоторыхъ свѣдѣній, а въ чрезчуръ пространномъ изложеніи другихъ, то съ этимъ кажущимся недостаткомъ весьма легко помириться, и за него справедливость требуетъ благодарить почтеннаго автора.

Книга г. Галахова и критическія статьи Бѣлинскаго послужили, хотя и не одинаковымъ образомъ, для различныхъ журнальных статей и статейекъ по исторіи литературы, мало замѣчаемыхъ при ихъ появленіи и неизбежно забываемыхъ съ выходомъ новой книжки журнала. Эти выраженія настроенія минуты, черпая знанія и идеи свои изъ сочиненій г. Галахова и Бѣлинскаго, не всегда вѣрно передавали факты, заимствуемые у г. Галахова, и искажали взгляды Бѣлинскаго примѣсью того, что вычитано было изъ другихъ, несравненно менѣе цѣнныхъ источниковъ. Обычною темою въ подобныхъ случаяхъ служить отрицаніе искусства для искусства и требованіе отъ поэзіи цѣлей практическихъ, житейскихъ. При такомъ настроеніи естественны враждебныя отзывы о Пушкинѣ, какъ представителѣ чистаго искусства, и сочувствіе къ лицамъ, писавшимъ о предметахъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ общественнымъ вопросамъ. Изъ ряда написаннаго по исторіи русской литературы выдѣляются самымъ выгоднымъ образомъ почтенныя и серьезныя труды, принадлежащія болѣею частью преподавателямъ русской словесности и имѣющіе въ виду преимущественно педагогическую сторону предмета.

Общимъ и вполне заслуженнымъ сочувствіемъ въ педагогическомъ мірѣ пользуются прекрасныя труды г. Стоюнина. Сочиненія гг. Стоюнина, Водовозова, Караулова и друг., обладающія несомнѣнными достоинствами, свидѣлствуютъ, до какой степени сильна потребность въ учебникахъ по исторіи русской словесности. Очерки исторіи русской литературы г. Караулова недавно вышли вторымъ изданіемъ¹⁾.

¹⁾ Очерки исторіи русской литературы. Сочиненіе Г. Караулова. Т. I. (Литература древняго періода и новаго до Пушкина). Изданіе второе. Одесса. 1870.

Однимъ изъ самыхъ лучшихъ учебниковъ по русской словесности, вышедшихъ въ послѣднее время, долженъ быть признанъ, по всей справедливости, трудъ профессора Казанской духовной академіи, г. Порфирьева ¹⁾).

Въ книгѣ г. Порфирьева произведенія русской литературы излагаются по вѣкамъ, съ одиннадцатаго до семнадцатаго. Обзорѣнію собственно русской книжной словесности предшествуютъ общія, краткія свѣдѣнія о русскомъ языкѣ, его нарѣчіяхъ и отношеніи къ другимъ славянскимъ языкамъ, и подробный очеркъ устной словесности, въ которомъ идетъ рѣчь о пѣсняхъ многоческихъ, о былинахъ, о малороссійскихъ „думахъ“, о сказкахъ и пословицахъ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ вполне умѣстный и дѣльный очеркъ переводной словесности, послужившей образцомъ для нашихъ писателей, знакомящей съ объемомъ и характеромъ образованности, выпавшей на ихъ долю вслѣдствіе историческихъ причинъ. За этимъ очеркомъ рассматриваются произведенія устной словесности, образовавшіяся подъ влияніемъ книжной, и наконецъ, произведенія собственно русской книжной словесности, составляющія главное содержаніе сочиненія. Литературнымъ явленіямъ отводится въ книгѣ столько мѣста, сколько требуетъ ихъ литературное и историческое значеніе, ихъ внутреннее богатство, типичность, составъ и вліяніе на другіе памятники. Всего подробнѣе изложены: духовные стихи и легенды, апокрифы и сочиненія Максима Грека; съ меньшею подробностью, но все-таки весьма подробно изложены произведенія Кирилла Туровскаго, Іосифа Волоцкаго, Слово о полку Игоревѣ и Домострой; другимъ памятникамъ удѣлено соотвѣтствующее, менѣе значительное, мѣсто, и не забыто ничего существеннаго и важнаго.

Принявшись за трудъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, авторъ счастливо избѣжалъ тѣхъ недостатковъ, которые особенно неумѣстны въ учебникѣ: въ книгѣ г. Порфирьева нѣтъ резонерства, нѣтъ желанія блеснуть взятою на прокатъ мишурою, нѣтъ неразумной рѣзкости въ приговорахъ. Авторъ добросовѣстно пользовался источниками и пособиями, и трудъ его, не будучи вполне самостоятельнымъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ не компиляція, а сознательная, обдуманная и послѣдовательная передача фактовъ, добытыхъ наукою, сопровождаемая ука-

¹⁾ Исторія русской словесности. Составилъ И. Порфирьевъ. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра Великаго. Казань. 1870.

заніемъ какъ на источники, такъ и на пособія, которыя служили автору руководствомъ. Педагогическій опытъ убѣдилъ его въ необходимости соединить до нѣкоторой степени учебникъ съ хрестоматіею, потому что связать ихъ между собою не могутъ сами ученики: обновленно учебный курсъ остается самъ по себѣ, а хрестоматія сама по себѣ, и преподавательскія объясненія пропадаютъ даромъ, а отвѣты учениковъ ограничиваются тѣмъ, что помѣщено въ учебникѣ. Вслѣдствіе этого въ книгѣ г. Порфирьева приводятся нинѣ произведенія (небольшаго объема) цѣлкомъ, другія въ извлеченіи, содержаніе третьихъ излагается весьма подробно. Посредствомъ такого приема дается возможность близкаго ознакомленія съ памятниками не по отвлеченной ихъ характеристикѣ, а на основаніи самихъ фактовъ, приводимыхъ въ изобиліи и съ должнымъ выборомъ. Дѣльность работы привела къ точнымъ, яснымъ и дѣльнымъ выводамъ, которые вератцѣ налагаются въ концѣ каждаго отдѣла въ видѣ характеристическаго образованія и словесности русской въ разсматриваемый періодъ.

„Во главѣ книжнаго просвѣщенія и письменности — говоритъ авторъ — стояло духовенство, греческое и русское. Греческіе пастыри писали немного и преимущественно въ полемическомъ родѣ — посланія противъ латинянъ. Эти посланія были вызваны притѣвленіями латинянъ и необходимы были для огражденія отъ ихъ вліянія молодой русской церкви, хотя, написанныя подъ вліяніемъ борьбы между Востокомъ и Западомъ, они, какъ и вся эта борьба, имѣли и невыгодныя послѣдствія; въ нихъ, между прочимъ, исторія видитъ начало того крайняго отчужденія отъ Запада, которое такъ сильно укоренилось въ нашемъ народѣ и по которому онъ все западное считалъ латинскимъ, а все латинское еретическимъ... Переводная словесность древняго періода заключала въ себѣ много разныхъ сочиненій по разнымъ предметамъ знанія. Отсюда неудивительно, что мы встрѣчаемъ весьма много такихъ просвѣщенныхъ мужей, которые не только мудро управляли церковью, поучая народъ вѣрѣ и благочестію, но и являлись опытыми совѣтниками въ дѣлахъ государственныхъ, встрѣчаемъ много писателей, сочиненія которыхъ отличаются не только богословскими воззрѣніями, но и свѣдѣніями по нѣкоторымъ свѣтскимъ наукамъ. Но рядомъ съ просвѣщенными пастырями и учителями мы встрѣчаемъ въ древнемъ періодѣ всего болѣе грамотныхъ, но необразованныхъ книжниковъ, свѣдѣнія которыхъ, приобрѣтаемыя чрезъ начитанность, имѣли и всѣ ея свойства, то-есть, были несвязнымъ сборомъ разныхъ мнѣній, и походили на тѣ разно-

образные, но ничѣмъ не связанныя между собою сборники, которые они читали и списывали. На ряду съ отеческими сочиненіями и статьями по разнымъ наукамъ и литературѣ, въ этихъ сборникахъ поощлялось повѣсти и сказанія; наполненные разными заблужденіями и суевѣріями. Такія явленія были слѣдствіемъ того, что христіанская вѣра, бывшая источникомъ просвѣщенія, распространялась у насъ одинокою силою, безъ всякихъ пособій науки и образованности, безъ училищъ и безъ книгъ, понятныхъ народу... Историческія обстоятельства XIV—XV вѣв. особенно способствовали къ развитію иноческой жизни и умноженію монастырей, такъ что въ XIV вѣкѣ ихъ насчитывается до восьмидесяти, а въ XV вѣкѣ до семидесяти. Бѣдствія татарскаго ига, раздоры князей, моровая язва, обоедшая всѣ русскія области, разныя другія нестроенія въ общественной и частной жизни, и наконецъ, мысль о близкой кончинѣ міра побуждали многихъ людей удалиться въ монастыри, которые постоянно умножались. Приходившіе въ монастырь міряне слышали здѣсь рассказы о жизни святыхъ и благочестивыхъ наставленія подвижниковъ, и слушая ихъ, сами проникались иноческимъ духомъ, усвоивали себѣ монашескіе взгляды на міръ и переносили въ жизнь даже нѣкоторые монастырскіе обычаи и правила. Такимъ путемъ, между прочимъ, образовался тотъ аскетическій характеръ, каковымъ еще до сихъ поръ отличаются религіозныя понятія нашего народа. Въствѣ съ тѣмъ монастыри сдѣлались орудіемъ для заселенія пустынныхъ до того времени мѣстностей. Наконецъ, монастыри же и пустыни сдѣлались прибѣжищемъ для грамотности и книжнаго просвѣщенія. Конечно, образованіе монастырское было очень не высоко, но въ монастырей мало было и такого образованія, даже въ кругу высшихъ сословій. О знаменитомъ героѣ Куликовской битвы въ житіи его говорится, что онъ не былъ хорошо изученъ книгамъ; о Василіѣ Темномъ извѣстно, что онъ былъ не книженъ и не грамотенъ. Замѣчательное исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ Іоаннъ Грозный и князь Курбскій. Не смотря, впрочемъ, на низкій уровень просвѣщенія, мы встрѣчаемъ довольно много интересныхъ литературныхъ памятниковъ: въ XV и особенно въ XVI в. число ихъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ предыдущіе вѣка. Близость этихъ памятниковъ къ современной жизни, которою они были вызваны, придаетъ имъ особенное значеніе. Въ русской жизни XV и XVI в. нельзя не видѣть нѣкотораго движенія впередъ; въ понятіяхъ русскаго человѣка уже не встрѣчаемъ невозмутимо-спокойной непосредственности прежняго времени; тяжелыя об-

стоятельства, при которыхъ утверждалось единодержавіе Московскаго государства, разныя ереси и другія нестроенія возбуждали въ нѣкоторыхъ людяхъ новыя мнѣнія, разныя сомнѣнія, даже протесты, и вообще заставляли обращать вниманіе на разныя недостатки въ общественной и частной жизни, которые прежде не сознавались. Все это отражалось въ произведеніяхъ словесности“ и т. д. ¹⁾.

М. Сухомлиновъ.

¹⁾ И. Порфирьева, Исторія русской словесности, стр. 328 214, 343—345 и др.

ИЗУИТЫ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ (ВЪ 1569 — 1772 ГОДАХЪ).

I.

Упадокъ папизма въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ. — Партія реформы въ польской деревнѣ, въ духѣ православія. — Безпомощное положеніе протестантовъ.

1520 — 1569 г.

XVI вѣкъ есть самый богатый великими событіями въ польско-литовской исторіи. Сдавленная вліяніемъ латинскаго духовенства, получившаго въ Польшѣ, а по соединеніи съ нею Руси и Литвы, и въ этихъ областяхъ, чрезмѣрное участіе во всемъ строѣ государственной жизни, свобода мысли, слова и дѣятельности въ началѣ XVI вѣка вырвалась изъ-подъ опеки клира и ознаменовала себя лучшими дѣяніями въ литературѣ, законодательствѣ, учрежденіяхъ и народной жизни. Но доведенная до крайности, не найдя себѣ руководителя, въ концѣ XVI вѣка эта свобода должна была снова подчиниться новому и уже окончательному порабощенію у латинскаго клира.

Самые упорные защитники іезуитскаго порядка вещей въ Польшѣ, готовые приписать всѣ бѣдствія Польши эпохѣ протестантскаго движенія и усиленію такъ-называемой у нихъ схизмы, поневолѣ преклоняются предъ личностями, извѣстными въ польской литературѣ и законодательствѣ, напримѣръ, предъ Реемъ изъ Нагловицъ, Кохановскимъ, Фричемъ Морджевскимъ, Орѣховскимъ, Ласкимъ, — предъ явленіями замѣчательной, примѣрной и для нашего времени, свободы слова и мысли, совѣсти и вѣры. Но быстрая реакція противоположныхъ направленій, перемѣна нѣсколькихъ исповѣданій въ одно столѣтіе должны были губительно отразиться на государствѣ, еще не окрѣпшемъ въ гражданскомъ строѣ и составленномъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Множество сектъ, самыхъ враждебныхъ одна другой, споры и неурядицы между послѣдователями ихъ, отсутствіе общаго объеди-

няющаго направленія въ ихъ догматикѣ и практикѣ,—все это неизбежно должно было вести протестантство въ Польшѣ къ совершенному и быстрому паденію. Мы обязаны коснуться протестантскаго движенія, предварившаго введеніе въ западную Россію іезуитовъ, на столько, на сколько оно прикасалось къ православно-русскимъ элементамъ жизни въ западной Россіи.

Протестантство нашло много благопріятныхъ для себя условий и обстоятельствъ въ Польско-Русскомъ государствѣ. Польша и Русь были тогда въ близкомъ и тѣсномъ общеніи съ западною Европой; лучшіе люди посылали туда своихъ дѣтей въ знаменитыя протестантскіе университеты, особенно въ Лейпцигскій, Виттембергскій. Здѣсь молодые аристократы проникались лютеранскими идеями и съ ними возвращались домой, гдѣ покровительствовали протестантской пропагандѣ. Протестантскіе проповѣдники наводнили Польшу, проникали въ главныя ея заведенія; даже нѣкоторые профессора Краковской академіи, этой alma mater польскаго просвѣщенія (ognisko oświaty)—главнаго расадника науки въ Польшѣ и западной Россіи, были протестантами. Всѣ лучшіе люди съ жадностію ухватились за исповѣданіе, которое давало широкое и свободное развитіе родному слову и народнымъ элементамъ жизни. Духовная іерархія латинская, не смотря на всю видимую силу въ польскомъ сенатѣ и народѣ, носила тогда въ себѣ самой зародыши совершеннаго упадка. Проникнутая ультрамонтанскими стремленіями — подчинять своему вліянію не только народъ, магнатовъ, но и самыхъ королей, жадная къ десятинамъ и аннатамъ и всякаго рода поборамъ, эта іерархія въ то же время была слишкомъ свѣтская вслѣдствіе своего общественнаго положенія въ Польшѣ; слишкомъ развратная и корыстолюбивая, вслѣдствіе матеріальнаго обезпеченія. Сталкиваясь постоянно съ православными дворянами западной Россіи, гдѣ духовенство далеко было отъ мысли вмѣшиваться въ гражданскія дѣла, гдѣ, наоборотъ, народъ принималъ значительное участіе въ дѣлахъ церкви, польская шляхта неблагопріятно смотрѣла на преобладаніе у себя латинскаго клира, который старался подавить народный языкъ и нисколько не радѣлъ о развитіи народа ¹⁾).

Неудивительно, что при первомъ словѣ протестантской проповѣди, знаменитѣйшіе польскіе дома изгнали у себя латинскихъ коенд-

¹⁾ Жалобы шляхты на вліяніе духовенства можно читать у Лувшевича въ *Historji Helwskiego wuznania w Maley Polsce*, стр. 234.

зовъ или заставили ихъ принять протестантство; стали всѣми силами хлопотать объ изгнаніи епископовъ изъ севата, объ ограниченіи духовнаго ихъ суда, объ уничтоженіи десятины и прочихъ латинскихъ привилегій. Католическіе короли Европы, по внушенію папы, писали увѣщательныя письма къ Сигизмундамъ I и II, къ польскимъ епископамъ, не пережившимся, увѣщавая ихъ помнить ревность къ вѣрѣ отцовъ, употребить строгія мѣры къ подавленію ересей. Письма эти не дѣйствовали даже на Сигизмунда Стараго, хотя ультрамонтанскій историкъ польскаго костела Островскій приводитъ ¹⁾ нѣсколько узаконеній этого государя, направленныхъ противъ ино-вѣрцевъ. Этотъ умный и справедливый король хорошо понималъ, въ чемъ заключалось зло. Въ письмѣ къ другу своему, извѣстному польскому законовѣду, Ласскому, король въ пророческомъ духѣ предрекъ, что новое ученіе разовьется, коль скоро станутъ преслѣдовать его силою, и противопоставлять ему распущенность и дурныя примѣры. Еще замѣчательнѣе для насъ его мнѣніе объ отношеніи къ еретикамъ, высказанное въ письмѣ къ кардиналу Эву, который, посвящая Сигизмунду книгу „De Purgatorio“, совѣтовалъ ему преслѣдовать еретиковъ. „Позволь мнѣ быть пастыремъ и овецъ и козлищъ. Молю Бога, чтобы въ дѣлахъ Льва X съ его ревностію соединилось благочестіе Льва I. Если же испорченность нравовъ, соблавы вмѣсто добраго примѣра, раздоры вмѣсто единенія, будутъ господствовать между христианами, то наступятъ злополучныя времена, когда царь и пастырь Христова стада будутъ презрѣны“ ²⁾.

Большая мысль истинно великаго государя осуществлялась отчасти уже при немъ самомъ, не смотря на мѣры, принятыя имъ противъ налива ересей, на примѣръ, изгнаніе ересеучителей, дѣланіе Братень Моравскихъ ³⁾ гражданскихъ правъ и пр. Левъ X сдѣлалъ самый ничтожный сборъ индульгенціи въ Польшѣ и особенно въ западной Россіи. Къ половинѣ XVI вѣка совершился полный упадокъ латинства въ Польшѣ. Въ западной Россіи, южная часть которой подвергалась преслѣдованію изъ-за вѣры отъ латино-польскаго клира еще при Ягеллѣ, затѣмъ при Владиславахъ Опольскомъ и Варнскомъ и Сигизмундѣ I, латинство упало тѣмъ скорѣе, что оно было привито наси-

¹⁾ Dzieje u prawa Kościoła Polskiego. 1846. Т. 21 и 23 стр.

²⁾ Szacki, wyd. Ed. Raszyńskiego, стр. 312. Т. I.

³⁾ Вопросъ объ отношеніи Поляковъ къ Моравскимъ или Чешскимъ Братнямъ, искавшимъ убѣжища въ Польшѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія русской исторической науки.

ліемъ. Замѣчательно, что нигдѣ такъ скоро латинское духовенство не оставляло своихъ папскихъ теорій и правилъ, напрямѣрь, теоріи безбрачія, какъ въ южной и Галицкой Руси: здѣсь ксендзы и даже епископы (Кіевскій—Папъ) вступали въ бракъ.

Побуждаемый письмами Юлія III, Сигизмундъ II издавалъ еще законы, въ которыхъ становился на сторону латинства, угрожалъ изгонять изъ своего государства всякое еретическое новаторство, не допуская къ общественнымъ должностямъ зараженныхъ имъ, — онъ еще утверждаетъ права и привилегіи латинскаго духовенства. Но эти мѣры были приняты королемъ лишь на пергаментѣ и лишь для успокоенія своей совѣсти и докучливости папъ. Въ дѣйствительности онъ не имѣли никакой силы, что и оказалось на сеймахъ и прежде всего на Петроковскомъ (1550). Собравшаяся на сеймъ шляхта жестоко укоряла духовенство за всѣ беспорядки, требовала существенныхъ перемѣнъ въ законодательствѣ касательно духовенства. На этомъ же сеймѣ было предложено дѣло Перемышльскаго каноника Орѣховскаго (Orichovius, по-польски Orzechowski), за котораго стояла цѣлая партія малопольскихъ магнатовъ, напрямѣрь, Кмитовъ, Остророговъ, Лецинскихъ, Гурковъ. Ультрамонтанскіе писатели ¹⁾ представляютъ Орѣховскаго человѣкомъ, заразившимся протестантскими мнѣніями, за что онъ будто бы отлученъ былъ своимъ епископомъ Дзядускимъ. Несомнѣнно, что Орѣховскій учился въ заграничныхъ университетахъ протестантскихъ и знакомъ былъ съ Меланктономъ; несомнѣнно, что онъ дѣйствовалъ, по временамъ, подъ вліяніемъ протестантовъ. Въ его пользу на сеймахъ говорили и дѣйствовали совращенные въ лютеранство и кальвинство названные нами магнаты. Но отступничество Орѣховскаго состояло главнымъ образомъ въ томъ, что онъ, живя между Русскими и сочувствуя ихъ церковнымъ порядкамъ, увлекся ими до такой степени, что печатно защищалъ русское погружательное крещеніе, брачное состояніе священниковъ и православленное соборное церковное управленіе ²⁾. По примѣру русскихъ свя-

¹⁾ Ostrowski, т. III, стр. 54. Rychcicki, Piotr Skarga i jego wiek. Chodunicki, Dykcjonarz uczonych polakow, подъ словомъ «Orzechowski». Кондратовичъ, въ своей Исторіи польской литературы, объясняетъ бракъ Орѣховскаго переходомъ его въ протестанство. Но почему же онъ велъ полемику противъ протестантовъ?

²⁾ См. у Ходыницкаго краткую біографію Орѣховскаго: «Орѣховскій уклонялся (отъ духовнаго званія); впрочемъ, договаривался съ отцемъ — на счетъ греческаго обряда, такъ какъ обрядъ этотъ не обязывалъ его быть безбрачнымъ.... онъ возмущалъ покой епархіи заступничествомъ за греческій обрядъ».

щенниковъ, какъ говоритъ всендзъ Ходыницкій и одинъ иезуитскій писатель польской исторіи Хржановскій ¹⁾, онъ, не оставяя священства, женился, и не побоялся передъ сеймомъ защищать бракъ священниковъ. Для насъ важно здѣсь то, что Орѣховскій, какъ самъ сознается, русскій — Ruthenus Orichovius, полюбилъ постановленія и обычаи русскіе православныя. Какъ другъ лучшихъ тогдашнихъ фамилій малопольскихъ и самыхъ свѣтлыхъ людей того вѣка, напримѣръ, Фриція Морджевскаго, онъ раздѣлялъ ихъ мысли о несчастномъ положеніи вѣры въ Польшѣ вслѣдствіе крайняго вліянія папъ и необузданности клира. Самъ Сигизмундъ II и примасъ королевства Уханскій, не смотря на несомнѣнное равнодушіе ихъ къ вѣрѣ, склонялись къ возрѣніямъ партіи, требовавшей преобразованія церкви въ Польшѣ. Любопытно прослѣдить вкратцѣ задачи и стремленія этой партіи, замѣтно склонявшейся къ примиренію съ православіемъ. Къ величайшему сожалѣнію, партія эта свои попытки — совершить преобразование литинской церкви — закончила тѣмъ, что впуталась сама въ противорѣчія и сомнѣнія, и одна часть ея перешла въ лагерь крайнихъ папистовъ, другая — къ кальвинскому и даже аріанскому заблужденіямъ.

Вопросъ этотъ заслуживаетъ всесторонняго и спеціальнаго изслѣдованія; мы же должны рассмотреть его лишь кратко, именно: что выработывалось въ самой Польшѣ въ пользу православія предъ пришествіемъ туда иезуитовъ.

Уже на сеймѣ Петровѣвскомъ, когда рѣшался вопросъ о женитьбѣ всендза Орѣховскаго, сторону его приняла вся шляхта, за исключеніемъ нѣсколькихъ сенаторовъ. Возставая противъ злоупотребленій духовенства, состоявшихъ, какъ мы видѣли, въ его вмѣшательствѣ въ дѣла государства, въ жадности къ поборамъ, въ нерадѣніи о просвѣщеніи народа, въ стремленіи получить перевѣсъ надъ гражданскою властію и подавить волюности шляхетскія, она, и это болѣе всего замѣчательно, настойчиво требовала слѣдующихъ перемѣнъ въ своей церкви: 1) чтобы литургія и другія службы церковныя отправлялись на народномъ языкѣ; 2) чтобы священники были свободны отъ целибатства; 3) чтобы свѣтскіе люди имѣли право *пріобщаться подь обоими видами*; 4) чтобы созванъ былъ соборъ для устроенія народной церкви, и 5) чтобы уничтожены были аннаты и т. п. незаконныя поборы папскіе. Результатомъ настойчивыхъ требованій шляхты

¹⁾ Рукописная. Въ Императорской публичной библіотекѣ.

было снаряженіе посольства отъ всего народа къ папѣ Павлу IV съ требованіемъ, чтобъ онъ предпринялъ преобразованіе польской церкви согласно съ вышеизложенными пунктами ¹⁾). Ясное дѣло, что народъ требовалъ преобразованія церкви не въ духѣ протестантизма: не говорили даже о догматическихкихъ пунктахъ, не отвергали, напримѣръ, значенія евхаристіи и другихъ таинствъ, а требовали уничтоженія злоупотребленій папской власти и возвращенія ея къ апостольскому преданію. О сверженіи авторитета папской власти не было и рѣчи: странно было бы посылать и посольство къ папѣ, если бы думали о сверженіи его власти. Требовали только, чтобы соборное управленіе стало во главѣ церкви польской на мѣсто жадныхъ папскихъ легатовъ. Эти замѣнительныя требованія народа повторялись еще много разъ на сеймахъ; ихъ поддерживали замѣчательныя польскіе люди своего времени, напримѣръ, Модржевскій. Имъ постоянно сочувствовалъ король ²⁾). Но борьба придворныхъ партій и событія гражданскія помѣшали выясниться идеалу лучшаго порядка вещей въ умахъ короля и преобразовательной партіи. Очевидно было то, что король искренно желалъ установить этотъ порядокъ; для этого онъ прибѣгалъ и къ нѣкоторымъ мѣрамъ. Не довѣряясь партіямъ, онъ выслалъ отъ себя доктора Лизманина съ письмами къ разнымъ протестантскимъ авторитетамъ, для добросовѣстнаго изученія всего лучшаго у разныхъ сектантовъ. Лизманинъ не оправдалъ ожиданій короля: онъ, по выѣздѣ изъ Польши, сбросилъ монашескую рясу и женился, и тѣмъ вооружилъ противъ себя короля. Явное дѣло олицъ, что король, снаряжая посольство къ главамъ протестантскаго движенія, не думалъ предаваться протестантизму. Это видно, впрочемъ, и изъ того, что онъ самъ вступалъ въ диспуты съ богословами разныхъ сектъ, за что укорялъ его Павелъ IV ³⁾).

Между тѣмъ дѣла католичества шли быстро къ упадку подъ ударами протестантизма: на сеймахъ шло постоянно шумѣла противъ принадлежій духовенства; по венавности къ упорству и неуступчивости латинянъ, нѣкоторые оскорбляли даже самую святыню. Лещинскій,

¹⁾ Ostrowski, т. III, 54—63 стр. Лучшіе люди думали уничтожить безпорядки въ польской церкви совладаніемъ народнаго собора. На сеймахъ, бывшихъ между 1550 — 1563 г., постоянно требовали отмены безбрачія клира, восстановленія причащенія подъ обоими видами. См. *День* 1864. № 12-й.

²⁾ Łukaszewicz, *Hist. Helw. wuznania w Małej Polsce*. — Письмо духовника Сигизмунда II 1568, стр. 46, примѣчаніе.

³⁾ Ostrowski, *Daieje i prawa*, т. III, 66—68 стр.

напримѣръ, стоялъ въ шапкѣ въ костелѣ, во время сейма, и не преклонилъ главы во время освященія даровъ. Епископы, поощряемые папою и его легатами, собирали соборы (Петроковскій, Ловичскій), которые, впрочемъ, ничего не могли сдѣлать въ пользу латинства: сила ихъ опиралась на помощи и поддержкѣ магнатовъ и шляхты, а магнаты и шляхта ушли изъ-подъ ихъ вліянія. Сеймъ Варшавскій 1557 года, собранный для обсужденія средствъ защиты государства, кончился ничѣмъ, вслѣдствіе новыхъ требованій шляхты дать ей народное богослуженіе и церковь. Папа долженъ былъ на время уступить: чрезъ легата Липомани онъ согласился, чтобы магнаты и шляхта держали у себя *министровъ* съ тѣмъ только, чтобы они исповѣдывали то, что подтверждаютъ 4 главные отца церкви, и не трогали *бенефиций церковныхъ*; въ то же время, какъ видно изъ письма Павла IV ¹⁾, латиняне упорно противились введенію въ Польшу народной литургіи и причащенія по православному обряду, какъ противныхъ ультрамонтанской латинской практикѣ. Въ возмездіе за фанатическое упорство латинянъ, шляхта еще на двухъ сеймахъ рѣшила отнять у духовенства всѣ преимущества его по отношенію къ дѣламъ свѣтскихъ лицъ. Тогда-то появились и два замѣчательныхъ акта польскаго законодательства въ пользу свободы вѣроисповѣданій: 1) Шляхта не должна быть наказываема за проступки духовнымъ судомъ; отлученные имѣютъ право участвовать въ государственныхъ дѣлахъ. Петроковскій сеймъ 1565 года ограничилъ права духовенства лишь церковными эпитиміями, которыми оно могло наказывать грѣшника. Во всѣхъ этихъ актахъ мы видимъ какое-то умѣряющее вліяніе на шляхту, которая не рѣшается окончательно уничтожить латинское духовенство. Нѣтъ сомнѣнія, что умѣренность эту нужно приписать реформаціонной партіи. Островскій же съ папосомъ описываетъ, какъ за этимъ актомъ пошло чуть не свѣтопреставленіе. Въ дѣйствительности этотъ актъ узаконилъ только то, чего давно добивались благомыслящіе патріоты. 2) Въ 1562 году отмінено постановленіе Городельскаго сѣзда 1413 года, непріятное всѣмъ иновѣрцамъ, и главнымъ образомъ, православнымъ ²⁾. Эта законодательная мѣра состоялась подъ вліяніемъ той же реформаціонной партіи и по преимуществу—

¹⁾ Pomimo usilnych nalegań o wolności komunii pod dwiema osobami i ułożenie liturgii polskiej król z katolikami oparł się *nowości*, stając niewzruszenie przy odwiecznych kościoła rzymskiego obrządkach.

²⁾ Szascki, т. I, стр. 312. Сигизмундъ II подтвердилъ постановленіе Гродненскаго сейма въ 1568 г.

Орѣховскаго. Онъ постоянно говорилъ въ пользу русской церкви противъ преобладанія латинянъ, и до того отстаивалъ ея права, что возбуждалъ этимъ новое неудовольствіе своего епископа Дядускаго.

Между тѣмъ въ Польшу прибывали новыя и новыя ересучители: здѣсь находили пристанище всѣ гонимыя за границею Нѣмцы, Чехи, Итальянцы и проч. Привыкшіе къ перемѣнѣмъ религіозныхъ убѣжденій, польскіе шляхтичи бросались то къ той, то къ другой сектѣ; начались фанатическіе споры между разновѣрцами, кончившіеся требованіемъ изгнанія изъ Польши арианъ, или содиніанъ. Но идея о народной церкви все еще не покидала умы лучшихъ людей и короля. Они все еще питали надежду примиренія и соединенія всѣхъ разновѣрцевъ въ одну народную церковь, управляемую народнымъ соборомъ, молящуюся на народномъ языкѣ и т. д. Потому, не смотря на то, что на Парчовскомъ сеймѣ 1564 года король и сенатъ, по настоянію ловкаго папскаго нунція Коммендони, вопреки желанію протестантской партіи, приняла постановленія Тридентскаго собора. Коммендони не могъ поддержать падающій ультрамонтанизмъ: благомыслящіе люди, къ которымъ применили теперь многіе протестанты, на томъ же сеймѣ, на которомъ постановлено было изгнать арианъ, снова требовали созвать народный соборъ. На этотъ разъ противъ требованія созвать народный соборъ и постановленія насчетъ изгнанія арианъ со всѣмъ фанатизмомъ возсталъ Вармійскій епископъ Говій, котораго послѣ мы узнаемъ ближе; но онъ скоро долженъ былъ уѣхать въ свою Вармійскую епархію, обуреваемую ересями. Тогда не требованія народнаго собора возобновились съ новою силою, и хотя достигли желанной цѣли, но вызвали новую мѣру, противную власти папы: постановлено, чтобы аннаты не посылались въ Римъ, а оставались въ коронѣ для защиты Рѣчи Посполитой¹⁾. Тогда же поручено было Модржевскому составить планъ преобразованія (porządku) государства на началахъ примиренія разныхъ исповѣданій. Сочиненіе о „поправѣ Рѣчи Посполитой“, вышедшее въ свѣтъ только въ 1590 г., и слѣдовательно, запоздалое и не имѣвшее никакихъ послѣдствій, заключало въ себѣ отдѣльный (4-й) трактатъ о поправѣ положенія вѣры въ коронѣ. Но этого отдѣла мы не нашли въ томъ изданіи, которое читали въ Публичной библиотекѣ. Позднѣйшіе издатели, чаще всего иезуиты, намѣренно издавали только тѣ части, въ которыхъ талантливый писатель и патриотъ громить злоупотребленія людей

¹⁾ Ostrowski, т. III, 97 — 103. «Pozwalamy, aby annaty zostały na obronę Rzeczypospolitej», стр. 112.

свѣтскихъ, сенаторовъ и шляхты, за злоупотребленія вольностію, а 4-ю часть, именно о духовенствѣ, должно быть, преднамѣренно оставили ¹⁾). Но сколько можно судить по общему духу сочиненій Модржевскаго и по тому, что цитуетъ Лукашевичъ, мы можемъ догадываться, что писатель, подъ вліяніемъ партіи преобразования, находить злоупотребленія духовныхъ въ томъ, что они стараются имѣть преобладаніе надъ свѣтскою властію, что папа поставилъ себя выше всѣхъ соборовъ, опираясь на мнимое главенствѣ Петра, что онъ изгналъ народный языкъ изъ употребленія при богослуженіи. Въ этомъ сочиненіи мы видимъ послѣдній голосъ въ защиту чистыхъ христіанскихъ понятій о церкви противъ ультрамонтанства и въ защиту тѣхъ ея особенностей, которыя мы видимъ въ православной церкви. Какъ ни ясно, по временамъ, понимали люди партіи Орѣховскаго, Модржевскаго и самого короля, въ чемъ состояло зло, но при тогдѣшнемъ крайнемъ броженіи религіозныхъ понятій въ Польшѣ, въ которомъ проявилась вся свободолюбивость Поляковъ, трудно было узнать, гдѣ положительная истина. Сама партія Орѣховскаго разстроилась влѣдствіе ссоры послѣдняго съ Модржевскимъ. Читая сочиненія Лукашевича, раскрывающія исторію борьбы религіозныхъ мнѣній въ Польшѣ и западной Россіи, часто наталкиваешься на явленія очень отрадныхъ, напримѣръ, какъ нѣкоторые протестанты, желавшіе лучшаго церковнаго порядка, вовсе не желали бы доходить до тѣхъ крайностей, до какихъ дошли соцініане и многіе другіе протестанты; какъ они желали бы найти истинный идеалъ церкви, но къ несчастію его не находили: никто не протянулъ имъ руки въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Если къ такимъ убѣжденіямъ приходили протестанты, уже далекіе отъ какого бы то ни было церковнаго преданія, то люди, какъ Орѣховскій, Модржевскій и многіе епископы, напримѣръ, примасъ Уханскій, мечтавшій даже о патриаршествѣ въ Польшѣ, и король, гораздо болѣе твердые въ латинствѣ, чѣмъ ихъ представляютъ іезуитскіе писатели, вовсе не желали разорвать связи съ прошедшею исторіею своего народа, а хотѣли только исправить то, что исказилось въ религіозной его жизни.

Теперь вопросъ въ томъ, было ли описываемое направленіе между лучшими польскими людьми въ пользу вселенской идеи церкви лишь временнымъ и случайнымъ явленіемъ, или оно имѣло связь съ прежнимъ направленіемъ польской исторіи? Болѣе безпристрастные ея из-

¹⁾ Wiszniewski, *Historya literatury Polskiej*, т. VI, въ приложеніи.

слѣдователи, напримѣръ, Мацѣевскій, Вишневскій, Банде, утверждаютъ, что въ Польшѣ, до официальнаго введенія латинства усилия князей и духовенства нѣмецкаго, распространилось изъ сосѣднихъ странъ славянскихъ, между прочимъ изъ Венгріи и Моравіи, такъ-называемое славянское вѣроисповѣданіе, проповѣданное Греками и славянскими учителями, между прочими, свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, что это исповѣданіе было скоро подавлено въ Польшѣ Мечиславомъ послѣ 2-го его брака на монахинѣ-папистѣ Одѣ, а потомъ Болеславомъ Храбрымъ и послѣдующими польскими князьями изъ-за союзъ съ Нѣмецкою имперіей, измѣнившими славянству и его исповѣданію. Потребность его, однако, жила въ народѣ до позднѣйшаго времени, что объясняется издавіемъ въ Краковѣ, гдѣ совершалось богослуженіе на славянскомъ языкѣ, славянскихъ богослужебныхъ книгъ, а равно обычаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши, сохранившимся до временъ реформаціи, нѣтъ при богослуженіи „Господи, помилуй ны“, и нѣкоторыми памятниками древней христіанской иконописи и богослуженія въ родѣ, напримѣръ, образа Божія Матери Византійскаго стиля съ *Кирилловскою* подписью. Женатые священники, не смотря на строгія постановленія папскихъ соборовъ, были въ Польшѣ и въ XIII вѣкѣ, и на Петровскомъ сеймѣ (1550) вопросъ о безженствѣ священниковъ былъ еще вопросомъ спорнымъ, нерѣшеннымъ ¹⁾. Все это, по мнѣнію указанныхъ польскихъ писателей, указываетъ на слѣды той древней славянской вѣры, которая принесена была въ Польшу еще до Мечислава, можетъ быть, тѣми двумя ангелами, то есть, свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, по объясненію Мацѣевскаго, которые еще въ IX вѣкѣ посѣщали польскаго князя ²⁾. Но латинское духовенство, съ теченіемъ вѣковъ, успѣло подавить народную вѣру и поставить на мѣсто ея исключительный латинскій культъ съ латинскимъ языкомъ и обрядами, съ преобладаніемъ монашества и высшаго клира надъ свѣтскою властію. Вотъ вкратцѣ мнѣнія лучшихъ изслѣдователей польской старины.

Симпатія Поляковъ къ славянскому народному богослуженію проявлялась много разъ и послѣ того, какъ римское духовенство подавило это богослуженіе. Гонимые въ другихъ странахъ Чешскіе или

¹⁾ См. примѣч. объ Оряховскомъ. Ему позволено было жить въ бракѣ и священнодѣйствовать. Когда на Варшавскомъ церковномъ соборѣ онъ прочиталъ исповѣданіе вѣры, то «Synodus restituerat in ordinem Orichovium et inter sacerdotes suo loco illum collocaverat. Annales Orichovii 1611. Dobromili. p. 100.

²⁾ Лотоцкіѣ, Описаніе Варшавской епархіи, стр. 59—80.

Моравскіе Братья—утражвисты, находили себѣ гостепріимный пріютъ въ Польшѣ, не смотря на строгіе инквизиціонные законы, изданные противъ нихъ латинскою властію. Затѣмъ, какъ мы видѣли, протестантство имѣло большой успѣхъ именно потому, что оно прежде всего ввело въ богослуженіе народный языкъ и освободило шляхту отъ преобладанія латинскаго клира. Наконецъ, и въ томъ, что лучшіе польскіе люди принимали то ту, то другую вѣру, мы не можемъ видѣть одно лишь непостоянство и любовь къ новизнѣ, какъ угодно было объяснить этотъ фактъ одному новѣйшему защитнику польскаго ультрамонтанства (Рихциціей)¹⁾; въ польскомъ народѣ, по крайней мѣрѣ, въ просвѣщеннѣйшей его части, пробудились во время реформаціоннаго движенія воспоминаніе и потребность той старой народной славянской вѣры, которую исповѣдывали отцы. Смутныя обстоятельства времени: споры и ссоры протестантовъ, отсутствіе всякой поддержки со стороны сосѣдей православныхъ Русскихъ — найдти истинную истину,— вотъ что уничтожало попытки лучшихъ польскихъ людей найдти религіозную истину. И вотъ, безъ сомнѣнія, со стороны такихъ людей раздается отчаянный вопль въ слѣдующемъ родѣ: „извольте видѣть, возлюбленнѣйшіе братья, говорить Филиповскій. суперинтендентъ малопольскихъ кальвинистовъ на синодѣ Козминскомъ, мы много и долго хлопотали насчетъ реформированія нашей вѣры, потому что мы видѣли, что въ папствѣ все испорчено и запятнано (zarlugawione) разными преступленіями и заблужденіями, и мы искали, гдѣ бы намъ можно было найдти народъ, или церковь, которая была бы ближе всѣхъ къ истинѣ, чтобъ и намъ къ ней присоединиться; но когда мы не могли доискаться этого, мы должны были сами пристуить къ этому, то-есть, къ учрежденію порядковъ вѣроученія и богослуженія“²⁾. Малопольскимъ кальвинистамъ не далеко было искать такой церкви; православные были въ сосѣдствѣ съ ними, постоянно входили въ сношенія съ ними. Но положеніе православія и главнымъ образомъ его церковной іерархіи въ западной Россіи было крайне безотраднo въ описываемую эпоху.

Безпорядки въ православномъ клирѣ приняли при Сигизмундѣ-Августѣ огромные размѣры. Епископы и даже митрополиты, вмѣсто того, чтобы заботиться о паствѣ и ея религіозномъ образованіи, вступали въ споры и тяжбы между собою за имущества, тягались съ патронами, желая устранить ихъ вмѣшательство въ дѣла церков-

¹⁾ Skarga i jego wiek. Lwów. См. ниже.

²⁾ Łukaszewicz, *Historija Helwtyckiego wyznania w Małej Polsce*, стр. 19.

ныя; нападали на монастыри и грабили ихъ. Магнаты, издавна пріобрѣвшіе права патроната надъ церквами и монастырями, права пользоваться ими, какъ статьею доходовъ на свое содержаніе, нерѣдко переступали предѣлы своихъ правъ и позволяли себѣ притѣснять епископовъ, наѣзжать на ихъ монастыри и имѣнія. Можно думать, что большая часть насилій и обидъ, причинявшихся православнымъ, происходила отъ шляхты, измѣнившей православію и перешедшей въ протестантство. Извѣстно, что знаменитѣйшія фамиліи литовско-русскія въ половинѣ XVI вѣка, напримѣръ, Радзивиллы, Ходкевичи, Сѣнявскіе, Сѣмашки, Волловичи, Тышкевичи, Чапскіе и множество другихъ, перешли въ протестантство и старались обращать своихъ подвластныхъ въ свою вѣру ¹⁾. Вторая половина XVI вѣка наполнена позвами, протестами и жалобами духовенства на насиліе и угнетеніе отъ этихъ магнатовъ. Въ Слуцкомъ княжествѣ Олельковичей, первыи обращены были въ кирхи ²⁾; въ Червонной Руси, какъ извѣстно изъ брошюры Гербеста, помѣщенной у Вишневекаго въ VI т., священники переходили въ кальвинизмъ и арианство. Въ жизни и въ упадкѣ дисциплины высшаго духовенства нельзя не видѣть нѣкоторыхъ чертъ протестантскихъ: двоеженцы восходятъ даже на епископскія каѳедры ³⁾, живутъ на каѳедрахъ съ женами, неуважительно обращаются съ церковными священными предметами, напримѣръ, иконами, облаченіями (митр. Дѣвочка) и проч. Очерчивая въ общихъ чертахъ положеніе тогдашняго православнаго духовенства, мы должны остановиться главнымъ образомъ на двухъ особенностяхъ его положенія, которыя оказали большое вліяніе на всю послѣдующую судьбу западно-русской церкви и за которыя ухватились всѣми силами іезуиты въ концѣ XVI вѣка. Особенности эти слѣдующія: въ западной Россіи развилось участіе свѣтскихъ людей въ дѣлахъ вѣры, нерѣдко въ ущербъ іерархической власти,—участіе, не всегда чистое отъ примѣси протестантизма. Съ другой стороны, духовенство, вышедшее изъ дворянства и занятое имущественными и другого рода тяжбами, упустило изъ виду радѣніе о дисциплинѣ церковной, объ исправленіи многихъ злоупотребленій, вкравшихся въ практику церковную и даже въ богослужебныя книги ⁴⁾, о просвѣщеніи и благоустройствѣ низ-

¹⁾ Antirrhysis.

²⁾ Hist. Hel. wuz. w Litwie. т. I, стр. 4, 11, 17 и др.

³⁾ Акты Зап. Россіи, т. 4.

⁴⁾ Руков. для сельскихъ пастырей 1864 года и статья Хойнацкаго въ *Христ. Ученіи* за 1867 и 1868 годы.

шаго клира; вслѣдствіе этого произошло крайнее его невѣжество и распущенность. Могло ли это духовенство отстоять православіе? Пасомне оставались безъ надлежащаго руководства и даже не всегда могли получать удовлетвореніе своимъ существеннымъ религіознымъ потребностямъ.

Еще въ концѣ XV и особенно въ первой половинѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ жалобы духовенства на свѣтскихъ *урядниковъ* за вмѣшательство ихъ въ дѣла духовныя, за присвоеніе ими такой власти, какая прилична лишь митрополиту или епископу. Митрополитъ Макарій въ 1544 году жаловался королю Сигизмунду Старому на намѣстниковъ Слуцкой княгини за то, что она „кажетъ намѣстникамъ своимъ Слуцкому и Копильскому въ дѣла духовныя вступитися, которые вроднии поповъ судять, и въ казнь замвовую сажаютъ.... мужовъ съ женами распускають, а до права и до казни ихъ духовного не выдають“. Затѣмъ указывается случай, какъ княгиня не выдала запозваннаго митрополитомъ Слуцкаго архимандрита Никандра. Король по этому поводу далъ грамоту Слуцкой княгинѣ, „приказуючи, чтобъ ея милость у справы духовныя ихъ вродникомъ своимъ ничимъ ея вступати не вазала“¹⁾. Безъ сомнѣнія, во многихъ случаяхъ участіе, въ законныхъ предѣлахъ, шляхты и вообще свѣтскихъ людей въ дѣлахъ церковныхъ было благотѣльно. Такъ мы видимъ почти въ одно время съ указаннымъ фактомъ, что дворяне Полоцкіе, ревнуя о благѣ вѣры и церкви, подали королю жалобу на своего архіепископа Симеона, обвиняя его въ нерадѣніи о дѣлахъ церковныхъ, въ грабительствѣ церквей и монастырей, въ симоніи и проч. Цѣлыя корпорациі свѣтскихъ людей выносили исключительно на своихъ плечахъ дѣла вѣры и церкви. Но слѣдуетъ строго отличать дѣятелей такъ называемыхъ церковныхъ братствъ и ихъ борьбу съ епископами отъ тѣхъ магнатовъ, которые вмѣшательствомъ своимъ въ избраніе епископовъ, въ управленіе церковное и въ имущественныя дѣла, лишь стѣсняли власть іерархическую, не оказывая особенныхъ благотѣльныхъ слѣдовъ своего участія. Съ другой стороны, свѣтскіе чиновники королевскіе, слышюмъ падкіе на имѣнія, отбирали у духовенства землю и угоды, какъ это мы видимъ изъ грамоты Сигизмунда II Гомельскимъ чиновникамъ и князю Соколинскому, отнявшаго земли у Кіевскаго Печерскаго монастыря. Рядъ подобныхъ злоупотребленій и насилій со стороны свѣтскихъ людей побудилъ еще митрополита Іону

¹⁾ Акты Зап. Россіи. Т. 2, стр. 397, № 230.

въ 1568 году подать королю просительныя статьи, въ которыхъ, между прочимъ, просить короля, чтобы забранныя свѣтскими лицами, панами и мѣщанами въ разныхъ мѣстахъ фундуши и угоды возвращены были духовенству. По этому поводу митрополиту приказано было описать подробно, что, гдѣ и кѣмъ взято. По просьбѣ того же митрополита, король далъ грамоту Луцкому и Брацлавскому старостѣ Богуму Корецкому, чтобы ни онъ самъ, ни его подчиненные въ „справы церковныя и суду духовному належачія ничемъ ея чрезъ то не вступалъ“¹⁾. Изъ послѣдующихъ жалобъ православныхъ митрополитовъ и епископовъ на притѣсненія свѣтскихъ магнатовъ и чиновниковъ, на расхищеніе ими церковныхъ имуществъ, мы должны убѣдиться, что теперь стало обнаруживаться безсиліе исполнительной власти въ тогдашней Рѣчи Посполитой. Подобныя злоупотребленія со стороны свѣтскихъ лицъ были тѣмъ естественнѣе, что сами короли подавали къ тому поводъ, вводя въ церковную практику обычай, на который очень справедливо жаловался православный митрополитъ, именно: отдавались во владѣніе свѣтскихъ лицъ монастыри и даже епископія за государственныя заслуги, отчего случалось, что епископъ и не видѣлъ своей епархіи, нанимая за себя кого попало, или же, нерасположенный къ занятію церковной должности, по своему религіозному и гражданскому положенію, какъ напримѣръ Жолкѣвскій, продавалъ свое право епископства кому-либо другому²⁾. Въ этомъ высказался чисто матеріальный взглядъ на монастыри и епископія, какъ на кормовое. Образчикомъ всего этого можетъ служить грамота Сигизмунда-Августа Полоцкому боярину Корсаку на Полоцкую архіепископію: „Маючи ласковый взглядъ на пильныхъ (настоятельныхъ) и вѣрныхъ службы боярина земли Полоцкое пана Глѣба Ивановича Корсака, я за жаданіемъ воеводы Полоцкаго Довойна и пановъ бояръ дали есмо ему... владѣчество Полоцкое; маєтъ онъ въ тую архіепископію въѣхати и тую архіепископію и монастырь святого Михайла — подаванья нашего въ справу свою взяти“. Мало того, король, по завѣщанію предшественника и по желанію приближенныхъ магнатовъ, утверждалъ самого митрополита на Кіевской каедрѣ. Власть короля особенно относительно монастырей нерѣдко доходила до нелѣпности. Изъ грамоты на Минскій Вознесенскій монастырь, данной Рагозѣ, оказывается, что этотъ монастырь, на основаніи королевской привилегіи, состоялъ во владѣніи

¹⁾ Тамъ же, 402, № 233. Т. 3, 21 стр. № 9. 145—148, № 43 и 46.

²⁾ Haraşiewicz, Annales ecclesiae ruthenae 1862 года. Архивъ юго-западной Россіи. Т. I, стр. XIV.

землянина Достоевскаго, „человѣка закону не греческаго“, и вѣроятноѣ всего, кальвина. Монастыри, точно также какъ и епископіи, давались королемъ, за разныя „пильныя и вѣрныя службы“, свѣтскимъ людямъ, часто еретикамъ ¹⁾, съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, выпрошеннымъ митрополитомъ Іоною (1568 года), что если получившій какой-либо „духовный хлѣбъ“, — вѣрное, кормовое, — по истеченіи трехъ мѣсяцевъ не прійметъ духовнаго сана, то лишается монастыря.

Печальны были послѣдствія такого порядка вещей въ западно-русской церкви. Короли и магнаты, утверждавшіе всякихъ людей за свѣтскія заслуги въ духовныхъ должностяхъ, не думали о томъ, что эти люди совершенно не способны къ церковнымъ дѣламъ; поставленные въ епископовъ и на другія духовныя должности, свѣтскіе люди смотрѣли на свою должность, какъ на статью дохода. Оттого мы видимъ въ эту эпоху цѣлый рядъ тяжёбныхъ дѣлъ епископовъ съ дворянами, между собою, съ настоятелями монастырей, съ братствами — исключительно за имущества. Два епископа — Терлецкій и Волобанъ извѣстны въ этомъ случаѣ особенною сварливостью. Неудивительно, что церкви ихъ были въ крайнемъ упадкѣ. Объ этомъ можно читать въ посланіи Львовскихъ братчиковъ. Даже митрополитъ позволялъ себѣ слишкомъ крупныя злоупотребленія: по своему произволу выбиралъ епископовъ; самъ, по выраженію Львовскихъ дворянъ, удалялъ отъ церквей достойныхъ пастырей; отдавалъ колокола жидамъ, рубилъ кресты. По его нерадѣнію, церкви перешли въ руки католиковъ и иезуитовъ (первая жалоба на этихъ лицъ); въ монастыряхъ жили игумены съ семействами, передѣлывали разныя церковныя украшенія для своего домашняго обихода. Уніевскій монастырь отданъ былъ еретику, Перемышльская епископія съ имуществомъ — тіуну. Патриархъ Іеремія, пріѣхавшій въ западную Россію, принужденъ былъ разбирать домашнія дразги епископовъ, жалобы братствъ на нихъ, и хотя много сдѣлалъ на пользу западно-русской церкви, но въ короткое время не успѣлъ хорошенько узнать лицъ, которымъ повѣрялъ главное смотрѣніе за дѣлами церковными. По нерадѣнію іерархіи высшей, образованіе клира и народа упало до того, что рѣдко кто зналъ и понималъ церковно-славянскій языкъ. Священники занимались польскими сочиненіями (даже князь Острожскій хлопоталъ о переводѣ отеческихъ твореній на польскую „барбарію“), съ церковныхъ каедръ читали польскихъ поэтовъ, а по невѣжеству напитаны были

¹⁾ Посланіе галицко-русскихъ дворянъ къ митрополиту Онисеюру. 1585. Ак. 3. Р. Т. 3, 289.

сுவѣрїями и предразсудками: „ученіе Св. Писанїй оскудѣ, паче же славенскаго-россійскаго языка, и вси челоувѣцы приложившася простому, несъвершенному людскому писанію и сего ради въ различныя ереси впадоша“. Львовскіе братчики съ горестью писали: „всѣми смущается церковь и въ спячїе возвращается, паче же сажовиты, съ различными ереси впадшии и хотящїи возвратитися къ своему правовѣрїю, нынѣ же отцеваются, хуляще церковное безчинїе, — людїе же вси единогласно вопїюще, глаголють: яко еще неустроится церковное развращенїе, въ конецъ разыдемся, во отступленїи римскаго послушанїя и въ покои безмятежно пребудемъ“. На соборахъ, установленныхъ по приказанію патріарха, трудно было что-либо постановить для исправленїя духовенства: священники, когда ихъ обличали въ нерадѣнїи о паствѣ и злоупотребленїяхъ, говорили: „да престануть первѣе святители своего святительства, послушаютъ закона, таже и мы слушаемъ“. Единственными ревнителями правовѣрїя и благонравїя народнаго остались церковныя братства, быстро размножавшїяся въ то время; но обстоятельства времени поставили ихъ въ слишкомъ исключительное положенїе, которое приводило въ смущенїе іерархію: извѣстно, что Іеремїа далъ грамоту Виленскому братству, поручая ему судъ даже надъ митрополитомъ. Завязалась упорная и ожесточенная борьба епископовъ съ братствами. Братства обличали въ посланїяхъ злоупотребленїя и недостатки клира, епископы жаловались на вмѣшательство въ дѣла церковныя братствъ. Такимъ образомъ двѣ силы, равно призванныя служить религіозному дѣлу народа, взаимно парализовали себя. Въ памятникахъ того времени, писанныхъ какъ лицами изъ мѣстной западно-русской среды, такъ и посторонними наблюдателями, можно найти широкую и яркую картину упадка западно-русскаго духовенства и народа въ религіозномъ отношенїи. Вотъ что писалъ князь Острожскїй къ Поцѣю, чрезъ 4 года послѣ пребыванїя патріарха въ западной Россїи, задумывая реформу западно-русской церкви при поддержкѣ партїи, которую онъ собралъ около себя, и побуждая его къ устроенїю церковныхъ дѣлъ ¹⁾). Развертывая картину соединенїя церквей на началахъ, впрочемъ, чисто православныхъ, князь, между прочимъ, пишетъ: „явно есть вашимъ милостямъ всимъ, яко се людєе наше религїи згоршили, и такъ суть къ набоженствахъ своихъ оспалы, лѣнны, неубалы, ихъ не только обы мѣли постерегать повинности своеє христіанскоє и застановлятися

¹⁾ Аяты З. Р. Т. 4, стр. 65.

за церковь Божую и за вѣру свою старожитную, але еще сами, многіе, насмѣваючи съ нее и опускаючи, до *размоитиѣ* (разныхъ) *сектъ утекаютъ*“. „А не отъ чого иного размножилось межъ людьми такое лѣнивство, оспалство и отступленье отъ вѣры, яко наибольшей отъ того, ижъ устали учителя, устали проповѣдчи слова Божого, устали науки, устали казанья; а за тымъ... наступилъ голодъ слуханья слова Божого, наступило за тымъ отступленіе отъ вѣры и закону“. Вотъ еще сильнѣе обличительное слово автора „Плача восточной церкви“: „О архипастыри и пастыри, учителя и священники овецъ Отца вашего! доколѣ вы будете нѣмы, доколѣ будете поглощать вашихъ овецъ. Недовольно вамъ молока и шерсти — вы дерете съ нихъ кожу, пьете кровь ихъ! вы спите, а врагъ бодрствуетъ; ваши овчарни опустѣли, а вашихъ и *Божіихъ враговъ* богатѣютъ. Тѣ стали теперь учителями, *которые склонились къ баснямъ*. Много теперь пастырей, но немного истинныхъ. Несчастное стадо! Можетъ ли быть пастыремъ и учителемъ тотъ, кто самъ никогда ничему не училъ; кто изъ младенчества занимался не изученіемъ Св. Писанія, а предметами не нужными для духовнаго званія“. Слова эти были сказаны нѣсколько позже описываемой эпохи, именно уже послѣ отступничества русскихъ пастырей (1610 года); но они непосредственно могутъ быть приложены и къ пастырямъ, которые дали возможность врагамъ расхищать церковь и наконецъ сами отступили отъ нея. Пришлецъ въ западную Россію, князь Курбскій, въ перепискѣ съ Острожскимъ, постоянно указываетъ на недостатокъ у православныхъ образованныхъ и благочестивыхъ пастырей. школъ, переводовъ отеческихъ писаній, отчего, по его мнѣнію, еретическія заблужденія распространялись между православными; еретики пользовались довѣріемъ и приемомъ у православныхъ магнатовъ. Князь Острожскій держитъ у себя протестантовъ и даже аріанъ, чрезъ нихъ ведетъ полемику съ латинами ¹⁾. Всѣ приведенныя жалобы, нареканія на упадокъ іерархіи западно-русской церкви не были преувеличены.

Въ половинѣ XVI вѣка православная церковь по всей справедливости могла обратить къ знаменитѣйшимъ литовскимъ и русскимъ магнатамъ тѣ рѣчи, которыя вложилъ въ ея уста писатель Ориноса къ латинянамъ. Радзивиллы, имѣнія которыхъ занимали почти половину Литвы, и которые, по сознанию самихъ-изуитовъ ²⁾, были православные, перешли

¹⁾ Naramowski, Facies rerum sarmaticarum, 355 стр.

²⁾ Тамъ же

въ лютеранство или кальвинизмъ; Ходкевичъ призываетъ въ учителя своихъ дѣтямъ протестанта изъ Саксоніи; другой Ходкевичъ ѣдетъ слушать лекціи въ Виттембергъ; Сапѣги ѣдутъ въ Лейпцигъ ¹⁾. Бѣглецы (Артемій, Θεодосій Косой и Игнатій) изъ Москвы, зараженные протестантскими мнѣніями, не находя сочувствія себѣ у простаго народа западной Россіи, избѣгая гнѣва и раздраженія его, находятъ себѣ пріютъ у знаменитѣйшихъ князей Слуцкихъ и Копыльскихъ Омельковичей и у Чаплиевъ ²⁾. Не одно легкомысліе такихъ людей, какъ Радзивиллы или Сапѣги, вовлекли ихъ въ протестантство, а глѣдь истиннаго слова Божія, невѣжество и молчаніе православныхъ пастырей. Ставъ прозелитами чистой, по ихъ мнѣнію, вѣры, они влекли къ ней и подвластныхъ себѣ. Мы не находимъ ни одного памятника, изъ котораго было бы видно, что православное духовенство обнаружило хотя малѣйшій отпоръ протестантскимъ стремленіямъ магнатовъ: посланія Львовскаго братства и митрополита Рагозы, его покровителя, не могутъ служить выраженіемъ мыслей духовенства. За то находимъ памятники, изъ которыхъ видно, что цѣлыя приходы съ священниками переходили въ протестантство, что оставшіеся ревнители вѣры принуждены были давать волости наемнымъ еретикамъ за сочиненія, написанныя противъ латинскихъ обличеній и политическихъ разсужденій ³⁾.

Впрочемъ, какъ ни смутны были обстоятельства западно-русской церкви въ эпоху предъ введеніемъ въ этотъ край іезуитовъ, были однакожь въ то время и отрадные явленія. Чѣмъ менѣе оставалось ревнителей вѣры между магнатами, тѣмъ дѣятельнѣе они принимались, по внушенію патриарховъ, и можетъ-быть, подражая протестантамъ, заводили школы, типографіи, дѣлать переводы отеческихъ писаній. Съ своей стороны, патриархи благословляли и одушевляли эти стремленія, развивали идею братскаго народнаго содѣйствія церкви въ ея дѣлахъ. Въ эту именно эпоху явились братства: Львовское, Виленское, Брестское, Минское, Бѣльское, Могилевское, открылись при главнѣйшихъ изъ нихъ типографіи, въ которыхъ дѣятельно печатались богослужебныя книги и сочиненія въ защиту православія, школы, въ которыхъ молодое поколѣніе готовилось къ священству подъ руководствомъ греческихъ и мѣстныхъ учителей, училось по-русски, по-гречески

¹⁾ Rostowski, Lithuanicarum Soc. Jesu historiarum.

²⁾ Lukaszewicz: «Artemiusz udał się do Jerzego księcia Słuckiego i Kopylskiego». Т. 1, стр. 51.

³⁾ Жизнь и переписка кн. Курбскаго.

и по-латыни. Иностранцы, писавшіе о западной Россіи, говорятъ, что они находили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже при сельскихъ церквахъ школы для народа. Вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ безспорно образованными протестантскими проповѣдниками, православные ясно видѣли всю бѣдность въ этомъ отношеніи своего духовенства и не щадили силъ и средствъ на умноженіе образовательныхъ средствъ. Они сами на старости лѣтъ принимались за ученіе и переводы. Всего же важнѣе было то, что народъ, низшій клиръ, равно и меньшая земская шляхта, оставшіеся вѣрными православію, по отзвнамъ латинянъ и современныхъ русскихъ писателей, отличалась безпредѣльною преданностію къ вѣрѣ отцевъ, къ малѣйшему ея обряду: нужно было посмотрѣть на православныя церкви, какъ украшали они ихъ и св. иконы Богородицы, св. Николая, какъ пламенно молились единодушно *и едиными устн*, что поражало, какъ невиданное у нихъ дѣло, латинянъ ¹⁾. Къ этому-то времени относятся тѣ знаменательныя движенія въ польско-латинскомъ мірѣ, которыя мы разсматривали.

Вотъ краткій обзоръ событій польскаго латинства и западно-русскаго православія въ эпоху, въ которую іезуиты призваны были въ эту страну. Какія же направленія явились въ Польшѣ и западной Россіи подъ вліяніемъ протестантскаго движенія? Въ Польшѣ упало ультрамонтанство, а съ нимъ религіозная нетерпимость и преобладаніе клира; явилась цѣлая партія людей, благопріятствовавшихъ чисто-православнымъ идеямъ, но потерявшихъ равновѣсіе въ борьбѣ мѣстной, по недостатку прочныхъ религіозныхъ основъ. Впрочемъ, это движеніе захватывало лишь высшіе и шляхетскіе классы, масса же осталась преданною латинскому обряду, и хотя покорялась силѣ шляхты, но готова была при первой возможности бросить протестантскія кирхи для костеловъ. Мало того, протестантство не только не стѣснило, а еще расширило права шляхетства, внесши въ законодательство статью, по которой шляхтичъ могъ силою заставить своихъ подвластныхъ перейти въ ту вѣру, какую онъ самъ исповѣдывалъ. Этимъ правомъ охотно пользовались потомъ люди, привлеченные къ латинству іезуитами.

Въ православной Литвѣ и западной Россіи въ высшемъ сословіи и высшемъ духовенствѣ уналь религіозный духъ и образованіе. Иерархія была въ натянутыхъ отношеніяхъ къ братствамъ и вообще

¹⁾ «De Moscovitarum, russorum.... religione». Небольшая латинская брошюра, сколько упомяну, какого-то путешественника, духовнаго лица. Она хранится въ С.-Петербургской Публичной библиотекѣ.

къ свѣтскимъ ревнителямъ вѣры, а главное, была податлива на матеріальныя приманки и не обнаруживала ни малѣйшей ревности въ дѣлахъ вѣры. Совершенный упадокъ монастырей и училищъ до-помняеть общую картину. Тѣмъ не менѣе, народъ былъ твердъ въ вѣрѣ отцевъ, до того твердъ, что латинскіе дѣятели, въ родѣ Липомани или даже Скарги, жаловались на трудность борьбы съ нимъ. Если присовокупить, для болѣе полной характеристики положенія православія въ то время, еще несчастія восточной церкви, особенно Константинопольской, гдѣ назначеніе патріарха зависѣло отъ прихоти султана, гдѣ происходили постоянныя смуты и сверженія патріарховъ, а слѣдовательно, невозможность для западной Россіи получать оттуда наставленіе и нравственное подкрѣпленіе, то окажется, что въ западной Россіи въ эту эпоху представлялась самая благоприятная почва для іезуитской дѣятельности, съ чѣмъ согласны и сами іезуиты. Иначе ничѣмъ нельзя не было бы объяснить быстрые успѣхи іезуитовъ въ пользу латинства и ихъ ордена. Въ заключеніе обзорнія обстоя-тельствъ, подготовившихъ почву для іезуитской дѣятельности въ Польшѣ и Литвѣ, необходимо упомянуть о выработавшемся тогда политическомъ и общественномъ строѣ Польскаго государства. Протестантство внесло во всѣ государства духъ свободы религіозной и политической. Свобода политическая въ Польшѣ, подъ вліяніемъ протестантства, получила самыя широкіе размѣры. Полякъ-шляхтичъ зналъ только повиновеніе Богу и самому себѣ; больше онъ не зналъ для себя никакихъ ограниченій. Бывали случаи, что пресловутая польская свобода переходила въ самый крайній произволъ, такъ что магнаты свободно грабили другъ друга изъ-за личностей. До какой степени заразительна была эта свобода, не знавшая никакихъ законовъ, можно видѣть изъ того, что какой-либо пришлецъ изъ Великороссіи въ западную Россію, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Польшѣ, не хуже любого шляхтича умѣлъ „наѣзжать“ на чужія имѣнія.

Въ 1569 году заключенъ былъ роковой союзъ Литвы съ Польшею, по условіямъ котораго Червоная Русь, Волынь, Подолія и Украина слились съ Польшею. Замѣчательно, что многіе русскіе магнаты и дворяне не протестовали на Люблинскомъ сеймѣ противъ соединенія съ Польшею: они охотно пользовались польскою свободою и скоро перенимали польскіе обычаи, польскую рѣчь. Постоянныя семейныя связи ихъ съ польскими домами, переселенія польскихъ чиновниковъ, воеводъ, каштеляновъ, старость въ русскія области, единственно ради политическихъ и общественныхъ интересовъ, все это значительно сбли-

фало западную Русь съ Польшею и ополчивало Русскихъ. Протестантство, не имѣвшее въ себѣ латинской исключительности и фанатизма и доставившее, какъ мы видѣли, нѣсколько свободныхъ постановленій въ пользу православія, еще болѣе помогало сближенію Русскихъ съ Поляками. Люблинская унія состоялась, можетъ быть, и потому, что въ Польшѣ тогда не господствовало латинство сосвоими подавляющими жизнь и свободу народа началами.

II.

Поворотъ въ религиозныхъ дѣлахъ Польши: оживленіе латинской іерархіи. Иезуиты примыкають къ ней, устрояють ее и придаютъ ей силу; они вторгаются въ русскія земли и ведутъ пропаганду посредствомъ богослуженія, исповѣди, проповѣди и обрядности.

Во время критическаго положенія латинства въ Польшѣ и окончательнаго упадка его въ западной Россіи и торжества протестантизма, въ Тридентѣ или засѣданія латинскаго собора. Папа, Пій IV, не упускалъ изъ виду положенія латинства въ Польшѣ. Здѣсь онъ еще имѣлъ вѣрныхъ и преданныхъ слугъ, которые внимательно слѣдили за ходомъ событій, за борьбою и неурядицами своихъ противниковъ, за настроеніемъ государя, за дѣятельностью латинскаго епископа, и подробно доносили о всемъ въ Римъ. Первое мѣсто между ними, безспорно, принадлежитъ епископу и кардиналу Станиславу Гозію. Это былъ единственный въ то время въ Польшѣ человекъ, преданный папѣ и латинству безкорыстно и честно, защищавшій ихъ и тогда, когда противъ нихъ возсталъ король, высшія сословія и даже духовенство. Необыкновенныя дарованія и обширная образованность дѣлали его необходимымъ человекомъ во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ и давали ему возможность предугадывать теченіе событій и будущія судьбы латинства. Онъ не занималъ первостепеннаго мѣста, напримѣръ, примаса, но тѣмъ не менѣе былъ центромъ, вокругъ котораго вращались всѣ дѣйствія тогдашняго латинскаго польскаго духовенства. Не поддерживаемый никакою официальною властью, онъ единственно своимъ нравственнымъ вліаніемъ заставлялъ уважать себя и преклонялъ предъ защищаемою имъ идеею такихъ лицъ, которые въ душѣ были слишкомъ равнодушны къ папскому преобладанію, преклонялъ даже самихъ протестантовъ¹⁾. Любопытна въ этомъ отношеніи его переписка съ разными епископами и свѣтскими лицами по

¹⁾ Rostowski, p. 80.

дѣламъ латинства. Папа въ своей перепискѣ съ нимъ называетъ его единственнымъ ревнителемъ и защитникомъ латинства въ Польшѣ; отъ него узнавалъ онъ о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, ему поручалъ возбуждать ревность въ другихъ епископахъ къ защитѣ латинства, ему доверилъ, вмѣстѣ съ нунціемъ, присутствовать на всѣхъ провинціальныхъ соборахъ, имѣвшихъ цѣлю поднять унавшее духовенство, сблизить его съ народомъ, а равно и на сеймѣ, на которомъ должно было совершиться принятіе постановленій Тридентскаго собора. Нѣтъ нужды указывать на факты, объясняющіе отношенія Гозія къ латинству въ другихъ странахъ: довольно знать, что онъ былъ латинянинъ—ультрамонтанъ въ полномъ смыслѣ слова, какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ, то-есть, онъ былъ самымъ ревностнымъ защитникомъ всѣхъ заблужденій папства: *qui non papista—est satanista*, часто говаривалъ онъ ¹⁾. Ему-то обязана Польша тѣмъ, что всѣ попытки ея лучшихъ людей очистить свою церковь отъ тогдашнихъ беспорядковъ посредствомъ народнаго собора и другихъ мѣръ, указанныхъ нами выше, кончились ничѣмъ. Ему она обязана и тѣмъ, что постановленія Тридентскаго собора не приняты были въ польское церковное законодательство; словомъ, весь поворотъ Польши къ прежнему латинству съ того пути, по которому она было уже пошла, пути,—если и не совершенно православному, то очень близкому къ нему, началъ и исполненъ кардиналомъ Гозіемъ.

Упадокъ вліянія папы въ Польшѣ сдѣлалъ его замѣтно умѣреннѣе въ тонѣ, съ какимъ онъ писалъ къ разнымъ лицамъ въ Польшу и осторожнѣе въ дѣйствіяхъ. Онъ не шлетъ уже своихъ громовъ, надъ которыми только посмѣялись бы теперь въ Польшѣ; онъ, напротивъ, хвалитъ короля за его умѣренность въ обращеніи съ еретиками и выражаетъ готовность принять заблудившагося съ распростертыми объятіями; онъ шлетъ свои *бreve* епископамъ и скромно

¹⁾ Ib. 81. Слова эти онъ оставилъ и въ духовномъ завѣщаніи, которое, по мнѣнію іезуитовъ, можно назвать латинскимъ символомъ. Гозій извѣстенъ дѣлательною и рязкою полемикою противъ Орѣховскаго. Его брошюры, по этому поводу написанныя, заслуживаютъ ближайшаго изученія и сопоставленія съ сочиненіями Орѣховскаго, особенно слѣдующія двѣ: «*Dialogi de communiione sub utraque specie, de sacerdotum conjugio, de missa lingua vulgari celebranda*» и «*Epistola ad Orichovium de loco et auctoritate Rom. Pontificis in Ecclesia et in conciliis*». Онъ ставитъ всѣ папскія нововведенія на ряду съ существенными догматами вѣры и мнѣнія Орѣховскаго и ему подобныхъ онъ считаетъ нехристіанскими. Іезуитъ Ресцій (Ръшко) издалъ его сочиненія. Rostowski, 79—80 стр.

просить ихъ устранить злоупотребленія клира, позволяеть дѣлать нѣкоторыя уступки народу, напримѣръ, дозволяеть издавать церковныя книги на народномъ языкѣ¹⁾; посылаетъ въ Польшу нунціемъ чловека опытнаго, спокойнаго и осмотрительнаго и притомъ умѣющаго говорить убѣдительно. Главная забота папы была теперь не въ томъ, чтобы строго требовать у польскаго народа восстановления своихъ правъ и законовъ, а въ томъ, чтобы Поляки приняли постановленія Тридентскаго собора. Коммендони до того занятъ былъ этимъ дѣломъ, что не обратилъ никакого вниманія даже на дѣло Орѣховскаго о женитьбѣ и предоставлялъ рѣшеніе его времени будущему. Онъ торопился прежде всего выполнить свое порученіе: убѣдить короля, чтобы онъ призналъ на предстоящемъ сеймѣ постановленія Тридентскаго собора. По пути онъ не преминулъ побывать у Гозія для совѣта: они положили не торопиться съ объявленіемъ рѣшенія папы духовенству и примасу, которымъ имѣли много основаній не вѣрить, а рѣшились предварительно переговорить съ королемъ. Кардиналу удалось получить тайную аудіенцію у короля; онъ легко очаровалъ своею рѣчью чловека, который способенъ былъ увлекаться всякимъ сильнымъ впечатлѣніемъ и поддаваться тому, кто сильнѣе подѣйствуетъ на него. Въ послѣдніе годы жизни короля смерть любимой жены и главнаго совѣтника и друга Николая, по прозванію Чернаго, Радзивилла (1564), неудача въ религіозныхъ дѣлахъ, трудное положеніе его преобразовательной партіи, а отчасти и послѣдствія весело прожитой молодости отразились на его характерѣ. Онъ впалъ въ мистицизмъ, вѣрилъ въ предзнаменованія, онъ сталъ вѣрить астрологіи и алхіміи²⁾. Можно думать, что Коммендони въ такомъ именно положеніи засталъ короля и убѣдилъ его принять постановленія Тридентскаго собора. Но отъ принятія до исполненія постановленій собора было еще далеко, при извѣстномъ нерѣшительномъ характерѣ Сигизмунда и при тогдашнемъ положеніи дѣлъ. И дѣйствительно, постановленія этого собора приводились въ исполненіе только съ 1577 года, чрезъ 10 лѣтъ послѣ ихъ принятія. Независимо отъ этого, актъ принятія постановленій Тридентскаго собора королемъ и благоразумныя мѣры нунція и Гозія подняли духъ латинскаго духовенства въ Польшѣ. Примасъ Уханскій, уже мечтавшій о патріаршествѣ въ Польшѣ, об-

¹⁾ Theiner, Vetera monumenta Lithuaniae et Poloniae. Roma. 1862. Томъ 2. 724 стр.

²⁾ Chrzanowski, Historia Poloniae. 1703. Рук. С.-Петерб. пуб. б. по кат. XIV in 4°.

личенный въ нерадѣвнѣ, смиренно преклонился предъ Госиемъ и поторопился оправдать себя предъ нимъ и напою въ особомъ письмѣ, въ которомъ онъ извиняетъ свои сношенія съ еретиками своею гуманностью къ нимъ (*iure humanitatis*). Точно также и другіе епископы поторопились выразить передъ Госиемъ свою преданность царѣ и латинству. Даже Соликовскій, архіепископъ Львовскій, этотъ фанатическій въ послѣдствіи ревнитель латинства, заподозрѣвъ былъ въ отступничествѣ и писалъ Госію оправдательное письмо. Трудно было епископамъ скрыть передъ этимъ челоѡкомъ свои убѣжденія: у него имѣлись свои агенты въ Вильнѣ, Познани, Краковѣ; они подробно доносили ему о духовныхъ лицахъ, о ихъ поведеніи, о направленіи, равно какъ о семейныхъ дѣлахъ магнатовъ и вліятельныхъ лицъ и дѣйствіяхъ еретиковъ¹⁾. Руководительному вліанію Госія подчинялся, между прочими, и виленскій епископъ Валеріанъ Сушковскій-Протасевичъ, который, при всей своей ревности къ поддержанію латинства, не могъ этого сдѣлать въ Литвѣ, гдѣ были особенно сильныя покровители протестантства, Радзивиллы и Сапѣги, владѣвшіе почти половиною Литвы. Такимъ образомъ, латино-папское движеніе началось въ Польшѣ раньше водворенія тамъ іезуитовъ. Въ это-то время съ Коммендоніемъ пріѣхали въ Польшу іезуиты, члены уже 20 лѣтъ существовавшаго религіознаго братства, спеціально организованнаго для пропаганды чистаго, абсолютнаго папскаго латинства между невѣрными, и главнымъ образомъ, между иновѣрцами. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какое впечатлѣніе произвели тогда они на королевскій дворъ и Поляковъ. Они пріѣзжали сюда въ качествѣ скромныхъ совѣтниковъ Коммендонія. Тогда же и Госій, отлично знакомый съ генераломъ ордена и австрійскимъ его провинціаломъ и имѣвшій сношенія съ іезуитами на Тридентскомъ соборѣ, гдѣ Канизій іезуитъ громилъ еретиковъ, пригласилъ 11 челоѡкъ ихъ въ свой городъ и далъ имъ приличное помѣщеніе въ уираздненномъ протестантами монастырѣ. Здѣсь іезуиты дѣятельно занялись устройствомъ костела и на первыхъ же порахъ успѣли привлечь вниманіе тогдашнихъ лучшихъ католиковъ въ Польшѣ и даже протестантовъ²⁾ (Зборовскаго). Съ этого-то времени начинается у нихъ вербовка въ орденъ мѣстныхъ людей, выдающихся по дарованіямъ и по своему общественному значенію, такихъ, напримѣръ, какъ Варшевицкій, который

¹⁾ Исторія вліанія Госія на оживленіе латинства въ Польшѣ раскрыта у Дукашевича въ его *Historji Hel. wuzn. w Maiej Polsce*.

²⁾ Rostowski, стр. 11. На стр. 12 обращеніе Варшевицкаго.

учился въ Виттембергскомъ университетѣ, былъ знакомъ и переписывался съ Меланхтономъ, былъ секретаремъ, а слѣдовательно, и совѣтникомъ короля. Вообще Варшевицкій былъ близокъ ко двору, къ Коммендонии и епископамъ. Иезуиты до того очаровали этого человѣка своею школою и ревностью къ вѣрѣ, порядками своей жизни, что онъ отрекся отъ высокаго своего общественнаго положенія, связей съ протестантствомъ и вступилъ въ ихъ общество. Слухи о прибытіи и дѣятельности иезуитовъ въ пользу латинства еще болѣе подкрѣпили надежды въ сердцахъ партій, преданной ему: до сихъ поръ лучшіе ея люди не знали только, какъ сгруппироваться; иезуитская же корпорація представилась имъ самымъ лучшимъ поприщемъ. Къ людямъ этой партіи мы должны причислить Петра Сваргу, Львовскаго каноника, и Бенедикта Гербеста, бывшаго профессора Краковской академіи—„апостоловъ русской земли“ въ совращеніи ея въ латинство. Что это были лучшіе люди того времени въ латинскомъ смыслѣ, это видно изъ письма Львовскаго епископа Целабина къ Коммендонии. Епископъ выражаетъ свою скорбь, что Сварга оставилъ свою канонію Львовскую, и проситъ нунція воротить его назадъ съ дороги въ Римъ для блага церкви. Дѣло было 1568 года ¹⁾. Тогда же и Пій V выражалъ свое желаніе Гербесту, чтобъ онъ оставался при Познанской кафедрѣ для блага епархіи ²⁾. Желанія епископа и папы не были удовлетворены: Сварга, съ увлеченіемъ неофита, которое пробудилъ и развилъ въ немъ его другъ, молодой иезуитъ Высоцкій, устремился въ Римъ, въ самый источникъ иезуитской науки и практики.

Итакъ, мы видимъ, что при появленіи въ Польшѣ иезуиты сразу умѣли найдти и угадать людей для своего дѣла. Съ другой стороны, въ тогдашнемъ польскомъ латинствѣ недоставало тѣхъ именно качествъ, которыя такъ искусно совмѣщались въ единодушій и порядокъ иезуитскаго ордена. Поэтому-то лучшіе люди и устремились въ орденъ, видя въ немъ спасеніе латинства. Съ своей стороны власти духовныя, особенно тѣ, которыя находились подъ вліяніемъ Говія, съ радостью принимали къ себѣ иезуитовъ, строили имъ дома, коллегіи, давали земли костельныя, уступали имъ доходы, чаще всего такъ-называемые плебарные, образовавшіеся слѣдующимъ образомъ: протестантство упразднило много костеловъ; они стояли безъ службы и пастырей; между тѣмъ доходы — десятина шла епископу. Вотъ эти-то средства на

¹⁾ Theiner, Vet. mon., p. 732. T. 2.

²⁾ Ibid. T. 2, 746.

первый разъ предоставлены были въ пользу іезуитовъ. Бывало и такъ, что іезуиты умѣли поддѣлаться къ священнику извѣстнаго прихода, и по смерти получали отъ него право занять приходъ и пользоваться его содержаніемъ. Чаше же всего іезуиты занимали опустѣвшія зданія училищъ такъ-называемыхъ колоній Краковской академіи ¹⁾. Въ Мазовіи скорѣе и раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, іезуиты нашли себѣ радушный пріютъ. Края этого почти не коснулось протестантство и онъ остался вѣрнымъ латинству; издавна онъ историческими судьбами поставленъ былъ въ ближайшее и постоянное общеніе съ латинствомъ; вель когда-то кровавую и упорную съ нимъ борьбу при Мечиславѣ, потомъ также упорно и фанатически стоялъ за него. Здѣсь-то прежде всего и утвердились іезуиты. Пріютившись въ значительныхъ городахъ Польши у знаменитѣйшихъ епископовъ, іезуиты, обеспеченные матеріально, стали мало-по-малу развѣртывать свою силу и дѣятельность, не пропуская ни одного удобнаго случая заманить къ себѣ вліятельное лице, пріобрѣсть расположеніе королевы, короля и придворныхъ.

Мы видѣли, что Коммендони, при помощи Гозія и вообще латинской партіи, привлекъ на свою сторону Сигизмунда; теперь іезуиты удачно принялись за него. Прѣжде всего они заискали милости у сестры Сигизмунда, Анны, и до того привлекли ее къ своимъ интересамъ, что чрезъ нее разчитывали даже на обращеніе всей лютеранской Швеціи въ латинство ²⁾. Чрезъ Анну іезуиты получили доступъ и къ Сигизмунду; новый папскій нунцій, Портневъ, нарочно пригласилъ вице-провинціала литовскаго Суннерія и Магія австрійскаго на сеймъ 1570 года. Здѣсь они окружили короля такимъ вниманіемъ, что сдѣлались его домашними людьми. Варшевицкій, бывшій секретарь короля, сталъ необходимымъ домашнимъ челоуѣкомъ у короля (*domesticus*). Онъ-то внушилъ королю расположеніе къ іезуитамъ, ихъ школамъ и коллегіямъ. Іезуиты наконецъ рѣшились предложить свои услуги королю по части домашней (семейной) проповѣди передъ королемъ и сенаторами. Явленіе это—слишкомъ важное въ исторіи развитія іезуитскаго вліянія. Всю силу его мы увидимъ послѣ, во время дѣятельности Скарги и бунта Зебржидовскаго. Проповѣди очень понравились королю и придворнымъ. Король, еще съ 1564 года начавшій склоняться къ партіи папской, въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ Варшевицкаго, Суннерія,

¹⁾ Hist. szkół w Koronie и пр., Лукашевича. Т. 4. 142, стр. 92.

²⁾ Rost., стр. 39. И дальнѣйшія обстоятельства приводятся по исторіи Ростовскаго и монументамъ Тейнера.

нунція и сестры Анны, окончательно стала латиняниномъ, утверждалъ образовавшіеся тогда іезуитскія коллегіи и колоніи и подарилъ свою бібліотеку Виленской іезуитской коллегіи ¹⁾). Обезнеченные съ этой стороны іезуиты, вездѣ поддерживаемые епископскимъ содѣйствіемъ, обратили все свое вниманіе на явленія тогдашней русской жизни.

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить и точнѣе понять дѣятельность іезуитовъ въ томъ краѣ, изъ котораго съ теченіемъ времени они успѣли сдѣлать, по мѣтвому выраженію одного польскаго писателя, „обширную іезуитскую коллегію“ ²⁾, необходимо разсмотрѣть главныя особенности ихъ ордена, которыя дали имъ возможность устранить всѣ религіозныя, политическія и общественныя затрудненія, какихъ много представляла имъ тогдашняя Польша и особенно Русь, съ нею соединенная. Обыкновенное, ходячее представленіе объ іезуитахъ и ихъ правилахъ извѣстно. Оно не теперь составилось и не скоро перестанетъ существовать. Лютеранинъ ³⁾, писавшій еще въ концѣ XVI столѣтія исторію ордена, не скупится на сильныя эпитеты и прозвища этимъ людямъ; самая площадная брань, самое позорное и гнусное, что только можетъ быть въ человѣческой природѣ, приписывается у него іезуитамъ; въ заключеніе всего, авторъ не могъ ничего больше придумать, какъ назвать іезуитовъ чертями. Подъ вліяніемъ религіозной вражды скопилось огромное количество пасквилей и сочиненій, въ которыхъ взваливаются на іезуитовъ всѣ преступленія, какія только можно придумать. У Ярошевича ⁴⁾, особенно въ примѣчаніяхъ, сгруппированы эти преступленія: атеизмъ, царубійство, самое гнусное развращеніе царей, всевозможныя интриги, плутни. Нужно, впрочемъ, отдать справедливость этому писателю, въ томъ, что онъ не придавалъ особеннаго значенія ни взводимымъ преступленіямъ, ни такъ-называемымъ „секретнымъ постановленіямъ“ іезуитовъ, тогда какъ и доселѣ многіе ⁵⁾, вѣря въ существованіе этихъ постановленій, видятъ въ іезуитской дѣятельности одну интригу и зло. Если опереться на одни лишь пасквили и обвиненія на іезуитовъ, представляющіе ихъ какъ злодѣевъ, то не будетъ никакой возможности разъяснить тѣ факты, которые мы будемъ постоянно встрѣчать, а именно, что лучшіе рус-

¹⁾ Hist. szkół. T. 4, 142 стр.

²⁾ Krzyżanowski, Dawna Polska.

³⁾ Lucius, Historia iezuitica. 1627. Это—подробный перечень злодѣяній іезуитскихъ. Переводъ съ нѣмецкаго подлинника 1591 года.

⁴⁾ Obraz Litwy. T. 3, стр. 50.

⁵⁾ Вост. Зап. Россіи. 1862. Кн. 1, стр. 1.

скіе люди своего времени не вѣрили ходячимъ слухамъ объ іезуитахъ, сближались съ ними для очень серьезныхъ дѣлъ, повѣряли ихъ руководству свою совѣсть и своихъ дѣтей. Эти факты будутъ совершенно необъяснимы, если мы не допустимъ въ правилахъ дѣятельности іезуитовъ значительной доли добра. Ошибочность ходячихъ мнѣній объ іезуитахъ происходитъ, какъ кажется, изъ недостаточнаго изученія тѣхъ правилъ, которыя положены въ основаніе ордена его основателемъ Игнатіемъ и главнымъ его организаторомъ Акванивою. Какъ только дѣло зайдетъ объ іезуитахъ, выставляютъ на видъ ихъ секретныя постановленія, забывая, что есть открытая и всякому доступная кодификація ордена, которая, при строгомъ выполненіи, гораздо больше помогала іезуитамъ достигать всѣхъ цѣлей, чѣмъ всевозможныя секретныя постановленія.

Мы видѣли, какъ подготовлено было латинское и православное общества въ польско-русскомъ государствѣ передъ водвореніемъ іезуитовъ. Это водвореніе явилось самымъ логическимъ результатомъ тогдашнихъ обстоятельствъ. Какъ бы ни старались противники іезуитовъ ослаблять успѣхи ихъ при первомъ ихъ появленіи въ Польшѣ и западной Россіи, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, но по неоспоримымъ фактамъ мы знаемъ, что успѣхи іезуитской дѣятельности, съ самаго ихъ появленія въ Польшѣ, были велики. Принято обыкновенно объяснять эти успѣхи содѣйствіемъ гражданской власти іезуитамъ. Дѣйствительно, рядъ королей отъ Сигизмунда-Августа до Станислава Понятовскаго находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ іезуитовъ, и несомнѣнно, короли много помогали имъ проводить въ польскую и особенно въ западно-русскую жизнь ихъ идеи. Но въ такомъ анархически-свободномъ государствѣ, гдѣ всякій шляхтичъ уже со временъ Сигизмунда-Августа не зналъ никакихъ ограниченій для своей дѣятельности, кромѣ Бога и совѣсти,—въ государствѣ, въ которомъ почти всѣ значительные города приобрѣли право самосуда и самоуправления, гдѣ король существовалъ только для торжественныхъ выходовъ и церемоній и не имѣлъ никакой дѣйствительной силы,—въ такомъ государствѣ содѣйствіе короля дѣлу іезуитовъ могло быть слишкомъ незначительно. И вотъ что замѣчательно: чѣмъ больше ограничивалась власть короля въ Польшѣ, тѣмъ болѣе матеріальныхъ и нравственныхъ силъ приобретали въ польско-русскомъ народѣ іезуиты. Никогда іезуиты не имѣли столько силы, какъ при безсильныхъ короляхъ Іоаннѣ-Казимирѣ и особенно Августѣхъ Саксонскихъ. Когда приписываютъ успѣхи іезуитовъ содѣйствію королей, то преимущественно опираются на томъ

фактъ, что король въ Польшѣ имѣлъ право раздавать воеводства, каштеляніи, епископства совершенно самостоятельно—единственное право, оставашееся за королемъ. Не замѣчательно, что не указываютъ при этомъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія. Дѣйствительно, съ теченіемъ времени, благодаря вліянію іезуитовъ и ихъ литературной дѣятельности, иновѣрцевъ стало не много сравнительно съ латинянами, и они не допускались въ сенатъ и посольскую избу и даже на сеймы и сеймики. Но это было уже въ послѣдствіи. Спрашивается, откуда было взять сенаторовъ и чиновниковъ-латинявъ въ первые годы іезуитской дѣятельности, когда ни въ Польшѣ, ни въ Руси, съ нею соединенной, не было латинявъ, принадлежащихъ въ первымъ, главѣйшимъ сенаторскимъ фамиліямъ, а были только протестанты всѣхъ видовъ и отгѣнковъ и православные? Нужно было предварительно оватолчить хотя нѣсколько сенаторскихъ семействъ, чтобъ они отгѣснили иновѣрцевъ, а въ этомъ-то и вопросъ ¹⁾. Къ такому объясненію успѣнныхъ, хоть и зловредныхъ, дѣйствій іезуитовъ въ Польшѣ прибѣгаютъ люди, которые не потрудились присмотрѣться къ тѣмъ внутреннимъ силамъ ордена, съ которыми онъ пришелъ въ Польшу, и при помощи которыхъ въ ней ужился, а потомъ и сросся съ нею. Понятно, что у нихъ іезуиты выступаютъ противъ своихъ противниковъ *только* съ равнаго рода насиліями, тонежіями, угрозами, обѣщаніями, задабриваніями, подкупамъ и проч. Если бы это дѣйствительно было такъ, то какъ могли бы сживаться съ іезуитами такіе великіе и свѣтлые люди въ западной Россіи, какъ Левъ Сапѣга, Иванъ Ходкевичъ, изъ Поляковъ Жолѣвскій, мало того, даже кн. К. К. Острожскій? Мы увидимъ, что іезуиты прибѣгали, особенно во время своего преобладанія и славы, ко всякаго рода насиліямъ, и физическимъ и нравственнымъ, иногда до крайности безобразнымъ; но, впервыхъ, фактовъ насилія мы встрѣчаемъ при появле-

¹⁾ Обвиненіе, вводимое на іезуитовъ за то, что они раздавали государственныя мѣста даже при Сигизмундѣ III, мы не вполне раздѣляемъ, такъ какъ мы знаемъ, что при этомъ государѣ протестанты, въ родѣ Радзивилла, Абрамовича, Лещинскаго и др., занимали воеводства и каштеляніи; но мы ни мало не оспариваемъ того, что іезуиты сажали своихъ людей на должности, гдѣ только могли. Подъ 1591 г. въ іезуитской лѣтописи сказано о Несвижскихъ іезуитахъ на стр. 223: «data opera est ut catholici tantum admittantur ad publicos administratus». Искать протекціи у іезуитовъ при заваніи должностей вошло, должно быть, въ обычай, если Старга съ нѣкоторою досадою обличаетъ искателей этой протекціи: «macie kancelarye królewskie, tam starajcie się o urzędy». Proba zakonu. 1607.

ни іезуитовъ въ западной Россіи мало. Насилія іезуитовъ и ихъ друзей ничѣмъ не отличались тогда отъ насилій, какія позволяли себѣ, по отношенію къ иновѣрцамъ, и нитомцы латинской Краковской академіи и школы, подвѣдомныхъ ей, гораздо раньше прибытія іезуитовъ, а также отъ насилій, какія были въ ходу тогда и у протестантовъ-шляхтичей, не церемонившихся съ своими крѣпостными при обращеніи ихъ въ протестантство. Чтобы по возможности избѣгнуть претиворѣчій фактамъ, при изученіи дѣятельности іезуитовъ въ западной Россіи, необходимо рассмотретьъ какъ существенныя правила, которыя регулировали жизнь и дѣятельность ордена, такъ и тѣ приемы, какіе они употребляли для пріобрѣтенія преданныхъ себѣ людей. Именно такъ поступилъ Ярошевичъ. Но онъ увлекся и придалъ общечеловѣческое значеніе іезуитскимъ правиламъ и приемамъ, механически привязавъ все это „къ исторіи Литвы и Польши“, такъ что у него іезуиты являются какъ-бы внѣшней силою, производившею тѣмъ не менѣе самыя внутренніе, коренныя перевороты въ польско-русской жизни. Кромѣ того, онъ упустилъ изъ виду нѣкоторыя правила ордена, которыя особенно много содѣйствовали его успѣху въ западной Россіи. Такъ, напримѣръ, онъ нигдѣ ни слова не говоритъ о значеніи таеъ-называемыхъ духовныхъ экзерцицій (*exercitia spiritualia*), составленныхъ самимъ Лойолою: онѣ строго выполнялись въ орденѣ и рекомендовались тому обществу, въ которомъ поселялись іезуиты; распространены онѣ были въ западной Россіи между шляхетствомъ и много способствовали перевоспитанію и претворенію какъ всей Польши, такъ и всей западно-русской шляхты съ ея духовенствомъ, въ общество жрайныхъ религіозныхъ фанатиковъ. Мы увидимъ ниже, что организаторъ базилианскаго ордена, Рутскій, на первой же конгрегаціи предложилъ уніатскимъ монахамъ принять эти экзерциціи въ руководство въ духовныхъ подвигахъ.

Каковы бы ни были цѣли ордена, нужно отдать правиламъ его устройства полную справедливость: практичнѣе ихъ трудно что-либо и придумать. Іезуитскій орденъ — это самая крѣпкая корпорація ¹⁾ людей, для которыхъ, при общности существенныхъ цѣлей и стремленій, не полагается никакихъ стѣсненій и ограниченій въ выборѣ средствъ. Практичность этихъ правилъ доказали іезуитскія миссіи, изъ которыхъ, какъ изъ зерна, вездѣ выросли (и вырастаютъ) резиденціи, дома, коллегіи, академіи іезуитовъ. Правилами этими рекомендуется миссіонерамъ всѣми мѣрами приноравливаться къ той

¹⁾ *Cogrus* — названіе, усвоенное ордену въ правилахъ.

средѣ, въ которую они попадутъ, посредствомъ изученія языка и людей, не раздражать мѣстныхъ вліятельныхъ людей, а постепенно, незамѣтно, терпѣливо подчинять ихъ своему вліянію ¹⁾. Враждебныхъ лицъ не раздражать, а ласкать и привлекать къ ордену всякими мѣрами, разумными и подходящими, и вообще всѣ правила предписывали братьямъ держать себя самымъ разумнымъ и практическимъ образомъ во всякой новой средѣ, чтобы, по выраженію апостола, какъ говорятъ иезуиты, они могли быть *всѣмъ всѣ*. Замѣчательны и правила, которыми предписывается не говорить дурно ни о частныхъ лицахъ, ни даже о народностяхъ ²⁾. Къ такой примѣнимости иезуитовъ во всякому мѣсту и обстановкѣ они подготовлялись спеціальною иезуитскою педагогіей, основанною на систематическомъ подчиненіи личности отдѣльнаго члена общей цѣли, выразившейся въ волѣ генерала и подчиненныхъ ему правителей ордена. Самое строгое монашеское правило покорности волѣ суперіора было главною аксіомою дѣятельности иезуитовъ—не подвижнической, а мірской. Въ орденѣ самые подвиги служили не цѣлю, а средствомъ образовать лицъ, которыя не отступали бы ни предъ чѣмъ, въ случаѣ необходимости. Въ этомъ случаѣ особенно замѣчательны правила ³⁾ начальникамъ новиціатовъ, этихъ питомниковъ иезуитскаго ордена, на которые обращалось самое заботливое и нѣжное вниманіе иезуитскихъ властей. Здѣсь предписывались благоразумный и осторожный выборъ лицъ, пригодныхъ для цѣлей ордена, по преимуществу изъ учениковъ училищъ, состоявшихъ подъ вѣдѣніемъ ордена; продолжительное и обстоятельное испытаніе ихъ силъ, характера и наклонностей, основанное на глубокомъ изученіи природы человѣческой вообще и испытуемаго въ частности. Духовникъ, какъ вездѣ у иезуитовъ, такъ и при испытаніи новиціа, употребляется какъ орудіе, чтобы вызнать самые сокровенные тайники души испытуемаго ⁴⁾. Послѣ того, какъ уже были дознаны способности и дарованія юноши, и не оставалось сомнѣнія въ его даровитости и впечатлительности, для него наступало постепенное пріучиваніе къ тому дѣлу, къ которому по преимуществу онъ оказался способнымъ и для котораго онъ былъ особенно годенъ въ орденѣ; такимъ образомъ отъ начальника *дома* профессоровъ, самостоятельнаго иезуит-

¹⁾ *Regulae communes*, 293 стр.

²⁾ *Regulae* 291, 302 pp.

³⁾ *Regulae examinatoriae*, 161—170 pp.

⁴⁾ *Regulae*, 177 стр. Испытуемый долженъ былъ сказать духовнику все, что сдѣлалъ и думалъ въ продолженіи всей жизни.

скаго лица, глаза и нерва ордена, до привратника и вообще такъ-называемыхъ коадьюторовъ¹⁾, всякій специально и исведоволь подготовлялся къ своему занятію. Оттого въ орднѣ, при видимомъ релігіозномъ настроеніи членовъ, обдѣлывалось и житейскія дѣла такъ успѣшно, что у нихъ можно было бы поучиться любому торговцу, управляющему и пр. Іезуиты возводили новиціевъ въ полное іезуитское достоинство четырехъ обѣтовъ (*quatuor veterum professus*) только послѣ трехлѣтняго систематическаго подготовленія ихъ²⁾. Систематически и преднамѣренно приучая новиціи къ разнаго рода лишеніямъ внѣшнимъ, къ перенесенію холода, голода и другихъ невзгод *ad maiorem Dei gloriam*³⁾, орденъ приготавливалъ самыхъ закаленныхъ труженниковъ, готовыхъ перенести все, только бы была исполнена воля начальника. Путемъ нравственнаго и физическаго искуса, новицій ордена достигали той степени совершенства, на которой никакія оскорбленія, насиліе, насмѣшка и пр., не могли не только возмутить души іезуита, но даже заставить его показать, что онъ страдаетъ. Онъ систематически приученъ былъ подавлять въ себѣ всѣ самыя сильныя человѣческія чувства и впечатлѣнія. Для этой цѣли были очень пригодны такъ-называемыя *exercitia spiritualia*⁴⁾, которыя сопровождались другими занятіями, на-

¹⁾ Reg. Mag. novitiorum 19, 21 и 22 Coadjutores temporales, qui legere non didicerunt, atque qui minus ad haec tractanda idonei videbuntur—poterunt aliquo exercitio corporali aut labore manuum—occupari.

²⁾ Число лѣтъ приготовленія точно не узаконилось; рекомендовалось только соображаться съ лѣтами, способностями, направленіемъ и проч., и сокращать срокъ искуса (*probationis*) до 2-хъ лѣтъ и меньше. Reg. novit. 194 p. Вообще же приготовленіе къ произнесенію 4-хъ обѣтовъ продолжалось три года, съ строжайшими испытаніями во всякое полугодіе въ томъ, на сколько новицій успѣлъ въ іезуитскихъ упражненіяхъ, и можетъ ли продолжать ихъ дальше.

³⁾ Послѣ приготовительныхъ занятій новиціи, то-есть, обетовальнаго и внимательнаго чтенія и повторенія правилъ ордена (въ теченіе 12 дней), исповѣди и причастія, *эзерцицій*, испытываему предписывалось: странствовать безъ денегъ отъ ордена, нищенствовать Христа ради, привыкать къ недостатку пищи, сна и пр. Во все время искуса новицію давались самыя простыя и грубыя (*villiores*) одежды Затѣмъ посылали его учить крестьянскихъ дѣтей. Къ концу года искуса новицій, оказавшій значительныя успѣхи, получалъ право исповѣдывать, проповѣдывать въ костелахъ и на площадяхъ. Но всѣ подвиги и упражненія новиціи не должны были растроивать его здоровье. Во время искуса новицій упражнялся въ отверженіи всякой чувственной любви, воли и собственнаго сужденія.

⁴⁾ *Thesaurus spiritualis rerum ad Societatem Jesu pertinentium*. Cracoviae 1607. «*Ut expeditius utitur (іезуитъ) naturae viribus in quaerendo eo, quod desiderat*» — вотъ цѣль *эзерцицій*. 193 p.

примѣръ, чтеніемъ книгъ, ручными работами и проч. Цѣль этихъ духовныхъ упражненій была настроить человѣка такъ, чтобы онъ могъ, по своему желанію, управлять малѣйшими движеніями своей мысли. Одинъ изъ писателей, описывавшихъ иезуитскій орденъ въ Литвѣ, замѣчаетъ, что эти экзерциціи развивали по преимуществу воображеніе картинами ада и преч. Дѣйствительно, въ такъ-называемыхъ медитаціяхъ, или благочестивыхъ размышленіяхъ, предписывается, о чемъ подобаетъ размышлять христіанину, что въ такое-то время дня или и ночи нужно думать (размышлять и живо представлять со всѣми подробностями, какъ на картинѣ) о страстяхъ Христовыхъ, въ другое — о судѣ, въ третье — объ адѣ и т. д. Но экзерциціи не ограничивались только размышленіями: онѣ постепенно давали строго разчитанный строй всей жизни; назначали часы дня и ночи для разнаго рода религіозныхъ упражненій, рекомендовали самую строгую бдительность за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ мысли. Не мало трудовъ приходилось употребить желающему достигнуть совершенства, представлявшагося результатомъ экзерцицій: въ этомъ случаѣ, иезуитская школа была необыкновенно сурова. Но за то и успѣхи ея были блестящны: прошедшій эту школу всегда могъ приходиться въ то или другое настроеніе духа, смотря по обстоятельствамъ.

Правила вѣншнаго поведенія, предписываемыя орденомъ, не имѣютъ уже особеннаго значенія при томъ направленіи, какое получалъ иезуитъ, прошедшій три степени искуса (probationis). Тѣмъ не менѣе они стоятъ вниманія. Постоянное самообладаніе при всѣхъ обстоятельствахъ, мягкость и скромность въ обращеніи, рѣчь кроткая, вкрадчивая, направленная къ религіознымъ предметамъ, поступъ и движеніе ровныя, — ничто не забыто въ этихъ правилахъ ¹⁾. Скромность и даже убогость въ одеждѣ, отреченіе отъ всякихъ подарковъ, похвалъ и проч., все это усиливало впечатлѣніе, производимое иезуитомъ на вѣвѣстную среду; и положительно можно сказать, по сознанію самихъ иезуитовъ, что не столько своими полемическими сочиненіями и политическими и всякими интригами, сколько выполненіемъ вышеуказанныхъ правилъ иезуиты успѣвали овладѣвать обществомъ и вести его по своему желанію. Нужно имѣть въ виду, что орденъ представлялъ самую стройную общину испытанныхъ людей и притомъ такихъ, которые, такъ сказать, до мозга костей были проникнуты интересами и стремленіями ордена. Мы не утверждаемъ, что орденъ

¹⁾ Reg. com., v. 28.

скія правила сохраняли свою силу во все время пребыванія іезуитовъ въ западной Россіи; но первое ихъ явленіе здѣсь производило неотразимое впечатлѣніе и на массу, и на людей образованныхъ, именно въ силу того, что они въ высшей степени строго выполняли свои правила. Конечно, всѣ эти строгіе исполнители орденскихъ правилъ всегда были лишь орудіями въ рукахъ высшей іезуитской власти; однакожь, мы встрѣчаемъ на первыхъ порахъ между іезуитами всереннихъ и добросовѣстныхъ латинянъ, которые въ глаза всего тогдашняго протестантско-православнаго общества въ Польшѣ говорили, что они паписты и желаютъ до конца оставаться ими и что они стремятся провести латинство повсюду. Правила рекомендовали воспитателямъ новиціевъ — давать полный просторъ и свободу развитію личныхъ способностей будущихъ іезуитовъ, но такъ, чтобъ эти способности служили цѣлямъ ордена; мало того, предписывалось замѣчать лицъ, у которыхъ эти способности отличались особенною энергіею и живостію. Людей же бездарныхъ, неспособныхъ достигнуть полной степени іезуитскаго совершенства, предписывалось оставлять, если они того пожелаютъ, въ качествѣ такъ-называемыхъ коадьюторовъ, съ тѣмъ однако, чтобъ они строго подчинялись главнымъ и кореннымъ законамъ ордена ¹⁾. Въ силу такихъ правилъ орденъ располагалъ даровитыми и специально подготовленными силами для всякой борьбы.

Неизлишне еще будетъ представить правила іезуитскаго ордена, какъ корпораціи, прямою цѣлію котораго, по начертанію основателя и организатора ея, было подавить всякую религіозную свободу жизни, мысли и слова во имя абсолютной папской власти. Орденъ, какъ корпорація, представлялъ собою самое стройное цѣлое. Какъ въ правлахъ, такъ еще болѣе въ сочиненіяхъ извѣстныхъ іезуитовъ ²⁾,

¹⁾ Кoadьюторы должны были знать какое-либо ремесло; они подчинялись министру и сверхъ того опредѣленнымъ правиламъ, смотря по роду службы: напримѣръ, повару, привратнику указаны были особыя правила, стр. 365—366, 350—354. Совершенно невѣрно нѣкоторые авторы приписываютъ коадьюторамъ распространение началъ ордена, называя ихъ тайными членами ордена, жившими на волю. Едва-ли печники и повара способны были распространять какія-либо начала, особенно іезуитскія, когда извѣстно, что, по правиламъ іезуитскаго ордена, запрещено было коадьюторамъ даже учить грамотѣ. (Reg. com. 14 v. 28 p.) Подъ коадьюторами нѣкоторые авторы разуміютъ такъ называемыхъ *iesuitae affiliati* или *indiferentes*, какими бывали даже короли.

²⁾ Possevini. *Miles christianus*. 1569. Romae.—Rostowski стр. 125. Письмо провинціала Кампаны къ Баторію.

орденъ сравнивается съ военнымъ строемъ, съ арміей: начальникъ, вождь — полновластный распорядитель этого духовнаго войска, орудующій, по планамъ и цѣлямъ ордена, каждымъ членомъ отъ провинціала до послѣдняго ланка, орудующій не по своему личному произволу, а соображаясь съ потребностями мѣста и времени, съ знаніями, способностями и расположеніемъ членовъ ордена и главнымъ образомъ съ благомъ цѣлаго ордена. Подчиненные чрезъ все время искуса систематически приучались видѣть въ начальникѣ земнаго Бога, Христа, полнаго и безконтрольнаго распорядителя ихъ силами и самою жизнію, но тоже для блага ордена (какъ бы ни понимать это благо), себя считать трупомъ, палкою (*bacula, sicut cadaver*) въ рукахъ начальника, какъ буквально выражаются правила ¹⁾). Къ тому же установленъ былъ контроль и строгая система взаимнаго надзора; въ этомъ случаѣ полиція іезуитская была лучше всякой государственной полиціи. Положено было какъ въ миссіи равнаго рода, такъ и по другимъ назначеніямъ посылать по два и по три человекъ. Но дабы между этими лицами не вышла стачка въ пользу своихъ личныхъ интересовъ, узаконено было ²⁾, чтобъ они, по прибытіи въ извѣстное мѣсто, прежде всего являлись къ начальнику дома, колоніи, коллегіи, словомъ какого бы то ни было іезуитскаго заведенія и состояли подъ его надзоромъ и опекою во все время своего пребыванія въ извѣстной мѣстности. Съ своей стороны начальникъ долженъ былъ оказывать всякое содѣйствіе пришельцамъ, матеріальное и нравственное, и слѣдить за ними. Сами же начальники разныхъ іезуитскихъ учреждений, какъ-то: ректоры коллегій, магистры новиціатовъ, префекты домовъ искуса и профессоровъ, то-есть, произнесшихъ 4 извѣстныхъ обѣта, были уже испытаннѣйшіе и вѣрнѣйшіе люди, посвященные въ тайны орденаго механизма. Оттого-то имъ и дана была широкая власть надъ подчиненными и пришельцами: это были дѣйствительно нервы и мускулы въ организмѣ ордена, передававшіе такъ-сказать всѣ впечатлѣнія, вѣрно и точно, главъ ордена, и наоборотъ, быстро приводившіе въ движеніе весь организмъ вслѣдствіе толчковъ, получавшихся сверху. Кромѣ взаимнаго наблюденія другъ за другомъ, къ чему побуждали орденъ недостатки каждаго единичнаго члена (такъ оправдывали свою систему сами іезуиты) и необходимость взаимнаго вспоможенія, іезуиты основывали силу своей корпораціи на ближайшемъ и подробномъ изученіи лицъ.

¹⁾ Reg. com. XXXIV, 16 стр.

²⁾ Reg. Miss. 7, 9, 293 и 4 pp.

среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, и всей вообще обстановки. Этого изученія имъ легко было достигать при тѣхъ средствахъ, какія были у нихъ въ рукахъ, именно, посредствомъ исповѣди, обширной корреспонденціи и обученія въ школахъ. При такихъ средствахъ планъ ихъ дѣятельности состоялъ въ томъ, 1) чтобы такъ или иначе подчинить своему вліянію мѣстныя силы, то-есть, тѣхъ лицъ, которыя преобладали въ извѣстной средѣ, и 2) чтобы охватить всѣ стороны жизни извѣстной страны и народа. Умѣніе выбирать изъ мѣстной среды лицъ, привлекать ихъ къ ордену, давало ему средства и изучать извѣстную среду, и незамѣтно, исподовохи, вѣбдаться въ нее.

Такимъ образомъ иезуитская корпорація въ каждомъ данномъ мѣстѣ выросла востепенно, вбирая въ себя, точно чужеродный организмъ. всѣ живянные соки изъ той почвы, на которой она водворалась. Слѣдя за исторіей ея, видишь, какъ постепенно изъ миссіи или колоніи иезуитской въ 2—3 человѣка чрезъ 5—10 лѣтъ вырастаетъ резиденція или домъ, а затѣмъ — коллегія, затѣмъ братства, академія и другія учрежденія. Не было такой почвы, на которой не вырасталъ бы этотъ удивительный организмъ. Какъ заботливо слѣдили иезуиты за постепеннымъ, *неторопливымъ* развитіемъ своихъ учреждений, это мы видимъ въ письмѣ провинціала Кампани къ Стефану Баторію. Изъ этого письма открывается новая черта иезуитской корпораціи — дружность, нераздробленность дѣйствія всѣхъ членовъ ордена, для взаимной поддержки. Таковъ былъ строй иезуитскаго ордена вездѣ, таковъ же онъ былъ и въ западной Россіи, такъ что, по выраженію одного Русскаго XVI вѣка (Кленовича), какъ обезьяна походитъ на обезьяну, такъ иезуитъ походитъ на иезуита ¹⁾.

Латинство и папство, по правиламъ орденскимъ, было признано знаменемъ иезуитскаго ордена: *qui non est papista — est satanista*. Понятно, что папа, зная правила и направленіе ордена, далъ ему чрезвычайныя права и полномочія. Мы вкратцѣ коснемся и этихъ правъ ²⁾, на столько, на сколько иезуиты, въ силу этихъ правъ, не стѣснялись никакими поставленіями какой бы то ни было церковной власти и позволяли себѣ, собираясь съ обстоятельствами, поступать даже вопреки указаніямъ епархіальныхъ епископовъ и даже вопреки булламъ самихъ папъ. Такаа широта правъ давала необыкновенную свободу и просторъ иезуитской дѣятельности.

¹⁾ *Equiti poloni in iesuitas actio prima.*

²⁾ Ярошевичъ. *Obraz Litwy*, т. 3. стр. 41 и д. — Пользуемся при этомъ сравненіемъ этихъ правъ, изданнымъ въ Базелѣ въ 1621 году.

Указывая въ общихъ чертахъ задачу и цѣль ордена, папы въ своихъ буллахъ позволяютъ генералу дѣлать всевозможныя распоряженія, по своему усмотрѣнiю, какія онъ найдетъ полезными для цѣлей ордена, и перемѣнять ихъ, когда то ему нужно. Частныя права ордена, данныя Павломъ III, были слѣдующія: Іезуиты могли разрѣшать всѣхъ лицъ безъ исключенія даже отъ такихъ грѣховъ, разрѣшеніе отъ которыхъ предоставлено было лишь папѣ; совершать миссу вездѣ, гдѣ будетъ то нужно, не испрашивая разрѣшенія мѣстныхъ епископовъ; поставлать сочленовъ ордена въ разныя священнослужительскія степени: священника, діакона и проч.; подвергать всевозможнымъ духовнымъ и тѣлеснымъ наказаніямъ лицъ, давшихъ обѣты ордену и измѣнявшихъ имъ; удалившихся изъ ордена, хотя бы они перешли въ другой орденъ, требовать въ отвѣту и наказанію. Особенно замѣчательна булла того-же Павла III, такъ называемая іезуитами *Magnam mare* ¹⁾. По этой бумагѣ іезуитскія имѣнія освобождались отъ всѣхъ денежныхъ сборовъ въ пользу папскаго престола. Позволяя іезуитамъ строить, гдѣ то будетъ нужно и удобно. церкви, школы, часовни, академіи и проч., безъ всякаго разрѣшенія мѣстной духовной власти, папа вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ іезуитамъ принимать всѣ имѣнія, земли, угодья, завѣщанныя на всѣ эти учрежденія, освобождаетъ ихъ изъ-подъ вѣдѣнія мѣстныхъ епископовъ, прелатовъ и отъ суда ихъ; разрѣшаетъ совершать службы даже во время интердикта, положеннаго на извѣстную епархію или государство; совѣтуетъ католикамъ ходить преимущественно въ іезуитскія церкви, къ духовникамъ іезуитскимъ, помимо своихъ приходскихъ церквей и духовникововъ, и даетъ полную индульгенцію католикамъ за посѣщеніе іезуитскихъ церквей. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ латинскаго епископа, іезуитамъ дозволяется: 1) разрѣшать браки въ близкихъ степеняхъ родства; 2) возводить въ священнической санъ людей съ существенными природными недостатками; 2) освящать храмы; 3) наконецъ іезуиту разрѣшалось совершать обѣдню нѣсколько разъ въ день. Словомъ, ордену давались такіа права, какими пользовались не многіе римскіе епископы. Послѣдующіе папы подтверждали всѣ эти привилегіи, дополняя ихъ тѣмъ, напримѣръ, что іезуиты могли возводить въ ученныя степени, пересматривать бібліотеки ученыхъ обществъ и очищать ихъ, то-есть, истреблять еретическія книги: вообще

¹⁾ Павелъ III далъ буллу въ 1549 году и назвалъ іезуитовъ *oculi mentis* парае. Jaroszewicz, Ob. L., стр. 41.

цензура поступала въ ихъ руки, по силѣ буллы Григорія XIII¹⁾. Мы не разъ будемъ встрѣчаться, рассматривая судьбы ордена въ западной Россіи, съ протестами епископовъ противъ такихъ правъ ордена. Особенно въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, мы увидимъ, что орденъ постоянно, гдѣ была возможность, стремился захватить латинскіе и униатскіе приходы въ свои руки и давить бѣлое духовенство; мы услышимъ воли младшихъ членовъ самаго ордена на угнетеніе ихъ начальниками, а равно епископовъ на самоуправство въ ихъ епархіяхъ іезуитовъ. Жаловались не только намъ, но даже свѣтскимъ властямъ западно-русскимъ; но мы не могли нигдѣ найти слѣда, чтобъ эти жалобы достигли цѣли. Папы не только не ограничивали привилегій ордена, данныхъ предшественниками, но подтверждали ихъ и давали при удобномъ случаѣ новыя индульгенціи, напримѣръ по поводу канонизаціи святыхъ ордена Лойолы (Ксаверія въ половинѣ XVII вѣка) во время столѣтнихъ юбилеевъ 1640 и 1740 года²⁾. И не могло быть иначе. Латинство обязано было своимъ спасеніемъ и существованіемъ въ западной Россіи единственно и исключительно іезуитскому ордену. Безъ постоянного двухвѣкового участія ордена въ этомъ дѣлѣ оно не получило бы никогда такого широкаго развитія и не укоренилось бы такъ глубоко и въ аристократіи и въ мелкой шляхтѣ западно-русской. Іезуитамъ, и только имъ однимъ, папы обязаны тѣмъ, что обративъ всю западную Россію (образованную) въ „латинскій монастырь“, они сдѣлали латинство необходимымъ для души западно-русскаго шляхтича, такъ-сказать плоть и кровью его, объединили въ латинствѣ и въ костелѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ политическія и народныя надежды западно-русской шляхты, связали самымъ тѣснымъ узломъ ее съ польскими интересами. Но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что іезуиты всегда имѣли въ виду пропаганду одного лишь латинства и папскихъ интересовъ. Рассматривая орденъ въ его историческомъ развитіи въ западной Россіи, мы не должны ни на одну минуту терять изъ виду, что эта корпорація, при своей силѣ, мало зависѣла отъ папы и, какъ корпорація, должна была преслѣдовать корпоративныя, эгоистическія цѣли. Мы укажемъ разительные примѣры разлада ордена съ папою, по поводу западно-русскихъ дѣлъ, — разлада, который съ досадою замѣтили искрещеніе католики въ Польшѣ и выражали къ іезуитамъ свою неприязнь.

¹⁾ Издана въ 1575 году.

²⁾ Kalendarz większy Poszackowskiego. Wilno. 1745. — Буллы Урбана VIII и Бенедикта XIV.

Мы не должны также ни на минуту упускать изъ виду того обстоятельства, что въ западной Россіи, соединенной съ Польшою, была полная свобода для всѣхъ, кромѣ крестьянъ: законъ чести, долга, любви къ родинѣ — вотъ что было закономъ дѣятельности шляхетской; но въ описываемую эпоху порядокъ и строй общественной жизни уже распатывался: не было силы, которая сдерживала бы произволь магнатовъ. Понятно, что при общей безурядицѣ, плотная и организованная корпорація должна была имѣть вѣрный успѣхъ. Оттого-то мы видимъ, что вообще нигдѣ не развивалось столько корпорацій, какъ въ Польшѣ. Цехи, православныя церковныя братства, а главнымъ образомъ иезуитская корпорація, болѣе другихъ организованная, получили полное развитіе въ этой странѣ, гдѣ правительственная власть была безсильна, гдѣ королевскія повелѣнія и сенатскія опредѣленія очень часто не исполнялись, или дѣлались постановленія, ничего собственно не рѣшающія. Полная свобода выбирать всѣ сподручныя средства для своихъ цѣлей, которую не стѣсняли правила ордена и церковная власть, и діалектика, доведенная у иезуитовъ до послѣдней крайности и которой они давали видъ Аристотелевой, но которая въ дѣйствительности была чисто-иезуитскою діалектикою, выручали иезуитовъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ имъ приходилось сталкиваться съ вопросами совѣсти и здраваго смысла. Мы это будемъ встрѣчать чуть-ли не на каждомъ шагу; но этимъ мы не хотимъ подтверждать общее мнѣніе, что у иезуитовъ основнымъ правиломъ морали было: цѣль освящаетъ средства. Мы увидимъ, что это мнѣніе будетъ опровергаться практикою. Чаше всего бывало наоборотъ: средствами освящались цѣли ихъ. Средства у иезуитовъ бывали очень священные, чисты и достойны уваженія, напримѣръ: утверженіе религіозности въ народѣ, распространеніе образованія, учрежденіе богаделенъ, банковъ, братствъ и проч., тогда какъ цѣль ихъ дѣятельности была чаще всего чисто-корпоративная, напримѣръ! умноженіе богатствъ, силы и влганія ордена, въ ущербъ интересамъ и благу народа, при посредствѣ и на счетъ котораго все это достигалось. Мы еще должны отвергнуть общепринятое мнѣніе, что западно-русскіе иезуиты не были патриотами, что это были люди, для которыхъ ubi bene, ibi patria. Мы увидимъ, что изъ ордена выходили и замѣчательные патриоты, которые обаяніемъ своихъ рѣчей воспламеняли патриотизмъ своихъ слушателей: таковъ, напримѣръ, Скарга. Иезуиты годились на все, только бы благо ихъ ордена оттого увеличивалось.

Высказавъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ иезуитахъ, мы въ часть слѣд., отд. 2.

ключеніе прибавимъ, что, приступая къ изученію іезуитской дѣятельности въ западной Россіи, нужно больше всего остерегаться общихъ приговоровъ, особенно такихъ, которые простирались бы на все время ихъ тамъ существованія. Іезуиты начала XVI вѣка въ западной Россіи были, какъ увидимъ, далеко не тѣ, какими мы находимъ ихъ въ концѣ XVII и особенно въ XVIII вѣкѣ.

Утвердившись прочно при дворѣ польскаго короля Сигизмунда-Августа, окруживъ его своею опекою, утѣшая его въ послѣдніе годы жизни, іезуиты дѣятельно занялись распространеніемъ своего вліянія во всѣхъ классахъ народа. Не смотря на недружелюбную встрѣчу іезуитамъ, оказанную въ Вильнѣ протестантами, не смотря на сопротивленіе, оказанное Виленскимъ капитуломъ при занятіи іезуитами соборнаго костела св. Іоанна въ Вильнѣ ¹⁾, не смотря на брошюры и памфлеты, распространенныя противниками іезуитовъ, особенно протестантами, іезуиты утвердились въ Вильнѣ. И не столько сила короля и магнатовъ помогала ихъ успѣхамъ, сколько тогдашній ходъ событій въ западной Россіи и умѣніе іезуитовъ пользоваться всякою силою для своихъ цѣлей, и пользоваться такъ, чтобъ имъ служили самыя противоположныя, повидимому, силы. Къ 1570 году, къ Сендомирскому съѣзду, протестантство въ Польшѣ обнаружило полную несостоятельность образовать что-нибудь стройное и цѣльное въ вѣроученіи и практикѣ. Несмотря на всѣ безкорыстныя и ревностныя старанія вождей протестантскихъ общинъ и сектъ, напримѣръ, Филипповскаго и подобныхъ ему, образовать унию между разными сектами, и, по крайней мѣрѣ, между главнѣйшими—Моравскихъ Братій и кальвинскою; не смотря на многочисленныя и шумныя съѣзды, въ концѣ концовъ, обнаружилась совершенная невозможность примирить ихъ религіозныя разности. Дѣло въ томъ ²⁾, что представители протестантскихъ партій, большею частію, польскіе и литовско-русскіе магнаты и поддерживаемые ими пасторы, старались навязать противникамъ свои убѣжденія и вѣроисповѣданіе, не уступая съ своей стороны ни въ чемъ. Одна содиніанская ересь была дружно преслѣдуема всѣми сектами. Но постановленіе, сдѣланное протестантами объ изгнаніи послѣдователей ея, не получило силы: карди-

¹⁾ Протасевичъ, Виленскій епископъ, вынужденъ былъ выслать на встрѣчу іезуитамъ закрытый экипажъ и въ немъ съ конвоемъ ввелъ ихъ въ городъ съ той стороны, съ которой ихъ никто не могъ ожидать. Rostowski. 33, 34.

²⁾ Łukaszewicz, Dzieje i prawa kościołow... wyznania Helweckiego... w Ms-
tey Polsce (21, 248). Его же Dzieje w Litwie (т. I, стр. 54, 55).

наль Гозій устроилъ такъ, что имъ позволено было остаться въ западной Россіи и Польшѣ; онъ поступилъ въ этомъ случаѣ съ тактомъ истиннаго іезуита. „Арианъ, говорилъ онъ, не смѣдуетъ изгонять: изгнать ихъ, значитъ усилить другихъ — протестантовъ. Пусть лучше они борются, ѣдятъ другъ друга: это будетъ въ пользу латинства“. Арианство развлекало силы протестантовъ, служило имъ укоромъ и не позволяло имъ дать дружный отпоръ общему врагу—латинству. Изъ изслѣдованій Лукашевича мы видимъ, что слабость протестантизма въ Польшѣ была еще больше. Его держались искренно и по убѣжденію аристократическія фамиліи, но далеко не всѣ и притомъ преимущественно въ мужской половинѣ. Жены же аристократовъ, большею частію, были тайными католичками¹⁾. О мелкой шляхтѣ, а тѣмъ болѣе о простомъ народѣ нечего и говорить: здѣсь протестантизмъ туго прививалось. И это очень естественно. Протестантизмъ понятенъ было образованному магнату, учившемуся въ Виттембергѣ, Лейпцигѣ, Франкфуртѣ и пр.; мелкая же шляхта довольствовалась домашнимъ образованіемъ, очень не далекимъ въ то время и даже совершенно упавшимъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ западной Россіи. Шляхтѣ, какъ и простому народу, не понятна была чистая вѣра, чуждая всѣхъ формъ и обрядовъ, тѣмъ болѣе, что шляхта издавна привыкла въ своей жизни къ этимъ формамъ и обрядамъ. Протестантскія же школы, при всей ихъ энергіи, не могли въ какіе-либо пятьдесятъ лѣтъ перевоспитать весь народъ. Между тѣмъ постоянные внутренніе споры и неурядицы у протестантовъ, не всегда доброе обращеніе ихъ съ народомъ, ксендзами и священниками, не могли привлечь къ нимъ сердца народа. Одвакожь тогдашнее польское общество было возбуждено религіозною борьбою протестантовъ и интересовалось религіозными вопросами. Іезуиты, при помощи благопріятствующей имъ мѣстной латинской партіи, сразу поняли положеніе вещей и чрезвычайно умно повели свое дѣло; оно шло тѣмъ успѣшнѣе, что протестанты нерѣдко не могли угадать, съ какой стороны сыплются на нихъ самыя чувствительныя удары, и не умѣли отражать ихъ.

Не вдаваясь въ подробности борьбы іезуитовъ съ протестантами въ западной Россіи, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, мы представимъ только главнѣйшіе приемы іезуитовъ въ этой борьбѣ. Приемы эти помогали іезуитамъ въ ихъ борьбѣ и съ православными,

¹⁾ Такова, напримѣръ, была жена Николая Радзивилла Чернаго (ibid. 1, 46, 47).

и униатами. Главнымъ же образомъ они для насъ интересны потому, что мало по малу усиливали религіозность въ народѣ и своимъ религіозно-воспитательнымъ вліяніемъ довели эту религіозность даже до фанатизма.

Главное вниманіе іезуитовъ обращено было на преобразование латинскаго клира и усиленіе его въ западной Россіи. Ставъ прочною ногою при королевскомъ дворѣ, іезуиты проникли въ управленіе всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ латинскихъ епархій въ Литвѣ и Руси, и при своемъ умѣнии вести дѣла, при религіозномъ одушевленіи, готовности служить вѣрѣ на жизнь и смерть, подняли духъ и энергію латинскихъ епископовъ: ничто въ польской церкви не оставлено ими безъ вниманія и все въ ней подверглось существеннымъ перемѣнамъ. Вопреки желанію капитуловъ, напримѣръ, въ Вильнѣ, іезуитамъ отдавались лучшіе храмы въ епархіи; они часто были единственными священниками при кафедрахъ епископскихъ въ западной Россіи.¹⁾ Проповѣдь, совершеніе требъ и самое богослуженіе, естественно, должны были перейти въ нимъ. Ревность іезуитовъ была изумительна: іезуитъ могъ сказать въ одинъ день двѣ проповѣди въ одноѣ и томъ же костелѣ, выслушать десятки исповѣдующихся, побывать въ совѣтѣ епископа и вести въ то же время корреспонденцію съ своими коллегами, резиденціями и проч. Іезуитовъ приглашали епископы для совѣта и содѣйствія при открытіи епархіальныхъ семинарій—для образованія духовенства; здѣсь они поставлялись учителями, какъ специалисты по педагогической части. Подъ ихъ руководствомъ заводились, съ цѣлію образованія духовенства, конвикты и бурсы²⁾. Собственные ихъ новицаты Виленскій, Ярославскій, поддерживаемые богатыми вкладами епископовъ и магнатовъ, доставляли не только приходскихъ ксендзовъ, но и дѣльныхъ, въ латинскомъ смыслѣ, монаховъ упавшимъ латинскимъ монастырямъ. Монастыри, вслѣдствіе этого, приходили въ лучшее положеніе. Іезуитскія экзерциціи пошли въ ходъ между духовенствомъ, начиная съ епископа и оканчивая простымъ монахомъ. Епископы чаще стали объѣзжать свои епархіи, собирали епархіальные соборы для устройства клира и придумывали мѣры къ защитѣ латинства; они смѣлѣе стали говорить на сеймахъ и конфедераціяхъ въ защиту латинства, и такъ какъ проте-

¹⁾ Acta consistoriae Luceoriensis у Гарасевича въ его Annales. Leopoli 1862 г.

²⁾ Litterae annuae, 1593 а 263 р. — Jaroszewicz, Obraz Litwy, 86, 87 pp. — Le Catholicisme Romain... р. с—te Tolstoy, о Виленской и Жмудской семинаріяхъ, стр. 257, 8, 1 г.

станты, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, не успѣли вычеркнуть изъ польскаго законодательства законъ, по которому примасъ и латинскіе епископы засѣдали въ сенатѣ, то они и воспользовались теперь своимъ правомъ. Они нѣсколько разъ протестовали противъ внесеннаго въ такъ-называемыя рата совента обязательства — сохранять миръ между диссидентами, не позволять одной сторонѣ притѣснять другую. Какъ ни законно и справедливо было это обязательство, которое до паденія Польши всякій разъ давалось королями при вступленіи на престолъ, но всѣ епископы, за исключеніемъ одного, отказались дать свои подписи ¹⁾. А подписавшійся впоследствии долженъ былъ объяснить свой поступокъ тѣмъ, что далъ подпись, уступая насилію, и далъ ее съ оговоркою: „pro bono publico“. Подъ вліяніемъ іезуитскихъ внушеній и поощреній, съ каждымъ годомъ епископы латинскіе становились ревностиѣе и стали уже въ 70-хъ годахъ XVI вѣка смотрѣть на латинство, какъ на единственную государственную въ Польшѣ и западной Россіи вѣру, имѣющую право на исключительное покровительство закона. Постепенно возраставшій религиозно-фанатическій духъ ихъ привелъ вскорѣ къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Началось публичное сожиганіе протестантскихъ книгъ на рынкахъ, нападеніе епископскихъ людей на православныя церкви и протестантскія кирхи ²⁾. Такъ, мы знаемъ, что епископы Протасевичъ Виленскій, Юрій Радзивиллъ Жмудскій не только жгли протестантскія книги, но запрещали нести по городу тѣла умершихъ протестантовъ. Фанатизмъ въ этихъ случаяхъ разгорался и въ народѣ; происходили уличныя схватки и убійства. Но никто не могъ сказать, что виновниками всего этого были іезуиты. Они вездѣ, при взрывахъ народныхъ страстей, ступевывались и прятались весьма тщательно. Всѣ укоризны падали на епископовъ, а чаще всего на пасторовъ. Получая матеріальную поддержку отъ епископовъ и каштуловъ, іезуиты развили наконецъ всю свою дѣятельность; они, посредствомъ своихъ миссій, проникали вглубь западной Россіи, разводили оставшихся еще тамъ женатыхъ есендзовъ съ ихъ женами,

¹⁾ Ostrowski, Dzieje y prawa... (т. 3, 125 стр.). Краковскій епископъ Крассинскій, давшій свою подпись, возбудилъ негодованіе всего латинскаго населенія Польши (ibid. стр. 119).

²⁾ Имена епископовъ, сожигателей книгъ, подъ внушеніемъ іезуитовъ: Виленскій—Валеріанъ Протасевичъ, Лудскій—Бернардъ Мацѣевскій, Липскій, Юрій Замоискій, Акакій Гроховскій, особенно Юрій Радзивиллъ Жмудскій (Образ Литвы, 108).

мирили между собою ссорившихся ксендзовъ и вообще воодушевляли ихъ на пользу латинства; а гдѣ не было ксендзовъ, туда они вызывали изъ коллегій своихъ и образовали приходъ, и здѣсь съ неутомимомъ ревностью занимались по цѣлымъ днямъ исповѣдью и ватихизаціею шляхты и простаго народа ¹⁾. Словомъ, они водворяли повсюду единодушіе въ дѣйствіяхъ латинскаго клира.

Какъ ни преувеличены разказы іезуитскихъ писателей объ упадкѣ латинства въ Польшѣ и Литвѣ, и вслѣдствіе этого латинскихъ храмовъ и богослуженія, такъ что по этимъ разказамъ іезуиты вездѣ являлись возстановителями алтарей, разрушенных костеловъ и проч., но не подлежатъ сомнѣнію и то, что никто не умѣлъ придать такого блеска латинскому богослуженію, какъ іезуиты, и нигдѣ они не хлопотали такъ сильно и усердно объ этомъ, какъ въ западной Россіи, хорошо понявъ религиозное настроеніе шляхты, народа и мѣщанъ. Богослуженіе дѣйствительно находилось въ крайнемъ упадкѣ; церкви стояли пустыми, религиозныя требы нерѣдко исполнялись крайне небрежно. Между тѣмъ привязанность народа въ западной Россіи къ своему религиозному обряду и храму и къ его благолѣпію были поразительны. Магнаты и нѣкоторая часть шляхты хотя и усвоили себѣ европейское, то-есть, протестантское образованіе, но протестантство ихъ не было прочно: оно принято было большею частію по модѣ, по подражанію, по желанію новости, а не по дѣйствительной потребности. Женская половина, какъ мы видѣли, чужда была протестантскихъ идей и въ глубинѣ души любила прежній обрядъ. О женѣ знаменитаго защитника и такъ-сказать воеводы протестантовъ Николая Радзивилла Чернаго извѣстно, что мужъ насилью заставилъ ее перейти въ протестантство.

Вотъ на эти-то слабыя стороны іезуиты ударили со всѣмъ своимъ искусствомъ. Дѣло шло у нихъ такимъ образомъ. Епископы давали въ ихъ полное распоряженіе полуразрушенный костелъ, съ разбитыми окнами, съ обвалившимся интукатуркою, почернѣвшими образами: Іезуиты не жалѣли денегъ и средствъ, трудовъ и хлопотъ на возстановленіе костеловъ и на всякое ихъ украшеніе, а главное, иконами, заводили великолѣпную музыку, пѣвчихъ; священники, строго выполняя уставъ іезуитскій, чинно, съ полнымъ благоговѣніемъ, со слезамп на глазахъ, совершали нѣсколько службъ, каждый день, въ одномъ костелѣ. Праздники — Тѣла Божья, Пасхи, Рождества и по преиму-

¹⁾ Lit. app. Coll. Jaroslaviensis. Въ одной Подольской области (Podolia) разведено имя 20 ксендзовъ съ ихъ женами (стр. 458).

шеству день Игнатія Лойолы праздновались великолѣпно, съ процессіями по городу, съ иллюминаціями, салютами и проч. Со временемъ эта торжественность, особенно по случаю праздниковъ святыхъ, почему-либо дорогихъ ордену, — дабы въ глазахъ народа и для его назиданія какъ можно болѣе почитать извѣстныхъ добродѣтели святаго, напримѣръ, его религіозную (фанатическую) ревность, — дошла до поразительныхъ крайностей, до совершеннаго идолопоклонства, по справедливому отзыву о ней протестантскихъ памфлетистовъ. Въ первые однакожь 10 лѣтъ послѣ водворенія іезуитовъ въ Польшѣ мы не видимъ такихъ церемоній: въ это время іезуиты ограничивались лишь порядкомъ и благолѣпіемъ при совершеніи службъ въ костелахъ. Но и этотъ порядокъ и благолѣпіе производили глубокое и неотразимое впечатлѣніе на народъ. И если протестантскимъ пасторамъ удавалось запугивать своихъ и предубѣждать противъ іезуитской школы, то никакая сила не могла удержать народа отъ посѣщенія храма, въ которомъ его религіозное чувство находило больше удовлетворенія, чѣмъ въ протестантскихъ бѣткахъ и даже православныхъ церквахъ. У іезуитовъ обращено было особенное вниманіе на проповѣдь — главнѣйшую силу протестантовъ, а у православныхъ — рѣдкое явленіе въ то время. Варшевицкій, котораго мы видѣли въ качествѣ королевскаго секретаря и студента Виттембергскаго университета, получивъ мѣсто ректора Виленской коллегіи, каждый день утромъ и вечеромъ назначалъ проповѣди въ костелѣ св. Іоанна въ Вильнѣ, на трехъ языкахъ: латинскомъ, нѣмецкомъ и литовскомъ (то-есть, русскомъ и польскомъ), очевидно, для различныхъ слушателей. Самъ онъ говорилъ почти каждый день. Вліяніе проповѣдей Варшевицкаго было поразительно. Если вѣрить іезуитскому лѣтописцу ¹⁾, весь народъ рыдалъ, напримѣръ, въ Страстную пятницу. Кромѣ пламенной рѣчи, іезуитъ прибѣгалъ къ неожиданнымъ выходкамъ, напримѣръ, въ самую патетическую минуту проповѣди о страданіяхъ Спасителя, показывалъ народу распятіе съ очень замѣтными кровавыми язвами Спасителя. Эффектъ былъ полный, и слезы народа — очень вѣроятная вещь при такихъ случаяхъ. Вопросъ въ томъ, какъ много собиралось слушателей въ іезуитскіе костелы? Сами іезуиты сознаются, что по явленіи ихъ въ Польшѣ и западной Россіи, на нихъ слотрѣли, какъ на диковину, даже враждебно: протестантскіе проповѣдники успѣли распространить про нихъ недобрыя слухи. Но какъ ни настроено было

¹⁾ Rostowski (50 p.).

общество, оно съ любопытствомъ слѣдило за дѣятельностію пришельцевъ; іезуитское богослуженіе съ такими приманками, какихъ много допустили у себя іезуиты, сильно возбуждало любопытство въ народѣ. Побывали нѣкоторые и разказали роднымъ и знакомымъ; старыя симпатіи народа къ благолѣпнѣю богослуженія, подавляемыя насиліемъ протестантскихъ магнатовъ, пробудились съ новою и необычайною силою. Народъ толпами устремился въ іезуитскіе костелы, такъ что, по сознанию іезуитовъ¹⁾, у нихъ на первыхъ порахъ не доставало силъ совершать богослуженіе и они принуждены были приглашать въ помощь себѣ другихъ ксендзовъ. Видимый успѣхъ заставилъ іезуитовъ устраивать торжественныя службы, церемоніи и проповѣди какъ можно чаще. Поводовъ къ этому у нихъ было много. Наконецъ, возрастающія матеріальныя средства давали имъ возможность строить новыя костелы. По этому поводу совершались торжественныя освященія; таково было, на примѣръ, освященіе костела св. Казимира въ Вильнѣ. Къ этому акту приурочивали перенесеніе мощей какаго-либо святаго, особенно іезуитскаго. А мощей іезуиты нанесли въ западную Россію слишкомъ много; дѣломъ этимъ занимались и такіе люди, какъ Варшевицкій. Съ мощами начинались совершаться чудеса, которыми наполнены всѣ лѣтописи ордена въ западной Россіи и многочисленныя брошюры іезуитскія.

Посѣщеніе іезуитскаго костела не оставалось безъ вліянія на народъ, хотя въ первые годы іезуитской дѣятельности въ западной Россіи это вліяніе не имѣло той силы, какаю иногда ему приписывается. Религіозный фанатизмъ вошелъ въ народъ значительно позже, когда іезуиты стали душою и руководителями магнатскихъ и шляхетскихъ семействъ въ западной Россіи, когда распространили свое вліяніе школы іезуитскія. На первыхъ же порахъ іезуиты хлопотали лишь о томъ, чтобъ отвлечь побольше лицъ отъ протестантскихъ киркъ и православныхъ церквей и заманить къ себѣ. Въ іезуитскихъ костелахъ происходило весьма важное дѣло, котораго не замѣчали протестантскіе проповѣдники и православные, увлекаясь въ борьбѣ съ іезуитами полемическою стороною дѣла. Благочестиво настроенные іезуитскими церемоніями зрители толпами окружали конфессіональ іезуитскаго духовника: стеченіе жаждущихъ исповѣдаться было такъ велико, что іезуиты приглашали себѣ въ помощь другихъ монаховъ и ксендзовъ. Само собою разумѣется, что каковыя-то іезуиты принимали

¹⁾ Ibid. (46, 49).

причащеніе, заносились въ списки обращенныхъ и дѣлались „добрыми католиками“.

Не менѣе успѣшно подвизались іезуитскіе миссіонеры въ тѣхъ страннопріимныхъ домахъ и больницахъ, которыя строились ими обыкновенно при каждой коллегіи, по прямому предписанію іезуитскихъ правилъ. Здѣсь получали пріютъ старики, увѣчные, нищіе, для пропаганды, повидимому, вовсе не пригодные. Но по временамъ, особенно во времена эпидемій, которыя очень часто посѣщали западную Россію въ XVI вѣкѣ, ихъ богадельни наполнялись всякимъ народомъ. Многіе здѣсь и умирали; но многіе, благодаря уходу іезуитовъ, выздоравливали, и разумѣется, за свое спасеніе принимали вѣру спасителей и разносили славу о своихъ благотворителяхъ по западной Россіи. На случай голода у іезуитовъ были устроены обширныя житницы, изъ которыхъ голодные получали пропитаніе ¹⁾. Съ теченіемъ времени своею благотворительностію іезуиты пріучили народъ, при наступленіи всякаго несчастія, стѣкаться уже прямо къ іезуитскимъ домамъ. Въ то время, какъ одни занимались раздачею хлѣба, другіе, пользуясь народнымъ бѣдствіемъ, говорили народу рѣчи о томъ, что всѣ бѣдствія посылаются Богомъ за невѣріе народа, за презрѣніе ими Христа, за религіозныя заблужденія и ереси и за схизму. Не столько проповѣдь, сколько благодѣянія дѣлали многихъ истинными друзьями іезуитовъ и латинянъ. Исповѣдующихся, и слѣдовательно, совращавшихся въ латинство въ такія времена было особенно много у іезуитовъ. Какъ понималъ и помнилъ народъ іезуитскія благодѣянія—это видно изъ слѣдующихъ фактовъ. По распоряженію литовскаго провинціала Кампана въ 1582 году, іезуиты, для бѣльшаго успѣха пропаганды, занялись проповѣдями на городскихъ улицахъ, перекресткахъ, торговыхъ мѣстахъ Вильны. Протестантскіе швольники, быть можетъ, по наущенію пасторовъ, нападали съ камнями, и палками на миссіонеровъ. Народъ, возмущенный этимъ нападениемъ, съ яростію устремился на школу и биржу протестантовъ, и дѣло могло бы кончиться очень дурно, если бы не остановили народа сами іезуиты ²⁾. Никакія угрозы и проклятія пасторовъ не могли остановить народъ: онъ массами бѣжалъ къ тѣмъ проповѣдникамъ.

¹⁾ Lit. an. Coli. Nevisiensae. Во время голода многіе схизматики стекались къ нашей коллегіи, говорить іезуитская летопись; въ то время, какъ наши старцы кормили ихъ хлѣбомъ, употреблялось вѣлическое стараніе онатоличивать ихъ.

²⁾ Rostowski, 95—113 и 114 стр.

которые съ словомъ Божиимъ приносили имъ пищу, одежду, испѣленіе, которые въ подвигахъ человеколюбія не жалѣли ни силъ своихъ, ни даже самой жизни. Если и въ наше время есть люди ¹⁾, которые увлекаются благотворительностію іезуитовъ, то неудивительно, что въ то время,—времени полной католической безпомощности, увлекались ею всѣ. И въ протестантской полемической литературѣ, равно какъ въ сочиненіяхъ лицъ, выходившихъ изъ Краковской академіи, враждебно настроенныхъ противъ іезуитскихъ шеоль, мы не встрѣчаемъ разоблаченія дѣйствительнаго смысла іезуитскихъ благотвореній, и никто изъ современниковъ такъ ясно не разоблачилъ этого смысла, какъ сами іезуиты. Благотворительность, по признанію ихъ, была у нихъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ привлечь къ себѣ иновѣрцевъ и дѣлать ихъ латинянами... Мало того, они же сознаются, что во времена общественныхъ бѣдствій, напримѣръ, мора, когда дома и имущества покидались несчастнымъ народомъ, искавшимъ спасенія на улицахъ, въ костелахъ, іезуитскіе миссіонеры занимались ховяничаньемъ въ оставленныхъ домахъ. Сколько можно было извлечь пользы изъ подобной благотворительности! Самоотверженіе нѣкоторыхъ іезуитовъ и смерть ихъ при ухаживаньи за больными не составляли уже особенной заслуги ордена предъ народомъ. Орденъ, во время опасности, обыкновенно заранѣе переносилъ свою коллегію съ добромъ въ безопасное мѣсто, оставляя въ зараженныхъ городахъ только тѣхъ самоотверженныхъ и простыхъ душою членовъ, которые, можетъ-быть, и воспитывались въ орденѣ затѣмъ, чтобъ ихъ смертью можно было доказать народу самоотверженіе іезуитовъ ²⁾. Притомъ уходъ за больными и увѣчными въ обыкновенное время тоже не составлялъ заслуги. Бремя его іезуиты возлагали на тѣхъ бѣдныхъ шеольниковъ, которыхъ они призрѣвали у себя, повидимому, изъ милости, а также и на тѣ братства, которыя образовались вскорѣ при всѣхъ коллегіяхъ іезуитовъ съ цѣлю пропаганды. Тѣмъ не менѣе іезуитскія благодѣянія принимались народомъ, какъ истинныя, и высоко ставили ихъ въ глазахъ не только толпы, но и просвѣщенныхъ людей того времени.

Къ числу мѣръ, употреблявшихся іезуитами для привлеченія къ себѣ народнаго вниманія и для оживленія народнаго фанатизма, нужно

¹⁾ Rychcicki, Skarga i jego wiek. Lwow. 1865.

²⁾ Замѣчательно, что за опасные подвиги человеколюбія принимались главнымъ образомъ такъ-называемые коадьюторы, или ланки, люди простые (simplices), которыми орденъ не особенно и дорожилъ. Rostowski, 71 p.

отнести еще открытые; публичные диспуты съ иновѣрцами, особенно съ протестантами. Бывало такъ, что и протестантскіе пасторы, не зная хорошо своихъ противниковъ, вызывали иезуитовъ на богословскій споръ о какомъ-либо догматѣ, напримѣръ, главенствѣ папы. Но чаще сами иезуиты вызывали противниковъ на подобныя диспуты. Въ воскресный, или праздничный день, когда ожидалось большое стеченіе народа, особенно въ дни собраній шляхты на сеймики, трибуналы и проч., иезуиты на приготовленное заранее мѣсто приносили изъ коллегій тяжеловѣсные фолианты блаженнаго Августина, Кипріяна и другихъ отцевъ церкви, и выставивъ отъ себя испытаннаго въ богословскихъ преніяхъ, въ родѣ Гродзицкаго, вызывали протестантовъ на ученый бой. Протестанты, по временамъ, рѣшались на диспутъ, но всегда почти выходили побѣжденными, — не потому, конечно, что не имѣли достаточныхъ свѣдѣній для спора, а потому, что не были специально подготовляемы къ такимъ диспутамъ, тогда какъ у иезуитовъ диспутанты подготовлялись къ преніямъ заранее, систематично, въ продолженіе многихъ годовъ, и всякую субботу упражнялись въ диспутахъ домашнимъ образомъ, между собою ¹⁾. При извѣстной иезуитской дилективѣ и умѣнн скоро и въ-время подбирать благоприятныя факты, они ставили въ тупикъ протестанта, который безъ приготовленія, при всей учености, не рѣдко дѣлалъ въ своей рѣчи большіе промахи и противорѣчія. Такіе диспуты бывали въ Вильнѣ, Невогрудкѣ, Ярославлѣ, Люблинѣ и вездѣ, куда ни являлись иезуитскіе миссіонеры. При диспутахъ нерѣдко присутствовали государственные сановники, епископы и короли ²⁾. Тѣмъ полнѣе тогда было торжество иезуитовъ надъ протестантами. Ученые диспуты не рѣдко оканчивались вовсе не ученымъ способомъ. Авторъ „рѣчи прогнѣвъ иезуитовъ“ ³⁾ разказываетъ, что въ Люблинѣ иезуиты, не одолѣвъ противниковъ аргументами отъ Писанія и Преданія, употребили въ дѣло болѣе дѣйствительный аргументъ, и уже чисто *ad hominem*, именно палки и кулаки, которыми они прогнали противниковъ съ поля учено-богословской битвы.

Въ этихъ диспутахъ, какъ средствъ дѣйствовать на народъ, нельзя не видѣть обычнаго иезуитскаго умѣння приноравливаться къ мѣстному народному строю жизни. Въ западной Россіи, какъ и въ Польшѣ, на сеймахъ, сеймикахъ, судебныхъ рочкахъ, дѣло нерѣдко зависѣло

¹⁾ Kraszewski, Wilno, т. 4, 21, 21 и далѣе.

²⁾ На диспутѣ 1599 присутствовалъ князь К. Острожскій. Тамъ же, стр. 202, 203.

³⁾ *Actio contra iesuitas prima.*

отъ рѣчей, которыми противники старались убѣдить другъ друга. Всѣ особенности подобныхъ сѣздовъ приспособлены были іезуитами къ своимъ учено-богословскимъ диспутамъ; даже побѣненіе противниковъ не было чѣмъ-то необыкновеннымъ для зрителей; то же самое можно было видѣть и на сказанныхъ сѣздахъ. Отвѣчая потребностямъ и характеру народа, диспуты іезуитовъ получили популярность: толпы шляхты и народа стекались на нихъ, съ жадностію слѣдя за успѣхомъ той или другой стороны. Пораженіе одной стороны было вмѣстѣ пораженіемъ и ея убѣжденных; народъ не соображалъ и не звѣщивалъ причинъ побѣды или пораженія: онъ бралъ фактъ, какъ онъ есть, и склонялся на сторону побѣдителей. Что диспуты привлекали къ іезуитамъ много послѣдователей, это видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Протестантскіе пасторы, на сколько было возможно, уклонялись отъ этихъ диспутовъ, опасаясь не столько пораженія, сколько гибельныхъ отъ него результатовъ, то-есть, совращенія своихъ единовѣрцевъ въ латинство ¹⁾). Православные хорошо понимали опасность отъ этихъ диспутовъ и совѣтовали своимъ священникамъ избѣгать словопреній, на которыхъ іезуиты своими софизмами, подкрашенными риторскими приемами, привлекали къ себѣ простаѣ сердца ²⁾). Между тѣмъ, іезуиты, чувствуя въ диспутахъ свою силу, чаще и чаще навязывались съ ними протестантамъ, и когда тѣ отказывались отъ вызова, іезуиты тѣмъ не менѣе устраивали обыкновенно диспуты съ тою же торжественною обстановкою и предъ народомъ, употребляя для преній членовъ ордена или же учениковъ своихъ коллегій: болѣе опытные въ словопреніяхъ и наторѣвшіе въ подборѣ цитатъ защищали латинскія *привилегированныя* ученія, а защитниками протестантскихъ мнѣній выставляли слабѣйшихъ учениковъ. Разумѣется, сторона протестантская непременно терпѣла поражение ³⁾). Приучая мало по малу народъ, особенно школьниковъ, къ диспутамъ, іезуиты довели ихъ до крайности: уличные мальчишки, протестантскіе и латинскіе, вмѣсто дѣтскихъ игръ, затѣвали диспуты, кончавшіеся нерѣдко разрушеніемъ протестантскихъ киркъ. Виновики подобныхъ безпорядковъ не отыскивались и оставались вѣнъ наказанія. Когда протестанты приносили жалобы въ суды и магистраты на насилія, іезуиты говорили, что они не могутъ отвѣчать за народныя толпы и даже за школьниковъ; иначе пришлось бы обвинять и самихъ ангеловъ-хранителей въ томъ, что они не обе-

¹⁾ Lukaszewicz, Dzieje.... w Litwie, т. I, стр. 37, 38.

²⁾ Сказанія кн. Курбскаго. 261, 264.

³⁾ Lukaszewicz, Dzieje.... w Litwie. Т. I, стр. 38.

регають людей, особенно дѣтей, отъ ошибокъ и заблужденій¹⁾. Осуждались же чаще всего за сказанные беспорядки иновѣрцы, и вовсе не по пристрастію судей, а потому что трудно было разобрать дѣло: свидѣтели и заинтересованный въ беспорядкахъ народъ говорили въ оправданіе іезуитовъ, о добромъ веденіи которыхъ говорили ихъ поступки, ихъ школы, церкви и богадельни.

Но положимъ, легко было увлечь описанными средствами народъ болѣе или менѣе необразованный и грубый: впечатлительность и увлеченія массы всѣмъ извѣстны. Какимъ же образомъ первые по образованію и по положенію въ обществѣ люди западной Россіи, которыхъ трудно было завлечь одною вѣщностью, которые кое-что видѣли не только у себя дома, но и за границею въ лучшихъ европейскихъ университетахъ, какимъ образомъ такіе люди подчинялись вліянію іезуитовъ и измѣняли вѣрѣ отцевъ, завѣщанной имъ подѣ угрозою проклятія отъ всѣхъ богоносныхъ отцевъ и семи вселенскихъ соборовъ? Положимъ, при Сигизмундѣ III, дѣйствительно иной, желавшій выслужиться, шляхтичъ, чтобы занять мѣсто старосты, подскарбія или другое какое-либо, кланялся іезуиту и просилъ протекціи и за него готовъ былъ отступить отъ всякаго убѣжденія. Но въ началѣ, на примѣръ, при Баторіѣ, государь правдивомъ и цѣннишемъ людей по заслугамъ, когда магнатамъ и шляхтѣ была полная возможность держаться прежней своей вѣры, они, однако, переходили въ латинство; мало того, становились крайне ревностными приверженцами іезуитовъ. Наконецъ, какимъ образомъ даже ученый, храбрый и великій Баторіѣ, не трепетавшій передъ такою общественною силою, какъ бунтующій противъ его дѣйствій польскій сеймъ, государь, любившій больше всего справедливость и умѣренность (*justitia et temperantia* — постоянно встрѣчающіяся слова въ его грамотахъ), какимъ образомъ такой государь преклонился предъ іезуитскою силою, и мало того, былъ ея распространителемъ въ западной Россіи? Мы должны и по возможности ближе къ дѣйствительности рѣшить эти вопросы, прежде чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію исключительнаго вліянія іезуитовъ на западно-русскую церковь и ея представителей. Вопросы эти всегда обходятся изслѣдователями іезуитскаго дѣла въ западной Россіи. Нѣкоторые даже положительно отказываются отъ рѣшенія этихъ вопросовъ: „не можемъ понять этого, говорятъ они; іезуиты дѣлали такія превращенія имъ однимъ извѣстными средствами“²⁾. Польскіе же

¹⁾ De rebus Soc. Jesu in regno Poloniae a Argento 1620, 113 p.

²⁾ Дилловъ, О зловредныхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ въ Россіи, стр. 118.

писатели объясняютъ все дѣло одними интригами или же просто приманками.

Бывали, безъ сомнѣнія, и при Баторіѣ такія совращенія, въ которыхъ иезуитамъ помогала молодость, вѣтренность и дурота какаго-либо западно-русскаго аристократа, хоть въ родѣ Януша Острожскаго, который любилъ придворные парадные выѣзды, встрѣчи и проч. и тратилъ попусту при заграничныхъ дворахъ отцовскія деньги. Но какъ иезуитамъ удалось совратить Ивана Ходкевича, Льва Сапѣгу и на время опутать даже Константина Острожскаго? Нѣтъ ничего легче, какъ объяснять подобныя совращенія такъ-называемыми секретными правилами иезуитовъ, а чаще всего стереотипною фразою: иезуиты все могли сдѣлать, иезуиты ни передъ чѣмъ не отступали. Но объясненіе такого рода, ровно ничего не объясняетъ, потому что при такомъ объясненіи остается не рѣшеннымъ одинъ очень простой вопросъ: могли ли самыя секретныя постановленія иезуитовъ, если бы они даже вдвое или втрое были сложнѣе тѣхъ, какія мы знаемъ, дать иезуитамъ неодолимую силу на всякій случай, при безконечномъ разнообразіи свободной до разнузданности, въ описываемое время жизни западно-русскихъ аристократовъ и болѣе богатой шляхты? Да и пресловутое всемогущество иезуитовъ, особенно въ 1580 году, когда ихъ было не больше 70 человекъ во всей Польшѣ и западной Россіи, разбросанныхъ другъ отъ друга на разстояніи отъ Полоцка до Львова, даже при возможно быстрыхъ между ними сношеніяхъ, не должно было бы, намъ кажется, признаваться всемогущимъ¹⁾. Обратимся лучше къ сказаніямъ самихъ иезуитовъ о тѣхъ средствахъ, каковыми они пользовались при обращеніи знаменитѣйшихъ западно-русскихъ родовъ въ латинство. Сказанія эти гораздо естественнѣе и проще объясняютъ дѣло.

Вотъ нѣсколько очень раннихъ примѣровъ совращенія западно-русскихъ магнатовъ въ латинство, и именно такихъ, которые, по видимому, менше всѣхъ были доступны вліянію „зловредныхъ дѣйствій“ иезуитовъ. Домъ литовскаго маршала Ивана Ходкевича раньше всѣхъ западно-русскихъ (въ 1572 году) аристократическихъ семействъ перешелъ въ латинство. Какъ намъ уже извѣстно, этотъ аристократъ учился въ Виттембергскомъ университетѣ у Меланхтона,

¹⁾ Вотъ, по официальнымъ автописямъ ордена, число иезуитовъ, дѣйствовавшихъ въ западной Россіи въ 1584 году: Вильна — 55; Ярославъ 27; Полоцкъ — 7; Несвижъ — 7; всего 96. Изъ этого числа нужно исключить до 15 коадьюторовъ. Lit. an. 1584 an., стр. 146.

вмѣстѣ съ Варшавцидмъ. Здѣсь они познакомились и подружались, и дружба эта продолжалась и по выходѣ ихъ изъ университета. Понятно, что какъ другъ, Варшевицкій, сдѣлавшись ректоромъ Виленской іезуитской коллегіи, посѣждалъ домъ Ходкевича. Главная особенность всѣхъ вообще іезуитовъ описываемаго времени была та, что они, съ кѣмъ бы ни встрѣчались, прежде всего заговаривали о вѣрѣ, объ ересьяхъ, вредѣ ихъ и т. д. Варшевицкій, какъ одинъ изъ религіознѣйшихъ іезуитовъ, при свиданіяхъ съ Ходкевичемъ, постоянно заводилъ рѣчь о вѣрѣ. Можетъ-быть, пламенная его рѣчь, а еще больше самъ примѣръ его, лучшаго ученика Меланктонова, смелыми наконецъ Ходкевича къ слѣдующей мѣрѣ: онъ пригласилъ къ себѣ лучшихъ протестантскихъ богослововъ и устроилъ домашній богословскій диспутъ объ евхаристіи. Дѣло возможное, что протестанты потерпѣли поражение: вопросъ объ евхаристіи былъ самый опасный и щекотливый для нихъ, особенно, когда соцініане довели его до крайности, возстаювая древнее арианское ученіе объ Иисусѣ Христѣ (а іезуиты умѣли отождествлять ученіе протестантовъ съ соцініанскимъ). Подлѣ нѣсколькихъ диспутовъ, нерѣдко продолжавшихся по 5 часовъ въ день, Ходкевичъ принималъ пасторовъ побѣжденных и просилъ іезуитовъ дать ему католическій катихизисъ. Ему съ радостію дали катихизисъ Канизія ¹⁾, и онъ, спустя немного времени, торжественно принесъ въ руки авскаго нунція католическое исповѣданіе вѣры; мало того, по внушенію іезуитовъ, онъ велѣлъ напечатать и распространить по всей западной Россіи актъ своего совращенія. Если подробности объ этомъ диспутѣ и разукрашеніи фантазіей у іезуитскаго лѣтописца, — въ чемъ онъ ²⁾ очень часто погрѣшаетъ, — то все-таки мы, не грѣша нисколько противъ исторической критики, на основаніи подобныхъ же фактовъ, можемъ признать за несомнѣнное, что именно подлѣ влияніемъ дружескихъ убѣжденій Ходкевичъ предался католичеству, и какъ всякій іезуитскій неофитъ, до того ватѣмъ возревновалъ о латинствѣ и славѣ ордена, что отдалъ въ Виленскую коллегію къ іезуитамъ своего сына, знаменитаго впоследствии Карла Ходкевича.

По хронологическому порядку, за совращеніемъ Ходкевичей слѣдовало совращеніе Радзивилловъ, главной ихъ линіи, именно Несвижской, — дѣтей знаменитаго друга Сигизмунда II и знаменитаго покрови-

¹⁾ Известный преобразователь, въ іезуитскомъ духѣ, Вянскаго университета.

²⁾ Rostowski, 51 и 52 pp.

теля литовскихъ протестантовъ, Николая Радзивилла Чернаго. У іезуитскаго лѣтописца нѣтъ указаній, какимъ образомъ дѣти этого непоколебимо-вѣрнаго протестанта стали латинянами. Есть лишь слабое указаніе на то, что совращеніе ихъ было въ связи съ поступкомъ Скарги съ однимъ протестантомъ и совершилось подъ вліяніемъ проповѣдей его. Конечно, поступокъ Скарги очень характеристиченъ и могъ обратить на себя вниманіе лучшихъ людей западной Россіи, но отъ этого еще далеко было до перехода въ латинство. Поступокъ этотъ состоялъ въ томъ, что Скарга великодушно простилъ обиду, нанесенную его лицу придворнымъ Радзивилла Рудаго (изъ ревностной протестантской линіи): придворный, встрѣтивъ на узкой Виленьской улицѣ Скаргу, пожелалъ напугать іезуита; онъ приказалъ его къ стѣнѣ лошадей и чуть не задавилъ. За это преступленіе виновному присуждена была смертная казнь, но Скарга выпросилъ ему помилованіе. Многіе протестанты перешли по этому случаю въ латинство и между прочими будто бы и Николай Радзивиллъ съ братьями. Но у Лукашевича приведены два обстоятельства, которыя представляютъ обращеніе Радзивилловъ болѣе естественнымъ и понятнымъ. Жена Николая Радзивилла Чернаго приняла протестантство по принужденію мужа, оставаясь въ душѣ паписткою. Въ латинствѣ же она воспитала и своихъ дѣтей. Правда, они учились въ протестантскомъ университетѣ; но первыя наставленія матери не легко забываются и очень легко воскресаютъ. Притомъ, если вѣрить іезуиту Видзевичу¹⁾, говорившему надгробное слово Николаю Сьроткѣ-Радзивиллу, самъ Черный при концѣ своей жизни жаловался въ своихъ письмахъ къ снву на постоянныя противорѣчія и раздоры его пасторовъ, которые поставили его своими раздорами въ такое положеніе, что онъ не зналъ, во что наконецъ слѣдуетъ вѣровать. Эти письма дѣйствовали на Николая Сьротку тѣмъ сильнѣе, что онъ побывалъ въ Италіи и Римѣ и нѣсколько поддавался впечатлѣніямъ, вывезеннымъ оттуда. Еще болѣе утвердили его въ склонности къ латинству его родственники Малецкіе, еще прежде совращенные въ латинство. Проповѣди и бесѣды Скарги dokonчили дѣло. Знаменитый домъ, владѣвшій чуть ли не четвертою частію Литвы со множествомъ православныхъ церквей, перешелъ въ латинство.

Но замѣчательнѣе другихъ, какъ по побудительнымъ причинамъ, такъ еще болѣе по необыкновенному нравственному значенію, было

¹⁾ Надгробное слово надъ Радзивилломъ Сьроткомъ. 1816. Kraków. 22 p.

сворачиваетъ столь известнаго канцлера литовскаго, Льва Сапѣги. Какъ лица, обязанное постоянно присутствовать при дворѣ короля, Сапѣга долженъ былъ сопровождать короля въ придворную капеллу, гдѣ постоянно служили иезуиты, признанные образцовыми священниками. Случилось однажды обстоятельство, которое повернуло релігіозныя убѣжденія Сапѣги въ другую сторону. Веротившись домой изъ королевскаго двора послѣ ирешки, Сапѣга, протестантъ, утромъ захотѣлъ присутствовать при богослуженіи протестантскомъ. Когда пришло время причащаться, пасторъ пригласилъ и его къ трапезѣ, но Сапѣга отказался отъ причащенія неприготовленностію къ принятію Господа Бога (онъ былъ лютеранинъ). Пасторъ убѣждалъ его, что довольно для принятія причащенія одной вѣри безъ всякаго приготовленія. Настойчивость пастора и его слова привели Сапѣгу къ тому, что онъ пригласилъ къ себѣ Скаргу для релігіознаго совѣта. Скарга съ величайшею радостію предложилъ ему все свое знаніе и свои убѣжденія и повелъ дѣло его обращенія до того скрытно, что знала объ этомъ лишь жена Сапѣги — католичка. Когда Сапѣга въ присутствіи короля принесъ исповѣдь Скаргѣ, то это явленіе такъ было неожиданно для всѣхъ, что его признали чудомъ. Оно, какъ и обращеніе Радзивилла, было опубликовано по всей Литвѣ. Таковы-то были приемы, употребленные иезуитами для свращенія въ латинство трехъ замѣнѣйшихъ родовъ, владѣвшихъ почти всею Литвою и значительными частями западной Руси. Можно сколько угодно заподозрѣвать подробности разказовъ иезуитовъ, но сущность дѣла совершенно согласна съ характеромъ и образомъ первоначальной дѣятельности, ихъ въ западной Россіи. Иезуиты пользовались семейными обстоятельствами магната, затѣмъ увлекали его своими представленіями недостатковъ протестантства и возбуждали сомнѣніе въ достоинствѣ его вѣрованій; наконецъ, пользуясь минутами релігіознаго настроенія магната, убѣждали его перейти въ то исповѣданіе, которое устраняетъ всѣ сомнѣнія. Были бы эти лица въ православіи, поучились бы они въ православной школѣ, хоть у князя Острожскаго, то не такъ легко было бы совратить ихъ, какъ не легко было совратить самаго этого князя. Но протестантство тѣмъ именно и было слабо, что отвергало нѣкоторыя вѣрованія христіанскія, съ которыми невозможно расстаться строгому христіану.

Къ сказанному прибавимъ, что, какъ мы видѣли, актъ обращенія въ латинство иезуиты старались дѣлать какъ можно торжественнѣе, публичнѣе, по очень понятной причинѣ. Мы увидимъ ниже, что иезуиты

будутъ добиваться и семейными, и ученими, и политически-религіозными путями совращенія князя Острожскаго; для этой цѣли будетъ употреблено все искусство лучшихъ представителей ордена; и все-таки оно падетъ предъ несокрушимой твердостію вѣри князя, какъ сокрушалось оно два вѣка предъ геройскою твердостію русскаго простаго народа, крѣпко полюбившаго свою вѣру. И въ этой-то борьбѣ лучшихъ представителей латинства, можетъ-быть, съ очень слабымъ, по религіозному образованію, представителемъ православія окажется незамѣримое превосходство православія предъ латинствомъ.

А. Демьяновичъ.

(Окончаніе будетъ).

УЧЕНІЕ АРИСТОТЕЛЯ «О ДУШѢ» (περί ψυχῆς) ВЪ СВЯЗИ СЪ УЧЕ- НІЕМЪ О НЕЙ СОКРАТА И ПЛАТОНА¹⁾.

О воображеніи (φαντασία), памяти (μνήμη) и припоминаніи (ἀνάμνησις).

Послѣ Сократа разработка психологическихъ вопросовъ и ученія о душѣ быстро подвинулась впередъ, благодаря тому, что подмѣчена была самостоятельная дѣятельность души, дѣйствующей по своимъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ дѣйствія вещества. Черезъ это открыта была широкая область для наблюденій и изученія. Наблюдателю открылись самыя разнообразныя явленія душевной жизни, которыя прежде не обращали почти на себя вниманія мыслителей. „Намъ данъ природою разумъ, говоритъ Сократъ; при помощи его мы разсуждаемъ о всѣхъ предметахъ, воспринятыхъ нашими чувствами; имѣя способность памяти, мы стараемся удерживать нужныя представленія; изобрѣтаемъ многое, а черезъ это пользуемся тѣмъ, что намъ полезно, и отвращаемся отъ того, что вредно“²⁾). Платонъ въ „Теэтетъ“ и „Филебъ“ показалъ, какая длинная и разнообразная работа совершается въ душѣ уже послѣ того, какъ послѣдуетъ ощущение. Для того, чтобы совершалась въ душѣ указанная дѣятельность, не необходимо бываетъ присутствіе и непосредственное дѣйствіе на насъ внѣшняго предмета; предметъ можетъ отсутствовать въ данную минуту. Дѣятельность души совершается въ этомъ случаѣ при помощи памяти и припоминанія. Сократъ первый указалъ на значеніе памяти и припоминанія въ нашей душевной жизни и дѣятельности. Платонъ открылъ и законъ дѣйствія въ насъ памяти и припоминанія.

¹⁾ Окончаніе. См. Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія за июль 1871 года.

²⁾ Memorabil. W. 3, 11. Το δὲ καὶ λογισμὸν ἡμῖν ἐμφῶσαι, φ, περί ὧν αἰσθανόμεθα, λογιζόμενοι τε καὶ μνημονεύοντες, καταμανθάνομεν, ἕκη ἐκάστα συμφέρει, καὶ πολλὰ μηχανώμεθα, δι' ὧν τῶν τε ἀγαθῶν ἀπολαύομεν καὶ τὰ κακὰ ἀλεξόμεθα.

Древніе мыслители, по свидѣтельству и убѣжденію Платона и Аристотеля, допускали ту ошибку, что мысль и ощущеніе отождествляли. Платонъ въ „Теэтетъ“ обличаетъ въ этомъ главнымъ образомъ софиста Протагора. Но то же дѣлала, по его свидѣтельству, дѣлая школа древнихъ мыслителей. Аристотель указываетъ на того же Протагора. Онъ не называетъ его по имени, но высказываетъ его положеніе, именно: „всѣ предметы таковы, какими они намъ кажутся“¹⁾. Но главнымъ образомъ Аристотель указываетъ на Эмпедокла. Его называетъ по имени и указываетъ его положеніе: „Всѣ это положенія, которыя растутъ въ человѣкѣ въ присутствіи предмета“²⁾.

Ложные выводы, которые дѣлалъ Протагоръ изъ положенія, что „всѣ предметы таковы, какими они намъ кажутся“, послужили для Платона поводомъ къ написанію замѣчательнаго діалога „Теэтетъ“, или „о знаніи“. Въ этомъ діалогѣ Платонъ съ замѣчательнымъ умѣніемъ и съ глубокимъ психологическимъ анализомъ доказываетъ, что „знаніе“ и „ощущеніе“ отождествлять нельзя. Потребовалось сначала точно опредѣлить ощущеніе. Въ анализѣ ощущеній оказалось, что мы мыслимъ и познаемъ общее (κοινόν) и отличное (ἐστέρον) въ такихъ ощущеніяхъ, которыя переданы намъ чрезъ различные тѣлесные органы. Это дѣйствіе простирается не только на ощущенія настоящія, но и на прошедшія. Не говоря уже объ ощущеніяхъ прошедшихъ, самыя современныя ощущенія должны продлить на нѣкоторое время свое существованіе въ насъ для того, чтобы мы могли мыслить и познавать въ нихъ общее и различное. Опытъ дѣйствительно показываетъ, что если мы, рассмотрѣвши какой-либо предметъ, закроемъ свои глаза, то находимъ въ себѣ образъ этого предмета и продолжаемъ какъ бы видѣть его. Этотъ образъ продолжаетъ существовать въ насъ неопредѣленное время, такъ что послѣ, спустя долгое время, мы встрѣчаемъ въ своей мысли тотъ же образъ. Это самое даетъ намъ возможность свободно располагать запасомъ ощущеній, избирать по произволу тѣ изъ нихъ, которыя намъ нужны, и сопоставлять ихъ по своему желанію. Запасъ ощущеній, который имѣетъ въ большей или меньшей мѣрѣ каждый, Платонъ сравниваетъ съ „кѣткою“, наполненною птицами. Въ выборѣ воспоминаемыхъ ощущеній мы можемъ ошибаться и для извѣстнаго знанія можемъ воспользоваться ощущеніемъ совершенно не тѣмъ, которое нужно намъ въ данномъ случаѣ. Положеніе Протагора ошибочно въ томъ отношеніи,

¹⁾ De anim. 3, 3, 2.

²⁾ De anim. 3, 3, 1.

что то, „что намъ кажется“, можетъ быть произвольно и ошибочно составлено нами изъ нашего запаса ощущеній. Оно можетъ быть составлено ошибочно и должно только потому, что мы выбрали на этотъ разъ и сопоставили не тѣ ощущенія, которыя нужно было выбрать. Часто въ нашей власти находится сдѣлать то, чтобы предметъ казался намъ инымъ. Стремленіе наше должно быть направлено къ тому, чтобы познать предметъ такъ, какъ онъ дѣйствительно существуетъ. Этому мы можемъ достигнуть при помощи той же мысли, которая, дѣйствуя свободно, приводитъ насъ нерѣдко къ заблужденіямъ и ошибкамъ. Такимъ-то образомъ Платонъ старался доказать, что „знаніе (ἐπιστήμη) не одно и то же съ ощущеніемъ (αἴσθησις)“. Въ ощущеніи требуется, чтобы предметъ непосредственно дѣйствовалъ на чувственный органъ. Въ мысли присутствіе предмета въ данную минуту предъ нами не необходимо. Для мысли не требуется этого потому, что она имѣетъ дѣло непосредственно съ образами предметовъ и ощущеніями, сохраняемыми памятью. Чувство чрезъ непосредственное дѣйствіе на него предмета дѣйствуетъ произвольно и пассивно. Поэтому, ощущенія, какъ ощущенія, всегда истинны, напримеръ, ощущеніе блага, краснаго и проч. То-есть, ощущенія слѣдуютъ закону необходимости и независимы отъ нашей воли; они всегда одинаковы и говорить объ ошибочности ихъ, собственно говоря, излишне. Мысль дѣйствуетъ произвольно; поэтому, мысль можетъ быть и бываетъ не рѣдко ошибочна.

То же различіе между ощущеніемъ и мыслию выставляетъ и Аристотель. „Чувствомъ, говорить онъ, мы не познаемъ ни будущаго, ни прошедшаго, во всегда настоящее“¹⁾. Ощущеніе cadaго чувства въ отдѣльности всегда истинно, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, и притомъ всѣмъ животнымъ; размышленіе же допускаетъ и ошибку“²⁾.

Мысль и размышленіе взяты были выше въ обширномъ смыслѣ въ противоположность ощущеніямъ, получаемымъ чрезъ тѣлесные органы. Подъ именемъ мысли разумѣлась вся обширная познавательная дѣятельность души, которая слѣдуетъ послѣ ощущеній. Но какъ Платонъ, такъ и Аристотель, въ дальнѣйшей послѣ ощущеній познавательной дѣятельности души отличаютъ нѣсколько видовъ этой дѣя-

¹⁾ De Memor. 1, 449, В. Ταύτη (αἴσθησις) γάρ οὔτε τὸ μέλλον οὔτε τὸ γένόμενον γνωρίζομεν, ἀλλὰ τὸ παρὸν μόνον.

²⁾ De anim. 3, 3, 3. Ἡ μὲν αἴσθησις τῶν ἰδίων ἀεὶ ἀληθής καὶ πᾶσιν ὑπάρχει τοῖς ζῴοις, διανοεῖσθαι δ' ἐνδέχεται καὶ ψευδῶς.

тельности, различныхъ между собою по характеру проявленія. Платонъ такъ представляетъ дѣло въ „Тестетѣ“ и „Политикѣ“. Вся разнообразная и длинная познавательная дѣятельность души, о которой мы говорили выше, направлена къ тому, чтобы приобрести истинное знаніе. Эта дѣятельность начинается съ ощущеній, чрезъ которыя мы познаемъ внѣшніе предметы. Мы ничего не можемъ мыслить и знать о томъ предметѣ, который никогда не воспринять нами въ ощущеніи. Въ этомъ смыслѣ и ощущеніе есть уже нѣкотораго рода знаніе. Но относительно тѣхъ предметовъ, которые мы восприняли чрезъ чувства, мы говоримъ, что одни изъ нихъ мы дѣйствительно знаемъ, другихъ же не знаемъ. Въ послѣднемъ случаѣ знаніе понимается въ тѣсномъ смыслѣ. Подъ нимъ разумѣется нѣчто иное, чѣмъ въ первомъ случаѣ, гдѣ знаніе принято въ обширномъ смыслѣ. По убѣжденію Платона, мы имѣемъ знаніе (въ тѣсномъ смыслѣ слова) тогда, когда знаемъ истинно существующее. Мы уже видѣли, что обыкновенно разумѣетъ Платонъ подъ истинно существующимъ. Истинно существующее, говорилось тамъ, есть существующее всегда и вездѣ одинаковымъ образомъ, само себѣ равное, однородное, торжественное и проч. Образы предметовъ, постоянно измѣняющихся,—образы, которые мы воспринимаемъ чувствами и сохраняемъ въ памяти, не составляютъ знанія въ указанномъ сейчасъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе и эти образы нельзя причислять къ совершенному незнанію, коль скоро они восприняты въ ощущеніи и сдѣлались достояніемъ нашей познающей души. Платонъ называетъ ихъ предметомъ „мнѣнія“ (δόξα). Это нѣчто среднее между знаніемъ и незнаніемъ и находится съ ближайшей связи съ ощущеніемъ ¹⁾. Для перехода отъ мнѣнія къ истинному знанію есть ступень. Эта ступень, по объясненію Платона, есть занятіе и упражненіе въ знаніи геометрическомъ или развитіе способности размышленія (διανοία) ²⁾. Всѣ эти виды дѣятельности познающей души получаютъ свой характеръ и свое названіе, смотря по тому, съ чѣмъ имѣетъ дѣло и къ чему направляется внутренняя сила, дѣйствующая на пути къ познанію. Есть въ душѣ способность, на которой зиждется и при которой одной возможна вся вышеупомянутая сложная и разнообразная дѣятельность души, стремящейся къ по-

¹⁾ Symp. 202, A. Ἔστι δὲ δὴ που τοιοῦτον ἡ ὀρθὴ δόξα, μεταξύ φρονήσεως καὶ ἀφροσύνης. Rep. Lib. V, 477, A. Ὁμοῦν ἐπὶ μὲν τῷ ὄντι γνώσις ἢ, ἀγνωσία δ' ἐξ ἀνάγκης ἐπὶ τῷ μὴ ὄντι, ἐπὶ τῷ μεταξύ δὲ τούτῳ μεταξύ τι καὶ ζητητέον ἀγνοίας τε καὶ ἐπιστήμης εἰ τι τοῦχάνη ὄν τοιοῦτον.... Ἄρ' οὖν λέγομέν τι δόξαν εἶναι.

²⁾ De Rep. Lib. VII. 523 и слав. 533.

знанію. Какъ мы уже сказали, это — память (въ обширномъ смыслѣ слова), которая дѣлаетъ насъ владѣтелями всего богатаго запаса ощущеній. Платонъ представилъ особенное метафизическое ученіе о памяти и припоминаніи въ связи съ ученіемъ объ умѣ и идеяхъ¹⁾. Главнѣе основаніе, на которомъ утверждается метафизическое ученіе Платона о памяти, состоитъ, съ одной стороны, въ томъ, что человекъ не можетъ указать въ своей жизни предѣла, съ котораго онъ началъ помнить; съ другой — въ томъ, что человекъ находитъ въ себѣ такое знаніе, о которомъ онъ знаетъ, что не приобрѣлъ его при помощи чувствъ. Для объясненія и доказательства втораго пункта, Платонъ ссылается на примѣры такого рода. Чувства, говоритъ онъ, передаютъ намъ о равныхъ деревьяхъ, о равныхъ камняхъ и проч., но не передаютъ намъ „о равномъ“. Идею послѣдняго мы имѣемъ такую, съ которою не могутъ сравниться равные предметы, переданные намъ чрезъ чувства. По ученію Платона, знаніе идей мы приносимъ съ собою въ эту жизнь изъ прежней. Чувства только пробуждаютъ въ насъ это знаніе. Но о метафизическомъ ученіи о памяти и припоминаніи можетъ быть особенное разсужденіе, которое здѣсь неумѣстно. Платонъ представилъ опытъ и психологическаго изслѣдованія памяти.

Въ психологическомъ анализѣ памяти Платонъ столкнулся, между прочимъ, съ воображеніемъ. Воображеніе занимаетъ первое мѣсто послѣ ощущеній. Человекъ находитъ въ себѣ образы предметовъ, видѣнныхъ имъ, или слышанныхъ, или другимъ чувствомъ воспринятыхъ. О воображеніи Платонъ говоритъ въ „Теэтетъ“ и „Филебъ“. Въ томъ и другомъ діалогѣ онъ образно представляетъ происхожденіе сохраняющихся въ насъ чувственныхъ образовъ. Въ „Теэтетъ“ онъ представляетъ въ душѣ cadaго матерію подобную воску, на которой отпечатлѣваются внѣшніе предметы²⁾. Здѣсь же сравниваетъ онъ душу съ „доскою“, на которой мы, какъ-бы перстнемъ, напечатлѣваемъ для памятованія нѣкоторыя изъ вещей видѣнныхъ, или слышанныхъ, или вымышленныхъ нами самими. Въ „Филебъ“ онъ говоритъ, что „память и чувство, стекаясь въ одно со аффектами, оттуда зависящими, пишутъ нѣкоторымъ образомъ слова на нашей

¹⁾ Phaed. 74, A. и слѣд. 90, 76, B.

²⁾ Teetet. 191, C. D. Ἐν ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν ἐνὸν κήρινον ἐκμάγετον, καὶ ἐς τοῦτο, ὅ τι ἂν βούληθεμεν μνημονεύσαι ὡς ἂν ἴδωμεν ἢ ἀκούσωμεν ἢ αὐτοὶ ἐνοήσωμεν, ὑπέχοντας ἀπὸ ταῖς αἰσθήσεαι καὶ ἐνοιαῖς, ἀποτοποθεῖσαι, ὡσπερ δακτυλῶν στίμματα ἐνεστημινομένων καὶ ὁ μὲν ἂν ἐκμάτῃ μνημονεύειν τε καὶ ἐπιστάσθαι.

душѣ; а живописецъ (воображеніе) послѣ письменна наиртываетъ на нашей душѣ образы вещей, продиктованные душою“¹⁾. Видно, что Платонъ имѣлъ предъ собою оригинальное явленіе (присутствіе въ насъ образовъ тѣхъ предметовъ, которые мы или видѣли, или слышали, или восприняли инымъ какимъ-нибудь чувствомъ, или наконецъ, сами выдумали), но не могъ дать этому явленію много объясненій, кромѣ образнаго представленія происхожденія въ насъ явленія.

Къ заслугѣ Платона относится то, что онъ, уловивъ какое-либо душевное явленіе, слѣдилъ за нимъ дальше. Образы предметовъ, отпечатлѣвшіеся въ нашей душѣ вышеуказаннымъ путемъ, лишь во временамъ вызываются въ насъ чрезъ воспоминаніе. Въ актѣ воспоминанія образовъ Платонъ подмѣчаетъ слѣдующее. „Не навѣсто ли тебѣ, говоритъ онъ въ „Федонѣ“, что друзья, видя лиру, платье, или что-либо другое, обыкновенно употребляемое ихъ любезными, испытываютъ слѣдующее: они узнаютъ лиру и въ мысляхъ представляютъ любимаго человѣка, которому принадлежитъ она“²⁾. Такимъ же образомъ, кто часто видитъ Симиаса, тотъ воспоминаетъ „о Кевисѣ“, (котораго обыкновенно видѣлъ съ Симиасомъ). „При видѣ нарисованнаго кося или нарисованной лиры можно вспомнить о человѣкѣ, и при видѣ нарисованнаго Симиаса можно вспомнить о Кевисѣ и о самомъ Симиасѣ“. „Подобныхъ примѣровъ можно, говоритъ Платонъ, найти множество“. Изъ этихъ примѣровъ онъ заключаетъ, что, во-первыхъ, „каждый, увидѣвъ что-нибудь, или услышавъ, или другимъ чувствомъ воспріавъ, узнаетъ не одно это, но приходитъ къ мысли о томъ, знаніе чего не то же, а отлично отъ перваго“³⁾; во-вторыхъ, „это знаніе, которое есть воспоминаніе, вызывается въ насъ какъ подобными (ἀφ' ὁμοίων), такъ и неподобными предметами“ (ἀπ' ἀνομοίων)⁴⁾.

1) Phaed. 39, A. Ἡ μνήμη ταῖς αἰσθήσεσι συμπίπτουσα εἰς πρῶτον, καθεύειν ἂν περὶ ταῦτά ἐστι τὰ παθήματα φαίνονται μοι σχεδὸν ὡς γράφειν ἡμῶν ἐν ταῖς ψυχαῖς τότε λόγους Ibid. 39, B. Ζωγράφον, ὅς μετὰ τὸν γραμματιστὴν τῶν λεγομένων εἰκόνας ἐν τῇ ψυχῇ τούτων γράφει.

2) Phaed. 73, D. Οὐλοῦν οἶσθα, ὅτι οἱ ἐρασταί, ὅταν ἴδωσι λύραν ἢ ἱμάτιον ἢ τι ἄλλο, οἷς τὰ παιδικὰ αὐτῶν εἶωθε χρῆσθαι, πάσχουσι τοῦτο· ἐγνωσάν τε τὴν λύραν καὶ ἐν τῇ διανοίᾳ ἔλαβον τὸ εἶδος τοῦ παιδός, οὗ ἦν ἡ λύρα; τοῦτο δ' ἐστὶν ἀνάμνησις.

3) Phaed. 73, C. Ἐάν τις τι ἕτερον ἢ ἰδῶν ἢ ἀκούσας ἢ τίνα ἄλλην αἰσθήσιν λαβὼν μὴ μόνον ἐκεῖνο γινῶ, ἀλλὰ καὶ ἕτερον ἐνοήσῃ, οὐ μὴ ἡ αὐτὴ ἐπιστήμη, ἀλλ' ἄλλη, ἀρ' οὐχὶ τοῦτο δικαίως λέγομεν, ὅτι ἀνεμνήσθη οὐ τὴν ἐνοσίαν εἶλαβε;

4) Phaed. 74, A. Ἀρ' οὖν οὐ κατὰ πάντα ταῦτα συμβαίνει τὴν ἀνάμνησιν εἶναι μὲν ἀφ' ὁμοίων, εἶναι δὲ καὶ ἀπ' ἀνομοίων;

Платонъ считается нужнымъ сдѣлать (въ діалогѣ „Филебъ“) разграниченіе между „памятью“ и „припоминаніемъ“. Память, говоритъ онъ, есть „храненіе ощущенія“ (*σωτηρία αἰσθήσεως*)¹⁾. „Припоминаніе же бываетъ тогда, когда душа, сосредоточившись сама въ себя и безъ тѣла, возвращается то, что прежде чувствовала съ тѣломъ“²⁾. Платонъ настаиваетъ здѣсь на томъ, что въ воспоминаніи обнаруживается чисто душивная дѣятельность. На этомъ основаніи онъ, какъ мы увидимъ ниже, доказываетъ, что и всѣ желанія, даже и тѣ, которыя называютъ обыкновенно тѣлесными, принадлежать душѣ, а не тѣлу; ибо желаніе, говоритъ онъ, возможно только при воспоминаніи желаннаго предмета. Въ „Филебѣ“ Платонъ обстоятельно разбираетъ значеніе памяти и припоминанія въ нашей душевной жизни, особенно въ развитіи нашихъ душевныхъ волеизвѣній и страстей.

Въ послѣднемъ анализѣ воспоминанія Платонъ находитъ, что оно стоитъ въ самой тѣсной связи съ дѣятельностію разума. „Знаніе, по словамъ Платона, есть припоминаніе“³⁾. Въ припоминаніи замѣчено Платономъ дѣйствіе того же закона, который найденъ въ дѣятельности нашего разума. Разумъ познаетъ и мыслитъ подобное и неподобное. Знаніе въ воспоминаніи вызывается подобными и неподобными предметами.

Аристотель, отвергнувъ ученіе Платона объ „идеяхъ“, отвергъ и метафизическое ученіе послѣдняго о припоминаніи. Замѣчательно, что въ трактатѣ Аристотеля о душѣ нѣтъ ученія о памяти и припоминаніи. Въ трактатѣ находится лишь ученіе о воображеніи. Изъ способностей души, которыя относятся къ приобританію познанія, Аристотель перечисляетъ слѣдующія: ощущеніе, мнѣніе, знаніе, умъ. Сюда же относятся, по словамъ Аристотеля и воображеніе, какъ

1) Phileb. 34, В. Σωτηρίαν τοίνυν αἰσθήσεως τὴν μνήμην λέγων ὀρθῶς ἂν τις λέγοι, κατὰ γὰρ τὴν ἐμὴν δόξαν. Здѣсь Платонъ ощущеніемъ называетъ такое «движеніе» въ тѣлѣ, которое дѣлается общимъ для души и тѣла. Phileb. 34, А. Ταύτην ἢ αὐτὴν κίνησιν ονομάζω αἰσθῆσιν.

2) Phileb. 34, В. Μνήμη δ' ἀνάμνησις ἄρ' αὐτὴ διαφέρουσαν λέγομεν;... "Ὅταν ἂ' μετὰ τοῦ σώματος ἔλασχε, ποθ' ἢ ψυχὴ ταύτ' ἄνευ τοῦ σώματος αὐτῆ ἐν ἑαυτῇ ὅτι μάλιστα ἀναλαμβάνη, τότε ἀναμνησθεῖσθαι ποῦ λέγομεν.

3) О знаніи, какъ припоминаніи, Платонъ говоритъ во многихъ діалогахъ, особенно въ „Федонѣ“, «Теететѣ» и «Менонѣ». Въ послѣднемъ представляетъ онъ оригинальный опытъ, который Сократъ дѣлаетъ надъ работъ для доказательства, что «знаніе есть припоминаніе». Мен. 82, В. и слѣд. Платонъ настаиваетъ на томъ, что указанный взглядъ на знаніе, какъ припоминаніе, былъ основною и отличительною у Сократа.

одна изъ способностей познавательнымъ (μία τις ἐστὶ τοῦτων δυνάμις ἢ ἔξις) ¹⁾.

Послѣ того, какъ Аристотель отличилъ мысль отъ ощущенія (ἐκ τούτων ἐστὶ τὸ ἀνοιδανόμη καὶ τὸ φρονεῖν), онъ перешелъ тотчасъ въ разсмотрѣнію „воображенія“ (φαντασία). Раньше этого (въ началѣ третьей книги) Аристотель посвящаетъ двѣ главы окончанію ученія объ ощущеніяхъ. Нѣкоторымъ латинскимъ толкователямъ Аристотеля, между прочимъ Аверроэсу и Альберту, непонятнымъ казалось перенесенію Аристотелемъ окончанія ученія объ ощущеніяхъ въ третью книгу, гдѣ говорится объ умѣ. Они начинали третью книгу трактата о душѣ не иначе, какъ съ четвертой главы, то-есть, съ ученія объ умѣ ²⁾. Въ первыхъ трехъ главахъ третьей книги Аристотель разсуждаетъ объ ощущеніяхъ общихъ и случайныхъ и о воображеніи. Мы уже знаемъ, что въ упомянутыхъ сейчасъ ощущеніяхъ Аристотель видитъ начало проявленія самостоятельной дѣятельности души; именно — въ способности судящей (κρίτικόν). По словамъ Аристотеля и Платона, тамъ возможны уже ошибки, гдѣ дѣйствуетъ мысль. Такимъ образомъ ошибочное дѣйствіе въ познаніи ставится у Аристотеля и Платона отличительнымъ признакомъ присутствія мысли, дѣйствующей свободно, въ противоположность ощущеніямъ тѣлеснымъ, которыя всегда истинны — въ силу установленной природою необходимости происхожденія ихъ. Аристотель говоритъ, что въ ощущеніяхъ случайныхъ можетъ уже начаться и ошибка ³⁾. Тѣмъ болѣе она возможна въ ощущеніяхъ общихъ ⁴⁾. Если Аристотель допустилъ дѣятельность души мыслящей и судящей въ ощущеніяхъ, то тѣмъ болѣе имѣетъ право на это воображеніе. Дѣйствительно, Аристотель называетъ воображеніе одною изъ способностей, чрезъ которыя мы судимъ и познаемъ истинное, равно и ошибаемся ⁵⁾. „Воображеніе, говоритъ Аристотель, бываетъ

¹⁾ De anim. 3, 3, 6. Ταῦτα (δυνάμις) δ' εἰσὶν αἰσθησις, δόξα, ἐπιστήμη, νοῦς. Μία τις ἐστὶ τοῦτων δυνάμις ἢ ἔξις (φαντασία). Подъ «знаніемъ» (ἐπιστήμη) въ отличіе отъ «ума» (νοῦς) Аристотель понимаетъ то, что Платонъ называлъ «знаніемъ геометрическимъ» или «размышленіемъ» (διανοία), въ отличіе отъ знанія «диалектическаго» или знанія, припадающаго уму (νοῦς).

²⁾ Barthélemy Saint-Hilaire. Traité de l'ame, 252 стр.

³⁾ De anim. 3, 3, 12. Δεύτερον δὲ τοῦ δομβεβηχέναι: ταῦτα καὶ ἐνθαῦτα ἢ δὲ ἐνθάδε: διαφεύδουσιν.

⁴⁾ De anim. 3, 3, 12. Περὶ ἡ μάλιστα ἢ δὴ ἐστὶν ἀπαιτούμενα: κατὰ τὴν αἰσθησιν.

⁵⁾ De anim. 3, 3, 6. Μία τις ἐστὶ τοῦτων δυνάμις ἢ ἔξις, καθ' ἣν κρίνομεν καὶ ἀληθεύομεν ἢ ψευδόμεθα.

и ошибочно¹⁾. Такимъ образомъ Аристотель имѣлъ основаніе перенести въ третью книгу трактата окончаніе ученія объ ощущеніяхъ и воображеніи. Этимъ онъ показалъ связь ума съ ощущеніями и воображеніемъ. Убѣжденіе свое объ этой связи онъ выразилъ въ ученіи объ умѣ, гдѣ онъ говоритъ, что тотъ, кто бываетъ погруженъ въ мысленное созерданіе, необходимо совершаетъ какой-либо образъ; умственные рисунки не могутъ быть безъ образовъ²⁾.

Говоря объ ощущеніяхъ, мы замѣтили, что Аристотель останавливается исключительно на ощущеніяхъ, полученныхъ нами отъ внѣшнихъ предметовъ чрезъ внѣшнія чувства. И въ ученіи о другихъ способностяхъ познающей души Аристотель обращается по преимуществу къ образамъ, полученнымъ чрезъ тѣ же внѣшнія чувства. Платонъ же, когда говоритъ о воображеніи и памяти, беретъ во вниманіе всякаго рода движеніе, происходящее въ нашемъ тѣлѣ, коль скоро оно доходитъ до сознанія души и дѣлается достояніемъ послѣдней. Видное мѣсто даетъ онъ въ этомъ случаѣ душевнымъ волненіямъ и страстямъ. Быть можетъ, воображеніе потому и обратило на себя особенное вниманіе Аристотеля, что оно имѣетъ дѣло по преимуществу съ образами внѣшнихъ предметовъ. Самое производство слова „воображеніе“ (*φαντασία*) напоминаетъ Аристотелю о чувствѣ зрѣнія. Аристотель объяснилъ и производство самаго слова: *φαντασία*. Названіе это заимствовано, говоритъ онъ, отъ воспріятія чувствомъ зрѣнія. *Φαντασία* происходитъ отъ „φάνω;“—свѣта³⁾, который необходимъ въ ощущеніяхъ зрѣнія.

Аристотель беретъ объяснить то, что Платону представлялось объяснимымъ не иначе, какъ только при помощи образнаго представленія. Онъ сначала далъ такое опредѣленіе воображенія: „оно есть способность, о которой мы говоримъ, что чрезъ нее мы имѣемъ какой-нибудь образъ“ (*καὶ ἢν λέγομεν φαντασία τι ἡμῖν γίγνεσθαι*). Но это опредѣленіе тотчасъ же онъ называетъ метафорическимъ (*κατὰ μεταφωρίαν*)⁴⁾. Вопросъ объ образахъ, остающихся въ насъ и послѣ того, какъ предметъ отстраненъ отъ насъ, занималъ Аристотеля еще въ отдѣлѣ объ ощущеніяхъ. Аристотель усиливается понять прежде всего физическую возможность задержки въ насъ образовъ отъ предметовъ,

¹⁾ De anim. 3, 3, 8. Ἔστι γὰρ φαντασία καὶ ψευδής.

²⁾ De anim. 3, 8, 3. Ὅταν τε θεωρῆ, ἀνάγκη ἅμα φαντασά τι θεωρεῖν. Οὐκ ἄνευ φαντασμάτων (τὰ πρῶτα νοήματα).

³⁾ De anim. 3, 3, 14. Ἐπεὶ δ' ἡ ὀψις μάλιστα αἰσθητικὸς ἐστὶ καὶ τὸ ὄνομα ὑπὸ τοῦ φάνω; ἀλλήλων, ὅτι ἄνευ φωτός οὐκ ἐστὶν ἰδεῖν.

⁴⁾ De anim. 3, 3, 6 Καὶ μὴ εἰ τι κατὰ μεταφωρίαν λέγομεν.

подѣйствовавшихъ на насъ. Было сказано, что въ ощущеніи ни воспринимаемъ формы предметовъ безъ матеріи. Возможность такого воспріятія обуславливается „посредствующимъ“, о которомъ было также сказано. Отъ предмета аффекируется прежде всего посредствующее. Органъ, ощущающій, который принимаетъ дѣйствіе предмета уже чрезъ посредствующее, не можетъ соприкасаться непосредственно съ матеріей предмета, отдѣленного отъ него посредствующимъ. Благодаря тому, что каждый чувственный органъ имѣетъ въ себѣ самомъ, въ своей природѣ, тотъ элементъ, который вѣтъ его составляетъ посредствующее, чувственный органъ дѣлается причастнымъ дѣйствію на него предмета, аффекируется. Движеніе, начавшееся отъ предмета, проходя чрезъ посредствующее, проникаетъ въ органъ, имѣющій въ себѣ элементъ посредствующаго. Если же такъ, то возможность продолженія существованія образовъ въ чувственномъ органѣ и послѣ того, какъ самый предметъ устраненъ, становится понятною. Органъ, который воспринимаетъ цвѣтъ, или то, что имѣетъ цвѣтъ, „самъ имѣетъ цвѣтъ“, говоритъ Аристотель. „Каждый чувственный органъ (αἰσθητήριον) способенъ, добавляя оное, воспринимать чувственный предметъ безъ матеріи“¹⁾. Поэтому - то, продолжаетъ Аристотель, въ чувственныхъ органахъ и существуютъ ощущенія и образы и послѣ того, какъ удалены бывають предметы чувственныя. Въ главѣ о воображеніи Аристотель не даетъ другаго объясненія существованія въ насъ образовъ въ отсутствіи предметовъ, кромѣ сейчасъ высказаннаго. „Воображеніе, опредѣляетъ Аристотель, есть движеніе, произведенное чрезъ находящееся въ дѣйствіи ощущеніе“²⁾. Хотя Аристотель не говоритъ, какого рода движеніе разумѣетъ онъ въ данномъ случаѣ, однако мы, на основаніи сопоставленія мѣстъ изъ трактата, убѣждаемся въ томъ, что Аристотель говоритъ о движеніи, которое относится къ матеріальному міру вещей. Нѣсколько выше приведеннаго нами опредѣленія воображенія Аристотель такъ выражается: „такъ какъ приведенному въ движеніе свойственно самому приводить въ движеніе, то и воображеніе есть, кажется, движеніе“³⁾.

¹⁾ De anim. 3, 2, 3. Ἐτι δὲ καὶ ὁρῶν (χρῶμα ἢ τὸ εἶχον) ἐστὶ ὡς κεχρωμάτισται. Τὸ γὰρ αἰσθητήριον δεκτικὸν αἰσθητοῦ ἀνευ τῆς ὕλης ἕκαστον. Διὸ καὶ ἀπαλλθόντων τῶν αἰσθητῶν ἐνεσίου αἱ αἰσθήσεις καὶ φαντασίαι ἐν τοῖς αἰσθητήρισις.

²⁾ De anim. 3, 3, 13. Ἡ φαντασία ὄν εἰν κίνησις ὑπὸ τῆς αἰσθήσεως τῆς κατ' ἐνέργειαν γιγνομένη. Ibid. 3, 3, 11. Ἡ δὲ φαντασία κίνησις τις δοκεῖ εἶναι καὶ οὐκ ἀνευ αἰσθήσεως γίνεσθαι.... κίνησις ὑπὸ τῆς ἐνεργείας τῆς αἰσθήσεως.

³⁾ De anim. 3, 3, 11. Ἐπειδὴ ἐστὶ κινηθέντος τοῦδὲ κινῆσθαι ἕτερον ὑπὸ τοῦτου, ἢ δὲ φαντασία κίνησις τις δοκεῖ εἶναι.

Далѣе, въ главѣ о воображеніи занимаетъ Аристотеля вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ отличается воображеніе отъ другихъ способностей познающей души. Въ этомъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ подоб- ныхъ, Аристотель пользуется аналитическимъ приемомъ выдѣленія раз- снотриваемой имъ способности изъ ряда другихъ способностей.

Воображеніе не есть, во первыхъ, ощущение ¹⁾. Ощущеніе принима- ется или какъ „возможность“ или какъ „дѣйствіе“; напримѣръ, зрѣніе (ὄψις) принимается или какъ вообще способность „видѣть“ (которая остается возможностью дѣйствовать и въ то время, когда не дѣйствуетъ), или какъ „видѣніе“ (ὄρασις), то-есть, какъ зрѣніе въ дѣй- ствіи. Неприемлемо это въ воображенію. Образы являются въ насъ, на- примѣръ, во снѣ, о которомъ сказано выше, что ощущеніе во время сна находится только въ возможности дѣйствовать. Далѣе, ощущеніе, какъ способность, всегда присуще намъ. Мы всегда, когда захотимъ, можемъ пользоваться чувственными органами. Нельзя сказать этого о воображеніи. Притомъ воображеніе принадлежитъ не всѣмъ живот- нымъ. Ощущеніе, напротивъ, принадлежитъ всѣмъ. Ощущенія, какъ было сказано, всегда истинны. Воображеніе бываетъ и ошибочно.

Далѣе, воображеніе отлично отъ способности, которой принадле- житъ истинное знаніе, именно отъ ума ²⁾. Это очевидно изъ того, что воображеніе бываетъ истинно и ложно; знаніе же ума, напротивъ, не- погрѣзимо. Кромѣ того, воображеніе имѣютъ нѣкоторые изъ живот- ныхъ, разума же не имѣетъ ни одно изъ нихъ. Ошибочно бываетъ еще „мнѣніе“. Но воображеніе не нужно смѣшивать и съ мнѣніемъ. Последнему постоянно сопутствуетъ „вѣрованіе“ (πίστις), такъ же, какъ разуму сопутствуетъ убѣжденіе; но воображеніе принадлежитъ и жи- вотнымъ, о которыхъ нельзя сказать, что они имѣютъ вѣрованіе.

Здѣсь не излишне, кажется, замѣтить, что Аристотель, отдѣляя воображеніе отъ другихъ познавательныхъ способностей, не имѣлъ намеренія представить его совершенно независимымъ отъ нихъ. Самъ Аристотель говоритъ о зависимости дѣятельности воображенія отъ дѣйствія чувства, равно — о связи воображенія съ другими спо- собностями. Здѣсь же замѣтимъ, что если когда-либо существовало ученіе о способностяхъ, какъ отдѣльныхъ агентахъ, существующихъ въ самой душѣ, то ученіе Аристотеля о способностяхъ сюда не от- носится. Аристотель способность воображенія, какъ и другія, напри- мѣръ, память и воспоминаніе, называетъ иначе, „привычкой“, „на-

¹⁾ De anim. 3, 3, 4.

²⁾ De anim. 3, 3, 8.

выбранъ" (ἔξω), а слѣдовательно, считаетъ тѣмъ - то приобрѣтенимъ. Онъ ставитъ существованіе и дѣйствіе способностей въ зависимости отъ устройства тѣла. Какъ Платонъ, такъ и Аристотель считали тѣло, какъ матерію, пассивно принимающимъ движеніе, откуда бы оно ни пронестало. Движеніе въ тѣлѣ, часто повторяющееся въ одномъ направленіи, самое тѣло или часть его приспосабливаетъ къ себѣ: въ тѣлѣ является привычка дѣйствовать такъ, а не иначе — подъ вліяніемъ силы, устремляющейся и дѣйствующей на него.

О памяти и припоминаніи написаны у Аристотеля двѣ главы, которыя не помѣщены въ его трактатѣ „о душѣ“. Эти главы написаны послѣ написанія трактата о душѣ. Это видно изъ того, что въ одной изъ этихъ главъ Аристотель указываетъ на трактатъ „о душѣ“.

„Ощущенію принадлежитъ, говоритъ Аристотель, настоящее, надеждѣ—будущее, а памяти—прошедшее“¹⁾. Аристотель такъ же, какъ и Платонъ, считаетъ нужнымъ отличать память (μνήμη) отъ воспоминанія (ἀνάμνησις). Память Платонъ называетъ „хранилищемъ ощущенія“. Въ „Теэтетѣ“ онъ поставилъ память въ зависимость отъ свойствъ той субстанціи, на которой нанечатлѣваются образы всего, ощущаемаго нами. Самую субстанцію онъ представилъ здѣсь матеріальною. Актъ нанечатлѣнія на ней образовъ онъ описываетъ образно чрезъ подобіе²⁾. Аристотель память ставитъ въ тѣсную связь съ воображеніемъ; воображеніе же онъ объясняетъ изъ матеріальнаго движенія чувственныхъ образовъ, матеріально задерживаемыхъ въ чувственномъ органѣ. „Нужно, говоритъ онъ, знать, что чрезъ ощущеніе въ душѣ (Платонъ самую душу представилъ на этотъ разъ матеріальною субстанціей) и въ той части тѣла, которая ее (душу) имѣетъ, нанечатлѣвается нѣкоторый аффектъ, который нужно считать подобнымъ изображенію“³⁾. „Ясно, — говоритъ онъ также, — что память имѣетъ мѣсто въ той части души, въ которой помѣщается воображеніе“⁴⁾. Аристотель называетъ память, равно какъ и воображеніе, „привыч-

¹⁾ De memor. 1, 449, 6. Ἡ δὲ μνήμη τοῦ γενομένου. Ibid. Τοῦ μὲν παρόντος αἰσθήσεως, τοῦ δὲ μέλλοντος ἐλπίς, τοῦ δὲ γενομένου μνήμη.

²⁾ Teetat. 191, C. Ἐν ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν ἐνὸν χέρηνον ἐκμαστειόν, τῷ μὲν μεῖζον, τῷ δ' ἔλαττον καὶ τῷ μὲν καθαρωτέρου κηροῦ, τῷ δὲ κοπιωωτέρου καὶ σκληρωτέρου, ἐνίοις δὲ ὑγροτέρου, ἔστι δ' οἷς μέτρως ἔχοντας.

³⁾ De memor. 1, 450, a. Δῆλον γάρ, ὅτι δεῖ νοῆσαι τοιοῦτον τὸ γινόμενον διὰ τῆς αἰσθήσεως ἐν τῇ ψυχῇ καὶ τῷ μορίῳ τοῦ σώματος τῷ ἔχοντι αὐτὴν οἷον ζωγράφημα τι τὸ πάθος.

⁴⁾ De memor. 1, 450, a. Τίνος μὲν οὖν τῶν τῆς ψυχῆς ἐστὶν ἡ μνήμη, φανερόν, ὅτι οὐκ ἐπὶ καὶ ἡ φαντασία.

кой¹⁾). И въ памяти, какъ и въ воображеніи, Аристотель имѣетъ дѣло съ образами, получаемыми по преимуществу отъ внѣшнихъ предметовъ. Кажется, онъ находилъ весьма удачнымъ представленіе о происхожденіи ощущенія, какъ отпечаткѣ, который подобенъ отпечатку на воскѣ отъ давленія перстня. Это представленіе заимствовано Аристотелемъ у Платона изъ указаннаго нами выше мѣста діалога „Теэтетъ“. Аристотель повторяетъ упомянутое представленіе о происхожденіи ощущенія и въ ученіи о памяти, какъ надлежащее представленіе сущности дѣла²⁾). При помощи даннаго выше объясненія происхожденія ощущенія и памяти, Аристотель объясняетъ и то, отъ чего тѣ не владѣютъ памятью, которые, по причинѣ какаго-нибудь душевнаго волненія или по силѣ возраста, подвергаются дѣйствию слишкомъ разнообразнаго движенія. „Движеніе и отпечатокъ падаютъ въ это время какъ бы въ текучую воду“ (καθάπερ ἐν εἰς ὕδωρ ῥέον)³⁾, говоритъ Аристотель. И дѣти, и старики потому, между прочимъ, не имѣютъ памяти, что они находятся въ состояніи измененія, подобнаго теченію рѣки, — одни по причинѣ роста, другіе — отъ движенія въ тѣлѣ, противоположнаго росту⁴⁾.

Относительно памяти занимаетъ Аристотеля далѣе слѣдующій вопросъ: помнимъ ли мы дѣйствіе предмета, напечатлѣвшагося въ насъ какъ образъ, или — самый предметъ, отъ котораго произошло дѣйствіе⁵⁾. Если мы допустимъ, что мы помнимъ дѣйствіе или аффектъ, то мы не можемъ, говоритъ Аристотель, помнить ничего таковаго, что въ данную минуту не присутствуетъ предъ нашими глазами. Если же мы допустимъ, что мы помнимъ самый предметъ, то значитъ мы помнимъ то, чего не ощущаемъ непосредственно и что отъ насъ удалено. Нужно допустить первое, говоритъ Аристотель, потому что, если отъ ощущенія предмета осталось въ насъ напечатлѣніе, какъ бы нѣкоторое изображеніе, то почему намъ нужнѣе помнить другое, а не этотъ отпечатокъ? Дѣйствительно, тотъ обращается въ воспріимъ къ напечатлѣвшемуся въ немъ аффекту и какъ бы снова ощущаетъ его, кто вспоминаетъ что-нибудь. Остается только рѣшить: какинъ обра-

¹⁾ De memog. 1, 450, a. Φαμέν τὴν εἶναι μνήμην εἶναι.

²⁾ De memog. 1, 450, a. Ἡ γὰρ γενόμενῃ κίνησις ἐνεσημαίνεται οἷον τύπον τινα τοῦ αἰσθητάτος, καθάπερ οἱ σφραγισμένοι τοῖς δακτυλίοις.

³⁾ De memog. 1, 450, b. Καθάπερ ἐν εἰς ὕδωρ ῥέον πίπτουσης τῆς κινήσεως; καὶ τῆς σφραγίδος.

⁴⁾ De memog. 1, 450, b. Ρέουσι γὰρ οἱ διὰ τὴν ἀδείαν, οἱ δὲ διὰ τὴν φθίσιν.

⁵⁾ De memog. 1, 450, b. Πότερον τοῦτο μνημονεύει τὸ πάθος ἢ ἐκεῖνο ἐφ' οὗ εἰτέ-
υετο.

зомъ мы помнимъ то, что отсутствуетъ въ данную минуту? Вѣдь въ такомъ случаѣ можно допустить, что можно и видѣть и слышать, не имѣя предъ собой предмета видимаго или слышимаго?

Платонъ призналъ въ природѣ нашей души способность знать и вспоминать то, чего мы не ощущаемъ непосредственно въ известную минуту и что не находится предъ нашими глазами. Способность эта дѣйствуетъ, слѣдуя закону, по которому подобное вызываетъ въ насъ знаніе и воспоминаніе подобнаго. Аристотель не замедлилъ воспользоваться объясненіемъ, даннымъ Платономъ, для рѣшенія поставленнаго выше вопроса. Вотъ въ какомъ духѣ онъ излагаетъ это объясненіе. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто что-нибудь помнитъ, въ то время, когда помнить, сосредоточиваетъ свое вниманіе на чувственномъ отпечаткѣ вспоминаемаго; онъ какъ-бы снова ощущаетъ и воспринимаетъ его. Но такъ какъ слова воспринимаемый въ памяти чувственный отпечатокъ есть образъ или подобіе иного, отъ чего онъ отпечатался, то помнящій мыслить и судить двояко объ образѣ, на которомъ сосредоточиваетъ свое вниманіе: ображаясь къ нему, какъ къ ощущенію съ полнымъ значеніемъ послѣдняго, онъ въ то же время мыслить о немъ, какъ объ образѣ или подобіи иного, что отсутствуетъ, и знаетъ это иное, хотя не ощущаетъ непосредственно самаго предмета. Подобіе-то воспринимаемаго въ памяти отпечатка и даетъ возможность переноситься къ самому предмету ¹⁾. При помощи такого значенія въ памяти и воспоминаніи подобія, мы достигаемъ того, что, при взглядѣ на изображеніе какой-нибудь, напримѣръ, местности, мы думаемъ объ изображеніи, какъ о подобіи иного, и переносимся мыслію къ этому иному даже и въ томъ случаѣ, если бы мы никогда не видѣли его. Равнымъ образомъ бываетъ, что сумасшедшіе передаютъ, какъ о дѣйствительно случившемся, о томъ, что составлено ихъ собственнымъ воображеніемъ и что никогда не существовало. Платонъ говорилъ, что мы всё дѣлаемъ то же самое, когда должно думать о предметѣ. То-есть, мы воображаемъ, какъ дѣйствительно существующее, то, что никогда и нигдѣ не существовало, кромѣ нашей мысли и нашего воображенія.

Аристотель не высказываетъ мысли, которая отчетливо высказана у

¹⁾ De memor. 1, 450, b. Οἷον γὰρ τὸ ἐν τῇ ψυχῇ γηραμένον τὸ ζῆλον ἐστὶ καὶ εἰκὼν, καὶ τὸ αὐτὸ καὶ ἐν τοῦτ' ἐστὶν ἄμφω, τὸ μὲντοι εἶναι οὐ ταυτὸν ἀμφοῖν καὶ ἐστὶ θεωρεῖν καὶ ὡς ζῆλον καὶ ὡς εἰκόνα, οὕτω καὶ τὸ ἐν ἡμῖν φάντασμα δεῦ ἰκλαθεῖν καὶ ταῦτο τι καθ' αὐτὸ εἶναι θεωρημα, καὶ ἄλλου φάντασμα. Ἡ μὲν γὰρ καθ' αὐτὸ θεωρημα. ἢ φάντασμα ἐστὶν, ἢ δ' ἄλλου, οἷον εἰκὼν καὶ μνημόνευμα.

Платона,—что воспоминаніе по подобію и сходству свойственно одной душѣ, но ея природѣ. Аристотель старается объяснить память изъ движенія въ насъ образовъ. Поэтому, въ ученіе „о памяти“ онъ не-реноситъ нѣчто такое, что у Платона отнесено къ „воспоминанію“. Аристотель говоритъ, между прочимъ, что память принадлежитъ и нѣкоторымъ изъ животныхъ. Мы сомнѣваемся, чтобы какому-нибудь животному принадлежала память въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ ее Аристотель; именно, мы сомнѣваемся, чтобы животное, при видѣ изображенія чего-нибудь, вспоминало изображаемый предметъ съ отчетливымъ различіемъ, что воспоминаемое есть иное, чѣмъ то, что его напоминаетъ. Обыкновенно представляется, что чувственный образъ, который мы вспоминаемъ часто спустя долгое время послѣ того, какъ восприняли его въ ощущеніи, хранится въ насъ. Принято приписывать это храненіе образа памяти. Память, какъ храненіе образа, Платонъ относитъ, кажется, не къ душѣ, а къ субстанціи тѣлесной. Воспоминаніе, напротивъ, онъ относитъ къ самодѣятельности души.

Хотя Аристотель и отнесъ къ памяти нѣчто такое, что Платонъ и общее сознаніе относитъ къ воспоминанію, тѣмъ не менѣе Аристотель не теряетъ изъ виду воспоминанія, какъ отличнаго отъ памяти. Въ главѣ „о воспоминаніи“ онъ старается опредѣлить границы между памятью и воспоминаніемъ. „Воспоминаніе, говоритъ онъ, отличается отъ памяти не только временемъ, но и тѣмъ, что памяти причастны многія изъ другихъ животныхъ; о воспоминаніи же нельзя сказать, чтобы ему было причастно какое-либо изъ извѣстныхъ намъ животныхъ, кромѣ человѣка. Причина этому та, что воспоминаніе есть нѣкоторый силлогизмъ: ибо кто вспоминаетъ что-нибудь или видѣнное, или слышанное, или испытанное прежде, тотъ умазаключаетъ, и это есть нѣкотораго рода изысканіе. Это дано природою однимъ тѣмъ, которымъ присуща способность произвольнаго хотѣнія, ибо хотѣніе (свободный выборъ) есть нѣкотораго рода умозаклученіе“¹⁾. Въ этомъ опредѣленіи воспоминанія, какъ изысканія и умозаклученія, слышится

¹⁾ De reminisc. 2, 463, A. Διαφέρει δὲ τοῦ μνημονεύειν τὸ ἀναμνησθεῖν οὐ μόνον κατὰ τὸν χρόνον, ἀλλ' ὅτι τοῦ μὲν μνημονεύειν καὶ τῶν ἄλλων ζῶων μετέχει πολλά, τοῦ δ' ἀναμνησθεῖν οὐδὲν ὡς εἰπεῖν τῶν γῶριζομένων ζῶων, πλὴν ἀνθρώπου. αἴτιον δ' ὅτι τὸ ἀναμνησθεῖν ἐστὶν οἷον συλλογισμὸς τις· ὅτι γὰρ πρότερον εἶδεν ἢ ἤκουσεν ἢ τι τοιοῦτον ἔπαθε, συλλογίζεται· ὁ ἀναμνησκόμενος, καὶ ἐστὶν οἷον ζήτησις τις. τοῦτο δ' οἷς καὶ τὸ βουλευτικὸν ὑπάρχει, φύσει μόνους συμβέβηκεν· καὶ γὰρ τὸ βουλευθεῖν συλλογισμὸς τις ἐστὶν.

то высокое понятіе о воспоминаніи и его значеніи въ области познаниа, которое высказано Платономъ и еще прежде Сократомъ. Извѣстно уже намъ положеніе, которое Платонъ передаетъ отъ лица Сократа, что „знаніе есть припоминаніе“. У Платона Сократъ представляется научающимъ юношество воспоминанію. Въ „Тестетѣ“ Сократъ свое занятіе сравниваетъ съ занятіемъ своей матери—повивальной бабки, которая только помогаетъ благополучному рожденію дитяти. Но это воспоминаніе, которому научалъ Сократъ, было истиннымъ изысканіемъ въ рѣшеніи весьма важныхъ вопросовъ. Сократъ указывалъ на воспоминаніе и свободный выборъ, равно — на умъ, съ которымъ то и другое стоитъ въ тѣсной связи, какъ на отличіе человѣка отъ животныхъ.

Въ ученіи „о воспоминаніи“, представленномъ древними мыслителями, замѣчательно то, что Платонъ подмѣтилъ законъ воспоминанія „по подобію“, Аристотель же — законъ воспоминанія „по смежности“. О воспоминаніи „по подобію“ или „сходству“ было сказано выше. Воспоминаніе „по смежности“ состоитъ въ томъ, что предметы, воспріятыя нами въ ощущеніи вмѣстѣ или одинъ вслѣдъ за другимъ, вспоминаются вмѣстѣ, такъ что воспоминаніе одного влечетъ за собой воспоминаніе другаго. При помощи воспоминанія „по смежности“ мы легко можемъ вспомнить цѣлый рядъ предметовъ, воспріятыхъ нами въ ощущеніи въ одно время, такъ что одинъ предметъ будетъ вызывать въ воспоминаніи другой, рядомъ съ нимъ воспріятый; этотъ, въ свою очередь, будетъ вызывать въ памяти слѣдующій и т. д. Аристотель для нагляднаго примѣра беретъ первыхъ семь буквъ алфавита ¹⁾: α, β, γ, δ, ε, ζ, η. Кто вспомнить, напримѣръ, δ, тотъ легко вспомнить и ε, а затѣмъ и ζ и т. д.; равно послѣ δ легко можетъ вспомнить и γ, а потомъ и β. Напротивъ, тѣ же самыя предметы не легко и не всегда съ успѣхомъ можетъ вспомнить тотъ, кто въ воспоминаніи не будетъ слѣдовать, порядку, въ которомъ предметы были воспріяты въ ощущеніи. Въ написанныхъ выше буквахъ, воспоминаніе, напримѣръ, η послѣ δ не такъ легко, какъ воспоминаніе ε, которое смежно δ. Воспоминаніе „по смежности“ Аристотель объясняетъ движеніемъ въ насъ образовъ. Если одинъ изъ образовъ приходитъ въ движеніе, то движется и другой, воспріятый нами вмѣстѣ съ первымъ. Въ этомъ движеніи инициатива можетъ принадлежать и самой душѣ, хотя иногда движеніе можетъ зависѣть

¹⁾ De memori et reminisc. 2, 452, a.

и отъ предшествующаго движенія, начало котораго можетъ и не принадлежать душѣ.

Замѣтимъ здѣсь, что въ открытіи Платономъ закона воспоминанія „по сходству“ и „подобію“, Аристотелемъ же — закона воспоминанія „по смежности“ высказался отличительный характеръ и направленіе изслѣдующаго духа каждаго изъ этихъ двухъ мыслителей въ изслѣдованіяхъ о душѣ. Тотъ и другой стоятъ на почвѣ направленія, даннаго въ изученіи души Сократомъ. Платонъ стремится отмѣтить тѣ явленія нашей внутренней жизни, въ которыхъ выражается самостоятельная и независимая отъ тѣла дѣятельность души; на примѣръ: въ дѣйствіи внѣшнимъ чувствъ — познаніе общаго и отличнаго въ ощущеніяхъ, въ дѣятельности памяти — воспоминаніе „по сходству“ и по „подобію“. Аристотель въ самыхъ движеніяхъ, замѣчаемыхъ въ тѣлѣ, видитъ выраженіе дѣйствія души и стремится изучать душу въ этихъ движеніяхъ. Не много, повидимому, явленій душевныхъ, въ которыхъ неоспоримо выражается независимая отъ тѣла и его вліаній дѣятельность души; не легко бываетъ ихъ отмѣтить и тѣмъ болѣе изолировать и обобщить. Но коль скоро эти душевныя явленія бывають отмѣчены мыслителемъ и удачно обобщены при помощи анализа, мыслитель тотчасъ становится на твердую почву въ такой наукѣ, какъ ученіе о душѣ, и смѣло безъ колебаній продолжаетъ изученіе предмета, не рискуя встрѣтить разочарованіе въ истинномъ значеніи своего труда. Напротивъ, изучающаго душу въ связи съ тѣломъ, — въ движеніяхъ и жизни послѣдняго встрѣчаетъ разнообразіе явленій, особенно въ широкомъ царствѣ животныхъ. Но мыслитель можетъ быть и увлеченъ этимъ разнообразіемъ явленій и внести въ избранную имъ область наблюденій то, что этой области не принадлежитъ. Такимъ образомъ онъ можетъ объяснить явленія изъ принциповъ, которыми въ дѣйствительности они не могутъ быть объяснены. Такой мыслитель допускаетъ нерѣдко излишнее и неумѣстное, а слѣдовательно, и не методическое расширеніе объема понятія. Послѣднее замѣчаніе можетъ, кажется, быть приложено и въ психологическимъ изслѣдованіямъ Аристотеля.

Объ умѣ (νοῦς).

Ученіе Аристотеля „объ умѣ“ считалось и считается весьма важнымъ. Оно занимаетъ обыкновенно толкователей болѣе, чѣмъ другіе отдѣлы трактата Аристотеля о душѣ.

Среди схоластиковъ возникъ сильный споръ о безсмертіи души на

основаніи ученія Аристотеля объ умѣ. Толкователь философіи Аристотеля, Грекъ Александръ Афродисскій отвергалъ безсмертіе души на основаніи ученія Аристотеля объ умѣ; напротивъ, другой толкователь философіи Аристотеля, арабскій мыслитель Аверроэсъ, на основаніи того же ученія Аристотеля объ умѣ, доказывалъ безсмертіе души. Одни изъ схоластиковъ приняли сторону Александра Афродисскаго, другіе стали на сторонѣ Аверроэса. „Totus fere terrarum orbis, zamъчаетъ Фицинъ, a peripateticis occupatus, in duas plurimum sectas divisus est — Alexandrinam et Averroicam. Illi quidem intellectum nostrum esse mortalem existimant, hi vero unicum esse contendunt, utrique religionem omnem funditus aequae tollunt“¹⁾. Аристотель въ 5-й главѣ 3-й книги трактата „о душѣ“ раздѣляетъ умъ на „дѣятельный“ (ποιητικός) и „страдательный“ (παθητικός). Первый онъ называетъ безсмертнымъ (ἀθάνατος) и вѣчнымъ (αἰδιος); второй, напротивъ, — смертнымъ и подлежащимъ разрушенію (φθαρτός). Это-то ученіе Аристотеля объ умѣ и послужило поводомъ къ недоразумѣніямъ и спору среди схоластиковъ. Но это же ученіе Аристотеля объ умѣ „дѣятельномъ“ и умѣ „страдательномъ“ и доселѣ составляетъ предметъ недоразумѣній для толкователей и объ этомъ-то считаютъ нужнымъ писать и рассуждать и до сего времени. Это видно изъ сочиненій, написанныхъ по поводу трактата Аристотеля о душѣ²⁾.

По нашему мнѣнію, отдѣлъ объ умѣ у Аристотеля есть одинъ изъ слабыхъ отдѣловъ трактата о душѣ. Онъ написанъ особенно отрывочно и сжато. Это понятно. Аристотель, какъ мы видѣли, опредѣлилъ душу „энтелехией“ тѣла. Поэтому, онъ изучаетъ ее на столько, на сколько она выражаетъ себя въ жизни тѣла и движеніяхъ, совершающихся въ тѣлѣ. Умъ же, по ученію Аристотеля, есть нѣчто отличное отъ тѣла и не смѣшивается съ тѣломъ (χωριστικὴ ἀμιγής, ἀπαθή). Такимъ образомъ, для Аристотеля нѣтъ здѣсь почвы и предмета для наблюденія.

Схоластикомъ занимало ученіе Аристотеля объ „умѣ“ по преимуществу съ метафизической стороны. Самъ же Аристотель въ трактатѣ о душѣ имѣлъ въ виду изложить главнымъ образомъ психологическое ученіе объ „умѣ“. Последнее (которое въ настоящее время

¹⁾ In Prooem. ad. ed. Plotin.

²⁾ Ribbentrop, Aristotelis Νοῦς.—Wolf, Aristotelis de intellectu agente et patiente doctrina.—Stärke, Die Lehre von Νοῦς behandeln.—Brentano, Die Psychologie des Aristoteles insbesondere reine Lehre von Νοῦς ποιητικός.

заслуживаетъ большаго интереса, чѣмъ ученіе метафизическое) не вполне высказывается и отмѣчается тѣми, которые писали „объ умѣ по ученію Аристотеля“ въ наше и ближайшее къ намъ время. Они ограничиваются большею частію объясненіемъ терминовъ Аристотеля: *νοῦς κοιντός* и *νοῦς καθ'ἑαυτόν*. Нужно сознаться, что, при краткости и отрывочности изложеннаго Аристотелемъ ученія объ умѣ, трудно уловить и оцѣнить психологическія замѣтки его объ немъ. Мы надѣемся сдѣлать это съ помощію принятаго нами способа изложенія мыслей Аристотеля, выраженныхъ въ его трактатѣ „о душѣ“; то-есть, мы будемъ обращаться къ мыслямъ, высказаннымъ о томъ же предметѣ предшественниками Аристотеля, особенно Платономъ.

Приступая къ изложенію ученія объ умѣ, Аристотель допускаетъ, какъ несомнѣнное, существованіе предметовъ „умственныхъ“ (*νοητά*). Умъ, говоритъ онъ, есть способность воспринимать предметы „умственные“ такъ же, какъ чувства воспринимаютъ предметы „чувственные“ (*αἰσθητά*)¹⁾.

Мы замѣчали уже, что у Платона сдѣлано разграниченіе между предметами чувственными и умственными (первые воспринимаются чувствами, послѣдніе—умомъ). Такое дѣленіе познаваемыхъ предметовъ лежало въ основаніи философіи еще Элеатскихъ мыслителей. Стремленіе отдѣлять предметы, познаваемые однимъ разумомъ, отъ предметовъ, познаваемыхъ чувствами, замѣтно и у другихъ мыслителей. Съ идеей объ умѣ божественномъ, высказанной ясно въ первый разъ Анаксагоромъ и принятой Сократомъ и Платономъ, подъ предметами „умственными“ или познаваемыми умомъ стали понимать то, что напечатлѣлось въ вещахъ отъ ума божественнаго, создавшаго эти вещи. „Думаешь ли ты, спрашиваетъ Сократъ Аристодема, что и въ тебѣ есть умъ?... А въ другихъ предметахъ развѣ нѣтъ нигдѣ слѣдовъ ума, особенно, если обратишь вниманіе на то, что отъ огромной массы земли и въ твоемъ тѣлѣ есть частичка, и отъ обширныхъ водныхъ пространствъ и въ твоемъ тѣлѣ есть часть влаги, и отъ прочихъ великихъ стихій небольшая часть взята для составленія твоего тѣла?“²⁾. Сократъ представлялъ творческую дѣятельность ума божественнаго

¹⁾ De anim. 3, 4, 3. Δεχτικόν δὲ τοῦ εἶδους... καὶ ὁμοίως ἔχειν, ὡς περ τὸ αἰσθητικόν πρὸς τὰ αἰσθητά οὕτω τὸν νοῦν πρὸς τὰ νοητά.

²⁾ Memorab. 1, 4, 8. Σὺ δὲ αὐτὸν φρόνιμον τι δοκεῖς ἔχειν; "Ἄλλοθι δὲ οὐδαμῶς οὐδὲν οἶσι φρόνιμον εἶναι; καὶ ταῦτα ἰδὼς ὅτι γῆς τε μικρὸν μέρος ἐν τῷ σώματι πολλῆς οὐσῆς ἔχεις, καὶ ὕδατος βραχὺ, πολλοῦ ὄντος, καὶ τῶν ἄλλων δῆπου μεγάλων ὄντων ἕκαστου μικρὸν μέρος λαβόντι τὸ σῶμα συνηριστάται σου.

въ мірѣ подобною творческой дѣятельности художника. „Какіе, по твоему мнѣнію, художники, спрашиваетъ того же Аристотеля Сократъ, заслуживаютъ больше удивленія — тѣ ли, кои дѣлаютъ бездушныхъ и не могущихъ двигаться идоловъ, или тѣ, кои изображаютъ одушевленныхъ животныхъ?“ — Арист. Больше тѣ, кои изображаютъ животныхъ, если только это дѣлается не по какому-нибудь безпричинному случаю, а съ намѣреніемъ. — „Изъ тѣхъ произведеній, о которыхъ неизвѣстно, для чего они сдѣланы, и о которыхъ извѣстно, что они сдѣланы для пользы, которыя — дѣло случая, и которыя — опредѣленнаго намѣренія? — „Произведенія, сдѣланныя для пользы, слѣдуетъ приписать извѣстному намѣренію. — „Какъ тебѣ кажется, сотворившій изъ-начала человѣка не для пользы ли его далъ ему органы чувствъ?“ ¹⁾... Платонъ принялъ мысли Сократа о творческой дѣятельности въ мірѣ ума божественнаго. Въ X книгѣ „Политики“ онъ сопоставляетъ дѣятельность Творца въ мірѣ съ тѣмъ, что дѣлаетъ художникъ, когда создаетъ художественное произведеніе. Онъ замѣчаетъ здѣсь, что одинъ Богъ можетъ быть названъ въ собственномъ смыслѣ Творцемъ; художники же, живописцы и проч. суть подражатели ²⁾. Анаксагоръ, высказавшій идею объ умѣ божественномъ, и Платонъ, также вѣроятно, и Сократъ признавали, что матерія, изъ которой созданы всѣ вещи, существовала прежде, чѣмъ произошло созданіе вещей умомъ божественнымъ. Богъ создалъ вещи изъ готоваго уже матеріала, какъ художникъ создаетъ произведеніе изъ готоваго матеріала. Это высказано у Платона въ „Тимей“. Въ этомъ случаѣ Платонъ говоритъ о Богѣ, что Онъ „движущееся безсмысленно изъ безпорядка привелъ въ порядокъ“ ³⁾. Но какъ бы то ни было, Платонъ училъ, что каждая вещь причастна идеи, которая отпечатлѣ-

¹⁾ Метораб. 1, 4, 4. Πότερά σοι δοκοῦσιν οἱ ἀπεργαζόμενοι εἰδῶλα ἀφρονά τε καὶ ἀκίνητα ἀξιοθαυμαστότεροι εἶναι, ἢ οἱ ζῶα ἐμφρονά τε καὶ ἐνεργά; Πολύ, νῆ Δία, οἱ ζῶα εἴπερ γε μὴ τύχη τινί, ἀλλὰ ὑπὸ γνώμης ταῦτα γίνονται. Τῶν δὲ ἀτεκμάρτως ἐχόντων, ὅτου ἐνεχά ἐστι, καὶ τῶν φανερώς ἐπ' ὠφελεία ὄντων, πότερα τύχης καὶ πότερα γνώμης ἔργα κρίνεις; Πρέπει μὲν τὰ ἐπ' ὠφελεία γενομένα γνώμης εἶναι ἔργα. Οὐκοῦν δοκεῖ σοι ὁ ἐξ ἀρχῆς ποιῶν ἀνθρώπους ἐπ' ὠφελεία κροσθεῖναι αὐτοῖς, δι' ὧν αἰσθάνονται;

²⁾ De rep. Lib. X, 586, B. C. Οὐ γὰρ ποῦ τῆν γε ιδεάν αὐτὴν δημιουργεῖ οὐδεὶς τῶν δημιουργῶν.... Ἄλλ' ὄρα δὴ καὶ τὸν δε τίνα καλεῖς τὸν δημιουργόν; Τόν ποιόν; Οὐς πάντα ποιεῖ, ὅσαπερ εἰς ἕκαστος τῶν χειροτεχνῶν.... ὁ αὐτὸς γάρ οὗτος χειροτεχνῆς οὐ μόνον πάντα οἶός τε σκευή ποιῆσαι, ἀλλὰ καὶ τὰ ἐκ τῆς φύσεως ἅπαντα ποιεῖ καὶ ζῶα πάντα ἐργάζεται et caetera.

³⁾ Tim. 29, D. Ἄλλὰ κινούμενον πλημμελῶς εἰς τάξιν ταῦτό ἤγαγεν ἐκ τῆς ἀταξίας.

лась въ вещи и которая есть нѣчто божественное ¹⁾. Эти-то идеи и суть предметы, познаваемые разумомъ и только однимъ разумомъ.

Но это ученіе — метафизическое. Только относительно Сократа нужно замѣтить, что онъ путемъ индукціи пришелъ къ признанію въ мірѣ слѣдовъ ума божественнаго. Замѣчательно въ этомъ случаѣ изслѣдованіе психологическое, начатое еще Сократомъ и продолженное Платономъ. Послѣднимъ открыты въ нашемъ умѣ, отдѣлены и обнаружены знанія, заключающія въ себѣ больше, чѣмъ сколько передаютъ и въ состояніи передать опытъ и наши чувства. Платонъ въ „Федонѣ“ такъ развиваетъ свои мысли объ этомъ предметѣ: „Мы, говоритъ онъ, говоримъ, что есть нѣчто „равное“, разумѣю не кусокъ дерева, равный другому куску, или камень — камню, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ; нѣтъ, а отличное отъ всего этого, равное само по себѣ, самое понятіе равенства: говоримъ это или нѣтъ?“ Разумѣется, говоримъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симміасъ. — „И мы знаемъ его — это равное само по себѣ?“ — Конечно, отвѣчалъ онъ. Откуда же у насъ это знаніе? Не изъ того ли, о чемъ сейчасъ упомянули? Именно, не чрезъ знаніе ли разныхъ или деревьевъ, или камней, или чего-нибудь въ этомъ родѣ пришли мы къ тому отличному отъ перваго знанію? Или оно, по твоему мнѣнію, не отлично? Разсуди еще такъ: не правда ли, что равные камни и деревья иногда хоть и тѣ же самыя, а принимаютъ различный видъ и являются то равными, то неравными?“ — Безъ сомнѣнія. — „Что жъ? Значить, равное само по себѣ

¹⁾ Существуетъ недоразумѣніе въ томъ, суть ли идеи произведеніе ума божественнаго или онѣ существовали до созданія вещей вѣнъ ума божественнаго, какъ и матерія? Въ Тимейъ говорится, что Богъ, «взирая на образцы» (παράδειγμα), создалъ міръ. Это мѣсто заставляетъ думать, что идеи, по мысли Платона, не созданы Творцемъ, а существовали вѣнъ ума божественнаго до созданія вещей. Съ другой стороны, въ «Политикѣ» Платонъ говоритъ, что одинъ Богъ есть истинный творецъ и самыя идеи имъ созданы. Обыкновенно находятъ, что Платонъ въ указанныхъ мѣстахъ допустилъ противорѣчіе. Намъ кажется, что Платонъ принимаетъ оба мнѣнія, высказанныя имъ объ идеяхъ, и не противорѣчить себѣ въ двухъ указанныхъ мѣстахъ. Въ «Тимей» Платонъ называетъ идеями и стихіи. Но можно ли, согласно съ ученіемъ Платона, утверждать, что стихіи не существовали до созданія вещей и созданы диміургомъ? Если нельзя, то, значитъ, есть идеи, которыя не созданы Творцемъ и существовали раньше созданія міра вещей. Въ «Политикѣ» же Платонъ говоритъ объ идеяхъ другаго рода, именно тѣхъ, которыя относятся къ сочетанію стихій въ различныхъ созданіяхъ. Эти идеи онъ называетъ созданіемъ Бога. Въ этомъ случаѣ и Сократъ училъ познавать слѣды ума божественнаго въ цѣлесообразномъ сочетаніи стихій въ твореніяхъ, какъ было сказано выше.

иногда кажется тебѣ неравнымъ? равенство—неравенствомъ?“ — Отнюдь нѣтъ, Сократъ. — „Однако знаніе о томъ равномъ, продолжалъ онъ, ты придумать и получилъ именно отъ этихъ равныхъ, отличныхъ отъ перваго?... Не достаетъ ли имъ чего-нибудь, чтобы быть такими, каково послѣднее (равное само по себѣ), или въ нихъ есть все?“ — Многого недостаетъ, отвѣчалъ онъ¹⁾. Какъ Сократъ такъ и Платонъ называли такого рода знанія воспоминаніемъ. И тотъ и другой эти знанія называли также достояніемъ разума. Платонъ называлъ такія знанія „идеями“, которыя свойственно познавать одному разуму. Такимъ образомъ, и путемъ психологическаго анализа найдено Платономъ, что есть знанія, принадлежащія одному разуму.

Платонъ раскрылъ далѣе, какимъ образомъ получаютъ и могутъ быть получены разумомъ знанія, о которыхъ сказано выше. Въ упомянутыхъ знаніяхъ всегда есть нѣчто, что сообщается чувствами и находится въ ощущеніи. По мысли Платона, знанія, принадлежащія разуму, не могутъ явиться въ насъ безъ участія чувствъ. „И то допустимъ, говоритъ онъ въ „Федонѣ“, что „равнаго“ мы не придумаемъ и не можемъ придумать иначе, какъ чрезъ зрѣніе, осязаніе или какое-нибудь другое чувство; разумѣю всѣ ихъ тождественными.... Стало быть чувства-то и приводятъ насъ къ мысли, что въ нихъ все стремится къ равному и все недостаточнѣе его“²⁾. Какъ ни тѣсно связаны знанія, принадлежащія разуму, съ знаніями, получаемыми чрезъ чувство, первыя отличны отъ послѣднихъ, потому что приобретаются инымъ путемъ. Вотъ какимъ образомъ рассуждаетъ Платонъ

¹⁾ Phaed. 74, A. Β. Φαμέν ποῦ τι εἶναι ἴσον, οὐ ξύλον λέγω ξύλῳ οὐδὲ λίθον λίθῳ οὐδ' ἄλλο τῶν τοιοῦτων οὐδέν, ἀλλὰ παρὰ ταῦτα πάντα ἕτερον τι αὐτὸ τὸ ἴσον φῶμέν τι εἶναι ἢ μὴδέν; φῶμεν μέντοι νη Δί', ἔφη ὁ Σίμμιας, θαυμαστῶς γε. Ἦ καὶ ἐπιστάμεθα αὐτὸ ὃ ἔστιν; Πάνυ γε, ἢ δ' ὄς. Πόθεν λαβόντες αὐτοῦ τὴν ἐπιστήμην; ἄρ' οὐκ ἐξ ὧν νῦν δὴ ἐλέγομεν, ἢ ξύλα ἢ λύθους, ἢ ἄλλ' ἅττα ἰδόντες ἴσα, ἐκ τούτων ἔκεινο ἐνενοήσαμεν, ἕτερον ὄν τούτων; ἢ οὐχ' ἕτερον σοι φαίνεται; σκόπει δε καὶ τῆδε ἄρ' οὐ λόθοι μὲν ἴσοι καὶ ξύλα ἐνίοτε ταῦτα ὄντα τοτὲ μὲν ἴσα φαίνεται, τοτὲ δ' οὐ; πανυ μὲν οὖν. Τί δε; αὐτὰ τὰ ἴσα ἔστιν ἅτε ἄνισά σοι ἐφάνη; ἢ ἡ ἰσότης ἀνισότης; Οὐδεπόποτε γε, φ' Σῶκратες.... Ἄλλὰ μὴν ἐκ τούτων γ, ἔφη, τῶν ἴσων, ἐτέρων ὄντων ἐκείνου τοῦ ἴσου, ὅμως αὐτοῦ τὴν ἐπιστήμην ἐνενοήχας τε καὶ εἰληφας.... Ibid. D. Ἦ ἐνδεὶ τι ἐκείνου τῷ μὴ τοιοῦτον εἶναι, οἷον τὸ ἴσον, ἢ οὐδέν; Καὶ πολὺ γε, ἔφη, ἐνδεὶ.

²⁾ Phaed. 75, A. Ἄλλὰ μὴν καὶ τὸδε ομολογοῦμεν, μὴ ἄλλοθεν αὐτὸ ἐνενοηκέναι μὴδέν δυνατόν εἶναι ἐνοῆσαι ἄλλ' ἢ ἐκ τοῦ ἰδεῖν ἢ ἀψαθαι ἢ ἐκ τίνος ἄλλης τῶν αἰσθήσεων ταῦτόν δε πάντα ταῦτα λέγω.... Ἄλλὰ μὲν δὴ ἐκ γε τῶν αἰσθήσεων δεῖ ἐνοῆσαι ὅτι πάντα τὰ ἐν ταῖς αἰσθήσεσιν ἐκείνου τε ὀρέγεται, τοῦ δ' ἔστιν ἴσον, καὶ αὐτοῦ ἐνδεέστερά ἐστιν.

въ VII книгѣ „Политики“ о познаніи чувственномъ и познаніи умственномъ и объ отличіи того и другаго: „усматриваешь ли ты, что одно въ чувствахъ не вызываетъ размышленія въ изслѣдованію, поелику достаточно ощущивается однимъ чувствомъ, а другое непремѣнно требуетъ изслѣдованія со стороны размышленія, поелику чувство здѣсь не дѣлаетъ ничего здраваго“¹⁾. „Предметъ, не вызывающій размышленія, есть тотъ, который въ то же время не входитъ въ чувство противное, а который входитъ, тотъ я признаю вызывающимъ размышленіе, потому что не болѣе проявляетъ это, какъ и противное этому“²⁾. Съ этого-то момента и начинается дѣятельность разума, которому одному свойственно различеніе. „Вѣдь и зрѣніе видитъ великое и малое, говоритъ тамъ же Платонъ, но видитъ не отдѣльнымъ, а чѣмъ-то слитнымъ.... мышленіе же принуждено бываетъ видѣть великое и малое, вопреки зрѣнію, не слитнымъ, а отдѣльнымъ. И потому-то, заключаетъ Платонъ, одно назвали мы мыслимымъ, а другое видимымъ“³⁾. Разумъ нашъ по своей природѣ стремится различать, или, какъ выражается Платонъ, „мыслить и познавать общее и отличное въ ощущеніяхъ, подобное и неподобное, теже и противоположное“ и пытается узнать — одинъ или два предмета или болѣе двухъ заключаются въ томъ, что слитно передаютъ чувства. Въ этомъ случаѣ разумъ услѣдуетъ особенно чрезъ мышленіе „отъ противоположнаго“, которое свойственно природѣ разума. „Если прекрасное и безобразное противны между собою, говоритъ онъ въ „Тестетѣ“, то ихъ два?... А когда ихъ два, то каждое изъ нихъ не есть ли одно? то же нужно сказать о справедливомъ и несправедливомъ и проч“⁴⁾. Было бы слишкомъ долго выписывать всѣ мѣста изъ произведеній Платона, гдѣ онъ пользуется мышленіемъ отъ противоположнаго, доказываетъ значеніе его и раскрываетъ его природу. Мы упоминали

¹⁾ De rep. Lib. VII, 523, B. Δείκνυμι δὴ (εἶπον), εἰ καθόρας, τὰ μὲν ἐν ταῖς αἰσθήσεσιν οὐ παρακαλοῦντα τὴν νοῆσιν εἰς ἐπισκέψιν ὡς ἰκανῶς ὑπὸ τῆς αἰσθήσεως κρινόμενα, τὰ δὲ παντάπασι διακελευόμενα ἐκείνην ἐπισκέψασθαι, ὡς τῆς αἰσθήσεως οὐδὲν ὀπίε ποιούσης.

²⁾ De Rep. Lib. VII, 523, C. Τὰ μὲν οὐ παρακαλοῦντα, ἣν δ' ἐγὼ, ὅσα μὴ ἐκβαίνει εἰς ἐναντίαν αἰσθησὶν ἅμα τὰ δ' ἐκβαίνοντα ὡς παρακαλοῦντα τίθημι, ἐπειδὴν ἡ αἰσθησις μᾶλλον τοῦτο ἢ τὸ ἐναντίον ἤλοι.

³⁾ De Rep. Lib. VII, 524, C. Μεγα μὴν καὶ ὄψις καὶ σμικρὸν ἑώρα, φάμεν, ἀλλ' οὐ χωρισμένον συγκεχυμένον τι.... μέγα αὐ καὶ σμικρὸν ἢ νόησις ἠναγκάσθη ἰδεῖν, οὐ συγκεχυμένα, ἀλλὰ διωρισμένα, τουναντίον ἢ ἐκείνη.... Καὶ οὕτω δὴ καὶ μὲν νοητὸν, τὸ δ' ὀρατὸν ἐκαλέσαμεν.

⁴⁾ De Rep. Lib. 436, B.

уже, что Платонъ мышление отъ противоположнаго ввелъ въ методъ раціональнаго изслѣдованія.

Такимъ образомъ, знаніе разумное всегда можно отличить отъ знанія чувственнаго: оно заключаетъ въ себѣ больше, чѣмъ сколько передаютъ чувства. Хотя знанія разума стоятъ въ тѣсной связи съ знаніями чувственными, тѣмъ не менѣе они приобрѣтаются иначе, чѣмъ эти послѣднія. Они носятъ на себѣ отпечатокъ своеобразной дѣятельности разума—различающей. На этомъ основаніи Платонъ говоритъ напримѣръ въ „Тимей“, что огонь, воспринимаемый и познаваемый разумомъ, иное, чѣмъ огонь, воспринимаемый чувствами. То же нужно сказать и относительно другихъ стихій.

Платонъ, равно какъ и Сократъ, знанія разума называли воспоминаніемъ. Платонъ объяснялъ, что это воспоминаніе внесено нами изъ жизни до рожденія и явленія нашего въ этотъ міръ. Этимъ онъ доказывалъ безсмертіе нашей души. Если, дѣйствительно, есть у насъ знанія, которыхъ мы не могли получить въ этомъ мірѣ опытно чрезъ наши чувства, то понятно, что существо, которое владѣетъ такими знаніями, представлялось Платону существомъ иного происхожденія, явившимся въ этотъ міръ изъ другаго міра. Уже было замѣчено нами, что какъ Сократъ, такъ и Платонъ дуну въ ея существенной природѣ отождествляли съ разумомъ (νοῦς). Понятно, что Платонъ, говоря о безсмертіи души и доказывая его сущностію знаній, не передаваемыхъ опытомъ чрезъ чувства, разумѣетъ подѣ душою „разумъ“. Въ „Тимей“ Платонъ счелъ нужнымъ высказать о разумѣ, что онъ иного происхожденія, чѣмъ „истинное мнѣніе“, которое всего легче отождествить съ разумомъ. „Мы должны, говоритъ онъ, считать ихъ (νοῦς καὶ δόξα ἀληθής) за два рода, потому что они произошли отдѣльно и имѣютъ не одинаковое свойство.... разуму причастны боги, человѣчeskій же родъ мало что-то“¹⁾.

Аристотель, излагая свое ученіе о способностяхъ, объ одномъ умѣ замѣчаетъ, что онъ составляетъ „иной родъ“ и долженъ быть отдѣленъ отъ тѣла и отъ другихъ способностей. „Умъ, говоритъ онъ, есть, кажется, иной родъ души и онъ только можетъ быть отдѣленъ, какъ безсмертное можетъ быть отдѣлено отъ смертнаго“²⁾. Мы видѣли, что Аристотель разумъ называетъ безсмертнымъ.

¹⁾ Tim. 51, D. Δύο (γένη) δὴ λεχθέν ἐκείνο διότι χωρὶς γέγονατο ἀνομοίως τε ἔχεται. Ibid. 51, E. Νοῦ (μετέχειν) δὲ θεοῦ, ἀνθρώπων δὲ γένος βραχύ τι.

²⁾ De anim. 2, 2, 9. Ἔστιν ψυχῆς γένος ἕτερον (νοῦν) εἶναι, καὶ τούτο μόνον ἐνδέχεται χωρὶς εἶναι, καθάπερ τὸ αἰδίον τοῦ φθαρτοῦ.

Какъ было сказано, разумъ, по ученію Аристотеля, познаетъ предметы, ему одному свойственные (νοητά) и отличные отъ предметовъ чувственныхъ (αἰσθητά). Какіе же это предметы? Оказывается, что Аристотель мыслимымъ и познаваемымъ разумомъ называетъ то же, что называетъ и Платонъ. Для примѣра говорить о „величинѣ“, (μέγεθος), о „прямомъ“ (εὐθύς), о „водѣ“ („ὕδωρ) и проч. Это — тѣ же предметы, которые воспринимаются и познаются и чувствами. Но Аристотель замѣчаетъ, подобно Платону, что иное дѣло — предметъ, воспринимаемый и познаваемый чувствами, и иное — предметъ, воспринимаемый и познаваемый разумомъ, хотя они относятся къ одному и тому же; напримѣръ: знаніе величины, приобретаемое чрезъ чувства, иное, чѣмъ знаніе ея, приобретаемое разумомъ ¹⁾. Аристотель оцѣнилъ въ этомъ психологическое раскрытіе разума и его дѣятельности, сдѣланное Платономъ. Мы уже замѣчали въ отдѣлѣ объ ощущеніяхъ, что слитно передаваемое нашими чувствами, какъ единичное ощущение, душа наша различаетъ. Въ отдѣлѣ „объ умѣ“ говорится, что „разумъ познаетъ“ недѣлимые (ἀδιαίρητα), но недѣлимые не „по количеству“ (κατὰ κόσον), замѣчаетъ Аристотель, а „по виду“ (εἶδει) ²⁾. Для достиженія знанія „недѣлимыхъ“ Аристотель предписываетъ знаніе чрезъ противоположное. „Чрезъ это противоположное, какъ чрезъ отрицаніе (στέρησις) ³⁾, обозначается, замѣчаетъ Аристотель, и пунктъ исходный для дѣленія, и всякое дѣленіе и недѣлимое“. Какъ разумъ познаетъ худое (κακόν) и черное?—спрашиваетъ Аристотель и отвѣчаетъ: „онъ познаетъ это чрезъ противоположное“ ⁴⁾.

Что сейчасъ высказано относительно знаній, приобретаемыхъ разумомъ, и относительно психологическаго объясненія ихъ происхожде-

¹⁾ De anim. 3, 4, 7. Ἄλλο ἐστὶ μέγεθος καὶ τὸ μετρεῖται εἶναι, καὶ ὕδωρ καὶ ὕδατ' εἶναι. Οὕτω δὲ καὶ ἐφ' ἑτέρων πολλῶν. Подъ «μέγεθος» разумѣетъ Аристотель знаніе, приобретенное чувствами; а подъ «τὸ μετρεῖται εἶναι» разумѣетъ знаніе, усвоенное разумомъ.

²⁾ De anim. 5, 6, 4. Τὸ δὲ μὴ κατὰ κόσον ἀδιαίρητον, ἀλλὰ τῷ εἶδει. Въ этомъ случаѣ Аристотель напоминаетъ намъ замѣчаніе Платона, по которому «видъ» не нужно сдѣлывать съ тѣмъ, что обыкновенно называется «частію». Это правило особенно тщательно нужно соблюдать въ «дѣленіи по видамъ». Дѣленіе нужно «продолжать до тѣхъ поръ, пока не получится недѣлимое» (μέχρι τοῦ ἀτμήτου τέμνειν).

³⁾ De anim. 3, 6, 5. Ἡ δὲ στήμη καὶ πᾶσα διαίρεσις, καὶ τὸ οὕτως ἀδιαίρητον δηλοῦται ὡσπερ ἡ στέρησις.

⁴⁾ De anim. 3, 6, 5. Πῶς τὸ κακὸν γινώσκει (λόγος) ἢ τὸ μέλαν, τῷ ἐναντίῳ γὰρ πῶς γινώσκει.

нія, не можеть не обратить на себя особеннаго вниманія и въ настоящее время. Кому извѣстны, какую роль играли въ исторіи философскаго мышленія вопросы о пространствѣ и времени, о безконечности и конечности ихъ, объ опытномъ и не опытномъ ихъ происхожденіи, объ абсолютномъ, о математическихъ знаніяхъ, объ опытномъ и не опытномъ происхожденіи ихъ и проч., тотъ пойметъ значеніе даннаго Платономъ и Аристотелемъ рѣшенія вопросовъ о природѣ знаній, принадлежащихъ разуму, и о психологическомъ происхожденіи этихъ знаній. Аристотель заставляетъ различать недѣлимое (напримѣръ, пространство) въ „количествѣ“ и недѣлимое въ „видѣ“. Оказывается, что это различіе — не маловажное и достигнуто послѣ глубокаго и труднаго психологическаго анализа. Платонъ въ „Федонѣ“ отъ лица Сократа разказываетъ, какъ волновали его различныя недоразумѣнія относительно понятій „большаго и меньшаго“, прилагаемыхъ къ различнымъ предметамъ. „По моему мнѣнію, говоритъ онъ, достаточно правильнымъ казалось мнѣ, что когда великорослый человѣкъ станетъ возлѣ малорослаго, тогда бываетъ выше его пѣлюю головою, равно какъ и конь выше коня. А и того яснѣе, что десять болѣе восьми, ибо прибавилось два, и два локтя болѣе одного, потому что превышаютъ его половиною. Теперь, клянусь Зевсомъ, я далекъ отъ мысли, что причины этихъ вещей мнѣ извѣстны“¹⁾. Послѣ Сократа Платонъ рѣшилъ, что „все великое бываетъ велико и большее больше отъ великости, и меньшее меньше — отъ малости“²⁾. То-есть, разсуждающій имѣетъ въ своемъ разумѣ идеи, изъ которыхъ каждая имѣетъ, говорить Платонъ, значеніе „сама по себѣ“, все же другое, являющееся подъ идеями, отъ нихъ заимствуетъ свое названіе³⁾. „Или, по выраженію Аристотеля, разсуждающій имѣетъ дѣло съ недѣлимымъ „въ видѣ“, которое приобрѣтено нашимъ разумомъ и прилагается къ дѣлимому въ „количествѣ“. При помощи этихъ идей „самихъ по себѣ“, или недѣлимыхъ въ „видѣ“, человѣкъ мыслящій обнимаетъ

¹⁾ Phaed. 96, D. E. Ὅμην γὰρ ἐγὼ γε ἰκανῶς μὴ δοκεῖν, ὅποτε τις φαίνοιτο ἀνθρώπος παραστῆς μέγας μικρῶ μείζων εἶναι αὐτῇ τῇ κεφαλῇ, καὶ ὑπὸς ἵππου. Καὶ ἐτι γε τούτων ἐναργέστερα, τὰ δέκα μοι εἰδοκεῖ τῶν ὀκτὼ πλείονα εἶναι διὰ τὸ δύο αὐτοῖς προσεῖναι, καὶ τὸ δίπηχου τοῦ πηχάσιου μείζων εἶναι διὰ τὸ ἡμίσει αὐτοῦ ὑπερέχειν.... Πόρρω που, ἔφη, νῆ Δι' ἐμὲ εἶναι τοῦ οἰεσθαι περὶ τούτων τοῦ τὴν αἰτίαν εἰδέναι.

²⁾ Phaed. 100, E. Καὶ μεγέθει ἄρα τὰ μεγάλα μεγέλα καὶ τὰ μείζω μείζω, καὶ μικρότητι τὰ ἐλάττω ἐλάττω.

³⁾ Phaed. 102, B. Καὶ ὁμολογεῖτο εἶναι τι ἕκαστον τῶν εἰδῶν καὶ τούτων ἄλλα μεταλαμβάνοντα αὐτῶν τούτων τὴν ἐπωνυμίαν ἴσχειν.

необъятное количество предметовъ, знаетъ, по видимому, безпредѣльное и безконечное. Но эти идеи получены нами не иначе, какъ при первоначальномъ содѣйствіи вѣдшихъ чувствъ самодѣятельностію нашего разума. Послѣдній для отчетливаго представленія идеи мыслить отъ противоположнаго. Черезъ это онъ достигаетъ того, что дѣлается владѣтелемъ знанія безпредѣльнаго по объему и опредѣленнаго въ содержаніи. Какъ ни просто, по видимому, происхожденіе въ насъ идей, какъ его объяснили Платонъ и Аристотель, однакожь какъ Платонъ, такъ и Аристотель, отвергали исключительно чувственное происхожденіе ихъ; „разумъ“, которому свойственно пріобрѣтать идеи по своимъ законамъ, они отличали отъ другихъ способностей и признавали иное происхожденіе его. Вообще въ способности разума „мыслить и познавать общее и отличное въ ощущеніяхъ“, сооставлять ощущенія и сравнивать ихъ между собою они видѣли свободу разума и независимость его отъ всего чувственного. Въ произведеніяхъ Платона (особенно въ „Федонѣ“ и „Политикѣ“) можно видѣть много мѣстъ, гдѣ онъ разсуждаетъ о свободѣ и независимости познающаго разума, а также и о зависимости чувствъ. Послѣднія прикованы какъ-бы къ предметамъ чувственнымъ и нераздѣльно связаны съ ними. Въ знаніяхъ математическихъ наша познающая душа уже начинаетъ освобождаться отъ связи, налагаемой на нее узами чувствъ. Аристотель тоже много говоритъ о томъ, что разумъ независимъ отъ тѣла, бестрастенъ и имѣетъ самодѣятельную природу; чувства, напротивъ, связаны въ своемъ дѣйствіи, страдательны и проч. Чтобы показать отличіе разума отъ ощущеній, Аристотель указываетъ на тотъ наглядный фактъ, что мы совершенно не можемъ ощущать въ то время, когда дѣйствіе предметовъ на наши чувства чрезмѣрно; разумъ, напротивъ, одинаково способенъ бываетъ мыслить предметы мыслимыя. Онъ еще сильнѣе напрягаетъ свою дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда предметы, воспринимаемыя имъ, слишкомъ высоки или слишкомъ ничтожны ¹⁾. „Чувство замѣчаетъ Аристотель, не можетъ дѣйствовать безъ тѣла; умъ же не связанъ тѣломъ“ ²⁾. По представленію и Платона и Аристотеля, умъ нашъ, будучи не матеріаленъ и не связанъ съ тѣломъ, видѣ-

¹⁾ De anim. 3, 4, 5. Ἦ μὲν γὰρ αἰσθητικὸς οὐ δύναται αἰσθάνεσθαι ἐκ τοῦ σφῶδρα αἰσθητοῦ... ἀλλ' ὁ νοῦς, ἔταν τι νόησιν σφῶδρα νοητόν, οὐχ' ἦρτον νοεῖ τὰ ὑποδεέστερα ἀλλὰ καὶ μᾶλλον.

²⁾ De anim. 3, 4, 5. Τὸ μὲν γὰρ αἰσθητικὸν οὐκ ἄνευ σώματος, ὁ δὲ (νοῦς) χωριστός.

ляетъ нематеріальное и себѣ сродное и въ предметахъ вѣншихъ, воспринимаемыхъ нашими тѣлесными органами. Аристотель въ отдѣлѣ объ умѣ постоянно пользуется терминомъ: „отдѣлять“, „отдѣленный“ и пр. (*χωρίζω, χωρίζεις, κχωρισμένα κχωρισμένως, χωριστός*). Для примѣра отдѣленія разумомъ мыслимаго отъ матеріальнаго Аристотель беретъ курносость ¹⁾. Курносость не отдѣлима отъ носа, существующаго на томъ или другомъ лицѣ; слѣдовательно, не воображаема, какъ существующая безъ матеріи. Но разумъ, на сколько мыслить „кривое“, мыслить его отдѣльно отъ матеріи. Такимъ же образомъ мыслятся предметы математическіе ²⁾. И Платонъ, и Аристотель высказываютъ, что разумъ, на сколько мыслить „недѣлимые въ видѣ“ или „идеи сами по себѣ“, не погрѣшаетъ; напротивъ, можетъ погрѣшать и впадать въ ошибки, когда соединяетъ и комбинируетъ недѣлимые ³⁾. „Вспомни, Теэтеть, — говоритъ Платонъ въ диалогѣ этого имени, — говоривалъ ли ты самъ себѣ, что изящное безобразно и справедливое несправедливо?“ ⁴⁾. „Ложное мнѣніе, говоритъ онъ тамъ же, не находится ни въ чувствахъ, взятыхъ отдѣльно, ни въ мысляхъ, но въ соединеніи чувствъ съ мыслями“ ⁵⁾.

Что же такое умъ „дѣятельный“ и умъ „страдательный“, ученіе о которыхъ занимаетъ столь видное мѣсто въ ученіи Аристотеля объ умѣ? Такого ученія мы не находимъ у Платона; да оно и направлено, кажется, противъ ученія Платона. Послѣдній раскрытіе идей въ нашемъ умѣ называлъ воспоминаніемъ того, что мы знали когда-то прежде. Аристотель, говоря объ умѣ „дѣятельномъ“, замѣчаетъ, что ему „несвойственна память, ибо онъ безстрастенъ“ (*οὐ μνημονεύομεν δε, ὅτι τοῦτο μὲν ἀπαθεῖς*). Умъ же „страдательный“ смертенъ и подверженъ разрушенію (*φθαρτός*); слѣдовательно, опять не можетъ быть рѣчи о памяти и воспоминаніи въ смыслѣ Платона. Умъ, по ученію Аристотеля, „подобенъ листу бумаги, на которомъ ничего не

¹⁾ De anim. 3, 7, 7. Ἡ μὲν σιμόν, οὐ κχωρισμένως, ἤ δὲ κοίλον, εἰ τις ἐνόει ἐνεργεία, ἄγε τῆς σαρκὸς ἂν ἐνόει ἐν ἡ τὸ κοίλον.

²⁾ De anim. 3, 7, 4. Οὕτω τὰ μαθηματικά οὐ κχωρισμένα ὡς κχωρισμενα νοεῖ.

³⁾ De anim. 3, 7, 1. Ἡ μὲν οὖν τῶν ἀδιαρέτων νόησις ἐν τοῦτοις, περὶ ἃ οὐκ ἐστὶ τὸ ψεύδος. ἐν οἷς δὲ καὶ τὸ ψεύδος καὶ τὸ ἀληθές, σύνθεσις τις ἤδη νοημάτων ὡσπερ ἐν ὄντων.

⁴⁾ Phaed. 190, B. Ἐνανθήσκου δὴ, εἰ πόποτε εἶπες πρὸς σεαυτὸν, ὅτι παντὸς μάλλον τὸ τοι καλὸν αἰσχρὸν ἐστὶ ἢ τὸ ἀδικὸν δίκαιον.

⁵⁾ Phaed. 195, D. Ὁ Σώκρατες, εὐρηκας δὴ ψευδῆ δοῖσαν, ὅτι οὔτε ἐν ταῖς αἰσθησεσὶν ἐστὶ πρὸς ἀλλήλας, οὔτ' ἐν ταῖς διανοαῖσις, ἀλλ' ἐν τῇ συναφῇ αἰσθησεως πρὸς διανοίαν.

написано" ¹⁾. Выходя изъ этого принципа объ умѣ, Аристотель высказываетъ и относительно ума свою обычную теорію о бытіи „въ возможности“ и бытіи „въ реальности“ или дѣйстви и—другую теорію „о матеріи“ и „причинѣ“ или „формѣ“. „Какъ во всей природѣ, говорить онъ, есть для каждаго рода нѣчто, что составляетъ матерію (то, что составляетъ всѣ предметы въ возможности), а другое — причина и дѣятельное, которому свойственно создавать все, по примѣру искусства, дѣйствующаго во отношеніи къ матеріи; такъ необходимо существуетъ такое же различіе и въ душѣ“ ²⁾. Что значить „быть въ возможности“ и „быть въ реальности“, было уже объяснено прежде. Самъ Аристотель для объясненія прибѣгаетъ къ тому же, что было достаточно объяснено имъ выше. Онъ для нагляднаго примѣра беретъ здѣсь свѣтъ и говоритъ: „Умъ — таковъ, что онъ дѣлается всѣмъ и все дѣлаетъ, какъ какая-нибудь дѣйствующая сила, подобная свѣту. Ибо свѣтъ существующіе въ возможности свѣта дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ существующими въ реальности“ ³⁾. Когда говорилось выше объ огнѣ „въ возможности“ и „въ реальности“, то было высказано, что послѣдній бываетъ въ реальности, въ актѣ, когда прилагается къ сгораемому. Примѣнительно къ этому и умъ бываетъ въ реальности, въ актѣ, когда прилагается къ предметамъ мыслимымъ. „Знаніе въ актѣ, говорить Аристотель, смысливается съ предметомъ, къ которому оно прилагается. Знаніе же въ возможности для одного индивидуума существуетъ по времени раньше“ ⁴⁾. Понятно, что умъ нельзя назвать „страдательнымъ“ въ то время, когда онъ не прилагается еще къ предметамъ мыслимымъ. Къ уму „въ возможности“ относятся прежде всего названія „несмысланный“ (ἀμυγής), „безстрастный“ (ἀπαθής), „отдѣльный“ (χωριστός), „бессмертный“ (αθάνατος), „вѣчный“ (αἰδιος) ⁵⁾. Название „страдательный“ можетъ быть прило-

¹⁾ De anim. 3, 4, 11. Δεῖ δ' οὕτως ὡσπερ ἐν γραμματείῳ ᾧ μηδὲν ὑπάρχει ἐντελέχεια γεγραμμένον. ὅπερ συμβαίνει ἐπὶ τοῦ νοῦ.

²⁾ De anim. 3, 5, 1. Ἐπεὶ δ' ὡσπερ ἐν ἀπάσῃ τῇ φύσει ἐστὶ τι τὸ μὲν ὅλη ἐκάστω γένει (τοῦτο δ' ὁ πάντα δυνάμει ἔχειν) ἕτερον δὲ τὸ αἷτιον καὶ ποιητικόν, τῷ ποιεῖν πάντα, οἷον ἡ τέχνη πρὸς τὴν ὅλην πέπονθεν, ἀνάγκη καὶ ἐν τῇ ψυχῇ ὑπάρχειν ταῦτα τὰς διαφορὰς.

³⁾ De anim. 3, 5, 1. Καὶ ἐστὶν τοιοῦτος νοῦς τῷ παντὶ γίνεσθαι, ὁ δὲ τῷ παντὶ ποιεῖν, ὡς ἕξις τις, οἷον τὸ φῶς. τρόπον γὰρ τίνα καὶ τὸ φῶς ποιεῖ τὰ δυνάμει χρώματα ἐνεργεῖα χρώματα.

⁴⁾ De anim. 3, 5, 2. Τὸ αὐτὸ ἐστὶν ἡ κατ' ἐνεργεῖαν ἐπιστήμη τῷ πράγματι. ἡ δὲ κατὰ δυνάμιν χρόνῳ πρότερα ἐν τῷ ἐνὶ.

⁵⁾ De anim. 3, 4, 3. Ὁ ἄρα καλούμενος τῆς ψυχῆς νοῦς οὐδὲν ἐστὶ ἐνεργεῖα τῶν ὄντων πρὶν νοεῖν.

жедо въ уму не иначе, какъ съ того момента, когда онъ привагается къ предметамъ мыслимымъ и познаваемымъ ¹⁾. Аристотель не сомнѣвается въ томъ, что разумъ бываетъ въ страдательномъ положеніи. Умъ испытываетъ дѣйствіе со стороны предметовъ мыслимыхъ, подобно какъ чувства испытываютъ дѣйствіе предметовъ чувственныхъ. Есть, конечно, и различіе (ἀστρον) между страдательнымъ положеніемъ чувствъ и ума. Последній, во всякомъ случаѣ, не смѣшивается съ тѣломъ ²⁾, что нельзя сказать о чувствахъ. Разумъ имѣетъ дѣло съ „видами“ (εἶδη), или „формами“ ³⁾. Результатъ дѣйствія на разумъ предметовъ мыслимыхъ бываетъ тотъ, что существо мыслящее и предметъ мыслимый смѣшиваются и отождествляются ⁴⁾. Отождествленіе это совершается въ пользу предметовъ мыслимыхъ, равно какъ отождествленіе чувствъ съ предметами чувственными происходитъ въ пользу послѣднихъ. „Знаніе есть въ нѣкоторомъ родѣ предметы, которые познаются, говоритъ Аристотель, равно какъ ощущеніе — предметы ощущаемые“ ⁵⁾.

Итакъ, умъ, коль скоро испытываетъ дѣйствіе предметовъ мыслимыхъ, необходимо дѣлается „страдательнымъ“ (παθητικός). Но въ то же время онъ не остается и самъ бездѣятельнымъ въ силу своей самобытной энергіи ⁶⁾. Умъ „страдательный“ безъ ума „дѣятельнаго“ ничего не мыслить, говоритъ Аристотель ⁷⁾. Здѣсь Аристотель повторяетъ то же, что сказано было имъ объ ощущеніи и душѣ ощущающей. Какъ тамъ было сказано, что актъ ощущенія бываетъ „неполный“, пока чувство испытываетъ страдательное положеніе, такъ и здѣсь нужно сказать объ умѣ, испытывающемъ страдательное положеніе отъ дѣйствія на него предметовъ мыслимыхъ. Въ страдательномъ по-

¹⁾ De anim. 3, 4, 2. Εἰ δὲ ἐστὶ τὸ νοεῖν ὡσπάρ τὸ αἰσθάνεσθαι, ἢ πάσχειν ἂν εἴη ὑπὸ τοῦ νοητοῦ ἢ τι τοιοῦτον ἕτερον. Ibid. 3, 4, 9. Εἰ τὸ νοεῖν πάσχειν τί ἐστὶ, ἢ γάρ τι κοινὸν ἀμφοῖν ὑπάρχει, τὸ μὲν ποιεῖν δοκεῖ, τὸ δὲ πάσχειν.

²⁾ De anim. 3, 4, 4. Οὐδὲ μεμίχθαι εὐλογον αὐτὸν τῷ σώματι.

³⁾ De anim. 3, 8, 3. Ὁ νοῦς εἶδος εἰδῶν. Οὐ γάρ ὁ λίθος ἐν τῇ ψυχῇ, ἀλλὰ τὸ εἶδος. Ibid. 3, 4, 4. Καὶ εὖ δὲ οἱ λέγοντες τὴν ψυχὴν εἶναι τόπον εἰδῶν.

⁴⁾ De anim. 3, 4, 12. Ἐπεὶ μὲν γάρ τῶν ἄνευ ὅλης τὸ αὐτὸ ἐστὶ τὸ νοεῖν καὶ τὸ νοούμενον. Ibid. Ἡ γὰρ ἐπιστήμη ἢ θεωρητικὴ καὶ τὸ οὕτως ἐπιστητὸν τὸ αὐτὸ ἐστίν.

⁵⁾ De anim. 3, 8, 1. Ἔστι δ' ἡ ἐπιστήμη μὲν τὰ ἐπιστητὰ πῶς, ἡ δ' αἰσθησις τὰ αἰσθητὰ.

⁶⁾ De anim. 3, 1, 5. Ὁ δὲ τῷ πάντα ποιεῖν.

⁷⁾ De anim. 3, 5, 2. Ὁ δὲ παθητικὸς νοῦς φθαρτὸς καὶ ἄνευ τούτου (νοῦ ποιητικοῦ) οὐδὲν νοεῖ.

ложении тотчас же открывается и самостоятельность или иной видъ движенія (ἄλλο εἶδος τοῦτο κινήσεως)¹⁾. Вообще въ учении объ умѣ „страдательномъ“ и умѣ „дѣятельномъ“ Аристотель повторяетъ то же, что прежде сказалъ о чувствѣ. Разумъ воспринимаетъ образы²⁾. Эти образы онъ соединяетъ (ταῦτα κωχουρώμενα συντίθεται) и различаетъ (διαφέρει); вообще, разумъ судитъ объ однородномъ и противоположномъ (τὰ ὁμογενῆ κρίνει ἢ τ' ἀνατίᾳ), утверждаетъ и отрицаетъ (καταφέρει ἢ ἀποφέρει), преслѣдуетъ что-нибудь и уклоняется отъ чего-нибудь (διώκει ἢ φύγει). Аристотель высказывается здѣсь ясно, что та же душа, которая въ ощущеніяхъ различаетъ сладкое и теплое³⁾, дѣйствуетъ и здѣсь, то-есть, въ той способности, которую называютъ разумомъ. „И здѣсь нужно, говоритъ Аристотель, сказать о томъ, о чемъ сказано прежде, ибо нѣчто одно составляетъ“; (ἔστι γὰρ ἐν τῇ) дѣйствующее въ томъ и другомъ случаѣ⁴⁾.

Такимъ образомъ, Аристотель въ вышензложенномъ ученіи объ умѣ „дѣятельномъ“ и „страдательномъ“, хотѣлъ представить лишь свое психологическое ученіе о душевной способности, обыкновенно называемой разумомъ, о ея дѣятельности и явленіяхъ, сюда относящихся. Въ этомъ ученіи онъ высказалъ опытно-разумную мысль, которую послѣ повторилъ Спиноза, что „все существующее, сталкиваясь и приходя въ соприкосновеніе съ другимъ, принимаетъ и испытываетъ аффектъ отъ этого другаго и само въ свою очередь дѣйствуетъ по силѣ своей энергіи“. Спиноза назвалъ самобытную энергію вещи стремленіемъ вещи сохранить свое бытіе. Но то же высказалъ раньше Спинозы Аристотель. Такъ какъ дѣйствіе каждаго существа своеобразно, то и дѣйствіе нашей души должно быть своеобразно. Аристотель, а прежде его Платонъ стремились подмѣтить и изучить своеобразное дѣйствіе нашей души.

Здѣсь считаемъ нужнымъ замѣтить, что тотъ же Платонъ, который училъ о „воспоминаніи“ душою идей, извѣстныхъ ей прежде, училъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что у дитяти не находится въ запасѣ никакихъ готовыхъ знаній и что „книга“ или „клетка (съ ко-

¹⁾ De anim. 3, 7, 1. Ἡ δ' ἀπλῶς ἐνέργεια ἕτερα ἢ τοῦ τετελεσμένου.

²⁾ De anim. 3, 7, 3. Τῇ δὲ διανοητικῇ ψυχῇ τὰ φαντάσματα οἷον αἰσθήματα ὑπάρχει. Ibid. 3, 8, 3. Τὰ γὰρ φαντάσματα ὡσπερ αἰσθήματα ἔστι.

³⁾ De anim. 3, 7, 4. Τινι δ' ἀποκρίνει τί διαφέρει γλυκὸ καὶ θερμὸν.

⁴⁾ De anim. 3, 7, 4. Εἴρηται μὲν καὶ πρότερον, λεχτέον καὶ δεῦτε. ἔστι γὰρ ἐν τῇ.

горыми онъ сравнивалъ душу человѣка) у дѣтати пуста“¹⁾ и ничѣмъ не наполнена; то-есть, Платонъ училъ тому же, чему училъ Аристотель, назвавшій душу или разумъ „въ возможности“ не писаннымъ листомъ бумаги. Ученіе Платона, въ которомъ говорится о воспоминаніи нами идей, извѣстныхъ намъ изъ прежняго существованія, есть ученіе метафизическое; напротивъ, ученіе о томъ, что душа дѣтати пуста и не имѣетъ готовыхъ знаній, есть ученіе психологическое. Правда, Платонъ и ученіе о воспоминаніи того, что душа знала прежде до явленія въ этотъ міръ, основывалъ также на психологическомъ ученіи о душѣ; но это ученіе есть уже выводъ, который былъ смѣло сдѣланъ Платономъ приспособительно къ нѣкоторымъ существовавшимъ уже вѣрованіямъ. Такого же, конечно, рода и ученіе Аристотеля о томъ, что „душа есть все существующее“ (ἡ ψυχὴ τὰ ὄντα πῶς ἐστὶ πάντα). Далекъ ли разошлись между собою Платонъ и Аристотель? Оба они согласны въ томъ, что при появленіи въ этотъ міръ человѣкъ не имѣетъ знаній и въ то же время имѣетъ знанія. По ученію одного — душа имѣла знанія, но чрезъ соединеніе съ тѣломъ потеряла и забыла ихъ, потеряла не совершенно, ибо онѣ вспомнятся и возвратятся чрезъ дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ. По ученію другаго — душа имѣетъ знанія „въ возможности“, прежде чѣмъ они явятся „въ реальности“; при дѣйстви внѣшнихъ чувствъ и дѣятельности разума знанія являются въ реальности. Слѣдуетъ замѣтить, что Платонъ и Аристотель, высказывая свои метафизическія умозрѣнія объ умѣ и знаніи, болѣею частію не упускаютъ изъ вниманія анализа психологическаго. На основаніи послѣдняго, оба они согласны въ томъ, что знанія не вложены намъ свыше готовыми, какъ говорилъ, на примѣръ, объ идеѣ божества Декартъ; равнымъ образомъ знанія не приходятъ намъ извнѣ также готовыми, то-есть, какъ-бы вкатываются въ насъ по силѣ движенія. Знанія наши, по убѣжденію Платона и Аристотеля, соразмѣрны нашей разумной природѣ, на сколько она способна воспринять и произвести эти знанія по своимъ законамъ; онѣ приобрѣтаются собственнымъ усиліемъ и дѣятельностію нашей души при помощи ощущеній; вырабатываются по законамъ нашего разума.

Этимъ мы закончимъ свое изложеніе ученія о душѣ познающей или „судящей“ (κρίτικόν), какъ выразился Аристотель. Перейдемъ къ послѣднему отдѣлу трактата Аристотеля о душѣ, — къ ученію о душѣ „движущей къ мѣсту“.

¹⁾ Теаet. 197, E. Παιδίων μὲν ὄντων φάσαι χρῆ τοῦτο τὸ ἀγγεῖον κενόν, ἀντὶ δὲ τῶν ὀρνίθων ἐπιστήμας νοῦσαι.

О душѣ, движущей къ мѣсту (ἡ ψυχὴ κινητικὴ κατὰ τόπον).

Подъ душею, „движущею къ мѣсту“, Аристотель разумѣетъ вообще внутреннюю способность или силу въ насъ, выраженіемъ и результатомъ дѣятельности которой являются движенія нашего тѣла и внѣшнія наши дѣйствія. Сюда входятъ, какъ внутренніе импульсы, „тѣлесные аппетиты“ и „разумная воля“.

Ученіе о душѣ, „движущей къ мѣсту“, Аристотель помѣщаетъ въ концѣ своего трактата о душѣ. Послѣ того, что было говорено до Аристотеля Сократомъ о жизни и дѣятельности по разуму и свободному выбору; послѣ того, что было высказано о томъ же Платономъ—творцемъ ученія объ умѣ; послѣ глубокаго и широкаго психологическаго анализа, представленнаго послѣднимъ относительно внутреннихъ двигателей, направляющихъ нашу внѣшнюю дѣятельность; послѣ всего этого неудивительно, что Аристотель усвоилъ себѣ ясное представленіе о сложности процессовъ, предшествующихъ каждому нашему тѣлесному движенію и внѣшнему дѣйствію. Аристотель признаетъ и доказываетъ мысль Сократа и Платона, что дѣйствовать по разумной волѣ и свободному выбору—иное, чѣмъ дѣйствовать по движенію тѣлесныхъ аппетитовъ и страстей. Дѣйствовать по свободной волѣ значитъ дѣйствовать по разуму. Эти дѣйствія также отличны отъ дѣйствій, по влеченію тѣлесныхъ аппетитовъ и страстей, какъ самъ разумъ отличается отъ чувственности. Но не говоря уже о дѣйствіяхъ по разуму, которыми среди живыхъ существъ одаренъ одинъ человѣкъ, въ животныхъ болѣе совершенныхъ, но лишенныхъ разума¹⁾, движенія тѣла и внѣшнія дѣйствія совершаются не иначе, какъ при участіи дѣятельности воображенія²⁾. Наконецъ, въ тѣхъ живыхъ существахъ, въ которыхъ нельзя признать существованія воображенія, движенія тѣла совершаются подѣ влияніемъ ощущенія „удовольствія“ или „неудовольствія“. Присутствія послѣдняго нельзя

¹⁾ Въ такихъ случаяхъ, то-есть, когда устраняется присутствіе и дѣйствіе разума, Платонъ болѣею частію пользуется указаніемъ на неразумное дитя.

²⁾ Аристотель раздѣляетъ воображеніе на «разумное» (λογιστικὴ, ὡς νόησιν τὴν ἐχούσα) и «чувственное» (αἰσθητικὴ). Послѣднему причастны животныя; первое имѣетъ человѣкъ. De anim. 3, 10, 9. Φαντασία δὲ πᾶσα ἢ λογιστικὴ ἢ αἰσθητικὴ. Ταύτης μὲν οὐκ εἰσὶν καὶ τὰ ἄλλα ζῶα μετέχει. Въ животныхъ несовершенныхъ существуетъ нѣчто схожее съ воображеніемъ, но неопредѣленное. Движеніе, отсюда зависящее, бываетъ также неопредѣленное. De anim. 3, 11, 1. Φαντασία δὲ πᾶς ἂν εἴη; ἢ ὡστερ καὶ κινεῖται, ἀόριστος, καὶ τοῦτ' ἐνεστί μὲν, ἀόριστος δ' ἐνεστί.

отвергать ни въ какомъ произвольно-движущемся существѣ. Если же есть въ существѣ ощущение удовольствія и неудовольствія, то необходимо, говоритъ Аристотель, признать въ немъ и „желаніе“ (ἐπιθυμία) и проч. ¹⁾). Понятно теперь, почему Аристотель ученіе о душѣ, „движущей къ мѣсту“, изложилъ послѣ разсмотрѣнія всѣхъ способностей и явленій душевныхъ—въ концѣ своего трактата о душѣ.

Сначала Аристотель отдѣляетъ способность движенія къ мѣсту отъ другихъ способностей. Вопервыхъ, способность движенія къ мѣсту отлична, говоритъ Аристотель, отъ способности питанія (θρακτική δύναμις). Движеніе къ мѣсту, совершаемое съ опредѣленною цѣлію (ἐνεκα τοῦ), сопровождается обыкновенно воображеніемъ и возбуждается аппетитомъ ²⁾). Нельзя говорить этого о способности питанія ³⁾). Вторыхъ, способность движенія къ мѣсту нужно отдѣлять отъ способности ощущеній: ибо многія изъ животныхъ имѣютъ способность ощущенія, но не имѣютъ способности движенія къ мѣсту ⁴⁾). Третьихъ, не нужно смѣшивать способность движенія къ мѣсту и съ разумомъ. Здѣсь Аристотель указываетъ на разумъ „теоретическій“ (νοῦς θεωρητικός) и говоритъ, что онъ не мыслитъ ничего, что относится къ поступкамъ (πρακτὸν), не говоритъ намъ о томъ (поясняетъ Аристотель), чего мы должны избѣгать и чего домогаться. Но и тотъ, кто имѣетъ разумъ „практическій“ (νοῦς πρακτικός, διανοία πρακτική) и знаетъ, чего нужно избѣгать и чего домогаться, если только онъ человѣкъ невоздержный (ἀκρατής), слѣдуетъ въ своихъ дѣйствіяхъ не разуму, а желаніямъ ⁵⁾). Наконецъ, способность движенія къ мѣсту не есть и аппетитъ: ибо нѣкоторые, хотя и бываютъ возбуждены аппетитомъ, слѣдуютъ въ своихъ дѣйствіяхъ не ему, а разуму ⁶⁾).

Собственно говоря, изъ трехъ разсматриваемыхъ нами мыслите-

¹⁾ De anim. 3, 11, 1. φαίνεται γὰρ λύπη καὶ ἡδονὴ ἐνοῦσα. εἰ δὲ ταῦτα, καὶ ἐπιθυμίαν ἀνάγκη.

²⁾ De anim. 3, 9, 5. Ἀεὶ τε γὰρ ἐνεκα τοῦ ἢ κίνησις αὐτῆ καὶ ἡ μετὰ φαντασίας ἢ ὀρέξεώς ἐστι.

³⁾ Самъ Аристотель высказалъ такимъ образомъ ясно, что въ процессѣ питанія не замѣчается ни одного изъ тѣхъ явленій, которыя обыкновенно называются душевными.

⁴⁾ Было сказано уже объ этомъ. На этомъ основаніи способность движенія къ мѣсту Аристотель и призналъ отдѣльною и самостоятельную способностію, отличною отъ способности ощущенія. De anim. 3, 9, 6. Πολλὰ γὰρ ἐστὶ τῶν ζῴων ἃ αἰσθητικὴν μὲν ἔχει, μόνιμα δ' ἐστὶ καὶ ἀκίνητα διὰ τελοῦς.

⁵⁾ De anim. 3, 9, 8.

⁶⁾ De anim. 3, 9, 8.

лей одинъ Аристотель принимаетъ способность движенія къ мѣсту, какъ отдѣльный самостоятельный видъ души. Онъ въ отдѣлѣ о душѣ, движущей къ мѣсту, не упускаетъ случая критиковать дѣльные виды души, данное Платономъ. Но образцы критики Аристотеля, когда она направлена противъ ученія Платона, мы уже видѣли. Не смотря на все это, ничто не препятствуетъ Аристотелю воспользоваться мыслями Сократа и Платона, относящимися къ разсуждаемому Аристотелемъ предмету.

Сократъ, котораго ученіе имѣло направленіе практическое, проповѣдывалъ, что человѣкъ долженъ стремиться жить и дѣйствовать по разуму. Только тотъ можетъ быть названъ истинно свободнымъ, кто живетъ и дѣйствуетъ по разуму. Одному разуму свойственно знать лучшее и свободно избирать это лучшее. Убѣждая жить и дѣйствовать по разуму, Сократъ убѣждалъ вмѣстѣ не слѣдовать влеченіямъ страстей и тѣлесныхъ удовольствій. Жить по влеченію страстей и тѣлесныхъ удовольствій значитъ, по ученію Сократа, находиться въ рабствѣ. Такая жизнь есть „невоздержность“ (*ἀκρασία*).

Платонъ принималъ мысли Сократа о различіи внутреннихъ агентовъ, движущихъ нашею жизнію, и на этомъ основаніи видъ души „разумной“ и видъ души „желательной“ не рѣдко выставлялъ противоборствующими одинъ другому. Душа желательная или душа аппетитовъ обыкновенно заявляетъ себя сильными порывами желаній и стремленій. Душа разумная сдерживаетъ эти порывы, если они постыдны и недостойны высокаго назначенія человѣка. Впрочемъ, нужно замѣтить, что Платонъ допустилъ стремленія въ каждомъ изъ трехъ видовъ души; но, подъ стремленіями души желательной онъ разумѣетъ по преимуществу тѣлесные аппетиты и страсти, почему и ставитъ видъ души желательной въ противоположность виду души разумной. Всякаго рода желанія Платонъ называетъ не иначе, какъ душевными желаніями, хотя бы они происходили отъ тѣла. Для доказательства, что всѣ желанія принадлежатъ самой душѣ и нѣтъ желаній тѣлесныхъ, Платонъ въ „Филебѣ“ анализируетъ желанія пищи и питья, которыя по преимуществу называются тѣлесными желаніями. Мы выпишемъ это замѣчательное мѣсто.

„Не говоримъ ли мы, спрашиваетъ Сократъ, что кто-нибудь жаждетъ?— Пр. Безъ сомнѣнія.— Сокр. Жаждать не значитъ ли быть въ недостаткѣ?— Пр. Непремѣнно.— Сокр. И жажда есть желаніе.— Пр. Такъ, Сократъ.— Сокр. Не питья ли?— Пр. Питья, конечно.— Сокр.

То-есть, наполнить себя питьемъ? — Пр. Не иначе. — Сокр. Отсюда, тотъ изъ насъ, кто находится въ недостаткѣ, жаляетъ, какъ очевидно, *противнаго* тому, что чувствуетъ, ибо находящійся въ недостаткѣ жаляетъ наполнить себя. — Пр. Весьма очевидно, Сократъ. — Сокр. Что же? возможно ли, чтобы человѣкъ, въ первый разъ находя себя въ недостаткѣ, достигъ чувствованіемъ или памятью того восполненія, котораго не чувствуетъ въ настоящую минуту и въ прежнее время не чувствовалъ? — Пр. Никакъ, Сократъ. — Сокр. Однако всякій желающій жаляетъ, говоримъ, чего-нибудь? — Пр. Говоримъ. — Сокр. Слѣдовательно, онъ не жаляетъ того, что чувствуетъ, потому что жаждетъ; жажда есть недостатокъ, а онъ жаляетъ восполненія. Пр. Необходимо это слѣдуетъ. — Сокр. Но этого не возможно достигнуть посредствомъ тѣла, ибо оно находится въ недостаткѣ. — Пр. Невозможно. — Сокр. Поэтому, самой душѣ остается достигать восполненія посредствомъ памяти. — Пр. Очевидно. — Сокр. Ибо какии бы другимъ образомъ могла она достигнуть его? — Пр. Почти никакими, Сократъ. — Сокр. Понимаешь ли, чтѣ изъ этого вытекаетъ? — Пр. Что такое? — Сокр. Это говоритъ намъ, что *нѣтъ желанія тѣлеснаго*¹⁾.

Аристотель принимаетъ, подобно Сократу и Платону, разумъ двигателемъ нашей дѣятельности и отличаетъ его отъ другихъ двигателей. Подъ послѣдними онъ, также какъ Сократъ и Платонъ, разумѣетъ тѣлесные аппетиты. „Очевидно, говоритъ онъ, двигателей два: аппетитъ и разумъ или практическое размышленіе (*διανοία πρακτική*)“²⁾. Аппетитъ Аристотель, какъ Платонъ жапаніе, относитъ къ душѣ, а не къ тѣлу, и признаетъ способность души (*δύναμις τῆς ψυχῆς ἢ χαλομένη ὀρέξις*). „Ибо каждый аппетитъ, объясняетъ онъ, выражается стремленіемъ къ чему-нибудь опредѣленному (*ἢ ὀρέξις ἑνὸς καὶ τοῦ πάσα*); въ своемъ проявленіи онъ всегда сопровождается дѣятельностію воображенія (*ὀρεκτικὸν δὲ οὐκ ἄνευ φαντασίας*). Хотя Аристотель подъ аппетитами разумѣлъ по преимуществу тѣлесные аппетиты (*ἢ τοῦτο σωματικόν ἐστίν*), но онъ принималъ, кажется, и другіе аппетиты, какъ и Платонъ. „Если, говоритъ онъ, частей души три (какъ принялъ Платонъ), то аппетитъ находится въ каждой изъ нихъ“³⁾. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что „аппетиты бываютъ противоположны между собою“ (*ὀρέξεις γίνονται ἐναντία ἀλλήλαις*). Это, замѣчаетъ

¹⁾ Phileb. 34. С. 35. А. В.

²⁾ De anim. 3, 10, 1. Φαίνεται δὲ γὰρ δύο ταῦτα κινουόμενα, ἢ ὀρέξις ἢ νοῦς.

³⁾ De anim. 3, 9, 3. Εἰ δὲ τρία ἢ ψυχῆ ἐν ἑκάστῳ ἔσται ὀρέξις.

Аристотель, случается тогда, когда размышленіе и желаніе находятся въ противоборствѣ между собою¹⁾.

Въ послѣднемъ анализѣ души, движущей въ мѣсту, Аристотель находитъ нужнымъ отличать: вопервыхъ, движущее (κινεῖν), вовторыхъ, то, чѣмъ движущее движеть (φ̄ κινεῖ), втретьихъ, движимое (κινούμενον)²⁾. Движущее—двояко: неподвижное, подъ которымъ нужно понимать практическое благо (ἀστί δα τὸ μὲν ἀκινήτων τὸ πρακτὸν ἀγαθόν); движущее и движимое вмѣстѣ, подъ которымъ нужно разумѣть вообще способность appetitовъ (τὸ κινεῖν καὶ κινούμενον τὸ ὁρακτικόν). Движимое вообще — животное. Способность appetitовъ обща тѣлу и душѣ; въ ней быть движимымъ принадлежитъ тѣлу (φ̄ δε κινεῖ ὄργανον ἢ ὄρασις, ἧδη τοῦτο σωματικόν ἐστίν)³⁾; самой же душѣ свойственно оставаться неподвижною (τὸ δ' ἀπιοτημονικόν οὐ κινεῖται ἀλλὰ μένει)⁴⁾.

Платонъ въ „Федръ“, „Филебѣ“, „Политикѣ“ и другихъ діалогахъ представилъ довольно подробный анализъ душевныхъ волненій и страстей, которыхъ едва касается въ трактатѣ о душѣ Аристотель. У Платона въ дѣленіи души по видамъ видъ „страстный“ поставленъ отдѣльнымъ видомъ души, отличнымъ въ своихъ проявленіяхъ отъ другихъ видовъ души. Аристотель въ способности appetitовъ (τὸ ὁρακτικόν) совмѣщаль, кажется, желательный и страстный виды души. Для мыслителя, который въ изученіи души сосредоточивается главнымъ образомъ на внѣшнемъ наблюденіи и изучаетъ душу по преимуществу въ дѣйствіяхъ и движеніяхъ тѣла, желанія и страстныя волненія являются съ одинаковымъ большею частію характеромъ проявленія, какъ движенія, обнимающія тѣло. Тонкое отличіе тѣхъ и другихъ явленій душевныхъ скрывается отъ глазъ такого наблюдателя. Въ этомъ случаѣ Аристотель, слѣдуя своей методѣ изученія души и обращаясь въ своей области наблюденій, не отдалъ должной справедливости тонкому психологическому анализу Платона, изучающаго душу по преимуществу во внутреннемъ самонаблюденіи.

Заключеніе.

Такимъ образомъ оказывается, что трактатъ Аристотеля о душѣ заключаетъ въ себѣ многое такое, что высказано и изъяснено Сокра-

¹⁾ De anim. 3, 10, 6. Τοῦτο δὲ συμβαίνει, ὅταν ὁ λόγος καὶ ἡ ἐπιθυμία ἐναντία ᾖσι.

²⁾ De anim. 3, 10, 7. Ἐπεὶ δὲ ὁ ἐστὶ τρία, ἐν μὲν κινεῖν, δεύτερον δ' φ̄ κινεῖ, τρίτον τὸ κινούμενον.

³⁾ De anim. 3, 10, 7.

⁴⁾ De anim. 3, 11, 4.

томъ и особенно Платономъ. Мы не все еще могли собрать и представить въ этомъ сочиненіи изъ того, что высказано Сократомъ и Платономъ и повторено Аристотелемъ. Да и то, что мы успѣли поставить на видъ, быть можетъ, недостаточно передали. На долю самостоятельной разработки и изслѣдованій Аристотеля остается въ трактатѣ не такъ много, какъ это представляется съ перваго раза. Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ новые вопросы, въ первый разъ затронутые Аристотелемъ, или новое оригинальное рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые были затронуты раньше. Но и того немногаго достаточно для того, чтобы признать Аристотеля, какъ самостоятельнаго мыслителя, пролагавшаго новый путь въ изученіи души и указавшаго новый богатый матеріалъ для наблюденій. Общевѣстно говорилось объ Аристотелѣ, что онъ первый положилъ начало психологін, какъ науки. Это говорилось не совсѣмъ вѣрно. Мы достаточно могли убѣдиться, что научная разработка психологическихъ вопросовъ началась раньше Аристотеля и не безъ успѣха. Аристотель получалъ отъ этой разработки довольно много. То справедливо, что Аристотель объединилъ и систематизировалъ все лучшее изъ того, что высказано было Сократомъ и Платономъ по разнымъ случаямъ и по частямъ. Конечно, и въ этомъ мы должны признать немалую заслугу, сдѣланную наукѣ Аристотелемъ. Но намъ извѣстно изъ исторіи науки, что къ упомянутому сейчасъ труду способны умы посредственные и выполняли его съ успѣхомъ. Аристотель былъ не изъ числа посредственныхъ умовъ; напротивъ, онъ былъ однимъ изъ гениальныхъ мыслителей, которымъ свойственно открывать новые пути въ наукѣ. Такимъ оказался Аристотель и въ ученіи о душѣ.

Какъ опредѣлить и охарактеризовать то новое, самостоятельное, что сдѣлалъ въ ученіи о душѣ Аристотель? въ чемъ оно состоитъ? какъ отмѣтить и отличить его?

Въ изложеніи ученія Аристотеля объ умѣ мы замѣтили, что отдѣлъ объ умѣ есть одинъ изъ слабыхъ отдѣловъ трактата о душѣ. Въ этомъ отдѣлѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ, повторяетъ Аристотель, что было высказано объ умѣ Сократомъ и Платономъ. Было также замѣчено нами, что Аристотель чрезъ ученіе объ умѣ не остался вполнѣ вѣренъ данному имъ опредѣленію души. Въ ученіи объ умѣ страдательномъ и умѣ дѣятельномъ онъ сдѣлалъ приложеніе общей опытной истины, что каждая вещь въ природѣ испытываетъ дѣйствіе другой вещи и сама дѣйствуетъ въ силу собственной энергій. Въ ученіи о памяти и припоминаніи Аристотель открылъ законъ воспоминанія „по

связности". Этотъ законъ найденъ Аристотелемъ благодаря тому, что память и припоминаніе оны старался выяснить изъ движенія въ насъ образовъ, воспринятыхъ чрезъ внѣшнія чувства. Наконецъ, вспомнимъ сдѣланное Аристотелемъ объясненіе задержки и продолженія существованія въ насъ образовъ, воспринятыхъ чувствами. Аристотель сдѣлалъ смѣлую попытку подвести подъ законы физическіе такое явленіе, которое доселѣ остается не вполне яснымъ для мыслителей. У Аристотеля такимъ образомъ всюду замѣтно стремленіе объяснять душевныя явленія въ связи съ тѣломъ и дѣйствіемъ физическихъ законовъ, или выражаясь приспособительно къ современному способу выраженія, — въ связи съ законами физиологическими. Согласно съ этимъ дано Аристотелемъ и опредѣленіе души, какъ „энтелехія“ тѣла.

Древній міръ не представилъ ничего подобнаго тому, что сдѣлалъ Платонъ для отличенія и выдѣленія самостоятельной дѣятельности нашей души. Это сдѣлано Платономъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ высказаннаго Сократомъ принципа о нематеріальности души и отличія ея отъ тѣла. Платонъ своимъ анализомъ проникаетъ туда, куда не прошивалъ взоръ мыслителей, жившихъ до него, и отдѣляетъ дѣйствіе души тамъ, гдѣ признавалось дѣйствіе одного тѣла и законовъ матеріи. Платонъ, какъ видно изъ его твореній, весьма хорошо освоился съ наблюденіемъ душевной жизни; овладѣлъ методомъ наблюденія и умѣнѣемъ подмѣчать дѣятельность и проявленія души въ самомъ происхожденіи ихъ. У Платона Сократъ узнаетъ душу юности и ея стремленія послѣ двухъ или трехъ отвѣтовъ послѣдняго на предложенные имъ вопросы. Психологическій анализъ Платона удивляетъ своею тонкостію, точностію и подробностію; но въ то же время Платонъ сравнительно мало распространяется о дѣйствіи тѣла въ связи съ дѣйствіемъ души, особенно тамъ, гдѣ это дѣйствіе тѣла казалось мало понятнымъ. Въ этомъ случаѣ оны прибѣгаетъ, какъ мы видѣли, къ образнымъ представленіямъ для объясненія явленія. Какъ можно замѣтить, оны не даетъ серьезнаго и научнаго значенія этимъ представленіямъ въ объясненіи явленія. Такихъ образныхъ представленій не допускаетъ оны тамъ, гдѣ производитъ психологическій анализъ душевныхъ явленій, доступныхъ этому анализу; напротивъ, въ ущербъ своему поэтическому настроенію, до утомленія соблюдаетъ точность и подробность анализа. Такая точность и подробность анализа тѣмъ болѣе удивительна въ мыслителя, который своимъ блестящимъ изложеніемъ различныхъ мнѣевъ показалъ, что ему сродна поэзія. Пла-

тотъ съ помощію своего психологическаго анализа открылъ нѣсколько общихъ и необходимыхъ законовъ самостоятельной дѣятельности и проявленій нашей души.

Аристотель задается попыткою восполнить тотъ недостатокъ и пробѣль въ изслѣдованіяхъ душевныхъ явленій, который былъ оставленъ Платономъ. Нужно замѣтить, что и Сократъ и Платонъ говорили о вліяніи дѣйствія тѣла на дѣятельность души. Но они говорили по преимуществу о томъ вліяніи тѣла на душу, которое враждебно дѣятельности и стремленіямъ души, которое извращаетъ перѣдка и парализуетъ эту дѣятельность и стремленія. Сократъ высказывалъ взглядъ на тѣло, какъ на нѣчто враждебное для души и противодѣйствующее ей. Платонъ довелъ этотъ взглядъ на тѣло до крайности. Такой взглядъ далъ Платону возможность рельефнѣе и точнѣе отмѣнить высшія стремленія души, ея нематеріальность и самостоятельность. Но участіе тѣла въ душевныхъ явленіяхъ имѣетъ мѣсто и тамъ, гдѣ оно не только не враждебно дѣятельности души, напротивъ, послѣдняя не можетъ ни начаться ни продолжаться, если будетъ устранено участіе тѣла и не будетъ со стороны послѣдняго существовать необходимыхъ условий, вызывающихъ и поддерживающихъ дѣятельность души. Человѣкъ такъ уже поставленъ въ мірѣ, что не иначе можетъ сдѣлаться участникомъ познанія этого міра и окружающихъ предметовъ, какъ чрезъ органы тѣла. Но прежде чѣмъ начнетъ познаніе внѣшняго міра, душевная жизнь не можетъ приняться и развиваться въ этомъ мірѣ иначе, какъ въ организмѣ, извѣстнымъ образомъ устроенномъ. Такимъ образомъ, тѣло является необходимымъ условіемъ для того, чтобы душевная жизнь и дѣятельность могли явиться и продолжаться въ этомъ мірѣ. Дѣйствіе тѣла сопровождаетъ дѣятельность души до самой высшей ступени ея: въ ощущеніяхъ, воображеніи, памяти, припоминаніи и проч. На всѣхъ этихъ ступеняхъ Аристотель и старается изучить участіе тѣла и законовъ физическихъ въ дѣятельности и проявленіяхъ души.

Изучая такимъ образомъ душевныя явленія, Аристотель пришелъ къ нѣкоторымъ, достойнымъ вниманія результатамъ. Напримѣръ, относительно того, гдѣ возможна душевная жизнь, онъ пришелъ къ убѣжденію, что тѣло „должно быть сложное“ (οὐχ οἷον τὰ δὲ ἀπλοῦν) для того, чтобы оно могло сдѣлаться причастнымъ жизни и души¹⁾. Объ этомъ Аристотель говоритъ въ послѣднихъ двухъ главахъ трактата,

¹⁾ De anim. 3, 12, 5. Ibid. 3, 13, 1. "Οτι δ' οὐχ οἷον τε δὲ ἀπλοῦν εἶναι το τοῦ ζώου σῶμα, φανερόν, λέγω δ' οἷον πύρινον ἢ ἀέρινον.

которыя служатъ его заключеніемъ. Первымъ основнымъ проявленіемъ жизни и души въ животномъ организмѣ служить ощущение, которое свойственно всему тѣлу. Это ощущение вызывается чрезъ прикосновеніе (αφή) предмета къ поверхности тѣла, отъ чего и самое чувство получило свое названіе (αφή прикосновеніе отъ αψω). Одно это чувство принадлежитъ всемъ безъ исключенія животнымъ и есть существа, которыя не имѣютъ другаго чувства, кромѣ упомянутаго. Оно такъ важно и необходимо для живыхъ существъ, что тамъ, гдѣ разрушается это чувство, жизнь и душа переставятъ проявляться; животное перестаетъ существовать¹⁾. Относительно чувства, о которомъ мы сейчасъ говорили и которое принято называть „осяваніемъ“, замѣчено, что его не находится въ костяхъ и волосахъ. Аристотель полагаетъ, что волосы и кости потому не имѣютъ ощущенія, что состоятъ изъ одного элемента природы — земли.

Замѣчательно ученіе Аристотеля „о способностяхъ“ (δυνάμεις), изложенное въ трактатѣ о душѣ. Оно стоитъ въ связи съ стремленіемъ Аристотеля изучить дѣятельность души въ выраженіяхъ и обнаруженіяхъ тѣлесныхъ. Наблюденія надъ животными или, вѣрнѣе — надъ существами, имѣющими жизнь, показали Аристотелю, что одни изъ существъ живыхъ не обнаруживаютъ душевныхъ явленій, которыя обнаруживаютъ другія существа того же рода, такъ что въ нѣкоторыхъ существахъ душевныя явленія весьма ограниченны сравнительно съ тѣми, какія обнаруживаютъ существа совершенныя. Тѣ же наблюденія показали Аристотелю, что ограниченность душевныхъ явленій въ живыхъ существахъ находится въ отношеніи съ ограниченностію въ нихъ тѣлесныхъ органовъ. И наоборотъ, богатство душевныхъ явленій находится въ отношеніи съ богатствомъ органовъ тѣлесныхъ и ихъ совершенствомъ. Понятно отсюда, что душевныя явленія на столько возможны въ живомъ существѣ, на сколько тѣло по своему устройству способно проявлять жизнь и дѣятельность души. Равнымъ образомъ, только такія душевныя явленія обнаруживаются и такимъ образомъ проявляются, какія и какимъ образомъ способно бываетъ обнаруживать и проявлять тѣло. Еще Сократъ и Платонъ, какъ мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, положили начало такому ученію „о способностяхъ“, поставленнымъ въ зависимость отъ тѣла и тѣлеснаго устройства. Аристотель расширилъ и усовершенствовалъ это ученіе. Аристотеля можно назвать творцемъ ученія „о способностяхъ“, понимаемыхъ въ ува-

¹⁾ De anim. 3, 13. Ἀνάγκη μόνως ταύτης στερισθόμενα τῆς αἰσθήσεως (αφῆς) τὰ ζῶα ἀποθνήσκειν.

занномъ нами смыслѣ. Последнее считаемъ нужнымъ добавить, чтобы отличить ученіе Аристотеля о способностяхъ отъ ученія о нихъ, явившагося послѣ у схоластиковъ. Ученіе о способностяхъ положило характеристическій отпечатокъ на весь трактатъ Аристотеля о душѣ и отличило ученіе его о душѣ отъ ученія о ней, представленнаго Сократомъ и Платономъ. Последніе научали душу въ тѣхъ по преимуществу душевныхъ явленіяхъ, которыя выражаютъ болѣе или менѣе независимую отъ тѣла, самостоятельную, высшую дѣятельность души.

Еще Платонъ принялъ въ заключенію, что ощущенія тѣлесныхъ органовъ всегда истинны. Аристотель подтвердилъ выводъ Платона объ истинѣ и непогрѣшимости ощущеній, передаваемыхъ каждымъ чувствомъ въ отдѣльности. Онъ принялъ теорію, что чувство воспринимаетъ форму предмета безъ матеріи, подобно какъ воскъ принимаетъ отпечатокъ перстыя. За отпечаткомъ, послѣдовавшемъ въ чувственномъ органѣ матеріально, Аристотель старается слѣдить дальше. Онъ, кажется, убѣжденъ, что образъ, составившійся матеріально въ чувственномъ органѣ, въ силу законовъ природы не пропадаетъ, а продолжаетъ существовать въ тѣлесной субстанціи. Въ ощущеніи требуется нѣкотораго рода соединеніе ощущающаго съ ощущаемымъ. Это полагаетъ различіе между ощущеніемъ „въ возможности“ и ощущеніемъ „въ актѣ“, такъ что ощущеніе „въ актѣ“ является не иначе, какъ если послѣдуетъ упомянутое соединеніе. О „воображеніи“ Аристотель замѣчаетъ, что къ нему не приложимо „быть въ возможности“ и „быть въ актѣ“. По представленію Аристотеля, сформированный механизмомъ чувственнаго органа, какъ инструмента, чувственный образъ испытываетъ далѣе лишь одно движеніе, но не измѣненіе. Существованіе въ насъ чувственныхъ образовъ съ возможностью передвиженія ихъ даетъ со стороны тѣла возможность происхожденію и существованію въ насъ двухъ способностей, каковы — воображеніе и память. Самый разумъ, въ связи съ которымъ стоитъ воспоминаніе, имѣетъ въ своей дѣятельности нужду въ чувственныхъ образахъ, сохраняемыхъ тѣлесною субстанціей.

Не считаемъ нужнымъ повторять здѣсь того, что подробно было изложено нами въ своемъ мѣстѣ. Теорія чувственныхъ образовъ, представленная Аристотелемъ, не устояла противъ научной критики. Тѣмъ не менѣе мы должны здѣсь сказать, что идея Аристотеля объяснить явленіе и раскрытіе въ живыхъ существахъ различныхъ способностей и душевной дѣятельности вообще въ связи съ устройствомъ и развитіемъ тѣлеснаго организма замѣчательна и достойна вниманія. Нужно

правда сознаться, что Аристотель представилъ лишь слабую попытку въ изслѣдованіяхъ и объясненіяхъ этого рода. Но въ то же время нужно сказать, что онъ силенъ методическимъ анализомъ и умѣнъ овладѣвать наблюдаемыми имъ явленіями. Последнее составляетъ преимущественное достоинство и отличительный признакъ психологическихъ изслѣдованій троиухъ знаменитыхъ мыслителей древности, разсматриваемыхъ нами. Этого-то анализа и умѣнья и не встрѣчаемъ мы въ психологическихъ размышленіяхъ предшествующихъ мыслителей и весьма рѣдко и въ ограниченныхъ проблескахъ встрѣчаемъ у послѣдующихъ мыслителей. Изъ троиухъ упомянутыхъ нами мыслителей Аристотель на долю своихъ изслѣдованій выбралъ такую область явленій, въ которой чрезвычайно мало подготовлено было до него научныхъ средствъ. Сообразуясь съ послѣдними, нужно сказать, что Аристотель, благодаря собственнымъ наблюденіямъ и опытному своему логическому мышленію, сдѣлалъ сравнительно много. Замѣчательна въ этомъ случаѣ „Исторія животныхъ“ (*περί τῶν ζῴων ἱστορίων*). Она вызвала удивленіе знаменитыхъ натуралистовъ нашего времени—Бюффона и Кювье ¹⁾.

Здѣсь мы оканчиваемъ предпринятый нами трудъ. Итакъ, трактатъ Аристотеля о душѣ нужно разсматривать съ двухъ сторонъ: а) онъ содержитъ въ себѣ сводъ и краткое систематическое изложеніе ученія о душѣ, высказаннаго Сократомъ и Платономъ, и б) онъ содержитъ въ себѣ и собственную попытку Аристотеля восполнить ученіе о душѣ Сократа и Платона въ тѣхъ пунктахъ, которые не были изслѣдованы и объяснены ими. Нельзя, слѣдовательно, говорить и доказывать, что Аристотель первый положилъ начало психологій, какъ науки; равнымъ образомъ, нельзя говорить и доказывать, что все, что содержитъ въ себѣ трактатъ о душѣ, принадлежитъ исключительно Аристотелю.

Ф. Зеленогорскій.

¹⁾ Однѣ изъ этихъ натуралистовъ (Бюффонъ) такъ говорятъ объ «Исторіи животныхъ» Аристотеля: «Это самое ученое «краткое изложеніе», какое когда-либо существовало, если наука дѣйствительно есть исторія фактовъ; если даже предположить, что Аристотель заимствовалъ содержаніе своей книги изъ всѣхъ существовавшихъ въ его время книгъ, то и тогда планъ сочиненія, его распределеніе, выборъ примѣровъ, точность сравненій, извѣстнаго рода строй мыслей, который я охотно назвалъ бы философскимъ, ни одного мгновенія не позволяли бы сомнѣваться, что онъ былъ гораздо богаче тѣхъ, у кого заимствовалъ» *Шиссе*. Свѣтила Науки, стр. 154.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

L. Ranke. Die deutschen Mächte und der Fürstenbund, Deutsche Geschichte von 1780 — 1790. Erster Band. Leipzig. Verlag von Duncker und Humblot. 1871. 407 стр.

Профессору Берлинскаго университета, знаменитому историку Леопольду Ранке въ настоящее время 76 лѣтъ. Не смотря на преклонныя лѣта, онъ однако продолжаетъ заниматься съ прежнею неутомимостью. Его послѣднія сочиненія, по богатству матеріаловъ, по изящности стили, по ясности изложенія, нисколько не уступаютъ его извѣстнымъ, вышедшимъ съ 1824 года, трудамъ по исторіи Италіи, Германіи, Франціи и Англіи въ XVI и XVII вѣкахъ; въ 1869 году имъ была издана прекрасная біографія Валленштейна, въ настоящее же время онъ напечаталъ первый томъ новаго сочиненія объ исторіи Германіи въ концѣ XVIII столѣтія. Кромѣ того, какъ слышно, онъ занятъ приготовленіемъ къ печати обширной монографіи о причинахъ Семилѣтней войны.

Ранке въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій значительную часть своего времени удѣлялъ на занятія въ архивахъ разныхъ государствъ. Въ послѣдніе годы онъ неутомимо работалъ въ архивахъ нѣкоторыхъ изъ среднихъ германскихъ государствъ, а также и въ архивахъ Берлинскомъ и Вѣнскомъ. Никто не превосходитъ его опытностью въ такихъ занятіяхъ и точнымъ знаніемъ всевозможныхъ подробностей исторіи международныхъ сношеній въ послѣдніе вѣка. Занимаясь исторіею одного какого-либо государства, Ранке пользуется тою громадною выгодою, что ему извѣстны всѣ мелочи современной исторіи и другихъ государствъ. Его громадныя коллекціи выписокъ изъ архивовъ чуть-ли не цѣлой Европы доставляютъ ему часто возможность разъяснять и такіе вопросы политической исторіи, разработка которыхъ мало доступна менѣе опытнымъ и менѣе свѣдущимъ историкамъ.

То обстоятельство, что предметъ новѣйшаго сочиненія Ранке имѣетъ нѣкоторое значеніе и для нашей отечественной исторіи, заставляетъ насъ указать на содержаніе этого труда. Исторія Германіи въ восемнадцатомъ столѣтіи представляетъ отчасти тѣсную связь съ исторіею восточной Европы. Вопросъ о томъ: будетъ ли Россія союзникомъ Пруссіи или Австріи при Фридрихѣ Великомъ, Маріи-Терези и Іосифѣ II, могъ считаться роковымъ для Европы. Къ тому времени относится разрывъ Россіи съ Оттоманскою портою, сближеніе Екатерины съ императоромъ Іосифомъ II съ цѣлю приступить къ раздѣлу Турціи. Къ этому времени относится развитіе тѣхъ условій, которыя наконецъ повели къ гибели Польши. Къ тому времени относится проектъ Іосифа II промѣнять австрійскіе Нидерланды на Баварію, его разрывъ съ Голландіею, происхожденіе Княжескаго союза; во всѣхъ этихъ событіяхъ русскіе дипломаты принимали участіе. Кабинеты западныхъ державъ при своихъ дѣйствіяхъ не могли не обращать вниманіе на соображенія С.-Петербургскаго кабинета. Россія все болѣе и болѣе участвовала въ общеевропейской политикѣ, становилась нераздѣльнымъ звеномъ системы европейскихъ государствъ. Архивы западной Европы богаты доказательствами того, что при Екатеринѣ II болѣе, нежели когда-либо до того времени, государи и министры прочихъ державъ обращали вниманіе на цѣли и намѣренія, на одобреніе или неодобреніе Россіи. Примѣры тому встрѣчаются и въ новѣйшей книгѣ Леопольда Ранке.

Но и общенсторическое значеніе предмета этой книги представляетъ собою большой интересъ. Княжескій союзъ можетъ быть названъ предшественникомъ Сѣверо-Германскаго союза. Политическая реформа, къ которой стремился Фридрихъ Великій и которая имѣла цѣлю ограничить вліяніе Австріи въ Германіи, походитъ нѣсколько на событія 1866 года. Попытка соединить Пруссію съ нѣкоторыми изъ среднихъ германскихъ государствъ въ послѣднее время царствованія Фридриха II есть ни что иное, какъ эпизодъ изъ исторіи стремленій къ объединенію Германіи. Окончательное достиженіе этой цѣли въ самое послѣднее время невольно обращаетъ вниманіе историковъ на тѣ событія предыдущихъ вѣковъ, которыя по своему направленію и свойству имѣютъ много общаго съ удавшимся наконецъ въ Германіи политическою реформою. Отсутствие единства въ Германіи, недостатокъ точно опредѣленныхъ политическихъ формъ, шаткость, разстройство, безпорядки въ прежней Германской имперіи, уже начиная съ послѣднихъ столѣтій средневѣковой исторіи, довольно часто имѣли слѣд-

ствіемъ образованіе союзовъ между германскими государствами. Эти политическіе организмы были какъ-бы суррогатами настоящаго государственнаго устройства; они иногда, какъ напимѣръ, такъ называемое *Landfriedensbündnisse* походять нѣсколько на польскія конфедерации и въ томъ отношеніи, что они состояли въ связи съ иностранными державами. Иногда такіе союзы были крайне опасными для Австрій, старавшейся постоянно оставаться центромъ Германской имперіи. Таковы были, между прочими, Шмалькальденскій союзъ въ XVI столѣтіи, католическая лига и протестантская унія въ началѣ XVII вѣка, Княжескій союзъ въ восьмидесятихъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, Рейнскій союзъ при Наполеонѣ, Сѣверо-Германскій союзъ въ новѣйшее время.

Въ продолженіи послѣдняго вѣка нѣсколько разъ повторяются попытки со стороны Пруссіи рѣшить германскій вопросъ, то-есть, исключивъ Австрію изъ Германіи сдѣлаться средоточіемъ Германіи. Постепенное возвышеніе Пруссіи въ ряду не только германскихъ, но и европейскихъ государствъ, присоединеніе къ ней Силезіи и въкоторыхъ частей Польши, превращеніе Пруссіи въ первоклассную державу, развитіе военныхъ силъ и администраціи — все это не могло не внушить государямъ Пруссіи мысль о замѣненіи отжившей своей вѣкъ Германской имперіи новымъ союзомъ германскихъ государствъ и гегемонію Пруссіи въ Германіи. Такова была программа Пруссіи при заключеніи Княжескаго союза. Немудрено поэтому, что историки, смотря по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, то восхваляли Фридриха за эту попытку политической реформы, то порицали его за его стремленіе еще болѣе развить силу и значеніе Пруссіи.

Уже въ прошедшемъ столѣтіи явились два сочиненія о Княжескомъ союзѣ, а именно: Домъ'а (Dohm, „Über den deutschen Fürstenbund“, Berlin. 1789) и Мюллера (Joh. von Müller, „Darstellung des Fürstenbundes“, Leipzig. 1787), которымъ однако не могла быть известна значительная часть официальной и частной переписки между германскими государями по этому случаю. Съ гораздо болѣею основательностью, при помощи многихъ до того неизвестныхъ архивныхъ матеріаловъ, могъ изслѣдовать этотъ предметъ профессоръ Іенскаго университета Адольфъ Шмидтъ въ своихъ сочиненіяхъ: „Geschichte der preussischen Unionsbestrebungen“ (Berlin. 1851) и „Preussens deutsche Politik. 1785. 1806. 1849. 1866“ (Leipzig. 1867). Благодаря своимъ занятіямъ въ архивахъ Берлинскомъ, Вѣнскомъ, Брауншвейгскомъ, Веймарскомъ, Нидерландскомъ и проч., Ранке въ своемъ новѣйшемъ

сочиненіи могъ прибавить много къ извѣстнымъ уже по этому предмету матеріаламъ. Въ тому же онъ, по своему обыкновенію, не ограничиваясь разборомъ вопросовъ исторіи Германіи отъ 1780 до 1790 года, постоянно обращаетъ вниманіе на современную исторію и прочіе государства. Его книга поэтому не производитъ впечатлѣнія монографіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это — общенсторическій трудъ, а не частное изслѣдованіе, въ которомъ не столько изучаются всѣ мелочи и подробности какого-либо одного событія, а напротивъ того, указывается лишь на характеръ многихъ событій цѣлой эпохи, на связь между многими государствами въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Первый томъ сочиненія Ранке, доведеннаго пока до 1787 года, раздѣляется на девятнадцать главъ, въ которыхъ предлагаются очерки и разказы различныхъ событій исторіи Европы вообще и Германіи въ особенности. Главнымъ образомъ всѣ сообщенные матеріалы дѣлятся на двѣ части: на вопросы общеевропейской политики и на дѣла германскія. И въ тѣхъ и въ другихъ Пруссія и Австрія играютъ важнѣйшую роль. Ходъ общеевропейскихъ вопросовъ столько же, сколько и устройство Германіи, такъ или иначе, зависѣли по преимуществу отъ соотношенія между этими двумя державами. Въ эпоху послѣдняго времени царствованія Фридриха II и начала царствованія Фридриха-Вильгельма II были случаи нѣкотораго сближенія между Пруссією и Австріей; однако вражда между ними, имѣвшая исходную точку въ присоединеніи Силезіи къ Пруссіи, постоянно возобновлялась. О переговорахъ между Вѣнскимъ и Берлинскимъ кабинетами, о личныхъ отношеніяхъ между Іосифомъ II и королями Пруссіи, разумѣется, много уже было извѣстно изъ сочиненій Раумера, Шлоссера, Германна и друг.; въ послѣднее же время изданія Арнета также содѣйствовали къ болѣе подробному изученію этихъ вопросовъ. Ранке однако сообщаетъ еще нѣкоторыя самыя важныя грамоты, изъ которыхъ мы узнаемъ гораздо подробнѣе о намѣреніяхъ Іосифа, Кауница, Фридриха, Герцберга и пр. Такъ, напримѣръ, о бесѣдахъ Фридриха II съ Іосифомъ II при ихъ свиданіи въ Нейссе, въ августѣ 1769 г., существуютъ различныя преданія. Шлёдеръ, Смитъ, Германъ и т. д. совершенно расходятся въ своихъ мнѣніяхъ объ этомъ свиданіи преимущественно по вопросу о томъ, была ли, и въ какой мѣрѣ, Польша предметомъ переговоровъ между императоромъ и прусскимъ королемъ. Ранке, на основаніи одной грамоты „von des Kaisers Majestät Anwesenheit in Neisse“ и разныхъ писемъ короля изъ Берлинскаго архива, сообщаетъ часть слѣд., отд. 2.

весьма любопытныя подробности о характерѣ этого свиданія и о содержаніи разговоровъ Фридриха съ Іосифомъ. Іосифъ хвалилъ способности Еватерини; Фридрихъ же замѣтилъ, что развитіе силы и могущества Россіи представляетъ собою нѣкоторую опасность для прочихъ державъ. „Sire“, сказалъ тогда Іосифъ, „вы можете быть стражею предъ Россіею; пока же вы не имѣете основанія опасаться насъ, вы легко справитесь съ Русскими“. Фридрихъ замѣтилъ, что при всемъ томъ онъ считаетъ выгоднымъ для себя оставаться въ союзѣ съ Россіею, и совѣтовалъ Іосифу вѣротерпимостью привязывать къ себѣ греческо-католическихъ подданныхъ своихъ въ тѣхъ австрійскихъ провинціяхъ, которыя легко могли находиться подъ вліяніемъ Россіи; въ Бреславлѣ, прибавилъ Фридрихъ, купцы греческаго исповѣданія праздновали побѣды, одержанныя Россіею надъ Турками, въ чемъ видно доказательство сильнаго сочувствія къ Россіи. Вообще Фридрихъ II старался увѣрить Іосифа, что Пруссія не имѣла основанія желать ослабленія Австріи чрезъ развитіе могущества Россіи. Оба государя обѣщали другъ другу не увлекаться какими бы то ни было случайностями политики на востокѣ, и не думать объ извлеченіи изъ нихъ пользы для себя чрезъ нападеніе другъ на друга. Ихъ программа должна была заключаться въ соблюденіи нейтралитета и въ войнахъ между Турціею и Россіею, между Англіею и Франціею, и въ германскихъ дѣлахъ. Однако Фридрихъ не довѣрялъ Іосифу, но ожидалъ отъ него смѣлыхъ предпріятій, нападеній на Венецію, на Баварію или на Силезію. Весьма любопытны выраженія, въ которыхъ Прусскій король писалъ къ Финкенштейну о Іосифѣ¹⁾. Эту переписку Ранке намѣренъ напечатать цѣликомъ въ приложеніяхъ ко второму тому своего сочиненія. Ни въ Нейссе, ни въ Нейштадтѣ, гдѣ Фридрихъ и Іосифъ встрѣтились въ 1770 году, по мнѣнію Ранке, не говорилось о предстоящемъ раздѣлѣ Польши. Что касается до этого событія, то Ранке такимъ образомъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, кто, по его мнѣнію, можетъ считаться виновникомъ раздѣла: „Для возрастающаго Прусскаго государства пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ польскихъ владѣній было географическо-политическою необходимостью. Было бы несправедливо считать Фридриха первымъ виновникомъ раздѣла Польши: эта мысль, внушенная Австріею, впервые была высказана и

¹⁾ «J'ai pénétré en général, que c'est un homme dévoré d'ambition qui couve quelque grand dessein, qui actuellement retenu par sa mère, s'impatiente du jour qu'il porte». Фридрихъ къ Финкенштейну, 29 августа 1769 года, у Ранке стр. 8.

принята въ салонахъ Петербурга; за то Фридрихъ, безъ сомнѣнія, былъ виновникомъ того, что такое намѣреніе приняло столь обширные размѣры и повело къ измѣненію политической системы на сѣверѣ и на востокѣ“.

Свиданія Фридриха и Иосифа въ Нейссе и Нейштадтѣ имѣли цѣлю сближеніе между Австрією и Пруссіей. Цѣль эта не была достигнута. Князь Кауницъ не былъ расположенъ въ пользу Пруссіи. Между тѣмъ какъ отношенія между Пруссією и Россією становились болѣе и болѣе холодными, начался періодъ довольно тѣсной дружбы между Иосифомъ и Екатериною. По случаю свиданія послѣднихъ въ 1780 году, князь Кауницъ составилъ записку, въ которой онъ говоритъ о выгодахъ болѣе тѣснаго союза между обѣими державами. Эта записка находится въ государственномъ архивѣ въ Вѣнѣ¹⁾. По мнѣнію Кауница, нужно было увѣрить Екатерину въ томъ, что Австрія не думаетъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ прусскаго короля; и что Австрія не желаетъ возвести на престолъ Польши государя, династически связаннаго съ австрійскимъ домомъ. Пока Россія находилась въ тѣсной связи съ самымъ опаснымъ противникомъ Австріи, по мнѣнію Кауница и Иосифа, Австрія не могла одобрять намѣреній Россіи относительно Турціи и Польши. Теперь же для Австріи могло быть весьма выгоднымъ играть роль посредника между Россією и Оттоманскою Портою. Иосифъ справедливо разчитывалъ, что Россія, которая, при своихъ громадныхъ проектахъ въ отношеніи къ Турціи, должна была встрѣтить значительныя затрудненія, готова соединиться съ Австрією. Онъ надѣялся на выгоды и для Австріи въ случаѣ раздѣла Турціи. Въ 1780 году Иосифъ, отправляясь въ Россію, дѣйствовалъ по собственной инициативѣ. Онъ искалъ дружбы Россіи. Результатомъ бесѣды Екатерины съ императоромъ и князя Потемкина съ графомъ Кобенцелемъ была готовность и съ той и съ другой стороны вступить въ болѣе близкія сношенія, заключить, по крайней мѣрѣ, союзъ оборонительный, а затѣмъ помогать другъ другу въ разныхъ предпріятіяхъ. Не ограничиваясь пребываніемъ въ Могилевѣ, Иосифъ рѣшился отправиться и въ С.-Петербургъ съ тою цѣлью, чтобы познакомиться ближе съ Потемкиннимъ и вообще подробнѣе разузнать

¹⁾ См. Ранке, стр. 133 и слѣд. Кауницъ пишетъ между прочимъ: «Qu'il serait très-désirable pour l'intérêt réciproque de l'empire de Russie et de la monarchie Autrichienne qu'il pût s'établir entre les deux cours une amitié sincère et une bonne intelligence confidentielle et réciproque». Réflexions sur l'entrevue prochaine, въ Вѣнскомъ архивѣ.

о настроеніи умовъ при русскомъ дворѣ. Скоро послѣ этого начались переговоры о заключеніи трактата между обѣими державами. Подробности этихъ переговоровъ сдѣлались извѣстными преимущественно чрезъ изданную Арнетомъ въ 1809 году переписку между Іосифомъ и Екатериною, на значеніе которой мы уже указали въ статьѣ, помѣщенной въ іюльской книжкѣ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія* на 1870 годъ. Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ Фридриху Великому тогда былъ извѣстенъ характеръ сношеній и соглашеній между этими императорскими дворами, разъясненъ въ настоящее время въ сочиненіи Ранке, въ которомъ сообщаются нѣкоторые письма прусскаго короля къ герцогу Брауншвейгскому Карлу-Вильгельму-Фердинанду. Въ маѣ 1781 года былъ заключенъ договоръ между Екатериною и Іосифомъ въ формѣ писемъ, имѣвшихъ силу настоящаго трактата. Хотя только слухи объ этомъ событіи распространились по Европѣ, и ничего положительнаго не было извѣстно на этотъ счетъ, однако Фридрихъ II сильно безпокоился. 6-го января 1782 года онъ писалъ къ герцогу Брауншвейгскому: „Вы справедливо утверждаете, что европейская политика находится въ чрезвычайномъ броженіи. Мнѣ кажется, мы приближаемся къ кризису... я буду спокойно выжидать событій. Непремѣнно Россія намѣревается атаковать Порту и мечтаетъ о заключеніи мирнаго договора въ самомъ Константинополѣ. Императоръ весьма охотно взялъ бы Боснію, Сербію и Бѣлградъ. Онъ будетъ слѣдовать внушеніямъ Россіи и руководствоваться интересомъ выбора римскаго короля. На этомъ выборѣ онъ не можетъ настаивать, не потрясая всей системы имперіи. Мнѣ пишутъ; будто императрица занята предположеніемъ примирить Пруссію съ Австріею; я ожидаю этого твердо ногою. Что можетъ произойти изъ головы фантастической женщины, кромѣ химеръ и неосуществимыхъ проектовъ?“. . . На другой день онъ пишетъ, что ожидаетъ разрыва между Россіею и Оттоманскою Портою еще въ текущемъ (1782) году. „Императрица будетъ воевать открыто; цесарь Аваровъ“ — такъ Фридрихъ называетъ Іосифа — „будетъ вести переговоры съ Турками. Я думаю, что такъ будетъ. Только нужно имѣть немного терпѣнія, и мы доживемъ до чрезвычайныхъ происшествій“... — 14-го января далѣе Фридрихъ пишетъ: „Императоръ тяготитъ на моихъ семидесятилѣтнихъ плечахъ. Онъ, можетъ-быть, считаетъ меня слишкомъ старымъ для борьбы съ мечемъ въ рукахъ и заставляетъ меня взяться за перо. Повсюду онъ доставляетъ мнѣ много работы: вездѣ я стараюсь быстро встрѣчать его нападенія. Мы споримъ теперь о томъ, кто изъ насъ будетъ союз-

никогда Россіи; мы находимся на аренѣ; увидимъ, кто изъ насъ останется побѣдителемъ. Въ Вѣнѣ говорятъ, что императоръ, стараясь отвлечь Россію отъ союза съ Пруссіею, желаетъ изолировать послѣднюю, потому что Франція никогда не захочетъ союза съ Пруссіею. Въ такомъ случаѣ, развѣ только Англія осталась бы готовою соединиться съ Пруссіею; это было бы невыгодно, но въ крайнемъ случаѣ нужно было бы ухватиться хотя бы за это. Всѣ эти дѣла, мой любезный племянникъ, не относятся ко мнѣ лично; мое время прошло; но я обязанъ думать о благосостояніи страны и по возможности избѣгать столь гибельной войны, какова была война 1756 года. Такой опасности можно миновать развѣ только чудомъ; нужно сдѣлать все возможное для того, чтобы предупредить ее, даже и тогда, когда нѣтъ особенной надежды на достиженіе этой цѣли. Великій князь лова остается твердымъ; онъ даже на этотъ счетъ немного въ разладѣ со своею супругою; всѣ эти люди однако походятъ на слабую трость, колеблемую вѣтромъ. Боже, отъ какихъ лицъ зависить судьба человѣчества! Король Французскій не имѣетъ и понятія объ интересахъ своего королевства; король Испанскій просто дуракъ; королева Португальская находится подъ влгогомъ своего духовнаго отца; король Англійскій спотыкается, хотя и ходитъ постоянно на помочахъ; короля Неаполитанскаго слѣдовало бы запереть; императрица Россіи, столь щедрая въ отношеніи къ своимъ любимцамъ, чрезвычайно гордо обращается съ Европою—вотъ люди, съ которыми нужно имѣть дѣло и безъ участія которыхъ ничего нельзя предпринять въ области политики“, и проч. Изъ этихъ писемъ, найденныхъ профессоромъ Ранке въ Вольфенбюттельскомъ архивѣ, видно, что частности отношеній между Екатериною и Иосифомъ не были извѣстны Прусскому королю. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за дѣйствіями Россіи касательно восточнаго вопроса. Онъ надѣялся на то, что союзъ Австріи съ Россіею, съ цѣлью прогнать Турокъ изъ Европы, посоритъ Иосифа съ Франціею; онъ далѣе ожидалъ, что Иосифъ и Екатерина будутъ между собою въ разладѣ, когда, наконецъ, приступать къ раздѣлу добычи¹⁾). Фридрихъ самъ не желалъ участвовать въ ка-

¹⁾ «La Russie sera en droit de demander l'assistance de l'Empereur: s'il ne l'assiste pas contre les Turcs, que doit il attendre de son alliance avec la Russie? Si d'autre part il veut assister la Russie, premièrement il se brouillera avec la France et en second lieu, dès que cela en viendra à régler le partage des dépoüilles, ces deux cours deviendront nécessairement ennemies». Письмо Фридриха отъ 14-го ноября 1785.

кой бы то ни было войнѣ. Разказъ о томъ, будто императорскіе дворы сдѣлали Фридриху предложеніе, въ случаѣ присоединенія нѣкоторыхъ турецкихъ областей въ Австрію и Россію, присоединить къ Пруссіи еще нѣкоторыя польскія владѣнія, оказывается, по результатамъ изслѣдованій Ранке, лишеннымъ основанія. Въ какой мѣрѣ однако дѣла восточныя обращали на себя вниманіе Прусскаго короля, видно изъ его письма къ прусскому повѣренному въ дѣлахъ при Петербургскомъ дворѣ, Гюттелю, отъ 15-го августа 1786 года. „Я совершенно съ вами согласенъ“, писалъ Фридрихъ, „что императоръ не будетъ спѣшить начатиемъ войны съ Турціею, и что императорскіе дворы и не думаютъ въ этомъ дѣлѣ слѣпо довѣрять другъ другу. Вы, впрочемъ, слишкомъ много заботитесь о дразгахъ между царедворцами, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что онѣ не имѣютъ значенія“. На другой день послѣ этого письма Фридрихъ заболѣлъ, и на третій день скончался.

Весьма привлекателенъ разказъ Ранке о вступленіи на престолъ Фридриха-Вильгельма II, о первыхъ дѣйствіяхъ этого государя и о попыткахъ сближенія Пруссіи съ Австріею. Фридрихъ II справедливо утверждалъ въ 1785 году, что дружба между Іосифомъ и Екаториною могла легко пострадать чрезъ несогласіе по случаю раздѣла добычи. Изъ переписки, изданной Арнетомъ, мы знаемъ, что въ 1783 году легко могли возникнуть непріятности между Екаториною и Іосифомъ по случаю требованія послѣдняго, чтобы, въ случаѣ успѣха въ войнѣ, нѣкоторыя венеціанскія области отошли къ Австріи, Венеція же получила бы въ вознагражденіе владѣнія въ Моревѣ. Также и въ 1786 году, въ сентябрѣ, по случаю приглашенія Екаторины, чтобъ императоръ отправился въ Херсонъ для свиданія съ нею, Іосифъ былъ крайне недоволенъ и едва не отвѣтилъ ей столь рѣзко, что если бы князь Кауницъ не убѣдилъ Іосифа въ невозможности отправить это письмо въ С.-Петербургъ, вся дружба между императорскими дворами весьма легко могла бы превратиться въ вражду. Кауницъ же уговорилъ Іосифа написать другое письмо, въ которомъ не было и слѣдовъ раздраженія ¹⁾. Австрійскій министръ видѣлъ въ союзѣ съ Россіею условіе успѣха австрійской полетики.

¹⁾ Іосифъ съ пренебреженіемъ говорилъ о «Princesse de Zerbst Catherinisée»; Кауницъ же хотѣлъ дѣйствовать осторожно. Ранке пишетъ: «Von den zartesten Momenten eines persönlichen Verhältnisses, die doch auch ein Missverständnis veranlassen können, wohnte dem Minister überhaupt kein Mitgefühl bei: der Prinzessin von Zerbst wollte er nicht mehr gedacht wissen. Er sah in Katharina nur die mächtige Selbstherrscherin, und fürchtete jede Möglichkeit einer Unterbrechung der Allianz, auf die er seine ganze Politik gründete».

Въ то самое время однако, когда Екатерина готовилась отправиться въ южную Россію, гдѣ она должна была встрѣтиться съ императоромъ, послѣдній серьезно мечталъ о тѣсномъ соединеніи съ Пруссіею. Въ запискѣ Іосифа, которую Ранке нашелъ въ Вѣнскомъ архивѣ, выражается убѣжденіе, что союзъ между Бранденбургскимъ и Австрійскимъ домами обоимъ долженъ доставить высшее вліяніе въ европейскихкихъ дѣлахъ; такіе союзники, по мнѣнію Іосифа, могли бы играть роль третейскихъ судей и посредниковъ въ Европѣ. „Всѣ державы“— писалъ Іосифъ— „будутъ исвать ихъ дружбы, тогда какъ онѣ не будутъ нуждаться въ другихъ союзникахъ. Сохраненіе общаго мира будетъ завистъ лишь отъ нихъ. Такимъ образомъ будетъ обезпечено благосостояніе подданныхъ въ Австріи и Пруссіи; такимъ образомъ будутъ процвѣтать оба государства; такимъ образомъ Австрія и Пруссія предоставятъ себѣ всѣ выгоды, не уступая другимъ державамъ ничего, что нужно для интересовъ императора и Прусскаго короля. Продолженіе вражды между Пруссіею и Австріею, напротивъ, лишитъ обѣ державы всѣхъ этихъ выгодъ и подвергнетъ оныя всевозможнымъ опасностямъ и т. д.“. Записка эта, въ которой говорится о томъ, что оба государства въ отношеніи къ національности, къ языку и къ исповѣданіямъ находятся на общей почвѣ, оканчивается слѣдующимъ образомъ: „Союзъ этотъ долженъ быть заключенъ по крѣпкой волѣ и по полнымъ убѣжденіямъ обоихъ сувереновъ. Онъ удивитъ всю Европу и вызоветъ благословія подданныхъ нынѣшняго и будущихъ новолѣвнѣй“.

Ранке, сообщая содержаніе этой записки, обращаетъ вниманіе на ея значеніе и справедливо замѣчаетъ, что ходъ европейскихкихъ дѣлъ совершенно и быстро измѣнился бы чрезъ осуществленіе предположеній Іосифа. Въ особенности, мы можемъ прибавить, пошатнулись бы планы Екатерины. Союзъ Австріи съ Россіею въ ту самую минуту, когда можно было ожидать разрыва съ Турціею, сдѣлался бы невозможнымъ чрезъ то сближеніе между Пруссіею и Австріею, о которомъ мечталъ Іосифъ. Вліянію Кауница на императора Россія была обязана тѣмъ, что Іосифъ отказался отъ своихъ мыслей, что онъ рѣшился на вторичное свиданіе съ Екатериною, что онъ сдѣлался ея союзникомъ во второй турецкой войнѣ, однимъ словомъ, что дѣла приняла оборотъ весьма выгодный для Россіи.

Ранке сообщаетъ содержаніе записки князя Кауница, въ которой министръ Іосифа доказываетъ послѣднему невозможность и неудобство союза съ Пруссіею. Іосифъ тотчасъ же отказался отъ своего намѣ-

ренія. Скоро послѣ этого, 22-го декабря, очевидно, руководствуясь соображеніями князя Кауница, онъ написалъ Екатеринѣ, что прѣдетъ въ Херсонъ.

Изъ записки прусскаго министра Герцберга, находящейся между брауншвейгскими бумагами въ Веймарскомъ архивѣ, видно, что Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ II также въ это время думалъ о дружбѣ съ Іосифомъ, но что Герцбергъ не считалъ удобнѣе такое сближеніе съ непримиримымъ врагомъ. Ранке намѣревается всѣ эти весьма важные документы издать въ приложенияхъ ко второму тому своего сочиненія.

Что касается до другихъ вопросовъ, имѣвшихъ обще-европейское политическое значеніе, то въ сочиненіи Ранке подробно говорится, на-примѣръ, о характерѣ образа дѣйствій Іосифа въ отношеніи къ церкви, о пребываніи папы Пія VI въ Вѣнѣ. Особенно любопытенъ разказъ о пренебреженіи, съ которымъ князь Кауницъ обращался съ папою во время визита послѣдняго у князя. При этомъ Ранке воспользовался неизданными матеріалами голландскихъ архивовъ. Далѣе, также отчасти на основаніи дѣловыхъ бумагъ изъ голландскихъ и Вѣнскихъ архивовъ, Ранке сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя данныя о спорѣ Іосифа съ Голландіею по вопросу о свободномъ плаваніи по рѣкѣ Шельдѣ, о разрывѣ между Прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II и Голландскою республикою въ 1787 году и проч.

Но съ гораздо большею подробностью Ранке въ своемъ сочиненіи разбираетъ событія германской исторіи. Весьма ясно и отчетливо онъ излагаетъ отношенія среднихъ и мелкихъ государствъ къ Пруссіи и Австріи. Въ Германіи господствовало опасеніе, что Іосифъ, склонный къ произволу и насилію, станетъ нарушать права и привилегіи германскихъ государей, что отъ этого пострадаетъ самостоятельность послѣднихъ, и что для поддержанія таковой самостоятельности слѣдуетъ поддержать значеніе сейма или прибѣгнуть къ основанію новаго политическаго строя чрезъ заключеніе союзовъ. Мѣры императора въ духѣ вѣротерпимости внушали особенно духовнымъ государямъ имперіи недовѣріе къ Іосифу. Этимъ самымъ католическіе элементы въ имперіи скорѣе сдѣлались склонными соединиться съ протестантскими въ случаѣ необходимости даже противъ самого императора. Средневѣковая церковь, такъ часто бывшая сильнымъ союзникомъ Габсбургскаго дома, при Іосифѣ же нѣсколько пострадавшая отъ либерализма этого государя, не столь уже дѣятельно, какъ прежде, готова была поддерживать авторитетъ императора въ Германіи. Гото-

вись протіводѣйствовать Іосифу, свѣтскіе государи думали о союзѣ съ Пруссією, даже надѣялись на покровительство Россіи; духовные же, какъ это часто случалось и прежде, были готовы вступить въ сношенія съ Францією.

При вслѣдованіи событій, сюда относящихся, Ранке открылъ особенно богатые матеріалы въ Веймарскомъ архивѣ. Весьма важную роль въ этихъ дѣлахъ игралъ герцогъ Карлъ-Августъ, знаменитый другъ Гёте. Онъ тогда переписывался съ разными нѣмецкими государами о необходимости политическихъ реформъ, при чемъ Гёте иногда хранилъ и переписывалъ тайныя бумаги, которыхъ нельзя было сообщать обыкновеннымъ секретарямъ. Предположенія Іосифа II промѣнить Нидерланды на Баварію подали, наконецъ, поводъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Ранке превосходно объясняетъ, какимъ образомъ изысканная литература въ это время, хотя и лишь косвенно, дѣйствовала въ пользу Пруссіи, развивая въ народѣ національное чувство и протестуя противъ господствовавшаго до того времени вліянія французской литературы. Это явленіе было особенно важно потому, что Германія тогда легко подвергалась вмѣшательству въ ея дѣла со стороны Франціи. Съ давнихъ поръ французскіе государи и министры привыкли смотрѣть на „согс германіке“, какъ на удобнѣйшее поприще для развитія своего вліянія въ Европѣ. Парижскій кабинетъ въ особенности старался парализировать вліяніе Пруссіи и Австріи на мелкихъ и среднихъ государей. Еще побѣды французской революціи надъ юго-западною Германією и образованіе Рейнскаго союза при Наполеонѣ показали, какою опасностью Франція угрожала Германіи. При такихъ условіяхъ возвышеніе Пруссіи одновременно съ развитіемъ національнаго чувства въ Германіи вообще могло считаться спасеніемъ для этой страны.

Въ восьмидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія германскіе государи однако не столько думали о единствѣ Германіи, объ общегерманскомъ патриотизмѣ, сколько о своихъ правахъ и частныхъ выгодахъ. Подробности исторіи проекта обмѣнить Нидерланды на Баварію, которая сообщаются въ сочиненіи Ранке, показываютъ, что государи тогда смотрѣли на свое государство, какъ на частную собственность, и не столько думали объ интересахъ подданныхъ, сколько о цифрѣ квадратныхъ миль и числѣ населенія и еще болѣе о финансовыхъ выгодахъ при управленіи страной. Образъ дѣйствій Іосифа вызвалъ страшную бурю въ Германіи. Какъ скоро узнали о его предположеніи присоединить Баварію къ Австріи, какъ скоро разнесся слухъ о томъ,

будто императоръ хотѣлъ даже уступить Люксембургъ Франціи, негодованіе было общее. „Мы окружены трусами и взяточниками“, писалъ тогда Фридрихъ II къ Финкенштейну, называя Иосифа прямо сумасшедшимъ. „Будемъ ли мы въ силахъ отстоять конституцію Германской имперіи? Положеніе становится невыносимымъ; оно мнѣ не даетъ возможности заняться нѣкоторыми дѣлами, относящимися къ внутреннему управленію... Намъ только остается, соединивъ голоса Саксоніи, Ганновера, Майнца, Трира и другихъ государей, открыто протестовать противъ всего того, что сдѣлаетъ императоръ вопреки имперской конституціи, и проч.“. Такимъ образомъ начались переговоры между Пруссією и Ганноверомъ о заключеніи союза для защищенія правъ германскихъ государей. Фридрихъ писалъ тогда: „Этотъ союзъ, при нѣкоторой стойкости съ нашей стороны, можетъ сдѣлаться чѣмъ-то страшнымъ“. Герцбергъ въ послѣдствіи гордился своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ. „Je fis naître l'idée de l'union germanique“, писалъ онъ. И прусскій министръ Герцбергъ, и саксонскій министръ Финкенштейнъ были того мнѣнія, что этотъ зародышъ новой политической организаціи Германіи опрокинетъ со временемъ всю систему политикѣ Вѣнскаго двора. Фридрихъ Великій надѣялся, что будетъ возможно замѣнить государственное устройство имперіи такими соглашениями между германскими государями. Онъ тогда уже мечталъ о заключеніи военныхъ конвенцій въ томъ родѣ, какъ онѣ состоялись въ послѣднее время въ Германіи, благодаря дипломатическому искусству и политической проницательности графа Бисмарка.

Мысли прусскаго кабинета, однако, тогда оказались неудобоосуществимыми. Хотя твердый образъ дѣйствій Фридриха и заставилъ Иосифа отказаться отъ присоединенія Баваріи къ Австріи, но создать уже тогда новую политическую организацію для Германіи было невозможно. Были составлены только подробные проекты о способѣ дѣлопроизводства въ создаваемомъ союзѣ германскихъ государствъ; въ особенности герцогъ Веймарскій Карлъ-Августъ старался побѣдить всѣ затрудненія, возникавшія при этомъ случаѣ. И послѣ смерти Фридриха II Карлъ-Августъ трудился надъ этимъ вопросомъ—но тщетно. Княжескій союзъ остался проектомъ, осуществленіе котораго было возможно лишь послѣ тяжелыхъ испытаній періода революціи и войнъ Наполеона, послѣ переворота 1848 года и послѣ войны 1866 года между Австрією и Пруссією.

А. Врикнеръ.

Исторія французской революціи 1789 — 1799 г. Соч. Гейссера, переводъ *Мамонтова*. С.-Пб. 1871.

Недавно явился переводъ лекцій профессора Гейссера о французской революціи. Считаемо не лишнимъ указать на значеніе этой книги и ея автора.

Профессоръ Гейдельбергскаго университета Людвигъ Гейссеръ (Häusser) умеръ въ началѣ 1870 года. Одинъ изъ бывшихъ его слушателей и учениковъ, профессоръ Онкень (Oncken, прежде въ Гейдельбергѣ, нынѣ въ Гиссенѣ) издавалъ сначала лекціи Гейссера о французской революціи (еще въ 1867 г.), затѣмъ его же лекціи о періодѣ реформации. Эти лекціи заслуживаютъ вниманія не только тѣхъ, которые знали покойнаго профессора и были его слушателями, но и всѣхъ читателей, занимающихся изученіемъ этихъ періодовъ исторіи. Для Онкена, издателя этихъ курсовъ, большою выгодною послужило то обстоятельство, что онъ, слушая эти лекціи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, записывалъ ихъ стенографически. Только такимъ образомъ было возможно въ изданныхъ лекціяхъ хотя отчасти сохранить тотъ живой и оригинальный колоритъ, которымъ отличались Гейссеровы лекціи вообще и его лекціи по исторіи французской революціи въ особенности. Кто имѣлъ случай бывать на лекціяхъ Гейссера, едва-ли не краснорѣчивѣйшаго изъ нѣмецкихъ профессоровъ исторіи въ послѣднее время, тотъ знаетъ, что записывать эти лекціи обыкновеннымъ способомъ было почти невозможно. Выстрота рѣчи, богатство мыслей и необыкновенно изящный слогъ лекцій Гейссера не дозволяли сохранить настоящій ихъ характеръ при обыкновенномъ записываніи. Гейссеръ читалъ совершенно свободно, безъ конспекта; для слушателей, изъ которыхъ весьма лишь не многіе записывали, онъ издавалъ печатныя, довольно подробныя программы съ обозначеніемъ въ нихъ всѣхъ литературныхъ источниковъ и пособій, которыми онъ пользовался при составленіи своихъ курсовъ. Дома у него находились, кромѣ весьма богатой бібліотеки, купленной послѣ смерти его Гейдельбергскимъ университетомъ, громадныя коллекціи выписокъ изъ всѣхъ областей исторической литературы. Все это служило ему самымъ матеріаломъ при чтеніи лекцій, составленіе которыхъ Гейссеръ никогда не дѣлалъ иначе, какъ на самой каедрѣ. Кромѣ стенографическихъ записокъ Онкена, едва-ли существуютъ еще другія полныя записки этихъ курсовъ. Издатель поэтому могъ ограничиться лишь пополненіемъ и повѣркою своей тетради при помощи обыкновенныхъ записокъ нѣкоторыхъ другихъ слушателей Гейссера и нѣкоторыхъ отрыв-

вочныхъ замѣтокъ, найденныхъ между бумагами покойнаго профессора. Къ послѣднимъ относится довольно любопытная характеристика нѣкоторыхъ замѣчательныхъ сочиненій о французской революціи, а также весьма замѣчательный очеркъ подъ заглавіемъ: „Пруссія и Польша въ 1791 и 1792 годахъ“, составленный по неизданнымъ матеріаламъ, заимствованнымъ изъ Берлинскаго архива. До послѣдняго времени своей жизни Гейссеръ старался пополнить свои матеріалы, относящіеся къ исторіи французской революціи. Лекціи по этому предмету онъ читалъ едва-ли не охотнѣе всѣхъ другихъ курсовъ. Число слушателей его бывало до 100—150. Какъ писатель, Гейссеръ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ историкамъ Германіи; какъ ораторъ, на университетской кафедрѣ и парламентской, онъ занимаетъ еще болѣе важное мѣсто.

Гейссеръ родился въ 1818 году, въ Эльзасѣ. Въ сороковыхъ годахъ онъ сдѣлался профессоромъ исторіи въ Гейдельбергскомъ университетѣ и затѣмъ публиковалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ сочиненій преимущественно по исторіи Германіи. Особенною извѣстностью пользуются его сочиненія: „Исторія Пфальцской области“ (Geschichte der Rheinpfalz) и „Исторія Германіи отъ кончины Фридриха Великаго до учрежденія Германскаго союза“ (Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes, въ 4-хъ томахъ). При необыкновенной учености, при довольно богатой результатами литературной дѣятельности, онъ былъ еще болѣе замѣчательнѣе, какъ профессоръ, нежели какъ писатель; при неусмиренной ученой дѣятельности, при страстной любви къ наукѣ, при необыкновенной способности къ профессорскому званію, онъ въ то же время постоянно посвящалъ себя практическо-политической дѣятельности. Гейссеръ принадлежалъ уже къ числу тѣхъ профессоровъ исторіи въ Германіи, которые въ продолженіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій содѣйствовали рѣшенію политическаго устройства Германіи. Онъ въ 1847 году былъ сотрудникомъ газеты „Deutsche Zeitung“, въ 1848 году членомъ палаты въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ и депутатомъ въ національно-германскомъ парламентѣ во Франкфуртѣ; въ 1850 году онъ еще въ Эрфуртскомъ парламентѣ участвовалъ въ неудачной, впрочемъ, попыткѣ рѣшенія германскаго вопроса чрезъ соединеніе германскихъ государствъ. Съ тѣхъ поръ онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Баденскаго государства, будучи неоднократно избраннмъ въ депутаты парламента. Затѣмъ былъ членомъ національно-германскаго общества (Nationalverein) и сейма депутатовъ (Abgeordnetentag), старавшагося приготовить политическую

реформу Германіи. Его политическій талантъ въ особенности обнаруживался въ упорной борьбѣ противъ партіи ультрамонтанизма въ югозападной Германіи. Въ отношеніи къ германскому вопросу онъ всегда былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что Пруссіи будетъ суждено сдѣлаться средоточіемъ обще-германскаго государства. Когда же въ 1866 году Пруссіею былъ сдѣланъ главный шагъ впередъ къ достиженію этой цѣли, Гейссеръ уже страдалъ отъ болѣзни, жертвою которой онъ сдѣлался, и поэтому онъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ, ограничиваясь чтеніемъ лекцій. 14-го марта 1867 года онъ еще кончилъ курсъ новой исторіи Германіи, читанный имъ уже не въ аудиторіи, а на дому; 15-го марта еще у него собрались члены философскаго факультета, котораго онъ былъ деканомъ, для обсужденія текущихъ дѣлъ; 17-го марта онъ скончался.

Обратимся теперь къ лекціямъ Гейссера о французской революціи.

Занимая каведру исторіи къ Гейдельбергскому университету, Гейссеръ ежегодно въ лѣтнемъ семестрѣ читалъ, кромѣ римской исторіи, исторію французской революціи, такъ что этотъ курсъ имъ былъ прочитанъ болѣе 20 разъ. Авторъ настоящей замѣтки самъ слушалъ эти лекціи въ 1858 году, и Гейссеръ тогда однажды замѣтилъ, что чтеніе этого курса ему доставляетъ удовольствіе особенно потому, что каждый разъ предметъ, столь богатый по содержанію и по матеріалу, ему представляется въ новомъ и свѣжемъ видѣ. Въ какой мѣрѣ Гейссеръ постоянно слѣдилъ за всѣми новыми явленіями въ литературѣ этого предмета и какой тщательной критикѣ онъ подвергалъ труды французскихъ исторіографовъ, видно изъ многочисленныхъ статей его о новыхъ книгахъ, напечатанныхъ при жизни его большею частью въ приложеніяхъ къ Аугсбургской „Allgemeine Zeitung“, въ историческомъ журналѣ Зибеля и др. и въ изданіи собранныхъ послѣ смерти его сочиненій, первый томъ которыхъ вышелъ въ свѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

И лекціи, и сочиненія Гейссера замѣчательны въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Онъ весьма подробно разбираетъ исторію дипломатическихъ сношеній. Занимавшись часто и продолжительно въ разныхъ государственныхъ архивахъ, преимущественно же въ Берлинѣ, онъ могъ собрать множество неизвѣстныхъ данныхъ объ отношеніяхъ различныхъ европейскихъ государствъ къ Франціи во время революціи. Такимъ образомъ онъ подвергнулъ особенно подробному разбору отношеній между Пруссіею и Австріею въ то время, когда между этими

державами состоялась коалиція противъ революціонной Франціи. Затѣмъ онъ успѣлъ привести въ ясность исторію мира, заключеннаго между Пруссіею и Франціею въ 1795 году. Далѣе Гейссеръ весьма подробно изучилъ исторію военную. Ясно и отчетливо излагаетъ онъ въ своемъ курсѣ значеніе похода 1792 года, знаменитой канонады при Вальми и проч. Главнѣйшею же выгодною при составленіи курса исторіи французской революціи послужило Гейссеру то обстоятельство, что онъ имѣлъ политическое образованіе, участвовалъ самъ въ политическихъ дѣлахъ и поэтому основательнѣе и справедливѣе могъ обсудить значеніе борьбы между партіями во французскихъ парламентахъ, важность публицистики, агитацій клубовъ и пр. Такъ, на примѣръ, довольно оригинальны его замѣтки о литературной дѣятельности Руссо и Вольтера, строгая критика, которой онъ подвергаетъ образъ дѣйствій Неккера въ то время, когда состоялось собраніе *états généraux*, и Лафайета по поводу событій 5-го октября 1789 года въ Версалѣ. Краснорѣчиво Гейссеръ указываетъ на значеніе Мирабо и на стремленіе его сдѣлаться министромъ, и въ одно и то же время вліять на короля и на законодательное собраніе. Осуществленіе этого стремленія могло спасти Францію и дать революціи благоприятное направленіе. Подробно излагаются Гейссеромъ причины того, что цѣль Мирабо не была достигнута. Роли этого геніальнаго государственнаго дѣятеля въ исторіи французской революціи, его значенію въ преніяхъ *Assemblée nationale*, Гейссеръ обыкновенно посвящаетъ нѣсколько лекцій, и эти лекціи о Мирабо составляли собою едва ли не лучшую часть всего курса. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ сочиненіи Гейссера оцѣнка политическихъ партій, на примѣръ, партіи Жирондистовъ, состоявшей въ связи съ среднимъ классомъ во Франціи и старавшейся спасти Францію отъ терроризма Парижскихъ демагоговъ и Парижской черни. Мѣтко Гейссеръ указываетъ на слабыя стороны образа дѣйствій Жирондистовъ, на причины и условія паденія этой партіи. Обсуждая различныя конституціи, составившіяся во время революціи, говоря о парламентаризмѣ, объ отношеніяхъ парламентовъ къ министрамъ, къ публикѣ, о различныхъ системахъ выборовъ депутатовъ, о продажѣ государственныхъ и церковныхъ имуществъ, объ управленіи общинами, о феодальныхъ правахъ и проч., Гейссеръ обнаруживаетъ не только основательное теоретическое знаніе предмета, но и практическую опытность въ области политики.

Иногда въ своихъ лекціяхъ Гейссеръ, быть можетъ, слишкомъ долго останавливается на разказѣ виѣшняго хода событій. Такъ,

пожалуй, слишкомъ уже обстоятельно разбирается имъ известный болѣе или менѣе даже до частныхъ эпизодъ объ ожерельѣ королевы Маріи-Антуанетты; такъ онъ сообщаетъ множество частныхъ изъ жизни Мирабо, относящихся къ тому періоду, въ которомъ Мирабо еще не былъ политическимъ дѣятелемъ, и проч.

Гейссеръ былъ другомъ и ученикомъ Шлоссера. Сочиненія Шлоссера отличаются нѣкоторою угрюмостью; какъ строгій моралистъ, онъ довольно часто въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ говоритъ о нравственности или безнравственности историческихъ лицъ. Что-то подобное замѣчается и въ произведеніяхъ другихъ представителей Гейдельбергской группы историковъ, Гервинуса и Гейссера. Послѣдній, хотя и гораздо осторожнѣе, нежели Шлоссеръ, но все-таки довольно рѣзко и вольно высказываетъ свои личные взгляды относительно того, въ какой мѣрѣ историческія событія выдерживаютъ критику морали. Отсюда преимущественно происходятъ его нѣсколько желчныя отзывы объ образѣ дѣйствій герцога Орлеанскаго, Робеспьера, Марата, Барра, Сіаса (Siéyes) и проч.

Какъ всѣ лекціи вообще, такъ и лекціи Гейссера производили, впрочемъ, гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе тогда, когда онѣ читались въ аудиторіи, чѣмъ какъ онѣ могутъ производить нынѣ въ печатномъ видѣ. Кто имѣлъ случай бывать на этихъ лекціяхъ, для того чтеніе изданной профессоромъ Оппеномъ книги доставить необыкновенное удовольствіе именно потому, что чтеніемъ книги воспроизводится какъ нельзя лучше то впечатлѣніе, которое производили лекціи. Прочимъ читателямъ слогъ этого сочиненія покажется гораздо болѣе обыкновеннымъ. Тѣмъ не менѣе и для всей вообще публики можно считать изданіе этихъ лекцій значительнымъ обогащеніемъ литературы о французской революціи.

Изъ нѣмецкихъ историковъ въ послѣднее время особенно три занимались успѣшно исторіею французской революціи: Адольфъ Шмидтъ (Schmidt), профессоръ Гейсслераго университета, Зибель (въ Боннѣ) и Гейссеръ. Шмидтъ съ 1867 года издалъ нѣсколько томовъ самыхъ важныхъ архивныхъ матеріаловъ для исторіи французской революціи съ комментаріями подъ заглавіемъ: „Tableaux de la révolution française“; тутъ встрѣчается не столько общій очеркъ исторіи революціи, сколько отдѣльные эпизоды изъ исторіи Франціи во время революціи. Поэтому сочиненіе Гейссера можно скорѣе сравнить съ известнымъ сочиненіемъ Зибеля: „Исторія французской революціи“, нежели съ сочиненіемъ Шмидта.

Трудъ Зибеля, четвертый томъ котораго былъ изданъ недавно, можетъ считаться болѣе серіознымъ, чѣмъ лекціи Гейссера. Зибель долгое время самъ находился въ Парижѣ и занимался въ архивахъ и бібліотекахъ французскихъ. Онъ изучалъ исторію французской революціи гораздо всестороннѣе и основательнѣе, нежели Гейссеръ. Книга Зибеля о революціи можетъ считаться такимъ же капитальнымъ трудомъ, какъ и трудъ Гейссера о нѣмецкой исторіи во время революціи и Наполеона, который занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду сочиненій, сюда относящихся. Гейссеръ не думалъ писать о французской революціи; онъ даже едва-ли могъ ожидать, что его лекціи по этому предмету будутъ изданы. Лекціи всегда отличаются отъ книгъ и должны отъ нихъ отличатся. Книги превосходятъ лекціи полнотою изложенія, основательностью при разработкѣ матеріала, большею объективностью. Относительно всего этого сочиненіе Зибеля должно считаться болѣе замѣчательнымъ, чѣмъ лекціи Гейссера. За то развязъ у Зибеля далеко не столь прилапательный, тогда какъ лекціи Гейссера въ высшей степени краснорѣчивы и изящны. Зибель многостороннѣе Гейссера: послѣдній почти исключительно останавливается на разборѣ исторіи партій въ Парижѣ, между тѣмъ какъ у Зибеля мы находимъ множество любопытныхъ данныхъ о томъ, что происходило въ провинціи. Но изложеніе у Зибеля мѣстами довольно сухо, тогда какъ у Гейссера указаніе на нѣкоторые драматическіе моменты французской революціи — чрезвычайно эффектно. У Зибеля мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ его сочиненія подробныя изслѣдованія о матеріальномъ состояніи Франціи, о государственномъ и общественномъ хозяйствѣ; при помощи статистическихъ данныхъ онъ обсуждаетъ и излагаетъ такъ-сказать общественно-физиологическій бытъ Франціи во время революціи. Гейссеръ за то преимущественно обращаетъ вниманіе на психологическія побужденія, служившія руководствомъ при дѣйствіяхъ главныхъ лицъ революціи. Характеристика героевъ революціи: Мирабо, Дантона, Вернію и проч., гораздо интереснѣе у Гейссера, нежели у Зибеля; за то о состояніи массъ народа во время этихъ кризисовъ, о дороговизнѣ, объ уназдѣ сельскаго хозяйства, промышленности и проч., мы узнаемъ гораздо болѣе изъ сочиненія Зибеля, нежели изъ лекцій Гейссера. Что же касается до дипломатической и военной исторіи, то и у Гейссера и у Зибеля встрѣчаются многія данныя, которыя могутъ считаться результатами совершенно самостоятельныхъ изслѣдованій этихъ ученыхъ.

А. Брикнеръ.

ЯНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ПЕДАГОГИИ¹⁾.

Приступая къ изложенію педагогическихъ воззрѣній Коменскаго, считаемъ нужнымъ замѣтить, для избѣжанія недоразумѣній, что мы различаемъ въ немъ педагога—*теоретика* и *практика*. Въ теоретическомъ отношеніи Коменскій открываетъ собою новую эпоху въ области науки о воспитаніи и обученіи; онъ впервые полагаетъ ей научную основу и пролагаетъ новые пути для ея развитія; въ этомъ отношеніи Коменскій великій педагогъ-мыслитель всѣхъ временъ но великіе преобразовательные умы рѣдко бываютъ способны на кропотливую отдѣлку мелкихъ подробностей при осуществленіи ихъ же собственныхъ плановъ; притомъ же Коменскій былъ стѣсненъ недостаткомъ внѣшнихъ средствъ для полнаго осуществленія своихъ идей.

Обращаясь къ Коменскому, какъ теоретику-педагогу, мы скажемъ I) объ открытомъ имъ *основномъ началѣ педагогики* вообще и объ *основномъ принципѣ дидактики* въ частности; затѣмъ изложимъ: II) открытыя имъ *законы воспитывающаго обученія*; III) *идеи* его о *педагогическомъ методѣ*; IV) ученіе его о *дисциплинѣ* и планъ *внутренней организаци*и школьнаго обученія, и наконецъ, V) въ краткомъ очеркѣ представимъ идеи великаго славянскаго педагога о *народной школѣ*.

I. Коменскій, сказали мы, есть истинный основатель педагогики, какъ науки, ибо онъ положилъ и утвердилъ основное начало ея. Всякое научное построеніе дѣлается возможнымъ только подъ условіемъ существованія одного основнаго принципа, изъ котораго бы вытекали и въ которомъ бы разяснялись и объединялись всѣ явленія данной сферы. Пока нѣтъ такого начала, возможно только чисто-эмпирическое знаніе и традиціонное искусство: такою и была педагогиче-

¹⁾ Окончаніе. См. Журн. Мин. Нар. Просв. за май и іюнь 1871 г.

ская практика до Коменскаго. Монтень, Ратихъ и Бэконъ высказывали уже много свѣтлыхъ и свѣжихъ педагогическихъ идей, но эти мысли высказывались отрывочно, примѣнялись почасти, укладывались рядомъ съ противоположными имъ по духу приѣмами, завѣщанными преданіемъ, и не могли составить научно-связнаго дѣлаго ¹⁾. Всеобъемлющій и глубокой умъ Коменскаго впервые объялъ въ единствѣ и дѣлности основной идеи безконечно-сложную и неуловимо-разнообразную массу опытовъ, средствъ и приѣмовъ учебно-педагогической дѣятельности. Ему принадлежитъ первое установленіе основнаго педагогическаго принципа, который сдѣлалъ возможнымъ дальнѣйшее развитіе педагоги, какъ науки. Этотъ принципъ очень простъ и общезвѣстенъ: „*Воспитаніе человека должно быть сообразно съ его природой* ²⁾“. Но эта - то простота и составляетъ его достоинство: основное начало не можетъ быть сложнымъ. Установленный Коменскимъ принципъ *естественности* воспитанія есть неизмѣнный и высшій принципъ педагоги и имѣетъ всѣ черты научнаго начала: онъ есть самое *всеобщее* положеніе, ибо заключаетъ въ себѣ *все* возможныя явленія своей области, содержитъ въ себѣ основы для вывода всѣхъ положеній частныхъ, разъясняетъ всѣ частныя явленія своей сферы. По содержанію онъ общъ, ибо въ него входитъ одинъ только признакъ — сообразность съ природой, а по объему онъ полонъ, ибо въ немъ заключается *все* содержаніе педагоги. Этотъ принципъ есть *первый* и непосредственный, ибо онъ прямо вытекаетъ изъ природы человека; онъ есть *основной*, ибо на немъ опирается вся педагогическая дѣятельность, на всемъ ея протяженіи; этотъ принципъ есть *единственный* и вполне *достаточный*, ибо нѣтъ

¹⁾ Ратихъ, напримѣръ, великій предшественникъ Коменскаго, былъ исключительно дидакалъ, и рядомъ съ глубокими истинами дидактики мы находимъ у него поверхностныя и одностороннія сужденія. Такъ извѣстны его положенія, что «ученики не должны ничего не говорить и не спрашивать во время класса»; что «не должно ничего учить наизусть» и т. п. Разборъ дидактическихъ положеній Ратиха сдѣланъ Раумеромъ въ его «Исторіи педагоги».

²⁾ Обработкой основныхъ положеній педагоги въ наше время занимались почти всѣ современные педагога, но особеннаго вниманія заслуживаютъ *Дистервега*: «Das oberste Princip der Erziehung» и *Браубаха*: «Fundamentallehre der Pädagogik oder Begründung derselben zu einer strengen Wissenschaft». Сочиненіе Браубаха отличается спекулятивно-эмпирическимъ характеромъ и весьма любопытно для сравненія съ принципами Коменскаго, потому что въ нихъ прекрасно сказывается противоположность простой и прямой силы мысли славянской тонкому и разлагающему «хитрому» нѣмецкому анализу. См. также статью: «Объ основныхъ принципахъ педагогики» въ *Учитель* 1863 г.

такого явленія въ воспитаніи, которое нуждалось бы въ другомъ основаніи, которое не разъяснялось бы изъ взятаго начала; онъ есть принципъ *полный и цѣлостный*, ибо заключаетъ въ себѣ *единство формальнаго и реальнаго* развитія, такъ какъ природа живыхъ существъ не даетъ возможности развитія безразличнаго, напротивъ она опредѣленна и въ самой себѣ предполагаетъ живыя данныя основоположенія для развитія; наконецъ, этотъ принципъ *всеобщій*, ибо *одна* природа человѣка и взятое начало одинаково принадлежатъ всѣмъ людямъ, и вмѣстѣ *очевидный*, не подлежащій доказательствамъ, ибо по очевидности въ нихъ не нуждается. Итакъ, принципъ Коменскаго: „воспитаніе человѣка должно быть сообразно съ его природой“ есть послѣдній и высшій принципъ всякаго человѣческаго воспитанія, а слѣдовательно, и *единственная основа науки воспитанія*. Эта основа останется неизмѣнною навсегда, пока человѣкъ будетъ человѣкомъ; на этомъ основаніи опирается вся современная педагогія и на немъ же только возможно ея дальнѣйшее развитіе. Установивъ для педагогіи неизблемую основу, давъ ей столь вѣрное и глубокое начало, Коменскій сталъ руководителемъ и для будущаго развитія нашей науки ¹⁾.

Вникая въ принципъ, полагаемый Коменскимъ въ основу воспитанія съ *формальной* стороны, мы находимъ первыми его признаками *свободу и естественность*: „*omnia sponte fluant; absit violentia rebus*“; съ *реальной* точки зрѣнія начало это заключаетъ въ себѣ все богатство, все содержаніе безконечно-разнообразной жизни духа. „Кто знаетъ, что такое человѣкъ, говоритъ Дистервегъ, чего требуетъ его природа, и въ чемъ состоитъ его счастье и предназначеніе, тотъ непременно *желаетъ свободного* развитія каждаго человѣка, всѣхъ народовъ и всего человѣческаго рода“. И это знаніе, и это желаніе было присуще великому славянскому мыслителю. Итакъ, чтобы выяснить поставленный Коменскимъ принципъ, нужно имѣть въ виду его взглядъ на человѣка и его природу.

¹⁾ Мы должны при этомъ замѣтить, что почасти, въ отдѣльныхъ примѣненіяхъ въ дидактикѣ, положеніе это высказывалось и раньше Коменскаго,—такъ Монтень и Ратихъ уже утверждали, что «обученіе должно быть сообразно съ природой»; но Коменскій впервые созналъ это положеніе въ его *глубинѣ и всеобщности*, впервые послѣдовательно и всесторонне примѣнилъ его къ *цѣлой* педагогіи, не только къ обученію, но и къ воспитанію, наконецъ, онъ первый далъ ему вполне вѣрное *истолкованіе*, въ этомъ смыслѣ мы усвоимъ его Коменскому.

Есть два взгляда на природу человѣка. Одни признаютъ ее чистою „*tabula rasa*“, на которой опытъ пишетъ свои черты. По этому воззрѣнію, чрезъ воспитаніе можно сдѣлать изъ человѣка-дитяти что угодно, слѣдовательно, человѣкъ стоитъ въ полной зависимости отъ силы внѣшнихъ вліяній. Къ этой педагогической доктринѣ Локка примыкаютъ Бенеке и Гербартъ. Другой взглядъ допускаетъ въ человѣкѣ прирожденныя силы не только для развитія вообще, но и для развитія *индивидуальнаго*; по этому воззрѣнію, задача воспитанія не *созданіе* личности, а только *соотвѣствіе* всестороннему развитію человѣка, согласно естественнымъ законамъ развитія его силъ и способностей. Это начало, которое можетъ быть названо принципомъ *свободнаго развитія*, сообразнаго съ природою человѣка и съ законами самаго развитія, составляетъ основное воззрѣніе Коменскаго, которое позднѣе блестящимъ образомъ развили Дистервегъ ¹⁾.

Для Коменскаго природа человѣка не была пустымъ, не писаннымъ листомъ бумаги; это—живая *личность*, психо-физическій организмъ, заключающій въ себѣ самомъ законы для развитія, верно и корень для интеллектуальнаго и нравственнаго образованія. Всякій организмъ, даже низшій—растительный, развивается и растетъ изъ себя; природа только способствуетъ естественному развитію растенія изъ зерна, давая ему свѣтъ, воздухъ, теплоту и влагу. Вотъ типъ естественнаго и свободнаго развитія, которому долженъ подражать человѣкъ въ воспитаніи человѣка. Пусть растетъ дитя, дайте ему просторъ для развитія; не нужно мѣшать тому, что само стремится къ совершенству. Задача воспитателя *отрицательная*—удалить отъ дитяти вредныя вліянія, *положительная*—дать ему благоприятныя условія для свободнаго проявленія дѣятельныхъ силъ; все остальное совершится силою самодѣятельности природы, подчиненной неотразимому стремленію впередъ.

Больше уваженія къ общечеловѣческой и индивидуальной природѣ воспитанника — „*absit violentia rebus*“, — говоритъ Комвнскій: насиліе не создаетъ гармоніи, оно вноситъ только разладъ; воспитаніе, не сообразующееся съ природою дитяти и его естественными предрасположеніями,—это дрессировка, механическая выучка, не способная сдѣлать человѣка человекомъ. Все — въ *возбужденіи* самой природы къ развитію, къ проявленію, къ самодѣятельности, — сперва внѣшнихъ

¹⁾ См. *Diesterweg*, «Die Anlagen des Menschen und die aus ihrem Wesen entspringenden allgemeinen didactischen Gesetze und Regeln». Wegweiser, 1 Bd. 1860. S. 172 sqq.

чувствъ, а затѣмъ и высшихъ духовныхъ дѣятельностей. Въ живомъ, природенномъ человѣку принципъ развитія есть мощная и созидательная творческая сила, положительнѣе которой ничего нѣтъ для воспитанія. Это первичная и единственная его основа. Воспитатель есть только служебное орудіе принципа развитія, то-есть, развивающейся силы человѣческой природы. Это живое начало, ибо развитіе есть жизнь. Всѣ законы, правила, мѣры и средства воспитательной дѣятельности здѣсь имѣютъ свое начало и единственный источникъ.

Итакъ, по взгляду Коменскаго, воспитаніе вовсе не есть что-либо случайное и произвольное; это цѣлесообразное возбужденіе естественнаго процесса развитія человѣка. Но стремленіе къ развитію, положенное въ природу человѣка, не есть нѣчто неопредѣленное; не изъ каждаго человѣка, и не изъ каждой способности можно сдѣлать, что угодно, но только то, что лежитъ въ природѣ ея. Вотъ основа *индивидуальности* въ воспитаніи. Разнообразіе силъ въ живомъ существѣ не раздѣляетъ его; все въ одномъ и одно во всемъ, цѣлое живетъ въ своихъ частяхъ и части живутъ въ цѣломъ; нарушеніе равновѣсія въ развитіи, преобладаніе одной силы или части цѣлаго дѣлаетъ уродовъ; и такъ *цѣлостъ*, единство въ разнообразіи, *гармонія* и равномѣрность во всемъ составляютъ одно изъ высшихъ требованій воспитанія.

Мы сгруппировали здѣсь только общія и существенныя черты педагогическаго принципа воспитанія Коменскаго, подробности развитія его и примѣненія въ учебно-воспитательномъ отношеніи изложимъ ниже; но сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ глубоки тѣ основы, на которыхъ утвердился славянскій гений свое „великое“ зданіе.

Переходя затѣмъ къ дидактикѣ, мы находимъ, что и для этой части педагогикі Коменскій указалъ за два вѣка то, что полагается нынѣ въ ея основу. *Идея воспитывающаго обученія*, опредѣляющая всѣ средства, мѣры и формы нынѣшней школьной практики, вполне отчетливо выражена была Коменскимъ и развита съ свойственною ему полнотой и убѣдительностію ¹⁾. Во многихъ мѣстахъ своей „Дидактики“ Коменскій рѣшительно высказываетъ, что обученіе не можетъ имѣть само въ себѣ *последней* цѣли, что школы суть „мастер-

¹⁾ Идея обученія, соединеннаго съ воспитаніемъ, лежитъ въ основѣ всей „Дидактики“ Коменскаго и во многихъ мѣстахъ ея выражена имъ съ необыкновенною рельефностью. См. Did. Mag. Cap. IX, 4. Cap. X, 2, 3, 5. Cap. XII, 2—16, 18, 19 и до конца главы. Cap. XVII, fund. 9, 13, 14. Cap. XVIII, fund. 5, 22.

скія гуманности“ и должны готовить людей, а не однихъ ученыхъ. Цѣль школы — приготовленіе къ жизни (cap. XII, 2); учитель долженъ имѣть въ виду не сообщеніе блестящихъ и поверхностныхъ свѣдѣній, но знанія истинныя, основательныя и достойныя человѣка, добродѣтель и благочестіе, сѣмена которыхъ заключаются въ природѣ человѣка. Не ограничиваясь объективными задачами обученія, учитель, говоритъ Коменскій, сперва долженъ возбудить въ ученикахъ любознательность, чтобъ ученики не только знали, но и полюбили знаніе ¹⁾, тогда только они достигнутъ цѣли самообразованія. Указывая на природу, которая во всякомъ совершенномъ организмѣ сохраняетъ цѣлость и полноту ²⁾, Коменскій говоритъ: точно такимъ образомъ и школы должны, при образованіи человѣка, развить его такъ совершенно, чтобъ онъ сдѣлался способенъ достойно осуществить свое назначеніе. Въ школахъ учащіеся должны приобрѣтать не одни познанія, но и нравы, и религіозныя понятія. Школа изощряетъ разумъ, языкъ и руки человѣка, чтобъ онъ могъ все полезное разумно изслѣдовать, разсудить и исполнить. „Prorsus itaque et sine exceptione, eo tendendum est, ut in scholis et dehinc scholarum beneficio in *tota vita* ingenia scientiis et artibus excolantur, linguae perpoliantur, mores ad omnem honestatem formentur, Deus sincere colatur“. И далѣе: Quod fiet, si *scholae* efficere fatigant homines mente sapientes, actionibus prudentes, corde piis“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о развитіи разума, воли и памяти (quae increatam trinitatem referunt), онъ разъясняетъ эту задачу школы такъ: „Haec igitur munia sua facultates illae ut obire dextre possint, instrui eas plane necesse est talibus, quae intellectum illuminent, voluntatem dirigant, conscientiam extiment: quo *intellectus* acute penetret, *voluntas* sine errore eligat, *conscientia* avidè omnia ad Deum reflectat. Quemadmodum igitur facultates illae (intellectus, voluntas et conscientia), quia eandem constituunt animam, *divelli non possunt*: ita tria illa animae ornamenta, *eruditio, virtus, pietas, divelli non debent*“ ⁴⁾. Мы не знаемъ другаго

¹⁾ Did. Mag. Cap. XVII, 8.

²⁾ Did. Mag. Cap. XVIII, fund. 2.

³⁾ Did. Mag. Cap. X, 2, 3.

⁴⁾ Ibid. Cap. X, 7. Memoria и conscientia соединяются тѣсно межъ собою въ своеобразномъ ихъ пониманіи у Коменскаго. «Memoria ea, in quibus intellectus et voluntas sese unquam occupant in futurum usum recondit, animamque dependentiae suae atque officii commonefaciat; quo respectu *conscientia* etiam dicitur». Это морально-психологическая точка зрѣнія на процессъ «памяти».

мѣста, гдѣ съ такою ясностію и силой выражена была бы идея *нераздѣльности* и *внутренняго единства* обученія съ воспитаніемъ. Мы могли бы привести много другихъ мѣстъ, гдѣ это начало развивается въ подробностяхъ; но мы еще съ нимъ встрѣтимся далѣе.

II. Что касается до такъ-называемыхъ *законовъ дидактики*, то изложеніе ихъ почти до тождества сходно съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у Дистервега, у Шмидта и другихъ современныхъ педагоговъ. Это замѣчательное явленіе просто объясняется тѣмъ, что законы эти, какъ высшія и относительно-первичныя понятія, непосредственно заключаются въ основномъ принципѣ педагогиі, установивъ который, Коменскій невольно пришелъ къ сознанію послѣднихъ: таково свойство всякаго истинно-научнаго принципа. Эти законы обученія, какъ и основное начало науки о воспитаніи, неизмѣнны, ибо имѣютъ психологическую основу и въ сущности представляютъ только развитіе принципа высшаго. Такимъ образомъ всѣ столь знакомыя нынѣ всѣмъ положенія, каковы: нужно идти отъ близкаго къ далекому, отъ простаго къ сложному, или — „обученіе должно быть постепеннымъ“, „сперва фактъ, а затѣмъ слово“ и т. п., всѣ эти истины извѣстны были Коменскому и онъ есть истинный ихъ *inventor*, если можно только назвать изобрѣтеніемъ извлеченіе въ свѣтъ того, что лежало раньше въ глубинѣ природы человѣческой и чему человѣкъ слѣдовалъ во всѣ вѣка безсознательно ¹⁾. Значеніе этихъ законовъ въ высшей степени важно для организаціи обученія. Коменскій, опираясь на эти неизмѣнныя основанія, начерталъ такой способъ обученія, который и въ наше время сохраняетъ свое значеніе, хотя начертанъ за два вѣка до насъ.

Коменскій пишетъ, напримѣръ, свои „начала легчайшаго обученія“; но откуда онъ ихъ извлекаетъ? Изъ природы человѣка, потому что основной принципъ педагогиі— „воспитаніе должно быть естествен-

¹⁾ Замѣчательно, что у Коменскаго мы находимъ даже и ту отрывистую *поэтическую* форму, въ какой эти «начала» повидѣ выскзалъ Дистервегъ и другіе педагоги. Напримѣръ: «*Omnia gradatim, nihil per saltum!*» «*Faciliora prius*». «*Nihil intempestive*». «*Materiam ante formam*». «*Non cessandum, nisi opere peracto*». «*Nihil praegravate*» etc. У Дистервега: «*Lehre möglichst wenig!*» «*Vom Leichterem zum Schwererem!*» «*Von der Sache zum Zeichen!*» «*Stehe nie Still!*» und v. w. Wegweiser, 1850. S. 204—278. Параллельное чтеніе началъ дидактики, положенныхъ у Коменскаго и Дистервега, весьма интересно, такъ какъ нѣмецкій педагогъ слушитъ во многихъ отношеніяхъ прекраснымъ комментаторомъ нашего педагога, и нынѣ сохраняющаго значеніе великаго руководителя въ наукѣ о воспитаніи и обученіи.

нымъ — не допускаетъ другаго источника, кромѣ природы человѣка. Но природа идетъ отъ легкаго къ трудному, — таково должно быть и обученіе; въ то же время взятое начало освѣщаетъ цѣлый рядъ отрицательныхъ явленій, которыя выясняютъ его и придаютъ ему правильскія формы.

Указанныя Коменскимъ начала (fundamenta) воспитывающаго обученія такъ интересны и важны для характеристики педагогическихъ его воззрѣній, что мы считаемъ необходимымъ сдѣлать хотя краткій анализъ трехъ главъ „Дидактики“, посвященныхъ этому важному предмету; именно, главъ: XVI, „Docendi et discendi requisita generalia, h. e. quomodo docendum et discendum sit certo, ne possit non sequi effectus“; XVII, „In docendo et discendo facilitatis fundamenta“, и XVIII, „Soliditatis in docendo et discendo fundamenta“.

Въ главѣ XVI-й, раскрывая начала, на основаніи которыхъ можно вести обученіе съ полною увѣренностію (certo) на успѣхъ дѣла, Коменскій прежде всего устанавливаетъ общій принципъ дидактики: „обученіе должно быть сообразно съ природою“¹⁾. Какъ дѣятельность сознательная, обученіе должно опираться на ясно сознанныя начала, заимствованныя изъ природы. Если отъ хорошаго садовника требуется, чтобы онъ изучилъ дерево, ухаживая за нимъ, его потребности относительно сохраненія и питанія, то тѣмъ болѣе воспитатель долженъ изучить природу дитяти, которая, безъ сравненія, сложнѣе всякаго растенія, и ухаживать за которымъ требуетъ большаго вниманія и заботы²⁾. Не нужно забывать, что Коменскій далекъ былъ отъ взгляда на душу, какъ на *tabula rasa*; онъ допускалъ въ душѣ дитяти прирожденныя основы для

¹⁾ Съ этого же принципа начинается изложеніе дидактическихъ началъ и Дистерверга. «Unterrichte naturgemäss! D. h., der Unterricht muss sich an die menschliche Natur und deren Entwicklungsgesetze anschliessen. Dieses ist das oberste, höchste Gesetz für allen Unterricht». См. Wegweiser. 1850 г. 1-er Bnd., S. 204 sqq.

²⁾ Коменскій приводитъ слова притчи Спасителя (Марк. IV, 26) о семени, которое упавъ на плодородную почву, постепенно возрастаетъ и развиваясь, приноситъ добрый плодъ. Въ душѣ дитяти также положены семена развитія: нужно дать имъ свободу, поставить въ благопріятныя условія и онъ выростетъ и принесетъ плодъ. «Juventutem proinde instituentibus nihil aliud incumbit, quam ut doctrinarum semina dextre in animos spargant, plantulasque Dei provide rigent, successus et incrementa superne venient». Задача воспитателя болѣе отрицательная, охраненіе, предупрежденіе, чѣмъ положительная, созданіе новаго; правильный методъ образовательнаго вліянія учителя на ученика заключается именно въ приспособленія воспитывающаго вліянія на дитя къ основнымъ законамъ его психо-физическаго развитія. Did. Mag. Cap. XVI, 1—6.

развитія психофизическаго, естественнаго предрасположенія, на основаніи которыхъ образуется индивидуальная личность ¹⁾. Коменскій уважалъ природу и ея требованія, ибо знаетъ, что все искусственно созданное непрочно, невѣрно.

Первое, что должно имѣть въ виду при обученіи, безъ сомнѣнія, его *благовременность*: „*Nihil intempestive!*“ . „*Natura temporis commodo attendit*“ ²⁾. Посмотрите на птицу. Она не начинаетъ нести яйца зимою, когда все охладѣло и окончено, не несетъ ихъ и лѣтомъ, когда жаръ все расслабляетъ и обезсильваетъ, а также осенью, когда общая жизненность убываетъ вмѣстѣ съ силой солнца; но несетъ ихъ весною, когда солнце всему даетъ жизнь и силу. И дагѣ, природа сохраняетъ постепенность. Пока въ природѣ еще холодно, яйца развиваются въ организмѣ птицы, гдѣ они защищены отъ стужи, а когда наступитъ тепло, она кладетъ ихъ въ гнѣздо, и наконецъ, въ болѣе теплую часть года выводитъ птенцовъ, приучая ихъ постепенно къ измѣненіямъ температурн. Указавъ затѣмъ на примѣры садовника, также наблюдающаго благовременность въ посадкѣ растений, и архитектора, сперва приготовляющаго планъ и матеріалъ, а затѣмъ приступающаго къ строенію, Коменскій указываетъ на вредъ несоблюденія этого требованія въ школахъ и дѣлаетъ выводъ: Образование человѣка должно начинаться въ весну жизни, то-есть, въ дѣтствѣ (*formationem hominis inchoari debere aetatis vere: id est, in pueritia*). Дѣтство отвѣчаетъ веснѣ, юность подобна лѣту, мужество—осень, а старческій возрастъ это зима жизни. Слишкомъ рано начинать ученіе также не хорошо, какъ и очень поздно. Пока дитя младенецъ (*dum puer est infans*), его нельзя учить, потому что корень его разумѣнія (*intelligentiae radix*) лежатъ еще глубоко. Въ старости же учить человѣка слишкомъ поздно, потому что разсудокъ и память у него убываютъ. Въ среднемъ возрастѣ образованіе затруднительно, ибо сила разума, разсѣянная разнообразіемъ предметовъ, съ трудомъ можетъ быть сосредоточена. „*Observanda igit-*

¹⁾ Коменскій необыкновенно глубоко и вѣрно понималъ значеніе *индивидуальности* въ воспитаніи; идеи его объ этомъ предметѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія педагоговъ, и мы возвратимся еще къ этому вопросу. Известно, что индивидуализація учебно-воспитательныхъ мѣръ составляетъ въ настоящее время одну изъ труднѣйшихъ проблемъ педагогіи. См. у Дистервега: «*Berücksichtige die Individualität deiner Schüler!*» Wegweiser. 1 Bd. S. 252 sqq.

²⁾ Did. Mag. Cap. XVI, fund. 1. Ср. у Дистервега: «*Verfrühe nichts!*» «Не учите ничему рановременно, потому что ученье обратится въ муку и будетъ бесплодно». Wegweiser. 1 Bd. S. 218.

tur juvenilis aetas, dum vitae et rationis vigor ascendit: tunc alescunt, facileque altas radices agunt omnia“. Такимъ образомъ и само образованіе, начавшись благовременно, будетъ идти параллельно развитію мыслящей силы въ человѣкѣ.

Отсюда же слѣдуетъ, что и при выборѣ учебныхъ часовъ для занятій, необходимо отдавать предпочтеніе утреннимъ часамъ, какъ наиболѣе для этого пригоднымъ (*matutinas horas studiis esse accommodatissimas*¹⁾), ибо времена дня соотвѣтствуютъ временамъ года (*mane veri, meridies aestati, vespera autumno, nox hiemi respondent*); и наконецъ, все изучаемое должно быть располагаемо въ строгой постепенности и соотвѣтствіи возрасту учащихся, такъ чтобы дѣтамъ не предлагалось ничего, что еще недоступно ихъ разумѣнію²⁾.

Второе основаніе надежнаго обученія выражаетъ идею необходимости предварительной *подготовки* учащихся, сообщенія ученикамъ содержанія прежде формъ: „*Materiam ante formam!*“ — „*Natura sibi parat materiam, antequam introducere incipiat formam*“³⁾. Мы уже говорили выше объ этомъ требованіи, которое такъ часто нарушалось и нарушается въ школахъ. Руководясь означеннымъ требованіемъ, говоритъ Коменскій, нужно преобразовать методъ обученія съ самой его основы, для чего необходимо: а) имѣть достаточный запасъ книгъ и всѣхъ другихъ учебныхъ пособій, б) заботиться о развитіи разсудка прежде языка, в) обучать языкамъ не по грамматикѣ, но по избраннымъ авторамъ, д) реальныя науки предпосылать формальнымъ (*organicis*) и е) примѣры давать прежде правилъ⁴⁾.

Третье правило вѣрнаго обученія служить развитіемъ второго: „*Natura operationi suae subjectum aptum sumit, aut certe ut aptum reddatur, sibi primo idonee praeparat*“⁵⁾. Конечно, природа человѣка по существу своему имѣетъ *предрасположеніе* къ знанію, къ развитію,

¹⁾ «Die Morgen Stunde

Hat Gold in Munde»,

говорятъ бережливыя и аккуратныя во времени Нѣмцы, слѣдуя старой латинской пословицѣ: «*Aurora labori amica*».

²⁾ «*Omnia quae discenda sunt, ita esse juxta aetatis gradus disponenda, ut nihil nisi quod captus admittit, discendum proponatur*». Did. Mag. Cap. XVI, 10.

³⁾ Did. Mag. Cap. XVI, fund. 2.

⁴⁾ «*Conficitur inde, ad methodum e fundamento emendandum opus esse: a) libris aliisque omnibus instrumentis, paratis; b) intellectum formari ante linguam; c) linguam nullam disci e grammatica, sed ex auctoribus idoneis; d) reales disciplinas praemittere organicis; e) exemplaue regulis*». Did. Mag. Cap. XVI, 19.

⁵⁾ Did. Mag. Cap. XVI, fund. 3. Ср. у Дистервега, Wegweiser, 1 Bnd. 5.278.

и въ этомъ смыслѣ каждое дитя „*subjectum artium*“ для обученія; но часто условія развитія и сила внѣшнихъ вліяній подавляютъ зародыши этого влеченія дѣтской природы. Задача учителя вывѣсть въ дитяти *расположеніе* къ умственному труду, потребность развитія, *подготовить* живой матеріалъ для педагогической обработки. Къ этой цѣли направлены всѣ такъ-называемыя предварительныя упражненія, которыя нынѣ входятъ въ элементарный курсъ каждой начальной школы, начиная съ обученія чтенію и письму, и кончая обученіемъ закону Божію. Коменскій указываетъ на птицу, которая заботливо приготовляетъ все необходимое для вывода птенцовъ; на работы садовника, разчищающаго мѣсто и удобряющаго почву; на труды живописца, приготовляющаго сперва полотно и краски, обдумывающаго свою идею, и строителя, который также сперва приготовляетъ и обрабатываетъ матеріалъ, приспособляя его къ постройкѣ, а затѣмъ уже приступаетъ къ возведенію зданія ¹⁾). Такимъ образомъ, говоритъ онъ, и учитель долженъ предрасполагать души учениковъ къ тому, что предложится имъ, долженъ удалить всѣ препятствія для усвоенія знаній и сообщить такимъ образомъ обученію прочность ²⁾).

Слѣдующее затѣмъ основаніе направлено противъ *многopредметности* учебнаго курса, противъ *слитности* предметовъ и занятій, предлагаемыхъ для *единовременнаго* изученія ученику. „*Omnia distincte nihil confuse!*“ Природа, говоритъ Коменскій, не сливается въ своихъ дѣятельностяхъ, но раздѣльно развивается въ своихъ частяхъ ³⁾). Всякій организмъ образуется постепенно, шагъ за шагомъ идя впередъ. Строитель сперва полагаетъ фундаментъ, затѣмъ возводитъ стѣны, а наконецъ, кладетъ и крышу, „*sed unum quodque suo tempore et loco*“. И такъ во всякомъ искусствѣ. Зачѣмъ же человѣкъ не соблюдаетъ этого требованія природы въ искусствѣ обученія и даетъ разомъ то, что можетъ быть принято душою дитяти только постепенно? Коменскій приводитъ правило и примѣръ Скалигера, извѣстнаго своею ученостію, который также стоялъ за послѣдовательность изученія знаній и за-

¹⁾ «*Sic architectus, desectis quam optimis lignis, desiccat illa insuper, deasciat, ferra defendit, tum aream complanat, depurgat, fundamenta nova ponit, aut vetera, ut usui sint, reparat et solidat etc.*» (Ibid).

²⁾ «*Posthac igitur a) quicumque scholae traditur, perseveret; b) quodcunque studium tractandum sumitur, animi discipulorum ad illud praedisponantur; c) impedimenta discipulis omnia auferantur.*» Did. Mag. Cap. XVI, 25.

³⁾ «*Natura se non confundit operibus suis, distincte procedit in singulis.*» Ibid. Cap. XVI, Fund. 4.

включаетъ: „Fiat igitur in scholis quoque, ut uno tempore non nisi *uno studio* occupentur discipuli“¹⁾.

Правило *пятое*: „Interiora prius!“ Природа начинаетъ всякую свою дѣятельность *изнутри* (Natura omnem operationem suam ab intimis incipit),—это общій законъ всякаго органическаго роста и развитія живыхъ существъ. Правило это хорошо знакомо садовникамъ, но его часто игнорируютъ педагоги, которые даютъ заучивать ученику наизусть то, чтѣ еще не можетъ быть воспринято его разумомъ²⁾. Стволъ, вѣтви, листья и цвѣты являются только изъ корня; итакъ, образователь юности долженъ сперва культивировать корень знанія, то-есть, разумность дитяти (scientiae radicem, id est, intellectum), а затѣмъ знаніе легко образуется въ стволъ—память, тогда уже явятся цвѣты и плоды (expeditus linguae usus et rerum praxis). Итакъ, прежде всего должно развивать разумъ, затѣмъ память, наконецъ языкъ и руки³⁾.

Шестое правило надежнаго обученія касается основъ и организаціи элементарнаго курса: „Generalia prius!“ Природа всякое образованіе свое начинаетъ съ самаго общаго (элементарнаго) и кончаетъ спеціальнѣйшимъ (natura omnem suam formationem a generalissimis incipit, in specialissimis desinit). Итакъ, нужно учить сперва основаніямъ и общему, а затѣмъ выводамъ и частностямъ; нужно дать сперва *общій очеркъ* науки, въ ея *элементарномъ видѣ*, затѣмъ давать систему, а наконецъ уже переходить къ спеціальной обработкѣ частныхъ вопросовъ ея⁴⁾. Всѣ науки, искусства и языки должны въ обученіи начинаться съ простѣйшихъ элементовъ, и затѣмъ, постепенно осложняясь, восхо-

¹⁾ Did. Mag. Cap. XVI, 32. Ниже это положеніе поясняется и развивается подробнѣе. Ср. у Дистервега: «Vertreibe mit deinen Schülern die Gegenstände mehr nach-als nebeneinander». Wegweiser. 1 Bd. S. 269.

²⁾ Вотъ отвѣчающее этому началу обученія Коменскаго положеніе Дистервега: «Lehre nie Etwas, was der Schüler noch nicht fasst!» Законъ этотъ истолкованъ и развитъ у Дистервега съ замѣчательною ясностію и вполне практичeskимъ тактомъ. См. Wegweiser. 1850. 1 Bd. S. 246 sqq.

³⁾ «Ideoque post hac, intellectus rerum primo formetur, secundario memoria, tertio lingua et manus». Ibid. Cap. XVI, 37.

⁴⁾ Вотъ сравненіе, которое приводитъ Коменскій для выясненія этого требованія. «Ex ovo productura avem, говорятъ онъ, non primo effingit aut efformat caput, vel oculum, vel plumam, vel unguem; sed *totam* ovi *massam* inculefacit, caloreque excitato motu venas per universam diducit, ut delineaciuncula jam totius aviculae (quid nempe in caput, quid in alas, quid in pedes etc. abire velit) exstet, demumque paulatim singula elaborantur, ad perfectionem usque». Did. Mag. Cap. XVI, 38.

дѣть къ системѣ¹⁾. Въ азбукѣ сначала даются гласныя, какъ элементарныя звуки рѣчи, затѣмъ согласныя, далѣе болѣе сложныя соединенія звуковъ въ словахъ и предложеніяхъ; грамматика же является на вонцѣ, какъ результатъ и завершеніе всѣхъ предшествующихъ работъ. Въ такомъ процессѣ обученія много выгодъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ, ученіе встрѣчаетъ не новое нѣчто, но извѣстное уже ему и только подробнѣе обработанное (*talis dispositio, ut sequentia postea studia nihil videantur adferre novi, sed tantum sint priorum particularior quaedam evolutio*)²⁾; комментарий при такомъ обученіи также излишнъ (*a fundamento enim rem qui capit, commentarius non adeo eget*): „commentari potius ipsemet paulo post poterit“.

„Природа не дѣлаетъ скачковъ, но идетъ шагъ за шагомъ“ (*Natura non facit saltum, gradatim procedit*) говорить седьмое правило вѣрнаго обученія. „*Omnia gradatim, nihil per saltum*“—это основной законъ для правильнаго расположенія *предметовъ* обученія, *времени* занятій, *дѣятельности*-учителя и ученика. У кого крылья не выросли, тому летать нельзя; у кого не развился разумъ, тому не привьется наука. Итакъ, все ученіе должно быть такъ организовано, чтобъ одни знанія приготовляли къ другимъ, чтобъ эта послѣдовательность знаній была не случайнымъ совмѣщеніемъ, но имѣла рациональную основу, и чтобы все вмѣстѣ представляло цѣлость и единство, имѣющія одну общую цѣль. Начинать нужно съ той точки развитія, на которой ученикъ остановился, и послѣдовательно идти далѣе. Затѣмъ, чтобы не было скачковъ въ учебномъ курсѣ, необходимо всегда заранѣе дѣлать *распредѣленіе* занятій, такъ чтобы на каждый годъ, мѣсяць, даже день и часъ, приходилось извѣстное занятіе. Наконецъ, сдѣлавъ такое *распредѣленіе* занятій и времени, нужно строго его держаться, ибо „всеу законы писать, когда ихъ не исполнять“; всѣ пропуски, перемены ученія нарушаютъ послѣдовательность курса и непрерывную постепенность развитія учащихся³⁾.

¹⁾ Это правило обученія Коменскаго весьма основательно и вѣрно высказано Дистервегомъ, который предлагаетъ его въ видѣ такого тезиса: „*Unterrichte nicht wissenschaftlich, sondern elementarisch!*“ Wegweiser, 1850. 1-er Bd. S. 231—237.

²⁾ Ср. у Дистервега: „*Vertheile und ordne den Stoff so, das (wo es nur möglich ist) auf der folgenden Stufe in dem Neuen das Bisherige immer wieder vorkommt.*“ *Dистервегъ*, Wegweiser. Essen. 1850. 1 Bd. S. 257.

³⁾ Значеніе этихъ требованій въ высшей степени важно для успѣха обученія. Вотъ собственныя «*emendationes*» Коменскаго: а) „*Studiorum universitas in classes accurate dispescatur, ut priora posterioribus ubique viam sternant, fa-*

Дополненіемъ и развитіемъ седьмаго дидактическаго начала слѣжить *восемь*: „Non cessandum, nisi opere peracto!“ Природа, начавъ что-либо, не останавливается, пока не окончитъ начатаго (Natura dum incipit, non cessat, donec absolvat). Коменскій вполне сознавалъ тотъ вредъ, какой приносятъ успѣхамъ обученія частые перерывы его, опущенія классовъ, преждевременный выходъ изъ школы. Онъ указываетъ на природу, которая никогда не терпитъ подобныхъ задержекъ и неутомимо, безостановочно до конца выполняетъ свои образованія. „Куй желѣзо, пока горячо“, говоритъ пословица; учи дитя, пока для него еще свѣжо пріятное впечатлѣніе знанія, пока оно привлекаетъ его. Итакъ, обученіе не можетъ разчитывать на успѣхъ, пока а) курсъ обученія не будетъ проходиться сполна, безъ чего не выполнены задачи религіозно-нравственнаго и интеллектуальнаго образованія; б) пока школу будутъ беспокоить, тревожить и перебивать занятія внѣшнимъ шумомъ; в) пока планъ занятій не будетъ выполняемъ безъ перерывовъ, и наконецъ, д) пока будутъ терпимы опущенія классовъ и отлучки изъ школы ¹⁾.

Наконецъ, всѣ приведенныя начала надежнаго обученія Коменскій заключаетъ *отрицательнымъ* требованіемъ — „Contraria vitanda!“ — *предохранять* школу, обученіе и учащихся отъ всего вреднаго (Natura diligenter contraria et noxia vitat). Онъ обращаетъ особенное вниманіе на тотъ вредъ, который происходитъ отъ преждевременнаго внесенія въ школу критики и сомнѣнія въ изучаемомъ ²⁾, а также и

cesque accendant; b) tempora distribuuntur exquisite, ut cuique anno, mensi, diei, horae, suum peculiare veniat pensum; c) dimensio haec temporis et operarum observetur stricte, ne quidquam praetereatur, quidquam invertatur». Did. Mag. Cap. XVI, 50. Это правило обученія прекрасно высказано позднѣе Дистервегомъ, который даетъ ему такую формулу: «Beginne den Unterricht auf dem Standpunkte des Schülers, führe ihn von da aus stetig, ohne Unterbrechung, lückenlos und grundlich fort!» *Diesterweg*, Wegweiser, 1-er Bd. 1850. S. 211 sqq.

¹⁾ Вотъ это требованіе: а) «Scholae deditus retinetor, dum in hominem eruditum, moratum, religiosum, evadat; б) schola sit in loco tranquillo, a turbis et avocamentis remoto; в) quidquid ex praescripto agendum est agatur, nullo admissio hiato; д) emansiones et evagationes nemini concessae sunt». Did. Mag. Cap. XVI, 56.

²⁾ Это мѣсто замѣчательно, ибо оно свидѣтельствуетъ о глубоко-варномъ педагогическомъ тактѣ Коменскаго. «Imprudenter igitur fit, говоритъ онъ, quoties juventuti ab initio statim alicujus studii *controversa* proponuntur, id est, *dubium* de ea re, quae menteprehendenda est, movetur. Illud enim quid est nisi *plantulam*, radices agere cupientem, *quassare?*» Did. Mag. Cap. XVI, 61. Нужно дать время укрѣпиться усвоеннымъ *положительнымъ* основамъ развитія и обра-

на вредъ отъ внѣкласснаго многоочтенія и чтенія книгъ безъ разбора, о чемъ мы уже говорили выше. Въ школѣ должно передавать только общепризнанное. Голова учащагося въ школѣ, имѣющей цѣлю общее образованіе, должна усвоить то, что добыто наукой, что составляетъ истину въ данное время; для критики нужны тавія условія, которыхъ не можетъ имѣть школьникъ. А духъ сомнѣнія и развѣдающей скептицизмъ, не руководимые основательнымъ развитіемъ, безъ прочныхъ знаній и самостоятельно выработанныхъ убѣжденій, могутъ только преждевременно повредить естественному и здравому образованію учащагося, какъ въ моральномъ, такъ и въ интеллектуальномъ отношеніяхъ.

Изложивъ начала воспитывающаго обученія, обеспечивающія вѣрній успѣхъ его, Коменскій обращается къ изложенію началъ обученія *легкаго* и пріятнаго. Наблюдая опять за ходомъ естественнаго развитія природы, Коменскій находитъ для легкаго обученія 10 главныхъ положеній ¹⁾.

Первое: природа избираетъ для своихъ операцій *чистую матерію* (*materia pura sumitur*), неспорченную; ученье также только въ такомъ случаѣ будетъ идти успѣшно, если дѣти еще не испытали вліяній вредныхъ, не приобрѣли дурныхъ навывовъ. Легче внучить молодую лошадь, никогда не бывшую въ упряжи, чѣмъ ту, которая приобрѣла уже себѣ „ндровъ“ ²⁾. Для успѣха дѣла, нужно начинать ученье во время и прежде всего заботиться о нравственномъ образованіи, а затѣмъ и о званіи ³⁾.

званія, — вотъ первая задача школы; критика же составляетъ область самостоятельныхъ работъ специальныхъ; критика безъ специальныхъ основъ—пустое веркоглядство, рождающее пошлую самоувѣренность, или жалкое повтореніе чужихъ мнѣній, отличающихся наибольшою эксцентричностью.

¹⁾ «Apparebit autem, ubi naturae vestigia excusserimus, institutionem juventutis facile processuram, si 1) mature incipiat, ante mentium corruptionem; 2) cum debita animorum praeparatione fiat; 3) a generalioribus ad specialiora procedat; 4) et a facillioribus ad difficiliora; 5) si nemo discendorum nimietate praegravetur; 6) et lente procedatur, ubique; 7) et ad nihil cogantur ingenia, nisi quod altro, aetatis et methodi ratione, appetant; 8) et tradantur omnia per sensus praesentes; 9) et ad usum praesentem; 10) et omnia una eademque methodo perpetua. Ita inquam fiet, ut *leniter et jucunde* influant omnia». Did. Mag. Cap. XVII, 2.

²⁾ «Natura non nisi a privatione incipit». — «Quo tardius formatio incipit, eo procedere impeditius, mente scilicet aliis jam preoccupata». Did. Mag. Cap. XVII. fund. 1.

³⁾ «Recte igitur Seneca: mores primum, mox sapientiam discas; quae sine mo-

Второе: природа такъ предрасполагаетъ матерію къ формѣ, что она сама къ ней стремится (*Natura materiam praedisponeit, ut formas fiat appetens*). Кто не позаботится о томъ, чтобы возбудить въ ученикахъ своихъ жажду ученія, любознательность и стремленіе къ развитію, тотъ не будетъ имѣть успѣха, ибо все насильственное отталкиваетъ и отвращаетъ природу дитяти ¹⁾. Итакъ, прежде всего всѣми мѣрами должно стараться возбудить въ учащихся горячее *желаніе* знать и учиться; затѣмъ самый способъ обученія долженъ облегчать трудъ ученія ²⁾.

Коменскій здѣсь подробно рассматриваетъ, чѣмъ возбуждается и поддерживается любознательность въ учащихся со стороны родителей, учителей, методовъ ученія, школы и даже школьнаго начальства (*magistratus et scholarum curatores*). *Родители* могутъ вліять на возбужденіе и поддержку любознательности въ дѣтяхъ, когда они съ уваженіемъ и любовію относятся къ ученымъ, къ умственному труду и особенно къ учителямъ (*amor quippe et admiratio vehementissimi sunt ad imprimendum imitandi studium affectus*). *Учители* для той же цѣли должны относиться къ дѣтямъ ласково, дружески, снисходительно, уногребляя награды и поощренія. ³⁾ *Школа* должна быть самымъ привлекательнымъ мѣстомъ для дѣтей; внутри она должна быть изящна, должна быть украшена картинами, картами, моде-

ribus, male discitur. — «*Mores ante omnia redigantur in harmoniam, ad formatioris nutum*». Ibid. Cap. XVII, 8, 9.

¹⁾ Это начало дидактики Коменскаго основательно развито Дистервегомъ въ его «*Regeln für den Unterricht in Betreff des Lehrers*», составляющихъ лучшія страницы его *Wegweiser*'а. См. «*Wegweiser*», изд. 1850 года, т. I. стр. 278 и слѣд.

²⁾ «*Sciendi et discendi ardor quacunq̄ ratione in pueris inflammandus est; docendi methodus discendi laborem minuat*». Did. Mag. Cap. XXII, fund. 2.

³⁾ Этотъ взглядъ Коменскаго на отношеніе учителя къ ученикамъ, доведенный притомъ до крайности, въ послѣдствіи легъ въ основу школьныхъ занятій въ еллантропинѣ Базедова. Вотъ собственныя слова Коменскаго: «*Praeceptores vero si fuerint affabiles et blandi, nulla tetricitate a se animos absterrentes, sed paterno affectu, gestu, verbis ad se allicientes; si studia, quae aggrediuntur, a praestantia, jucunditate, facilitate, commendent; si diligentiores subinde collaudent (pulsionibus etiam *poma, nuses, saccarum* etc. distribuentes); si ad se vocatis vel publice etiam, eorumque aliquando discenda erunt picturas, instrumenta optica, geometrica, globos coeli, et similia quae eos in admirationem rapere possent, commonstrent; si per ipsos parentibus aliquid subinde nuntient. Verbo si discipulos amanter tractabunt, facile illis cor suffurabuntur, ut vel saepius in schola, quam domi versari gaudeant*». Did. Mag. Cap. XVII, 16. Ср. у Дистервега: «*Suche den Unterricht anziehend zu machen!*» *Wegweiser*. 1 Bnd. 1850. S. 278.

лями и проч.; внѣшній видъ долженъ отличаться благообразіемъ; при шкодѣ долженъ быть плацъ для игръ и садъ для прогулокъ: „hoc enim est miscere utile dulci“. *Методъ* обученія, возбуждающій любознательность, прежде всего долженъ быть *естественнымъ* (methodus ipsa, ut appetitum studiorum excitet, necesse est, primo *naturalem* esse), ибо что естественно, то само собою свободно (sua sponte) развивается и идетъ впередъ. Вода сама течетъ подъ гору и птицу не нужно насильственно приучать къ летанію. Коменскій совѣтуетъ самой формѣ обученія сообщать привлекательность посредствомъ живыхъ домашнихъ бесѣдъ, а также загадокъ, притчъ, аллегорій¹⁾. Училищное *начальство* поощряетъ учащихся похвалами, наградами на публичныхъ актахъ (declamationes et disputationes, sive examina et promotiones).

Третье начало легкаго обученія: „Omnia e principijs propriis!“ Природа все извлекаетъ изъ началъ по объему ничтожныхъ, но сильныхъ качествомъ (Natura omnia e principijs, mole exiguis, virtute validis, educit). Въ маленькомъ зародышѣ зерна растенія или въ яйцѣ животнаго заключена живая сила, образующая дерево, растеніе, животное. Итакъ, слѣдуя этому закону природы, въ обученіи должно учить *сосредоточенно*, избѣгая множества словъ. Все преподаваемое нужно заключать въ краткія, но точныя правила; всякое правило должно быть выражено сжато, но ясно и отчетливо; всякому правилу необходимо придавать возможно большее количество примѣровъ, такъ чтобы обнаружилось исполнѣ его всестороннее примѣненіе²⁾.

Начало четвертое: „Faciliora prius!“ Природа идетъ отъ легкаго къ трудному (Natura a facilibus ad difficiliora progreditur). Это общій законъ всѣхъ естественныхъ образованій природы, которому должна слѣдовать и школа. На основаніи этого начала Коменскій требуетъ, чтобы а) учитель говорилъ на родномъ языкѣ ученика, и на этомъ языкѣ предлагалъ бы правила языковъ вновь изучаемыхъ; б) чтобы всѣ объясненія предметовъ также совершались на языкѣ родномъ (omnes rerum explicationes lingua nota fiant); в) чтобы грамматика и лексиконъ приспособлялись къ тому языку, который служитъ посредствующимъ при изученіи другаго (латинскій — родному, греческій — латинскому); д) чтобы занятіе новыми языками совершалось постепенно (gradatim):

¹⁾ Ibid. Cap. XXII, 19.

²⁾ «Omniem artem brevissimis, sed exactissimis, includendam esse regulis; omnem regulam brevissimis, sed lucidissimis, concipiendam verbis; omni regulae subjungenda plurima exempla, ut quam varie pateat regulae usus sufficienter pateat». Did. Mag. Cap. XVII, 24.

сначала ученикъ пусть привыкаетъ *понимать* рѣчь (*id enim facillimum*), затѣмъ учится *писать* (*ubi praemeditationi tempus datur*) и наконецъ, научается *говорить* (*quod quia extemporaneum est, difficillimum*); е) такъ какъ латинскій языкъ наиболѣе приспособляется къ родному, то необходимо, чтобы родная рѣчь всегда предшествовала латыни; ф) самые же предметы всегда должны быть распредѣляемы такимъ образомъ, чтобы сперва изучались окружающіе ученика, затѣмъ близкіе предметы, потомъ болѣе отдаленные и наконецъ, самые далекіе ¹⁾. Примѣры къ правиламъ, для разъясненія послѣднихъ, Коменскій не совѣтуетъ брать изъ областей отдаленныхъ и неизвѣстныхъ, но изъ ежедневной жизни (*ex quotidiano usu*), а иначе дѣти не поймутъ ни самихъ правилъ, ни ихъ примѣненія (*pes regulam, pes regulae usum, intelligent*). г) Наконецъ, сперва должно упражнять *ощущенія чувства* дитяти (*hoc est facillimum*), потомъ память, далѣе разсудокъ и наконецъ сужденіе; ибо они естественно развиваются въ такой послѣдовательности ²⁾.

Пятое основаніе легкаго обученія направлено противъ чрезмѣрнаго обилія предметовъ и занятій въ школахъ: „*Nihil praegravate!*“ ³⁾ Природа не обременяетъ себя, но довольна малымъ (*Natura se non praegravate!*)

¹⁾ «*Res ipsae ita coordinantur perpetuo, ut primo innotescant quae in proximo sunt, tum quae in propinquo, post remotiora, tandem remotissima*». *Did. Mag. Cap. XVII, 28*. Эти положенія Коменскаго почти буквально повторяетъ Дистервергъ. «*Schreite, говоритъ онъ, vom Nahen zum Entfernten, vom Einfachen zum Zusammengesetzten, vom Leichterem zum Schweren, vom Bekannten zum Unbekannten fort*». Дистервергъ мастерски развиваетъ эти тезисы, которые нынѣ общезвѣстны всѣмъ педагогамъ, а во время Коменскаго, конечно, составляли новость. См. *Wegweiser v. Diesterweg, Kssen, 1850, 1-er Bd. S. 227—231*.

²⁾ Въ этомъ положеніи съ очевидною ясностію высказаны основанія *младенческой* обученія. «*Exercendi sunt pueris primum sensus, tum memoria, mox intellectus, tandem iudicium: ita enim gradatim illa se insequuntur, quia scientia a sensu incipit et per imaginationem transit in memoriam; tum per inductionem singularium formatur intellectus universalium; tandem de rebus satis intellectis fit iudicium, ad scientiae certitudinem*». *Did. Mag. Cap. XVII, 28*. Это и предшествовавшее положенія отлѣчены самимъ Коменскимъ въ его изданіи «*Opera didactica*», какъ заслуживающія особеннаго вниманія читателей основными истинами дидактики. Въ основѣ этихъ тезисовъ лежитъ общее требованіе—«сообразоваться въ обученіи съ естественнымъ ходомъ развитія дѣтской личности». Ср. у Дистерверга: «*Richte dich bei dem Unterricht nach den natürlichen Entwicklungsstufen des heranwachsenden Menschen*». *Wegweiser. 1 Bd. 1850. S. 206. sqq.*

³⁾ Это начало обученія также основательно развито Дистервергомъ: «*Lehre möglichst wenig!*» Учите по возможности меньше, но основательно. См. *Wegweiser, 1850, 1-er Bd. S. 217. sqq.* Слич. *Did. Mag. Cap. XVI, fund. 4*.

gravat, paucis contenta est); множество и разнообразіе, а также слишкомъ частая перемѣна занятій не развиваютъ, но только расцѣвуютъ ученика, когда онъ вынужденъ ими заниматься разомъ, одновременно (*distractio igitur animorum est, si discipulis diversa proponantur eodem tempore*).

„Nihil praecipitanter!“ — „Festina lente“. Природа не спѣшить, но идетъ медленно“ (*Natura se non praecipitat, lente procedit*). Это основаніе дополняетъ предыдущее, оно есть также общій законъ природы и обученія („Eile mit Weile“). Чтобы изъ яйца вывелся птенецъ, нуженъ не сильный жаръ горящаго пламени, но тихая и медленно дѣйствующая естественная теплота животнаго; нельзя также и въ одинъ день вывести птенца, природа идетъ медленно, не торопясь и не останавливаясь. Садовникъ не думаетъ вырастить дерева въ мѣсяць и не ждетъ плодовъ отъ однолѣтняго дерева, потому что знаетъ ходъ природы. Но педагоги не всегда это знаютъ, или лучше, часто забываютъ. Часто учителя подавляютъ дѣтей множествомъ уроковъ, не соотвѣтственно ихъ силамъ и воспріятію; ихъ принуждаютъ учиться, вмѣсто того, чтобы вызывать въ нихъ свободное расположеніе къ ученію. Итакъ, нужно уменьшить число учебныхъ часовъ, не обременять слишкомъ памяти и все располагать сообразно съ степенью воспріятія учащихся ¹⁾).

Начало *седьмое*: „Nihil invite!“ Природа ничего не дѣлаетъ поневолѣ, насильно: что еще не созрѣло внутри, того она не вызываетъ наружу ²⁾). Итакъ, при выборѣ предметовъ для обученія мало имѣть въ виду только степень ихъ доступности, но и расположеніе дѣтей къ тому или другому занятію. Чѣмъ свободнѣе выборъ, тѣмъ успешнѣе трудъ. Чего не разумѣетъ разсудокъ, того не слѣдуетъ навязывать и памяти (*Nihil memoriae mandare jubeantur, nisi quod intellectu probe comprehensum est*).

То же начало обученія въ положительной формѣ (*восьмое*) обязываетъ учителя только *содѣйствовать* естественному развитію, всеми средствами *помогать* самостоятельной работѣ учениковъ: „Natura

¹⁾ «Facilitatem itaque et studiorum jucunditatem discipulis auget, quisquis eos a) quam paucissimis horis ad publicas lectiones trahet: nempe quatuor, totidem ad tentamina privata relictis; b) quam minime memoria fatigabit: nempe non nisi fundamentalibus, reliquis libere fluere permisisis; c) omnia tamen ad proportionem capacitatis, quae aetatis et studiorum progressu seipsam auget». Did. Mag. Cap. XVII, 35.

²⁾ «Natura nihil protrudit, nisi quod intus maturatum prorumpere gestit». Did. Mag. Cap. XVII, fund. 7.

se ipsam juvat, quotquot potest modis“ ¹⁾). Пусть учитель будетъ только руководителемъ, вызывающимъ самодѣятельность учащихся. Этому правилу должно слѣдовать съ перваго дѣтства. „Omnia ad sensum evidentem!“ Когда дитя учить говорить, то произносятъ слова и въ то же время рукою показываютъ на тѣ предметы, къ которымъ эти слова относятся ²⁾). Итакъ, учитель обязанъ не только задавать урокъ, но и объяснять его, и притомъ такъ, чтобы для ученика не было ни одного слова непонятнаго, необъясненнаго. Коменскій прямо относить къ винѣ учителя, когда ученикъ не разумѣетъ урока, и называетъ несправедливою жестокостію подвергать учениковъ наказанію за вину учителя. Но одни устные объясненія, дѣйствующія на слухъ, недостаточны; Коменскій совѣтуетъ, гдѣ нужно, прибѣгать къ чертежамъ, къ картинамъ, чтобы запечатлѣть представленіе предмета посредствомъ зрѣнія ³⁾). Учителя, говоритъ онъ, должны сознать, что побоями нельзя вколотить ребенку пониманія; они должны озаботиться сдѣлать ученику предметъ столь яснымъ, чтобы онъ его видѣлъ, „какъ свои пять пальцевъ“; для легкости же и прочности обученія все изучаемое, по возможности, должно быть усвояемо при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ ⁴⁾).

Девятое начало легкаго обученія касается жизненныхъ задачъ школы. Природа ничего не производитъ, что не имѣло бы полезнаго примѣненія въ жизни. Учитель увеличитъ легкость обученія, если будетъ сообщать учащимся свѣдѣнія, пригодныя въ ежедневной нашей жизни, которыя ученики могли бы обращать въ дѣло ⁵⁾). Это требо-

¹⁾ Did. Mag. Cap. XVII, fund. 8.

²⁾ «Quum vero fari docent, et praenuntiant verba, et quid verba illa significant manu commostrarunt etc. Did. Mag. Cap. XVII, 39.

³⁾ «Auditus cum visu, lingua cum manu, perpetuo jungatur. Non solum scilicet enarrando, quod sciri debet, ut auribus illabatur: sed et pingendo, ut imaginationi imprimatur per oculos». Did. Mag. Cap. XVII, 42. Коменскій совѣтуетъ для той же цѣли писать на стѣнахъ школы теоремы, правила и проч., «id enim si fiat, incredibile quantum sit impressionis adjumentum» (Ibid).

⁴⁾ «Verbera ob doctrinam nulla infliguntur (nam si non discitur, cujus nisi praecceptoris culpa est, qui discipulum docilem reddere vel nescit, vel non curat). Quidquid ediscendum est discipulis, id eis tam clare proponantur et exponantur, ut veluti suos quinque digitos ante se habeant. — Utque omnia illa facilius imprimantur, sensus adhibeantur quotquot possunt». Did. Mag. Cap. XVII, 41.

⁵⁾ «Omnia ad usum potenter!» — «Facilitatem discipulo augebis, si quidquid ipsum docebis, quem illud ad vita communi quotidiana usum habeat, ostenderis». Did. Mag. Cap. XVII, fund. 9. 44. То же положеніе сравни у Дистервера: «Lehre nichts, was dem Schüler dann, wann er es lernt, noch nichts ist, und lehre nichts, was dem Schüler später nichts mehr ist!» Wegweiser. 1 Bnd. S. 217.

внѣ одинаково важно, какъ относительно родителей, такъ и для учениковъ, ибо первые, видя пользу школьнаго ученія, сильнѣе въ нему чувствуютъ расположеніе, а послѣдніе охотнѣе учатся. „Ergo, nihil doceantur, nisi ad usum praesentem“¹⁾.

Наконецъ, *десятое* начало легкаго обученія — „Omnia uniformiter“ — требуетъ единообразія учебной дѣятельности въ школахъ: „Natura uniformiter agit omnia“²⁾. Есть общій типъ развитія для каждаго рода растенія и животнаго, есть и долженъ быть общій типъ нѣкотораго единообразія и въ школьной дѣятельности. Это единство въ методѣ (Una eademque methodus sit tradendis omnibus scientiis; una eademque omnibus artibus; una eademque omnibus linguis), въ порядкѣ и способѣ школьныхъ упражненій и въ обработкѣ учебныхъ книгъ (librorum editiones in eadem materia, quantum potest eadem sint).

Начала *основательнаго* обученія имѣютъ главнымъ образомъ въ виду основы для прочной методической организаціи учебнаго курса, который долженъ дать солидное общее образованіе учащимся. Коменскій выполняетъ эту задачу съ свойственнымъ ему педагогическимъ тактомъ. Онъ недоволенъ тѣмъ поверхностнымъ и призрачнымъ школьнымъ образованіемъ, которое давали большею частію школы его времени. Коменскій находитъ двѣ главныя причины жалкихъ результатовъ старыхъ школъ: одну въ *содержаніи* учебнаго курса, въ антипедагогическомъ выборѣ предметовъ для обученія; другую въ *методахъ* и характерѣ самаго преподаванія³⁾. Гдѣ же искать лѣкарства отъ этой болѣзни? Если все обученіе должно быть сообразно съ естественнымъ развитіемъ чловѣка, и если естественный методъ есть единственный и наилучшій, то и начала основательнаго обученія должны быть естественными, взятыми изъ природы, которая умѣетъ своимъ произведеніемъ сообщать прочность и силу. „Utique, si iterum scholam naturae ingressi, ejus circa productionem duraturarum creaturarum vestigemus vias“. Затѣмъ Коменскій сжато излагаетъ тѣ осно-

¹⁾ Did. Mag. Cap. XVII, 45.

²⁾ Did. Mag. Cap. XVII, fund. 10.

³⁾ „Paucos esse qui e scholis solidam exportent eruditionem, plerosque vix superficiem, vel umbram, et querelae multorum sunt, ut res ipsa testatur. Causam si quaeras, duplex erit. Aut quia tenuibus et frivolis operam dant, neglectis solidioribus, scholae; aut quia scholastici quae didicerunt, deducunt rursus, plerisque studiis ingenia transfundunt solum, non haerentibus. И такой недостатокъ школъ Коменскій признаетъ столь общераспространеннымъ, «ut pauci sint, qui non conquirantur». Успѣхи такого обученія Коменскій сравниваетъ съ успѣхомъ черпанія воды рѣшетомъ. Did. Mag. Cap. XVIII, 12.

внѣя требованія, посредствомъ которыхъ можно сдѣлать обученіе въ школахъ прочнымъ и основательнымъ, дѣйствуя согласно съ природою. Такихъ основныхъ требованій онъ насчитываетъ также *десять*. Обученіе станетъ основательнымъ, когда 1) въ школахъ будутъ преподаваться предметы дѣйствительно полезныя; 2) когда весь учебный курсъ будетъ имѣть единство; 3) когда все будетъ опираться на прочныя основы, а самыя основы 4) будутъ положены глубоко; 5) когда все обученіе будетъ основываться только на однихъ этихъ началахъ; 6) когда все, различаемое по частно, съ точностію будетъ разграничиваемо; 7) когда все послѣдующее будетъ основываться на предыдущемъ; 8) когда все сродное будетъ находиться въ постоянной связи; 9) когда весь учебный матеріалъ будетъ расположенъ въ правильномъ отношеніи къ разсудку, памяти и языку, и наконецъ, 10) когда все будетъ укрѣпляемо постояннымъ упражненіемъ ¹⁾.

Какъ ни интересны эти правила основательнаго обученія, но мы рассмотримъ ихъ кратко, такъ какъ подробное ихъ изложеніе было бы слишкомъ обширнымъ.

1) „*Natura nihil inutile oserpat*“; школа, слѣдуя природѣ, должна учить только *полезному*. Мы уже имѣли случай замѣтить, что идея полезности школы и образованія Коменскаго не есть идея узкаго *утилитаризма*, ограничивающагося исключительно задачами внѣшней, такъ-сказать, осязаемой полезности; это идея общечеловѣческаго развитія, обнимающаго собою задачи человѣка, во всей ихъ полнотѣ и глубинѣ, какъ общую цѣль живаго, разумно и свободно дѣйствующаго существа. Но зачѣмъ, скажутъ, и это ограниченіе школы? „*Ars longa, vita brevis est*“. Масса знаній такъ велика, что выборъ необходимъ; гоняясь за всѣмъ, школа не въ состояніи была бы выполнить даже важнѣйшаго своего назначенія. „*In scholis igitur nihil tractetur, nisi quod solidissimum habet usum, ad hanc et futuram vitam*“.

2) „*Nihil ad rem pertinens non agendum!*“ Природа ничего не опускаетъ изъ виду, что считаетъ полезнымъ для образуемаго ею тѣла.

¹⁾ «*Id autem (soliditas in docendo) obtinebitur, si 1) nihil nisi res solide profuturae tractentur. 2) Omnes tamen illae sine divortio. 3) Omnibusque subternantur fundamenta solida. 4) Fundamenta illa ponantur profunde. 5) Omnia post nonnisi fundamentis illis innitantur. 6) Omnia distinguenda articulatissime distinguantur. 7) Omnia posteriora in prioribus fundentur. 8) Omnia quae cohaerent perpetuo connectantur. 9) Omnia per proportionem intellectus, memoriae, linguae, ordinentur. 10) Omnia exercitiis continuis firmentur*». Did. Mag. Cap. XVIII, 4.

Оттого всё живыя явленія природы представляютъ полную, неразрывную, единую *цѣлость*. Слѣдуя природѣ, школа также должна всесторонне образовать *цѣлаго* человѣка: „Eodem igitur modo scholae dum hominem formant, *totaliter* formant, ut parem negotiis hujus vitae, ipsique aeternitati, ad quam omnia haec quae antecedunt tendunt, aptum reddant“. Итакъ, въ школахъ должно учить не однимъ занятіямъ, но и нравамъ, и благочестію (doceantur igitur in scholis non literae solum, sed et mores, et pietas). Одно научное образованіе не можетъ исчерпать всѣхъ задачъ школы; каждый пробѣлъ и опущеніе въ *цѣломъ* повредитъ обученію и нарушитъ его основательность. „Quippe nihil solidum esse potest, nisi undiquaque sibi cohaerens“¹⁾.

3) Природа ничего не производитъ безъ основанія или безъ корня²⁾. Основательное обученіе не можетъ быть безъ твердой основы: „Solida solide fundanda“. Эта основа можетъ быть двоякая: субъективная и объективная. *Субъективная* — развитіе охоты и любознательности въ учащихся (talem fundamentum eruditioni non substernunt praeceptores, qui dociles primum, et attentos sibi reddere discipulos non laborant); *объективная* — предначертаніе и разъясненіе общей идеи всего ученія (ideae generalis totius studii), такъ чтобъ учащіеся отчетливо и раздѣльно, хотя въ общемъ очеркѣ, представляли себѣ то дѣло, которому они должны посвятить свои силы, трудъ и вниманіе въ школѣ³⁾. Коменскій признаетъ эти условія очень важными для успѣха

¹⁾ Did. Mag. Cap. XVIII, fund. 2. 11—12.

²⁾ «Natura nihil absque fundamento, sive radice agit». Did. Mag. Cap. XVIII, fund. 3.

³⁾ Мысль эту многіе могутъ назвать парадоксомъ; но если не вездѣ и не всегда, то во многихъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ нельзя отрицать ея выполнимости. Для практическаго примѣненія этого требованія Коменскій предлагаетъ: 1) «Quodcumque studium inchoatur, ejus *amor* serio in discipulis excitetur: argumentis ob excellentia, utilitate, jucunditate et undecumque ductis. 2) *Idea* linguae vel artis (quae nihil aliud est, quam ejus epitome, generalissime, omnium tamen sui partibus, delineata) semper prius imprimatur discentis animo, quam ad particularem ejus tractationem veniatur: ut nimirum discens jam inde a primo aditu omnes ejus in circuitu metas et terminos probe pervideat, sicut et interiorem ejus posituram. Nam quomodo *sceletos* totius corporis basis est; ita delineatio artis *basis et fundamentum* totius artis». Did. Mag. Cap. XVIII, 16. Конечно, отъ даровитости и умѣнья учителя будетъ уже зависеть, на сколько юные умы могутъ узнать и усвоить схематическій *скелетъ науки* или элементарный общій ея очеркъ, но ни пользамъ, ни рациональности такого приема, по нашему убѣжденію, безусловно отрицать нельзя.

дѣла. „Jam autem si puer, говоритъ онъ, sine prolubio, et sine attentione, et sine intelligentia, discit, quid *solidi* inde speres?“

4) „Fundamenta profunde!“ Природа глубоко пускаетъ корни (Natura radices profunde agit): глубоко должны быть и основы обученія; это — *разумность*, положенная въ природу человѣка, на развитіи которой опирается все обученіе его; глубоко должна быть *вѣдѣяема* и *общая идея* школьныхъ знаній, чтобы она могла быть прочною точкой отправленія для успѣшнаго и основательнаго обученія.

5) „Omnia e radicibus propriis!“ Натура все производитъ только изъ корня (Natura omnia producit e radice, aliunde nihil); школа также должна выводить все обученіе изъ *одного* живаго источника. Гдѣ же и въ чемъ замѣчается эта живая объединяющая основа обученія? Это прежде всего принципъ *объективный* — непосредственная, наглядная дѣйствительность самихъ вещей, и *субъективный* — самостоятельность ученика. Школа, которая учитъ только словамъ, которая даетъ ученику только готовые чужія правила, сентенціи и мнѣнія, набиваетъ голову множествомъ фразъ и словесныхъ оборотовъ, безъ знанія самыхъ вещей, не есть живая и созидающая развитіе сила; кто ученъ чужимъ умомъ, мудръ заученными сентенціями, у того нѣтъ *корня* для самостоятельнаго развитія. Все такое знаніе состоитъ изъ клочковъ, ничѣмъ не связанныхъ, и отъ такого ученья человѣкъ не сдѣлается ни умнѣе, ни лучше. Нужно такъ *учить*, чтобы все знаніе вытекало изъ одного источника, какъ всѣ разнообразныя части дерева развиваются изъ одного стѣмени; нужно стараться, чтобы разумнѣе учащагося постепенно и самостоятельно раскрывалось, только *руководимое* учителемъ, и доходило до всеобщаго знанія, которое само себя поддерживаетъ, укрѣпляетъ и развиваетъ (scientia universalis, seipsam sustentans et roborans et diffundens). Основательно образованный человѣкъ подобенъ дереву, которое поддерживается своимъ корнемъ и живетъ собственнымъ сокомъ, и потому постоянно всегда (изо-дня въ день все сильнѣе) зеленѣетъ, крѣпнетъ, цвѣтетъ и приноситъ плодъ ¹⁾.

¹⁾ «Vir e fundamento doctus, est arbor suae radicis, proprio humore se sustentans, ideoque perpetuo (etquidem robustius in dies) vicens, virens, florens, fructificans». Для достиженія такихъ результатовъ, Коменскій, въ соответствии требованію природы, ставитъ закономъ — lex ergo sit, 1) Omnia e principiis rerum immotis deriventur; 2) nihil doceatur per auctoritatem nudam, omnia per *demonstrationem, sensualem et rationalem*; 3) nihil methodo analitica solâ, synthetica potius omnia». Did. Mag. Cap. XVIII, 27, 28.

Шестое начало обученія — „*Omnia distincte!*“ — требуетъ отчетливаго различенія отдѣльныхъ моментовъ школьной дѣятельности ¹⁾).

Седьмое — „*Omnia continuo progressu!*“ — указываетъ на безостановочность стремленій школы и на законченность ея отдѣльныхъ моментовъ. Природа постоянно идетъ впередъ, никогда не останавливается, и никогда не переходитъ къ новому, не окончивъ стараго; но начатое прежде укрѣпляетъ, умножаетъ и усовершенствуетъ ²⁾. Плохо, когда учитель, не окончивъ одного дѣла, берется за другое, когда обученіе не представляетъ *одною* послѣдовательно развивающагося процесса, но рядъ отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ занятій и упражненій. Всякій урокъ долженъ быть законченнымъ ³⁾ и въ то же время весь рядъ учебныхъ занятій долженъ представлять живое единство. Итакъ, занятія должно располагать въ такомъ порядкѣ, чтобы послѣдующее опиралось на предыдущее, а это въ свою очередь утверждалось на предшествовавшемъ; все сообщаемое, вполне усвоенное разумомъ, должно закрѣплять также въ памяти ⁴⁾. Коменскій говоритъ, что слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на культуру памяти именно въ раннемъ возрастѣ, и предлагаетъ нѣсколько весьма основательныхъ соображеній и совѣтовъ для этой цѣли ⁵⁾.

8) „*Omnia continuis nexibus!*“ Природа все соединяетъ постоянною связью ⁶⁾; всякое обученіе также тогда только будетъ основательнымъ, когда оно будетъ представлять одну связную энциклопедію, въ которой всякое знаніе занимаетъ свое мѣсто и одно поясняетъ и утверждаетъ другое, такъ чтобы не было ни сомнѣнія, ни забвенія изученнаго ⁷⁾. Средствомъ для этой цѣли служить раскрытіе причинной

¹⁾ «*Natura quo pluribus usibus aliquid parat, eo artius distinctius distinguit.*» Did. Mag. Cap. XVIII, fund. 6.

²⁾ «*Natura in perpetuo est progressu, nunquam consistit, nunquam prioribus derelictis nova molitur: sed tantummodo prius coepta continuat, augmentat, perficit.*» Did. Mag. Cap. XVIII, fund. 7.

³⁾ У Дистрепера: «*Vertheile jeden Stoff in bestimmte Stufen und kleine Ganze!*» Wegweiser. 1 Bnd. 256.

⁴⁾ «*In scholis igitur 1) studia omnia sic disponantur, ut posteriora semper in prioribus fiant; priora vero a posterioribus firmentur; 2) omnia proposita, intellectu recte percepta, memoriae quoque infigantur.*» Did. Mag. Cap. XVIII, 32.

⁵⁾ Ibid. Cap. XVIII, 33. «*De memoria prima aetate imprimis augmentanda et firmanda.*»

⁶⁾ «*Natura omnia colligat nexibus perpetuis.*» Did. Mag. Cap. XVIII, fund. 8.

⁷⁾ «*Studia totius vitae ita esse disponenda, ut sint una encyclopaedia*» etc. «*Omnia quae traduntur, ita esse rationibus firmanda, ut neque dubitationi, neque*

связи между предметами. „*Omnia doceantur per causas*“, то-есть, не только должно показывать, *что* такое известная вещь и *какова* она есть, но и *почему* она не можетъ быть иною ¹⁾. Такое обучение, со-общая знанію основательность, въ то же время и привлекательно, ибо составляетъ цѣнное пріобрѣтеніе.

9) „*Omnia proportione continua, interiorum ad exteriora!*“ Все въ природѣ находится въ правильномъ отношеніи, ви́шнее и внутреннее, какъ въ отношеніи качества, такъ и количества. Типомъ такой пропорціи можетъ служить организмъ, представляющій такое соотвѣт-ствие частей цѣлому, что все живетъ и развивается одно въ другомъ и одно черезъ другое ²⁾. Такъ и образованіе юношества, сперва раз-вившись въ основѣ своей, оно должно цѣлесообразно раскрываться во внѣ; „*hoc est, ut quaequis intelligere docentur, doceantur simul eloqui et operari, seu transferre ad usum, et vice versa*“.

10) „*Omnia exercitiis perpetuis!*“ Природа раститъ и укрѣпляетъ себя постояннымъ движеніемъ ³⁾. Движеніе есть первый признакъ жизни, ибо жизнь есть постоянная замѣна стараго матеріала новымъ. Истинно-солидное обученіе требуетъ постоянныхъ упражненій и по-втореній, правильно организованныхъ ⁴⁾.

oblivioni, facile relinquatur locus». Did. Mag. Cap. XVIII, 35. Ср. у Дистер-вера, Wegweiser. 1 Bnd. S. 257.

¹⁾ «*Rationibus autem omnia firmare, est omnia docere per causas, hoc est, non solum quomodo unum quodque sit, sed etiam cur aliter esse non possit, ostendere*». Коменскій приводитъ примѣръ изъ грамматики, какъ и что значить «*per causas docere*». «Пусть данъ будетъ вопросъ, что правильнѣе: *totus populus* или *cunctus populus*? Если учитель, не объясняя причинъ (*ratione non additū*), отвѣчаетъ: *cunctus populus*, то ученикъ это сейчасъ же и забудетъ. At si dixerit: «*Cunctus esse contractum ex conjunctus; ideoque totus rectius dici de re una solida; cunctus de aliquo colectivo, uti hic*»; то я не понимаю, какимъ образомъ можетъ забыть это ученикъ, «*nisi extreme bardus*». Знаніе причинъ очень важно. «*Rationes enim sunt isti clavi, istae fibulae, istae subscudes, quae rem faciunt firmiter haerere, non vacillare, non excidere*». Did. Mag. Cap. XVIII, 35. 36.

²⁾ Коменскій указываетъ на дерево: «*Natura inter radicem et ramos proportionem servat; quantitatis et qualitatis respectu*». Dit. Mag. Cap. XVIII, fund. 9.

³⁾ «*Natura seipsam motu crebro vegetat et roborat*». Cap. XVIII. fund. 10.

⁴⁾ «*Sequitur unde, perduci ad soliditatem non posse eruditionem, sine repetitionibus et exercitiis, quam creberrimis et quam dexterrime institutis*». Did. Mag. Cap. XVIII, 43. Известно, что методъ непрерывныхъ повтореній составляетъ одну изъ главныхъ дисциплинарныхъ учебныхъ силъ вѣмецкихъ гимназій, которымъ онѣ обязаны своимъ успѣхомъ. Не вѣдало бы я нашихъ педагоговъ принять къ свѣдѣнію это разумное требованіе нашего славнаго педагога:

Этотъ законъ шкoльной практики Коменскій формулируетъ въ двухъ слѣдующихъ стихахъ:

Multa rogare, rogata tenere, retenta docere:
Haec tria discipulum faciunt superare magistrum ¹⁾.

Итакъ, *многое спрашивать*, спрошенное *усвоивать*, усвоенное *сообщать* — эти три момента составляютъ тайну успѣха основательнаго обученія (eruditionis mysterium).

Спрашивать (rogare) — у учителя, у товарищей, у книги; *усвоивать* (retinere) — закрѣплять все узнанное частымъ повтореніемъ и затверживаніемъ въ памяти ²⁾; *учить* (docere) — все воспринятое передавать снова другимъ (omnia comprehensa rursum enarrando). Последнее рѣдко встрѣчается въ школахъ, но ради успѣха дѣла, его необходимо ввести. Ибо вполне справедливо, что „qui alios docet, seipsum erudit“; обученіе другихъ не только содѣйствуетъ болѣе прочному усвоенію изученнаго, но оно увеличиваетъ пріобрѣтенное знаніе, ибо даетъ поводъ для болѣе глубокаго вниканія въ дѣло (quia profundius in res penetrandi occasionem panciscitur). Такою организациею обученія Коменскій надѣялся достигнуть двухъ цѣлей: возвышенія школьнаго дѣла и приготовленія опытныхъ продолжателей начатаго имъ великаго труда народнаго образованія. Онъ подробно излагаетъ правила и приемы постоянныхъ практическихъ упражненій, которыя, по его мнѣнію, должны поднять упавшія школы ³⁾.

Изъ предложеннаго краткаго анализа началъ воспитательнаго обу-

¹⁾ Did. Mag. Cap. XVIII, 44.

²⁾ У Дистервера: «Sorge dafür, das die Schüler Alles behalten, was sie gelernt haben!» Wegweiser. 1 Bnd. S. 246 sq.

³⁾ Приводимъ здѣсь тѣ результаты, которые должны слѣдовать изъ правильно организованныхъ постоянныхъ упражненій. 1) «Reddet sibi magister attentos semper discipulos (имѣя въ виду обученіе другихъ, ученикъ «nolens-volens, arriget aures», чтобы чего-нибудь не опустить). 2) Certior fiet praeseptor, percepta ne sint recte omnia proposita ab omnibus? 3) Cum toties repententur eadem, etiam tardissimi tandem sapient, ut cum caeteris pari passu progrediantur. 4) Ea ipsa toties iterata repetitione omnes sibi eam lectionem magis reddent familiarem, quam bene longa privata maceratione. 5) Cum eo modo discipulus ad praeseptorium quasi munus subinde admittetur, ingenerabitur alacritas quaedam, et discendi ardor, comparabiturque parrhesia in hominum conspectu honesta quaeque animose pertractandi: quae res praecipui usus erit in vita». Did. Mag. Cap. XVIII, 46. Замѣтимъ здѣсь, что Коменскій примѣнялъ въ своихъ школахъ методъ *взаимнаго обученія*, — этимъ объясняется его требованіе одновременно учиться и учить другихъ. Объ этомъ будетъ сказано ниже.

ченія Коменскаго легко видѣть, какъ глубоко и вѣрно понималъ этотъ великій мыслитель задачи дидактики. За два вѣка до нашего времени онъ указалъ тѣ законы обученія, одно раскрытіе и обработка которыхъ составили славу знаменитѣйшаго изъ современныхъ педагоговъ—Дистервега. Правда, принятый Коменскимъ порядокъ расположенія его дидактическихъ принциповъ не совсѣмъ удаченъ, встрѣчаются повторенія однихъ и тѣхъ же началъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; но тѣмъ же недостаткомъ, какъ извѣстно, страдаетъ и изложеніе законовъ дидактики у Дистервега, на что послѣдній и самъ указываетъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе каждый можетъ видѣть, что изложенныя выше начала дидактики такъ глубоко и всесторонне охватываютъ самое существо учебно-воспитательнаго дѣла, что изученіе ихъ всегда съ пользою можно рекомендовать каждому изъ педагоговъ, заинтересованныхъ усовершеніемъ своего труда.

III. Коменскому принадлежитъ также честь основанія *педагогическаго метода*: онъ вывелъ его непосредственно изъ основнаго принципа науки о воспитаніи. Педагогическій методъ, въ противоположность научному, *субъективенъ*; цѣль его—приспособить расположеніе учебнаго матеріала къ естественному ходу развитія дѣтской личности. Отсюда ясно, что идея педагогическаго метода непосредственно связана съ основнымъ принципомъ педагогики, ибо она есть только частный моментъ его примѣненія: педагогическій методъ—это *естественный* способъ обученія ²⁾. Установленіе этого принципа само по себѣ составляетъ уже великую заслугу Коменскаго; но эта заслуга увеличивается обработкой открытаго начала.

Коменскій различаетъ *четыре вида*, или правильнѣе, момента одного и того же *метода*: методъ *наукъ* (*scientiarum methodus*), *искусствъ* (*artium methodus*), *языковъ* (*linguarum methodus*) и методъ *нравственнаго образованія* (*methodus morum*). Вытекая изъ одного общаго начала, всѣ они представляютъ собою единство и цѣлость и взаимно дополняютъ другъ друга, ибо задачи наукъ, искусствъ и

¹⁾ См. напримѣръ, Wegweiser, 1 Bd. S. 244, примѣчаніе. Дистервегъ располагаетъ свои дидактическіе принципы на 4 разряда: одни касающіеся преимущественно учащагося, другіе—предметовъ обученія, третьи—виѣвшихъ обстоятельствъ преподаванія, и наконецъ, четвертые—относящіеся къ учителю. Но такъ какъ всѣ эти разряды фактовъ и дѣятельностей тѣсно и неразрывно соединены между собою, то понятно, что и Дистервегъ не могъ избѣжать повтореній и неправильнаго дѣленія излагаемыхъ началъ обученія.

²⁾ Did. Mag. Cap. XVII, 19.

языковъ нераздѣльно соединены въ обученіи съ задачами моральнаго развитія личности.

Въ „методъ наукъ“ Коменскій мастерски и глубоко проводитъ идею *наглядности* въ обученіи. Онъ начинаетъ свой трактатъ о методѣ (XX-я глава „Дидактики“) аналогіей умственнаго и внѣшняго созерцанія ¹⁾. Условія яснаго и отчетливаго созерцанія въ томъ и другомъ случаѣ одинаковы; для чувственнаго созерцанія нуженъ здоровый *глазъ*, достаточное количество *свѣта* и наконецъ, *предметъ*, доступный созерцанію. Въ умственномъ созерцаніи глазу отвѣчаетъ *умъ*, объектомъ служитъ все *познаваемое* бытіе, а внутренній *свѣтъ*— это *вниманіе*. Отсюда возникаютъ *четыре* существенныхъ условія для успѣшнаго познанія: а) чистота умственнаго глаза, б) надлежащее отношеніе его къ предмету, в) вниманіе, и наконецъ, д) педагогическое расположеніе созерцаемаго. Все предлагаемое учащемуся должно такъ располагать, чтобъ одно разъяснялось другимъ, согласно требованію метода, и все воспринималось точно и легко (*certo et expedite*).

Сказавъ далѣе о томъ, какъ охранять чистоту умственнаго зрѣнія, Коменскій переходитъ къ *предметамъ* созерцанія. Умъ наибъ можно сравнить съ зеркаломъ (*speculum*), въ которомъ отражается познаваемый міръ. Туманные образы и тѣни не могутъ давать ясныхъ отраженій. Только непосредственно взятая вещь даетъ въ зеркалѣ отчетливыя изображенія. Итакъ, учащимся нужно давать не легкія, неуловимыя тѣни предметовъ (*res umbræ*), не понятія и слова, но *прежде* всего самыя *вещи* ²⁾, дѣйствующія непосредственно на чувства и воображеніе (*res inquam, solidæ, veræ, utilis, bene sensus et imaginativam afficientes*). Чѣмъ ближе можно разсматривать вещь, тѣмъ лучше. Итакъ, пусть будетъ золотымъ правиломъ (*aurea regula*) учителей, ut

„Omnia præsententur sensibus quotquot possunt“ ³⁾.

¹⁾ «Scientia, seu notitia rerum, quia nihil est nisi interna rerum spectatio, totidem requisitis absolvitur, quod speculatio seu visio externa: nempe, oculo, objecto et lumine. Datis his, visio sequitur. Internæ autem visionis oculus mens est, seu ingenium; objectum res omnes, extra et intra intellectum positæ; lumen, debita attentio. Sed quemadmodum ibi, in visione externa, certo modo opus est, si res uti est ita cerni debet: ita hic opus methodo certa, qua res ingenio ita offerantur, ut eas certo ac prompte capiat et penetret». Did. Mag. Cap. XX, 2.

²⁾ «Von der Sache zum Zeichen, nicht umgekehrt! Wegweiser. 1 Bd. S. 269.

³⁾ «Unterrichte anschaulich! См. Diesterweg, Wegweiser, 2 Bd. S. 221 sq.

Все изучаемое по возможности, должно представлять *внѣшнимъ чувствамъ*, именно видимое—зрѣнію, слышимое—слуху, обоняемое—обонянію, вкушаемое—вкусу, осязаемое—осязанію, и если что можетъ быть воспринято многими чувствами, пусть воспринимается многими, слѣдуя природѣ, которая „seipsam juvat, quotquot potest modis“¹⁾.

Три главныхъ основанія можно указать для такого требованія: „quia sensus 1) cognitionem incipit, 2) certificat et 3) memoriae tradit“.

Вопервыхъ, всякое познаніе необходимо имѣетъ свое начало во внѣшнихъ чувствахъ (nihil siquidem est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu), а если такъ, то и обученіе должно начинать не съ словесныхъ разъясненій (non a verbali rerum enarratione), но съ дѣйствительнаго созерцанія (a reali inspectione); и потомъ уже, когда вещь показана, должна слѣдовать рѣчь, разъясняющая предметъ полнѣе (et tunc demum, re exhibita, accedat sermo, rem uberius explicans²⁾).

Во вторыхъ, истина и достовѣрность нашего познанія исключительно зависятъ отъ свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ (veritas et certitudo scientiae non item aliunde, quam a sensuum testimonio pendet). Чувственное воспріятіе первично и непосредственно; достовѣрность его заключается въ немъ самомъ (quod sensuali cognitioni per se fides habetur); самыя умозаключенія мы провѣряемъ чрезъ индукцію, посредствомъ внѣшнихъ чувствъ; на нихъ утверждается и сила нашего внутренняго убѣжденія; мы не вѣримъ свидѣтельству другихъ, когда оно совершенно противно опыту нашего личнаго чувства. „Ideo scientia, quo magis constat sensu, eo certior. Proinde, si rerum scientiam veram et certam discentibus ingenerare animus est, faciendum omnino, ut per *autopsiam* et *sensualem demonstrationem doceamus omnia*“³⁾.

В третьихъ, внѣшнія чувства служатъ вѣрнѣйшими помощниками и укрѣпляющими орудіями для памяти; чувственное созерцаніе даетъ знаніе прочное и постоянное: „ut quod quis scit, constanter sciat“. Кто хотя однажды кушалъ сахаръ, одинъ разъ видѣлъ верблюда, или слышалъ пѣніе соловья, или хотя однажды былъ въ Римѣ, тотъ

¹⁾ Did. Mag. Cap. XX, 5, 6.

²⁾ Did. Mag. Cap. XX, 7. Любопытно сравнить излагаемыя здѣсь идеи Коменскаго о наглядности обученія съ воззрѣніями на тотъ же предметъ Песталоцци и Дистервега. Въ своемъ мѣстѣ имъ уже касались этого предмета, при сравненіи педагогикъ Песталоцци съ воззрѣніями Коменскаго, но лишь слегка, намекомъ; здѣсь же мы нарочно излагаемъ этотъ важный пунктъ современной педагогикъ полнѣе и подробнѣе.

³⁾ Did. Mag. Cap. XX, 8.

имѣть прочное знаніе объ этихъ предметахъ, которое уже навсегда останется въ памяти. Отъ того Библію и вообще исторію легче и вѣрнѣе изучать при помощи картинъ, чѣмъ по одному учебнику, — картинны, дѣйствуя на зрѣніе ребенка, усиливаютъ запоминаніе событий и лицъ. Плавтъ говоритъ: „Pluris est oculatus testis unus quam auriti decem“. Кто занимается анатоміей человѣческаго тѣла, тотъ больше пойметъ и запомнитъ одинъ разъ непосредственно и внимательно разсмотрѣвъ человѣческій организмъ, нежели изучивъ, безъ нагляднаго возвращенія (*sine inspectione oculari*), нѣсколько учебниковъ¹⁾.

Въ случаѣ, если нельзя достать самыхъ вещей, можно замѣнять ихъ вѣрными изображеніями, моделями (*exemplaria nempe, vel imagines, doctrinae causa confectae*). Такія пособія особенно съ пользою можно употреблять при изученіи ботаники, зоологіи, геометріи, геодезіи и географіи, а также физики. Скелеты можно готовить или изъ костей, или изъ дерева. Коменскій выражаетъ желаніе, чтобы промышленность обратила вниманіе на это важное дѣло и чтобы школы не терпѣли въ подобныхъ пособіяхъ недостатка²⁾.

Обращаясь затѣмъ ко *вниманію*, которое, по приведенной выше аналогіи чувственнаго и умственнаго возвращенія, отвѣчаетъ свѣту (*hoc discentiae lumen attentio est, qua discens mente praesenti, et quasi hianti, excipit omnia*), Коменскій съ особенною силою настаиваетъ на его культурѣ, такъ какъ безъ него самая наглядность теряетъ всякое значеніе. Ученикъ безъ вниманія подобенъ слѣпому, которому не доступенъ свѣтъ: какъ бы близко ни была отъ него вещь, онъ все равно ее не замѣтитъ. „Ita si loquaris, aut aliquid exhibeas, non attendenti, praetervolabit id sensus; ut fieri videmus in illis, qui

¹⁾ Did. Mag. Cap. XX, 9.

²⁾ Итакъ, модели, скелеты, коллекціи и т. п. пособія, которыми пользуются современные намъ лучшія школы, явились по идѣе Коменскаго, хотя имя ихъ изобрѣтателя забыто, и только по прошествіи двухъ вѣковъ начали осуществляться вѣрныя и глубокія идеи славянскаго гевія, подъ французскою фирмой. Конечно, Озу виртуозъ въ своемъ дѣлѣ, но Коменскій за два вѣка назадъ предвосхитилъ идею его работъ, хотя перваго знаютъ всѣ, а имя послѣдняго почти неизвѣстно. Для примѣра приводимъ здѣсь описаніе человѣческаго скелета, который нашъ педагогъ считаетъ полезнымъ имѣть въ каждой благоустроенной школѣ. «Corporis humani compages ex intentione nostra eleganter oculari demonstratione docebitur, si ossium humanorum sceleto (qualia in academiis assevari solent, aut confecto e lignis), circumdetur ex aluta confecti, et lana effarcti, musculi, tendines, nervae, venae, arteriae, cum visceribus pulmone, corde, diaphragmate, jecore, ventriculo, intestinis: omnia vero situ et proportione, cum superinstructa singularis appellatione sua et usu» etc. Did. Mag. Cap. XX, 10.

cogitatione alibi divagantes, multa non animadvertunt, quae ipsis praesentibus fiunt". Итакъ, если кто ночью хочет кому-либо нѣчто показать, то зажигаетъ свѣчу, дабы сдѣлать возможнымъ видѣніе; подобнымъ образомъ и учитель, имѣя передъ собою ученика, находящагося въ тмѣ невѣжества (*ignorantiae tenebris*), прежде всего долженъ позаботиться о развитіи въ немъ вниманія, „*attentionem in ipso primum excitare necesse habebit; ut avida et rebus inhiante mente doctrinam hauriat*"¹⁾.

Обращаясь затѣмъ къ *процессу* нагляднаго обученія, (*seu methodo, objecta sensibus ita praesentandi, ut firma impressio fiat*), Коменскій даетъ нѣсколько замѣчаній и совѣтовъ, очень близкихъ къ тѣмъ формамъ нагляднаго обученія, которыя нынѣ общеприняты²⁾, а затѣмъ въ девяти правилахъ (*regulae*) излагаетъ требованія рациональнаго методическаго обученія³⁾.

1. „*Quidquid sciendum est, doceatur*". Должно обучать тому, что должно знать. Итакъ, обязанность учителя сообщать ученику все, что необходимо для основательнаго знанія.

2. „*Quidquid docetur, doceatur ut res praesens, certi usûs*". Все изучаемое должно изучать, какъ предметъ наличный, имѣющій извѣстное значеніе. Ничего утопическаго или идеально-платоническаго (*non esse ex utopia, aut de platoniciis ideis*), но все изъ живой дѣйствительности, истинное познаніе чего приносить несомнѣнную пользу для жизни. „*Ita mens assiliet acrius et discernet accuratius*".

3. „*Quidquid docetur, doceatur directe non per ambages*". Все изучаемое должно изучать прямо, а не околичностями. Нужно избѣгать всѣми мѣрами темноты и двусмысленности. Всякій предметъ должно изучать по его внутреннему существу (*per suam propriam essentiam*), а не посредствомъ отвлеченныхъ словесныхъ объясненій, или темныхъ метафоръ.

4. „*Quidquid docetur, ita doceatur, uti est et sit, i. e. per causas*". То, чему учать, должно сообщать такъ, какъ оно есть и должно

¹⁾ Did. Mag. Cap. XX, 12.

²⁾ Приводимъ эти приемы для сравненія. «*Si quid recte videri debet, necesse est illud: 1) ante oculos poni; 2) non e minus, sed justa distantia; 3) et quidem non collateraliter, sed directe ob oculos; 4) nec inversa aut transversa, rei facie, sed recte obversa; 5) ut visus primo totam rem circumspiciat; 6) tum per partes sigillatim lustret; 7) et quidem ordine a principio ad finem; 8) et cuius parti tamdiu insistendo; 9) donec prehensa sint omnia recte per differentias suas*». Did. Mag. Cap. XX, 13.

³⁾ Did. Mag. Cap. XX, 15—24.

быть, то-есть, „посредствомъ причинъ“. Мы уже говорили выше какое важное значеніе придавалъ Коменскій знанію причинъ, которое онъ признавалъ истиннымъ и наилучшимъ (*vera et optima cognitio*). Здѣсь онъ развиваетъ тѣ же мысли. Всякая вещь существуетъ изъ своихъ причинъ. „*Ergo causas rei explicuisse, est scientiam rei veram tradidisse, secundum illud: „Scire, est res per causas tenere“* ¹⁾. Поэтому знаніе причинъ служить руководствомъ для ума (*causa est dux mentis*).

5. „*Quidquid cognoscendum offertur, offeratur primum generaliter, tum per partes*“. Все сообщаемое для познанія должно сперва предлагать вообще, въ цѣломъ и общемъ очеркѣ, а затѣмъ по частямъ. Это требованіе также было выше разъяснено. Дать общее познаніе вещи это значитъ разъяснить существенное и случайное въ цѣломъ предметѣ (*generaliter rem cognoscendam offerre est totius rei essentiam et accidentiam explicare*). Выраженіемъ общаго познанія о предметѣ служить его опредѣленіе; а частное или спеціальное познаніе имѣть своимъ предметомъ случайныя состоянія, дѣятельности, свойства и качества изучаемой вещи.

6. „*Partes rei cognoscantur omnes, etiam minutiores, nulla ommissa: cum respectu ordinis, sitûs ac nexûs, quem habent cum aliis*“. Познаваемое познается во всѣхъ своихъ частяхъ, даже малѣйшихъ, безъ всякаго пропуска, съ соблюденіемъ того порядка, положенія и связи, какую имѣетъ одна часть относительно другой. Въ природѣ нѣтъ ничего безцѣльнаго, „*nihil enim frustra est*“, и въ малой частицѣ часто заключается великая сила. Такимъ образомъ въ часахъ малѣйшее поврежденіе, повидимому, ничтожнаго волоска, винтика или колесца, портитъ весь ходъ ихъ. То же замѣчается и въ организмѣ. Если же въ природѣ все обуславливается одно другимъ, то и въ познаніи должна быть общая связь и цѣлость.

7. „*Omnia successive doceantur, uno tempore nonnisi unum*“. Все должно быть познаваемо постепенно; въ одно время можетъ быть познаваемо только одно. Не читаетъ же человѣкъ двухъ страницъ разомъ, и не пишетъ при письмѣ двухъ буквъ за одинъ разъ, но одну, послѣ другой: „*ita neque mens speculari potest, nisi unum uno tempore. Ergo distincte procedatur ab uno ad aliud, ne mentes obruantur*“.

8. „*Cuivis rei insistatur donec fuerit comprehensa*“. На всякомъ предметѣ должно останавливаться до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ

¹⁾ Другая формула того же правила: «*Priora prius, posteriora posterius*».

усвоенъ. Итакъ, учитель обязанъ слѣдить за тѣмъ, усвоенъ и изученъ ли учениками взятый предметъ, „quod fiet, inculcando, examinando, iterando, ad confirmationem usque“ (о чемъ уже было сказано выше).

9. „Differentiae rerum bene tradantur, ut distincta sit omnium cognitio“. Должно обращать особенное вниманіе на различія предметовъ, чтобы сдѣлать познаніе о нихъ раздѣльнымъ, отчетливымъ. „Multum habet in recessu *πολοβρόλλητος* illud: qui bene distinguit, bene docet“. Множество предметовъ подавляетъ учащихся, а разнообразіе ихъ сливается, если не принять мѣръ противъ того и другаго. Здѣсь особенно важенъ порядокъ (*ordo*) предметовъ, въ которомъ они должны идти одни за другими; затѣмъ внимательное разсмотрѣніе ихъ различій (*differentiarum attentata consideratio*). Только это послѣднее даетъ познаніе раздѣльное, ясное, истинное, ибо различіями обусловливается разнообразіе и истина вещей ¹⁾. Итакъ, знаніе различій предметовъ существенно необходимо для успѣшнаго и основательнаго обученія.

Метода искусствъ (*artium methodus*) служитъ дополненіемъ методы наукъ, такъ какъ въ общую цѣлость учебнаго общеобразовательнаго курса входятъ не только теоретическія знанія, но и практическія навыки, *умнѣнїя*.

„*Теорія* предметовъ легка и коротка и ничего не даетъ, кромѣ удовольствія, говоритъ Вивесъ, но *примѣненіе* ея трудно и сложно, хотя приноситъ удивительную пользу“ ²⁾. Если это такъ, то слѣдуетъ прилежно искать способа, который легко могъ бы научить юношество „практическому употребленію вещей, содержащихся въ искусствѣ“.

Всякое искусство предполагаетъ, *идею*, какъ чистую форму, которая служитъ цѣлю художника; *материалъ* для осуществленія идеи и *орудіе* для выполненія работы. Затѣмъ обученіе искусству, при данныхъ условіяхъ, требуетъ *правильнаго употребленія* орудій изучаемыхъ искусствъ, *разумнаго руководства* и *частаго упражненія* (*usum legitimum, directionem prudentem et exercitationem crebram*). Отсюда является три рода правилъ методическаго обученія искусствамъ: *Canones de usu* (6), *de directione* (3) et *de exercitatione* (2).

¹⁾ «Нос solum dat scientiam distinctam, claram, certam; quia rerum et varietas et veritas a differentiis pendent». Did. Mag. Cap. XII, 23. Ср. Cap. XVIII, fund. 6.

²⁾ «Theoria rerum facilis est et brevis, nec praeter oblectationem quidquam affert: usus vero arduus est et prolixus, mirabiles ferens utilitates». Did. Mag. Cap. XXI, 1.

1. *Canones de usu*: а) „Agenda agendo discantur“ — дѣйствовать можно научиться только посредствомъ дѣйствій. Всѣ механическія искусства изучаются практически, посредствомъ упражненія (*fabricando fabricamur*); то же должно быть и въ искусствахъ школьных; работѣ должно учить работой: *scribere scribendo, loqui loquendo, sapere sapendo, ratiocinari ratiocinando etc. Ut scholae nihil sint, nisi operibus ferventes officinae*¹⁾.

б) „Agendorum semper adsit certa forma et norma“. При всякомъ исполненіи должны находиться на лицо извѣстная форма и норма, идеаль, который своею наглядностію облегчалъ бы трудъ учащагося. Нельзя требовать, чтобы каждый сразу создавалъ самъ, безъ образца, что-либо въ области искусствъ. Тѣмъ болѣе это требованіе неумѣстно относительно начинающихъ, которымъ недостаетъ часто ни силъ, ни умѣнья для выполненія работы. Итакъ, нужно имъ показать и разъяснить дѣло, его требованія и приемы. „*Crudelitas alioquin fuerit, cogere aliquem ut faciat, quod tu vis, ignarum quid velis*“. Нужно сперва показать, что такое и каковы должны быть: прямая линия, кругъ, треугольникъ и т. д., дать ученику правильный ихъ чертежъ, а затѣмъ уже требовать отъ него воспроизведенія данныхъ фигуръ.

с) „*Instrumentorum usus monstretur, re potius, quam verbis, h. e. exemplis potius quam praecceptis*“. Употребленіе орудій должно быть показываемо на самомъ дѣлѣ, а не на словахъ, то-есть, лучше учить посредствомъ примѣровъ, чѣмъ посредствомъ правилъ. Еще Квинтиліанъ убѣждалъ: „*Longum et difficile iter esse per praeccepta, breve et efficax per exempla*“. Но, увы! какъ рѣдко помнятъ это правило наши „*vulgares scholae*“! Наставленія и правила, исключенія и ограниченія исключеній — вотъ что прежде всего даютъ начинающему учиться ребенку. Механикъ, обучающій своему искусству, начинаетъ не съ правилъ, но приведа учащагося въ мастерскую, сперва даетъ ему видѣть выполненіе работъ и затѣмъ уже даетъ ему въ руки инструменты и заставляетъ *подражать* мастерамъ дѣла (*homo enim animal est μιμητικόν*), и если случится ошибка, то онъ исправляетъ ее, но и здѣсь дѣйствуетъ болѣе примѣромъ, чѣмъ словами; правила безъ примѣровъ „*revera spiritae sunt animis*“.

д) „*Exercitatio incipiat a rudimentis, non ab operibus*“. Упражненіе слѣдуетъ начинать съ первыхъ основаній, а не прямо съ работъ. Плотникъ учить ученика своего сначала не башни и замки строить,

¹⁾ Did. Mag. Cap. XXI, 5.

но какъ держать топоръ, обрубать бревна и пр. Живописецъ точно также не поручаетъ новичку прямо рисовать лицо человѣка, но научаетъ сперва мѣшать краски, держать кисти, проводить линіи, уменьшать на чертежѣ формы предметовъ и пр. Ту же постепенность необходимо соблюдать и при обученіи чтенію и письму въ школахъ. „Et qui puerum legendi arte instruit, non objicit ei contextum libri: sed literarum *elementa*, primo singula, tum in sillabas collecta, tum sententias“ etc. Мы уже говорили выше, что Коменскій вполне сознавалъ всю важность *предварительныхъ упражненій*, на которыхъ опирается современная элементарная методика; приведенное сейчасъ правило методы искусствъ не оставляетъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія.

е) „Tironum exercitia prima sint circa materiam potam“. Первые упражненія начинающихъ должны совершаться надъ знакомымъ уже матеріаломъ. Это требованіе служить развитіемъ законовъ дидактики: идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ легкаго къ трудному, по одной трудности за одинъ разъ ¹⁾. „Sensus est non esse discentem operandum rebus ab aetate, captu, conditione praesenti, remotis, ne cum umbris luctari jubeantur“. Такимъ образомъ, изучая новый неизвѣстный языкъ, мы приобретаемъ къ своему родному, и при первомъ обученіи не извлекаемъ недоступныхъ ребенку примѣровъ изъ классическихкихъ авторовъ, или изъ сочиненій богословскихъ, политическихъ, медицинскихъ и проч., но беремъ примѣры изъ окружающей ребенка дѣйствительности (e rebus puero obviiis), каковы общедоступные предметы: книги, одежда, деревья, школа и проч.

ф) „Imitatio fiat ad formam praescriptam immediate: postea liberior esse poterit“. Сначала подражаніе должно совершаться непосредственно по данной формѣ; позднѣе оно можетъ быть свободнѣе. Требованіе это вполне рачіонально, хотя оно и кажется стѣсненіемъ свободы. Дѣло въ томъ, что чѣмъ вѣрнѣе будетъ усвоенъ нормальный типъ, правильныя формы дѣятельности сначала, тѣмъ будетъ прочнѣе и тверже развитіе ребенка въ послѣдствіи; свободное развитіе должно явиться позднѣе, когда уже ученикъ вполне обладаетъ правильною техникой искусства ²⁾.

¹⁾ Ср. Did. Mag. Cap. XII, fund. 9, corollar. 6.

²⁾ Коменскій указываетъ на приемъ, который въ его время употреблялся при обученіи письму, съ цѣлю точнаго усвоенія письменныхъ знаковъ, именно для начинающихъ брали тонкую и прозрачную (матовую) бумагу (chartam tenuem et quodammodo pellucentem), подъ нее подлагали прорѣзанна, по которой и

2. *Canones de directione*: а) „*Formae agendorum sint quam perfectissimae, quas si quis imitando satis exprimat, perfectus in arte sua haberi possit*“. Образцы для выполненія должны быть по возможности совершенны, такъ чтобы тотъ, кто усвоить ихъ подражаніемъ, могъ достигнуть совершенства въ своемъ искусствѣ. Отсюда слѣдуетъ озаботиться, „*ut omnium agendorum in schola, imo in tota vita, ideae extent verae, certae, simplices, imitatu faciles*“, будутъ ли то изображенія вещей, картины, образцы, или непосредственное руководство и наставленіе учащихся.

б) „*Imitandi conatus primus quam accuratissimus sit, ne ab ideae vel minimo ductu aberrentur*“. Мы выше говорили уже объ этомъ требованіи и его законности. Здѣсь Коменскій, разъясняя это правило примѣрами, указываетъ, между прочимъ, на тотъ фактъ, что знаменитый греческій флейтистъ Тимоѳей предпочиталъ самъ давать первые уроки въ игрѣ, нежели исправлять ошибки другихъ. Въ наше время нерѣдко можно слышать, что „для первыхъ уроковъ“ музыки или обученія чтенію, письму, можно пригласить учителя и по дешевле, поплоче, всякій-де можетъ научить ребенка первымъ приемамъ въ музыкѣ, какъ и въ чтеніи; а то упускаютъ изъ виду, что здѣсь полагается фундаментъ зданію, *основа* всему послѣдующему развитію, и что всякое неправильное первое обученіе создаетъ въ ребенкѣ рядъ вредныхъ навыковъ, съ которыми учителю приходится въ послѣдствіи бороться. Дополненіемъ этого требованія служитъ правило — основательно и послѣдовательно выполнять всѣ предварительныя и первыя упражненія, такъ какъ на нихъ опирается все послѣдующее обученіе ¹⁾).

выводили ученики буквы, пока не научались точно воспроизводить ихъ наизусть. Этого приѣмъ, хотя мы его и не можемъ назвать педагогическимъ, замѣчательно въ томъ отношеніи, что онъ употребляется и донынѣ, и притомъ, какъ «новый способъ». Далѣе Коменскій подробно указываетъ примѣненіе приведеннаго правила въ обученія стилистикѣ, логикѣ и т. д. Въ стилистикѣ ученикъ точно подражаетъ образцамъ построенія рѣчи, а въ логикѣ примѣрамъ умозаключеній. Напримѣръ, дана дилемма: «*Aut dies est, aut nox; atqui nox est,—ergo non dies*». По этому образцу, говорятъ озя, можно составить такой силлогизмъ: «*Aut rudis est, aut eruditus; at rudis,— ergo non eruditus*» etc. Did. Mag. Cap. XXI, 10.

¹⁾ «*Savenda proinde est praecipitantis, ne unquam ad sequentia, prioribus non satis accurate constitutis, transeat. Satis festinat, qui nunquam aberrat a via. Et mora quae principis dextre constituendis impenditur, non remora est, sed compendium insigne, ad sequentia, facile, cito, tuto, subigendum*». Did. Mag. Cap. XXI, 12.

е) „Aberratio a praesente magistro emendetur, sed subjunctis observationibus, quas regulas regularumque exceptiones, vocamus“. Ошибка исправляется присутствующимъ учителемъ, съ присовокупленіемъ замѣчаній, извѣстныхъ подъ именемъ правилъ и исключеній изъ правилъ. Сперва фактъ, а затѣмъ правило; итакъ, сперва слѣдуетъ указать ошибку, а затѣмъ ясно, кратко и отчетливо дать правило.

3. *Canones de exercitatione*: а) „Artis perfecta disciplina synthesi et analysi constat“. Совершенная теорія искусства заключаетъ въ себѣ анализъ и синтезъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что Коменскій отдастъ предпочтеніе синтезу, именно потому, что въ немъ больше положительной самостоятельности для учащагося. Здѣсь онъ также говорить, что синтезъ долженъ предшествовать ¹⁾, а анализъ служить его дополненіемъ, оба же виѣствѣ должны составлять *одинъ* цѣльный истинный методъ.

б) „Exercitia haec continuanda sunt, donec habitum artes inducant“. Упражненія должно продолжать до тѣхъ поръ, пока учащійся не достигнетъ навыка въ искусствѣ.

Нашъ очеркъ идей Коменскаго о педагогическомъ методѣ былъ бы не полонъ, если бы мы опустили изъ виду одно изъ основныхъ его воззрѣній на этотъ предметъ, именно *идею о единствѣ педагогическаго метода*.

Хотя Коменскій, различая въ методѣ практическую и теоретическую его стороны, предложилъ отдѣльное даже изложеніе метода науки, метода искусствъ, метода нравственнаго воспитанія и т. д., но въ то же время, вполне понимая глубокое внутреннее единство всего воспитанія, онъ ясно сознавалъ и выразилъ единство педагогическаго метода вообще, и единство учебнаго метода въ частности. О первомъ мы уже сказали; здѣсь остановимся на послѣднемъ. Наше время страдает *методоманіей*. Мы имѣемъ такое обиліе методовъ въ обученіи, что за недостаткомъ *внутреннихъ* отличій одного отъ другаго, различаемъ ихъ только именами составителей учебниковъ (такъ у насъ есть *методы* Ушинскаго, Грубе, Паульсона и пр.). Кромѣ совершенной непедагогичности такого опредѣленія метода, самое разнообразіе и множество методовъ уже указываетъ, что мы не имѣемъ *одного* истиннаго метода. Это разнообразіе методовъ есть только *переходъ* къ выработкѣ *одного* истинно-педагогическаго метода, который долженъ заключать

¹⁾ Did. Mag. Cap. XXI, 14. Коменскій здѣсь приводитъ цѣлый рядъ причинъ такого предпочтенія синтеза и доказательствъ, почему «exercitia synthetica praemittenda sunt analytica».

въ себѣ всѣ лучшія стороны частныхъ методовъ, избѣгая ихъ односторонностей.

Коменскій вполне понималъ важность *единства* учебнаго метода; конечно, онъ хорошо понималъ и трудность этой задачи, но тѣмъ не менѣе онъ не уклонился отъ посильнаго ея рѣшенія. Въ XIX-й гл. „Дидактики“ онъ прямо ставитъ проблему: „*Quomodo fieri possit, ut omnia una eademque methodo tradantur*“ — какими образомъ возможно достигнуть того, чтобы *все преподавать по одной и той же методѣ?* Основаніе для рѣшенія этой проблемы находитъ онъ въ основномъ принципѣ педагогії и затѣмъ въ субъективизмѣ педагогическаго метода. Воспитаніе должно быть сообразно съ природой воспитываемаго, слѣдовательно, и методъ учебно-воспитательный долженъ быть естественнымъ, то-есть, долженъ опираться на естественные законы развитія человѣческой природы; но природа человѣческая въ существѣ своемъ *одна и та же*, слѣдовательно, и методъ педагогическій въ существѣ своемъ долженъ быть *одинъ и тотъ же*.

Отсюда: „*Naturalis methodus nonnisi una ubique usurpanda*“¹⁾. Всѣ науки и искусства, какъ предметы обученія, имѣютъ *одну* естественную методу. Правда, могутъ указать на предметное различіе знаній и умѣній, требующее, повидимому, различныхъ способовъ обученія. Но иное дѣло методъ научнаго изслѣдованія, и совсѣмъ иное — методъ преподаванія. Методъ педагогическій, сказали мы, *субъективенъ*, а въ этомъ отношеніи различіе предметовъ обученія такъ незначительно, относительно ихъ усвоенія, что они вовсе не требуютъ *новаго вида* методы²⁾. Изучивъ природу человѣка, учитель долженъ все соображать съ естественнымъ ходомъ развитія ученика, сохраняя индивидуальность воспитанія и все возводя къ *единству* общаго воспитательнаго принципа³⁾.

Говоря о началахъ воспитывающаго обученія, мы имѣли случай

¹⁾ *Omnibus scientiis nonnisi unam esse naturalem methodum, ut artibus linguisque omnibus nonnisi unam*, раскрыто также въ главахъ XX, XXI и XXII.

²⁾ *Variatio enim aut diversitas, si quae usurpanda alicubi, levior est, quam ut novam speciem (methodum) constituere possit; nec exurgit e fundamento rei, sed ex docentis prudentia, haec autem a peculiari linguarum, aut artium, ad invicem respectu et discipulorum capacitate et profectu*. Did. Mag. Cap. XIX, 40.

³⁾ *Naturalem igitur methodum ubique servari, compendium erit discentibus: aequae ut viatoribus una et simplex via, sine devortitiis. Particulares differentiae facillius notantur, si particulariter monstrantur, generalibus et communibus jam intactis*. Ibid. Cap. XIX, probl. 4. Cp. ibid. probl. 6. Cap. XVIII, fund. 8.

замѣтить, что идеаломъ методическаго расположенія учебнаго курса Коменскій считалъ непрерывное и связанное развитіе всѣхъ предметовъ, при чемъ все неизвѣстное опиралось бы на извѣстное, близкое предшествовало бы далекому, легкое — трудному и т. д. Эти идеи о расположеніи общеобразовательнаго курса служатъ прямымъ дополненіемъ и развитіемъ идеи о единствѣ педагогическаго метода, ибо онѣ суть только практическое его примѣненіе. Опуская изложеніе частной формы дадактическаго „метода языковъ“, такъ какъ этотъ трактатъ относится уже къ частной методикѣ¹⁾, обратимся теперь къ идеямъ Коменскаго о *концентраціи обученія*.

Подъ именемъ концентраціи обученія разумѣется такое расположеніе предметовъ учебнаго курса и самаго преподаванія, въ которомъ всѣ различныя вѣтви его поставлены въ зависимость отъ *одного общаго центра*, отъ одной общей и основной цѣли преподаванія²⁾. Хотя

¹⁾ Для ознакомленія же читателей съ сущностію «Methodus linguarum» Коменскаго выпишемъ здѣсь основныя положенія его относительно изученія языковъ (πολύλωττιαν). 1) Quaelibet lingua seorsim discatur. 2) Quaelibet lingua certum temporis demensum habeat. 3) Omnis lingua usu potius discatur, quam praeceptis. 4) Praecepta tamen usum juvent et firment. 5) Praecepta linguarum grammatica sint, non philosophica. 6) Scribendorum linguae novae praeceptorum norma sit lingua prius nota, ut differentia tantummodo illius ab hac ostendatur. 7) Exercitia prima linguae novae sint circa materiam prius notam. 8) Omnes igitur linguae una eademque methodo disci possunt». Пособіями для изученія языковъ Коменскій рекомендуетъ: «*Vestibulum*», заключающій въ себѣ первый матеріалъ языка; «*Janus*», предлагающій наиболѣе употребительныя вокабулы изучаемаго языка, начала грамматики и проч.; «*Palatium*», образцы изящной рѣчи, ораторскаго слова, разнообразныя разговоры и т. п., и наконецъ, «*Thesaurus aithorim*» — собраніе классическихъ писателей.

²⁾ Въ Германіи концентрація обученія посвящена цѣлымъ сочиненіямъ (См. *Lattmann*, «Concentration des Unterrichts»), при чемъ многіе педагоги расходятся въ пониманіи ея основъ. Такъ одни признаютъ общимъ центромъ обученія конечную цѣль его, другіе — учащагося, третьи — исходную точку, или одинъ изъ предметовъ преподаванія, который считаютъ *ядромъ* обученія, основнымъ предметомъ. Шнелль же, кромѣ того, различаетъ еще «централизацию и концентрацию», и говоритъ, что «преподаваніе слѣдуетъ централизовать по объектамъ и концентрировать на субъектѣ». Побудительная причина, вызвавшая въ наше время вопросъ о концентраціи обученія, лежитъ главнымъ образомъ въ *многopредметности* учебнаго курса общеобразовательныхъ училищъ. Разнообразіе рѣшеній этого вопроса указываетъ на то, что современная педагогія не выработала еще общаго рѣшенія, которое стало бы общепризнаннымъ (См. о концентраціи обученія статьи *Нанелля*, *Бонка*, *Гейффера* въ *Päd. Encycl.* v. K. Schmid. T. I, S. 832—862).

самое имя концентраціи не было извѣстно еще во времена Коменскаго, но тѣмъ не менѣе мы находимъ въ его „Дидактикѣ“ ясное свидѣтельство, что онъ вполне понималъ сущность и задачу этого вопроса, и даже указалъ положительный путь къ его рѣшенію.

Идеи о сосредоточеніи обученія стояли у Коменскаго въ связи также съ его пансофическими воззрѣніями. Утверждая, что „въ школахъ должно учить всѣхъ всему“ (*in scholis omnes omnia docendos esse*), Коменскій естественно долженъ былъ и ограничить эту массу знаній, которыя могли бы попасть въ школу, подъ прикрытіемъ столь широкаго девиза. Коменскій дѣйствительно, вопервыхъ, истолковываетъ свою идею всеобученія въ смыслѣ знанія *элементарнаго* ¹⁾, и вовторыхъ, указываетъ норму для методической обработки учебнаго курса, *сосредоточеннаго* около одного центра и постепенно, симметрически развивающагося въ окружности. Эта норма у Коменскаго является въ видѣ идеи *единства* обученія, о которомъ онъ такъ сильно заботился, и которая есть прямой выводъ изъ положенія о единствѣ педагогическаго метода.

Изъ многихъ мѣстъ „Дидактики“ относительно этого предмета мы извлечемъ только важнѣйшія. Такъ въ гл. XXVII, излагая общій планъ учебнаго курса по возрастамъ и степени развитія учащихся, Коменскій говоритъ, что во всѣхъ школахъ должно быть преподаваемо *одно*—все, чтó дѣлаетъ человѣка истиннымъ человѣкомъ, только сообразно съ возрастомъ и восприимлемостью учащихся, при чемъ слѣдуетъ располагать предметы по естественной методѣ, то-есть, постепенно расширяющимися *кругами*, подобно тому, какъ дерево растетъ

¹⁾ Приводимъ здѣсь это интересное мѣсто, потому что въ немъ съ замѣчательною ясностію выражена Коменскимъ *идея элементарнаго обученія*. «*Demonstrandum est, in scholis omnes omnia docendos esse. Non tamen sic intellige, quasi ob omnibus omnium scientiarum et artium cognitionem (praesertim exactam et penitissimam) requiramus. Id quippe nec sua natura utile est, nec pro brevitate vitae nostrae cuiquam hominum possibile*». Тѣмъ болѣе, что науки, говорить онъ, все идутъ впередъ и специализируются, такъ что одна уже попытка достигнуть полнаго изученія всего есть очевидная невозможность. «*Sed ut omnium principalium, quae sunt et fiunt, fundamenta, rationes, metas, notare doceantur omnes, quicumque in mundum, non solum ut spectatores, sed etiam ut actores futuri, immittuntur. Ne scilicet in hoc mundi incolatu quidquam occurrat tam incognitum, de quo non modeste judicare, et ad usum certum prudenter, sine noxio errore, adhibere possint, id providendum, atque adeo praestandum est, omnino*». Did. Mag. Cap. X, 1. Итакъ, «всѣхъ учить всему», значить, всѣмъ давать общечеловѣческое разумное элементарное образованіе.

изъ года въ годъ, развиваясь изъ себя по всѣмъ своимъ частямъ ¹⁾. То же сравненіе расположенія учебнаго курса съ органическимъ ростомъ дерева находимъ мы и въ другихъ мѣстахъ „Дидактики“. Говоря о прочности обученія, Коменскій указываетъ, что все дерево развивается изъ зерна, постепенно образуя стволъ, листья и пр., и затѣмъ дѣлаетъ примѣненіе къ учебному курсу, который точно также долженъ развиваться изъ одного живаго начала, во всѣхъ своихъ частяхъ, „et tamquam ex arborum gemmis folia, flores, fructus progerminent“ ²⁾. Въ основѣ всего учебнаго курса должно лежать общее (generalia), которое затѣмъ развивается въ частностяхъ (in specialissimis), ибо таковъ общій законъ природы; образуя, напримѣръ, птенца, природа не дѣлаетъ сперва головы, или глазъ, затѣмъ перьевъ или когтей, но согрѣваетъ всю массу яйца (totam ovi massam) и начинаетъ образованіе живаго существа съ общихъ чертъ его. Слѣдуя этому примѣру природы, должно такъ располагать учебный матеріалъ, чтобы въ основѣ лежалъ элементарный очеркъ, который затѣмъ и расширялся бы постепенно, „ut sequentia postea studia nihil videantur adferre novi, sed tantum sit priorum particularior quaedam evolutio“ ³⁾. „Omnia continuo progressu“, говоритъ Коменскій въ другомъ мѣстѣ, раскрывая постепенность и непрерывность обученія, и поясняетъ: „Studia omnia (in scholis) sic disponantur, ut posteriora semper in prioribus fundentur, priora vero a posterioribus firmentur“ ⁴⁾.

Мы могли бы привести много еще подобныхъ мѣстъ, но и приведенныхъ, надѣмся, достаточно, чтобы видѣть, какъ понималъ Коменскій *сосредоточенность* (концентрацію) обученія и какое широкое значеніе усвоилъ ей въ рациональномъ способѣ обученія. Блестящее примѣненіе этихъ идей великаго педагога мы имѣемъ нынѣ въ такъ-называемомъ наглядномъ обученіи и отчизновѣдѣніи. Первое служить общему пропедевтическою основой для всего общеобразовательнаго курса, второе — для систематическаго обученія географіи и исторіи. Конечно, вопросъ о концентрическомъ методѣ преподаванія и въ наше время, не смотря на многія блестящія попытки въ этомъ

¹⁾ «Disciplinae enim ex legibus naturalis hujus methodi discernendae non erunt, sed omnes semper simul tradendae: eo modo arbor semper tota, secundum omnes sui partes, crescit, aequae hoc, atque futuro anno, et quamdiu vigebit, post centum etiam annos». Did. Mag. Cap. XXVII, 4.

²⁾ Did. Mag. Cap. XVIII, 19, 22.

³⁾ Did. Mag. Cap. XVI, 45.

⁴⁾ Did. Mag. Cap. XVIII, 32.

родѣ, еще проблемна, которая ждет рѣшенія, какъ вопросъ будущаго, но высказанныя Коменскимъ идеи весьма рельефно и положительно ставятъ самую эту задачу и даже въ настоящее время не теряютъ своего значенія для теоретической обработки этого вопроса.

Замѣчательно, что говоря о сосредоточенности собственно *школьного* курса, Коменскій въ то же время признаетъ ее важною и вообще для *жизни*, которую, впрочемъ, онъ не раздѣляетъ отъ школы, какъ это, къ сожалѣнiю, дѣлается въ наше время. „*Studia totius vitae ita esse disponenda, ut sint una encyclopaedia, in qua nihil sit, non e communi radice ortum, nihil non loco proprio consistens*“ ¹⁾. Эта общая и живая связь изучаемаго въ школѣ и осуществляемаго въ жизни сообщаетъ школѣ высокое практическое значеніе, которое въ свою очередь приводитъ насъ къ разсмотрѣнiю основъ внутренней организаціи общеобразовательной школы, по идеѣ Коменскаго.

IV. Въ основѣ всякой школьной организаціи лежитъ *дисциплина*. Коменскій необыкновенно глубоко и гуманно-педагогически понималъ эту важнѣйшую сторону школьнаго устройства ²⁾. Вполнѣ вѣрна, говоритъ онъ, старая чешская пословица, что „школа безъ дисциплины — мельница безъ воды“ (*schola sine disciplina, molendinum est sine aqua*). Безъ порядка и ладу въ школѣ не можетъ быть ученья, гнѣтъ и успѣховъ, ибо что такое дисциплина, какъ не испытанный способъ, посредствомъ котораго учащiеся становятся истинными учениками (*disciplina enim quid est, nisi modus certus, quo discipuli vere discipuli efficiantur?*). Истинный образователь юности долженъ ясно и отчетливо знать, какъ цѣль, такъ матерiю и форму дисциплины (*tum finem, tum materiam, tum formam disciplinae*), а равно и то, почему, гдѣ и какъ должно примѣнять дисциплинарныя мѣры.

Дисциплинарныя мѣры направлены противъ уклоняющихся отъ порядка, и примѣняются не тогда только, когда поступокъ совершенъ (*factum enim infectum fieri nequit*), но и для предупрежденія возможности его повторенія. Итакъ, „дисциплина должна быть примѣняема безъ страстности, гнѣва и ненависти“ ³⁾.

Дисциплина имѣетъ гораздо болѣе воспитательную, нежели учебную

¹⁾ Did. Mag. Cap. XIII, 35.

²⁾ Did. Mag. Cap. XXVI. «De disciplina scholastica», а также «Praecepta morum» и «Leges scholae bene ordinatae».

³⁾ Exercenda igitur sine affectu, ira, odio; eo candore ac sinceritate, ut ipse qui disciplinatur disciplinam in se suo bono extendi, et ex paterno in se affectu eorum qui sibi praesunt proficisci, animadvertat. Did. Mag. Cap. XXVI, 3.

цѣль, задача ея—образованіе добраго нравственнаго характера ¹⁾. „Disciplina eo tendat, ut omnibus per omnia reverentia erga Deum, officiositas erga proximum erga labores vero et munia vitae alacritas, excitetur, constantique usu et praxi roboretur“ ²⁾. Коменскій вполне сознавалъ весь вредъ чрезмѣрно строгихъ мѣръ, которыми старая школа хотѣла заставитьъ учениковъ быть любознательными и усердными ³⁾; онъ настаиваетъ на необходимости дѣйствовать мѣрами болѣе психическими, каковы похвала, поощреніе, а иногда и насмѣшка, публичное замѣчаніе, но никогда не совѣтуетъ прибѣгать къ грубымъ мѣрамъ физическаго насилія ⁴⁾. Наиболѣе суровыя и жесткія мѣры (*severior et rigidior disciplina*) онъ допускаетъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ ⁵⁾.

Переходя затѣмъ къ анализу формъ и частныхъ способовъ примѣненія дисциплины, Коменскій говоритъ, что лучшимъ образцомъ ея служить небесное солнце, которое ниспосылаетъ всему растущему *всегда* — свѣтъ и теплоту, *часто* дождь и вѣтры, *рѣдко* — молнію и громъ ⁶⁾. Подражая этому примѣру, учитель въ школѣ долженъ руководить дѣтьми прежде всего своимъ личнымъ примѣромъ, затѣмъ дѣйствовать словомъ убѣжденія, во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ ⁷⁾, прибѣгая къ суровымъ мѣрамъ только въ рѣдкихъ и исклю-

¹⁾ «Non autem severior disciplina exercenda est ob studia et litteras, sed ob mores». Did. Mag. Cap. XXVI, 4.

²⁾ Did. Mag. Cap. XXVI, 7.

³⁾ «Verbera et plagae literarem amorem ingenii indendi vim nullam habent, thædium animi earum et odia ingenerandi prorsus multam. Ibid. Cap. XXVI, 4. Въ XVII-й главѣ Коменскій проводитъ ту же мысль: «Verbera ob doctrinam nulla indigunt».

⁴⁾ Si tamen aliquando calcari et stimulo opus, aliis id modis melius, quam plagis effici potest. Aliquando verbo asperiore, increpationeque publica. Aliquando alios laudando: «Ecce hic vel ille, quam egregie attendit! Quam recte omnia percipit! Tu autem torpes?» Aliquando risu exagitandus est: «rem te simplicem, rem tam facilem non capis? Peregrinarius ne animo?» etc. Ibid. Cap. XXVI, 5.

⁵⁾ «Ob impietatis aliquod editam speciem; ob contumaciam, destinatumque malitiam; ob superbiam et fastum, aut etiam invidiam et pigritiam (qua quis a condiscipulo rogatus, eundem docendo juvare recusat», — замѣчательное мѣсто, свидѣтельствующее, какъ высоко Коменскій цѣнилъ развитіе духа взаимопомощи въ своихъ школахъ). Did. Mag. Cap. XXVI, 6.

⁶⁾ «Modum disciplinae optimum docet sol coelestis, qui rebus crescentibus ministrat semper lucem et calorem, saepe — pluviam et ventos, raro — fulgura et tonitrua». Did. Mag. Cap. XXVI, 8.

⁷⁾ «Verbis informatoris, hortatoris, increpatorisque subinde: summae tamen data opera, ut sive docet, sive monet: sive mandat, sive increpat, id omne affectu

чительныхъ случаяхъ: „*exemplis bonis, verbis blandis, affectu sincero et aperto constantem; asperius vero fulminando ac tonando non nisi aliquando extraordinarie: eaque simul hic etiam intentione, ut severitas in amorem semper quantum datur, desinat*“¹⁾. Не забудемъ, что это писано за 200 лѣтъ до нашего времени: а многіе ли изъ учителей нашего времени умѣютъ подражать въ школѣ благодѣтельному дѣйствию солнца въ природѣ?

Допуская въ крайнихъ случаяхъ строгія мѣры, какъ врачъ допускаетъ въ трудныхъ болѣзняхъ героическое лѣченіе (по старой поговоркѣ: *Phryx non nisi plagis emendatur*), Коменскій убѣждаетъ педагоговъ остерегаться, чтобы принятая мѣра не перешла границъ и не обратилась во вредъ тому больному, котораго намѣренъ подвергнуть лѣченію²⁾. Задача дисциплины—возстановленіе, а не разрушеніе, исправленіе, а не казнь.

Всѣ сильныя и героическія мѣры опасны, потому что могутъ надломить молодую натуру, сокрушить ея неокрѣпшія силы. Посмотрите, съ какимъ искусствомъ ювелиръ (*aurifabrum*) выковычиваетъ изъ металла самыя мелкія искусныя работы, какъ медленно и постепенно, шагъ за шагомъ, ударъ за ударомъ, идетъ онъ къ своей цѣли; одинъ сильный ударъ молота—и все рассыпалось бы мгновенно: поучитесь, воспитатели, этой осторожности и постепенности, которая особенно важна въ величайшемъ изъ искусствъ, въ выковываніи нравственнаго характера, въ образованіи добрыхъ навыковъ молодой и гибкой натуры. „*Et nos imaguncula Dei vivi, rationalem creaturam, irrationali impetu elaborari posse confidamus?*“ Посмотрите на опытнаго и осторожнаго рыболова (*piscator*), развѣ пугаетъ онъ ту рыбу, которую намѣренъ извлечь изъ глубокихъ водъ? „*Pari modo qui cum juventute virtutum piscationem instituit, eam inde quidem severitate ad metum et humilem obedientiam deprimere, hinc autem affabilitate ad amorem et alacritatem hilarem attolere necesse habebit. Felices temperaturae ejusmodi artifices! Felix moderatoribus ejusmodi juvenus!*“³⁾. Да, поистинѣ счастливы и школы, и дѣти, счастливы и учителя, которые

paterno, ad aedificandum omnes, destruendum neminem intento, feri palam sit.
Did. Mag. Cap. XXVI, 9, b.

¹⁾ Ibid. Cap. XXVI, 10.

²⁾ Ibid. Cap. XXVI, 9, c. «*Modo caveatur, ne quavis de causa, et saepe minis, ad extrema haec veniantur: ne extremorum remedia ante extremos casus consumentur.*»

³⁾ Did. Mag. Cap. XXVI, 11—12.

поймутъ, примутъ и осуществятъ въ школѣ великій примѣръ аснаго всеосгрѣвющаго солнца въ великомъ Божіемъ мирѣ.

Такъ за два столѣтія до нашего времени великій педагогъ славянскій широко и глубоко уразумѣлъ сущность воспитывающаго обученія, и если бы школа шла по прямому пути, начертанному Коменскимъ, то розги и побой—*„virgas et verbera, servilia illa instrumenta“* для нашего времени стали бы давно забытымъ преданіемъ, которое мы могли бы найти только въ исторіи школы давно минувшаго времени ¹⁾.

Но чтобы правильнѣе, шире и полнѣе понять начала дисциплины Коменскаго, необходимо имѣть въ виду тѣсную связь школы съ задачами *нравственнаго* воспитанія, которое одно, по мнѣнію Коменскаго, создаетъ человѣку его истинную будущность и безъ котораго ничтожно всякое знаніе.

Порядокъ, конечно, необходимъ въ школѣ, но и его мало; нужно, чтобы самѣй порядокъ имѣлъ глубокую нравственную основу. Такимъ образомъ старая псевдо-педагогія, хотя и старалась о строгой дисциплинѣ, но слѣдуя правилу *„divide et impera“*, не только не вносила мира и любви во внутреннюю жизнь школы, но даже поощряла рознь. Школа Коменскаго вся дышетъ миромъ и любовью, связана глубокимъ внутреннимъ единствомъ, и все враждебное и завистливое считалось, какъ мы уже замѣтили, важнѣйшимъ изъ школьныхъ золъ. Интересно и поучительно, какъ Коменскій старается вызвать въ дѣтяхъ духъ взаимопомощи, услужливости и ласку, чувства справедливости и чести, которыя одни только и могутъ быть истинными основами дисциплины, какъ морально-дѣйствующей и создающей силы восни-

¹⁾ Выписываемъ еще одно замѣчательное мѣсто «Дидактики» относительно дисциплины, приводимое Коменскимъ и выражающее его взглядъ на наказанія: «*Alterum est ut omnia quæ juventuti pro ipsorum captu proponuntur, ita ab illis exigantur, ut nihil inviti, et exacte, sed omnia quantum fieri potest sponte et ultro cum animi quodam prolubio faciant. Unde prorsus sentio virgas et verbera, servilia illa instrumenta, ac ingenius minime convenientia, minime in scholis adhibenda, sed procul removenda esse, et admovenda mancipiis et servilis animi nequam servis. Quales et suo se indicio in scholis mature produnt, et mature e scholis removendi sunt: non solum ob indolis, quæ servilibus ingeniis propria plerumque est tarditatem, sed etiam huic plerumque conjunctam pravitatem: et cui doctrinæ et artium adminicula accedant, nonnisi in nequitia arma convertentur, eruntque in manibus furiosorum gladii, quibus se et alios jugulent. Sunt autem alia poenarum genera, ingenius pueris et liberalibus animis adhibenda» etc. Did. Mag. Cap. XXVI, 13.*

танія, и какъ рѣзко высказывается онъ противъ лжи и хитрости, развращающихъ дѣтскую натуру. Дѣти научаются справедливости, говорить онъ, когда никого не оскорбляютъ, когда каждому воздаютъ должное, когда убѣгаютъ лжи и хитрости, когда являются услужливыми и любезными ¹⁾. Прежде всего необходимо внушить отроку сродную справедливости добродѣтель — всегдашнюю скорую готовность *служить другимъ* ²⁾. Нужно заботливо преслѣдовать вредный порокъ, свойственный поврежденной природѣ человѣка, *самолюбіе* (*φιλαυτία*), которое дѣлаетъ наше я цѣлю всѣхъ стремленій, желаній и дѣятельности; самолюбіе есть источникъ, изъ котораго является много различныхъ смуть въ домашней жизни и общественной (*onus est variarum in rebus humanis confusionum, dum quisque rerum suarum fatagit, posthabito publici boni respectu*). Только тогда будетъ счастливый порядокъ дѣлъ общественныхъ и частныхъ, когда всѣ поймутъ и пожелаютъ жить во взаимномъ общеніи и каждый будетъ спѣшить на помощь одинъ другому. Пусть же знаютъ и стремятся въ этому мудрые ³⁾. Вотъ глубокая и истинная основа благоустройства и порядка не только школы, но и жизни.

Но Коменскій вполне понималъ, что живое начало порядка и дисциплины лежитъ не во внѣшнихъ предписаніяхъ, а во внутреннемъ *самоустроеніи* личности, въ навыкѣ свободнаго и сознательнаго *подчиненія* закону. Идеи Коменскаго о развитіи въ молодыхъ натурахъ *самообладанія* въ высшей степени замѣчательны. Сила воли, говорить онъ, приобрѣтается и крѣпнеть въ побѣдахъ надъ собою (*in superandis se ipsis*). Эта борьба и побѣда идутъ медленно и обнимаютъ собою не одну внутреннюю, но и внѣшнюю сторону школы жизни, онъ проявляются въ обузданіи чрезмѣрной болтливости, въ сдерживаніи желанія поиграть внѣ или сверхъ назначеннаго времени, въ подавленіи нетерпѣнія, ропота, гнѣва ⁴⁾. Основаніемъ самообладанія долженъ

¹⁾ «Justitiam discent, neminem laedendo; quod suum est cuique tribuendo; mendacia et doles fugiendo; officiosos et amabiles se praestando». Did. Mag. Cap. XXIII, canon 6.

²⁾ Ibid. Cap. XXIII, can. 10.

³⁾ «Ita demum beatus esset rerum privatarum et publicarum status, si omnes in communita commoda conspirare, et ubique alii aliis succurrere, scirent et velent. Scient autem et volent edocti». Ibid. Cap. XXVII, 12. Замѣчательно, что этой мысли самъ Коменскій придавалъ особенное значеніе, что доказываетъ сдѣланная имъ особая пометка противъ этого мѣста, чтобы обратить на него вниманіе читателя.

⁴⁾ Did. Mag. Cap. XXIII, canon. 5.

быть навмѣкъ все совершать основательно и разумно, и ничего не дѣлать страстно и порывисто (*affectu et impetu*). „*Est enim homo animal rationale: ergo ratione duci consuescat, deliberando in actionibus, quid, cur, quomodo unumquodque recte, fiat? ut homo vere rex sit actionum suarum*“¹⁾. Какая очевидность, сила, ясность и убѣдительность: одно изъ двухъ, или отказаться отъ разумности человѣческой природы, или все воспитаніе,—согласное съ природой человѣка,—основать на *разумномъ самообладаніи*. Коменскій былъ убѣжденъ, что только такое воспитаніе разовьетъ въ юношѣ уваженіе къ закону, къ порядку, къ власти, когда онъ, во имя закона и общаго блага, охотнѣе будетъ выполнять волю другихъ, чѣмъ слѣдовать своему личному желанію (*alterius potius voluntatem facere, quam suam*).

У насъ такъ часто смѣшиваютъ понятіе *свободы* съ *произволомъ*, нерѣдко такъ исключительно враждебно относятся ко всякаго рода ограниченіямъ въ проявленіи личной воли и желаній воспитываемыхъ, слѣдуя парадоксальному „*laisser faire, laisser passer*“, что идеи Коменскаго о развитіи свободы и самообладаніи и донинѣ сохраняютъ все свое полное значеніе, какъ вѣрныя и глубокія педагогическія начала.

Итакъ, въ основѣ свободы — самообладаніе и разумность; какая же между ними и школьнымъ обученіемъ связь? Обученіе имѣетъ предметомъ сообщеніе *знаній*; постигая истинное значеніе предметовъ и ихъ достоинство, учащіеся научаются *оцѣнивать* вещи, дѣйствія и цѣли, отсюда благоразуміе (*prudencia*²⁾). Итакъ, очевидно, въ какую тѣсную связь желалъ Коменскій поставить обученіе и дисциплину. Въ школѣ нѣтъ мѣста *quasi*-знанію поверхностному, легкомысленному, ибо знаніе должно осмыслить жизнь и служить руководствомъ воли³⁾.

¹⁾ Ib. Cap. XXIII, 7. Это мѣсто также отмѣчено Коменскимъ, какъ заслуживающее особеннаго вниманія читателей; разъясненіе его онъ заключаетъ слѣдующимъ воззваніемъ: «*O quam multa spes in his est, humanas confusiones, quibus inundatur mundus, ad meliorem reducendi statum, si alii aliis cedere, omnes autem omnia sua ratione agere, jam inde ineunte aetate, condocessant!*»

²⁾ Идея полезности школы, по взгляду Коменскаго, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, совершенно чужда того мелкаго и поверхностнаго утилитаризма, родоначальникомъ котораго нужно считать Базедова. Коменскій говоритъ: «*Natura nihil inutile osserpat*» слѣдовательно, и въ школахъ должно преподавать только полезное. *Did. Mag. Cap. XVIII, fund. 1.* Но въ дальнѣйшемъ развитіи идеи полезнаго онъ прямо говоритъ: «*In scholis igitur nihil tractetur nisi quod solidissimum habeat usum, ad hanc et futuram vitam: magis autem ad futuram*» etc. Ср. также *Did. Mag. Cap. XIX, 14; ibid. probl. 8. Cap. XX.*

³⁾ «*Prudentiam a bona institutione haurient, veras rerum et pretii rerum, addiscendo differentias.—Verum enim de rebus iudicium est verum omnis virtu-*

Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и известное изрѣченіе его, что «въ школѣ должно учить только полезному»¹⁾.

Если разумъ долженъ руководить человека (animal rationale), то необходимо дать разуму прочное развитіе, вѣрность сужденія, здравый взглядъ на міръ и отношенія людей: вотъ задача школы. Это и есть истинное знаніе, истинная мудрость, которая знаетъ, что хорошо и что дурно, что полезно и что вредитъ, знаетъ къ чему нужно стремиться и чего избѣгать²⁾. Это теоретическая основа организаціи нравственной личности. Но изъ книгъ не научишься нравственности, Virtus factis colitur, non sermone³⁾, — вотъ основа практической. Взаимное ихъ единство образуетъ цѣлость морально-развитой личности.

Жизнь требуетъ сужденію надѣла, но дѣла есть истина жизни. Италія, больше упражненій и навика въ здоровому и честному труду. Трудъ есть живая и великая сила нравственнаго развитія; пусть учащіеся постоянно будутъ заняты дѣломъ серьезнымъ, приятнымъ, увлекательнымъ; пусть вращаются въ нѣкой силѣ воли, разумно направляемая и руководимая; пусть научаются жадности природы; честному употребленію слова и приобретаютъ полезныя навикъ въ преодолѣніи трудностей, „ne fiant vel lucifugae, vel molubroscos, ventres pigri, mitidia pondera terrae“⁴⁾. Вотъ истинная дѣятельность общеобразовательной школы, она учащей только, но и воспитывающей молодыхъ людей для жизни.

1) Die Fundamentalia, DM. Mag. Cap. XXIII, 5. Это приидіе Сократа: «добродѣтель есть знаніе», — но знаніе истинное, глубокое и полное; въ этомъ смыслѣ древній мыслитель-педагогъ считалъ его основой нравственности. См. «Значеніе Сократа, какъ философскаго педагога» Н. П. Маркова въ Журн. Минист. Народн. Просв. за 1871 годъ.

2) Ut Rectius Vivat: vera sapientia est de rebus incorrupte iudicaria, utilitalem diligensque existens, quae in ipsa est de villa sequebantur tangunt, preciosa, aut preciosa talium villa rejiciamus; ne vituperemus laudanda, neve laudemus vituperanda». Главная и существенная ошибка умовъ человеческихъ, откуда происходитъ все зло, это неправильная оцѣнка предметовъ. «Assuescat proinde, jam tum a puero veras habere de rebus opiniones, quae simul cum aetate adolescant; et ea rapiat, quae recta sunt, fugiat quae prava, ut assuetudo haec bene agendi veritat ei probe in naturam». Did. Mag. Cap. XXIII, Canon. 3.

3) Did. Mag. Cap. XXIII, 9 И ниже: «Laborum tolerantiam sibi comparant juvenes, si semper aliquid agant, sive scrib, sive ludicris. Вообще Коженскій высоко цѣнитъ трудъ и вполнѣ понималъ его педагогическое значеніе. Свою рѣчь о трудѣ онъ заключаетъ известнымъ изрѣченіемъ Сенеки: «Generosos animos labor nutrit».

Конечно, учитель долженъ идти впередъ и служить примеромъ для учащихся: бесѣда съ людьми, подражаніе, примѣра имѣютъ самое рѣшительное вліяніе на образованіе учащихся: „*exempla vitae compositae—preluceant perpetuo*“. „*Varentes itaque probos, disciplinae domesticae exactos custodes: praecipitores vere hominum selectissimas, moribus admirabiles esse, admirabile erit discipulos ad honestissimam vitam valide promovendi medium*“¹⁾.

Но направляя и руководя молодую натуру къ нравственному, самоустроенію, учитель долженъ внимательно слѣдить и работать, предохранять своихъ питомцевъ отъ всѣхъ вредныхъ вліяній, которыя особенно опасны въ этомъ возрастѣ, и особенно отъ дурнаго общества, сильнаго примѣромъ и увлекающаго юношей: „*custodiendi sunt diligentissime liberi a pravorum consorcio, ne inficiantur*“²⁾. Опуская изъ виду это требованіе, учитель будетъ одною рукой строить, другою разрушать; истинное воспитаніе заключается не въ томъ, чтобы исправлять то, что приключилось вреднаго (это значило бы лечить больного), но въ томъ, чтобы *предохранять* развивающуюся натуру отъ ошибокъ³⁾. „*Et quia vix nobis illo modo tam oculata esse licet, quin aliquid mali obrepit, disciplina potius necessaria est, ad obviandum moribus malis*“.

Итакъ, мы видимъ, что дѣйствительно дисциплина, по взгляду Коменскаго, не столько имѣетъ своимъ предметомъ собственно управленіе, сколько нравственное развитіе⁴⁾; но это не потому, чтобы Коменскій не придавалъ цѣны или не признавалъ полнаго значенія умственнаго образованія, но потому, что первое считалъ основой для другаго. Идеи его о внутренней организаціи школьнаго обученія, которыя мы сейчасъ изложимъ, напротивъ доказываютъ, что эта часть обращала на себя самое серьезное вниманіе великаго педагога.

Изложенію *школьной организаціи* посвящены собственно XIX-я, XXVII и XXXIII главы „*Дидактики*“, затѣмъ „*Scholae rationibus delineatio*“, нѣсколько отдѣльных рѣчей, читанныхъ Коменскимъ на торжественныхъ актахъ въ его гимназіяхъ, „*Praecepta morum*“ и „*Le-*

¹⁾ Did. Mag. Cap. XXIII, 15. Idem. Canonica 12, 13, 14.

²⁾ Arcendae proinde sunt a juventute omni studio omnes corruptelarum occasiones: uti sunt, sodalitia prava, sermones perversi, libelli vani et fugiles (nam vitiorum exempla, si ve oculis si ve auribus illapsa, venena sunt animis); tandemque otia, ne nihil agendo male agere discant, vel animi torporem contrahant. Did. Mag. Cap. XXIII, 17.

³⁾ Did. Mag. Cad. XXIII, 18.

«*scholae bene ordinatae*»; послѣднія двѣ представляютъ практическія *школа*, начертанныя «*in iuventutis usum*», но мы уже сказали, что имѣемъ цѣлю опредѣлить Коменскаго, какъ теоретика-педагога, и потому здѣсь изложимъ только *общія* основанія школьной организаціи и тѣ проблемы, которыя Коменскій ставилъ и рѣшалъ относительно этого предмета.

Общее образованіе каждаго человѣка должно идти непрерывно, начинаясь отъ дѣтства до полной возмужалости, то-есть, до начала самообразованія. Сообразно съ перацми четырьмя возрастами человѣка, Коменскій различаетъ *четыре* вида школы ¹⁾: *schola materna* (in quavis domo), *schola vernacula* (in quavis communitate, oppido et pago, — наша народная школа), *gymnasium* (in quavis civitate) et *academia* (in quavis regione, aut etiam provincia maiore, — наши университеты). Каждый изъ этихъ видовъ школы имѣетъ свои особенности, но во всѣхъ ихъ должно преподаваться *одно* и то же, — все, что дѣлаетъ человѣка истиннымъ человѣкомъ, что приготовляетъ его къ жизни. Коменскій подробно разсвѣтляетъ соотвѣтствіе каждаго вида школы постепенному ходу человѣческихъ возрастовъ ²⁾, но общая идея всѣхъ

¹⁾ Но въ «*Scholae pauperum delineatio*» Коменскій принимаетъ другое основаніе и дѣлаетъ иное распредѣленіе общеобразовательнаго курса. Именно, какъ мы уже замѣтили выше, «*Schola pauperum*» вся должна состоять изъ 7-и классовъ (pro exhaustianda tota scibilius multitudine): *vestibularis, janualis, arithmetica, philologica, logica, poetica, theologica*; три первыхъ — pro excelsis potissimum studiis (арифметическіе для пригоднѣйшихъ); три слѣдующихъ — pro derivando rerum intellectu, послѣдній — pro elevandis mentibus, vi revelatae lucis, ad Deum usque. Но школа пансіонъ должна предшествовать «*schola vernacula*», въ которой дѣти научались чтенію, такъ какъ «*inscriptio portae classis vestibularis*» гласила: «*Oudeis ἀναγράφτος εισίς* — Nemo illiteratus ingreditur». См. Opp. did. раз. III, 1—67. Впрочемъ, самому Коменскому не пришлось осуществить своей идеи, — въ Потсдѣ отъ едва могъ устроить три первыхъ класса, остальные совѣтъ не могли быть устроены, по недостатку сочувствія въ обществѣ къ этому дѣлу.

²⁾ См. Did. Mag. Cap. XXVII «*De quadripartita scholarum, secundum aetatem et profectum gradus fabricae*. Въ самомъ разположеніи учебнаго курса, Коменскій принимаетъ тотной стариннаго *концентраціоннаго* обученія, при чемъ различіе курсовъ каждаго вида школы, по его мнѣнію, должно лежать не въ существѣ дѣла, не въ различіи предметовъ, но въ большей или меньшей полнотѣ и подробностяхъ изложенія ихъ: «*quod in scholis prioribus omnia docebuntur generaliter et rade, sequentibus omnia particulariter et distinctius: eo modo quo arbor quovis novo anno in plures radices et ramos se spargit, plus roborascit, rursusque fructum profert*». Это любимое сравненіе Коменскаго, о которомъ мы уже говорили выше.

школъ одна, а потому и проблемы школьной организаціи Коменскій ставитъ вообще, не относя ихъ ни къ какому изъ отдѣльных видовъ школы, но къ школъ вообще.

Въ обработкѣ школьной организаціи обращаютъ на себя вниманіе мысли Коменскаго о *классной системѣ преподаванія*. Система эта только въ наше время стала предметомъ тщательнаго обсужденія, хотя и нынѣ она еще вопросъ, который нельзя считать рѣшеннымъ, такъ какъ хотя она имѣетъ не мало защитниковъ, но имѣетъ также и противниковъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе Коменскій съ замѣчательною вѣрностію указалъ лучшія стороны этой системы, и не только расширилъ ея педагогическія основанія, но предложилъ и практическія средства для ея примѣненія на самомъ дѣлѣ. Онъ прямо говоритъ, что школы тогда только получаютъ правильную организацію, „*si unus praesceptor omni praesit scholae, aut certe classi*“. Но вполнѣ понимая, что эта мысль для многихъ покажется неосуществимымъ парадоксомъ, особенно въ многочлудныхъ школахъ, онъ не уклоняется отъ обсуждения дѣла, но прямо ставитъ проблему: „*Quomodo praesceptor unus quatuordecim annulorum numero sufficere queat?*“ И затѣмъ обстоятельно рѣшаетъ тѣму.

Прежде всего онъ предлагаетъ соображенія отрицательныя, то есть, указаніе тѣхъ невыгодъ предметной системы въ учебно-воспитательномъ отношеніи, какия вызываютъ реформу. Въ этомъ, дѣлѣ, затѣмъ слѣдуютъ основанія въ пользу именно системы классной, съ которою Коменскій соединяетъ и такъ-называемое *элитное обученіе*, или мониторіальную систему; хотя изобрѣтеніе послѣдней приписываютъ обыкновенно Бэлю и Ланкастеру, но она также самостоятельно была указана Коменскимъ.

Признавая единство педагогическаго метода, непрерывность и концентрацію учебнаго курса необходимыми условіями рациональнаго обученія, смотря на школу, какъ на живой, изъ себя развивающійся организмъ, Коменскій, понятно, не могъ домырится съ таинимъ порядкомъ, гдѣ дается не цѣльное знаніе, а клочки его. Дрѣдѣтъ, однакъ учитель—поважетъ арифметическое дѣйствіе, явится другой—равнажетъ что-нибудь изъ исторіи, третій задастъ твердить вокабулы или правила изъ грамматики и т. д., всего по немножку, и все это от-

¹⁾ Впрочемъ, значеніе классной системы въ *элементарной* школѣ нынѣ можетъ считаться общепризнаваемымъ. По крайней мѣрѣ, и у насъ, и въ Германіи въ такъ-называемыхъ пригтовительныхъ классахъ при гимназіяхъ принято держаться классной системы, какъ наилучшей въ педагогическомъ отношеніи.

ривовно, не связано одно съ другимъ, безъ единства и цѣлости. Отсюда выводится: „in omnibus aliquid, in toto nihil“ — пустое, поверхностное, многозначіе и парадоксальность мысли. Можетъ ли подобный порядокъ благодѣтельно вліять на развитіе личности?

Что такой порядокъ преподаванія составляетъ, большое мѣсто и занимать школы, это весьма вредѣло; лучшіе педагоги нашего времени давно уже заняты обсужденіемъ мѣръ противъ этого зла, единственнымъ радикальнымъ противоѣдствіемъ которому является именно классная система, за которую стоялъ Коменскій. Такъ Навель, разсматривая ежедневное распреѣленіе преподаванія въ нѣмецкихъ школахъ, пишетъ совершенно въ тонѣ и духѣ Коменскаго:

„Какого результата достигъ бы умный или мастеровой, если бы оны вѣждный часъ стали мѣнять работу? Мы создаемъ несостоятельность такого еже-часно-прерываемаго труда, а между тѣмъ такой системы придерживаемся постоянно при обученіи дѣтей“) Слѣдуетъ ли послѣ этого удивляться, что преподаваніе не даетъ ожидаемыхъ результатовъ? Не теряется ли половина даннаго времени на уборку ненужныхъ матеріаловъ, на переходъ отъ даннаго направленія мысли въ новое, совершенно непроизводительное направленіе? Конечно, смѣна нужна въ умственныхъ занятіяхъ. Постоянная работа мысли надъ однимъ предметомъ утомляетъ, притупляетъ ее, обезсиливаетъ. Но все-таки смѣна предметовъ не должна быть быстра, неожиданна; должно дать ученику время углубиться въ предметъ. Смѣна предметовъ должна опираться на ихъ сродства“)

Хотя этому горю можно помочь и болѣе правильной организаціей занятій, но главнымъ объединяющею силой, по мнѣнію Коменскаго, должна быть личность преподавателя.

„Въ большей частри училища, говоритъ Навель, какъ бы комментіруя Коменскаго, каждый предметъ преподается отдѣльными учителями; во многихъ даже отдѣльные предметы по частямъ преподаются нѣсколькими преподавателями. Предположивъ даже, что преподаватели различныхъ предметовъ ведутъ дѣло сообща, все-же отдѣльно преподаваемые науки не могутъ поддерживать другъ друга такъ, какъ если бы ихъ преподавало *одно лицо*“ 3).

Коменскій находитъ, что дѣльный учитель одинъ не только можетъ обучать до ста человекъ, но даже долженъ, въ видахъ успѣшнаго обученія. При большемъ числѣ учениковъ и учитель охотнѣе работаетъ, и ученики учатся веселѣе (*gaudia sunt cunctis socios habuisse laborum*). Для осуществленія такого обученія Коменскій счи-

) Sp. Did. Mag. Cap. XVI, fund. 4, 30.

2) Sp. Did. Mag. Cap. XVIII, 32. Cap. XIX, 5.

3) Sp. Did. Mag. Cap. XIX, 6—9; probl. 1.

таетъ необходимыя три главныя условія: 1) *divisio* каждаго класса на *grupos* (*verbi gratia, decuriae*), поручаемыя надзирателямъ изъ учениковъ (мониторамъ, по терминологіи „взаимнаго обученія“); 2) *сообщественное обученіе*, „*si nunquam instituat (praeseptor) utrum voluit, neque privatim extra scholam, neque publice in schola* (унитарная система); *sed omnes simul et semel*“, и 3) возбужденіе общаго вниманія всѣхъ учащихся (*omnes sibi attentos reddendo*).

Весь успѣхъ дѣла опирается на умѣнь, тактъ и способности учителя. Онъ долженъ удачно выбрать себѣ помощниковъ и руководить ихъ такимъ образомъ, чтобы во всемъ было единство и ни въ чемъ не было противорѣчій. Для этой-то цѣли Коменскій такъ и настаивалъ, чтобы учащіяся не только сами учились, но и приобрѣтали навыкъ учить другихъ ¹⁾. „*Decuriones*“ осматриваютъ тетрадки учениковъ, наблюдаютъ за выполненіемъ работъ, за внимательностію учащихся; при исправленіи работъ они слѣдятъ, чтобы каждый исправлялъ свои ошибки, при исправленіи ошибокъ другихъ учениковъ, что дѣлаетъ учитель. Такимъ образомъ облегчается трудъ учителя (*praeseptori labor minuitur*), никто изъ учениковъ не остается не занятымъ, но всѣ учатся (*nemine inter omnes neglecto, omnes erudiantur*); концентрируется общее вниманіе класса (*omnium attentio acuatur*); разъясненное одному ученику принимается къ руководству всѣми (*quidquid ulla ratione uni dicitur, omnibus pariter serviat*) ²⁾.

„*Decuriones*“ помогаютъ и облегчаютъ трудъ, но они не могутъ замѣнить учителя, который, помѣщаясь на возвышенномъ мѣстѣ (откуда онъ можетъ всѣхъ видѣть, за всѣми наблюдать, всѣмъ руководить), какъ солнце, во любимому сравненію Коменскаго, бросаетъ вокругъ свои лучи: „*omnes autem in eum oculis, auribus, animis intenti, quidquid ille sive sermone enarrabit, sive manu aut pictura praemonstrabit, excipiant*“. Онъ не совѣтуетъ учителю подходить къ ученику и заниматься съ нимъ отдѣльно, опуская изъ виду другихъ; въ учительскую жизнь и порядки школы, вниманіе его во всемъ ученикамъ ни на минуту не должно ослабѣвать.

Но главная задача учителя—возбужденіе вниманія во всемъ классѣ: „*Summa igitur praeseptori cura hic erit: nihil loqui, nisi audientibus, nihil docere, nisi attendentes*“. Вполнѣ вѣрно изреченіе Сенеки: „*Nulli nisi audituro dicendum esse quidquam*“. Кто не внимателенъ и не слушаетъ, того нельзя учить. Совѣтъ, котораго даетъ Коменскій

¹⁾ Did. Mag. Cap. XVIII, fund. 10; 44—46.

²⁾ Did. Mag. Cap. XIX, 28.

учителя въ этомъ отношеніи, показываютъ въ немъ опытною знатока дѣтской природы и обладающаго замѣчательными педагогическими талантами практика-учителя.

Вниманіе къ благоу класса поддерживается, говоритъ онъ, а) когда учитель прилагаеть стараніе, чтобы сообщать ученикамъ что-либо привлекательное и полезное; „ita enim inescabuntur animi, ut cupide et parata cum attentione veniant“.

б) Когда учитель постоянно вызываетъ мысль и самодѣятельность учащихся посредствомъ живыхъ вопросовъ (*questionibus motis*).

в) Когда учитель, внимательно слѣдя съ близости за учениками, предупреждаетъ невнимательность, не дозволяя, чтобы ученики вѣвали по сторонамъ, не смотря на учителя и не слѣдя за его обученіемъ.

г) Когда все сообщаемое предлагается наглядно (*sensibus quod quod potest omnia representando*). „Non solum enim facilitati servit (*Cap. XVII, fund. 8*), sed et attentioni“.

е) Когда учитель, прерывая по временамъ свою рѣчь, обращается къ ученикамъ съ вопросами „Tu, aut tu, quid modo dixi? Repete hanc periodum. Tu, dic, qua occasione hinc ventum est? et similia, pro cujusque classis profectu“.

ж) Когда учитель, — если спрашиваемый ученикъ затрудняется, — живо спрашиваетъ другаго, третьяго и т. д.; не повторяя даннаго вопроса. „Omne id eo fine, ut quidquid uni dicitur, omnes attendere iaque usum transferre allaborent“.

з) Когда учитель, спрашивая одного, другаго, видя, что они не знаютъ, обращается къ цѣлому классу, и кто прежде или лучше другихъ отвѣтитъ, похвалитъ того предъ всѣми, „ut exemplum aemulationi serviat“.

и) Когда, по окончаніи ученія, учитель даетъ ученикамъ позволеніе обращаться къ нему съ любимыми вопросами (*quidquid volunt rogare*). Если вопросы имѣютъ общій интересъ для всѣхъ учениковъ, то они, какъ и рѣшенія ихъ, доводятся до общаго свѣдѣнія. „Si quis crebrius utilia moveat, collaudandus erit saepius, — quo caeteris diligentiae exempla et stimula non desint“¹⁾.

Если подобнаго рода упражненія будутъ повторяться ежедневно и постоянно, то они будутъ полезны не для школы только, но и для всей жизни, ибо учащіеся приобретутъ навыкъ приниматься за все

¹⁾ Did. Mag. Cap. XIX, 20—22.

полезное съ полнымъ присутствіемъ духа „*animò presentè, non exspectatis alienis monitionibus aut indignationibus*“. Въ осуществленіи этой организаціи Коменскій видѣлъ лучшую будущность и благотворное вліяніе школы на жизнь. „*Et tales si sunt scolae, quidam speretur solertissimorum virorum aegritimus preventus?*“ Затѣмъ Коменскій подробно разсматриваетъ тѣ возраженія, какія, казалось ему, возможны противъ предложеннаго плана учебной организаціи школы.

Въ слѣдующихъ семи проблеммахъ XIX-я главы Коменскій рѣшаетъ практическіе вопросы относительно порядка и различныхъ формъ преподаванія, и особенно относительно учебныхъ руководствъ, которымъ онъ придавалъ особенно важное значеніе ¹⁾. Между прочимъ, онъ рѣшаетъ: какимъ образомъ можно учить по однимъ шѣмъ же руководствамъ, обучать всему по одной и той же методѣ; какъ заниматься однимъ предметомъ всѣхъ учениковъ въ известное время; какъ, избѣгая многословія, кратко и вразумительно раскрывать пониманіе вещей для учащихся; какъ одновременно, при занятіи однимъ предметомъ, выполнять нѣсколько работъ в пр. ²⁾. Въ рѣшеніи каждой изъ этихъ проблеммъ высказано много замѣчательныхъ педагогическихъ идей, пригодныхъ и для нашего времени.

Такъ Коменскій признавалъ существенно важнымъ для успешнаго веденія школьнаго дѣла *разномѣрность уроковъ* учащихся одного класса; средствами для этой цѣли онъ считаетъ: а) равна всегда установленный годичный пріемъ учениковъ въ школу и б) правильное распредѣленіе учебныхъ часовъ и предметовъ для занятій ³⁾; совѣтъ весьма рациональный и для нашихъ элементарныхъ школъ.

¹⁾ Что множество предметовъ расшевеливаетъ вниманіе, говоритъ онъ, это всѣмъ известно. Поэтому учебное руководство (*compendium*) должно быть составлено съ особеннымъ тщаніемъ, целесообразно. «*Tales ergo libelli ad nostras facilitatis, soliditatis, compendiique leges conformandi erant pro omnibus scholis, omnia plane, solide, accurate contentantes, ut sit verissima totius universae (in animis depingendi) imago*». Изарженіе учебниковъ должно отличаться ясностію и общедоступностію. «*Et quod valide opto et urgeo, продолжаетъ авторъ, omnia proponentes (libelli) familiariter et populariter, ut discipulis omnino ministrent lucem, facientem omnia sua sponte, etiam nullo magistro, intelligi*». (Нельзя не выразить того же желанія и относительно нашихъ учебныхъ руководствъ). Учебныя пособія каждого класса должны быть одинаки, ибо иначе весьма было бы привѣчать на дѣлѣ взаимное и одновременное обученіе. Задача учителя по отношенію къ учебнику—сдѣлать содержаніе его вполне яснымъ и вразумительнымъ для учащихся (*Did. Mag. Cap. XIX, 31—37*).

²⁾ *Did. Mag. Cap. XIX, probl. 3—6*.

³⁾ «*Omnia agenda ita disponi, ut cuilibet anno, mensi, hebdomadae, diei atque*

Затѣмъ Коменскій весьма основательно морализируетъ (презиряще *Многословіе*), въ которое впадаютъ учителя при обонкѣ классныхъ объясненій: „*Grandi librorum aut sermonis mole distendere sagitta, res est nihil usus*“. Лучше имѣть, говорить оны, въ кошелекѣ одну золотую монету, чѣмъ сто свинцовыхъ. Пустое и безполезное многословіе для ума то же, что для желудка масса непитательныхъ веществъ: они только пучать и надвываютъ желудокъ. Справедливо говорить Семма: „*Seminis in modum spargenda esse, quibus non makis opus, sed efficacibus*“. Всякому земледѣльцу извѣстно, что для посѣва лучше немного семянъ, но хорошихъ, чѣмъ много, но плохихъ. — Если вспомнить, въ какую крайность впадаютъ наши педагоги при катихизацияхъ, то совѣтъ Коменскаго окажется вполне пригоднымъ и для насъ¹⁾.

Наконецъ, еще разъ Коменскій настойчиво требуетъ единства и связности всего преподаванія: „*Ad eundem modum juventutis formatio instituitur, ut omnis labor plusquam unum ferat fructum. Cujus rei haec generalis norma est: ut semper et ubique relatum cum suo correlato sumatur. Ex. gr., verba et res; legere et scribere; exercere stylum et ingenium; discere et docere, ludicra et seria conjungere, et quidquid praeterea excogitari potest*“²⁾ „*Quantum quis intelligit, tantum eloqui consuescat, et vicissim quae enuntiat, discat intelligere*“. Чтете и писано, говорите оны, должны быть всегда соединены. Чему ученикъ учится, то оны долженъ умѣть и написать; что оны видитъ, то долженъ умѣть нарисовать.

Далѣе слѣдовало бы намъ изложить подробности и частныя формы школьной организаціи, осуществленныя Коменскимъ въ основанныхъ имъ заведеніяхъ; но такъ какъ мы сказали уже, что имѣемъ въ виду охарактеризовать Коменскаго, какъ теоретика-педагога, то оставляя частности школьной организаціи въ сторону, переходимъ къ изложенію идей Коменскаго о *народной школѣ* (*schola vernacula*), на которыхъ мы останавливаемся съ особеннымъ удовольствіемъ³⁾.

adeo horum rerum veritas videtur, quo progreu inofenso pede ducantur, adque metam perducantur, simul omnes. Did. Mag. Cap. XIX, 39.

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія Коменскій находитъ вреднымъ слишкомъ подробныя руководства и полныя словари (*vocabularia et lexica plena*) и одобряетъ корнесловы, вызывающіе самостоятельность учащихся и болѣе доступныя для усвоенія. Did. Mag. Cap. XIX, 50.

²⁾ Did. Mag. Cap. XIX, probl. 6.

³⁾ Здѣсь мы предложимъ только самыя общія черты воззрѣній Коменскаго на народную школу. Мы надеемся сдѣлать ихъ предметомъ особой статьи, такъ какъ, по важности своей, они заслуживаютъ особеннаго вниманія не только педагоговъ, но и общества, заинтересованныхъ успѣхами народнаго образованія.

V. Въ вѣзрѣніяхъ Коменскаго на народное образованіе столько гуманности, широты и глуботы глубины, столько цѣльности и жизни, что нѣтъ никакихъ достаточныхъ, чтобы удовлетворить, славу египетской исторіи; но идея эти глуботы: во одно историческое значеніе въ прошедшемъ, въ осуществленіи ихъ мы видимъ свѣтлую будущность и нашихъ народныхъ школъ.

До Коменскаго Европа собственно не имѣла народной и элементарной школы: возможна ли школа народная безъ народного языка? Возможна ли школа элементарная безъ обученія нагляднаго? Наконецъ, возможна ли школа образовательная безъ идеи воспитывающаго обученія? Если нѣтъ (а иначе и быть не можетъ), то должно признать, что Коменскій есть истинный основатель и школы народной.

Прежде всего, какъ мы уже показывали выше, Коменскому принадлежить идея всеобщности народной школы. Для него народъ не тупая масса, осужденная на безграмотность и невежество, но живое человеческое общество, коллективная индивидуальность, имѣющая одну цѣль со всѣмъ человечествомъ. Для Коменскаго не было сословій привилегированныхъ, для которыхъ слѣдовало бы строить особныя школы. Общеобразовательная школа для всѣхъ одна. Всѣ люди имѣютъ одну природу, одно назначеніе и одни законы развитія: для всѣхъ и одна педагогія, одна школа, одно воспитывающее обученіе, дѣлающее человека человекомъ¹⁾. Школа, для народа, какъ солнце для природы: солнце всѣхъ одинаково освѣжаетъ, согреваетъ и движитъ, чтобы все зеленѣло, цвѣло и приносило плоды; школа всѣхъ принимаетъ и каждому сообщаетъ свѣтъ знаній, теплоту разумаго чувства и здоровое направленіе воли.

Мы уже знаемъ, какъ безпощадно критически разбиралъ Коменскій недостатки современныхъ ему школъ, гдѣ не столько учили, сколько мучили молодое поколѣніе, дѣлая „корень ученія“ невыносимо горькимъ, и возбуждая въ молодыхъ натурахъ отвращеніе къ ученю. Коменскій начертываетъ свой идеалъ, воздвигаетъ новую школу, которая должна стать великимъ благодѣніемъ для народа, должна образовать другое, лучшее и болѣе счастливое поколѣніе. Главныя черты этого идеала намъ уже знакомы.

Народная школа Коменскаго, *общедоступна*: къ нее идетъ всякій ребенокъ, безъ различія пола, состоянія, общественнаго положенія.

¹⁾ Подробное развитіе этихъ правилъ предложено въ IX, 4 главѣ «Дидактики», а также и въ другихъ мѣстахъ; о нихъ мы упоминали выше.

Мальчики учатся съ дѣвочками, ибо и тѣ и другіе — дѣти, цѣль которыхъ одна и та же ¹⁾.

„Всѣ учатся всему“ ²⁾, — что значитъ, какъ мы уже выше замѣтили, что всѣ получаютъ необходимое общее *элементарное* образованіе, въ основѣ котораго лежатъ идея нравственно-разумнаго существа. Учить всѣхъ всему — это значитъ, — учить всѣхъ тому, что нужно для всѣхъ, чтобы исполнять свое человѣческое назначеніе, какъ существа разумнаго. Въ этомъ смыслѣ школы суть мастерскія гуманности, дающія человѣку знаніе и развивающія въ немъ самообладаніе, силу воли. Школа должна сообщать молодому поколѣнію то, что просвѣтляетъ разумъ, направляетъ волю и постоянно возбуждаетъ совѣсть, дабы разумокъ сдѣлать прозорливымъ, волю непогрѣшимою въ выборѣ, а совѣсть постоянно дѣятельною. Такая только школа въ силахъ создать народу разумное и счастливое будущее, въ его сынахъ и дочеряхъ. Глубоки идеи Коменскаго, стѣтъ читать и перечитывать ихъ, какъ много въ нихъ сокровищъ. Кто, какъ онъ, съ такою силой и ясностію высказалъ *вѣснмательное* значеніе народной школы? Многие ли въ наше время возвысились до такого взгляда на ея задачи?

Утвердивъ такимъ образомъ основную цѣль обученія въ общеобразовательной народной школѣ, Коменскій отвѣчаетъ на возраженіе: ладно ли будетъ, если весь народъ, отъ царя до послѣдняго носильщика, будутъ одинаково образованы? Это, говоритъ онъ, дѣлу не повредитъ ни мало. У каждаго довольно найдется матеріала для размышленія и цѣлей для стремленія къ добру. Въ такомъ порядкѣ дѣлъ Коменскій видитъ существенное условіе общаго блага: всѣ будутъ радоваться общему преуспѣванію, а зная, что хорошо и что дурно, всѣ будутъ стремиться къ первому и избѣгать втораго ³⁾. Такой ши-

¹⁾ Говоря о дѣвочкахъ, Коменскій замѣчаетъ, что нѣтъ основаній и ихъ удалять отъ школы. «*Aequae enim imago Dei sunt, aequae participes gratiae et regni futuri saeculi; aequae mentis agili et sapientiae capaci (saepere supra sexum nostrum) instructae; aequae iis ad excelsa aditus patet, quum saepe ad regimen populorum, ad danda regibus et principibus saluberrima consilia, ad medicinae scientiam, aliaque humano generi salutaria, etiam ad propheticum munus, et inagrandos sacerdotes episcoposque a Deo ipso adhibitae fuerint.*» Did. Mag. Cap. IX, 5—7. Здѣсь, очевидно, сказывается то серьезное уваженіе къ женщинамъ, которое составляетъ характеристическую черту жизни древнихъ Славянъ.

²⁾ Did. Mag. Cap. X, 1.

³⁾ «*Id futuram est, ut constituta legitimis modis hac universali juventutis institutione, nemini omnium posthac desit bona cogitandi, optandi, sectandi, ope-*

роты во взглядъ на общесправедливую народную школу мы не находимъ не только ни у кого изъ предшественниковъ Коменсаго, но и у позднѣйшихъ педагоговъ.

Опираясь на эти общіе принципы, Коменскій предпринимаетъ такую устройство школы, при которомъ каждое чужое человеческое существо (развѣ кому Богъ не далъ ума) можетъ получить то истинное образование, которое дѣлаетъ человека мудрымъ и благочестивымъ. Это обученіе свободно и легко, потому что оно опирается на природу человека; учитель только возбуждаетъ и руководитъ развитіемъ того, что положено въ природу человека. Въ школѣ нѣтъ насилія. Наблюдая естественность воспитанія вообще, Коменскій уважаетъ и отдѣльныя черты каждой индивидуальности. Однихъ, говоритъ онъ, нужно сдерживать, другихъ воощрять и всѣхъ руководить сообразно ихъ природѣ и естественнымъ предрасположеніямъ. Говоря о натурахъ остроумныхъ и любознательныхъ, но рѣзкихъ и упрямыхъ, Коменскій замѣчаетъ, что ихъ въ школахъ обыкновенно считаютъ отчаянными; но если обученіе и руководство ихъ ведется хорошо, то изъ нихъ выходятъ замѣчательные люди. Воспитатели, говоритъ онъ въ выраженіемъ Семистовла, должны остерегаться, чтобы не превратить хорошихъ коней въ ослы¹⁾.

Говоря о такъ-называемыхъ натурахъ тупыхъ, Коменскій говоритъ, что чаще всего эта тупость зависитъ отъ неумѣлаго, плохого обращенія съ дѣтьми, и во всякомъ случаѣ онъ не допускаетъ такой тупости въ дѣтствѣ, которая исключала бы возможность всякаго развитія. Если мнѣ возражать, говоритъ онъ, что не изъ всякаго чурбана можетъ быть изваянъ Меркурій, то я отвѣчаю: во всякомъ чурбана можно сдѣлать человека²⁾. Чѣмъ свѣдѣе дарованія, тѣмъ болѣе они нуждаются въ помощи для развитія, въ заботливомъ уходѣ. Пусть нѣкоторыя природы даже не способны усвоить знанія, но и имъ

grandi etiam materia. Sciantque omnes, quo omnibus vitae actionibus et desideriis collimandum sit, per quos cancellos incedendum, et quomodo eas cuique statio tuenda» etc. Did. Mag. Cap. IX, 8.

¹⁾ Did. Mag. Cap. XII, 21.

²⁾ «At non ex quovis ligno fit Mercurius, inquit. Respondo: Sed ex quovis homine fit homo, si corruptela absit». И ниже: Dico: «Dantur nihilominus hebetissima ingenia, quibus nihil ingeri potest». Отвѣтъ на это возраженіе, Коменскій прибавляетъ: «Nihilum inopes mentis tam raro videmus, ac membrorum per naturam defectos. Certe enim caecitas, surditas, claudicatio, invaletudo rarerent cum hominibus nascuntur, sed contrahuntur nostra culpa: ita et cerebri prodigiosa hebetudo». Did. Mag. Cap. XII, 13, 16.

можно; наконецъ) сообщить добрыя наставленія. Въ этомъ идеяхъ Коменскій является великимъ провозвѣстникомъ того гуманнаго принципа, который въ наше время создалъ спеціальныя учрежденія для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, идиотовъ и т. п.

Народная школа Коменскаго обладаетъ всѣми сокровищами современной педагогикъ. Въ основѣ ея — *родной языкъ, наглядное обученіе* (параллелизмъ словъ и вещей); *духъ школы* — это духъ свѣта и радости, расположенія и любви; *учитель* ея, подражаетъ солнцу, все освѣщающему, согревающему и плодотворяющему. *Дисциплина* этой школы — это нравственно образующая и создающая сила, она заключается въ страхѣ, а любовь. *Единство* во всемъ есть общій девизъ этой школы. Обученіе въ ней *свободно*, ибо естественно. Эта школа имѣетъ *классныхъ учителей, взаимное обученіе*; даже съ *внѣшней* стороны школа Коменскаго есть таковъ веселое, привѣдливое и привлекательное мѣсто, куда дѣти спѣшатъ съ радостію; книги, карты, модели, коллекціи, живые образцы, чучела, словеса, все, что даетъ современная изобрѣтательность нашимъ школамъ, все это было въ идеѣ элементарной школы Коменскаго.

Интересна программа знаній и умѣній, которая должна была дать учащимся „*scholae vernaculae*“. Ученіе въ ней Коменскій полагалъ отъ 6-и до 13-и лѣтъ, задача ея — сообщить дѣтямъ „*ea, quae cum usus per totam vitam se extendat*“. Именно въ составъ этого курса входять: 1) отчетливое *чтеніе* (*typis et calamo scripti*) на отечественномъ языкѣ; 2) *письмо* (*primum concinne, tum celeriter, tandem proprie, secundum vernaculae grammaticae leges*), съ соблюденіемъ орфографіи; 3) *счисленіе* (*scribis et calculis*); 4) *геометрія* (*mensuratae secundum artem, quae quomodo, longitudines, latitudines, distantias, etc.*); 5) *пѣніе* общеупотребительныхъ мелодій и начала музыки (*musicae initia*); 6) пѣніе священныхъ и церковныхъ гимновъ; 7) *нативизисъ, исторія* и тексты св. писанія, изучаемыя дословно; 8) *ученіе о нравственности*, въ святыхъ правилахъ, поясняемое приѣрами, доступное по возрасту; 9) популярныя практическія свѣдѣнія изъ политической экономіи (*De oeconomico politicoque statu tantum cognoscat, quantum ad intelligendum ea, quae domi et civitate fieri vident quotidie, sufficiat*); 10) общія всемірная исторія; 11) свѣдѣнія изъ космографіи, и наконецъ, 12) нѣкоторыя свѣдѣнія изъ механическихъ искусствъ, съ одной стороны, явобъ учащіяся не были невѣждами и въ этомъ отношеніи, съ другой, — если у него въ послѣдствіи явилась бы охота посвя-

тить себя техническому принажию, но чтобы легче достигнуть несомнимаго для этой цѣли умѣнья ¹⁾).

Изъ этого краткаго плана общобразовательнаго курса народной школы можно видѣть, какъ широко смотрѣлъ Коменскій на жизненную задачу школы, и какъ глубоко понималъ просвѣтительную ея миссію. Не забудемъ, что всѣ мѣры, вся организація школьнаго обученія Коменскаго направлены были къ тому, чтобы сдѣлать обученіе легкимъ и въ то же время основательнымъ, приятнымъ и увѣдчивымъ; чтобы привлечь народъ въ школы и сдѣлать школу благодушнымъ для народа.

Два вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ трудился великій Амосъ Коменскій; но кто не пожелалъ бы въ наше время, для нашихъ школъ, такого труженника и просвѣтителя? Кто не пожелалъ бы промѣнителя нашей родной школы на начальнаго Коменскаго? И кто не согласится съ тѣмъ, что въ развитіи и осуществленіи великихъ идей его лежитъ свѣтлая будущность и едороее развитіе образованія народаго?

Остановимся на этомъ. Въ Коменскомъ мы имѣемъ все существенное, что представляетъ намъ современная педагогія, — и это въ два вѣка назадъ открыто и даже великимъ Яномъ Коменскимъ: вотъ двѣ широта и глубина, полнота и сила великаго славянскаго духа!

Заключая нашу рѣчь, мы должны сознаться, что далеко не истчернали всего значенія, какое имѣетъ Коменскій для современной науки о воспитаніи и обученіи: мы наметили и указали только *общія черты* этого значенія, и остается много сторонъ, которыя ждутъ еще своей оцѣнки; таковы, напримѣръ, его идеи въ области языковеденія и лингвистики, для которыхъ онъ сдѣлалъ такъ много ²⁾).

¹⁾ Vid. Mag. Car. XLIX, «Idea scholae vernaculae».

²⁾ Заслуги Коменскаго въ области языковеденія и лингвистики велики и несомнѣны. *Первымъ* дидактическимъ опытомъ его была упрощенная латинская грамматика (1516 г.), затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ трудовъ, имѣвшихъ цѣлю обработку роднаго и латинскаго языковъ, какъ основными средствами общаго образованія. Въ сжатомъ видѣ, до насъ не дошелъ его великій трудъ сравнительнаго чешскаго, латинскаго и латвискаго языковъ (старая обработка котораго онъ проследилъ 20 лѣтъ своей трудолюбивой жизни; но судя по программѣ его, трудъ этотъ представлялъ бы явленіе вполне замѣчательное и для нашего времени. Некоторые біографы Коменскаго называютъ его реалістомъ (см. напримѣръ *Учитель 1876 г.* стр. 214, а также весьма поверхностную брошюру г. *Григоревича*, Одесса, 1871 г. «А. А. Коменскій, старинный педагогъ-реалистъ»), но такой односторонній взглядъ на Коменскаго несправедливъ

Однако и связанная нами надежда, довольно, чтобы принять въ Коменскомъ величайшаго педагога, въсѣхъ временъ, явля современною науку о воспитаніи. Чтобы оживить, вполне, важность педаго-

и основателя. Указываютъ на то, что Коменскій требовалъ изученія вещей, а не словъ. Но развѣ это можетъ служить положительнымъ признакомъ реализма и отрицательнымъ — гуманизма? Довольно указать еще, что въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, строго-классическаго характера, въ приготовительныхъ курсахъ главное мѣсто всегда занимаетъ родной языкъ и предметное или наглядное обученіе (Anschauungsunterricht), представляющіе, пріемъ по идеѣ Коменскаго, одно цѣлое. Несправедливо мѣрять универсальнаго и всеобъемлющаго мыслителя-педагога произвольной мѣркой односторонней педагогической доктрины нашего времени. Собственно говоря, Коменскій не былъ, да и не могъ быть, ни классикомъ, ни реалистомъ въ нашемъ смыслѣ, но той простой причиною, что въ его время не было еще ни тѣхъ, ни другихъ. Пр. несомненно, что волею судьбы общепедагогическую важность языковъ, онъ внесъ самымъ дѣльнымъ образомъ въ широкое языкоученіе, и думать кажется, что его правильно бы назвать основателемъ новой *раціональной методы языкоученія*, чѣмъ реалистомъ. То же, что ныне ставятъ въ особенную заслугу Коменскому, именно введеніе въ начальный курсъ языкоученія цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ *свѣдѣній* изъ всѣхъ областей челоукаго міа, то, по нашему убѣжденію, составляетъ слабую его сторону, которая даже вредно отозвалась на послѣдующемъ развитіи общепедагогическаго курса, хотя самъ Коменскій и не виновать въ этомъ непосредственно. До Коменскаго главнымъ, если не исключительнымъ предметомъ обученія была латынь (хотя и средніе звѣна изучали свои trivium и quadrivium); Коменскій, не отрицая латыни, ввелъ въ школы *родной языкъ*, а затѣмъ, следуя французу «вообще должно учить *языку*» (имѣя въ виду языкъ элементарныхъ наукъ), въ составъ обученія языкамъ, не (а не какъ *особые* предметы) ввелъ въ массу свѣдѣній о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Послѣдующіе педагоги, не понявъ основаній и цѣли пансофическихъ воззрѣній Коменскаго, «все» поняли въ смыслѣ наукъ, которыхъ и хотѣли учить «всѣмъ», такъ что уже въ концѣ прошлаго столѣтія общепедагогическій курсъ начинаетъ страдать *многосредметностью*, такъ какъ увещившіе преподаватели, хотя бы преподавая въ гимназіяхъ, чуть не *все* изучаютъ, и дѣлать въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Вредъ такого энциклопедизма скоро обнаружился. Учащися подавали массу разнообразныхъ свѣдѣній, которыхъ они не могли усвоить, и въ результатѣ получалось, вмѣсто развитія, одно поверхностное извѣстіе. Мы сказали, что не виноватъ этого *ма* въ *непосредственную* вину Коменскому: это результатъ односторонняго методологическаго и приложенія его идей; но и въ трудахъ Коменскаго мы находимъ уже нѣкоторыя слабыя стороны энциклопедизма. Просмотрите его «Orbis pictus», «Janua», «Festivulum» etc., — ребенокъ учится родному и латинскому языку и въ то же время знакомится съ естествознаніемъ, съ физикой, астрономіей, даже съ сельскимъ хозяйствомъ и т. д. Положимъ, все это въ элементахъ, но удобно-добываемо ли одновременное соединеніе столь многихъ наукъ и предметовъ? Особенно замѣтна, эта слабая сторона Коменскаго въ «Schola infantia», гдѣ страннымъ образомъ массу элемен-

гическихъ идей Коменскаго, не должно забывать, что онъ явился за два вѣка назадъ, а между тѣмъ многія изъ этихъ идей и теперь новы. Правда, многое теперь кажется для насъ очень простымъ, но вѣдь простымъ кажется всякое великое открытіе, когда его сдѣлають. Что можетъ быть проще закона тяготѣнія или силы пара, однако открытіе столь простыхъ вещей произвело эпоху въ человѣчествѣ: таковы же великія „простыя“ педагогическія идеи Коменскаго. Въ отвѣтъ тѣмъ, кто называлъ бы открытіе этихъ идей дѣломъ легкимъ и простымъ, Коменскій могъ сказать то же, что онъ влагааетъ въ уста Колумбу, сумѣвшему *просто* поставить ядро на кончикѣ носка, и что потомъ всякій брался сдѣлать: „Potestis, quia posse vidistis: cur autem ante me nemo?“ Всѣ великія истины наукъ о мирѣ и о человѣкѣ не изобрѣтаются и не сочиняются человекомъ, всѣ онѣ лежатъ въ глубинѣ природы, какъ неизмѣнныя ея законы, — человѣку остается только извлечь ихъ. Но это извлеченіе есть великій трудъ, требующій мощнаго проникательнаго ума; выполнить его въ состояніи только великіе основатели человеческого знанія: Амосъ Коменскій по праву занимаетъ мѣсто въ сонмѣ этихъ благодѣтелей человечества. Онъ не только открылъ и указалъ золотосную руду, но и извлекъ ее, самъ обработалъ въ живыя практическія формы, показалъ ея примѣненіе, пустилъ во всеобщее обращеніе и тѣмъ увеличилъ сумму благъ человеческого существованія. Какъ оригинальный и глубокий педагогическій мыслитель, Коменскій навсегда останется въ педагогикѣ путеводною звѣздой, указывающею другимъ труженикамъ науки истинный путь. Читая и перечитывая педагогическіе труды Коменскаго, невольно проникаешься къ нему глубокимъ уваженіемъ и испытываешь на себѣ орантельное вліяніе его великаго ума; одинъ его такъ глубоко, что знаютъ въ читателѣ цѣлый рядъ новыхъ идей, которыя до того времени не прихо-

тарыхъ свидѣній, между которыми многія прямо недоступны для 6-лѣтняго ребенка. «Sapere incipiet ruere primo decennio circa naturalia in physica, optica, astronomica, geographica, chronologica, etc., а затѣ идутъ начала грамматики, діалектики, риторики (Sch. inf. Sap. IV). Это увлеченіе Коменскаго просто объясняется противоположностію его старой школы, исключительной схоластичности, которой Коменскій ждалъ противоположества, и въ этомъ отношеніи оно было полезно; но называть это вышешю заслугой Коменскаго, значить, не понимать его задачи. Коменскій самъ нигдѣ не называетъ даже своего метода изъученія *реальными*; одновременность изученія вещей и словъ, это параллелизмъ, а не реализмъ, не опредѣленію самого Коменскаго.

дела читающему въ голову: таково свойство всякихъ великихъ мыслителей. Подобно тому, какъ огонь, ударяясь о камень, вынуждаетъ заключающуюся въ немъ искру, такъ прикосновенье мыслящаго ума къ великимъ идеямъ оригинальныхъ мыслителей вынуждаетъ рядъ истинъ, которыхъ до того лежали въ немъ, не будучи составлены.

Есть обычай, — разумность его общепризнана, — что люди, посвящающіе себя специально известной науцѣ, желая сдѣлаться изъ учениковъ мастерами, изучаютъ кого-либо изъ древнѣйшихъ морфозея, положившаго впервые истинную основу науцѣ и такимъ образомъ создавшаго ей будущность и развитіе. Такъ математики изучаютъ Евклида, философы — Платона и Канта, астрономы — Ньютона и Лавласа, ботаники — Линнея и т. д. Для педагоговъ такимъ же свѣтиломъ, во нашему убѣжденію, можетъ и долженъ служить Амосъ Коменскій¹⁾. Духовное пространство, отдѣляющее насъ отъ него, не уменьшило и не коснулось его значенія, какъ мыслителя-педагога: глубокаго, оригинальнаго и самобытнаго: эти черты служатъ признаками истинно-великихъ умовъ во всякъ сферахъ науки. Правда, нѣкоторые изъ его мнѣній для нашего времени не пригодны, иное односторонне, иное отшло свой вѣкъ; но развѣ труды Ньютона и Лавласа, представителей толькѣйшей изъ наукъ, для нашего времени безусловно истинны не только въ основахъ, но и въ частности? Известно также, что система Линнея для нашего времени потеряла свое значеніе; а между тѣмъ, кто же смѣетъ отрицать всю научную важность его трудовъ и кто изъ „мастеровъ“ ботаники не изучалъ Линнея? Такъ точно и въ Коменскомъ мы цѣнимъ

¹⁾ Студенты нашего историко-филологическаго института, слушавшіе педагогию, въ прошломъ году, если не ошибаемся, изучали, подъ руководствомъ своего профессора, «Invitationes» Жавициана, съ цѣлю пріученія къ самостоятельнымъ педагогическимъ изслѣдованіямъ. Нѣсколько не отрицая пользы этого изученія, руководимаго притомъ известнымъ своею опытностію наставникомъ, мы тѣмъ не менѣе высказываемъ надежду, что Коменскій также не будетъ забытъ нашими специалистами-педагогами. Мы предвидимъ возраженіе: сочиненія Коменскаго составляютъ нынѣ такую библиографическую рѣдкость, что институтская бібліотека едва ли ихъ имѣетъ, для классныхъ же занятій нуженъ притомъ не одинъ экземпляръ. Это такъ. Но отчего бы почтенному учрежденію не издать «in usum scholarum» хотя одну «Didactica Magna»? Это была бы великая заслуга для нашей педагогики и добро, за которое всѣ педагоги сказали бы издателямъ большое спасибо. Пора же, наконецъ, хотя черезъ 200 лѣтъ, почтить память великаго мужа и воспользоваться сокровищами его гениальной мысли, такъ долго забытыми.

не подробности, не мелочи, не дополнительныя построения, но *основа, глубокія начала, методъ и духъ* его педагогій, живныя и цѣнныя и для насъ, и для всѣхъ временъ.

Изученіе трудовъ Коменскаго, по вашему убѣжденію, вполне можетъ сообщить мысли тѣхъ, кто изучаетъ его, здравый критическій взглядъ на дѣло, основательность, самостоятельность и глубину въ пониманіи основъ педагогической науки. Изученіе его, кромѣ того, можетъ всякому доставить минуты самаго высокаго и чистаго наслажденія. Какая простота и ясность выраженія, какая теплая и задушевная сердечность, любовь и преданность великому дѣлу, наконецъ, какая высокая гуманность пронизываютъ всѣ его труды! Изучая Коменскаго, мы научаемся не только знать, но и *любить* великую педагогическую миссію, научаемся самоотверженно служить на пользу образованія народнаго. Наконецъ, изучая Коменскаго, мы научимся у него и той благородной *скромности*, которая составляетъ типическую черту нашего педагога-Славянина и характеризуетъ истинно-глубокую натуру его. То обстоятельство, что два вѣка раздѣляютъ насъ съ Коменскимъ, служить не во вредъ для насъ, а въ пользу. Онъ является для насъ вполне чуждымъ наукой, чуждымъ тенденціозности, увлеченій дна и духа партій, раздѣляющихъ и тревожно-волнующихъ современный намъ педагогическій міръ. Онъ шелъ прямо къ цѣли и видѣлъ передъ собою только истинное благо чловѣка и его естественное развитіе.

Таково значеніе Коменскаго для современной педагогической науки *вообще*; но не забудемъ, что Амосъ—*Славянинъ*, что это родная намъ личность, что въ немъ мы находимъ родной идеаль, родныя черты, славянской духъ... Если суждено намъ имѣть свою *самобытную педагогію* (а я глубоко вѣрю въ будущность этой науки у насъ), то въ основѣ ея да будетъ великій педагогъ славянской Амосъ; его безсмертныя идеи да лягутъ въ основу родной школы нашей.

С. Миропольскій.

С.-Петербургъ, 1871 года.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ЗАМѢЧАНІЙ ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И ПЕДАГОГОВЪ О ПОЛЬЗѢ И НЕОБХОДИМОСТИ ОСНОВАТЕЛЬНОГО УЧЕНІЯ ОБИХЪ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Въ 1862 году бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія посланы были къ нѣкоторымъ иностраннымъ ученымъ и педагогамъ на разсмотрѣніе, въ переводахъ на языки нѣмецкій, французскій и англійскій, составленные въ министерствѣ проекты уставовъ общеобразовательныхъ заведеній, въ томъ числѣ и гимназій. Сообщенные этими педагогами замѣчанія были переведены на русскій языкъ и напечатаны въ особомъ сборникѣ, подъ заглавіемъ: „Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проекты уставовъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пб., 1863“.

Извлеченія изъ наиболѣе замѣчательныхъ мнѣній этихъ ученыхъ иностранцевъ почитается не бесполезнымъ напечатать для всеобщаго свѣдѣнія въ настоящее время, когда гимназіямъ нашимъ предстоитъ слѣдовать тому же пути, по коему идутъ эти учебныя заведенія во всей Европѣ.

Для ясности, необходимо отмѣтить тѣ статьи проекта гимназическаго устава 1862 года, въ которыхъ преимущественно относились означенныя замѣчанія.

Тогда предполагалось: четыре низшіе класса вовсе отдѣлить отъ гимназій, и составить изъ нихъ особыя учебныя заведенія, подъ названіемъ прогимназій; гимназіи же образовывать только изъ четырехъ классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ.

Въ прогимназіяхъ не признавалось нужнымъ вводить преподаваніе древнихъ языковъ. Въ филологическихъ же гимназіяхъ назначалось: на латинскій языкъ 24, а на греческій 22 часовыхъ уроковъ въ недѣлю.

Извлекаемъ изъ означеннаго „Сборника“ нижеслѣдующія мнѣнія и замѣчанія:

І. Доктора Рудольфа фонъ-Раумера, ординарнаго профессора Эрлангенскаго университета.

„Всякій, кто знакомъ съ нашими потребностями, согласится съ тѣмъ важнымъ значеніемъ, которое придають составители проекта развитію реального обученія. И нижеподписавшійся проникнуть убѣжденіемъ, что Европеецъ, значительною частью преимуществъ своихъ предъ другими народами, обязанъ изученію математики и естественныхъ наукъ. Тѣмъ не менѣе трудно согласить взглядъ проекта на реальныя и филологическія гимназіи какъ съ самою сущностью дѣла, такъ и со сдѣланными до сего времени наблюденіями. Въ проектѣ устава говорится, что ученый комитетъ сдѣлаетъ преимущественно реальнымъ гимназіямъ, безъ преподаванія греческаго языка, и считаетъ нужнымъ устроить ихъ въ большемъ количествѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія говорится: „въ третьихъ, ученый комитетъ полагаетъ, что дѣль такъ-называемаго гуманнаго, то-есть общаго образованія, не только въ гимназіяхъ, гдѣ представляется много средствъ для образованія, но и въ народныхъ училищахъ, какъ показываютъ блестящіе результаты преподаванія въ этихъ школахъ Саксоніи, Пруссіи, Швейцаріи, можетъ быть достигнута безъ преподаванія греческаго языка; въ четвертыхъ, онъ считаетъ возможнымъ достигнуть такъ-называемаго ученаго образованія безъ знанія греческаго языка, при одномъ достаточномъ знакомствѣ съ латинскимъ и съ однимъ изъ новѣйшихъ языковъ“. Въ этихъ доказательствахъ перемѣшаны самые равнообразные вопросы. Конечно, высшая степень человѣческаго образованія можетъ быть достигнута безъ греческаго, и даже безъ латинскаго языка; но приводимыя такимъ образомъ доказательства противъ древнихъ языковъ могутъ быть применены къ преподаванію всѣхъ предметовъ въ народныхъ школахъ. Самая лучшая часть того, чѣмъ владѣетъ человѣчество, ведетъ свое начало отъ людей, не умѣвшихъ ни читать, ни писать. Каждый признаетъ творенія Гомера за лучшія произведенія человѣческаго духа, хотя всѣ знатоки дѣла согласны въ томъ, что авторъ ихъ никогда не умѣлъ ни читать, ни писать. Что сказали бы почтенные составители „проекта“, еслибы имъ, на ихъ прекрасныя разсужденія о необходимости преподаванія въ народныхъ училищахъ чтенія и письма, предложить высказанный нами фактъ? Они, конечно, отвѣтили бы, что если въ некоторые люди безъ чтенія и письма достигали высокой степени умственнаго образованія, то это еще ничего не говоритъ противъ образующей силы чтенія и письма. То же самое нужно сказать о латинскомъ и греческомъ языкахъ.

Если дѣло идетъ не объ отдѣльно выдающихся умѣхъ, вторые, подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ, производили великое, а объ общія результаты новѣйшей исторіи образованія, то мы никогда не посмѣемъ отрицать благотворнаго дѣйствія тѣхъ школъ, которыя основываются на древне-классическомъ образованіи. Въ этомъ отношеніи прежде всего нужно обратить вниманіе на Германію и Англію: Бить можетъ, стануть утверждать, что въ этихъ странахъ господствуетъ закоренѣлое предубѣжденіе въ извѣстныхъ взглядахъ въ такомъ случаѣ, мы укажемъ вамъ на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ этого не можетъ быть, потому что жителей ихъ нельзя признать ни приверженцами древне-европейскихъ классическихкихъ понятій, ни врагами реализма. Великій Франклинъ — образецъ практическаго Американца, основывая, въ 1759 году, въ Филадельфіи училище, ввелъ тамъ преподаваніе на латинскомъ и греческомъ языкахъ, не смотря на то, что самъ вовсе не зналъ по-гречески и едва понималъ по-латыни. Подобный же примѣръ того, какъ высоко цѣнить практическіе Американцы знаніе греческаго и латинскаго языка, представляетъ вамъ случай изъ 1841 года. Когда коллегія Гарварда — одно изъ замѣчательныхъ учебныхъ заведеній въ Соединенныхъ Штатахъ, предоставила свободу родителямъ и опекунамъ обучать или нѣтъ своихъ питомцевъ греческому и латинскому языку, число желающихъ классическаго образованія не только не уменьшилось, но въ слѣдующіе годы даже значительно увеличилось.

„Но положимъ, что мы опровергли внутреннее достоинство классическаго образованія, все-таки приходится обратить вниманіе на одно важное, внѣшнее обстоятельство. Великіе образованные народы средней и западной Европы основываютъ свое научное образованіе на знаніи латинскаго и греческаго языковъ; разумѣется, и въ Россіи очень важно не раскоидиться съ остальною Европою въ такомъ серьезномъ дѣлѣ.

„Все это мы высказали не съ тою цѣлію, чтобы какъ-нибудь уронить реальныя гимназіи. Мы, въ самомъ же началѣ, объяснили ихъ полезное значеніе. Мы утверждаемъ только, что и въ Россіи, какъ въ остальныхъ европейскихъ государствахъ, основаніемъ высшаго образованія должны быть классическія учебныя заведенія. И не только успѣхи среднихъ учебныхъ заведешій, но и успѣхи русскихъ университетовъ будутъ зависѣть отъ того, насколько посѣщающіе ихъ обладаютъ классическимъ образованіемъ“.

II. Доктора Шмидта, директора гимназій въ Штутгартѣ.

„Слѣдуетъ рассмотреть особенно-важный вопросъ о цѣли латинскаго языка и о времени на его изученіе. Что рѣшеніе этого вопроса соединено съ характеристическими трудностями, это я усматриваю частію изъ нѣкоторыхъ „поясненій“ проекта, частію изъ сочиненія доктора Коссмана („Замѣчанія объ образованіи вообще, и объ образованіи юношества въ Россіи“. С.-Петербургъ, 1861 года). Объ этомъ сочиненіи я долженъ сказать, что оно, наряду съ многими вѣрными положеніями и мѣткими замѣчаніями, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя неправильности и ошибки и самыя ложныя воззрѣнія на образовательную силу, свойственную разнымъ предметамъ обученія. Я не только не отрицаю того великаго значенія, какое могутъ имѣть классическіе языки на образованіе юношества въ Россіи, — напротивъ, я стою за тотъ фактъ, что проектъ признаетъ, въ числѣ предметовъ преподаванія, и латинскій языкъ. Это требованіе поддержали слѣдующими двумя основаніями: 1) Латинскій языкъ особенно способенъ пробуждать и развивать сознаніе, и въ этомъ ему уступаетъ каждый изъ новѣйшихъ языковъ, по самой своей природѣ. Такое преимущество латинскаго языка заключается въ его ясно-опредѣленной теоріи, особенно же въ его правильныхъ окончаніяхъ, въ тѣхъ словесныхъ категоріяхъ, которыя развиваютъ формы языка, въ синтаксическомъ строеніи предложеній, которое такъ вѣрно отвѣчаетъ формамъ мышленія. Самая литература латинскаго языка удобно усваивается: она расширяетъ круговоръ юношества, частію, знакомя его съ новымъ міромъ, частію — простотою своихъ формъ и конкретнымъ изложеніемъ; она располагаетъ душу ко всему благородному, выставляя великія явленія и характеры, и тѣмъ усиливаетъ отвращеніе къ худому; наконецъ, развиваетъ чувство прекраснаго удачными образцами простаго и изящнаго изложенія. 2) Живое знакомство съ древнимъ міромъ, чрезъ изученіе его источниковъ, есть первое условіе образованія у всѣхъ европейскихъ народовъ: классическое образованіе и христіанство составляютъ одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ духовныхъ узловъ, которые соединяютъ эти націи, и потому, тотъ народъ, юношеству котораго недоступно классическое образованіе, не можетъ быть включенъ въ члены этого союза. Вотъ тѣ основанія, вслѣдствіе которыхъ я стою за включеніе, по крайней мѣрѣ, латинскаго языка въ программу гимназическаго преподаванія. Что касается до греческаго языка, то вопросъ этотъ требуетъ обстоятельнаго изслѣдованія, на чтѣ у меня нѣтъ времени. Та цѣль, которой

должны достигнуть филологическія гимназіи; „свѣсно читать историческія сочиненія въ прозѣ, поэтическія — съ приготовленіемъ“, а реальныя гимназіи: „понимать историческаго Римскаго велотача въѣда и нравственне-психологическія разсужденія Цицерона“, вполне необходима и совершенно достаточна. Но для меня непонятно постановленіе (§ 196), чтобы латинскій языкъ изучался менѣе подробно, чѣмъ нѣмецкій или французскій, и чтобы ученики начинали его не ранѣе 13-лѣтняго возраста (§ 213), а цѣли изученія его достигали въ теченіе 4-хъ лѣтъ, при 24-хъ (среднимъ числомъ — при 18) часовыхъ урокахъ въ недѣлю для всѣхъ четырехъ классовъ (приб. II, стр. 88, 89); следовательно для каждаго класса въ отдѣльности — при 6—4½-недѣльныхъ часахъ. Открыто высказываю, что я принадлежу къ числу педагоговъ, о которыхъ упоминается на стр. 95, противъ нѣкоторыхъ ученыхъ комитетъ говоритъ, что въ это время можно приобрести хорошее знаніе латинскаго языка. Но я не могу раздѣлять той надежды, которая высказана на стр. 96. Конечно, нѣкоторые ученики, и въ означенное время, могутъ изучить, въ известной степени, латинскій языкъ, если, въ счастливымъ дарованіяхъ, приложить еще необыкновенное усердіе, употребляя на изученіе его вдвое болѣе времени дома, чѣмъ въ школѣ. Но я не обманусь, если скажу, что такіе ученики, и въ Россіи, какъ въ Германіи, рѣдки. Ученики съ обыкновенными способностями, у насъ, употребляютъ на изученіе этого языка, при 8—12 недѣльныхъ часахъ, не менѣе восьми лѣтъ и все-таки не достигаютъ полного знанія въ этомъ языкѣ. Результаты моихъ наблюденій и опытности даютъ мнѣ право сказать рѣшительно, что время, назначенное на латинскій языкъ, *слишкомъ коротко*; хотя, при усиленномъ трудѣ, и можетъ чѣмъ-нибудь вознаградиться. Ни одинъ языкъ, тѣмъ менѣе новѣйшій, неспособенъ такъ хорошо ознакомить ученика съ общими грамматическими правилами, какъ латинскій; и въ тѣхъ школахъ, гдѣ изученію новыхъ языковъ предпослали древніе, успѣхъ былъ очень значителенъ. Ученики прогимназіи нѣбываютъ такой возрастъ, что способны начать изученіе латинскаго языка: ихъ память довольно свѣжа, чтобы усвоить его формы, а ихъ умъ способенъ воспринять его содержаніе. Въ прогимназіяхъ это нѣтрудно сдѣлать именно для латинскаго языка. На основаніи приложения I-го, для ея четырехъ классовъ назначено 104 часа, следовательно, для каждаго въ отдѣльности — 26 часовъ. Это число легко увеличить: можно, на примѣръ, оторочить тотъ или другой изъ частныхъ предметовъ, особенно же французскій языкъ, такъ какъ онъ

стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ латинскимъ и основывается на знаніи послѣдняго. Такимъ образомъ, на мѣстѣ французскаго языка въ противназвѣжъ латинскій. Какъ ни нескромно, съ моей стороны, проповѣрять ученому институту, я все-таки придаю этому предмету особенную важность, — гораде большую, чѣмъ всему остальному, о чемъ намѣренъ говорить“.

III. Брауна (Brown), бывшаго профессора Абердеемскаго университета.

„Греческая литература, греческая философія и греческое искусство, вѣдь всѣми другими, производили самое обширное и надолго остающееся вліаніе на человѣчскій умъ. Латинскую литературу можно назвать не болѣе, какъ подражаніемъ греческой. Большая часть терминовъ, относящихся до наукъ и искусствъ, заимствованы изъ греческаго языка. Кромѣ того, Новый Заветъ былъ написанъ на греческомъ языкѣ. Человѣкъ можетъ имѣть огромный запасъ различныкъ свѣдѣній, не зная ни слова изъ греческаго или латинскаго языка, но его, ни подъ какими видами, нельзя назвать *ученымъ*, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова“.

VI. Рашера, профессора Лейпцигскаго университета.

„Великій и неопѣнимый принципъ, сіяющій во всѣхъ частяхъ устава и постановляющій главною задачею низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній — *воспитаніе всего человека*, приводитъ меня къ тому заключенію, что такъ называемое *классическое образованіе* должно выступить гораде болѣе на передній планъ, чѣмъ это предполагается въ проектѣ устава. Здѣсь не мѣсто разсуждать, въ чемъ собственно заключается несравненная образовательная сила греческаго и римскаго древняго міра. Но я долженъ обратить вниманіе на то, что всѣ новѣйшіе, образованные народы, безъ исключенія, достигли высшей самостоятельности, и въ своей народной литературѣ и въ искусствѣ, именно въ то время, когда они глубже проникли въ духъ классической древности и усвоили себѣ всю живительную силу его. Между тѣмъ какъ подражаніе какому-нибудь новому образцу быстро налагаетъ оковы на самостоятельное развитіе, глубокое и живое изученіе классической древности дѣлаетъ своихъ ревностныхъ послѣдователей самими свободными и самостоятельными дѣятелями.“

„Только тамъ является золотой вѣкъ каждой новѣйшей литературы, гдѣ полнота и самостоятельность народнаго содержанія, самымъ тѣснымъ образомъ, сливается съ сжатостью и простотою древнихъ классическихкихъ формъ. Разумѣется, цѣль русскаго правительства не мо-

жить востать въ томъ, чтобы одѣлать: всѣхъ Русскихъ занимающихся художниками и классиками, но путь къ внешнему образованію долженъ быть одинъ и тотъ же у всѣхъ европейскихъ народовъ, потому что, только въ: по этому пути, и: народная литература, и искусство, въ: дальнѣйшемъ развитіи: своемъ, могутъ достигнуть истинной самостоятельности и совершенства.

«Очень естественно, что и требованія практической жизни должны имѣть свои права, и тотъ уставъ, который, въ столь краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ, отвѣчаетъ всякое призываніе человека съ малыхъ лѣтъ къ вѣстнымъ практическимъ дѣламъ и требуетъ общаго образованія, долженъ всегда имѣть въ виду эти требованія. Но именно здѣсь-то и является, въ самомъ яркомъ свѣтѣ, всесторонняя, охватывающая все существо человека, образовательная сила хорошаго гимназическаго ученія (то-есть, сила классической древности, въ соединеніи съ основательнымъ изученіемъ математики и родного языка). *Диббизъ, величайшій изъ нихъ, а следовательно, и главный представитель нашего времени въ области самой новейшей и практической науки, въ одномъ изъ своихъ „Писемъ о жизни“ (4-изд. т. II, стр. 468), говоритъ слѣдующее: „Я часто находилъ, что студенты, кончившіе курсъ въ хорошихъ гимназіяхъ, очень скоро переходили шестидесятъ изъ политическаго или ремесленнаго школы, даже въ соответствущихъ наукахъ, хотя въ началѣ послѣднихъ, по своимъ знаніямъ своимъ въ соответствующимъ, казались предъ первыми, какъ великаны предъ карликами“.* Этотъ примѣръ такъ замѣчательный, что Диббизъ, только имъ извѣстно, получила свое образованіе даже не въ гимназіи, а имѣлъ по очень обихованной въ Германіи аптекарской дороте. Со взглядами Диббиза согласуются также и взгляды многихъ другихъ, особенно практическихъ, физиковъ и химиковъ. Подобный примѣръ могу привести и я, изъ болѣе близкой мнѣ области — политической экономіи, считающейся въ настоящее время преимущественно практической наукой. При однихъ и техъ же обстоятельствахъ, я постоянно встрѣчаю, что хорошие приемы главнейшей гимназіи, вступающей въ университетскую комнату, хотя и являясь, на первомъ морозѣ, мнѣ дошли въ дѣлать, чѣмъ вѣдущій изъ коммерческаго училища, но за то, очень скоро, не только догоняла его, но и превосходила въ самостоятельности и умѣлости. То же самое и въ земледѣльческой и промышленной сферѣ. Что же касается вообще государственной службы, то стоить только вспомнить Англію, которая, въ практической дѣятельности своихъ государ-

страшныя люди, не уступаютъ никакому другому государству и даже считаются въ настоящее время классическою школою современной политикѣ, и которая, какъ извѣстно, не только свои гимназій, но даже и университеты ограничиваютъ исключительно изученіемъ классиковъ и математики. Занятія греческимъ и латинскимъ языками составляютъ самое вѣрное средство для развитія основательнаго, правильнаго мышленія въ учащихся и самую лучшую школу практической логикѣ".

г. V. Членъ Бельгійской палаты Ст. Фел.

„Главное мое замѣчаніе, которое не могу не сдѣлать, состоитъ въ томъ, что время, назначенное на изученіе древнихъ языковъ въ филологическихъ гимназіяхъ, чрезвычайно коротко. Здѣсь дѣло касается вопроса опытности и опыта, мнѣ кажется, разрѣшилъ его. Во Франціи посвящается семь лѣтъ изученію древностей и языковъ древнихъ.

„Въ Германіи это изученіе, вообще, распространено на 8 лѣтъ, даже болѣе въ некоторыхъ земляхъ, напримѣръ, въ Виртембергѣ.

„Въ Бельгіи посвящаютъ на изученіе языковъ латинскаго и греческаго 6 лѣтъ съ половиною; въ Голландіи — 6 лѣтъ. Въ Бельгіи на латинскій языкъ употребляютъ отъ 9-и до 12-и часовъ въ недѣлю, по классному распредѣленію, но люди самые компетентные жалуются на недостатокъ этого времени.

„Въ большихъ коллегіяхъ Англійскихъ, какъ напримѣръ въ Итонѣ, гдѣ вводятъ много лѣтъ, занимаются главнымъ образомъ или, можно сказать, почти исключительно древними языками. Прекрасные результаты отъ этого изученія извѣстны.

„Программа экзаменовъ, которымъ подвергаются въ Англій готовящіеся на высшія степени и стремящіеся въ высшему университетскому образованію, такъ обширна, что заставила бы удалиться нашихъ лучшихъ учениковъ. Эта программа предполагаетъ долги и серьезныя занятія. Необходимо вспомнить, какіе вышлі въ Англій законовѣдн и государственные люди изъ этихъ школъ. Чатамъ, Боркъ, Каннингъ, Робертъ Пиъ были великіе латинисты и отличные эллинисты; это не пренитствовало имъ или, лучше сказать, содѣйствовало сдѣлаться первыми ораторами и искусными дипломатами своего времени. Извѣстно, что Каннингъ и Робертъ Пиъ посвящали часы своего досуга латинской поэзіи.

„Во Франціи, во время революціи, пытались ограничить изученіе латинскаго языка въ центральныхъ школахъ того времени; но тотчасъ, со времени устройства лицеевъ, возвратились къ здравымъ преданіямъ педагогическимъ:

„Надо вспомнить, что лица, содѣйствовавшія образованію французскаго языка, преимущественно творцы его великой, удивительной прозы, начиная съ Монтаня, Наскаля и Боссуэта до Вольтера, были великіе гуманисты. И въ настоящее время во Франціи люди саміе компетентные, Нивары, Вильмены и т. д., совѣтуютъ предаваться серьезнымъ занятіямъ латинскимъ языкомъ и литературой, по убѣжденію, что нельзя пренебречь ими безъ пониженія умственнаго уровня отечества и безъ того, чтобы языкъ и литература французская не подверглись печальному пониженію.

„По моему мнѣнію, нельзя и не должно изучать древніе языки въ половину. Кто не приобрѣлъ точнаго, солиднаго познанія въ этихъ языкахъ, тотъ никогда, съ легкостью, со вкусомъ, съ удовольствіемъ не будетъ читать великихъ писателей Рима и Афинъ, вѣчныхъ образцовъ истиннаго и прекраснаго“.

VI. Доктора Дитча (Dietsch), директора Плауенскихъ гимназій и реальнаго училища.

„Правительство, которое въ настоящее время организуетъ учебныя заведенія, находится въ благоприятномъ положеніи, потому что можетъ разомъ ввести въ жизнь добытое временемъ и исторіей; оно можетъ просто принять начала, выработавшіяся изъ столѣтняго многотруднаго спора и борьбы; принимать во вниманіе настоящее положеніе въ другихъ мѣстахъ и постепенно вводить и выполнять уже существующее. Блестящій примѣръ, въ этомъ отношеніи, представляетъ намъ организація Австрійскихъ гимназій; гдѣ, принявъ въ должный разчетъ несомнѣнныя требованія времени, положили въ основаніе примиреніе гуманизма съ реальнымъ направленіемъ.

„Этого самого желали и составители настоящаго проекта; а между тѣмъ реализму дано такое широкое развитіе, которое только можетъ вредно дѣйствовать на народное образованіе вообще. *Мнѣ тѣмъ симпатичнѣе, впрямую, позволять высказаться вполне, что отъ меня, какъ отъ директора въ то же время гимназій и реальнаго училища, могутъ ожидать безпристрастнаго взгляда на долю и некоторой опытности.*

„Добросовѣстное испытаніе и изслѣдованіе привели меня къ непоколебимому убѣжденію, что реальныя гимназій не могутъ ни *протолкнуть собственно къ землѣ науки, ни поощрять основаніе общему умственному образованію такъ, какъ филологическія (или, впрочемъ, гуманитарическія) гимназій.*

„Я могу утверждать по чистой совѣсти, что воспитанники на-

ищетъ реальныхъ училищъ, вполне соответствующихъ, кажется, предполагаемымъ въ Россіи реальнымъ гимназіямъ; если и показана въ ея письмахъ предметная программа, все-таки, по способности къ занятию науками и по общему образованию, никакъ не стоитъ выше трехъ лучшихъ гимназій, которымъ остается еще пройти одну или третью часть курса. Понятіе объ образованіи, конечно, трудно опредѣлить словами. Отъ опредѣленія его — „гармоническое развитіе всѣхъ душевныхъ и умственныхъ силъ“, отъказались теперь, полагая, что оно представляетъ недостижимый идеалъ, стремленіе къ которому вредно для индивидуальнаго развитія характера. Что условія общаго образованія суть: пріобрѣтеніе известнаго объема знаний, необходимыхъ для жизни, и исключеніе всякой односторонности, въ этомъ всѣ убѣдились, точно также, какъ и въ томъ, что общее образованіе существенно состоитъ какъ въ способности углубляться въ содержаніе всякой мысли, создавать свои собственныя и давать имъ ясное выраженіе, такъ и въ идеальномъ порывѣ души къ познанію вездѣ высшаго и самаго глубокаго, который, не исключая и не стѣсняя практическаго стремленія, не даетъ, однакожь, человѣку погружаться въ матеріализмъ, и научаетъ его соединять живое, но обдуманное стремленіе къ священнымъ и высшимъ интересамъ человѣчества съ яснымъ пониманіемъ духа времени.

„Если я заданъ выше, какъ результатъ своего опыта, что ученики нашихъ реальныхъ училищъ стоятъ ниже нашихъ гимназистовъ, то всадій въ правѣ не довѣрять этому опыту, пока не будутъ разъяснены внутреннія причины такого явленія. А потому необходимо войти въ ихъ разсмотрѣніе. Реальнымъ образованіемъ называется то, которое преимущественно основано на математикѣ и естественныхъ наукахъ. Что я признаю, какъ образовательную силу, заключающуюся въ обѣихъ, такъ и значеніе ихъ для нашего времени, доказываютъ мои, хотя слабыя, но несомнѣнно безуспѣшныя усилія дать имъ приличное мѣсто въ нашихъ гимназіяхъ. Математика, по справедливости, считается однимъ изъ лучшихъ средствъ для образованія логическаго мышленія. По ясности понятій, по строгости доказательствъ, по непреклонной послѣдовательности системы, за математикой всегда останется почетное мѣсто въ образованіи юношества. Никто, однако, не будетъ оспаривать, что математика развиваетъ одну только сторону мышленія — разумъ, способный къ отвлеченіямъ; что она употребляетъ только простѣйшія логическія категоріи, формы и законы; что она не отрѣшается отъ соверщанія пространства и числа; что она, по этому са-

мому, хотѣ строго подчинять себя умъ, но не учить его свободному движенію; что всякое математическое предположеніе суе, по возможности и движется въ простыя выраженія, не затрогивая сердца и чувства; что математика, въ своемъ развитіи, представляетъ картину проникательности челоѣка и неутомимо его стремленію въ исследованиямъ, но не живетъ духовной жизнью, въ ея полномъ объемѣ во всемъ ея разнообразіи, во всемъ, гдѣ только въ высшихъ формахъ ея. Съ чисто-математическою головою и чисто-математическимъ взглядомъ челоѣкъ остается еще очень суе. Больше могучее стремленіе къ идеалу заключается въ естественномъ наклонѣ, потому что онъ постоянно вѣдутъ отъ особаго и единичнаго къ родовому и всеобщему, отъ явленій къ законамъ, и если не уваживаютъ ни самого Бога и не учить уважать Его во всемъ (еслибы это достигалось одними наблюденіемъ и исследованіемъ природы, то Откровеніе Господа нашего Иисуса Христа было бы излишнимъ), все же предстанъ являютъ проявленіе Его существа въ твореніи и наполняютъ сердце отрадами для вѣрующаго (благоговѣніемъ къ Его всемогуществу и мудрости).

„Естественныя науки имѣютъ также полезное вѣдѣе на формальное образованіе ума (употребляю это выраженіе, по недостатку другаго, равно вѣрнаго и болѣе подлоднаго, будучи увѣренъ въ томъ, что меня поймутъ); онѣ изощряютъ чувства и наблюдательность въ отысканіи подобій и различій, научаютъ дѣлать заключенія отъ видѣннаго и осмотрѣннаго къ скрытому и невидимому, отъ разнообразныхъ отдѣльныхъ случаевъ въ всеобъемлющему закону. Если бы, во всему сказанному, еще прибавить изумительныя успѣхи челоѣческаго ума на этомъ поприщѣ, особенно въ наше время, и взглянуть на вліяніе, еще не вполне оцѣненное, но уже несомнѣнное, на все открытія по этимъ наукамъ имѣли на всю нашу жизнь, то всякій разумный челоѣкъ согласится, что невозможно не преподавать ихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и что челоѣкъ, не имѣющій никакихъ свѣдѣній по этой части, не можетъ считаться дѣйствительно образованнымъ. Тогда легко поймешь, почему такъ горячо и усердно вставали въ, какъ лучшее образовательное средство, и въ сдѣнномъ воодушевленіи, отчуждали и отвергали дотошныя испытанныя средства. Не наука не можетъ дать этому уму то, что представляетъ она зрѣлому челоѣку, постигающему ее въ полномъ объемѣ; а то, что не имѣеть твердаго основанія, не имѣеть и дѣйствительной цѣли; и попятно

вполнѣну вадеть къ заблужденію, отъ котораго недалеко и до общаго
вѣннаго послѣдствія его — безразличности.

„Ужасаются часто, видя, какъ многіе бросаѣли всякую вѣру въ бессмертіе и Откровеніе, основывая свое блаженіе на поверхностномъ знаніи изслѣдованій по естественнымъ наукамъ, которыхъ они даже не читали, а тѣмъ болѣе не изучали. Могутъ ли быть преподавателями юношеству естественныя науки такъ, чтобы въ юношества могло развиться пониманіе идеальной стороны естествознанія?“

„О томъ, чтобы обнять цѣлое въ природѣ, нечего и думать, безъ предварительнаго приобрѣтенія точныхъ свѣдѣній по отдѣльнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Нельзя найти и понять законъ, не изучивъ подробно всего ряда явленій; а если законъ и данъ впередъ, то можно ли знать его, не изслѣдовавъ всесторонне отдѣльныхъ явленій, изъ которыхъ онъ выводится. Поэтому, при преподаваніи юношеству естественныхъ наукъ, всегда на первомъ планѣ будутъ стоять наглядное изученіе, усвоеніе матеріала памятью, логическій и связь между частями; и какъ бы ни было хорошо преподаваніе естественныхъ наукъ, передъ глазами юношества останется одна объективная, матеріальная природа.

„Жизнь духа, постепенное развитіе человѣка останутся совершенно нераскрытыми. Нѣтъ сомнѣній, что только при существованіи общаго, идеальнаго, умственнаго образованія можетъ быть усвѣннымъ изученіе естественныхъ наукъ. Нашъ извѣстный химикъ фонъ-Либихъ объявляетъ въ своемъ сочиненіи „Объ изученіи естественныхъ наукъ“, явившемся въ 1845 году, что онъ предпочитаетъ тѣхъ студентовъ, которые поступаютъ въ университетъ безъ всякой подготовки по естественнымъ наукамъ, но съ умомъ, сильно развитымъ древними языками и математикой. Неужели не обратимъ вниманія на этотъ вопросъ? Много было въ Германіи такихъ, которые ссылались на Александра Гумбольдта, будто онъ ставилъ реальное образованіе выше гуманнаго и желалъ вести юношество по пути перваго; но, разсмотрѣвая совокупность его отзывовъ, легко убѣдиться, что они относятся только къ ошибочному методу гуманнаго образованія и къ несокомѣрному невѣжественному отрицанію значенія естественныхъ наукъ. Кто хотя сколько-нибудь изучалъ Космосъ, тотъ легко убѣдится, что Гумбольдтъ, безъ знанія языковъ и литературы, никогда бы не одолѣлъ этого огромнаго труда. Если уразумѣніе отношеній между природою и духомъ составляетъ важную задачу естествознанія, то какимъ образомъ она можетъ быть разрѣшена безъ глубокаго знакомства

съ жизнью духа? И возмемъ ли самое изложеніе идей, представляющихъ естественныя науки, и самое пониманіе ихъ изложенія, безъ глубокаго проникновенія въ тѣ формы, которыя человѣчскій умъ создаетъ себѣ, чтобы выразиться въ нихъ?

„Однакоже, нѣтъ могутъ возразить, что дѣла вовсе не въ томъ, чтобы основывать образованіе ума на одной математикѣ и на естественныхъ наукахъ, что признаютъ необходимость дать мѣсто и другой сторонѣ. Ея хотѣть достигнуть въ Германіи пространствомъ изученіямъ новѣйшихъ языковъ и литературъ. Я долженъ поэтому, для доказательства, что указанный мною выше опытъ основанъ на сущности дѣла, рассмотреть вліяніе изученія языковъ вообще и отношеніе древнихъ языковъ съ ихъ литературами къ новѣйшимъ, что само собою приводитъ къ подробному объясненію значенія классической древности, для идеальнаго образованія. Что изученіе языковъ есть самое удобное средство ввести въ жизнь и существо духа и пробудить и развити собственное сознаніе о немъ, — это такъ несомнѣнно доказано издавна наукой, что распространяться объ этомъ было бы неумѣство. Точно также безуспѣшность всѣхъ попытокъ доказала педагогическую истину, что образовательная для ума сторона изученія языка гораздо болѣе обнаруживается при изученіи чужаго, чѣмъ при изученіи роднаго языка, составляющаго для всякаго безсознательно умственную собственность, обсуждать которую именно поэтому столь же трудно, какъ и нес естественно. Если при этомъ само собою понятно, что изучаемый, какъ учебное средство, языкъ долженъ быть обработанъ, долженъ быть созданіемъ и выраженіемъ высокаго народнаго ума, то также легко понять, что чѣмъ онъ болѣе отличается отъ роднаго языка, тѣмъ яснѣе сознаются особенности сею послѣдняго при сравненіи ихъ. Никто не позволятъ себѣ отказывать новѣйшимъ языкамъ въ развитіи и гибкости; напротивъ, нѣтъ скорѣе отдадутъ преимущество предъ древними въ богатствѣ словъ, особенно же точныхъ научныхъ выраженій, тогда какъ древніе только что начинали создавать ихъ вмѣстѣ съ наукой; но эти преимущества не имѣютъ значенія въ преподаваніи юношеству, потому что языки новѣйшихъ образованныхъ народовъ, не говоря уже о томъ, что большая часть изъ нихъ обязана своимъ происхожденіемъ и развитіемъ прямому взаимному вліянію другъ на друга, имѣютъ между собою большое сходство, и всѣ, болѣе или менѣе, носятъ на себѣ отпечатокъ одной общей культуры, не являясь выраженіемъ замкнутаго и опредѣленнаго народнаго духа. Именно потому, что древніе языки ограничены средствами, выработаны только двумя на-

роками, весьма удалены отъ развитія новѣйшаго, составляютъ, посредствомъ слова, доработываться до понятія, посредствомъ формы рѣчи — до мысли; именно потому, величайшимъ недостаткомъ всѣхъ временъ, какъ, напримеръ, наши философы Шлегели и Гераны, признавали, что нѣтъ другаго учебнаго предмета (не исключая и математки), такъ строго изолирующаго умъ. И въ томъ самомъ, что древніе языки — мертвые, они имѣютъ еще преимущество передъ новѣйшими для формальнаго образования ума. Они вліяли въ опредѣленныхъ границахъ, между тѣмъ какъ новыя подвергаются еще живому развитію. Тамъ все является духу твердо и объективно, здѣсь онъ долженъ здѣсь постепенныя измѣненія. Должно ли еще говорить о томъ, что древніе языки, въ своей окончательной формѣ, удовлетворяли и всѣмъ условіямъ, которые необходимы для предмета, изображаемаго какъ средство въ умственномъ развитіи? Къ этимъ внутреннимъ осознаніямъ прибавимъ еще, доказывающій, что тѣ языки, которые изучил только новѣйшіе языки, даже въ умѣхъ владѣть роднымъ языкомъ далеко уступаютъ тѣмъ, которые основательно изучали древніе.

Мы должны здѣсь обратить вниманіе на два правила, не справедливыя, которыхъ убѣдится легко всякій, одаренный наблюдательностью и обладающій достаточными историческими свѣдѣніями. Одно изъ нихъ то, что каждый человѣкъ, въ своемъ развитіи, долженъ пройти путь, пройденный всѣмъ человечествомъ (рассматриваямъ, какъ общее цѣлое), то-есть, усвоить себѣ всѣ важныя общіе результаты, до которыхъ доходило человеческое мышленіе, и на которыхъ, какъ на основныя столбахъ, воздвигается человеческое образованіе. Другое правило: — что нѣтъ ни одной новѣйшей культуры, которая бы не коренилась въ древней, или которая не приняла бы названъ, подготовленныхъ и выработанныхъ древнею. Во всѣхъ исторіяхъ литературы новѣйшихъ народовъ, даже тамъ, гдѣ прервана нить событий, не только чувствуется, но и можетъ быть доказано вліяніе древней литературы. Можно было бы изъ послѣдняго сдѣлать выводъ, что изученіемъ новѣйшихъ литературъ и усвоеніемъ новѣйшаго образованія можно также усвоить себѣ элементы, переданные изъ стараго свѣта. Да, но они здѣсь постоянно смѣшаны и слиты съ другими. Еслибъ вѣрное сравненіе не хромало, а бы сводило, что элементы древней образованности входятъ въ новую, какъ кирпичики составной части, которую узнать не иначе, какъ по разложенію. Новѣйшее образованіе многостороннѣе, пространнѣе и глубже древняго; но нигдѣ не осмѣлится утверждать, чтобы слѣдовало сразу посвящать юноше-

ство во всю глубину и высоту человеческого развитія, не проведя его сперва по простѣйшимъ кругамъ и ступенямъ. Древнее образованіе въ отношеніи къ человеческому роду, образованіе юношеское. Оно приобрѣло и выработало всѣ основныя положенія, которыя человѣкъ долженъ былъ и могъ развить изъ самого себя, прежде чѣмъ свѣтъ божественнаго Откровенія возвелъ его на высшую ступень духовной жизни. Не слѣдуетъ зловѣренно толковать этихъ словъ, будто сначала человѣкъ долженъ сдѣлаться древнимъ образованнымъ язычникомъ, прежде чѣмъ онъ станетъ христіаниномъ; нѣтъ, онъ долженъ только усвоить древнія истины, законы и вѣрванія, которыхъ христіанство не отвергаетъ, но изъ коихъ оно дѣлаетъ орудіе для достиженія своихъ высшихъ цѣлей; тогда лишь достигнетъ онъ христіанскаго и общечеловѣческаго совершенства, чтобы имѣть вліяніе на духовную жизнь своего времени, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствовать въ ней разумно и сознательно. Къ тому же, отношенія всей древней жизни были проще и кругъ ея ограниченнѣе. Молодые люди могутъ легче и полнѣе понять древнюю литературу и тѣмъ яснѣе сознать основныя понятія права, государственной и семейной жизни, всѣхъ сферъ жизни духовной и общественной, чѣмъ ограниченнѣе и проще бытъ изучаемаго народа. Можно ли сравнить съ этими приобретеніями даже практическую пользу отъ умѣнья разговаривать по-французски и по-английски? Говорять, что изъ однихъ переводовъ можно познать комитѣя съ древними литературами и избѣжать, такимъ образомъ, медленнаго изученія древнихъ языковъ; но кому неизвѣстно, что обнять духъ можно сполна лишь въ той формѣ, въ которой онъ самъ проявился; кому неизвѣстно, что именно духъ древняго міра должно искать въ совершенной гармоніи между формою и содержаніемъ, на кою облекся онъ въ своихъ созданіяхъ. Кто не хочетъ однако убѣдяться этими доводами и доказательствами, пускай ищетъ въ исторіи послѣдствій, которыя произвело изученіе древнихъ. Когда средневѣковныя народы окостенѣли въ одностороннемъ церковно-германскомъ направленіи, погружаясь въ грубость и утрачивая духовныя и физическія силы, тогда вызвано было возрожденіе возвращеніемъ къ образованности человеческой пробудившимся знакомствомъ съ древними литературами. Кто хорошо всматривается въ явленія того времени, кто основательно изучаетъ творенія тогдашнихъ первостепенныхъ умовъ, тотъ не можетъ не восхищаться свѣжимъ дуновеніемъ, которое приносится отъ твореній Римлянъ и Грековъ ко всемъ наро-

часть слѣд., отд. 3.

дамъ Европы. Кто умѣетъ оцѣнить влияние того духовнаго дунвенія: на церковь, на государство, на науки и на обыденную жизнь, тотъ можетъ себѣ представить, какіе плоды такъ-называемое гуманное образованіе можетъ принести юнашеству новѣйшихъ народовъ. Слова явились времена внутренней борьбы, снова грозила народамъ, предавшимся церковной и политической распрѣ, опасность оцѣнить въ односторонности и утратить духовную жизнь въ пустомъ и натянутомъ механизмѣ. И снова обновило ихъ гуманное образованіе. Или, кто назоветъ случайнымъ, что процвѣтанію французской литературы при Людовикѣ XIV предшествовали великіе гуманисты: Скалигера, Сальмазія? Кто скажетъ, что процвѣтаніе англійской литературы въ XVIII-мъ вѣкѣ не находится въ связи съ дѣятельностію Бенджаминъ его современниковъ? Кто можетъ не признавать, что нѣмецкая литература, съ 1740 года мощно стремящаяся къ классицизму, обывала своимъ высокимъ полетомъ наученію прекрасной древности? Кто читаетъ нашихъ великихъ стихотворцевъ и прозаиковъ, тотъ знаетъ, какъ они, съ благодарностію, признаютъ себя учениками древнихъ; тотъ будто слышитъ ихъ пророческій голосъ, громко елисацій, что человечество потеряетъ много, въ своей духовной жизни, если откажется прилежно и съ любовію изучать древнюю литературу. Развѣ итъ и въ Россіи такого же средства оцѣнить плоды гуманнаго образованія; развѣ для нея не имѣетъ значенія примѣръ Англіи и Германіи, и не обратятъ вниманія на жалобы, слышимыя изъ Бельгіи и Франціи, на ущербъ, нанесенный народной образованностію отъ ограниченія гуманнаго образованія?

„Все это мнѣ представляетъ объясненіе и подтвержденіе вышеприведеннаго опыта, что *учителя реальнаго заведенія стаятъ значительно лучше воспитанниковъ нашихъ гимназій, по умственному развитію*. Никто не осмѣлится утверждать, чтобъ не прошедшіи гимназическаго нашего курса не могли заняться наукой. Отчего человеку, съ коронными способностями, не быть хорошимъ практическимъ юристомъ, не ахать греческаго языка? У насъ есть искусные врачи и хирурги, не кончившіе курса ни въ гимназій, ни въ университетѣ, а посѣщавшіе только академіи и клиники. Мнѣ самому знакомы извѣстные учителя и стихотворцы, знающіе древнихъ классиковъ до переводныхъ источниковъ, но рѣдко между ними можно найти такихъ, которые не жаловались бы, что не получили гуманнаго школьнаго образованія, и я самъ, будучи молодымъ учителемъ, помогалъ своему, посѣдѣшему на службѣ, товарищу пополнять чувствуемый имъ про-

бѣли, за что получали искреннюю благодарность. Всѣ ученые спеціалисты, пользующіеся авторитетомъ, настаиваютъ на гуманномъ образованіи для своихъ учениковъ, какъ на самой лучшей подготовкѣ; они приписываютъ получившимъ его не только болѣе безкорыстное стремленіе къ глубокому пониманію своей науки, болѣе быстрое и вѣрное разумѣніе и большій успѣхъ въ примѣненіи познаній, но и болѣе могучее развитіе самой науки (въ подтвержденіе этого, относительно медиковъ, которымъ, повидимому, всѣхъ приличнѣе реальное образованіе, укажу на статью въ *Берлин. Медицинскомъ Журналѣ* 1846 г. № 33). Если и допустимъ, что нѣкоторые гении, безъ всякаго гуманнаго образованія, сдѣлали столько же, даже иногда гораздо болѣе, чѣмъ окончившіе курсъ въ гимназіяхъ, то можно ли принять за правило для всего юношества то, что возможно было нѣкоторымъ, особенно даровитымъ натурамъ? Жизнь нуждается притомъ не только въ практическихъ чиновникахъ и въ дѣльныхъ спеціалистахъ, но и въ такихъ людяхъ, которые, одаренные этими способностями, могли бы еще понять стремленія своего времени и умѣли бы на нихъ дѣйствовать. Тотъ народъ и то государство достигнуть высочайшей степени умственнаго развитія, а слѣдовательно, и благоденствія, гдѣ представители власти, права и всей общественной службы будутъ стоять выше другихъ сословій, по основательному, общему образованію. Да не замедлятъ поэтому открыть имъ ту область образованности, которая была и есть однимъ изъ главныхъ факторовъ для всего настоящаго просвѣщенія, которая, своимъ вліяніемъ, уже не разъ приводила чело-вѣчество на естественный путь, и впредь можетъ оказывать такую же услугу, если и не такъ скоро приготавливать къ спеціальному призванію, *Какую пользу, во всякомъ призваніи, приноситъ полученное въ гимназій общее образованіе — свидѣлствуютъ въ Германіи не только отдѣльныя личности, купцы, книжпродавцы, значительные промышленники, но и цѣлыя торговые дома, подтверждающіе слѣдующій фактъ: если изъ двухъ молодыхъ людей, одинаковыхъ лѣтъ поступающихъ учениками въ торговую жизнь, одинъ приготовленъ въ гимназій, другой — въ реальномъ училищѣ, то первый въ самомъ дѣлѣ уступаетъ сначала второму въ счетоводствѣ и другихъ дѣловыхъ занятіяхъ, но скоро онъ далеко опережаетъ второго и становится болѣе дѣльнымъ. Онъ привыкъ думать и умъ его усвоилъ методъ, съ которымъ онъ найдетъя во всякомъ кругу; у другого преобладаетъ заученное на память значеніе чего-либо и механическое искусство; у перваго стремленіе свободное, идеальное, у втораго — сухой проза*

и материализмъ. Заговоривъ про опыты въ Германіи, не могу не указать на общую жалобу реальныхъ училищъ, что такъ мало изъ учениковъ ихъ кончаютъ въ нихъ полный курсъ. Противники гуманнаго образованія стараются обойти этотъ постыдный для нихъ фактъ, объясняя его тѣмъ, что, въ жизни, воспитанники реальныхъ училищъ не пользуются преимуществами, предоставляемыми гимназіамъ. Но дѣло не измѣнилось тамъ, гдѣ имъ предоставили тѣ же преимущества. Кто разъ посвятилъ себя матеріальному, не хочетъ проходить долгій и трудный путь, чтобы достигнуть практическаго образованія для своего призванія; элементы же реального образованія, по большей части, слишкомъ сухи и положительны, чтобы могли воодушевить и приковать учащихся. Я опасаясь, чтобы большинство, въ виду предстоящаго проекта, не поставило своихъ дѣтей на путь, который обѣщаетъ равное съ другимъ положеніе въ жизни и болѣе соответствуетъ матеріальнымъ потребностямъ, и чтобы филологическія гимназіи не почувствовали не только убыли въ ученикахъ, но и уменьшенія внутренней дѣятельности. Почтенные составители проекта выражаютъ повсюду святое стремленіе къ цѣли — поднять народъ, по крайней мѣрѣ, къ равной образованности съ другими европейскими народами; за это ихъ будутъ благословлять потомки; но да не увлекутся они при этомъ нѣсколькими голосами, громко провозвѣщающими народамъ новое возрожденіе черезъ новое образованіе? Если мы серьезно осмотримся и въ прочей Европѣ, то увидимъ, что споръ между реализмомъ и гуманизмомъ еще не рѣшенъ, что еще нельзя вполне одѣлать плоды перваго, по его новизнѣ, по крайней мѣрѣ въ его настоящей формѣ. Неужели хотятъ рѣшиться на столь смѣлый опытъ и отстранить тотъ элементъ образованія, которому, какъ извѣстно, прочіе народы Европы обязаны побужденіемъ и руководствомъ къ ихъ важнѣйшимъ подвигамъ, а равно и сокровищемъ прочнаго и глубокаго образованія, проникшаго въ сословія общества? Пусть исторія о томъ судитъ! Тѣмъ усерднѣе предупреждаю я, что не могу не возражать во многомъ противъ проекта русской *организации филологическихкихъ гимназій*. Да не обвинять меня въ намѣреніи рекомендовать безъ основаній, по узкой любви къ родному, нѣмецкія учрежденія и обычай. Я вполне принимаю въ соображеніе, что у Славянина, и особенно у Русскаго, необыкновенный даръ къ изученію языковъ, и что потому ему надо для этого меньше времени сравнительно съ нами. Придаю также должное значеніе извѣстному мнѣ обстоятельству, что въ Россіи изученіе новыхъ языковъ съ раннихъ лѣтъ сдѣ-

далось необходимою потребностью жизни. Почтенные составители проекта убѣждены, однако, въ томъ, что юношеская натура, не смотря на нѣкоторыя отличія, обуславливаемая народною индивидуальностью, повсюду въ сущности одна и та же, и что потому развитіе ея должно происходить вездѣ по одинаковымъ законамъ. Въ опредѣленіи цѣли изученія древнихъ языковъ въ филологическихъ гимназіяхъ, обозначенной въ § 207 проекта, меня привели въ недоразумѣніе слова: „съ другой стороны, развить ихъ (учениковъ) вкусъ чрезъ ознакомленіе съ содержаніемъ древнихъ литературъ, представляющихъ образцовыя произведенія по всѣмъ отраслямъ словесности“. Слова эти весьма не точны; впрочемъ, если не ошибаюсь, мысль проекта заключается здѣсь въ томъ, чтобъ учащіеся знакомились не только съ *содержаніемъ* классическихъ произведеній, но и поняли *необыкновенное согласіе содержанія съ выраженіемъ* въ этихъ произведеніяхъ, потому что иначе изученіе древнихъ языковъ не будетъ имѣть никакого вліянія на развитіе вкуса. Я, конечно, здѣсь не разумѣю длинныхъ и подробныхъ эстетическихъ объясненій, а только полное и основательное пониманіе содержанія и отношеній его къ формѣ выраженія. Этого, кажется, желаетъ достигнуть и проектъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ § 207: „По окончаніи курса, ученики филологической гимназіи должны быть въ состояніи читать на этихъ языкахъ свободно прозаическое сочиненіе, по крайней мѣрѣ, историческаго содержанія и, съ приготовленіемъ, произведенія поэтическія“. Но желательно было бы, чтобъ историческія прозаическія сочиненія и поэтическія произведенія, которыя ученики должны быть въ состояніи читать безъ приготовленія по окончаніи курса, были обозначены опредѣленно. Лучшій греческій историческій писатель есть, конечно, Фукидидъ; у Римлянъ — Тацитъ. Если даже и не требовать отъ учащихся перевода „рѣчей“, встрѣчаемыхъ у этихъ писателей, хотя эти рѣчи имѣютъ свое историческое значеніе и содержаніе, то и въ этомъ случаѣ, за исключеніемъ немногихъ легкѣхъ мѣстъ, сознательный переводъ Фукидида и Тацита представляетъ большія затрудненія не только для окончившихъ гимназическій курсъ, но и для специалистовъ-филологовъ; поэтому-то требовать отъ первыхъ „чтенія безъ приготовленія“ историческихъ сочиненій едва-ли возможно. Въ Германіи такихъ требованій отъ окончившихъ гимназическій курсъ не существуетъ. Дѣло въ томъ, что древніе классическіе писатели имѣютъ каждый свой особенный характеръ какъ по содержанію, такъ и по слогу. Какое различіе между Фукидидомъ, Ксенофонтомъ и Геродотомъ!

томъ, или между Тацитомъ, Цезаремъ и Саллюстіемъ! Какое громадное разстояніе между Эсхиломъ, Софокломъ и Гомеромъ, — между одами Горация и легкими элегіями Овидія! Все это, очевидно, доказываетъ, что отъ окончившихъ гимназическій курсъ нельзя требовать *„чтенія безъ приготовленія“* тѣхъ писателей, которыхъ они не читали въ продолженіе курса. Въ одной филологической гимназій, положишь, читались Цезарь и Ксенофонтъ; отъ учениковъ можно требовать *„чтенія безъ приготовленія“* только этихъ писателей; въ другой же училищѣ могли читать Тацита и Фукидида, и отъ нихъ можно требовать свободнаго чтенія этихъ писателей. Я нисколько не желаю, чтобы въ уставѣ были точно обозначены писатели для всѣхъ гимназій, но нахожу справедливымъ постановить опредѣленно, чего можно требовать отъ изученія древнихъ языковъ, не стѣсняя, впрочемъ, нисколько отдѣльныя гимназій въ достиженіи большихъ результатовъ, и высшее общее требованіе, которое, по моему мнѣнію, можетъ быть введено въ уставъ, не должно превосходить *„чтенія безъ приготовленія легкихъ произавковъ“*. Кромѣ того, слѣдовало бы обозначить тѣ классическія произведенія, съ которыми именно гимназисты должны ознакомиться. Эти произведенія должны, конечно, заключать въ себѣ высшія литературныя произведенія греческаго и римскаго міра, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ каждый знатокъ согласится съ нами, знакомство съ нѣкоторыми рѣчами Демосфена и съ болѣе легкими діалогами Платона, а при возможности — и съ нѣсколькими главами изъ Фукидида, можетъ быть сдѣлано общеобязательнымъ для всѣхъ филологическихъ гимназій, въ отношеніи же къ поэтическимъ произведеніямъ — знакомство съ двумя-тремя трагедіями Софокла и нѣсколькими пѣнами изъ Илиады или Одиссея. Изъ римской литературы, по тѣмъ же причинамъ, слѣдовало бы выбрать нѣсколько рѣчей Цицерона, пожалуй, нѣкоторыя изъ его философско-нравственныхъ сочиненій и нѣкоторыя произведенія Тацита, Вергилія и Горация. Но при этихъ ограниченныхъ, въ сравненіи съ проектомъ, требованіяхъ, я не полагаю, чтобы можно было выполнить ихъ въ продолженіи четырехлѣтняго курса, особенно при всѣхъ другихъ предметахъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что дѣльный учитель и въ 4 года успеетъ сообщить многое изъ древней литературы ученикамъ своимъ и тѣмъ оказать не малое содѣйствіе ихъ гуманному образованію; но все-же свѣдѣнія будутъ сообщены, переданы ученикамъ, а не *выработаны* ими самими. Въ выработываніи же свѣдѣній самими учениками и состоитъ вся плодотворная, образовательная сила

ученія; только таковыя самостоятельныя ученія и могутъ образоваться сильныя гуманныя характеры, молодые люди, полныя здравой мысли и способныя къ дѣлу, и для такого-то ученія древніе языки представляють самый обильный и плодотворный матеріалъ. Но для такого ученія, повторяю, мало заучиванія всѣхъ грамматическихъ формъ и правилъ, мало всѣхъ толкованій читаемыхъ писателей со стороны учителя, мало одного перевода ихъ на родной языкъ; во всѣхъ этихъ упражненіяхъ можетъ быть только одно механическое слушаніе и усвоеніе со стороны учениковъ; необходимы послѣдовательныя письменныя упражненія учениковъ, — необходимо, чтобы они переводили съ роднаго языка на древній, и таковыя образомъ, самостоятельно, съ полнымъ сознаніемъ усвоили себѣ древнюю рѣчь, сравнивая съ нею свой родной языкъ. Только при такомъ сознательномъ и глубокомъ знакомствѣ съ языкомъ можно вполне основательно и точно усвоивать и содержаніе всѣхъ классическихъ произведеній на этомъ языкѣ. Если бы переводы съ роднаго языка на древній и вообще письменныя упражненія въ латинскомъ и греческомъ языкахъ не имѣли вышеназваннаго иного значенія, то они давно были бы исключены изъ нашихъ германскихъ гимназій. Существовавшее въ англійскихъ и французскихъ гимназій составленіе латинскихъ стиховъ, не смотря на всѣ крики нововодителей, въ настоящее время еще усилено и именно для того, чтобы ученики могли вполне усвоить себѣ звучность древняго метра и сознательно различать поэтическую форму отъ прозаической.

„Переводы съ роднаго языка на древній имѣютъ еще то огромное воспитательное значеніе, что они дѣлаютъ изученіе древнихъ языковъ болѣе интереснымъ для учениковъ. Переводы съ роднаго языка на латинскій и дѣлая вообще письменныя упражненія на этомъ языкѣ, ученики, такъ сказать, чувствуютъ свои успѣхи, и сознаютъ, что они дѣйствительно научились чему-нибудь, усвоили себѣ новыя знанія; а такое сознаніе составляетъ всегда лучшее побужденіе къ дальнейшимъ занятіямъ. Если спросить, отчего въ Германіи письменныя упражненія на греческомъ языкѣ не идутъ параллелью съ латинскими и на нихъ не обращается такого вниманія, то я позволю себѣ отмѣчать, что, съ одной стороны, на это существуютъ историческія причины, дѣлающія для насъ латинскій языкъ болѣе необходимымъ; съ другой стороны, основательное знаніе одного древняго языка облегчаетъ ученіе другому, имѣющему съ нимъ сходство. Ученики, сознательно употребляющіе правильныя латинскія обороты и выраженія, легче и быстрѣе осваиваются и съ греческою конструкціей, и по-

тому переводы на греческій языкъ не представляютъ уже такихъ трудностей и не требуютъ такъ много времени, какъ письменныя упражненія на латинскомъ языкѣ.

„Золотое правило Квинтиліана: „*non multa, sed multum*“ должно быть прежде всего выполняемо въ преподаваніи древнихъ языковъ, изученіе которыхъ только въ томъ случаѣ и можетъ имѣть обильное образовательное вліаніе на учащихся, если оно идетъ строго послѣдательно, шагъ за шагомъ, съ точнымъ и всестороннимъ обдумываніемъ каждого слова и выраженія.

„Все пройденное должно быть всегда въ памяти учениковъ; для этого нужны, конечно, постоянныя повторенія и никогда не слѣдуетъ идти далѣе, прежде чѣмъ прежнее не усвоено вполне отчетливо и сознательно. Поэтому-то я и позволяю себѣ утверждать, что при всей способности Русскихъ къ скорому изученію языковъ, въ 4 года рѣшительно нельзя достигнуть не только результатовъ, предполагаемыхъ проектомъ устава, но даже и гораздо скромнѣйшихъ, которые я выставилъ выше, именно, чтобъ ученики, окончившіе гимназическій курсъ, могли читать безъ приготовленія однихъ легкихъ историческихъ писателей. Конечно, въ 4 года ученики могутъ достигнуть того, что будутъ въ состояніи поверхностно понимать общій смыслъ того, что читаютъ изъ легкихъ прозаиковъ; но такое поверхностное пониманіе ни къ чему хорошему не ведетъ, потому что приучаетъ умъ не работать отчетливо и съ полнымъ сознаніемъ, а только скользить по поверхности предмета. Для такой работы древніе языки совершенно негодны и, въ этомъ случаѣ, не окажутъ никакого образовательнаго вліанія.

„Послѣ всего вышесказаннаго, мнѣ кажется, что я имѣю полное основаніе предложить *вести въ гимназіи элементарное преподаваніе латинскаго языка*, иначе занятія древними языками только въ гимназіи, по моему убѣжденію, не принесутъ никакой пользы“.

VI. Г. ГОЛДЕНБЕРГА ¹⁾.

„Обстановка филологической части въ предложенномъ планѣ гимназій весьма плачевна. Учебное заведеніе, гдѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, ежедневно станутъ обучать какіе-нибудь 6 часовъ латинскому и 5½ часовъ греческому, едва-ли можно назвать „гимназіей“. Даже въ нашихъ реальныхъ училищахъ, при 8-лѣтнемъ курсѣ,

¹⁾ Приводимъ здѣсь и помѣщенную въ сборникѣ «Замѣчаній» статью, которая извлечена изъ журнала за 1862 годъ *Zeitschrift für das Gymnasialwesen*, издаваемого подъ редакціей Голденберга, Якобса и Рюля.

болѣе учатся по-латыни, а именно, въ общей сложности, 32 часа, тогда какъ въ русскомъ росписаніи значится ихъ только 24, а въ нашихъ гимназіяхъ, при 7-лѣтнемъ курсѣ, 42 часа греческаго, вмѣсто 22 часовъ, значащихся въ русскихъ гимназіяхъ, при ихъ 4-лѣтнемъ курсѣ. Что же касается цѣли преподаванія латинскаго языка, то въ проектѣ сказано: „По окончаніи полнаго курса, ученики филологической гимназіи должны быть въ состояніи читать на этихъ языкахъ свободно прозаическія сочиненія, по крайней мѣрѣ, историческаго содержанія, и съ приготовленіемъ, произведенія поэтическія. Въ реальныхъ гимназіяхъ по латинскому языку признается достаточнымъ пониманіе римскихъ историковъ золотаго вѣка и нравственно-философскихъ сочиненій Цицерона“. Эти указанія очень неопредѣленны, и если угодно, объемлютъ не менѣе того, чего мы въ латинскомъ можемъ ожидать отъ нашихъ самыхъ зрѣлыхъ абитуриентовъ. При подобныхъ *русскихъ* требованіяхъ, если только учителя не изобрѣтутъ новыхъ образовательныхъ и именно быстро-образовательныхъ методовъ, едва-ли можно вообразить иное что, кромѣ шарлатанства, или на практикѣ эти требованія только умозрительно будутъ почитаться удободостижимыми. О цѣли греческаго преподаванія проектъ умалчиваетъ.

„Во всемъ этомъ устройствѣ учебнаго плана, особенно *филологической* гимназіи, я усматриваю только вредную незрѣлость, и какъ здѣсь, такъ и вообще, мѣстами, обнаруживается довольно странная обветшалость мнѣній, которую нельзя вполнѣ согласовать съ выраженными прежде сужденіями о важности солиднаго формальнаго образованія“.

VII. Г. Розенгранца, профессора въ Кенигсбергѣ.

„Въ филологическихъ гимназіяхъ греческій и латинскій языки должны быть изучаемы со всею основательностью, иначе преподаваніе ихъ будетъ бесполезно. Богатство, образовательное значеніе и свобода этихъ языковъ не могли бы насъ заставить такъ высоко цѣнить ихъ, если бы они не имѣли въ то же время классической литературы. Мы часто говоримъ, какъ будто однѣ формы этихъ языковъ насъ образуютъ; но тутъ много содѣйствуетъ и содержаніе, которое насъ привлекаетъ и воспитываетъ своимъ неопредѣленнымъ совершенствомъ. Когда мы учимся латинскому и греческому языкамъ, мы знакомимся въ то же время съ самыми интересными всемірными фактами, съ важнѣйшими всеобщими категоріями, съ разнообразнѣйшими понятіями, — другими словами, съ самымъ избраннѣйшимъ *реализмомъ*. Правда, изученіе этихъ языковъ мо-

жетъ быть низведено до простаго механизма, если учить только слова, правила и фразы. Это самое можно дѣлать и при всякомъ другомъ предметѣ, даже при математикѣ, если неопытный и неспособный преподаватель заставляетъ учить наизусть доказательства теоремъ“.

VIII. Профессора Дедеерлейна.

„Латинскій языкъ, по ст. проекта 196, 207, долженъ быть преподаваемъ въ филологическихъ гимназіяхъ; но, по ст. 143, безъ предварительнаго подготовленія въ прогимназіи. Ученый комитетъ, слѣдовательно, полагаетъ *возможнымъ* достигнуть цѣли обученія этому языку въ четырехлѣтней гимназической курсъ; признаюсь, я держусь противнаго мнѣнія. Если приводить причины этому, то я долженъ возвратиться къ столь часто разбиравшемуся вопросу: что составляетъ собственную цѣль преподаванія древнихъ языковъ? Объ этомъ нельзя сказать ничего новаго, надо только припомнить такъ часто уже говоренное. Классическія занятія представляютъ двойную выгоду для развитія; они должны:

1) „По самой *трудности* изученія древнихъ языковъ, напрягать всѣ силы молодаго духа, этимъ напряженіемъ упражнять его, взощрять, развивать; этой выгоды не представляетъ изученіе новѣйшихъ языковъ, вслѣдствіе относительной его легкости.

2) „Познакомивъ съ древними языками, они должны дать возможность читать и понимать древнихъ классиковъ. Но это пониманіе труднѣе, даже при хорошемъ знаніи языка, чѣмъ пониманіе новыхъ классиковъ, потому что читающій долженъ перенестись изъ окружающаго его міра въ совершенно другой. Чѣмъ труднѣе умственное занятіе, тѣмъ болѣе пригодно оно для *гимнастики духа*, а слѣдовательно, и для филологической гимназіи, цѣль которой—*формальное* образованіе, между тѣмъ какъ въ реальной гимназіи можно облегчать, сколько возможно, ученіе посредствомъ метода, не удаляясь отъ своей цѣли. Чтеніе древнихъ классиковъ должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить *наградой* за трудъ, употребленный на изученіе языковъ. Не пускаясь хвалить ихъ и не унижая новыхъ литературъ, я напомию только знаменитыя слова Севины въ XVII-мъ столѣтіи: „У древнихъ та особенность, что они независимы отъ измѣнчиваго вкуса времени и даже послѣ тысячелѣтій они не состарѣлись“.

„Проектъ хотя говорить большею частію только о древнихъ языкахъ, но, безъ сомнѣнія, надо понимать подъ этимъ и знаніе древнихъ литературъ, и на это послѣднее смотрѣть, какъ на конечную и высшую цѣль этого занятія, потому что, вмѣстѣ съ развитіемъ

духа, оно ведетъ къ гуманности, чего не можете дать одно знаніе языка. Но чтобы это знаніе классиковъ принесло плоды, оно не должно останавливаться на поверхности, не должно ограничиваться одними отрывками и образцами изъ литературы, что неизбежно случится, если начало занятія древними языками и законченное изученіе древней литературы будутъ сжаты въ короткій срокъ четырехлѣтняго гимназическаго курса.

„Не совсѣмъ ясно высказано также, сколько уроковъ еженедѣльно назначено для каждаго класса; § 90 показываетъ 24 урока, но непонятно, для каждаго ли класса, или для всѣхъ 4-хъ вмѣстѣ, въ послѣднемъ случаѣ 6 уроковъ назначается ли для каждаго класса, или по одному ежедневно. Этого совершенно мало: при такомъ употребленіи времени, едва-едва можно приобрести только лишь поверхностное знаніе древней литературы. Вообще, мой педагогическій символъ вѣры на этотъ счетъ гласитъ такъ: если изученіе древнихъ классиковъ не составляетъ сущности гимназическаго преподаванія, то и нельзя ждать отъ этого изученія желаемыхъ плодовъ, и успѣхъ не окупитъ ни употребленнаго времени, ни труда. Разумъ и опытъ показываютъ, что общее образованіе можетъ быть дано и доступно и безъ классическаго ученія; но если хотятъ его достигнуть этимъ послѣднимъ путемъ, то не слѣдуетъ жалѣть ни времени, ни труда, и должно, въ этомъ случаѣ, это ученіе принять за главное, хотя бы оно стояло далеко отъ практической жизни, а всѣ прочія отрасли знанія: религія, исторія, математика, новѣйшіе языки, естествознаніе, хотя они въ практикѣ гораздо необходимыѣ, все-таки должны быть рассматриваемы, какъ второстепенные предметы преподаванія.

„Разсмотримъ учебные предметы. *Законы Божій*, который самъ по себѣ имѣетъ слишкомъ высокое значеніе, не можетъ имѣться въ виду для того, чтобы дать свѣтское нравственное образованіе. *Исторія* изопряетъ память, занимаетъ фантазію и можетъ дѣйствовать благотворно на нравственное чувство; но для свободной дѣятельности ума и разсудка она еще не можетъ быть полезна въ школѣ. Остроумныя комбинаціи и глубокомысленная критика историческаго матеріала, иначе—разсужденія о великихъ мужахъ и событіяхъ легко приведутъ въ раннему умничанью и самонадѣянности.

„*Математика* имѣетъ, конечно, огромное вліяніе на способности только математическія, между тѣмъ какъ прочія стороны души остаются нетронутыми. *Новые языки*, безъ сомнѣнія, даютъ способностямъ и вкусу развитіе всестороннее. Но вслѣдствіе того, что они

такъ близко стоятъ къ нашей дѣйствительной жизни, учащемуся представляютъ мало случаевъ выходить изъ этой дѣйствительной жизни и смотрѣть на предметы съ точки зрѣнія, до тѣхъ поръ неизвѣстной; они преимущественно занимаютъ умъ, но не даютъ ему дѣйствительнаго, напрягающаго возбужденія. Немного влигршна отъ того, что ученикъ будетъ читать новыхъ классиковъ скоро и безъ затрудненія; совершенно же иная и обильная польза для его развитія, если онъ будетъ въ состояніи читать древнія классическія произведенія.

„Между естественными науками, описаніе природы имѣетъ достоинство потому, что упражняетъ способность наблюденія; впрочемъ физика, также какъ и математика, развиваетъ и изощряетъ математическія способности, но обѣ эти науки имѣютъ ничтожное вліяніе на высшія душевныя силы, *на міръ идей*; напротивъ того, чтеніе и переводъ древнихъ классиковъ, основанные на тщательномъ языкованіи, укрѣпляютъ всѣ душевныя силы, исключая способность чувственнаго наблюденія; они своимъ содержаніемъ развиваютъ память, занимаютъ и образуютъ фантазію, всегда возбуждаютъ новые вопросы и тѣмъ очищаютъ вкусъ, а трудностью, представляемою для пониманія, приводятъ ихъ умъ и разумокъ въ непрерывную дѣятельность, конечно, только при сообразномъ съ цѣлію преподаванія, потому что одно лишь механическое и бездушное изученіе такого предмета дѣлаетъ его бесплоднымъ“.

IX. Пятъера, ректора гимназіи „Шульпфорты“.

„Если въ прогимназіи, какъ это видно изъ § 3, латинскій языкъ устраняется вовсе изъ преподаванія, то, не говоря уже о формальной пользѣ, происходящей отъ преподаванія латинскаго языка, въ Германіи считали бы невозможнымъ достигнуть предположенныхъ знаній въ латинскомъ языкѣ для гимназій, и вообще, дойти до чего-нибудь основательнаго въ этомъ предметѣ“.

X. Крамера, профессора богословія и директора учебныхъ заведеній Франка (въ Галле).

„Если мнѣ позволено, то я не могу не согласиться съ большинствомъ педагоговъ касательно преподаванія классическихъ языковъ въ гимназіяхъ, что невозможно ученикамъ гимназіи въ теченіе четырехъ лѣтъ, опредѣленныхъ для нихъ, приобрести *хорошія* познанія въ классическихъ языкахъ, то-есть, такіа, которыя могутъ составить твердое основаніе для ученыхъ занятій. По моему опыту, для этого требуется гораздо болѣе времени. Основаніе къ тому должно быть положено въ болѣе раннемъ возрастѣ, нежели какой назначенъ для вступленія въ гимназію“.

ХІ. Доктора Шмитта, директора Вейльбургской гимназіи.

„Всего меньше согласятся директора германскихъ гимназій съ тѣмъ, чтобы латинскій языкъ не считался важнымъ предметомъ, и это не столько по научнымъ, сколько по педагогическимъ соображеніямъ“.

ХІІ. Доктора Классена, директора гимназіи во Франкфуртѣ на Майнѣ.

„Я спрашиваю, возможно ли изучить греческій и латинскій языки, съ ихъ разработанными грамматиками, въ четыре года до степени вѣрнаго пониманія древнихъ авторовъ, что составляетъ главную цѣль для достиженія дѣйствительной выгоды? Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда отлично одаренные дѣятельные молодые люди, долго удерживаемые неблагоприятными обстоятельствами отъ ученыхъ занятій, въ самое короткое время усвоили себѣ познанія (частными уроками) въ обоихъ древнихъ языкахъ; однакожь, мнѣ кажется опаснымъ принимать такіе исключительные случаи за правило въ училищномъ преподаваніи. Кроме того, надо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: для практической дѣятельности — торговой, промышленной, земледѣльческой, лѣсной — 17-лѣтній возрастъ оказывается достаточнымъ, послѣ окончанія курса въ реальной гимназіи; но это правило, по моему мнѣнію, неудовлетворительно для кончившихъ курсъ въ филологическихъ гимназіяхъ и желающихъ предаться строго-ученымъ занятіямъ, и потому я предлагаю продлить курсъ филологическихъ гимназій однимъ или двумя годами. Но и тутъ я не могу надѣяться на полный успѣхъ въ гуманистическихъ предметахъ, если ученики не принесутъ съ собою въ пяти-или шести-курсна гимназіи элементарныхъ познаній въ латинскомъ языкѣ“.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Латинская этимологія въ соединеніи съ русскою для трехъ низшихъ классовъ.
Москва 1868. (Учебникъ лицея Цесаревича Николая).

Зарождающееся у насъ классическое ученіе еще ни въ чемъ такъ не нуждалось, какъ въ элементарной латинской грамматикѣ для низшихъ классовъ. Переводы и передѣлки систематическихъ латинскихъ грамматикъ Кюнера, Мадвига и Тишера, сократившаго Мадвига, еще при самомъ началѣ водворенія въ нашихъ гимназіяхъ классицизма признаны были не совсѣмъ пригодными для низшихъ классовъ, отчасти, по обилію ученаго и скудости учебнаго матеріала, отчасти по несообразности примѣровъ для перевода, всего же болѣе по несоответствію требованіямъ роднаго языка. Было сознано, что для нашихъ гимназій, настоятъ нужда въ латинской грамматикѣ, составленной для русскихъ дѣтей, и этимъ сознаніемъ вызванъ вышеозначенный лицейскій учебникъ латинской этимологіи въ соединеніи съ русскою, напечатанный въ 1868 и съ этого же времени употреблявшійся въ заведеніи, хотя появившійся въ продажѣ только въ минувшемъ году.

„Учебникъ сей, говорится въ послѣсловіи книги, предназначается для совмѣстнаго прохожденія латинской и русской этимологіи въ трехъ низшихъ классахъ гимназическаго курса... Излагаются здѣсь объ этимологіи такъ, что русская каждый разъ предшествуетъ латинской на одинъ, по возможности малый, шагъ“. Извѣстно, что въ лицей Цесаревича Николая русская этимологія преподается въ низшихъ классахъ совмѣстно съ латинской, и оба предмета поручаются одному и тому же учителю. Лицейскій учебникъ латино-русской этимологіи не приноровленъ къ *настоящему* курсу нашихъ гимназій, но курсъ этотъ, какъ извѣстно, долженъ измѣниться въ такомъ направленіи, коему слѣдуетъ лицейскій учебникъ, а тогда, нужно надѣяться, и совмѣстное прохожденіе русско-латинской этимологіи, поручаемое одному и тому же преподавателю, не замедлитъ и въ правительствен-

ныхъ гимназіяхъ восторжествовать надъ преподаваніемъ этихъ предметовъ отдѣльно. Поэтому, названный учебникъ нужно разсматривать примѣнительно не къ одному лицу, а вообще къ курсу классическихъ гимназій.

Соотвѣтствуя потребностямъ лицей, онъ предупреждаетъ нужду гимназій, гдѣ при имѣющемъ усилиться числѣ уроковъ латинскаго языка, дабы сдѣлать его центромъ всего преподаванія въ низшихъ классахъ, преподаваніе русской этимологіи должно будетъ применить, ради наиболѣе полезнаго употребленія учебнаго времени и облегченія учащихся, въ этимологіи латинской. Тамъ, гдѣ въ гимназію вступаютъ дѣти, прошедшіе черезъ элементарную школу и знакомые съ этимологіей роднаго языка, подобныхъ учебниковъ нѣтъ; наши же дѣти, принимаемыя въ первый классъ, обыкновенно едва умѣютъ читать, и учителю латинскаго языка, имѣющему, на примѣръ, восемь уроковъ въ первомъ классѣ, нѣтъ возможности разчитывать на помощь учителя русскаго языка, хотя бы послѣдній преподавался и на четырехъ урокахъ, ибо при случайномъ размѣщеніи уроковъ, коего весьма трудно избѣжать въ правительственныхъ гимназіяхъ, преподаваніе русской и латинской этимологіи никоимъ образомъ не можетъ быть согласовано. Въ силу этого, послѣсловіе совершенно справедливо замѣчаетъ, что недостаточно ввѣрять преподаваніе обѣихъ этимологій одному лицу, надобно изложить ихъ въ одномъ руководствѣ. Положеніе дѣла не измѣнится и съ открытіемъ при нашихъ гимназіяхъ приготовительныхъ классовъ. Если въ первый классъ приходятъ дѣти едва умѣющія читать, то-есть много вѣроятностей, что въ приготовительный они будутъ приносить еще меньше умѣнья. Притомъ же приготовительный классъ, вовсе и не будетъ посвященъ ученію этимологіи роднаго языка; онъ будетъ давать дѣтямъ практической науки въ началахъ орфографіи, приучать ихъ, тоже практически, къ построенію предложеній устно и письменно, будетъ упражнять въ пересказѣ прочитаннаго, видѣннаго, слышаннаго и т. д., но безъ всякаго теоретическаго ученія. Такъ какъ въ приготовительномъ классѣ дѣти *начинаютъ* привыкать къ школѣ и къ ученію, то заботы о *выравниваніи* ихъ умѣлости, имѣющей лечь краеугольнымъ камнемъ послѣдующаго отношенія ихъ къ ученію, главнымъ образомъ должны поглощать вниманіе учителя, стало быть, и впредь нормальнымъ срокомъ для начала этимологіи роднаго языка останется первый классъ, а лицейскій учебникъ латино-русской этимологіи озабочивается явленіемъ органическимъ, вызваннымъ потребностями всей

нашей учебной системы, въ этомъ отношеніи онъ полагаетъ начало нашему *самостоятельному* классическому ученію.

Коль скоро справедливо, что необходимъ для нашихъ гимназій учебникъ, въ коемъ до мельчайшихъ подробностей была бы согласована русская этимологія съ латинскою, то этимъ самымъ уже отчасти предрѣшается вопросъ: возможно ли однимъ и тѣмъ же способомъ преподавать этимологію роднаго, живаго языка и чужаго, мертваго. Обыкновенно смѣшиваютъ преподаваніе этимологіи съ преподаваніемъ языка, забывая, что первое есть лишь малая часть послѣдняго, а смѣшиваніе-то и порождаетъ этотъ вопросъ. Жизненность языка выражается въ его духѣ, а духъ высказывается въ синтаксисѣ; этимологія же, какъ матерія и форма, сама по себѣ одинаково мертвенна и въ живомъ, и въ мертвомъ языкѣ. Духъ роднаго языка дѣтя приносить въ школу съ собой, а формѣ онъ научается изъ этимологіи, ибо почти каждое слово онъ произносить не такъ, какъ его надобно написать. Стало быть, этимологія роднаго языка въ элементарномъ отношеніи, то-есть, какъ правонисаніе, на столько же чужда дѣтяти, какъ и всякая другая, поэтому и способъ преподаванія этимологіи одинъ и тотъ же, то-есть, правила, парадигмы и упражненія въ нихъ. Изученіе формальной стороны синтаксиса (ученіе о предложеніяхъ) подлежитъ тѣмъ же самымъ условіямъ. Жизненною же стороною роднаго языка ученикъ пользуется на степени элементарнаго обученія при помощи чтенія и пересказа, въ чемъ онъ упражняется независимо отъ этимологіи.

При первоначальномъ обзорѣ, учебникъ, назначаемый для трехъ низшихъ классовъ и заключающій въ себѣ пятьсотъ слишкомъ страницъ, кажется слишкомъ обширнымъ, особенно, если его сравнить съ переводными латинскими грамматиками, излагающими этимологію и синтаксисъ систематически. Но, вопервыхъ, въ немъ излагаются двѣ этимологіи: латинская и русская; вторыхъ, онъ замѣняетъ собою для перваго ученя и хрестоматію. Дѣйствительно, въ немъ заключается обильный учебный матеріалъ, но обиліе это не гнететъ учащагося. Прежде чѣмъ явиться въ свѣтъ, учебникъ лицейскій былъ провѣряемъ, по обычаю заведенія, на преподаваніи, сначала въ корректурныхъ листахъ, потомъ былъ пройденъ сполна во второй годъ по открытіи лица во II-мъ классѣ, за исключеніемъ полнаго списка глаголовъ уклоняющихся, словопроизводства и немногихъ послѣднихъ страницъ, на коихъ помѣщены подробныя правила о родахъ и греческія склоненія, — такъ по крайней мѣрѣ говоритъ лицейскій ка-

лендарь на 1870/71 годъ, откуда почерпаются здѣсь свѣдѣнія относительно практическаго приложенія разсматриваемаго учебника къ преподаванію. Въ прошлогоднемъ второмъ классѣ лица учебникъ не былъ весь пройденъ, но этому помѣшали случайныя обстоятельства, не зависящія отъ обилія учебнаго матеріала. Слѣдовательно, лицейскій учебникъ никоимъ образомъ не можетъ быть сравниваемъ въ этомъ отношеніи съ другими учебниками, то передѣланными съ иностранныхъ, то оригинальными.

Въ основаніе его положенъ здравый педагогическій принципъ: „всякому возрасту по его способностямъ и всякой способности по ея силѣ“. Въ возрастѣ учениковъ первыхъ двухъ классовъ всего болѣе дѣйствуетъ память; а хорошая память, по чьему-то справедливому замѣчанію, есть половина ума. Задача хорошаго ученія состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать въ этомъ возрастѣ именно на развитіе и укрѣпленіе памяти, упражняя ее на такомъ матеріалѣ, которымъ бы можно было воспользоваться въ послѣдующемъ возрастѣ для развитія другихъ способностей. Вотъ основаніе, на которомъ помѣщены въ лицейскомъ учебникѣ сотни вокабулъ на каждое изъ четырехъ склоненій и имя прилагательное, двѣнадцать басенъ, разработанныхъ по методѣ Робертсона, таблицы глаголовъ, уклоняющихся отъ правильныхъ образцовъ въ образованіи перфекта и супина, таблица образованія глаголовъ, существительныхъ и прилагательныхъ именъ. Изъ этимологіи не видно, да и лицейскій календарь говоритъ объ употребленіи этого матеріала только то, что онъ назначается „для практическихъ упражненій и для пріобрѣтенія значительнаго запаса словъ“. Судя по тому, что „сочетанія словъ для перевода на русскій“ помѣщены — и то не въ значительномъ количествѣ и какъ будто для примѣра, коему можетъ слѣдовать преподаватель — послѣ пяти склоненій, нужно полагать, что послѣ заучиванія вокабулъ практическія упражненія надъ ними ограничиваются склоненіемъ и опредѣленіемъ ихъ рода по выученнымъ правиламъ. Мы привыкли тотчасъ послѣ перваго склоненія заставлять ученика строить латинское предложеніе, когда онъ не въ силахъ еще построить и русскаго, но принятый лицейскимъ учебникомъ порядокъ, при нашей системѣ обученія, заслуживаетъ предпочтенія, ибо онъ слѣдуетъ педагогической постепенности. На первыхъ порахъ для ученика все чуждо въ чужомъ языкѣ, и формы, и даже звуки; слова трудно запоминаются, формы быстро исчезаютъ изъ памяти, самые звуки разятъ слухъ, дѣтская память работаетъ даже и въ простомъ процессѣ чтенія чужихъ словъ. А если первое

начало въ чужомъ языкѣ такъ трудно достается ученику, то для перваго шага съ него довольно и простыхъ упражненій въ заучиваніи, припоминаніи при чтеніи и измѣненіи одного слова по окончаніямъ.

Сочетаніе двухъ и трехъ словъ, хотя оно относится къ той же операціи, какъ и склоненіе одного слова, есть уже задача сложная, слѣдовательно, представляетъ вторую ступень практическихъ упражненій. Именно для *первыхъ опытовъ въ самостоятельномъ пользованіи чужимъ языкомъ нѣтъ ничего лучше этихъ простыхъ сочетаній*, практическая легкость коихъ состоитъ въ томъ, что сочетаемыя существительныя, заученныя какъ вокабулы, измѣняются лишь въ четырехъ падежахъ или лучше въ двухъ: въ именительномъ единств. и множ., въ родительномъ единств. и множественнаго: напримѣръ, *mel arіum, violae viris*. Непосредственно за этими простыми сочетаніями словъ, въ учебникѣ помѣщены три глагола тоже въ видѣ вокабулъ: *dat* даетъ, *laudat* хвалить, *ornat* украшаетъ, а за ними небольшой рядъ простыхъ предложеній латинскихъ для перевода на русскій; напримѣръ, *magister laudat industriam pueri*. Помѣщенные предложенія тоже носятъ характеръ образцовъ, какіе самъ преподаватель долженъ составлять, пользуясь предыдущими вокабулами, если по его разчету нужно остановиться на такомъ упражненіи. Глаголы, какъ легко замѣтить, выбраны именно такіе, въ сочетаніи съ коими имена могутъ измѣняться по всѣмъ падежамъ латинскаго склоненія; стало быть, упражненіе, или работа ученика опять усложняется, но усложняется всего на одинъ малый шагъ и притомъ такой, каковой необходимо и легко сдѣлать за предыдущимъ. За вокабулами на имена прилагательныя слѣдуютъ сочетанія прилагательныхъ съ существительными и простыя предложенія изъ нихъ, строяемыя при помощи *est*. Тутъ какъ будто отступленіе, или шагъ назадъ, упражненія эти какъ будто легче предыдущихъ, но на дѣлѣ они труднѣе ихъ. Ученикъ хоть и заучилъ латинское слово, хоть и можетъ припомнить его родъ, но онъ еще не успѣлъ сжиться съ заученнымъ словомъ до того, чтобы его собственный родъ и родъ русскаго слова ясно выдѣлялись въ его сознаніи; стало быть, къ работѣ съ падежами здѣсь присоединяется еще и припоминаніе рода существительнаго и соотвѣтствующаго ему родоваго окончанія прилагательнаго. Сверхъ того, ученикъ при этомъ упражняется въ употребленіи краткой глагольной формы русскіхъ прилагательныхъ и практически узнаетъ разницу между связуемымъ и опредѣленіемъ. Поэтому учебникъ и ограничивается въ сочетаніяхъ прилагательныхъ съ существительными однимъ

именительнымъ падежемъ въ единств. числѣ; предложенія съ *sunt* слѣдуютъ за степенями сравненія. Подготовивши такимъ образомъ учениковъ на простѣйшихъ сочетаніяхъ словъ, учебникъ даетъ семнадцать глаголовъ (собственно пятнадцать, такъ какъ таблица начинается уже знакомыми ученикамъ *do* и *ergo*) въ первомъ лицѣ единств. числа и въ третьемъ единств. и множ. настоящаго времени, союзы *et* и *quoniam*, предлоги *a*, *ab*, *e*, *ex*, *per* и нарѣчіе *unde*, дабы приступить къ дальнѣйшимъ упражненіямъ, пользуясь всѣми предъ симъ приобретенными средствами, то-есть, полнѣмъ измѣненіемъ именъ. Но и здѣсь въ примѣрахъ наблюдаена постепенность: на одной сторонѣ помѣщены простыя сочетанія существительныхъ съ прилагательными сравнительной либо превосходной степени, а параллельно съ ними простыя предложенія изъ тѣхъ же самыхъ сочетаній съ прибавленіемъ *est* и *sunt*; такъ: *gracillima cuga*; *cuga gruis gracillima sunt*; за симъ слѣдуютъ предложенія съ приведенными глаголами, тоже мало по малу распространяясь опредѣленіями и дополненіями. Теперь, когда ученики освоились съ формами именъ, учебникъ исподволь знакомитъ ихъ съ формами глагола, дабы тѣмъ самымъ дѣлать дальнѣйшіе шаги въ практическихъ упражненіяхъ: послѣ числительныхъ дается нѣсколько глаголовъ въ третьемъ лицѣ, един. числа перфекта и будущаго перваго, послѣ мѣстоименій слѣдуетъ полное спряженіе нѣсколькихъ уже извѣстныхъ изъ предыдущаго глаголовъ въ настоящемъ времени и неопредѣленномъ наклоненіи, глаголы и принадлежащія къ нимъ упражненія расположены, для легкости запоминанія, по спряженіямъ отдѣльно, все это сообщается тоже въ формѣ вокабулъ, стало быть, практически; наконецъ, за таблицей *indicativi activi* всѣхъ четырехъ спряженій слѣдуетъ двѣнадцать басенъ, разработанныхъ по методу Робертсона, какъ наитруднѣйшее практическое упражненіе, возможное для учениковъ, знакомыхъ съ началами этимологии. Итакъ, вокабулы, поражающіе на первый разъ своею сухостью, въ ученьи, вѣдущемся изложеннымъ способомъ, теряютъ это свойство, ибо значеніе ихъ осмысливается, и при хорошемъ ученіи доставляютъ ученику, шагъ за шагомъ приближающемуся къ чтенію текстовъ, удовольствіе отъ приобретаемаго знанія и поддерживаютъ въ немъ бодрость, что особенно важно въ такомъ ученіи, которое имѣетъ противъ себя тѣму предубѣжденій. Съ другой стороны, учебникъ позаботился и о томъ, чтобы запоминаніе вокабулъ не было обременительно и трудно, для чего расположилъ ихъ не въ лексическомъ порядкѣ, а въ алфавитной послѣдовательности окончаній; напримѣръ, *bus*, — *cus*, — *gus*, — *ius* и

проч. и притомъ на *bus*:—*ibus*, *mbus*, *rbus*; на *cus*: *icus*, *ocus* и т. д. Вокабулы третьяго склоненія раздѣлены по образованію родительнаго множ. съ подраздѣленіемъ по окончаніямъ именит. единственнаго и по родамъ, такъ что за одинъ разъ съ значеніемъ слова заучивается и его родъ, и падежныя особенности, свойственныя извѣстному окончанію или роду, что позволяетъ на первый разъ обойтись безъ таблицъ исключеній, всегда приводящихъ дѣтей въ ужасъ. Для лицейскихъ учениковъ, которые поступаютъ въ заведеніе по большей части съ знаніемъ одного или двухъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, въ таблицу числительныхъ введено облегченіе тѣмъ, что рядомъ съ латинскими и русскими напечатаны, для сравненія, числительныя французскія, нѣмецкія и англійскія.

Другую часть учебнаго матеріала, завоевываемаго памятью и предшествующаго вокабуламъ и сочетаніямъ словъ, составляютъ парадигмы. Парадигмы именъ тѣмъ отличаются въ лицейскомъ учебникѣ отъ другихъ, употребляющихся у насъ въ латинскихъ грамматикахъ, что въ нихъ поставлены рядомъ падежи, которые часто или всегда сходствуютъ въ окончаніи либо въ латинскомъ, либо въ русскомъ языкѣ, либо въ томъ и другомъ вмѣстѣ; какъ, на примѣръ: латинскіе и русскіе им., зват. и винит., русскіе род. и винит., латинскіе дателън. и творит. Съ существительнымъ каждой парадигмы склоняется вмѣстѣ и соответствующій род. мѣстоименія *hic* и русскаго *сей*, а тамъ, гдѣ окончанія мѣстоименія слѣдуютъ общему правилу склоненія именъ, то-есть, во множественномъ числѣ, оно, можно полагать, пособляетъ запоминанію окончаній; но едва-ли это можно сказать о единственномъ числѣ, гдѣ окончанія его разительно отличаются отъ именныхъ окончаній всѣхъ склоненій и лишь увеличиваютъ трудность запоминанія окончаній парадигмы. Трудно согласиться, не видѣвъ дѣла на практикѣ, чтобъ ученику пособляло склоненіе мѣстоименія *hic*—даже и послѣ того, какъ онъ его осилитъ—при склоненіи существительныхъ хотя бы вполонину столько же, какъ склоненіе русскаго *сей*; послѣднее въ немъ подстрекаетъ чутье роднаго языка, а чуждое *hic* ему не говоритъ почти ничего. Нельзя сказать также, что умѣнье склонять *hic* упреждаетъ и облегчаетъ склоненіе мѣстоименій, ибо между ними нѣтъ ни одного, которое бы своими окончаніями было съ нимъ совершенно сходно. Если прибавка *hic* къ парадигмамъ имѣетъ какое-либо значеніе, то не болѣе, какъ родовой указатель, впрочемъ, не опредѣляющій рода, какъ русское *сей*, а какъ нѣмецкое *der*, *die*, *das*, французское *le* и *la*, завоевываемыя памятью вмѣстѣ съ словомъ и хранящіяся въ ней

как неотъемлемая его принадлежность, так что вмѣстѣ съ словомъ вспоминается и его членъ, по которому припоминающій опредѣляетъ его родъ. Въ этомъ смыслѣ приставка *his* къ вокабуламъ весьма важное и можетъ составлять дѣйствительное средство для заучиванія рода.

Самое заботливое вниманіе составителей лицейскаго учебника обратили на себя глаголы, формами коихъ латинскій языкъ преимущественно отличается отъ русскаго. Въ рѣчи о сочетаніяхъ словъ, какъ практическихъ упражненіяхъ, было отчасти сказано, съ какою разчитанною на облегченіе учащагося постепенностью лицейскій учебникъ prepares къ полному спряженію глаголовъ. Послѣ таблицы спряженія *indicativi activi*, при переводѣ и разборѣ двѣнадцати басенъ, ученикъ знакомится мало по малу съ другими глагольными формами всѣхъ четырехъ спряженій и глагола *sum*, узнавая каждый разъ, отъ чего и какъ та или другая форма происходитъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, въ учебникѣ приняты такой порядокъ: сперва практическій, а потомъ теоретическій путь, прежде заучиванье, а потомъ осмысленіе, классификація, обобщеніе, теорія; этому методу слѣдуютъ упражненія на вокабулы, такъ поступлено съ правилами о родахъ существительныхъ, которыхъ систематическое изложеніе отнесено въ конецъ учебника, этому же методу слѣдуетъ и ученіе о спряженіи глаголовъ. Познакомивъ на практикѣ отдѣльно съ каждою формою дѣйствительнаго залога и ея производствомъ, учебникъ предлагаетъ полную, систематическую таблицу производства формъ дѣйствит. залога, за симъ слѣдуетъ полное спряженіе глагола *sum*, и лишь потомъ производство и спряженіе формъ страдательнаго залога и парадигмы отложительныхъ глаголовъ. Парадигмы глаголовъ напечатаны разными красками, соотвѣтственно производству времени, что должно не мало облегчать учащагося.

Итакъ, составители воспользовались всѣми возможными облегченіями для того, чтобы дать подлежащему возрасту здоровую и сильную пищу. Но такъ какъ классъ всегда слагается изъ учениковъ съ лучшими и средними дарованіями, изъ коихъ одни воспринимаютъ быстро, легко и твердо, а другіе медленно и для укрѣпленія нуждаются въ частомъ повтореніи выученнаго, то составители учебника сочли нужнымъ добавить къ необходимому для каждаго ученика учебному матеріалу и такой, который заучиваютъ лишь воспитанники, учащіеся съ отличіемъ, употребляя на заучиваніе его то время, когда остальная часть класса повторяетъ пройденное. Этотъ матеріалъ, назначаемый для наиболѣе успѣвающихъ, отнесенъ въ учебникѣ подъ черту внизу стра-

ницы или въ концѣ учебника и состоитъ либо изъ рѣдко встрѣчающихся исключеній, либо изъ подробностей, которыя, безъ всякаго ущерба для знанія, могутъ быть опускаемы при первоначальномъ ознакомленіи съ латинскою этимологіей. Такого рода матеріалъ помѣщался до сихъ поръ лишь въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ учебниковъ исторіи и географіи, но еще никогда у насъ не указывали ему подобнаго назначенія; отнесенное въ учебникѣ подъ черту или напечатанное мелкимъ шрифтомъ обыкновенно либо совсѣмъ опускалось, либо запоминалось всѣмъ классомъ; такъ смотрять на этотъ матеріалъ и сами составители учебниковъ. Лицейскій учебникъ, стало-быть, указываетъ новую методу вести классъ, методу дѣйствительную и въ высшей степени полезную (ибо если учащемуся недостаетъ силъ *знать* чего-либо подробно, то пусть онъ *знаетъ* существенное), но трудную, сильную для руки твердой, опытной и почти не приложимую для многочисленныхъ классовъ въ заведеніяхъ открытыхъ. Въ лицей, при помощи тьюторовъ, она можетъ привести къ блестящимъ результатамъ, но въ многолюдныхъ классахъ гимназій, гдѣ учениковъ среднихъ способностей и слабыхъ преобладающее большинство, учителю не хватаетъ времени особо вести лучшихъ даже и при повтореніи, ибо при повтореніи-то ему и нужно повалечъ на отстающихъ; таковымъ, по крайней мѣрѣ, дѣло представляется въ классахъ низшихъ. Въ среднихъ же и высшихъ классахъ, гдѣ возможны и даже необходимы письменные отвѣты, указанный способъ веденія класса вполне приложимъ и къ нашимъ гимназіямъ.

Всего разсмотрѣннаго до сихъ поръ уже довольно, чтобы назвать лицейскій учебникъ *методическимъ*, то-есть, приуроченнымъ къ удобству и облегченію учащагося, въ отличіе отъ систематическаго, имѣющаго въ виду главнымъ образомъ учителя и полноту изложенія.

Какъ разъ въ срединѣ этимологіи, именно въ томъ мѣстѣ, до котораго ученикъ бодро доходитъ, преодолевъ начальныя трудности чуждаго языка, съ сильною ношей, назначающей ему на пользу, и когда уже у него естественно является законное желаніе воспользоваться ею, въ этомъ самомъ мѣстѣ находится двѣнадцать басенъ, разработанныхъ по методѣ Робертсона. Пойди ученикъ дальше съ своей ношей, которой предстоитъ по пути постепенно увеличиваться, легко можетъ случиться, что онъ выбьется изъ силъ, утомитъ свое вниманіе и отчаеся въ пользу, которая обѣщается ношей. Въ былое время, когда латинскіе и греческіе учебники состояли изъ однихъ парадигмъ, правилъ да исключеній, примѣры подобнаго утомленія подъ

массой чуждых формъ и звуковъ бывали нерѣдки. Какъ тогда, такъ и теперь знаніе для дитяти, не избалованнаго лѣнью, сохраняетъ свою манящую прелесть просто потому, что оно *знаніе*. Съ охотой и любознательностью онъ берется за чуждый алфавитъ. Одолевъ одну трудность, онъ находитъ удовольствіе въ самомъ процессѣ разбора чуждой, не русской печати. Вотъ онъ уже знаетъ первое, второе склоненіе, знаетъ и третье, а любознательность все дѣйствуетъ, — онъ чувствуетъ, что безъ этого нельзя разбирать христоматіи, купленной вмѣстѣ съ грамматикой и привлекающей къ себѣ его вниманіе своею загадочностью. Но вотъ потянулась длинная вереница исключеній, тамъ еще длиннѣйшія парадигмы глаголовъ правильныхъ и неправильныхъ, и воображеніе дитяти впадаетъ, умъ скучается, вниманіе утомляется, любознательность исчезаетъ, ноша становится свыше силъ; и когда, бывало, ему приходило принести въ классъ христоматію, онъ берется за нее неохотно, изъ опасенія еще большаго отягощенія. Можно, разумѣется, и на всякомъ учебникѣ утомить учениковъ, но здѣсь рѣчь идетъ не объ искусствѣ преподавателя, а о методѣ элементарнаго учебника; и если методъ учебника содѣйствуетъ оживленію преподаванія и облегчаетъ учениковъ, то ему нельзя не поставить этого въ особую заслугу.

Начиная съ внѣшняго вида басенъ, то-есть, съ количества строкъ, до мельчайшихъ подробностей содержанія приложенныхъ къ нимъ переводовъ и объясненій, на все въ разработкѣ басенъ обращено заботливое педагогическое вниманіе. Первая басня, *Taurus et Musca*, простѣйшая по содержанію, состоитъ всего изъ двухъ строкъ и есть наудобнѣйшій переходъ отъ отрывочныхъ примѣровъ въ цѣлыя, хотя и малыя пьесамъ; вторая басня состоитъ изъ четырехъ, третья изъ семи, а самая большая изъ двѣнадцати строкъ. Впрочемъ, за первыми тремя пьесами, количество строкъ уже не имѣетъ существеннаго значенія, и потому наблюдается лишь, чтобы меньшая по объему басня смѣнялась нѣсколько большею. Сперва печатается текстъ басни, затѣмъ басня разбивается на отдѣльныя выраженія, противъ коихъ помѣщается подстроchnый русскій переводъ, тщательно наблюдающій и правильность русскихъ оборотовъ, и строгое соотвѣтствіе между переводомъ и подлинникомъ: слова, вставки коихъ требуютъ или точность текста, или правильность русской рѣчи, ставятся въ скобкахъ; въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, на которыя разлагается басня, принято за правило не отдѣлять подлежащаго отъ сказуемаго, опредѣленіе отъ опредѣляемаго, дополненіе отъ слова имъ управляющаго;

нарѣчія и союзы, какъ слова малыя, значеніе конхъ легко можетъ затеряться въ ряду другихъ словъ и нерѣдко разнообразится, въ силу чего они не мало затрудняютъ начинающаго ученика видѣляются особо, безъ приставленія къ другимъ словамъ; также поступлено и съ предлогами, при конхъ, впрочемъ, всегда стоитъ и слово зависящее. За переводомъ слѣдуетъ катехизація басни. Катехизація имѣетъ цѣлю не уясненіе смысла, но уразумѣніе содержанія и производится по-латыни; здѣсь, кромѣ мѣстоименій и нарѣчій вопросительныхъ, ученикъ встрѣчаетъ знакомыя ему уже изъ басни слова и сочетанія; разница лишь въ томъ, что они являются въ формѣ вопроса, и вся басня перерабатывается въ вопросы и отвѣты. Польза отъ этой катехизаціи та, что ни одно изъ предыдущихъ выраженій не можетъ быть заучено безъ осмысленія; кромѣ того, она есть первоначальный шагъ къ латинскому разговору и латинскому изложенію, чему предоставляется, по лицейской программѣ, надлежащій просторъ въ старшихъ классахъ. Въ видахъ заблаговременнаго пріученія къ латинскому разговору, и приставленіе къ вовабуламъ на существительныя мѣстоименія *hic* въ соответствующемъ имени родѣ, и помѣщеніе въ учебникѣ латинскихъ названій мѣсяцевъ и дней недѣли, все это, а тѣмъ болѣе самая метода Робертсона, имѣетъ свое прямое оправданіе. Коль скоро признано, что школа должна не только учить писать по латыни, но и пріучать къ латинскому разговору, или, что то же, должна снабдить воспитанника полнымъ знаніемъ языка, вліяя чрезъ то на его умственное и нравственное развитіе, то другаго болѣе вѣрнаго и легкаго средства къ латинскому изложенію нѣтъ, кромѣ примѣненной въ лицейскомъ учебникѣ метода Робертсона, блистательно оправданной на обученіи новымъ языкамъ: не начинать же, въ самомъ дѣлѣ, зубреніемъ старинныхъ „colloquia latina“, что когда-то водилось даже и въ нашей школѣ. Метода Робертсона оказывается здѣсь какъ разъ у мѣста. Послѣ того, какъ ученикъ уразумѣлъ содержаніе басни, разложивъ ее на вопросы и отвѣты, ему предлагаютъ примѣры на тѣ самыя обороты, какіе встрѣтились въ текстѣ, при чемъ всегда въ нихъ удерживаются всѣ вновь повстрѣчавшіяся глагольныя формы и слова текста, такъ что учащійся упражняется въ данной глагольной формѣ на построеніи цѣлаго латинскаго предложенія. Вотъ образецъ этихъ примѣровъ:

Перевестъ на русскій языкъ:

In tecto domus niger sedebat corvus.
Taurus nihil respondet.
Ubi es, mi fili? In herba sedeo.

Перевестъ на латинскій языкъ:

На крышѣ дома сидѣлъ черный воронъ.
Волъ ничего не отвѣчаетъ.
Гдѣ ты, мой сынъ? Сажу на травѣ.

На простѣйшіе обороты дается по одному примѣру, на болѣе трудные по два и по три за разъ; примѣчательные обороты предыдущаго текста повторяются въ примѣрахъ послѣдующихъ басенъ; число самыхъ примѣровъ всюду одинаково, десять или одиннадцать, но педагогическое значеніе ихъ возрастаетъ качественно. Чѣмъ больше ученикъ проходитъ басенъ, тѣмъ примѣры больше обнимаютъ грамматическихъ правилъ. Но хотя и понятно, что эти примѣры есть второй шагъ въ первоначальномъ латинскомъ разговорѣ, такъ какъ для подражанія уже извѣстной ученикамъ *формѣ* они пользуются инымъ *материаломъ*, то-есть, иными чѣмъ въ баснѣ словами, однако преподаватель, желающій воспользоваться лицейскимъ учебникомъ, можетъ остаться въ недоумѣніи, какъ проходить предлагаемые примѣры. Надписи, правда, гласятъ: „перевести на русскій языкъ, перевести на латинскій языкъ“, но что же тутъ *переводить*, когда и тотъ и другой переводъ готовы? Никакъ нельзя думать, чтобъ учебникъ назначалъ для самодѣятельности учащагося сличеніе латинскаго примѣра съ русскимъ; ибо хотя такое упражненіе и можетъ имѣть образовательное значеніе, но для сего требуется и другой возрастъ, и иной матеріалъ. Если же эти примѣры назначаются для заучиванія, для навыка въ латинской устной рѣчи, тогда зачѣмъ же надъ русскимъ переводомъ печатается: „перевести на латинскій языкъ?“ Отвѣты на эти вопросы можно найти въ методѣ Робертсона, гдѣ объяснено, что фразы этого рода должны быть переводимы въ классѣ при закрытыхъ книгахъ, сперва на отечественный языкъ, а потомъ съ отечественнаго, печатаются же въ руководствѣ рядомъ, дабы ученики могли безошибочно повторять и запоминать переводъ ихъ, закрывая рукой попеременно то одну, то другую половину страницы. Но не всякій учитель имѣетъ подъ рукой методическое наставленіе Робертсона.

По лицейскому обычаю, къ „латинской этимологій въ соединеніи съ русской“ приложено послѣсловіе; его надобно винить за излишнюю молчаливость на счетъ пользованія учебникомъ, чѣмъ оно далеко не въ свою пользу отличается отъ небольшого, но весьма обстоятельнаго послѣсловія лицейскаго учебника этимологій греческой. Недостаточно написать *искусный* учебникъ, слѣдовало бы указать, какъ имъ пользоваться. У насъ, впрочемъ, часто повторяется мнѣніе, что учебникъ долженъ быть составляемъ для учениковъ, а не для учителя, но это мнѣніе, кажется, можно считать лишь половиною справедливымъ. Оно съ полнымъ правомъ вооружается противъ такихъ учебниковъ, гдѣ предлагается двойкій матеріалъ: для учени-

ковъ и для учителя; но оно не должно быть примѣняемо къ учебникамъ методическимъ, особенно если они вносятъ въ педагогическую практику что-нибудь новое, или если самый предметъ преподаванія у насъ еще новъ. Во введеніи ли, въ послѣсловіи, или въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, гдѣ-нибудь да нужно обстоятельно изъяснить, какъ и чѣмъ изъ даннаго, хотя бы и методически расположеннаго матеріала нужно пользоваться. Лицей, можетъ-быть, скажетъ объ этомъ въ одномъ изъ ближайшихъ календарей, но это не должно служить для него оправданіемъ, равно какъ и то, что „латинская этимологія въ соединеніи съ русской“ назначается для спеціальнаго употребленія въ издаваемъ ея самостоятельномъ общественномъ заведеніи. Счелъ же лицей нужнымъ въ послѣсловіи къ греческой этимологіи разяснить, какъ преподавать даже склоненія; отчего же бы не признать необходимымъ подобныхъ замѣчаній и для латинской этимологіи? Съ другой стороны, коль скоро книга обращается въ продажѣ, она уже есть достояніе общественное, да и лицей несомнѣнно пустилъ ее въ продажу съ тою цѣлю, чтобъ ею пользовались. Наконецъ, самое преподаваніе древнихъ языковъ—надо разумѣть *настоящее* преподаваніе—у насъ пока еще новостъ, и опытные преподаватели еще въ будущемъ; такъ и съ этой стороны выясняется, что „послѣсловію“ не слѣдовало бы скупиться на разясненіе всей методической стороны учебника. Объясняясь лишь относительно выбора матеріала и нѣкоторыхъ приемовъ, учебникъ, о которомъ идетъ рѣчь, рискуетъ быть не оцененнымъ по достоинству и не принести той пользы, какая отъ него ожидалась.

Очевидно, что вмѣстѣ съ текстомъ басенъ и катехизаціей, упомянутые примѣры составляютъ практическую, „разговорную“ часть учебнаго матеріала, предшествующаго теоретическому объясненію, что совершенно согласно съ общою системою учебника. За этою практическою частью разработки басенъ слѣдуетъ теоретическая, въ видѣ замѣчаній на каждый новый оборотъ, на каждую новую форму. Теоретическія объясненія главнѣйше касаются глагольныхъ формъ. „Ученіе басенъ, говоритъ послѣсловіе, должно предшествовать заучиванію парадигмъ, дабы латинскія времена и наклоненія не были для ученика непонятными иероглифами“. Не повторяя вышесказаннаго о постепенности и способѣ ознакомленія учениковъ съ производствомъ глагольныхъ формъ, нельзя упускать изъ виду другой стороны сихъ замѣчаній; они служатъ, въ свою очередь, практическимъ подготовленіемъ въ остальной части учебника, если только позволительно такъ

называть отрывочныя объясненія, кои въ послѣдствіи приводятся въ систему. Съ надлежащею сдержанностію и постепенностію здѣсь изложены замѣчанія касательно образованія нарѣчій и ихъ степеней сравненія, образованія именъ и глаголовъ, о значеніи глагольныхъ приставокъ и происходящихъ въ нихъ звуковыхъ измѣненіяхъ при соединеніи съ корнемъ глагола, объ управленіи предлоговъ и образованіи именъ, то-есть, о всемъ томъ, что вслѣдъ за баснями предлагается учебнику уже въ системѣ. Примѣрныя объясненія дѣлаются такъ: вычисляется латинское выраженіе, переводится на русскій языкъ, дѣлаются общія замѣчанія касательно всего вышесказаннаго выраженія, потомъ, по мѣрѣ нужды, фраза разлагается на части или отдѣльныя слова и на каждое изъ нихъ дается подлежащее объясненіе особо. Тутъ встрѣчаются и необходимыя синтаксическія замѣчанія, подготавливающія ученика къ чтенію хрестоматіи, какъ - то: о родительномъ части, объ отрицательныхъ словахъ *ne*, *nullus* и проч., объ употребленіи герундія и объ обращеніи этой формы въ герундіивъ, о родительномъ *postri* и *postum*, о словахъ *que* и *et*, *tamquam*, *ut*, *ne*, *quo*, *quod* и *quia*, прямомъ и косвенномъ вопросѣ, объ употребленіи супина, о сочетаніи существительныхъ: *praesidium*, *auxilium*, *subsidium*, о творит. времени на вопросъ: *quando?* о сравнительной степени, о среднемъ родѣ прилагательныхъ, стоящихъ безъ существительныхъ, о согласованіи. Образцомъ умѣнья давать элементарныя объясненія трудныхъ для первоначальнаго изученія латинскихъ оборотовъ можетъ служить изъясненіе обращенія герундія въ герундіивъ (стр. 198, 12 и 13). Достоинство этихъ объясненій состоитъ еще и въ томъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ въ нихъ выясняются *особенности* строенія русскихъ оборотовъ сравнительно съ латинскими; такъ, кромѣ параллельнаго объясненія вышесказанныхъ оборотовъ, налагаются правила о томъ, какъ переводить на русскій родительный части, о значеніи *mihi* въ смыслѣ нарѣчія *нисколько*, о вставкѣ *to* при соответствующемъ *es*, о переводѣ латинскаго причастія настоящаго времени дѣйствительнаго залога русскимъ дѣепричастіемъ, о мѣстѣ въ предложеніи русскаго и латинскаго прилагательнаго, о переводѣ на русскій причастія страдательнаго при сказуемомъ, выражаемомъ глаголомъ переходнымъ и проч. Замѣчанія на каждую форму заканчиваются спискомъ глаголовъ, встрѣчающихся въ текстѣ, съ ихъ главными формами и означеніемъ спряженія. Въ практическомъ отнющеніи заучиваніи этихъ глаголовъ исподоволь подготавливать ученика въ сухому,

но необходимому затверживанію длинныхъ рядовъ глаголовъ, уклоняющихся въ образованіи перфекта и супина.

Третья часть разбора басенъ озаглавляется въ учебникѣ: „Фразы для перевода: а) на русскій языкъ, б) на латинскій“. На первыя три басни таковыхъ фразъ помѣщено по десяти, на всѣ остальные по двадцати для каждаго отдѣла. Здѣсь значеніе подписи надъ фразами совершенно опредѣлительно; фразы стоятъ въ такомъ же отношеніи къ предшествующимъ объясненіямъ, какъ и сія послѣднія къ тексту басни. Постепенно усложняясь, какъ и предшествующія объясненіямъ примѣры для перевода, фразы представляютъ практику на синтаксическую часть объясненій по русскому и по латинскому языку, а также и упражненія на глагольныя формы. Съ текстомъ басенъ, а равно между русскою и латинскою ихъ половиною, онѣ имѣютъ связь лишь формальную; стало быть, цѣль ихъ — вызвать совершенно самостоятельный трудъ со стороны учащагося. Судя по тому, какъ учебникъ подготавливаетъ все нужное для требующагося здѣсь самостоятельнаго труда, нужно сказать, что въ этомъ мѣстѣ онъ въ правѣ на него разчитывать. Самостоятельная работа ученика надъ фразами есть вѣнецъ всѣхъ предыдущихъ его усилій, это обращеніе *divinus* въ *avertūta*. Въ ходячихъ у насъ переведенныхъ учебникахъ ученическую самостоятельность надъ переводомъ фразъ начинаютъ упражнять такъ сказать спозаранку, почему тамъ и возможны фразы въ родѣ: „О, лягушки, квакайте!“ Тамъ что мало-мальски смысленныя дѣти, послѣ двухъ трехъ таковыхъ апофеозовъ, начинаютъ острить надъ учебникомъ, а это ужъ дѣло влохое. Разчитавъ съ педагогическимъ тактомъ и время, и мѣсто для всякой парадигмы, для каждаго упражненія, лицейскій учебникъ избѣжалъ примѣровъ влохскихъ, и съ большимъ искусствомъ выполнилъ въ разработкѣ басенъ мудрое правило Квинтиліана, по коему надлежащее обученіе производится *imitatione, arte, exercitatione*.

Строго говоря методъ разработки басенъ не свойствененъ преподаванію древнихъ языковъ; метода Робертсона изобрѣтена для изученія языковъ новыхъ, живыхъ, сама по себѣ она не имѣетъ образовательнаго значенія, она лишь облегчаетъ и ускоряетъ изученіе новыхъ иностранныхъ языковъ, которымъ школа должна отвести мѣсто ради настоятельныхъ потребностей практической жизни, какъ знанію вспомогательному, прикладному. Наоборотъ, въ преподаваніи классическихъ языковъ и метода, и матеріалъ преподаванія считаются одинаково могущественными образовательными средствами. Итакъ, прибѣгая къ помощи метода Робертсона, не значить ли одною рукою разрушать то,

что создается другою, не значить ли это, по крайней мѣрѣ, парализовать силу классическаго ученія? Много бы можно было сдѣлать возраженій подобнаго свойства, если бы несостоятельность порождающей ихъ общей послыки не была очевидна съ перваго разу. Элементарный учебникъ, тѣмъ болѣе одна малая часть его не составляетъ еще классическаго ученія, равно какъ одна сторона басенъ, разработанная по методѣ Робертсона, не есть преподаваніе древняго языка по методѣ Робертсона. Къ чести составителей лицейской латино-русской этимологіи нужно отнести именно то обстоятельство, что они *не обрезаюли* тою стороною Робертсоновой методы, которая оживляетъ преподаваніе, не освобождая ученика отъ труда усидчиваго и сознательнаго, и что ихъ элементарный учебникъ чуждъ классическаго ригоризма, коего держатся не наши только, но и иностранныя учебники. Цѣль всякаго элементарнаго преподаванія — цѣль чисто-практическая: подготовленіе поля къ посѣву; самый посѣвъ и жатва, на немъ лѣбемая, еще впереди. Даже, повидимому, чуждая классической ферулѣ Робертсонова метода, на самомъ дѣлѣ такъ или иначе, прилагалась и прилагается къ преподаванію древнихъ языковъ и у насъ. Развѣ это не одно и то же, когда ученіе заучиваетъ вмѣстѣ съ переводомъ, сдѣланнымъ въ классѣ, текстъ Корнедія Непота, и учителю, читающему русскій переводъ, отвѣчаетъ по латини; когда по образцу текста составляется фраза, и онъ долженъ передать ее тоже по латини; когда изъ прочитаннаго мѣста текста дѣлается вопросъ, на который долженъ послѣдовать отвѣтъ тоже изъ прочитаннаго. Вмѣсто того, чтобы всѣ подобныя упражненія подвергать произволу фантазій, и пожалуй, неопытности учителя, учебникъ далъ имъ надлежащую мѣру и правильный видъ.

Остальная часть учебника заключаетъ въ себѣ обильный учебный матеріалъ, но формальная его сторона въ значительной мѣрѣ уже знакома ученику изъ пройденныхъ двѣнадцати басенъ. Такимъ образомъ, разработка басенъ представляетъ упражненія на предыдущую имъ часть учебника и подготовленіе къ послѣдующей. Кромѣ полныхъ парадигмъ правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ, здѣсь помѣщены глаголы безличныя, образованіе, перечень и степени нарѣчій, предлоги съ обильными къ нимъ примѣрами, ученіе о глагольныхъ приставкахъ и объ измѣненіи глагольнаго корня въ сложеніи съ ними, тоже сопровождаемое примѣрами, перечень глаголовъ, заключающихся въ образованіи перфекта и супина, при коемъ имѣлось въ виду означить учениковъ съ тою группировкой глаголовъ, которую они встрѣ-

тять потомъ въ греческой этимологіи, образованіе глаголовъ и именъ, правила о родѣ именъ, греческія склоненія, латинскія и русскія слова общаго происхожденія; на самомъ концѣ учебника для перваго чтенія по латини помѣщается Pater noster съ подстрочнымъ славянскимъ текстомъ и двадцать-пять латинскихъ предложеній съ подстрочнымъ дословнымъ русскимъ переводомъ, какъ упражненія на правила о латинскихъ двугласныхъ и согласныхъ.

Изъ вниманія къ потребностямъ нашей классической школы, всѣ латинскія слова въ учебникѣ напечатаны съ означеніемъ долготы или краткости и удареній. Тамъ, гдѣ классическое ученіе имѣетъ преданіе, постановка надъ каждымъ словомъ ударенія была бы излишнею роскошью, ибо правильность ударенія поддерживается даже однимъ преданіемъ. У насъ преданіе прервано, а знаніе просодіи латинской встрѣчается лишь какъ дорогая рѣдкость. „Дабы предотвратить и искоренить господствующія въ нашихъ училищахъ ошибки противъ латинскаго ударенія, а также чтобы облегчить усвоеніе количества латинскихъ слоговъ“, лицейскій учебникъ счелъ за благо пособить и учащимъ, и учащимся.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется, съ педагогической точки зрѣнія, латинская часть лицейскаго учебника; теперь о русской.

Русская этимологія, какъ уже было сказано, излагается въ лицейскомъ учебникѣ параллельно съ латинскою, то упреждая послѣднюю въ случаяхъ нужныхъ, то слѣдуя за ней тамъ, гдѣ представляется поводъ къ сближенію. Какъ и слѣдовало ожидать, въ учебникѣ ей отводится мѣсто второстепенное, служебное: ибо въ третьемъ классѣ лицей она проходится на особыхъ урокахъ, примѣнительно къ правописанію, а въ четвертомъ — въ связи съ этимологіей церковно-славянскою. Но не смотря на элементарный характеръ изложенія, учебникъ не упускаетъ случая къ сравненію обѣихъ этимологій, начавъ его съ алфавита и оканчивая словообразованіемъ. Особыхъ упражненій на русскую этимологію въ такомъ учебникѣ, конечно, и не должно быть, кромѣ общихъ съ латинскими различій частей рѣчи и родовъ именъ, склоненій и спраженій. Словомъ, педагогическое значеніе русской этимологіи опредѣляется самымъ ея положеніемъ въ учебникѣ, а это послѣднее программой лицейскаго преподаванія. Итакъ, говоря о русской части лицейскаго учебника латино-русской этимологіи, приходится ограничиться лишь нѣкими частностями.

Русская этимологія составлена главнымъ образомъ по Востокову, со внесеніемъ, впрочемъ, въ учебникъ многихъ существенныхъ измѣ-

неній и поправленій. Такъ, съ особливою опредѣлительностью объяснены разряды существительныхъ, дано право гражданства условному наклоненію и первому лицу множественнаго числа повелительнаго наклоненія, сдѣлана попытка упростить распредѣленіе глаголовъ по видамъ и разрядамъ, сближенъ общій залогъ съ отличительнымъ, много новаго и полезнаго для учащихся связано въ словообразованіи. Но такъ какъ русская этимологія далеко не до такой степени ясности, точности и опредѣлительности выработана, какъ латинская, то и въ лицейскомъ учебникѣ встрѣчается кое-что нуждающееся въ упрощеніи, есть даже и пункты спорные, чего, разумѣется, никоимъ образомъ не должно быть въ элементарномъ учебникѣ.

Прежде всего бросается въ глаза излишнее обиліе парадигмъ на склоненія. Кромѣ парадигмъ совмѣстныхъ, латино-русскихъ, въ учебникѣ внесено, при первомъ и второмъ латинскомъ склоненіи, нѣсколько отдѣльныхъ парадигмъ русскихъ въ видѣ пополненія. Къ парадигмѣ „роза“ добавлены еще „дыня“ и „шея“; къ парадигмамъ: „воронъ“, „мальчикъ“, „вепрь“ и „царство“ приложена цѣлая статья: „склоненіе русскихъ существительныхъ мужскаго рода на *z*, *z*, *z* и средняго на *o* и *e*“, съ полными парадигмами: „богачъ“, „казначей“, „поле“. Такое изобиліе русскихъ парадигмъ, при первомъ и второмъ латинскомъ склоненіи, указываетъ, если не ошибаемся, на желаніе сблизить эти склоненія съ русскими. Нѣтъ спору, что для сего есть основанія: первому латинскому склоненію совершенно соответствуетъ русское женское на *a* и *я*, второму же русское мужское на *z*, *z*, *z* и среднее на *o*, третье латинское можно сблизить съ русскимъ нарицаемымъ, и всѣ эти сближенія основываются не только на тождествѣ родовъ именъ, относящихся къ тому или другому склоненію, но и на относительномъ тождествѣ окончаній именительнаго падежа, то-есть латинское *us* есть русское *z*, латинское *en* есть русское *я* (юсъ), даже весьма мѣтко сближено пятое латинское склоненіе съ склоненіемъ русскихъ словъ на *ost*, неупотребительныхъ во множественномъ числѣ. Но парадигма четвертаго склоненія: *gradus* — *шагъ* не представляетъ ожидаемаго сближенія между латинскими именами на *us* и русскими на *z* глагольнаго происхожденія. Думается, что ее съ большимъ бы удобствомъ можно было замѣнить склоненіемъ слова хоть *felus* — *плачь*, или подобнымъ. Что *felus* и *плачь* глагольнаго происхожденія, это будетъ понятно для учениковъ само собою при повтореніи учебника, когда, разумѣется, слѣдуетъ ихъ посвятить въ проведенный въ немъ параллелизмъ, иначе о немъ и хлопотать нечего; сверхъ сего, склоненіе

ніемъ слова *плачь* замѣнилась бы парадигма *богачъ*, усложняющая учебникъ лишь для того, чтобъ отмѣтить въ словахъ мужскаго рода на *ъ* творит. ед. на *емъ* и род. множ. на *ей*. Правда, *плачь* во множественномъ числѣ не употребляется, а другое слово четвертаго склоненія *casus*—*надежъ*, удобно его замѣняющее, составилось въ русскомъ языкѣ искусственно, но вѣдь и самое соединеніе латинской и русской этимологіи и сближеніе ихъ тоже искусственно. Послѣднее вызвано нуждой и стремленіемъ въ облегченію учащагося; въ силу тѣхъ же побужденій нужно допустить и первое. Коль скоро настоятъ нужда въ совмѣщеніи русской и латинской элементарной этимологіи, то, кажется, нужно уже, въ видахъ легчайшаго усвоенія ихъ, сближить всѣ сколько-нибудь сходныя явленія обоихъ языковъ, отмѣтивъ притомъ для перваго начала въ языкѣ, играющемъ роль служебную, явленія лишь крупныя. На этомъ основаніи парадигму втораго склоненія *aper*—*веръ*, помѣщенную для примѣра склоненія словъ съ бѣглымъ *e*, не удобнѣе ли было бы замѣнить словомъ *caper*—*козелъ* или ему подобнымъ, гдѣ бы встрѣчалось тождественное явленіе, то-есть, исчезновеніе *e* въ косвенныхъ падежахъ и въ русскомъ значеніи. При третьемъ латинскомъ склоненіи въ учебникѣ есть парадигма русскаго склоненія съ исчезающимъ *e* (камень), но она, во-первыхъ, помѣщена слишкомъ поздно, ибо желательнѣе, чтобы тождественныя явленія совмѣстной этимологіи выяснялись предварительно на русской этимологіи, въ-вторыхъ, сопоставленіе склоненія *lapis* и *камень* можно оправдать развѣ лишь тѣмъ, что она выказываетъ въ обоихъ языкахъ явленія, сходныя по противоположности: *камень* удерживаетъ полную тему слова въ прямыхъ падежахъ, а *lapis* въ косвенныхъ. Если догадка справедлива, то еще остается вопросъ: умѣстно ли таковыя исключительныя явленія отмѣчать въ элементарномъ учебникѣ. Нужно думать, что парадигма *aper*—*веръ* избрана потому, что слово *веръ* есть образецъ склоненія мужскаго рода на *ъ*, такъ какъ въ предыдущихъ парадигмахъ втораго латинскаго склоненія даны образцы склоненія русскихъ именъ на *ъ*, множ. *ы* и *э*, множ. *и* послѣ гортанной. Но *и* послѣ гортанной вмѣсто *ог* не есть такая особенность русскаго языка, для коей нужна была бы особая парадигма; для сей особенности совершенно довольно общаго правила о сочетаніи съ гласными согласныхъ гортанныхъ и шипящихъ. Скорѣй бы нужно отмѣтить парадигмой другаго рода особенность: множественное число именъ мужскаго рода на *а*, *я* и *ья*, вмѣсто *ы* и *и*. Если бы замѣнить парадигму слова *puer*—*мальчикъ* словомъ *gener*—*зять*, получилось бы тогда мягкое

склонение именъ мужскаго рода съ именит. множественнаго на *я* и род. множ. на *еа*, что освободило бы учебникъ еще отъ одной русской парадигмы *казначей*, помѣщенной ради мягкаго окончанія послѣ гласной и окончанія родит. множ. на *еа*. Впрочемъ, лицейскій учебникъ не разъ отличается въ русскомъ склоненіи мягкое окончаніе послѣ согласной отъ мягкаго послѣ гласной; такъ, кромѣ парадигмы *казначей*, при первомъ латинскомъ склоненіи помѣщена парадигма *шея* тотчасъ за предыдущей *дыня*, и опять единственно для отмѣты родит. множ. на *й*, тогда какъ и всѣхъ-то словъ на *я* съ предыдущою гласной не много развѣ больше десятка, а въ учебникѣ изъ нихъ встрѣчаются лишь *молнія* и *змя*. Обширнымъ полемъ латинскихъ склоненій можно бы вполне удовольствоваться для отмѣты всѣхъ главнѣйшихъ особенностей русскаго склоненія, не прибѣгая къ введенію въ учебникъ особыхъ примѣровъ на склоненіе русскаго существительнаго. Если послѣ склоненія „роза“ нужно привести примѣръ женскаго склоненія на *я*, то почему бы не отложить этого до третьяго латинскаго склоненія и не помѣстить вмѣсто парадигмы *тупес—скала* склоненіе *turris—башня* или ему подобнаго, тѣмъ болѣе, что со стороны латинской этимологіи препятствія къ сему не предвидится: оба слова женскаго рода, оба равносложныя въ родительномъ; а что *turris* имѣетъ винит. на *ит* и на *ет*, это не должно бы служить помѣхой. По отношенію же въ русской этимологіи, кромѣ сокращенія одной парадигмы, склоненіе слова *башня* указало бы на цѣлый отдѣлъ словъ, въ род. множест. которыхъ вставляется между конечными согласными также бѣглое *е*. Дабы дать парадигму русскаго мягкаго склоненія средняго рода, можно бы прибавить въ третьемъ склоненіи латинскую парадигму *тате*, напримѣръ, или подобную ей, ибо данная въ учебникѣ парадигма *потен—имя*, измѣняющая тому въ прямыхъ падежахъ, не можетъ быть примѣнена въ склоненію всѣхъ латинскихъ именъ средняго рода третьяго склоненія.

Напоионецъ, русское склоненіе можно бы упростить и другимъ способомъ: стоило лишь ему предпослать таблицу соответствія гласныхъ твердыхъ и мягкихъ въ склоненіяхъ именъ. Подобная таблица въ лицейскомъ учебникѣ имѣется, но она составлена безотносительно, по крайней мѣрѣ такъ нужно сказать о сопоставленіи твердаго *з* и мягкихъ *с*, *ш*, твердаго *о* и мягкаго *ё*, между которыми есть соответствіе лишь теоретическое; въ элементарномъ же учебникѣ, какъ это имѣли въ виду и составители латино-русской этимологіи, не должно

часть СЛѢВ, ОТД. 3.

быть ничего, что бы не приносило пользы обязательной, практической. Таблица соответствія мягкихъ и твердыхъ гласныхъ внесла бы въ ученіе о русскихъ склоненіяхъ такой элементъ, который бы будилъ соображеніе ученика, не превышая размѣровъ, требуемыхъ элементарнымъ изученіемъ этимологии. Таковую же помощь въ русскихъ склоненіяхъ оказываетъ правило о сочетаніи съ гласными согласныхъ гортанныхъ и шипящихъ. Въ лицейскомъ учебникѣ оно повторяется въ разныхъ видахъ нѣсколько разъ (§ 8, 3; прим. къ § 17, 1 и 2; § 22, 3, 7 и въ примѣч. къ нему; § 23, 5; § 34, 4, б. § 38, 8, 9, 10, 2), но тѣмъ не менѣе ученику, имѣющему дѣло со множествомъ правилъ, трудно составить себѣ понятіе о сочетаніи гортанныхъ и шипящихъ съ гласными, стало быть, трудно освободиться отъ просящихся подъ руку ошибокъ. Почти въ самомъ началѣ, разсматривая русскую азбуку, лицейскій учебникъ даетъ правило: „послѣ *ж, ч, ш, щ, а* также послѣ *з, к, х, гласныя ъ, ю, я* не пишутся“, въ чему слѣдовало бы прибавить: а) что пишется вмѣсто сихъ гласныхъ; б) включить сюда и букву *ъ*, замѣтивъ, что послѣ шипящихъ она пишется лишь въ концѣ и въ словѣ *чьмъ*, послѣ же гортанныхъ совсѣмъ не пишется, за исключеніемъ словъ: *спръ* и *къмъ*. Всѣ остальные замѣчанія о шипящихъ и гортанныхъ можно бы опустить, возложивъ такимъ образомъ на учителя заставлять дѣтей, въ случаяхъ нужныхъ, обращаться къ общему правилу. Третье упрощеніе можно бы внести въ ученіе о русскихъ склоненіяхъ посредствомъ общаго правила о предложномъ и дательномъ падежѣ на *и* вмѣсто *ю*: всѣ имена, которыя предъ окончаніемъ именительнаго единств. имѣютъ *і*, въ падежахъ, оканчивающихся на *ю*, принимаютъ вмѣсто *ю* окончаніе *и*. Въ подобномъ же обобщеніи нуждаются и повторяющіяся при мужскомъ и среднемъ склоненіи замѣчанія объ употребленіи въ именахъ съ темой на *и* твердаго *о* или мягкаго *е*. Наконецъ, учебникъ элементарной этимологии роднаго языка, имѣющей притомъ вспомогательное значеніе, нужно бы совсѣмъ освободить отъ такихъ подробностей, какія изложены въ большей части девяти примѣчаній къ § 17, идущихъ лишь къ учебнику систематическому, обнимающему всѣ явленія роднаго языка, на что элементарный учебникъ соединенной латинской и русской этимологіи претендовать не можетъ и не долженъ. Онъ былъ бы въ немъ уместенъ лишь тогда, если бы имѣли для себя соответствіе въ формахъ латинскихъ. Положимъ, что примѣчанія эти помѣщены въ низу страницы, подъ чертой, стало-быть, назначаются для учащихся съ отличіемъ, но и таковыхъ можно освободить отъ

заучиванія правилъ, что *котыка*, *линейка*, *скамья* въ родит. множ. имѣютъ: *котыекъ*, *линейекъ*, *скамей* и т. п., въ видахъ того, что по врожденному чутью они не просклоняютъ помянутыхъ словъ иначе, и что ознакомленіе со всѣми явленіями родной этимологіи у нихъ еще впереди. То же самое нужно сказать и о первой половинѣ примѣчаній къ § 22. Правила же образованія именит. множественнаго на *и* въ именахъ средняго рода и на *та* и *е* въ именахъ мужскаго рода слѣдовало бы помѣстить въ текстѣ, какъ отмѣчающія крупныя явленія языка и принадлежащія къ разряду необходимыхъ знаній даже на элементарной ступени обученія. Сверхъ сего, рассматривая изложенное въ лицейскомъ учебникѣ ученіе о русскихъ склоненіяхъ, нельзя пройти молчаніемъ и правила (§ 20, 3) о звательномъ падежѣ, гдѣ говорится, что формы: *Боже*, *Господи* и *владыко* употребляются въ молитвахъ. *Владыко* дѣйствительно употребляется только въ молитвахъ и русской этимологіи не подлежитъ, но о двухъ первыхъ формахъ этого сказать нельзя: онѣ составляютъ неотъемлемую принадлежность живой русской рѣчи, употребляясь въ ней часто безъ всякаго молитвеннаго значенія. Поясняя, что это формы церковно-славянскія, учебникъ называетъ слѣдующія за симъ формы род. множ. мужскаго рода, сходнаго съ именит. един., просто *сокращенными*, не считая нужнымъ замѣтить, что и онѣ суть остатки старинны. Терминъ *сокращеннаго* дѣйствительно идетъ къ этому древнему окончанію, когда оно сопоставлено съ сокращеннымъ родительн. множ. латинскимъ (*divum* вмѣсто *divorum*), но разнo объяснять формы одного происхожденія по меньшей мѣрѣ бесполезно. Это такъ же бесполезно, какъ сказать въ элементарной этимологіи (прим. къ § 8), что гор-таннныя и зубныя сближаются между собою, когда произносятся мягко, и привести примѣръ изъ народнаго говора: „*т* въ словѣ *театръ*, произносимое мягко, переходитъ въ *к* — *кѣатръ*“.

Словомъ, вопросъ касается наиболѣе тѣснаго сближенія латинскихъ и русскихъ склоненій, дабы освободить учебникъ отъ ненужной въ этомъ отношеніи полноты. Ученику всегда хочется — и желаніе его законо — имѣть въ заучиваемомъ матеріалѣ какъ можно болѣе схожаго, подобнаго, удобообозрѣваемаго, ибо это его облегчаетъ. И лицейскій учебникъ, всегда въ этомъ отношеніи предусмотрительный, въ склоненіяхъ русскихъ существительныхъ, повидимому, отступилъ отъ своего правила.

Въ смутномъ ученіи о русскомъ глаголѣ лицейскій учебникъ многое старался передѣлать и внесъ въ него нѣкоторыя существенныя

облегченія. Изъ пражныхъ шести залоговъ онъ признаетъ лишь три: *дѣйствительный, страдательный и возвратный*, и уклоняется, по примѣру Востокова, отъ безполезнаго, въ педагогическомъ отношеніи, опредѣленія залога вообще, вводимаго въ учебники грамматиками позднѣйшаго времени. Какъ здѣсь, такъ и въ самомъ опредѣленіи возвратнаго глагола учебникъ воспользовался новѣйшими изслѣдованіями по русской грамматикѣ, чего не сдѣлалъ ни одинъ вышедшій по сіе время учебникъ. Самое опредѣленіе возвратнаго глагола стало точнымъ и опредѣлительнымъ: „возвратный глаголъ выражаетъ, что предметъ дѣйствуетъ *на самого себя*, напримѣръ: *охотникъ застрѣлся* (то-есть, застрѣдилъ себя) или *для самого себя*, напримѣръ: *охотникъ хвастается своею стрѣльбою*“. Такимъ образомъ, всѣ простыя формы глаголовъ раздѣлены на два вида: формы съ *ся*, или возвратныя, и безъ *ся*, или дѣйствительныя, между ними стали третья — описательныя, употребляемыя для выраженія дѣйствія страдательнаго; за прибавкой *ся* признано значеніе не только винительнаго, но и дательнаго падежа; возвратное дѣйствіе глаголовъ съ *ся* признается возвратнымъ не по отношенію къ лицу дѣйствующему или предмету дѣйствія, а къ самому дѣйствію. Глаголы безъ *ся*, то-есть, на *тъ*, *чь* *д*, *ти* тоже названы однимъ именемъ: глаголами дѣйствительными, съ подраздѣленіемъ ихъ на *переходные* и *непереходные*; переходными называются требующіе винительнаго падежа, а непереходными „выражающіе состояніе или такое дѣйствіе, которое прямо на другой предметъ не переходитъ“. Стало-быть глаголъ *ждать*, дѣйствіе коего не переходитъ на ожидаемый предметъ, глаголъ не переходный, а между тѣмъ *ждать* сочиняется и съ винительнымъ падежемъ — *ждутъ поезда* — слѣдовательно, причисляется къ разряду глаголовъ переходныхъ. *Жду* требуетъ также и родительнаго (*ждутъ поезда*), но *ждутъ поезда* и *ждутъ поезда* не одно и то же; стало-быть одинъ и тотъ же глаголъ при разномъ сочиненіи долженъ быть отнесенъ къ разнымъ разрядамъ, не измѣняя при этомъ ни своей формы, ни своего собственнаго значенія. Въ силу этого критерій дѣленія дѣйствительныхъ глаголовъ на переходные и непереходные — отношеніе дѣйствія или состоянія къ его предмету — нельзя считать вѣрнымъ; нельзя его счесть даже и удобнымъ для элементарнаго преподаванія этимологіи, въ коемъ, какъ извѣстно, съ большою пользою все отвлеченное замѣняется конкретнымъ. Если ужъ нужно, ради параллели съ латинскими русскіе дѣйствительные глаголы подраздѣлять на переходные и непереходные — хотя, признаться, не видно, чтобы

была въ этомъ настоятельная нужда, ибо всегда есть возможность раздѣлить ихъ по управленію тѣмъ или другимъ надежемъ, какъ они и трактуются въ латинскомъ и русскомъ синтаксисѣ — то, кажется, лучше бы придержаться прежней примѣты дѣйствительныхъ глаголовъ, оставивъ въ сторонѣ ихъ значеніе, отличать ихъ отъ переходныхъ однимъ сочиненіемъ съ винительнымъ надежемъ. Взявъ же за принципъ дѣленія дѣйствительныхъ глаголовъ качество выражаемаго ими дѣйствія, придется отмѣтить гораздо больше подраздѣленій, чѣмъ ихъ есть даже у Востокова; начинательные, окончателные, повторительные и т. п., а это все-таки не прибавитъ отъ замѣчанія о томъ, какими они управляютъ надежками.

Съ не меньшимъ основаніемъ можно возражать и противъ подраздѣленія возвратныхъ глаголовъ на *собственно-возвратные*, *взаимные* и *общіе*. Воверныхъ, глаголы, выражающіе, „что дѣйствіе происходитъ между двумя или нѣсколькими предметами, дѣйствующими другъ на друга“, не всегда оманчиваются на *ся*, не всегда, свидѣть, принадлежать къ взаимнымъ, напримѣръ: *враждуютъ*, *спорятъ* и проч.; возвратныхъ, и собственно-возвратные глаголы могутъ имѣть взаимное значеніе, напримѣръ, *уча учимся*: здѣсь учимся, значитъ не учимъ себя или учимъ для себя, а выражаетъ взаимное дѣйствіе на насъ ученія въ то самое время, когда мы его производимъ, то-есть, мы учимъ, а ученые учить насъ; или еще: *мы вдвоемъ готовимся къ экзамену*, то-есть, каждый изъ насъ сообщаетъ другому тѣ свѣдѣнія, какія имѣетъ, или же одинъ изъ насъ читаетъ, а другой слушаетъ. Итакъ, если взаимный глаголъ не имѣетъ собственныхъ, *ему одному* свойственныхъ признаковъ, что же сказать о глаголѣ *общемъ*, этой грамматической синекдурѣ, существующей лишь по милости подраздѣленія возвратнаго глагола на виды? „Общій глаголъ, говоритъ „Этимологія“, по отнятіи *ся* (*сь*) не имѣетъ никакого значенія“. *Учиться*, напримѣръ, дѣйствительно безъ *ся* не употребляется, но нельзя сказать, чтобы *учиться* не имѣло никакого значенія, если даже, смотрѣть на слово чисто теоретически; *учиться* составляетъ сущность, ядро слова, а *ся* лишь прибавка, дающая слову право назваться видомъ возвратнаго глагола, составляющая лишь то, что составляетъ понимать выражаемое словомъ дѣйствіе обращеннымъ на дѣйствителя. А есть общіе глаголы и много свойства. Отчего, напримѣръ, не употребить слова *божить*, которое остается по отнятіи *ся* отъ глагола *божиться* въ значеніи *бить Богами, признаваться за божество* (по аналогіи

съ глаголами *царить*, *княжить*), что оно и значить въ словарѣ Даля; но кто же, кромѣ специально нуждающагося въ этомъ словѣ, скажетъ, что *божить* употребляется безъ *ся*, и что оно имѣетъ аналогію въ значеніи съ „божиться“? Глаголь *случиться* тоже будетъ общій, хотя онъ можетъ употребляться и безъ *ся*, означая „соединить“. Есть и такіе глаголы, которые теперь безъ *ся* не употребляются въ возвратномъ значеніи, но употреблялись прежде, напримѣръ, „услыши, *заступи* (мѣсто заступись) и помилуй“; „Ярославныхъ гласъ *слышитъ*“ (вмѣсто слышится), *отчалтъ* у фонъ - Визина вмѣсто отчаться. Глаголь *опастся* въ пословицѣ XVII в. (слѣпецъ слѣпца ведутся, а оба въ яму *опадутся*) употреблялся въ такомъ же значеніи, какое нынѣ онъ имѣетъ въ формѣ *опастъ*. Есть ли послѣ этого достаточное основаніе учить, что общіе глаголы безъ *ся* не имѣютъ *никакаго значенія*, что они составляютъ особый видъ возвратныхъ глаголовъ того смысла, какой приданъ симъ послѣднимъ въ лицейскомъ учебникѣ. При старомъ опредѣленіи возвратнаго глагола разрядъ общихъ и взаимныхъ глаголовъ былъ настоятельно необходимъ, потому что *ся* не всегда, прибавляется въ глаголу въ смыслѣ винительнаго падежа и не всегда означаетъ дѣйствіе, обращенное на дѣйствителя; но зачѣмъ „Латинно-русской этимологіи“ потребовалось отвести уголокъ для сего хлама, послѣ того, какъ она обнаружила его негодность выясненіемъ надлежащаго смысла глагольнаго *ся*, на это нельзя найти отвѣта и въ широкое, даже произвольное пониманіе замѣчанія, что „порядокъ изложенія принятъ (въ ней) обычный, освещенный вѣками“ (послѣсловіе).

Для обстоятельности дѣла, впрочемъ, не мѣшаетъ вспомнить, какъ сложилось нынѣшнее опредѣленіе общаго глагола. Лаврентій Зизаній называетъ общими глаголами тѣ, которые имѣютъ „начертаніе“ страдательнаго (то-есть, глаголы съ *ся*), значеніе же — дѣйствительнаго и страдательнаго, напримѣръ, „учуся грамматики, учуся отъ дидаскала“. Зизаніево опредѣленіе удержалъ Смотрицкій, но дабы отличить страдательный глаголь отъ общаго и почти тождественнаго съ симъ послѣднимъ, по опредѣленію его грамматики, отложительнаго, счесть нужнымъ прибавить: отнявъ *ся*, изъ глагола страдательнаго получимъ дѣйствительный, изъ отложительнаго и общаго „не ктому словенское *остаетъ* (теперь говоримъ: *остается*) слово“, напримѣръ: „отъ боюся—бою, отъ ругаюся—*ругаю* (стало-быть, при Смотрицкомъ не употребляли этого слова безъ *ся*) *остаютъ* реченія ничтоже словенски зна-

менующе". Какъ видно, общій глаголь потребовался нашимъ стариннымъ грамматикамъ для отгѣненія глагола страдательнаго, который они, по указанію греческой и латинской этимологии, хотѣли непременно и въ русской грамматикѣ отличить отъ дѣйствительнаго особенной формой. Они находили въ русскомъ языкѣ даже глаголы отложительные. Ломоносовъ первый исключилъ изъ своей грамматики отложительные глаголы, какъ несвойственные русскому языку, но общій глаголь удержалъ, выдѣляя его изъ связи съ страдательнымъ. „Общій глаголь, по Ломоносову, кончится на *сь* или *ся* и имѣетъ знаменованіе купно дѣйствительнаго передняго глагола, *боюсь*, *кланяюсь*". По времѣ общаго залога, отцу грамматики русскаго языка нужно было признать и возвратный, и взаимный, ибо безъ историческаго изученія языка невозможно было отрѣшиться отъ нагляднаго значенія глагольнаго *ся*. Ломоносово опредѣленіе общаго глагола стало прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ опредѣленій. Но такъ какъ каждый разъ чувствовалась несостоятельность дѣленія глаголовъ на *ся*, то оно, по мѣрѣ нужды, распространялось и растолковывалось. Аббать Добровскій, сколько извѣстно, первый опустилъ въ своей грамматикѣ (1821 года) общій залогъ, назвавъ всѣ глаголы на *ся* (I, § 89) *взаимными средними* „или лучше“, какъ онъ говоритъ, *возвратными*. Перебравъ всѣ крупныя случаи измѣненія, производимаго прибавочнымъ *ся* въ значеніи славянскаго глагола, онъ справедливо замѣчаетъ: „Нельзя никакъ въ точности опредѣлить смысла, въ какомъ долженъ быть принятъ глаголь дѣйствительный съ прибавочнымъ мѣстоименіемъ *ся*; *скопилася* значить скопили самихъ себя и скоплены другими, *бьются* бьютъ другъ друга и бьютъ самихъ себя. Только по смыслу речи можно различить взаимное или возвратное, или наконецъ, страдательное значеніе глагола“. Сужденію знатока наши грамматиканы не знали, продолжая усердно хлопотать надъ выдѣленіемъ общаго залога и не обращая вниманія даже на то, что выпадаютъ въ противорѣчіе съ самими собой. Отъ взоровъ Востокова не могло скрыться, что „общій залогъ (грам., § 57, 4) *имѣетъ значеніе возвратнаго*“; онъ даже объяснилъ, почему нѣкоторые глаголы, какъ означающіе „дѣйствіе внутренняго чувства, обращенное *только* на самого дѣйствителя“, не могутъ употребляться безъ *ся* (боятся, смѣяться, лѣниться); казалось бы, все сдѣлано, чтобы по примѣру Добровскаго не принять ненужной рубрики въ глаголахъ возвратныхъ, но вышло не такъ. Представленные послыши дали нашему знаменитому слависту право заключить, что глаголь, который „безъ приложенія *ся* неупотребителенъ“,

долженъ стать особнякомъ отъ возвратнаго (хотя онъ его и призналъ тождественнымъ съ возвратнымъ), долженъ образовать особый залогъ, потому что можетъ имѣть особый отъ возвратнаго отгѣнокъ значенія (хотя данный между примѣрами глаголь *рѣзвится*, во первыхъ, означаетъ по Далю: „рѣзво играть, бѣгать, бороться, ловить друга друга съ крикомъ и хохотомъ“, то-есть, совсѣмъ не дѣйствіе внутренняго чувства; во вторыхъ, оказывается изъ того же словаря, что есть и глаголь *рѣзвить*, имѣющій значеніе переходное) и долженъ называться въ грамматикѣ общимъ. Востоково опредѣленіе общаго глагола дошло во всей своей неприкосновенности и до лицейскаго учебника, который его лишь сократилъ, удовольствовавшись первою его половиною. Между примѣрами общаго глагола есть въ лицейскомъ учебникѣ глаголь *мннится*, который уже никакъ не подходитъ подъ разрядъ „ничего незначащій“ по отнятіи *ся*: *болтаться* и *надѣяться*. Глаголь *мннится* употребляется въ переходномъ значеніи съ приставками *изъ* и *объ* и нисколько не теряетъ кореннаго значенія даже и безъ приставокъ. Итакъ, или опредѣленіе не вѣрно, или примѣръ не вѣстен. Кроме того, отождествивъ глаголь *средній* съ переходнымъ, учебникъ (въ примѣчаніи къ § 49) замѣчаетъ, что „иногда произволь дѣйствующаго лица (который, между прочимъ, выражается глаголомъ возвратнымъ по отношенію дѣйствителя въ дѣйствіи) совсѣмъ выпущается изъ вида, и потому-то глаголь возвратный легко принимаетъ значеніе глагола *средняго* и страдательнаго“, вводитъ такимъ образомъ въ число видовъ возвратнаго глагола и глаголь *средній*. Какъ же это понять? Какъ видъ глагола дѣйствительнаго, *средній* былъ обособленъ въ учебникѣ признакомъ непереходности означемаго имъ дѣйствія и тѣмъ, что онъ употребляется безъ *ся*, какъ глаголь возвратный (стало-быть, имѣющій на концѣ *ся*), онъ отличается отъ другихъ видовъ сего рода тѣмъ, что не выражаетъ произвола дѣйствующаго лица при произведеніи дѣйствія. Какъ же ученику низшаго класса справиться со всею этимъ? Да и вѣдѣмъ было затѣмнать дѣло, такъ ясно и опредѣлительно поставленное уже однимъ опредѣленіемъ глагола возвратнаго. Затѣмъ было сбиваться на окольный, тернистый путь позднѣйшихъ грамматикъ, когда удалось стать на прямую дорогу Дюроفسкаго.

Виды русскаго глагола также слушать взаимно противоположенія для нашихъ грамматикъ, и составители лицейскаго учебника чувствовали нужду приложить къ разъясненію оныхъ свои старанія. Учебникъ отмѣчаетъ три вида: *многообразный*, *несовершенный* и *совершенный*.

Видъ несовершенный подраздѣляется на *опредѣлительный* и *неопредѣлительный*; видъ совершенный — на *однократный* и *длительный*. Не входя пока въ обсужденіе опредѣленій и примѣровъ видовъ, нельзя не видѣть, что части дѣлимаго не *исключаются взаимно*, стало-быть, дѣленіе произведено невѣрно даже въ теоретическомъ отношеніи. Невѣрность дѣленія происходитъ отъ того, что въ основу его положено не одно, а два начала: *кратность*, то-есть, количественность, и *качественность* дѣйствія; кратность дѣйствія берется принципомъ и для обособленія вида многократнаго, и для подраздѣленія глаголовъ вида совершеннаго. Все это еще не бѣда, ибо касается болѣе формы, чѣмъ сущности дѣла, хотя и нельзя отвергать важнаго значенія строгой схемы въ дѣлѣ обученія, пусть бы и элементарнаго; но содержаніе схемы тоже подлежитъ спору. Многократный видъ стоитъ въ учебникѣ, какъ это и постоянно дѣлается въ грамматикахъ, отдѣльно, но слово „далѣ“, коимъ начинается слѣдующее за многократнымъ видомъ опредѣленіе вида несовершеннаго, чуть-ли не даетъ знать, что и многократный видъ означаетъ тоже дѣйствіе несовершенное, не оконченное, ибо нельзя допустить, чтобы въ учебникѣ, столь искусно составленномъ и наблюдающемъ точность, могло быть употреблено отмѣченное слово необдуманно. Усвоить же дѣйствіе не оконченное виду многократному было бы произволомъ: многократный видъ значить не только повтореніе дѣйствія нѣсколько разъ въ разное и притомъ отдаленное время, но и *совершеніе* его въ отдаленномъ времени, напримѣръ, *прочиталъ* по цѣлой оперѣ, *прогуливалъ* уроки. Основанія къ сближенію вида многократнаго съ несовершеннымъ и совершеннымъ, по крайней мѣрѣ, одинаковы, если не съ большимъ правомъ онъ можетъ быть сближенъ съ видомъ совершеннымъ, куда онъ тяготеетъ даже по принципу дѣленія, то-есть, по кратности. Совершенный видъ потому могъ бы быть подраздѣленъ на однократный, длительный и многократный. Но почему же не прибавить еще вида *начитательнаго* (о комъ въ учебникѣ замѣчаетъ лишь подъ строкой), *окончательнаго* и т. п., коль скоро отмѣченъ длительный, выражающій дѣйствіе, „на окончаніе коего требуется известная продолжительность времени“. Изъ примѣчанія къ § 56-му видно, что „начало дѣйствія (стало-быть, и повтореніе, и совершеніе) никогда не обозначается переменнѣю окончанія“, поэтому учебникъ и „не включилъ этой формы въ число видовъ“. Зачѣмъ же послѣ этого отмѣченъ видъ длительный, въ коемъ то, что на *окончаніи* дѣйствія требуется известная продолжительность времени, обозна-

чается именно *приставкой*, какъ и въ глаголахъ начинательныхъ? Наконецъ, въ примѣрѣ: *мальчикъ носилъ книги*, глаголь *носилъ* тоже означаетъ дѣйствіе длительное, а по опредѣленію линдскаго учебника глаголь *носить* — глаголь неопредѣлительный, вида несовершеннаго. Подраздѣленіе вида несовершеннаго тоже нельзя назвать устойчивымъ. „Опредѣлительные глаголы выражаютъ дѣйствіе, происходящее въ данный мигъ времени“, говоритъ учебникъ, на примѣрѣ: *мальчикъ несетъ книги* (то-есть, дѣлаетъ это теперь, въ тотъ мигъ, когда я говорю о немъ). Но вѣдь говоримъ и такъ: *поездъ идетъ сутки*, и здѣсь *идетъ* указываетъ не на время, а на обычай или природу совершенія дѣйствія, это значить: поездъ постоянно, по обыкновенію, употребляетъ на проѣздъ сутки времени. „Неопредѣлительные глаголы, продолжая учебникъ, выражаютъ дѣйствіе, совершаемое или постоянно (составляющее либо природу предмета, либо обычай, вторую природу), или же повторительно, на примѣрѣ, птица *летаетъ* крыльями (то-есть, имѣетъ природную способность летать крыльями); *мальчикъ носитъ* книги (то-есть, обыкновенно дѣлаетъ это въ какое-либо время, или же повторяетъ дѣйствіе несенія нѣсколько разъ); учитель *ходитъ* по комнатамъ (повторительно дѣйствіе)“. Первая половина опредѣленія, какъ видно изъ предыдущаго возраженія, обнимаетъ и глаголы опредѣлительные; то же должно сказать и о второй. Если на вопросъ: что теперь дѣлаетъ учитель? отвѣтятъ: *ходитъ по комнатамъ*, то *ходитъ* будетъ выражать и дѣйствіе, происходящее въ данный мигъ времени, то-есть, будетъ глаголомъ опредѣлительнымъ. Одного лишь признака — и олъ-то, кажется, существенный — нельзя отчуждать отъ этихъ глаголовъ, это *повторительности* дѣйствія, чего глаголы опредѣлительные не имѣютъ.

Болѣе всего нововведеній линдскій учебникъ представляетъ въ знаніи о разрядахъ русскихъ глаголовъ. Всѣ глаголы дѣлятся по предшествующей въ личномъ окончаніи ихъ на два спряженія, изъ коихъ каждое подраздѣляется на нѣсколько своихъ особнхъ разрядовъ. Это то же, что и у Востокова. Но у Востокова отмѣнено десять разрядовъ, здѣсь же глаголы дѣлятся всего на *шесть* разрядовъ: первое спряженіе на четыре, второе — на два. Не смотря на то, что знаніе о разрядахъ русскихъ глаголовъ изложено въ линдскомъ учебникѣ гораздо легче, чѣмъ у Востокова, тѣмъ не менѣе теорія ихъ, по замѣчанію линдскаго календаря, трудно усвоивалась воспитанницами III-го класса. Хотя она была пройдена и повторена въ связи съ практическими упражненіями, состоявшими въ томъ, что ученики, на

основания предложенины въ руководствѣ правилъ, должны были распределить данные для того глагола по подлежащимъ разрядамъ и указывать основанія распределенія, однакожь даже лучшіе изъ воспитанниковъ не умѣли примѣнять эту теорію на дѣлѣ. Они дѣйствовали въ этомъ случаѣ не на основаніи теоріи, а руководились по большей части другими соображеніями. Такъ, напримѣръ, они относили данный глаголь къ извѣстному разряду, руководясь тѣмъ, къ какому принадлежитъ онъ спряженію, тогда какъ должны были дѣйствовать наоборотъ, то-есть, опредѣлить напередъ разрядъ глагола, а потомъ, на основаніи этого опредѣленія, относить его къ тому или другому спряженію". Нѣтъ ничего удивительнаго, что ученики не могли усвоить ученія о разрядахъ глаголовъ. Все оно основано на фонетикѣ и предполагаетъ твердое знаніе оной, укрѣпленное разборами, и притомъ фонетикѣ не одной русской, но вмѣстѣ и церковно-славянской. Лишь при такомъ условіи ученіе пойметъ безъ затрудненія, почему глаголы: *быть-бѣю*, *вить-вою*, *брызть-брызю*, *жечь-жжю*, *таить-таю*, *судить-сужу*, *ложить-ложю*, нужно считать имѣющими одинаковую тему и въ неопредѣленномъ наклоненіи, и въ настоящемъ времени, а учебнику не будетъ нужды почти каждый разрядъ дополнять „уклоненіями“. Теперь же и такіе глаголы, какъ: *ять-иму*, *жать-жму* и *жну*, *начать-начну* должны были отойти къ ряду имѣющихъ неодинаковую тему въ неопредѣленномъ наклоненіи и настоящемъ времени, просто перегласованіе глухихъ *ъ* и *ь* въ *о* и *е*, сокращенное *и* въ *іотъ*, смягченіе согласныхъ темы — все это теперь усложняетъ и затрудняетъ теорію, увеличивая если не число разрядовъ, такъ количество отмѣчаемыхъ въ нихъ отдѣловъ. Мѣсто ученію о разрядахъ русскихъ глаголовъ должно быть отведено послѣ надлежащаго ознакомленія съ церковно-славянскою этимологіей, а не въ элементарномъ учебникѣ. Лицейскому же учебнику слѣдуетъ поставить въ заслугу, что онъ опять выдвинулъ на видъ забытое нашими учебниками со временъ Востокова ученіе о разрядахъ глаголовъ; безъ него нѣтъ твердаго основанія для распределенія глаголовъ по спряженіямъ, и обученіе на элементарной ступени можетъ положиться въ этомъ случаѣ только на чутье роднаго языка. Убѣдившись на опытѣ, что изученіе разрядовъ глаголовъ можетъ быть съ болѣею пользою отложено до другаго времени, управленіе лицея пришло къ заключенію, что въ III классѣ слѣдуетъ брать изъ ученія о разрядахъ глаголовъ только то, что нужно для объясненія образованія видовъ. Образование видовъ основано на опредѣленіи ихъ въ учебникѣ,

поэтому, не признавая одного, нельзя говорить о другомъ. О статьѣ: „Производстве окончаній глагола“ нужно замѣтить, что она могла бы быть упрощена. Объ одномъ окончаніи повелительнаго наклоненія представлено три особыхъ замѣчанія, тогда какъ, сказавъ, что оно оканчивается на *и*, нужно бы лишь пояснить, что послѣ гласной *и* сокращается въ *й*, а послѣ согласной, если не имѣетъ на себѣ ударенія, въ *а*. Вместе распредѣленія окончанія прич. наст. врем. дѣйст. зал. не разрядить, можно бы гораздо легче и короче распредѣлить его на спряженіяхъ. Точно также можно поступить и съ причастіемъ наст. страдательнымъ: во второмъ спряженіи оно оканчивается на *имый*, а въ первомъ на *емый* при темъ гласной, на *омый* при темъ согласной. Статьи: о безличныхъ глаголахъ и словообразованія изложены съ замѣчательною полнотою подбора всѣхъ идущихъ къ дѣлу явленій языка, и принадлежать къ лучшимъ статьямъ учебника.

Заканчивая нашъ обзоръ, нельзя не сказать, что лицейскій учебникъ есть дорогой вкладъ въ нашу педагогическую литературу не только для латинскаго, но и для русскаго языка; что высокое достоинство этого учебника заключается въ его *методической самостоятельности*.

И. Гавриловъ.

ПРАЖСКІЯ ГИМНАЗИИ И ПРЕПОДАВАНІЕ ВЪ НИХЪ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ¹⁾.

Въ Прагѣ три гимназій: двѣ классическія и одна реальная. Въ реальной гимназій и въ Старо-городской (stáro - městsky gymnásium) классической преподаваніе идетъ по-чешски; въ классической же гимназій новаго города (nove město) всѣ предметы преподаются на нѣмецкомъ языкѣ.

Такъ какъ мое пребываніе въ Прагѣ имѣло цѣлью ознакомленіе съ чешскими гимназіями, то, естественно, для своихъ наблюденій и избралъ первыя двѣ.

Реальная гимназія открыта недавно (въ 1865). Каждый годъ въ ней открывалось по классу, и въ 18⁶⁹/₇₀ году всѣхъ классовъ было пять. Помѣщается эта гимназія въ части города, называемой „малая сторона“ (malá strana), за Влтавой.

Первый годъ своего существованія гимназія эта считалась частною школой. Министерство лишь тогда рѣшилось признать ее общедвственной гимназіей, когда (1866) учредители приняли предложенныя имъ измѣненія въ уставѣ.

Главный пунктъ, на которомъ расходились нѣкоторое время учредители и министерство, было число уроковъ по латинскому языку ²⁾. По первоначальному плану, въ первыхъ двухъ классахъ латинскій языкъ долженъ былъ преподаваться только по 6 часовъ въ недѣлю, министерство же настаивало на 8-и. Въ такомъ именно объемѣ и преподается этотъ предметъ въ настоящее время въ *реальной* гимназій. Ясно, слѣдовательно, что реальная гимназія въ Чехіи, какъ и вообще въ Австріи, совсѣмъ не то, что у насъ понимается подъ этимъ име-

¹⁾ Изъ отчета о заграничной командировкѣ.

²⁾ První zpráva roční o nižším gymnasiu realním me malé straně. V Praze. 1867, стр. 9—12.

немъ. Классическое образованіе, въ большей или меньшей степени, считается тамъ необходимымъ элементомъ вообще въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній ¹⁾. Этотъ взглядъ правительства на значеніе классическаго образованія вполне раздѣляетъ и общество.

Первые два года всѣ ученики реальной гимназіи слушаютъ одни и тѣ же предметы. Вотъ таблица распредѣленія предметовъ преподаванія и числа учебныхъ часовъ (въ недѣлю) въ первыхъ двухъ классахъ реальной Пражской гимназіи:

П Р Е Д М Е Т Ы .	К Л А С С Ы :	
	I	II
Законъ Божій	2	2
Чешскій языкъ	2	2
Нѣмецкій языкъ	4	4
Латинскій языкъ	8	8
Географія и исторія	3	3
Арифметика	2	2
Естественныя науки	2	2
Рисованіе и черченіе	4	4 ²⁾
Чистописаніе	1	1
	28	28

Съ III-го класса, ученики, избравшіе для себя реальное образованіе, не обучаются уже латинскому языку, а занимаются по преимуществу естественными науками; остальные учатся въ объемѣ курса классическихъ гимназій. Съ III-го же класса для послѣднихъ становится обязательнымъ и греческій языкъ.

Ученики, избравшіе для себя реальное образованіе, могутъ по окончаніи курса поступить въ политехническую школу, но университетъ для нихъ остается недоступнымъ.

Въ реальной гимназіи, какъ не казенной, а только общественной, директоръ избирается обществомъ и утверждается правительствомъ; преподаватели не состоятъ на государственной службѣ, но жалованье (отъ общества) и пенсіонъ (за 30 лѣтъ полный) получаютъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и преподаватели казенныхъ гимназій.

¹⁾ Заведенія, въ которыхъ не преподаются вовсе классическіе языки, въ Чехіи, какъ и въ другихъ земляхъ Австріи, существуютъ, но они называются не гимназіями, а реальными школами или «реалками». Курсы ученія въ такихъ школахъ продолжается только 6 лѣтъ, въ гимназіяхъ же, классическихъ и реальныхъ—8.

²⁾ Два раза рисованіе и два раза черченіе; черченіе въ первомъ классѣ не преподается.

Классическая старо-городская гимназія, помѣщающаяся въ одномъ изъ зданій университета, есть гимназія казенная. Представляю о ней нѣкоторые статистическія данныя на основаніи словесныхъ и письменныхъ сообщеній директора этого заведенія г. Билека.

Количество денегъ, отпускаемыхъ на содержаніе ея правительствомъ, не всегда одинаково, такъ какъ оно, обусловливается главнымъ образомъ, числомъ наличныхъ въ данное время преподавателей. Въ истекшемъ (18^{88/89}) учебномъ году число преподавателей въ этой гимназіи было 16: 12 штатныхъ и 4 сверхштатныхъ; число учащихся въ началѣ учебнаго года была 692, въ концѣ — 652. Три класса (I, II, VI) имѣли параллельныя отдѣленія. Плата за обученіе — 18 гульденовъ 90 крѣйцеровъ въ годъ (будетъ повышена до 24 гульденовъ). Въ 18^{89/90} годахъ школьный сборъ доставилъ всего 6.945 гульд. 75 крѣйц., а долженъ былъ бы доставить 13.078 гульд. 80 крѣйц.; уменьшеніе сбора произошло вслѣдствіе того, что въ теченіе года освобождено было отъ платы за ученіе около половины всего числа учащихся. Кромѣ 18 гульд. 90 крѣйц. платы за обученіе, каждый ученикъ ежегодно вноситъ такъ-называемой *таксы* 50 крѣйц., каждый вступающій въ гимназію 2 гульд. 10 крѣйц. Эти деньги (въ истекшемъ учебномъ году собрано 544 гульд. 90 крѣйц.) обращаются на бібліотеку и естественно-историческіе кабинеты (на содержаніе которыхъ правительство не даетъ ничего). Библіотека раздѣляется на два отдѣленія — учительское и ученическое. Первое въ настоящее время состоитъ изъ 3.100 названій въ 5.864 томахъ; второе — изъ 2.194 названій въ 3.957 томахъ.

Почти всѣ ученики этой гимназіи — Чехи; Нѣмцевъ — ничтожный процентъ, Евреевъ — ни одного (Евреи своихъ дѣтей обыкновенно воспитываютъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ). Въ реальной гимназіи учащіяся также почти исключительно Чехи; но въ гимназіи ново-городской національность учащихся не представляетъ такой цѣльности. Кромѣ Нѣмцевъ, преобладающихъ по численности, тамъ большое количество (болѣе 30%) Чеховъ.

Что приводитъ Чеховъ въ гимназію съ нѣмецкимъ языкомъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно указать на два обстоятельства: 1) на переполненность учащимися гимназіи собственно чешскихъ и 2) на охѣменность многихъ Пражскихъ бюргеровъ.

Нѣмецкій и чешскій языки, по новымъ законамъ, имѣютъ равныя права въ королевствѣ; но равенство это, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ Чехіи теперь, оказывается невыгоднымъ для Че-

ховъ. Еще недавно нѣмецкій языкъ былъ обязательнымъ предметомъ въ гимназіяхъ съ чешскимъ языкомъ преподаванія и обратно: чешскій языкъ изучался обязательно въ гимназіяхъ, гдѣ обученіе производилось на нѣмецкомъ языкѣ. Теперь въ первыхъ необязательнѣ нѣмецкій, во вторыхъ — чешскій языкъ. Равенство, повидимому, полное; но только повидимому. Правда, нѣмецкій языкъ изучается въ чешскихъ гимназіяхъ, какъ чужой языкъ; отъ мальчика при вступленіи его въ заведеніе даже не требуется по этому предмету ровно никакихъ свѣдѣній. Но какъ языкъ государственный, нѣмецкій языкъ, естественно, не можетъ быть игнорированъ вовсе въ продолженіи курса; да и независимо отъ условій жизни, онъ становится для каждаго Чеха, который не желаетъ ограничить своего образованія гимназическимъ курсомъ, необходимымъ вѣ силу того, что въ университетѣ Пражскомъ преподаваніе по всѣмъ почти предметамъ производится и до сихъ поръ на нѣмецкомъ языкѣ. Итакъ, волей-неволей всякій Чехъ учится этому языку въ заведеніи; между тѣмъ въ гимназіяхъ съ нѣмецкимъ языкомъ, при необязательности чешскаго, послѣдній не рѣдко не изучается даже мальчиками чешскихъ семействъ, которые, получивъ такимъ образомъ нѣмецкое образованіе, выходятъ изъ школы значительно оторванными отъ своей національности. Благо еще, что жизнь поправляетъ въ этомъ случаѣ вредъ, наносимый школою: жизнь въ столицѣ Чехіи представляетъ такое кипучее движеніе по національному вопросу, что трудно себѣ представить въ настоящее время возможность онѣмеченія Чеха. Ненависть Чеховъ къ нѣмецкому народу переносится ими и на языкъ ихъ историческихъ враговъ. Въ среднемъ классѣ городского общества нѣмецкая рѣчь то и дѣло втѣсняется въ чешскую, но образованный Чехъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не заговоритъ по-нѣмецки. Русскій, который задумалъ бы къ такому Чеху обратиться на нѣмецкомъ языкѣ, выказалъ бы тѣмъ полную безтактность. Намъ съ Чехами можно говорить только по-чешски, или по-русски, или — пожалуй — на нейтральномъ французскомъ языкѣ. Ненависть ко всему нѣмецкому вообще и къ нѣмецкому языку въ частности доходить въ образованныхъ кружкахъ Праги до крайности. Преподаватели Пражскихъ гимназій были неприятно удивлены, узнавъ отъ меня, что въ русскихъ гимназіяхъ преподается нѣмецкій языкъ, какъ предметъ обязательный. Симпатіи и антипатіи взрослыхъ отражаются на молодомъ учащемся поколѣніи. Образованные Чехи говорили мнѣ не разъ съ видимымъ удовольствіемъ, что ученики не

любить нѣмецкаго языка и большею частію дурно учатся по этому предмету. Они видятъ отраднѣйшій фактъ въ томъ, что ученики гимназій въ концѣ курса выносятъ болѣе свѣдѣній по латинскому языку, чѣмъ по столь ненавистному нѣмецкому. И между тѣмъ, скрѣпя сердце, начальство чешскихъ гимназій должно пока давать довольно видное мѣсто этому языку въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго курса, иногда даже на счетъ своего роднаго. Такъ въ Старо-городской Пражской гимназій нѣмецкій языкъ преподавался, въ истекшемъ учебномъ году, въ первыхъ четырехъ классахъ по четыре раза въ недѣлю; въ остальныхъ — по три; чешскій же языкъ лишь по два часа въ каждомъ классѣ еженедѣльно. Впрочемъ, съ 18^{70/71} года предполагалось установить между этими предметами совершенно обратное отношеніе.

Представляю таблицу распредѣленія (въ Старо-городской гимназій) предметовъ по классамъ съ обозначеніемъ числа часовъ.

ПРЕДМЕТЫ:	К Л А С С Ы:								Всего.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
1. Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	3	17
2. Чешскій языкъ и литература	2	2	2	2	2	2	2	2	16
3. Латинскій языкъ	8	8	6	6	6	6	5	5	50
4. Греческій языкъ	—	—	5	4	5	5	4	5	28
5. Нѣмецкій языкъ	4	4	4	4	3	3	3	3	28
6. Географія	3	—	—	—	—	—	—	—	} 24
7. Исторія и географія	—	3	3	3	3	3	3	3	
8. Математика	3	3	3	3	4	3	3	1	23
9. Естественныя науки и физика	2	2	2	3	2	2	3	3	19
10. Философская пропедевтика	—	—	—	—	—	—	2	2	4
Всего	24	24	27	27	27	26(?)	27	27	209

Это предметы обязательныя (rovinni); есть еще нѣсколько необязательныхъ: французскій и итальянскій языки, искусства.

Сравнивъ приведенную таблицу чешской гимназій съ двумя классическими языками съ таблицею распредѣленія уроковъ въ русской полной классической гимназій, получаемъ слѣдующіе выводы (знакомъ + обозначаю перевѣсъ учебныхъ часовъ въ русской гимназій, знакомъ — обратное) ¹⁾.

¹⁾ Эти и слѣдующіе выводы относятся къ старому распредѣленію уроковъ въ нашихъ гимназійхъ, которыя нынѣ, какъ извѣстно, получили новую

1. Законъ Божій	—	3
2. Родной языкъ и литература	+	8
3. Латинскій языкъ	—	11
4. Греческій языкъ	—	4
5. Нѣмецкій языкъ	—	9
6. Математика	—	1
7. Естественныя науки и физика	—	7
8. Исторія и географія	—	2
9. Философская пропедевтика	—	4

Слѣдовательно, недѣльнаго труда на долю гимназиста чешской гимназiи приходится тридцатью тремя часами болѣе, чѣмъ на долю русскаго гимназиста. Чтобъ установить полное отношеніе, необходимо изъ этого числа выключить 27 уроковъ, то-есть, курсъ VIII-го класса, не существующаго у насъ. Получается все-таки шесть часовъ перевѣса на сторонѣ чешской гимназiи. Итакъ, гимназистъ чешской гимназiи, сравнительно съ гимназистомъ русскою, трудится въ заведеніи ежедневно однимъ часомъ болѣе. Почти такое же отношеніе существуетъ и между другими гимназіями Австріи, съ одной стороны, и нашими—съ другой. Замѣтимъ при этомъ, что тамъ сочиненія и вообще домашнія письменныя работы даются ученикамъ гораздо чаще, чѣмъ у насъ, и что по классическимъ языкамъ требуется не только словесное, но и письменное изложеніе переводовъ. Понятно, послѣ этого, что трудъ учениковъ нашихъ гимназій не великъ сравнительно съ трудомъ гимназистовъ на западѣ (извѣстно, что и въ Германіи ученики работаютъ не менѣе австрійскихъ). Едва-ли поэтому правы тѣ сердобольные русскіе педагоги, которые съ появленія устава нашихъ гимназій 1864 года не перестаютъ повторять, что ученики у насъ завалены работой до изнеможенія.

Объемъ преподаванія обязательныхъ учебныхъ предметовъ въ каждомъ классѣ Старо-городской Пражской гимназiи можно видѣть изъ слѣдующей программы.

1. *Законъ Божій*: церковные обряды, священная исторія (въ четырехъ первыхъ классахъ), катихизисъ (V, VI, VII классы), церковная исторія VIII классъ).

2. *Чешскій языкъ* (см. ниже).

организацию, а потому приводимые авторомъ выводы, хотя и не имѣютъ уже интереса современности, но служатъ подтвержденіемъ необходимости и цѣлесообразности предпринятаго и совершеннаго нынѣ преобразованія нашихъ гимназій. *Ред.*

3. *Латинскій языкъ*: грамматика заканчивается къ концу втораго года; съ II-го класса чтеніе классиковъ: Корнелій Непотъ (III классъ); Цезарь—De bello gallico, Овидій (IV), Титъ Ливій и Овидій (V), Саллюстій, Цицеронъ и Вергилій (VI), Вергилій и Цицеронъ (VII), Тацитъ и Горацій (VIII). Сочиненія на латинскомъ языкѣ, переводы (письменные) съ чешскаго на латинскій и наоборотъ.

4. *Греческій языкъ*: грамматика въ III-мъ и IV-мъ классахъ, съ V-го чтеніе классиковъ: Ксенофонтъ, Гомеръ—Илиада (V), Геродотъ, Гомеръ—Жлиада (VI), Демосеенъ, Гомеръ—Одиссея (VII), Платонъ и Софокль (VIII).

5. *Географія*—во всѣхъ классахъ, кромѣ первой, соединена съ исторіей: географическіе очерки той страны, исторію которой она проходитъ.

6. *Исторія* преподается концентрически—въ два періода: первый отъ II-го класса до V-го, второй отъ V-го до VIII-го включительно. Дважды проходитъ и статистика Австрій (въ IV и VIII). Въ высшихъ классахъ преподаваніе исторіи распредѣляется такъ: V-й классъ: древняя исторія; VI-й: первое полугодіе — древняя (окончаніе), второе — средняя; VII-й: первое полугодіе средняя (окончаніе), второе—новая; VIII-й: новая исторія (окончаніе) ¹).

7. *Математика*: ариметика (I и II кл.), геометрія (III и IV кл.; начальныя понятія уже во 2-мъ полугодіи II-го класса), алгебра (III—VII кл.), аналитическая геометрія (VII), логарифмы (VI), тригонометрія (VII); VIII классъ назначается для повторенія и практическихъ упражненій.

8. *Философская преедестика*: логика (VII кл.), психологія (VIII кл.).

9. *Естественныя науки и физика* проходятся концентрически въ два періода: 1-й—отъ I-го до V-го класса, 2-й—отъ V-го до VIII-го. Въ первомъ періодѣ: зоологія, ботаника, минералогія и физика (III и IV кл.); во второмъ: зоологія, ботаника, минералогія, съ палеонтологіей геогнозія и физика (VII и VIII кл.).

Не привожу здѣсь программы нѣмецкаго языка, такъ какъ программа эта не отличается постоянствомъ; что же касается до преподаванія чешскаго языка и литературы, то прежде всего сообщу мои непосредственныя наблюденія на урокахъ по этимъ предметамъ въ Пражскихъ гимназіяхъ. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ уроковъ, на которыхъ я присутствовалъ:

Въ I-мъ классѣ реальной гимназіи, при моемъ посѣщеніи ея, урокъ шелъ въ такомъ порядкѣ. Одинъ изъ учениковъ прочелъ въ слухъ, изъ христоматіи (čítanka) Иречки, громко и внятно, небольшую статью легкаго повѣствовательнаго содержанія; всѣ остальные ученики слѣдили за чтеніемъ по книгамъ. Послѣ пересказа прочитаннаго, довольно толково сдѣланнаго читавшимъ мальчикомъ, учитель предложилъ нѣсколько вопросовъ съ цѣлію выяснить всѣ частности прочи-

¹) Преподаваніе новѣйшаго періода исторіи должно бить закончено тѣми событиями, которыми не стоятъ въ тѣсной связи съ событіями дня (Tagesgeschichte). Normalien Nachschlogebuch für Direktoren und Lehrer. 93 стр. Исторія Чехіи, какъ отдѣльный предметъ, не преподается.

танной статьи; затѣмъ все остальное время урока (около $\frac{3}{4}$ часа) было посвящено грамматическимъ упражненіямъ. Разобрано было лишь два изъ предложеній, входившихъ въ прочитанную статью. Вотъ нѣкоторые сдѣланные при этомъ учителемъ вопросы: Гдѣ главное и гдѣ придаточное предложенія? Какъ они связаны между собою? Части предложенія? Къ какой части рѣчи относится подлежащее главнаго предложенія? Склоняйте это слово. Итакъ, въ род. падежѣ множ. ч. нѣкоторыя слова имѣютъ вставное *e* (*matka—matek*); а не знаете ли еще словъ, которыя бы склонялись такъ же? Наоборотъ, какія слова опускаютъ *e*? (*otec—otce* и т. п.). Между словами этого предложенія есть иностранное слово,—найдите его. Какъ склоняются въ чешскомъ языкѣ иностранныя слова? Назовите въ этомъ предложеніи прилагательное имя. Какое это прилагательное—опредѣленное или неопредѣленное? Чѣмъ тѣ и другія между собою различаются? Склоняйте это мѣстоименіе. Къ какой части рѣчи относится сказуемое этого предложенія? Какого залога этотъ глаголъ? Чѣмъ различаются глаголы дѣйствительнаго залога отъ глаголовъ средняго? Въ этомъ предложеніи сказуемое дѣйствительнаго залога; превратите дѣйствительный залогъ въ страдательный — какъ измѣнится тогда предложеніе? На всѣ эти и подобныя вопросы отвѣты учениковъ, въ большей части случаевъ, были удовлетворительны.

Изъ приведеннаго урока ясно, что главное вниманіе преподавателя было обращено на грамматическія упражненія. Въ Чехіи, вообще, какъ я замѣтилъ, не думаютъ, чтобъ учитель роднаго языка *по преимуществу* долженъ былъ заботиться о развитіи учениковъ: онъ не вноситъ въ свои объясненія того, что предмета его непосредственно не касается, и не упускаетъ, такимъ образомъ, изъ виду своей задачи: въ младшихъ классахъ — научить учениковъ правильному письму и чтенію, этимологическимъ формамъ и синтаксическимъ правиламъ языка; въ старшихъ — уяснить имъ звуковыя законы языка и значеніе тѣхъ литературныхъ произведеній, которыя введены въ учебный курсъ. Такое сосредоточеніе вниманія учениковъ, даже младшихъ классовъ, по преимуществу на грамматику, конечно, сообщаетъ урокамъ нѣкоторую сухость, но чешскіе педагоги видимо держатся того убѣжденія, что учиться шутя—нельзя. Гдѣ ученикъ I-го класса восемь часовъ въ недѣлю бываетъ занятъ по латинскому языку, тамъ, естественно, не пугаются и того, что мальчишъ, безъ всякаго развлеченія, допускаемаго у насъ нерѣдко учителемъ роднаго языка (побочныя вопросы

касательно матеріала прочитаннаго), сосредоточить свое вниманіе на серьезной, но вполне для него доступной работѣ.

Что такой характеръ урока вовсе не есть дѣло случайности, обусловливаемое личнымъ взглядомъ даннаго преподавателя, въ томъ убѣдиди меня мои дальѣйшія наблюденія. Приводимъ еще слышанный нами урокъ во II-мъ классѣ Старо-городской гимназіи.

Большая часть урока занята была разборомъ одного небольшого предложенія изъ прочитанной статьи „Themistokles“ (Citanka Čilakovského, стр. 65): „Themistokles byl ctivy a moudry spravec v Athenach“. Для синтаксиса такое предложеніе давало мало работы и преподаватель почти весь урокъ занимался этимологическимъ разборомъ. Съ особеннымъ вниманіемъ остановился онъ на словѣ „spravec“. Значеніе его? Какъ по-латыни? Составъ слова? Предлогъ въ началѣ (s = съ) — какииъ падежемъ управляетъ? Какіе предлоги соотвѣтствуютъ ему въ латинскомъ? Значеніе этого предлога (общность, равенство, сверху внизъ). Значеніе предлоговъ при глаголахъ и т. п.

Преподаватель — старикъ, но тѣмъ же характеромъ отличаются и уроки молодыхъ педагоговъ.

На урокъ чешскаго языка во II-мъ классѣ реальной гимназіи прочитано было изъ христоматіи Челяковскаго же небольшое стихотвореніе. Послѣ связнаго пересказа прочитаннаго и нѣсколькихъ вопросовъ касательно содержанія прочитанной статьи, шелъ синтаксическій разборъ, ограничившійся лишь однимъ предложеніемъ. И здѣсь главное вниманіе обращено было на этимологию. Къ удивленію моему, ученики оказались уже нѣсколько знакомыми съ старо-чешскимъ языкомъ и нѣкоторыми звуковыми законами (перегласованіе, возвышеніе, ассимиляція и т. п.). Нѣкоторые изъ вопросовъ: Къ какому классу принадлежитъ этотъ глаголъ? Какое знаете существительное имя того же корня? Какъ это слово въ старо-чешскомъ? Чтò значитъ новая форма этого слова; какой законъ дѣйствовалъ при такомъ измѣненіи его? Какія знаете еще слова того же корня? и т. п. Входили въ урокъ и сравненія; voliti—латинское volo, tolik—русское только и т. п.

Сравненія, замѣчу вообще, составляютъ необходимую принадлежность урока по какому бы то ни было языку въ чешскихъ гимназіяхъ. Понятна вся важность такого приѣма въ педагогическомъ отношеніи: съ одной стороны, для ученика открывается такимъ путемъ сходство между изучаемыми имъ языками; съ другой — выясняются особенности каждаго изъ этихъ языковъ. Само собою разумѣется, что тактъ преподавателя долженъ указать ему разумную мѣру въ такихъ упра-

женіяхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ, конечно, не должны въ гимназіи переходить въ сравнительную филологію. Нельзя не пожелать, чтобы такой пріемъ изученія языковъ нашелъ себѣ мѣсто въ нашихъ гимназіяхъ. Развитіе его въ гимназіяхъ чешскихъ я объясняю, кромѣ взгляда преподавателей на дѣло, еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ большей части случаевъ, одно и то же лицо въ одномъ и томъ же классѣ преподаетъ два и даже три языка (латинскій и греческій; чешскій, нѣмецкій и латинскій). При отсутствіи той изолированности предметовъ, какая существуетъ у насъ, здѣсь для каждаго преподавателя въ одинаковой степени интересны и важны успѣхи учениковъ по каждому изъ предметовъ, которые ему поручены. Мнѣ всегда казалось, что соединеніе нѣсколькихъ предметовъ въ рукахъ одного преподавателя раздробляетъ его силы и потому можетъ быть только вредно въ педагогическомъ отношеніи. Непосредственное же знакомство съ чешскими учебными заведениями убѣдило меня, что въ такомъ соединеніи предметовъ есть своя важная и хорошая сторона. Въ чешскихъ гимназіяхъ урокъ по данному предмету не есть урокъ *исключительно*, а только *по преимуществу* по этому предмету; во время урока преподаватель непременно найдетъ случай не разъ коснуться и другихъ предметовъ, которые онъ преподаетъ въ томъ же классѣ. Такъ на урокъ латинскаго языка во II-мъ классѣ реальной гимназіи прочитанный отрывокъ изъ латинской хрестоматіи вызвалъ со стороны преподавателя рядъ замѣчаній и вопросовъ историко-географическихъ; дѣлались, при случаѣ, замѣчанія и о нравахъ, обстановкѣ и образѣ жизни древнихъ. Встрѣтилось, напримеръ, слово „triclinium“; преподаватель нарисовалъ triclinium на классной доскѣ и объяснилъ, какъ древніе Греки и Римляне сидѣли за обѣдомъ. Такого рода объясненія, поддерживая вниманіе учениковъ, серьезно занимая ихъ, въ то же время даютъ имъ полезныя свѣдѣнія. Думаю, что *восемь* часовъ занятій по латинскому языку во II-мъ классѣ гимназіи для мальчика-Чеха далеко не должны быть такъ тяжелы и утомительны, при такихъ пріемахъ преподаванія, какъ *мать* часовъ по тому же предмету въ нашихъ гимназіяхъ, гдѣ учитель, въ большей части случаевъ, кромѣ грамматическихъ правилъ, исключеній и сухихъ, не рѣдко пустыхъ фразъ, напечатанныхъ въ руководствахъ, знать ничего не хочетъ. Поэтому какъ жалки и ничтожны въ нашихъ гимназіяхъ результаты обученія классическимъ языкамъ сравнительно съ результатами, получаемыми въ гимназіяхъ Чехіи, гдѣ къ концу втораго года ученики

уже кончают изученіе латинской грамматики. При мнѣ во II-мъ классѣ предлагались вопросы по всей грамматикѣ и ученики въ большей части случаевъ отвѣчали весьма удовлетворительно. Фразы, сказанныя преподавателемъ по-чешски, ученики переводили, безъ предварительной подготовки, полатыни. Этимъ объясняется и то, что въ старшихъ классахъ чешскихъ гимназій цѣлью изученія этого предмета уставъ нашель возможнымъ поставить — знаніе римской литературы въ ея важнѣйшихъ явленіяхъ и римской государственной жизни ¹⁾).

Еще примѣръ солидарности между предметами и въ то же время основательности изученія латинскаго языка. Въ томъ же II-мъ классѣ реальной гимназій ученики на урокъ нѣмецкаго языка при мнѣ переводили на нѣмецкій съ латинскаго. Прочитанный и переведенный съ латинскаго на нѣмецкій отрывокъ одинъ изъ учениковъ пересказалъ потомъ своими словами по-латыни. Правда, то былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, но все же ученикъ втораго класса (и притомъ реальной гимназій), а многіе ли изъ нашихъ учениковъ VI и VII-го классовъ гимназій въ состояніи сдѣлать то же?

Приводимъ содержаніе двухъ уроковъ чешскаго языка въ III-мъ классѣ реальной гимназій. Вотъ содержаніе перваго урока:

Долгіе гласныя звуки въ чешскомъ языкѣ. Двѣ причины ихъ образованія—возвышеніе и стаженіе. Примѣры того и другаго. Когда бываетъ послѣднее? (При выпущеніи одной изъ двухъ гласныхъ, раздѣленныхъ звукомъ йотъ: lajati—lâti). Которая гласная выпускается — первая или вторая? (Это уяснено было для учениковъ сопоставленіемъ примѣровъ: lajati—lâti и vojati—bâti).

Всѣ эти общія объясненія производились чередуясь то и дѣло съ вопросами, и сопровождаясь примѣрами. При встрѣчѣ, напримеръ, слова: *čisti* — обращено вниманіе на *i* изъ *e* и на *s* изъ *t*; ученики должны были привести рядъ аналогичныхъ примѣровъ. *biti* — *vaj*, *giti*—*goj* послужило для уясненія отношенія звуковъ *i* къ *oj*. Аналогія изъ другаго порядка звуковъ: *u*—*ou*: *slu*—*slovo*; *ostrov*—*sr.* корень *sgu* съ греческимъ *ρω*, лат. *quo*, нѣм. *geppen* и т. п.

На второмъ урокѣ шелъ синтаксическій разборъ нѣкоторыхъ предложеній прочитаннаго стихотворенія, разбиралась этимологія словъ, встрѣтившихся въ разобранныхъ синтаксически предложеніяхъ. *Znati*—сравнивалось съ лат. *co-gno-sc-o*, греч. *γιν-ωσκ-ω*. Это сравненіе дало

¹⁾ Norm. Nachschlogebuch, стр. 120.

поводъ къ вопросамъ о смягченіи гортанныхъ въ чешскомъ языкѣ, о предлогахъ въ соединеніи съ глаголами, о значеніи звуковыхъ сочетаній *sc, ox*—въ латинскомъ и греческомъ. Примѣры удвоеннаго корня въ славянскихъ языкахъ: гла-гол-а-ти (слово того же корня, не представляющее удвоенія: гла-съ), *pla-pol-a-ti* отъ корня *pal* (ср. нѣм. *Flamme*). Примѣры удвоенныхъ корней въ латинскомъ языкѣ (*fur-fur, tur-tur, bar-bar*). Встрѣтившаяся при разборѣ причастная форма (дѣйствительнаго залога настоящаго времени) подала поводъ къ сравненію славянскихъ причастій съ причастіями родственныхъ (изучаемыхъ въ гимназій) языковъ: *ου, ουτις* = *ans, antis* (*ens, entis*) = *end, and*. Указано было на остатокъ въ нѣмецкомъ языкѣ древней причастной формы *and* въ словѣ *Heiland*.

Содержаніе этихъ двухъ уроковъ въ III-мъ классѣ реальной гимназій не приведено здѣсь мною во всей полнотѣ, но сказаннаго достаточно, чтобы судить о степени серьезности занятій. Большая часть связаннаго на этихъ урокахъ преподавателемъ было только напомнимъ прежде пройденнаго. Новы были не правила, а лишь примѣры. Да и эти послѣдніе предлагались преподавателемъ лишь тогда, когда ученики не въ состояніи были подыскать ихъ сами. Уроки отличались необыкновенною живостью. Учитель объяснялъ, спрашивая, и спрашивалъ, объясняя. Почти всѣ ученики многочисленнаго класса должны были въ продолженіе урока принять непосредственное участіе въ работѣ ¹⁾.

Грамматическія свѣдѣнія, которыя ученики чешскихъ гимназій выносятъ изъ первыхъ трехъ классовъ, являются естественнымъ результатомъ практическихъ занятій.

Распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ представляется въ

¹⁾ Слушая не безъ удивленія отчетливые отвѣты учениковъ *третьяго* класса на приведенные выше вопросы, я не могъ не припомнить, что у насъ многіе считаютъ подобнаго рода занятія по родному языку излишними *даже для высшихъ* классовъ; что у насъ предлагается иногда нѣкоторыми, *назавось-бы* компетентными въ этомъ дѣлѣ, людьми—ограничить занятія по старо-славянской грамматикѣ въ IV-мъ и V-мъ классахъ изученіемъ однихъ лишь формъ склоненія и спряженія. Вообще одинъ изъ важныхъ недостатковъ многихъ изъ нашихъ педагоговъ—это боязнь дать ученику младшихъ или даже среднихъ классовъ серьезную работу. Страхъ напрасный: не то утомляетъ ученика, что серьезно по самой своей сущности, а лишь то, что воспринимается имъ безъ участія мысли. Звуковые законы языка отличаются точностію и упражненіе надъ ними учениковъ можетъ имѣть только благотворное вліяніе на развитіе ихъ мыслительной способности.

такомъ видѣ: I-й классъ: предложенеіе "простое; изъ этимологіи — имя и общія понятія о другихъ частяхъ рѣчи ¹⁾). II-й классъ: предложенеіе сложное (главное и придаточное); синтаксисъ именъ; изъ этимологіи — глаголь. III-й классъ: окончаніе ученія о подчиненіи предложеній, періоды, синтаксисъ глагола. Ученіе о звукахъ.

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ уроковъ въ Пражскихъ гимназіяхъ видно, что учителя, не стѣсняясь рамками программы, успѣваютъ въ теченіе года сдѣлать больше, чѣмъ ею требуется.

Письменными работами для учениковъ первыхъ трехъ классовъ служатъ: въ I-мъ и II-мъ классахъ-пересказъ слышаннаго въ классѣ. составленіе предложеній; въ III-мъ классѣ-сочиненія по готовому плану (описанія, сравненія). Письменные работы представляются учениками черезъ каждыя двѣ недѣли. Въ сочиненіяхъ учениковъ даже низшихъ классовъ нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ, какія такъ обычны въ письменныхъ работахъ нашихъ учениковъ даже среднихъ классовъ. Это объясняется, впрочемъ, не только частою практикой, но и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что чешское правописаніе не представляетъ такихъ трудностей, какъ наше.

Съ V-го класса начинается преподаваніе исторической грамматики и исторіи литературы. IV-й, какъ и у насъ, составляетъ переходъ отъ низшихъ классовъ къ высшимъ: въ немъ заканчивается грамматика (образованіе словъ—суффиксы) и преподаются основанія словесности (начатки стилистики и версификаціи). Что касается письменныхъ работъ, то ученики этого класса упражняются по преимуществу въ сочиненіяхъ практическаго, дѣловаго характера (квитанціи, росписки, благодарственные письма и т. п.).

¹⁾ Считаю не лишнимъ замѣтить здѣсь, что ученики вступаютъ въ гимназію уже съ нѣкоторыми грамматическими свѣдѣніями. Умѣстно будетъ при этомъ указать на одинъ важный пунктъ устава австрійскихъ гимназій, которымъ опредѣляется отношеніе роднаго языка къ чужимъ, изучаемымъ въ гимназіи: «Грамматическія правила, общія языкамъ, изучаемымъ въ гимназіи, должны быть развиты исключительно черезъ отечественный языкъ и на отечественномъ языкѣ. Поэтому *грамматическое обученіе отечественному языку должно идти впередъ, по крайней мѣрѣ, на одинъ семестръ обученія латинскому языку.* Необходимо поэтому, чтобы вступающіе въ I-й классъ ученики приносили съ собою знаніе простыхъ распространенныхъ предложеній и могли, такимъ образомъ, на урокахъ отечественнаго языка заниматься предложеніями сложными въ то время, какъ на урокахъ латинскаго языка ихъ упражняютъ въ предложеніяхъ простыхъ» (Norm. Nachschlagebuch, стр. 159). Термины грамматическіе при изученіи обоихъ языковъ должны быть одни и тѣ же (ib).

На посѣщенномъ мною урокѣ чешскаго языка въ IV-мъ классѣ Старо-городской гимназіи ученики занимались версификаціей¹⁾: скандировали при чтеніи и письмѣ. Потомъ предложены были двумъ изъ нихъ вопросы касательно практическихъ, или дѣловыхъ бумагъ, а одинъ написалъ на доскѣ по всей формѣ ѹсет (счетъ). Странно было видѣть, на урокѣ отечественнаго языка, поставленнаго на классной доскѣ цифры и затѣмъ подведенный итогъ. Другой ученикъ писалъ просительное письмо въ такомъ родѣ: „Urozený pane! (благородный господинъ) Я давно уже и много слышалъ о вашей добротѣ, въ особенности проявляющейся относительно учащейся молодежи. Теперь обстоятельства заставляютъ меня беспокоить васъ моею просьбою. Мой отецъ....“ и т. д.

Безполезность (и даже вредность, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ напрасной траты времени) такого рода упражненій понятна сама по себѣ. Наши педагоги давно уже высказались противъ сочиненій въ смыслѣ дѣловыхъ бумагъ. Напомню здѣсь совершенно справедливое мнѣніе профессора Буслаева: „Гимназія, говоритъ онъ, должна образовывать въ ученикѣ *умнье, способность*; примѣненіе же остается на удѣлъ самой жизни: школа никакъ не можетъ предупредить всѣхъ случаевъ, въ коихъ понадобится ученику писать о томъ или другомъ“ (О преп. отеч. языка, изд. 2-е, стр. 163). Можно прибавить къ этому, что школа и не должна заходить далеко въ интересы жизни. Странно, что такого рода упражненія держатся до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ такихъ странъ, какъ Чехія и Германія²⁾.

На урокахъ IV-го класса реальной гимназіи, на которыхъ я присутствовалъ, занимались по преимуществу просодіей и декламацией выученныхъ стихотвореній (упражненія въ декламации считаются необходимыми; уже изъ низшихъ классовъ ученикъ долженъ вынести не только умѣнье правильно читать, но и умѣнье отгнѣнить мысли читаемаго при словесномъ выраженіи ихъ). При разборѣ стихотвореній, по преимуществу отрывковъ изъ Краледворской рукописи, выяснено было различіе поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій со стороны формы и содержанія.

¹⁾ На этотъ отдѣлъ въ чешскихъ гимназіяхъ обращено гораздо больше вниманія, чѣмъ у насъ. Впрочемъ, лучшіе преподаватели въ Прагѣ думаютъ, согласно съ нашими, что подробное изученіе всѣхъ стопъ — бесполезная трата времени.

²⁾ Нѣкоторые изъ чешскихъ педагоговъ высказывались противъ обученія составленію дѣловыхъ бумагъ въ гимназическомъ курсѣ, но многіе стояли и стоятъ за это, признавая за нимъ пользу и необходимость.

Что касается до преподаванія *отечественной литературы* въ Пражскихъ гимназіяхъ, то изъ непосредственныхъ наблюденій я не могъ себѣ составить полнаго понятія о ходѣ этого предмета, такъ какъ я посѣщалъ уроки въ самомъ концѣ учебнаго года, когда преподаватели или подводили, такъ сказать, итоги того, что было уже ими сдѣлано (напоминали, дополняли, округляли пройденное), или повторяли курсъ.

Однако же, наблюдая за преподаваніемъ этого предмета, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) преподаваніе литературы въ чешскихъ гимназіяхъ, какъ и у насъ, не отличается тою строгою выработанностью, какъ преподаваніе языка; 2) при преподаваніи этого предмета обращается особенное вниманіе на Зеленогорскую и Краледворскую рукописи; 3) преподаватели литературы заботятся всего болѣе о томъ, чтобы дать ученикамъ серіозныя фактическія и теоретическія свѣдѣнія.

Послѣднее замѣчаніе мое можетъ показаться страннымъ, такъ какъ учитель какого бы то ни было предмета долженъ быть озабоченъ тѣмъ же; но я дѣлаю это замѣчаніе, имѣя въ виду то, что многіе преподаватели словесности у насъ ставятъ для себя главною цѣлью заботу вообще о развитіи учениковъ: пробужденіе въ нихъ мысли, развитіе нравственнаго и эстетическаго чувства и т. под. Задачи эти, конечно, важны, но достиженіе ихъ можетъ быть результатомъ лишь совокупной дѣятельности всѣхъ преподавателей. Съ именемъ учителя словесности у многихъ до сихъ поръ еще неразлучно у насъ представленіе о краснорѣчій, которымъ онъ долженъ дѣйствовать на учащихся. Такого стремленія къ краснорѣчію у преподавателей этого предмета въ Пражскихъ гимназіяхъ я не замѣтилъ. Я не слышалъ тамъ ни одной краснорѣчивой монологической лекціи. Ученики на урокахъ словесности заняты были работою, отвѣтами: учитель—вопросами и объясненіями, чуждыми особеннаго жара и пафоса. Такой, по крайней мѣрѣ, характеръ имѣли всѣ тѣ уроки, на которыхъ я присутствовалъ. Возможно, что такой характеръ имѣли они и потому, что тогда былъ уже, какъ сказалъ я, конецъ учебнаго года и новаго матеріала не предлагалось и не перерабатывалось. Но зная, на сколько Чехи чужды стремленія къ блестящимъ въ какомъ бы то ни было родѣ, зная характеръ школы ихъ, въ которыхъ стоитъ на первомъ планѣ положительное знаніе, я почти готовъ утверждать, что такой характеръ имѣютъ уроки по этому предмету, если не исключительно, то по преимуществу и въ теченіе всего академиче-

скаго года. Если же это такъ, то, разумѣется, предметъ выигрываетъ со стороны полноты содержанія, а ученики со стороны фактическихъ свѣдѣній, хотя справедливо, конечно, и то, что сильное живое слово можетъ имѣть на учащуюся молодежь свое благотвительное вліяніе.

Объемъ преподаванія отечественной литературы не опредѣленъ такъ строго, какъ другихъ предметовъ. Методъ изученія — тотъ же, что и установившійся у насъ въ послѣдніе годы: словесность изучается не теоретически, а практически; теоретическія знанія учениковъ являются результатомъ класснаго разбора образцовыхъ произведеній. Такимъ путемъ знакомятся ученики съ теоріей въ IV-мъ и V-мъ классахъ; въ послѣднемъ, впрочемъ, начинается уже и систематическій курсъ литературы, преподаваніе которой по классамъ распредѣлено такъ:

V-й — старо-чешская литература; VI-й — средніе вѣка; VII-й — новый періодъ (начало); VIII-й — новый періодъ (окончаніе) и общій обзоръ исторіи литературы.

Сочиненія ученики пишутъ въ V-мъ и VI-мъ черезъ каждыя двѣ недѣли, въ VII-мъ — черезъ двѣ и три, въ VIII-мъ — разъ въ мѣсяць. Занятія древне-чешскимъ языкомъ въ старшихъ классахъ не прерываются ¹⁾.

На посвѣщенномъ мною урокѣ *по словесности* въ V-мъ классѣ Старо-городской гимназіи почти половину урока преподаватель диктовалъ ученикамъ о значеніи Краледворской рукописи. Эта диктовка была формулировкой тѣхъ замѣчаній, которыя сдѣланы были уже прежде при чтеніи и разборѣ памятника. Говоря о значеніи Краледворской рукописи, какъ литературнаго произведенія, преподаватель указалъ и на то возбужденіе, которое находка его вызвала въ чешскомъ народѣ и чешской литературѣ. Затѣмъ были поименованы имъ лучшія изданія и переводы на другіе языки. Указаны были недостатки изданія Ганки. Сказавъ о скептикахъ по отношенію къ Краледворской рукописи и о защитѣ ея подлинности (Иречки), преподаватель назвалъ, въ заключеніе, нѣсколько статей объ этомъ памятникѣ (Иречки, Небеснаго), въ которыхъ и совѣтовалъ ученикамъ обратиться, какъ къ дополненію его лекціи.

Изложеніе было не непрерывное; нерѣдко преподаватель обра-

¹⁾ Учебникомъ по древнему языку служатъ «Staročeská mluvnice D-ra Květa». Прага. 1860. 124 стр., in 8°. Какъ пособіе употребляется трудъ профессора Прагскаго университета Hattal'ы «Srovnávací mluvnice jazyka českého a slavenského». Прага. 1857. 330 стр., in 8°. Первая составлена по основамъ повѣдней.

щались къ ученикамъ съ вопросами касательно содержанія памятника, въ особенности со стороны мнѣологической („Verna“ и „Morana“. При объясненіи послѣдняго слова было указано на обычай нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ и Русскихъ).

По окончаніи диктовки, читали стихотвореніе изъ Краледворской рукописи „Rbže“. Чтенію предшествовали вопросы о различіи народной поэзіи отъ искусственной (по Эрбену); опредѣлено было соотвѣтствіе начальнаго образа съ содержаніемъ стихотворенія, уяснены поэтическія частности. Обращено было вниманіе при чтеніи и на языкъ со стороны лексической: *doždati* — *dočkati*; со стороны формъ: *sěděch* и т. п. При чтеніи и изученіи этого памятника ученики пользуются прекраснымъ изданіемъ Коржинка (Kořinek. *Rukopis Zelenohorský a Kralodvorský*), заключающемъ въ себѣ текстъ памятника съ историческими и филологическими замѣчаніями.

На такомъ же урокѣ въ V-мъ классѣ реальной гимназій въ началѣ ученики занимались декламаціей выученныхъ отрывковъ изъ Кг. Рук.; потомъ читали изъ этого сборника поэму „Cestmir k Voelav“. Расчлененіе этого стихотворенія, поэтическіе обороты. Главное вниманіе при чтеніи обращено было на языкъ. Выраженіе: „*Mořena jes sůraše v noe ěpni*“. Различныя толкованія и написанія слова „*sůraše*“ въ изданіяхъ Краледворской рукописи (*siraše*, *suřaše*, *široše*). Рѣшено было, что наиболѣе правильная форма *siraše* (съ тѣмъ я не могъ согласиться: въ старо-славянскомъ не *съпати*, а *спати*).

За исключеніемъ этихъ двухъ уроковъ, все остальное, что слышала я по этому предмету въ старшихъ классахъ Старо-городской гимназій, скорѣе можетъ быть названо репетіціями, чѣмъ уроками. Не считаю нужнымъ воспроизводить здѣсь всѣхъ отрывочныхъ вопросовъ, предлагавшихся на этихъ урокахъ по всему предмету: цѣль ихъ видимо была — провѣрка знанія учениковъ, а не сообщеніе имъ чего-либо новаго. Замѣчу только, что въ VII-мъ классѣ проведена была странная параллель между возрастами человѣческой жизни и родами поэтическихъ произведеній: дѣтству будто бы соотвѣтствуетъ эпосъ, юности — лирика и мужеству — драма.... Странно было также слышать, что въ VI-мъ классѣ ученики, перечисляя виды лирическихъ произведеній, называли и такіе стихотворные фокусы, какъ рондо, триолеть и т. п. Методъ преподаванія этого предмета тотъ же, что и у насъ: ученики не изучаютъ исторіи литературы строго-научно (исключеніе составляютъ такіе памятники, какъ Зеленогорская и Кра-

ледворская рукописи); но знакомятся по христоматіи ¹⁾ съ важнѣйшими произведеніями важнѣйшихъ писателей; въ концѣ курса, въ VIII-мъ классѣ, полагается общій обзоръ исторіи литературы, какъ пополненіе пробѣловъ, получившихся при изученіи предмета по такому методу.

Въ VIII-мъ классѣ я не могъ быть вовсе на урокахъ: когда я посѣщалъ лекціи въ Пражскихъ гимназіяхъ, ученики этого класса были уже уволены отъ уроковъ, по случаю наступившихъ выпускныхъ экзаменовъ.

Выпускные экзамены (maturitni zkaušai, Maturitäts-Prüfung) производились въ Старо-городской гимназіи. Я былъ на двухъ: по латинскому и вмѣстѣ греческому языкамъ и по чешскому языку и литературѣ. На сколько показались мнѣ строги требованія экзаменаторовъ по первымъ двумъ предметамъ, на столько слабы по вторымъ. Болѣе часу экзаменовали при мнѣ двухъ (одновременно) молодыхъ людей по латинскому языку, и когда я оставилъ залу засѣданія, экзаменъ не былъ еще оконченъ; испытаніе же изъ роднаго языка и

¹⁾ Христоматіей для старшихъ классовъ служатъ три книги Антологіи Иречка: въ первой — древній, во второй — средній, въ третьей — новый періодъ литературы. Составъ книгъ такой: въ началѣ каждой — краткій (на 15—20-и страничкахъ) очеркъ литературы того періода, отрывками произведеденій котораго наполнена книга; затѣмъ идетъ собственно христоматія. Отрывки распределены не по родамъ произведенія, а въ исторической послѣдовательности дѣятельности писателей. При имени каждаго писателя предлагаются краткія біографическія замѣтки о немъ. Отрывковъ множество, но всѣ они краткіе — страница или двѣ. Польза отъ такихъ христоматій на мой взглядъ болѣе чѣмъ сомнительна. Дробность отрывковъ, ихъ огромное количество, краткія сухія характеристики, — едва ли могутъ способствовать къ тому, чтобы у ученика сложилось сколько-нибудь ясное представленіе о дѣятельности того или другаго писателя. На 300 страничкахъ антологіи изъ новаго періода литературы («Anthologio z novočeské literatury. Za čítanku pro vyučii gymnasia vertavil Jozef Jireček. Svazek III. V Praze 1865. 8°. XX + 303») приведено изъ *сорока трехъ* писателей до *полустора* отрывковъ въ стихахъ и прозѣ. Выборъ отрывковъ далеко не всегда можно назвать удачнымъ. Книга составлена въ правительственномъ духѣ. Между стихотвореніями, напримѣръ, Юнгмана составитель счелъ нужнымъ помѣстить оду «ke dni štěstí letého ranování S. M. Císaře v krale Františka I.». Изъ соч. Гавличка вѣтъ ни одной строки. Еще болѣе странно, что ни строки же вѣтъ и изъ соч. Нѣмцовой. Характеристики писателей краткія и поверхностны. Біографическія свѣдѣнія имѣютъ характеръ послужныхъ списковъ. Вотъ образецъ: «Císař Ferdinand ozdobil jej (Юнгмана) l. 1839 rytířským křížem řadu Leopoldova, a l. 1847 jmenovati račil řadným členem nové založené cis. akad. nauk».

литературы не продолжались болѣе четверти часа для каждаго изъ экзаменующихъся. Вопросы ставились на столько легкіе, что порядочный ученикъ среднихъ классовъ могъ бы безъ затрудненія отвѣтить на нихъ. Вотъ полное перечисленіе вопросовъ, составившихъ содержаніе испытанія двухъ изъ экзаменующихъся:

а) *По языку*: корень слова smgt'. — Возвышеніе зв. г и і. — Смягченіе согласныхъ. — Глаголы съ темою на согласный звукъ. — Корни словъ upaviti и otrok (будто бы от + gok).

По литературѣ: Что называется элегіей? — Какъ является элегическое чувство? — Форма элегіи у древнихъ. — Древніе чешскіе романы. Содержаніе ихъ. — Что такое романъ („романъ есть эпическое произведеніе, въ которомъ изображается столкновеніе героя съ непріязненными обстоятельствами“). — Раздѣленіе романовъ. — Дѣятельность писателей времени возрожденія. — Біографическія свѣдѣнія о Палацкомъ, Добровскимъ и Юнгманъ. — Различіе пѣсни народной и художественной. — Можетъ ли художественное произведеніе сдѣлаться народнымъ (отвѣтъ утвердительный). — Особенности славянскихъ пѣсней вообще. Особенности чешскихъ пѣсней.“

Такая легкость вопросовъ по родному языку и литературѣ тѣмъ болѣе удивила меня, что мнѣ было извѣстно уже, какъ солидно поставлены эти предметы въ гимназическомъ курсѣ чешскихъ гимназій. Единственное объясненіе, какое я могу въ этомъ случаѣ сдѣлать—это то, что болѣшая или меньшая трудность экзамена всегда обуславливается личностью экзаменатора. Экзаменъ производился (преподавателемъ трехъ старшихъ классовъ Старо-городской гимназій), разумѣется, на чешскомъ языкѣ.

Характеру образованія въ Чехіи соответствуетъ, какъ и быть должно, характеръ народа; трезвость мысли, упорство въ достиженіи цѣли, стойкость — это характерныя черты Чеха. Само собою разумѣется, не подъ вліяніемъ только школы, образованія и воспитанія слагается характеръ народа; но нѣтъ сомнѣнія, что на болѣшую или меньшую энергію, проявляемую въ жизни даннымъ народомъ, на направленіе народныхъ мыслей, симпатій и антипатій, школа также имѣетъ важное вліяніе. Это вліяніе, неустранимое нигдѣ, но у нѣкоторыхъ народовъ проявляющееся ограниченно въ количественномъ отношеніи, вслѣдствіе того, что огромныя массы народа воспитываются исключительно жизнію, безъ всякаго вліянія школы, — въ Чехіи должно быть признано особенно сильнымъ, такъ какъ въ этой странѣ нѣтъ безграмотныхъ, нѣтъ, слѣдовательно, такихъ, на которыхъ въ болѣшей или меньшей степени не вліяла бы школа. Въ Европѣ немного странъ, въ которыхъ образованіе было бы такъ сильно разлито по всей массѣ народа, какъ въ Чехіи. Даже небольшія села имѣютъ школу и чи-

тальню ¹⁾). Газета необходима здѣсь каждому, и горожанину и селянину.

Всего полнѣй характеръ школьнаго образованія вліяеть, конечно, на ту часть населенія, которая долѣе подвергается вліянію школы, — на такъ-называемую интеллигенцію страны. И дѣйствительно, двѣ наиболѣе характерныя черты чешской школы отразились и на характерѣ образованнаго класса Чехіи. Это положительная трезвость взгляда и крѣпость національныхъ началъ ²⁾). Метанія изъ стороны въ сторону безпочвенныхъ увлеченій либеральными идеями, какъ бы онѣ ни были привлекательны сами по себѣ, здѣсь нѣтъ, или являются чрезвычайно рѣдко, какъ исключенія. Какъ гражданинъ, Чехъ преслѣдуетъ въ жизни прежде всего ближайшія цѣли: благо чешской короны и чешскаго народа. Такъ въ жизни, такъ и въ наукѣ: прежде всего разработка своего и затѣмъ уже участіе въ общемъ.

Съ вопросами и стремленіями національными здѣсь тѣсно связаны вопросы и стремленія обще-славянскіе. Величайшая изъ славянскихъ народностей — русская — всего болѣе пользуется симпатіей Чеховъ ³⁾).

¹⁾ Народныя школы въ Чехіи устроены прекрасно. Я нѣкоторое время посѣждалъ въ Прагѣ одну изъ бесплатныхъ народныхъ школъ. Это образцовое въ своемъ родѣ заведеніе. Учитель — истинный мастеръ своего дѣла. Нашимъ инспекторамъ народныхъ училищъ, какъ руководителямъ народнаго образованія, было бы очень полезно непосредственное знакомство съ такого рода заведеніями.

²⁾ Чехъ съ школьною скамьи выноситъ основательное знаніе того, что касается его національности. Народныя начала въ среднемъ образованіи стали крѣпнуть и у насъ въ послѣдніе годы. Но, къ сожалѣнію, мы въ этомъ отношеніи далеко еще не установились. Стоить сравнить программы нѣсколькихъ преподавателей русской словесности хотя бы въ одномъ и томъ же округѣ, чтобы увидѣть, какіе разнообразныя и даже прямо противоположныя взгляды ставятся у насъ въ учебной практикѣ. У насъ еще возможны заявленія даже въ такомъ родѣ: предлагается однимъ изъ преподавателей русской словесности исключить изъ гимназическаго курса такой памятникъ, какъ «Слово о полку Игоревѣ». Предложеніе имѣетъ въ виду выиграть времени. Для чего же? Для пріученія учениковъ къ «говоренію!»

³⁾ Со времени этнографической Московской выставки, въ Чехіи ревностно принялись за изученіе русскаго языка и литературы. Лучшіе наши писатели переведены на чешскій языкъ, но въ настоящее время тамъ уже очень много людей (всѣхъ сословій, въ особенности же между учащеюся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи), которые свободно могутъ читать ихъ въ подлинникъ. Около 150-и человекъ студентовъ университета и политехнической школы учатся теперь по-русски и многіе изъ нихъ уже свободно объясняются на на-

Национальныя основы воспитанія въ Чехіи, скажу еще разъ въ заключеніе, служатъ прочнымъ ручательствомъ за будущее этой страны. На нѣкоторыхъ чешскихъ книгахъ я встрѣчалъ эпитафю: „osvětou k svobodě“. Это выраженіе можетъ быть признано характеристичнымъ для всей чешской національности. Именно просвѣщеніе (и именно просвѣщеніе народное по характеру своему) пробудило здѣсь народный духъ, поддерживало его въ борьбѣ, и безъ сомнѣнія, создастъ этому народу лучшую будущность. Такимъ образомъ основные камни будущей политической свободы Чехіи — это Древности Шафарика и Словарь Юнгмана.

Колосовъ.

Одесса.

шесть языкъ, усвоивъ себѣ даже тайну русскаго ударенія. Даже Пражскія дамы и дѣвицы, — члены такъ-называемаго «американскаго клуба», принялись за изученіе русскаго языка и прошлымъ лѣтомъ брали уроки у проживавшаго въ Прагѣ Харьковскаго профессора Шерцля. Если не всѣ, то большинство въ Прагѣ омотрятъ на русскій языкъ, какъ на общеславянскій литературный языкъ. Есть уже нѣсколько грамматикъ русскаго языка и руководствъ для практическаго изученія его; печатается русско-чешскій словарь (трудъ Ранка, — почтенной личности, еще во время польскаго возстанія стоявшей къ Россіи въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя теперь въ странѣ сдѣлались почти всеобщими. Взглядъ чешскаго общества на общеславянское значеніе русскаго языка характерно выразился, во время моего пребыванія въ Прагѣ, въ слѣдующемъ эпитѣ. При академическомъ (студенческомъ) обществѣ есть литературное отдѣленіе, такъ-называемая «Славля», члены котораго усердно изучаютъ русскій языкъ. Одинъ изъ чешскихъ патріотовъ присылаетъ этому отдѣленію сто гульденовъ при письмѣ, которымъ назначаетъ ихъ «для распространенія языка великаго племени русскаго» и въ которомъ выражаетъ свое удивленіе, что языкъ этотъ до сихъ поръ еще не сдѣланъ обязательнымъ предметомъ въ чешскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОГРАММѢ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ НАШИХЪ ГИМНАЗИЯХЪ.

Помѣщая въ февральской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ „Замѣтку о программѣ русской словесности“, г. Смирновскій выразилъ желаніе „услышать замѣчанія и возраженія на предложенную имъ программу“. Вполнѣ соглашаясь съ нимъ, что преподавателямъ „должно заботиться о выработкѣ новой, болѣе удобной программы“, мы съ удовольствіемъ отвѣчаемъ на приглашеніе г. Смирновскаго.

Въ послѣднія 10 лѣтъ во всѣхъ учебныхъ округахъ перемѣнилось по нѣскольку учебныхъ программъ русской словесности, и каждая вновь составившаяся программа вскорѣ вызвала осужденіе и казалась устарѣвшею. Ужели эта „наука“ такими гигантскими шагами стремится къ совершенству, что программы не могутъ за нею угоняться? Не думаемъ. Главная причина этого прискорбнаго явленія заключается въ неясности, неопредѣленности самаго предмета; но неясность эта должна бы вести, повидимому, къ тому, чтобы гг. составители помедлили выпускать программу, пока не выяснится руководящая къ ней идея, а лучшій путь для такого выясненія — литературный; вообще полемика, предшествующая составленію учебной программы, значительно облегчаетъ дѣло ея составителей; извѣстно, правда, что спорящіе рѣдко приходятъ къ соглашенію, но все-таки споръ уясняетъ и очищаетъ взгляды каждого изъ нихъ. Поэтому желательно, чтобы статьи, подобныя замѣткѣ г. Смирновскаго, вызвали возможно больше возраженій и опроверженій, разумѣется, спойныхъ и лишенныхъ увлеченій.

Прежде всего мы несогласны съ тѣмъ, что программа словесности для женскихъ и мужскихъ гимназій должна или даже можетъ быть одинакова, въ особенности, если „подъ именемъ мужскихъ гимназій

подразумѣвать классическія, съ 2-мя древними языками. Хотя преподаваніе древнихъ языковъ еще не успѣло стать у насъ на ту высоту, на которой оно стоитъ въ Пруссіи и Англии, и преподаватели ихъ мало обращаютъ вниманія на то, какъ усвоено учениками содержаніе прочитаннаго памятника, все же знакомство съ Цезаремъ, Саллюстіемъ, Ливіемъ, Цицерономъ, Вергилиемъ, Гораціемъ и Гомеромъ въ подлинникѣ значительно облегчаетъ трудъ учителя словесности. До сихъ поръ, вслѣдствіе плохой филологической подготовки и специализированія нашихъ студентовъ, а затѣмъ и учителей, почти никогда преподаваніе двухъ или даже болѣе предметовъ, напримѣръ, латинскаго языка и словесности не соединялось въ рукахъ одного лица (въ прусскихъ гимназіяхъ отдѣленіе этихъ предметовъ другъ отъ друга является исключеніемъ), но едва-ли человекъ, понимающій дѣло, будетъ спорить противъ того, что такое соединеніе не только желательно, но что даже необходимо. Чтò можетъ быть страннѣе того явленія, что два предмета, конечная цѣль которыхъ одна и та же—способствовать развитію ума юноши путемъ знакомства съ *классическими* литературными произведеніями, стоятъ совершенно особнякомъ? Теперь учитель латинскаго языка равнодушно слушаетъ, какъ ученики его безобразнымъ до безграмотности языкомъ передаютъ ему изыщные періоды Цицерона, позволяетъ имъ не знать, защищаетъ ли Цицеронъ Секста Росція, или обвиняетъ его, и начиная читать Вергилія, рѣдко сочтетъ нужнымъ объяснить, когда этотъ поэтъ жилъ и чтò онъ писалъ. Съ другой стороны, учитель словесности разбираетъ русскіе хорен и дактили, не давая себѣ труда справиться, прошли ли ученики его стихосложеніе латинское; указываетъ на Карамзина, какъ на единственный имъ извѣстный образецъ историка, и говоритъ о латинскомъ періодѣ, какъ будто ученики его никогда объ этомъ не слышали. Между тѣмъ, если бы преподаваніе этихъ предметовъ находилось въ однихъ рукахъ, то хорошей переводъ съ латинскаго или изложеніе содержанія прочтенной главы изъ древняго автора было бы прекраснымъ упражненіемъ по русскому языку и слогу. Тогда и институтъ классныхъ воспитателей, о которомъ такъ долго мечтаютъ лучшіе наши педагоги, могъ бы получить надлежащее значеніе, потому что только учитель, имѣющій въ одномъ классѣ большое число уроковъ, можетъ хорошо знать учениковъ своихъ.

Но и при настоящемъ положеніи учебнаго дѣла, если учитель словесности интересуется успѣхами учениковъ, а не старается только поскорѣе отдѣлаться отъ урока, то онъ долженъ обращать вниманіе и

на ходъ другихъ предметовъ и особенно классическихъ языковъ, и программа русской словесности не можетъ ихъ упускать изъ виду.

Что касается женскихъ учебныхъ заведеній, то хотя въ нихъ древнихъ писателей въ подлинникѣ не читаютъ, но не дать будущимъ матерямъ и воспитательницамъ никакого понятія о Гомерѣ, Софоклѣ и Цицеронѣ невозможно, а потому ученицъ необходимо познакомить съ ними хоть въ переводахъ. Кромѣ того, составители программъ должны имѣть въ виду, что женщина заканчиваетъ свое образование въ гимназіи, тогда какъ для мужчины гимназическій курсъ есть только подготовка къ курсу университетскому; если даже онъ идетъ на такой факультетъ, гдѣ занятія словесностью отнюдь для него необязательны, все же онъ будетъ учиться и черезъ то убѣдится фактически, что образование его ни въ какомъ отношеніи не кончено; слѣдовательно, больше вѣроятности, что онъ скорѣе возьмется за хорошую книгу, чѣмъ женщина, которая изъ школы прямо вступаетъ въ жизнь. Оттого, мы полагаемъ, курсъ словесности, какъ предметъ преимущественно общеобразовательный, въ женскихъ гимназіяхъ долженъ быть обширнѣе.

Наконецъ, составители программы должны имѣть въ виду и разницу, существующую между природными наклонностями мужчины и женщины и ихъ общественнымъ положеніемъ. Такъ, признавая пользу и даже необходимость основательнаго изученія памятниковъ до-Петровскаго періода и церковно-славянской грамматики въ мужскихъ гимназіяхъ, мы полагаемъ, что курсъ этихъ предметовъ въ гимназіяхъ женскихъ долженъ быть значительно короче; остающееся такимъ образомъ свободное время съ большою пользою можно употребить на толковое чтеніе образцовъ иностранной литературы (Шекспира, Вальтеръ-Скотта, Диккенса, Гёте и др.). Еще рано дѣлать изъ женщинъ русскихъ филологовъ и историковъ.

Сравнивая нынѣ дѣйствующую программу въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ и предложенную г. Смирновскимъ, мы находимъ, что въ первой изъ нихъ чтеніе образцовъ расположено въ историческомъ порядкѣ; за то исторія литературы, какъ отдѣльный предметъ, не проходитъ, а въ VII-мъ классѣ читается теорія словесности; напротивъ, въ программѣ г. Смирновскаго чтеніе образцовъ расположено по родамъ и видамъ; за то въ ней нѣтъ теоріи словесности, а въ VII-мъ классѣ вмѣсто ея проходитъ исторія русской литературы. Въ той и другой программѣ, намъ кажется, придано слишкомъ большое значеніе „теоріи словесности“.

Мы осмѣливаемся думать, что такого предмета въ дѣйствительности не существуетъ, а потому его не должно вносить и въ программу. Въ вѣкъ латинскаго классицизма существовали, какъ извѣстно, „риторика“ и „шпика“ съ учаніемъ объ изобрѣтеніи, расположеніи и проч., и знаніе этикъ „наукъ“ считалось обязательнымъ для всякаго образованнаго человѣка. Новое литературное движеніе устранило эти предметы изъ учебнаго курса. Въ вѣкъ идеальной философіи получила развитіе наука о прекрасномъ—эстетика, и на пустое мѣсто въ курсѣ словесности, оставшееся послѣ изгнанія ученій объ изобрѣтеніи, украшеніи и проч., вступили вопросы о томъ, что такое поэзія, творчество, объективная и субъективная поэзія, идеаль и проч. Эстетика также отжила свой вѣкъ, принеши, конечно, человѣчеству свою долю пользы; но теорія словесности все еще хочетъ жить, воспринявши въ себя новые элементы. Но это искусственное возстановленіе отжившаго весьма не прочно и флетивно.

Возьмите любую теорію словесности и перелистуйте ее: чего тамъ нѣтъ! И свѣдѣнія изъ психологіи и логики, и отрывки изъ исторіи литературы, и отрывочныя критическія замѣтки, и общія понятія изъ эстетики, и краткая версификація, и стилистика,—есть все, кромѣ „теоріи“ словесности. Да и какъ ей быть, когда словесность доселѣ еще не имѣетъ точныхъ и общепринятыхъ опредѣленій. Теоретикъ увѣряетъ, что путешествіе принадлежитъ къ описаніямъ, а сантиментальный путешественникъ ничего, кромѣ чувствъ своихъ, не описываетъ; теоретикъ увѣряетъ, что баллада есть *фантастическій разказъ*, а напримѣръ Пушкинъ въ „Бѣсахъ“ ничего не разказываетъ, гр. Толстой въ „Василіѣ Шибановѣ“ ничего сверхъестественнаго не допускаетъ и т. д. Г. Смирновскій предлагаетъ расположить чтеніе образцовъ по родамъ и видамъ; но отсюда рождается цѣлый рядъ противорѣчій, которыхъ не разрѣшитъ ученикъ. 1) Авторъ программы не отдѣляетъ прозы отъ поэзіи (такъ какъ икъ и отдѣлить для учащихся нельзя), и „Записки охотника“ Тургенева стоятъ у него въ одномъ отдѣлѣ съ „Записками ружейнаго охотника“ Аксакова въ V-мъ классѣ (стр. 88), а повѣсти Тургенева отнесены къ VI-му классу. Но какими научными данными доважетъ г. Смирновскій ученику, что любая повѣсть изъ „Записокъ охотника“ ближе къ „Запискамъ“ Аксакова, чѣмъ къ Тургеневскимъ же повѣстямъ? 2) Въ V-мъ классѣ читаются: греческій эпосъ—Иліада и Одиссея, и поэмы—Рейнеке Лиѣ, Наль и Дамаянти и Мѣдный Всадникъ. Почему „Наль и Дамаянти“ стоятъ не рядомъ съ Иліадою, а рядомъ съ Рейнеке? Почему Рейнеке ближе къ Мѣдному Всаднику,

чѣмъ въ баснѣ или сатирѣ (VI клас.)? 3) Въ VI-мъ классѣ авторъ дѣлитъ лирику на 3 вида: а) народныя пѣсни, б) *стихотворенія* и с) сатиры. На чемъ основано такое дѣленіе? Развѣ сатиры Некрасова (а какія изъ его стихотвореній сатиры, какія нѣтъ, и самъ г. Некрасовъ, вѣроятно, не объяснитъ) не стихотворенія? 4) Въ VII-мъ классѣ читаются: а) трагедія (Антигона и Лиръ), б) драма (Борисъ Годуновъ и одна изъ драмъ Островскаго) и с) комедія, и тутъ же дается „опредѣленіе трагедіи и комедіи“. Отчего же нѣтъ опредѣленія драмы? Оттого, конечно, что удовлетворительно ее и опредѣлить нельзя. Однако же, скажутъ намъ, теорія словесности проходитъ въ гимназіяхъ, слѣдовательно, возможны опредѣленія и различія родовъ и видовъ словесныхъ произведеній. Конечно, проходитъ, потому что существуютъ учебники; да если бы таковыхъ и не было, то всякій учитель самъ въ состояніи составить записки по этой „теоріи“. Намъ случилось присутствовать на экзаменахъ, гдѣ ученики разказывали, что такое творчество и поэзія, по учебнику или по запискамъ; ученикъ талантливый бываетъ въ состояніи прибавить нѣсколько „умныхъ“ словъ въ книгѣ; ученикъ безъ блестящихъ способностей ограничивается передачею чужихъ словъ. Такіе экзамены не могутъ быть признаны отпаднымъ явленіемъ. Первое и необходимое условіе при преподаваніи всякаго учебнаго предмета въ гимназіяхъ есть ясность, опредѣлительность, несомнѣнность сообщаемыхъ фактовъ. А гдѣ, напримѣръ, ясность въ зазубренной фразѣ „о значеніи личности въ лирической поэзіи“, гдѣ несомнѣнность въ такихъ опредѣленіяхъ, которыя считаетъ совершенно ложнымъ ассистентъ, сидящій рядомъ съ экзаменаторомъ? Намъ всегда эти экзамены напоминали князя Григорія и подобныхъ ему, которые толковали: „о камерахъ присяжныхъ, о Байронѣ и о матеряхъ важныхъ“. Развѣ не въ такомъ преподаваніи, или же, вѣрнѣе, воспитаніи лежатъ источникъ фразерства и страсти въ „умнымъ словамъ“, которыя даже для умнаго человѣка закрываютъ часто сущность дѣла, а равно умѣнія говорить обо всемъ и неумѣнія исполнить самое несложное дѣло?

Лишать, однако, юношу всякихъ теоретическихъ понятій о произведеніяхъ словесности мы не думаемъ, потому что если учитель читаетъ съ учениками былинку, романъ, сонетъ, элегію или комедію, то онъ, конечно, объяснитъ имъ вкратцѣ, чѣмъ *формально* отличаются встрѣчающіеся роды и виды поэзіи. Понятія эти, конечно, будутъ неполны; но мы увѣрены, что юноша, прочтавшій два-три хорошихъ романа, лучше и скорѣе пойметъ, что такое романъ, чѣмъ тотъ, ко-

торній, не прочитавъ предварительно ни одного романа, прослушалъ дѣлу его „теорію“. Предлагаемое нами здѣсь объясненіе необходимѣйшихъ литературныхъ терминовъ, конечно, не можетъ и не должно составлять *отдѣльнаго* предмета. Сверхъ этой номенклатуры, къ теоріи словесности примыкаетъ еще логика, которая должна составлять особый предметъ и въ такомъ видѣ войти въ гимназическій курсъ. Затѣмъ всякое пустословіе (въ родѣ разсужденій о томъ, что такое поэзія, идеаль и проч.), конечно, должно быть исключено вовсе, а напротивъ, масса свѣдѣній историко-литературныхъ должна получить надлежащее мѣсто.

Программа г. Смирновскаго и критикуемая имъ программа С.-Петербургскаго округа имѣютъ въ виду исторію литературы, но онѣ предлагаютъ различные методы для ознакомленія съ словесностію: программа округа предлагаетъ чтеніе произведеній въ хронологическомъ порядкѣ, но исключаетъ исторію словесности, какъ отдѣльный предметъ; г. Смирновскій предлагаетъ читать образцы безъ исторической связи, но въ VII-мъ классѣ считаетъ необходимымъ историческій ихъ обзоръ. Мы совершенно согласны съ г. Смирновскимъ въ томъ, что въ V-мъ классѣ изучить важнѣйшія произведенія русской литературы до Карамзина — дѣло немислимое: ученики слишкомъ мало подготовлены, а курсъ слишкомъ обширенъ и не приуроченъ къ развитію учащихся. Къ его замѣчаніямъ мы присоединимъ и свои: 1) въ V-мъ классѣ начинаются самостоятельныя письменныя работы (сочиненія), и благоразумный учитель, конечно, много времени потратитъ на исправленіе ученическихъ работъ; 2) ученики не только не знаютъ еще русской исторіи, безъ которой они не поймутъ до-Петровской литературы, но не знаютъ и новой всеобщей исторіи, безъ которой они не поймутъ и таеъ-называемаго новаго классицизма.

Съ другой стороны, программа г. Смирновскаго не вполне удовлетворяетъ насъ. Вопервыхъ, курсъ VII-го класса слишкомъ обширенъ; вовторыхъ, въ „краткій очеркъ хода развитія русской словесности“ входятъ многія явленія, съ которыми ученики въ предшествующемъ курсѣ вовсе не знакомятся, какъ напримѣръ, Лука Жидята, Илларионъ, Кирилль Туровскій и проч. и проч. Г. Смирновскій назначаетъ на этотъ очеркъ очень немного времени въ концѣ курса, такъ что преподаватель не будетъ имѣть возможности прочесть даже отрывки изъ этихъ произведеній, а разсужденія о писателяхъ безъ знакомства съ ихъ произведеніями приучаютъ только къ неосновательности и фразерству. Втретьихъ, въ „очеркъ“ не вошли многія

произведенія, безъ знакомства съ которыми едва-ли можетъ обойтись образованный русскій человѣкъ, напримѣръ, Слово о полку Игоревѣ (ужели г. Смирновскій, такъ горячо защищающій національный элементъ въ воспитаніи, на стр. 87-й, въ самомъ дѣлѣ исключаетъ изъ курса словесности единственный литературный памятникъ древней Руси? Мы скорѣе склонны считать это за недосмотръ), Сумароковъ и пр. Въ „очеркѣ“ даже не нашли мѣста Крыловъ и фонъ-Визинъ, съ сочиненіями которыхъ ученики уже знакомы. Наконецъ, вчетвертыхъ, двойное изученіе образцовъ отечественной литературы, то-есть, съ двухъ точекъ зрѣнія: теоретической и исторической, на практикѣ встрѣтитъ значительныя неудобства. Здѣсь возможны два случая: или учитель при первомъ чтеніи будетъ избѣгать историческихъ объясненій, — тогда Кантемиръ, оды Ломоносова, Державина, „Письма русскаго путешественника“ потеряютъ всякій смыслъ, а баллады Жуковскаго, басни Крылова, „Евгеній Онѣгинъ“ будутъ поняты односторонне; или учитель будетъ объяснять историческое значеніе читаемыхъ въ V-мъ и VI-мъ классахъ образцовъ, — въ такомъ случаѣ ему придется говорить о сантиментальномъ и романтическомъ направленіяхъ, прежде чѣмъ о ложно-классическомъ, что чрезвычайно неудобно и непедагогично. Умъ человѣческій всегда требуетъ единства, а умъ незрѣлый — тѣмъ болѣе, а такое двойное чтеніе внеситъ разобщенность въ понятія учащагося; читая оду Ломоносова въ VI-мъ классѣ, ученикъ подумаетъ, что Ломоносовъ бездарный педантъ и стихокропатель, который могъ только принести вредъ своимъ согражданамъ; но черезъ годъ, въ VII-мъ классѣ, ему сообщаетъ учитель, что Ломоносовъ принесъ огромную пользу литературѣ, что иначе въ тотъ вѣкъ никто не писалъ и не могъ писать, что онъ талантливѣйшій человѣкъ своего времени. Г. Смирновскій, конечно, согласится съ нами, что характеристическія черты поэтическихъ школъ и писателей должны выводиться, по возможности, самими учениками изъ чтенія произведеній или на чтеніи должны ими провѣряться; а въ VII-мъ классѣ, по его программѣ, на чтеніе нѣтъ времени. Какая польза отъ того, что ученикъ заучитъ нѣсколько фразъ изъ учебника или записокъ о направленіи Пушкина?

Словесность есть предметъ на столько неопредѣленный, что всякій, кто хотя немного знакомъ съ дѣломъ преподаванія ея, въ состояніи найдти множество недостатковъ во всякой программѣ. Чтобы не подвергнуться нареканію въ неосновательныхъ нападеахъ и оказать положительную пользу столь важному дѣлу, мы беремъ на себя смѣлость

предложить свою программу, въ которой, конечно, также найдется не мало пробѣловъ и недостатковъ.

Хотя систематическое изученіе словесности принято начинать съ V-го класса, однако знакомство съ матеріаломъ этого предмета начинается несравненно раньше. Посмотримъ, съ какимъ запасомъ свѣдѣній является ученикъ посредственныхъ способностей и успѣховъ къ учителю словесности изъ IV-го класса: 1) онъ пишетъ почти безъ ошибокъ, умѣетъ излагать содержаніе нетрудныхъ повѣствовательныхъ и описательныхъ статей и можетъ довольно правильно въ стилистическомъ отношеніи передать отрывокъ изъ латинскаго прозаика; 2) онъ знаетъ церковно-славянскую этимологію и сумѣетъ узнать уклоненія отъ нея въ Несторѣ и др.; 3) онъ знаетъ наизусть 10—15¹⁾ басенъ Крылова, 2—3 баллады Жуковскаго и Пушкина и нѣсколько мелкихъ стихотвореній; онъ разказываетъ содержаніе 5—6 сказокъ Аванасьева, излагаетъ отрывки изъ исторіи Карамзина, изъ Юлія Цезаря, изъ путешествій. Домашнее чтеніе нельзя подвести подъ опредѣленные правила, но и оно можетъ увеличивать сумму его знаній и развитія.

V-й классъ мы назначаемъ на пропедевтику, въ составъ которой должны входить: 1) Краткій курсъ начальной логики, доступной понятію 15-лѣтняго ученика (какъ можно меньше правилъ и больше разборовъ). 2) Опредѣленіе *родовъ* (а не видовъ) прозы и повѣи съ подробнымъ разборомъ одного или двухъ образцовъ на каждый родъ (напримѣръ, „Рейнскій водопадъ“ Жуковскаго, „Куликовская битва“ Карамзина, „О лучшемъ времени жизни“ Карамзина, „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“, „Пиръ Петра Великаго“, „Скупой рыцарь“ Пушкина). 3) Краткое стихосложеніе. 4) Чтеніе и подробный разборъ нѣсколькихъ крупныхъ произведеній, не требующихъ историко-литературныхъ объясненій, напримѣръ, „Капитанская дочка“, „Тарасъ Бульба“ и т. под.; 2—3 такихъ произведенія дадутъ обильный матеріалъ для сочиненій, планы для которыхъ будутъ составляться подъ руководствомъ учителя.

До открытія VIII-го класса, по необходимости, должно отодвинуть въ V-й классъ и часть курса словесности.

V классъ. 1) *Народная поэзія*. Общее понятіе о народномъ творчествѣ. *Сказка*. Разборъ сказки мнѣической, образцы животнаго эпоса и сказки шутильной; для сравненія одна сказка изъ собранія братьевъ Гриммовъ. *Былины*: а) о

¹⁾ Численныя обозначенія количества прочитанныхъ и изученныхъ ученикомъ произведеній означаютъ нашъ минимумъ.

старшихъ богатыряхъ—былина о Святогорѣ, б) былины о младшихъ богатыряхъ: двѣ былины объ Ильѣ (въ томъ числѣ былина о богатыряхъ на заставѣ, гдѣ Илья противопоставляется всѣмъ другимъ богатырямъ), одна былина о Добрынѣ. с) Цикль Новгородскій: 1 былина о Садкѣ. 1—о Васкѣ Буслаевѣ. Для сравненія: 1 пѣснь изъ Илиады и 1 изъ Одиссеи, 1 историческая пѣсня, напримѣръ, о жемчужнѣ Ивана Грознаго (для сравненія: начало пѣсни о Роландѣ). *Народная мѣрика*. 2—3 семейныхъ пѣсни.

VI классъ. Повтореніе церковно-славянской грамматики. Исторія русской литературы до Петра включительно, съ подробнымъ разборомъ слѣдующихъ произведеній или ихъ отрывковъ: 1) проповѣдь Луки Жидяты; 2) слово Иларіона о законѣ и благодати; 3) житіе Θεодосія Нестора; 4) лѣтописи Нестора (для сравненія: Пезарь, Титъ Ливій, 1 изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, исторія Соловьева ¹⁾). 5) „Слово о полку Игоревѣ“ (для сравненія: поэтическія мѣста лѣтописи, пѣснь о Роландѣ). 6) Поученіе Владиміра Мономаха. 7) Моленіе Даніила Заточника. 8) Слова Серапіона. 9) Житіе св. Сергія Радонежскаго. 10) Задонщина. 11) Стоглавъ. 12) Домострой. 13) Переписка Курбскаго съ Грознымъ. 14) Котошихинъ о Россіи. 15) Вирши Симеона Полоцкаго.

Историко-литературный курсъ не долженъ ни предшествовать, ни слѣдовать за чтеніемъ образцовъ, а долженъ сопровождаться ими. На намѣченныхъ нами пунктахъ учитель долженъ останавливаться долѣе, а въ прочихъ случаяхъ довольствоваться возможно-краткимъ обзорѣніемъ; если же эпоха или разрядъ произведеній сами по себѣ важны, а ученики не имѣютъ времени на непосредственное знакомство съ ними, то учитель при самомъ обзорѣ можетъ сообщать отрывки или изложеніе содержанія (напримѣръ, изъ повѣстей, изъ апокрифовъ, изъ юго-западной литературы). То же относится и къ курсу VII класса.

VII классъ. Исторія русской литературы отъ Петра, съ чтеніемъ и разборомъ слѣдующихъ произведеній или ихъ отрывковъ: 1) *Баттеширъ*: одна сатира. 2) *Ломоносовъ*: двѣ оды (духовная и похвальная), Риторика, Слово похвальное Петру Великому, поэма Петръ Великій, Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ. 3) *Сумароковъ*: одна трагедія и одна комедія. Для сравненія съ предыдущимъ: пѣтика Аристотеля, Батте, оды и сатиры Горациа, Энеида, одна трагедія Расина и одна комедія Мольера. 4) *Фом-Висима* Недоросль. 5) *Державина* оды: Фелица, Видѣніе Мурзы, На смерть князя Мещерскаго, Богъ и друг. 6) *Карамзинъ*: письма, Бѣдная Лиза, одна глава изъ исторіи. 7) *Дмитріевъ*: Чужой толкъ, одна сказка и 2—3 басни. 8) *Озеровъ*: одна трагедія. 9) *Жуковский*: два-три оригинальныхъ стихотворенія, двѣ-три переводныхъ баллады, Громобой, Орлеанская дѣва, одна изъ передѣлокъ русскихъ сказокъ. 10) *Батюшковъ*: два-три стихотворенія. 11) *Крыловъ*: басни. 12) *Пушкинъ*: лирическія стихотворенія, Евгений Онѣгинъ (для сравненія: Чайльд-Гарольдъ), Борисъ Годуновъ (для сравненія: одна драма Шекспира), одна повѣсть. 13) *Грибодовъ*: Горе отъ ума. 14) *Гоголь*: одна повѣсть изъ мало-

¹⁾ Она удобнѣе исторіи Карамзина, потому что въ послѣдней встрѣчаются особенности, о которыхъ ученики не имѣютъ понятія.

россійскихъ, одна изъ Петербургскихъ, Ревизоръ, Мертвыя души. 15) *Лермонтовъ*: стихотворенія, Герой нашего времени. 16) *Бюминскій*: разборъ одного изъ извѣстныхъ ученикамъ произведеній.

Мы не говоримъ ничего о руководствахъ и пособіяхъ и даже позволяемъ себѣ указывать на такія произведенія иностранной литературы, которыя еще не имѣютъ у насъ хорошихъ переводовъ; мы думаемъ, что не программа должна зависѣть отъ руководства, а руководство отъ программы. Кромѣ того, мы имѣемъ въ виду такихъ учителей гимназій, которые готовы и въ силахъ сами пополнять недостатокъ классныхъ пособій.

Программа наша можетъ показаться многимъ слишкомъ обширною, но всякій, конечно, замѣтитъ, какъ она легко можетъ сокращаться и растягиваться, смотря по составу класса и по досугу учителя.

Мы оставляемъ въ сторонѣ письменныя упражненія не потому, чтобы считали ихъ дѣломъ второстепенной важности: напротивъ, мы убѣждены, что для учителя успѣхи его учениковъ въ этомъ отношеніи важнѣе всѣхъ другихъ, — но потому, что вопросъ о письменныхъ упражненіяхъ и объ ихъ отношеніи къ курсу не можетъ быть слегка затронуть, а по важности своей требуетъ особаго внимательнаго и всесторонняго его обсужденія.

А. Кириичниковъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Учебникъ русской грамматики, составленной сравнительно съ славянскою, съ прибавленіемъ статей для разбора, *А. Ладинскимъ*. С.Пб. 1870.

Грамматика г. Ладинскаго, во многихъ мѣстахъ, представляетъ такія невѣрныя свѣдѣнія, или неточныя понятія, что она является совершенно неудобною для класснаго употребленія. Представляемъ слѣдующія тому доказательства.

Раздѣляя существительныя, по объему понятія, ими выражаемаго, на *родовыя, видовыя и недѣлимыя*, авторъ замѣчаетъ:

„Для того, чтобъ опредѣлить, которое существительное родовое, которое видовое или недѣлимое, надобно сравнить ихъ между собою, потому что эти названія измѣняются отъ того, *съ какимъ существительнымъ они поставляются* (?). Возьмемъ, напримѣръ, слово „птица“ — это будетъ родовое существительное; если послѣ него скажемъ „хищная птица“ (которое будетъ видовымъ), „орелъ“, „соколъ“ уже становятся недѣлимыми. Но если скажемъ „птица“, потомъ „животное“, далѣе „вселенная“, то „птица“ становится единичнымъ въ отношеніи къ слѣдующимъ: животное (видовымъ), вселенная — родовымъ. (Часть I, стр. 11).

Это совершенно противорѣчитъ не только тому, какъ опредѣляются понятія по объему, но и словамъ самого автора, который, на той же страницѣ, говоритъ:

„Недѣлимымъ, или единичнымъ, существительнымъ называется такое, подъ которымъ нельзя подразумѣвать другихъ предметовъ, которое нельзя раздѣлить на болѣе мелкія, по объему, понятія; это имена собственныя“.

Развѣ *орелъ, соколъ, птица* — имена собственныя? Развѣ любое изъ этихъ понятій нельзя подраздѣлять на другія, болѣе мелкія (то-есть, *низшія*) понятія? Автору слѣдовало замѣтить, что одно и то же понятіе можетъ быть высшимъ и низшимъ, смотря по тому, съ какимъ понятіемъ мы его сличаемъ: *хищная птица* есть видовое, низшее понятіе относительно понятія *птица*, и родовое, высшее относительно понятія *орелъ*, но недѣлимымъ оно ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. Еще меньше можетъ быть таковымъ понятіе *птица*. Прибавимъ, что

изложение автора небрежно, смутно и неправильно. Что значить *называть названіе*? (видовымъ *называется названіе* группы малаго объема). Что значать слова: „Эти названія измѣняются отъ того, съ какимъ существительнымъ они поставляются?“ Въ понятіи *жищная птица*, при существительномъ *птица* поставлено прилагательное (*жищная*), а не существительное. Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать: *сопоставляются*. Наконецъ, вмѣсто слова *вселенная*, было бы лучше употребить слово *твореніе*.

Ч. I, стр. 12. Неодушевленными предметами называетъ авторъ такіе, „которые, по своему желанію, не могутъ передвигаться съ одного мѣста на другое“, какъ будто автору извѣстно, что у одушевленныхъ предметовъ есть желанія. „Впрочемъ, дополняетъ онъ, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ жизнь органическую“. Но желаніе и органическая жизнь — предметы не тождественные: одинъ не заключается въ другомъ, одинъ не вытекаетъ изъ другаго.

Стр. 14:

„Родъ именъ существительныхъ узнается, во первыхъ, по смыслу, когда къ нимъ присоединяютъ мѣстоименіе указательное: *этотъ, эта, это*“.

Смыслъ не зависитъ отъ приставки: смыслъ можетъ узнавать и иностранецъ, а правильную приставку можетъ дѣлать только русскій, по указанію слуха.

На стр. 28-й авторъ весьма не полно исчисляетъ случаи, въ которыхъ предложный падежъ имѣетъ букву *и* (вмѣсто *ѣ*). Кромѣ окончаній *ія, іе, ѣ*, есть еще окончанія *ій, ля* (о *Евгениі*, о *времени*).

Стр. 29:

„Родительный множ. числа именъ, означающихъ мѣру или сословіе, сходенъ съ имен. единственнаго“.

Очень часто и несходенъ, напримѣръ: пять *фунтовъ*, шесть *золотниковъ*, десять *дюймовъ*, двадцать *монаховъ*. Не говоримъ уже объ именахъ женскаго рода.

Стр. 45:

„Внѣшнее отличіе возвратнаго глагола отъ глаголовъ, *сходныхъ* (?) съ нимъ, есть то, что въ возвратномъ глаголѣ, если откинуть *я*, смыслъ будетъ; а въ другомъ глаголѣ, при такой перемѣнѣ, смысла не будетъ“.

Въ примѣръ приведены глаголы: *одѣваться* и *надѣяться*; но послѣдній глаголъ есть общій: какъ же, по внѣшности, возвратный глаголъ отличить отъ взаимнаго?

Стр. 46:

„Средній глаголъ означаетъ (между прочимъ) крикъ животныхъ, особенно молодыхъ: *блестъ, ржать*“.

часть *CLVI*, отд. 3.

Отъ чего же именно молодыхъ? Бараны и овцы равно блеютъ, какъ старыя, такъ и молодыя; лошади также равно ржутъ — и старыя и молодыя.

Стр. 47:

„Къ среднимъ глаголамъ *собственно* надобно причислить тѣ, которые въ окончательномъ наклоненіи не имѣютъ *ся*, то-есть, кончаются на *тъ, чь*“. — Почему же? — „Потому что ихъ прямо можно противопоставить дѣйствительнымъ, которые, какъ мы сказали, выражаютъ дѣйствіе, переходящее на другой предметъ, тогда какъ въ среднемъ оно остается въ самомъ предметѣ“.

Причина странная, или, по малой мѣрѣ, выраженная сбивчиво: вѣдь и дѣйствительные глаголы кончаются на *тъ* и *чь*.

„*Вообще* же, продолжаетъ авторъ, къ нимъ надобно причислить и всѣ глаголы, кончающіеся на *ся*, съ значеніемъ среднихъ; мы ихъ будемъ называть *общими*“.

Нельзя найти никакого логическаго сопоставленія въ словахъ *собственно* и *вообще*, не видно и связи въ выписанной рѣчи, и даже не совсѣмъ понятно, что хотѣлъ авторъ выразить ею.

Стр. 48:

„Неокончательное наклоненіе не означаетъ лица дѣйствующаго, *ми* (не) показываетъ времени явленія или дѣйствія“.

Здѣсь введено новое понятіе: *явленіе*, котораго въ опредѣленіи глагола нѣтъ. Глаголомъ обозначается дѣйствіе или состояніе предмета.

Стр. 49:

„Видомъ въ глаголѣ называется означеніе *самимъ глаголомъ*, какъ происходило явленіе, или проявлялось дѣйствіе или состояніе предмета“.

Слова: *самимъ глаголомъ* — совершенно лишнія.

„Видъ глагола бываетъ *опредѣленный* и *неопредѣленный*“ (стр. 49).

И въ слѣдъ за этимъ черезъ три строки читаемъ:

„Вотъ нѣсколько примѣровъ на *совершенный* и *несовершенный* виды глагола“.

Видимо, что авторъ не отличаетъ послѣднихъ отъ первыхъ, но въ такомъ случаѣ надлежало бы сказать это прежде.

Стр. 50:

„Однократный (видъ) показываетъ, что явленіе или дѣйствіе *происходило вдругъ*“.

Если *вдругъ*, то *произошло*, а не *происходило*. Притомъ, почему же видъ названъ *однократнымъ*?

„Вида однократнаго не должно смѣшивать съ совершеннымъ на *нутъ* — *блкнуть, покинуть*“.

Глаголъ *блкнуть* — несовершеннаго вида.

„Окончаній (*ивать, ивать* — многократнаго вида) не должно смѣшивать

съ окончаніями *овать, свать*: они принадлежатъ совершенному виду, напримеръ, *ковать*“.

Глаголь *ковать* — вида несовершеннаго.

Стр. 77:

„Имя числительное показываетъ *или* счетъ (?) предметовъ, *или* группу ихъ, *или* же порядокъ, въ какомъ они слѣдуютъ въ ряду другихъ; въ первомъ случаѣ они называются количественными, а во второмъ получаютъ названіе порядковыхъ“.

Здѣсь только два случая: гдѣ же третій?

Стр. 90:

„Относительныя мѣстоименія опредѣляютъ придаточнымъ предложеніемъ подлежащее или сказуемое главнаго предложения“.

Неизвѣстнаго нельзя объяснять неизвѣстнымъ: о придаточномъ предложеніи говорится послѣ, во 2-й части — синтаксисѣ.

Сдѣланныхъ выписокъ достаточно для характеристики труда г. Ладинскаго. Книга, наполненная такими промахами, не можетъ быть рекомендована ни какъ учебное руководство, ни даже какъ учебное пособие.

Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Левъ Поливановъ*, преподаватель 4-й Московской гимназій. (Москва. 1870).

Г. Поливановъ, авторъ „Учебника Русской Грамматикѣ“, одобреннаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и вышедшаго уже вторымъ изданіемъ, въ настоящемъ трудѣ представилъ новый вкладъ въ нашу учебную литературу, который также заслуживаетъ полнаго одобренія.

Въ статьѣ, замѣняющей предисловіе и озаглавленной: „О хрестоматіи, какъ пособіи при обученіи отечественному языку въ двухъ первыхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній“, авторъ основательно излагаетъ свои мысли о цѣляхъ обученія отечественному языку. Это изложеніе принесетъ преподавателямъ несомнѣнную пользу, направивъ ихъ вниманіе именно на тѣ предметы, въ которыхъ заключается сущность начальнаго изученія отечественнаго языка.

Хрестоматія должна доставить ученикамъ I-го и II-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній матеріалъ для слѣдующихъ занятій: объяснительнаго и бѣлаго чтенія, упражненія въ устной рѣчи, заучиванія наизусть и тѣсно связаннаго съ тѣмъ выразительнаго произношенія заученнаго, наконецъ, разбора и диктанта (не систематическаго; систематическій, по мнѣнію автора, долженъ быть приложенъ

при учебникѣ грамматики). Особеннаго замѣчанія заслуживаетъ то, что говорится о первомъ изъ этихъ занятій — объяснительномъ чтеніи.

Здѣсь г. Поливановъ отвергаетъ два мнѣнія, придающія этому занятію такія значенія, какихъ оно не должно имѣть. Первое мнѣніе полагаетъ задачу объяснительнаго чтенія въ толкованіи почти каждаго слова, безъ отношенія къ извѣстному мѣсту читаемаго текста; второе — въ бесѣдахъ съ дѣтьми по поводу словъ о тѣхъ предметахъ и явленіяхъ, которые означаются этими словами. Г. Поливановъ убѣдительно доказываетъ, что въ хрестоматіяхъ, слѣдующихъ первому мнѣнію, поясненія даннаго мѣста статьи достигаютъ цѣли совершенно обратной назначенію объяснительнаго чтенія: они отучаютъ сосредоточивать вниманіе, нужное читающему для воспріятія слова, какъ члена извѣстной мысли, а мысли — какъ члена извѣстнаго произведенія. Короче, они предшествуютъ пониманію читаемаго. Въ хрестоматіяхъ, слѣдующихъ второму мнѣнію, по которому требуется толкованіе явленій и предметовъ, такъ-называемое объяснительное чтеніе совершенно не обучаетъ чтенію, и притомъ оно не можетъ быть названо объяснительнымъ. Доказательства свои г. Поливановъ выводитъ изъ самой цѣли объяснительнаго чтенія.

„Объяснительное чтеніе — говоритъ онъ — не имѣетъ дѣла ни съ отдѣльными словами и предложеніями, ни съ отдѣльными предметами и явленіями, ими обозначаемыми: оно помогаетъ ученику воспринимать слова въ томъ смыслѣ, въ какомъ этого требуетъ ихъ мѣсто въ читаемой статьѣ, и воспринимать мысли въ той связи, въ какую онѣ приведены тамъ, представить и понять тѣ предметы и явленія, какіе именуется авторъ читаемой статьи, въ той же мѣрѣ, въ томъ положеніи и порядкѣ, въ какомъ ихъ являетъ авторъ разумѣнію читающаго. Слѣдовательно, если учащійся нуждается не только въ помощи для уразумѣнія связи понятій и мыслей, статью составляющихъ, но и въ познаніи тѣхъ предметовъ и явленій, съ именованіемъ которыхъ при чтеніи ея встрѣтился впервые, то, очевидно, статья не должна быть ему предлагаема для чтенія. Объяснительное чтеніе должно имѣть дѣло съ такими статьями, которыя предлагаютъ ученику именованія представленій и понятій, уже входящихъ въ область его познаній. Можетъ въ статьѣ встрѣтиться и совсѣмъ незнакомое ученику слово, и даже не одно такое слово (например: техническія, мѣстныя названія, собственные имена и т. п.), но оно должно выражать понятіе изъ ряда другихъ ему извѣстныхъ: въ такомъ случаѣ, самое короткое указаніе на значеніе незнакомаго слова бываетъ очень легко и вполне достаточно для уразумѣнія статьи при ея чтеніи“.

„На долю объяснительнаго чтенія — заключаетъ г. Поливановъ — остается работа иного рода: представленія и понятія, хотя и знакомыя читающему, являются въ каждой статьѣ, доступной его пониманію, въ новой комбинаціи; они приведены здѣсь въ новыя сочетанія во имя основной мысли статьи. При чтеніи ея представленія и понятія суть *извѣстныя* для читающаго; основ-

ная мысль, во имя которой они приведены въ сочетанія, — это то *неизвѣстное*, которое требуется найти. Найти это неизвѣстное значить *понять* читаемое. Помочь найти это неизвѣстное — вотъ задача объяснительнаго чтенія“.

Указавъ цѣль каждаго упражненія, г. Поливановъ, соотвѣтственно цѣли, опредѣляетъ какъ матеріалъ, такъ и характеръ статей, предназначенныхъ для того или другаго упражненія. На тѣхъ же цѣляхъ обученія отечественному языку основаны выборъ и размѣщеніе статей. Хрестоматія поэтому раздѣлена на 5 отдѣловъ: „мелкіе разказы и стихотворенія“, „басни“, „сказки“, „проза повѣствовательная“ и „проза описательная“. Выборъ статей вполне удовлетворителенъ. На основаніи этого, хрестоматія г. Поливанова, какъ одна изъ лучшихъ книгъ въ этомъ родѣ, должна быть рекомендована какъ очень полезное и соотвѣтствующее своему назначенію учебное пособие при изученіи русскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Слѣдуетъ замѣтить только, что, при новомъ изданіи, полезно было бы напечатать стихи болѣе крупнымъ шрифтомъ.

Дѣтскій возрастъ. Составилъ *А. Семеновъ* для сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищъ, для первыхъ двухъ классовъ уѣздныхъ училищъ, прогимназій, гимназій и институтовъ. Двѣ части. С.-Пб. 1870 г.

Назначивъ свое изданіе для начальнаго чтенія въ сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищахъ, въ первыхъ двухъ классахъ уѣздныхъ училищъ, прогимназій, гимназій и институтовъ, г. Семеновъ не обозначилъ въ его заглавіи, къ какому роду дѣтской литературы принадлежитъ оно. Чтò оно такое — хрестоматія ли для извѣстнаго рода упражненій, или энциклопедическій сборникъ? По разнообразію содержанія, скорѣе можно принять его за дѣтскую энциклопедію, чтò соотвѣтствуетъ, кажется, и намѣренію составителя. Вотъ его слова:

„Такъ какъ дѣтей интересуютъ прежде всего окружающіе ихъ предметы и отношенія къ этимъ предметамъ, то первую часть „Дѣтскаго возраста“ я назначаю для ознакомленія дѣтей съ окружающими ихъ предметами.. Во второй части (въ 1-мъ отдѣлѣ) предлагаю дѣтямъ ознакомиться, какъ христіанамъ, съ церковью, вѣрою, съ исполненіемъ заповѣдей въ разныхъ христіанскихъ обязанностяхъ; какъ гражданамъ — съ гражданскими отношеніями. Въ заключеніе предлагаю объясненіе заповѣдей, чтеніе молитвъ на славянскомъ языкѣ и чтеніе изъ Евангелія. Второй отдѣлъ 2-й части назначается для знакомства дѣтей съ тѣмъ, что было особенно важно для нихъ въ ихъ отечествѣ“.

Какъ разнообразно содержаніе сборника, такъ разнообразны и занятія съ дѣтьми при чтеніи. Эти занятія, объясненныя въ „необходи-

момъ предисловіи“ къ 1-й части, въ видѣ наставленій преподавателю, суть слѣдующія: катехетика, наглядныя бесѣды, механическое, толковое и объяснительное чтеніе, вещественный разборъ, письмо.

Принимая во вниманіе, что составъ двухъ книжекъ *Дѣтскаго возраста* отличается хорошимъ направленіемъ и соотвѣтствуетъ возрасту учащихся, можно признать его пособіемъ для начальнаго чтенія въ помянутыхъ выше учебныхъ заведеніяхъ.

Дѣтскіе разказы и стихотворенія. *В. И. Водовозова* (для дѣтей отъ 8-и до 12-и лѣтъ), съ 11-ю картинками и вопросами для бесѣды. С.-Пб. 1871 г.

Не смотря на увеличеніе числа школъ, не смотря на замѣтно возрастающую массу читающей публики, книжная торговля у насъ находится въ младенчествѣ и развивается отнюдь не пропорціонально этимъ успѣхамъ. Расходятся въ большомъ количествѣ учебники и книги, имѣющіе интересъ дня, но изданія нашихъ классиковъ и переводы лучшихъ произведеній иностранной словесности расходятся чрезвычайно медленно; о книгахъ съ характеромъ учености нечего и говорить: онѣ печатаются не для публики, а для специалистовъ. Одною изъ главныхъ причинъ малой потребности къ чтенію, которое съ успѣхомъ могло бы замѣнить карты и тому подобныя времяпровожденія, мы считаемъ недостатокъ хорошихъ дѣтскихъ книгъ. Привыкнувъ съ дѣтства видѣть въ книгѣ только урокъ и тяжелый трудъ, мы и впоследствии, по вступленіи въ жизнь, болѣе склонны тратить свой досугъ на что угодно, только не на серьезное чтеніе. Мы сказали—*хорошихъ* дѣтскихъ книгъ, потому что вообще издаются плохія и раскупаются въ изрядномъ количествѣ; это обстоятельство доказываетъ, что потребность въ дѣтскихъ книгахъ чувствуется значительная, но что удовлетворяютъ ей обыкновенно люди, заботящіеся исключительно о денежныхъ выгодахъ; конечно, если бы публика, покупающая эти книги, заявляла высокія и разумныя требованія, издатели позаботились бы объ ихъ доброкачественности, но, къ несчастію, родители весьма рѣдко бываютъ способны отличить хорошую книгу отъ дурной. „Въ дѣтской книгѣ — говорилъ намъ одинъ издатель-практикъ — прежде всего покупатель обращаетъ вниманіе на картинки, а въ картинкахъ на краски; безграмотность текста не остановитъ его“. Другой подобный же издатель, имѣющій дѣло съ болѣе просвѣщенной частію общества и распространяющій книги подороже для дѣтей болѣе старшаго возраста, точно также говорившій о необходимости картинокъ

во всякой книгѣ для юношества, прибавлялъ еще, что покупатели никогда не могутъ отрѣшиться отъ своихъ симпатій, выбирая книги для своихъ дѣтей: „Въ настоящее время, говорилъ онъ, есть мода на все національное, и я ни за что не взялся бы издавать самой лучшей переводной книги и никакихъ разказовъ изъ всеобщей исторіи“. Родители, судящіе о книгахъ по роскошной оберткѣ, картинкамъ яркихъ цвѣтовъ и заглавію, удовлетворяются такими издателями; но кто удовлетворитъ родителей и воспитателей, которые желаютъ хорошаго чтенія для своихъ дѣтей и воспитанниковъ?

Съ неописанною радостью встрѣчаютъ они объявленіе о вновь вышедшей дѣтской книгѣ, составленной извѣстнымъ педагогомъ и изданной не для одного барыша. Какою бы идеей ни задался ея составитель, все же покупатель можетъ быть увѣренъ, что польза отъ нея несомнѣнно будетъ.

Имя г. Водовозова пользуется извѣстностью въ нашей педагогической литературѣ; если дидактическіе труды его по словесности нельзя назвать вполне удачными, то какъ разказчикъ, онъ неподражаемъ; его „Разказы изъ русской исторіи“ пользуются заслуженнымъ уваженіемъ со стороны родителей и наставниковъ, охотно читаются дѣтьми, и мы съ удовольствіемъ видимъ, что г. Водовозовъ снова принимается за работу въ той сферѣ, гдѣ труды его были вполне удачны.

Въ предисловіи авторъ объявляетъ, что въ этой книгѣ собраны болѣею частію оригинальныя, еще нигдѣ не напечатанныя, разказы и стихотворенія. Намъ кажется, что оригинальность, безъ которой книга для взрослыхъ не имѣетъ никакого значенія, въ дѣтскомъ сборникѣ, читатели котораго, предполагается, знакомы даже съ своею литературой очень мало, не составляетъ особенно важнаго достоинства. Здѣсь не мѣсто судить о поэтическомъ талантѣ г. Водовозова, но мы не можемъ не задать себѣ вопроса: ужели г. Водовозовъ полагаетъ, что его 8-лѣтніе читатели уже успѣли изучить Пушкина и Жуковскаго? Или г. Водовозовъ считаетъ, что знакомство съ его музой плодотворнѣе для дѣтскаго ума?

Имя въ виду дѣтей отъ 8-и до 12-и лѣтъ, составитель назначаетъ свою книгу для чтенія въ классѣ, на что указываютъ прилагаемые вопросы. Конечно, чѣмъ меньше развитъ умъ человѣка, тѣмъ болѣе требуетъ онъ руководства, и чѣмъ болѣе 10-лѣтній ребенокъ будетъ читать съ учителемъ, тѣмъ лучше. Но приучить читать съ толкомъ, отдавая себѣ отчетъ во всякомъ словѣ, можно и на хрестоматіяхъ, въ которыхъ у насъ не чувствуется недостатка; однако даже

10-лѣтній ребенокъ, читающій охотно безъ принужденія, не удовольствуется тѣмъ, что можетъ онъ прочесть съ наставникомъ. Не въ хрестоматіяхъ, но въ книгахъ для самостоятельнаго чтенія мы болѣе нуждаемся. Но вопросы для бесѣдъ не могутъ мѣшать никому, и если статьи такого сборника занимательны, онъ можетъ служить съ успѣхомъ и для выѣкласнаго чтенія. Къ сожалѣнію, не всѣ статьи въ книгѣ удовлетворяютъ этому главному условію, безъ котораго всѣ другія достоинства пропадаютъ, — занимательности ¹⁾.

Какъ для народа, въ эпоху младенчества, такъ и для отдѣльнаго человѣка въ дѣтствѣ занимателенъ только энической матеріалъ; уже пятилѣтній ребенокъ съ наслажденіемъ слушаетъ сказку, и много лѣтъ пройдетъ, прежде чѣмъ онъ будетъ способенъ съ удовольствіемъ останавливаться на описаніяхъ и разсужденіяхъ. Г. Водовозовъ старается облечь послѣднія въ эническую или драматическую форму, но одна форма не прельститъ ребенка: онъ, напримѣръ, при первой статьѣ: „Городъ и деревня“ соскучится, долго читая описаніе, и будетъ непріятно разочарованъ, увидавъ въ концѣ статьи, что онъ напрасно ждалъ узнать что-нибудь про судьбу главнаго края.

Всѣхъ статей въ книгѣ 21; изъ нихъ: „Городъ и деревня“, „Горка“, „Курица и ласточка“, „Огонь и вѣтеръ“, „Похожденія рубашечки“, „Какова бываетъ рѣчка“, „Грамота и разумъ“, „О собакахъ“, „Червячокъ“, „Что тамъ на сѣверѣ“, „Въ степи“, „Митя и Сеня“ принадлежатъ къ разряду поучительныхъ и имѣютъ цѣлю пріучить ребенка къ наблюдательности, толковому чтенію и внушить ему нравственныя правила. Стихотворенія: „Рѣчка, земля и вода“, „Солнце и знанье“ не могутъ сами по себѣ принести ни удовольствія, ни пользы; только вопросы, помѣщенные послѣ нихъ, заставляя ребенка подумать, тѣмъ самымъ могутъ способствовать его развитію. Эти вопросы раздѣляются на два разряда: одни имѣютъ цѣлю обратить вниманіе читателей на самый разказъ (напримѣръ, къ первой статьѣ: отчего Сеня не пошелъ въ школу? развѣ дурно кататься на конькахъ? и т. д.), другіе имѣютъ только внѣшнюю связь съ разказомъ (напримѣръ, къ той же статьѣ: изъ чего дѣлаются сапоги, перчатки? гдѣ достаютъ кожу? *иде водятся стада?* и т. д.). Послѣдніе мы считаемъ бесполезными: они только отвлекаютъ ребенка отъ статьи, а бесѣдовать объ этихъ пред-

¹⁾ Придавая ей такое значеніе, мы отнюдь не думаемъ, что одно это достоинство можетъ замѣнить все остальное. Если надо выбирать между занимательною, но съ дурнымъ направленіемъ, дѣтскою книгой и скучною, мы станемъ на сторону второй; послѣдняя только бесполезна, тогда какъ первая вредна.

метахъ наставнику, читающему книгу съ ребенкомъ, удобнѣе при другомъ случаѣ.

Идеи, внушаемыя авторомъ, какъ въ самыхъ статьяхъ, такъ и посредствомъ вопросовъ, вполне нравственны, и не въ извѣстномъ смыслѣ морали старыхъ прописей и нравоучительныхъ книгъ, то-есть, высказываютъ не общія положенія, въ родѣ: будь прилеженъ, слушайся старшихъ; но дѣйствуютъ прямо на живыя стороны дѣтскаго сердца, внушаютъ сочувствіе ко всему хорошему и отвращаютъ отъ всего дурнаго, въ какихъ бы, повидимому, привлекательныхъ формахъ ни являлось оно. Особенно хороша въ этомъ отношеніи предпоследняя статья: „Митя и Сеня“. Иногда автора можно упрекнуть въ томъ, что онъ затрогиваетъ вопросы, не вполне понятные для его юныхъ читателей; напримѣръ, стр. 32: „чтобы сойтись съ другимъ человекомъ (въ бракѣ) можно ли думать только о себѣ, о своихъ выгодахъ, о томъ, какъ исполнить только свои прихоти или капризы?“ Авторъ, повидимому, забылъ, что первое и главное условіе пригодности такихъ вопросовъ состоитъ въ томъ, чтобы ребенокъ *собственнымъ умомъ* могъ дойти до правильнаго и полнаго разрѣшенія ихъ. Наставникъ долженъ руководить и возбуждать дѣятельность ума ребенка, но не долженъ вкладывать въ его голову свой взглядъ.

Кромѣ вышешюименованныхъ нравоучительныхъ статей, въ книгѣ есть 5 сказокъ. „Лутонѣвка“, „Котъ и Лисица“, „Журавль и Цапля“, „Несмѣяна царевна“ и „Ершь Щетинниковъ“; 2-я, 3-я и 5-я переложены въ стихи г. Водовозовымъ, и не совсѣмъ удачно. Не понимаемъ, что за охота автору перекладывать хорошую прозу въ плохіе стихи (въ родѣ „Шерстку къ шерсткѣ чинно прилизалъ“ или „Ужъ kota сильнѣе звѣря кѣтъ“). Дѣти часто съ удовольствіемъ и всегда съ пользою учатъ хорошіе стихи наизусть; умѣя хорошо произносить ихъ, часто съ удовольствіемъ читаютъ ихъ въ слухъ, но стихотворная форма сама по себѣ не возбуждаетъ ихъ вниманія; напротивъ, намъ нѣрѣдко случалось видѣть, что мальчикъ, съ наслажденіемъ прочитавшій „Капитанскую дочку“, бросаетъ не дочитавъ Полтаву: стихи только затрудняютъ пониманіе статьи.

Напрасно также авторъ предпочитаетъ сатирическія сказки серьезнымъ. Громкій смѣхъ, раздающійся въ классѣ при чтеніи сатирической пьесы, вводитъ многихъ въ заблужденіе: думаютъ, что ребенокъ воспримчивѣе къ отрицательному изображенію жизни, чѣмъ къ положительному. Естественно ли это? Смѣхъ происходитъ отъ невольнаго желанія дать просторъ въ классѣ такому движенію, которое

въ другое время строго запрещается; а дома мальчикъ съ хорошимъ направлениемъ всегда предпочтетъ серіозную повѣсть смѣхотворной. Наконецъ, если бы это и было такъ, слѣдуетъ ли давать просторъ такому направленію?

Форма изложенія прозаическихъ статей въ книгѣ г. Водовозова вообще удовлетворительна; мѣстами только, въ особенности въ первыхъ статьяхъ, замѣтна неудачная поддѣлка подъ дѣтскую рѣчь; авторъ пишетъ: „большуіе каменные дома“, „цѣлый шкапище“ и т. д.; но развѣ подобныя выраженія понятнѣе для ребенка, чѣмъ обыкновенныя выраженія: „большіе дома“, „цѣлый шкафъ“?

Изданіе и рисунки (числомъ 11) для дѣтской книги въ 75 коп. очень хороши. К.

Сборникъ статей для чтенія и разказа по предмету русскаго языка—въ уѣздныхъ, городскихъ начальныхъ и сельскихъ училищахъ, съ приложениемъ образцовъ систематическаго диктанта. Составилъ *Иванъ Соснецкій*, преподаватель 2-й Московской гимназій. Москва. 1871 г. Цѣна 40 к.

Въ предисловіи составитель говоритъ: „Предлагаемый сборникъ составленъ для чтенія и разказа при первоначальномъ образованіи. Я старался выбрать такія статьи, которыя, *будучи доступны дѣтскимъ понятіямъ по содержанию*, могли бы въ то же время представить для дѣтей образцы *правильнаго и легкаго русскаго языка*“. Задача не многотрудная, и всякій номеръ порядочнаго дѣтскаго журнала, всякая сносная дѣтская книга удобно можетъ замѣнить сборникъ г. Соснецкаго, но и эта задача выполнена авторомъ не вполне.

Сборникъ состоитъ изъ 7-и отдѣловъ; первый заключаетъ въ себѣ сказки, по большей части смѣхотворныя (?), отъ стр. 1—33; 2-ой—разказы изъ священной исторіи, заимствованные у Зонтагъ (отъ 33—45 стр.); 3-й—статьи изъ русской исторіи, заимствованныя у Водовозова и Ишимовой, въ томъ числѣ стихи Жуковскаго при статьѣ объ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, совершенно недоступныя дѣтямъ не только въ сельскихъ школахъ, но и въ гимназійхъ; 4-й отдѣлъ—изъ русской природы и быта, заключаетъ 1 отрывокъ изъ Аксакова, 5 изъ Тургенева и 7 изъ Тараса Бульбы, въ томъ числѣ казнь Остана и др. (недоумѣваемъ, куда отнести ихъ: къ русской природѣ или русскому быту?). Отдѣлъ 5-й—разказы изъ военной жизни русскіхъ (въ Севастопольскую кампанію), заимствованные изъ плохой дѣтской книжки: „Свободные часы др. уроковъ“ С... С... Москва. 1858. Это отдѣлъ совершенно оригинальный, не встрѣчающійся въ другихъ хрестомат-

тіяхъ; о немъ можетъ дать понятіе слѣдующій разсказъ: „Юнкеръ князь Андрониковъ“ (стр. 100).

Во время сраженія при Башъ-Кадикъ-Ларѣ, юнкеръ князь Андрониковъ, достойный сынъ побѣдителя предъ (отчего не „подъ“?) Ахалцихомъ, увидѣвъ подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, что юнкеръ Гогіевъ палъ, поднявъ его, вынесъ на плечахъ изъ-подъ выстрѣла и тотчасъ же возвратился въ бой“.

Вотъ и весь разсказъ; какая цѣль помѣщать его въ сборникъ для народныхъ школъ?

Отдѣлъ 6-й заключаетъ историческіе анекдоты о Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ II и Суворовѣ, по большей части, изъ той же книжки. Вотъ одинъ для образца: „Газеты и генераль“ (стр. 125).

„Одинъ генераль любилъ говорить о газетахъ и безпрестанно повторялъ: „въ газетахъ пишутъ“; „по послѣднимъ газетамъ“ и т. д. Суворовъ на это вотъ что сказалъ: „Жалкоъ тотъ полководецъ, который по газетамъ ведетъ войну. Есть и другія вещи, которыя знать ему надобно, но о которыхъ тамъ не печатаютъ“.

Едва-ли Суворовъ поблагодарилъ бы тѣхъ, кто распространяетъ о немъ подобные анекдоты. Вотъ начало анекдота объ Екатеринѣ II:

„Въ одномъ своемъ письмѣ къ Екатеринѣ, Вольтеръ писалъ, что очень досадуетъ на то, что она не носитъ имени Юноны, Минервы, Венеры или Цереры“ и т. д.

Ужели г. Соснецкій думаетъ, что такой анекдотъ доступенъ по содержанию ученикамъ сельскихъ школъ?

Отдѣлъ 7-й заключаетъ стихотворенія (128 — 200 стр.) и не представляетъ почти ничего оригинальнаго: почти всѣ стихотворенія помѣщены въ другихъ хрестоматіяхъ; мы говоримъ „почти“, потому что здѣсь находятся два стихотворенія самого г. Соснецкаго: „Богатство невинности“ (стр. 142) и „Россія“. Вотъ отрывокъ изъ послѣдняго, съ интерпункціей подлинника:

Онъ (русскій народъ) философскія начала

Не изъ теорій почерпалъ:

Ему ихъ вѣра диктовала,

Онъ ихъ изъ жизни развивалъ!

.....

Онъ не прельщался суетою,

Не звалъ коварства, злобы дѣлъ!

Этихъ стихотвореній нѣтъ ни въ какой хрестоматіи. Едва-ли также прійдетъ кому-нибудь охота въ дѣтскій сборникъ помѣщать извѣстное стихотвореніе Пушкина „Телѣга Жизни“, что сдѣлалъ г. Соснецкій.

Вообще книга г. Соснецкаго, кромѣ дешевизны, достоинствъ никакихъ не имѣетъ.

К.

Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ.
 Курсъ элементарный, состоящій изъ трехъ частей. Составилъ *В. С. Игнатовичъ*, преподаватель 1-й С.-Петербургской военной гимназіи.
 Часть I и II. С.-Пб. 1870.

Авторъ означеннаго руководства, которое, въ полномъ своемъ составѣ, назначено для четырехъ низшихъ классовъ гимназій, уже достаточно извѣстенъ прежними своими трудами по изученію французскаго языка. Изъ этихъ прежнихъ трудовъ г. Игнатовича мы укажемъ здѣсь на его замѣчательную критическую статью о Русско-французскомъ словарѣ г. Макарова, которая, вслѣдъ за появленіемъ этого лексикона, была помѣщена въ одной изъ книжекъ *Журнала Мин. Народн. Просв.* за 1867 г. Не менѣе серіозное отношеніе къ дѣлу обнаружило также изслѣдованіе г. Игнатовича „Объ элементарномъ преподаваніи французскаго языка“, помѣщенное въ I и II-й книжкахъ *Педагогическаго Сборника* за 1870 годъ. Въ этомъ послѣднемъ трудѣ, имѣющемъ ближайшее отношеніе къ „Концентрическому учебнику французскаго языка“, очень подробно, основательно и ясно изложены условія, содѣйствующія, по мнѣнію автора, успѣшному преподаванію французскаго языка. Изложенную здѣсь теорію г. Игнатовичъ примѣнилъ къ разсматриваемому учебнику, особенность котораго состоитъ въ концентрическомъ распредѣленіи грамматическаго и лингвистическаго матеріала въ трехъ послѣдовательно распространенныхъ курсахъ.

Въ учебникѣ г. Игнатовича ярко выступаютъ хорошія стороны. При разсмотрѣніи двухъ первыхъ его отдѣловъ, нельзя не обратить вниманія на правильное и стройное распредѣленіе грамматическаго матеріала, на ясность, правильность и точность теоретическихъ объясненій и на удачное сопоставленіе какъ аналогій, такъ и синтаксическихъ несходствъ, существующихъ между языками французскимъ и нашимъ отечественнымъ. Бóльшая часть помѣщенныхъ здѣсь французскихъ текстовъ служитъ дополненіемъ къ грамматическимъ отдѣламъ учебника. Эти тексты, а равно и тѣ, которые исключительно назначены для чтенія и перевода, снабжены необходимыми для пониманія ихъ приложеніями. Вообще эти тексты составлены и выбраны очень удачно, то-есть, приспособлены къ степени пониманія учащихся. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ только тѣ тексты, содержаніе для которыхъ заимствовано изъ древней исторіи, такъ какъ преподаваніе ея начинается только со III-го класса, и потому оно не извѣстно еще ученикамъ низшихъ гимназическихъ классовъ.

Принимая во вниманіе указанныя достоинства „Концентрическаго учебника французскаго языка“, г. Игнатовича, должно признать что эта книга можетъ быть съ пользой рекомендована для употребленія въ нашихъ гимназіяхъ.

Элементарный курсъ французскаго языка, для I и II-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ учитель французскаго языка при 2-й Киевской гимназіи, В. Сильманъ. Киевъ, 1870.

Руководства къ изученію французскаго языка для всѣхъ учебныхъ заведеній и для домашняго обученія. По генетическому методу. Того же автора. Изд. 2-е, вновь переработанное. Три части. Киевъ. 1869.

„Главная цѣль этого руководства, говоритъ г. Сильманъ въ предисловіи къ „Элементарному курсу французскаго языка“ (стр. IV), состоитъ въ усвоеніи, чисто-практическимъ путемъ, живой устной рѣчи, а не изученіе грамматическихъ правилъ языка“. Съ этою цѣлію авторъ воспользовался трудами Робертсона, Жако и другихъ, примѣнивъ ихъ дидактическіе приемы къ преподаванію французскаго языка въ низшихъ классахъ гимназій и вообще къ дѣтскому возрасту. Весь курсъ раздѣленъ авторомъ на 40 уроковъ, которые должны быть пройдены въ продолженіи двухъ лѣтъ, и каждый урокъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія четыре части: 1) французскій текстъ, 2) упражненіе въ разговорномъ языкѣ, 3) грамматическое упражненіе и 4) фразеологию. Текстомъ для автора послужили двѣ повѣсти Беркена: 1) *Le petit frère* и 2) *La robe de soie*. Онѣ тянутся по всей книгѣ и около нихъ сосредоточена вся теорія, а равно и весь матеріалъ французскаго языка, на сколько это, по мнѣнію автора, необходимо для гимназистовъ двухъ нижнихъ классовъ. Замѣтимъ здѣсь, что, съ педагогической точки зрѣнія, первая изъ означенныхъ повѣстей выбрана очень неудачно. Дѣйствительно, въ пустомъ разказѣ „*Le petit frère*“ какой-то г. де-Жансакъ вводитъ свою пятилѣтнюю дочь, Фаншетту, въ спальню ея матери, которая только что разрѣшилась отъ бремени сыномъ. „*Ce furent alors—прибавляетъ авторъ разказа— mille et mille questions de la part de la petite fille. Son père y répondit de son mieux*“ и пр. Далѣе Фаншеттѣ объясняется, какъ мать кормила ее молокомъ и перечисляются всѣ благодѣянія, которыми осыпали это маленькое существо его родители, за что, въ заключеніе, Фаншетта даетъ обѣщаніе въ томъ, что будетъ ихъ слушаться. Разумѣется, легко можетъ случиться, что маленькіе гимназисты, которымъ придется читать и перечитывать упомянутую статью въ теченіе

дѣлаго года, не прочь будутъ, подобно маленькой Фаншеттѣ, предлагать „mille et mille questions“ о такихъ подробностяхъ, на которыя невольно наводитъ этотъ разказъ, и не у всякаго изъ нихъ найдется такой опытный и осторожный руководитель, каковымъ является здѣсь г. де-Жансакъ. Къ чему же помѣщать въ учебникѣ такіе безтактные разказы?

Что касается затѣмъ дидактическихъ приѣмовъ автора, то они никакъ не могутъ быть признаны удовлетворительными, такъ какъ нисколько не отвѣчаютъ той цѣли, которая имѣется или должна имѣться въ виду при преподаваніи французскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. Она нисколько не состоитъ въ томъ, чтобы только научить гимназистовъ практическому употребленію этого языка. Притомъ хотя авторъ и заявляетъ въ своемъ предисловіи, что его руководство составлено примѣнительно къ дѣтскому возрасту, но самая книга мало отвѣчаетъ этому плану. Такъ въ главѣ перваго же урока помѣщено слѣдующее начало упомянутого разказа „Le petit frère“: „Fanchette s'était un jour levée de grand matin pour aller cueillir des fleurs et en porter un bouquet à sa mère dans son lit“. Всѣ усилія автора сдѣлать этотъ отрывокъ понятнымъ дѣтямъ, которыя только-что обучались французскому чтенію и вовсе не знакомы съ теоріей даже своего роднаго языка, необходимо должны остаться напрасными. Тутъ не помогутъ ни упражненія въ разговорномъ языкѣ, которыя непосредственно слѣдуютъ за приведеннымъ отрывкомъ, ни другіе приемы, при помощи которыхъ г. Сильманъ надѣется достигнуть своей цѣли, тѣмъ болѣе, что объяснительныя замѣтки, приложенныя къ французскому тексту, далеко не исчерпываютъ представляемаго имъ грамматическаго и лингвистическаго матеріала. Единственно возможный результатъ всѣхъ этихъ усилій долженъ выразиться въ настоящемъ случаѣ въ томъ, что ученики, если они надѣлены хорошею памятью, бессознательно и чисто-механически усвоятъ себѣ какъ французскій текстъ, такъ и русскій его переводъ. При такомъ планѣ едва-ли также можетъ быть рѣчь о правильномъ размѣщеніи въ руководствѣ грамматическаго матеріала, а слѣдовательно, и о педагогической постепенности. Она дѣйствительно нерѣдко нарушается г. Сильманомъ. Такъ уже во второмъ урокѣ (стр. 3) онъ считаетъ возможнымъ дѣлать преждевременныя указанія на корни словъ и ихъ окончанія. Въ 12-мъ урокѣ (стр. 25), то-есть, въ томъ же первомъ классѣ, для котораго г. Сильманъ назначаетъ первые 30 уроковъ, онъ объясняетъ, что русское „только“ выражается по-французски посредствомъ *ne....*

que. На стр. 27 въ § 25 также объясняется одна из особенностей французскаго языка. На стр. 41 въ § 37 авторъ опредѣляетъ отѣнки значеніи выраженій: *laisser tomber* и *faire tomber*, и т. д. Вообще неумѣстное и преждевременное стараніе автора уже на первых порахъ дать своимъ ученикамъ понятіе объ особенностяхъ французской рѣчи нельзя признать педагогическимъ.

Въ теоретической части разсматриваемаго руководства изложеніе не всегда отличается надлежащею полнотою, ясностію и правильностію. Такъ на стр. 9-й въ § 13 говорится, что мѣстоименія во французскомъ языкѣ стоятъ *всегда* передъ глаголомъ. Слѣдовало оговорить, что въ повелительномъ наклоненіи этого не бываетъ. На стр. 15-й въ § 19 замѣчено, что окончанія *aïs, ais, aît* въ прошедшемъ не совершенномъ времени (которое авторъ не совсѣмъ понятно для своихъ малолѣтнихъ учениковъ называетъ „*дѣйствіемъ прошлымъ неоконченнымъ*“) „присоединяются прямо къ корню“. На этомъ основаніи ученикъ будетъ спрягать *je finais*, вмѣсто *je finissais*, и т. д. Дѣло въ томъ, что это правило приложимо не ко всѣмъ спряженіямъ. Изложеніе на стр. 73-й до того темно, что содержаніе излагаемой здѣсь теоріи является непонятнымъ даже и взрослому человѣку. Правило (на стр. 77), по которому „*est* имена на *си* принимаютъ во множественномъ числѣ букву *x*“, не вѣрно. На стр. 110-й помѣщены не существующія глагольныя формы: *on arrivèrent* и *on se hâtèrent*. Помѣщенное на стр. 114-й въ § 109-мъ правило составляетъ буквальное повтореніе того, что уже сказано на стр. 93-й въ § 89.

Нельзя также не обратить вниманія на множество опечатокъ, и притомъ весьма грубыхъ, безъ которыхъ не обходится почти ни одна страница въ книгѣ г. Сильмана. Можно смѣло сказать, что до сихъ поръ не появлялось еще у насъ ни одного учебника по новымъ языкамъ, въ которомъ столь важная въ учебникѣ корректурная часть находилась бы въ такомъ пренебреженіи. Русскій языкъ въ разсматриваемой книгѣ также мѣстами нуждается въ исправленіи. Такъ въ единственномъ упражненіи для перевода съ русскаго языка на французскій (на стр. 150) встрѣчаются такіа фразы: „Но вотъ вдругъ быкъ, вырвавшійся отъ мясника, съ яростію бѣжалъ напротивъ Фаншетты и ея няни“.

По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, „Элементарный курсъ французскаго языка“, изданный г. Сильманомъ, не можетъ быть рекомендованъ, какъ руководство, для употребленія въ гимназіяхъ.

Что касается до втораго изъ поименованныхъ руководствъ, со-

стоящаго изъ трехъ частей, то оно не болѣе какъ новое изданіе извѣстной книги Магера, которая первоначально появилась, въ переводѣ г. Сильмана, въ 1865 г., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Руководство къ изученію французскаго языка для всѣхъ учебныхъ заведеній и для домашняго обученія“. Въ новомъ изданіи г. Сильманъ допустилъ значительныя измѣненія и дополненія, но въ сущности разсматриваемое руководство основано на генетической методѣ Магера, которая, по справедливости, высоко цѣнится преподавателями новыхъ языковъ. Тѣмъ не менѣе и это руководство не можетъ быть, безусловно одобрено для нашихъ гимназій, по нижеслѣдующимъ причинамъ. Авторъ придаетъ слишкомъ большое значеніе изученію французскаго языка среди другихъ предметовъ гимназическаго курса. Въ своемъ предисловіи онъ заявляетъ сожалѣніе о томъ, что новымъ языкамъ предоставлена въ этомъ курсѣ незначительная роль.

„Еще и до настоящаго времени (говоритъ г. Сильманъ на стр. 8) многіе, даже весьма многіе, смотрятъ на преподаваніе новыхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ на роскошь, — какъ на средство, а не какъ на цѣль“. „Пора бы, кажется (прибавляетъ авторъ на стр. 9), придти къ тому убѣжденію, что въ школахъ лишняго ничего не должно быть, — что все лишнее не только бесполезно, но даже вредно. Все, что преподается въ школахъ, должно служить къ развитію учащагося юношества какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи“.

Отсюда поневолѣ вытекаетъ слѣдующая дилемма: или иностранные языки не могутъ служить средствомъ къ умственному развитію учащихся, и въ такомъ случаѣ существованіе ихъ въ учебномъ заведеніи положительно бесполезно, вредно и должно быть уничтожено, или же они имѣютъ такую же образовательную силу, какъ и всякій другой предметъ, и въ такомъ случаѣ они одинаково полезны, а потому и на нихъ слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе и дать имъ почетное мѣсто въ ряду другихъ предметовъ.

Изъ приведенныхъ и другихъ своихъ положеній г. Сильманъ дѣлаетъ (на стр. 10) слѣдующій выводъ:

„На преподаваніе французскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ должно смотрѣть какъ на цѣль, какъ на формальное образовательное средство, *стоящее на ряду съ латинскимъ языкомъ* (?), а не какъ на излишнюю роскошь, безъ которой можно и обойтись“.

Замѣтимъ на это, что по мнѣнію, давно уже установившемуся въ педагогическомъ мірѣ, умственное развитіе учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должно опираться на изученіи древнихъ языковъ или отечественной рѣчи, а равно и математики, при чемъ не только новые языки, но даже исторія и остальные предметы гимназической

программы ставятся на второмъ планѣ. Не станемъ распространяться о вѣрности и разумности той педагогической точки зрѣнія, которая лежитъ въ основѣ указанной системы преподаванія; ограничимся въ настоящемъ случаѣ только простымъ указаніемъ практической необходимости такой системы для нашихъ гимназій. При той многопредметности, которая въ нихъ господствуетъ, дѣйствительно, необходимо раздѣлить предметы преподаванія на главные и второстепенные и каждому изъ нихъ назначить извѣстные предѣлы. Не споримъ о томъ, что каждая наука имѣетъ свое образовательное значеніе; но если бы, на основаніи этого, въ сущности вѣрнаго взгляда, каждый преподаватель вздумалъ включить весь матеріалъ, представляемый его предметомъ, въ многотомный учебникъ и потребовалъ знанія его отъ своихъ учениковъ, то гимназическое образованіе сдѣлалось бы неодолимымъ для юныхъ силъ учащейся молодежи. Сообразно съ своимъ взглядомъ на значеніе французскаго языка въ гимназической программѣ, г. Сильманъ растянулъ свой учебникъ на четыре части, считая въ томъ числѣ и „Элементарный курсъ“, назначенный для первыхъ двухъ классовъ. При этомъ не обошлось безъ такихъ подробностей, которыя далеко заходятъ за предѣлы гимназической программы. Кромѣ того, такая многотомность учебниковъ представляетъ еще и то практическое неудобство, что непомерно увеличиваетъ ихъ цѣну. Такъ въ настоящемъ случаѣ цѣна, назначенная г. Сильманомъ за свою книгу (3 руб. 60 коп. за всѣ 4 курса и 4 руб. 10 коп. въ розничной продажѣ), дѣлаетъ ее рѣшительно недоступною огромному большинству нашихъ гимназистовъ. Прибавимъ къ этому, что имъ пришлось бы, кромѣ того, вапастись руководствомъ для переводовъ съ французскаго языка на русскій и съ русскаго на французскій, такъ какъ въ книгѣ г. Сильмана вовсе нѣтъ такихъ упражненій. Наконецъ, эта книга не можетъ быть дана въ руки гимназистамъ уже потому, что, подобно „Элементарному курсу“, наполнена множествомъ опечатокъ, нерѣдко совершенно искажающихъ помѣщенные здѣсь французскіе тексты.

Все это не мѣшаетъ, однако, признать „Руководство къ французскому языку“ г. Сильмана не лишнимъ для основныхъ гимназическихъ библиотекъ, въ виду того, что оно можетъ оказать существенную пользу тѣмъ изъ преподавателей французскаго языка, которые не имѣютъ подъ рукою книги Магера.

Краткій французскій синтаксисъ для употребленія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ учитель гимназій Н. Свѣшниковъ. С.-Пб. 1870.

Въ предисловіи въ своему руководству г. Свѣшниковъ заявляетъ, что до сихъ поръ въ нашей педагогической литературѣ нѣтъ французскаго синтаксиса, изложеннаго отдѣльно отъ этимологій, кромѣ книги г. Фену, которую авторъ считаетъ „недостаточною для гимназическаго курса“. Разсматриваемое руководство, составленное (какъ о томъ говоритъ г. Свѣшниковъ въ своемъ предисловіи) по грамматическимъ трудамъ гг. Марго, Флѣри и Бенереля, также, какъ мы увидимъ, не восполняетъ собою означеннаго пробѣла въ русской педагогической литературѣ. Съ одной стороны, здѣсь много лишняго, то-есть, выходящаго изъ предѣловъ гимназической программы, а съ другой, нѣтъ такихъ подробностей, незнаніе которыхъ можетъ затруднить пониманіе не только особенностей, но и самаго обыкновеннаго строя французской рѣчи.

Такъ, напримѣръ, при изложеніи особенностей рода и числа въ существительныхъ или при разсмотрѣніи теоріи члена, г. Свѣшниковъ вдается въ такія подробности, которыя являются лишними въ „Краткомъ французскомъ синтаксисѣ“. За то авторъ не касается цѣлыхъ и притомъ существенно важныхъ отдѣловъ излагаемой имъ науки. Такъ онъ пропускаетъ, между прочимъ, весь синтаксисъ неизмѣняемыхъ частей рѣчи, не обративъ вниманія на то, что употребленіе множества французскихъ предлоговъ, нарѣчій и союзовъ представляетъ такія особенности, безъ которыхъ не обходится, можно сказать, ни одна страница французскаго текста и которыя потому необходимо требуютъ тщательнаго объясненія. Здѣсь иногда очень рѣзко выступаетъ различіе между французскимъ языкомъ и русскимъ, и вотъ почему, конечно, и г. Марго уясненію означеннаго отдѣла посвятилъ въ своей книгѣ цѣлыя три главы. Въ числѣ особенно важныхъ пропусковъ въ учебникѣ г. Свѣшникова должно также упомянуть полное отсутствіе примѣровъ для переводовъ съ русскаго языка на французскій. При изложеніи отдѣльныхъ правилъ французскаго синтаксиса, этотъ учебникъ также нерѣдко отличается умолчаніемъ о такихъ подробностяхъ, безъ которыхъ ученіе не въ состояніи сознательно усвоить себѣ ту или другую особенность французскаго языка. Такъ правило 99-е (стр. 72), изложенное очень страннымъ языкомъ („мѣстоименіе *dont* употребляется (,) *говоря о лицахъ и о вещахъ*“), только указываетъ на употребленіе мѣстоименнаго нарѣчія *dont*, но не показываетъ случаевъ, когда именно можно и когда нельзя замѣнять имъ

слова *duquel, de laquelle, desquels, desquelles* и *de quoi*. Въ статьѣ „О согласованіи причастій прошедшихъ“ (§ 130, стр. 100) авторъ вовсе не упоминаетъ о такъ-называемыхъ *verbes pronominaux*, и единственный приводимый имъ примѣръ: „Elles se sont arrogé des droits“ и „Les droits qu'elles se sont arrogés“ далеко не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя представляетъ въ данномъ случаѣ согласованіе этого рода глаголовъ. Русскій переводъ французскихъ текстовъ, въ которыхъ излагаются правила синтаксиса, какъ мы уже видѣли, не всегда отличается въ разсматриваемомъ руководствѣ правильностію и ясностію. Такъ въ § 27 (стр. 15) мы читаемъ: „Членъ употребляется предъ названіемъ городовъ, которыя первоначально были существительными нарицательными“. Тѣмъ же недостаткомъ иногда страдаетъ и самое изложеніе, какъ это видно изъ слѣдующаго затѣмъ параграфа: „Не употребляютъ членъ предъ названіемъ городовъ, когда за нимъ слѣдуетъ опредѣленіе“. Во всякомъ случаѣ, это правило не полно. Слѣдовало прибавить, что вообще названія городовъ употребляются безъ члена, если не имѣютъ передъ собою опредѣленія, а то ученикъ можетъ понять, что если въ приведенномъ примѣрѣ „Rome ancienne ne comprenait que peu d'étendue“ уничтожить слово *ancienne*, то нужно будетъ сказать: „La Rome ne comprenait“ и пр.

Къ существеннымъ недостаткамъ разсматриваемой книги слѣдуетъ отнести также и то, что она издана очень небрежно. Кромѣ 43-хъ опечатокъ, отмѣченныхъ авторомъ, въ его книгѣ встрѣчается множество и другихъ погрѣшностей, дѣлающихъ это руководство неудобнымъ для употребленія. Такъ на стр. 13 (§ 20), вмѣсто *bleux*, слѣдуетъ читать *bleus*. На стр. 15 (§ 27) напечатано „les noms de villes lesquels étaient“. Стр. 16 (§ 30): La *préposion*, вм. *préposition*. Стр. 47 (въ примѣрахъ къ § 67) напечатано: *géôlier*, *la première*, *les ténèbres*, *la Grèce* и пр. На стр. 49 напечатано *moi*, вм. *mois*—мѣсяць. Стр. 50—*proclamons*, вм. *proclamons*. Стр. 56 наполнена опечатками. На стр. 72 (§ 98) примѣръ изъ Флешье обезображенъ приставкой лишняго предлога *à*, и т. д.

Хорошую сторону въ трудѣ г. Свѣшникава представляетъ удачный подборъ примѣровъ изъ французскихъ писателей. Преподаватели французскаго языка вообще найдутъ здѣсь достаточный матеріалъ, которымъ они могутъ пользоваться при своихъ классныхъ занятіяхъ.

На основаніи сказаннаго, книга г. Свѣшникава не можетъ быть рекомендована какъ руководство для употребленія въ гимназіяхъ, но

въ то же время нельзя считать бесполезнымъ приобретене этого руководства для основныхъ гимназическихъ библиотекъ.

Histoire élémentaire de la littérature française. Par *Jean Fleury*. Pétersbourg et Moscou. 1871.

Означенная книга заключаетъ въ себѣ краткое обзорѣніе исторіи французской литературы отъ XII вѣка до нашего времени. Особенность, и вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошая сторона этого руководства состоитъ въ томъ, что авторъ, не ограничиваясь голословнымъ приговоромъ достоинствамъ и недостаткамъ разныхъ французскихъ авторовъ, старается ознакомить читателей съ содержаніемъ и характеромъ ихъ произведеній. При этомъ онъ обращаетъ вниманіе не только на такъ-называемую изящную словесность, но и на главнѣйшихъ представителей французской науки.

Вообще этотъ курсъ французской литературы можетъ быть рекомендованъ для основныхъ библиотекъ нашихъ гимназій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РѢчь РЕКТОРА ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА П. А. ЛАВРОВСКАГО ВЪ ДЕНЬ 11-го МАЯ.

И еще разъ дождались мы 11-го мая, и снова собрались почтить день, отчисленный св. церковью для памяти о свв. первоучителяхъ Кириллѣ и Меѳодіѣ.

Какъ одни изъ всего племени славянскаго, подвизавшіеся на благо каждого безраздѣльно поколѣнія славянскаго, во мѣрѣ просвѣщенія Славянъ, эти святители съ каждымъ годомъ больше и больше собираютъ подъ своимъ знаменемъ почитателей своихъ на всемъ пространствѣ міра славянскаго.

Не одновременно совершаются такія собранія, но несомнѣнно одинаковыми чувствами и мыслями къ памяти первоучителей проникнуты всюду участники такихъ собраний. Вездѣ отражается благодарность къ ихъ просвѣдительному подвигу и сознаніе объединительнаго значенія проповѣди ихъ среди разбросанныхъ частей одного и тѣлаго по происхожденію. Отъ крайнихъ югозападныхъ предѣловъ полуострова Балканскаго до сѣверовосточныхъ оконечностей Россіи, завершающихъ міръ славянской, просто или торжественно, но всегда воодушевленно, безъ различія вѣроисповѣданія, обращаютъ Славяне взоры свои на ту удивительную эпоху, когда святыя избранники живымъ примѣромъ доказали наше племенное единство.

И Далматинцы, все равно Хорваты или Сербы, иначе католики или православные, и воинственные, съ патриархальною еще простою жизнью, Сербы княжества Босніи и Герцеговини, и кроткіе сердцемъ, простые умомъ, донынѣ еще стонущіе подъ ярмомъ турецкимъ *Болгаре*, и испытывающіе плоды западной цивилизаціи, съ стойкимъ самосознаніемъ своей народности, проникшимъ въ самыя низшіе слои,

Чехи и *Моравы*, и связующіе восточную часть славянства съ западною, при всѣхъ горькихъ невгодахъ политическихъ хранящіе древнюю простоту и чистоту нравовъ, *Словаки*, и потрясенные чуждымъ вліяніемъ *Словинцы*, жители Крайны, Штиріи и Каринтіи, и едва замѣтный островокъ славянскій среди глубокаго океана нѣмецкаго, населенный *Лужичанами*, наконецъ, весь многомилліонный востокъ, съ русскимъ народомъ во главѣ — всѣ, во всѣхъ краяхъ, ежегодно знаменуютъ тотъ или другой день, празднуемый тою или другою церковью въ честь святыхъ братьевъ Солунскихъ напоминаніемъ о ихъ заслугахъ и возбужденіемъ и освѣженіемъ сознанія племеннаго единства.

Подъ подобнымъ же впечатлѣніемъ собрались сегодня и мы, скромные количествомъ представители русскихъ Славянъ въ средоточіи соплеменнаго намъ польскаго народа.

Но почему же не видно среди насъ никого изъ этого народа? Осматриваясь кругомъ, вы замѣчаете только Русскихъ, да Чеховъ, прибывшихъ, подобно намъ, изъ другой страны; видите даже людей съ нѣмецкими фамиліями и съ протестантскимъ вѣроисповѣданіемъ, но на столько уже проникнутыхъ сознаніемъ единства съ своею родиной, что и въ настоящемъ случаѣ почли они долгомъ не отдѣляться отъ остальныхъ собратій по отечеству. А между тѣмъ не слышно, чтобы Поляки гдѣ-либо и въ другомъ мѣстѣ, какъ теперь, такъ и прежде, почувствовали потребность заявить чѣмъ-либо память о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, причисленныхъ и католическою церковью въ лику святыхъ. Они одни выдѣляются такимъ образомъ изъ слишкомъ 80-ти милліоннаго славянства и своею послѣдовательностію въ этомъ дѣлѣ, вообще вполнѣ рѣдкою, вызываютъ невольно на размышленіе о причинахъ этого явленія.

Причины эти однакожь до того ясны и прозрачны въ глазахъ даже поверхностно-знакомаго съ историческою судьбой польскаго народа, что едва-ли нуждаются въ обслѣдованіи передъ участниками нынѣшняго торжества; на столько и выразительны онѣ даже въ событіяхъ новѣйшей жизни этого народа, что и безъ особаго образованія представляются понятными наблюдательному здравому уму. И въ данномъ случаѣ онѣ являются такимъ же естественнымъ результатомъ ненормальности народнаго строя, какой давалъ и даетъ себя чувствовать въ исторіи Польши на каждомъ шагѣ.

Жизнь польская уже издавна успѣла разрѣзать народъ на двѣ неравномѣрныя части и провести между ними непроходимую пропасть. Одна часть, меньшая, подъ вліяніемъ чужеземныхъ примѣровъ и тще-

славіи собственнаго національнаго духа; увлеклась превратнымъ сознаниемъ своего превосходства, и захвативъ въ свои руки силу, власть, богатство, обратила вторую часть, въ дѣйствительности составляющую жорень цѣлаго народа, слѣдовательно, несравненно большую, въ безжизненное средство и орудіе личныхъ выгодъ и страстей. Чѣмъ болѣе протекала жизнь государственная, тѣмъ глубже упрочивалось такое сознание, усилившись чувствомъ самовластиа и произвола, какъ слѣдствіемъ особыхъ порядковъ общественной организаціи. И хотя кругомъ все давно уже перемѣнилось, хотя образованіе ввело уже новыя начала въ отношенія между народными сословіями у всѣхъ сосѣдей Польши, но Поляки по прежнему не выразили ничѣмъ готовности уничтожить разрывъ въ своей средѣ. Напротивъ, до послѣднихъ дней продолжаютъ домогаться самыми упорными усиліями возвратити къ старому порядку то, что судьбою обстоятельствъ, благодаря новымъ условіямъ политическаго положенія, успѣло уже преобразиться въ иной видъ. Привыкнуши считать себя представителями и олицетворителями народа, они какъ бы боятся и подумаютъ объ утратѣ или ослабленіи надежды удержатъ себя на прежней высотѣ и исключительности. Сила преданія и особенности воспитанія подобныхъ представителей расширили такую надежду до мечты, которая, въ свою очередь, становится уже болѣзнью и окрашиваетъ ненормальнымъ цвѣтомъ чуть не каждый пріемъ въ ихъ дѣйствіяхъ, воззрѣніяхъ и сужденіяхъ. И дѣйствительно, до чего бы ни коснулась ихъ мысль, вездѣ отлпчается она особымъ угломъ зрѣнія, не покидающимъ ихъ поэты никогда. Происходить ли оцѣнка литературнаго произведенія, она непременно опредѣляется подъ этимъ угломъ зрѣнія; дѣлается ли приговоръ даже о предметѣ науки, чуждой вообще политическимъ или національнымъ антипатіямъ и симпатіямъ, и тутъ точно также господствуетъ и затемняетъ истину исключительная и оригинальная субъективность. Отсюда, не рѣдко дурное является прекраснымъ и восторгаетъ польскіе умы, потому что въ немъ подмѣчено сродство съ болѣзненно-одностороннимъ настроеніемъ; и наоборотъ, часто прекрасное выдается не только за посредственное, но даже за дурное подъ критическимъ судомъ Поляка единственно потому, что оно не согласуется съ его завѣтными воззрѣніями. Степень близости или отдаленности отъ такого субъективнаго настроенія, вотъ что обыкновенно служитъ мѣркой для окончательной оцѣнки. Понятно, подобный пріемъ бросается въ глаза тѣмъ рѣзче, чѣмъ ближе самый предметъ соприкасается съ политикою.

И едва-ли не напрасно стали бы мы ожидать отъ повольтѣнія, воспитаннаго въ такомъ духѣ, пронзенутаго насковозъ встарѣлыми и давно отжившими преданіями, какой-либо дѣйствительной и существенной перемѣны. Иначе и отъ глубокаго старика, возросшаго подъ своеобразными понятіями дѣтства и юности, оторваннаго отъ общенія съ источниками жизни, мы были бы въ правѣ требовать свѣжести и живости чувства и увлекаемости новыми идеями, стоящими въ разрѣзъ съ симпатіями его молодости и зрѣлости. А признающая себя передовою меньшая часть польскаго народа именно разобщилась съ источникомъ жизни; она утратила подъ собою почву, которая одна могла живительно питать и освѣжать ее, и ожидать отъ нея исправленія значило бы то же самое, что надѣяться выждать плодъ отъ цвѣтка на отпрыскѣ, отсѣченномъ отъ вѣтви дерева. Исключенія быть могутъ, но позволимъ себѣ сомнѣваться, чтобъ ихъ количество могло уничтожить или ослабить общее положеніе.

Можно ли послѣ этого удивляться и отчужденности этихъ Поляковъ отъ интересовъ славянства, связанныхъ съ воспоминаніями о свв. Кириллѣ и Мееодіѣ? Примкнуть къ многовѣтвистому славянскому дереву въ состояніи они лишь посредствомъ родной своей вѣтви; но уже и съ нею всякая связь порвана ими издавна. И что, въ самомъ дѣлѣ, въ силу оригинальнаго своего развитія, найдутъ они общаго для себя съ тою идеей, какая завѣщана славянскими первоучителями? Не встрѣтять ли они скорѣе разительнаго въ ней противорѣчія со всѣмъ складомъ ихъ ума и отвердѣвшихъ надеждъ и мечтаній? Входя въ интересы этой идеи, не должны ли они примириться съ духовнымъ единствомъ Славянъ и съ общностию ихъ задачъ въ дальнѣйшей жизни? А это потребовало бы отрѣшенія ихъ отъ вѣры въ свое превосходство, искусственно поддерживавшееся воспитаніемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ надежды, взлелѣянной съ дѣтства, стать снова на незавидной высотѣ надъ младшими своими братьями, отъ лихорадочныхъ порывовъ къ прежнему произволу въ распоряженіи ими; словомъ, потребовало бы отрѣшенія отъ всего того, что превратилось въ плоть и кровь, и стало ихъ существомъ. Нѣтъ, лучше отказаться отъ всякой мысли о какомъ-либо родствѣ съ Славянами, стать скорѣе въ положеніе особняка въ ряду народовъ, чѣмъ приравняться, подъ вліяніемъ идеи славянской, къ другимъ народамъ славянскимъ, а слѣдовательно, войти въ ближайшую связь и съ собственнымъ своимъ простонародіемъ и обрабатывать, по словамъ св. Кирилла, едину бразду житейскую, наравнѣ со всѣми остальными со-

племенниками. Славянская же идея требует прежде всего подавления личных страстей на пользу общую. И повторимъ еще разъ, было бы не совсѣмъ логично полагать, тѣмъ болѣе надѣяться, чтобы вообще поколѣніе Поляковъ, пропитанное до мозга костей историческисословными предразсудками, отыскало въ себѣ силу и охоту принять къ мирнымъ и благотворнымъ задачамъ, стоящимъ въ прямомъ съ ними противорѣчій. О возможности исключеній намекнули мы выше. Новое вино требуетъ и новыхъ мѣховъ, и только поднимающееся новое поколѣніе Поляковъ, еще не успѣвшее окупиться въ жизнь и ускользнувшее отъ традиціонной системы домашняго и стараго общественнаго воспитанія, въ состояніи исправить недостатки своихъ отцовъ и дѣдовъ, снова привиться къ родной своей вѣтви и вмѣстѣ съ нею питаться общими соками славянскаго дерева.

Но если повяты причины отчужденія отъ нашего собранія меньшей части польскаго народа, такъ превратно и относительно многихъ не безуспѣшно претендующей заступать мѣсто цѣлаго народа, то гдѣ же представители большей части? Есть ли въ ней какіе-либо признаки сочувствія къ дорогой идеѣ сегодняшняго праздника? До послѣднихъ, можно сказать, дней трудно и предполагать что-либо подобное среди польскаго простонародья.

Какъ грубый матеріалъ въ рукахъ господина, простой польскій народъ былъ предназначенъ на безусловное служеніе видѣллившейся изъ его же среды меньшей части, въ которой не было недостатка ни въ прихотливыхъ требованіяхъ, ни въ самовольныхъ взмсаніяхъ. Подъ такимъ господствомъ лишенный всего, кромѣ вѣчнаго и тяжкаго труда, этотъ народъ едва-ли имѣлъ средства подняться умственно и на столько, чтобы сознать въ себѣ и то отлічіе, какимъ благое Провидѣніе видѣлило человека изъ всего остальнаго творенія. Его матеріальное благосостояніе, тѣмъ болѣе нравственное и умственное развитіе не только не входили въ соображеніе меньшинства пользовавшагося кровавымъ его трудомъ, а считались, напротивъ, опаснымъ противорѣчіемъ недостойнымъ и замаскированнымъ разчетамъ послѣдняго. И напрасно собственная исторія Поляковъ и примѣры близкихъ народовъ доказывали несостоятельность и неестественность такого порядка вещей; вслѣдствіе той же унаслѣдованной болѣзни словнаго превосходства и окрѣпшаго убѣжденія въ правѣ господства и безвозмезднаго пользованія трудами другихъ, бѣдственныя отношенія не перемѣнялись.

Какъ въ рѣкѣ вода не измѣняетъ своего вида и вкуса, протекая

вѣчно въ одномъ и томъ же руслѣ безъ новыхъ притоковъ, такъ и для перемѣны ненормальнаго сословнаго строя въ Польшѣ потребовались новыя стѣхи, приливъ новыхъ и свѣжихъ силъ. Только подъ влияніемъ ихъ преобразился, наконецъ, и онъ, и крестьяне польскіе, какъ въ прусскихъ, такъ и въ русскихъ владѣніяхъ, получили, благодаря новымъ стѣхамъ жизни, права человѣческаго, а съ этимъ вмѣстѣ и средства къ умственному и нравственному совершенствованію. Лишь теперь настала возможность на нетронутой, къ счастью, духовной почвѣ воздвигнутаго народа сѣять сѣмена правильнаго общежитія и дѣйствительнаго просвѣщенія. Провидѣнію и волѣ правительства угодно было, между прочими, поставить и насъ въ ряду дѣятелей въ этомъ смыслѣ.

Не съ горделивымъ чувствомъ побѣдителей должны отнестись мы къ своей обязанности, не съ хвастливымъ самоувѣніемъ цивилизаторовъ должны приступить къ ея исполненію, напротивъ, съ полнымъ смиреніемъ, съ осторожностію и съ непритворнымъ, искреннимъ желаніемъ общаго блага. Важность и святость подлежащей задачи требуетъ именно такого отношенія къ нашей обязанности, возлагающей притомъ на насъ отвѣтственность предъ Богомъ, закономъ и потомствомъ. Отъ дѣятельности нашей и преемниковъ нашихъ во многомъ должна зависѣть послѣдующая умственная жизнь цѣлаго народа, не одного простаго, столь недавно почти безсловеснаго, но и юныхъ поколѣній такъ-называемаго передоваго меньшинства. Посредствомъ науки поднять умственный его уровень, укрѣпить нравственно и связать мѣстные его интересы съ интересами нераздѣльнаго политическаго тѣла, которое называемъ мы Россіей, съ одной стороны, съ другой — разсѣять преднамѣренный мракъ, навѣянный вѣками, вырвать плевелы, успѣвшіе зацѣсть не въ одну душу отъ испорченной среды, преградить имъ доступъ на будущее время и поколебать, и уничтожить собственнымъ примѣромъ злоумышленнаго предубѣжденія противъ общаго отечества Россіи и нашихъ единоплеменцевъ, — вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе задачи.

Кто можетъ сомнѣваться въ многотрудности ея? Кто рѣшится отрицать и разнообразныя, часто непредвидѣнныя препятствія къ ея осуществленію? И тѣмъ тягостнѣе нравственное положеніе исполнителей, что они лишены вообще возможности видѣть плоды своихъ усилій: трудъ ихъ идетъ обыкновенно медленно, едва замѣтно; а результатъ, въ которомъ можно бы находить награду и успокоеніе, представать лишь взорамъ послѣдующихъ поколѣній. За то тѣмъ тре-

бовательнѣе и обязательнѣе твердость убѣжденія въ законности, справедливости и необходимости осуществления такой задачи для каждаго исполнителя. Лишь при такомъ убѣжденіи мыслимы добросовѣстность и энергія въ дѣятельности, а слѣдовательно, и желанный успѣхъ. И пусть первая минута окончательной утраты этого убѣжденія будетъ послѣднею минутой и самой дѣятельности. Понятно, слѣдуетъ имѣть при этомъ въ виду тѣхъ, кто далекъ отъ взгляда на службу, какъ на средство для удовлетворенія лишь личныхъ своихъ выгодъ.

Но праздникъ св. Кирилла и Меодія влечетъ насъ къ славянству. Не думайте, чтобы счастливое выполненіе указанной задачи удовлетворяло лишь цѣлямъ общей гуманности и государственнаго блага Россіи. Независимо уже отъ того, что правильное развитіе ума и сердца, очищеніе ихъ отъ средневѣковыхъ предрасудковъ сами собою введутъ польскій народъ въ заброшенную имъ или неизвѣстную ему теперь семью славянскую и сдѣлаютъ интересы ея столь же сочувственными для него, какъ, сочувственны они для остальныхъ поколѣній; независимо, говорю, отъ этого, государственный органъ образованія, по волѣ великаго нашего Монарха, обязательный и въ средѣ польскаго народа, способенъ гораздо быстрѣе, чѣмъ остальныхъ Славянъ, сдѣлать Поляковъ участниками какъ въ способствованіи духовному объединенію Славянства, такъ и въ пользованіи его плодами.

Вопросъ о единствѣ племени неотдѣлимъ отъ единства языка во всѣхъ важнѣйшихъ отправленіяхъ государственной политики, науки и литературы, предназначенныхъ служить общимъ интересамъ цѣлаго племени. Обойти при этомъ языкъ величайшаго изъ поколѣній славянскихъ, сложившагося въ могущественное политическое тѣло, съ полнотою залоговъ дальнѣйшаго роста, самобытности и независимости, миновать притомъ языкъ, уже обогащенный тысячелѣтнею исторіей государственной и литературной жизни, было бы также не естественно, какъ если бы жители ближайше сосѣднихъ деревень, въ моментъ пожара, угрожающаго одинаково всѣмъ имъ, отказались воспользоваться пожарными снарядами богатаго сосѣда-помѣщика и ограничились бы тушеніемъ отдѣльныхъ своихъ хатъ мелкими сосудами, и брали бы для этого воду не изъ многоводной рѣки, протекающей въ одинаковой близости отъ всѣхъ ихъ, а черпали ея изъ скудныхъ озерковъ, едва достаточныхъ для удовлетворенія настоятельнѣйшихъ обыденныхъ потребностей. И сознаніе необходимости общаго для Славянъ литературнаго языка, впервые, сколько намъ извѣстно, съ по-

ложительностию высказанное печатно въ трудахъ образованнѣйшихъ Поляковъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, въ трудахъ Сташица, Линде и Раковѣцкаго, въ сожалѣнію, не оставившихъ никакого слѣда на образѣ мыслей своихъ единосемцевъ, уже отиѣтлю русскій языкъ, какъ единственно пригодный сдѣлаться такимъ органомъ. Здѣсь источникъ того сочувствія къ русскому языку, какое съ каждымъ пятилѣтіемъ даетъ себя чувствовать сильнѣе и шире между западными и южными нашими соплеменниками. Но сколько препятствій самыхъ разнообразныхъ, сколько невзгодъ, подчасъ возмутительныхъ и опасныхъ, приходится преодолевать имъ при практическомъ удовлетвореніи этой симпатіи: изученіе русскаго языка возведено въ нѣкоторыхъ странахъ едва не въ государственное преступленіе и должно нѣрѣдко совершаться украдкой. Совершенно въ иныхъ условіяхъ находится положеніе русскаго языка здѣсь, и вотъ почему позволили мы себѣ сказать, что государственный органъ образованія среди Поляковъ неизбѣжно облегчить вопросъ духовнаго объединенія Славянъ.

Но русскій языкъ, какъ обязательный органъ образованія Поляковъ, не произведетъ ли ущерба спеціальной народности польской; не сотретъ ли онъ особенностей ея, столь дорогихъ въ гармоническомъ разнообразіи цѣлаго? Эта мысль, то съ опасеніемъ, то съ угрозами, смотря по личнымъ видамъ разсуждающихъ объ этомъ вопросѣ, не только обыкновенно и высказывается многими, но даже не рѣдко отождествляетъ и самое распоряженіе объ употребленіи русскаго языка съ преднамѣреннымъ и насильственнымъ обрусеніемъ самаго народа; подобный приемъ въ мысленіи и заключеніяхъ указываетъ лишь на поверхностное пониманіе существа народности. Послѣдняя есть плоть многовѣковой жизни народа, проникающій весь его умственный, нравственный и матеріальный складъ до самыхъ мельчайшихъ отиѣнковъ и отношеній между отдѣльными составными его членами и въ общей ихъ совокупности. Такой плоть не можетъ поддаваться одному государственному распоряженію, если бы даже оно и имѣло цѣлю потрясти народный организмъ и видоизмѣнить въ самомъ существѣ отличительныя его свойства, чего не имѣемъ мы права и предполагать. Видоизмѣненіе народности возможно лишь при сознательномъ или бессознательномъ участіи самаго народа и не иначе, какъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Основною и единственною причиною такого перерожденія всегда будетъ внутренняя слабость и несостоятельность собственной народности и бѣдная упругость, богатство и живучесть другой. Мысль, такимъ образомъ, о какомъ-то обрусеніи не должна и входить

въ наши соображенія. Если же предопредѣлено польской народности переродиться подъ вліяніемъ независимыхъ отъ посторонней воли причинъ, то какъ ни желательно видѣть въ ней особый мотивъ въ согласномъ хорѣ отдѣльныхъ Славянъ, все-же для всѣхъ Славянъ безъ различія успокоительнѣе и полезнѣе примириться съ поглощеніемъ ея въ родственномъ морѣ, чѣмъ видѣть погибшею въ волнахъ чужаго океана. Погибель же такая неизбѣжна при дальнѣйшей, столь упорно поддерживаемой изолированности отъ міра славянскаго представителя современной польской интеллигенціи.

Сводя къ одному концу все сказанное нами и припоминая подробности жизни первоучителей славянскихъ, мы рѣшаюсь думать, въ состояніи отмѣтить нѣкоторое сходство нашего положенія и задачъ съ ихъ дѣятельностію на почвѣ всеславянской. Новѣйшія реформы въ царствѣ Польскомъ, особенно по вѣдомству учебному, вызвавшія и насъ сюда, предназначены служить для умственного и нравственнаго поднятія такъ недавно еще забытаго, дѣйствительнаго народа польскаго и для устраненія вредныхъ вліяній въ воспитаніи младшаго поколѣнія нынѣшней передовой его части. И проповѣдь свв. Кирилла и Меодія предназначалась для прогнанія мрака нечѣжества Славянъ языческихъ и для подавленія ложныхъ понятій, проникавшихъ и въ христіанской проповѣди отъ своекорыстныхъ и вредныхъ чужеземцевъ проповѣдниковъ. Государственная реформа новѣйшаго времени, направленная на слитіе отдѣльной прежде части въ одно государственное тѣло, подобнымъ же образомъ, при посредствѣ единаго органа въ образованіи, введетъ и эту отторженную нѣкогда часть въ общую семью Славянъ, какъ языкъ свв. первоучителей славянскихъ сталъ залогомъ развитія идеи общеславянскаго объединенія на почвѣ науки и литературы.

Остается одно: пожелать, чтобъ исполнители предначертаній Высочайшей воли приближались къ своимъ священнымъ образцамъ и по глубинѣ убѣжденій, и по кротости и смиренію духа, и по стойкости характера, и по чистотѣ и непорочности своихъ дѣйствій.

П. Лавровскій.

Варшава, 11-го мая 1871 года.

ОБОЗРѢНІЕ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ ЗА 1870 ГОДЪ.

І. Фатежскій уѣздъ.

Въ Фатежскомъ уѣздѣ въ настоящее время, кромѣ приходскаго, находящагося въ г. Фатежѣ, существуетъ 45 начальныхъ народныхъ училищъ; изъ нихъ 6 открыты съ 1844 года (это бывшія волостныя), 1 открыто въ 1861, 1—въ 1865, 2—въ 1867, 30—въ 1868 и 5 въ 1869 г. Эти училища преимущественно мужскія; между ними весьма немного смѣшанныхъ, и нѣтъ ни одного женскаго. Число учащихся простирается до 2.100; изъ нихъ мальчиковъ 2.048, а дѣвочекъ 52, то-есть, всего 2%; такой ничтожный процентъ учащихся дѣвочекъ зависить въ значительной степени отъ того, что для многихъ сельскихъ обществъ Фатежскаго уѣзда училище вообще—*дѣло новое, неприличное*; во многихъ мѣстахъ они недовѣрчиво смотрятъ на школу и ожидаютъ, что будетъ изъ обученія мальчиковъ, о грамотности же дѣвочекъ и не думаютъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (напримѣръ, *Березовецъ, Акулишино*) общества по заявленію попечителей школы, и желали бы обучать ихъ, да нѣтъ мѣста въ школахъ, а устроить особыя училища для дѣвочекъ они не въ силахъ.

Тѣснота многихъ училищныхъ помѣщеній, а также отдаленность ихъ отъ центра населенія служатъ вообще не малымъ препятствіемъ къ увеличенію числа учащихся. Такъ, напримѣръ, въ огромномъ селеніи *Поньрахъ* (съ населеніемъ въ 2.393 души), растянувшемся по теченію рѣчки Поньры почти на 13 в., училище стоитъ въ сторонѣ, у конца селенія, и потому посѣщается только 20-ю учениками; въ с. *Ниже-Горлиновой* училище стоитъ также въ концѣ слободы, отдѣленное притомъ отъ большинства населенія рѣчкой, и въ этомъ училищѣ на 2.495 д. жителей всего 38 учениковъ; въ с. *Богоявленскомъ* училище, помѣщающееся при волости, стоитъ за версту отъ селенія,

чрезвычайно разбросаннаго (на 5-и в.), и при 1.463 д. жителей въ немъ всего 39 учениковъ. Вслѣдствіе такихъ же обстоятельствъ и въ училищахъ: *Покровскомъ*, *Смородинномъ* (верхней половины), *Колмчевскомъ*, *Рождественскомъ* число учениковъ сравнительно съ населеніемъ весьма мало; къ Покровской, напримѣръ, школѣ приписаны такія села, которыя отстоятъ отъ училища на 7 и болѣе верстъ; въ д. Колмчевѣ училище расположено на одномъ изъ множества бугровъ, добраться къ которому весьма трудно мальчикамъ, живущимъ на такихъ же буграхъ, раздѣленныхъ между собою множествомъ рововъ.

Чтобы дать болѣе вѣрное понятіе о числѣ учащихъ, я составилъ прилагаемую при этомъ таблицу, показывающую, кромѣ того, процентное отношеніе числа учащихся къ населенію, содержащему училище. Необходимо замѣтить при этомъ, что означенное въ таблицѣ число учениковъ показано или по училищнымъ спискамъ, или, гдѣ ихъ нѣтъ, на основаніи свѣдѣній сообщенныхъ мнѣ попечителями школъ. Наличное же число учениковъ, найденное мною во многихъ училищахъ, было гораздо менѣе (напримѣръ, въ *Покровскомъ*, *Молотычевскомъ*, *Архангельскомъ* и другихъ школахъ) вслѣдствіе очень неблагоприятной погоды, затруднявшей въ высшей степени посѣщеніе классовъ въ нынѣшнюю зиму. Притомъ, во многихъ мѣстностяхъ Фатежскаго уѣзда появилась въ то время повальная болѣзнь (тифъ), получившая сильное развитіе. Такъ, напримѣръ, въ училищѣ *Дмитриевскомъ на Холмахъ* я изъ 27-и учениковъ засталъ только 16; остальные были больны тифомъ да и изъ бывшихъ въ классѣ, по заявленію гг. наставника и попечителя, большинство только что оправилось, что видно было по ихъ изнуреннымъ, блѣднымъ лицамъ.

Кромѣ этихъ причинъ объясняющихъ, сравнительно малое наличное число учениковъ, найденное мною въ нѣкоторыхъ училищахъ, въ другихъ я былъ, когда ученики говѣли, и ученіе не было регулярно (напримѣръ, въ *Молотычахъ*). Впослѣдствіи я устранялъ это обстоятельство, давая знать учителямъ о моемъ приѣздѣ и прося ихъ собирать учениковъ, но все таки живущіе далеко не могли быть увѣдомлены заблаговременно и не были въ классахъ во время моего посѣщенія. Наконецъ, встрѣчались и такія училища, гдѣ помимо всѣхъ этихъ причинъ, я заставлялъ на лицѣ не полное число учениковъ просто потому, что ихъ задержали какія-нибудь домашнія обстоятельства, а такихъ задерживающихъ обстоятельствъ въ жизни крестьянскихъ мальчиковъ всегда много. Въ *Глѣбовскомъ* училищѣ, напри-

мѣръ, наставникъ г. Федотовъ, весьма добросовѣстный и преданный своему дѣлу молодой человекъ, говорилъ мнѣ, что школу посѣщаютъ до 60-и учениковъ, но что всѣхъ ежедневно бываетъ не болѣе 50-и; просматривая его классный журналъ, я дѣйствительно убѣдился въ справедливости его словъ.

Такимъ образомъ приводимыя мною цифры не означаютъ числа учениковъ въ данное время, а просто число всѣхъ обучающихся въ той или другой школѣ. Это число, какъ видно изъ таблицы, далеко не равномерно относительно населенія, приписаннаго въ тому или другому училищу. Въ то время, какъ въ упомянутыхъ мною выше школахъ учащихся отъ 2% до 8%, въ маленькой деревушкѣ *Шуклиной* съ населеніемъ въ 170 душъ мужскаго пола, учится 26 мальчиковъ, то-есть, 14%. Это зависитъ, конечно, отъ особеннаго расположенія въ школѣ, вліявшаго даже на раскольниковыя семьи, посылающія дѣтей (2-хъ) въ школу. Какъ сильно желаніе этого небольшого общества учить дѣтей, доказывается, вромѣ того, и тѣмъ, что одинъ хозяинъ, напримѣръ, уступилъ единственную свою комнатку (то-есть, избу съ полами) подѣ училище *за 1 руб. въ мѣсяцъ съ отопленіемъ*, а попечитель училища даетъ учителю квартиру съ полнымъ содержаніемъ *за 3 руб. въ мѣсяцъ* (цѣна неслыханная теперь въ селахъ). И замѣчательно, что учиться грамотѣ считается у нихъ дѣломъ почтеннымъ, заниматься которымъ и взрослымъ слѣдуетъ: хозяинъ избы, гдѣ помѣщается училище, крестьянинъ лѣтъ 37-и, не считаетъ для себя стыдомъ сидѣть за однимъ столомъ съ мальчиками и прилежно учиться.

За исключеніемъ двухъ учениковъ въ Шуклинскомъ училищѣ и двухъ въ Березовскомъ, принадлежащихъ къ раскольниковымъ семействамъ, остальные ученики и ученицы принадлежать къ православному вѣроисповѣданію. Ученики отъ 7-и до 19-и лѣтъ, ученицы отъ 8-и до 14-и лѣтъ.

Содержаніе училищъ. Училища Фатежскаго уѣзда содержатся: или 1) исключительно на счетъ сельскаго общества (27), или 2) къ общественному сбору прибавляется пособіе отъ земства (18); на содержаніе же одного училища (Алисовскаго), кромѣ того, почетная попечительница, *А. А. Рутценъ*, добавляетъ ежегодно изъ собственныхъ средствъ около 100 рублей.

Когда въ 1868 г. составились общественные приговоры объ открытіи училищъ и содержаніи ихъ, то для обезпеченія ихъ въ матеріальномъ отношеніи на будущее время, Фатежская земская управа, въ

апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1869 года, предложила волостнымъ правленіямъ, „если они признають возможнымъ“, суммы, ассигнованныя на училища, причислить въ раскладѣ частныхъ денежныхъ повинностей обществъ, взыскивать ихъ вмѣстѣ съ общественнымъ сборомъ и передавать попечителямъ училищъ. Всѣ волостныя правленія отвѣчали, что не встрѣчаютъ никакихъ препятствій къ этому распоряженію. Казалось, что дѣло было устроено и училища обезпечены, но вышло однако не такъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ не только не было сдѣлано подобаго причисленія, но въ 1869 году совсѣмъ и сбора не было на содержаніе училищъ. Такъ въ селѣ *Березовицѣ* попечитель заявлялъ мнѣ, что онъ рѣшительно не знаетъ, что ему дѣлать: нужно платить жалованье учителю, а денегъ нѣтъ, потому что волостное правленіе въ прошломъ году *забыло* внести въ раскладку повинностей сумму на училище; въ *Радубежѣ*, въ *Нижнемъ Ревтѣ*, въ *Акульшинѣ* попечители заявляли то же самое. Въ другихъ селахъ приговоры общества въ 1868 году были измѣнены въ слѣдующемъ году, и сумма на содержаніе училища была уменьшена. Такъ въ слободѣ *Смородиной* въ 1868 году общество ассигновало 350 руб. на одно училище (изъ арендной платы за мельницу) и 300 руб. на другое (изъ мірскаго запаснаго капитала), въ 1869 году составило другой приговоръ, въ которомъ уменьшило по 100 руб. на каждое училище; въ *Акульшиной* въ 1868 году былъ назначенъ сборъ по 24 коп. съ 855 душъ, что составляло около 205 руб., а въ прошломъ, 1869 году, по новому приговору положено было съ каждой души платить по 12 коп., и училище осталось при 102 руб. 50 коп. Въ слободѣ *Нижне-Горькиной* общество сначала дало приговоръ платить по 12 коп. съ души (2.495 д.) сумму въ 299 руб. 40 коп., а въ прошломъ году уменьшило эту сумму вдвое (149 руб. 70 коп.). Въ с. *Ольховаткѣ*, въ январѣ настоящаго 1870 года, приговоръ былъ также измѣненъ, впрочемъ — въ пользу училища. По приговору 1868 года общество обязалось уплачивать по 10 коп. съ 979 д., а въ январѣ 1870 года постановило удвоить сумму, ассигнованную на училище, и уплачивать по 20 коп. съ ревизской души. (О причинахъ, расположившихъ общество къ училищу я скажу ниже).

Такимъ образомъ самое искренне расположеніе къ народному образованію предсѣдателя и членовъ земской управы, самая энергичная дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи, парализовались тормозящимъ вліяніемъ сельскаго начальства, его бездѣятельностью и совершеннымъ равнодушіемъ къ этому дѣлу. Это невѣжественное и, къ

сожалѣнію, вліятельное на сельскія общества начальство не только не предупредило управу о могущихъ произойти измѣненіяхъ въ общественныхъ приговорахъ, чего оно не могло не знать, но даже скрыло отъ управы о случившихся уже переизмѣнахъ,—и до тѣхъ поръ, пока я не побывалъ въ каждомъ изъ училищъ и не собралъ на мѣстѣ всѣхъ этихъ свѣдѣній, управа была вполне увѣрена, что сборъ на училища причисленъ къ общимъ повинностямъ и взыскивается въ размѣрахъ, опредѣленныхъ приговорами 1868 года.

Изъ прилагаемой таблицы денежныхъ средствъ всѣхъ училищъ, содержимыхъ общественнымъ сборомъ безъ пособія и съ пособіемъ отъ земства, видно, что сельскія общества волостей издерживаютъ ежегодно до 5.625 руб. 40 коп.; изъ этой суммы максимумъ содержанія достигаетъ 254 руб., между тѣмъ, какъ минимумъ далеко не достигаетъ до опредѣленной училищнымъ совѣтомъ нормы 120 руб. въ годъ. Таковы, напримѣръ, *Бартемьевское, Ждановское, Звѣрицкое, Миротубовское* и др. училища. Имѣя въ виду, что общества подобныхъ селъ слишкомъ малочисленны и не могутъ поэтому давать обезпеченное содержаніе своимъ школамъ, уѣздный училищный совѣтъ, въ февралѣ прошлаго года, постановилъ: изъ ассигнованныхъ земствомъ на народное образованіе 2.500 руб. выдавать десяти училищамъ недостающую до 120 руб. сумму. Это постановленіе, обезпечивъ существованіе десяти училищъ, подало однако поводъ къ тому, что и другія малочисленныя сельскія общества, надѣясь получить пособіе отъ земства, начали отдѣляться и устраивать у себя самостоятельныя училища. Такъ деревня *Шуклина въ 170 д.* отдѣлилась отъ с. *Позняковой* и устроила свое училище, на которое ассигновало сборъ съ общества въ 34 руб. (по 20 коп. съ души), и обложила ученикомъ платою (по 1 руб. въ годъ съ мальчика). Отъ Ждановскаго училища отдѣлилось *Ольшанецкое* (въ с. Ольшанцѣ) и сдѣлалось самостоятельнымъ. До раздѣленія, Ждановское училище имѣло 126 руб. ежегодно изъ общественнаго сбора, а какъ только произошло раздѣленіе, эта сумма распредѣлилась такъ: Ждановское осталось при 52 руб., а Ольшанецкое при 74 руб.; въ помолненіе же недостающей суммы и то и другое назначило плату за ученіе (по 1 рублю съ ученика), но и этотъ платежъ не обезпечилъ исполнѣ ни одно изъ названныхъ училищъ. Такимъ же образомъ отъ Молатичевскаго общества отдѣлилась деревня *Самодуровка* и открыла свое училище, въ которое впрочемъ до февраля не былъ еще назначенъ учитель. Конечно, такое раздѣленіе училищъ произошло изъ желанія сельскихъ об-

щество имѣть свое училище и тѣмъ обезпечить своимъ дѣтямъ доступъ въ школу, но нельзя не замѣтить, что оно обезсилило училищныя средства и довело ихъ до такого *минимума*, при которомъ безъ пособія ни одно училище существовать не можетъ. Отдѣлившіяся общества, правда, разчитывали на земское пособіе, но оно, имѣя опредѣленное назначеніе, едва-ли могло бы удовлетворять нужды всѣхъ подобныхъ самостоятельныхъ училищъ, если бы раздѣленіе ихъ продолжалось. Поэтому, чтобы положить конецъ образованію самостоятельныхъ училищъ съ ничтожными средствами, соединенное заведеніе уѣзднаго училищнаго совѣта съ управой, по заявленію предсѣдателя послѣдней, г. Шалимова, постановило: давать на будущее время разрѣшеніе на открытіе самостоятельнаго училища только тогда, когда общество обезпечитъ его содержаніе *минимумомъ*, принятымъ совѣтомъ, то-есть, 120 руб. ежегоднаго сбора.

Земское пособіе. Переходя затѣмъ къ земскому пособію на народное образованіе, считаю нужнымъ вкратцѣ изложить весь ходъ дѣла.

Когда народныя училища были переданы въ завѣдываніе земства, въ Фатежскомъ уѣздѣ существовало 10 училищъ: 6 такъ-называемыхъ волостныхъ, содержавшихся до 1867 года управленіемъ государственныхъ имуществъ, 2 существовавшія на счетъ общества (въ с. Ольковаткѣ и Игнѣ) и 2 содержавшіяся частными лицами: г-жею Рутценъ (въ Алисовкѣ) и г. Раппомъ (въ с. Новоселовкѣ, Кресты тожъ).

Для поддержанія всѣхъ этихъ училищъ, а также для пособія могущимъ открыться вновь, земство ассигновало на 1868-й годъ 2.000 руб. Изъ этой суммы были израсходованы только 500 руб. на поддержку десяти училищъ. Затѣмъ, когда въ іюнѣ 1868 г. составились приговоры объ открытіи новыхъ 32-хъ училищъ, земское собраніе къ остатку въ 1.500 руб. прибавило еще 1.000 руб., и въ смѣту прошлаго года было внесено 2.500 руб. на народное образованіе. Эта сумма была передана въ вѣдѣніе училищнаго совѣта, который изъ нея израсходовалъ на различныя училищныя нужды 1.600 руб., а 900 руб. осталось на нынѣшній годъ. Имѣя въ виду, что сельскія общества уплачиваютъ до 6.000 руб. на народное образованіе, и не смотря на такое значительное пожертвованіе, многія училища требуютъ поддержки, собраніе прошлаго 1869 г. признало возможнымъ оставить этотъ остатокъ въ распоряженіи училищнаго совѣта, а на 1870 г. ассигновать 2.500 руб. Такимъ образомъ, къ январю настоящаго года со-

ставилась довольно значительная сумма въ 3.400 руб., изъ которой предположено сдѣлать слѣдующіе расходы:

а) выписать учебниковъ и учебныхъ пособій на 900 руб. и распределить ихъ равномерно между всѣми 44 училищами (1 училище открыто уже послѣ собранія), приблизительно по 45 коп. на ученика;

б) 420 рублей 31 коп. выдать тѣмъ училищамъ, которыя, по малочисленности приписанныхъ къ нимъ обществъ, не могутъ имѣть для своего содержанія суммы въ 120 руб., признанной крайне необходимымъ¹⁾;

в) такъ какъ въ Фатежскомъ уѣздѣ по экзамену оказалось 11 школъ лучшихъ, съ большимъ количествомъ учениковъ, то опредѣлить въ эти школы помощниковъ, которымъ и выдавать по 75 руб., всего 825 руб. (я напелъ помощника только въ одномъ Алисовскомъ училищѣ);

г) въ видахъ поощренія учителей и привлеченія лучшихъ изъ нихъ въ Фатежскій уѣздъ, выдать по предположенному въ маѣ мѣсяцѣ соствзательному экзамену 11-и лучшимъ учителямъ въ награду по 50 руб.—550 руб.;

д) остальные затѣмъ 715 руб. предоставить въ распоряженіе училищнаго совѣта.

Училищный совѣтъ предположилъ употребить этотъ остатокъ:

а) на стипендіи лучшимъ ученикамъ сельскихъ школъ, нежелавшимъ продолжать ученіе въ образцовой школѣ, на учрежденіе которой въ г. Фатежѣ ассигнованы въ 1869 году деньги;

б) на пособіе способнымъ и прилежнымъ ученикамъ, обучающимся въ уѣздныхъ и сельскихъ училищахъ, которые пожелають перейти въ высшія учебныя и ремесленныя заведенія и въ томъ числѣ на содержаніе двухъ ученицъ, каково бы онѣ состоянія ни были, въ Курской женской гимназій;

в) на награды ученикамъ, которые на предстоющаѣ экзаменѣ окажутся лучшими, и

¹⁾ Суммы этой бюджетъ недостаточна, какъ вслѣдствіе указанного мною раздробленія училищъ, такъ и вслѣдствіе измѣненія приговоровъ, напримѣръ, въ сл. Акулыиной. При составленіи таблицы я имѣлъ въ виду эти обстоятельства, и потому во всѣхъ училищахъ, съ содержаніемъ менѣе 120 руб., добавляю до этой цифры сумму изъ земскаго пособия. Это добавленіе, сдѣланное на основаніи предшущаго параграфа, въ сложности составляетъ сумму около 700 руб. (691—63 коп.), то-есть, на 271 руб. болшую противъ расчисленія. Но этотъ излишекъ можетъ покрыться остаткомъ отъ послѣдующей статьи подъ литерой *е*.

г) на пособіе тѣмъ учителямъ, которыхъ земство пожелаетъ опредѣлить въ училища, гдѣ средствъ недостаточно для выдачи жалованья учителямъ.

Изъ этого перечня мѣръ и предположеній къ развитію народнаго образованія въ Фатежскомъ уѣздѣ само собою дѣлается очевиднымъ, какъ существенно важно земское пособіе и съ какимъ обдуманымъ планомъ оно должно быть расходуемо.

Какъ постоянно возрастающая цифра пособія, такъ и назначеніе его, въ высшей степени рациональное, принадлежать одному изъ ревностѣйшихъ поборниковъ народнаго образованія, *Н. К. Рутцену*, предсѣдателю Фатежскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Онъ на всѣхъ собраніяхъ являлся въ послѣдніе три года самымъ горячимъ защитникомъ народныхъ училищъ, отстаивалъ постоянно остатки земскихъ суммъ въ ихъ пользу. Конечно, никакая энергическая защита одного лица не помогла бы дѣлу, если бы земство Фатежскаго уѣзда само не относилось сочувственно къ народному образованію. Но оно сочувствуетъ ему и принимаетъ въ немъ искреннее участіе; и потому цифра земскаго пособія въ послѣдніе 3 года возрасла до 3.400 руб., что вмѣстѣ съ общественнымъ сборомъ въ 5.325 руб. составляетъ довольно почтенную цифру въ 8.725 руб.

Что касается до приведенія въ исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ, то нельзя не сомнѣваться въ томъ, что Фатежская уѣздная земская управа, плодотворная дѣятельность которой принесла такъ много пользы дѣлу народнаго образованія, точно ихъ выполнить. Выписка учебниковъ, наприкладъ, началась еще въ декабрѣ прошлаго года, — и я лично раздавалъ осмотрѣннымъ мною въ послѣднюю мою поѣзду 10 училищамъ, книги, взятыя въ управѣ. Для отсылки же въ остальные готовился транспортъ уже при моемъ отъѣздѣ изъ Фатежа. Пособіе школамъ выдается тоже очень аккуратно, и въ случаяхъ затрудненія въ полученіи денегъ изъ волостныхъ правленій, эти суммы даютъ возможность попечителямъ кое-какъ изворачиваться и удовлетворять пока училищныя нужды.

Частныя пожертвованія въ пользу училищъ. Изъ частныхъ лицъ на школы жертвуютъ въ Фатежскомъ уѣздѣ весьма немногія. Попечительница Алисовскаго училища, *А. А. Рутценъ*, издерживаетъ изъ собственныхъ средствъ на него 100 руб.; предсѣдатель Фатежскаго училищнаго совѣта, *Н. К. Рутценъ*, также время отъ времени помогаетъ то тому, то другому училищу. Такъ, осматривая вмѣстѣ со мною нѣкоторыя училища, онъ уплатилъ за ученіе

10-и мальчиновъ въ Шуклинской школѣ (по 1 руб. за каждого) и тѣмъ доставилъ возможность бѣднякамъ продолжать занятія. Попечитель Новосельскаго училища, *К. Е. Раппъ*, съ 1861 года *содержавшій на свой счетъ училище, выстроившій для него каменный домъ*, и теперь продолжаетъ помогать ему, то доставляя учебныя пособия, то удовлетворяя различныя непредвидѣнныя нужды школы. Чтобы постоянно имѣть подъ рукою хотя нѣсколько рублей въ помощь училищу, онъ, какъ церковный староста, устроилъ *кружку для сбора въ пользу училища*, и этимъ средствомъ ежегодно собираетъ до 15 руб.

Жалованье учителямъ. Главный расходъ училищной суммы составляетъ, конечно, жалованье учителямъ, не превышающее 150 руб. въ годъ или въ учебное время (среднимъ числомъ около 6-и мѣсяцевъ). Въ этомъ отношеніи все училища Фатежскаго уѣзда можно раздѣлить на 2 категоріи: а) имѣющихъ *годовыхъ учителей*, б) *временныхъ*, на одно учебное время. Къ первой категоріи относится немного училищъ (19, отмѣченныхъ въ прилагаемой при отчетѣ таблицѣ); большинство же училищъ имѣютъ учителей только временныхъ, *6-мѣсячныхъ*, отъ октября до апрѣля, съ среднею платой по 10 руб. въ мѣсяцъ. Въ числѣ учителей послѣдней категоріи есть однако такіе, которые получаютъ 20-и болѣе рублей въ мѣсяцъ. Такъ, въ *Нижне-Реутскомъ* училищѣ учитель г. Бѣльневъ договорился съ обществомъ или 6 мѣсяцевъ получать по 20 руб., или 12 мѣс. по 10 р. (впрочемъ, за эту сумму онъ принялъ на себя отопленіе училища и наемъ сторожа); учитель *Игинскаго* училища, г. Тимоновъ, за 6 мѣсяцевъ получаетъ 140 руб., то-есть, 23 руб. съ копѣйками въ мѣсяцъ; нѣкоторые получаютъ по 15 руб. въ мѣсяцъ въ учебное время. Подобныя высшіе оклады учительскаго жалованья—результатъ обезпеченія учителей на лѣтнее время отъ нужды и голода. Сельское общество никакъ не хочетъ понять, что учителю нужно же чѣмъ-нибудь жить въ то время, когда нѣтъ учебныхъ занятій въ школѣ; оно твердитъ одно: „*сколько времени работаетъ учитель, за столько и получай*“. Во многихъ училищахъ я входилъ въ разсужденія съ попечителями и обществами, стараясь убѣдить ихъ въ томъ, что, понимая дѣло такимъ образомъ, они никогда не будутъ имѣть хорошаго учителя, что постоянная перемѣна ихъ весьма вредно дѣйствуетъ на успѣхи школьныхъ занятій; одинъ учить такъ, а едва дѣти къ нему привыкнутъ, на другую зиму является другой и начинаетъ учить *по-своему*, ибо большинство изъ нихъ не руководствуется

однимъ методомъ, а учить, какъ умѣть. Повидимому, доводы мои казались обществу убѣдительными (всѣ попечители, впрочемъ, были одного со мной мнѣнія, но говорили, что „*съ міромъ ничего не подѣлаешь*“); приложить ли они свое согласіе къ дѣлу, сказать трудно. Конечно, дѣльные наставники, знающіе себѣ цѣну (какъ въ приведенныхъ выше училищахъ), сами обезпечиваютъ свое дѣтнее содержаніе высшею помѣсячною платой въ учебное время; но таковыхъ немного; большинство соглашается и на 10 руб. въ мѣсяцъ, лишь бы прожить какъ-нибудь зиму. А съ наступленіемъ весны начинается переселеніе и прискиваніе работы. Но какую работу можетъ найти учитель на эти злополучные для него мѣсяцы? Приняться за обработку поля не всякій сумѣетъ. Къ сожалѣнію, дѣятельность училищнаго совѣта въ этомъ случаѣ вполнѣ ограничена; не имѣя возможности вмѣшиваться въ хозяйственныя распоряженія училищными средствами, онъ не можетъ устранить весь вредъ такого порядка дѣлъ. Если что и удерживаетъ нѣкоторыхъ учителей на такихъ мѣстахъ, такъ это надежда на *земскую награду*, выдаваемую по состязательному экзамену: чтобы получить ее, надо пребыть въ одномъ и томъ же училищѣ болѣе или менѣе продолжительное время; иначе нельзя добиться успѣха. Поэтому нельзя не признать, что *состязательный экзаменъ* представляетъ въ высшей степени полезную мѣру, что онъ служитъ дѣйствительнымъ средствомъ какъ къ удержанію учителей на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, такъ и побужденіемъ къ усердію ихъ въ занятіяхъ съ учениками. Помощниковъ учителей весьма немного въ училищахъ Фатежскаго уѣзда; большинство изъ нихъ, какъ будетъ показано ниже, приглашены наставниками безъ вѣдома училищнаго совѣта съ платой по 5 — 6 руб. въ мѣсяцъ (за учебное время). Только въ Ольховатскомъ училищѣ учитель Архангельскій получаетъ 150 руб. въ годъ.

Училищныя помѣщенія. Внѣшняя обстановка нѣкоторыхъ народныхъ училищъ Фатежскаго уѣзда далеко неудовлетворительна. Открытыя только въ прошлую зиму (съ октября 1868 года), многія изъ нихъ помѣщаются или просто въ крестьянскихъ избахъ, или въ церковныхъ караулахъ, другія, наконецъ, въ болѣе удобно-устроенныхъ училищныхъ домахъ. Къ послѣднимъ относятся училища: а) бывшія волостныя: *Нижне-Реутское*, имѣющее лучшее помѣщеніе, находящееся при волости, въ свѣтлой опрятной комнатѣ, съ передней, въ которой, при обиліи учениковъ, могутъ быть поставлены столы. *Смординское* (нижней слободы) занимаетъ отдѣльный домъ по найму

уже лѣтъ 20 и сравнительно съ другими лучшій; въ с. *Покровскомъ*, куда переведено училище изъ д. Жировой, выстроенъ на церковныя деньги домъ въ три комнаты съ кухней, гдѣ живетъ сторожъ. Въ двухъ изъ нихъ устроены классы, а въ третьей, пустой, ночуютъ ученики, которые остаются въ училищѣ по цѣлымъ недѣлямъ за отдаленностью (7—8 верстъ) его отъ мѣста ихъ жительства. Въ сл. *Нижне-Горлиновской* училище и во время управленія казенной палаты помѣщалось вмѣстѣ съ волостнымъ правленіемъ въ наемномъ домѣ; помѣщается оно и теперь тамъ же, въ грязной и ветхой комнатѣ, о ремонтірованіи которой мало заботятся. *Кореневскій* училищный домъ тоже пришелъ въ ветхость; въ немъ помѣщается низшее отдѣленіе училища, а высшее—въ домѣ священника-наставника. Помѣщеніе Кореневскаго училища тоже незавидное. Я былъ въ немъ въ сильный холодъ и засталъ всѣхъ учениковъ въ тулухахъ, на окнахъ безъ двойныхъ рамъ цѣлыя массы снѣга, въ двери щель въ два вершка, изъ которой страшно дуло. *Хмлевское* училище помѣщается просто въ крестьянской избѣ, до такой степени сырой, что подвижныя буквы и другія учебныя принадлежности покрылись плесенью. Правда, что появленіе грибовъ на учебныхъ пособияхъ указываетъ на то, какъ часто употребляетъ ихъ учитель въ дѣло, но тѣмъ не менѣе это обстоятельство указываетъ и на крайнюю неудобствительность помѣщенія.

Между помѣщеніями училищъ, основанныхъ до 1868 года, самое удобное *Новосильское*, попечитель котораго *К. Е. Рантъ* выстроилъ для него каменный домъ, крытый желѣзомъ; въ немъ училище занимаетъ 3 довольно свѣтлыя комнаты; въ двухъ устроены классы, а въ 3-й стоитъ шкафъ съ учебными пособиями. Жаль только, что наставникъ мало обращаетъ вниманія на чистоту и порядокъ въ немъ. Въ с. *Ишнь* училище помѣщается вмѣстѣ съ волостнымъ правленіемъ, и хотя имѣетъ отдѣльную, довольно просторную, свѣтлую комнату, но содержится весьма грязно, какъ и большая часть волостныхъ училищъ, которыя мнѣ приходилось осматривать. Помѣщеніе *Ольховатскаго* училища весьма удобно: двѣ комнаты свѣтлыя, чистыя и теплыя, хотя недостаточно просторныя по числу учениковъ. Въ *Алисовѣ*, гдѣ училище открыто въ 1868 году *А. А. Рутценъ*, оно помѣщается въ 2-хъ отдѣльныхъ мѣстахъ: 1-е отдѣленіе помѣщается въ церковной караулкѣ, приспособленной къ училищнымъ нуждамъ, а 2-е (старшее) въ наемномъ, весьма порядочномъ крестьянскомъ домѣ, лучшая комната котораго отдана училищу.

Не смотря на то, что училища, открытыя въ 1868 году, существуютъ годъ съ небольшими, попечители многихъ изъ нихъ, однако, успѣли уже построить для нихъ помѣщенія или приспособить старыя дома къ училищнымъ нуждамъ и такимъ образомъ обезпечили прежде всего училище отъ необходимости ежегодно переходить изъ одной избы въ другую. Одинъ изъ такихъ попечителей, *М. К. Ламакинъ*, государственный крестьянинъ с. *Березовца*, личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, выказалъ въ этомъ дѣлѣ чрезвычайное усердіе. Когда состоялся общественный приговоръ объ открытіи училища, и по указанію Дм. В. Шалинова, предсѣдателя Фатежской земской управы, избранъ былъ попечителемъ ея *М. К. Ламакинъ*, то онъ прежде всего позаботился о помѣщеніи школы. Такъ какъ для этого не оказалось пригоднаго дома, то онъ рѣшился построить училище, для чего выпросилъ у общества 110 руб. изъ особаго общественнаго капитала, да 60 руб. (назначенные на жалованье помощнику) изъ общественнаго сбора. Съ этими ничтожными средствами онъ приступилъ къ постройкѣ, и съ помощью особенной изобрѣтательности и энергии, *М. К. Ламакинъ*, лично работая и распоряжаяся работами, въ нѣсколько мѣсяцевъ выстроилъ хорошенькій досчатый домикъ въ 1 комнату съ перегородкой; въ комнатѣ помѣщается классъ, а за перегородкой квартира учителя. Войдя въ это училище, невольно чувствуешь, что за нимъ неусыпно слѣдитъ зоркій, наблюдательный глазъ человѣка, проникнутаго горячею любовью къ дѣлу образованія: все въ немъ приспособлено и приноровлено къ училищнымъ нуждамъ. Окна большія, свѣтлыя, съ большими стеклами и двойными рамами (большая рѣдкость въ селѣ); стѣны, полъ, потолокъ, словомъ, все сдѣлано прочно и чисто. Въ углу стоитъ прекрасная икона въ кивотѣ, а передъ нею теплится лампада. Подобная обстановка училища невольно внушаетъ въ нему уваженіе мѣстнаго населенія, и я дѣйствительно замѣтилъ, что поселяне, нахлынувшіе въ училище при моемъ посѣщеніи, съ какимъ-то благоговѣніемъ входили въ него. А тамъ, гдѣ въ народѣ пробудилось это чувство, училищу предстоитъ огромная будущность.

Въ другихъ селеніяхъ, а именно въ *Солдатскомъ*, *Радубежъ*, *Ольшаничъ*, *Бычкахъ*, *Становомъ*, *Архангельскомъ* для училищъ или построены новыя дома (въ *Ольшанецѣ*), или передѣланы и вполнѣ приспособлены къ этой цѣли старыя. Въ остальныхъ — училища не имѣютъ опредѣленнаго помѣщенія; для нихъ нанимаются комнаты, или просто избы, или церковныя караулки, и они пересчитываютъ

ежегодно съ одного мѣста на другое; во многихъ мѣстахъ, гдѣ наставники священники, дьяконы или причетники, училища помѣщаются у нихъ въ домахъ, хотя это иногда бываетъ весьма неудобно. Такъ, напримѣръ, въ одномъ селѣ наставникъ училища, мѣстный дьяконъ, отдалъ подъ училище, повидимому, единственную свою комнату, въ которой, однако же, стоитъ семейная постель, шкапъ. Здѣсь вся семья живетъ, принимаетъ гостей (которыхъ нашло изрядно при моемъ посѣщеніи), а для класса уступлено $\frac{1}{2}$ комнаты, гдѣ стоятъ двѣ скамьи со столами, занимающія все пространство. Чтобы пройти въ передній уголъ, гдѣ сидѣли малолѣтніе ученики, мнѣ пришлось буквально перелѣзать черезъ скамьи. За такое помѣщеніе и занятія съ учениками общество даетъ учителю 115 руб. за 6 мѣсяцевъ. Предполагая, что эти занятія, сравнительно съ другими училищами, стоятъ 60 руб. (по 10 руб. въ мѣсяцъ), оказывается, что наемъ комнаты, въ которой живетъ и учитель съ семьей, обходится въ 55 руб. или по 9 руб. съ лишнимъ въ мѣсяцъ. Въ другомъ селѣ я нашелъ помѣщеніе школы въ кухнѣ, гдѣ воздухъ былъ такъ тяжелъ, что я болѣе $\frac{1}{2}$ часа не могъ его вынести, а дѣти сидятъ въ ней съ утра до вечера, и за такое помѣщеніе общество уплачиваетъ ежемѣсячно по 5 руб. Вообще училищныя помѣщенія во многихъ селахъ нисколько не соответствуютъ своей цѣли, и это сознаютъ, какъ попечители, очень озабоченные пріисканіемъ средствъ къ постройкѣ училищнаго дома, такъ и земская управа, назначившая, напримѣръ, недавно 50 руб. пособія обществу села *Путчина* для постройки училища. Это пособіе особенно цѣнно, такъ какъ настоящее помѣщеніе Путчинскаго училища очень дурно. Находится оно въ грязной избѣ, едва освѣщенной двумя крошечными окнами. Здѣсь же живетъ хозяинъ, а въ сѣняхъ устроены загородки для коровы, лошади и проч. домашнихъ животныхъ; въ классѣ на лавкѣ живетъ учитель, отставной чиновникъ Анофріевъ. Замѣчательно, однако, что, не смотря на такую въ высшей степени неблагопріятную обстановку, училище *полно учениками*; за недостаткомъ мѣста на лавкахъ, нѣкоторые сидятъ на полу, откуда съ трудомъ можно разбирать слова учителя. Уже одно это обстоятельство доказываетъ, что общество этого села заинтересовано обученіемъ дѣтей, и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуетъ учителя, къ которому дѣти стекаются толпами, не смотря ни на какую погоду (я былъ въ этомъ училищѣ во время сильнаго разлива и засталъ въ немъ 31-го ученика). Въ селеніи *Вышніе-Любажи* общество очень расположено къ обученію дѣтей, а потому, не смотря на сравнительную

малочисленность своего населенія, оно собираетъ на училище 117 р. (по 30 коп. съ души), которые и поступаютъ въ распоряженіе попечителя, государственнаго крестьянина И. Ярыгина. Онъ же отвелъ подъ училище собственную избу, темную, грязную, сырую (безъ сѣней) и за нее изъ этихъ денегъ беретъ около 50-и рублей за 6 мѣсяцевъ.

Отопленіе. Бѣольшая часть училищныхъ помѣщеній отапливается или самимъ обществомъ (особенно въ общественныхъ училищныхъ домахъ), или хозяевами, нанимающими свои дома подъ училища, или, наконецъ, доставленіе топлива лежитъ на обязанности учениковъ. Такъ, въ с. Радубежѣ каждый мальчикъ обязанъ доставить отъ 3-хъ до 6-и вязанокъ соломы, а въ с. Меленикѣ по 4 снопа. Въ послѣднемъ дѣти, по отзыву попечителя, исполняютъ очень аккуратно это обязательство, а въ Радубежѣ, по словамъ наставника, частенько приходится сидѣть въ нетопленномъ классѣ. Впрочемъ, это единственный случай; вездѣ, гдѣ существуетъ подобный способъ отбыванія дѣтьми этой самой насущной натуральной повинности, они исполняютъ ее неуклонно. Въ одномъ только изъ 40 училищъ мнѣ пришлось забнуть, именно въ Кореневскомъ, гдѣ отопленіемъ распоряжается волостное начальство.

О *классной мебели* въ училищахъ Фатежскаго уѣзда мнѣ приходится сказать весьма немного, такъ какъ во многихъ изъ нихъ она замѣняется просто широкими столами, а въ иныхъ высокими лавками вмѣсто столовъ. Болѣе приспособленная классная мебель находится въ училищахъ, существовавшихъ до 1868 года, но и въ нѣкоторыхъ, открытыхъ въ этомъ (1868) году уже построены парты. Къ такимъ, напри- мѣръ, относятся училища: Березовецкое (попечитель М. К. Ламакинъ), Мирюлюбовское, Рождественское, Солдатское, Шаховское, Ольшанаецкое, Молотичевское, Богоявленское, Архангельское, Меленинское, Глѣбовское и др. Въ послѣднемъ, впрочемъ, такое тѣсное помѣщеніе для 60 учениковъ, что только ученики старшаго класса сидятъ и уступаютъ мѣсто младшему только во время урока чистописанія, ученики же этого послѣдняго заведенія, особенно „звукѣвники“, начинающіе читать, учатся стоя въ крошечной комнатѣ, гдѣ и 5-и человѣкамъ трудно помѣститься, а тамъ около 20-и дѣтей. Нельзя сказать, чтобы и попечители, и общества не заботились объ удобной и приспособленной къ занятіямъ мебели; они очень о ней хлопочатъ, но недостатокъ въ селахъ порядочныхъ мастеровъ, неаккуратность ихъ въ выполненіи работъ и чрезвычайная медленность, очень затрудняютъ ихъ

въ этомъ дѣлѣ. Заказывать же мебель въ Фатежѣ и невыгодно и сопряжено съ большими проволочками; нѣкоторыя училища заказали тамъ классныя доски и вотъ уже около полугода не могутъ добиться ихъ доставки. Особенно ощутителенъ недостатокъ въ этой принадлежности класса, въ классной доскѣ; за неимѣніемъ ея, учителя прибѣгаютъ то къ стѣнамъ, то къ дверямъ; иногда, наконецъ, ученики пишутъ на столахъ (напримѣръ, въ Позняковской школѣ). Въ одной деревнѣ школа лишилась мебели по личнымъ отношеніямъ учителя къ обществу, которое, отказавъ одному учителю, пригласило новаго и помѣстило у послѣдняго школу. Тогда бывший наставникъ, претендуя на то, что попечитель долженъ будто бы ему 10 рублей, удержалъ училищныя столы. Общество, только что построившее съ большими усиліями классную мебель, принуждено было устроить изъ простыхъ досокъ временныя столы столь неудобныя, что писать на нихъ весьма трудно, а малолѣтнимъ дѣтямъ и вовсе нельзя учиться сидя. Заявляя мнѣ объ этомъ постигшемъ училище несчастіи, общество говорило мнѣ, что оно уже много разъ обращалось къ наставнику съ просьбой возвратить ни въ чемъ неповинныя училищныя парты, но безуспѣшно.

Учебники и учебныя пособія. Относительно учебниковъ и учебныхъ пособій всѣ почти училища Фатежскаго уѣзда находятся въ одинаковомъ положеніи, не смотря на то, что 6 изъ нихъ существуютъ съ давняго времени. Когда въ сентябрѣ 1867 года управой были собраны свѣдѣнія о состояніи этихъ училищъ, то оказалось, что они на 18⁶⁷/св годъ нуждаются въ самыхъ необходимыхъ учебникахъ (въ букваряхъ, молитвенникахъ, начаткахъ христіанскаго ученія, Евангеліи, подвижныхъ буквахъ, прописяхъ и проч.), которые и были выписаны управой отъ московскаго книгопродавца Салаева на сумму въ 201 руб. 5 коп. безъ пересылки. Удовлетворивъ такимъ образомъ нужды этихъ училищъ, предстояло еще снабдить учебниками всѣ вновь открытыя училища. Если бы въ каждое изъ нихъ непремѣнно нужно было выслать всякаго рода книгъ по нѣскольку экземпляровъ, то, конечно, на это потребовалась бы огромная сумма. Поэтому на первый разъ рѣшено было ограничиться разсылкою только букварей въ большомъ количествѣ, прочіихъ же книгъ, напримѣръ, Евангелій, молитвенниковъ и др., по одному и по два экземпляра. А чтобы на будущее время имѣть постоянно денежныя средства для выписки книгъ и образовать при управѣ нѣчто въ родѣ книжнаго склада, общества въ своихъ приговорахъ установили во всѣхъ училищахъ единовременный сборъ по

40 коп. съ каждаго ученика, поступающаго въ школу. Сборъ этотъ и находился въ рукахъ гг. попечителей, которые высылали въ управу деньги за книги, взятая для училища. Всѣхъ книгъ разослано было управой на 150 руб.; въ возвратъ же изъ училищъ получено 93 руб., а остальные деньги числятся долгомъ за училищами. По отзыву всѣхъ гг. попечителей, этотъ 40 копѣчный сборъ уплачивается учениками съ величайшимъ трудомъ; многіе изъ нихъ просто уходятъ изъ училища, какъ только дѣло касается уплаты 40 коп. Въ нѣкоторыхъ училищахъ, напримѣръ, въ Дмитріевскомъ на Холчахъ, лишь только попечитель сталъ настоятельно требовать деньги, половина учениковъ перестала посѣщать училище, а потому онъ принужденъ былъ совсѣмъ прекратить сборъ и упрашивать родителей, чтобъ они послали дѣтей своихъ въ школу. Такимъ образомъ назначеніе 40-копѣчнаго сбора на учебники и учебныя пособія, хотя и принятое общественными приговорами, вызвало неблагопріятное для успѣховъ учебнаго дѣла явленіе и помѣшало, вѣроятно, многимъ бѣднымъ мальчишкамъ поступить въ школу. Съ другой стороны, этотъ сборъ былъ причиною того, что во многихъ училищахъ всѣ учебники и другія книги разобраны учениками, а въ школахъ не осталось ни одной книги. (Въ такомъ положеніи я засталъ именно Брусовское училище, гдѣ не оказалось ни одной книги для чтенія, и я принужденъ былъ брать таковую у одного изъ учениковъ, чтобъ испытывать другихъ въ чтеніи). Причиною такого непормальнаго явленія былъ тотъ же 40-копѣчный сборъ съ учениковъ, о которомъ общества и сами учителя составили себѣ весьма невѣрное понятіе. Они вообразили, что за 40 коп., внесенныхъ единовременно, ученикъ имѣетъ право считать своею каждую книгу, которую дадутъ ему въ училищѣ. Поэтому со стороны родителей заявлялось не разъ неудовольствіе, если догадливый учитель давалъ учебныя книги *на время* и съ условіемъ возвратить ихъ въ цѣлости. Въ двухъ, трехъ училищахъ родители высказывали мнѣ такую претензію, обвиняя учителя въ томъ, что онъ притѣсняетъ дѣтей и не даетъ имъ книгъ. Я почти во всякомъ училищѣ разъяснялъ ученикамъ, какъ нужно понимать этотъ сборъ; я указывалъ и имъ, и присутствовавшимъ тутъ родителямъ, что 40 коп. на ученика едва-ли достаточно на однѣ письменныя принадлежности (бумагу, перья, карандаши, чернила и пр.) въ теченіе трехъ лѣтъ; что если гг. попечители школъ уже 2-ю зиму доставляютъ ихъ ученикамъ, то нужно удивляться ихъ экономіи, такъ какъ все это потребляется учениками въ огромномъ количествѣ. Отдавать же ученикамъ всѣ

книги, которыми они пользуются въ классѣ, значить оставлять школу безъ всякихъ средствъ къ обученію дѣтей. Вслѣдствіе такого порядка дѣлать, я въ весьма немногихъ училищахъ нашель, не говорю каталоги, о веденіи которыхъ едва-ли кто изъ учителей имѣетъ понятіе, а просто списки книгъ, присланныхъ управой училищу (напримѣръ, въ Покровскомъ, бывшемъ Жировскомъ, Глѣбовскомъ, Игинскомъ, Солдатскомъ и немногихъ другихъ), за цѣлость которыхъ, впрочемъ, учитель не ручается. Отъ безконтрольнаго распоряженія учебниками со стороны учителя происходитъ то, что, напримѣръ, въ Алисовскомъ училищѣ, гдѣ попечительницею со времени основанія школы было куплено различныхъ книгъ болѣе чѣмъ на сто руб., изъ собранныхъ мною свѣдѣній оказалось всего 84 книги, стоимостью приблизительно на 25 руб. Такъ, напримѣръ, изъ 10-и экземпляровъ „Роднаго Слова“ (2 части, то-есть, 20 кн.) я нашель въ школѣ $\frac{1}{2}$ экземпляра. А въ Алисовской школѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, попечительница ея принимаетъ самое живое участіе, но, конечно, не въ состояніи ничего сдѣлать въ этомъ случаѣ, если наставники (ихъ тамъ два) сами не заботятся о сбереженіи училищныхъ книгъ. Съ будущей зимы впрочемъ долженъ установиться иной порядокъ въ этомъ отношеніи, и каждому училищу будетъ выслана изъ управы шнуровая книга, въ которой учителя обязаны будутъ записывать все, что получается въ училищѣ, съ отвѣтственностью за цѣлость всего ими принимаемаго.

Изъ подробнаго осмотра книгъ, употребляемыхъ учениками въ школахъ, а также изъ списковъ, имѣющихся въ нѣкоторыхъ училищахъ, оказалось, что слѣдующіе буквари и другіе учебники употребляются въ училищахъ Фатежскаго уѣзда:

а) Азбуки: Золотова, Паульсона, Кремлева (больше всѣхъ) и Главинскаго;

б) подвижныя буквы, весьма въ немногихъ училищахъ употребляемыя въ дѣло;

в) сокращенныя молитвословы, Евангеліе на славянскомъ и русскомъ языкахъ, Псалтыри — на славянскомъ, начатки христіанскаго ученія, объясненіе Божественной литургіи Востокова и священная исторія Ветхаго и Новаго Заѣта Рудакова (какъ руководство для учителей, по одному экземпляру во всѣхъ почти училищахъ);

г) книги для чтенія: Паульсона (по 1, 2 и 3 экземпляра на училище), Золотова „Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи“, Главинскаго (2-й выпускъ), собраніе басенъ Хемницера и Крылова, „Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ“ (по 10 и болѣе экземпляровъ въ каж-

домъ почти училищъ, вслѣдствіе дешевизны изданія: 2½ коп. съ рисунками), наконецъ, „Родное Слово“ Ушинскаго, найденное мною въ одномъ только Горяиновскомъ училищѣ въ количествѣ 30 экземпляровъ (высланы изъ училищнаго совѣта) и по одному экземпляру (изъ Горяиновой) въ Ольховатскомъ и Авульшенскомъ училищахъ;

д) ариметика, изданная министерствомъ народнаго просвѣщенія, ариметическія задачи, руководство къ ариметикѣ Лёве и Воленса для учителей (выписано въ минувшемъ февралѣ и не разослано еще во всѣ училища).

е) Прописи, грифельныя доски имѣются далеко не во всѣхъ училищахъ, а счеты встрѣчаются отъ 1-го до 10-и экземпляровъ.

Въ распредѣленіи всѣхъ этихъ учебниковъ и учебныхъ пособій по училищамъ не придерживались до сихъ поръ никакой системы; каждый попечитель бралъ тѣ изъ нихъ, которые были по средствамъ, а потому ни въ одномъ училищѣ нѣтъ однообразныхъ букварей или книгъ для чтенія: всѣхъ по немного; въ одной и той же школѣ азбуку учатъ и по Кремлеву, и по Паульсону, и по Золотову, кому какой букварь понравится. Къ этой смѣси учебниковъ необходимо прибавить еще тѣ различныя азбуки и книги, славянскія и гражданскія, съ картинками и безъ картинокъ, которыя приносятъ дѣти изъ дома и по которымъ учитель, въ угоду родителямъ, волей-неволей обязанъ обучать дѣтей. Такая смѣсь учебниковъ нисколько, впрочемъ, не смущаетъ большинства учителей, такъ какъ они объ общемъ чтеніи, о преподаваніи по группамъ не имѣютъ никакого понятія, а учатъ cadaго ученика отдѣльно, выслушивая и задавая уроки. И когда я въ нѣкоторыхъ (лучшихъ) училищахъ хотѣлъ устроить общее чтеніе, то обыкновенно не оказывалось для этого достаточнаго числа одинаковыхъ книгъ. Назначеніе земскаго пособия на покупку учебниковъ (45 к. на cadaго ученика) устранить отчасти недостатковъ въ учебныхъ пособияхъ и дать возможность каждому училищу имѣть достаточное количество (minimum 20 экзempl.) однообразныхъ книгъ, безъ чего нельзя ввести преобразованія въ методѣ обученія, о чемъ такъ заботится Фатежскій уѣздный училищный совѣтъ.

Училищныя бібліотеки. Что касается собственно бібліотекъ, то, за исключеніемъ весьма не многихъ училищъ, ихъ не существуетъ, и едва-ли скоро онѣ могутъ устроиться за неимѣніемъ средствъ. И въ этомъ отношеніи бывшія волостныя училища, а также открытыя до 1868 г., находятся въ лучшемъ положеніи, имѣя большее или меньшее число книгъ для чтенія (не учебниковъ). Такъ въ Нижне-Горяинов-

скомъ, Нижнеревтскомъ, Смородинскомъ нижней половины, Новосельскомъ, Игинскомъ и Алисовскомъ, кромѣ собственно учебниковъ, имѣются книги, составляющія бібліотеку, изъ которыхъ и выдаются учебникамъ для чтенія ¹⁾).

Но большинство бібліотекъ страдаютъ отсутствіемъ книгъ собственно для наставниковъ, изъ которыхъ многимъ слѣдуетъ еще многому научиться. Въ видахъ самообразования и развитія въ наставникахъ педагогическихъ знаній, я предложилъ Фатежскому училищному совѣту выписать *руководства* для преподаванія предметовъ начального обученія, а также журналы: *Народная школа* и *Другъ Народа* по одному экземпляру на училище. Всѣ члены совѣта единодушно приняли мое предложеніе.

Наставники. Изъ 45-и наставниковъ училищъ Фатежскаго уѣзда, 38 имѣютъ свидѣтельства на это званіе, а 7 не имѣютъ ихъ и допущены училищнымъ совѣтомъ только въ силу крайней нужды въ учителяхъ. Впрочемъ, двое изъ нихъ: учитель Колычевскаго училища, Ѳеодоръ Черновъ, занимающійся уже около 20-и лѣтъ обученіемъ дѣтей (18 л. въ кантонпстской школѣ и 2 года въ народныхъ училищахъ Херсонской губерніи), и учитель Пугчинскаго училища, отставной чиновникъ Анофріевъ, ведутъ такъ успѣшно обученіе дѣтей чтенію, что вполне заслуживаютъ (особенно второй), чтобъ имъ выдать свидѣтельства на званіе сельскаго учителя.

По званію, наставники и ихъ помощники распределяются такъ: священниковъ 10, діаконѳвъ 8, дьячекъ 1, учениковъ духовнаго училища 10, окончившихъ курсъ семинаріи 6, не окончившихъ въ ней курсъ 7, чиновникъ 1, унтеръ-офицеръ 1, и временно-обязанныхъ

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, каталогъ имѣющихся въ бібліотекѣ Алисоваго училища книгъ: 1) «Избранная житія святыхъ изъ Четь-Миней»; 2) Живыи св. Митрофанія Воронежскаго; 3) Св. Іоанна Предтеча; 4) Св. Антоній Печерскій; 5) Св. Іоаннъ Дамаскинъ; 6) «Ученіе Господа нашего Іисуса Христа о путяхъ къ блаженству»; 7) «Училище благочестія»; 8) Разказы изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ; 9) «Святая церковь»; 10) О царѣ Давидѣ; 11) «Путешествіе Трифона Коробейника во св. землю»; 12) Народный журналъ *Грамотой*; 13) «Ручная книга для грамотныхъ поселянъ»; 14) «Христоматія» Басистова; 15) Христоматія для простолюдиновъ; 16) «Книжка для малыхъ дѣтушекъ»; 17) «Другъ дѣтей»; 18) Сказка о мертвой царевнѣ; 19) Конекъ-Горбунокъ; 20) Сказка о царѣ Салтавѣ; 21) О русской землѣ, Максимова; 22) Край крещеннаго свѣта; 23) Полярныя страны; 24) Міровѣдѣніе, Золотова; 25) Какъ живетъ растеніе; 26) Какъ надо обращаться съ животными; 27) Какъ надо жить, чтобы бѣду избѣять; 28) Какъ надо жить, чтобы добро помнить; 29) Избранныя статьи для народнаго чтенія.

крестьянъ 2. Кроме того, въ десяти училищахъ, гдѣ наставниками священники и дьяконы, есть помощники, ими приглашенные. Между такими помощниками есть лица, у которыхъ не оказалось не только свидетельства на право преподаванія, но даже никакого вида, такъ что при опредѣленіи ихъ званія я руководствовался ихъ личными показаніями, удостовѣренными наставниками.

Къ числу такихъ училищъ относятся:

1) *Рождественское*, наставникъ котораго, мѣстный священникъ, пригласилъ себѣ помощника *И. П—ва*, окончившаго курсъ (по его показанію, не удостовѣренному впрочемъ наставникомъ, котораго я не засталъ въ училищѣ) въ Рыльскомъ уѣздномъ училищѣ, но не представившаго мнѣ никакого вида.

2) *Дмитріевское на Холчавѣ*, гдѣ наставникъ также мѣстный священникъ, имѣетъ помощникомъ своего шурина *К—ю*, выгдѣ не учившагося, прожившаго два года въ Путивльскомъ монастырѣ и уволившагося изъ духовнаго званія; онъ также не представилъ мнѣ никакого вида.

3) *Троицкое на Сучку*, гдѣ помощникъ учителя, окончившій курсъ въ духовномъ училищѣ *Г. М—ва*, документовъ также не представилъ.

4) *Никольское подъ Кляжами*, гдѣ помощникомъ учителя сынъ мѣстнаго дьякона, не окончившій курса въ духовномъ училищѣ, не имѣетъ никакихъ документовъ.

5) *Архангельское 1-е*, гдѣ помощникъ учителя, окончившій курсъ въ Фатежскомъ уѣздномъ училищѣ, также учитъ безъ документовъ.

6) *Архангельское 2-е*, наставникъ котораго, мѣстный дьяконъ, пригласилъ помощника, окончившаго курсъ въ Хмѣлевскомъ народномъ училищѣ г. П., — безъ документовъ.

7) *Сертьевское (Новоселовское)*, наставникъ котораго имѣетъ помощникомъ ученика духовнаго училища г. К., также безъ документовъ.

Методы обученія въ школахъ. а) *Обученіе грамотѣ.* Относительно методовъ обученія грамотѣ училища Фатежскаго уѣзда можно раздѣлять на нѣсколько категорій, а именно:

а) Училища, въ которыхъ употребляется звуковой методъ. Къ этой категоріи относятся училища:

1) *Глябовское*; наставникъ г. Федотовъ, окончившій курсъ въ семинаріи въ 1867 г.

2) *Ишимское*; наставникъ г. Тимоновъ, окончившій курсъ семинаріи въ 1869 г.

3) *Покровское*: (бывшее Жировское-волостное); наставникъ-священникъ о. Никифоръ Никитинъ.

Во всѣхъ этихъ училищахъ есть мальчики, поступившіе нынѣшнюю осень и уже порядочно разбирающіе *всякую книгу*. Особенно замѣчательнъ успѣхъ обученія грамотѣ въ Игинской школѣ, гдѣ я засталъ 8 мальчиковъ, поступившихъ въ январѣ (послѣ праздниковъ), которые съ небольшимъ чрезъ мѣсяцъ (я былъ въ этомъ училищѣ 16-го февраля) умѣли прочесть нѣсколько словъ, составленныхъ мною изъ подвижныхъ буквъ, и могли сами составить заданныя мною слова.

β) Училища, гдѣ употребляется смѣшанный методъ *звучно-слогательный*:

Новосельское. Наставникъ, о. П. Н — въ называетъ согласныя буквы звуками, но въ то же время приставляетъ къ нимъ гласную и заставляетъ учениковъ *складывать*. Напримѣръ, слово *Саша* читается такимъ образомъ: ссс...—а=са, пшш...—а=ша=саша. Этотъ методъ даетъ худшіе результаты и обученіе идетъ гораздо медленнѣе: мальчики нынѣшней зимы разбираютъ слова весьма туго, съ большимъ трудомъ.

γ) Училища, употребляющія звуковой методъ по азбукѣ Креолева. Послѣ заучиванья учениками гласныхъ буквъ, приставляются къ нимъ согласныя и называются прямо слоги: *ба, бо, бу* и проч., а потомъ, ставя гласную впередъ, ученики произносятъ *аб, иб, уб* и проч. Это методъ „*подсказывательный*“, такъ какъ ученикъ, не зная, какъ звучитъ данная согласная, никоимъ образомъ не можетъ самъ произнести тотъ или другой слогъ. По этому методу обученіе грамотѣ въ нѣкоторыхъ училищахъ, благодаря усердію наставниковъ, идетъ довольно успѣшно. Къ такимъ относятся:

1) *Позняковское*, наставникъ котораго, окончившій курсъ семинаріи г. В — въ, очень энергичный молодой человѣкъ, занимается съ большимъ успѣхомъ и другими предметами. У него ученики, поступившіе въ школу въ декабрѣ (а я былъ тамъ 24-го января), уже окончили всѣ склады и стали разбирать слова въ любой книгѣ.

2) *Архангельское*. Наставникъ, мѣстный діаконъ, при обученіи по этому методу употребляетъ подвижныя буквы, и дѣло идетъ довольно успѣшно. Одинъ изъ учениковъ, поступившихъ въ декабрѣ, очень порядочно разбираетъ склады, а ученики по 2-й зимѣ весьма свободно (хотя и медленно) читаютъ всякую книгу.

3) *Алисовское* (Покровское тожъ); наставникъ г. В — въ, окончившій курсъ семинаріи. Нѣкоторые ученики по первой зимѣ медленно

читаютъ уже, но за то я нашель у него одного ученика, который всю зиму сидѣлъ надъ азбукой, и не окончивъ ея, вышелъ изъ училища. Это весьма печальное явленіе зависѣло отъ учителя, который не обратилъ должнаго вниманія на этого ученика, въ выраженіи лица котораго и въ отвѣтахъ не замѣтно было ничего особенно тупаго.

4) *Шуклинское*. Наставникъ ученикъ духовнаго училища г. Я—чь обучаетъ съ успѣхомъ.

5) *Миролюбовское*. Наставникъ, окончившій курсъ семинаріи г. Р—въ, поступилъ въ училище за недѣлю до моего осмотра, а потому не успѣлъ еще оказать никакого вліянія на успѣхи школы.

6) *Шаховское*. Наставникъ, мѣстный діаконъ, обучаетъ грамотѣ съ успѣхомъ.

7) *Ольшанецкое*. Наставникъ, окончившій курсъ семинаріи г. Х—въ, поступилъ въ училище за 3 недѣли до моего осмотра и засталъ уже учениковъ, обучавшихся по старому методу (*а, бе и азъ, буки*) и мало успѣвшихъ; намѣрепъ держатся руководства Кремлева.

8) *Бруссовское*. Наставникъ, ученикъ духовнаго училища г. И—нъ, обучаетъ грамотѣ очень успѣшно; между учениками, поступившими въ октябрѣ 1869 г. одинъ разбираетъ очень порядочно незнакомую книгу.

8) Училища, въ которыхъ обученіе грамотѣ происходитъ по методу буквосочетательному (*а, бе, ве*):

1) *Богоявленское*. Наставникъ кончившій курсъ въ духовномъ училищѣ г. А—въ; въ школѣ есть ученики, поступившіе нынѣшнею зимой, порядочно разбирающіе не ученое.

2) *Бартеневское*. Наставникъ—ученикъ средняго отдѣленія семинаріи г. П—въ занимается съ успѣхомъ.

3) *Меленинское*. Наставникъ—ученикъ духовнаго училища г. А—въ; у него есть ученики нынѣшней зимы, порядочно разбирающіе по незнакомой книгѣ.

4) *Кольчевское*. Наставникъ—унтеръ-офицеръ И. Черновъ; октябрскіе ученики въ концѣ января уже окончили азбуку и стали порядочно читать молитвы.

5) *Бычковское*. Наставникъ—мѣстный священникъ. Многіе ученики нынѣшней зимы (7 мѣс.) еще не окончили азбуки; исключеніе изъ нихъ составляетъ ученикъ Назаровъ; поступивши въ училище въ декабрѣ, онъ прошелъ азбуку и теперь уже очень порядочно читаетъ незнакомое.

6) *Ждановское*. Наставникъ—ученикъ семинаріи Родіоновъ. Не смотря на недавнее открытіе училища (19 декабря 1869 г.), ученики

сдѣлали замѣтные успѣхи въ грамотѣ, что надо приписать отчасти усердію наставника, а главнымъ образомъ рвенію учениковъ, занимающихся съ большимъ прилежаніемъ.

7) *Путчинское*. Наставникъ — отставной чиновникъ І. Аюфріевъ; изъ 30-и ученик. 10 кончаютъ азбуку (молитвы) по 2-й зимѣ и порядочно разбираютъ вновь.

8) *Солдатское*. Наставникъ—ученикъ духовнаго училища г. Б; обученіе грамотѣ идетъ не совсѣмъ успѣшно; нѣкоторые мальчишки по 2-й зимѣ не могутъ читать безъ складовъ.

9) *Шатохинское*. Наставникъ — ученикъ низшаго отдѣленія семинаріи М. С—въ. Въ обученіи, грамотѣ онъ строго придерживается *проказыванія уроковъ*, почему ученики заучиваютъ на память читаемое и читаютъ бѣгло заученное, а незнакомое самые лучшіе ученики едва разбираютъ; самъ учитель читаетъ неудовлетворительно, безъ всякаго выраженія.

10) *Молотычевское*. Наставникъ—ученикъ духовнаго училища г. В—скій. Ученики по 2-й зимѣ порядочно разбираютъ незнакомую книгу, но читаютъ весьма монотонно, отвѣчаютъ плохо.

11) *Становское*. Наставникъ — ученикъ духовнаго училища А. Д—въ, поступилъ въ училище недавно; до него обученіе грамотѣ шло не успѣшно; его же ученіемъ весьма довольны ученики (наставника я не засталъ въ училищѣ); нѣкоторые изъ нихъ по 1-й зимѣ начинаютъ разбирать порядочно слова по незнакомой книгѣ.

12) *Разиньковское*. Наставникъ — діаконъ мѣстной церкви, обучаетъ грамотѣ не успѣшно; учащіеся худо знаютъ звуки буквъ.

е) Училища, въ которыхъ обученіе грамотѣ происходитъ по церковно-славянскому способу (*азъ, буки, и проч*):

1) *Березовское*. Наставникъ—ученикъ духовнаго училища г. Конововъ, обучаетъ грамотѣ весьма успѣшно; нѣкоторые ученики нынѣшней зимы очень порядочно разбираютъ незнакомую книгу.

2) *Поньровское*. Наставникъ — ученикъ Курскаго духовнаго училища Н. Рождественскій тоже обучаетъ успѣшно; у него также я нашелъ мальчишковъ, начинающихъ разбирать (безъ складовъ) незнакомую книгу.

3) *Никольское подъ Кляжами*. Наставникъ — мѣстный діаконъ, передавшій все дѣло въ училищѣ своему сыну В. Р—ву, обращаетъ главное вниманіе на *зубристку*, то-есть, на заучиваніе учениками прочитаннаго; большинство учатся по церковнымъ книгамъ (часословы, псалтыри и проч.); ученики нынѣшней зимы не окончили еще азбуки;

нѣкоторые изъ нихъ не могутъ даже по складамъ разобрать незнакомыя слова.

4) *Акулышинское*. Наставникъ діаконъ А. Д — въ. Въ обученіи грамотѣ не замѣтно успѣховъ; по словамъ наставника, ученики начали слишкомъ поздно ходить въ школу.

5) *Кореневское*. Обучаетъ грамотѣ помощникъ наставника, мѣстнаго священника, окончившій курсъ въ Фатежскомъ уѣздномъ училищѣ С. Дуновъ; дѣло идетъ довольно успѣшно: нѣкоторые ученики начинаютъ разбирать слова, хотя и медленно, по незнакомой книгѣ.

6) *Троицкое на Сучку*. Наставникъ — мѣстный священникъ. Въ этомъ училищѣ нѣтъ ни одного ученика нынѣшней зимы (въсѣхъ 30), но нѣкоторые еще не окончили азбуки, которую просто заучиваютъ, а въ другой книги не въ состояніи разбирать словъ.

7) *Верхне-Любавское*. Наставникъ (поставленный попечителемъ Ярыгинимъ, но по подряду съ обществомъ) ученикъ Бѣлгородскаго духовнаго училища П — ской, обучаетъ безъ успѣха: ученики просто заучиваютъ читаемое и проказываемое учителемъ; ученикъ, напримѣръ, А. С — въ по 2-й зимѣ не окончилъ заучиванія буквъ и не можетъ назвать ихъ не по порядку; лучший ученикъ (Б — въ) едва разбираетъ незнакомое.

С) Училища, въ которыхъ употребляются оба буквосочетательные метода — церковно-славянскій и гражданскій (*азъ, буки и а, бж*):

1) *Радубежское*. Наставникъ — діаконъ мѣстной церкви. По успѣхамъ изъ другихъ предметовъ видно, что онъ весьма усердно занимается, но въ обученіи грамотѣ я не нашелъ успѣховъ; тамъ въ училищѣ есть 5 учениковъ по 2-й зимѣ, еще не окончившихъ азбуку, что зависитъ, по его словамъ, отъ того, что въ училищѣ нѣтъ подвижныхъ буквъ ¹⁾; безъ которыхъ трудно, по его мнѣнію, приучить учениковъ къ чтенію; притомъ и родители вмѣшиваются и переучиваютъ дѣтей по своему; оттого у него дѣти и учатся по церковной, и по гражданской азбукамъ, хотя онъ преподаетъ по второй.

2) *Ольховатское*. Наставникъ, мѣстный священникъ и помощникъ его, ученикъ средняго отдѣленія семинаріи В. Архангельскій, занимаются очень усердно (особенно послѣдній), но обученіе грамотѣ идетъ не успѣшно, потому что родители вмѣшиваются въ ученіе и переучиваютъ дѣтей по своему; оттого въ училищѣ до сихъ поръ (по 24 февраля) изъ 98-и уч. — 50 азбучниковъ и половина изъ нихъ учится

¹⁾ Немедленно доставлены послѣ моего осмотра.

по церковно-славянскому приему; начавшіе учиться въ октябрѣ даже по складамъ (буки-азъ—ба) съ трудомъ разбираютъ слова. Впрочемъ, можно надѣяться, что вслѣдствіе особеннаго расположенія общества къ помощнику, заявленнаго въ послѣднее время, г. Архангельскому удастся побѣдить предразсудокъ и доказать родителямъ, что „по новому“ учить лучше, легче для учениковъ и успѣшнѣе.

3) *Смородинское нижней половины*. Наставникъ — ученикъ семинаріи М. В.—скій ведетъ обученіе грамотѣ съ успѣхомъ, что свидѣлствуетъ объ особенномъ прилежаніи учителя, при знакомствѣ котораго съ звуковымъ методомъ, результаты могли бы быть поразительны. Между учениками нынѣшней зимы есть одинъ изъ нихъ (7-лѣтній Ефремовъ), который очень свободно прочелъ нѣсколько строкъ по незнакомой ему книгѣ; товарищи его хотя и хуже, но все-таки порядочно разбираютъ незнакомое.

4) *Смородинское верхней половины*. Наставникъ — ученикъ низшаго отдѣленія семинаріи М. Р.—скій обучаетъ съ успѣхомъ; нѣсколько учениковъ окончили уже азбуку и порядочно разбираютъ незнакомую книгу.

5) *Хмелевское*. Наставникъ—бывшій дворовый человекъ Е. Т.—скій, обученіе грамотѣ ведетъ неудовлетворительно и добивается, по видимому, одного, чтобы дѣти какъ можно громче кричали во время урока.

6) *Дмитріевское на Холчахъ*. Наставникъ—мѣстный священникъ, ведетъ обученіе грамотѣ такъ, что дѣти довольно бѣгло читаютъ склады, каждый по своей азбукѣ, но въ другой книгѣ не умѣютъ отличить буквы одну отъ другой.

7) *Гавское (Ниже-Реутское)*. Наставникъ — окончившій курсъ духовнаго училища И. В.—въ. Обученіе грамотѣ идетъ неуспѣшно; мальчики по 2-й зимѣ едва разбираютъ слова.

8) *Рождественское*. Наставникъ—мѣстный священникъ. Въ училищѣ я засталъ его помощника г. П—ва, который замѣняетъ наставника и ведетъ дѣло обученія грамотѣ неуспѣшно.

9) *Ниже-Геряиновское*. Въ этомъ училищѣ договоренъ новый учитель, не приступавшій еще къ дѣлу; учениковъ я не засталъ въ школѣ, а потому не производилъ испытанія.

Объ остальныхъ училищахъ, мною не осмотрѣнныхъ, я получилъ отъ училищнаго совѣта слѣдующія свѣдѣнія:

1) *Линецкое*. Наставникъ — мѣстный священникъ обучаетъ грамотѣ по буквосочетательному методу; успѣхи посредственные.

2) *Троицкое на Прутахъ*. Наставникъ — мѣстный дѣлаетъ преподавать грамоту по букварному методу; успѣхи учениковъ неудовлетворительны.

3) *Амелинское (Никольское)*. Наставникъ — вольный извѣщающій преподаетъ по букварному методу съ посредственными успѣхами.

4) *Алѣевское*. Наставникъ — мѣстный дѣлаетъ преподавать по буквосочетательному методу неуспѣшно.

5) *Землиновское*. Наставникъ — ученикъ средняго ордѣна семинаріи А. Т — скій, обучаетъ по звуковому методу. Успѣхи порядочны.

Изъ этого общаго обзора методовъ обученія грамотѣ, употребляемыхъ въ школахъ Фатежскаго уѣзда, оказывается, что дѣло идетъ въ большинствѣ училищъ сносно, не смотря на незнакомство многихъ учителей съ звуковымъ методомъ, облегчающимъ трудъ и учителя, и дѣтей, и оживляющимъ занятія въ классѣ. Если же осуществится мысль о сѣздѣ учителей въ г. Фатежѣ въ маѣ мѣсяцѣ съ педагогическою цѣлю и всѣ предложенныя мною мѣры будутъ приведены въ исполненіе, то можно надѣяться, что съ будущей зимы дѣло обученія грамотѣ въ Фатежскомъ уѣздѣ пойдетъ лучше и отжившіе методы обученія сдѣлаются въ училищахъ достояніемъ исторіи.

6) *Законъ Божій*. Переходя затѣмъ въ очерку преподаванія закона Божіаго, прежде всего необходимымъ считаю заявить, что изъ 45-и учителей, преподающихъ законъ Божій, 21, по положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ, не имѣютъ на то права. Объ этомъ обстоятельстве я заявлялъ въ засѣданіи Фатежскаго училищнаго сѣзда, гдѣ между прочимъ въ то же время заслушано было и циркулярное предложеніе губернскаго училищнаго сѣзда о точномъ соблюденіи существующаго на сей предметъ постановленія.

Не смотря на то, что многіе учителя не имѣютъ права преподавать законъ Божій, я нашелъ, что этотъ предметъ у такихъ учителей преподается очень успѣшно (напримѣръ, у г. Вѣлешева въ Гаевскомъ училищѣ, у г. Анофріева въ Путчинскомъ). И вообще преподаваніе закона Божіаго, за исключеніемъ немногихъ училищъ, которыхъ скажу позже, идетъ очень хорошо въ Фатежскомъ уѣздѣ, я не встрѣтилъ ни одного изъ нихъ, гдѣ бы мальчики уже по первой зимѣ не знали главнѣйшихъ молитвъ. Первая книга, которую даютъ въ руки окончившимъ азбуку, или „Молитвословъ“, или „Начатки христіанскаго ученія“. Есть школы, открытыя не болѣе 1½ мѣсяца (Шуклинская, Ждановская), но и въ нихъ уже почти всѣ мальчики

очень толково и ясно читаютъ молитвы. Этотъ видимый успѣхъ въ изученіи дѣтьми главнѣйшаго предмета въ ихъ образованіи несомнѣнно все болѣе и болѣе располагаетъ сельское населеніе къ училищу, а я не разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ многіе изъ мѣстныхъ жителей, присутствуя въ школѣ при моей ревизіи, съ особеннымъ удовольствіемъ слушали дѣтей, разказывающихъ различныя событія священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, объясняющихъ главнѣйшіе догматы православной церкви. И это были нерѣдко совершенно постороннія лица, не имѣющія въ училищѣ никого изъ родныхъ. Правда, не вездѣ удавалось мнѣ замѣчать выраженіе подобнаго чувства; случалось, наоборотъ, слышать мнѣніе о неужности для дѣтей ничего, кромѣ знанія псалтыря, „который, по крайности, придется читать по покойникѣ“, но это было въ весьма немногихъ селеніяхъ, гдѣ общества еще съ недоверіемъ относятся къ училищамъ. Въ преподаваніи закона Божія лучшіе преподаватели употребляютъ методъ катехизической, а также разказываютъ дѣтямъ событія изъ священной исторіи по руководству Рудакова (по *разказной исторіи*, какъ выражаются многіе учителя).

Какъ на образцоваго преподавателя закона Божіяго, проникнутаго истинно-христіанскою любовію къ своему великому дѣлу, я уважу на священника о. Феодора Данилова, законоучителя Фатежскаго приходскаго училища. Владѣя замѣчательною способностью объяснять дѣтямъ ясно и просто глубокія истины христіанскаго вѣроученія, о. Феодоръ умѣетъ и въ дѣтяхъ развить ту же простоту разказа, то же благороднѣйшее чувство къ слову Божию, которымъ самъ проникнутъ. Не въ одномъ училищѣ не читали такъ молитвъ, какъ у о. Феодора. Это явленіе — была дѣйствительно „бесѣда съ Богомъ“, какъ дѣти называютъ у него молитву; видѣлъ такъ послѣдовательно, толково не разказывали ученики событія новозавѣтной исторіи, какъ здѣсь. Однако, исключительныя индивидуальныя достоинства одного преподавателя не умаляютъ заслуги другихъ, а потому считаю своимъ долгомъ указать еще на слѣдующихъ лицъ; у которыхъ преподаваніе закона Божіяго идетъ съ большимъ успѣхомъ. Къ такимъ преподавателямъ относятся: гг. Федотовъ, Васильевъ (Поздняковской школы), Вороновскій, о. діаконъ Іосифъ Поповъ, гг. Рождественскій (Смородинскаго училища), Тимоновъ, Аванасьева, Н. Рождественскій (Понировскаго училища) и г. Булавъ (Нижне-Реутскаго или Гаевского училища). Во всѣхъ прочихъ училищахъ, за исключеніемъ Шалохинскаго и Верхне-Любанскаго, успѣхи по закону Божию болѣе или менѣе удовлетворительны.

Нельзя того же сказать о Шатохинскомъ и еще менѣе о Верхне-Любашскомъ училищѣ.

Въ Шатохинскомъ училищѣ наставникъ М. С — въ заставляетъ прежде всего учениковъ механически заучивать законъ Божій наизусть, а потомъ уже онъ имъ (по его словамъ) „разказываетъ“. Изъ этого получается тотъ результатъ, что ученикъ, прерванный вопросомъ въ законѣ — либо мѣстѣ разказа, останавливается и не можетъ продолжать начатаго. Къ чему служить „разказъ“ учителя, въ существованіи которыхъ я позволю себѣ усомниться, не знаю; но я знаю, что ни одинъ изъ его учениковъ не отвѣчалъ мнѣ сколько-нибудь сносно. Да и самъ учитель, по моему просьбѣ объяснявшій ученикамъ одно изъ событій священной исторіи, оказался весьма плохимъ разказчикомъ: онъ въ своемъ разказѣ просто переставлялъ слова книги, въ которую часто заглядываетъ.

Верхне-Любашскій наставникъ, г. П—скій, употребляетъ еще болѣе странннй способъ преподаванія. Ученики заучиваютъ предметы закона Божія *по выхваткамъ* (выраженіе учителя), то-есть, одинъ учить одно, а другой другое; и это онъ дѣлаетъ не потому, чтобъ ученики были не одинаково подготовлены, а оттого, что признаетъ это лучшимъ. Поэтому, если учениковъ, изучающихъ священную исторію и катихизисъ, заставить всѣхъ прочесть, что они выучили, то составится нѣчто цѣльное, а отдѣльно каждый изъ нихъ знаетъ только часть всего, что онъ долженъ знать по распредѣленію учителя. Одного ученика я заставилъ прочесть 5-ю заповѣдь, и когда тотъ затруднился исполнить это, учитель пояснилъ мнѣ, что этотъ ученикъ знаетъ только 10-ю, а 5-ю выучилъ вонъ тотъ-то. Другаго я просилъ разказать о рождествѣ Спасителя, но онъ не могъ этого сдѣлать. Тогда учитель, чтобъ оправдать свое мнѣніе объ ученикѣ (это былъ, по его словамъ, лучший), обратился ко мнѣ и сказалъ: „Пусть онъ разкажетъ *Однѣ изъ сыновъ*“. Я спросилъ учителя, что такое: „однѣ изъ сыновъ?“ Онъ не могъ объяснить, и подаль мнѣ раскрытую книгу: оказалось, что этими словами начинается извѣстная исторія Іосифа. Видя полную неудачу экзамена, учитель просилъ меня послушать одного изъ лучшихъ своихъ учениковъ, котораго онъ самъ спросилъ. Я изъявилъ согласіе. Онъ взялъ книгу („Начатки христіанскаго ученія“), развернулъ посрединѣ и началъ задавать вопросы, на которые ученикъ отвѣчалъ безъ запинокъ слово въ слово по книгѣ. Училищный совѣтъ очень озабоченъ замѣной этого учителя другимъ, о чемъ со-

общемо уже почетелю училища, поставившему г. П—скаго по ряду съ обществомъ.

Занятія церковно-славянскимъ чтеніемъ не во всѣхъ училищахъ идутъ регулярно. Въ то время, какъ въ однихъ оно составляетъ преобладающій элементъ классныхъ занятій (Акульшинское, Ольховатское, Верхне-Любашское и др. училища), въ другихъ оно еще не вошло въ предметъ классныхъ занятій отчасти потому, что ученики не утвердились еще въ русскомъ чтеніи, отчасти по неимѣнію достаточнаго числа книгъ на славянскомъ языкѣ (въ нихъ мѣстахъ я нашелъ: всего одно Евангеліе на все училище), и наконецъ, отчасти, по незнанію учителей, что упражненія въ церковно-славянскомъ чтеніи обязательны для нихъ. Впрочемъ, въ каждомъ училищѣ я находилъ мальчиковъ, весьма порядочно читающихъ по-славянски: это или учившіеся по церковно-славянской азбуцѣ, или поступившіе въ школу съ знаніемъ ея. При правильномъ распредѣленіи классныхъ занятій, при строгой опредѣленности программы, этотъ недостатокъ училищъ легко устранять, и съ будущей зимы училищный совѣтъ, принявшій въ руководство рекомендуемую округомъ программу, предполагать разослать ее по всѣмъ училищамъ.

Русское чтеніе, письмо подъ диктовку; разказы прочитаннаго. Для оцѣнки дѣятельности каждаго учителя и успѣшности его занятій едва-ли можно принять за мѣрило русское чтеніе. Не говоря уже о томъ, что учителя во многихъ училищахъ ежегодно мѣняются и что, слѣдовательно, учителю нынѣшней зимы нельзя приписывать успѣховъ или неуспѣшности занятій прошлой зимы, достаточно указать на тотъ фактъ, что въ 45-и училищъ Фатежскаго уѣзда 38 существуютъ только 2-ю зиму и что, слѣдовательно, нельзя отъ нихъ и требовать того, что составляетъ результатъ усидчивыхъ занятій въсколькихъ лѣтъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на одно весьма важное обстоятельство, замедляющее успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. Многие учителя увлеклись такъ называемымъ „объяснительнымъ чтеніемъ“, составляющимъ, по справедливости, одинъ изъ развивающихъ элементовъ школы. Задавшись тою мыслью, что отъ каждаго ученика необходимо требовать, чтобъ онъ разказалъ, о чемъ читаетъ, они безъ разбора заявляютъ это требованіе и отъ тѣхъ, для которыхъ самий процессъ чтенія составляетъ уже большой трудъ. Отъ этого едва ученикъ омончить учить азбуку, молитвы, ему даютъ книгу (напримѣръ Цаудсона), и вставляютъ читать любую статью и разказать, о чемъ онъ читалъ. Результатъ выходитъ тотъ, что ученикъ, сосредоточивая

все свое вниманіе на смыслъ читаемаго, мало заботится о техникѣ его, о произношеніи, объ удареніи и проч.; читаетъ медленно, монотонно, невыразительно. Такимъ образомъ объяснительное чтеніе, вѣдѣсто живой, разнообразной, увлекательной бесѣды учителя съ учениками, имѣющей полезное вліяніе на выработку разговорнаго языка, отсутствіемъ котораго такъ страдаютъ наши школы, вноситъ въ школьныя занятія вялость, утомленіе, монотонность, и самое главное, не образуетъ хорошихъ, бѣглыхъ чтецовъ.

Въ неоднократной бесѣдѣ моей съ учителями по этому поводу я старался разъяснить имъ, что прежде всего нужно заботиться о томъ, чтобъ ученики свободно и по возможности бѣгло читали каждую книгу, и когда это достигнуто, тогда только приступать къ объяснительному чтенію.

Всѣ училища, относительно чтенія, можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) существовавшія до 1868 года и 2) открытыя въ 1868 году. Къ первымъ относятся: а) бывшія волостныя: Нижне-Горлиновское (бывшее Жировское), Кореневское, Смородинское (нижней половины), Хмѣлевское и Нижне-Реутское (Гаевское); б) открытыя обществами: Игинское (1867 года) и Ольховатское (1865 года), и в) открытыя частными лицами: Новоселовское (К. Е. Рапцъ съ 1861 года) и Алисовское (А. А. Рутценъ съ 1867 года). Ко второй категоріи слѣдуетъ отнести всѣ остальные училища (35). Не смотря на недавнее сравнительно съ остальными существованіе Алисовскаго училища, оно относительно чтенія занимаетъ первое мѣсто. Въ немъ есть нѣсколько учениковъ (Павловъ, Недосѣвинъ и др.), очень хорошо читающихъ и весьма толково разказывающихъ прочитанное. Но особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи ученица Степанида Емельянова; она плавно, выразительно прочла предложенную мною незнакому статью и самымъ простымъ, свободнымъ языкомъ разказала прочитанное. Въ прошломъ году Емельянова получила на экзаменѣ первую награду (7 руб.). Другіе ученики того же училища и того же старшаго отдѣленія (ихъ 20) читаютъ менѣе удовлетворительно, и сколько я могъ замѣтить, кажется, именно вслѣдствіе указаннаго мною увлеченія толковымъ чтеніемъ. При усердіи къ преподаванію наставника, священника о. Введенскаго, легко было бы достигнуть бѣглости чтенія большинствомъ учениковъ, занимающихся въ этомъ отдѣленіи съ большимъ прилежаніемъ, и довести ихъ до той степени совершенства, какою владѣетъ ученица Емельянова. Въ другихъ училищахъ этой категоріи также встрѣчаются ученики, порядочно читающіе, и особенно уче-

ницы. Такъ въ Смородинскомъ (нижней половины) дѣвочки (особенно Преображенская и Ефремова; всѣхъ дѣвочекъ въ этомъ училищѣ 4 и улятся онѣ по второй зимѣ), въ Иринскомъ нѣсколько учениковъ (по 3-й зимѣ), въ Новоселовскомъ Басовъ (по 4-й зимѣ), въ Жлоровскомъ (нынѣ Покровскомъ) Чернышевъ (по 4-й зимѣ), въ Хмѣлевскомъ Моцневъ (по 3-й зимѣ) очень хорошо прѣняли указанная мною статьи. Въ Ольховатскомъ же и Нижне-Реутскомъ чтеніе весьма слабо; въ первомъ лучше ученики (по 3-й зимѣ) читаютъ медленно, безъ всякаго выраженія, а во второмъ и по 4-й, даже по 5-й зимѣ читаютъ дурно, повторяя постоянно слоги (признакъ обученія по азамѣ) и не ясно, не отчетливо произнося каждое слово.

Между училищами 2-й категоріи сдѣланы весьма хорошіе успѣхи: въ Поздняковскомъ, Богоявленскомъ и Смородинскомъ верхней половины; весьма неудовлетворительно чтеніе въ Салдатскомъ, Шатолинскомъ, Троицкомъ на Сучку, Рождественскомъ, Дмитриевскомъ на Холмагахъ и особенно въ Верхне-Любазскомъ. Въ остальныхъ же училищахъ этой категоріи чтеніе удовлетворительно.

Съ русскимъ чтеніемъ, какъ я сказалъ уже, тѣсно связаны разказы прочитаннаго, которые, въ сожалѣнію, у неспособныхъ учителей превращаются въ дословное заучиваніе прочитаннаго. Такъ, напримѣръ, Верхне-Любазскій учитель сказалъ мнѣ, что у него ученики умѣютъ разказывать „рыбку“ (то-есть, сказку о Рыбакѣ и Рыбкѣ Пушкина). Когда я выразилъ желаніе выслушать разказъ, онъ вызвалъ ученика, а мнѣ подаль книгу, чтобы я могъ слѣдить, до какой степени твердо знаетъ мальчикъ „рыбку“. Оказалось, что ученикъ выучилъ ее буквально и прочелъ чуть ли не всю, не переводя духа. Въ другихъ училищахъ многіе ученики весьма порядочно передавали своими словами содержаніе этой сказки къ немалому удовольствію публики, присутствовавшей при этихъ испытаніяхъ. Вообще эта сказка очень полезна для училищъ и ей слѣдовало бы дать самое обширное распространеніе во всѣхъ школахъ; особенно примѣнима она по своей необыкновенной дешевизнѣ: 2½ коп. съ картинками. „Волкъ и Лиса“, „Ось и Чека“ и еще двѣ, три исторіи изъ „Книги для чтенія“ Паульсона, двѣ, три басни Крылова,—этими исчерпывается почти все содержаніе разказовъ въ нашихъ школахъ. Относительно басенъ, впрочемъ, я замѣчу, что онѣ теряютъ все свое достоинство отъ способа передачи. Все живое, своеобразное безъ слѣда пропадаетъ въ монотонномъ разказѣ.

Во разказахъ и передачѣ прочитаннаго Алтеевское училище за-

нимаютъ первое мѣсто; даже въ первомъ отдѣленіи нѣкоторые ученики очень порядочно передаютъ содержаніе легкихъ статей изъ „Книжки для чтенія“ Паульсона. Посредствомъ этихъ упражненій учитель подготавливаетъ учениковъ въ разказахъ изъ св. исторіи, а безъ этого дѣти съ величайшимъ трудомъ воспринимаютъ самое простое изложеніе. Подобный присягъ заслуживаетъ вниманія и другіе наставниковъ, такъ какъ, дѣйствительно, деревенскіи дѣти затрудняются въ выраженіи самыхъ простыхъ мыслей; изученіе азбуки и молитвъ мало способствуетъ выработкѣ разговорнаго языка; такой выработкѣ можно достигнуть только настоянными упражненіями въ передачѣ не затѣпливыхъ разказовъ, взятыхъ изъ жизни крестьянъ; эти разказы близки, родственны дѣтямъ, а потому возбуждаютъ въ нихъ живой интересъ.

Передача на бумагѣ прочитаннаго, письмо подѣ диктовку, дополняющія курсы изученія роднаго языка, не вошли еще въ предметъ классныхъ занятій училищъ Фатежскаго уѣзда, за исключеніемъ Алисовскаго, гдѣ ученики втораго отдѣленія постоянно упражняются въ „сочиненіяхъ“, въ письмѣ подѣ диктовку, при чемъ имъ передаются наставникомъ главнѣйшія основанія этимологій и синтаксиса. Что эти основанія усваиваются учениками я убѣдился изъ того, что двое изъ нихъ написали подѣ диктовку весьма хорошо, а у Недосѣкина, написавшаго вмѣстѣ съ другими заданное мною сочиненіе „объ Юсифѣ“, не оказалось ни одной орфографической ошибки. Правда, у того же ученика, при вторичномъ посѣщеніи мною школы, въ его сочиненіи о „Самуилѣ“ я замѣтилъ довольно грубыя ошибки; но это можно объяснить тѣмъ, что второе сочиненіе писано было торопливо, безъ особеннаго вниманія, какъ обыкновенное классное упражненіе; на которомъ ученики даже нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній не сосредоточиваютъ должнаго вниманія. Во второй разъ я вошелъ въ школу тогда, когда классныя занятія окончились, и половина учениковъ разошлась по домамъ; писавшіе о „Самуилѣ“ не воображали, что ихъ сочиненія попадутъ мнѣ въ руки, и исполнили свою работу небрежно. Иначе я не могу объяснить ¹⁾, какъ одинъ ученикъ, *ни савшій въ моемъ присутствіи безъ всякаго посторонняго участія*, разъ написалъ хорошо, а въ другой разъ дурно. Кромѣ этихъ весьма полезныхъ знаній, въ Алисовскомъ училищѣ, благодаря замѣчательной энергіи и участію попечительницы школы А. А. Рутцель, сообщаются еще краткія свѣдѣнія изъ отечественной исторіи и геогра-

¹⁾ Если только не приписать случаю безопытность перваго сочиненія;

фіи; и успѣхи учениковъ по этимъ предметамъ весьма удовлетворительны. Свѣдѣнія историческія передаются въ видѣ разказовъ о замѣчательныхъ эпохахъ и личностяхъ русской исторіи, а географія изучается въ формѣ описаній важнѣйшихъ русскихъ мѣстностей. Въ классѣ имѣются географическія карты (Европы, Европейской и Азіатской Россіи), и учащіеся, съ величайшимъ интересомъ слѣдя за чтеніемъ, отыскиваютъ на картахъ мѣста, о которыхъ упоминается во время географическихъ бесѣдъ. Эти занятія, въ высшей степени полезныя, очень привязываютъ учениковъ къ школѣ, и они посѣщаютъ ее аккуратно, не смотря на то, что нѣкоторые живутъ въ 2-хъ, 3-хъ и даже 4-хъ верстахъ отъ училища.

Ариѳметика. Преподаваніе ариѳметики, за исключеніемъ весьма не многихъ училищъ, идетъ весьма неудовлетворительно. Все вниманіе учителей устремлено на механическое производство четырехъ дѣйствій на доскѣ, на то, чтобъ дѣти умѣли писать милліоны, складывали ихъ, вычитали и проч., то-есть, именно на все то, что пріобрѣтается навыкомъ и не вызываетъ умственного напряженія, имѣющихъ наибольшую важность въ развитіи учениковъ. Съ другой стороны, увлекаясь подобною бесполезною задачею въ своихъ занятіяхъ ариѳметикою, учителя не хотятъ понять, что для сельскихъ мальчиковъ, съ практической точки зрѣнія, гораздо важнѣе имѣть навыкъ къ умственнымъ упражненіямъ съ маленькими числами, съ копѣйками, разчитывать которыя ежегодно приходится дома, чѣмъ хорошо умѣть считать на доскѣ милліоны, и въ то же время не умѣть считать быстро въ умѣ единицы. Да и самѣ эти милліоны ученики пріучаются писать чисто механически, безсознательно: любой изъ нихъ напишетъ, наприѣръ, 5.265.375, но если выбрать между 5-ю милліонами и 5-ю единицами промежуточные числа и сказать 5 милліоновъ, 5 единицы, всякій затруднится написать это число и наставитъ безъ счету нулей. Особенно затрудняютъ учениковъ такіе вопросы: напишите 35 десятковъ или 57 сотенъ, 647 десятковъ и т. п. Въ иныхъ школахъ и самі учителя становились въ тупикъ при такихъ вопросахъ.

Въ *Алисовскомъ* училищѣ занятія ариѳметикою идутъ весьма успѣшно, благодаря непосредственному участію въ нихъ Н. К. Рутцена, который время отъ времени самъ занимается съ дѣтми и руководитъ учителя. Ученики рѣшаютъ довольно трудныя задачи даже на тройное правило (посредствомъ приведенія къ единицѣ) и имѣютъ навыкъ къ умственнымъ вычисленіямъ.

Въ *Глябовскомъ* училищѣ я засталъ г. Федотова за подобными

занятіями (по Грубе) въ младшемъ отдѣленіи; дѣти чрезвычайно легко и скоро рѣшали задачи, относящіяся къ упражненіямъ на первые 10 чиселъ. Во второмъ отдѣленіи этого училища умственные упражненія идутъ хуже, потому что учитель, перешедшій въ эту школу только въ ноябрѣ прошлаго года, засталъ учениковъ уже приученныхъ къ механическимъ дѣйствіямъ, на доскѣ. Впрочемъ, одинъ изъ такихъ учениковъ рѣшилъ при мнѣ довольно сложную задачу.

Въ *Ишимскомъ* училищѣ учитель г. Тимоновъ, кромѣ практическаго рѣшенія задачъ на доскѣ, упражняетъ учениковъ въ умственныхъ вычисленіяхъ; знанія дѣтей въ этой школѣ по ариметикѣ удовлетворительны.

Счисленію на счетахъ обучаются дѣти почти во всѣхъ училищахъ, но не совсѣмъ успѣшно во многихъ влѣдствіе того же механическаго метода, котораго не избѣжало и это самое практическое классное искусство. Ученики умѣютъ власть тысячи и болѣе, а не въ состояніи быстро управляться съ рублями и копѣйками. Тамъ, гдѣ вообще ариметика идетъ хорошо, тамъ и счисленіе на счетахъ болѣе удовлетворительно.

Чистописаніе. Чистописанію обучаютъ во всѣхъ училищахъ по старой системѣ; едва дѣти выучатъ азбуку, какъ имъ даютъ уже въ иныхъ школахъ грифельныя доски, въ другихъ тетради и заставляютъ писать палочки, крючки, буквы и т. д. до прописей, дальше которыхъ идутъ въ весьма немногихъ школахъ, гдѣ списываніе съ книги закончивается упражненіемъ въ чистописаніи.

Во многихъ училищахъ пишутъ весьма хорошо (напримѣръ, въ *Нижне-Смординскомъ* хорошо пишутъ дѣвочки, въ *Становскомъ*, *Березовскомъ*, *Молотычевскомъ*, *Ишимскомъ*, *Алисовскомъ*, *Глубовскомъ*). въ другихъ очень небрежно, не старательно (напримѣръ, въ *Вогоявленскомъ* отлично пишетъ только одинъ ученикъ Петинъ, занимавшійся дома, а прочіе весьма дурно; въ *Новоселовскомъ* только у двухъ оказались тетради въ порядкѣ и написаны старательно, остальные ученики пишутъ кое-какъ, лишь бы написать побольше). Главнѣйшій недостатокъ въ отношеніи письма заключается въ томъ, что ученики, едва которые привыкли писать порядочно по двумъ линейкамъ и у которыхъ еще недостаточно укрѣпилась рука, начинаютъ писать безъ линейекъ, и конечно, очень дурно, влѣдствіе чего окончательно портятъ почеркъ и при выходѣ изъ училища (обыкновенно послѣ трехъ зимъ) не могутъ прямо и правильно написать двухъ строжекъ. Объ устраненіи этого важнаго недостатка я говорилъ со многими

изъ учителей, но отъ всѣхъ слышалъ, что „таково желаніе родителей“, противъ котораго они не въ состояніи бороться. Многіе изъ родителей заботятся только о томъ, чтобы дѣти приучились писать хотя кое-какъ, а хорошо ли, дурно, для нихъ все равно.

Хорошее, четкое письмо составляетъ предметъ особенной заботливости училищнаго совѣта, председатель котораго говоритъ, что совѣтъ желалъ бы имѣть особаго, образцоваго учителя чистописанія:

Церковное пѣніе. Не смотря на то, что всѣ почти наставники въ училищахъ Фатежскаго уѣзда лица духовнаго званія, для которыхъ церковное пѣніе должно быть дѣломъ весьма знакомымъ, только въ 5-и училищахъ (въ Архангельскомъ, Понуровскомъ, Алисовскомъ, Молотичевскомъ и Миролубовскомъ) дѣти поютъ молитвы, а въ 2-хъ (въ Ольховатскомъ и Нижне-Смородинскомъ), кромѣ того, изъ нихъ составленъ хоръ пѣвчихъ; въ остальныхъ же училищахъ пѣніе не преподается.

Въ *Ольховатскомъ* училищѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, былъ приглашенъ помощникомъ наставника г. Архангельскій, большой любитель церковнаго пѣнія, участвовавшій нѣсколько лѣтъ въ хорѣ. Съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Ольховатѣ, онъ сталъ приучать учениковъ къ пѣнію молитвъ предъ ученіемъ и послѣ ученія, и выбравъ нѣсколько хорошихъ голосовъ, началъ заниматься съ ними по вечерамъ нотнымъ пѣніемъ. Черезъ нѣсколько времени онъ усовершенствовалъ свой маленькій хоръ на столько, что рѣшился пѣть съ нимъ въ церкви, на литургіи. Когда общество услышало пѣніе, оно до такой степени расположилось къ учителю, что на первомъ мірскомъ сходѣ постановило: прибавить ему жалованья 50 руб. въ годъ (онъ догваривался за 100 руб.), для чего положено увеличить подушный сборъ вдвое (вмѣсто 10 коп. — 20 коп. съ души). Но этимъ не ограничились результаты впечатлѣнія, произведеннаго пѣніемъ. Г. Архангельскій нравственно выросъ въ глазахъ общества; онъ приобрѣлъ въ селѣ вліяніе и авторитетъ. До обѣдни, первый разъ пропѣтой его хоромъ, въ училищѣ было 40 мальчиковъ, а послѣ нея ихъ стало 98, въ томъ числѣ три дѣвочки, „и еще было бы столько же, говорилъ мнѣ попечитель, да сами видите: мѣста нѣтъ“. И дѣйствительно, училище было биткомъ набито. Прежде родители слышать не хотѣли о гражданской азбукѣ, а теперь говорятъ: „какъ знаетъ учитель, такъ пусть и дѣлаетъ“.

Наставникъ Нижне-Смородинскаго училища Вороновскій, усердно выполняя свои правныя обязанности, заботится также и о пѣніи. Тру-

дѣсь на этомъ воприщѣ, онъ также заслужилъ уваженіе и любовь общества. Его хоръ, въ которомъ онъ и самъ участвуетъ (единственный теноръ), поетъ весьма хорошо; а съ особеннымъ удовольствіемъ прослушалъ литургію, и имѣлъ случай убѣдиться, съ какимъ благоговѣніемъ народъ молился въ церкви, слушая очень пріятные голоса дѣвочекъ-ученицъ. Я не говорю уже о томъ, какое нравственно-воспитательное вліяніе оказываетъ на народъ хорошее пѣніе, какъ эти минуты высшаго религіознаго настроенія дѣйствуютъ на смягченіе нравовъ, на развитіе гуманныхъ чувствъ и проч.; все это несомнѣнно имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ, и каждый наставникъ, если онъ хочетъ быть истиннымъ народнымъ учителемъ, долженъ имѣть это въ виду. Я указываю только на то обстоятельство, что церковное пѣніе располагаетъ народъ къ училищу, что оно представляетъ могучее средство привлечь массы учениковъ. Дѣйствительно, ни г. Архангельскій, ни г. Вороновскій не жаловались мнѣ на неаккуратность въ посѣщеніи учениками уроковъ, между тѣмъ какъ подобная жалоба заявлялась мнѣ во многихъ училищахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ успѣхи учениковъ неудовлетворительны.

Во всѣхъ училищахъ, гдѣ не введено церковное пѣніе, я предлагалъ учителямъ обратить вниманіе на этотъ недостатокъ и приучать дѣтей пѣть хотя самыя обыкновенныя молитвы.

Вездѣ, гдѣ есть церкви, ученики, по отзыву попечителей школъ, аккуратно посѣщаютъ богослуженіе, которое въ нѣкоторыхъ училищахъ (Алисовское, Радубажское, Архангельское) разъясняется имъ въ классѣ во время уроковъ; въ Корневскомъ училищѣ ученики передъ литургіею собираются въ классъ, и наставникъ г. Иванцкій объясняетъ имъ воскресныя и праздничныя евангелія. Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный обычай, могущій содѣйствовать развитію религіозныхъ чувствъ въ дѣтяхъ, соблюдается только въ одномъ этомъ училищѣ; въ другихъ законоучители-священники признають его неудобнымъ, потому что обыкновенно въ деревняхъ между утренней и обѣдной не бываетъ промежутка, или онъ бываетъ очень малъ ($\frac{1}{2}$ ч.), и священнику нѣтъ времени заняться дѣтьми; притомъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ училище помѣщается въ церковной караулѣ, народъ обыкновенно отдыхаетъ въ ней въ этотъ промежутокъ, а дѣтямъ нѣтъ мѣста. Последняя причина очень основательна; что же касается церквей, то она мнѣ кажется отговоркой, такъ какъ, думаю, отъ священника вполне зависитъ начать литургію полчаса раньше, или позже. Обращая вниманіе гг. наставниковъ на это упущеніе, я просилъ ихъ, если не въ

праздничные дни, то, по крайней мѣрѣ, наканунѣ часть класснаго времени посвящать объясненію евангелій.

Организація училищъ. Въ весьма немногихъ училищахъ ученики распределены на группы по степени знаній; еще менѣе я встрѣтилъ такихъ училищъ, гдѣ имѣется хотя списовъ учениковъ, по которому учитель слѣдитъ за посѣщеніемъ ими уроковъ, и ни въ одномъ я не нашелъ класснаго журнала, для записки уроковъ, по которымъ можно было бы познакомиться съ занятіями самого учителя.

Къ училищамъ, гдѣ ученики строго раздѣлены на группы, относятся: *Алисовское, Поздняковское, Кореневское, Новосельское, Глѣбовское* и *Игинское*. Во всѣхъ этихъ училищахъ, по словамъ наставниковъ, занятія идутъ болѣе или менѣе правильно; учитель занимается съ каждою отдѣльною группой, а другой группѣ въ это время даетъ какую-либо работу. Я не имѣю причинъ не довѣрять словамъ гг. наставниковъ, что все это происходитъ такъ, но въ то же время не могу понять, какъ можно заниматься съ отдѣльными группами, когда ученики учатся вслухъ (за исключеніемъ Алисовскаго 2-го отдѣленія и Глѣбовскаго 1-го).

Класные журналы, найденные мною въ нѣкоторыхъ училищахъ (*Глѣбовское, Миленинское, Акульшинское, Бруссоевское, Нижне-Ревутское, Никольское подъ Кляжами*), служатъ учителямъ только для отмѣтки отсутствующихъ учениковъ; баллы выставляются не во всѣхъ, и ни въ одномъ не записывается, чѣмъ занимался учитель въ известное время. Въ училищахъ: *Солдатскомъ, Ридубежскомъ, Олшанецкомъ, Молотычевскомъ, Архангельскомъ, Журовскомъ, Смородиномскомъ* — нижней половины, *Боловленскомъ* ведутся списки учениковъ; въ остальныхъ ничего подобнаго нѣтъ, и сами учителя затруднялись сказать мнѣ, сколько учениковъ въ классѣ на лицо.

Распределенія занятій (кромѣ училищъ Солдатскаго и Глѣбовскаго) нѣтъ ни въ одномъ, и наставники, повидимому, не имѣютъ въ немъ нужды, а многіе не знаютъ даже, что это такое „распределеніе занятій“. „Учимъ цѣлый день, вотъ и все“, говорили мнѣ.

Что касается различныхъ дисциплинарныхъ мѣръ и взысканій, употребляемыхъ учителями для поддержанія порядка въ классѣ, то высшимъ изъ взысканій служить *оставленіе безъ обѣда* (о такой мѣрѣ завѣдалъ мнѣ, на примѣръ, наставникъ Кореневскаго училища), едва ли достигающее впрочемъ, какихъ-либо результатовъ, такъ какъ большинство учениковъ почти во всѣхъ училищахъ не ходитъ домой обѣдать и остается въ школѣ цѣлый день. Къ этой мѣрѣ прибѣгаютъ

весьма рѣдко, такъ какъ, по заявленію почти всѣхъ наставниковъ, ученики весьма прилежно занимаются во время уроковъ; тишины и порядка трудно требовать, когда они всѣ громко читаютъ. Да и какія мѣры въ состояніи принять учитель, когда посѣщеніе уроковъ не обязательно, когда мальчикъ можетъ располагать этимъ дѣломъ по своему усмотрѣнію? Можно было бы разчитывать на содѣйствіе родителей, если бы въ нѣкоторыхъ селахъ ихъ самихъ не приходилось уговаривать посылать дѣтей въ школу.

При такомъ положеніи дѣла гораздо дѣйствительнѣе оказываются поощрительныя мѣры, приохочивающія дѣтей къ ученію. Такія мѣры и были принимаемы въ Алисовскомъ училищѣ, попечительница котораго въ первое время послѣ открытія школы раздавала дѣтямъ лакомства, а на экзаменахъ, два раза въ годъ, различные подарки, преимущественно впрочемъ книги, лучшимъ ученикамъ. Эта мѣра оказалась очень полезною: дѣти, сначала дичившіяся училища, стали посѣщать его аккуратно и въ большемъ числѣ; хорошее ученіе развило въ нихъ охоту учиться, и теперь нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ-либо мѣрамъ для привлеченія учениковъ: и безъ того въ училищѣ ихъ много, сравнительно съ числомъ жителей, и всѣ они учатся прилежно.

Чтобы познакомиться съ преподаваніемъ учителей и успѣхами учениковъ, а также съ цѣлью приохотить учениковъ къ ученію, привлечь въ училища большее число дѣтей, Фатежскій уѣздный училищный совѣтъ въ августѣ прошлаго года устроилъ состязательный экзаменъ, продолжавшійся четыре дня. На экзаменъ были приглашены всѣ наставники училищъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ представить не менѣе 5-и лучшихъ учениковъ по собственному своему выбору; изъ 44-хъ училищъ на экзаменъ явились наставники только 39-и, съ 225 учащимися (218 мальчиковъ и 7-и дѣвочекъ). Всѣ они были подвергнуты испытанію; при участіи нарочно для этого приглашенныхъ учителей уѣзднаго училища (по ариметикѣ и русскому языку), въ присутствіи гг. членовъ совѣта, попечителей училищъ, а также другихъ лицъ, интересующихся успѣхами народнаго образованія. По окончаніи испытанія, 118 ученикамъ розданы были денежныя награды (отъ 1 до 7-и руб.), въ количествѣ 262 руб. 50 коп.; при этомъ и 12-и наставникамъ, особенно заявившимъ свои труды, были также выданы награды отъ 20 до 30 руб., всего на сумму 280 руб.

Эта сравнительно незначительная затрата денегъ принесла учеб-

1) Мѣра не педагогичная. Ред.

ному дѣлу чрезвычайно большую пользу: она вызвала какъ въ наставникахъ, такъ и въ ученикахъ духъ соревнованія, имѣвшій вліаніе на успѣхи. Не говоря о матеріальной наградѣ, которая и для наставниковъ и для учащихся весьма цѣнна, нравственный перевѣсъ надъ множествомъ конкурентовъ служить могучимъ стимуломъ, поддерживающимъ энергію въ учителяхъ и въ ученикахъ. Мысль о предстоящемъ въ концѣ года экзаменѣ, а стало быть, и о возможности отличиться передъ всѣми, повидимому, не покидаетъ ихъ ни на минуту и побуждаетъ ихъ въ самому усиленному труду. Даже въ тѣхъ училищахъ, гдѣ дѣло ведется на столько нераціонально, что на успѣхи не можетъ быть и надежды, и тамъ наставники и ученики разчитываютъ на экзаменъ. Въ Верхне-Любазскомъ училищѣ, напримѣръ, гдѣ законъ Божій преподается *по выхваткамъ* и гдѣ ученики выучиваютъ только отдѣльныя событія изъ священной исторіи безъ всякой связи между ними, учитель сказалъ мнѣ, что въ экзамену онъ успѣетъ „поронять“ учениковъ такъ, что они не отстадутъ отъ другихъ.

Замѣчательно, что и самыя сельскія общества, въ прошломъ году встрѣтившія недружелюбно экзаменъ (нѣкоторые даже не отпустили дѣтей въ Фатежъ, такъ какъ между крестьянами распространился слухъ, что учениковъ повезутъ для выбора изъ нихъ будущихъ рекрутовъ), теперь смотрятъ на него иначе: всякій отецъ надѣется, что его сынъ отличится на весь уѣздъ и получитъ награду.

Таковъ результатъ прошлогодняго экзамена. Но чтобы этотъ результатъ не повредилъ дѣлу и не заставилъ учителей сосредоточивать вниманіе на однихъ только лучшихъ ученикахъ, училищный совѣтъ для экзамена въ нижѣшемъ году предложилъ вызвать не однихъ только лучшихъ учениковъ, а назначить прямо по спискамъ 5, 6 учащихся, посѣщавшихъ болѣе акуратно уроки.

Учебное время продолжается вообще не долго; въ большинствѣ училищъ ученіе начинается въ октябрѣ и оканчивается мартомъ (6 мѣсяцевъ); въ *Новоославскомъ*, *Рождественскомъ*, *Ольховатскомъ* и *Радубежскомъ* продолжается съ декабря по апрѣль (5 мѣсяцевъ); въ другихъ (8 учил.) начинается въ сентябрѣ и продолжается до Пасхи (около 7-и мѣсяцевъ), въ 2-хъ (*Бруссовскомъ* и *Бартевскомъ*) начинается въ октябрѣ и продолжается до конца мая, и наконецъ въ одномъ (*Малинскомъ*) продолжается цѣлый годъ, за исключеніемъ каникулярныхъ мѣсяцевъ іюля и августа.

Принимая за норму продолжительность учебнаго времени въ боль-

шинствѣ училищъ и выключая изъ него всѣ праздники (около 7-и недѣль), оказывается, что дѣти ходятъ въ училище только 17 недѣль или (безъ воскресныхъ дней) около 100 дней; въ теченіе же остальныхъ 265 дней многіе изъ нихъ не видятъ книги. При такомъ порядкѣ дѣль нельзя не удивляться тому, что во всѣхъ почти училищахъ дѣти дѣлаютъ успѣхи, что въ ихъ знаніи и развитіи замѣтно движеніе впередъ: ученіе второй зимы по познаніямъ своимъ стоитъ гораздо выше ученія первой зимы и, въ свою очередь, во многомъ уступаетъ учащемуся третью зиму. Одинъ этотъ фактъ доказываетъ уже, съ какою охотой, съ какимъ рвеніемъ учатся крестьянскіе мальчики и дѣвочки и какими способностями обладаетъ большинство ихъ. Если бы обстановка жизни не отвлекала ихъ отъ школы на цѣлые 6 мѣсяцевъ, то можно ручаться, что почти каждое изъ осмотрѣнныхъ училищъ достигло бы очень хорошихъ результатовъ.

Прекращеніе занятій на такое продолжительное время составляетъ самое неблагоприятное для школъ обстоятельство, устранить которое почти всѣ попечители искренно желаютъ. Многимъ изъ нихъ удалось уговорить родителей уступить дѣтямъ мѣсяць, полтора на ученіе, но другимъ это соглашеніе пока не удается, и общество слышать не хочетъ о весеннихъ занятіяхъ въ школѣ.

Во всѣхъ училищахъ время ежедневныхъ занятій опредѣляется просто погодой: свѣтло и хорошо на дворѣ, дѣти собираются въ школу рано и уходятъ изъ нее, когда станетъ темнѣть; въ пасмурную, дождливую, снѣжную погоду они приходятъ гораздо позднѣе и уходятъ раньше, чтобы засвѣтло добраться домой.

Классныя занятія предметами происходятъ почти во всѣхъ училищахъ до обѣда; въ послѣобѣденные часы ученики пишутъ. Между утренними и послѣобѣденными занятіями бываетъ промежутковъ около 2-хъ часовъ; далеко живущія дѣти остаются въ классѣ; многія изъ нихъ въ это время занимаются: иной читаетъ, другой приготовляетъ тетрадь, или пишетъ. Въ двухъ, трехъ училищахъ я заставлялъ дѣтей именно за такими занятіями; другія при мнѣ приходили изъ дому и немедленно усаживались за дѣло.

Все мною сказанное объ училищахъ Фатежскаго уѣзда, кажется, достаточно убѣждаетъ въ томъ, что народному образованію въ этомъ уѣздѣ положено доброе начало.

Какъ всякое новое дѣло, особенно трудное и многосложное училищное дѣло во многихъ отношеніяхъ требуетъ еще большихъ уси-

лій къ устраненію обстоятельствъ, замедляющихъ его развитіе; но добросовѣстный трудъ и усердіе многихъ наставниковъ, отеческая заботливость гг. попечителей объ училищахъ, вѣрнннхъ ихъ попеченію, пробудившаяся въ народѣ охота къ обученію дѣтей, плодотворная дѣятельность училищнаго совѣта, энергическое содѣйствіе ему земской управы, сдѣлавшей уже такъ много въ пользу народнаго образованія, наконецъ сочувствіе къ нему земства, дающаго средства упрочивать и развивать это великое дѣло,—все это такіе факты, которые въ общей совокупности обѣщаютъ въ будущемъ самыя благіе результаты.

Заключая свой отчетъ и заявляя эти надежды, считаю необходимымъ упомянуть о дѣятельности одного изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ народнаго образованія, предсѣдателя Фатежской уѣздной земской управы Д. В. Шалимова.

Въ 1868 году, по порученію земской управы, г. Шалимовъ, бывший тогда ея членомъ, объѣздилъ весь уѣздъ и при содѣйствіи гг. мировыхъ посредниковъ М. И. Аладына и П. Н. Магѣева, входилъ въ переговоры съ сельскими обществами относительно открытія и содержанія училищъ. Онъ сумѣлъ возбудить въ сельскомъ населеніи такой интересъ къ этому дѣлу, совершенно новому для крестьянъ, что не только тѣ общества, гдѣ училища уже существовали, но и тѣ, гдѣ ихъ не было, составили приговоры, обезпечивающіе содержаніе школъ. Правда, что нѣкоторые изъ этихъ приговоровъ, какъ выше сказано, въ слѣдующемъ году были измѣнены въ ущербъ училищнымъ средствамъ, но это произошло отъ нерасположенія къ этому дѣлу мѣстнаго волостнаго начальства.

Я имѣлъ случай лично убѣдиться, какое огромное и притомъ доброе вліяніе на сельскія общества имѣетъ Д. В. Шалимовъ, когда, по моему приглашенію, онъ посѣтилъ со мною нѣсколько школъ. Всюду, куда пріѣзжали мы, общество встрѣчало насъ чрезвычайно радушно, тотчасъ заявляло различныя свои нужды, просило совѣта. Изъ этихъ отношеній и участія г. Шалимова къ дѣламъ общественнымъ я вполне понялъ, почему онъ могъ такъ успѣшно положить прочное основаніе училищному дѣлу.

Вполнѣ понимая, что это дѣло можетъ остановиться въ самомъ началѣ, если его вполнѣ отдать въ руки обществъ, не на столько еще развитыхъ, чтобы сознавать всю его пользу, г. Шалимовъ озаботился, чтобы каждое училище имѣло попечителей, и указалъ именно на такихъ лицъ, которыя своею заботливостью и усерднымъ содѣй-

ствѣнны не только поддержали это дѣло на первыхъ порахъ, но и положили основаніе его развитію въ будущемъ. Столь полезныя труды Д. В. Шалимова на пользу народнаго образованія должны быть оцѣнены по достоинству, и мы считали бы свой отчетъ не полнымъ, еслибы не заявили объ этомъ дѣятелѣ и о томъ благотворномъ вліяніи, которое онъ оказалъ на успѣхи народнаго образованія въ цѣломъ уѣздѣ.

Инспекторъ народныхъ училищъ Курской губерніи

С. Бобровский.

ВѢДОМОСТЬ О ЧИСЛѢ УЧИТЕЛЕЙ ВЪ УЧИЛИЩАХЪ ФАРЕЗСКАГО УѢЗДА, СЪ

НАЗВАНІЕ УЧИЛИЩЪ.	Число жителей дѣтскихъ	Колличество обучающихся съ души въ копѣйкахъ.	СРЕДСТВА СОДЕРЖАНІЯ.					
			Общественный сборъ.		Земское по собіе.		ИТОГО.	
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Алисовское	850	14	120	—	75	—	195	—
Амелинское	842	14 ^{1/2}	122	9	—	—	122	9
Акульшинское	855	12	102	60	17	40	120	—
Алябьевское	588	20 ^{1/2}	120	54	—	—	120	54
Архангельское 1-е (Корневское)	904	13 ^{1/2}	122	4	—	—	122	4
Архангельское 2-е	754	10	75	40	44	60	120	—
Брусовское	764	25	191	—	—	—	194	—
Березовецкое	1045	18 ^{1/2}	192	36	—	—	192	36
Бартеневское	442	10	44	20	75	80	120	—
Бычковское	629	19	120	—	—	—	120	—
Богоявленское	1463	8 ^{1/2}	124	35 ^{1/2}	—	—	124	35 ^{1/2}
Вышне-Любавское	389	30	117	—	3	—	120	—
Горяиновское	2495	6	148	8	—	—	149	8
Гаевское (Нижне-Реутское)	753	15 ^{3/4}	118	60	1	40	120	—
Глѣбовское	1045	13	135	85	—	—	135	85
Дмитріевское на Холцахъ	709	17	123	53	—	—	123	53
Ждановское	260	18 ^{1/2}	52	—	68	—	120	—
Звѣгинцевское	660	10	66	—	54	—	120	—
Игинское (Жиленское)	1140	15 ^{1/4}	179	55	—	—	179	55
Колычевское	806	15	120	90	—	—	120	90
Линевское	577	21	121	17	—	—	121	17
Молотычевское	750	12	90	—	30	—	120	—

') Составлена на основаніи свѣдѣній, собранныхъ на мѣствѣ.

Показаніемъ отношенія учащихся къ населенію данной мѣстности 1).

СТАТЬИ РАСХОДОВЪ.										
Жалованіе.		Наемъ помыщениа.	Отроченіе.	Присмотръ.	Учебныя пособия и другія нужды.		ИТОГО.		Стоимость одного ученика.	
Наставник.	Помощник.				Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
150	150	12	отъ хозяина.		23	—	(*) 335	—	7	44
120	—	—	отъ общества.		2	9	122	9	2	83
100	—	—	отъ учителя.		20	—	120	—	3	5
120	—	—	отъ общества.		—	54	120	54	2	67
90	—	—	отъ общества.		32	4	122	4	1	28
90	—	—	отъ общества.		30	—	120	—	1	51
120	—	30	отъ хозяина.		41	—	191	—	3	8
100	—	—	отъ общества.		92	36	192	36	3	41
115	—	—	отъ общества.	25	—	—	(*) 140	—	3	33
90	—	—	пер. сторожа.	30	—	—	120	—	3	—
60	—	36	отъ волости.		28	35	124	35	3	18
30	—	87	съ отощленіемъ и содерж. учн.		3	—	120	—	2	19
125	—	40	отъ волости.		—	—	(*) 165	—	4	34
120	—	—	при волости.	отъ учителя.	—	—	120	—	2	19
90	—	24	отъ хозяина.		21	85	135	85	2	22
100	—	20	отъ хозяина.		3	53	123	53	4	57
36	—	25	отъ хозяина.		59	—	120	—	5	45
60	—	35	отъ хозяина.		25	—	120	—	2	35
170	—	24	отъ волости.		15	55	179	55	3	82
72	—	31	отъ хозяина.		17	90	121	90	5	58
120	—	—	отъ общества.		1	17	120	17	4	3
54	—	40	отъ хозяина.		16	—	120	—	2	55

(*) Примѣчаніе см. въ концѣ послѣдней ведомости.

НАЗВАНІЕ УЧИЛИЩА.	Число учебных за- веденій.	Количество соб- ра съ думъ из копейекъ.	Общественный сборъ.		Земское по- собіе.		Итого.	
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
			Миленинское	587	15	88	5	31
Миролюбовское	435	10	43	50	76	50	120	—
Никольское подъ Кляжами.	1016	25	254	48	—	—	254	48
Ольховатское	1016	20	200	—	—	—	200	—
Ольшанецкое	370	20	74	—	46	—	120	—
Понзыровское	2392	8	191	36	—	—	191	36
Путчинское	400	15 ^{3/4}	63	—	57	—	120	—
Покровское	1999	10	200	—	—	—	200	—
Позняковское	673	14 ^{1/2}	97	58	22	42	120	—
Разиньковское.	483	25	125	75	—	—	125	75
Радубежское	555	22	122	10	—	—	122	10
Рождественское	801	10	80	10	39	90	120	—
Сергѣевское (Новоселовск.)	988	12 ^{1/4}	121	3	—	—	121	3
Становское	736	—	185 иерской	73 капиталъ.	—	—	185	73
Смородинское (верхн. полов.)	1214	—	200 иерской	— капиталъ.	—	—	200	—
Смородинское (нижн. полов.)	1306	—	250 сумма за	— малыницъ.	—	—	250	—
Солдатское	800	15	120	—	—	—	120	—
Троицкое на Сучку	415	29	120	35	—	—	120	35
Троицкое на Прутахъ.	451	27	123	63	—	—	123	63
Хмѣлевское	860	10	86	—	34	—	120	—
Шаховское	568	20 ^{1/2}	116	44	3	55	120	—
Шатохинское	717	16 ^{3/4}	120	8	—	—	120	9
Шулинское.	170	20	34	—	86	—	120	—
Итого	37672	—	5625	45	766	43	7391	88

Жалованіе.		Имя по имени.	Отношеніе.	Присмотръ.	Учебныя потребности и друг. нужды.		ИТОГО.		Стоимость одного ученика.	
Наставник.	Песочник.				Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
120	—	при волост.	учет. д. наст. натур.	волост. правлен.	—	—	120	—	1	87
90	—	24	отъ хозяина.		6	—	120	—	4	44
115	—	отъ	наставника.		139	38	254	38	6	52
—	150	—		35	15	—	200	—	2	22
120	—	—	отъ общества.		—	—	120	—	2	85
120	—	при волост.	отъ волост.	правлен.	71	36	191	36	9	57
60	—	18	отъ хозяина.		42	—	120	—	3	86
100	—	60	отъ хозяина.		40	—	200	—	2	85
120	—	отъ	общества.		—	—	120	—	2	22
60	—	въ дер. сараул.	отъ общества.		65	75	125	75	3	17
90	—	—	учет. д. наст. натур.	12	20	10	122	10	2	65
65	—	13	отъ хозяина.		40	—	120	—	6	—
120	—	—	отъ попечителя.		41	3	161	3	2	3
70	—	отъ	общества.		115	73	185	73	4	22
100	—	36	отъ хозяина.		64	—	200	—	5	71
120	—	46	отъ хозяина.		48	—	250	—	4	16
120	—	отъ	общества.		—	—	120	—	2	18
84	—	35	отъ хозяина.		1	35	120	35	4	1
120	—	отъ	общества.		3	63	123	63	2	63
70	—	30	отъ хозяина.		20	—	120	—	1	91
75	—	дер. сараул.	учет. д. наст. натур.	дер. сараул.	45	—	120	—	3	42
60	—	25	отъ хозяина.		35	9	120	9	2	79
40	—	6	отъ хозяина.		74	—	120	—	4	20
4441	—	697		138	1331	53	6607	80	средн. 3	17

Вѣдомость о числѣ учащихся въ училищахъ Фатежскаго уѣзда, съ показаніемъ отношенія учащихся къ населенію данной мѣстности ¹⁾).

НАЗВАНІЯ УЧИЛИЩЪ.	Число жителей, содержащихъ учащихся.	Число учащихся.		ИТОГО.	Отношеніе учащихся къ числу жителей.
		Мальч.	Дѣвочк.		
Алисовское	850	43	2	35	5%
Амелинское (*)	842	43	—	43	5%
Авульшинское.	855	39	—	39	4%
Алябьевское.	588	45	—	45	7%
Архангельское 1-е (Копеневское).	904	95	—	95	10%
Архангельское 2-е.	754	78	1	79	10%
Брусовское.	764	62	—	62	8%
Березовецкое	1045	54	—	54	5%
Баргеновское	442	42	—	42	9%
Бычовское	629	40	4	44	7%
Богоявленское.	1463	39	—	39	2%
Вншне-Любашское.	389	43	—	43	11%
Горяиновское	2495	38	—	38	1%
Гаевское (Нижне-Реутское) . . .	753	43	—	43	5%
Глѣбовское	1045	61	—	61	5%
Дмитріевское на Холчухъ	709	27	—	27	3%
Ждановское.	260	20	2	22	8%
Звѣгинцовское (*).	660	51	—	51	7%
Игнское (Жиленское).	1140	47	—	47	4%
Болычевское	806	22	—	22	2%
Линецкое (*)	577	30	—	30	5%
Молотычевское	750	47	—	47	6%
Миленинское	587	63	4	67	11%
Миролюбовское	435	27	—	27	6%
Никольское подъ Кляжами. . . .	1016	39	—	39	3%
Ольховатское	1016	95	3	98	8%
Ольшанецкое	370	40	2	42	10%
Поньровское	2392	20	—	20	0,5%

¹⁾ Составлена на основаніи свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ.

НАЗВАНІЯ УЧИЛИЩЪ.	Число жителей, содержащихъ училище.	Число учащихся.		ИТОГО.	Отношеніе учащихся къ числу жител.
		Мальчк.	Дѣвочекъ.		
Покровское	1999	70	—	70	3%
Путчинское	400	31	—	31	7%
Позняковское	673	51	3	55	7%
Разиньковское (*)	483	40	—	40	8%
Радубежское	555	46	—	56	8%
Рождественское	801	20	—	20	2%
Сергѣевское	988	85	5	79	7%
Становское	736	44	—	44	5%
Сморозинское (верхн. полов.)	1214	35	—	35	2%
Сморозинское (нижн. полов.)	1306	60	4	64	4%
Солдатское	800	55	1	56	6%
Троицкое на Сучку	415	30	—	30	7%
Троицкое на Прутахъ	451	25	22	47	10%
Хмѣлевское	860	70	—	70	8%
Шаховское	568	35	—	35	5%
Шуклинское	170	25	—	25	14%
Шатохинское	717	43	—	43	5%
А всего	37672	2048	52	2100	5%

Примѣчаніе. Въ училищахъ, гдѣ годовой бюджетъ превышаетъ ежегодную ассигновку, — надъ таковыми стоятъ (*), — дефицитъ покрывается: а) пожертвованіемъ попечителей, б) платою за ученіе, не превышающею 1 руб. съ мальчика въ годъ, и в) остаткомъ отъ прошлаго года.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

Возникшее въ совѣтъ Харьковского университета разногласіе по вопросу о баллотированіи профессора на кафедре церковной исторіи.—О дѣйствіяхъ въ 1870 году попочитательства о недостаточныхъ студентахъ университета св. Владимира.

Въ засѣданіи совѣта Харьковского университета, 26-го октября 1870 года, подвергнутъ былъ обсужденію вопросъ о томъ, можетъ ли экстраординарный профессоръ по кафедрѣ церковной исторіи, магистръ духовной академіи *Лебедевъ*, быть подвергнутъ баллотированію въ званіе ординарнаго профессора по той же кафедрѣ. При этомъ большинство членовъ совѣта (17 и въ томъ числѣ ректоръ) заявили слѣдующее: Высочайшимъ утвержденіемъ г. Лебедева въ званіи экстраординарнаго профессора, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія г. товарища министра, и вслѣдствіе ходатайства совѣта университета, сдѣлано было относительно его изытаніе изъ общаго правила, постановленнаго въ § 68 университетскаго устава. Утвержденіе это не сопровождалось никакимъ ограниченіемъ правъ г. Лебедева, какъ экстраординарнаго профессора, на повышеніе въ званіи; такое ограниченіе не входило и въ предположеніе совѣта въ то время, когда онъ дѣлалъ свое представленіе объ опредѣленіи г. Лебедева профессоромъ по кафедрѣ церковной исторіи. Посему, если неизмѣнны г. Лебедевыи степени доктора признано уже было обстоятельствомъ, не составляющимъ препятствія къ утвержденію его въ настоящемъ званіи, то для совѣта университета не представляется основанія къ лишенію его права на повышеніе въ званіе ординарнаго профессора, достиженіе котораго, по § 68 устава, обуславливается тѣми же самыми требованіями относительно ученой степени, тѣмъ болѣе, что мотивы, побудившіе совѣтъ сдѣлать первое

представленіе относительно г. Лебедева: исключительное положеніе кафедрѣ церковной исторіи въ ряду факультетскихъ предметовъ, невозможность въ самомъ университетѣ приготовить специалиста для преподаванія этого предмета, достоинства ученыхъ трудовъ г. Лебедева, несуществованіе особаго разряда для ученой степени по предмету церковной исторіи—все это сохранять свою полную силу и въ настоящее время. И какаго рода высшей ученой степени можно было бы потребовать отъ г. Лебедева, если бы предъявленіе ему такого требованія теперь, а не при первомъ опредѣленіи его на службу въ университетѣ, и можно было признать справедливымъ? Онъ могъ бы, конечно, на основаніи постановленія совѣта министра народнаго просвѣщенія, приобрести степень доктора по одному изъ существующихъ разрядовъ ученыхъ степеней по историко-филологическому факультету; но, по силѣ § 9 положенія объ испытаніяхъ на ученые степени, онъ долженъ бы былъ подвергнуться для сего цѣлому ряду испытаній, начиная съ дополнительнаго экзамена на степень кандидата, выдержаннаго наравнѣ съ студентами. Поставить такое тяжелое требованіе лицу, занимающему профессорскую кафедру, было бы равносильно лишенію его всякой возможности повышенія въ званіи. Нѣкоторыми изъ членовъ совѣта высказано было мнѣніе, что, для удовлетворенія требованій устава, повышеніе г. Лебедева въ званіи могло бы быть допущено подлѣ условіемъ возведенія его въ степень доктора на основаніи примѣчанія къ § 113 устава; но при этомъ, очевидно, упускается изъ виду несуществованіе разряда ученыхъ степеней, прямо соответствующаго его специальности. Посему и на основаніи существующихъ примѣровъ, большинство членовъ совѣта не считаетъ противозаконнымъ подвергнуть г. Лебедева баллотированію въ званіе ординарнаго профессора, и въ случаѣ избранія, ходатайствовать предъ г. министромъ объ утвержденіи его въ этомъ званіи. Что касается до кажущагося противорѣчія этого рѣшенія съ постановленіемъ совѣта, состоявшимся 8-го марта 1866 года по вопросу о способахъ замѣщенія кафедрѣ философіи, то въ дѣйствительности противорѣчія здѣсь нѣтъ. Кафедра философіи давно уже существуетъ въ нашихъ университетахъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преподаваніе этого предмета не прерывалось до послѣдняго времени; поэтому нельзя отрицать возможности приготовленія кандидатовъ на эту кафедру въ нашихъ университетахъ обмѣнованнымъ, установленнымъ порядкомъ (на это обстоятельство указано было въ постановленіи совѣта 8-го марта 1866 года); существуетъ и особый разрядъ ученыхъ степеней по философіи,

а потому и возведеніе въ степень доктора по этому предмету, на основаніи примѣчанія въ § 113 устава, не можетъ встрѣчать тѣхъ затрудненій, каковыя явились бы при примѣненіи этой мѣры къ магистрамъ духовныхъ академій, предназначеннымъ въ занятію катедры церковной исторіи въ университетахъ.

Меньшинство членовъ совѣта (13), не соглашаясь съ большинствомъ, заявило слѣдующее: „Въ силу § 68 университетскаго устава, никто не можетъ быть ординарнымъ или экстраординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора по разряду наукъ, соответствующимъ его кафедрѣ; поэтому баллотировка совѣтомъ въ званіе ординарнаго профессора лицъ, не имѣющихъ докторской степени, представляется, вообще, несомнѣннымъ нарушеніемъ категорически выраженной статьи запретительнаго закона (улож. о наказ. угол. и исправит. ст. 388). Далѣе, въ силу этой статьи, баллотированіе совѣтомъ въ экстраординарные или ординарные профессора лицъ, вопреки § 68 университетскаго устава, составляетъ противозаконное дѣйствіе, предусмотрѣнное уложеніемъ о наказаніяхъ. Что касается до самихъ постановленій совѣта о производствѣ такихъ баллотировокъ, то они не подлежатъ, какъ недѣйствительныя, ни исполненію, ни дальнѣйшему производству, въ силу 14 и 15 ст. Высочайше утвержденныхъ правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ, распространяющихся, какъ извѣстно, на всѣ коллегіальныя собранія. Какъ ни ясенъ смыслъ приведенныхъ статей закона, но, по отношенію къ баллотировкѣ въ ординарные профессора г. Лебедева, не имѣющаго никакой ученой университетской степени, могутъ указать на то, что онъ былъ уже избранъ совѣтомъ въ экстраординарные профессора и утвержденъ въ этомъ званіи. Фактъ этотъ однако отнюдь не можетъ узаконить избранія г. Лебедева и въ ординарные профессора, вопреки § 68 университетскаго устава. Впервые, самое избраніе г. Лебедева въ экстраординарные профессора большинство совѣта мотивировало чрезвычайными обстоятельствами, а именно: невозможностію замѣстить новую кафедру церковной исторіи обыкновенными, въ законѣ указанными способами; поэтому оно могло тогда опереться на 340 ст. улож. о наказан. Въ настоящемъ случаѣ, однако, никакихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ не существуетъ, такъ какъ упомянутая кафедра уже замѣщена самимъ г. Лебедевымъ, которому, для устраниенія всѣхъ законныхъ препятствій въ избранію его въ ординарные профессора, достаточно только приобрести степень доктора по разряду наукъ, со-

отвѣтствующихъ его кафедрѣ, а удовлетвореніе этому условію въ настоящее время облегчено по всѣмъ новымъ кафедрамъ разъясненіемъ § 68 университетскаго устава г. министромъ народнаго просвѣщенія. Восторжъ, самое утвержденіе г. Лебедева экстраординарнымъ профессоромъ совершилось тогда не въ обыкновенномъ порядкѣ, а потребовало особаго Высочайшаго разрѣшенія, примѣнять которое къ настоящему, вновь возникшему дѣлу совѣту не дано никакой власти. Встрѣжъ, избраніе г. Лебедева въ ординарные профессора до приобрѣтенія имъ докторской степени, роняя достоинство университета, можетъ поставить его какъ бы ниже духовной академіи, по новому уставу которыхъ приобрѣтеніе докторской степени не только обязательно для лицъ, вновь избираемыхъ въ ординарные профессора, но и наличные ординарные профессора, не получившіе докторской степени въ теченіи опредѣленнаго времени, приглашаются выйти въ отставку. Наконецъ, самъ совѣтъ Харьковскаго университета, разсуждая о способахъ замѣщенія кафедры философіи, большинствомъ голосовъ (въ томъ числѣ и г. ректора) постановилъ ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ § 68 университетскаго устава, а въ крайности скорѣе пользоваться примѣчаніемъ къ § 113 этого устава. Дѣйствуя въ смыслѣ противномъ всему вышеизложенному, большинство совѣта нарушаетъ запретительный законъ и выходитъ изъ предѣловъ своей власти, посему постановленіе его, какъ не дѣйствительное, не можетъ подлежать ни исполненію, ни дальнѣйшему производству. Въ виду этого, 13 членовъ совѣта, составившихъ меньшинство, признали незаконною баллотировку г. Лебедева и просили представить о семъ на усмотрѣніи высшаго начальства, на основаніи примѣчанія къ § 45 унив. уст.

Совѣтъ постановилъ: возникшее между членами совѣта разногласіе по вопросу о законности баллотирования г. Лебедева въ званіе ординарнаго профессора представить на разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ просить разъясненія по вопросу о томъ, какого рода требованіямъ относительно ученыхъ степеней должны удовлетворять лица, имѣющія ученые степени, приобрѣтенныя въ духовныхъ академіяхъ, при опредѣленіи ихъ на кафедру церковной исторіи въ университетахъ. (*Проток. Харьк. унив. № 1*).

— По всеподданнѣйшему докладу г. министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, Государь Императоръ, въ 23 день октября 1869 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Кіевскомъ учебномъ округѣ „попечительства о недостаточныхъ студентахъ университета св. Владиміра“,

на основаніяхъ, изложенныхъ въ докладѣ, при чемъ Его Величеству благоудно было предоставить министерству народнаго просвѣщенія право утвердить правила, которыя будутъ составлены для руководства „попечительству“ какъ для изысканія матеріальныхъ средствъ къ пособію нуждающимся, такъ и для опредѣленія порядка самой выдачи пособій. Вслѣдствіе этого совѣтомъ университета св. Владиміра избраны были въ составъ попечительства ординарные профессора: отъ историко-филологическаго факультета — г. *Модестовъ*, отъ физико-математическаго — г. *Рахманиновъ*, отъ юридическаго — *Сидоренко* и отъ медицинскаго — г. *Мацонъ*. Затѣмъ, по приглашенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, попечительство, въ полномъ составѣ своихъ членовъ, то-есть, ректора и проректора университета св. Владиміра и четырехъ названныхъ профессоровъ, 21-го января 1870 г. имѣло первое засѣданіе и въ тотъ же день открыло свои дѣйствія.

На основаніи 1-го пункта указаній, данныхъ въ руководство „попечительству“, оно прежде всего обратилось къ просвѣщенному сдѣйствію г. министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. *Толстаго*, высокопресвященнѣйшаго *Арсенія*, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, и г. Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора, князя А. М. *Дондукова-Корсакова*, и просило ихъ принять знаніе почетныхъ членовъ „попечительства“. Равнымъ образомъ „попечительство“ обратилось съ приглашеніемъ принять званіе дѣйствительныхъ членовъ: къ преосвященному *Порфирію*, епископу Чигиринскому; къ высокопресвященному *Агапачелу*, архіепископу Волынскому и Житомирскому; къ преосвященному *Леонтію*, епископу Подольскому и Брацлавскому; къ преосвященному *Іоанну*, епископу Полтавскому; къ высокопресвященному *Варлааму*, архіепископу Черниговскому и Нѣжинскому; къ гг. начальникамъ губерній: Кіевской—М. К. *Катакази*, Подольской—князю И. В. *Мещерскому*, Волынской—И. В. *фонъ-Галлеру*, Черниговской—А. А. *Панчулидзеву*, Полтавской—М. А. *Мартинову*; къ гг. губернскимъ предводителямъ дворянства: Кіевскому—П. Д. *Селецкому*, Подольскому—князю М. В. *Кочубею*, Черниговскому—И. Н. *Дурново*, Полтавскому—Н. А. *Долгорукову*; а равно къ гг. дѣйствительному статскому совѣтнику Г. П. *Галагану*, надворному совѣтнику П. П. *Демидову*, а также къ городскимъ главамъ: Кіевскому—*О. И. Войтенку*, Каменецъ-Подольскому—И. И. *Григелскому*, Житомирскому—И. К. *Воронцову*, Черниговскому—Я. А. *Селюку*, и Полтавскому—И. В. *Ворожейкину*. Кромѣ того „попечительство“ отнеслось ко всѣмъ уѣзнымъ предводителямъ дворянства, го-

родскимъ главамъ, предсѣдателямъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ въ районѣ пяти губерній, входящихъ въ составъ Кіевскаго учебнаго округа, и просило ихъ принять участіе въ дѣлахъ „попечительства“, пригласивъ всѣхъ желающихъ къ денежному пожертвованію, единовременному или постоянному, въ качествѣ членовъ-жертвователей. Въ этомъ же первомъ засѣданіи, для завѣдыванія суммами „попечительства“, оно признало нужнымъ избрать изъ среды своихъ наличныхъ членовъ казначея, и выборъ палъ на г. ординарнаго профессора *Мацона*, а для писмоводства по „попечительству“ избранъ и приглашенъ дѣлопроизводителемъ секретарь по студентскимъ дѣламъ *К. К. Вовновскій*. Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ „попечительство“ выработало проектъ правилъ объ изысканіи матеріальныхъ средствъ въ пособію нуждающимся студентамъ университета св. Владиміра и о порядкѣ выдачи пособій, и въ ожиданіи утвержденія сихъ правилъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, „попечительство“ руководствовалось изъ нихъ слѣдующими:

§ 15. „Правомъ на получение отъ „попечительства“ пособій пользуются только тѣ недостаточные студенты, которые по какимъ-либо случайнымъ уважительнымъ причинамъ лишены были возможности выполнить условія, установленныя для получения пособій и другихъ льготъ отъ университета, и обстоятельствами поставлены въ крайне затруднительное матеріальное положеніе“.

§ 16. „Въ послѣднемъ случаѣ и студенты, получающіе отъ университета пособіе, могутъ воспользоваться матеріальною поддержкою отъ „попечительства“ заимообразно или безвозвратно, смотря по нуждѣ студента и размѣру получаемого имъ отъ университета пособія. Стипендіаты, въ крайнихъ случаяхъ, могутъ пользоваться только заимообразной выдачей изъ суммы „попечительства“. Во всякомъ случаѣ, въ дѣлѣ „попечительства“ не входитъ выдача постоянныхъ пособій однимъ и тѣмъ же лицамъ“.

§ 17. „Само собою разумѣется, что пособіемъ отъ „попечительства“, во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, могутъ воспользоваться только тѣ недостаточные студенты, которые не замѣчены въ нарушеніи установленныхъ правилъ ни въ самомъ зданіи университета, ни внѣ онаго, и вообще въ уклоненіи отъ студентскихъ обязанностей“.

§ 18. „Заявленія о необходимости пособія могутъ быть дѣлаемы или самими нуждающимися, или же постоянными членами „попечительства“, послѣдними и въ такомъ случаѣ, если они освѣдомятся о дѣйствительной необходимости пособія какому-либо лицу, которое хотя и томъ не просить, но на самомъ дѣлѣ терпитъ крайнюю нужду и по своимъ нравственнымъ и научнымъ качествамъ заслуживаетъ вниманія и поддержекъ“.

§ 19. „Съ заявленіями о пособіи нуждающіеся студенты обращаются къ профессору—члену „попечительства“, по принадлежности факультета“.

§ 20. „Предварительно доклада „попечительству“ заявленія о необходимо-

стя какому-либо студенту пособія, членъ „попечительства“, по принадлежности факультета, забираетъ необходимыя справки для вѣрной оцѣнки нужды и права ищущаго пособія“.

§ 21. „Въ первое очередное засѣданіе „попечительства“ всѣ сдѣланныя и снабженныя надлежащими справками заявленія о пособіяхъ разбираются „попечительствомъ“ и рѣшаются по большинству голосовъ“.

Сочувствіе къ дѣламъ „попечительства“ выразилось не только въ содѣйствіи гг. почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, которымъ „попечительство“ главнымъ образомъ обязано поступленіемъ такъ денежныхъ средствъ, какими оно располагало въ 1870 году, но и въ готовности другихъ лицъ принести поддержку „попечительству“ посылками пожертвованіями какъ единовременными, такъ и постоянными. Всего по 1-е января 1871 года въ кассу попечительства поступило 4.489 руб. 84¹/₄ коп.; въ томъ числѣ: отъ Е. И. *Голоуцкой*—1.250 руб., вырученные отъ устроеннаго ею, при содѣйствіи княгини Н. А. *Дондуковой-Корсаковой*, спектакля въ пользу недостаточныхъ студентовъ; отъ Киевскаго губернскаго предводителя дворянства—1.045 руб., пожертвованные имъ самимъ и другими дворянами; отъ бывшаго ректора университета А. П. *Матюсова*—417 руб., пожертвованные разными лицами на обѣдѣ по случаю освященія и открытія желѣзно-дорожнаго моста на Днѣпрѣ, и доставленные докторомъ А. А. *Шварцомъ*; отъ г. министра народнаго просвѣщенія—300 руб., присланные на усиленіе средствъ попечительства; отъ Киевскаго губернатора М. К. *Катакави*—286 руб. 70 коп., вырученные отъ устроеннаго его заботливостью концерта въ пользу недостаточныхъ студентовъ; отъ попечителя Киевскаго учебнаго округа П. А. Антоновича—100 руб.; отъ высокопреосвященнаго *Аиѳангела*, архіепископа Волынскаго—100 руб.

Въ 1870 году попечительство имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ, между прочимъ, рассмотрѣно 414 прошеній студентовъ университета св. Владимира о выдачѣ имъ пособій, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету—76, по физико-математическому—58, по юридическому—126 и по медицинскому—154. Изъ числа этихъ прошеній „попечительство“, по мѣрѣ средствъ своихъ, признало возможнымъ удовлетворить 212, именно: по историко-филологическому факультету—42, по физико-математическому—39, по юридическому—54 и по медицинскому—77. вспомошествованія состояли: въ заимобразной денежной выдачѣ, въ платѣ за право ученія и въ безвозвратномъ денежномъ пособіи. Заимобразно выдано 1.045 руб. 49-ти студентамъ: по историко-филологическому факультету—8-ми, по фи-

зико-математическому—6-ти, по юридическому—8-ми и по медицинскому—27-ми. Размѣръ заимообразныхъ выдачъ простирался отъ 10 до 50 рублей, и такимъ образомъ пришлось на долю студентовъ: историко-филологическаго факультета 170 руб., физико-математическаго—120 руб., юридическаго—145 руб. и медицинскаго—610 руб. На уплату за право ученія израсходовано 1.520 руб., то-есть, уплачено за 76 студентовъ, по 20 руб. за полугодіе: по историко-филологическому факультету—140 руб., по физико-математическому—420 руб., по юридическому—420 руб. и по медицинскому—540 руб. Безвозвратно выдано въ пособіе 87 студентамъ 1.464 руб.: по историко-филологическому факультету—455 руб., по физико-математическому—215 руб., по юридическому—425 руб. и по медицинскому—369. Размѣръ пособій простирался отъ 10 до 30 руб. и такимъ образомъ безвозвратнымъ пособіемъ воспользовалось: по историко-филологическому факультету—27 студентовъ, по физико-математическому—12, по юридическому—25 и по медицинскому—23. Всего оказано пособій по 1-е января 1871 года на сумму 4.029 рублей. Въ числѣ лицъ, воспользовавшихся пособіемъ, было по сословіямъ: дворянъ 50, дѣтей чиновниковъ и офицеровъ 51, дѣтей священно- и церковнослужителей 68, гражданъ 4, купцовъ 4, иностранцевъ 2, подушнаго сословія 33; по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 159, лютеранъ 2, католиковъ 42, Моисеева закона 9. Изъ заимообразно выданныхъ пособій уже возвращено 260 руб. и затѣмъ къ 1-му января 1871 года въ кассѣ „попечительства“ состоитъ на лицо 720 руб. 84¹/₄ коп. (*Киев. унив. Изв. № 3*).

Г И М Н А З И И.

Обсужденіе въ педагогическомъ совѣтѣ Маріампольской гимназіи вопроса о занятіи учениковъ письменными упражненіями.

Педагогическій совѣтъ Маріампольской гимназіи, въ засѣданіи 2-го февраля сего года, обсуждалъ мѣры къ улучшенію ученическихъ сочиненій и вслѣдствіе сего распредѣлялъ письменныя упражненія учениковъ во всѣхъ классахъ, разсмотрѣлъ и избралъ тѣмы для этихъ сочиненій и рѣшилъ нѣсколько частныхъ педагогическихъ вопросовъ, относящихся къ кругу преподавательской дѣятельности. Совѣщанія педагогическаго совѣта начались заявленіемъ г. инспектора *Чернявскаго* о томъ, что, рассматривая ученическія сочиненія высшихъ классовъ, онъ нашелъ въ нихъ недостатокъ логическаго построенія и связнаго изложенія мыслей и даже удовлетворительнаго правописанія, и что

ЧАСТЬ СЛѢД., ОТД. 4.

этотъ недостатокъ вызываетъ необходимость усилить въ гимназіи письменныя упражненія и дать имъ такое направленіе, чтобы дѣти съ низшихъ классовъ постепенно привыкали къ связному и правильному изложенію мыслей и къ логическому ихъ построению. Послѣ обстоятельнаго обсужденія сдѣланнаго г. Черныавскимъ заявленія, педагогической совѣтъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Корень успѣха литературныхъ ученическихъ сочиненій лежитъ въ практическихъ занятіяхъ русскимъ языкомъ съ дѣтьми низшихъ классовъ. Если ученикъ въ низшихъ классахъ не пріобрѣтетъ навыка связно излагать готовныя, уже обработанныя мысли, а въ высшихъ систематизировать свои собственныя мысли, то и съ лучшими способностями и съ примѣрнымъ прилежаніемъ онъ не вынесетъ изъ полнаго гимназическаго курса умѣнья разумно составлять сочиненія. При означенныхъ условіяхъ, самый даровитый и самый прилежный ученикъ проведетъ годы высшихъ классовъ въ безплодной борьбѣ между смутнымъ теоретическимъ пониманіемъ, что нужно сдѣлать для составленія хорошаго сочиненія, и безсиліемъ выполнить понимаемое на дѣлѣ, и въ концѣ концовъ внутреннимъ достоинствомъ сочиненія будетъ ставить обиліе механически подобранныхъ мыслей, а внѣшнимъ — соблюденіе нѣсколькихъ формальныхъ, неосмысленныхъ правилъ стилистики. Поэтому, для усовершенствованія ученическихъ сочиненій, слѣдуетъ къ мальчикамъ низшихъ классовъ привить сознательный навыкъ связно излагать готовныя, уже обработанныя мысли, а къ воспитанникамъ высшихъ классовъ — такой же навыкъ разумно строить мысли свои собственныя. Но такъ какъ отъ усовершенствованія устной рѣчи, служащей живымъ органомъ для выраженія своихъ и чужихъ мыслей, очень много (если не вполне) зависитъ и самое усовершенствованіе сочиненій, то въ основу всѣхъ упражненій, имѣющихъ цѣлью развитіе въ ученикахъ литературнаго искусства, должна быть положена выработка ихъ устной рѣчи. Эта выработка, составляющая предметъ спеціальныхъ занятій преподавателей русскаго языка и русской словесности, вполне достижима только при дружномъ участіи всего педагогическаго состава, и потому каждый изъ преподавателей обязанъ принять на себя трудъ неопустительно слѣдить за исправленіемъ неточныхъ или неправильныхъ реченій и выраженій, произносимыхъ учениками, какъ во время передачи урока, такъ и во всѣхъ отвѣтахъ на предложенные имъ вопросы. При дружномъ участіи въ разсматриваемомъ дѣлѣ всего педагогическаго состава, къ концу курса ученики непременно овладѣютъ вѣрностью из-

ложения, и въ ихъ сочиненіяхъ не будетъ встрѣчаться, по крайней мѣрѣ, ошибокъ противъ правильности языка; напротивъ, безъ названнаго участія и самыя отчаянныя усилія преподавателей русскаго языка и русской словесности едва ли доведутъ ученическія сочиненія даже до упомянутой вѣрности изложенія мыслей. Такимъ образомъ, на основѣ общепреподавательской выработки въ ученикахъ устной рѣчи, — выработки, идущей черезъ весь гимназическій курсъ, преподаватели русскаго языка въ низшихъ классахъ прививаютъ къ дѣтямъ сознательный навыкъ связно излагать готовые, обработанныя мысли. Въ первыхъ двухъ классахъ ведутся приготовительныя упражненія. Они состоятъ въ письмѣ подъ диктовку, въ изложеніи на доскѣ своихъ отвѣтовъ, въ перефразировкѣ и переложеніи. Настоящее приученіе къ связному изложенію готовыхъ, обработанныхъ мыслей начинается съ III-го класса и производится въ этомъ классѣ на небольшихъ описаніяхъ. Прочитанное или произнесенное преподавателемъ описаніе ученики разказываютъ до тѣхъ поръ, пока всѣ усвоятъ содержаніе его съ соблюденіемъ точнаго порядка, въ какомъ мысли описанія слѣдуютъ одна за другою. Отчетливо усвоенное описаніе они излагаютъ сперва на доскѣ и потомъ на бумагѣ въ классѣ. Какъ во время класснаго пересказа и письма, такъ и во время сдачи на руки исправленнаго изложенія, преподаватель объясняетъ ученикамъ, что произошло съ описываемымъ предметомъ отъ пропуска, перестановки или повторенія его признаковъ, сравнительно съ подлинникомъ. Въ IV-мъ классѣ точно также ученикамъ прочитываются или сообщаются устно небольшіе разказы, которые точно также излагаются ими сначала на доскѣ и потомъ на бумагѣ въ классѣ, причѣмъ преподаватель, въ случаѣ сдѣланныхъ ими пропусковъ, перемѣщеній и повтореній подробностей разказа, выясняетъ, гдѣ и чѣмъ нарушается цѣльность и послѣдовательность событія. Путемъ такихъ упражненій въ III и IV классахъ ученики незамѣтно усвоятъ умѣнье связно излагать обработанныя чужія мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно усвоятъ пониманіе нѣкоторыхъ началъ логики.

Съ V-го класса начинается приученіе воспитанниковъ къ логическому построенію и связному изложенію своихъ собственныхъ мыслей. Но это приученіе, какъ и приученіе къ связному изложенію чужихъ мыслей въ предыдущихъ классахъ, требуетъ приготовительныхъ занятій. Такія занятія ведутся во все продолженіе перваго полугодія объ-руку съ изученіемъ „теоріи прозы“. Разбирается внѣшній и внутренній складъ читаемыхъ образцовъ, и изъ этого склада выводятся

правила для составленія однородныхъ сочиненій и опытовъ. При разборѣ отыскивается главная мысль образца, обнаруживается ея раскрытіе рядами мыслей первостепенныхъ, второстепенныхъ и т. д., опредѣляется отношеніе каждаго ряда къ главной мысли и взаимное отношеніе всѣхъ рядовъ другъ къ другу, и изъ содержанія упомянутыхъ рядовъ, приспособленнаго къ разъясненію главной мысли, извлекаются основанія, по которымъ они расположены въ данномъ порядкѣ и развернуты въ данномъ направленіи. Такое разоблаченіе капитальнаго построенія и детальнаго развитія образца вводитъ учениковъ въ тайну самыхъ существенныхъ приемовъ, употребляемыхъ лучшими писателями для составленія сочиненій. Одновременно съ разоблаченіемъ склада и развитія образцовъ ученикамъ даются упражненія, состоящія въ томъ, чтобы, вопервыхъ, воспроизвести планъ разобраннаго образца, раскрытый преподавателемъ, и затѣмъ, во вторыхъ, самостоятельно раскрыть планъ однороднаго образца неразобраннаго. Когда ученики освоятся съ тѣмъ и другимъ дѣломъ, имъ даются тѣмы для составленія сочиненій по указаннымъ образцамъ, то-есть, по планамъ, положеннымъ въ основу этихъ образцовъ самими авторами ихъ. Далѣе съ учениками планируются легкія оригинальныя тѣмы вполне доступнаго имъ содержанія, и устные планировки (ученики ничего не должны записывать) воспроизводятся ими на бумагѣ. Всѣ эти упражненія, производимыя въ классѣ, преподаватель разсматриваетъ и снабжаетъ нужными замѣчаніями дома; лучшія и худшія изъ нихъ читаются въ классѣ, съ объясненіемъ достоинствъ и недостатковъ, и сдаетъ ихъ всѣ вмѣстѣ ученикамъ для домашняго исправленія худшихъ и для вторичной подачи, послѣ которой исправляетъ ихъ окончательно сперва дома, письменно, и затѣмъ въ классѣ, устно. Наконецъ, въ заключеніе перваго полугодія, планируемыя въ классѣ оригинальныя тѣмы даются ученикамъ для класснаго же развитія въ формѣ цѣлаго сочиненія. Лишь послѣ такихъ предварительныхъ упражненій перваго полугодія, во второе полугодіе признается возможнымъ давать ученикамъ тѣмы на домъ для сочиненій самостоятельныхъ, то-есть такихъ, которыя они будутъ составлять не по готовому плану, указанному или построенному для нихъ преподавателемъ, а по плану, выработанному ими самими дома, и только одобренному или исправленному преподавателемъ. Съ этихъ поръ, то-есть со втораго полугодія, въ V-мъ классѣ, вплоть до конца курса, предварительная домашняя планировка мыслей на данную тѣму становится обязательною для каждаго сочиненія, такъ какъ она слу-

жить единственно надежнымъ средствомъ къ образованію въ ученикахъ сознательнаго навыка основательно и стройно располагать и развивать свои мысли. Составляя свой предварительный планъ на данную тему, ученики невольно приковываютъ къ ней все свое вниманіе, приводятъ въ движеніе запасъ своихъ мыслей и знаній, соприкосновенныхъ съ ея содержаніемъ, всматриваются въ разныя стороны содержанія темы и въ составныя части этихъ сторонъ и упражняютъ свою разсудочно-мыслительную способность въ систематизированіи. Выработывая въ ученикахъ эту способность, постоянная планировка сочиненій въ то же время выработываетъ въ нихъ и связность изложенія собственныхъ мыслей, которая есть не болѣе, какъ прямой результатъ систематизировки. Дальше этихъ границъ гимназія идти не можетъ, такъ какъ рядомъ съ ними лежатъ области университета и научнаго самообразованія.

Описанные приемы не вполне достигли бы цѣли и средне-учебно-литературнаго развитія учениковъ, еслибы кругъ ихъ личныхъ мыслей и знаній былъ восполняемъ и освѣжаемъ только содержаніемъ однихъ учебниковъ, и если бы упражненіе въ разслѣдованіи плана образцовыхъ произведеній закончилось вмѣстѣ съ курсомъ „теоріи прозы“. Но, во первыхъ, при Мариампольской гимназіи имѣется ученическая бібліотека, которую ожидаетъ ежегодное увеличеніе, такъ какъ ученики заявили готовность, по мѣрѣ силъ, дѣлать денежные взносы въ пользу ея приращенія. Чтеніе бібліотечныхъ книгъ будетъ оживлять и расширять объемъ собственныхъ ученическихъ мыслей и знаній, добытыхъ путемъ воспитанія и ученія. Вторыхъ, чтобъ усилить то просвѣтительное вліяніе, какое на учениковъ производится живымъ чтеніемъ образцовыхъ литературныхъ произведеній на урокахъ русской словесности, совѣтъ назначилъ въ V-мъ классѣ, гдѣ начинаются самостоятельныя сочиненія, кромѣ пяти обыкновенныхъ уроковъ, шестой урокъ спеціальнаго чтенія русскихъ авторовъ. Третьихъ, желая открыть для учениковъ способъ къ самостоятельному, практически-литературному расширенію ихъ умственнаго кругозора, совѣтъ признаетъ необходимымъ расширить кругъ предметовъ для тѣмъ и давать ученикамъ сочиненія не только по русскому языку и русской словесности, но и по русской и всеобщей исторіи и по русской и всеобщей географіи. При этомъ преподавателямъ исторіи и географіи совѣтъ поручилъ снабжать учениковъ свѣдѣніями по предмету темы, путемъ чтенія или устнаго сообщенія въ классѣ, такъ чтобъ ученики имѣли достаточное по возможности общее представленіе о содержаніи

тѣмы и знали, гдѣ найдти фактическія подробности, необходимыя для ея развитія. Наконецъ, вчетвертыхъ, совѣтъ постановилъ, чтобы преподаватели теоріи поэзіи и исторіи литературы, разсматривая эстетическія и литературно-историческія принадлежности образцовыхъ произведеній, останавливались до самаго конца курса и на подробномъ разъясненіи плана тѣхъ изъ нихъ, которыя въ этомъ отношеніи особенно удачны, на примѣръ: „Пѣсни о Вѣщемъ Олегѣ“, „Бѣжина Луга“, нѣкоторыхъ сатиръ Кантемира, нѣкоторыхъ статей Ломоносова и Карамзина и т. п.

Недостатокъ правописанія въ ученическихъ сочиненіяхъ высшихъ классовъ объясняется неустроенностью, которою до сихъ поръ страдали въ Маріампольской гимназіи практическія упражненія въ письмѣ подъ диктовку. Ученики всѣхъ классовъ, на урокахъ русскаго языка, упражнялись въ письмѣ подъ диктовку не однообразно и, притомъ, подъ руководствомъ нѣсколькихъ лицъ. Между тѣмъ, единственнымъ средствомъ къ образованію и укрѣпленію въ воспитанникахъ навыка соблюдать требованія орфографіи служить опредѣленная дѣятельная практика въ письмѣ подъ диктовку. Безъ этой практики, даже совершенствуясь въ систематизаціи и развитіи мыслей, ученики не перестанутъ допускать въ изложеніи важныхъ орфографическихъ ошибокъ, такъ какъ они въ своихъ письменно-литературныхъ занятіяхъ главное вниманіе будутъ устремлять на обработку внутренняго содержанія тѣмы, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будутъ терять изъ виду внѣшнія условія опытнаго правописанія и въ добавокъ забывать хорошо знакомыя условія. Оттого, изъ учебныхъ заведеній иногда выступаютъ въ жизнь и въ службу люди умные и связно пишущіе, которые, однако, частенько не умѣютъ соблюсти правилъ, требуемыхъ существующими орфографическими законами. Во вниманіи къ приведеннымъ соображеніямъ, педагогическій совѣтъ Маріампольской гимназіи призналъ необходимымъ установить частую, какъ общую, такъ и одиночную практику диктовки въ низшихъ классахъ, а въ высшихъ классахъ, начиная съ V-го, рекомендовалъ преподавателямъ русской словесности и исторіи русской литературы употреблять на означенную практику отъ 5-и до 10-и начальныхъ минутъ каждаго урока и вызывать учениковъ къ доскѣ поочередно, преподавателямъ же собственноручно русскаго языка поручилъ выработать цѣлесообразную методику диктовки и программу этой методики представить совѣту на разсмотрѣніе. Съ помощію указанныхъ мѣръ, совѣтъ надѣется мало по малу довести правописаніе учениковъ гимназіи до желаемой безукоризнен-

ности, тѣмъ болѣе, что постановленіемъ 9-го декабря прошлаго года преподаваніе собственно русскаго языка во всѣхъ классахъ, за исключеніемъ перваго, сосредоточено въ рукахъ одного учителя.

Сообразно съ вышеизложенными заключеніями, совѣтъ слѣдующимъ образомъ распредѣлилъ письменныя упражненія учениковъ гимназій по классамъ:

Въ I-мъ классѣ: списываніе съ печатнаго и письмо подъ диктовку, въ первое полугодіе, отдѣльныхъ предложеній и маленькихъ отрывковъ, а во второе — и короткихъ отвѣтовъ на вопросы изъ приготовленныхъ для разказа статей.

Во II-мъ классѣ: тѣ же упражненія и перефразировка отдѣльныхъ предложеній и дѣльныхъ небольшихъ отрывковъ прозаической рѣчи, а равно переложеніе въ прозу короткихъ басенъ и другихъ маленькихъ стихотвореній.

Въ III-мъ классѣ: исчисленныя упражненія и письменное изложеніе нѣсколько разъ повторенныхъ и усвоенныхъ учениками небольшихъ описаній, съ соблюденіемъ точнаго порядка мыслей, составляющихъ содержаніе оныхъ. Съ этого же класса начинаются письменныя упражненія въ грамматическихъ формахъ, которыя, объ-руку съ практическими занятіями, продолжаются и во всѣхъ слѣдующихъ классахъ.

Въ IV-мъ классѣ: къ упражненіямъ трехъ предшествующихъ классовъ присоединяется письменное изложеніе повторенныхъ и усвоенныхъ учениками небольшихъ разказовъ, съ соблюденіемъ точнаго порядка мыслей, составляющихъ ихъ содержаніе.

Съ V-го класса до конца курса: на урокахъ русскаго языка, русской словесности и исторіи русской литературы, ежеклассное упражненіе въ письмѣ подъ диктовку, которому посвящается 5 — 10 начальныхъ минутъ. Кромѣ того, въ этомъ же классѣ — воспроизведеніе плановъ, положенныхъ въ основу разобранныхъ и неразобранныхъ, но однородныхъ съ ними образцовъ, а также подражательныя сочиненія, планировка примѣрныхъ тѣмъ и легкія самостоятельныя сочиненія описательнаго, историческаго и умозрительнаго свойства.

Въ VI-мъ классѣ: переложеніе на современный языкъ устно-былевой рѣчи и литературнаго текста произведеній XVI — XVIII вѣковъ, начиная съ ближайшихъ къ намъ и переходя къ отдаленнѣйшимъ, а равно сжато-обработанное изложеніе содержанія прочитанныхъ въ классѣ и на дому литературныхъ произведеній и отрывковъ и самостоятельныя сочиненія описательнаго, историческаго и умозрительнаго свойства.

Въ VII-мъ классѣ: переложеніе на современный языкъ старо-русскаго текста XI — XIV вѣковъ, начиная съ позднѣйшаго и переходя къ древнѣйшему, а также сжато-обработанное изложеніе содержанія прочитанныхъ въ классѣ и на дому литературныхъ произведеній и отрывковъ и самостоятельныя сочиненія описательнаго, историческаго и умозрительнаго характера.

Во время обитія мыслей касательно письменныхъ упражненій въ Маріампольской гимназій, преподаватель русскаго языка въ I-мъ классѣ *Скробанскій* возбудилъ два вопроса: а) какъ лучше исправ-

лать письмо учениковъ съ печатнаго — дома или въ классѣ? и б) какъ полезнѣе вести съ учениками чтеніе — назначать ли для него исключительно одинъ изъ шести уроковъ въ недѣлю, или въ каждый урокъ производить чтеніе минутъ 20 и потомъ разнообразить классное занятіе другими упражненіями? Относительно перваго вопроса педагогическій совѣтъ высказался, что лучше брать письмо учениковъ на домъ, здѣсь подчеркивать ошибки и въ такомъ видѣ сдавать тетрадки ученикамъ для домашняго исправленія ошибокъ ими самими, а послѣ вторичнаго полученія тетрадъ съ тѣмъ же письмомъ, опять ихъ разсматривать, вновь поочеркивать особымъ знакомъ недосмотрѣнныя учениками ошибки и только теперь производить окончательное исправленіе ихъ самими учениками въ классѣ, наблюдая за тѣмъ, чтобы ни у одного ученика не осталось недосмотра. По второму вопросу совѣтъ нашелъ болѣе полезнымъ держаться разнообразія практическихъ занятій въ 1-мъ классѣ, такъ какъ дѣтская природа утомляется продолжительнымъ упражненіемъ въ одноѣмъ дѣлѣ. Отъ ежекласснаго чтенія, разнообразяющагося другими упражненіями, выигрывается и количество времени, падающаго собственно на чтеніе: по важности чтенія для учениковъ 1-го класса, меньше 20-и минутъ посвящать ему нельзя, а въ такомъ случаѣ собственно на чтеніе отдѣляется отъ шести недѣльныхъ уроковъ два часа. При этомъ инспекторъ гимназій рекомендовалъ г. Скробанскому испробовать съ учениками методу хороваго чтенія, такъ какъ она очень хороша для выработки отчетливаго произношенія дѣтскими словъ, если только удачно будетъ принята въ многолюдному классу, впрочемъ ее удобно можно совмѣстить и съ одиночнымъ чтеніемъ, при назначеніи для нея не болѣе 5—10 минутъ. Далѣе инспекторъ выразилъ полную готовность, по дѣлу хороваго чтенія, подѣлиться съ г. Скробанскимъ всѣмъ запасомъ собственнаго опыта. Затѣмъ преподаватель исторіи русской литературы *Соколовъ* заявилъ совѣту, что ученики VI-го и VII-го классовъ, знакомясь съ предметомъ по теоретическому историко-литературному курсу г. Петрова, не имѣютъ историко-литературныхъ хрестоматій, по которымъ бы они могли какъ возобновлять въ своей памяти читаемыя имъ произведенія и отрывки, такъ и производить разныя практическія работы, вызываемыя изучаемымъ предметомъ. Поэтому онъ просилъ у совѣта дозволенія ввести въ кругъ класснаго чтенія и разбора по предмету исторіи русской литературы нѣкоторыя произведенія устно-народной словесности и древне-книжной письменности, не упоминаемыя въ программѣ, какъ-то: баснословныя и богатырскія

былины Киевскаго и Новгородскаго цикла и былины историческія Московскія, а также отрывки изъ „Святославовыхъ изборожковъ 1073—1076 годовъ“, изъ „Житія Θεодосія“, изъ „Хожденія игумена Данила во Св. Землю“, изъ „Слова нѣкоего христіюбца и ревнителя по правой вѣрѣ“, изъ „Словъ Серапіона Владимірскаго“, и пр. ¹⁾ Относительно перваго заявленія совѣтъ постановилъ немедленно выписать соответствующее числу учениковъ VI-го и VII-го классовъ количество экземпляровъ историко-литературной хрестоматіи Петрова, прямо приспособленной къ теоретическому курсу исторіи литературы того же автора, служащему для воспитанниковъ учебнымъ руководствомъ, и тотчасъ, по полученіи выписанныхъ экземпляровъ, пригласить воспитанниковъ къ приобрѣтенію ихъ, такъ какъ знакомство съ исторією литературы не можетъ быть ограничено однимъ изученіемъ теоретическаго руководства, а должно быть подкрѣпляемо, провѣряемо и восполняемо самостоятельными практическими работами учениковъ надъ произведеніями литературы по хрестоматіи. А на готовность г. Соколова — ввести въ курсъ своихъ классныхъ чтеній по предмету исторіи русской литературы произведенія устно-народной словесности и древне-книжной письменности, совѣтъ изъявилъ полное согласіе, принимая въ соображеніе, что въ произведеніяхъ означенной словесности таятся доисторическія основанія народно-русскаго характера и народно-русское историческое міросозерцаніе, а въ произведеніяхъ древне-книжной письменности заключаются начала нашей христіанской гражданственности, въ ея любопытной борьбѣ съ остатками язычества, и свѣтлыя мысли, поднимающія эту письменность на высоту общечеловѣческой важности ²⁾. Въ заключеніе совѣтъ рекомендовалъ г. Соколову позаботиться объ обстоятельнѣйшемъ ознакомленіи учениковъ и съ тѣми произведеніями новаго періода русской литературы, въ которыхъ правдиво и художественно рисуется народно-русская жизнь до послѣдняго царствованія, а именно съ „Записками

¹⁾ Составителя программъ имѣли въ виду преимущественно новѣйшую и современную русскую литературу, отъ изученія которой для здѣшнихъ учениковъ, какъ не природныхъ русскихъ, ожидается болѣе пользы, чѣмъ отъ древнихъ былинъ и сказаній, которыя, по устарѣвшему языку и чуждому имъ складу рѣчи, съ трудомъ могутъ быть поняты ими.

²⁾ Отъ редакціи *Цирк. по Валу. учебн. окр.* прибавлено слѣдующее замѣчаніе: „Знакомить учениковъ съ этими произведеніями посредствомъ чтенія можно и полезно; но не слѣдуетъ расширять ими классной программы, въ ущербъ, быть можетъ, изученію тѣхъ произведеній, которыя скорѣе приведутъ ихъ къ главной цѣли — къ усвоенію современной литературной русской рѣчи.“

охотника“ Тургенева, съ народными разказами Даля и съ стихотвореніями Кольцова и Никитина. (*Цирк Варш. учебн. окр.* 15).

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Дѣятельность Московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ. — Фабричныя школы г. Морозовыхъ и г. Малютина. — Состояніе народнаго образованія въ Новгородской губерніи. — Новгородская тюремная школа. — Лѣтніе педагогическіе курсы въ Архангельскѣ. — Народное образованіе въ Углицкомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи. — Число грамотныхъ въ Костромской губерніи. — Постановленіе Нерехтскаго уѣзднаго земскаго собранія, той же губерніи. — Состояніе народнаго образованія въ Саратовскомъ уѣздѣ. — Начальныя народныя училища въ Пензенской губерніи. — Состояніе народнаго образованія въ Алексинскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. — Число народныхъ училищъ въ Курской губерніи. — Приходское и уѣздное училища въ гор. Масальскѣ, Калужской губерніи. — Воронежская Нечаевская школа. — Постановленіе Задонскаго, Воронежской губерніи, уѣзднаго земскаго собранія. — Школы въ с. Троицкомъ Юртѣ, Новохоперскаго уѣзда, той же губерніи. — Расходы земства Полтавской и Харьковской губерній на народное образованіе. — Постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній: Волчанскаго, — Харьковской, и Глуховскаго, — Черниговской губерній. — Постановленія земскихъ собраній: Таврическаго губернскаго и Днѣпровскаго уѣзднаго, Таврической губерніи. — Преподаваніе русскаго языка въ татарскихъ школахъ Крымскаго полуострова. — Состояніе школъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ и за Кавказомъ въ 1870 году. — Школы Тифлисскаго благотворительнаго общества. — Нальчическая и Грозненская горскія школы, Терской области. — Школы во Владивавказѣ и Менглисѣ. — Русская школа для туземцевъ и школа для русскихъ дѣтей въ гор. Самаркандѣ, Туркестанской области.

Въ параллель къ свѣдѣніямъ о дѣятельности С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности, представленныхъ нами въ предыдущихъ книжкахъ, заимствуемъ изъ *Современной Лѣтописи* (№ 20) нѣсколько данныхъ о совершившейся десятилѣтней дѣятельности Московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ. Изъ записки бывшаго секретаря общества, нынѣ директора Ярославскаго Демидовскаго лицея, М. Н. Капустина, видно, что дѣятельность этого общества, начавшаяся въ эпоху освобожденія крестьянъ, расширяется съ каждымъ годомъ. Поставивъ себѣ задачей — заботиться о религіозно-нравственномъ образованіи народа, общество издало на первый разъ, въ видѣ опыта, христоматію для народнаго чтенія и нѣсколько азбукъ; но затѣмъ, такъ какъ потребность здраваго чтенія оказывалась во всѣхъ классахъ, то общество сдѣлалось посредникомъ между авторами и читателями, облегчая появленіе въ свѣтъ дѣльныхъ и полезныхъ для народа книгъ. По мѣрѣ возможности оно отзывалось

сочувственно и на другія требованія народнаго образованія. Такъ въ 1864 году оно устроило болѣе 20-и приходскихъ библиотекъ, снабдивъ ихъ какъ собственными изданіями, такъ и другими полезными книгами. Въ томъ же году общество основало пріютъ и школу, куда принимались мальчики изъ тюремнаго замка. Въ 1865 и 1866 годахъ обществомъ были устраиваемы публичные курсы, получившіе теперь въ Москвѣ права гражданства. Послѣ введенія судебныхъ уставовъ, школа общества въ 1867 году была преобразована въ исправительный пріютъ. При оказавшейся потребности въ умственномъ сближеніи съ Славянами, общество принимало дѣятельное участіе въ посылкѣ русскихъ книгъ въ славянскія земли. Наконецъ, въ 1870 г. открыта была книжная лавка общества, имѣющая своимъ преимущественнымъ назначеніемъ снабжать земство книгами для народныхъ школъ. Кромѣ нѣсколькихъ азбуекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя разошлись въ количествѣ 60.000 экз., общество напечатало болѣе 20-и книгъ, признанныхъ пригодными для народныхъ школъ особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Но въ виду трудностей, возникающихъ отъ невыяснившихся еще требованій нашей народной школы, общество рѣшилось ждать указаній опыта на эти требованія и предпочло распространять книги, изданныя другими лицами и оказавшіяся болѣе или менѣе удовлетворительными. Въ прошедшемъ году книгъ продано обществомъ 21.768 экз. на сумму 4.694 руб. 10 коп. Въ томъ же году сдѣлано десять изданій въ количествѣ 37.000 экз., на чтѣ истрачено 8.259 руб. 85 коп. Роздано безденежно авторамъ, въ благотворительныя учрежденія и разнымъ лицамъ 923 экз. Всего же обществомъ, за десятилѣтній періодъ его существованія, употреблено на изданіе книгъ 49.254 руб. 87 коп.; вышло въ свѣтъ 101 изданіе въ количествѣ 349.211 экз., изъ коихъ продано 159.465 экз. на сумму 33.843 руб. 43 коп. Роздано безденежно за тотъ же періодъ 16.288 экз. Въ настоящее время общество имѣетъ въ Москвѣ и внѣ Москвы 32 склада своихъ изданій.

Упомянутый выше исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ имѣетъ цѣлю, исправляя малолѣтнихъ отъ пороковъ и преступленій, приучить ихъ къ сознанію пользы честнаго труда, утвердить ихъ въ вѣрѣ и сдѣлать хорошими гражданами. Воспитанники обучаются въ пріютѣ мастерствамъ и кромѣ того, чтенію, письму, закону Божію, пѣнію и первымъ четыремъ правиламъ ариметики. Обученіемъ мальчиковъ грамотѣ и ариметикѣ занимаются директоръ пріюта Н. В. Рукавишниковъ и смотритель; закону Божію обучаетъ

мальчиковъ діаконъ Успенской церкви. Пѣнію учатся по цифирной методѣ Шева, два-раза въ недѣлю, и еще столько же разъ учатся церковному пѣнію у другаго учителя, чтобы со временемъ пѣть въ церкви; этотъ послѣдній предметъ введенъ съ цѣлю знакомить воспитанниковъ съ богослуженіемъ и приучить ихъ чаще посѣщать храмъ Божій. Изъ ремеслъ обучаются сапожному и переплетному; занимаются также приготовленіемъ картонныхъ коробокъ, а лѣтомъ работаютъ въ саду и въ огородѣ. Въ 1870 году въ пріютѣ содержалось 57 воспитанниковъ. Большая часть ихъ или взяты родственниками или опредѣлены на мѣста, но было также 7 бѣжавшихъ; однако число побѣговъ уменьшается, и съ октября 1870 года не было ни одного побѣга. Однимъ изъ полезныхъ учрежденій, благопріятно вліяющихъ на воспитанниковъ и заставляющихъ ихъ лучше вести себя, усерднѣе работать и прилежниѣ учиться, было заведеніе тетрадокъ, въ которыхъ отмѣчается поведеніе мальчиковъ, усердіе къ работѣ и успѣхъ въ ученіи. При хорошихъ отмѣткахъ, въ тетрадку вписывается мальчику заработная плата; деньги эти не выдаютъ на руки, но, по желанію мальчиковъ, покупается имъ чай и сахаръ; остальные же деньги выдаются имъ при выходѣ изъ пріюта. Начальство пріюта старается дѣйствовать на воспитанниковъ не строгостію и наказаніями, а преимущественно мягкимъ съ ними обращеніемъ и поощреніемъ въ добру.

— Изъ фабричныхъ школъ, существующихъ по близости Москвы, обращаютъ на себя вниманіе школа на Никольской фабрикѣ гг. Морозовыхъ (по Нижегородской желѣзной дорогѣ) и школа г. Малютина (по Рязанской). Школы эти осмотрѣны были въ нынѣшнемъ году членами Московскаго комитета грамотности. Извлекаемъ изъ отчетовъ ихъ слѣдующія данныя (см. тамъ же, № *Совр. Лѣтон.*).

Учащихся въ Морозовской школѣ болѣе 250-и человекъ; изъ нихъ дѣти занимаютъ по 4 часа, взрослые около двухъ. Школа подраздѣляется на мужское и женское отдѣленія; преподаваніемъ, кромѣ двухъ священниковъ, занимаются два учителя, три учительницы и учитель рисованія. Священники получаютъ по 150 руб., учителя отъ 420 до 480 руб., учительницы отъ 300 до 350 руб. Учителя и учительницы имѣютъ помѣщеніе при школѣ, съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и вообще всею хозяйственною обстановкой. Помѣщеніе школы чисто и свѣтло; но строится новое зданіе, болѣе сообразное съ педагогическими условіями, въ которомъ могутъ помѣститься до 500 человекъ. Какъ мужское, такъ и женское отдѣленія раздѣляются еще

на три отдѣленія: младшее, среднее и старшее. По отзыву членовъ комитета грамотности, обученіе въ ней ведется рачіонально; успѣхи дѣтей младшаго отдѣленія удовлетворительны, къ читаемому они относятся вполне сознательно. Въ среднемъ мужскомъ отдѣленіи испытаніе въ умственномъ счисленіи, веденное преподавателемъ г. Волковымъ, шло весьма живо и съ замѣтнымъ тактомъ со стороны учителя; ученики интересуются умственной работой, отвѣчали сознательно и рѣшали довольно сложныя умственныя задачи безъ особыхъ затрудненій. Ученики также смѣло, бойко и правильно отвѣчали и на вопросы, предложенныя нѣкоторыми изъ посѣтителей. Въ старшемъ отдѣленіи ученики довольно связно и толково разказывали о нѣкоторыхъ лицахъ и событіяхъ русской исторіи. Въ этомъ отдѣленіи также замѣтна была основательность въ преподаваніи ариметики и сознательность въ дѣйствіяхъ и отвѣтахъ учениковъ. Преподаваніе закона Божія также удовлетворительно; дѣти, наводямыя вопросами преподавателя и посѣтителей, отвѣчали свободно и толково, безъ затрудненій объясняя разказываемое. На руководствѣ въ женскомъ отдѣленіи назначаются особыя часы, въ которые дѣвочки, подъ руководствомъ учительницъ, занимаются кройкой бѣлья, шитьемъ, вязаньемъ чулокъ, вязаньемъ тамбурною иглой и вышиваньемъ шерстями. Для фабричныхъ, не имѣющихъ времени ежедневно посѣщать школу, устроены воскресныя классы, на которыхъ занятія состоятъ изъ обученія чтенію, письму, ариметикѣ и чтенія историческихъ и географическихъ книгъ. Въ школѣ есть особая довольно полная бібліотека съ пособиями и книгами для чтенія какъ учениковъ такъ и учителей. Вообще школа заботливо надѣлена всѣмъ, что содѣйствуетъ успѣху занятій. Для устраненія нѣкоторыхъ недостатковъ въ преподаваніи, гг. Морозовыми приглашенъ еще, сверхъ учителей, особыя, знакомыя съ дѣломъ наблюдатель для устройства школы и общаго надзора за ходомъ преподаванія, обязанный во время своихъ посѣщеній слѣдить какъ за правильнымъ теченіемъ занятій по каждому предмету, такъ и за веденіемъ уроковъ, для образца самъ давать уроки въ присутствіи учителей и устраивать педагогическія бесѣды, гдѣ, при общемъ участіи, рѣшаются различныя вопросы, вызываемыя жизнью школы, просматриваются мѣсячныя отчеты учителей, дѣлаются сообщенія относительно будущаго занятій и проч.

Школа г. Малютина производитъ самое выгодное впечатлѣніе. Обширная, высокая, свѣтлая комната, удобныя и красныя скамейки (по виртембергской системѣ), общіе учебныя принадлежности, карты

и картины по стѣнамъ, — все это даетъ школѣ видъ, который рѣдко можно встрѣтить въ нашихъ сельскихъ и фабричныхъ школахъ. Въ отдѣльной комнатѣ помѣщается библіотека для учителей и учениковъ, нѣсколько физическихъ инструментовъ, коллекція изображеній животныхъ и рисунковъ, представляющихъ всевозможные инструменты и орудія, наконецъ, собраніе обработанныхъ, полуобработанныхъ и сырыхъ продуктовъ, въ малыхъ образчикахъ. Не смотря на малые размѣры физическаго кабинета, въ немъ имѣется теллурий, гальваническая батарея и телеграфный приборъ, не говоря о простѣйшихъ инструментахъ. Коллекція картинъ и предметовъ представляютъ собою цѣнные заграничныя изданія. Преподаваніемъ въ школѣ занимаются три учителя и учительница, пользующіеся помѣщеніемъ въ самомъ училищѣ, законоучитель и учитель пѣнія. Они получаютъ жалованья 30—40 руб. въ мѣсяцъ. Школу посѣщаютъ около 400 учениковъ, изъ дѣтей фабричныхъ и изъ деревни. Соотвѣтственно работамъ на фабрикѣ, которыми занимается большая часть учениковъ и ученицъ, школьныя занятія ведутся по смѣнамъ. Свободная отъ работы смѣна, являясь въ школу, разбивается на три группы, соотвѣтствующія дѣленію на классы. Отсталые составляютъ особое отдѣленіе, которое находится подъ руководствомъ учительницы. Общій учебный курсъ школы не выходитъ изъ предѣловъ, указанныхъ положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ. Успѣхи по русскому языку вполне удовлетворительны: въ первой группѣ (человѣкъ 150) читаютъ написанное на доскѣ печатными и скорописными буквами и ясно и отчетливо разбираютъ вещественный смыслъ прочитаннаго; во второмъ отдѣленіи этой же группы читаютъ довольно плавно и на столько сознательно, что въ состояніи разказать прочтенную статью своими словами. Во второй и третьей группѣ читаютъ вполне хорошо, умѣютъ порядочно разбирать и разказывать своими словами. По ариѳметикѣ успѣхи таковы же. По пѣнію сдѣланъ большой успѣхъ и дѣти съ удовольствіемъ и радостію бѣгутъ на уроки пѣнія. Только наглядныя бесѣды еще недостаточно усвоены учителями, почему ведутся не вполне удовлетворительно. Внѣшній порядокъ школы вполне достоинъ подражанія. Обученіе ведется по новымъ методамъ; здѣсь примѣнены звуковой способъ, хоровое и одиночное чтеніе, толковое чтеніе съ его подраздѣленіями, вопросная форма преподаванія и проч. Особеннаго вниманія по своимъ трудамъ и умѣнью заслуживаютъ: старшій учитель г. Скворцовъ, учительница г-жа Вагриновская и учитель пѣнія. Число рабочихъ часовъ для дѣтей, посѣщающихъ школу,

г. Малютинъ сократилъ съ 12-и на 8, не убавляя ихъ заработковъ. Устройство школы ему обошлось около 20.000 руб., ежегодные расходы составляютъ до 4.000 руб.

— Изъ Новгородской губернии сообщаютъ въ *Правительственный Вѣстникъ* (№ 158) слѣдующія свѣдѣнія относительно положенія въ этой губернии дѣла народнаго образованія. Общее число учащихся въ губернии, 18.324, относится къ общему числу жителей, 1.011.153, какъ 1:55; въ частности отношеніе числа учащихся по сословіямъ будетъ: въ сельскомъ сословіи 1:60, въ духовномъ и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ (дворянскомъ и городскомъ) 1:23. Въ числѣ народныхъ училищъ обращаютъ на себя особенное вниманіе образцовыя училища, открываемыя министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ Череповскомъ, Крестецкомъ и Новгородскомъ уѣздахъ; въ каждомъ изъ нихъ открыты двухклассныя училища по одному, а въ Боровичскомъ одноклассное. На открытіе еще однокласснаго училища въ Кирилловскомъ уѣздѣ получено уже разрѣшеніе. Матеріальное участіе сословій въ дѣлѣ образованія юношества выражается въ слѣдующемъ: Новгородское дворянство содержитъ на свой счетъ въ пансіонѣ при губернской гимназій 30 воспитанниковъ изъ бѣднѣйшихъ дворянъ, на что назначается ежегодно изъ суммъ частнаго сбора съ дворянскихъ имѣній по 7.000 руб. въ годъ. Городскія общества на свой счетъ содержать городскія приходскія училища, и кромѣ того, Старорусское отпускаетъ на содержаніе уѣзднаго училища 1.805 руб., Череповское и Бѣлозерское—на женскія прогимназій: первое 1.022 рубля, а послѣднее—1.155 руб. ежегодно. Земство по смѣтамъ 1870 года назначило на народное образованіе изъ земскихъ суммъ 24.029 руб. 35 коп., въ томъ числѣ 2.100 руб. изъ губернскихъ земскихъ сборовъ; а на 1871 годъ сумма эта увеличена до 37.225 руб. 76¹/₂ коп., въ томъ числѣ изъ губернскихъ суммъ 9.916 руб., преимущественно на пособіе сельскимъ школамъ. Кромѣ того, изъ уѣздныхъ земскихъ суммъ по двумъ уѣздамъ выдается пособіе Бѣлозерской женской прогимназій 400 руб. и Старорусскому уѣздному училищу 500 руб. Изъ губернскихъ земскихъ суммъ выдается пособіе Новгородской женской гимназій 1.000 руб. и училищу при лютеранской церкви 500 рублей. Устроенная земствомъ учительская школа содержится на капиталъ, образовавшійся отъ сбереженій по содержанію почтовыхъ станцій. Къ 1871 году въ школѣ состояло учениковъ 60, и съ этого года будетъ уже полный комплектъ—100 человѣкъ. На содержаніе школы съ устройствомъ новаго дома въ 1870 году израсходовано 18.602 р.

46^{1/2} в. При Новгородской духовной семинаріи открыта воскресная школа, въ которой обучалось 45 мальчиковъ и 19 дѣвочекъ. Обученіемъ занимаются воспитанники семинаріи высшихъ классовъ, подъ руководствомъ преподавателя педагогики и главнымъ надзоромъ ректора.

— Въ той же газетѣ (№ 160) помѣщено извлеченіе изъ отчета о дѣйствіяхъ Новгородскаго губернскаго комитета пренепительнаго общества о тюрьмахъ за 1870 годъ, въ которомъ сообщается нѣсколько свѣдѣній о существующей при Новгородскомъ тюремномъ замкѣ школѣ. Обученіе въ этой школѣ ограничивается грамотою и закономъ Божиимъ. Грамотѣ обучаетъ причетникъ, изъ окончившихъ курсъ семинарскаго ученія, а закону Божию — священникъ. Способъ преподаванія закона Божія употребляется преимущественно изустный, въ тѣхъ видахъ, чтобъ и неграмотнымъ арестантамъ могли быть понятны главнѣйшія истины религіи. Особенное вниманіе обращается на то, чтобы каждый арестантъ и каждая арестантка, даже и не обучающіеся въ школѣ, знали молитву Господню, символъ вѣры и другія требуемыя отъ cadaго православнаго христіанина молитвы. Результаты этой заботливости хотя еще не вполне удовлетворительны, такъ какъ большая часть арестантовъ, едва начавъ ученіе, или освобождаются отъ дальнѣйшаго содержанія, или пересылаются въ другіе города, и тѣмъ самымъ лишаются возможности продолжать ученіе, тѣмъ не менѣе многіе изъ поступившихъ неграмотными остаются острогъ будучи въ состояніи читать свободно напечатанное, а нѣкоторые даже и писать; точно также не знавшіе ни одной молитвы выучиваютъ нѣкоторыя молитвы иногда довольно удовлетворительно. Число учившихся въ 1870 году, по свидѣтельству директоровъ комитета, завѣдующихъ этою частію, было до 279 мужчинъ и 61 женщина. Вслѣдствіе предложеній вице-президента комитета, начальника губерніи, въ 1866 и 1867 годахъ открыты и нынѣ существуютъ школы для арестантовъ при уѣздныхъ тюремныхъ замкахъ: Череповскомъ, Старорусскомъ, Крестецкомъ, Бѣлозерскомъ, Тихвинскомъ и Валдайскомъ.

— Въ *Архангельскѣ* 1-го іюня сего года, въ присутствіи начальника губерніи, открыты директоромъ училищъ педагогическіе курсы, для ознакомленія сельскихъ учителей губерніи съ лучшими приемами преподаванія въ первоначальныхъ школахъ. Это уже вторые курсы въ Архангельской губерніи: первые были открыты въ прошломъ 1870 году, какъ мы о томъ своевременно сообщали. Ко дню открытія ны-

нижнихъ курсовъ собрались почти все вызванные учителя и учительницы, числомъ до 43. Характеръ занятій на курсахъ, сравнительно съ прошлогодними, измѣненъ. Въ 1870 году учителя были ознакомлены съ главнѣйшими основаніями педагогическаго дѣла, въ настоящемъ будетъ провѣрено, на сколько оно усвоено ими, и устройствомъ образцовой школы, состоящей изъ трехъ отдѣленій, укажется на болѣе широкое примѣненіе уже преподаанныхъ началъ. (Права. Вѣстн. № 157).

— Изъ Угличскаго уѣзда пишутъ въ Ярославскія Губернскія Вѣдомости (№ 23), что тамъ дѣло народнаго образованія становится живымъ и интереснымъ предметомъ для крестьянъ, которые относятся къ нему съ видимымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Оно ведетъ къ хорошему успѣху, благодаря, съ одной стороны, постоянному содѣйствію и участію Угличскаго земства, съ другой — разумному вліянію учебной администраціи. Число училищъ ежегодно увеличивается; вѣсть съ тѣмъ и матеріальное обезпеченіе ихъ не сокращается; каждое училище получаетъ достаточное пособіе отъ земства, согласно указаніямъ училищнаго совѣта. Съ нижняго года учителя здѣшнихъ земскихъ училищъ, по ходатайству предсѣдателя училищнаго совѣта г. Куликова, получаютъ *тѣмъ* 200 рублей въ годъ жалованья; школы пользуются всеми удобствами помѣщенія и вполне обезпечены учебными пособіями. Особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность предсѣдателя земской управы Н. Н. Соковнина, который поднялъ дѣло народнаго образованія въ Угличскомъ уѣздѣ. Изъ училищъ особенно замѣчательно двухклассное Никольское. Оно помѣщается въ новомъ, обширномъ деревянномъ домѣ, устроенномъ г. Соковнинымъ. Учебныя пособія училища вполне отвѣчаютъ назначенію образцовой школы; составъ библіотеки удовлетворяетъ потребностямъ учащихся и учащихся; мебель весьма прилична. Составъ преподавателей: два учителя, законоучитель, учителя пѣнія и столярнаго мастерства. Въ виду имѣющей устроиться въ Угличѣ учительской семинаріи, инспекторъ народныхъ училищъ В. И. Шпееръ, при послѣднемъ обзорѣ Никольскаго училища, рекомендовалъ преподавателямъ „готовить матеріалъ для семинаріи“. Для этой цѣли онъ обратилъ ихъ вниманіе на всестороннее развитіе учениковъ, согласно требованіямъ современной педагогическаго, а также и на расположеніе, какъ учениковъ, такъ и родителей, къ семинаріи, чрезъ ознакомленіе ихъ съ положеніемъ и правами, которыя она доставляетъ окончившимъ въ ней курсъ. Мѣсто для учительской семинаріи уже избрано и недавно

часть слу, отд. 4.

осмотрѣно: г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа, который осмотрѣлъ также нѣкоторыя училища и выразилъ одобреніе дѣятельности и усердію педагоговъ, трудящихся въ уѣздномъ и приходскихъ училищахъ.

— Въ *Костромскихъ Губ. Вѣд.* (№ 22) сообщаются свѣдѣнія о числѣ грамотныхъ въ Костромской губерніи, по статистической переписи 1867 года. По этимъ свѣдѣніямъ, грамотныхъ мужчинъ было 77.295, отношеніе къ населенію 1:16,1; женщинъ 11.716, отношеніе 1:20. По уѣздамъ наибольшее число грамотныхъ мужчинъ было въ уѣздахъ Костромскомъ (11.642) и Нерехтскомъ (10.473); наименьшее въ Ветлужскомъ (1.644); но наибольшее процентное отношеніе грамотныхъ къ числу населенія было въ Чухломскомъ уѣздѣ — 33,1%, наименьшее въ томъ же Ветлужскомъ — 4,8. Въ женскомъ населеніи наибольшее число грамотныхъ было также въ Костромскомъ уѣздѣ (1.994), но за нимъ слѣдовали прежде Чухломскій (1.591), а потомъ уже Нерехтскій уѣздъ (1.421); въ процентномъ отношеніи на крайнихъ точкахъ грамотности мужскаго населенія стоятъ тѣ же уѣзды, какъ и женской, то-есть, Чухломскій — 6,8 и Ветлужскій — 0,8. Вообще болѣе значительную часть грамотнаго населенія представляютъ уѣзды, относящіеся къ полосу отхожихъ промысловъ (Чухломскій, Солигаличскій, Галичскій и Буйскій), и затѣмъ промышленный Костромскій уѣздъ. Средній процентъ грамотныхъ падаетъ на два промышленные уѣзда — Нерехтскій и Юрьеvecкій и на уѣздъ Кологривскій, примыкающій своею западною окраиною къ мѣстности отхожихъ промысловъ. Намонецъ Кинешемскій уѣздъ и уѣзды мало населеннаго гѣснаго пространства находятся въ наименѣе выгодныхъ отношеніяхъ по численности въ нихъ грамотнаго населенія. Исключеніе изъ этого общаго вывода составляетъ только уѣздъ Варнавинскій, который, по численности грамотныхъ женщинъ (2,8%), можетъ быть причисленъ къ уѣздамъ первой группы, что объясняется значительнымъ процентнымъ отношеніемъ грамотнаго женскаго населенія въ пяти волостяхъ этого уѣзда: Тонкинскою, Уренскою, Ключевскою, Баковскою и Богородскою (отъ 3,0 — 5,8%).

Нерехтское уѣздное земское собраніе, для большей успѣшности дѣла народнаго обученія, признало необходимымъ принять слѣдующія мѣры: 1) установить только два опредѣленные срока для пріема дѣтей въ училища—въ сентябрѣ и январѣ; 2) отпускать пособіе отъ земства на вновь открывающіяся училища только въ томъ случаѣ, когда предварительно будетъ устроено удобное помѣщеніе и квар-

тира для учителя и приходящихъ учениковъ, и 3) для правильного наблюденія за преподающими въ училищахъ и для повѣрки успѣховъ учащихся избрать отъ земства или пригласить на жалованье особое уполномоченное для того лицо. То же собраніе, вслѣдствіе просьбы Арменскаго общества о выдачѣ изъ земскихъ суммъ, въ видѣ ссуды, срокомъ на три года, 1.073 руб., 28 коп. на устройство въ текущемъ году въ с. Арменскомъ однокласснаго училища, въ двухъ отдѣленіяхъ, постановило немедленно отпустить Арменскому обществу просимую сумму на предложенныхъ условіяхъ и кромѣ того продолжать оказывать училищу пособие отъ земства наравнѣ съ прочими училищами уѣзда. (*Срав. Вѣстн.* №№ 148 и 149).

— Народное образованіе въ *Саратовскомъ* уѣздѣ, какъ видно изъ опубликованной донинѣ части отчета мѣстнаго училищнаго совѣта (*Сарат. Губ. Вѣд.* №№ 118—122, 132—137), представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Дѣятельность сельскихъ школъ возбуждена была въ 18^{66/67} учебномъ году энергическимъ вліяніемъ бывшаго предсѣдателя совѣта г. Семенова, но начавшись хорошо, она должна была приостановиться до избранія въ мартѣ 1870 года новыхъ членовъ училищнаго совѣта. Первыми дѣйствіями новозбраннаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ В. Д. Вакурова, были: а) приведеніе въ извѣстность положенія, въ какомъ находились сельскія училища; б) приглашеніе къ участію въ завѣдываніи училищами избранныхъ подчителей; в) ходатайство объ открытіи воскресной школы при педагогическихъ курсахъ въ Саратовѣ, и г) просьба, обращенная къ городскому обществу, объ увеличеніи числа школъ до крайней мѣрѣ одною мужскою и одною женскою.

Сельскія училища найдены членами совѣта въ весьма печальномъ положеніи: отовсюду слышались жалобы на недостатокъ преподавателей, совершенное отсутствіе учебныхъ пособій и совершенное отсутствіе указаній для правильного распредѣленія учебныхъ занятій; вся система народнаго образованія представляла какую-то нестройную массу, гдѣ, при болѣе чѣмъ недостаточной матеріальной обстановкѣ, безъ всякихъ правилъ, учебниковъ и часто необходимыхъ знаній, не имѣя никакого руководительнаго начала, преподаватели—какихъ только можно было приобрѣсти на отпускаемыя ничтожныя средства—дѣйствовали каждый по своему, безъ всякой системы и связи. Такое состояніе училищъ заставило членовъ совѣта немедленно приступить къ изысканію средствъ для ихъ улучшенія, вслѣдствіе чего

совѣтъ постановилъ: 1) заготовить для каждой школы однообразныя форменныя книги для классныхъ журналовъ, въ которыя, по составленнымъ совѣтомъ образцамъ, должны вноситься всѣ данныя, необходимыя для контроля надъ занятіями учителей и для составленія полнаго обзора состоянія училищъ; 2) заготовить однообразныя учебники по предметамъ, преподаваемымъ въ школахъ, и купить карандашей, перьевъ, бумаги и проч. На всѣ эти потребности, соображаясь съ небольшими средствами, ассигнуемыми земствомъ, совѣтъ назначилъ употребить до 700 руб. Затѣмъ, по полученіи донесенія отъ всѣхъ почти членовъ совѣта о недостаткѣ хорошихъ преподавателей и въ виду неотложной необходимости замѣнить это, большею частію полуграмотное, далеко не примѣрной нравственности большинство сельскихъ учителей, получающее отъ 50 до 20 руб. въ годъ, людьми, получившими основательное воспитаніе и могущими вести сознательно дѣло народнаго образованія, но не имѣя въ тому матеріальныхъ средствъ, совѣтъ назначилъ дополнительное вознагражденіе тѣмъ преподавателямъ, которые окончили курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по 60 руб., а окончившимъ курсъ въ уѣздныхъ и духовныхъ училищахъ до 30 руб. въ годъ, съ тѣмъ притомъ, чтобы сами общества ассигновали съ своей стороны не менѣе, какъ вдвое противъ назначеннаго совѣтомъ пособія. Благодаря этой мѣрѣ, уже нѣсколько молодыхъ людей изъ окончившихъ курсъ въ семинаріи заявили желаніе поступить на должность учителей. На этотъ предметъ совѣтъ могъ отдѣлать только 900 руб. изъ 2.000 руб., ассигнованныхъ земствомъ на народное образованіе.

Начальныхъ училищъ въ гор. Саратовѣ и его уѣздѣ находится 47; въ нихъ учащихся 2.478. Изъ этого числа въ городѣ считается 12 училищъ съ 1.228 учащимися, а въ уѣздѣ 35 училищъ съ 1.250 учащимися. Отношеніе учащихся къ народонаселенію: въ городѣ 1:56, а въ уѣздѣ 1:88. Содержаніе городскихъ школъ обходится въ 10.928 руб. 29 коп., а сельскихъ въ 1.998 руб. 36 коп., такъ какъ расходъ на каждую школу въ городѣ обходится въ 910 р., а въ уѣздѣ около 57 руб.; на каждого же ученика въ городѣ расходуется 8 руб. 90 коп., а въ уѣздѣ около 1 руб. 52 коп.

Городскія начальныя училища распределяются на двѣ категоріи: 1) училища, состоящія на содержаніи городского общества, и 2) училища, содержимыя частными обществами и лицами. Городскихъ училищъ, содержимыхъ на счетъ городского общества, 8; изъ нихъ 4 мужскихъ, 3 женскихъ, въ числѣ послѣднихъ одно двухклассное и 1

смѣшанное единовѣрческое. Училища эти находятся частію въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, частію въ исключительномъ завѣдываніи училищнаго совѣта. Нѣкоторая неопредѣленность отношеній училищнаго совѣта къ инспектору народныхъ училищъ, препятствующая совѣту принимать прямое участіе въ улучшеніи упомянутыхъ училищъ, а также неясность отношеній попечителей и учителей къ школъ и училищному совѣту, таже какъ положеніе о народныхъ училищахъ не опредѣлило подробно обязанности попечителей, привели училищный совѣтъ въ необходимости сдѣлать слѣдующее: 1) снестись съ подлежащими вѣдомствами о передачѣ въ вѣдѣніе совѣта тѣхъ училищъ, кои находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; 2) составить подробную инструкцію для попечителей и школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и для школъ, находящихся въ исключительномъ завѣдываніи училищнаго совѣта; 3) составить инструкцію и программу преподавателямъ относительно учебныхъ занятій въ школахъ, въ предѣлахъ общей программы народныхъ училищъ, рассмотреть распредѣленіе классныхъ занятій, опредѣлить отношенія попечителей къ школъ, порядокъ обзорѣній училищъ, и т. д.; наконецъ, 4) ходатайствовать о возстановленіи бывшаго городского училищнаго комитета, закрытаго въ 1869 году, или по крайней мѣрѣ, объ учрежденіи періодическихъ съѣздовъ попечителей, тѣмъ болѣе, что опытъ и другихъ городовъ, напримѣръ, Одессы, уже говоритъ достаточно въ пользу попечительныхъ совѣтовъ. Доселѣ дѣятельность попечителей и попечительницъ способствовала благосостоянію училищъ; благодаря ихъ участію, не только училища обеспечены всѣмъ необходимымъ, но и явилась возможность снабдить бѣдныхъ дѣтей платьемъ и обувью.

Преподавателей въ городскихъ училищахъ 25, въ томъ числѣ 2 учительницы; большая часть ихъ состоятъ изъ лицъ, еще до новаго положенія объ училищахъ находившихся на этихъ должностяхъ. Методъ обученія грамотѣ во всѣхъ училищахъ, за исключеніемъ единовѣрческаго, упорно слѣдующаго стариннымъ приемамъ, принять звуковой; чтеніе направлено къ сознательности, въ ариметикѣ придерживаются системы Грубе. Вообще стремленіе къ умственному развитію дѣтей придаетъ другую характеристику школамъ противъ того, чѣмъ онѣ были нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Изъ всѣхъ училищъ исключеніе составляетъ единовѣрческое, которое еще не можетъ оставить системы псалтырнаго ученія и заучиванья азовъ. Вездѣ въ городскихъ училищахъ, подлежащихъ завѣдыванію училищныхъ совѣ-

товъ, ученики раздѣляются на три отдѣленія: старшее, среднее и младшее, и классныя занятія распределяются такъ, что въ то время, когда учитель занятъ съ однимъ отдѣленіемъ, съ другими занимается его помощникъ, въ женскихъ же школахъ учительница руководѣля, а иногда поручается одно отдѣленіе старшему ученику подъ надзоромъ учителя. Предметы обученія: заповѣтъ Божій, священная исторія ветхаго и новаго завѣта, русское и славянское чтеніе, ариметика и выкладки на счетахъ, чистописаніе и скоропись, руководѣліе въ женскихъ училищахъ; сверхъ того, въ двухклассномъ училищѣ (во II-мъ классѣ): грамматика русская, отечественная исторія и географія; башмачное ремесло (въ двухъ училищахъ); хоровое пѣніе (въ одномъ). Недостатокъ инструкцій преподавателямъ и опредѣленныхъ программъ для занятій по каждому предмету сильно затрудняетъ какъ самихъ преподавателей, такъ и членовъ, ревизующихъ училища, тѣмъ болѣе, что требованія отъ учащихся различны въ мужскихъ и женскихъ училищахъ, такъ какъ въ послѣднихъ руководѣліе составляетъ необходимую принадлежность воспитанія и поглощаетъ значительную часть учебного времени. Введеніе ремеслъ (башмачнаго) въ нѣкоторыхъ училищахъ приноситъ большую пользу; дѣти занимаютъ ими очень охотно и усваиваютъ скоро, такъ что дѣвочки, занимавшіяся въ теченіе учебного года 2—3 класса въ недѣлю, могли шить себѣ простыя башмаки, безъ посторонней помощи. Отчетъ выражаетъ также желаніе, чтобы распространилось обученіе пѣнію и введены были дѣтскія прогулки, хотя бы только со старшими классами, во время которыхъ учитель могъ бы знакомить дѣтей съ природою. Относительно системы наградъ въ училищахъ приняты прежніе приемы, состоящіе въ раздачѣ похвальныхъ листовъ и книгъ послѣ экзамена, для чего въ настоящемъ году почти каждое училище праздновало свой актъ въ присутствіи родителей. Для исправленія учениковъ употребляются больше мѣры нравственнаго вліянія, такъ что въ двухъ женскихъ училищахъ игнаны всѣ роды наказаній, кромѣ простыхъ замѣчаній и выговоровъ.

Всѣхъ учащихся въ городскихъ народныхъ училищахъ было 742 мальчика и 371 дѣвочка, всего 1.113 дѣтей. Если же исключить изъ этого числа 350 дѣтей, выбывшихъ въ теченіе года, и взять среднюю цифру дѣйствительно носившихъ классы, то дѣйствительное наличное число учащихся въ теченіе учебного года будетъ только 866, изъ коихъ 419 мальчиковъ и 237 дѣвочекъ. Такимъ образомъ число вышедшихъ изъ школы прежде оконченія годичнаго курса состав-

иметь 31%; въ томъ числѣ въ трехъ училищахъ отъ 53 до 55%, а число наличныхъ учениковъ, посѣщавшихъ школы, только 59%. Попятно, какія неодолимыя затрудненія встрѣчаются и въ какое грустное положеніе становится педагогъ, когда его ученики берутся отъ него, лишь только онъ начинаетъ возбуждать и направлять ихъ умственныя силы къ усвоенію преподаваемаго предмета, и какія грустныя послѣдствія происходятъ для учениковъ, когда съ такими неокрѣпшими познаніями оканчивается ихъ воспитаніе, дѣлая чрезъ то даже бесполезнымъ время, проведенное въ школѣ; причины столь неутѣшительнаго положенія вещей частію заключаются въ самомъ устройствѣ школъ, частію зависятъ отъ родителей. Недостатокъ школъ заключается въ томъ, что нѣтъ определенной нормы числа учениковъ соотвѣтственно числу преподавателей и помѣщенію классныхъ комнатъ (въ одномъ училищѣ, при 2-хъ учителяхъ, обучается 177 мальчиковъ); отъ того родители толпами берутъ дѣтей изъ училища и часто отдаютъ ихъ доучиваться какому-нибудь полуграмотному дьячку или солдату, а между учениками и учителями нѣтъ нравственной связи, которая устанавливается только постояннымъ посѣщеніемъ школы, что въ свою очередь служитъ мѣриломъ благосостоянія школы и педагогическихъ способностей учителя. Съ другой стороны, невѣжество и бѣдность родителей служатъ важнымъ препятствіемъ къ образованію дѣтей: изъ всѣхъ учащихся въ городскіяхъ училищахъ только 10—15% принадлежать въ купеческому и чиновничьему сословію; затѣмъ остальные 85—90% принадлежать къ бѣдному, рабочему классу мѣщанъ, цѣховыхъ, солдатъ и сельскихъ сословій.

Въ числѣ пособій для Саратовскихъ городскихъ училищъ первое мѣсто занимаетъ центральная бібліотека для городскихъ начальныхъ училищъ, учрежденная въ 1869 году и находящаяся при Срѣтенскомъ городскомъ училищѣ. Она состояла изъ 407 томовъ и 239 названій. Книги назначены частію для чтенія преподавателей, частію для дѣтей; въ числѣ ихъ имѣется нѣсколько педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ, и ежегодно выписываются новыя книги. Изъ отчета по бібліотекѣ видно, что въ теченіе года требовались преимущественно книги по естествознанію и историческаго содержанія. Кроме того, каждое училище имѣетъ свою небольшую училищную бібліотеку и снабжено учебниками для бесплатнаго пользованія дѣтей бѣдныхъ родителей, не имѣющихъ средствъ пріобрѣтать ихъ за деньги. Всѣхъ учебниковъ было въ училищахъ 522 экземпляра и въ бібліотекахъ ихъ — книгъ 462 названія. Особенно хорошо снабжены муж-

скія училища. Не сожалѣнію, большой недостатокъ чувствуется въ пособіяхъ для нагляднаго обученія: Помѣщенія училищъ удовлетворительны. Средства, отпускаемыя городомъ на учебныя пособія, достаточны; кромѣ того, нѣкоторые училища пользуются частными пожертвованіями и пособіями отъ попечителей. Ограниченіе всѣхъ средства единовѣрсельскаго училища; но особенность условій этого учрежденія не позволяла совѣту составить о немъ правильное понятіе и заставляеть ограничиваться лишь выраженіемъ необходимости въ выборѣ для него попечителей, могущихъ слѣдить за устраненіемъ какъ педагогическихъ, такъ и матеріальныхъ недостатковъ. Изъ женскихъ городскихъ школъ двуклассная, имѣющая въ старшемъ классѣ только 12 ученицъ, идетъ не совсѣмъ удовлетворительно и нуждается въ преобразованіи, возможномъ только съ принятіемъ этой школы въ полное замѣднваніе училищнаго совѣта; а Крестовоздвиженская занимаетъ помѣщеніе мужскаго училища въ послѣобѣденное время, отчего въ короткіе осенніе и зимніе дни преподаватели лишаются возможности заниматься полное опредѣленное число учебныхъ часовъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ занятія идутъ только по 2—3 часа въ день, а между тѣмъ, принимая во вниманіе число ученицъ этого училища, дошедшее до 78; тогда какъ въ прошломъ году ихъ было 50, можно думать, что число это возвысится до полной нормы прочихъ училищъ, т.е. до 100, такъ что отыроется необходимость въ особомъ помѣщеніи для этого училища. Требуются также помощники учителямъ Крестовоздвиженской мужской и Митрофаневской женской школъ, гдѣ на 100 и болѣе учащихся имѣется только по одному преподавателю.

Въ заключеніе отдѣла о состояніи общественныхъ городскихъ Саратовскихъ училищъ отчетъ высказываетъ, что хотя вообще устройство и содержаніе этихъ училищъ можетъ назваться удовлетворительнымъ, но очевидно, что для города съ 80.000 жителей 8 школъ болѣе, чѣмъ недостаточно, что видно, между прочимъ, и изъ того, что многимъ родителямъ, просящимъ объ опредѣленіи дѣтей ихъ въ школы приходится отказывать. Отчетъ признаеть необходимымъ открыть два новыхъ училища, одно мужское и одно женское, о чемъ совѣтъ и обратился съ ходатайствомъ къ городскому обществу. Училищный совѣтъ признаеть также важнымъ пособіемъ для усиленія средствъ городского народнаго образованія учрежденіе воскресныхъ школъ, по крайней мѣрѣ при одномъ изъ городскихъ училищъ. По этому предмету совѣтъ ведетъ переписку съ инспекторомъ народныхъ училищъ.

Изъ частныхъ городскихъ училищъ училищному совѣту извѣстны четыре: учрежденные братствомъ св. Креста учебно-заработный домъ и училище сельскихъ наставницъ, и частными благотворителями: училище св. Хрисанеа и „Муравейникъ“ при фабрикѣ г. Анисимова. Изъ этихъ послѣднихъ „Муравейникъ“, по словамъ его учредителя, долженъ въ скоромъ времени закрыться. Объ учебно-заработномъ домѣ сообщаются свѣдѣнія вслѣдъ за симъ; о прочихъ двухъ училищахъ будетъ сказано подъ рубрикою „Женскія училища“. Наконецъ о состояніи сельскихъ школъ Саратовскаго уѣзда будетъ сообщено, когда появится въ печати окончаніе отчета Саратовскаго уѣзднаго училищнаго совѣта.

Совѣтъ Саратовскаго православнаго братства св. Креста учредилъ въ Саратовѣ учебно-заработный дѣтскій домъ, имѣя въ виду дать сиротамъ, нищенствующимъ и безпріютнымъ дѣтямъ пріютъ и содержаніе, и обучать ихъ, какъ предметамъ, положеннымъ для начальныхъ народныхъ училищъ, такъ и ремесламъ, которыя дали бы этимъ дѣтямъ возможность зарабатывать въ послѣдствіи средства къ жизни. Первоначально совѣтъ содержалъ 20 воспитанниковъ, въ 1870 году число это удвоилъ, а съ начала нынѣшняго года увеличилъ его еще 10-ю воспитанниками, такъ что въ настоящее время всѣхъ воспитанниковъ учебно-заработнаго дома обоюго пола 50. Въ теченіе истекшаго года дѣти эти были раздѣлены на два отдѣленія: въ старшемъ обучались элементарнымъ предметамъ и закону Божію преимущественно дѣти пріема 1869 года, въ младшемъ вновь приняты въ отчетномъ году. Въ первомъ отдѣленіи почти всѣ воспитанники и воспитанницы выучились читать въ достаточной степени бѣгло и толково, успѣхи въ чистописаніи сдѣланы были удовлетворительные; изъ элементарныхъ предметовъ пройдено: а) по *грамматикѣ*—понятія о предложеніяхъ и главныхъ частяхъ ихъ, краткій этимологическій разборъ прочитаннаго и написаннаго дѣтьми; подъ диктовку начали писать болѣе или менѣе правильно, съ замѣтнымъ сознательнымъ наблюденіемъ сообщенныхъ имъ начальныхъ правилъ орфографіи; б) по *арифметикѣ*—первыя четыре правила надъ цѣлыми числами, съ рѣшеніемъ относящихся сюда задачъ; притомъ воспитанники и воспитанницы упражнялись въ выкладкѣ на счетахъ, въ чемъ достигли весьма удовлетворительныхъ успѣховъ; затѣмъ имъ сообщены общія понятія о дробяхъ; в) по *географіи*—общія космографическія понятія; г) по *исторіи*—разказы о началѣ Руси и о первыхъ русскихъ князьяхъ; д) изъ *свѣтлой исторіи* разказано съ начала до эпохи

всѣмѣрнаго потопа, кромѣ того объяснялись воскресныя, и праздничныя евангелія; е) по предмету *пѣнія* дѣти разучили четырехголосную обѣдню. Изъ ремесль обучались сапожному и башмачному, а дѣвочки преимущественно шитью и вязанью (*Саратов. Губ. Вѣд.* №№ 103 и 104).

— Изъ с. Колѣна пишутъ въ *Саратовскій Справочный листокъ* (№ 108) о народномъ праздникѣ, состоявшемся по поводу пожалованія Государынею Цесаревною мѣстному народному училищу портрета Ея Высочества. Праздникъ этотъ возбудилъ радостное чувство въ окрестныхъ жителяхъ, собравшихся въ село въ огромномъ количествѣ. Въ этомъ училищѣ обучается 70 воспитанниковъ и только недостатокъ мѣста заставляеть отказывать желающимъ поступить въ училище сверхъ означеннаго числа.

— Изъ отчета о начальныхъ народныхъ училищахъ *Пензенской губерніи* за 1870 годъ, представленнаго въ извлеченіи въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 160), между прочимъ видно, что къ 1-му января 1870 года училищъ этихъ, состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, было 230. Изъ нихъ мужскихъ 202, женскихъ 8 и училищъ, въ которыхъ обучались дѣти обоего пола, 20. Всѣ училища одноклассныя. Въ 1870 году вновь открыто 11 училищъ; закрыто, по неимѣнію средствъ къ содержанию и исправнаго помѣщенія, 36. Слѣдовательно, къ 1-му января 1871 года должно бы быть всего училищъ 205, но въ числѣ ихъ, по отчету Городищенскаго училищнаго совѣта значатся 3 школы, которыя не принадлежать къ разряду народныхъ училищъ, такъ какъ въ нихъ обучаютъ только чтенію и письму и не преподають прочихъ предметовъ, назначенныхъ въ статьѣ 3-й положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, и потому къ 1-му января 1871 года училищъ состоитъ 208. Въ томъ числѣ мужскихъ 178, женскихъ 7 и для обоего пола 17. Неурожаи хлѣба предшествовавшихъ годовъ были причиною того, что многія сельскія общества были вынуждены отвезать въ отпускѣ суммъ на содержаніе прежде учрежденныхъ ими училищъ.

Учащихся въ народныхъ училищахъ къ 1-му января 1870 года было 7.149; въ томъ числѣ мальчиковъ 6.828, дѣвочекъ 326; а къ 1-му января 1871 г. было 7.689, именно: мальчиковъ 7.368 и дѣвочекъ 321. Слѣдовательно, общее число учащихся въ 1870 году увеличилось на 540 человекъ. Общее число учащихся за 1870 годъ относится къ числу жителей обоего пола какъ 1 къ 146; число учащихся мужскаго пола къ мужскому населенію губерніи — 1 : 74;

женскаго пола къ женскому населенію какъ 1 въ 1.779. Въ частности, общее число учащихся въ городскихъ училищахъ относится къ городскому населенію какъ 1:54; число учащихся мальчиковъ въ городскихъ училищахъ къ мужскому населенію городовъ какъ 1:184. Общее число учащихся въ сельскихъ училищахъ къ сельскому населенію относится какъ 1:164; число учащихся мальчиковъ въ сельскихъ училищахъ относится къ мужскому сельскому населенію какъ 1:82; учащихся дѣвочекъ въ сельскихъ училищахъ, къ женскому сельскому населенію какъ 1:4.118. Хотя по положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ особнякъ женскихъ училищъ, дозволяется приемъ дѣвочекъ въ существующія мужскія училища, но тѣснота и самое расположеніе училищныхъ помѣщеній препятствуютъ тому, чтобы въ мужскія училища могли быть принимаемы дѣвочки. При выборѣ и устройствѣ училищныхъ помѣщеній, учредители и общества не имѣютъ еще въ виду тѣхъ условій, которыя необходимы для учебнаго заведенія, особенно со смѣною дѣвочекъ.

Изъ 10-и городовъ Пензенской губерніи 8 отпускаютъ изъ своихъ доходовъ содержаніе учебнымъ заведеніямъ; Керенское городское общество ничего не даетъ на содержаніе училища и въ Керенскѣ существуетъ только одно училище, открытое по распоряженію бывшей палаты государственныхъ имуществъ, которое и нынѣ содержится на сборъ съ крестьянъ, по приговору общества. Точно также не видно изъ отчета Нижне-Ломовскаго училищнаго совѣта, чтобы въ содержаніи городского училища участвовало Нижне-Ломовское городское общество. Изъ сельскихъ училищъ 62 содержались сельскими обществами, 29 училищъ получали содержаніе отъ общества, съ пособіемъ отъ земства, 45 содержались земствомъ, 5—частными лицами, 7—общественными и частными лицами, 1—земствомъ и частнымъ лицомъ, 36 или получали неопредѣленное содержаніе, или не имѣли средствъ къ содержанію. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ земство принимаетъ участіе съ содержаніемъ шкولъ, онѣ содержатся гораздо лучше и учебная часть въ нихъ болѣе удовлетворительна, потому что есть возможность въ такія училища опредѣлять болѣе способныхъ и подготовленныхъ учителей; тамъ и учащихся больше, потому что такія училища приобретаютъ довѣріе мѣстныхъ жителей.

Земство Пензенской губерніи употребило въ 1870 году всего на начальные народныя училища 12.540 руб. 74 коп. Изъ этой суммы большая часть израсходована Нижне-Ломовскимъ, Краснослободскимъ

и Невзвинскимъ уѣздными земствами, именно: Пензенское уѣздное земство выдало въ пособіе на содержаніе сельскихъ училищъ 1.657 руб. 55 коп.; Краснослободское содержало почти всѣ училища въ уѣздѣ и выдавало пособіе двумъ городскимъ училищамъ на увеличеніе жалованья преподавателямъ, употребивъ на все 4.860 руб. Нижне-Ломовское земство вполнѣ содержало городскія и сельскія училища уѣзда и назначило на 1870 годъ 5.140 руб., изъ которыхъ собственно на начальныя училища употреблено 4.340 руб. Мокшанское земство хотя и назначило въ 1870 году въ пособіе на содержаніе 9-и сельскихъ школъ 495 руб., но не выдало ихъ, за непоступленіемъ земскихъ сборовъ, какъ объяснилъ уѣздный училищный совѣтъ. Для многихъ изъ городскихъ и сельскихъ училищъ значительную поддержку оказываютъ почетные блюстители, попечители и попечительницы училищъ, избираемые обществами, для завѣдыванія училищами. Они заботятся объ устраненіи нуждъ завѣдываемыхъ ими училищъ и дѣлаютъ пожертвованія классными принадлежностями, учебными пособиями и деньгами. Духовенство Пензенской губерніи съ своей стороны оказываетъ готовность къ распространенію грамотности въ народѣ. Не рѣдко случается, что священники употребляютъ свои средства на снабженіе учебными принадлежностями учрежденныхъ ими училищъ, и хотя исполненіе прямыхъ обязанностей по приходу препятствуетъ духовенству принять большее участіе въ народномъ образованіи, однакожь, по засвидѣтельствованію мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ, многіе преподаватели изъ священно-служителей исполняютъ свои обязанности съ должнымъ усердіемъ и въ нѣкоторыхъ сельскихъ училищахъ они обучаютъ безвозмездно.

— Въ *Голосъ* (№№ 111 и 171) помѣщены слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ народнаго образованія въ Алексинскомъ уѣздѣ, *Тульской губерніи*. Для наблюденія за ходомъ обученія въ здѣшнихъ училищахъ, мѣстный училищный совѣтъ распредѣлилъ всѣ училища уѣзда, коихъ 27, между членами совѣта, въ числѣ которыхъ находятся два гласныхъ отъ земства. Каждый изъ этихъ членовъ обязанъ посѣтить школы своего участка ежегодно не менѣе одного раза, что впрочемъ не всегда исполняется. Для поощренія учителей земство отпускаетъ извѣстную сумму на награды, но нерѣдко приходится слышать жалобы, что награждались, помимо другихъ, наставники училищъ или вовсе не существовавшихъ, или закрытыхъ уже, или что наградныя деньги не выдавались награжденнымъ по полугоду. Состояніе начальныхъ школъ Алексинскаго уѣзда, какъ по числу учащихся, такъ

и по успѣхности самаго обученія, весьма неудовлетворительно. Изъ отчета училищнаго совѣта за прошлый годъ видно, что въ 20-и школахъ учащихся было 479, при успѣхахъ, не удовлетворяющихъ самимъ снисходительнымъ требованіямъ. Такъ, по словамъ отчета, въ чтеніи вѣрность и вообще выразительность встрѣчаются рѣдко, при чемъ даже въ училищахъ, гдѣ наставники отличаются способностями и усердіемъ, только не многіе ученики въ состояніи объяснить прочитанное или ввученное. Письмо достигается также медленно и трудно. Арифметика проходитъ вообще неудовлетворительно, и въ весьма немногихъ училищахъ старшіе ученики могутъ разрѣшать легкія задачи; въ большинствѣ же случаевъ ими вовсе не усвоены смыслъ арифметическихъ дѣйствій. Чтобы улучшить состояніе школъ, училищный совѣтъ призналъ необходимымъ пересоздать ихъ, расширивъ объемъ школьнаго преподаванія и установивъ обученіе на новыхъ, болѣе рациональныхъ, по мнѣнію совѣта, началахъ. Съ этою цѣлью выработано и отпечатано „Наставленіе учителямъ начальныхъ народныхъ школъ Алексинскаго уѣзда“. Сущность этого „Наставленія“ заключается въ слѣдующемъ:

Курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ предположенъ трехлѣтній. Классы могутъ быть подраздѣляемы на отдѣленія. Ученіе начинается 1-го октября и оканчивается съ началомъ весеннихъ работъ. Учебныхъ часовъ полагается ежедневно 6, а во весь учебный годъ не болѣе 800. Въ виду краткости учебнаго времени, наставникъ долженъ точно опредѣлить число учебныхъ часовъ, подробно по каждому предмету, соображаясь съ его объемомъ, и составить еженедѣльное расписаніе, вывѣшиваемое въ классѣ. Нормальный возрастъ для поступленія въ школу 10 лѣтъ; но въ видѣ исключенія, во вниманіе къ какимъ-нибудь особо-уважительнымъ обстоятельствамъ, въ школу могутъ быть допущены ученики и другихъ возрастовъ. Въ классѣ должна быть книга, въ которую вносятся имена, фамиліи, званіе и лѣта учениковъ, цѣ мѣрѣ ихъ поступленія, и отмѣчаются пропускаемые ими уроки. По окончаніи учебнаго періода, книга эта представляется въ совѣтъ. Въ составъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ народныхъ училищахъ, входятъ: изученіе главныхъ и необходимыхъ молитвъ и объясненіе ихъ; важнѣйшіе факты изъ св. исторіи ветхаго заветъа и исторія земной жизни Спасителя въ связи съ годовыми праздниками; при этомъ читаются по славянски и объясняются относящіяся къ изучаемымъ событіямъ главы изъ евангелиста Матвея. Обученіе чтенію производится въ самыхъ разнообразныхъ видахъ

собственно чтеніе, упражненія по книгѣ Ушинскаго, чтеніе рукописнаго, славянское чтеніе и наконецъ чтеніе про себя. При чтеніи обращается главное вниманіе на пониманіе дѣтми прочитаннаго и умѣнье передавать своими словами, разказывая не отрывочными предложеніями, а связно и толково, возможно-правильною рѣчью. Обученіе письму также распадается на нѣсколько видовъ: скоропись, чистописаніе, диктовка и списываніе съ книги. При этомъ требуется, чтобъ ученики писали чисто и четко, умѣли изложить на бумагѣ своими словами небольшой разказъ учителя или прочитанное въ книгѣ, не дѣлая грубыхъ ошибокъ. Обученіе счету должно обнимать четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами, на столько, чтобъ ученики могли рѣшать умственные и письменныя задачи по счисленію и по всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ; изучаются также мѣры времени, вѣса длины, денегъ и счисленіе на счетахъ. Далѣе преподается черченіе плановъ: ученики должны имѣть понятіе о разнаго рода линіяхъ и углахъ, о простыхъ геометрическихъ фигурахъ, умѣть провѣховать и вымѣрять цѣлью пройденную въ натурѣ линію, нанести на планъ измѣренную такимъ образомъ небольшую мѣстность: дворъ, огородъ, строеніе, и умѣть разбирать принятые для изображенія на планѣ и географическихъ картахъ знаки. Наконецъ, послѣдній предметъ школьной программы — знакомство съ окружающею природою. Здѣсь познанія учениковъ обогащаются понятіями о земномъ шарѣ, о свѣтилахъ, о человѣкѣ, о тѣлахъ и царствахъ природы и о болѣе обыкновенныхъ изъ атмосферическихкихъ явленій: дождѣ, росѣ, громѣ, молніи, вѣтрѣ и проч. По общему плану, элементарное обученіе чтенію и письму слѣдуетъ идти одновременно и по звуковой методѣ; къ дальнѣйшему же преподаванію должны прилагаться приемы, выработанныя современною педагогикою. Руководствами служатъ исключительно учебники Ушинскаго, барона Корфа, Паульсона и Зобова. Кромѣ этихъ, никакіе другіе не допускаются. Все ученіе происходитъ въ классѣ и не иначе, какъ со словъ учителя. Ученіе уроковъ на дому, по книгѣ, не допускается. Самостоятельныя занятія учениковъ происходятъ также въ школѣ, въ то время, когда учитель занятъ въ другомъ классѣ. Дома ученики могутъ, по желанію, читать книги, писать небольшія сочиненія и т. п. Объемъ преподаваемаго предмета всегда долженъ быть соразмѣренъ съ возрастомъ и силами учащихся, при чемъ въ преподаваніи вообще должно идти отъ легкаго къ трудному, отъ простаго къ сложному, отъ частей къ цѣлому, не переходя къ послѣдующему прежде, чѣмъ будетъ хорошо усвоено предыдущее. Повтореніе, какъ возобновленіе

въ памяти прежде выученнаго, должно быть принято за основное правило для успѣшности ученія въ школѣ, а потому въ началѣ каждаго урока учитель употребляетъ нѣсколько времени на краткое повтореніе прежде пройденнаго. Чтобъ убѣдиться въ пониманіи дѣтьми разказаннаго, учитель задаетъ придуманные заранѣ вопросы, которые должны предлагаться въ ясно и просто изложенной формѣ; отвѣчать ученики также должны ясно, громко, полными, связными предложеніями, выражающими мысль точно и опредѣленно. Относительно дисциплины „Наставленіе“ требуетъ изгнанія тѣлеснаго наказанія и вообще всего, что можетъ запугивать дѣтей: суровости, брани, грубыхъ выраженій. Всѣ наказанія сводятся къ выговору, изъясненію неудовольствія, или наконецъ, лишенію урока. Впрочемъ „Наставленіе“ не видитъ необходимости въ наказаніяхъ вообще, потому что, по словамъ его, строгое исполненіе учителемъ своихъ обязанностей, неуклонное соблюденіе имъ введеннаго порядка, при требованіи того же отъ дѣтей, лучше всѣхъ наказаній можетъ водворить въ школѣ должную дисциплину и стройность. Въ концѣ каждаго учебнаго года, а затѣмъ по окончаніи всего курса, ученикамъ производится испытаніе въ присутствіи попечителя, мѣстнаго священника, волостнаго старшины и родителей. Окончившимъ курсъ выдаются свидѣтельства за подписью попечителя и наставника, съ обозначеніемъ успѣховъ ученика по каждому изъ преподаваемыхъ предметовъ, а равно о поведеніи и прилежаніи.

Школы Алексинскаго уѣзда недостаточно обезпечены со стороны мѣстныхъ обществъ и земства въ матеріальномъ отношеніи. Изъ 20-и начальныхъ школъ въ истекшемъ году только въ 10-и назначено мѣстными обществами жалованье учителямъ въ размѣрѣ отъ 25 до 80 руб. въ годъ; затѣмъ 8 училищъ содержались самими учителями, безъ всякаго пособія, и трудъ ихъ поощрялся только наградами отъ земства, не имѣющими въ себѣ ничего опредѣленнаго. На нынѣшній годъ земство ассигновало на народное образованіе 2.800 руб. и 500 руб. на устройство лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ. Кромѣ того, признавая необходимымъ имѣть на весь уѣздъ хотя одно училище, въ которомъ, при опытномъ преподавателѣ, молодые люди, поступающіе въ наставники, могли бы всегда ознакомиться съ практическими приемами при употребленіи лучшихъ методовъ, и находя, что удобнѣйшій пунктъ для такого образцоваго училища есть городъ, собраніе назначило на улучшеніе городскихъ начальныхъ училищъ 625 руб., что вмѣстѣ съ получаемыми отъ города и почетныхъ блю-

стителей деньгами, составить на два училища 1.150 руб. Педагогическіе курсы открыты 5-го іюня подъ руководствомъ г. Малинина, участвовавшего на прошлогоднихъ педагогическихъ курсахъ въ Богородицѣ. На курсахъ присутствуетъ до 20-и сельскихъ учителей, большею частію изъ студентовъ духовныхъ семинарій; остальную незначительную долю составляютъ священники и діаконы, занимающіеся преподаваніемъ въ народныхъ школахъ. Всѣ они содержатся на счетъ училищныхъ суммъ, при чемъ содержаніе каждаго слушателя, во весь полтора-мѣсячный періодъ педагогическихъ чтеній, обойдется въ 20 слишкомъ рублей. Общая же цифра расхода на педагогическіе курсы, включая сюда 500 руб. вознагражденія руководителю, будетъ простираться приблизительно до 1.000 руб. Программа педагогическихъ занятій состоитъ въ теоретическихъ чтеніяхъ по педагогій и въ ознакомленія съ практическими приѣмами при обученіи предметамъ школьнаго курса. Къ числу этихъ предметовъ, по особому взгляду руководителя курсовъ, отнесено пѣніе, которому придается важное значеніе и посвящается много времени.

— Въ *Курской* губерніи всѣхъ народныхъ училищъ въ 1869 году было, по показанію мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей* (№№ 6 и 8), 196; учителей въ нихъ состояло 206 и особыхъ законоучителей 38. По уѣздамъ, училища распредѣлялись такъ: въ Курскомъ 8, Фатежскомъ 29, Дмитріевскомъ 1, Львовскомъ 3, Рыльскомъ 12, Путивльскомъ 8, Суджанскомъ 6, Грайворонскомъ 19, Обоянскомъ 16, Бѣлгородскомъ 14, Корочанскомъ 20, Новооскольскомъ 14, Старооскольскомъ 22, Тимскомъ 4 и Щигровскомъ 20. Жалованья учителя получали отъ 20 до 160 руб. въ годъ. Обоянскій училищный совѣтъ особенно заботился о томъ, чтобъ имѣть хорошихъ наставниковъ для сельскихъ училищъ. Съ этою цѣлію, онъ, стараніемъ предсѣдателя своего, возвысилъ окладъ годового жалованья наставникамъ сначала до 150, а потомъ до 200 руб. изъ суммъ Обоянскаго земства. Мѣра эта оказалась дѣйствительною. Во всѣ училища, коихъ теперь 18, вмѣсто прежнихъ недоучекъ, явились на наставническія мѣста лица достойныя и примѣрной нравственности, достаточно ознакомленныя съ правилами и приѣмами современной педагогій. Теперь въ народныхъ училищахъ Обоянскаго уѣзда обучается до 800 дѣтей обоюго пола, и успѣхи ихъ удовлетворительны. Дѣти читаютъ и пишутъ хорошо, къ умственному ариметическому счисленію и къ выкладкамъ на счетахъ приучены, священную исторію разказываютъ внятно и со смысломъ.

— Изъ Мосальска, *Калужской губернии*, пишутъ въ *Русскія Вѣдомости* (№ 49), что мѣстныя мужскія училища—приходское и уѣздное — даютъ удовлетворительные результаты. Мосальское общество, во вниманіе къ усердію и полезной дѣятельности гг. учителей, назначило всѣмъ имъ добавочное жалованье; учителю же приготовительнаго класса, кромѣ того, опредѣлило въ награду 75 руб. Въ приходскомъ училищѣ дѣти не сидятъ по четыре года, подобно учащимся въ сосѣднемъ городѣ Серпейскѣ, и обучаются въ немъ для поступления въ уѣздное училище, а не такъ, чтобы, читая, не понимать прочитаннаго или не умѣть сложить какого-нибудь слова. Напротивъ, они читаютъ осмысленно, довольно бѣгло и настолько правильно, на сколько можно этого требовать отъ 6—7-лѣтнихъ мальчиковъ, просидѣвшихъ за двумя книгами Ушинскаго не болѣе полутора года. Сочувствуя дѣлу образованія, мосальскій городской голова В. А. Коростелевъ оказываетъ дѣтямъ бѣдныхъ мѣщанъ всевозможное содѣйствіе къ тому, чтобъ они посѣщали училище аккуратно, не пропускали ни одного учебнаго дня; для этого онъ выдаетъ имъ, изъ запасныхъ общественныхъ суммъ, необходимое вспомошествованіе на одежду и обувь, по неизмѣннѣю которыхъ многимъ ученикамъ пришлось бы, въ зимнее и осеннее время, цѣлые дни просиживать дома въ праздности, или за какою-нибудь пустою домашнею работою.

— Въ *Воронежскомъ Телеграфѣ* (№ 46) сообщаютъ, что 20-го іюня сего года кончился первый учебный годъ въ Нечаевской школѣ, открытой, какъ мы сообщали (март. кн. Совр. Лѣт. стр. 89), въ сентябрѣ прошлаго года, съ цѣлю сообщить умственное развитіе и дать религіозно-нравственное и научно-ремесленное образованіе дѣтямъ преимущественно бѣднаго класса населенія гор. Воронежа. Въ школѣ обучалось до 70 дѣтей, и было много кандидатовъ, которымъ пришлось отказать за недостаткомъ мѣста. Учащіеся были раздѣлены по познаніямъ на два курса — старшій и младшій. На произведенномъ испытаніи результаты ученія оказались удовлетворительными. Дѣти читали свободно, а нѣкоторые даже бойко; прочитанное разказывали толково своими словами и объясняли значеніе нѣкоторыхъ словъ; разказывали вкратцѣ нѣкоторыя событія изъ русской и священной исторіи, объясняли значеніе годовыхъ праздниковъ; наконецъ обнаружили замѣтное умственное развитіе по ариметикѣ. Попечитель школы И. Я. Нечаевъ не ограничивается однимъ наблюденіемъ за развитіемъ школы и ходомъ учебной части; онъ обратилъ вниманіе и на бѣд-

ность дѣтей, и ко дню раздачи награды приготовить бѣднѣйшимъ и болѣе успѣвшимъ въ ученіи парное платье и обувь. Съ наступающаго учебнаго года при школѣ предполагается открыть ремесленный классъ, на устройство котораго имѣется довольно значительная сумма. На первый разъ предполагено завести столярное и переплетное мастерства и иконописаніе.

По извѣстію, сообщаемому *Правительств. Вѣстникомъ* (№ 104), Задонское уѣздное, Воронежской губерніи, собраніе постановило сверхъ прежняго смѣтнаго расхода на содержаніе сельскихъ училищъ (въ прошломъ году въ уѣздную смѣту на народное образованіе внесено было 2.630 руб.) вносить ежегодно, начиная съ настоящаго года, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, по 2.000 руб. на образованіе училищнаго капитала, съ тѣмъ чтобы проценты съ этого капитала употреблялись на содержаніе училищъ, при чемъ смѣта прежняго расхода на этотъ предметъ должна уменьшаться соответственно количеству получаемыхъ изъ капитала процентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено уѣздной управѣ ассигнованные въ настоящемъ году на образованіе училищнаго капитала 2.000 руб. помѣстить въ какомъ-либо кредитномъ обществѣ, или же купить на эту сумму процентныхъ бумагъ.

— Въ *Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 8) находимъ свѣдѣніе о школахъ въ с. Троицкомъ Юртѣ, Новохоперскаго уѣзда. Въ этомъ селѣ находится три школы со 150 учащимися мальчиками и 15 дѣвочками. Одна изъ школъ существуетъ около 25-и лѣтъ; двѣ другія открыты въ 1867 и 1868 году. Учителями въ нихъ состоятъ окончившіе курсъ одинъ въ духовной семинаріи, другой въ педагогическихъ курсахъ при гимназій, и третій выпущенный изъ средняго отдѣленія семинаріи. Обученіе идетъ хорошо. Школы посѣщаютъ дѣти и зажиточныхъ и бѣдныхъ крестьянъ. Кромѣ того, даже молокане, живущіе въ селѣ, охотно посылаютъ въ школы своихъ дѣтей, будучи вполне увѣрены, что ихъ ничему дурному не научатъ, и не пренебрегая чтеніемъ по гражданской печати. Бываютъ случаи, что молокане, приводя дѣтей своихъ въ школу, приносятъ съ собою и азбуку церковной печати и просятъ, чтобы учитель училъ по церковной, а не по гражданской азбукѣ. Когда же учитель начнетъ увѣрять ихъ, что дѣтя скорѣе и легче выучится по гражданской печати, чѣмъ по церковной, то молокане вѣрятъ учителю и соглашаются съ нимъ, въ той увѣренности, что правительство назначаетъ учителей съ разборомъ. Въ томъ же селѣ, равно какъ и въ другихъ, занимаются также обученіемъ грамотѣ „чернички“ и обучаютъ чтенію непременно

но церковной печати, а письму печатными буквами. За труды берутъ и деньгами, и мукою, и вообще чѣмъ уговорятся.

— По смѣтѣ губернскихъ земскихъ расходовъ *Полтавской* губерніи на дѣло народнаго образованія въ 1870 году внесены слѣдующія суммы: 1) въ пособіе Полтавскому Маріинскому земскому училищу перваго разряда 2.000 руб.; 2) въ пособіе уѣзднымъ земствамъ на учрежденіе женскихъ училищъ по 200 руб. каждому уѣзду, за исключеніемъ Полтавскаго, итого 14-и уѣздамъ 2.800 руб.; 3) на содержаніе въ училищахъ четырехъ воспитанниковъ и одной воспитанницы, а также одной воспитанницы въ Полтавскомъ дѣтскомъ пріютѣ 765 р.; 4) на выдачу стипендій для приготовленія сельскихъ учителей въ Кременчугскомъ, Пирятинскомъ, Гадячскомъ и Золотоношскомъ уѣздахъ по 333 руб. 32 коп.; 5) въ пособіе Пирятинскому уѣзду на школу въ г. Пирятинѣ 200 руб. и на женскую школу въ Золотоношскомъ уѣздѣ тоже 200 руб. и 6) на канцелярію губернскаго училищнаго совѣта назначается ежегодно по 150 рублей. Всего по губернской смѣтѣ на народное образованіе ассигновано 7.448 руб. 32 коп.

По уѣздамъ на тотъ же предметъ назначены были слѣдующія суммы: 1) Полтавскимъ уѣздомъ на поддержку 23-хъ существующихъ школъ, открытых въ разное время на средства мѣстныхъ обществъ, опредѣлено по смѣтѣ 1.450 руб.; 2) Лохвицкимъ уѣздомъ на средства земства содержится 7 сельскихъ училищъ, переданныхъ изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, на нихъ ежегодно расходуется 1.692 р., въ томъ числѣ на одно училище 423 руб., на три по 249 руб. и на три по 174 руб.; сверхъ того, на содержаніе Лохвицкаго приходскаго училища отпускается по 250 руб. въ годъ и на канцелярію уѣзднаго училищнаго совѣта 150 руб.; весь расходъ по уѣзду 2.092 руб.; 3) Кременчугскимъ уѣздомъ въ пособіе шести переданнымъ изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и семи открытымъ въ 1869 году на суммы земства училищамъ ассигновано въ распоряженіе уѣзднаго училищнаго совѣта 2.838 руб., и особо на выдачу стипендій для образованія сельскихъ учителей назначено по смѣтѣ 3.088 руб.; 4) Зеньковскимъ уѣздомъ въ пособіе 9-и мужскимъ и двумъ женскимъ школамъ отпущено 1.535 руб.; сверхъ того 200 руб. назначено на поддержку тѣхъ собственно школъ, которыя содержатся на средства сельскихъ обществъ, и на содержаніе въ уѣздномъ училищѣ 5-и стипендіатовъ, съ цѣлью приготовленія въ сельскіе учителя, по 85 руб. на каждого, а на всѣхъ 425 руб.; итого Зеньковскимъ уѣздомъ на народное образованіе затрачено въ 1870 г. — 2.160 руб.; 5) Константиноградскимъ

уѣдомъ на подготовленіе учениковъ въ уѣздномъ училищѣ къ поступленію въ педагогическіе классы — 1.000 руб.; 6) Миргородскимъ уѣдомъ въ пособіе школамъ 1.000 руб.; 7) Хорольскимъ уѣдомъ въ смѣту 1870 года никакой суммы на пособіе училищамъ внесено не было, а предоставлены были въ распоряженіе училищнаго совѣта на улучшеніе начальныхъ училищъ въ уѣздѣ остатки суммъ, ассигнованныхъ на этотъ предметъ въ прошлые годы, въ количествѣ 1.111 р. 26 коп.; 8) Переяславскимъ уѣдомъ въ пособіе двумъ училищамъ, открытымъ на суммы земства, отпускается ежегодно по 195 руб. на каждое и особо на учебныя принадлежности по 50 руб., всего 490 руб.; сверхъ того, ассигновано: 1) на содержаніе 14-и стипендіатовъ въ Переяславскомъ уѣздномъ училищѣ—840 руб., 2) на учебныя пособія для нихъ 150 руб. и 3) на награды ученикамъ въ училищахъ 300 руб.; всего же уѣдомъ въ 1870 году назначено 1.780 руб.; 9) Роменскимъ уѣдомъ въ пособіе школамъ, открываемымъ на счетъ сельскихъ обществъ, ежегодно ассигнуется 1.000 руб.; 10) Лубенскимъ уѣдомъ на тотъ же предметъ ежегодно 1.500 руб.; 11) Гадячскимъ уѣдомъ на поддержаніе существующихъ въ уѣздѣ 19-и школъ, изъ которыхъ 14 открыты земствомъ, выдается съ 1869 года по 150 руб. на каждую, что составляетъ на всѣ—2.700 руб.; кромѣ того, на содержаніе канцеляріи училищнаго совѣта отпускается ежегодно 100 руб.; всего по уѣзду расходуется на народное образованіе 2.800 руб.; 12) Пирятинскимъ уѣдомъ на открытую въ г. Пирятинѣ на частныя пожертвованія школу ассигновано, въ добавленіе къ 200 руб., назначеннымъ по губернской смѣтѣ, изъ уѣзднаго сбора 300 руб.; на пособіе остальнымъ школамъ уѣзда — 500 руб., и на канцелярію училищнаго совѣта — 150 руб.; всего этимъ уѣдомъ израсходовано въ прошломъ году 950 руб.; 13) Прилукскимъ уѣдомъ на пособіе школамъ, въ распоряженіе училищнаго совѣта, 1.500 руб.; сумма эта распределяется въ размѣрѣ отъ 20 до 30 руб. на школу, въ помощь мѣстнымъ обществамъ; кромѣ того, на жалованье преподавателямъ въ педагогическихъ классахъ при уѣздномъ училищѣ 300 руб.; на женское училище 300 руб., и на воспитаніе въ уѣздномъ училищѣ трехъ крестьянскихъ сиротъ по 55 руб. на каждого, а на троихъ 165 руб.; всего по уѣзду—2.265 руб.; при содѣйствіи земства открыто въ уѣздѣ 14 школъ; 14) Золотоношскимъ уѣдомъ на поддержку школъ въ уѣздѣ ассигновано по смѣтѣ 3.666 руб., и особо на устройство педагогическихъ классовъ при уѣздномъ училищѣ 300 руб. всего 3.966 руб., и 15) Кобелякскимъ уѣдомъ на школы и училища внесено въ смѣту

1870 года—1.450 руб.; сумма эта распределяется соразмѣрно числу учащихся; кромѣ того, расходуется: 1) въ пособіе женскому училищу 2-го разряда, открытому земствомъ въ 1869 году, 600 рублей; 2) въ пособіе городскому приходскому училищу—150 руб. и 3) на канцелярію училищнаго совѣта ежегодно 25 руб.; всего по уѣзду отпущено 2.225 руб. Общая сумма расходовъ земства на народное образованіе по 15-и уѣздамъ равняется 28.387 руб. 26 коп. Всего же земство Полтавской губерніи израсходовало на этотъ предметъ въ 1870 году 35.835 руб. 58 коп., изъ которыхъ на губернскую смѣту приходится 7.448 руб. 32 коп., и на уѣздныя смѣты 28.387 руб. 26 коп.

— Расходы на народное образованіе по *Харьковской* губерніи *Правительственный Вѣстникъ* (№ 141) исчисляеть слѣдующимъ образомъ: по смѣтѣ губернскихъ расходовъ ассигнуется ежегодно, съ 1868 года, по 3.960 руб., на содержаніе въ педагогическихъ курсахъ при Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ 33-хъ воспитанниковъ, по три отъ каждаго уѣзда, для снабженія учителями сельскихъ училищъ.

Сверхъ того, по уѣздамъ расходуются на народное образованіе слѣдующія суммы: 1) Харьковскимъ уѣздомъ на поддержку школъ ассигнуется ежегодно по 3.000 руб. Изъ этой суммы производится расходъ на содержаніе учрежденныхъ земствомъ въ 1867 году трехъ образцовыхъ сельскихъ школъ, въ размѣрѣ 200 руб. на каждую, и на содержаніе въ нихъ семи стипендіатовъ, по 25 руб. въ годъ на каждаго. Въ уѣздѣ находится 63 народныхъ училища, въ которыхъ учащихся считается 2.433 мальчика и 484 дѣвочки. 2) Ахтырскимъ уѣздомъ въ пособіе школамъ на 1870 годъ ассигновано было 1.400 р., и кромѣ того; расходуется ежегодно 300 руб. на содержаніе 6-и стипендіатовъ въ уѣздномъ училищѣ, для приготовленія сельскихъ учителей. Всего по уѣзду 1.700 руб. Народныхъ школъ въ уѣздѣ 22 и учащихся въ нихъ 1.057 мальчиковъ и 73 дѣвочки. 3) Валковскимъ уѣздомъ на пособіе школамъ отпускалось въ 1869 и 1870 годахъ по 1.000 руб. Училищъ въ уѣздѣ 19, обучается въ нихъ 734 мальчика и 109 дѣвочекъ. 4) Богодуховскимъ уѣздомъ въ пособіе школамъ въ 1870 году ассигновано 1.140 руб. Кромѣ того на женское училище, учрежденное земствомъ въ Богодуховѣ, назначено 1.500 руб., и на три стипендіи въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, по 230 руб. каждая, 750 руб. Всего израсходовано на народное образованіе 3.390 руб. Народныхъ школъ въ уѣздѣ числится 23, учащихся въ нихъ 669, въ томъ числѣ 40 дѣвочекъ. 5) Волчанскимъ уѣздомъ внесены въ смѣту 1870 года слѣдующіе расходы на народное образованіе: 1) на под-

держку школъ 3.750 руб.; 2) на содержаніе въ г. Волчанскѣ женскаго училища 2-го разряда, учрежденнаго въ 1867 году, 1.913 руб.; 3) на содержаніе приготовительнаго класса при уѣздномъ училищѣ 150 руб., и 4) за преподаваніе въ уѣздномъ училищѣ французскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ и естественнѣдѣнія 200 руб. Независимо отъ этого въ 1870 году одновременно ассигновано на покупку книгъ для сельскихъ училищъ 540 руб., и съ 1868 по 1871 годъ содержался при уѣздномъ училищѣ одинъ стипендіатъ, содержаніе котораго обходилось 195 руб. Всего же Волчанскимъ уѣздомъ на народное образованіе въ 1870 году израсходовано было 6.848 руб. Школъ въ уѣздѣ находится 29, учащихся въ нихъ 1.315, въ томъ числѣ 62 дѣвочки.

6) Изюмскимъ уѣздомъ на поддержку народныхъ училищъ въ 1870 г. ассигновано было 6.833 руб. Изюмское очередное земское собраніе сессіи прошлаго года отиѣнило на будущее время расходъ этотъ, по убѣжденію собранія въ *непроизводительности* его, и въ уѣздную смѣту настоящаго года внесено только 1.000 руб. на стипендіи въ педагогическихъ классахъ при гимназіи, для приготовленія сельскихъ учителей. Въ Изюмскомъ уѣздѣ состоитъ 48 народныхъ училищъ, въ которыхъ обучается 1.532 мальчика и 133 дѣвочки.

7) Старобѣльскимъ уѣздомъ на каждую изъ состоящихъ въ уѣздѣ 59-и народныхъ школъ отпускается ежегодно начиная съ 1868 г., по 130 руб., что составляетъ на всѣ 7.670 р. Кроме того, земствомъ учреждена въ 1870 г. въ г. Старобѣльскѣ прогимназія, на содержаніе которой ассигнуется 9.929 руб. Всего же расходъ на народное образованіе въ этомъ уѣздѣ простирался до 17.599 руб. Въ 59-и школахъ уѣзда считается 1.951 учащихся, въ томъ числѣ 78 дѣвочекъ.

8) Сумскимъ уѣздомъ на поддержку школъ съ 1869 года ежегодно ассигнуется 1.000 руб.; въ 1870 году открыта въ городѣ Сумахъ прогимназія, на содержаніе которой земство опредѣлило вносить ежегодно въ уѣздную смѣту 10.500 р. При прогимназіи учреждена одна стипендія въ 120 руб., для бѣднѣйшихъ дѣтей крестьянскаго сословія, и педагогическіе курсы, на которые расходуются 1.000 руб. Всего Сумскимъ уѣздомъ въ 1870 году на народное образованіе ассигновано 12.620 руб. Народныхъ школъ въ уѣздѣ 21, а учащихся въ нихъ 1.609 мальчиковъ и 149 дѣвочекъ.

9) Зміевскимъ уѣздомъ на поддержку состоящихъ въ уѣздѣ 37-и школъ ассигнуется 1.200 руб. Учащихся въ школахъ 1.209 мальчиковъ и 106 дѣвочекъ.

10) Купянскимъ уѣздомъ на пособіе школамъ отпущено въ прошломъ году 2.770 руб. Изъ этой же суммы производятся слѣдующіе расходы: а) на содержаніе 9-и воспитанниковъ въ уѣздномъ

училищѣ, съ цѣлью приготовленія въ сельскіе учителя—680 руб.; б) въ пособіе женскому училищу въ г. Кукуянскѣ—300 руб., и в) на расходы по училищному совѣту 220 руб. Школъ въ уѣздѣ 42, въ нихъ считается 1.818 учениковъ и 176 ученицъ. 11) Лебединскимъ уѣздомъ на дѣло народнаго образованія въ 1870 году отпущено всего 2.520 руб.; въ томъ числѣ на поддержаніе училищъ 1.500 руб. и на содержаніе Лебединскаго женскаго училища 2-го разряда, учрежденнаго земствомъ въ 1868 году, 1.020 рублей. Народныхъ школъ въ уѣздѣ 19, а учащихся въ нихъ 846, въ томъ числѣ 40 дѣвочекъ.

Такимъ образомъ общая сумма расходовъ земства Харьковской губерніи на народное образованіе въ 1870 г. составляетъ—63.440 р., изъ нихъ по губернской смѣтѣ 3.960 руб., и по уѣзднымъ—59.480 руб. Всѣхъ школъ и училищъ въ губерніи состоитъ 382, а учащихся въ нихъ 14.958 мальчиковъ и 1.450 дѣвочекъ, всего же 16.408 учащихся.

Волчанское уѣздное, Харьковской губерніи, земское собраніе, въ майской очередной сессіи нынѣшняго года, обсуждая мѣры къ улучшенію начальныхъ народныхъ училищъ, между прочимъ, постановило: 1) священниковъ, какъ не имѣющихъ достаточно свободнаго времени, къ занятію учительской должности не приглашать, предоставивъ имъ, согласно требованію закона, обязанность законоучителей, съ вознагражденіемъ по 50 руб. въ годъ и съ условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ занимался въ училищѣ не менѣе четырехъ часовъ въ недѣлю; 2) предложить обществамъ, имѣющимъ училища, приглашать учителями окончившихъ курсъ въ среднихъ учебнымъ заведеніяхъ, съ вознагражденіемъ по 200 руб. въ годъ, для чего внести въ смѣту на 1872 годъ 2.600 руб.; 3) предложить обществамъ избрать изъ достойныхъ и грамотныхъ членовъ земства почетныхъ попечителей или попечительницъ, которые бы наблюдали за ходомъ занятій въ училищѣ, содѣйствовали въ присканіи способныхъ учителей и выдавали бы имъ свидѣтельства на право полученія жалованья изъ уѣздной управы; 4) просить членовъ училищнаго совѣта наблюдать за всѣми школами въ уѣздѣ и стараться ввести лучший методъ обученія, и 5) тѣмъ училищамъ, въ которыхъ не будутъ выполняться упомянутыя требованія, не выдавать отъ земства никакого вспомошествованія.

— Черниговской губерніи Глуховское уѣздное земское собраніе опредѣлило: назначить отъ Глуховскаго уѣзда въ Черниговскую учительскую семинарію на первый разъ четырехъ стипендіатовъ, а необходимо на этотъ предметъ сумму 320 руб. и особо на путевыя

издержки стипендіатовъ отнести на внебюджетныя остатки отъ сѣв-ной суммы на народное образованіе. Выборъ стипендіатовъ представитъ уѣздной земской управѣ. (№ 135).

— *Таврическое* губернскае земское собраніе, въ засѣданіи 8-го декабря прошлаго года, внесло въ смѣту губернскаихъ потребностей на народное образованіе на 1871 годъ: 1) 2.000 руб., въ пособіе параллельнымъ классамъ Таврической губернской гимназіи; 2) 1.000 руб., на прибавку жалованья учителямъ русскаго языка въ гимназіи; 3) 670 р. на расширеніе средствъ приготовительнаго класса при гимназіи; 4) 2.000 руб. на сѣзды учителей народныхъ школъ; 5) 850 руб. въ пособіе Симферопольскому женскому училищу, и 6) 1.000 руб. въ пособіе Феодосійской женской гимназіи. (*Тамъ же* № 129).

Днѣпровское, той же губерніи, уѣздное земское собраніе внесло въ смѣту 1871 года на народное образованіе 9.250 руб. Сумма эта распределена такимъ образомъ: собственно на содержаніе народныхъ училищъ 7.000 руб., на учебныя пособія 750 руб., на устройство нѣмецкой школы въ Симферополѣ 400 руб. и на дѣлопроизводство по училищному совѣту 300 руб. (*Тамъ же* № 160).

Мы сообщали въ свое время о замѣчательномъ событіи въ жизни татарскихъ школъ Крымскаго полуострова — введеніи въ нихъ русскаго языка. Извѣстно, съ какою недовѣрчивостью относились Татары къ этому нововведенію и какъ ревниво оберегали мусульманскую народность. Но въ 1869 году, назначенный инспекторомъ народныхъ училищъ А. М. Соичъ, съ помощію двухъ членовъ таврическаго магометанскаго духовнаго правленія, успѣлъ склонить татарское общество и духовенство въ Бахчисараѣ къ допущенію преподаванія русскаго языка въ ихъ медресе. Скоро начали являться къ г. Соичу депутаты татарскихъ обществъ отъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ, съ приговорами по сему предмету, и дѣло приняло быстрый ходъ. Препятствіе встрѣтилось только въ совершенной неспособности къ школьнымъ потребностямъ помѣщенія татарскихъ школъ; но и оно было устранено постройкою двухъ удобныхъ зданій для татарскихъ школъ: одного купцомъ Чубукчи въ Зинджерли, другаго — помѣщикомъ Челебеевымъ въ Карасубазарѣ. Затѣмъ устроено приходское училище въ имѣніи графини Сумароковой-Эльстонъ, с. Коремъ, на южномъ берегу, для чего владѣтельница пожертвовала собственный домъ, обязавшись отапливать и освѣщать его и назначивъ изъ собственныхъ средствъ жалованье учителю русскаго языка по 500 руб. въ годъ; училище это открыто 14-го октября 1870 года. Наконецъ,

дворянинъ Арсланъ-Бей устроилъ русскій классъ въ собственномъ домѣ въ Еваторіи, не требуя за это платы въ теченіе пяти лѣтъ. Кромѣ упомянутыхъ мѣстъ, разрѣшено устроить приходскія школы еще въ трехъ волостяхъ; равнымъ образомъ приступлено будетъ къ открытію татарскихъ народныхъ училищъ въ другихъ мѣстностяхъ. Сверхъ того, открыты: а) въ гор. Карасубазарѣ на счетъ мѣтнаго общества двухклассное народное училище, въ которомъ изъ 96 учащихся третья часть составляютъ Евреи - крымчани, говорящіе и отправляющіе богослуженіе на татарскомъ языкѣ; б) преподаваніе русскаго языка при Бахчисарайскомъ карантинскомъ училищѣ, съ назначеніемъ жалованья учителю по 300 руб. въ годъ отъ общества. Во всѣхъ означенныхъ училищахъ къ 1-му января 1871 г. состояло учащихся 312, изъ нихъ дворянъ 17, духовнаго званія 86, городскихъ сословій 105, сельскихъ 154. Изъ послѣдующихъ сообщеній видно, что дѣло обученія русскому языку крымскихъ Татаръ идетъ успѣшно. Изъ Бахчисарая пишутъ въ *Одесскій Вѣстникъ*, что 17-го прошлаго іюня, въ присутствіи почетныхъ гражданъ города, было произведено публичное испытаніе въ недавно открытыхъ татарскихъ народныхъ школахъ. Успѣхи учениковъ, противъ всякаго ожиданія Татаръ, не предполагавшихъ ничего добраго отъ русскихъ школъ, оказались до того поразительными, что тѣ самые старики, которые всѣми силами при открытіи школъ противились ихъ осуществленію, теперь невольно умилились духомъ, взирая на юннхъ своихъ внучатъ, бойко пишущихъ подъ диктовку и переводящихъ статьи „Роднаго Слова“ на татарскій языкъ. Что всего замѣчательнѣе, и что не встрѣчается въ русскихъ народныхъ школахъ — это взрослые Татары-ученики (20 — 35 лѣтъ), которые, нисколько не стѣсняясь, сидятъ рядомъ съ малолѣтними своими товарищами. Сдѣланное публичное испытаніе знаній учениковъ въ этомъ году вполне примирило съ русскими школами фанатическое татарское духовенство, смотрѣвшее на нихъ до сихъ поръ не совсѣмъ дружелюбно. Наставникъ училища при медресе Зинджерли, Имамъ-Мурза, сказалъ краткую рѣчь, въ которой развилъ ту мысль, что Татары, какъ народъ исповѣдующій религію и подражающую жизни первыхъ Мослемитовъ-Арабовъ, должны, какъ они, стремиться къ образованію. „Арабамъ во время калифатства — сказалъ между прочимъ Имамъ-Мурза — нужно было знаніе греческаго, персидскаго и др. языковъ и они изучали ихъ во всѣхъ медресахъ; намъ же, Татарамъ, теперь нужно знаніе русскаго языка и мы должны его изучать. Ваше присутствіе здѣсь, на экзаменѣ, доказываетъ, что вы

сознаете это, и мнѣ остается только благодарить васъ за вниманіе къ вѣренному мнѣ дѣлу". На дняхъ отпечатано въ Одессѣ школьное руководство по русскому языку для дѣтей Татаръ. Татарскія слова въ книгѣ напечатаны русскими буквами.

— Извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія изъ отчета о состояніи школьнаго общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ и за Кавказомъ за 1870 годъ.

Состоящая въ вѣдѣніи общества Александровская учительская школа, окончившая въ 1870 году четвертый годъ своего существованія, была ведена въ отчетномъ году въ томъ же направленіи, какъ и въ предыдущіе годы. Ученики двухъ выпусковъ уже дѣйствуютъ самостоятельно на педагогическомъ поприщѣ; объ учительской школѣ со всѣхъ сторонъ дѣлаются лестные отзывы; но сама школа не могла не замѣтить недостатковъ въ ученикахъ перваго своего выпуска, происходящихъ главнымъ образомъ отъ кратковременности курса, который продолжался только 2½ года. Эти недостатки слѣдующіе: между окончившими курсъ съ хорошимъ знаніемъ русскаго языка встрѣчаются воспитанники, которые, живя въ Осетіи, уже замѣтно начали забывать русскій языкъ. Далѣе, нѣкоторые окончившіе курсъ 1-го выпуска, часто слышавшіе похвалы отъ посѣщавшихъ школу, сдѣлались слѣпкомъ самонадѣянными, такъ что пришлось усиловать строгость замѣчаній, по поводу нѣкоторыхъ несправностей, съ цѣлю ослабить чувство самогнѣнія, столь вредное въ дѣлѣ самоусовершенствованія учителя. У двухъ учителей замѣтно недовольство своимъ положеніемъ. Одинъ изъ нихъ готовится къ поступленію въ университетъ, но однакожь не оставляетъ серьезно относиться къ своей обязанности и считается отличнымъ учителемъ въ гимназіи; другой, живя въ аулѣ, тоже началъ думать объ университетѣ, и это едва-ли не одна изъ причинъ, мѣшающихъ поставить ему школу въ блестящее положеніе, на что давали право надѣяться дѣйствительно замѣчательныя способности и педагогическое развитіе учителя. Какъ ни благородны стремленія молодыхъ людей поступить въ университетъ, но при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, они только отвлекутъ ихъ отъ прямой дѣятельности, и учительская семинарія не выполнитъ своего назначенія, если она будетъ породять въ своихъ воспитанникахъ несбыточные стремленія оставлять свое педагогическое поприще для пріобрѣтенія университетскаго образованія. При большей продолжительности курса, воспитанники на столько оврѣнутъ въ своихъ педагогическихъ стремленіяхъ, что случаи стремленія къ высшему образованію будутъ встрѣ-

чатся рѣже. Кратковременностью курса объясняется также малый успѣхъ учениковъ въ приобретеніи техническихъ знаній и приложенийъ къ дѣлу: тогда какъ изъ перваго выпуска ни одинъ еще не открылъ ремесленной школы, 3 воспитанника втораго выпуска уже открыли ремесленные школы и 6 воспитанниковъ заявили желаніе открыть мастерскія. Наконецъ, въ перепискѣ съ директоромъ, въ высылкѣ годовыхъ отчетовъ и сочиненій не соблюдается строгой точности, столь необходимой въ училищѣ. Такимъ образомъ школа должна еще много работать надъ своимъ внутреннимъ усовершенствованіемъ, чтобы выпускать вполне дисциплинированныхъ, въ высшемъ значеніи этого слова, учителей. Къ хорошимъ сторонамъ учительской школы можно отнести то, что всѣ учителя довольны своимъ матеріальнымъ и общественнымъ положеніемъ; только положеніе учителей въ Абхазіи и Самурзакани возбуждаетъ серьезное опасеніе за ихъ здоровье. Вообще новыя учителя ведутъ свое дѣло рационально и пользуются уваженіемъ жителей, недостатки же ихъ общи всѣмъ молодымъ людямъ, — это нѣкоторая небрежность во внѣшней сторонѣ дѣла и самонадѣянность; но уже предстоящій выпускъ по нравственной выдержкѣ много выше первыхъ двухъ. Служащіе въ школахъ, кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, стали принимать нѣкоторое участіе въ составленіи учебныхъ пособій для начальныхъ школъ.

Учащихся въ учительской школѣ было 45; изъ нихъ 20 окончили курсъ. Въ начальномъ училищѣ было 40 учениковъ. Изъ окончившихъ курсъ 15 распределены по школамъ общества, остальные назначены учителями въ городскія училища. По племенамъ учащіеся въ учительской школѣ распределялись такъ: Грузинъ 18, Русскихъ 11, Осетинъ 8, Самурзаканцевъ 3, Абхазцевъ 2, Тушинъ, Армянъ и Удинъ по 1; по сословіямъ: князей 3, дворянъ 17, дѣтей священнослужителей 5, свободныхъ сословій 20.

Въ воспитательной части въ отчетномъ году не было сдѣлано никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Только воспитанники рѣже отпускались въ городъ, въ видахъ пріученія къ серьезному внѣклассному чтенію, которое возможно для учениковъ только въ воскресные и праздничные дни. По большей части воспитанники отпускались въ музеумъ и въ театръ; но за то болѣе или менѣе продолжительныя прогулки стали входить въ обычай школы. Такихъ прогулокъ было сдѣлано четыре, при чемъ ученики вполне наглядно познакомились съ окружающею природою, пріучались наблюдать предметы и явленія и отдавать себѣ во всемъ, самоустраительно или при помощи воспита-

тадей, отчетъ; приучались составлять коллекціи, и наконецъ, общались съ своими воспитанниками. Такія прогулки, кромѣ моціона, способствовали изученію географіи, исторіи и естествовѣдѣнія. По прежнему приходящіе ученики составляли затрудненіе для школы, какъ въ дисциплинарномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ, что можетъ служить доказательствомъ неосостоятельности соединенія интерната съ экстернатомъ, чего не представляетъ ни одна европейская учительская семинарія. Вообще же отчетъ приходитъ въ заключенію, что организація Александровской учительской школы весьма рациональна. Всѣ ученики вели себя на столько хорошо, что не было случаевъ прибѣгать къ очень строгимъ наказаніямъ; ученики главнымъ образомъ замѣчались въ неаккуратности и неряшливѣ, чрезвычайно рѣдко въ непослушаніи и грубости, но эти случаи происходили болѣею частію или отъ неумѣнья туземцевъ выражаться по русски, или же отъ недоразумѣній и непониманія распоряженій начальства. Туземцы отличаются мягкостью характера и способностью легко подчиняться строго-установленнымъ и разумнымъ требованіямъ; въ сожалѣнію, школа не всегда можетъ дѣлать хорошій выборъ между поступающими, такъ какъ для этого нѣтъ никакихъ средствъ.

Говоря о состояніи учебной части вообще и въ частности о преподаваніи русскаго языка, отчетъ выражаетъ необходимость прибавленія IV-го класса, такъ какъ при трехгодичномъ курсѣ учительская школа была вынуждена оставлять учениковъ въ одномъ и томъ же классѣ единственно за малоуспѣшность въ знаніи разговорнаго русскаго языка. Прибавленіе четвертаго класса дастъ воспитанникамъ возможность хорошо изучить русскій языкъ, не заставляя ихъ слушать хорошо извѣстныя уже свѣдѣнія по два года только ради упражненія въ языкѣ. Какъ бы то ни было, педагогическое значеніе изученія русскаго языка, какъ лучшаго средства для возбужденія духовной самодѣятельности ученика, его цивилизующее національное значеніе, какъ проводника новыхъ понятій, расширяющихъ умственный кругозоръ и дѣлающихъ его русскимъ, въ обширномъ значеніи этого слова, — все это по прежнему заставляло сосредоточивать всѣ учебно-воспитательныя силы на этомъ предметѣ. Значеніе важности изученія русскаго языка понимаютъ всѣ ученики школы: этимъ объясняется то явленіе, что въ школахъ трудно услышать туземную рѣчь; многіе ученики, слабо владѣющіе языкомъ, по собственному желанію, кромѣ изученія на память стиховъ и прозы по приказанію, учатъ наизусть прозаическіе отрывки. По примѣру прежнихъ лѣтъ, всѣ учителя тре-

бывали письменныхъ отвѣтовъ, каждый по своему предмету, при чемъ также, какъ и при урокахъ, обращалось вниманіе на правильность русской рѣчи.

Относительно преподаванія другихъ предметовъ въ учительской школѣ, укажемъ на слѣдующіе факты. По предмету педагогикі, именно въ практическихъ занятіяхъ учениковъ въ начальной школѣ, при малочисленности III-го класса, представилась возможность, кромѣ обыкновенныхъ уроковъ въ присутствіи всего класса и разбора этихъ уроковъ товарищами дающаго урокъ, ввести полезное для развитія педагогической самостоятельности будущихъ учителей недѣльное преподаваніе каждаго учебнаго элементарнаго предмета. Это преподаваніе контролируется директоромъ и учителями. По предмету чистописанія, съ цѣлю научить учениковъ писать возможно лучше, уничтожены такъ-называемыя черновыя тетради; ученики приучаются писать прямо на бѣло, при чемъ тетради, написанныя въ какомъ-нибудь отношеніи неудовлетворительно, возвращаются для новой переписки. Это оказалось необходимымъ, потому что, при обыкновеніи чернить, слишкомъ медленно и слабо исправляется почеркъ взрослыхъ учениковъ. Успѣхи учащихся въ ремеслахъ увеличиваются, но въ садоводствѣ и огородничествѣ слабы, вслѣдствіе слабости и лѣности присланнаго изъ Уманскаго училища учителя; между тѣмъ предметы эти важны для воспитанниковъ, такъ какъ почти всѣ они будутъ назначены въ Самурзаканъ и Абхазію, гдѣ садоводству и огородничеству предстоитъ блестящая будущность. Впрочемъ, не смотря на то, что вообще до сихъ поръ садъ въ школѣ далеко не былъ веденъ удовлетворительно, но, по отзывамъ всѣхъ окончившихъ курсъ, занятія въ саду принесли имъ практическую пользу.

Относительно начальныхъ школъ отчетъ замѣчаетъ, что въ предшедшемъ году множество школъ существовали только номинально: ревизоры находили въ нихъ мальчиковъ, ничего не знающихъ, и конечно, собранныхъ только за нѣсколько дней предъ пріѣздомъ ревизора. Въ отчетномъ году учителя школъ, существующихъ на бумагѣ, не получивши содержанія за свою воображаемую дѣятельность, не являлись уже болѣе къ ревизорамъ съ заявленіями о своихъ занятіяхъ, убѣдившись въ невозможности получать даромъ жалованье. Нѣкоторыя школы были закрыты за положительною неспособностію учителей, хотя эти школы, повидимому, большую часть года посѣщались учениками. Школы для мальчиковъ имѣютъ довольно учениковъ; всѣ онѣ имѣютъ учителей, ознакомленныхъ съ новѣйшими методами пре-

подаванія, а потому ведутся рационально. Школа для дѣвочекъ, за исключеніемъ Владикавказской, неудовлетворительна: и требуютъ измѣненія въ назначеніи учителей. Изъ ремесленныхъ школъ обращаетъ на себя вниманіе Гизальская, руководимая учителемъ Воздвиженцемъ, гдѣ ученики съ особеннымъ усердіемъ работаютъ въ мастерской, а туземцы, получая работы своихъ дѣтей, чрезвычайно сочувственно относятся къ школѣ, и многие родители ждутъ съ нетерпѣніемъ времени, когда отстраивающаяся школа приметъ еще десятки мальчишекъ, дожидającychся открытія вакансій. Къ сентябрю мѣсяцу настоящаго года въ Гизальской школѣ предполагается имѣть не менѣе 60-и учениковъ. Воскресныхъ и вечернихъ школъ для взрослыхъ открыто 6; вездѣ взрослые заняты, между прочимъ, о желаніи обучаться разговорному русскому языку.

Школы въ Ахалцихскомъ уѣздѣ производятъ тяжелое впечатлѣніе: загрязненныя школьныя зданія съ двумя классными, шатающимися столами, безъ всякой мебели для учителя, стоятъ одиноко, безъ всякихъ необходимыхъ принадлежностей жилого дома. Жители выражаютъ недовольство школами, впервыкъ, потому что для нихъ, по бѣдности, было крайне затруднительно строить школьныя зданія; при этомъ нѣкоторыя отдаленныя деревни рѣдко имѣютъ возможность и посылать дѣтей въ школу, хотя и обязаны давать деньги на школу; раздраженіе это поддерживается еще требованіемъ ремонта зданій и привоза дровъ. Вторая причина недовольства жителей заключается въ томъ, что они видятъ въ школьномъ ученіи только средство провести своихъ дѣтей въ высшія заведенія, а чрезъ нихъ въ священники и чиновники, а между тѣмъ изъ Ахалцихскихъ школъ ученики до послѣдняго времени не принимались воспитанниками отъ общества въ учебныя заведенія. Наконецъ, чувствуя крайнюю нужду въ рабочихъ силахъ дѣтей, жители недовольны и тѣмъ, что чрезъ посылку дѣтей въ школу въ рабочее время они много теряютъ. Директоръ школъ общества признаетъ необходимыми, для улучшенія школъ въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, слѣдующія мѣры: 1) принять ремонтъ и окончательную отдѣлку школъ, а также нужныя постройки—на счетъ общества; 2) отопленіе школъ также производить на счетъ общества, или, разрѣшивъ жителямъ брать лѣсъ изъ казенныхъ лѣсовъ, плату за перевозку принять на счетъ общества; 3) открыть казенныя вакансіи въ возможно большемъ числѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для учениковъ Ахалцихскаго уѣзда, и такимъ образомъ пользоваться стремленіемъ туземца чрезъ учебныя заведенія сдѣлаться священникомъ или

члѣнствомъ, такъ какъ требованъ отъ простодушна, чтобы онъ неминуемо утѣлитарныхъ цѣлей отдавалъ охотно своихъ дѣтей въ школу, было бы слишкомъ рано.

Въ *Горькокомъ* уездѣ первое мѣсто между школами безусловно принадлежитъ Боржомской. Учитель ея Косицкинъ пользуется большимъ уваженіемъ учителей за свою неутомимую дѣятельность и нравственную жизнь; дѣти видимо любятъ его.

Школы въ *Самурзакани*, по своимъ неудобствамъ, далеко оставляютъ за собою даже Ахалцихскія школы; всѣ зданія со щелями и протекающими крышами, такъ что трудно представить себѣ жизнь учащихся въ сырое, холодное время, при располагающемъ въ лихорадкѣ климатѣ Самурзакани. Между тѣмъ жители сочувственно относятся къ школамъ, которыя здѣсь могутъ принести большую пользу дѣлу общества; но и здѣсь, какъ въ Ахалцихскомъ уездѣ, необходимо, для привлеченія учениковъ въ школы, доставить дѣтямъ возможность поступать въ гимназія и семинаріи.

Изъ школъ въ другихъ мѣстностяхъ самое оградное впечатлѣніе производятъ школы *Осетіи*, въ особенности Ольгинская, Надгаронская и Гизельская. Онѣ помѣщаются въ прекрасныхъ зданіяхъ, имѣютъ энергическихъ учителей и полны учениками. Учитель послѣдней изъ этихъ школъ, г. Базилевичъ, въ короткое время своего учительства, составилъ прекрасный церковный хоръ, устроилъ мастерскую, ввелъ педагогическія игры. Въ другихъ селеніяхъ, если старыя школьныя зданія и не вполне удобны, то во всякомъ случаѣ учитель и ученики не дрожатъ въ классѣ отъ холода и учителю не грозитъ опасность потерять здоровье отъ неудобствъ квартиры.

Владикавказская дѣвчья школа, благодаря энергической и разумной дѣятельности бывшей начальницы, г-жи Сафронской, поставлена именно въ то положеніе, какое должна имѣть Осетинская школа: ученицы, принимая дѣятельное участіе въ домашней жизни училища, приготавливаются къ европейской семейной жизни: онѣ занимаются хозяйствомъ, приготавливаютъ сама кушанья, шьютъ бѣлье и башмаки, приучаются къ чистотѣ и порядку, а вмѣстѣ получаютъ воспитаніе и обученіе на началахъ религіозно-нравственныхъ. Но учебная часть производитъ не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе. Усильи въ русскомъ языкѣ, географіи и исторіи, въ особенности въ двухъ послѣднихъ предметахъ, удовлетворительны, но за то законъ Божій и арифметика преподаются весьма неудовлетворительно. Во всякомъ случаѣ, хотя

школа имѣетъ недостатки въ учебномъ отношеніи, въ воспитательномъ можетъ считаться одною изъ лучшихъ школъ общества.

Относительно преподаванія предметовъ въ школахъ въ отчетѣ наводимъ, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія. Преподаваніе закона Божія почти во всѣхъ школахъ ведено было съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Въ особенности замѣчательнымъ преподавателемъ этого предмета является учитель Ольгинской школы Туаевъ, который, въ продолженіе полуторагодоваго существованія школы, прошелъ изъ закона Божія столько, сколько другіе учителя не проходятъ въ три года; притомъ все пройденное сознательно усвоено учениками и разсказывается до русска. Успѣхи въ русскомъ языкѣ довольно значительны. Въ той же Ольгинской школѣ мальчики, начавшіе учиться съ октября 1869 года, въ первыхъ числахъ 1870 года уже совершенно свободно разсказывали многое изъ священной исторіи, составляли дѣтскія описанія домашнихъ животныхъ и сравнивали ихъ между собою. Значительные успѣхи въ русскомъ языкѣ объясняются сколько принятымъ въ школахъ методомъ, столько же тѣмъ реальнымъ значеніемъ языка, какое признается за нимъ туземцами. Родители заставляютъ своихъ дѣтей учиться отечественному языку; взрослые также въ воскресные дни занимаютъ съ учителями русскимъ языкомъ; достоинство школы жители опредѣляютъ успѣхами въ русскомъ языкѣ. Преподаваніе ариметики, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, кои страдаютъ учителя, не получившіе воспитанія въ учительской школѣ, можно назвать удовлетворительнымъ. Наглядное обученіе, способствуя всестороннему умственному развитію дѣтей, служило отличнымъ средствомъ обученія туземцевъ русскому языку и велось, за нѣкоторыя исключенія, вполне рационально. Пѣніе мало по малу пріобрѣтаетъ большое воспитательное значеніе въ школахъ общества. Дѣти поютъ, а взрослые, часто собирающіеся въ школы, слушаютъ пѣніе съ большимъ удовольствіемъ, усвоивъ себѣ слова и молитвы нѣкоторыхъ пѣсенъ. Церковные хоры составлены не при всѣхъ еще школахъ, по трудности этого дѣла: на туземныхъ нарѣчіяхъ пѣть обѣдни не могутъ сами учителя, оттого они должны пѣть обѣдню по славянски, что представляетъ новую трудность—изученіе текста обѣдни.

Въ числѣ мѣръ, предпринятыхъ съ цѣлію установить школьное дѣло на прочныхъ началахъ, въ отчетѣ указываются слѣдующія:

1) Составлены положеніе о школахъ и подробныя программы и представлены на утвержденіе совѣта.

2) Произведены ревизіи школъ нѣкоторыхъ по 2 раза, при чемъ учи-

теля обрешивованныхъ школъ, отправлялись съ ревизоромъ въ другія школы, и по приглашенію ревизора, высказывали свое мнѣніе о ревизуемой школѣ, обсуждая достоинства и недостатки учителя. При ревизіяхъ присутствуютъ массы зрителей, съ большимъ интересомъ слѣдящіе за отвѣтами учениковъ. Вообще жители выражаютъ сочувствіе въ новымъ школамъ, въ особенности въ Осетіи и Самурзакани.

3) Съ цѣлью водворить единство направленія въ школахъ и доставить учителямъ возможность обмѣниваться мыслями и дѣлиться добытыми опытомъ свѣдѣніями, предложено учителямъ посѣщать школы своихъ товарищей. Свѣдѣнія объ этихъ посѣщеніяхъ помѣщаются въ годовыхъ отчетахъ съ указаніемъ на то, что учитель нашелъ въ чужихъ школахъ для себя новаго и полезнаго.

4) Каждый годъ требуются отъ учителей педагогическія и этнографическія сочиненія и письменное рѣшеніе вопросовъ, касающихся школъ, дабы чрезъ то поддержать въ учителяхъ интересъ къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ.

5) Съ цѣлью имѣть вѣрна свѣдѣнія о школахъ не только во время ревизіи, но и въ концѣ года, а также чтобы видѣть педагогическое развитіе учителей и ихъ практическую дѣятельность, отъ нихъ требуются отчеты, для которыхъ установлена особая форма и въ которыхъ представляется полное, систематическое обзорѣніе школы во всѣхъ отношеніяхъ.

6) При учительской школѣ находится книжный складъ; въ трехъ мѣстахъ — Владикавказѣ, Окумѣ и Толоши устроены бібліотеки литературныхъ произведеній для учителей, и при всѣхъ школахъ имѣются бібліотеки, составленныя исключительно изъ педагогическихъ сочиненій, словарей, учебниковъ и учебныхъ пособій. Каждому учителю высылаются педагогическіе журналы, а также всѣ вновь выходящія педагогическія книги, необходимыя для народнаго учителя. На этотъ предметъ общество издерживаетъ ежегодно по 2.000 руб., отпуская, кромѣ того, на учебныя пособія для каждой школы по 20 рублей.

7) Устроено было два ѣзда учителей въ Осетіи и Ахалцихскомъ уѣздѣ и одинъ въ Тифльсѣ. Вопросы, разсматриваемые на съѣздахъ, были письменнo рѣшены учителями, что помогло значительно сократить время съѣздовъ. Вопросы эти и рѣшеніе ихъ слѣдующіе: а) Необходимо ввести обязательное обученіе во всѣ школы, какъ вполне обезпечиваемыя обществомъ, но съ условіемъ распредѣлить учебное время такъ, чтобы родители въ рабочее время могли оставлять дѣтей

своихъ дома. б) Не слѣдуетъ откладывать обученія русской грамотѣ до другаго года, а занявшись около трехъ мѣсяцевъ развитіемъ дѣтей, главнымъ образомъ при посредствѣ нагляднаго обученія, и ознакомивши ихъ съ обыкновенными разговорными русскими фразами, прямо приступать къ обученію русской грамотѣ, причѣмъ всегда наблюдать, чтобы читаемое русское слово заранее было объяснено и переведено на русскій языкъ; такое раннее изученіе русской грамоты облегчитъ изученіе русскаго языка. в) Въ виду естественнаго, университетскаго положенія женщины въ семьѣ на Кавказѣ, совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ преждевременно. г) Слѣдуетъ убѣждать родителей относительно водворенія большей опрятности въ одеждѣ и обуви дѣтей, а учениковъ заставлять приходить въ школу причесанными и умытыми, и поощрять ихъ купаться. д) Обученіе начинать съ русской грамоты и переходить къ туземной. Осетины высказались при этомъ даже за совершенное изгнаніе осетинской грамоты изъ школъ, на томъ основаніи, что читать нечего на осетинскомъ языкѣ, и что такъ какъ алфавитъ осетинской азбуки—русскій съ небольшими прибавками, то умѣющій читать по-русски самъ можетъ научиться читать по-осетински.

Относительно улучшенія быта учителей, отчетъ замѣчаетъ, что они совершенно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи: женатымъ учителямъ, а также учителямъ Абхазіи и Самурзакани жалованье увеличено (300—500 руб.), и назначена значительная сумма—800 руб. въ годъ, на награды. Но относительно будущности учителей общество не могло до сихъ поръ сдѣлать ничего особенно существеннаго. Завѣдующій школами указываетъ на необходимость исходатайствовать учителямъ общества право на пенсію изъ государственнаго казначейства, подобно тому какъ предполагается это относительно учителей вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; или, по крайней мѣрѣ, самому обществу приступить къ составленію своей эмеритальной кассы изъ которой могла бы быть производима пенсія и духовенству; или, наконецъ, собственнымъ капиталомъ, положеннымъ въ будущую эмеритальную кассу министерства народнаго просвѣщенія, приобрести право выдавать учителямъ общества пенсію изъ общей эмеритальной кассы учителей школъ, учрежденныхъ министерствомъ.

Наконецъ, отчетъ обращаетъ вниманіе на необходимость своевременнаго доставленія жалованья сельскимъ учителямъ, чтобы учителя не нуждались такъ часто, какъ теперь, особенно же при началѣ своей службы, а слѣдовательно, были бы болѣе независимы въ своихъ дѣйствіяхъ и не платили бы большихъ процентовъ при займѣ.

Изъ приложенной къ отчету вѣдомости видно, что всѣхъ школъ въ вѣдѣніи общества возстановленія христіанства на Кавказѣ считается 40; въ нихъ учащихся 1.125, въ томъ числѣ 1.019 мальчиковъ и 106 дѣвочекъ. Весь расходъ общества на школы, за 11 лѣтъ его существованія, представляетъ значительную сумму — 388.079 руб. 53 коп.

Тифлисское благотворительное общество, какъ видно изъ отчета его за 1870 годъ, по прежнему заботилось о распространеніи грамотности въ низшихъ слояхъ городского населенія, удѣляя въ то же время часть своихъ средствъ немущимъ. Въ отчетномъ году въ школахъ общества послѣдовали слѣдующія преобразованія: 1) Въ школахъ мальчиковъ введена новая программа обученія грамотѣ и установлено правильное обученіе ремесламъ—переплетному и столярному. 2) Въ той же школѣ, по инициативѣ попечительницы, княгини С. А. Шахонской, учрежденъ классъ для приходящихъ дѣвочекъ, которыя, въ свободные отъ уроковъ мальчиковъ часы, обучаются тѣмъ же предметамъ, какъ и въ остальныхъ 6-и женскихъ школахъ общества. 3) Во всѣхъ школахъ введено обученіе хорошему пѣнію. 4) Въ одной изъ школъ, Харпухской, введено обученіе дѣвочекъ баншачному мастерству. 5) На одного изъ дѣйствительныхъ членовъ общества возложено наблюденіе за правильнымъ обученіемъ грамотѣ и выборомъ учителей. Всѣхъ школъ состоитъ въ завѣдываніи попечительства общества: 1 мужская и 6 женскихъ бесплатныхъ; въ нихъ учащихся до 400 дѣтей обоего пола; пансіонеровъ, получающихъ ежемѣсячныя пособія, 34, на сумму 1.551 руб., и 1 пансіонерка. Въ названныхъ бесплатныхъ школахъ дѣти обучаются закону Божию— по вѣроисповѣданіямъ, чтенію и письму на русскомъ языкѣ— всѣ, на туземныхъ языкахъ— туземцы, первыми правиламъ ариметики, рукодѣльямъ и домашнему хозяйству въ школахъ женскихъ, и въ некоторыхъ мастерствамъ въ школахъ мужской; во всѣхъ же хорошему пѣнію. Въ школу принимаются мальчики и дѣвочки отъ 7-и до 12-лѣтняго возраста, по засвидѣтельствованію членовъ общества о дѣйствительной бѣдности ихъ родителей. Для приученія дѣвочекъ къ рукодѣлью, а мальчиковъ къ мастерству, школы принимаютъ заказы на работу за самую умѣренную плату. Тифлисское благотворительное общество принято въ началѣ прошлаго года подъ августѣйшее покровительство Государыни великой княгини Ольги Θεодоровны. (*Прог. Вѣст.* № 131).

— Въ *Терскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 18) помѣщенъ отчетъ директора Владикавказской реальной гимназіи о произведенной имъ въ мартѣ

вышшаго года ревизіи *Нальчикской* окружной и *Грозненской* начальной горскихъ школъ. Изъ отчета видно, что въ занятіяхъ преподавателей въ первой изъ этихъ школъ, при нѣкоторыхъ достоинствахъ, замѣчаются однообразіе, долгое спрашиваніе одного ученика и потому невниманіе со стороны другихъ, вообще нѣтъ общей, живой классной работы; въ Грозненской школѣ, на оборотъ, кромѣ закона Божія и ариметики во II-мъ классѣ, классныя занятія идутъ оживленно, всѣ дѣти заняты. Относительно успѣховъ учениковъ въ Нальчикской школѣ замѣчено, что они читаютъ вообще порядочно, но большая часть учениковъ II-го класса затруднились въ передачѣ читаннаго. Письменныя упражненія въ III-мъ классѣ порядочныя, во II-мъ плохи: тетради ведутся небрежно, со множествомъ грубыхъ ошибокъ, безъ знаковъ препинанія. По отвѣтамъ, даннымъ учениками по другимъ предметамъ, трудно было судить объ ихъ успѣхахъ; такъ какъ воспитанники предъ тѣмъ почти двѣ недѣли не занимались и кромѣ того, на испытаніи конфузились, потому что въ теченіе трехъ лѣтъ ни при комъ изъ постороннихъ имъ не приходилось отвѣчать. Въ Грозненской школѣ успѣхи учениковъ удовлетворительны, кромѣ закона Божія и ариметики во II-мъ классѣ. Тетради содержатся опрятно; большая часть учениковъ пишутъ красиво; письменныя упражненія довольно разнообразны. Ремесленныя и сельско-хозяйственныя занятія въ Нальчикской школѣ идутъ лучше, нежели въ Грозненской, хотя средства, число воспитанниковъ, время для занятій и помѣщенія одинаковы. Пѣніе введено только въ Грозненской школѣ, гдѣ ученики поютъ довольно стройно. Относительно внѣклассныхъ занятій дѣтей, г. директоромъ предложено было учителямъ обратить вниманіе на самостоятельное чтеніе воспитанниковъ, при чемъ положено требовать, чтобы они завели себѣ тетрадки, куда должны записывать заглавія тѣхъ статей, которыя они лучше помнятъ или которыя ихъ интересуютъ; для провѣрки же прочитаннаго, заставлять ихъ передавать устно или письменно содержаніе тѣхъ статей, заглавія которыхъ занесены въ тетрадку. Имѣя въ виду этотъ контроль, ученики будутъ съ большимъ вниманіемъ прочитывать книги, и не стануть, какъ это нерѣдко случается, отдавать книги, просмотрѣвши одну или двѣ статьи, а въ иной разъ и не одной. Учебныя пособія имѣются въ обоихъ училищахъ въ достаточномъ количествѣ; при нихъ есть довольно порядочныя бібліотеки, какъ фундаментальныя, такъ и учебныя: въ бібліотекѣ Нальчикской школы 334, и Грозненской 396 названій. Въ 1870 году въ первой выписывалось 6 педагогиче-

ских журналовъ, 2 литературныхъ и 2 газеты; въ послѣдней 4 педагогическихъ и 5 литературныхъ и другихъ журналовъ и также 2 газеты. Помѣщенія обѣихъ школъ неудобны, особенно Грозненской, которая грозитъ даже обрушиться.

Во Владикавказѣ открыто бесплатное начальное училище, названное Константиновскимъ, въ воспоминаніе проѣзда черезъ этотъ городъ Великаго князя Константина Николаевича. Оно помѣщается въ такой части города, гдѣ населеніе, состоящее преимущественно изъ семействъ рабочихъ и отставныхъ солдатъ, особенно нуждается въ средствахъ дароваго обученія. Школа будетъ содержаться на средства городского общества, въ счетъ коихъ обязался жертвовать по 200 руб. Владикавказскій 1-й гильдіи купецъ г. Ситовъ, которому принадлежитъ и починъ устройства этой школы.

Изъ Манглиса пишутъ въ газету *Кавказъ* (№ 62), что въ школѣ, учрежденной при Эриванскомъ полку, проеходилъ въ концѣ мая выпускъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія. Говоря затѣмъ объ удовлетворительномъ состояніи названной школы, газета замѣчаетъ, что школы, существующія при полкахъ кавказской арміи, служатъ не только нуждамъ лицъ, принадлежащихъ къ составу полка, но способствуютъ, и даже значительно, распространенію образованія и въ особености русскаго языка среди мѣстнаго населенія. Такъ въ Манглисской школѣ можно видѣть среди учащихся и Грузина, и Армянина, и Грека, и Татарина. Въ Закавказскомъ краѣ часто встрѣчаются лица, получившія образованіе въ полковыхъ школахъ.

— Въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 15) сообщаютъ нѣсколько свѣдѣній о русской школѣ для туземцевъ, открытой въ г. Самаркандѣ. Эта школа — первый опытъ русскихъ туземныхъ школъ. Она помѣщается въ красивомъ домикѣ русскаго образца и находится въ завѣдываніи рядоваго 9-го Туркестанскаго баталіона Солтанова, отличающагося полнымъ знаніемъ дѣла и любовью къ педагогическимъ занятіямъ. Въ школѣ находится въ настоящее время 20 учениковъ (10 мусульманъ, 7 Евреевъ и 3 Индійца).

Одинъ изъ лучшихъ учениковъ этой школы, сынъ Самаркандскаго казія (судьи), въ настоящее время учится въ Ташкентскомъ училищѣ, пансіонеромъ генераль-губернатора, а меньшей братъ его еще учится въ Самаркандской школѣ, и по предварительной подготовкѣ, вѣроятно, также поступитъ въ Ташкентское училище. Въ Самаркандской туземной школѣ учатъ мальчиковъ чтенію и письму на русскомъ языкѣ и элементарнымъ понятіямъ изъ ариметики. Въ числѣ учени-

новъ школы есть уже почти совершенно взрослые юности, напримѣръ, женатый сынъ Самаркандскаго амина, трое Индусовъ, изъ которыхъ одинъ уже посѣщалъ на своей родинѣ английскую школу для туземцевъ, и еще два-три другихъ мальчика. Дѣти въ туземной школѣ учатся весьма толково; они не только читаютъ и пишутъ по-русски, но и понимаютъ значеніе прочитанныхъ ими отдѣльныхъ словъ. Особенно же быстрый уснѣхъ, прилежаніе и понятливость оказываютъ еврейскіе мальчики. Мѣстная газета замѣчаетъ, что безъ добросовѣстнаго усердія учителя школы г. Солтанова, Самаркандская школа не достигла бы такихъ утѣшительныхъ результатовъ, какіе замѣчаются въ настоящее время. Когда исподоволь туземцы привыкнутъ къ русской школѣ, то нынѣшняя туземная школа будетъ зародышемъ другихъ, подобныхъ же училищъ, во всемъ Самаркандѣ и въ большихъ азіатскихъ городахъ Туркестанскаго края, въ подрывъ медресе и другимъ мусульманскимъ училищамъ, гдѣ преподаваніе мусульманской премудрости только притупляетъ, а не развиваетъ умы. Чтобы еще болѣе подвинуть впередъ дѣло обученія дѣтей туземцевъ русской грамотѣ, г. Солтановъ составилъ учебникъ русскаго языка, въ которомъ русскія слова и фразы переведены на таджикскій языкъ; кромѣ того, тѣ же русскія фразы будутъ напечатаны мусульманскимъ шрифтомъ и наоборотъ—таджикскія фразы русскими буквами. О составленіи подобнаго учебника просили г. Солтанова не только нынѣшніе его ученики, но и тѣ, которые прежде учились въ русской школѣ и по разнымъ обстоятельствамъ должны были прекратить ученіе. Въ Самаркандской школѣ предполагается также ввести обученіе различнымъ ремесламъ, что, даже и помимо прямой своей пользы, будетъ способствовать практическому изученію учениками школы русскаго языка (учители ремеслъ будутъ, конечно, изъ Русскихъ). Въ настоящее же время попечителемъ школы, Н. Н. Раевскимъ, введено въ ней обученіе правильному способу размотки шелка. Генераль-губернаторъ, посѣтившій эту школу, оставался въ ней довольно долго, проэкзаменовалъ учениковъ, благодарилъ учителя школы рядоваго Солтанова, попечителя подполковника Раевского, и приказалъ выслать изъ Ташкента необходимыя для школы учебныя пособія, книги, христоматіи, руководства и т. п. Въ тотъ же день, 28-го апрѣля, генераль-губернаторъ присутствовалъ при открытіи другой школы, для русскихъ дѣтей. Она устроена стараніемъ священника Высоцкаго. Въ эту школу записалось (37 учениковъ 23 мальчика и 14 дѣвочекъ).

О ДѢЙСТВІАХЪ ВЪ 1870 ГОДУ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ ВЪ РОССІИ¹⁾.

Въ 1870 году, вслѣдствіе болѣе гласности, пріобрѣтенной обществомъ для распространенія св. писанія въ Россіи, кругъ дѣйствій его значительно расширился. Напечатаніе и распространеніе перваго годоваго отчета познакомило многихъ съ дѣломъ общества, пріобрѣло ему новыхъ и усердныхъ пособниковъ и между ними не мало лицъ духовнаго званія. Послѣдними общество особенно дорожить, и съ великою признательностью принимаетъ всякое предложеніе содѣйствія со стороны священнослужителей. Изъ рукъ духовнаго лица народъ нашъ съ довѣріемъ приметъ книгу, нимало не сомнѣваясь въ ея достоинствѣ; къ тому же священникъ можетъ не только предложить своимъ прихожанамъ св. книгу, но, въ случаѣ необходимости, объяснить ея содержаніе, чѣмъ, между прочимъ, предупреждены были бы кривые толки и неразумное, буквальное пониманіе того или другаго изреченія. Въ отчетѣ выражено твердое убѣжденіе, что только при участіи священнослужителей дѣло распространенія познанія слова Божія, этой насущной потребности всякаго времени, нашего же въ особенности, можетъ пустить глубокіе и прочные корни въ народъ нашъ и послужить къ его нравственному обновленію. Въ самомъ дѣлѣ, что наиболѣе содѣйствуетъ удовлетворенію истиннымъ, вѣчнымъ потребностямъ человѣческаго духа, какъ не распространеніе познанія слова Божія. Неоспорима польза распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, но ихъ назначеніе — только готовить къ принятію слова Божія. Всякую другую книгу прочитаешь разъ или два и затѣмъ отложишь ее, — Евангеліе же такая книга, которую никогда нельзя всю прочесть: чѣмъ чаще читаешь Евангеліе съ благоговѣйною вѣрою, тѣмъ болѣе новыхъ истинъ находишь въ немъ всякій

¹⁾ Извлеченіе изъ отчета.

разъ; чѣмъ чаще его читаешь, тѣмъ болѣе питается имъ нашъ духъ,— это неистощимый источникъ назиданія и утѣшенія, это поистиннѣ— вѣчная книга, *тѣчное Евангеліе* ¹⁾). Въ этомъ отношеніи истиннымъ благодѣяніемъ для нашего народа было предпринятое св. синодомъ изданіе Новаго Завѣта на русскомъ нарѣчій, и притомъ по цѣнѣ доступной и послѣднему бѣдняку. Въ ряду великихъ дѣлъ современнаго царствованія дарованіе народу слова Божія за дешевую цѣну, быть можетъ, есть величайшее, по своимъ послѣдствіямъ, хотя и мало замѣтное по началу. Какъ цѣнить и пользуется имъ народъ можно судить изъ того, что съ начала изданія Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ по настоящее время, со станковъ синодальной типографіи вышло, сколько намъ извѣстно, болѣе милліона экземпляровъ св. книги. Общество для распространенія св. писанія только *содѣйствуетъ* ея распространенію (равно какъ и книгъ Ветхаго Завѣта), пока еще въ скромныхъ размѣрахъ, по мѣрѣ своихъ средствъ.

1) Самымъ выдающимся и отраднымъ въ истекшемъ году событіемъ въ жизни общества представляются его отношенія къ св. синоду. Въ маѣ 1869 года, вслѣдствіе просвѣщенной инициативы высшихъ чиновъ духовнаго управленія, подано было прошеніе отъ общества оберъ-прокурору св. синода, гофмейстеру графу Д. А. Толстому о разрѣшеніи обществу получать книги св. писанія непосредственно изъ склада хозяйственнаго управленія при св. синодѣ и притомъ въ листахъ, по удешевленной цѣнѣ и въ кредитъ. Основаніями къ такому ходатайству выставлено было обществомъ слѣдующее: а) по случаю постояннаго расширенія дѣйствій общества оказывается необходимость имѣть въ его распоряженіи нѣкоторый запасъ книгъ св. писанія; б) общество не имѣетъ достаточныхъ средствъ для пріобрѣтенія сихъ книгъ изъ хозяйственнаго управленія при св. синодѣ всегда на наличныя деньги; в) для большаго распространенія св. писанія общество само высылаетъ книги своимъ корреспондентамъ болѣею частію въ кредитъ; г) для большаго удешевленія сихъ книгъ оно пересылочныя деньги принимаетъ на свой счетъ, продавая самыя книги по возможно-дешевой цѣнѣ, и д) нѣкоторое количество книгъ св. писанія общество раздаетъ въ даръ. Св. синоду угодно было даровать обществу право забирать книги въ синодальномъ складѣ въ листахъ по цѣнѣ, удешевленной противъ продажныхъ цѣнъ; независимо отъ того, св. синодъ разрѣшилъ отпускать обществу книги въ

¹⁾ Откр. Іоан. XIV, 6.

кредитъ на сумму до 5.000 руб. Такимъ образомъ общество, только еще начинающее развивать свою дѣятельность и совершенно лишенное оборотнаго капитала, получило теперь возможность удовлетворять отовсюду стекавшимся къ нему требованіямъ о высылкѣ распространяемыхъ имъ книгъ. Такимъ образомъ общество, въ теченіе 1870 г., забрало въ синодальномъ складѣ слѣдующее количество изданій св. писанія на русскомъ нарѣчій: 20.000 экз. Новаго Завѣта въ 32° д., 3.000 экземпл. Новаго Завѣта въ 16° д., 5.000 Евангелій въ 32° д., 4.000 экз. Псалтиря, 500 экз. 2-хъ выпусковъ книгъ Ветхаго Завѣта и 2.000 экз. Новаго Завѣта на языкахъ русскомъ и славянскомъ, причемъ въ счетъ образовавшагося такимъ образомъ на обществѣ долга оно внесло, въ томъ же году, изъ своей кассы до 1.500 руб. Немаловажное преимущество для общества составляетъ доставленная ему, чрезъ разрѣшеніе св. синодомъ его ходатайства, возможность удовлетворять требованіямъ его корреспондентовъ о высылкѣ имъ книгъ Новаго Завѣта съ *указателями ежедневныхъ церковныхъ чтеній*. Корреспонденты общества, въ особенности изъ числа лицъ духовнаго званія, неоднократно указывали на ту пользу, какую приносить въ домашнемъ быту возможность, въ случаѣ болѣзни или другихъ обстоятельствъ, препятствующихъ посѣщенію церкви, на дому прочесть изъ св. писанія тѣ мѣста, которыя въ этотъ же день читаются въ церкви. Подобныя же заявленія слышались и отъ многихъ покупателей. Благодаря оказанному св. синодомъ кредиту, общество въ настоящее время не только распространяетъ русскій Новый Завѣтъ въ 32° долю съ указателями церковныхъ чтеній, но прикладываетъ ихъ и къ русскому Новому Завѣту въ 16° долю. Въ послѣднемъ случаѣ выразилось еще разъ то благосклонное вниманіе къ нуждамъ общества, какимъ сопровождалось отношенія къ нему хозяйственнаго управленія при св. синодѣ. Какъ извѣстно, Новый Завѣтъ въ 16° д. самимъ св. синодомъ печатается безъ указателя. По просьбѣ же общества, хозяйственное управленіе соблаговолило, нарочно для него, отпечатать потребное количество указателей къ Новому Завѣту этого изданія, взявъ съ общества лишь стоимость печати, набора и бумаги, то-есть, то, во чтѣ это обошлось самой типографіи. Равнымъ образомъ въ концѣ истекшаго года общество просило хозяйственное управленіе отпечатать для него указатель церковныхъ чтеній и для Апостола, издаваемого на славянскомъ и русскомъ языкахъ, такъ какъ въ синодальномъ изданіи Евангелія и Апостола на славянскомъ и русскомъ языкахъ прикладывается указатель къ однимъ лишь Еван-

геліямъ, и уже получило благоприятное разрѣшеніе и сего ходатайства.

Разрѣшенный обществу отпускъ св. книгъ въ листахъ далъ ему возможность приступить къ переплетенію своихъ книгъ собственными средствами и общество постановило выпускать въ продажу книги не иначе какъ въ переплетахъ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что св. книга, не снабженная переплетомъ, въ рукахъ непривычнаго къ обхожденію съ книгами простаго народа, можетъ очень скоро придти въ ветхость; притомъ же частное лицо, особенно гдѣ-нибудь въ глуши, не можетъ переплестъ книгу такъ хорошо и вмѣстѣ дешево, какъ общество, имѣющее къ тому болѣе способовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, значительность приобрѣтенныхъ, благодаря дарованной св. синодомъ льготы, запасовъ доставляетъ обществу возможность переплестать книги въ большемъ количествѣ и удешевить тѣмъ ихъ цѣну. Вслѣдствіе сего и въ виду удешевленія цѣвъ, назначенныхъ св. синодомъ за отпускаемыя обществу книги, представилась возможность опредѣлить за книги, получаемыя изъ синодальнаго склада и переплетаемыя собственнымъ общества попеченіемъ, цѣны лишь не многимъ выше, а по нѣкоторымъ и не выше тѣхъ цѣвъ, по которымъ тѣ же книги безъ указателей до сихъ поръ продавались изъ депо англійскаго библейскаго общества ¹⁾, причемъ экземпляры въ самыхъ дешевыхъ переплетахъ, какъ извѣстно, продавались даже съ убыткомъ для сего послѣдняго. Нельзя однако при этомъ не замѣтить, что для общества распространенія св. писанія существенную разницу составляетъ то обстоятельство, что на книгахъ, забираемыхъ въ депо англійскаго общества, — наше общество получало уступку въ 20%, которая дѣйствительно содѣйствовала до сихъ поръ къ покрытію расходовъ общества по содержанію книгоношъ ²⁾, и кромѣ того, вся пересылка дѣлалась на счетъ англійскаго депо. Съ приобрѣтеніемъ же собственного запаса книгъ, а равно и въ виду устраненія нѣкоторыхъ недоразумѣній съ корреспондентами общества, происходившихъ отъ того, что высылка книгъ производилась не прямо отъ общества, а черезъ упомянутое депо, общество приняло въ ноябрѣ мѣсяцѣ правилъ производить всю высылку книгъ непосредственно отъ себя. Между тѣмъ цѣны, назначенныя обществомъ на свои книги, столь умѣренны, что изли-

¹⁾ Англійское библейское общество имѣетъ въ С.-Петербургѣ свое депо, изъ котораго оно продаетъ книги св. писанія, издаваемыя св. синодомъ.

²⁾ Въ настоящее время депо англійскаго библейскаго общества уменьшило 20% уступку до 10%.

шекъ противъ стоимости ихъ обществу не можетъ покрыть даже и пересылочныхъ расходовъ. Чтобы восполнить открывающійся такимъ образомъ недостатокъ, обществу предстояло возвысить цѣну продаваемыхъ книгъ, но оно не сочло себя въ правѣ это сдѣлать, такъ какъ мѣру эту оно считало не соответствующею одной изъ главнѣйшихъ своихъ цѣлей—облегчать народу полученіе св. писанія по возможно дешевой цѣнѣ. Вотъ причина, которая заставила общество обратиться ко всѣмъ своимъ членамъ и вообще къ усердствующимъ къ святому дѣлу распространенія слова Божія въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, съ приглашеніемъ какъ личными добродѣтельными приношеніями, такъ равно усиленною дѣятельностью по сбору пожертвованій, восполнить тотъ пробѣлъ, который, какъ сказано выше, образовался въ средствахъ общества.

Не смотря однако на полученіе изъ синодальнаго склада запаса книгъ св. писанія, общество не сочло себя въ правѣ вовсе прекратить распространеніе переплетаемыхъ англійскимъ библейскимъ депо книгъ. Съ одной стороны, недостатокъ средствъ общества не дозволяетъ ему на столько понижать цѣну на непосредственно получаемыя имъ изъ синодальнаго склада книги и переплетаемыя собственными средствами, чтобы цѣны эти совершенно сравнялись съ цѣнами книгъ англійскаго депо, которое жертвуетъ для этой цѣли громадными суммами; съ другой стороны, общество, стремясь доставлять народу книги св. писанія по наидевѣйшимъ цѣнамъ, не въ правѣ отказывать желающимъ приобрѣсти Новый Заветъ, хотя и безъ указателя, но по пониженной цѣнѣ.

Оказанное обществу хозяйственнымъ управленіемъ при св. синодѣ вниманіе дало ему возможность исполнить въ октябрѣ мѣсяцѣ еще ранѣе задуманное дѣло, а именно: обратиться къ земскимъ управамъ съ циркулярнымъ предложеніемъ оказать ему содѣйствіе въ распространеніи слова Божія. Указывая земствамъ, что желанія и стремленія общества близко сходятся съ дѣятельностью земства, къ числу главныхъ предметовъ которой относится попеченіе о народномъ образованіи, и что прочнымъ основаніемъ религиозно-нравственному развитію русскаго народа должно служить знакомство съ св. писаніемъ, общество просило содѣйствія высокой своей цѣли со стороны земскихъ управъ въ томъ особенно вниманіи, что труды значительнаго числа земскихъ учрежденій уже ознаменовались благими, въ пользу народнаго образованія, начинаніями. Изъ 386 губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ, коимъ было послано циркулярное отношеніе, до сихъ поръ отвѣкнулись на этотъ призывъ 13, а именно двѣ гу-

бернскія управы — С.-Петербургская и Орловская, изъ коихъ первая потребовала значительное количество книгъ св. писанія, немедленно выслала за нихъ деньги и открыла у себя складъ книгъ. За симъ изъ уѣздныхъ управъ вошли съ обществомъ въ теченіе 1870 года въ сношенія управы: Ростовская (Ярославской губерніи), Моршанская, Петроваводская, Бѣлевская, Весеьгонская, Клинская, Даниловская, Галичская, Ирбитская, Касимовская и Кременчугская¹⁾. Изъ сихъ управъ двѣ, а именно: Ростовская (Ярославской губ.) и Бѣлевская (Тулъской губ.) выслали первая 100 руб. и вторая 150 руб. и потребовали соответственнаго количества книгъ св. писанія для народныхъ школъ; Клинская управа потребовала значительное количество книгъ вообще для распространенія ихъ, обѣщая выслать деньги по распродажѣ книгъ. Предсѣдатель и два члена Весеьгонской управы предлагали себя въ члены сотрудники, и по ихъ избраніи, имъ было послано небольшое количество книгъ для перваго опыта, который оказался весьма удачнымъ: книги были вскорѣ распроданы и деньги немедленно высланы и затѣмъ управа затребовала болѣе значительное количество книгъ въ виду наступавшей въ Весеьгонскѣ ярмарки. За симъ нѣкоторые изъ поименованныхъ управъ выслали незначительныя суммы, желая, повидимому, приобрести съ начала небольшое количество книгъ для перваго опыта. Ирбитская управа выразила намѣреніе открыть склады книгъ св. писанія при сельскихъ церквахъ, и не имѣя собственныхъ на то средствъ, испрашивала кредита у общества. Правленіе съ благодарностью приняло это предложеніе и заявило Ирбитской управѣ, что недостатокъ матеріальныхъ средствъ не позволяетъ открыть Ирбитской управѣ кредитъ болѣе чѣмъ на 100 экземпляровъ всякихъ книгъ²⁾. Наконецъ, Кременчугская управа, выразивъ свою признательность за сообщеніе ей отчета общества за 1869 годъ, присоветовала, что управа и, по всей вѣроятности, земское собраніе поставятъ за священный долгъ для себя содѣйствовать, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, къ достиженію обществомъ высокою цѣли. Всего же въ 1870 г. выслано въ названныя управы (кромѣ Ирбитской и Кременчугской) 1.358 экземпляровъ св. писанія. Такимъ образомъ въ сношеніяхъ съ земскими управами общество впервые вы-

¹⁾ Въ началѣ 1871 года присоединились еще управы: Юрьевецкая, Костромской губерніи, и Керенская, Пензенской губерніи.

²⁾ Въ 1871 году Ирбитская управа затребовала книги, выслать за нихъ и самыя деньги.

ступило на новый, до сихъ поръ не испытанный имъ путь—вызовъ къ содѣйствію ему общественныхъ учрежденій.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ также сношенія общества съ главнымъ обществомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Во всякое время, а особенно весною и осенью, по Николаевской желѣзной дорогѣ выѣзжаетъ изъ столицы громадное число рабочаго населенія, преимущественно губерній Ярославской, Владимирской, Тверской и Костромской, то-есть, тѣхъ, гдѣ грамотность наиболѣе развита. Всѣ эти лица выѣзжаютъ, послѣ работъ въ столицѣ, на родину въ побывку или на лѣтнія полевые работы; всѣ они ѣдутъ съ деньгами, и по сдѣланнымъ неоднократно опытамъ, охотно покупаютъ св. книги какъ для себя, такъ и для своихъ семействъ. Вслѣдствіе сего общество обратилось въ совѣтъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи производить распространеніе св. книгъ по линіямъ главнаго общества. Совѣтъ главнаго общества отнесся къ этой просьбѣ крайне сочувственно и не только разрѣшилъ свободную продажу св. писанія въ помянутыхъ и поѣздахъ главнаго общества, но чрезвычайно облегчилъ эту продажу, выдавъ, въ видѣ опыта, на три мѣсяца 12 бесплатныхъ билетовъ для постоянныхъ разъѣздовъ членовъ общества на участкахъ дорогъ Николаевской, Нижегородской и Варшавской, съ правомъ входить въ вагоны всѣхъ классовъ и производить въ нихъ продажу св. книгъ.

Обозрѣвая истекшій годъ, нельзя не остановиться съ отраднымъ чувствомъ надъ замѣчательнымъ, можно сказать, развитіемъ сношеній общества. Въ этотъ промежутокъ времени общество приобрѣло новыхъ 67 членовъ-сотрудниковъ, 22 членовъ-сотрудницъ и 58 корреспондентовъ между частными лицами и учрежденіями (не считая управъ, которыя исчислены были выше). Нѣкоторые изъ этихъ новыхъ членовъ и корреспондентовъ были приобретены стараніями прежнихъ членовъ общества; другіе, прочитавъ въ газетахъ или журналахъ о существованіи общества, сами вызывались ему содѣйствовать. Особенно пріятно указать на то, что въ числѣ вновь приобретенныхъ обществомъ сотрудниковъ и корреспондентовъ находится не менѣе 28-и лицъ, носящихъ духовный санъ. Независимо отъ трудовъ по управленію дѣлами общества и завѣдыванія распорядительною его частью, нѣкоторыми дѣйствительными членами лично распространено было 2.289 экземпляровъ св. писанія.

Сношенія съ обществомъ его членовъ и корреспондентовъ представляютъ весьма любопытный матеріалъ, и доказываютъ, съ одной

стороны, сколь много находится добрыхъ силъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, готовыхъ съ самопожертвованіемъ приняться за благое дѣло и ожидающихъ для того только указанія и побужденія, а съ другой стороны — съ какимъ утѣшительнымъ сочувствіемъ относится народъ нашъ къ слову Божію, равно какъ и къ дѣятельности лицъ, посвящающихъ себя его распространенію. Изложенныя въ отчетѣ сношенія общества подраздѣлены на сношенія: 1) съ учрежденіями, 2) съ членами и корреспондентами изъ лицъ духовнаго званія и 3) съ остальными членами и корреспондентами.

Изъ сношеній съ общественными учрежденіями отчетъ упоминаетъ, вопервыхъ, о заявленіи Спасскаго училищнаго совѣта Рязанской губерніи, обратившагося въ общество въ самомъ началѣ 1870 года и просившаго о высылкѣ ему до 300 экземпляровъ книгъ Новаго Завѣта. Совѣтъ предполагалъ учредить на первый разъ складъ книгъ св. писанія при нѣкоторыхъ церквахъ и училищахъ, поручивъ распродажу священникамъ и наставникамъ, и обѣщалъ уплатить деньги по распродажѣ самыхъ книгъ. Предпріятіе совѣта, вѣроятно, имѣло успѣхъ, какъ можно заключить изъ того, что еще въ первой половинѣ года слѣдующія обществу деньги были высланы всѣ сполна. По требованіямъ Калужскаго общества „Бережливость“ и книжнаго магазина „Московского общества распространенія полезныхъ книгъ“ имѣ было послано нѣкоторое количество книгъ св. писанія на комиссію. Въ маѣ мѣсяцѣ сдѣлано было предложеніе со стороны почетнаго опекуна, управляющаго Императорскимъ С.-Петербургскимъ воспитательнымъ домомъ, о распространеніи св. писанія черезъ учителей находящихся въ С.-Петербургской губерніи сельскихъ школъ воспитательнаго дома, число коихъ простирается въ настоящее время до 80. Далѣе отчетъ упоминаетъ о Могилевскомъ православномъ братствѣ, которое вошло въ теченіе года въ сношенія съ обществомъ и уже получило отъ него нѣкоторое количество книгъ на комиссію для перваго опыта. Наконецъ, въ послѣдней трети года поступило заявленіе предсѣдателя Яранскаго (Вятской губ.) училищнаго совѣта, который, прося выслать ему нѣкоторое количество книгъ, высказалъ предположеніе развозить книги по селамъ, гдѣ есть училища, такъ какъ наставники сельскихъ школъ и нѣкоторые лица изъ сельскаго духовенства Яранскаго уѣзда выражали ему желаніе пріобрѣтать книги св. писанія для продажи и даже для раздачи, по мѣрѣ своихъ средствъ, немущимъ. Такое требованіе исполнено обществомъ.

Особенный интересъ представляетъ дѣятельность членовъ сотру-

никовъ и корреспондентовъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ городскому и сельскому духовенству. Еще въ началѣ 1870 года обратились въ общество священники изъ разныхъ мѣстностей за содѣйствіемъ имъ въ усиліяхъ ихъ по распространенію слова Божія, и вслѣдъ за сдѣланною нѣкоторымъ изъ нихъ первою посылкой книгъ, ими было вытребовано значительное количество книгъ для дальнѣйшаго распространенія. Такъ священникъ одной изъ станицъ Земли Войска Донскаго увѣдомилъ правленіе, что, по полученіи первой посылки 50 экз. Новаго Завѣта малаго формата,

„на другой день приступилъ къ распродажѣ этихъ книгъ, повесилъ ихъ по торговымъ лавкамъ, съ предложеніемъ торговцамъ взять по экземпляру и результатъ оказался довольно хорошій, такъ что въ этотъ же день я продалъ до 20 экземпляровъ торговцамъ и нѣкоторымъ офицерамъ, отправившимся на полевую службу. За тѣмъ чрезъ нѣсколько дней мнѣ нужно было поѣхать въ хуторъ, по приходу, гдѣ съ два дня я продалъ остальные экземпляры. При продажѣ книгъ Новаго Завѣта я убѣдился въ общемъ желаніи всѣхъ имѣть эти книги въ домахъ своихъ и кромя того слышалъ отъ нѣкоторыхъ лицъ слѣдующіе отзывы: одинъ лавочникъ, покупалъ Новый Завѣтъ, высказался: у насъ хотя и есть Евангеліе, но возьму и это какъ дешевую и карманную книгу, необходимую для дороги. Одна старушка въ хуторѣ, на предложеніе мое купить книгу, сказала: у насъ хотя и нѣтъ грамотныхъ въ семействѣ, но возьмемъ одно Евангеліе; кто-нибудь придетъ къ намъ изъ домашнихъ и прочтетъ намъ. Одно семейство взяло 4 экземпляра для каждого члена онаго. Такой удачный опытъ распродажи Новаго Завѣта привелъ насъ, всѣхъ священниковъ станицы, къ тому заключенію, чтобы выписать побольше экземпляровъ Новаго Завѣта для распространенія оныхъ между своими прихожанами“.

Другой священникъ той же мѣстности увѣдомилъ, что книги продавалъ онъ, между прочимъ, во время хожденія съ иконами по домамъ въ праздникъ Пасхи и „что много осталось жалѣющихъ, что имъ не досталось купить“. Выписавъ новый запасъ книгъ, означенное духовное лицо заявило желаніе своихъ прихожанъ, чтобы при Новыхъ Завѣтахъ въ 16-ю долю былъ прилагаемъ указатель ежедневныхъ чтеній, дабы можно было прочесть на дому то Евангеліе, которое читается въ церкви, когда по обстоятельствамъ нельзя присутствовать при богослуженіи, особенно въ ненастную погоду и за отдаленностію отъ церкви или въ дорогѣ.

По поданному же совѣту другаго священника общество помѣщаетъ нынѣ на нѣкоторыхъ изъ сортовъ распространяемыхъ имъ книгъ осмиконечный золотой или просто темный врестъ.

„Наша мѣстность—пишетъ сельскій священникъ одной изъ сосѣднихъ съ Москвой губерній—какъ нельзя болѣе нуждается въ дешевыхъ изданіяхъ св.

писанія, конхъ здѣсь трудно и найти. Не распроstrанялась о нуждѣ, завлѣяю одно, что она здѣсь самая насущная. Объ этомъ говорятъ ежедневный опытъ: выйдешь или выйдешь въ приходъ для требоисправленій и никогда не увидишь у грамотѣя (а они хотя и рѣдко, но все-же встрѣчаются и здѣсь) книгъ св. писанія, а сказокъ и сборниковъ размытъ мною. Занимаясь обученіемъ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ грамотѣ (а ихъ у меня 24), я у одного только нашель Новый Заѣвътъ на славянскомъ азмыкѣ. Народъ здѣсь иростъ, довѣрчивъ (тѣмъ легко пользуются шарлатаны для кормстныхъ видовъ) и добръ, хотя по своему. Ваше дѣло было точно отзывъ на наши задешвенныя мысли, потому какъ намъ было не высказать сердечнаго желанія и полной готовности служить насущно-необходимому дѣлу, вами начатому?"

Другой священникъ той же губерніи, но другой мѣстности, сообщая о своей дѣятельности по распроstrаненію св. книгъ, пишетъ:

„Дѣйствія мои состоятъ въ томъ, что пользуюсь случаями посѣщенія прихода, а предлагаю грамотнымъ приобрести св. книгу (Новый Заѣвътъ), при чемъ внушаю о необходимости имѣть ее и объясняю ее содержаніе. А такъ какъ у насъ народъ читаетъ по преимуществу книги духовнаго содержанія, то понятно, что св. Евангеліе покупаютъ охотно и съ благодарностію. До селѣ я не встрѣчался съ нежелающими имѣть его.

„Опечатлѣннн, какое производитъ на крестьянъ св. книга, достаточно сказать, воперныхъ, что имѣющіе случай читать или слышать ее, приходятъ сами для покупки; воторыхъ, не довольствуясь приобретеніемъ для себя, приобретаютъ ее для родственниковъ; втретьихъ, случалось, что и не грамотные, которымъ я читалъ и объяснялъ читанное, покупали для дѣтей, которыхъ намѣревались учить грамотѣ, и вмѣстѣ для того, чтобы въ праздники, когда призжаютъ родственники, между которыми есть грамотные, послушать чтение слова Божія“.

Священнику одного изъ ближайшихъ къ Петербургу губернскихъ городовъ, въ теченіе 1870 года, по его требованіямъ, переслано, въ нѣсколько пріемовъ, до 450 экз. книгъ св. писанія.

„Большинство лицъ, приобретшихъ покупкой св. писаніе, — пишетъ означенный священникъ, — составляетъ мелкое чиновничество, затѣмъ мѣщане и незначительный процентъ купцовъ. Сподручность или услуга подъ руками, дешевизна, красивая отдѣлка, заставляютъ ихъ приобретать книги, а прочтеніе одной или двухъ главъ слова Божія на удобопонятномъ азмыкѣ вызываетъ чувство довольства и благодарности за то, что доставлена имъ возможность имѣть настольною книгою св. писаніе. На нихъ самымъ опытомъ оправдывается пословица: чего не видишь, того и не желаешь. Въ общемъ строѣ общества, улучшение нравственности, чрезъ слово Божіе, единиць приведетъ къ улучшенію въ ней современемъ дѣлаго общества. Склады книгъ при учрежденіяхъ, на сколько показалъ опытъ, почти заперты для народа; при коллективномомъ участіи въ подобныхъ учрежденіяхъ всѣхъ, очень легко бываетъ, что одинъ складываетъ заботу о распроstrажѣ книгъ на другаго, а другой на третьяго, и такимъ образомъ благодѣтельное дѣло распроstrаненія св. писанія останавливается, не имѣя дѣлателей для себя. Между тѣмъ сотрудники обще-

ства живою рѣчью, подручною услугою могутъ болѣе сдѣлать для распространенія слова Божія въ народѣ“.

Не менѣ замѣчательно заявленіе другаго лица — учителя едино-вѣрческаго училища въ одномъ изъ промышленныхъ нашихъ центровъ.

„Радуясь, — пишетъ онъ — успѣху распространенія, паче всего, вѣчныхъ истинъ, принесенныхъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, содержащихся въ св. Евангеліи, о которомъ многія деревни не только малѣйшаго не имѣютъ поватія, но считаютъ грѣхомъ и читать его, — я искренно желаю быть членомъ-сотрудникомъ великаго дѣла. Сбыть священныхъ книгъ, полагаю, будетъ у меня очень удобный, вопервыхъ, при занятіи миссіонерствомъ по расколу; обхода села и деревни, зараженные духомъ раскола, нося съ собою книги легко могу предложить кушать ихъ всякому; вовторыхъ, черезъ учениковъ своего училища“.

Въ теченіе 1870 г. написавшему строки сіи, уже переслано было, по его требованіямъ, до 150 книгъ.

Всего было выслано членамъ и корреспондентамъ общества изъ духовныхъ лицъ до 3.981 экз. книгъ св. писанія.

Далѣе въ отчетѣ заявляется, что дѣятельность большинства прежнихъ сотрудниковъ общества въ распространеніи слова Божія не только не ослаблялась, но и постоянно расширялась, находя себѣ одобреніе въ радушномъ отношеніи народа къ дѣятельности, пользу коею онъ сознаетъ. Вотъ нѣкоторыя любопытныя черты изъ корреспонденціи.

„Крестьяне—пишетъ одна изъ сотрудницъ—съ благодарностію покупаютъ святую книгу и чувствуютъ серіозную потребность ознакомиться съ словомъ Божиимъ. Вотъ примѣръ этого: Одна барышня занималась обученіемъ крестьянскихъ дѣтей и ихъ родители часто приходили слѣдить за успѣхами и занятіями своихъ ребятишекъ. Въ одно изъ подобныхъ посѣщеній отецъ одного изъ учениковъ обратился къ учительницѣ съ слѣдующею просьбою: „Вы имъ, барыня, не давайте баловаться со сказками; научите ихъ Бога знать и молиться, — вѣдь мы Бога не знаемъ и молиться-то даже не умѣемъ“.

Это происходило въ одномъ изъ сель С.-Петербургской губерніи.

Одинъ изъ корреспондентовъ Новгородской губерніи пишетъ:

„Книги Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ покупались охотно; многіе со слезами благодарили за то, что имѣли возможность приобрѣсти оныя на русскомъ языкѣ“.

„По распродажѣ распространяемыхъ обществомъ книгъ св. писанія, — пишетъ корреспондентъ Черниговской губерніи, — отъ многихъ получалъ благопріятные отзывы; пожилыя лица говорятъ, что слово Божіе есть величайшее благо для сердца человѣческаго, что оно во всякомъ случаѣ доставляетъ утѣшеніе и крайне сожалѣютъ, что эта книга не попала въ юныхъ дѣтахъ“.

Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ общества, живущій въ одномъ изъ южныхъ приморскихъ городовъ, распространялъ въ 1870 г.

до 1.693 экз. св. писанія, частью въ самомъ городѣ, частью въ народныхъ школахъ Бессарабской области и между солдатами Одесскаго военного округа. Въмѣстѣ съ тѣмъ общество продолжало получать заявленія отъ новыхъ, дотолѣ ему незнакомыхъ лицъ, съ предложеніемъ услугъ и содѣйствія.

Очеркъ дѣятельности сотрудниковъ и корреспондентовъ общества заключенъ слѣдующею выпискою изъ письма полковника Р. къ одному изъ сочленовъ общества, отъ котораго онъ, при отправленіи своемъ въ Туркестанское генераль-губернаторство, получилъ нѣкоторое количество св. Евангелій (до 400), для раздачи и продажи въ этомъ отдаленномъ краѣ:

„Во время утомительнаго, убійственнаго пути отъ г. Орска до г. Туркестана, по жгучимъ, песчанымъ степямъ, мнѣ зачастую приходилось на нѣкоторыхъ станціяхъ (состоящихъ изъ одной киргизской кибитки), въ ожиданіи почтовыхъ лошадей, проводить по два и по три дни. На каждой изъ такихъ станцій, на протяженіи 1.500 верстъ, находились казаціе пикеты для защиты проезжающихъ отъ хищныхъ Киргизъ, которые не только грабили, но и убивали проезжающихъ, что случается и по настоящее время. На протяженіи всего пути я не встрѣчалъ ни одной православной церкви, поэтому раздаваемая мною Евангелія, на станціяхъ, казакамъ, были для нихъ невыразимою радостью; многіе изъ нихъ принимали отъ меня этотъ даръ со слезами на глазахъ и высказывались такъ, что уже другой годъ никто не былъ въ храмѣ и не слышалъ слова Божія, и праздники Господни ничѣмъ не отличались отъ буднихъ дней; теперь же Евангеліе замѣнить имъ храмъ Божій и праздники. Я очень сожалѣлъ о томъ, что не могъ помѣстить въ тарантасѣ болѣе ста экземпляровъ Евангелія, и чрезъ то на послѣднихъ станціяхъ раздавалъ по одному и не болѣе 3-хъ экземпляровъ, а этимъ невольно произвodiлъ зависть у тѣхъ казаковъ, которые хотя были и грамотные, но оставались безъ Евангелія. Транспортъ, при которомъ былъ доставленъ ящикъ съ Евангеліями, пришелъ въ Ташкентъ въ прошломъ году поздно осенью; болѣе ста экземпляровъ я взялъ съ собою въ Семирѣчинскую область, гдѣ раздавалъ также на станціяхъ, а преимущественно въ школы бѣдныхъ дѣтей и въ школу Китайскихъ эмигрантовъ, принявшихъ русское подданство и православіе. Миссіонеръ-священникъ, находящійся въ Копальскомъ уѣздѣ (500 вер. отъ г. Вѣрнаго), удивилъ меня успѣхами Китайскихъ мальчиковъ: всѣ они превосходно знаютъ не только главныя молитвы, но и пропѣли мнѣ всю обѣдню: каждому изъ нихъ я подарилъ по Евангелію, и эти дѣти рады были моему подарку, подобно казакамъ. Людямъ хотя и не богатымъ, но и не совсѣмъ бѣднымъ, я роздалъ Евангелія по той цѣнѣ, какая была означена въ каталогѣ, всего на сумму *сто* рублей, которые при семь къ тебѣ препровождаю, и отъ души благодарю тебя, любезный мой другъ, за порученіе, доставившее мнѣ сотни благодарностей самыхъ искреннихъ отъ людей, лишенныхъ возможности слышать и читать слово Божіе“.

Всего было выслано сотрудникамъ и корреспондентамъ изъ лицъ свѣтскихъ 18.292 экз. св. писанія.

Въ теченіе 1870 года у общества было пять постоянныхъ, испытанныхъ уже, книгоношъ (трое мужчинъ и двѣ женщины). „Количество слишкомъ, конечно, недостаточное на всю Россію, сказано въ отчетѣ. Но лицъ, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ *хорошаго* книгоноши, найти не легко: кромѣ честности и умѣнья, здѣсь нужно еще нѣкоторое знаніе слова Божія, чтобы дать необходимое поясненіе не свѣдущему или мѣткій отвѣтъ порицателю; прежде же всего необходимо искреннее благочестіе, смиреніе и самоотверженіе для перенесенія не легкихъ трудовъ, неприятностей, а подь часть и очень чувствительныхъ оскорбленій, сопряженныхъ съ дѣломъ книгоноши. Простой „наемникъ“ для подобнаго дѣла очевидно не годится, — здѣсь нужно *призваніе*. Мы ищемъ умножить число нашихъ книгоношъ, но принимаемъ въ книгоноши только послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго испытанія; не всѣ его выдерживаютъ. Мы предпочитаемъ имѣть не много, но испытанныхъ, книгоношъ, нежели много, но такихъ, на которыхъ нельзя было бы вполне положиться; съ словомъ Божиимъ нельзя обращаться какъ со всякою другою книгой: важно не только распространеніе его, но также и то, *кто* и *какъ* его распространяетъ. Наша осторожность въ этомъ отношеніи едва-ли заслуживаетъ порицанія; мы надѣемся все-таки, что, съ помощію Божіею, число нашихъ книгоношъ, хотя и медленно, но все таки постепенно будетъ возрастать. Мы думаемъ также, что тотъ или другой изъ нашихъ сочленовъ, когда представится къ тому случай, подкрѣпляемый сознаніемъ святости дѣла, временно приметъ на себя скромную роль книгоноши, чтобы послужить ближнимъ во имя Того, кто сказалъ, что Онъ „не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить“ ¹⁾. Изъ числа пяти вышеозначенныхъ книгоношъ двое (женщины) находились въ Петербургѣ, одинъ въ Москвѣ, четвертый распространялъ книги въ окрестностяхъ Петербурга и по прибрежью Финскаго залива, наконецъ пятый книгоноша былъ на Нижегородской ярмаркѣ и путешествовалъ въ Приволжьѣ и Землѣ Войска Донскаго. Отчетъ сообщаетъ свѣдѣнія о дѣятельности книгоношъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они поступали въ общество. Эта часть отчета, которой посвящено болѣе двухъ печатныхъ ли-

¹⁾ Мате. XX, 28. Можемъ прибавить, что въ этомъ отношеніи нѣкоторыми былъ уже сдѣланъ опытъ, и небезуспѣшный.

стовъ, представляетъ много весьма отрадныхъ фактовъ въ дѣлѣ распространенія книгъ св. писанія между различными классами народа и вообще читается съ особеннымъ интересомъ отъ начала до конца; въ извлеченіи эта часть отчета утратила бы многое. Вообще въ 1870 году распространено:

Св. книгъ ветхаго завѣта въ русскомъ переводѣ.	545 экз.
Новаго завѣта на русскомъ языкѣ.	30.694 "
Новаго завѣта славянскаго и славяно-русскаго	2.238 "
Четыре евангелія на русскомъ языкѣ.	6.938 "
Четыре евангелія славянско-русскія	188 "
Псалтирей на русскомъ языкѣ	2.210 "
Псалтирей на славянскомъ языкѣ.	28 "
<hr/>	
Всего.	42.841 экз.

Въ 1869 году было распространено	19.591 экз.
Съ основаніи же общества (1863 г.) распростра- нено всего:	148.012 экз.

При этомъ необходимо замѣтить, что при обозначеніи числа книгъ, распространенныхъ въ 1870 году, принято за правило счѣтать распространенными всѣ книги, выпущенныя изъ склада общества по 1-е января 1870 года. Это было сдѣлано по необходимости, такъ-какъ по отдаленности мѣстъ пребыванія многихъ корреспондентовъ общества, не было никакой возможности собрать къ опредѣленному сроку точныя свѣдѣнія о числѣ проданныхъ каждымъ корреспондентомъ книгъ. При семъ было взято во вниманіе и то, что число находившихся къ 1-му января 1871 года на рукахъ корреспондентовъ книгъ не могло быть велико, такъ какъ въ бѣльшей части случаевъ заказы на книги бывають не велики и возобновляются довольно часто.

Въ 1870 году книги распространялись именно въ слѣдующихъ городахъ и ихъ уѣздахъ: С.-Петербургѣ, Петергофѣ, Ораніенбаумѣ. Царскомъ Селѣ, Павловскѣ, Гатчинѣ, Красномъ Селѣ, Кронштадтѣ. Ямбургѣ, Гдовѣ, Новой-Ладогѣ; Москвѣ, Клинѣ; Владимірѣ, Шуѣ, с. Ивановѣ; Ярославлѣ, Рыбинскѣ, Даниловѣ, Ростовѣ Ярославскомъ; Угличѣ; Галичѣ и Кинешмѣ, Костромской губерніи; Нижнемъ-Новгородѣ, с. Павловскѣ; Калугѣ, Медынѣ; Тулѣ, Бѣлевѣ, Зарайскѣ, Спаскѣ, Рязскѣ, Кассимовѣ; Твери, Весьегонскѣ, Кашинѣ; Новгородѣ, Бѣлозерскѣ, Псковѣ, Порховѣ; Нарвѣ, Феллинѣ, Верро, Ревелѣ; Выборгѣ, Вильманstrandѣ, Фридрихсгамѣ, Гельсингфорсѣ, Свеаборгѣ,

Тавастгусѣ, Або; Петрозаводскѣ; Вологдѣ, Устюгѣ-Великомѣ. Нолинскѣ, Грязовцахъ; Перми, Чердынн, Яранскѣ; Оренбургѣ, Саратовѣ, Аткарскѣ, Самарѣ, Сызрани; Казани; Орлѣ; Смоленскѣ; Могилевѣ на Днѣпрѣ; Минскѣ; Варшавѣ; Кіевѣ, Борзнѣ, Кролевецѣ, Мглинѣ, Прилукахъ, Каменецъ-Подольскѣ; Одессѣ, Николаевѣ; Тамбовѣ, Моршанскѣ; Павловскѣ, Воронежской губерніи; въ станицахъ Земли Войска Донскаго, Ново-Черкасскѣ, Ростовѣ на Дону, Азовѣ; въ Баку, Ставрополѣ Кавказскомѣ, Кутаисѣ и Ташкентѣ.

Изъ помѣщеннаго въ отчетѣ обзора доходовъ и расходовъ съ 1-го января по 31-е декабря 1870 года видно, что приходъ за отпущенныя книги и отъ членскихъ взносов, кружечныхъ сборовъ и частныхъ пожертвованій составляетъ 22.089 руб. 63 коп., а расходъ 18.627 руб. 19 коп., затѣмъ въ остаткѣ состояло 3.462 руб. 44 коп. А изъ слѣдующаго затѣмъ обзора средствъ общества оказывается, что его денежные и вещевыя средства, а также долги на разныхъ лицахъ къ 31-му декабря 1870 года составляли 12.826 руб. 86 коп., а собственные долги общества за принятые книги простиралось до 4.973 р. 73 коп., такъ что разность 3.853 руб. 13 коп. представляетъ истинное достояніе общества. Но вслѣдъ за симъ въ отчетѣ оговорено, что разница между остаткомъ по оборотамъ общества въ отчетномъ году и суммою, на которую простирается достояніе общества, составляющая 387 руб. 69 коп., выражаетъ сумму денежнаго достоянія общества къ 1-му января 1870 года. Вообще матеріальное положеніе общества находится въ положеніи неудовлетворительномъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго. Поступившихъ въ теченіе года пожертвованій и членскихъ взносовъ едва достало для покрытія падающихъ на этотъ источникъ расходовъ по управленію дѣлами общества и по распространенію книгъ черезъ книгоношъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ отношеніи расходовъ по управленію дѣлами общества отчетъ далеко не обнимаетъ всѣхъ потребностей общества. Въ немъ не только не заключается расходъ на наемъ квартиры, ея освѣщеніе и отопленіе, но общество не имѣло даже и крайне необходимаго ему бухгалтера, наемнаго дѣлопроизводителя и завѣдующаго книжнымъ складомъ. Ежемѣсячныя общія собранія дѣйствительныхъ членовъ общества происходятъ въ частной, весьма тѣсной квартирѣ предсѣдателя. Въ той же квартирѣ собирается еженедѣльно правленіе и ежедневно занимается канцелярія. Та же квартира служитъ обществу для помѣщенія склада книгъ; въ ней же производится упаковка книгъ для ихъ отправки; тутъ же

складываются ящики, матеріалы для упаковки и т. д. На членахъ правленія, собирающихся разъ въ недѣлю въ засѣданіе, лежатъ обязанности какъ по веденію книги личныхъ счетовъ съ членами-сотрудниками и корреспондентами общества по забору ими книгъ, такъ и веденіе казначейскихъ книгъ, постоянно возрастающей переписки, надзоръ за складами и отправкой книгъ, написаніе счетовъ, прикладываемыхъ къ каждой посылкѣ. Въ настоящее время обороты общества на столько расширились, что не только дальнѣйшее развитіе его дѣятельности, но и удовлетворительное веденіе его дѣлъ въ настоящемъ ихъ объемѣ сдѣлались невозможными безъ найма, по крайней мѣрѣ, двухъ благонадежныхъ лицъ. Общество постоянно находится въ невозможности удовлетворять повсюду стекающимся къ нему требованіямъ книгъ, отсылка которыхъ иногда задерживается на мѣсяцъ и болѣе отъ физической невозможности производить ее своевременно. Отъ этого на мѣстахъ членами-корреспондентами распространяется менѣе книгъ, чѣмъ бы могло ихъ расходиться при точномъ исполненіи заказовъ, и такимъ образомъ страдаетъ само общество. Что же касается результатовъ оборотовъ по приобрѣтенію книгъ св. писанія и ихъ распространенію, то оказывающійся по симъ оборотамъ чистый въ пользу общества излишекъ произошелъ главнымъ образомъ отъ той 20% уступки, которою общество пользовалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на книгахъ, забираемыхъ въ депо Англійскаго библейскаго общества; эта уступка составила за однѣ лишь книги, забранныя въ этомъ депо въ теченіе 1870 года, 1.684 руб. Въ настоящее время Англійское библейское общество уменьшило дѣлаемую нашему обществу уступку до 10%, такъ что начиная съ текущаго года общество лишено будетъ весьма существеннаго источника своихъ доходовъ. Независимо отъ сего, денежный отчетъ показываетъ, что помянутый излишекъ состоитъ болѣею частью въ книгахъ и долгахъ на членахъ и корреспондентахъ общества. Между тѣмъ, кредитъ общества, дарованный ему св. синодомъ, почти уже истощенъ, и посему общество можетъ на будущее время возобновлять свой запасъ книгъ св. писанія съ указателями лишь покупкой ихъ изъ синодальнаго склада на чистыя деньги, корреспонденты же и члены общества болѣею частью получаютъ книги въ кредитъ, а высылаютъ за нихъ деньги лишь по распродажѣ книгъ, на что требуется иногда довольно продолжительное время. Упомянутыя данныя указываютъ на то, что лишь усердный со стороны членовъ сборъ пожертвованій можетъ на будущее время поддержать общество въ на-

стоящемъ его положеніи и дать ему возможность, своевременнымъ исполненіемъ притекающихъ къ нему требованій, приобрести довѣріе лицъ, обращающихся къ нему за удовлетвореніемъ духовной ихъ потребности содѣйствовать великому дѣлу распространенія слова Божія. Вотъ почему общество, въ заключеніе своего отчета, сочло долгомъ обратиться съ выраженіемъ искренней братской благодарности за тѣ пожертвованія, которыя помогли ему развить свою дѣятельность въ истекшемъ 1870 году. Не считая себя въ правѣ называть здѣсь всѣхъ жертвователей, изъ коихъ нѣкоторые доставили немаловажныя суммы, и тѣ учрежденія, которыя помощью и деньгами содѣйствовали обществу, оно сочло непремѣнною обязанностью заявить, что лица, до коихъ доходили свѣдѣнія о существованіи и цѣляхъ общества, почти безъ исключенія, словомъ и дѣломъ, выражали готовность принести обществу посильную помощь. Наконецъ на рубежѣ истекшаго и настоящаго года общество получило всемілостивѣйшее пожертвованіе отъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. Даръ этотъ общество признаетъ лучшимъ воздаяніемъ за труды свои въ прошедшемъ и поощреніемъ на будущее время.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1870 году. — О занятіяхъ въ исторической семинаріи при историко-филологическомъ факультетѣ того же университета.

Казанскій университетъ состоитъ изъ 4 факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Изъ нихъ, физико-математическій и юридическій факультеты раздѣляются каждый на два разряда: первый — на разряды наукъ математическихъ и наукъ естественныхъ, а второй — на разряды наукъ юридическихъ и наукъ государственныхъ.

Общее число преподавателей, по всѣмъ факультетамъ вмѣстѣ, должно быть: профессоръ православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 39, экстраординарныхъ профессоровъ 18, доцентовъ 31, лекторовъ 4, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 3, лаборантовъ 6. Но наличное число преподавателей въ Казанскомъ университетѣ не соответствуетъ числу, назначенному по штату. Каждаго разряда штатныхъ преподавателей, отдѣльно по факультетамъ, состоитъ на лицо: а) по историко-филологическому факультету: 1 профессоръ православнаго богословія, исправляющій и должность декана факультета, ординарныхъ профессоровъ 3, преподаватель татарскаго языка въ званіи экстраординарнаго профессора 1, доцентъ 1, преподаватель 1, всего 7 лицъ; б) по физико-математическому факультету: ординарныхъ профессоровъ 11, доцентъ 1, лаборантовъ 4 (одинъ исправляющій должность), помощникъ прозектора 1 (исправляющій должность), всего 17

лицъ; в) по юридическому факультету: ординарныхъ профессоровъ 6 (одинъ исправляющій должность), экстраординарный 1, доцентъ 1, всего 8 лицъ; г) по медицинскому факультету: ординарныхъ профессоровъ 10, экстраординарныхъ 5, доцентовъ 4, прозекторовъ 2 (одинъ исправляющій должность), помощниковъ прозектора 2, всего 25 лицъ. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ вмѣстѣ къ 1-му января 1871 года состояло 58, а именно: профессоръ православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 30, экстраординарныхъ 7 (въ томъ числѣ одинъ преподаватель татарскаго языка), доцентовъ 7, преподаватель 1, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 3, лаборантовъ 6, лекторъ новѣйшихъ языковъ 1. При физико-математическомъ, юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ въ 1870 году состояло 5 приватъ-доцентовъ, изъ коихъ одинъ читалъ начертательную геометрію, одинъ — зоологію, одинъ — международное право, одинъ — отиатрію и одинъ — нервныя болѣзни. Имѣются преподавательскія вакансіи по факультетамъ: а) историко-филологическому: философіи — съ ноября мѣсяца 1869 года; римской словесности — со 2-й половины того же года; греческой словесности — съ 7-го октября 1870 года; сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, исторіи всеобщей литературы, теоріи и исторіи искусствъ — всѣ три со времени введенія въ дѣйствіе устава 1863 года; б) по физико-математическому: по второй кафедрѣ зоологіи — со второй половины 1869 года; физической географіи — со времени введенія въ дѣйствіе уставовъ 1863 года; агрономической химіи — съ 27-го марта 1870 года; в) по юридическому: каноническаго права — съ 9-го сентября 1869 года; уголовного права — съ 9-го іюля 1870 года; международнаго права — съ 11-го сентября 1870 года; г) по медицинскому: теоретической хирургіи — съ 2-го ноября 1870 года.

Занятія факультетовъ состояли въ нижеслѣдующемъ. Историко-филологическій факультетъ имѣлъ въ 1870 году 30 засѣданій. Въ распредѣленіи предметовъ преподаванія произошли въ немъ слѣдующія измѣненія: за перемѣщеніемъ профессора философіи *Троицкаго* въ Варшавскій университетъ, преподаваніе этого предмета прекратилось; за перемѣщеніемъ доцента *Аристова* въ тотъ же университетъ, русскую исторію преподавалъ одинъ профессоръ *Ойрсовъ*; за неизмѣненіемъ лекторовъ нѣмецкаго и французскаго языковъ, преподаваніе ихъ поручено было лектору англійскаго языка *Бересфорду*; за перемѣщеніемъ профессора римской словесности *Модестова* въ Кіевскій университетъ, преподаваніе ея поручено было исправляющему должность экстраordi-

нарнаго профессора *Улянскому*. Для замѣщенія катедры философіи и римской словесности открыты были конкурсы, на которые однакожь никто не явился. Для приготовленія къ профессорскому званію по катедрѣ философіи приватъ-доцентъ *Зеленогорскій* командированъ въ университеты: С.-Петербургскій, Московскій и Варшавскій. За смертью исполняющаго должность экстраординарнаго профессора греческой словесности *Улянского*, катедра этого предмета сдѣлалась вакантною, поему факультетъ пригласилъ къ преподаванію греческой и римской словесности учителей Императорской 1-й Казанской гимназіи *Матюшева* и 2-й гимназіи *Гвоздева* въ качествѣ приватъ-доцентовъ, на что они изъявили свое согласіе; но первый, по не зависящимъ отъ него обстоятельствамъ, потомъ отказался. Для занятія должности лектора нѣмецкаго языка открытъ былъ конкурсъ, на который также никто не явился. Для занятія должности лектора французскаго языка также открытъ былъ конкурсъ, но явившагося конкурента факультетъ не призналъ способнымъ для занятія ея; затѣмъ искателемъ должности лектора французскаго языка явился французскій подданный *Адольфъ Лезань*, прочитавшій уже двѣ пробныя лекціи удовлетворительно. Съ цѣлю пополнить личной составъ преподавателей, историко-филологическій факультетъ рекомендовалъ нѣкоторыхъ молодыхъ ученыхъ къ отправленію за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ факультетомъ назначена была тема для соисканія медалей; лучшимъ изъ студентовъ назначены были пособія и стипендіи; гг. профессора *Буличъ*, *Фирсовъ* и доцентъ *Осокинъ* руководятъ специальными занятіями студентовъ для приготовленія ихъ къ учительскимъ должностямъ въ гимназіяхъ; контроль надъ занятіями студентовъ заключался въ переводныхъ испытаніяхъ, репетиціяхъ и письменныхъ работахъ. Кромѣ того студенты: IV курса—*Витевскій*, *Дьяконовъ*, *Павловскій*, *Розановъ*, *Смирновъ* и *Шустовъ*; III курса—*Воздвиженскій*, *Горячевъ*, *Гурычковъ*, *Гурьяновъ*, *Котовщиковъ*, *Кузнецовъ*, *Полянскій* и *Сердобовъ*; II курса—*Вакуленко*, *Есиревъ*, *Косолаповъ*, *Кручининъ*, *Небосклоновъ*, *Осокинъ*, *Поповъ*, *Стишковъ* и *Соколовскій*, представили сочиненія весьма удовлетворительныя (удостоенныя отмѣтки 5) и студенты: IV курса—*Скрыпинъ*, III курса: *Комаровъ*, *Ситарскій* и *Стишковъ* и II курса: *Коробичинъ*, *Кремковъ* и *Поликарповъ* удовлетворительныя (отм. 4). Студенту IV курса *Анолону Смирнову*, за сочиненіе на предложеную факультетомъ тему: „Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и средней въ связи съ политическимъ ростомъ 3-го сословія“ присуждена факультетомъ

тетомъ и совѣтомъ университета золотая медаль. Изъ напечатанію въ *Учетахъ Запискахъ* Казанскаго университета былъ одобренъ сдѣланный преподавателемъ славянскихъ нарѣчій *Петровскимъ* переводъ сочиненія Ячича: „*Historia Knizevnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga*“ (Zagreb, 1867 г.). Изъ наличныхъ преподавателей факультета не имѣеть установленной ученой степени преподаватель по кафедрѣ славянской филологіи *Петровский*. Изъ преподавателей факультета напечатали свои сочиненія: исправляющій должность декана, профессоръ православнаго богословія: „Слово въ день восшествія на престолъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Всероссийскаго“ въ *Извѣстіяхъ Казанской Епархіи*, и переводъ сочиненія Арво: „Защита Моисеева пятикнижія“ въ *Православномъ Собесѣдникѣ*. Ординарный профессоръ *Буличъ* — рѣчь: „О мифическомъ преданіи, какъ главномъ содержаніи народной поэзіи“, читанную имъ на годичномъ актѣ университета. Ординарный профессоръ *Добролюбовскій* напечаталъ въ *Православномъ Собесѣдникѣ* статью „Къ вопросу о людяхъ Божіихъ“. Преподаватель *Ильминскій* — статья: „По поводу отчета Забайкальской миссіи“ — въ *Православномъ Обзорѣннн*, и „О переводѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на татарскій языкъ при христіано-татарской школѣ въ Казани“ — въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Доцентъ *Осокинъ* — „Внутреннее состояніе римско-католической церкви въ XIII вѣкѣ и отношеніе къ ней общества“ — въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, и „Корреспонденцію изъ Парижа объ открытіи древне-римскаго црка“ — въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Преподаватель *Петровский* — „Народныя сказанія Болгаръ“ — въ *Зарѣ*. Кандидатъ историко-филологическаго факультета *Дмитрій Корсаковъ* выдержалъ устное испытаніе на степень магистра русской исторіи по главному предмету и представилъ два письменныхъ отвѣта; учитель 2-й Казанской гимназіи *Порфирій Гвоздевъ* представилъ и защитилъ весьма удовлетворительно диссертацию pro venia legendi для приобрѣтенія званія привать-доцента римской словесности.

Физико-математическій факультетъ имѣлъ 19 засѣданій. Въ теченіе 1870 года не произошло никакихъ измѣненій въ отношеніи порядка преподаванія. Для контроля надъ занятіями студентовъ, кромѣ годичныхъ испытаній, установлены были полугодичныя репетиціи и практическія занятія. Студенту IV курса разряда математическихъ наукъ *Петру Ломоносову* присуждена золотая медаль на заданную факультетомъ тѣму: „Теоретическое объясненіе и вычисленіе явленій пре-

цессии и нутации". Изъ профессоровъ и преподавателей физико-математическаго факультета не имѣетъ ученой степени доктора ординарный профессоръ *Чуиуновъ*. Слѣдующія лица издали труды свои: ординарный профессоръ *Леваковскій* представилъ въ общество естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ статью: „О вытѣсненіи однихъ растений другими“, напечатанную въ *Протоколахъ* общества. Ординарный профессоръ баронъ *Розенъ* представилъ въ то же общество „Результаты нивелировокъ въ Казани и ея окрестностяхъ“, напечатанные также въ *Протоколахъ* общества. Ординарный профессоръ *Имшенецкій* печаталъ въ *Ученыхъ Запискахъ* Казанскаго университета сочиненіе: „О функціяхъ Я. Бернулли и выраженіи разности между однопредѣльными суммой и интеграломъ“. Ординарный профессоръ *Голожинскій* напечаталъ брошюру: „Описаніе геологическихъ наблюденій въ каменноугольной полосѣ западнаго склона Урала, произведенныхъ лѣтомъ 1869 года“. Ординарный профессоръ *Морковниковъ* напечаталъ статью: „Кислоты окси-изоваприловая, оксизовалерьянловая и представитель новаго ряда кетоновъ — дигсевдопропильный кетонъ“. Доцентъ *Зайцевъ* (нынѣ экстраординарный профессоръ) напечаталъ въ *Журналъ русскаго химическаго общества* статью: „Законность относительно прямаго присоединенія кислорода въ нѣкоторымъ органическимъ соединеніямъ двуэквивалентной сѣры и проч.“, и написалъ докторскую диссертацию, подъ заглавіемъ: „Новый способъ превращенія жирныхъ кислотъ въ соотвѣтствующіе имъ алкоголи“. Лаборантъ *Ломанъ* напечаталъ въ *Протоколахъ* общества врачей г. Казани статью „О способѣ добыванія алкоголя изъ труповъ“. На степень магистра подвергались окончательному испытанію: кандидатъ *Бодановъ*—зоологіи и кандидатъ *Синцовъ*—минералогіи и геогнозіи и окончили испытаніе съ полнымъ успѣхомъ. На степень доктора рассмотрѣны и одобрены диссертации: *Зайцева* — по химіи и *Жбиковскаго* — по математикѣ.

Юридическій факультетъ имѣлъ всего 24 засѣданія, въ томъ числѣ .2 публичныхъ и 4 по производству испытанія *Виноградскаго* на степень магистра. Съ утвержденія совѣта университета, для облегченія студентовъ въ занятіяхъ спеціальными предметами въ высшихъ курсахъ, преподаваніе богословія было ограничено исключительно первымъ курсомъ. Для преподаванія предметовъ по вакантнымъ кафедрамъ пригласены: государственнаго права—заслуженный ординарный профессоръ *Станиславскій*, уголовнаго права—исправляющій должность ординарнаго профессора *Соколовъ*, международнаго права—ординарный профессоръ

Штительскій. Для замѣщенія кафедр каноническаго права объявленъ конкурсъ, а для замѣщенія кафедры уголовнаго права представленъ къ заграничной командировкѣ для приготовления къ профессорскому званію магистрантъ *Виноградскій*. Съ цѣлю контроля надъ занятіями студентовъ производились: а) словесныя репетиціи студентамъ первыхъ двухъ курсовъ, а равно и тѣмъ изъ студентовъ III-го и IV-го курсовъ (обязаннымъ подвергаться репетиціямъ), кои не замѣнили словесныя репетиціи письменными работами, и б) практическія занятія со студентами: въ юридическомъ разрядѣ — по кафедрамъ гражданскаго и уголовнаго права и въ государственномъ разрядѣ — по кафедрѣ политической экономіи, въ особо назначенные часы, при чемъ требовались и письменныя работы отъ студентовъ, участвовавшихъ въ практическихъ занятіяхъ. Въ замѣнъ словесныхъ репетицій были представлены студентами, обязанными имъ подвергаться, письменныя работы, удовлетворяющія условіямъ репетицій: по кафедрамъ гражданскаго и уголовнаго права — 43 (изъ нихъ 21 по уголовному праву), въ томъ числѣ 24 отличныхъ; по кафедрамъ исторіи русскаго права и международнаго права—12 (изъ нихъ 2 по международному праву), въ томъ числѣ 11 отличныхъ; по кафедрѣ энциклопедіи права—1 отличная; по кафедрѣ полицейскаго права—1 удовлетворительная; по кафедрѣ политической экономіи и статистики—18, въ томъ числѣ 2 отличныхъ. Наконецъ, были представляемы письменныя работы или въ дополненіе къ словеснымъ репетиціямъ (1 по гражданскому праву и 2 по политической экономіи), или студентами, не обязанными подвергаться репетиціямъ. Изъ преподавателей факультетскихъ остается одинъ, исправляющій должность ординарнаго профессора, не имѣя требуемой уставомъ степени, именно г. *Соколовъ*. Сочиненій преподавателями факультета издано не было. На степень магистра уголовнаго права окончилъ словесное и письменное испытанія кандидатъ *Виноградскій*. Кандидатъ юридическихъ наукъ *Шимановскій* защищалъ диссертацию „О судебникѣ царя и великаго князя Ивана Васильевича Грознаго“, представленную имъ pro venia legendi, и утвержденъ въ званіи приватъ-доцента по кафедрѣ гражданскаго права и судопроизводства. Кандидатъ юридическихъ наукъ *Власевъ*, окончившій испытаніе на степень магистра государственнаго права въ Московскомъ университетѣ, публично защищалъ диссертацию на степень магистра, подъ заглавіемъ „Очерки государственнаго благоустройства въ Россіи въ XVII вѣкѣ“, но въ степени магистра не былъ утвержденъ.

Медицинскій факультетъ имѣлъ 45 засѣданій. Въ распредѣленіи предметовъ и въ порядкѣ преподаванія сдѣланы слѣдующія измѣненія: гистологія, преподававшаяся только во II-мъ курсѣ, съ начала академическаго года была преподаваема, теоретически и практически, и первому курсу; преподаваніе физиологической химіи также распредѣлено на два курса—II-й и III-й; доценту зоохиміи и патологической химіи *Щербакову*, вмѣсто этого предмета, поручено преподаваніе студентамъ I-го курса аналитической химіи съ практическими упражненіями; преподаваніе патологической гистологій съ патолого-гистологическими упражненіями поручено прозектору патологической анатоміи *Арнитейну*; приватъ-доценту *Несчастливцеву* поручено преподаваніе нервныхъ болѣзней; профессоръ частной патологій и терапіи сопровождалъ свои теоретическія лекціи демонстраціями на больныхъ въ городской земской больницѣ, на сколько позволялъ находившійся въ его распоряженіи матеріалъ изъ 15-и коекъ. На кафедре офтальмологіи избранъ и утвержденъ доцентомъ докторъ *Адамюкъ*; теоретическое и клиническое преподаваніе этого предмета начато съ 3-го сентября 1870 года. На доцентуру гальванотерапіи предложенъ приватъ-доцентъ докторъ *Несчастливцевъ*. На занятіе доцентуръ: оперативной хирургіи съ хирургическою анатоміей и десмургіи съ ортопедіей объявлены факультетомъ конкурсы. Преподаваніе первой, какъ и въ прошедшемъ академическомъ году, было раздѣлено между профессорами *Сутковскимъ* и *Деслафтомъ*: первому было поручено преподаваніе оперативной хирургіи, а послѣднему—преподаваніе хирургической анатоміи; упражненіе же студентовъ въ общей части оперативной хирургіи было возложено на лѣкаря *Владимірова*. Кромѣ слушанія теоретическихъ лекцій, студенты въ теченіе академическаго года практически занимались, подъ руководствомъ профессоровъ, обязательно по каждому предмету, въ лабораторіяхъ, кабинетахъ и клиникахъ. Преподаватели напечатали слѣдующіе свои ученые труды: ординарный профессоръ *Виноградовъ*: „О параличѣ личнаго нерва“ и „Случай костоѣды позвонковъ“—въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ*. Ординарный профессоръ *Ковалевскій*: „Обзоръ физиологическихъ работъ по иннерваціи сердца и сосудовъ за 1869 годъ“—въ *Журналѣ для истолми*, издаваемомъ *Рудневимъ*, и „Ueber den Blutstrom bei unterbrochener Respiration“—въ *Pflüger's Archiv für die gesammte Physiologie*. Эта работа произведена вмѣстѣ съ профессоромъ *Догелемъ*. Ординарный профессоръ *Петровъ*: „Elephantiasis penis“—въ *Протоколахъ* общества врачей г. Казани и „Очеркъ па-

толого-анатомическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ 1867/68 г. — въ *Ученыхъ Запискахъ* Казанскаго университета. Экстраординарный профессоръ *Лесгафтъ* — „Lumbalgegend in anatomisch-chirurgischer Hinsicht“ — въ *Reichert's Archiv*. Экстраординарный профессоръ *Лесневскій* — „О нѣкоторыхъ методахъ, служащихъ для опредѣленія дѣйствій ядовъ на сосуды“ — въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ*. Экстраординарный профессоръ *Голубевъ* — „Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Batrachien“ — въ *Untersuchungen aus dem Institute für Physiologie zu Graz*. Экстраординарный профессоръ *Гвоздевъ* сообщилъ: обществу врачей г. Казани — „Сравнительное изслѣдованіе кристалловъ мурексида и гематина“, по случаю перевода руководства судебной медицины Бухнера, гдѣ упоминается объ ихъ сродствѣ, и на второмъ съѣздѣ естествоиспытателей — „Объ изслѣдованіи пятенъ крови, сѣмени и методѣ Рейнша“. Экстраординарный профессоръ *Донель* — упомянутую выше, произведенную вмѣстѣ съ профессоромъ *Ковалевскимъ* работу: „Ueber den Blutstrom bei unterbrochener Respiration“ — въ *Pflüger's Archiv für die gesammte Physiologie*, и „Ueber den Musculus Dilator pupillae bei Säugethieren und Vögeln“ — въ *Archiv für mikroskopische Anatomie Max Schultze*. Доцентъ *Фрезе* — „Zur Theorie der Gefühle“ — въ *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*. Доцентъ *Щербакоевъ*: „Zur Analyse der pathol. Flüssigkeiten“ — въ *Arch. f. klinische Medizin*; „Продукты распаденія гликогена“ — въ *Журналъ Русскаго Химическаго Общества* и на нѣмецкомъ языкѣ въ *Zeitschrift f. Chemie*; „О нѣкоторыхъ методахъ опредѣленія бѣла въ мочѣ“ — въ *Медицинскомъ Журналѣ*; послѣдняя работа сдѣлана вмѣстѣ съ докторомъ *Хомяковымъ*. Доцентъ *Адамюкъ*: „Объ иннервации глазныхъ движеній“ — въ *Протоколахъ* психо-физиологическаго отдѣленія общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ; „De l'action de l'atropine sur la pression intraoculaire“ — въ *Annales d'oculistique*; „Zur Physiologie des Nervus oculomotorius“ — въ *Centralblatt f. Medicin. Wissenschaft*; „Zur Frage über den Mechanismus der Accomodation“ — тамъ же; „Къ учению объ отрицательныхъ цвѣтныхъ слѣдахъ“ и „Объ измѣненіяхъ зрачка при приспособленія глаза“ — въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ*. Профессоръ патологической анатоміи *Арнштейнъ* — „Случай макроглоссія“ — въ *Протоколахъ* общества врачей г. Казани. Приватъ-доцентъ *Высоцкій*: „Случай субъективнаго ощущенія настоящихъ музыкальныхъ тоновъ“, „Случай излѣченія анкилоза стремени“ и „Объ искусственной барабанной перепонкѣ“ — въ *Протоколахъ* общества врачей г. Казани. Публичныя лекціи были читаны: ординарнымъ про-

фессоромъ *Ковалевскимъ*— „Объ организацїи чувствъ человѣка“ и экстраординарнымъ профессоромъ *Гвоздемъ* — „Объ общемъ понятїи о жизни, болѣзни и смерти по смыслу законовъ въ судебно-медицинскомъ отношенїи“. Испытанїю на степень доктора медицины подвергалось 6 человѣкъ. Рассмотрѣны, одобрены и публично защищены съ успѣхомъ диссертации на степень доктора медицины: *Несчастливцевъ* — „Физиологическое значенїе менинга для центральной нервной системы лягушки въ веществахъ ароматическаго ряда углеводовъ“ и *Хомяковымъ* — „Объ *icterus gravis*“.

Совѣтъ университета имѣлъ 17 засѣданїй. Допущены къ чтенїю лекцій въ званїи приватъ-доцента: докторъ медицины *Несчастливцевъ* — нервныхъ болѣзней, лѣкарь *Высоцкій* — отитри, докторъ медицины *Бллевъ* — болѣзней мочевыхъ органовъ, кандидатъ естественныхъ наукъ *Бодановъ* — зоологїи и магистръ математическихъ наукъ *Жбиковскій* — теорїи чиселъ. Утверждены въ степени доктора: доцентъ по кафедрѣ химїи, магистръ химїи Александръ *Зайцевъ* — химїи, лѣкарь *Несчастливцевъ* — медицины; удостоено: званїя дѣйствительнаго студента — 6, степени кандидата студентовъ и постороннихъ слушателей — 20, степени лѣкаря студентовъ и постороннихъ слушателей — 6; званїй: уѣзднаго врача — 5, инспектора врачебной управы — 1, провизора — 6, аптекарскаго помощника — 13 и повивальной бабки — 47.

Съ утвержденїя совѣта, по ходатайствамъ подлежащихъ факультетовъ состояли стипендіатами: кандидатъ юридическихъ наукъ *Николай Виноградскій* — для приготовленїя къ преподаванїю по кафедрамъ или уголовного судопроизводства, или энциклопедїи правовѣдѣнїя; кандидатъ естественныхъ наукъ *Модестъ Бодановъ* — для занятїй по зоологїи; кандидатъ историко-филологическихъ наукъ *Федоръ Зеленогорскій* — для усовершенствованїя въ философіи; лѣкарь (нынѣ докторъ медицины) *Несчастливцевъ* — для усовершенствованїя въ частной патологїи и терапїи — до 15-го августа, а съ этого времени прикомандированъ докторъ медицины *Хомяковъ*, для усовершенствованїя по тому же предмету; находившїеся въ командировкѣ за границу для приготовленїя къ профессорскому званїю: докторъ медицины *Адамюкъ* — по офтальмологїи и докторъ медицины *Кучинъ* — по экспериментальной физиологїи. Съ Высочайшаго разрѣшенїя командированы за границу съ ученою цѣлю: ординарный профессоръ *Болъцани* — на лѣтнее вакаціонное время и 29 дней (срокъ его командировки продолженъ впоследствии по 13-е октября 1870 года); ординарный профессоръ *Якобїй* — на одинъ годъ и лѣтнее вакаціонное время; ординарный профессоръ *Вайнеръ* — до 15-го августа

1871 года; доцентъ по кафедрѣ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ *Осиповъ*—съ 1-го іюня 1870 по 15-е августа 1871 года; механикъ университета *Генкель*—на лѣтнее вакаціонное время со 2-го мая; исправляющій должность лаборанта *Пельцманъ*—до 15-го августа 1871 года. По распоряженію совѣта и съ разрѣшенія г. попечителя Казанскаго учебнаго округа были командированы: ординарные профессора *Янишевскій* и *Добротворскій*—въ 1-ю Императорскую и 2-ю Казанскія гимназіи, для присутствованія на окончательныхъ испытаніяхъ учениковъ VII класса тѣхъ гимназій; ординарный профессоръ *Чуиновъ* и экстраординарный (нынѣ ординарный) профессоръ *Морковниковъ*—на всероссійскую мануфактурную выставку въ С.-Петербургъ; ординарный профессоръ *Головкинскій*—на западный склонъ Уральскихъ горъ, какъ для продолженія геологическихъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ въ 1868 году, такъ и для продолженія ихъ на сѣверъ, въ дачахъ князя Голицына, на лѣтнее вакаціонное время и 29 дней; ординарный профессоръ *Фирсовъ*—въ Казанскую губернію, для пополненія этнографическаго кабинета; хранитель музея при геологическомъ кабинетѣ, кандидатъ естественныхъ наукъ *Синцовъ*, вслѣдствіе ходатайства физико-математическаго факультета,—въ С.-Петербургъ, для собранія матеріаловъ для магистерской диссертации по геологіи; оставленный при университетѣ кандидатъ историко-филологическихъ наукъ *Зеленогорскій*—въ университеты: С.-Петербургскій, Московскій и Варшавскій, на одинъ годъ, для продолженія занятій философіею.

Въ 1870 году совѣтомъ университета обсуждались слѣдующіе вопросы по предложеніямъ гг. министра народнаго просвѣщенія и попечителя Казанскаго учебнаго округа: а) о распространеніи силы § 40 устава университетовъ на факультетскія собранія; б) о молодыхъ людяхъ, оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, пользующихся стипендіями, и о томъ, сколько предполагается вновь замѣстить стипендіей; в) о доставленіи свѣдѣній, сколько въ университетѣ состоитъ обязательныхъ стипендій министерства народнаго просвѣщенія, учрежденныхъ по Высочайшему повелѣнію 14-го іюня 1862 года, сколько на тѣхъ стипендіяхъ состоитъ стипендіатовъ, а также на какихъ факультетахъ и курсахъ состоятъ тѣ стипендіаты, и въ какомъ размѣрѣ производится имъ стипендія; г) по вопросу о томъ, какимъ образомъ студенты, осужденные за проступки, подлежащіе вѣдѣнію общихъ судебныхъ учреждений и не заключающіе въ себѣ условій, выражен-

ныхъ въ §§ 58 и 102 устава универс., могутъ быть исключаемы изъ университета, если университетское начальство найдетъ таковыя проступки несомвѣстными съ званіемъ студента и влекущими за собою исключеніе изъ числа студентовъ; д) о чтеніи публичныхъ лекцій техническихъ наукъ; е) о разъясненіи вопроса: могутъ ли студенты вступать въ бракъ; ж) о проектѣ правилъ Кіевскаго университета относительно чтенія лекцій сверхштатными профессорами; з) о проектѣ правилъ одного изъ нашихъ университетовъ относительно производства экзаменовъ студентамъ V-го курса медицинскаго факультета; и) о расширеніи преподаванія предметовъ ученицамъ повивальнаго искусства; і) о предположеніи г. Вятскаго губернатора по предмету чтенія домашнихъ лекцій, для образованія аптекарскихъ помощницъ и фельдшерницъ въ Вятской губерніи; к) о рекомендаціи окончившихъ курсъ молодыхъ людей для отправленія за границу преимущественно по факультетамъ историко-филологическому и юридическому, и л) по вопросу Харьковскаго университета объ обязанности студентовъ посвѣщать профессорскія лекціи.

Такъ какъ университетскій судъ въ теченіе 1870 года не собирався, то и постановленій онаго не было.

Пособія оказаны были: а) на счетъ штатной суммы 32.000 руб., ассигнованной на стипендіи и пособія, выдано 95-и студентамъ 4.000 руб.; б) на лѣченіе минеральными водами и кумисомъ выдано 15-и студентамъ 490 руб., на счетъ суммы, ассигнованной на студентскую больницу; в) изъ суммы сбора за право слушанія лекцій 93 студентамъ выдано 3.286 руб. 50 коп.; г) собранныя съ спектакля въ пользу недостаточныхъ студентовъ 507 руб. выданы 19 студентамъ; присланные: д) изъ распорядительнаго комитета общества для вспомошествованія бѣднымъ студентамъ Тобольской губерніи 742 руб. 13½ коп. выданы 6-и студентамъ; е) Уфимскимъ попечительнымъ комитетомъ о бѣдныхъ 20 руб.—2-мъ студентамъ; ж) Екатеринбургскимъ комитетомъ благотворительнаго общества 150 руб. — 3-мъ студентамъ; з) отъ директора училищъ Томской губерніи окончившимъ курсъ въ Томской гимназій 2-мъ студентамъ, по 50 руб. каждому—100 руб. Сверхъ того Нижегородская губернская земская управа доставила 200 руб. въ уплату за право слушанія лекцій 5-ю студентамъ уроженцами Нижегородской губерніи Итого оказаны пособія 240 студентамъ на сумму 9.495 руб. Прошеній студентовъ о предоставленіи льготъ, въ отношеніи платы за слушаніе лекцій, поступило 372, по которымъ освобождено отъ платы на весь годъ 211 студентовъ, раз-

сроченъ плата 120-и, уменьшена на половину 19-и, освобождены на все продолженіе университетскаго курса 1 и затѣмъ 21 прошеніе оставлены безъ уваженія. Суммы за слушаніе лекцій въ 1870 году оставалось 1.781 руб. 85¹/₄ коп., въ 1870 году поступило: а) отъ студентовъ 13.464 руб. 99 коп., а всего въ 1870 году состояло 15.246 руб. 84¹/₄ коп.; б) отъ постороннихъ слушателей 1.880 руб.; изъ первой употреблено на предметы, указанные въ § 109 уст. унив., 11.425 руб. 28¹/₄ коп., затѣмъ въ 1871 году въ остаткѣ 3.821 руб. 55¹/₂ коп.

Въ 1-му января 1870 года состояло студентовъ 465; въ теченіе 1870 года поступило 205, въ томъ числѣ: изъ гимназій 157, изъ духовныхъ семинарій 25, изъ другихъ заведеній 23; вышло: до окончанія курса 21, по окончаніи курса 59; затѣмъ къ 1-му января 1871 года состояло 590. По факультетамъ они были распределены слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ 63, въ физико-математическомъ 80 (по разряду математическихъ наукъ 61, по разряду естественныхъ наукъ 19), въ юридическомъ 281 (по разряду юридическихъ наукъ 235, по разряду государственныхъ наукъ 46), по медицинскому факультету 166. Постороннихъ слушателей къ 1-му января 1870 года состояло 32, а къ 1-му января 1871 года — 47, изъ нихъ окончило курсъ 22. Студентовъ стипендіатовъ разныхъ наименованій было: а) министерства народнаго просвѣщенія 34, изъ нихъ 30 по 300 руб. и 4 по 200 руб. въ годъ; б) казенныхъ медицинскаго факультета 33 по 200 руб. въ годъ; в) Сибирскаго края 16 по 200 руб. въ годъ; г) Оренбургскаго края изъ магометанъ 5 по 200 руб. въ годъ; д) Оренбургской губерніи 1 по 200 руб. въ годъ; е) Уфимской губерніи 3 по 200 руб. въ годъ; ж) Астраханской губерніи 3 по 200 руб. въ годъ; з) Пермской губерніи 4 по 200 руб. въ годъ; и) Кирилла и Мефодія 3 по 240 руб. въ годъ; суммы на всѣхъ означенныхъ стипендіатовъ ассигнуются изъ государственнаго казначейства, въ числѣ 31.000 руб.; і) Минина и Пожарскаго (нынѣ Нижегородскаго дворянства) 4 по 171 руб. 48³/₄ коп. въ годъ; сумма на содержаніе этихъ стипендіатовъ отпускается изъ Нижегородскаго Александровскаго дворянскаго банка; к) дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Княжевича 2 по 200 руб. въ годъ, изъ С.-Петербургскаго биржеваго комитета. На проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ: л) дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Мусина-Пушкина 1 по 142 руб. 85 коп. въ годъ; м) братьевъ Пашенко 3 по 300 руб. въ годъ; н) О. В. Журавлевой 1 по 200 руб. въ годъ; о) тайнаго совѣтника Дубовицкаго 1 по 200 руб. въ годъ; п) въ память Ломоносова, въ ознамено-

ваніе бракосочетанія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича одна (стипендіата еще не имѣется, такъ какъ капиталъ собирается и по 1-е января 1870 года состояло онаго: билетами 3.168 руб. и наличными деньгами 315 руб. 3¹/₂ коп.); р) тайнаго совѣтника Агафонова 1 (стипендіата тоже не имѣется, такъ какъ капиталъ еще собирается; по 1-е января 1870 года состоитъ въ билетахъ 1.200 руб. и наличными деньгами 32 руб. 81 коп.); с) штабъ-лѣвчаря Лебедева одна; стипендіата еще не имѣется; т) дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ротштейна двѣ; стипендіатовъ еще не имѣется; у) въ память въ Бозѣ почившаго Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича 1 по 250 руб. въ годъ изъ суммъ сбора за право слушанія лекцій; ф) Государя Великаго Князя Владимира Александровича въ память Карамзина 3 по 200 руб. въ годъ, изъ суммъ Его Императорскаго Высочества; х) въ память 4-го апрѣля 1866 года 1 по 200 руб. въ годъ, изъ суммъ членовъ педагогическаго совѣта Томской гимназій. На счетъ суммъ казачьихъ войскъ, по 300 руб. въ годъ: ц) Оренбургскаго — 4, ч) Уральскаго 3 — и ш) Астраханскаго 5. На счетъ суммъ земскихъ управъ: щ) Казанской 1 по 250 руб. въ годъ, з) Ядринской 1 по 300 руб. въ годъ, ы) Самарской 3 по 200 руб. въ годъ, ъ) Симбирской 1 по 200 руб. въ годъ и ѳ) Глазовской 1 по 300 руб. въ годъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія находились въ слѣдующемъ положеніи:

Въ главной бібліотекѣ къ 1-му января 1871 года состояло: книгъ русскихъ 5.393, иностранныхъ 26.966, періодическихъ изданій русскихъ 244, иностранныхъ 522, рукописей русскихъ 124, иностранныхъ 678, плановъ, гравюръ, эстамповъ и фотографій 297; число томовъ: книгъ 67.118, періодическихъ изданій 11.300; въ студентской бібліотекѣ: книгъ русскихъ 1.412, иностранныхъ 1.376, періодическихъ изданій: русскихъ 62, иностранныхъ 51, рукописей русскихъ 2, иностранныхъ 5, плановъ, гравюръ, эстамповъ и фотографій 20, всего 11.360 томовъ. Въ астрономической обсерваторіи къ 1-му января 1870 года состояло на лицо инструментовъ 63; въ теченіе этого года новыхъ приобрѣтено не было. Въ 1870 году въ астрономической обсерваторіи продолжались работы прежнихъ лѣтъ, именно, описаніе сѣверной части неба отъ 75 до 80 градусовъ сѣлоненія: описаніе всего пространства между 78 и 80 градусами окончено. Опредѣленіе положенія всѣхъ звѣздъ до 9-й величины включительно производилось полуденнымъ кругомъ Репсольда. Студенты упражнялись ма-

лыми инструментами, преимущественно пассажнымъ инструментомъ Эртеля.

Въ физическомъ кабинетѣ вмѣстѣ съ метеорологическою обсерваторіей, съ собраніемъ инструментовъ и картъ по физической географіи, съ магнитною обсерваторіей и собраніемъ для практической механики, состоялъ 961 предметъ. Профессоръ *Больцани* лѣтомъ 1870 г. былъ за границею и посѣтилъ съѣздъ англійскихъ ученыхъ (British association for the advancement of science) въ Ливерпулѣ, гдѣ онъ сообщилъ описаніе инструментовъ, имъ устроенныхъ для опытовъ съ привязаннымъ аэростатомъ и для изслѣдованія температуры почвы. Главною цѣлью поѣздки былъ заказъ кабеля съ нужнымъ числомъ гальваническихъ проводниковъ для привязанія аэростата, такъ какъ устроить кабель въ Казани оказалось неисполнимымъ, и для личныхъ переговоровъ объ устройствѣ путешествія на свободномъ аэростатѣ. Кабель былъ заказанъ на англійскомъ заводѣ Сименса, но былъ полученъ въ Казани только въ февралѣ 1871 года. Такъ какъ, по отзыву знаменитаго метеоролога и аэронавта Глишера (Glaischer), съ которымъ профессоръ *Больцани* встрѣтился въ Ливерпулѣ, нельзя было надѣяться на пріѣздъ этого англійскаго аэронавта въ Казань въ 1870 году, а на французскихъ и нѣмецкихъ аэронавтовъ вовсе нельзя было разчитывать, то пришлось отложить поѣздку на свободномъ аэростатѣ до 1871 года. Г. Глешеръ, продолжаетъ оказывать профессору *Больцани* самую дѣятельную помощь въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ этого, профессоръ *Больцани* продолжалъ, послѣ возвращенія изъ-за границы, опыты надъ качаніемъ маятника въ разрѣженныхъ газахъ и составленіе курса физической географіи. Лаборантъ г. *Германъ* занимался сравненіемъ полученной изъ-за границы, по заказу университета, магнитной инклинаторіи съ индукціоннымъ приборомъ Вебера, при чемъ было опредѣлено магнитное наклоненіе на дворѣ университета и за городомъ въ ботаническомъ саду. Кандидатъ естественныхъ наукъ *Фатьяновъ* началъ въ физической лабораторіи изслѣдованіе надъ измѣреніемъ количества теплоты, развивающейся при нѣкоторыхъ химическихъ реакціяхъ. Работа эта еще продолжается. Бывшій студентъ 3 курса *Сердобольскій* занимался изслѣдованіемъ и градуаціей калориметра Фавра и Зильбермана. Студенты 1-го курса математическаго разряда занимались повтореніемъ нѣкоторыхъ опытовъ изъ общаго курса физики.

Въ химической лабораторіи 781 инструментовъ и снарядовъ. При работахъ и практическихъ занятіяхъ студентовъ постоянно чувствовалась потребность имѣть подъ руками необходимыя для справокъ нѣко-

тория полнаго руководства по химіи, а также и болѣе употребительныя періодическія изданія, поэтому въ 1870 году положено начало лабораторной библіотекѣ. Подобнаго рода небольшія библіотеки существуютъ при всѣхъ порядочныхъ лабораторіяхъ. Въ настоящемъ году приобрѣтено для лабораторій, кромѣ нѣкоторыхъ руководствъ, полное изданіе *Jahresbericht für Chemie*. Впослѣдствіи предполагается приобретать, по мѣрѣ возможности, полныя изданія другихъ важнѣйшихъ химическихъ журналовъ. Въ 1870 году практическими работами въ лабораторіи занимались всѣ студенты II и III курсовъ естественнаго разряда и нѣкоторые изъ студентовъ 1-го курса. Кромѣ того, работали нѣсколько фармацевтовъ и студентовъ другихъ факультетовъ и произведены слѣдующія изслѣдованія ordinarily профессоромъ *Морковниковымъ*: 1) Изученіе продуктовъ распада при возвышенной температурѣ оксизокаприловой кислоты. 2) Окисленіе дихлоргидрина. 3) Анализъ воды одного озера близъ Ходжента. 4) Изслѣдованіе продуктовъ окисленія окси-бутириновой кислоты. Хранитель музея *Сорокинъ* продолжалъ свои изслѣдованія надъ хлороидистымъ пропиленомъ. Кандидатъ разряда естественныхъ наукъ *Криваксинъ* изслѣдовалъ продукты окисленія хлоргидрина эоилена и началъ повѣрку работы Фиттига надъ дѣйствіемъ хлора на ацетонъ и Коріуса надъ превращеніемъ бромистаго эоилена въ альдегидъ. Эти двѣ работы въ настоящее время почти кончены.

Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіей 3.808 минеральныхъ штуфовъ, 2.159 кристаллографическихъ моделей и 44 аппарата. Средствами минералогическаго кабинета пользовались въ продолженіи 1870 года студенты и посторонніе слушатели первыхъ двухъ курсовъ естественнаго разряда.

Въ метеорологической обсерваторіи по прежнему продолжались въ 1870 году метеорологическія наблюденія подъ руководствомъ профессора *Болыцана* при участіи лаборанта *Германа*, г. *Сердобольскаго* и студента медицинскаго факультета *Юргелиса*. Кромѣ этого, лаборантъ *Германъ* производилъ параллельныя наблюденія съ инструментами и по плану академика *Вильде*.

Въ ботаническомъ саду состояло 4.835 экземпляровъ представителей различныхъ группъ растительнаго царства и 199 названій посуды и садовыхъ инструментовъ. Въ ботаническомъ кабинетѣ было 99 инструментовъ и приборовъ. Въ 1870 году здѣсь студентами были произведены изслѣдованія надъ распредѣленіемъ и значеніемъ сиренгина и салициана.

Въ музей физиологической анатоміи поступило 170 труповъ: 24 женскихъ и 146 мужскихъ, въ томъ числѣ 16 дѣтскихъ. Вскрытыхъ труповъ получено 34, не вскрытыхъ 136. Для практическихъ занятій анатоміей въ продолженіи года выдано студентамъ II курса 10 цѣльныхъ труповъ и 115 отдѣльныхъ частей ихъ, въ томъ числѣ 64, назначавшіяся для изученія сосудистой системы, были налиты окрашенными составами. Кромѣ того, студентамъ другихъ курсовъ выдано для занятій 6 труповъ цѣльныхъ и 54 отдѣльныя части. Ученицамъ 1-го акушерскаго класса въ продолженіи года выдано 7 цѣльныхъ труповъ и 29 отдѣльныхъ частей. Практическія занятія анатоміей происходили ежедневно подъ руководствомъ профессора и продолжались отъ 4-хъ до 7-ми часовъ вечера, по окончаніи каждаго препарата, студенты демонстрировали по нимъ всѣ приготовленныя части предъ профессоромъ. Такія демонстраціи препаратовъ бывали по нѣскольку разъ въ недѣлю и продолжались отъ 3-хъ до 4-хъ и болѣе часовъ, при чемъ отъ демонстрирующаго требовалось доказывать именно практическое знакомство съ представляемымъ препаратомъ, умѣнье и хотя нѣкоторый навыкъ къ необходимымъ для каждаго анатомическимъ приемамъ при препарованіи. Лекціи систематической анатоміи читались ежедневно 1½ часа и всегда демонстративно. Кромѣ этого, два раза въ недѣлю читаны были: лекціи анатоміи ученицамъ акушерскихъ классовъ и лекціи хирургической анатоміи студентамъ IV курса медицинскаго факультета. Въ продолженіи года профессоръ *Лессафтъ* напечаталъ слѣдующія работы: „Die Lumbalgegend in anatomisch-chirurgischen Hinsicht“, въ *Reichert's Archiv*. „О нижней или собственно глоточной сумкѣ у человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ“, въ *Протоколахъ* общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ. Помощникъ профессора *Малиевъ* напечаталъ: „Наблюденіе надъ движеніемъ сердца, вырѣзаннаго изъ груди зародыша“ — въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ*. Все имущество музея физиологической анатоміи къ 1-му января 1871 года состояло изъ 1.246 вещей. Кромѣ того, для антропологическаго музея приобрѣтено 43 скелета разныхъ инородцевъ Казанской губерніи и 27 череповъ татарскихъ и чувашскихъ. Отъ профессора барона *фонъ-Дюбека*, изъ Стокгольма, получено 6 шведскихъ череповъ. Въ музей патологической анатоміи въ 1870 году было сдѣлано 240 изслѣдованій: 227 надъ цѣльными трупами и 13 надъ отдѣльными частями и органами. Подробный отчетъ объ этихъ изслѣдованіяхъ будетъ напечатанъ въ *Извѣстіяхъ* Казанскаго университета. Въ медико-химической лабораторіи состояло 432 вещи. Въ ги-

стологическомъ кабинетѣ въ 1-му января 1870 года не состояло никакихъ инструментовъ и аппаратовъ. Въ теченіе 1870 года приобрѣтено 10 сложныхъ микроскоповъ и одинъ препаровальный. Въ фармакогностическомъ кабинетѣ и фармацевтической лабораторіи состояло: фармакогностическихъ собраній 304, фармацевтическихъ и химическихъ препаратовъ 125, секретныхъ и восточныхъ средствъ 124, моделей кристалловъ 109, фармацевтическихъ и химическихъ снарядовъ 120, книгъ 21, посуды для храненія минераловъ и мебели 658. За неизмѣнимъ отдѣльной фармацевтической лабораторіи, практическія занятія производились въ лабораторіи клинической аптеки. Приготовлено было 53 фармацевтическихъ препарата. Въ фармакологическомъ кабинетѣ и лабораторіи студенты III курса занимались, по 4 часа въ недѣлю, практическимъ изученіемъ дѣйствія болѣе употребительныхъ лѣкарственныхъ веществъ на животный организмъ. Эти занятія, вслѣдствіе факультетскаго постановленія, считаются обязательными для всѣхъ студентовъ означеннаго курса. Кромѣ того, были производимы въ параллель съ теоретическими лекціями соотвѣтствующіе необходимые опыты надъ животными, для большаго пониманія данныхъ, слышанныхъ студентами во время теоретическихъ чтеній. Преподавателемъ фармакологіи производилось изслѣдованіе надъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ спиртовъ и мышьяка на животный организмъ. Лаборантомъ фармацевтической лабораторіи *Глинскимъ* произведено изслѣдованіе о гидратѣ хлороуксуснаго альдегида, результаты коего напечатаны въ *Журналъ Русскаго Химическаго общества*.

Въ факультетской терапевтической клиникѣ въ 1-му января 1870 г. состояло больныхъ 26, въ теченіе года поступило 98, выписалось 77, умерло 20; затѣмъ въ 1-му января 1871 г. осталось больныхъ 27 человекъ. Амбулантамихъ больныхъ было 1.165 человекъ. Въ факультетской хирургической клиникѣ въ теченіе 1870 г. находилось на излѣченіи въ отдѣленіи стационарныхъ больныхъ 93 человекъ: мужчинъ 68, женщинъ 25; изъ нихъ выздоровѣло 82, получило облегченіе 7, не получило облегченіе 1, умерло 3. Надъ стационарными больными произведено 61 различныхъ хирургическихъ операцій, въ томъ числѣ 14 глазныхъ. Приходящихъ больныхъ въ теченіе года было 1.037 человекъ; надъ ними произведено 380 различнаго рода операцій. Въ факультетской акушерской клиникѣ отъ 1869 г. оставалось беременныхъ 6 и роженницъ 2, всего 8; въ теченіе 1870 года поступило беременныхъ 103; такимъ образомъ въ 1870 году всего было 111. Изъ нихъ разрѣшилось нормально 103, несвоевременно (до 28 недѣль) 2, при помощи

искусства 4, изъ нихъ двѣ посредствомъ операціи щипцами. Повивальный классъ для ученицъ при акушерской клиникѣ Казанскаго университета, учрежденный въ 1856 году профессоромъ акушерства, существовалъ нѣкоторое время, въ видѣ опыта (съ разрѣшеніемъ впрочемъ попечителя), какъ частное учрежденіе, но вскорѣ, по ходатайству университета, утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія. Съ 1856 года преподаваніе въ немъ не прекращалось и оно ничего не стоило ни правительству, ни учащимся. Съ 1856 года выпущено изъ нихъ болѣе 200 повивальныхъ бабокъ. Въ настоящее время ученицъ въ 2-хъ курсахъ 100, изъ нихъ 50 должны были кончить курсъ въ маѣ сего 1871 года. Въ 1-мъ курсѣ ученицы слушаютъ у профессора акушерства теорію этого предмета, отдѣльно отъ студентовъ, но почти въ томъ же объемѣ. Во 2-мъ курсѣ ученицы занимаются практически въ обѣихъ клиникахъ, независимо отъ студентовъ, и вромѣ того слушаютъ у профессора акушерства отдѣльно отъ студентовъ теорію женскихъ болѣзней. Кромѣ этого, онѣ упражняются, подъ личнымъ руководствомъ профессора, отдѣльно отъ студентовъ, на фантомѣ, въ опредѣленіи положеній плода и въ акушерскихъ операціяхъ. Главная цѣль этихъ упражненій — доставить ученицамъ тѣ знанія и умѣнье, которыя сдѣлали бы ихъ научно-образованными и надежными помощницами врачей, при производствѣ послѣдними акушерскихъ операцій, и въ крайнихъ случаяхъ дали бы имъ возможность и замѣстить врача. Въ факультетской гинекологической клиникѣ отъ 1869 г. больныхъ оставалось 11, въ теченіе 1870 г. поступило 21, всего было 32. Въ госпитальной терапевтической клиникѣ въ 1-му января 1870 г. состояло больныхъ 26; въ теченіе года поступило 168, а всего было 194 человѣка, изъ нихъ выздоровѣло 131, умерло 47, осталось безъ облегченія 16. Вскрыто умершихъ 18. Въ хирургической госпитальной клиникѣ въ теченіе 1870 г. всѣхъ больныхъ было польвовано 258, изъ нихъ мужчинъ 127, женщинъ 131. Изъ этого числа выздоровѣло 236, именно: 112 мужчинъ и 124 женщинъ; умерло 22: мужчинъ 15 и женщинъ 7. Операцій произведено 8, изъ нихъ 4 катаракты и 2 литотрипсіа.

— Доцентъ Казанскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи Н. А. *Осокинъ* сообщилъ намъ копію съ донесенія, представленнаго имъ историко-филологическому факультету по предмету занятій въ завѣдываемой имъ исторической семинаріи, состоящей при означенномъ факультетѣ. Занятія сіи заключаются въ нижеслѣдующемъ:

Отрывая практическія занятія по всеобщей исторіи подъ именемъ

исторической семинаріи во второй семестръ 1870/71 академическаго года, г. Осокинъ имѣлъ въ виду совмѣстить двѣ цѣли: педагогическую и научную. Въ виду того, что студенты, занимаясь извѣстною спеціальною въ университетѣ, не всегда могутъ, при ограниченности вакансій, особенно для преподавателей исторіи, посвятить себя педагогической дѣятельности по избранному предмету, а также принимая въ соображеніе, что историко-филологическіе факультеты по многимъ причинамъ не могутъ удовлетворять непосредственно педагогическому назначенію, — вторая цѣль представляется болѣе достижимою и существеннѣйшею для университета. Между тѣмъ при четырехлѣтнемъ курсѣ нѣтъ возможности изложить слушателямъ полную исторію развитія человѣчества; посему значительная часть предмета предоставляется самостоятельному изученію студентовъ. Но въ такомъ изученіи долженъ руководить ихъ научный методъ, который пріобрѣтается лишь рядомъ самостоятельныхъ практическихъ упражненій въ области извѣстной науки. Критика источниковъ, экзогетика, умѣнье ориентироваться въ неисчерпаемомъ матеріалѣ исторической науки, прочность попытокъ въ составленіи самостоятельныхъ работъ, — вотъ тѣ цѣли, къ достиженію которыхъ стремятся „историческія семинаріи“ въ Германіи и необходимость которыхъ чувствуется въ видахъ возвышенія уровня факультетскихъ занятій нашихъ университетовъ. Относясь на лекціяхъ лишь пассивно къ предмету, слушатель безъ практическихъ занятій долго не можетъ навывенуть въ удовлетворительной разработкѣ даннаго матеріала. Въ занятіяхъ практическихъ, студентъ, избравшій своею спеціальною исторію, работая надъ опредѣленною задачею, подвергаетъ себя суду преподавателя и товарищей на каждой фразѣ своего труда. Важность выводовъ, при успѣшномъ ходѣ занятій, оцѣнивается со всѣхъ сторонъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ достигается и педагогическая цѣль — умѣнье ясно и толково изложить извѣстную задачу, будетъ ли она спеціальнаго или общаго содержанія. Но должно замѣтить, что на практикѣ педагогическая сторона достигается наименѣе успѣшно въ силу своихъ особыхъ условий. Это подтверждается и отзывами авторитетныхъ въ ученomъ мірѣ руководителей спеціальныхъ педагогическихъ семинарій, учрежденныхъ прусскимъ правительствомъ въ Берлинѣ и Бреславлѣ.

Задавшись двойною цѣлью и сосредоточившись преимущественно на научной цѣли, г. Осокинъ, послѣ предварительной лекціи о назначеніи и цѣляхъ „семинарій,“ указалъ студентамъ на необходимость общаго веденія дѣла и предложилъ участвовать въ обсужденіи

предлагаемыхъ готовыхъ работъ каждому студенту, безъ различія курса. Разнообразіе темъ побуждало слушателей знакомиться предварительно въ общихъ чертахъ съ разными эпохами. Для тѣхъ же, которые, по содержанію своихъ годовыхъ сочиненій ¹⁾, сходились въ источникахъ, представлялась возможность контролировать читаемое извлеченіе изъ работы или всю ее по тексту основной лѣтописи, при чемъ испытанная постановка фактовъ выяснялась путемъ преній. Въ выборѣ темъ для студентовъ, со второго курса, г. Осокинъ держится слѣдующей постепенности. Во второмъ курсѣ предлагается переводъ какой-либо латинской средневѣковой лѣтописи для упражненія въ языкѣ и терминахъ, съ обязательнымъ изложеніемъ взгляда на содержаніе и значеніе памятника; слушатели, достаточно знакомые съ языкомъ варварской латини, избираютъ старо-французскіе мемуары не позже XVII вѣка; для третьяго курса рекомендуется анализъ нѣсколькихъ памятниковъ при разработкѣ известной темы, которая въ стройномъ и цѣлостномъ видѣ, при помощи пособій и второстепенныхъ источниковъ, разрѣшается уже въ четвертомъ курсѣ. Въ истекшій семестръ, ограниченность времени (9 собраній по 1½ и 2 часа) и необходимость ознакомить, по крайней мѣрѣ студентовъ IV-го курса, съ приемами практическихъ занятій, побудили г. Осокина допускать темы общаго содержанія, которыхъ, строго говоря, должно избѣгать въ семинаріяхъ. Но за то такія работы вызвали большее вниманіе слушателей и вводили ихъ въ болѣе широкій кругъ пособій и фактовъ. Такихъ вопросовъ было предложено два: „Маколей, какъ историкъ“ — студентомъ *Полянскимъ* и „объ историческомъ значеніи Римской имперіи“ — студентомъ *Гурьяновымъ*. Первый вопросъ былъ разобранъ въ два приема и вызвалъ противъ диспутанта самыя горячія возраженія. Авторъ, подавшій въ прошломъ году большой этюдъ о Маколей, написанный талантливо, но односторонне, задался задачей указать на вигскія пристрастія Маколея въ нѣкоторыхъ вопросахъ англійской исторіи, которыя иногда навращаютъ дѣло въ ущербъ истинѣ; это приводило автора къ односторонней и потому невѣрной оцѣнкѣ Маколея, какъ историка, которому онъ отказывалъ въ достоинствѣ безпристрастнаго ученаго, признавая за нимъ великія литературныя заслуги. Слушателямъ предстояло опровергнуть большую часть нападокъ автора, опираясь на „Essays“ и „Исторію Англій“, — и эту задачу они исполнили съ большимъ успѣхомъ. Преподавателю

¹⁾ Такия сочиненія обязательны для филологовъ трехъ послѣднихъ курсовъ.

оставалось лишь направлять пренія. Къ числу вопросовъ общаго же содержанія относятся темы студентовъ III-го курса: Михайла Осокина — „Византійская администрація“ и Коробичина — „О состояніи нѣмецкихъ средневѣковыхъ городовъ до образованія союзовъ“; та и другая были прочитаны этими студентами, какъ извлеченіе изъ ихъ обширныхъ сочиненій. Нельзя не отнести съ особенною похвалою въ первой изъ нихъ, представляющей интересную попытку самостоятельно разработать по первичнымъ источникамъ исторію Македонской династіи. На византологію, какъ на слабо разработанную часть всеобщей исторіи, по мнѣнію г. Осокина, должны быть направлены особенныя усилія именно русскихъ изслѣдователей.

Три остальные чтенія, происходившія въ семинаріи, отличались спеціальнымъ характеромъ, будучи близки между собою по содержанію. Всѣ они относятся къ средневѣковой итальянской исторіи, которая можетъ дать неистощимый и всегда свѣжій матеріалъ для занятій въ семинаріи. Не упоминая о старыхъ обширныхъ сборникахъ, новая масса источниковъ, помѣщенныхъ въ Monumenti di storia patria и въ Archivio storico-italiano, разнообразныя воззрѣнія на множество частныхъ итальянской исторіи, — все это передается въ спеціальныхъ подробныхъ разборахъ, развивающихъ систематично методъ и критику. Г. Осокинъ замѣчаетъ, что занятія въ этой области могутъ имѣть значеніе только подъ условіемъ знакомства съ итальянскимъ языкомъ. Указывая постоянно на необходимость знанія послѣдняго для серьезныхъ занятій по средневѣковой и новой исторіи, г. Особинъ съ особеннымъ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ нѣкоторые студенты, владѣющіе этимъ языкомъ, могутъ съ успѣхомъ пользоваться имъ, работая самостоятельно по итальянскимъ лѣтописямъ и пособіямъ. Темы по итальянской исторіи были избраны студентами: Гурячковымъ — „первый походъ Барбароссы въ Ломбардію“, Ситорскимъ — „Каструччіо Кастракани“, Горячевымъ — „Черные и Бѣлые во Флоренціи“. Изъ взаимныхъ возраженій этихъ студентовъ, г. Осокинъ могъ убѣдиться въ достаточномъ знакомствѣ перваго съ Оттономъ Фрейзингенскимъ и Раулемъ, а послѣднихъ съ Дино Компаньи и мѣстами съ Джіованни Виллани, на которыхъ основывались доводы авторовъ работъ, и студента Полинскаго, дѣлавшаго главныя возраженія Ситорскому. Существенный вопросъ заключался въ анализѣ различныхъ свидѣтельствъ о происхожденіи итальянскихъ городскихъ партій. Если у студента Горячева замѣтно было излишнее довѣріе въ показаніямъ и характеристикамъ Дино Компаньи, то у другихъ

проявлялось желаніе критически отнестись къ его хроникѣ и сравнить ее съ Малеспини и компиляціями Виллани и Аретино.

Въ виду того, что студенты читаютъ, а не разказываютъ свои работы, нельзя, говорить г. Осовинъ, дѣлать заключеній о ихъ педагогическихъ способностяхъ, но слѣдуетъ замѣтить, что всѣ упомянутыя статьи написаны ясно, логично и толково. Успѣхъ практическихъ занятій убѣждаетъ г. Осокина въ пользѣ и необходимости ихъ продолженія. Присутствіе при нихъ большинства студентовъ факультета служить доказательствомъ живаго интереса, который они въ нихъ возбуждаютъ.

Г И М Н А З І И.

Совѣщанія педагогическаго совѣта Калишской гимназій объ увеличеніи требованій по русскому языку отъ поступающихъ въ первый классъ гимназій и о способахъ преподаванія древнихъ языковъ. — Торжественные акты въ 1-й и 2-й Виленскихъ гимназіяхъ.

Въ засѣданіи педагогическаго совѣта Калишской мужской классической гимназій обсуждались способы преподаванія древнихъ языковъ. Учитель латинскаго языка *Ремъ*, преподающій латинскій языкъ въ трехъ низшихъ классахъ этой гимназій (I, II и III), въ представленной имъ запискѣ заявилъ, что главное вниманіе при преподаваніи этого языка обращено имъ на усвоеніе учениками латинскихъ формъ, помимо другихъ дѣлей, требуемыхъ отъ преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ. Эта исключительность вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что ученики даже IV-го класса не знали самыхъ простыхъ формъ склоненій и спряженій. Впрочемъ, это не было совершенное незнаніе; вслѣдствіе прежде употреблявшагося способа ученія, все заученное ими смѣшалось и перепуталось въ нихъ до такой степени, что они едва въ состояніи были отличать формы склоненій и спряженій, не говоря уже о томъ, что постоянно смѣшивали формы одного склоненія съ формами другаго. Въ виду этого, прежде всего нужно было привести въ систему и уяснить ученикамъ ихъ сбивчивыя познанія, дабы потомъ можно было начать производительно вести дѣло преподаванія соотвѣтственно требованіямъ класса. Для этой дѣли служили переводы съ русскаго языка на латинскій, при постоянной перифразировкѣ, которыми мало по малу достигнуто теперь, что ученики, за рѣдкими исключеніями, усвоили основы языка, при чемъ, конечно, были задаваемы имъ на домъ уроки изъ грамматики, начиная съ перваго склоненія. Въ настоящее время ученики

доведены этими упражненіями до возможности переводить Корнелія Непота. Письменных домашних упражненій они еще не дѣлаютъ; но вмѣсто нихъ пишутъ extemporalia одинъ разъ въ каждыя двѣ недѣли. Эти упражненія даютъ учителю самое дѣйствительное средство узнать, въ чемъ именно ученики слабы, и служатъ для него указаніемъ, на чемъ преимущественно ему нужно останавливаться при преподаваніи. Во II-мъ классѣ нужно было начать вновь то, что преподавалось въ I-мъ и тѣмъ же самымъ способомъ, то-есть, посредствомъ подбора фразъ, соответственныхъ внученнымъ формамъ склоненій и спряженій, и съ помощію перифразовъ. Въ I-мъ классѣ не малымъ затрудненіемъ для учителя латинскаго языка служитъ то обстоятельство, что ученики этого класса, особенно въ началѣ года, совершенно незнакомы съ формами русскаго языка; поэтому учитель латинскаго языка поставленъ въ необходимость сначала познакомить ихъ съ формами языка русскаго и потомъ уже начинать изученіе формъ латинскихъ, соображаясь съ ихъ знаніемъ формъ русскихъ, что отнимаетъ у него много времени.

На это обстоятельство г. инспекторъ гимназій предложилъ совѣту обратить особенное вниманіе, потому что оно сопряжено со многими педагогическими неудобствами при обученіи иностраннымъ языкамъ. Не говоря уже о томъ, что незнаніе учениками формъ языка русскаго затрудняетъ учителей иностранныхъ языковъ при обученіи ихъ этимъ языкамъ и заставляетъ употреблять много времени на ознакомленіе ихъ съ этими формами,—обстоятельство это влечетъ еще за собою и другія, болѣе важныя въ учебномъ отношеніи послѣдствія. Ученики, поставленные въ необходимость изучить въ одно и то же время формы нѣсколькихъ языковъ, при самомъ рациональномъ преподаваніи оказываются мало успѣвающими, потому что, оставляя логическое сходство языковъ, имъ приходится усваивать только механически формальныя ихъ отличія. Естественно, что въ головахъ ихъ все смѣшивается и перепутывается до такой степени, что, не имѣя точки опоры въ предварительномъ знакомствѣ съ формальною стороною русскаго языка, они при всемъ своемъ стараніи не въ состояніи совладать съ формами другихъ изучаемыхъ ими языковъ, и такимъ образомъ, вслѣдствіе недостатка твердаго основанія, является необходимымъ результатомъ малоуспѣшность учениковъ въ языкованіи. Другое обстоятельство, сопровождающееся, при такомъ положеніи вещей, неблагоприятными послѣдствіями, есть то, что отъ этого страдаетъ и русскій языкъ, тѣмъ болѣе учителя иностранныхъ язы-

ковъ, при обученіи формамъ языка русскаго, вкореняютъ въ памяти учениковъ собственныя ошибки противъ правильности этого языка, отъ которыхъ потомъ ученикамъ трудно отдѣлаться, напримѣръ: *я была бы сказала* и тому подобное. Въ томъ случаѣ, когда ученики знаютъ извѣстную форму русскаго имени или глагола, они, конечно, исправятъ ошибку учителя, а при недостаткѣ этого знанія, ошибка учителя надолго запечатлѣвается въ памяти ученика. Такого неудобства въ настоящее время легко избѣжать; стоить только усилить требованія по русскому языку при приѣмѣ учениковъ въ гимназію, поставивъ необходимымъ условіемъ, чтобы поступающіе въ первый классъ знали русскія правильныя склоненія и спряженія, дабы такімъ образомъ учителю иностраннаго языка не было надобности заниматься на первыхъ же порахъ двумя языками—иностраннымъ и отечественнымъ-русскимъ. Для желающихъ поступить въ Калишскую гимназію эти требованія не покажутся неудобноисполнимыми, потому что въ настоящее время существуетъ при ней правильно организованное приготовительное училище, въ которомъ преподаютъ русскій языкъ учителя гимназій и гдѣ плата за ученіе столь незначительна, что не затруднитъ доступа къ этому училищу даже дѣтямъ самыхъ бѣдныхъ родителей. При этомъ г. инспекторъ гимназій заявилъ, что хотя ученики, даже высшихъ гимназическихъ классовъ, пишутъ грамматически правильно, но они усвоили себѣ эту правильность механически, безъ яснаго сознанія грамматическихъ правилъ. Поэтому стоить только сказать ученику, что данное слово неправильно имъ написано, онъ сейчасъ же начнетъ исправлять его, хотя бы въ этомъ и не было дѣйствительной надобности. Не рѣдко также попадаются въ одномъ и томъ же сочиненіи одни и тѣ же слова и правильно написанныя и съ ошибками. Г. инспекторъ полагаетъ, что въ этомъ случаѣ причина заключается не въ методѣ преподаванія русскаго языка и не въ недостаткѣ внимательности со стороны учениковъ при изученіи этого языка; дѣло тутъ въ томъ, что слѣдуя программѣ, преподаватели не знакомятъ учениковъ съ тѣми основаніями, по которымъ русскій языкъ въ настоящее время принялъ такую или другую форму, то-есть, съ исторіей языка. Но г. инспекторъ не имѣетъ въ виду вводить въ гимназическій курсъ научно-систематическое преподаваніе исторіи русскаго языка и ваставлять ученика гимназій слѣдить за всѣми видоизмѣненіями, какія принималъ нашъ языкъ въ извѣстныя эпохи; онъ полагаетъ вполне необходимымъ лишь ознакомленіе учениковъ съ основами языка и его видоизмѣненіями въ

важнѣйшихъ формахъ, что послужить для нихъ руководительною нитью, особенно при изученіи правилъ русскаго правописанія, и доставить имъ возможность не стать въ тупикъ при словахъ, которыя пишутся равно правильно съ буквами *ж* и *з*, *и* и *і* и т. под. Для этого достаточно. по мнѣнію г. инспектора, одного часа въ недѣлю въ VII-мъ или VI-мъ классѣ гимназій. „Ни сколько не кажется намъ страннымъ, присо-вокунилъ г. инспекторъ, когда мы слышимъ, что на урокахъ грече-скаго языка объясняются ученикамъ разныя измѣненія этого языка отъ гомеровскаго до александрійскаго періода, и что ученикъ въ гре-чeskихъ словахъ, для правильнаго производства данной формы скло-неній, съ точностію отличаетъ корни отъ приставокъ и сознательно исполняетъ правила орфографіи, свойственной различнымъ греческимъ діалектамъ. Почему же не принять намъ такого же научнаго метода и при изученіи нашего русскаго языка, въ замѣнъ употребляемыхъ для этого большею частію чисто-механическихъ приѣмовъ, доставляющихъ знаніе не твердое и легко испаряющееся?“ Вслѣдствіе такого предло-женія г. инспектора, педагогическій совѣтъ призналъ необходимымъ, въ интересѣ языковъ какъ иностранныхъ, такъ и русскаго, требовать отъ поступающихъ въ первый классъ гимназій не только умѣнья чи-тать и писать по русски, но и знанія правильныхъ формъ склоненій и спряженій, а для болѣе основательнаго изученія учениками гим-назій русскаго языка положилъ знакомить учениковъ VII-го класса съ историческими основаніями современнаго строя русской рѣчи и ея орфографіи, если послѣдуетъ на то и другое согласіе окружнаго на-чальства. Но окружное начальство признало нужнымъ получить отзы-вы объ этомъ предметѣ отъ педагогическихъ совѣтовъ прочихъ гим-назій округа, такъ какъ требованія отъ поступающихъ въ гимназій и программы преподаванія въ однородныхъ заведеніяхъ одного и того же округа должны быть одинаковы и всѣмъ имъ общи.

Затѣмъ представили на обсужденіе совѣта способы преподаванія древнихъ языковъ учителя Калишской гимназій: гг. *Бальчевскій*, *Рос-сицкій* и *Фукъ*.

По латинскому языку г. Бальчевскій засталъ III-й классъ до та-кой степени слабымъ, что ученики по большей части не знали того, что должны знать въ I-мъ классѣ; поэтому онъ долженъ былъ начать занятія съ ними съ курса I класса, то-есть, нужно было непрерывно упражнять ихъ въ правильныхъ склоненіяхъ и спряженіяхъ и лишь мало по малу заставлять изучать неправильныя склоненія именъ, повторяя притомъ и правильныя спряженія, такъ что только во вто-

рой четверти года начаты *verba deponentia*, *conjugatio periphrastica* и *verba anomalia*. Для прочнаго утверженія въ памяти учениковъ всѣхъ грамматическихъ правилъ и для обогащенія ихъ запасомъ словъ, г. Бальчевскій заставлялъ ихъ съ перваго же урока приготовляться дома къ переводу съ русскаго языка на латинскій, считая это самымъ лучшимъ средствомъ для достиженія вышеозначенной цѣли. Но, чтобъ эти переводы не были изучаемы механически, спрошенный ученикъ долженъ былъ не только дать самый точный отчетъ объ употребленныхъ имъ формахъ, но, кромѣ того, отвѣчать на дѣланные ему перифразы переведеннаго предложенія. Съ цѣлью удержанія при этомъ въ напряженіи вниманія прочихъ учениковъ, г. Бальчевскій заставляетъ всѣхъ ихъ дѣлать въ умѣ данный перифразъ и очень часто обращается съ вопросами то къ тому, то къ другому изъ учениковъ класса. Неудовлетворительность отвѣта ученика, происходящая отъ недостатка знанія, или отъ невниманія, не остается безъ должнаго со стороны учителя наставленія, и въ случаѣ очевидной разсѣянности ученика, онъ ставитъ ему худую отмѣтку. Перифразированіе онъ считаетъ не только самымъ лучшимъ методомъ для упроченія пройденныхъ грамматическихъ правилъ, но и отличнымъ средствомъ къ тому, чтобы заставить ученика работать самостоятельно и лишить его возможности полагаться на одинъ свой домашній трудъ или на помощь репетитора. Переводить Евтропія г. Бальчевскій началъ съ учениками уже въ концѣ первой трети. При переводѣ онъ требуетъ отъ учениковъ: 1) точнаго знанія значенія всѣхъ словъ, входящихъ въ содержаніе извѣстнаго урока, и 2) отчетливаго разбора всѣхъ именъ по этимологическимъ формамъ, то-есть, обозначенія склоненія, родительнаго падежа, рода и числа. Если уже объяснена была извѣстная неправильность склоненія, то ученикъ долженъ отвѣтить, въ чемъ она состоитъ и какія подобныя неправильныя слова подлежатъ тому же исключенію, а въ глаголахъ онъ долженъ назвать всѣ главные времена. Письменныхъ упражненій учитель не назначаетъ ученикамъ на домъ, а заставляетъ ихъ писать въ классѣ *extemporalia*. Для этого ученики напередъ повторяютъ переведенныя на послѣднихъ трехъ или четырехъ урокахъ русскія предложенія, причемъ они предупреждаются, что эти уроки послужатъ имъ предметомъ для упражненій, именуемыхъ *extemporalia*, которыя состоятъ въ перифразированіи назначаемаго отрывка. Не диктуетъ имъ впоорядъ цѣлаго отрывка на русскомъ языкѣ, но, передавая предложеніе за предложеніемъ, иногда съ повтореніемъ нѣсколько разъ

одного и того же, учитель заставляет их тотчас переводить на латинский языкъ каждое продиктованное учителемъ русское предложение. Этотъ способъ отрывочной диктовки, конечно, умѣстенъ только въ низшихъ классахъ, гдѣ extempore не есть упражненіе въ синтаксическихъ правилахъ, а только въ этимологіи, и онъ хорошъ въ томъ отношеніи, что, лишая ученика возможности исвать помощи у товарищей, заставляетъ его самого скорѣе рѣшить предложенную ему задачу, а извѣстная быстрота рѣшенія имѣетъ свою важность въ педагогическомъ отношеніи.

Методъ, которымъ пользуется учитель *Россицкій*, преподающій латинскій и греческій языки въ V классѣ гимназій, состоитъ въ слѣдующемъ: заданный ученикамъ отрывокъ изъ автора они должны дома обработать подробно и тщательно; въ классѣ вызванный ученикъ долженъ знать сперва точное значеніе каждого слова, а потомъ, сколько возможно, значеніе, соответствующее мысли автора; далѣе требуется, чтобъ онъ въ періодахъ предложенія и въ предложенияхъ слова расположилъ въ соответственномъ порядкѣ и чтобъ уяснилъ взаимное отношеніе и зависимость предложеній. Если во всемъ этомъ онъ удовлетворитъ требованіямъ, то въ такомъ случаѣ учитель не сомнѣвается, что ученикъ дѣйствительно приготовлялся къ уроку самостоятельно, безъ чужой помощи, и что заданный урокъ имъ обдуманъ съ употребленіемъ на то достаточнаго времени. Чтобъ, однакожь, ученики, желающіе основательно подготовиться къ урокамъ, имѣли время заняться и другими предметами, имъ задается для перевода обыкновенно десять строкъ на одинъ урокъ; такой урокъ не займетъ дома даже и у слабѣйшихъ учениковъ больше одного часа. Въ классѣ ученикъ, приступая къ переводу, объясняетъ встрѣчающіяся синтаксическія правила, на сколько они ему извѣстны изъ класснаго преподаванія; тѣ же правила, которыя ученикамъ еще неизвѣстны, объясняетъ самъ учитель, и чтобъ убѣдиться въ томъ, что они хорошо поняли его, даетъ имъ тутъ же на данное правило нѣсколько примѣровъ для перевода; если двумя или тремя учениками переводъ сдѣланъ удовлетворительно, то по этому учитель заключаетъ, что объясненное правило ими понято. Затѣмъ, послѣ достаточнаго уясненія и перевода вновь заданнаго отрывка, онъ заставляетъ учениковъ повторить предидущій урокъ, требуя при этомъ отчетливаго знанія всѣхъ, встрѣчающихся въ немъ грамматическихъ правилъ и уясненныхъ имъ особенностей языка. Такого же порядка учитель держится и при переводахъ по греческому языку, съ тою только

разницею, что на урокъ не задаетъ болѣе шести строкъ изъ Ксенофонта.

Инспекторъ гимназія г. Стефановичъ обратилъ при этомъ вниманіе педагогическаго совѣта на то обстоятельство, что ученики обыкновенно при переводахъ съ латинскаго, греческаго и даже нѣмецкаго языка записываютъ въ особо заведенныхъ тетрадяхъ сдѣланный учителемъ переводъ по русски. По его мнѣнію, это мѣшаетъ самодѣятельности ученика при занятіяхъ иностранными языками. Главная цѣль преподаванія въ гимназіяхъ латинскаго и греческаго языковъ, по мнѣнію г. Стефановича, та, чтобъ эти языки служили однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ орудій къ развитію мыслительной дѣятельности учениковъ. Но если ученики вслѣдъ за учителемъ будутъ записывать русскій переводъ автора, то имъ не будетъ необходимости работать надъ пониманіемъ смысла текста, составляющимъ необходимое условіе для точнаго перевода онаго на русскій языкъ. Съ другой стороны, и въ классѣ подобное записываніе переводовъ мѣшаетъ ученику внимательно слѣдить за урокомъ и работать мысленно, такъ какъ въ такомъ случаѣ работаетъ только тотъ ученикъ, котораго спрашиваютъ, а прочіе остаются незамѣтными своимъ дѣломъ. Такимъ образомъ ускользаетъ главная задача преподаванія — достиженіе возможно-большей самостоятельности учениковъ какъ при классной, такъ и при домашней работѣ. Записавъ въ классѣ русскій переводъ текста древняго автора, ученикъ по этой запискѣ въ полчаса приготовится къ будущему уроку, а это равносильно тому, какъ если бы ученики просто надписывали русскій переводъ надъ строками текста древнихъ авторовъ, — результатъ одинъ и тотъ же, то-есть, формальное, а не рациональное изученіе предмета.

Нѣкоторые члены совѣта, въ защиту записыванія переводовъ, представили то, что нѣкоторые авторы, напримѣръ, Титъ Ливій, до того трудны, что ученики, не записавши перевода ихъ, не въ состояніи усвоить его даже при помощи учителя. На это г. инспекторъ возразилъ, что переводить извѣстныхъ авторовъ не для нихъ самихъ, а для умственнаго развитія учениковъ, и что если извѣстное мѣсто у автора превышаетъ пониманіе учениковъ, то оно не можетъ содѣйствовать развитію ихъ мышленія, а потому въ педагогическомъ отношеніи полезнѣе оставить такое мѣсто и заняться тѣмъ, что можетъ принести дѣйствительную пользу, — тѣмъ болѣе, что нѣтъ въ программѣ указанія, какія именно мѣста переводить; это предоставляется педагогической опытности преподавателя. Лучше перевести

двѣ строчки, да такъ, чтобъ ученики сознательно усвоили пройденное, чѣмъ 20 механически. Другое дѣло, если ученикъ записалъ переводъ послѣ самостоятельной работы надъ нимъ, и только исправляетъ его послѣ объясненій учителя: такое записываніе перевода, безъ сомнѣнія, приноситъ пользу. Но и въ этомъ случаѣ нужно заботиться, чтобы другіе ученики не воспользовались работою своего товарища и не представляли чужихъ переводовъ. Съ этими замѣчаніями г. инспектора согласились всѣ члены совѣта.

Наконецъ учитель *Фуль* изложилъ свой способъ преподаванія латинскаго языка, заключающійся въ слѣдующемъ:

Въ VII-мъ классѣ назначено по росписанію для латинскаго языка 5 уроковъ въ недѣлю. Изъ нихъ г. Фуль употребляетъ 2 на чтеніе Вергилія, 2 на чтеніе Цицерона и 1 на устные и письменные переводы съ русскаго на латинскій языкъ. Изъ Цицерона рѣчь „pro lege Manilia“ пройдена до конца ноября (1—18), изъ Вергилія прочитана значительная часть Энеиды (17, 434—647). Въ ожиданіи замѣчанія, что этого для VII-го класса, сравнительно съ употребленнымъ на то временемъ, слишкомъ мало, г. Фуль пояснилъ, что главная причина этой медленности лежитъ въ самомъ методѣ преподаванія. Вѣрный принятому имъ правилу, что при преподаваніи древнихъ языковъ главное дѣло—умственное развитіе учениковъ, къ чему самое изученіе языковъ служить только средствомъ, онъ не считаетъ возможнымъ довольствоваться однимъ только лингвистическимъ разборомъ, а признаетъ необходимымъ обращать вниманіе на все, что способствуетъ къ достиженію главной цѣли. Чтобы ничего не упустить изъ виду, онъ счелъ нужнымъ опредѣлить разъ навсегда для своихъ уроковъ надлежащій порядокъ, отъ котораго уклоняется только въ особенныхъ случаяхъ, если этого требуетъ польза учениковъ. Этотъ порядокъ есть слѣдующій: вызванный ученикъ долженъ прежде всего опредѣлить точку, на которой остановился предыдущій урокъ. Это дѣлается или посредствомъ перевода предыдущаго урока, или же, если логическая сторона менѣе важна, какъ напримѣръ, при чтеніи Гомера, то просто опредѣленіемъ времени и мѣста дѣйствія съ обозначеніемъ дѣйствующихъ лицъ. Потомъ ученикъ читаетъ и прямо переводитъ отрывокъ, назначенный въ предыдущемъ урокѣ для домашняго приготовленія. Этимъ онъ обнаруживаетъ результатъ своего домашняго труда. Уже изъ самаго чтенія, а тѣмъ болѣе изъ перевода, видно, на сколько онъ понялъ данное мѣсто. Если чтеніе было вполне правильно, а переводъ удаченъ, то объясненія ограничиваются

только самыми важными или совершенно новыми фактами въ грамматическомъ и логическомъ отношеніяхъ и указаніемъ на достоинства и мѣткіе обороты рѣчи въ сдѣланномъ ученикомъ переводѣ. Но это, разумѣется, рѣдкій случай; обыкновенно бываютъ ошибки и неудачи. Исправить ихъ такъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ довести ученика до узнанія причины, почему онъ ошибся, и указать ему путь, какимъ онъ впередъ долженъ идти, чтобы избѣгать подобныхъ ошибокъ,—это, по мнѣнію г. Фука, самая важная задача учителя. Чтобы рѣшить ее, онъ приводитъ ученика къ сознанію его ошибокъ обыкновенно *deductio ad absurdum*, доказывая ему, что его фальшивый переводъ противорѣчитъ или правиламъ языка, или логической связи. Потомъ, отъ указанія ученику основательнаго значенія труднѣйшихъ словъ, г. Фукъ переходитъ съ нимъ къ показанію значеній какъ переносныхъ, такъ и тѣхъ, которыя получаютъ слова вслѣдствіе соединенія ихъ съ другими словами; объясняетъ синтаксическія конструкціи, пропуская тѣ изъ нихъ, которыя ученикамъ вполне извѣстны; указываетъ при этомъ на разницу или сходство языковъ латинскаго и русскаго, и уяснявъ взаимное логическое отношеніе предложеній, требуетъ отъ ученика безошибочнаго перевода даннаго мѣста. Все это, при употребленіи сократическаго метода, дѣлается такимъ образомъ, что вызванный ученикъ, посредствомъ постоянныхъ вопросовъ, приводится къ уразумѣнію сущности дѣла. Если онъ на какой-нибудь вопросъ не отвѣтитъ, то призывается въ помощь ему кто-либо изъ товарищей. Наконецъ г. Фукъ прибавляетъ отъ себя объясненія, относящіяся къ древностямъ, къ мифологіи, исторіи и географіи въ такомъ объемѣ, какой ему кажется нужнымъ для основательнаго пониманія переведеннаго отрывка. Такая обработка классическихъ сочиненій поглощаетъ довольно много времени; если же принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что при труднѣйшихъ мѣстахъ нѣкоторыя объясненія нужно повторить нѣсколько разъ, чтобы они въ классѣ же сдѣлались собственностью учениковъ, то опытному преподавателю нельзя не согласиться, что при такомъ методѣ много читать невозможно. Но что этотъ методъ не остается безъ пользы для учащихся, въ томъ можно удостовѣриться изъ сдѣланныхъ учениками VII класса успѣховъ въ латинскомъ языкѣ, которые опредѣляются ихъ отмѣтками. Изъ числа 33 учениковъ этого класса получили отмѣтки: за первую четверть года—весьма удовлетворительную 1, удовлетворительную 25, неудовлетворительную 7; за вторую четверть—весьма удовлетворительную 4, удовлетворительную 24, неудовлетворительную 5. У 7-и изъ нихъ замѣчено поступаніе прогрессивное, а

у 2-х регрессивное, происходящее у этих послѣднихъ частію отъ болѣзни, а частію отъ малоспособности. Таковъ результатъ показываетъ, что въ нынѣшнемъ VII-мъ классѣ отличныхъ учениковъ мало, но за то достаточное количество оказавшихъ успѣхи удовлетворительные; да и о получившихъ неудовлетворительныя отиѣтки нельзя сказать, чтобъ они не трудились; неусиѣнность ихъ произошла или отъ недостаточной подготовки, или отъ слабыхъ способностей, или отъ болѣзни. Поэтому успѣхи учениковъ этого класса по-латинскому языку вообще можно признать удовлетворительными. Но есть у нихъ и недостатки, которые хотя отчасти уже исправлены, но не совершенно еще устранены. Самый важный недостатокъ состоитъ въ томъ, что ученики при домашнихъ приготовленіяхъ занимаются болѣе механически и довольствуются поверхностнымъ знаніемъ, не вникая въ сущность дѣла. Правда, это происходитъ по большей части или отъ недостаточнаго умственнаго развитія, или отъ того, что новые авторы представляютъ ученикамъ новыя затрудненія; но не подлежитъ сомнѣнію, что переводъ назначеннаго для домашняго приготовленія отрывка изъ Цицерона или Платона, сколько-нибудь сносный, въ началѣ учебнаго года составлялъ особенную рѣдкость, и поэтому г. Фукъ долженъ былъ сначала довольствоваться тѣмъ, что заставлялъ учениковъ заниматься дома прискиваніемъ значенія словъ извѣстнаго имъ назначеннаго мѣста автора и разборомъ самыхъ простыхъ конструкций; основательный же разборъ и переводъ онъ дѣлалъ съ ними самъ въ классѣ и заставлялъ ихъ заучивать объясненное, пока не приучилъ ихъ должнымъ образомъ приготовляться къ урокамъ. Вслѣдствіи онъ перемѣнилъ этотъ методъ и сталъ требовать отъ учениковъ самостоятельнаго слѣдованія указанному имъ способу, состоящему въ томъ, чтобы назначенный отрывокъ ученики сами старались дома понять и перевести, а въ классѣ онъ только пополнялъ недостатки и исправлялъ ошибки. Эта самостоятельная работа, сколько могъ замѣтить г. Фукъ, чрезвычайно способствовала ихъ умственному развитію. Склонность учениковъ къ механическому способу занятій была замѣтна и въ ихъ письменныхъ упражненіяхъ. Большинство ошибокъ происходитъ отъ того, что при письменномъ переводѣ ученики смотрятъ только на то слово, которое онъ переводитъ, не обращая вниманія на его связь и зависимость отъ другихъ словъ, вообще на логическія отношенія мыслей. Большаго труда стоило г. Фуку познакомить учениковъ съ самыми обыкновенными формами предложеній. Правда, на годичныхъ испытаніяхъ учениковъ низшихъ классовъ

стало замѣтно, что теперь на эту сторону обращается болѣе вниманія; но она такъ важна, что заслуживаетъ особенной заботливости о ней преподавателей какъ древнихъ, такъ и новыхъ языковъ. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что ученики находятся въ большомъ затрудненіи, если имъ придется работать надъ отвлеченными понятіями; отъ этого же происходитъ и то, что для нихъ гораздо труднѣе чтеніе Цицерона и Платона, чѣмъ Вергилія и Гомера. Замѣчательно, что при томъ же методѣ преподаванія знаніе учениковъ погреческому языку прочнѣе и чтеніе греческихъ авторовъ для нихъ легче, чѣмъ латинскихъ.

Означенные способы преподаванія учителей древнихъ языковъ одобрены педагогическихъ совѣтомъ Калишской гимназіи.

— Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* (№№ 73 и 74) помѣщено извѣстіе о торжественныхъ актахъ, происходившихъ въ 1-й и 2-й Виленскихъ гимназіяхъ.

20-го іюня происходилъ актъ въ 1-й Виленской классической гимназіи. Въ началѣ акта, хоръ изъ воспитанниковъ гимназіи пропѣлъ духовную пѣснь: „Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра“. Изъ прочитаннаго затѣмъ отчета видно, что учебная дѣятельность въ гимназіи началась 19-го августа прошлаго года. Къ началу этого учебнаго года прежде бывшихъ учениковъ состояло 309; желавшихъ поступить въ гимназію и подававшихъ о томъ прошенія было 176, изъ числа коихъ 158 были приняты; слѣдовательно, число всѣхъ учениковъ, при началѣ учебнаго года, было 467, въ томъ числѣ по *исповѣданіямъ*: православнаго 139, римско-католическаго 278, евангелическо-лютеранскаго 13, евангелическо-реформатскаго 7, іудейскаго 25, каранскаго 1 и магометанскаго 4; по *сословіямъ*: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 361, лицъ духовнаго званія 21, городскихъ сословій 63, сельскихъ сословій 18 и иностранцевъ 4.

Настоящій годъ былъ вторымъ послѣ того, какъ въ гимназіи введено полное преподаваніе учебныхъ предметовъ по программамъ, установленнымъ для классическихъ гимназій съ 2-мя древними языками; въ теченіе настоящаго года введено преподаваніе свѣтскаго хоральнаго пѣнія и гимнастики. Результатъ учебнаго года представляется въ слѣдующемъ видѣ. Изъ общаго числа учениковъ: окончили полный курсъ 15; переведено въ соответствующіе высшіе классы 252, — что составляетъ 59% всего числа учащихся; подвергнутся не явившіся, по причинѣ болѣзни, испытанію послѣ валацій 2; въ окончательному испытанію въ VII-мъ классѣ не явились 2; оставлены въ прежнихъ

классахъ 133; уволены изъ гимназiи, на основанiи § 63 уст., за малоуспѣшность, 23. Послѣ прочтенiя отчета, ученики III-го класса *Лукавскiй*, IV-го *Федоровъ* и V-го *Вишняковъ* прочли избранныя стихотворенiя и гимназическiй хоръ пропѣлъ *неаломъ*: „Небеса повѣдаютъ славу Божию“. Затѣмъ были объявлены имена учениковъ, переведенныхъ въ слѣдующiе высшiе классы и розданы награды и аттестаты. Окончившiй курсъ ученикъ VII класса *П. Жирновъ* прочелъ свое сочиненiе, и актъ заключился пѣнiемъ гимназистами народнаго гимна: „Боже, Царя храни!“ Управляющiй округомъ, помощникъ попечителя, *М. А. Малиновскiй*, поздравилъ окончившихъ курсъ; въ теплыхъ, душевныхъ словахъ онъ выразилъ значенiе предстоящихъ имъ трудовъ въ университетѣ и далъ добрыя совѣты юношамъ, готовымъ вступить въ новую сферу жизни. На актѣ присутствовали, кромѣ г. помощника попечителя, преосвященный *Иосифъ*, г. губернскаго предводитель дворянства, управляющiй римско-католическою епархiею, прелатъ *Жилинскiй*, и много родителей и родственниковъ воспитанниковъ и постороннихъ лицъ.

21-го iюня происходилъ торжественный актъ во 2-й Виленской гимназiи, который удостоили своимъ посѣщенiемъ преосвященный *Иосифъ*, епископъ Ковенскiй, Виленскiй гражданскiй губернаторъ, помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, Виленскiй губернскаго предводитель дворянства и другiя высшiя духовныя и свѣтскiя лица. Послѣ пѣнiя церковной пѣсни: „Днесъ благодать Святаго Духа на съобра“, ученики II-го класса: *Михайловъ* и *Жиркевичъ* произнесли наизусть два русскiхъ стихотворенiя, а ученикъ V-го класса *Галыаръ* прочелъ свое сочиненiе подъ заглавiемъ „Прощанiе Гектора съ Андромахой“. По прочтенiи краткаго отчета за минувшiй учебный годъ, были объявлены имена выпущенныхъ, переведенныхъ въ слѣдующiе классы и награжденныхъ учениковъ, и актъ закончился пѣнiемъ народнаго гимна: „Боже, Царя храни!“ Затѣмъ преосвященный *Иосифъ* произнесъ рѣчь къ ученикамъ, а помощникъ попечителя, *М. А. Малиновскiй* сказалъ имъ нѣсколько напутственныхъ словъ. Изъ сообщенныхъ въ отчетѣ свѣдѣнiй видно, что награждено за отличное поведенiе и успѣхи въ минувшемъ году во 2-й гимназiи 13 учениковъ, переведено въ высшiе классы 70 и 36 ученикамъ дозволено передержать испытанiе послѣ каникулъ по одному предмету, такъ какъ они по всѣмъ прочимъ предметамъ оказали вполне удовлетворительныя успѣхи. Вообще число успѣвшихъ учениковъ составляетъ 45%, число сомнительныхъ и потому подвергнутыхъ экзамену послѣ

канцелярѣ 30% и не успѣвшихъ 32%. Окончили полный курсъ 4 ученика, изъ которыхъ 3 получили аттестаты.

ЖЕНСКІЯ УЧИЛИЩА.

Женская школа въ с. Великомъ, Ярославскаго уѣзда.—Убѣжище св. Хрисанеа для дѣвочекъ и училище для сельскихъ наставниковъ въ Саратовѣ.—Воскресная школа для дѣвочекъ въ Харьковѣ.—Постановленіе Кіевской городской думы по поводу предположенія о преобразованіи четырехкласснаго отдѣленія Фундуклевова женской гимназіи въ полную семиклассную гимназію.—Училище для дѣвочекъ при Мазоловскомъ женскомъ монастырѣ, въ Могилевской губерніи.—Распоряженіе Донскаго епархіальнаго начальства по поводу предположенія объ открытіи училища для дѣвочекъ всѣхъ сословій при Старочеркасскомъ женскомъ монастырѣ.—Маринскій институтъ и женская гимназія въ Новочеркасскѣ.—Женское училище въ гор. Ахалцихѣ, Вутаиской губерніи.—1-я Варшавская женская гимназія.—Женская школа въ гор. Слободскомъ, Вятской губерніи.—Тюменское и Кургское, Подольской губ. женскія училища.

Ярославскія Губернскія Вѣдомости (№ 13) сообщаютъ объ открытіи въ с. Великомъ, *Ярославскаго уѣзда*, правильно организованной женской школы. Осуществленіемъ мысли о такой школѣ мѣстные жители обязаны содѣйствію инспектора народныхъ училищъ В. П. Шнеера и гг. Локалова и Нестерова. Изъ нихъ г. Локаловъ нанялъ на свой счетъ особый домъ для помѣщенія школы, а при содѣйствіи г. Нестерова, мѣстные жители приняли на себя обязательство отапливать школу и дали сторожа. Съ своей стороны земство назначило на содержаніе школы 180 руб. въ годъ. Школа открыта 15-го сентября прошлаго года и уже успѣла сдѣлать быстрые успѣхи, привлекая къ себѣ общее сочувствіе и умножая число учащихся. Число ученицъ уже къ апрѣлю мѣсяцу возрасло до 60-и. Учащіяся, по возрасту и знаніямъ, раздѣляются на двѣ группы: 1) на начинающіихъ и 2) на подготовленныхъ нѣскольکو въ частныхъ домахъ и у мѣстнаго діакона Виноградова, который нѣскольکو лѣтъ сряду занимался въ с. Великомъ обученіемъ дѣвочекъ. Первая группа обучается сознательному чтенію, письму и счисленію умственно и письменно съ упражненіями на счетахъ; во второй группѣ изученіе ариметики и русскаго языка идетъ дальше, съ устною и письменною передачей прочитаннаго и выученнаго. Въ классѣ наблюдается стройная, безъ суровости, дисциплина, чистота и опрятность, укрѣпляющая въ дѣтяхъ добрыя привычки. Усердіе и любовь къ дѣлу наставницы, г-жа Лазарцевской, придаютъ всему школьному ученію характеръ семейныхъ

дружескихъ бесѣдъ. Дѣтямъ сообщаютъ также свѣдѣнія изъ домо-водства и преподается рукодѣлье.

— Въ *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 137) помѣ-жены краткія свѣдѣнія объ убѣжищѣ св. Хрисанова для дѣвочекъ и училищѣ для сельскихъ наставницъ, открытомъ братствомъ св. Креста въ *Саратовѣ*. Въ первомъ изъ этихъ заведеній за ученіе и полное содержаніе дѣвочки платится: отъ 40 до 60 руб. въ годъ; въ послѣд-немъ, напротивъ, учащіяся получаютъ отъ училища пособіе по 5 руб. въ мѣсяцъ. Здѣсь обучается всего 9 женщинъ; но по такому огра-ниченному числу учащихся, равно какъ по крайне скудному бюджету на учебную часть, училище для сельскихъ наставницъ, по мнѣнію Саратовскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, едва-ли можетъ достиг-нуть предназначенной имъ цѣли, и совѣтъ признаётъ болѣе полезнымъ тогдѣ оно допустило къ участию въ ученіи и вольно-приходящихъ. Сверхъ того, по уставу этого училища, предполагались практическія занятія учащихся въ начальныхъ городскихъ школахъ, но, сколько совѣту извѣстно, такихъ занятій не было, а безъ этого трудно соста-вить понятіе о степени подготовки учительницъ. Въ убѣжищѣ св. Хри-санова обучается 79 дѣвочекъ. Совѣтъ принялъ эти училища въ свое завѣдываніе только въ маѣ 1870 года, и по болѣзни члена, завѣды-вающаго ими, только въ августѣ могъ приступить къ ихъ обзорѣ-нію, почему и не могъ составить полнаго заключенія о педагогиче-ской дѣятельности этихъ школъ. По матеріальной обстановкѣ отно-сительно помѣщенія и снабженія учебными пособіями, совѣтъ могъ убѣдиться въ полной заботливости благотворительныхъ обществъ и избранныхъ для управленія школами лицъ — къ пользѣ этихъ заве-деній. Только въ убѣжищѣ св. Хрисанова замѣчается крайне недо-статочное количество всѣхъ почти учебныхъ пособій, о чемъ совѣтъ имѣлъ въ виду войти въ сношеніе съ лицами, завѣдывающими убѣ-жищемъ. Сверхъ обыкновенныхъ предметовъ преподаванія, въ учи-лищѣ сельскихъ наставницъ преподавалась педагогика, а въ убѣжищѣ св. Хрисанова — башмачное ремесло.

— Баронъ Н. А. Корфъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣ-дѣній о воскресной школѣ для дѣвочекъ, состоящей подъ руковод-ствомъ г-жи Цвѣтковой въ Харьковѣ (*С.-Пб. Вѣд.* № 140 и 141). Попечительницею школы состоятъ А. П. Вернадская; изъ 22-хъ учи-тельницъ школы, Х. Д. Алчевская жертвуетъ на школу ежегодно 150 руб. Г. попечитель учебнаго округа оказалъ существенное со-дѣйствіе учредительницамъ воскресной школы, предоставивъ имъ на

воскресные дни четыре классных комнаты въ 1-мъ приходскомъ училищѣ и классную мебель. Постоянное наблюдение за школой поручено штатному смотрителю уѣзднаго училища С. М. Неглюдову; кромѣ того, школа посѣщается инспекторомъ народныхъ училищъ, и всѣ учительницы имѣютъ свидѣтельства отъ училищнаго совѣта. Воскресная школа открыта 22-го марта текущаго года; въ ней участвуютъ 22 учительницы, изъ которыхъ двѣ, не считая г-жи Алчевской, жертвуютъ ежегодно по 10 р., и преподаютъ еще два учителя, изъ которыхъ одинъ обязался къ ежегодному взносу по 10 руб.; кромѣ того, нашлось 5 жертвователей, не преподающихъ въ школѣ и внесшихъ каждый по 10 руб. Вообще матеріальная сторона школы вполне обеспечена; различныхъ взносовъ поступаетъ въ годъ 250 руб., которые употребляются исключительно на учебныя пособия и классныя принадлежности, такъ какъ школа безвозмездно пользуется помещеніемъ и преподавателями безъ вознагражденія, не исключая и законоучителя, о. Стефана Любичаго, до сихъ поръ не пропустившаго ни одного воскреснаго урока. Новыя учительницы допускаются въ воскресную школу, кромѣ исполненія требованій закона, не иначе, какъ по рекомендаціи одной, изъ сотрудницъ воскресной школы. Занятія шли до сихъ поръ по группамъ, при чемъ каждая учительница записываетъ въ особую книгу то, что пройдено ею въ каждое воскресенье. Въ школѣ существуетъ также книга, въ которую учительницы, имѣвшія случай ознакомиться съ какою-либо книгой для чтенія или учебникомъ, заносятъ свое мнѣніе о прочитанной книгѣ, для того чтобы такимъ образомъ облегчить трудъ выбора книгъ своимъ сотоварищамъ. Это въ особенности необходимо потому, что ученицы воскресной школы еженедѣльно выходятъ изъ школы съ книгою для чтенія дома, а при раздачѣ книгъ необходимо сообразовать содержаніе книги съ возрастомъ учащихся, въ числѣ которыхъ двадцать старше 14-и лѣтъ, большинство ученицъ лѣтъ 13-и, но есть ученицъ десять моложе 10-и лѣтъ. Учительницамъ этой школы удалось привлечь въ нее болѣе ста ученицъ; такое число бываетъ, впрочемъ, только въ лѣтніе мѣсяцы, такъ какъ большинство ученицъ живетъ шитьемъ, и зимой ихъ заставляютъ работать даже по воскресеньямъ. Ученицы весьма охотно посѣщаютъ школу, не смотря даже на разстояніе; но изъ учительницъ только около десяти бываетъ въ школѣ постоянно.

Баронъ Корфъ, при посѣщеніи школы, принялъ участіе въ педагогическомъ совѣщаніи учительницъ, посвящающихъ такія совѣщанія исключительно вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла и добросовѣстно выра-

ботывающихся наилучшие способы обучать своих учениц грамотѣ и счисленію. На упомянутомъ совѣщаніи шелъ вопросъ объ учебной программѣ и о назначеніи воскресной школы, при чемъ единогласно принято мѣненіе о томъ, что въ воскресной школѣ должно быть обращено особенное вниманіе на наглядное обученіе и ариметнику, какъ предметы развивающіе, и что теперь настало время и для этой школы, ограничивавшейся до сихъ поръ грамотою, приступить къ преподаванію этихъ предметовъ. По желанію учительницъ, баронъ Корфъ разъяснилъ сущность начальнаго обученія, главнѣйшіе приемы его и далъ урокъ звуковаго обученія грамотѣ, по его „Руководству“, примѣнительно къ воскресной школѣ. Кроме того, на томъ же совѣщаніи, рѣшено слѣдующее: 1) Обученіе грамотѣ, по звуковому способу, производить, какъ оно велось до сихъ поръ, отдѣльными группами. Каждая учительница обучаетъ свою группу до тѣхъ поръ, пока ученицы, или которая-нибудь изъ нихъ, достигнетъ сознательнаго чтенія и письма, и затѣмъ такая ученица поступаетъ въ одинъ изъ классовъ, которые должны быть организованы въ школѣ, для слушанія уроковъ по ариметикѣ и наглядному обученію. Число такихъ классовъ опредѣляется числомъ ученицъ, приблизительно равносильныхъ по познаніямъ. 2) Такъ какъ учебный годъ воскресной школы, занятія въ которой происходятъ круглый годъ еженедѣльно, сравнительно съ числомъ учебныхъ часовъ, затрачиваемыхъ сельскою школою на ариметнику и наглядное обученіе, приблизительно равняется учебному году еженедѣльной сельской школы, то рѣшено принять за образецъ учебную программу, изложенную въ книгѣ барона Корфа „Русская начальная школа“, во съ тѣмъ, чтобы при переходѣ изъ группы въ классъ, требовалось отъ ученицы то, что предположено пройти въ I-мъ классѣ, по названной книгѣ. Само собою разумѣется, что ученицы, поступающія въ воскресную школу грамотными, или даже съ болѣе обширными свѣдѣніями, будутъ поступать не въ группы, а непосредственно въ одинъ изъ классовъ, смотря по познаніямъ; всѣ учительницы школы выбираютъ изъ своей среды двухъ или трехъ учительницъ изъ наиболѣе къ тому способныхъ для преподаванія ариметики въ классѣ и столько же для предметныхъ уроковъ. 3) Рѣшено, что необходимъ контроль самаго учрежденія надъ педагогическою дѣятельностью членовъ его, а потому предположено, если окажется возможнымъ, просить педагога изъ городскихъ учителей руководить занятіями учительницъ, и независимо отъ этого, ежегодно два раза избирать изъ учительницъ комиссію, на обязанности которой будетъ лежать подробное изслѣдованіе успѣховъ уче-

нить во всѣхъ группахъ и классахъ и докладъ о томъ представлять совѣщанію учительницъ. 4) Предложено сходиться учительницамъ для педагогическихъ совѣщаній не менѣе двухъ разъ въ годъ, въ опредѣленные сроки, независимо отъ экстренныхъ собраній, созываемыхъ по усмотрѣнію отвѣтственной распорядительницы школы; или ею же — по заявленію четвертой части всего числа учительницъ.

Въ библиотекѣ училища господствуетъ образцовый порядокъ. Она состоитъ изъ 200 книгъ, прекрасно избранныхъ изъ числа одобренныхъ министерствомъ. Такъ какъ школа существуетъ недавно, то еще не успѣли снабдить ее, съ надлежащею полнотою, пособіями для нагляднаго обученія; но у нея есть глобусъ, счеты, карта Россіи, различныя картины по священной исторіи, естественно-исторической атласъ Бромма и сборникъ Кошелевской, съ изображеніемъ различныхъ техническихъ производствъ. Въ библиотекѣ находятся всѣ наши педагогическіе журналы: *Народная Школа*, *Учитель*, *Дѣтскій Сады*, *Педагогическій Сборникъ* и *Дѣтское Чтеніе*. Относительно преподаванія въ воскресной школѣ баронъ Корфъ замѣчаетъ, что звуковой способъ обученія чтенію примѣняется правильно, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ то, что неграмотныя ученицы, въ большинствѣ случаевъ, обучаются чтенію и письму въ 12 воскресныхъ, трехчасовыхъ уроковъ. Ни одной ученицы не встрѣтилъ баронъ Корфъ, которая не читала бы сознательно; по бѣглости чтенія ученицы весьма различны, но и тѣ, которыя читаютъ еще весьма медленно читаютъ толково. Всѣ ученицы пишутъ, большинство на аспидныхъ доскахъ, многія въ тетрадяхъ, истинно-образованныхъ по чистотѣ и опрятности. Неуспѣшныхъ ученицъ было очень мало, всего 3; за то остальнымъ изъ бывшихъ въ школѣ во время посѣщенія барона Корфа, обладаая различными степенями знаній, вполнѣ толково усвоили пройденное. Законоучитель, собирающій въ свой классъ до 50-и ученицъ; объясняетъ имъ значеніе праздниковъ и читаннаго въ церкви евангелія; онъ старается говорить съ ними языкомъ доступнымъ. Баронъ Корфъ указываетъ на слѣдующіе два примѣра успѣшности обученія въ воскресной школѣ. Учительница *Крамерева* въ 12 уроковъ довела 5 неграмотныхъ ученицъ до плавнаго, совершенно толковаго, хотя и не быстрого, чтенія и до правильнаго письма; учительница *Алчевская* въ два урока ознакомила съ процессомъ чтенія и письма 22 лѣтнюю ученицу, которая была въ восторгѣ отъ того, что грамота далась ей такъ скоро. По просьбѣ учительницъ, баронъ Корфъ далъ въ школѣ образцовые уроки по нумераціи, по умствен-

ному счисленію, соединенному съ письменнымъ, и по катихизаціи, предшествующей написанію учениками сочиненія. Въ заключеніе своего описанія баронъ Корфъ свидѣтельствуетъ, что вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія оказываетъ полное содѣйствіе этой женской воскресной школѣ и интересуется ею: въ бытность барона Корфа, она была удостоена посвѣщенія г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа, бывшаго и въ самый день ея открытія. — Другое извѣстіе о той же школѣ, и тоже въ благопріятномъ духѣ, помѣщено въ *Народной Школѣ* г. Мѣдника (№ 6, 1871 года) „бывшимъ Харьковскимъ педагогомъ“ г. Миропольскимъ. Хорошо зная нужды этого края, а также и условія правильной постановки учрежденій подобнаго рода, авторъ, сообщивъ приведенныя уже нами свѣдѣнія о школѣ, съ полнымъ одобреніемъ относится къ безкористному труду учительницъ, и между прочимъ, передаетъ слухъ, что начальство Харьковской женской гимназій, гдѣ недавно открыты педагогическіе курсы, намѣрено воспользоваться этою прекрасною школою для того, чтобы дать возможность означивающимъ курсъ гимназисткамъ познакомиться на дѣлѣ съ практикой рациональнаго школьнаго обученія: нельзя не пожелать успѣха столь полезному намѣренію.

— Въ засѣданіи *Кіевской* городской думы 23-го марта 1871 года разсматривался докладъ о средствахъ къ содержанію Фундуклеевскаго женскаго училища въ Кіевѣ. Изъ доклада этого видно, что Кіевское купечество въ маѣ 1859 года постановило, въ помощь новоучрежденному Фундуклеевскому женскому училищу сдѣлать въ извѣстномъ размѣрѣ сборъ съ купцовъ разныхъ гильдій и съ объявленныхъ капиталовъ, каковой сборъ былъ дополненъ пожертвованіями купечества. Вслѣдствіе такого пожертвованія, разрѣшено было открыть Кіево-Подольское отдѣленіе Фундуклеевскаго училища въ составѣ трехъ низшихъ и одного приготовительнаго класса, съ бесплатнымъ помѣщеніемъ въ ономъ нѣсколькихъ дочерей бѣдныхъ купцовъ и мѣщанъ. Въ 1870 г. Кіевское купечество, новымъ приговоромъ, предоставило думѣ ходатайствовать о преобразованіи четырехкласснаго отдѣленія Фундуклеевской женской гимназій въ полную семиклассную гимназію, и въ этихъ видахъ учредило новый десятилѣтній сборъ съ купеческихъ капиталовъ. Вслѣдствіе этого новаго пожертвованія, по ходатайству начальства, состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ разрѣшено открыть въ Кіево-Подольскомъ четырехклассномъ отдѣленіи пятый классъ, а затѣмъ составить планъ къ дальнѣйшему преобразованію отдѣленія въ гимназію. Кіевская городская управа, въ которую, по

открытіи ея, передано все дѣло по сему предмету, усмотрѣла, что всего пожертвованій на преобразование Кіево-Подольскаго отдѣленія въ семиклассную гимназію поступило 34.119 руб. 75 коп. и билетомъ 48 руб. Отъ этой суммы по 3-е марта настоящаго года поступило дохода 10.464 руб. 80 коп.; а такъ какъ на устройство и содержаніе училища за все время его существованія отпущено 22.435 руб. 40 коп., то передержка противъ полученнаго дохода съ капитала составляетъ 11.970 руб. 60 коп., каковая передержка должна пасть на самый капиталъ. Между тѣмъ на содержаніе полной семиклассной гимназій, кромѣ 2.106 руб., нинѣ ежегодно отпускаемыхъ изъ думы на содержаніе училища, нужно еще 2.094 руб. ежегодно, какъ сообщилъ о томъ начальникъ Фундулевскаго училища. Такимъ образомъ въ настоящее время, за неизбѣніемъ капитала, который бы обеспечивалъ существованіе гимназій, не представляется возможнымъ приступить не только къ преобразованію Кіево-Подольскаго училища въ гимназію, но даже къ открытію въ немъ V-го класса. Въ виду этихъ и другихъ соображеній, изложенныхъ въ докладѣ, городская управа постановила соответствующія мѣры, утвержденныя думой, къ тому, чтобы пожертвованный купечествомъ сборъ на преобразование Кіево-Подольскаго четырехкласснаго женскаго училища въ гимназію предварительно былъ обращенъ на увеличеніе капитала, которымъ бы обеспечивался постоянный и вѣрный доходъ, достаточный для содержанія означеннаго училища (*Прав. Вѣстн.* № 148).

— Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1870 года, при Мазоловскомъ женскомъ монастырѣ, *Могилевской* губерніи, открыто, по ходатайству игуменіи, училище для дѣвочекъ крестьянскаго и другихъ сословій. Въ училищѣ бесплатно преподаются: законъ Божій съ краткимъ объясненіемъ литургіи, священная исторія, церковное пѣніе, чтеніе по церковно-славянской и гражданской печати, чистописаніе, четыре правила ариметики, руководѣля въ разныхъ видахъ и нужнѣйшія свѣдѣнія по огородничеству, садоводству и другимъ отраслямъ хозяйства, съ практическими упражненіями, на сколько позволяютъ средства. Ко дню открытія училища поступили въ него 10 ученицъ. Наставницей избрана одна изъ монахинь, получившая воспитаніе въ Смольномъ институтѣ въ С.-Петербургѣ. (*Яросл. Епарх. Вѣд.* № 15).

— Въ *Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 12) сообщаютъ, что мѣстная духовная консисторія, принимая во вниманіе, что во многихъ поселеніяхъ Донской области вовсе нѣтъ дѣвичьихъ училищъ, отчего дѣвочки, особенно бѣдныхъ родителей, остаются безъ всякаго

образованіи, предположила, по примѣру другихъ епархій, открыть при Старочеркасскомъ женскомъ монастырѣ училище для дѣвицъ всѣхъ сословій, съ цѣлю обученія ихъ закону Божию, церковному пѣнію, русской грамматикѣ, арифметикѣ, чтенію, чистописанію, рукодѣлію и домашнему хозяйству, при чемъ имѣется въ виду безмездно содержать при немъ 15 дѣвицъ — сиротъ духовнаго званія, не имѣющихъ никакихъ средствъ къ своему образованію. А такъ какъ средства Старочеркаскаго монастыря весьма ограничены, то въ пособіе ему, для первоначальнаго заведенія необходимыхъ для училища вещей и содержанія въ немъ сиротъ, епархіальное начальство предположило: а) обратить проценты съ того капитала, который давно пожертвованъ Донскимъ духовенствомъ на заведеніе въ Донской епархіи училища для дѣвицъ духовнаго званія и коего нынѣ имѣется въ билетахъ и наличныхъ деньгахъ 5.268 р. 94 к.; б) съ дочерей, имѣющихъ достаточныхъ родителей, кои только будутъ обучаться въ предполагаемомъ училищѣ, а жить на квартирахъ или у своихъ родителей въ станицѣ, положить плату 10 руб. въ годъ наличными деньгами или жизненными припасами; если же родители пожелаютъ, чтобы дочери ихъ постоянно жили въ монастырѣ, на его содержаніи, то плату положить за воспитаніе ихъ въ училищѣ и содержаніе въ монастырѣ 90 руб. въ годъ; в) для снабженія воспитанницы, при поступленіи ея въ училище, весьма нужными вещами, полагается единовременный взносъ 30 руб.; г) предложить духовенству Донской епархіи, не найдетъ ли оно возможнымъ сдѣлать какое-либо пожертвованіе, изъ своихъ братскихъ или церковныхъ кошелевскихъ суммъ, на первоначальное снабженіе 15-и сиротъ вещами, нужными для ихъ образованія. Предположенія эти переданы на обсужденіе свѣдковъ епархіальнаго духовенства.

— Изъ *Новочеркасска*, области войска Донскаго, пишутъ въ *Голосъ* (№ 110), что положеніе Маріинскаго Донскаго института привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе. Институтъ существуетъ уже около 20-и лѣтъ; на содержаніе его ежегодно употреблялось болѣе 23.000 руб. пошлиннаго сбора съ помѣстныхъ владѣльцевъ, увеличеннаго въ послѣдствіи до 28.000 руб. въ годъ. За то въ институтѣ воспитывалось 36 войсковыхъ пансіонерокъ и плата съ дочерей туземныхъ жителей, воспитывающихся въ этомъ заведеніи, положена была самая умеренная, именно 180 рублей. Долгое время институтъ былъ единственнымъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ, а какъ число воспитанницъ въ немъ было очень невелико, то и вліяніе его на

распространеніе образованія въ женскомъ населеніи края было незначительно. Но съ 1860 года открылась въ Новочеркасскѣ женская гимназія, и въ короткое время численность учащихся въ ней возрасла до 270: ученицъ, хотя гимназія получаетъ отъ войска только 4.000 р. въ годъ. Симпатія всего мѣстнаго общества казалась на сторонѣ этого учебнаго заведенія, институтское же образованіе признано было не соответствующимъ быту мѣстныхъ бѣдныхъ дворянъ, особенно послѣ уничтоженія вѣдностнаго права, радикально измѣнившаго самыя условія помѣщичьяго быта. Оттого только крайняя необходимость заставляла родителей отдавать дочерей своихъ въ институтъ, такъ какъ при женской гимназіи нѣтъ пансіона, и для родителей, не живущихъ въ Новочеркасскѣ, некому поручить надзоръ за дѣтьми. По этой причинѣ уже давно въ средѣ мѣстныхъ дворянъ ходила мысль отказаться отъ 36-и стипендій и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нешлиннаго сбора съ ихъ земель въ пользу института, деньги же эти обратить на усиленіе средствъ женовой гимназіи и на открытіе другой женской гимназіи въ Усть-Медвѣдицѣ. Однако, этотъ вопросъ, административнымъ путемъ, рѣшенъ иначе: взамѣнъ прежняго 1 $\frac{1}{2}$ коп. налога съ помѣщичьихъ земель въ пользу института, установленъ общій налогъ по 1 коп. съ десятины не только съ земель помѣщиковъ, но и съ бѣдныхъ сродныхъ участковъ.

— Въ газетѣ *Кавказъ* (№ 42) сообщаютъ, что въ городѣ *Ахалцихъ*, Кутаисской губ., открыто было 4-го апрѣля сего года благотворительное женское училище. Въ немъ находилось на первое время 40 дѣвицъ. Въ программу обученія входятъ: русскій и грузинскій языки, арифметика, законъ Божій, рукодѣлье и основныя понятія о домашнемъ хозяйствѣ. Такая программа принята въ началѣ сообразно успѣхамъ и возрасту ученицъ; она будетъ подвергаться измѣненіямъ на столько, на сколько позволятъ матеріальныя средства. Завѣдѣніе почитоальница приняла на себя супруга начальника уѣзда княгиня Раглицева; для поддержанія же средствъ училища составился кружокъ изъ постоянныхъ членовъ, обязавшихся ежегодно вносить известную сумму.

Въ томъ же городѣ, по инициативѣ уѣзднаго начальника, мѣстные Евреи также предполагаютъ открыть женское училище, ввести въ немъ русскій языкъ и допустить русскихъ преподавательницъ. По словамъ газетъ *Кавказъ*, послѣднее предположеніе въ особенности заслуживаетъ вниманія, такъ какъ оно будетъ представлять собою первый примѣръ между туземцами Евреями.

— Изв. отчета, прочтанныаго на годичномъ актѣ першыхъ *Вар-*

шасскихъ гимназій, мужской и женской, 17-го июня сего года, видно что въ женской гимназій въ началѣ учебнаго года состояло всѣхъ воспитанницъ 158; въ концѣ оставалось 141, между коими православнаго исповѣданія 134, римско-католическаго 4, евангелическаго 3. Въ теченіе года освобождено отъ платы за ученіе: всей суммы — 97 воспитанницъ, половинной — 7, всего около 75% учащихся. Стипендій назначено въ обоихъ полугодіяхъ по 14-и, въ размѣрѣ отъ 25 до 100 р. въ полугодіе (*Правит. Вѣстн.* № 150).

— Въ гор. *Слободскомъ*, Вятской губ., близъ женскаго монастыря, устроена земская женская школа. Въ ней псаломщицъ Свѣшниковъ бесплатно обучаетъ дѣтей пѣнію. Онъ ведетъ свое дѣло такъ усердно, что дѣвочки отъ 7-и до 12-и лѣтъ, при двухъ урокахъ въ недѣлю; выучились стройно, хоромъ пѣть нѣсколько молитвъ, а также и дѣтскихъ пѣсень. Другихъ свѣдѣній объ этой школѣ нѣтъ. (*Вятск. губ. вѣд.* № 62).

— Въ *Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 31) помѣщены отчеты о состояніи Тюменскаго и Курганскаго женскаго училищъ 2-го разряда за 18^{70/71} учебный годъ, изъ коихъ видно, что *Тюменской* училище, образованное въ 1860 г. изъ простой женской школы, преобразуется въ нынѣшнемъ году въ четырехклассную прогимназію съ приготовительнымъ классомъ. Въ истекшемъ учебномъ году въ немъ было 99 ученицъ, а къ новому учебному состоитъ 115; изъ нихъ дочерей дворянъ и чиновниковъ 17, духовныхъ 3, купцовъ и мѣщанъ 56, крестьянъ и разночинцевъ 39. На торжественномъ актѣ удостоились наградъ за успѣхи въ наукахъ 12 ученицъ и за руководѣнья также 12 ученицъ; но выпускныхъ свидѣтельствъ никому не выдано, по случаю преобразования училища въ прогимназію съ прибавленіемъ IV-го класса. Денежный приходъ училища составлялъ 5.228 руб. 97 коп., расходъ 5.003 руб. 37 коп., остатокъ 225 руб. 60 коп.

Въ *Курганскомъ* училищѣ было 92 учащихся, распредѣлявшихся по сословіямъ такимъ образомъ: дочерей лицъ духовнаго званія 6, чиновниковъ 17, городскихъ сословій 49, сельскихъ сословій 20. Училище состоитъ изъ трехъ классовъ — перваго, втораго и приготовительнаго, подраздѣляющагося на три отдѣленія. Переводъ ученицъ изъ приготовительнаго въ первый классъ производится черезъ 2 года, а изъ перваго во второй черезъ годъ. Успѣхи ученицъ на произведенномъ испытаніи оказались вообще удовлетворительными. При училищѣ находится библіотека, состоящая изъ 234 эмз. книгъ и журналовъ, на сумму 196 руб. 75 коп. Приходъ училища составлялъ

2.105 руб. 86 коп., расходъ 1.004 руб. 8 коп., остатокъ 1.101 руб. 80 коп. и билетами 1.060 руб. Платы за право учения въ этомъ училищѣ не взималось.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Постановленія комитетовъ грамотности Московскаго и С.-Петербургскаго. — Лѣтніе учительскіе курсы въ Новгородѣ, Череповцѣ и Архангельскѣ. — Постановление Вологодскаго губернскаго земскаго собранія. — Двуклассное приходское училище въ с. Подосиновцѣ, Никольскаго уѣзда, Вологодской губернии. — Постановленія Вятскаго губернскаго и Елабужскаго уѣзднаго земскихъ собраній. — Учительскій съѣздъ въ Уржумскомъ уѣздѣ. — Обучение ремесламъ въ Сорьянскомъ училищѣ, Котельничскаго уѣзда. — Училища въ Пермскомъ уѣздѣ. — Постановление Соликамскаго уѣзднаго земскаго собранія. — Состояніе начальныхъ училищъ на Амурѣ. — Черемисскія школы въ гор. Уфѣ. — Постановленіе Астраханской городской думы. — Состояніе сельскихъ училищъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. — Училища въ благочинническихъ округахъ Самарской епархіи. — Состояніе начальныхъ народныхъ училищъ и инородческія школы въ Казанской губернии. — Постановление Тетюшскаго уѣзднаго земскаго собранія. — Расходы земства Нижегородской губернии на народное образованіе въ 1870 году. — Педагогическіе курсы въ Костромской губернии. — Приготовленія къ устройству учительской семинаріи въ Ярославской губернии. — Артемьевское училище въ Сидоровской волости, Романо-Борисоглѣбскаго уѣзда. — Двуклассное училище въ с. Холуѣ, Владимірской губернии. — Два училища въ Тверской губернии. — Постановленія приходскихъ попечительствъ Ольховскаго и Дунаевского, Смоленской губернии. — Лѣтніе педагогическіе курсы въ гор. Алексинѣ, Тульской губернии. — Постановленія Усманскаго, Тамбовской губ., уѣзднаго училищнаго совѣта, Курскаго губернскаго земскаго собранія и Черниговской губернской земской управы. — Воскресная школа при Харьковской духовной семинаріи. — Заявленіе Харьковскаго общества грамотности. — Училище Люботинскаго приходскаго попечительства, Валковскаго уѣзда. — Училища въ сс. Верхней Хавѣ и Давидовѣ, Воронежской губернии. — Предположеніе объ открытіи земской школы начальныхъ учителей въ Полтавѣ. — Извлеченія изъ постановленій Полтавскаго губернскаго училищнаго совѣта. — Состояніе церковно-приходскихъ школъ въ Подольской епархіи. — Сельско-приходскія школы въ Кишиневской епархіи. — Школа Ковенскаго Свято-Никольскаго братства. — Пожертвованіе г. Рязвскаго, — Минское училище для приготовленія организаторовъ, знающихъ русскій языкъ. — Начальныя училища при Варшавскихъ мужской и женской гимназіяхъ. — Постановленіе Маріинскаго приходскаго попечительства на Прагѣ, въ Варшавѣ. — Записка г. Воронцова-Вельяминова и постановленія собранія начальниковъ учебныхъ дирекцій Варшавскаго учебнаго округа о средствахъ, побуждающихъ учителей заниматься русскимъ языкомъ. — Мѣры къ аккуратному посѣщенію воскресно-ремесленныхъ училищъ учениками въ Варшавѣ.

Полезная дѣятельность Московскаго комитета грамотности по предмету распространенія народнаго образованія побудила Московскую

уѣздную земскую управу обратиться въ этотъ комитетъ съ заявленіемъ, чтобъ оная оказала земству содѣйствіе обсужденіемъ и указаніемъ средствъ къ улучшенію народнаго образованія въ Московскомъ уѣздѣ. Заявленіе это было предметомъ обсуждения комитета въ засѣданіи 20-го апрѣля, причемъ комитетъ принялъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ. Изъ объясненій, данныхъ депутатами отъ земства, оказалось, что въ Московскомъ уѣздѣ состоитъ 44 школы; что приблизительно на расходы по народному образованію земство можетъ назначить до 6.000 руб., и что почти весь составъ учителей принадлежитъ къ духовному сословію, а именно: во всѣхъ почти 44 школахъ учителями состоятъ священники, и только 9 учителей или ихъ помощниковъ принадлежатъ къ свѣтскимъ лицамъ. Такой составъ учителей затрудняетъ устройство педагогическихъ курсовъ, признаваемыхъ однако же, въ томъ или другомъ видѣ, необходимыми для ознакомленія учителей съ новыми методами преподаванія и для сообщенія имъ свѣдѣній о различныхъ усовершенствованіяхъ въ учебномъ дѣлѣ. Такъ какъ священникамъ нельзя на долго оставлять свои приходы, то и не оказывается возможности, чтобы педагогическіе курсы для нихъ были на столько продолжительны, сколько требовалось бы для увѣренности, что они принесли всю пользу, какую вообще ожидаютъ отъ педагогическихъ курсовъ. Въ нынѣшнемъ году земство могло назначить только три дня на такіе курсы для учителей Московскаго уѣзда; очевидно, замѣчаетъ комитетъ, что при такомъ короткомъ срокѣ останется неосуществимымъ одно изъ главныхъ условій пользы педагогическаго курса—пробные уроки. По вопросу объ устройствѣ школъ, комитетъ, принимая въ соображеніе, что 6.000 руб. недостаточно для 44-хъ школъ уѣзда, чтобы, сверхъ расходовъ на жалованье хорошему учителю и на учебныя пособія, можно было устроить и матеріальную обстановку, соотвѣтственно нынѣшнимъ требованіямъ педагогики, нашелъ, что необходимо привлечь къ содѣйствію учебному дѣлу самихъ общественниковъ, горожанъ и сельскихъ жителей, для дѣтей которыхъ и устриваются школы. Но какія средства имѣются для этого? Тѣмъ лицамъ, которыя придаютъ слишкомъ большое значеніе зависимости успѣха школы отъ матеріальныхъ условій и полагаютъ притомъ, что одно хорошо устроенное въ матеріальномъ отношеніи училище понудитъ и въ другихъ мѣстахъ послѣдовать по данному примѣру, замѣчено было, что всякія понудительныя мѣры къ пожертвованіямъ неминуемо переходятъ въ обязательное обученіе, а опытъ другихъ странъ показалъ, что обязательность обученія не

только не содѣйствовала, а напротивъ, замедляла распространение образованія въ народѣ ¹⁾, и что такъ какъ ни комитетъ, ни земство не принимаютъ въ число средствъ административное поужденіе, то очевидно, что единственными средствами къ привлеченію прочаго участія къ школамъ представляются только средства нравственныя. Относительно же сихъ послѣднихъ, опытъ также доказалъ, что даже образцовое въ матеріальномъ отношеніи устройство школы, какъ помѣщеніями, такъ и разными вѣдомствами, не возбуждало почти нигдѣ подражанія, тогда какъ вездѣ, гдѣ школа сумѣла внушить и заслужить довѣріе, и при скудной матеріальной обстановкѣ, хорошимъ обученіемъ, являлись всегда вполнѣдствіи нужныя средства для матеріальныхъ улучшеній. Потому-то, по мнѣнію комитета грамотности, улучшеніе состава учителей, метода преподаванія и учебныхъ пособій является всегда и вездѣ на первомъ планѣ въ дѣлѣ улучшенія и успѣшнѣйшаго развитія народнаго образованія, и что относительно только этихъ условій комитетъ грамотности и можетъ оказать содѣйствіе земству, то-есть, собственно по учебному дѣлу, такъ какъ и распредѣленіе матеріальныхъ средствъ и непосредственное нравственное влияние для возбужденія общественниковъ къ участію и поддержкѣ относительно школъ лежатъ внѣ круга его дѣятельности. Комитетъ можетъ, впрочемъ, указать въ послѣднемъ отношеніи на несомнѣнную, оправданную опытомъ пользу избранія попечителей школъ, которые служатъ посредниками между земствомъ и училищными совѣтами, съ одной стороны, и школами съ другой,—попечителей, которые соединяли бы въ себѣ всѣ условія для непосредственнаго приложенія къ завѣдываемой школѣ матеріальнаго и нравственнаго участія, и притомъ, какъ общественники, были бы прямо заинтересованы въ дѣлѣ образованія народа, и доброжелательно расположены къ его развитію. Что касается до того содѣйствія, какое комитетъ можетъ оказать въ учебномъ дѣлѣ, то имѣя въ виду сходство тѣхъ условій, при какихъ обращается къ комитету уѣздное земство, съ тѣми, при какихъ обращались къ комитету фабриканты, собраніе постановило: передать дѣло для болѣе подробнаго обсужденія, совмѣстно съ депутатами земства, въ комиссію по устройству фабричныхъ школъ и въ то же время предложить земству, какъ предложено было и фабрикантамъ, послышать

¹⁾ Съ этою мыслью никакъ нельзя согласиться, тѣмъ болѣе, что она противорѣчитъ самымъ общезнаемымъ фактамъ и современному положенію училищевѣдѣнія въ большей части западной Европы. *Ред.*

подготовленныя въ сельскіе училищныя для ознакомленія съ педагогическими приемами въ тѣ же школы, которыя будутъ посѣщаться и готовящимися въ учителя на фабрикахъ и на тѣхъ же самыхъ условіяхъ.

Въ томъ же засѣданіи комитета грамотности, однимъ изъ членовъ, княземъ Львовымъ прочитанъ проектъ новаго устройства педагогическихъ курсовъ, помощію которыхъ можно было бы замѣнить дорого стоящія учительскія семинаріи. Основная мысль этого проекта заключается въ томъ, чтобы раздѣлить курсы на предварительные, уѣздныя и на послѣдующіе или дополнительные и притомъ высшіе, губернскіе. Собраніе признало необходимость ежегоднаго повторенія курсовъ. Князь Львовъ обѣщаль разработать свой проектъ. Кстати здѣсь присовокупить, что и С.-Петербургскій комитетъ грамотности, въ одномъ изъ своихъ засѣданій, а именно 9-го февраля сего года, разсуждая о средствахъ поддержать народную грамотность, указавал на необходимость устройства съ этою цѣлію педагогическихъ курсовъ. Вотъ какъ формулировано положеніе, касающееся этого предмета: „Непосредственное участіе правительственныхъ и общественныхъ учреждений въ распространеніи грамотности въ народѣ должно выражаться, независимо отъ матеріальной поддержки этого дѣла вообще, въ устройствѣ повременныхъ педагогическихъ курсовъ, съѣздовъ учителей и т. п., для ознакомленія сихъ послѣднихъ съ новѣйшими упрощенными приемами элементарнаго обученія“. Тотъ же комитетъ признаеть обязанностью правительства, общественныхъ учреждений и вообще образованныхъ классовъ народа изыскивать шѣры въ составленію, изданію и распространенію въ народѣ наилучшихъ руководствъ грамотности и необходимыхъ учебныхъ пособій, для чего слѣдуетъ назначать конкурсы и преміи, устраивать бібліотеки, склады книгъ и учебныя пособія и т. п., учреждать частныя общественныя предпріятія, въ видѣ обществъ грамотности, издательскихъ обществъ и т. п.

— Въ *Новгородскихъ Губернскихъ Ведомостяхъ* (начиная съ № 28) помѣщается отчетъ о лѣтнихъ учительскихъ курсахъ, бывшихъ въ нынѣшнемъ году въ Новгородѣ. Курсы эти находилась подъ руководствомъ г. Столянскаго. Составъ учителей-слушателей въ настоящемъ году измѣнялся противъ перваго года. Въ первый годъ являлись лица, совершенно незнакома съ цѣлію и задачей курсовъ; теперь же на курсахъ изъ 68-и учителей половина были не въ первый разъ и половина въ первый. Такъ какъ существенная задача курсовъ состоитъ въ выясненіи строя школы и хода занятій, съ указаніемъ содержанія и объема учебнаго матеріала, а у большинства слуша-

телей на слѣдующую зиму классы будутъ состоять изъ трехъ отдѣловъ, то-есть, одни ученики начнутъ только учиться, другой разрядъ учениковъ будетъ ходить вторую зиму, а третій — третью зиму, то, въ виду потребности, примѣрная школа на курсахъ была составлена также изъ трехъ отдѣловъ: изъ дѣтей совершенно неграмотныхъ, дѣтей, прочувшихся одну зиму, и дѣтей, прочувшихся двѣ зимы. Дѣти для примѣрной школы взяты были отчасти изъ Никольскаго приходскаго женскаго училища, отчасти изъ дѣтей, обучавшихся дома. Такой составъ временной школы не вполне соответствовалъ составу сельской школы, гдѣ дѣти обучаются при одинаковой обстановкѣ и по одному опредѣленному плану; но здѣсь пришлось довольствоваться тѣмъ, что можно было найти, и что позволяли обстоятельства. Обративъ вниманіе на ту обстановку, съ какою долженъ встрѣтиться учитель, и взвѣсивъ обстоятельства, среди которыхъ ему придется вращаться, руководитель, совместно со всѣми учителями, составилъ такой планъ занятій, каковой желательно было, по взгляду руководителя, установить во всѣхъ сельскихъ школахъ. По составленному плану, одни занятія въ примѣрной школѣ рѣшено было вести на основаніи концентрическихъ круговъ и со всѣми тремя отдѣлами учениковъ, а другія занятія вести самостоятельно съ каждымъ отдѣломъ. Къ первымъ занятіямъ отнесены были: 1) изученіе молитвъ и выясненіе отношенія дѣтей къ храму Божію, для развитія религіозно-нравственнаго чувства; 2) предметныя бесѣды; 3) счетъ, и 4) пѣніе, игры и гимнастика; предметомъ вторыхъ занятій были: 1) умѣніе писать и читать въ младшемъ отдѣлѣ; 2) толковое и выразительное чтеніе и чистописаніе въ среднемъ отдѣлѣ; 3) объяснительное чтеніе и письменное изложеніе своихъ мыслей въ старшемъ отдѣлѣ. Распределеніе занятій установлено было такъ, что всѣ работы и занятія дѣтей шли въ присутствіи учителя, при его содѣйствіи и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Установленіе хода „занятій концентрическими кругами“, заключающагося въ томъ, что учитель беретъ одну и ту же тему для всѣхъ трехъ отдѣловъ и даетъ „въ этой темѣ“ работу для всѣхъ трехъ отдѣловъ, соответственно степени подготовки каждаго отдѣла и соразмѣрно съ силами каждаго отдѣла, по мнѣнію руководителя, имѣетъ важное значеніе въ сельскихъ школахъ: 1) „для умственного развитія, для образованія характера и воли и для развитія чувства въ дѣтяхъ; 2) относительно удобства въ ходѣ занятій, и 3) для основательнаго усвоенія учебнаго матеріала“. Учебныя занятія, въ первые 8 дней, въ примѣрной школѣ происходили такимъ

образомъ: одинъ урокъ данъ былъ законоучителемъ А. Жемчужинимъ; 31 урокъ самимъ руководителемъ курсовъ, 8 уроковъ пѣнія и 8 уроковъ игры и начальныхъ гимнастическихъ движеній г. Косаревымъ съ 31-го мая по 7-е іюня; а съ 9-го іюня по 8-е іюля предположено было заставлятъ каждого учителя дать по 2 пробныхъ урока; но, по независящимъ обстоятельствамъ, нужно было примѣрную школу распустить 30-го іюня и только часть учителей успѣли дать по 2 урока, остальные же учителя дали только по одному уроку. Каждый учитель велъ довольно подробный дневникъ о томъ, въ чемъ состоялъ каждый урокъ, сколько онъ занималъ времени и кто изъ учителей давалъ его. Дневникъ занятій также помѣщенъ въ *Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*.

19-го іюля открыты въ гор. *Череповцѣ*, *Новгородской губерніи*, педагогическіе курсы, на которые прибыли стипендіаты губернскаго уѣзднаго земства и вольнослушатели изъ уѣздовъ Череповскаго, Бѣлозерскаго, Кирилловскаго, Устюженскаго и Тихвинскаго. Всего прибывшихъ—59 мужчинъ и 8 женщинъ.

Собравшійся въ *Архангельскѣ* съѣздъ сельскихъ учителей Архангельской губерніи, объ открытіи котораго мы сообщали въ предыдущей книжкѣ (см. Совр. Дѣт., стр. 64), нынѣ, по словамъ *Правит. Вѣстн.* (№ 189), окончилъ свои занятія. Присутствовавшій при закрытіи съѣзда г. исправляющій должность начальника губерніи, обратившись къ учителямъ, благодарилъ ихъ за понесенные труды, увѣщевалъ ихъ быть ревностными къ высокому дѣлу распространенія грамотности въ народѣ и обѣщавалъ оказывать всевозможное содѣйствіе въ матеріальному улучшенію быта сельскаго учителя; затѣмъ благодарилъ руководившаго педагогическими курсами г. Пругавина за его постоянные и полезные труды на съѣздѣ, и пожелалъ всѣмъ благополучно возвратиться домой и начать дѣятельность свою съ новыми силами.

— Второе очередное *Вологодское* губернское земское собраніе, по докладу комиссіи, о назначеніи отъ губернскаго земства хорошо подготовленныхъ учителей по одному отъ cadaго уѣзда, постановило внести въ смету на настоящій годъ 3.000 руб. изъ губернскаго сбора на жалованье учителямъ и на проѣздъ ихъ отъ мѣста назначенія въ школу (*Правит. Вѣстн.* № 159)

— Инспекторъ народныхъ училищъ Вологодской губерніи сообщать въ мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 25) извѣстіе объ

100

открытіи двукласнаго приходскаго училища въ с. Подосиновцѣ, Никольскаго уѣзда. Для училища отстроены, благодаря пожертвованіямъ нѣсколькихъ благотворителей, весьма красивый и удобный домъ. Законоучителемъ назначенъ священникъ Симеонъ Петялинъ, а учителемъ окончившій курсъ въ землемѣрно-таксаторскихъ классахъ г. Поддьяковъ. Послѣдній, по прибытіи въ с. Подосиновецъ, тотчасъ же отправился къ нѣкоторымъ родителямъ съ цѣлю склонить ихъ къ отдачѣ дѣтей своихъ въ новооткрываемое училище. 15-го февраля, послѣ молебствія, приступлено было къ занятіямъ; желающихъ учиться явилось 34 мальчика и 4 дѣвочки, въ слѣдующіе дни прибыло еще 1 мальч. и 3 дѣв., а къ 19-му апрѣля было уже 56 мальч. и 13 дѣвоч. Окончательное открытіе училища послѣдовало 21-го апрѣля. Оно сопровождалось многими пожертвованіями въ пользу училища, въ томъ числѣ 300 р. В. И. Грибановымъ. Особенное вниманіе къ училищу оказали начальникъ Вологодской губерніи, предложившій мѣстнымъ властямъ оказывать всевозможное содѣйствіе къ успѣшной постройкѣ дома, и Никольское уѣздное земство, которое предположило изъ общихъ земскихъ сборовъ уѣзда отнискать въ пользу Подосиновецкаго училища ежегодно по 564 руб., а именно: на усиленіе класса ремеслъ по 300 руб., на содержаніе учительницъ 120 руб. и на содержаніе круглыхъ сиротъ изъ трехъ сосѣднихъ волостей по 144 руб. въ годъ.

— Въ засѣданіи *Вятскаго* губернскаго земскаго собранія, 16-го мая, обсуждался докладъ губернской управы объ опредѣленіи на счетъ земства особыхъ помощниковъ инспектора народныхъ училищъ. Собраніе постановило ходатайствовать о предоставленіи выбора лицъ на эту должность земству, съ одобреніемъ училищнаго совѣта. Выборъ долженъ производиться такимъ образомъ: желающій занять мѣсто земскаго инспектора приглашается дать пробныя уроки на учительскомъ съѣздѣ, въ присутствіи членовъ училищнаго совѣта и земской управы, а также губернскаго инспектора народныхъ училищъ. Къ состязанію допускаются всѣ, кто изъявитъ желаніе и имѣть право на званіе народного учителя, безъ различія степени полученнаго образованія и срока выслуги на учительской должности. Послѣ состязанія, соединенное присутствіе изъ поименованныхъ выше членовъ составляетъ свое заключеніе о способности или неспособности конкурирующаго лица. Окончательное же утвержденіе въ должности предоставляется повечителю учебнаго округа. При этомъ поручено губернской управѣ ходатайствовать о присвоеніи должности земскаго инспектора права государственной службы и выработать основанія для

назначенія лицамъ, занимающимъ эту должность, пенсін изъ помещикъ сборовъ. (*Прав. Вѣстн.* № 142).

Елабужское уѣздное, Вятской губерніи, земское собраніе, обсуждая мѣры въ устройствѣ народныхъ школъ въ уѣздѣ, опредѣлило ассигновать на текущій годъ, собственно на жалованья учителямъ при школахъ, 7.500 руб., съ тѣмъ, чтобы размѣръ жалованья опредѣлялся уѣздною управою, по соглашенію съ училищнымъ совѣтомъ, сообразно степени образованія наставника, знанія дѣла и трудовъ его. Относительно вознагражденія законоучителей собраніе постановило назначить на каждое училище (всѣхъ въ уѣздѣ 48) по 50 р., всего 2.400 руб., которые и выдавать преподавателямъ закона Божіа въ видѣ опредѣленнаго годоваго содержанія, но съ тѣмъ условіемъ, что, въ случаѣ неакуратнаго посѣщенія школы, управа имѣетъ право удерживать изъ этого жалованья по 50 коп. за каждый пропущенный день. Кроме того, собраніемъ назначено на наемъ квартиръ для училищъ и отопленію 1.849 руб., на наемъ сторожей 1.068 руб. и на учебныя пособия 860 руб. Такимъ образомъ общая сумма расходовъ на народное образованіе по Елабужскому уѣзду на нынѣшній годъ опредѣлена въ 13.427 р. (*Прав. Вѣстн.* № 173).

— Изъ протокола учительскаго съѣзда въ *Уржумскомъ* уѣздѣ, помѣщеннаго въ *Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 59), видно, что учителя начальныхъ народныхъ училищъ, помощники и помощницы ихъ, собрались 17-го мая въ Уржумскомъ приходскомъ училищѣ, гдѣ, подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ, г. Нурминскаго, въ присутствіи штатнаго смотрителя и членовъ училищнаго совѣта, давали ученикамъ примѣрные уроки по слѣдующимъ предметамъ: 1) по объяснительному чтенію; 2) по первоначальному обученію, а именно: а) чтенію по звуковому методу, б) счету, в) писанью. На другой день, 18-го мая, преподаватели, въ присутствіи тѣхъ же лицъ, дали свидѣніе о методахъ и приѣмахъ преподаванія русскаго языка и ариметики и о первоначальномъ обученіи чтенію и писанью. Заключенія, сдѣланныя по симъ предметамъ, изложены въ протоколѣ. На послѣдній, 19-го мая, ученикамъ приходскаго училища даны уроки по закону Божію и пѣнію и происходили совѣщанія по преподаванію сихъ предметовъ. Затѣмъ разсужденія касались, между прочимъ: а) введенія гимнастики, при чемъ предложено въ лѣтнее время дѣлать съ учениками прогулки въ лѣса, на поля, собирать травы, цвѣты и вообще раскѣпленіе и объяснять жизнь ихъ, пользу или вредъ; б) устройству общинъ ученическихъ квартиръ при училищахъ; в) дисциплинар-

ныхъ правилъ, при чемъ опредѣлено: въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ учение бываетъ и лѣтомъ (въ маѣ и іюлѣ), учение послѣ обѣда начинать въ 2 часа и кончать въ 4; въ день давать 4 урока, въ недѣлю 23, въ томъ числѣ 4 урока по закону Божію; для младшихъ же учениковъ 18 уроковъ въ недѣлю.

— Изъ *Котельнича* пишутъ въ тѣ же вѣдомости (№ 45), что вако-ноучитель Сорвижскаго училища, священникъ Москвитинъ, рѣшилъ открыть шорную, чеботарную и башмачную мастерскія при училищѣ, на свой счетъ. Учиться этимъ мастерствамъ будутъ только тѣ, которые обучаются и грамотѣ.

— Изъ сообщаемыхъ *Пермскими Губернскими Вѣдомостями* свѣдѣній видно, что земство *Пермскую* уѣзда приняло на себя содержание двадцати сельскихъ и заводскихъ школъ изъ наиболѣе бѣдныхъ. Въ пяти изъ нихъ опредѣлены учительницы; въ одной учить священникъ, въ остальныхъ учителями ученики семинаріи и уѣзднаго училища. Учителя и учительницы получаютъ жалованье отъ 180 до 200 руб. въ годъ; одинъ учитель, слушавшій педагогическій курсъ, получаетъ 300 руб. Законъ Божій во всѣхъ училищахъ преподается священниками, съ жалованьемъ отъ 60 до 100 руб. въ годъ. На расходы по дѣлу народнаго образованія уѣздное земство ассигновало 7.214 руб. въ годъ; при этомъ, мѣрскія общества обязались приговорами устроить для училищъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, болѣе соответственныя названію помѣщенія. Для поощренія какъ учителей, такъ и учениковъ, отличающихся усердіемъ, обѣщаются награды.

— *Соликамское* уѣздное, *Пермской* губерніи, земское собраніе перваго призыва внесло въ смѣту необязательныхъ потребностей на 1871 годъ слѣдующія суммы на дѣло народнаго образованія: 1) на безплатное снабженіе учебниками народникъ училищъ — 700 руб.; 2) на распространеніе въ народѣ общепольныхъ книгъ — 300 руб.; 3) на содержаніе пяти стипендіаторовъ въ уѣздномъ училищѣ для приготовленія учителей въ народные училища — 500 руб.; 4) на обученіе различнымъ ремесламъ, необходимымъ въ крестьянскомъ быту, 50 мальчиковъ — 1.200 руб.; 5) на поощреніе усердныхъ преподавателей — 300 руб.; 6) на содержаніе канцеляріи училищнаго фонда — 100 руб. Всего 3.100 рублей. (*Прас. Вѣст.* № 142).

— *Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости* (№ 15) сообщаютъ свѣдѣнія о состояніи училища, находящагося въ вѣдѣніи Михайловскаго приходскаго попечительства, на Амурѣ, за 1870 годъ. Изъ свѣдѣній этихъ видно, что главное вниманіе попечительства было обращено

исключно на улучшение этого училища, которое поддерживалось единственно стараниями председателя попечительства, купца Юльева. В 1869 году попечительство вкочило съ представлениемъ въ военному губернатору Приморской области относительно соединенія своего училища съ существующею въ селеніи Михайловскомъ казенною Галицкою школою и получено увѣдомленіе, что соединеніе это поручено произвести управляющему Николаевскимъ округомъ; но послѣдній, отбравъ мнѣнія председателя и приходскаго священника, не исполнилъ этого порученія; а училище между тѣмъ находится въ бѣдственномъ положеніи. Занятія въ училищѣ шли весьма хорошо: ученики довольно хорошо пишутъ подъ диктовку; изъ закона Божія пройденъ весь краткій катихизисъ и священная исторія ветхаго завета; изъ ариметики пройдена вся первая часть, со включеніемъ многаго чиселъ. Учащихся въ теченіе года было до 28-и человекъ обоего пола; преподаваніемъ занимался одинъ учитель; священникъ же переведенъ въ другой приходъ и затѣмъ преподаваніе закона Божія возложено на того же учителя. Училище помѣщается въ домѣ священника бесплатно.

Сельское училище въ с. Ново-Михайловскомъ закрыто и ученики переведены всѣ въ приходское училище. Причиной тому была невозможность достать хорошаго учителя; бывшій же учитель, уволенный изъ дьячкова, по слабости своей, не могъ успѣшно заниматься, и потому отъ должности учителя устранилъ.

Вогородское сельское училище хотя продолжаетъ существовать, но тотъ же недостатокъ хорошаго учителя служить помѣхой успѣху, а упразднить его и перевести учениковъ въ приходское нѣтъ возможности, вопервыхъ, потому что нельзя послѣднее обременять слишкомъ большимъ числомъ учениковъ, вторыхъ, потому что родители учениковъ затрудняются содержать своихъ дѣтей въ другомъ селеніи, которое находится отъ нихъ въ 30 верстахъ.

Приходское училище осмотрѣно было управляющимъ Николаевскимъ округомъ, епископомъ Камчатскимъ и инспекторомъ училищъ. Послѣдній произвелъ строгій экзамень и ученикамъ, и учителю, и остался доволенъ особенно преподаваніемъ по новѣйшимъ упрощеннымъ способамъ обученія.

Обитатели въ губерніяхъ Оренбургской (нынѣ Уфимской), Пермской и Вятской Черемисы до сихъ поръ еще воспѣютъ въ своихъ грубыхъ истинныхъ понятіяхъ и не только не имѣютъ своей грамоты, но даже и въ самомъ языкѣ своемъ утратили много народ-

наго элемента, именно въ составъ перемисскаго нарѣчія вошли большаиство словъ татарскихъ и отчасти русскихъ. По недостатку образования, они не могутъ оставить свои вѣковыя заблужденія, перекопавшія изъ рода въ родъ по однимъ только наустимымъ преданіямъ. Мысль объ образованіи ихъ постоянно преслѣдовалась со времени Высочайше утвержденного 9-го ноября 1837 года положенія комитета министровъ; но различными обстоятельства замедляли дѣло просвѣщенія Черемисъ. Наконецъ, съ 1862 года возродилась мысль объ искорененіи чужд. нечужества путемъ грамотности, и въ 1865 году открыты двѣ школы въ дер. Чурмевой и Кіебаковой (въ Бирскомъ уѣздѣ); но онѣ оказались несоотвѣтствующими мѣстнымъ условіямъ, вслѣдствіе чего въ 1869 году закрыты, и съ переводомъ учащихся въ гор. Уфу, присоединены къ школь при Уфимской духовной семинаріи, изъ которой, по неудобству помѣщенія, воспитанники изъ Черемисъ перемѣщены, въ ноябрѣ 1870 году, въ отдѣльный домъ, нанятый по распоряженію начальника губерніи. Въ школу эту начальникомъ губерніи приглашенъ для занятій съ воспитанниками одинъ изъ опытныхъ и истинно-дѣятельныхъ педагоговъ, съ жалованьемъ по 600 руб. въ годъ. Въ настоящее время въ этой школѣ учащихся 15 человекъ; они обучаются арифметикѣ, географіи, чтенію, письму и закону Божію. Для обученія ибнью приглашенъ тоже опытный учитель, дающій по два урока въ недѣлю. Сверхъ того, при школѣ открыта столярная, съ платою учителю 120 руб. въ годъ. Завѣдываніе хозяйственною частію и постоянный домашній надзоръ за воспитанниками порученъ особому надзирателю, получающемуся при школѣ квартирой, отопленіемъ, освѣщеніемъ, и получающимъ, кромѣ того, 240 руб. въ годъ жадованья. При школѣ имѣется также постоянный врачъ. Мальчики хорошо одѣты; занимаемыя ими комнаты меблированы; пища весьма удовлетворительная; въ простые дни полагается, кромѣ завтрака, два блюда для обѣда и ужина, а въ праздничные и табельные дни — по три блюда, и чай утромъ и вечеромъ. Для ученія приобрѣтены необходимыя, лучшія учебныя руководства, Черемисскіе мальчики очень способны и отличаются благопріеміемъ и пріязнью. (*Уфим. Губ. Вѣд.* № 25 и *Драга, Вѣстникъ* № 164).

— Изъ протоколовъ засѣданій *Астраханской* городской думы (*Астрах. Губ. Вѣд.* № 28) видно, что при рассмотрѣніи росписи на 1871 годъ, городской думой, между прочимъ, сдѣлано заключеніе о томъ, чтобы на содержаніе 6-и приходскихъ училищъ въ суммѣ 5.000 руб. прибавить еще 2.200 руб. Директоръ училищъ, извѣщая

ний объ этомъ распоряженіи, препроводилъ къ городскому головѣ составленный имъ штатъ 7-и приходскихъ училищъ, при чемъ выразилъ свое предположеніе о томъ, чтобы на счетъ означенной добавочной суммы, во первыхъ, открыть одно женское приходское училище, такъ какъ число учащихся дѣвочекъ въ существующемъ училищѣ очень значительно и постоянно увеличивается; во вторыхъ, увеличить вознагражденіе законоучителямъ и преподавателямъ, и втретьихъ, назначить вознагражденіе штатному смотрителю за его наблюденіе и разѣзды. Городская управа выразила полное свое согласіе на составленный директоромъ училищъ штатъ приходскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы седьмое приходское училище (женское) было открыто въ самомъ непродолжительномъ времени. Городская дума всѣ эти предположенія утвердила.

— Продолжаемъ извлеченіе изъ отчета *Саратовскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта за 1869 — 1870 года, начатое въ предыдущей книжкѣ. Эта часть отчета касается состоянія сельскихъ училищъ Саратовскаго уѣзда, не состоящихъ въ вѣдѣніи земства, такъ какъ земскихъ училищъ въ этомъ уѣздѣ не было (см. *Сарат. Губ. Вѣд.* № 137—144).

По свѣдѣніямъ училищнаго совѣта за 1868 годъ, въ Саратовскомъ уѣздѣ считалось 69 училищъ, и въ нихъ 2.657 учащихся. По повѣркѣ этихъ свѣдѣній членами совѣта на мѣстахъ, оказалось училищъ только 35, въ которыхъ въ прошедшемъ году было 1.253 ученика, то-есть, менѣе чѣмъ на половину противъ того, что показывалось, такъ что дѣйствительное число учащихся относится къ народонаселенію, состоящему изъ 110.079 душъ, какъ 1 : 88. Уничтоженіе оставшихся 24 училищъ и убыль столь значительнаго числа учениковъ объясняется тѣмъ, что нѣкоторыми училищами число учениковъ показывалось гораздо большимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности; затѣмъ, не малое число училищъ не получали на отопленіе дровъ; были училища, не имѣвшія достаточно классныхъ принадлежностей; въ нѣкоторыхъ училищахъ жалованье учителямъ было такъ ничтожно, что на него не было возможности всегда имѣть ихъ; были училища, пользовавшіяся даровыми учителями, и наконецъ — самое главное, многія сельскія общества относятся къ училищамъ несочувственно. Изъ 24-хъ уничтожившихся училищъ не малая часть поддерживалась въ послѣднее время не столько попеченіемъ обществъ, сколько усердіемъ мѣстныхъ священниковъ, исполнявшихъ обязанности учителей безъ всякаго вознагражденія, до тѣхъ поръ, пока по небольшому числу

учениковъ, можно было обходиться малымъ запасомъ книгъ и пока училища еще отапливались. Общества, учреждавшія училища и впоследствии отказавшіяся ихъ содержать, оправдываются тѣмъ, что для поддержки училищъ, они, по своей недостаточности, неурожаю и другимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, не имѣли средствъ. Нѣкоторые общества отказываются дѣлать расходы на училища, потому что жертвуемая на этотъ предметъ деньги обращаются не въ равнодѣрную для всѣхъ семействъ пользу, а только для лицъ, имѣющихъ дѣтей, которыя по возрасту способны учиться; наконецъ, нѣкоторые изъ родителей, желающихъ обучать дѣтей своихъ грамотѣ, запасаются учителями дешевыми, часто изъ одного хлѣба, и ведутъ учение на домахъ, не думая уже затѣмъ о необходимости имѣть въ селеніи училище. Открытіе училищъ много зависитъ отъ пособія земства, какъ это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая. Въ с. Ключевкѣ, гдѣ большая часть жителей старообрядцы, училища никогда не было; но когда сельскому начальству было объяснено, что крестьяне для открытія училища могутъ получить нѣкоторое вспоможеніе отъ земства, тогда староста просилъ выслать имъ только одинъ училищныя принадлежности на 29 мальчиковъ и увѣрялъ, что съ этимъ пособиемъ общество откроетъ зимою училище, найдетъ для того особое помѣщеніе и дастъ содержаніе учителю. Въ прошедшемъ году, на содержаніе всѣхъ училищъ съ 1.253 учениками, израсходовано крестьянами 2.036 руб., то-есть, менѣе двухъ копѣекъ съ души, такъ что учение каждаго мальчика обходится въ годъ по 1 руб. 62¹/₂ коп. Если же исключить изъ этого расчета 5 училищъ съ 233 учениками, получающихъ отъ обществъ по 667 руб. въ годъ, тогда въ остальныхъ училищахъ обученіе каждаго мальчика обойдется только въ 1 руб. 33 коп., съ покупкою на эти же деньги и всѣхъ классныхъ принадлежностей. При такихъ средствахъ училища не могутъ не только находиться въ надлежащемъ порядкѣ, но и существовать постоянно.

Во всемъ уѣздѣ только 5 училищъ имѣютъ довольно просторныя, свѣтлыя и теплыя помѣщенія; остальные же училища помѣщаются тѣсно, въ нанятыхъ крестьянскихъ избахъ; есть училища въ 50 мальчиковъ, занимающія помѣщенія не болѣе, какъ въ 50 квадратныхъ аршинъ. Помѣщенія училищъ въ крестьянскихъ избахъ, занимаемыхъ самими хозяевами, не только не отвѣчаютъ требованіямъ учебныхъ классовъ, но скорѣе препятствуютъ успѣшному ихъ ходу, развлекая какъ учениковъ, такъ подчасъ и самого учителя сценами

изъ семейной жизни. Нанять же особия помѣщенія для училища общество отказывается, не дѣлая училищу пособій и трудовъ, отчего училищныя помѣщенія сдѣлались неопрятными и остаются безъ необходимыхъ поправокъ. Въ учителяхъ недостатка не было, не смотря на крайне скудное содержаніе ихъ: нѣкоторые получали всего 3 руб. въ мѣсяць и ничего болѣе, а сельскіе писаря и другіе случайно исправлявшіе должность учителей — и того меньше. Ожидать отъ такихъ учителей пользы трудно, тѣмъ болѣе, что, обучая дѣтей дома, крестьяне часто приглашаютъ въ учителя какого-нибудь солдата или крестьянина, котораго за пьянство никто не рѣшается взять въ работники. Въ прошедшемъ году жалованье выдавалось учителямъ отъ 20 руб. до 30 коп. въ мѣсяць, и двое служили даромъ. Въ числѣ ихъ были: 6 священниковъ, 1 студентъ семинаріи, 1 учившійся въ гимназій, 13 учившихся въ семинаріи, 2 отставныхъ солдата, 2 мѣщанина и 10 крестьянъ. Изъ трехъ послѣднихъ категорій только одинъ имѣлъ отъ училищнаго совѣта свидѣтельство на званіе учителя. Училища нуждаются въ учебныхъ и другихъ классныхъ принадлежностяхъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ не приходится на двухъ учениковъ и по одной книгѣ; на примѣръ, въ Тепловскомъ училищѣ, въ которомъ бываетъ болѣе 25 мальчиковъ, весь запасъ учебныхъ принадлежностей найденъ въ слѣдующемъ видѣ: 4 азбуки, 3 книги для чтенія, 5 аспидныхъ досокъ и больше ничего. При обзорѣнн училищъ членами отъ земства, полное испытаніе учащимся произведено только въ 3-хъ училищахъ, въ которыхъ ученіе идетъ крупнѣй годъ; сверхъ того, во многихъ селеніяхъ были частныя испытанія мальчиковъ, нарочно для того приглашенныхъ. По удовлетворительнымъ успѣхамъ учениковъ, лучшихъ училищъ найдено 4, въ которыхъ почти половина учениковъ читаютъ хорошо, пишутъ очень порядочно; первую часть ариметики знаютъ твердо, и весьма удовлетворительно отвѣчаютъ изъ закона Божія и священной исторіи. Объ остальныхъ училищахъ свѣдѣній нѣтъ, потому что обзорѣе школъ было въ кааникулярное время; но уже и по частнымъ испытаніямъ учениковъ и по другимъ даннымъ не предвидится много хорошаго. Если бы училища пользовались матеріальными пособіями, то образованіе въ уѣздѣ не могло бы упасть до такой степени; но оно упало бы еще ниже, если бы нѣкоторые ревнители народной грамотности не оказывали ему нѣкоторой поддержки. Училища держались въ прежнемъ ихъ составѣ до тѣхъ поръ, пока предсѣдателемъ училищнаго совѣта былъ К. Г. Семеновъ; съ отбытіемъ его, болѣе половины училищъ закрылись.

Во 2-мъ мировомъ участкѣ, Н. И. Баталинъ своимъ вліяніемъ успѣлъ въ короткое время привести Новобурасовское общество къ убѣжденію имѣть училище на прочныхъ основаніяхъ, и оно купило уже приличный домъ для училища и назначило учителю жалованья 120 руб. Нѣкоторая заботливость объ училищахъ со стороны обществъ замѣчена въ шести селеніяхъ, въ которыхъ жалованье учителямъ дано довольно приличное и оказываются училищамъ матеріальныя пособія разнаго рода, благодаря вліянію гласныхъ отъ земства и волостныхъ старшинъ.

Переходя къ вопросу о томъ, на комъ должна лежать забота объ образованіи народа и откуда взять средства для устройства хорошихъ крестьянскихъ школъ, отчетъ Саратовскаго училищнаго совѣта указываетъ на три источника: 1) крестьянскія общества, 2) частную благотворительность и попечительство и 3) самое земство. Первый источникъ оказывается несостоятельнымъ, потому что настоящее положеніе крестьянъ, вслѣдствіе прежнихъ неблагопріятныхъ условий для ихъ умственнаго развитія, не могло дойти до яснаго сознанія потребности образованія. Найти частныхъ благотворителей—также дѣло не легкое, и притомъ образованіе всего молодаго поколѣнія крестьянъ можетъ быть не подъ силу частнымъ лицамъ. Расчитывать на попечителей тоже едва-ли возможно; для нихъ достаточно и того, что ихъ надзоръ и нравственное вліяніе могутъ способствовать развитію грамотности, и притомъ не всякій попечитель можетъ быть состоятельнымъ человѣкомъ. Слѣдовательно, вся надежда остается на третій источникъ — на земство. Нѣкоторыя земства, дѣйствительно, отнеслись къ этому дѣлу сочувственно; напримѣръ, Цсковское земство вошло къ правительству съ ходатайствомъ объ обращеніи расхода на народное образованіе въ обязательную повинность; Новоалександровское, Елатеринославской губерніи, съ особенною энергіей относится къ дѣлу народнаго образованія, такъ что существующія въ этомъ уѣздѣ школы признаются образцовыми; Новгородское земство ассигновало на этотъ предметъ 42.000 руб.; Новоузенское, Самарской губерніи, назначило на тотъ же предметъ 38.000 руб. и т. д. Саратовское уѣздное земство, не имѣя средствъ удѣлять на дѣло народнаго образованія подобныя суммы, тѣмъ не менѣе можетъ, по мнѣнію членовъ совѣта, принять на себя, по крайней мѣрѣ, содержаніе учителей въ каждомъ многочленномъ селеніи и преимущественно, въ тѣхъ селахъ, числомъ отъ 35 до 40, въ которыхъ училищный совѣтъ предполагаетъ учредить училища. Полагая каждому учителю по 100 руб. въ годъ дополнительнаго жалованья къ отпускаемому отъ общества, потребуется

4.000 руб.; если же одну тысячу рублей присоединить еще на учебныя пособия и другіе расходы по училищамъ, то 5.000 руб. не будетъ значительнымъ бременемъ для общества. Относительно приисканія способнѣе учителей народнаго образованія поставлено теперь въ выгодныя условія. Означивающіе курсы воспитанника семинаріи считаютъ выгоднымъ для себя имѣть мѣсто сельскаго учителя; но, конечно, никто изъ нихъ не рѣшится поступить на эту трудную должность за 30 или 50 руб. въ годъ.

Въ заключеніе ответа, училищный совѣтъ указываетъ собранію на очевидную необходимость дать всему дѣлу народнаго образованія однообразно-стройное направленіе, направивъ заключающіяся въ немъ силы къ одной цѣли, чего можно достигнуть учительскими съѣздами, заданіемъ которыхъ должно быть опредѣленіе не только педагогическихъ приемовъ, но и отношеній учителей къ обществу. Затѣмъ совѣтъ признаетъ нужнымъ устройство библиотекъ для сельскихъ учителей въ нѣсколькихъ мѣстахъ уѣзда, и наконецъ, въ виду того, что ни въ воспитанникахъ среднихъ учебныхъ заведеній, ни въ воспитанникахъ педагогическихъ курсовъ, совѣтъ не встрѣчалъ полной подготовки къ осмысленному веденію дѣла народнаго образованія, онъ признаетъ необходимымъ устройство учительской семинаріи, о чемъ и намѣренъ войти съ ходатайствомъ въ предстоящее губернское земское собраніе.

При Саратовскомъ Казанскомъ приходскомъ училищѣ предположено, какъ сообщаютъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (№ 164), ввести ремесленные классы: столярный, токарный, багачный, картонный и плаочный, преимущественно для бѣдныхъ дѣтей.

— Въ Самарскихъ Вѣдомостяхъ (№№ 4, 9, 11 тек. года и 22 прошл.) сообщается слѣдующія данныя. На съѣздѣ IX-го благотворительнаго округа *Бузулукскаго* уѣзда обсуждаемъ былъ вопросъ о первоотприходскихъ школахъ округа, при чемъ собраніе заявило, что поддерживать оныя, а тѣмъ болѣе вновь отырывать тамъ, гдѣ ихъ не было до сего времени, духовенству одному, предоставленному самому себѣ, стоитъ большія хлопоты; разятивать же на помощь другія лица и вѣдомствъ, аромѣ мѣстнаго архіерея, заботливо старающаго объ образованіи народа, не имѣющей ему архіеріи, нельзя; а потому собраніе опредѣляло вросить вросвященнаго объ оказаніи содѣйствія къ надлежащему устройству церковновприходскихъ школъ округа. При мѣхъ затрудненій, какия духовенство округа встрѣчаетъ при обученіи дѣтей прихожанъ въ этихъ школахъ, собраніемъ

положено всѣмъ мѣбрамъ стараться вести свое дѣло, въ настоящихъ церквяхъ, при которыхъ школы еще не открыты, собраніе обратилось съ просьбой объ ихъ открытіи. При этомъ присутствіи с. Кандабуловки, Архангельскій, заявилъ собранію, что онъ непремѣнно откроетъ школу въ церковной сторожкѣ, отъ чего отчетный священникъ неоднократно отказывался, ссылаясь на различныя препятствія и неудобства.

Въ V-мъ благочинническомъ округѣ того же уѣзда, по дозволенію мѣстнаго благочиннаго, школы открыты, безъ всякаго содѣйствія со стороны земства, единственно усердіемъ членовъ причтовъ, во всѣхъ приходсахъ округа, кромѣ одного села. При обзорѣнн этихъ школъ во второй половинѣ прошлаго года, во всѣхъ школахъ найдены порядки и удовлетворительныя услуги учениковъ. Особенною ревностію и усердіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія отличается священникъ с. Шестакова Великановъ, обучающій дѣтей при содѣйствіи приходскаго причетника Лебедева. Изъ прочихъ школъ особенно видятся, по хорошей постановкѣ дѣла, школы въ сс. Богдановѣ и Промыкнѣ, благодаря усердію и трудамъ мѣстныхъ священниковъ Никольскаго и Муромцева. Изъ школъ, поддерживаемыхъ низшими членами причта, замѣчательны школы въ сс. Покровѣ, Любимонѣ и Новотроицкомъ.

Въ III-мъ благочинническомъ округѣ *Отаоропольскаго* уѣзда, успѣшно занимается въ приходской школѣ с. Новой Босовки, при хорошемъ поведеніи и отчетливомъ знаніи своего дѣла и причтовъ безъ всякаго вознагражденія со стороны общества, двячскъ Браноярскій. Школа его, сравнительно съ другими, многочисленна и въ успѣхахъ учащихса можетъ считъ въ ряду первыхъ школъ округа.

Въ IV-мъ благочинническомъ округѣ *Самарскаго* уѣзда въ сентябрѣ прошлаго года находилось 13 школъ; въ нихъ обучалось 204 мальчика и 19 дѣвочекъ. Въ началѣ года закрыты 3 школы;—двѣ за избыткомъ учителей, одна по нежеланію прихожанъ дать для школы помѣщеніе. Нельзя сказать, доносить мѣстный благочинный, чтобы всѣ школы находились въ удовлетворительномъ состояніи. Это зависитъ отъ недостатка для нихъ хорошихъ помѣщеній; кромѣ тѣноты, большая часть изъ нихъ въ зимнее время холодна и угарна, а въ лѣтнее—отъ дождей промокаютъ. Усердіемъ къ наставническимъ обязанностямъ отличаются священникъ с. Кандабулана І. Преображенскій и крестьянинъ с. Новаго Вуяна Е. Маркеловъ. Последний отвѣлъ для школы помѣщеніе въ своемъ домѣ; но помѣщеніе оказалось тѣннымъ, и онъ предложилъ устроить для учащихса божье просторную избу на собственные средства.

— Состояніе начальниѣ народныхъ училищъ *Казанской* губерніи за 1870 годъ представляется въ отчетѣ губернскаго училищнаго совета (см. *Каз. Епарх. Иск.* № 14) въ слѣдующемъ видѣ: всѣхъ народныхъ училищъ и школъ въ Казанской губерніи 303; учащихся мужескаго пола 9.264, женскаго 1924, всего 10.188, въ томъ числѣ ерты и новѣрцы мальчики, малометаны и едрен — до 40 человекъ. По сравнению съ предыдущимъ годомъ, дѣло народного образованія въ Казанской губерніи идетъ впередъ довольно успѣшно. На говоря объ увеличивающемся ежегодно числѣ училищъ и учащихся, обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что обществомъ все болѣе и болѣе употребляется средствъ на поддержаніе и развитіе начальныхъ народныхъ школъ, такъ что, по исчисленію инспектора училищъ Казанской губерніи, въ прошломъ году на этотъ предметъ обществомъ издержано до 47.918 руб., кромѣ отпускаемыхъ казною 4.420 руб. Наиболѣе удовлетворительнаго состоянія достигли училища Спасскаго, Манневскаго и Царевкокшайскаго уѣздовъ, и этими успѣхами училища обязаны, въ особенности по Спасскому уѣзду, строгому выбору наставниковъ и наставницъ въ училища; нѣкоторые дѣль наставницъ получили образованіе въ Редюновскомъ институтѣ, другія въ Казанскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія и въ подобныя ему учрежденія. По Манневскому уѣзду, училища обязаны своимъ успѣхамъ живому участію духовенства, преимущественно священниковъ, въ дѣлѣ обученія своихъ прихожанъ, а по Царевкокшайскому — равному исполненію своихъ обязанностей по наблюденію за приходскими школами со стороны штатнаго смотрителя Царевкокшайскаго уѣзднаго училища г. Селюстрова.

Изъ отчета по состоянію Казанской епархіи за 1870 годъ (см. тамъ же) видно, что училища, учрежденныя братствомъ св. Гурія или находящіяся подъ его покровительствомъ, съ каждымъ годомъ усиливались и распространяются болѣе и болѣе, и теперь уже нѣтъ ни одного уѣзда въ епархіи, куда бы не проникло изъ дѣланіе. Одни изъ крещено-татарскихъ школъ считаются въ болѣе 20-и числахъ и черемисскихъ. Это — не простыя школы грамотности, но органы православной пропаганды, и каждый учитель въ нихъ, или помощникъ, или священникъ, есть не просто, черемисскихъ дѣтямъ необходимыя элементарныя познанія, но ревностный распространитель христіанской вѣры. Изъданный учитель Казанской крещено-татарской школы, священникъ Василій Тимофеевъ, заслужилъ въ началѣ прошлаго года награду отъ министерства народного просвѣщенія, рас-

пользовался ею не для своихъ собственныхъ нуждъ, а для осуществленія давнишняго своего желанія — устройта домъ для школы на своей родинѣ, въ дер. Никифоровой, Мамадышскаго уѣзда; домъ этотъ обошелся ему до 800 руб. Учитель Ишаньяшской школы, Чистопольскаго уѣзда, во время праздника Рождества Христова, читалъ школьямъ Евангеліе по-татарски и другія книги съ переводомъ на татарскій языкъ. Выше при этомъ въ числѣ слушателей два богатыхъ человека, заинтересовавшись чтеніемъ, сказали, что если бы къ нимъ въ деревню прислали учителя, то они бы на свой счетъ построили домъ для школы, и другіе присовокупили къ этому, что у нихъ только изъ своей деревни набралось бы учениковъ до 40 и 50-и. Нѣкоторыя школы начинаютъ привлекать къ себѣ и язычниковъ и магометанъ; въ земской Ишановской школѣ, Чистопольскаго уѣзда, обучаются два некрещенныхъ Чуваши. Одинъ изъ прежнихъ учениковъ той же школы, некрещенный Чувашъ, лѣтъ 18-и, недавно прѣѣхалъ учиться въ Казанскую школу. Въ нѣкоторыхъ школахъ Свияжскаго уѣзда, содержимыя отъ вѣнства, обучаются вѣнскіе крещенные и некрещенныя дѣти Татаръ, такъ что въ нѣкой Казанской епархіи подобныя иновѣрцевъ обучается въ сельскихъ школахъ нѣсколько десятковъ человекъ. Если войти во вниманіе, что еще не такъ давно въ христіанскихъ школахъ не обучалось ни одного язычника или магометанина, то слѣдуетъ признать, что указанная цифра учащихся иновѣрцевъ въ этихъ школахъ представляеть уже весьма замѣтный успѣхъ.

— *Тетюшское* уѣздное, Казанской губерніи, земское собраніе ассигновало на текущій годъ на развитіе народнаго образованія въ уѣздѣ 3.314 руб. Сумма эта распределена такимъ образомъ: на наемъ помещений для учащихся 394 руб.; на жалованья учителямъ и учительницамъ 1.524 руб.; на жалованья инспекторамъ 266 руб.; на учебныя пособия, книги, ремонтъ мебели и проч. 300 руб.; на содержаніе надзирателя за учащими 500 руб.; зрѣль стипендіатамъ — 90 руб. и на разѣзди членамъ ученическаго совѣта — 40 руб. (*Прас. Вѣстн.* № 130).

— *Привольельскоюлошскій* *Валамакъ* (№ 132) продолжаетъ сообщать свѣдѣнія о расходахъ земства на предметъ народнаго образованія въ прошломъ 1876 году. На этотъ разъ сошлемся свѣдѣнія касаются *Иксародской* губерніи. Изъ нихъ видно, что, по слѣбъ губернскаго земскаго расклада *Иксародской* губерніи, на дѣло народнаго образованія въ 1876 году назначены слѣдующія суммы:

1) въ пособие Нижегородской Маринской женской гимназии, 3.000 руб.; 2) въ пособие Кулибинскому ремесленному училищу 500 руб.; 3) на уплату за слушаніе лекцій бѣднѣйшимъ изъ студентовъ Нижегородской губерніи, обучающимся въ Московскомъ и Каванскомъ университетахъ, а также ученикамъ гимназій 600 руб.; 4) на усиленіе средствъ канцеляріи училищнаго совѣта 500 руб., и 5) на содержаніе коммиссіонерства при Нижегородской общественной бібліотекѣ, для выписки учебныхъ пособій для всѣхъ учебныхъ заведеній Нижегородской губерніи 200 руб. Всего по губернской смѣтѣ на народное образованіе ассигновано 4.800 руб.

Суммы, внесенныя на тотъ же предметъ по уѣзднымъ смѣтамъ, распределяются между уѣздами слѣдующимъ образомъ: 1) По Нижегородскому уѣзду въ пособие народныхъ училищамъ ассигновано на 1870 годъ 6,900 руб. Сверхъ того въ пособие Нижегородской Маринской женской гимназій ежегодно назначается 2.000 руб. и на поддержку трехъ городскихъ приходскихъ училищамъ 380 руб., да на съѣздъ сельскихъ учителей, для ознакомленія ихъ съ усовершенствованными способами преподаванія, издержано 214 руб. 81 коп. Вся же сумма расхода Нижегородскаго уѣзда на народное образованіе въ 1870 году равняется 9.494 руб. 81 коп. Всѣхъ школъ въ уѣздѣ 64, изъ которыхъ 2 открыты въ теченіе 1870 года. Общее число учащихся въ нихъ 2.225, въ томъ числѣ 22 дѣвочки. 2) Арзамаскимъ уѣздомъ на пособие существующимъ въ уѣздѣ школамъ ежегодно расходуется 2.000 руб. Кроме того на усиленіе средствъ народнаго образованія въ Арзамасѣ отпускается 500 руб. и на расходы по съѣзду сельскихъ учителей внесено въ смѣту 200 руб. Всего по уѣзду назначено 2.700 руб. Школъ въ уѣздѣ считается 42, изъ нихъ 3 открыты въ 1870 году. Общее число учащихся въ нихъ 1.802, въ томъ числѣ 50 дѣвочекъ. 3) Луконовскимъ уѣздомъ въ пособие 32-мъ школамъ отпущено въ продолженіи года 2.618 руб. 79 коп. Въ школахъ считается 758 учащихся, въ томъ числѣ 50 дѣвочекъ. 4) Балахнинскимъ уѣздомъ въ прошломъ году въ пособие 3-мъ школамъ и на награды учителямъ израсходовано 2.128 руб. 5 коп. Въ сессіи 1866 года земскимъ собраніемъ опредѣлено было — всѣмъ наемодателямъ, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ, приходскимъ и сельскимъ училищамъ принять на счетъ уѣзднаго земства и на этотъ предметъ израсходовано было въ 1867 году 700 руб., въ 1868—2.749 руб. 13 коп. и въ 1869 г.—2.926 руб. 90 коп.; но 5-е очередное земское собраніе, вслѣдствіе доклада уѣздной управы о непроизводительности затрачиваемыхъ ти-

кимъ образомъ на содержаніе училищъ суммъ рѣшило (постановленіемъ 6-го октября 1869 года) оставить городскія училища на попеченіи городского общества, а сельскія на попеченіи сельскихъ обществъ, при чемъ въ пособіе городскимъ училищамъ назначено 225 р., а для сельскихъ школъ установлены особыя преміи за обученіе мальчиковъ бѣдныхъ родителей, по 10 руб. за каждого. Всѣхъ учащихся считается 243, въ томъ числѣ 27 дѣвочекъ. 5) Горбатовскимъ уѣдомъ въ пособіе 21 школъ, изъ которыхъ 4 открыты въ 1870 году, израсходовано 2.100 руб. Въ школахъ считается учащихся 672 мальчика и 125 дѣвочекъ. 6) Васильскимъ уѣдомъ на содержаніе школъ, которыхъ въ прошломъ году было 21, (4 открыты въ теченіе года), отпущено 1.976 руб. Число учащихся въ нихъ равнялось 662, изъ нихъ 28 дѣвочекъ. 7) Ардатовскимъ уѣдомъ на награды учителямъ существующихъ въ уѣздѣ 49-и школъ, изъ которыхъ 10 открыты въ теченіе 1870 года, ассигновано 1.205 руб. и на учебныя пособія назначено 420 руб. Кроме того, въ Ардатовскомъ уѣздномъ училищѣ содержится на счетъ уѣзднаго земства 4 ученика, и изъ одончанскихъ хорошо курсъ въ уѣздномъ училищѣ, 6 мальчиковъ получаютъ на счетъ земства дополнительное образованіе, съ цѣлью подготовленія въ сельскіе учителя; на стипендіи эти издерживаются около 700 руб. Весь же расходъ по уѣду на народное образованіе простирается до 9.325 руб. Учащихся въ школахъ считается 1.148 мальчиковъ и 109 дѣвочекъ. 8) Кызгининскимъ уѣдомъ на поддержку 14 школъ отпущается 1.020 руб. Всѣхъ учащихся въ школахъ 364, въ томъ числѣ 46 дѣвочекъ. 9) Семеновскимъ уѣдомъ, въ пособіе 6-и школамъ отпущается 930 руб. Изъ этихъ школъ двѣ открыты въ 1870 году, вслѣдствіе завленнаго владѣтелемъ Семеновской уѣздной управы желанія жертвовать изъ добавочнаго содержанія своего ежегоднаго по 200 руб. на дѣло распространенія грамотности въ уѣздѣ. Всѣхъ учащихся въ школахъ 140, изъ нихъ 12 дѣвочекъ. 10) Макарьевскимъ уѣдомъ выдается одновременно, на счетъ земства, въ вознагражденіе каждому лицу, обучающему мальчика или дѣвочку чтенію и письму, по 3 руб.; на этотъ предметъ, а также на обезьяненія вновь открытымъ училищъ расходуются 850 руб. Въ четырехъ существующихъ въ уѣздѣ школахъ, изъ которыхъ 1 открыта въ прошломъ году, считается 280 учащихся, въ томъ числѣ 61 дѣвочка. 11) Сергачскимъ уѣдомъ на средства земства воспитывается четыре мальчика въ фельдшерской школѣ при Московскомъ воспитательномъ домѣ, на что расходуются 300 руб. Весь же расходъ на школы простирается по-

этому уѣзду до 675 руб. Школъ въ уѣздѣ 12, изъ нихъ три открыты въ теченіе года. Учащихся въ нихъ 279, въ томъ числѣ 11 дѣвочекъ.

Такимъ образомъ общій расходъ на дѣло народнаго образованія по всѣмъ одинадцати уѣздамъ Нижегородской губерніи простирается до 26.817 руб. 65 коп. Всего же по губернской и уѣздной смѣтамъ на этотъ предметъ въ 1870 году Нижегородскимъ земствомъ ассигновано 31.617 руб. 65 коп. Всѣхъ школъ въ губерніи 274, изъ нихъ 29 открыты въ теченіе прошлаго года. Общее число учащихся въ этихъ школахъ 7.826 мальчиковъ и 541 дѣвочка, итого 8.367. Число учащихся 369. Порядковъ назначенія жалованья учителямъ различны: земство или назначаетъ опредѣленную сумму въ пособіе училищу, обезпечиваемому общественнымъ сборомъ, или выдаетъ какъ бы премію за выучку известнаго числа учениковъ, или же, наконецъ, назначаетъ вознагражденіе наставникамъ по числу учащихся.

— *Костромская* губернская земская управа, въ докладѣ своемъ губернскому собранію по вопросу о мѣрахъ къ поднятію народнаго образованія, привела въ подробномъ извлеченіи мнѣніе *Чуломскаго* собранія, въ которомъ вопросу этому дано наибольшее развитіе. Общимъ основаніемъ устройства въ губерніи педагогическихъ курсовъ или, какъ называетъ ихъ уѣздное собраніе, учительскихъ сѣздовъ, принято мнѣніе по сему предмету губернскаго гласнаго Г. Н. Вишнева, состоящее въ томъ, что признается необходимымъ, для занятій по подготовкѣ существующихъ народныхъ учителей къ болѣе усильному выполненію ихъ обязанностей, согласно требованіямъ современной педагогикъ, пригласить въ губернію 4-хъ опытныхъ педагоговъ, для преподаванія курса, въ теченіе полутора мѣсяцевъ, въ каждомъ уѣздѣ, а помѣщенія для сѣздовъ, переезды и содержаніе школьныхъ учителей, а также необходимыя учебныя пособія — принять на уѣздные сборы. Не останавливаясь на одномъ лишь признаніи этихъ началъ, уѣздное собраніе постановило соответственные мѣры къ ихъ дѣйствительному осуществленію, внеся съ этою цѣлію въ смѣты на 1872 г. необходимую сумму, для исчисленія которой взята цифра настоящаго количества сельскихъ учителей въ уѣздѣ, по числу школъ, въ составѣ 11, и цифры двойныхъ прогоновъ на одну лошадь для переезда учителей, а также стоимость ихъ содержанія въ теченіе курса, полагая по 10 руб. въ мѣсяць. Вся сумма на означенные предметы, съ прибавкою приблизительнаго расхода на учебныя пособія, опредѣлена

въ 225 руб. Затѣмъ въ Чухломскомъ уѣздѣ было признано необходимымъ, въ связи съ принятымъ рѣшеніемъ объ открытіи учительскихъ сѣздовъ, пригласить мѣстнаго штатнаго смотрителя выслушать вмѣстѣ съ сельскими учителями лѣтній курсъ, чтобы впоследствии принять на себя трудъ направлять къ правильной дѣятельности учителей, наблюдая, чтобы послѣдніе не уклонялись съ ущербомъ дѣлу отъ указаній педагога-руководителя сѣздовъ, а такимъ образомъ временныя занятія послѣдняго замѣнялись постояннымъ руководящимъ педагогическимъ надзоромъ смотрителя. Для приведенія этой мѣры въ исполненіе, назначено, по сѣбѣ, вознагражденія штатному смотрителю за трудъ по обозрѣнію училищъ и педагогическому направленію учителей сѣзда 150 руб., независимо отъ разѣздныхъ по училищамъ, которыя должны оплачиваться особо. (*Костр. Губ. Вѣд.* № 28).

— Въ *Ярославской* губерніи дѣлаются предварительныя приготовленія къ устройству учительской семинаріи, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія отъ 24-го мая, воимъ разрѣшено, между прочимъ, открыть здѣсь учительскую семинарію для Московскаго учебнаго округа. Первоначально предполагалось, для устройства этого учрежденія, нанять домъ въ с. Григорьевскомъ, Угличскаго уѣзда; но въ настоящее время къ этому встрѣтились препятствія, такъ что явилось даже опасеніе, что открытіе семинаріи можетъ послѣдовать въ другой губерніи округа. Нынѣ *Ярославскія Губернскія Вѣдомости* (№ 29) сообщаютъ, что инспекторъ народныхъ училищъ Ярославской губерніи В. И. Шпееръ, въ интересахъ земства и народной грамотности, обратился къ земскимъ управамъ съ просьбою указать ему мѣстность, которая соотвѣтствовала бы указанной цѣли. Главныя условія таковы: мѣстность эта должна находиться вблизи станціи желѣзной дороги; должны имѣться постройки и небольшой участокъ земли подъ ферму. Земство приняло участіе въ этомъ дѣлѣ.

— Въ той же газетѣ описывается состояніе Артемьевскаго училища, находящагося въ Сидоровской волости, Романо-Берисоглѣбскаго уѣзда. Оно основано мѣстнымъ земствомъ для дѣтей обоего пола и существуетъ уже три года. Во второй годъ учащихся въ немъ было 24 мальчика и 26 дѣвочекъ. Теперь это число нѣсколько увеличилось. Передъ каникулами училище это посѣтилъ инспекторъ народныхъ училищъ вмѣстѣ съ штатнымъ смотрителемъ; инспекторъ высказалъ свою благодарность законоучителю, наставницѣ и учителю, особенно второй изъ нихъ, потому что воспитанницы-дѣвочки оказались болѣе развитыми, нежели мальчики. Затѣмъ, на экзаменѣ, про-

изведенномъ 15-го іюня штатнымъ смотрителемъ, дѣвочки хорошо знали заповѣди и молитвы, и прекрасно, толково, съ полнымъ пониманіемъ разказывали событія изъ священнои исторіи; онѣ объясняли также значеніе литургіи и переводили тексты Евангелія на русскій языкъ. Отвѣты изъ „Роднаго Слѣва“ были также вполне удовлетворительны. Кромя того ученицы 1-го разряда рѣшали безъ сбивчивости предложенныя имъ ариметическія задачи, письменно и на счетахъ. По окончаніи экзаменовъ, смотритель обозрѣлъ руководѣльныя работы ученицъ. Наконецъ, 10 дѣвочекъ получили, за прилежаніе и хорошее поведеніе, похвальные листы. Экзамены мальчиковъ, также довольно удачныя, привели къ тому результату, что 6 мальчиковъ удостоились награды похвальными листами и 4—книгами. Училище имѣетъ порядочную библіотеку, благодаря особенной заботливости попечителя, крестьянина Д. М. Пучкова. Хозяйственная часть училища, то-есть, помѣщеніе, школьныя средства и проч., найдены въ удовлетворительномъ положеніи.

— Мы упоминали своевременно объ открытіи образцоваго двухкласснаго училища въ с. Холуѣ, *Владимірокой* губерніи, Вязниковскаго уѣзда. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ С.-Петербургскому комитету грамотности начальникомъ этого училища г. Виноградовымъ, дѣло народнаго образованія идетъ въ Холуѣ весьма уснѣшно. Въ училищѣ обучается 10% населенія. 18 человекъ изъ средн общества, возрастомъ отъ 17-и до 25-и лѣтъ, вошли съ прошеніемъ въ министерство народнаго просвѣщенія о дозволеніи имъ пользоваться въ мѣстномъ училищѣ воскресными уроками по предметамъ: закона Божія, отечественной исторіи и географіи, ариметики, русскаго языка, чистописанія и живописи. Просимое разрѣшеніе получено. Кромя того, крестьяне весьма часто обращаются въ училище съ просьбой снабдить ихъ книгами для чтенія.

— Изъ *Таерской* губерніи, гор. Старицы, свящ. Н. Троицкій сообщаетъ тому же комитету, что 1-го ноября 1870 г. открыта имъ бесплатная церковно-приходская школа, въ которой обучается 88 дѣтей обоаго пола. Родители многихъ изъ нихъ — бѣдные крестьяне, неимѣющіе возможности снабдить дѣтей пригодными книгами, отсутствіе которыхъ замедляетъ ходъ ученія.

Той же губерніи, Кантвнскаго уѣзда, наставникъ *Спенскаго* приходскаго училища Воиновъ сообщаетъ о трудностяхъ, съ которыми ему пришлось бороться при устройствѣ училища въ 1868 г. Главнымъ препятствіемъ служило недовѣріе крестьянъ къ школѣ, явившееся

плодомъ безуспѣшности ученія въ прежнемъ волостномъ училищѣ. Въ началѣ г. Воннову удалось собрать вокругъ себя не болѣе десяти человекъ и съ ними онъ началъ дѣло въ церковной сторожкѣ, терпя помѣхи отъ постороннихъ посѣтителей. Терпѣніе и труды его не пропали даромъ: дѣтей заняло ученье, и по прошествіи года, ихъ уже насчитывалось до 30-и человекъ. Недовѣріе крестьянъ къ школѣ стало исчезать, и на третій годъ ея существованія, они рѣшились нанять отдѣльный домъ, удобный для помѣщенія училища. Теперь въ немъ обучается 50 крестьянскихъ мальчиковъ, исправно посѣщающихъ классы, не смотря на то, что дѣти часто бываютъ нужны дома для различныхъ работъ. Недовѣріе къ школѣ такимъ образомъ устранено, но успѣху мѣшаетъ недостатокъ въ книгахъ. Дѣти приходятъ въ училище съ такими книгами, которыя, по ветхости, едва могутъ быть прочитаны и хорошимъ грамотѣемъ. Бѣдность населенія не позволяетъ требовать отъ дѣтей сколько-нибудь сносныхъ книгъ; не разъ, пишетъ г. Вонновъ, ему приходилось изъ своего 50-рублеваго годоваго жалованья приобретать нѣкоторыя руководства. (*Лѣт. Комит. Грамотн. № 2*).

— Изъ *Смоленской* губерніи имѣются свѣдѣнія о дѣйствіяхъ двухъ приходскихъ попечительствъ въ пользу народнаго образованія: Ольховскаго и Дунаевскаго (*Смол. Епарх. Вѣд. №№ 5 и 6*). Первое постановило: назначить для открываемаго училища господскій домъ; принимать въ училище дѣтей всѣхъ родителей, съ условіемъ, чтобы достаточные родители платили за обученіе дѣтей 50 коп. въ мѣсяцъ (дѣти бѣдныхъ родителей и сироты принимаются на содержаніе предсѣдателя попечительства, князя Е. В. Оболенскаго); учителя нанять исправнаго и положить ему приличное жалованье — 10 руб. въ мѣсяцъ; собираемая съ родителей деньга обращать на жалованье учителю, а если будетъ мало, доплачивать изъ кружки попечительства. Дунаевское попечительство, собравъ въ пользу училища нѣкоторую сумму денегъ и хлѣбъ, опредѣлило внушать родителямъ отдавать дѣтей въ училище для обученія, причемъ положило выдавать дѣтямъ учебники и бумагу, помощника наставника вознаграждать, смотря по его занятіямъ, а бѣднѣйшимъ ученикамъ давать вспоможеніе и хлѣбомъ. Всего попечительствомъ собрано деньгами 134 р. 40 к., часть копѣекъ и употреблена на постройку дома для училища.

— Въ предыдущей книжкѣ (*Совр. Лѣт., стр. 80*) мы упоминали, со словъ *Голова*, объ открытіи лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ въ гор. Алексинѣ, *Тульской* губерніи. Теперь мы находимъ въ той же

газетѣ (№ 219) оцѣнку этихъ курсовъ, сдѣланную тѣмъ же корреспондентомъ, который извѣщалъ объ ихъ открытіи.

По мысли г. Малинина, руководившаго курсами, цѣль и задача его педагогическихъ чтеній заключались въ ознакомленіи слушателей практическимъ путемъ съ общимъ веденіемъ школы, съ лучшими методами преподаванія предметовъ, входящихъ въ составъ курса сельской школы, и наконецъ въ пополненіи пробѣла въ знаніяхъ, необходимыхъ для каждаго сельскаго учителя. Ближайшими средствами къ выполненію этихъ задачъ признаны были школьныя педагогическія бесѣды о почвѣ для труда и вліяніи учителя, о томъ, какія качества требуются отъ него по отношенію къ школѣ и ученикамъ, и въ чемъ заключается сущность хорошихъ школьныхъ дисциплинарныхъ порядковъ. Къ этимъ бесѣдамъ должны были присоединяться чтенія о полезныхъ знаніяхъ, направленныхъ къ развитію самихъ учителей и къ увеличенію запаса ихъ познаній. Такова была теоретическая часть программы педагогическихъ курсовъ. Кромѣ теоріи, въ составъ курсовъ входили и практическія занятія для ознакомленія съ методикою школьныхъ предметовъ. Сюда должны были войти образцовые уроки съ учениками по начальному обученію чтенію, письму, счисленію и пѣнію, а также упражненія въ толковомъ чтеніи и бесѣдахъ объ окружающихъ предметахъ. Эта сложность и многообъемлемость предположенной задачи, независимо отъ достоинства способовъ выполненія ея, была по словамъ корреспондента, причиной отсутствія прочнаго, осязательнаго успѣха курсовъ. Никакой послѣдовательности, связи и системы, по отзыву корреспондента, не было въ научныхъ бесѣдахъ г. Малинина, поражавшихъ слушателей своею нестротой и разнообразностью матеріала, чуждою осмысленности. Самая форма, въ которую облекалось сообщаемое, не соответствовала ни достоинству, ни цѣли бесѣды, впадая по временамъ въ шутивно-балагурный тонъ, который вредно отзывался на содержаніи сообщаемой истины, такъ что въ общемъ результатъ теоретическія бесѣды остались безъ всякихъ послѣдствій, не обогативъ ничѣмъ запаса знаній сельскихъ учителей, какъ и отзывались большая часть этихъ послѣднихъ. Послѣ научныхъ бесѣдъ приступлено было къ практическимъ занятіямъ. Въ этихъ видахъ, для нагляднаго ознакомленія слушателей съ методическими приѣмами обученія, при курсахъ была устроена временная практическая школа въ 20 учениковъ. Самъ педагогъ далъ въ этой школѣ, въ теченіе мѣсяца, только десять образцовыхъ уроковъ, что составило на каждый предметъ школьнаго курса по два урока. За

каждымъ такимъ образцовымъ урокомъ слѣдовали бесѣды, съ указаніемъ тѣхъ методическихъ сторонъ урока, которыя надлежало воспринять слушателямъ; затѣмъ дѣлались общіе и частные выводы и заключенія. Все это приходилось принимать на вѣру, безъ критической оцѣнки и безъ возможности провѣрить это путемъ видимаго убѣдительнаго результата. Если методическій приемъ, предлагаемый вниманію слушателей, не имѣлъ должнаго успѣха въ его практическомъ примѣненіи, то обыкновенно на немъ не останавливались, а шли далѣе, приписывая неудачу какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, и прежде всего спѣшности работы и недостатку времени, тогда какъ на недостатокъ времени жаловаться было нельзя, потому что послѣобѣденныя чтенія, въ послѣднія двѣ недѣли, были упразднены, и даже отъ утреннихъ занятій оставалось много свободнаго времени. Послѣ образцовыхъ уроковъ г. Малинина, учителей заставляли самихъ читать въ практической школѣ пробные уроки, въ присутствіи товарищей, обязанныхъ вести записки объ усмотрѣнныхъ достоинствахъ и недостаткахъ урока. По окончаніи урока, высказывались, по приглашенію педагога, замѣчанія и на нихъ долженъ былъ возражать читавшій пробный урокъ. Эти диспуты, по отзыву корреспондента, не принесли практической пользы, такъ какъ нѣсколько образцовыхъ уроковъ г. Малинина не могли произвести прочнаго впечатлѣнія на слушателей, которымъ приходилось вести дѣло по прежнему, или же по указанію дурно понятыхъ не усвоенныхъ учебниковъ, розданныхъ во время курсовъ, что доказывается общою неудовлетворительностью пробныхъ уроковъ учителей. Кромѣ того, то же отсутствіе знакомства съ дѣломъ лишало диспуты оживленія и интереса и придавало имъ сухой, officialный характеръ, такъ что въ концѣ курсовъ нѣкоторые изъ учителей отказались вообще отъ замѣчаній, считая ихъ излишними. Критическія замѣтки самого г. Малинина страдали однообразиемъ, отвлеченностью и избыткомъ общихъ мѣстъ; сверхъ того, они ограничивались внѣшнею стороною урока и касались мелочей, не имѣвшихъ большаго значенія для сущности самаго дѣла. Методическіе приемы г. Малинина не заключали въ себѣ ничего новаго и имѣли характеръ солдатской команды; объясненія были не всегда понятны; о практическихъ приемахъ говорилось мало и показывалось ихъ еще менѣе; рѣчь вращалась болѣе всего около общихъ разсужденій о направленіи и педагогическихъ задачахъ школы. Между прочимъ, остался не выясненнымъ предложенный г. Малинину вопросъ о томъ, какъ долженъ вести урокъ учи-

тель такой школы, въ которой ему одному приходится заниматься съ нѣсколькими отдѣленіями одновременно. По идеѣ г. Малинина, для учителя народной школы, кромѣ другихъ условій, нуженъ самоотверженный духъ, нужна нравственная сила и возбужденность, потому что безъ этихъ условій народный учитель падетъ въ борьбѣ съ тысячу препятствій и лишеній. Воспитать и возвысить до извѣстной степени въ этомъ направленіи духъ учителя признавалось также задачей курсовъ, достижимую при помощи бесѣдъ и дружескихъ отношеній руководителя курсовъ къ его слушателямъ. Ничего подобнаго, по словамъ корреспондента, не было въ отношеніяхъ г. Малинина къ собраннымъ вокругъ него учителямъ. Отношенія эти были вполне начальническія и до взыскательности официальныя. Сближеній и бесѣдъ съ цѣлью свободнаго обмѣна мыслей также не было. Такимъ образомъ, говорить въ заключеніе корреспондентъ, попытку Алексинскаго земства — улучшить состояніе сельскихъ школъ путемъ педагогическихъ курсовъ, по всей очевидности, должно отнести къ числу неудачныхъ, и за Алексинскими педагогическими курсами остается пока лишь значеніе дорого-стоящаго земству сѣзда учителей начальныхъ школъ уѣзда. Само собою разумѣется, что всѣ эти утвержденія остаются на отвѣтственности корреспондента вышеназванной газеты.

— Усманскій, Тамбовской губерніи, уѣздный училищный совѣтъ, разсуждая о распредѣленіи жалованья состоящимъ въ вѣдѣніи совѣта учителямъ начальныхъ народныхъ училищъ на 1871 годъ, постановилъ: а) учителямъ училищъ Усманскаго уѣзда изъ окончившихъ полный курсъ духовной семинаріи, числомъ до десяти, прибавить жалованья до 132 р. въ годъ, каковое отличіе, хотя и незначительное, привлечетъ въ училища болѣе или менѣе способныхъ наставниковъ; б) прочимъ учителямъ оставить прежнее жалованье — отъ 70 до 125 р. въ годъ; в) квартирные деньги 25 р. въ годъ оставить также попрежнему, полагая 25 руб. въ годъ тѣмъ учителямъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи, которые на мѣстѣ жительства не имѣютъ родительскихъ домовъ или бесплатныхъ квартиръ; г) пособия на училищныя принадлежности оставить въ томъ же количествѣ, какое было и въ прошедшемъ году, то-есть, отъ 8 до 16 р. на училище. Всѣхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Усманскаго училищнаго совѣта, 36. (*Тамб. Епарх. Вѣд.* № 1).

— Курское губернское земское собраніе, въ засѣданіи 26-го ноября прошлаго года, постановило внести въ смѣту губернскихъ потребно-

стей на текущій годъ 22.500 р. для составленія фонда на народное образованіе въ губерніи, и къ этому капиталу приоседнать, по мѣрѣ поступленія, всю числящуюся по счетамъ губернской управы недоимку губернскаго сбора. Для разработки вопроса о дальнѣйшемъ назначеніи суммъ изъ этого фонда избрана особая коммиссія. (*Прог. Вѣст.* № 173).

— *Черниловская* губернская земская управа, 6-го апрѣля сего года утвердила правила для занятій ремеслами воспитанниковъ земской учительской семинаріи въ ремесленномъ классѣ сиротскаго дома. Правилами этими, между прочимъ, постановлено: а) ученики семинаріи обучаются тѣмъ ремесламъ, въ которыхъ будутъ имѣть расположеніе, по усмотрѣнію училищнаго совѣта; б) обученіе ремесламъ происходитъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ одного изъ членовъ педагогическаго совѣта семинаріи, по выбору совѣта и подъ руководствомъ мастеровыхъ ремесленнаго класса; в) вещамъ, сдѣланнымъ учениками, ведется опись, съ указаніемъ, кто какую вещь сдѣлалъ; г) вещи эти, какъ опыты ученическихъ упражненій, поступаютъ въ распоряженіе губернской управы; д) при занятіяхъ ученики раздѣляются по группамъ такъ, что каждый ученикъ занимается въ ремесленномъ классѣ не болѣе 4-хъ часовъ въ недѣлю (*Тамъ же*).

— Баронъ Н. А. Корфъ, проѣздомъ черезъ Харьковъ познакомившійся съ тамошнею воскресною школой при Харьковской духовной семинаріи, сообщаетъ о ней слѣдующія свѣдѣнія (*С.-Пб. Вѣд.* № 140). При посѣщеніи имъ воскресной школы, въ очень удобныхъ аудиторіяхъ семинаріи, въ школѣ было до 90 дѣтей. Дѣти веселы и бодры, преподаватели также обращаются съ дѣтьми по-дружески. Праздничныя и воскресныя занятія продолжаются круглый годъ, за исключеніемъ лѣтнихъ каникулъ. Преподавателей въ школѣ бываетъ до 80-и, то-есть, всѣ ученики V-го и VI-го классовъ духовной семинаріи. Около двухъ третей учащихся обучаются по два, по три, даже по одному въ группахъ отдѣльными семинаристами, остальные ученики образуютъ два класса, въ которыхъ по очереди преподаютъ семинаристы, въ присутствіи нѣсколькихъ товарищей, мнѣнія которыхъ затѣмъ обсуждаются на общихъ собраніяхъ учителей. Такимъ образомъ семинаристы знакомятся какъ съ одиночнымъ обученіемъ, такъ и съ класснымъ. При посѣщеніи барона Корфа, дѣти обучались по классамъ только четвертый разъ; поэтому, говоритъ баронъ Корфъ, нельзя было не отнестись снисходительно къ успѣхамъ дѣтей въ такихъ предметахъ, какъ арифметика, преподаваніе которой всего труднѣе

контролировать до тѣхъ поръ, пока ученикъ остается въ группѣ, и еще не перешелъ въ классъ. Въ старшемъ классѣ баронъ Корфъ засталъ урокъ по закону Божію, обращенный къ 12-и ученикамъ: благодаря картинѣ, представлявшей наглядно предметъ бесѣды, урокъ былъ усвоенъ учениками вполне сознательно. Какъ существенно важны подобныя пособія, замѣчаетъ по этому поводу баронъ Корфъ, можно было убѣдиться изъ того, что въ въ I-мъ классѣ, гдѣ не пользовались картиной, за отсутствіемъ втораго экземпляра, отвѣты дѣтей по закону Божію были менѣе, удовлетворительны, хотя и здѣсь обличали пониманіе и усердіе учителя. Въ обоихъ классахъ всѣ ученики читаютъ вполне сознательно; но баронъ Корфъ считаетъ ошибочнымъ то, что даже младшій классъ не упражняютъ въ чтеніи въ воскресной школѣ, а ограничиваются тѣмъ, что спрашиваютъ дѣтей о прочитанномъ ими дома; по его мнѣнію, при трехъ учебныхъ часахъ возможно, безъ ущерба для преподаванія закона Божія и ариметики, подраздѣляя время на получасовые уроки, удѣлять вскаждый разъ полчаса чтенію, для того чтобы помочь ученикамъ освоиться съ книжнымъ языкомъ и обратить вниманіе на выразительность чтенія. Законъ Божій преподается въ воскресной школѣ хронологически, по Евангелію; но мнѣнію барона Корфа, было бы болѣе цѣлесообразнымъ, если бы эти уроки посвящались объясненію праздникова, воскресныхъ евангелій и богослуженія. Что касается преподаванія ариметики, то въ младшемъ классѣ, гдѣ только-что начато умственное счисленіе, до 20-и учениковъ писали числа до сотни; ошиблись изъ нихъ только 6, но нумерація усвоена всѣми двадцатью только по навыку, еще не осмысленному. Въ старшемъ классѣ дѣти вычисляютъ умственно до 100, но о частяхъ *единицъ* съ ними еще не бесѣдовали. Упражненіе дѣтей въ умѣньи толково излагать свою мысль на бумагѣ—въ самомъ началѣ, но ученики старшаго класса на столько подготовлены, что это дается имъ легко; въ младшемъ классѣ, повидимому, мало упражняютъ въ письмѣ подъ диктовку, такъ какъ ученики пишутъ съ пропускомъ буквъ. Въ обоихъ классахъ семинарскаго воскресной школы слабѣйшіе ученики не сидятъ спереди, но гдѣ попало: такое размѣщеніе учениковъ баронъ Корфъ вполне справедливо считаетъ существенно вреднымъ для успѣховъ обученія. Когда занятія прекратились въ воскресной школѣ, всѣ ученики, собравшись въ одну комнату, подъ руководствомъ регента семинарскаго хора, весьма стройно пропѣли нѣсколько молитвъ. Дѣти

столь же усердно и охотно шѣли, какъ и учились, и затѣмъ весело разошлись по домамъ.

— Сущствующее въ Харьковѣ общество взаимнаго вспоможенія прикащиковъ составило комиссію для выработки проекта о закрытіи лавокъ и магазиновъ по воскресеньямъ. Мѣстное общество грамотности воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы выразить свое мнѣніе о пользѣ празднованія воскресныхъ дней и о необходимости учрежденія въ Харьковѣ воскресныхъ школъ и чтеній для торгующихъ. Заявление правленія общества грамотности было встрѣчено сочувственно въ обществѣ взаимнаго вспоможенія, и есть надежда, что послѣднее прійметъ на себя починъ учрежденія въ Харьковѣ праздничныхъ образовательныхъ учреждений не только для прикащиковъ, но и вообще для всѣхъ торговцевъ.

— Изъ отчета Люботинскаго церковно-приходскаго попечительства (Валковскаго уѣзда) за 1870 годъ (*Харьковск. Епарх. Вѣд.* № 11), видно, что въ училищѣ этого попечительства учащихся было 95; изъ нихъ окончили курсъ и выбыли 20. При экзаменахъ 18-го мая и 22-го декабря, произведенныхъ въ собраніи попечительства, оказалось, что учащіе освоились съ сознательнымъ чтеніемъ, прошли священную исторію, первыя четыре дѣйствія ариметики, дѣйствія на счетахъ, писали подъ диктовку, знаютъ главнѣйшія событія исторіи и частію географію; начинающіе обучаются по звуковой методѣ. Церковному пѣнію обучены 12 мальчиковъ, которые и поютъ въ церкви. Капиталъ, образуемый для обезпеченія училища въ будущемъ, составлялъ 519 руб. отопленіе училищнаго дома, отпускаяшееся изъ казенно-крестьянскихъ лѣсовъ, въ отчетномъ году прекращено, и принято на счетъ попечительства. Книги и другія учебныя пособія имѣются въ достаточномъ количествѣ. Въ приходской библиотекѣ, за раздачей книгъ въ награду и въ собственность ученикамъ, состояло въ 1871 году 1.363 книги. Библиотека помѣщается въ домѣ училища и открыта для каждаго желающаго читать или брать книги на домъ подъ росписку; платы за это не взимается. Библиотека состоитъ въ непосредственномъ заведѣваніи наставника училища. Въ ней имѣется также разныхъ учебныхъ пособій для учащихся, какъ-то: аспидныхъ досокъ, картъ, глобусъ и проч., на 70 руб. Въ отчетномъ году вновь приобрѣтено книгъ 137 томовъ.

— Въ *Воронежскомъ Телеграфѣ* (№ 30) сообщаются слѣдующія неутѣшительныя свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ сс. Верхней Хавѣ и Давидовкѣ. Въ первомъ имѣется школа, существую-

щад, съ нѣкоторыми перерывами, съ 1840 г. Не смотря на продолжительное существованіе школы, едва-ли въ настоящее время найдется во всемъ селѣ 40 или 50 человѣкъ грамотныхъ, писать же изъ крестьянъ никто не умѣетъ. Главные виновники такого состоянія грамотности были учителя училища, большая часть которыхъ отличалась крайнею небрежностью въ своему призванію. Нѣкоторые изъ нихъ были неспособны къ исправленію учительской должности; другіе же, пользуясь слабымъ контролемъ со стороны попечителей, никогда не бывавшихъ въ училищѣ, смотрѣли на свое дѣло сквозь пальцы. Съ своей стороны крестьяне имѣютъ большую охоту обучать дѣтей своихъ грамотѣ и всѣми мѣрами стараются улучшить состояніе своего училища. Въ началѣ нынѣшняго года въ этой школѣ учащихся мальчиковъ было 70, но всѣ они, не смотря на то, что учатся давно, читаютъ плохо, а писать начали только нѣкоторые. Такіе неудовлетворительные успѣхи учениковъ — результатъ небрежнаго зачатія съ ними учителя.

Въ с. Давидовкѣ народное училище существуетъ около 10-и лѣтъ. Нынѣшній учитель, изъ семинаристовъ, занимается съ мальчиками весьма плохо; нѣкоторые ученики, въ двухгодичное ученіе въ шкѣ, не научились даже сносно читать, писать начали только нѣкоторые, а до арифметики никто и не касался. Ученики въ классѣ, вмѣсто того чтобы заниматься дѣломъ, устраиваютъ кулачные бои и тому подобныя игры. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ, училище не обѣщаетъ ничего хорошаго, а между тѣмъ, мѣстные крестьяне относятся въ училищу съ теплымъ сочувствіемъ, достойнымъ подражанія. Они болѣе занимаются торговлею, а потому очень хорошо понимаютъ необходимость грамотности. Внѣшняя обстановка Давидовскаго училища удовлетворительна. Попечитель училища, сочувствующій грамотности, снабжаетъ училище всѣми необходимыми принадлежностями, какъ-то: учебниками, прописями, подвижными буквами и т. д. Но контроль уѣзднаго училищнаго совѣта остается почти номинальнымъ, а учитель Давидовской школы пользуется этимъ и совершенно не занимается съ мальчиками. Оттого въ земскомъ училищѣ дѣти не успѣвали и въ двѣ зимы сдѣлать то, что сдѣлали учившіеся у мѣстныхъ духовныхъ въ одну зиму.

— Народное образованіе въ *Донской* области, какъ и вездѣ усилилось съ шестидесятихъ годовъ. Съ 1860 во 1866 годѣ открыты: одна гимназія, 65 мужскихъ и женскихъ училищъ, и число учащихся въ нихъ возросло съ 2.294 до 7.442. Разсматривая постепенное уве-

личеніе числа училищъ и учащихся, говорятъ *Донскія Вѣдомости*, мы замѣчаемъ, что уже въ 1868 году считалось на Дону 120 мужскихъ, 21 женскихъ учебныхъ заведеній, и въ нихъ 8.730 учащихся. Въ 1869 же году было 137 мужскихъ и 21 женскихъ училищъ, и въ нихъ 9.986 обоого пола учащихся. За прошлый годъ число учебныхъ заведеній въ казачьихъ поселеніяхъ увеличилось до 162, а число учащихся до 8.414 мужскаго и 1.680 женскаго пола, или 10.094 обоого пола, те-есть, сравнительно съ 1869 годомъ число учащихся увеличилось весьма мало, именно на 108 душъ обоого пола, между тѣмъ какъ за 1869 годъ число учащихся въ казачьихъ поселеніяхъ увеличилось на 1.259 душъ обоого пола. Въ крестьянскихъ поселеніяхъ Донской области, по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ мировыхъ посредниковъ, всѣхъ школъ въ прошломъ году считалось 119, и въ нихъ учащихся 2.891 мужскаго пола и 185 женскаго, что, по отношенію ко всему крестьянскому населенію въ Донской области, представляетъ одного учащагося почти на 100 человѣкъ обоого пола; слѣдовательно, въ крестьянскомъ населеніи число учащихся значительно меньше, чѣмъ въ казачьемъ. Изъ разсмотрѣнія же въ частности состоянія образованія по сословіямъ и поламъ, оказывается, что въ казачьихъ поселеніяхъ 1 учащійся приходится на 41 жителя мужскаго пола и одна учащаяся на 220 женскаго пола; въ крестьянскихъ же поселеніяхъ 1 учащійся приходится на 60 мужскаго пола и одна учащаяся почти на 900 женскаго пола. Всего же во всей области войска Донскаго считается 281 учебное заведеніе, въ которыхъ учатся 11.305 мужскаго пола и 2.145 женскаго пола, или 18.450 обоого пола, что по отношенію ко всему народонаселенію области войска Донскаго составляетъ слѣдующую пропорцію: изъ 46-и душъ мужскаго пола 1 учатся въ школы и только изъ 250-и женскаго пола одна посѣщаетъ школу, или одинъ учащійся приходится почти на 80 жителей обоого пола (*Правит. Вѣстн.* № 163).

— Въ *С.-Петербургскія Вѣдомости* (№ 190) пишутъ изъ *Полтавы*, что тамъ предположено открытіе земской школы начальныхъ учителей, на что ожидается отъ подлежащаго вѣдомства разрѣшеніе. По проекту, при этой школѣ должно быть начальное училище. съ особымъ учителемъ, которому назначено 500 руб. жалованья, — для практическихъ занятій, подъ руководствомъ директора школы, воспитанниковъ III-го класса. Въ виду недостатка средствъ къ озавоменію теперешнихъ начальныхъ учителей Полтавской губерніи съ лучшими способами обученія, губернское земское собраніе поручило

управѣ открыть означенное начальное училище въ первый же годъ открытія учительской школы, когда предложено открыть только первый классъ, съ возложеніемъ на обязанность директора школы преподавать педагогику и практически руководить вольно-приходящихъ въ нихъ занятіямъ въ этомъ училищѣ. Въ ожиданіи разрѣшенія на открытіе учительской школы, корреспондентъ указываетъ на пользу открытія такого начального училища въ вышесказанномъ же году, съ разрѣшенія мѣстнаго училищнаго совѣта, на что управа имѣеть средства, такъ какъ земское собраніе предоставило въ полное ея распоряженіе всю сумму (16.000 руб.) штатнаго содержанія школы въ 1871 году, на первоначальное устройство, съ обязанностію только въ расходованіи этой суммы дать отчетъ слѣдующему (1872 г.) собранію, и это возможно тѣмъ болѣе, что Полтавское губернское земское собраніе 1870 года признало полезнымъ устройство учительскихъ сѣздовъ и рекомендуетъ эту мѣру уважнымъ земскимъ управамъ и училищнымъ совѣтамъ. Потребность же въ руководствѣ опытнаго педагога для мѣстныхъ учителей настоятельна. Есть учителя, добросовѣстно занимающиеся своимъ дѣломъ, жалающие только учить своихъ учениковъ, но совершенно не знакомые съ педагогическою практикой, что значительно уменьшаетъ достоинство ихъ трудовъ.

— Въ журналахъ Полтавскаго губернскаго училищнаго совѣта (см. *Полт. Епарх. Влад.* № 10 и 11) находимъ слѣдующія постановленія и сѣдѣнія.

Инспекторъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, имѣя въ виду, что сельскія общества затрудняются вообще всякими новыми съ своей стороны пожертвованіями на устройство одноклассныхъ образцовыхъ училищъ, проектированныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, находитъ наиболее полезнымъ и удобнымъ устроить эти училища, не требуя никакихъ новыхъ пожертвованій со стороны общества; напротивъ — дать нѣкоторымъ, преимущественно многолюднѣйшимъ и въ матеріальномъ отношеніи болѣе благоустроеннымъ училищамъ, какъ пособіе отъ министерства, по одному новому образцовому учителю, въ добавокъ къ наличнымъ преподавателямъ тѣхъ училищъ, получающимъ нинѣ жалованье отъ общества или отъ земствъ, и назначить этому вновь опредѣляемому учителю въ жалованье 226 руб., отпускаемому министерствомъ для одноклассныхъ сельскихъ образцовыхъ училищъ, и образовать для этого учителя одинъ особый, вышій классъ изъ наличнаго числа учениковъ. При этомъ предполагается, что общества, которымъ окажется такое пособіе со сто-

роны министерства, поймутъ современемъ и оцѣнить это благодѣяніе, а затѣмъ озаботятся необходимыми съ кѣхъ стороны пожертвованіями привязать къ своей мѣстности на всегда такія училища, въ которыхъ будутъ служить болѣе обеспеченные, а потому и лучшіе учителя.

Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ инспекторомъ народныхъ училищъ на доставляемыя уѣздными училищными совѣтами вѣдомости и отчеты за 1870 годъ, видно, что въ *Прилукомъ* уѣздѣ 43 учителя обучаютъ безплатно; остальные же преподаватели получаютъ болѣею частію самое скудное вознагражденіе за свои труды; такъ, напримѣръ, въ с. Гурбинцахъ преподаватель-священникъ, при 52-хъ ученикахъ, получаетъ всего жалованья 20 руб.; въ годъ въ с. Каложиныхъ, учитель въ окончившихъ курсъ семинари, при 40 ученикахъ, получаетъ 65 руб. въ годъ. Такъ какъ вознагражденіе учительскихъ трудовъ въ этомъ уѣздѣ весьма скудно, или труды эти совершенно безплатны, то и преподаватели здѣсь болѣею частію только дьячки, пономари, или люди, вовсе не имѣющіе свидѣтельствъ на право быть учителями. Въ ответахъ по *Пирятинскому* уѣзду отмѣчено противъ нѣкоторыхъ училищъ, что состояніе ихъ не извѣстно училищному совѣту; по *Золотоношскому* уѣзду большая часть училищъ не осмотрѣна; по *Переяславскому* 10 церковно-приходскихъ школъ закрыты по неизвѣстнымъ училищному совѣту причинамъ, тогда какъ по ст. 14-й и 24-й положенія о начальныхъ училищахъ, возможно частые, правильные и тщательные осмотры училищъ, какъ города, такъ и уѣзда, составляютъ непремѣнную обязанность членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта, и такіе осмотры не представляются затруднительными, при достаточномъ количествѣ членовъ совѣта и не большомъ числѣ училищъ въ каждомъ уѣздѣ, а потому состояніе училищъ и причины закрытія ихъ не должны бы быть неизвѣстны училищному совѣту. Въ нѣкоторыхъ школахъ уѣздовъ: Миргородскаго, Золотоношскаго и Пирятинскаго мѣстные священники не принимаютъ никакого участія. О справедливомъ вознагражденіи трудовъ законоучителей, со стороны губернскаго и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ прилагается всевозможное попеченіе; съ своей стороны, инспекторъ народныхъ училищъ, на основаніи личныхъ наблюденій надъ училищами, кромѣ личныхъ сношеній съ членами земства и обществъ, также вошелъ по самому предмету съ особымъ отзывомъ въ губернскую земскую управу; но что касается до участія священниковъ въ мѣстныхъ сельскихъ школахъ, то, по силѣ 15 и 17 ст. положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, не только преподаваніе закона Божія

въ мѣстныхъ училищѣ, но и наблюденіе въ религіозно-нравственныхъ направленіяхъ его составляютъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства, прямую и непремѣнную обязанность мѣстнаго приходскаго священника.

Въ с. Студенинахъ, Переяславскаго уѣзда, уже 25 лѣтъ существуетъ училище. Въ послѣдніе два года, съ закрытіемъ палаты государственныхъ имуществъ, Студенинское училище видимо пусто. Жители, привыкнувъ въ теченіе 25-и лѣтъ видѣть въ приличномъ содержаніи какъ домъ училищный, такъ и всѣ классныя принадлежности, безъ особенныхъ со стороны ихъ пожертвованій, не охотно теперь слушали предложенія волостнаго старшины и мѣстнаго священника жертвовать, по состоянію, на училище; дѣти ихъ все рѣже и рѣже являлись въ училище, которое, будучи лишено поддержки земства и училищнаго совѣта, вынуждено было въ 1868 году совсѣмъ прекратить свою дѣятельность. Но когда министерство народнаго просвѣщенія предположило открывать образцовыя училища преимущественно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ состоятся приговоры о безвозмездной уступкѣ земли и ремонтироваѣ училища, тогда общество представило въ губернской училищной совѣтъ приговоръ, которымъ просило открыть въ Студенинахъ образцовое училище; обязавшись жертвовать въ пользу училища по 15 коп. ежегодно съ каждой рабочей души. Съ своей стороны и губернской училищной совѣтъ заявилъ о намѣреніи своемъ открыть въ Студенинахъ образцовое училище. Наибольшія услуги Студенинскому училищу оказали священникъ Леонтій Маркевичъ, около 20-и лѣтъ послужившій ему, какъ это засвидѣтельствовалъ г. инспекторъ народныхъ училищъ, „съ пользой для общества и чести“. Учениковъ въ училищѣ бывало отъ 28-и до 121-го.

— Въ *Подольскихъ Епархіальныхъ Ведомостяхъ* (№ 8) помѣщенъ общій очеркъ состоянія церковно-приходскихъ школъ въ *Подольской* епархіи съ 1866 до 1870 года. По удостовѣренію автора статьи, сельское просвѣщеніе, за послѣдніе три года, хотя и незамѣтно, подвинулось въ этой епархіи впередъ. Поселяне, по большей части, хотя и не вездѣ, съ охотою посылаютъ дѣтей своихъ въ школы и заботятся объ отводѣ или постройкѣ для училищъ удобныхъ помѣщеній, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ и составляя приговоры о назначеніи постоянного жалованья учителямъ. Приходскія попечительства также принимаютъ участіе въ положеніи церковно-приходскихъ школъ, или отдѣляя часть попечительской суммы на нужды школы и на увеличеніе жалованья учителя, или ходатайствуя у вла-

дѣльцевъ объ отпускѣ матеріала для постройки училищнаго дома. Съ 1866 года во всѣхъ приходахъ учреждены школы, въ которыхъ обучается около 30.000 дѣтей обоего пола. Наблюдатели постоянно ихъ осматриваютъ и доносятъ о состояніи ихъ епархіальному архіерееву, который при обзорѣ епархіи осматриваетъ школы и лично производить испытаніе дѣтьми, раздавая имъ при этомъ крестики, а лучшимъ награды книгами и деньгами. Назначеніе учителей и разсѣлка книгъ, жертвуемыхъ святѣйшимъ синодомъ, приобрѣтеніе учебниковъ и отпущъ денегъ на нужды школы изъ запаснаго капитала производится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прееосвященнаго. Дѣлаются кромѣ того постоянныя сношенія съ начальникомъ губерніи объ устраненіи разнаго рода препятствій, замедляющихъ ходъ народнаго образованія, и о побужденіи сельскихъ властей къ оказанію содѣйствія въ распространеніи грамотности между дѣтьми поселянъ. Духовенство съ своей стороны оказываетъ возможное содѣйствіе въ распространеніи грамотности въ народѣ. Священники прилагаютъ стараніе, чтобъ основывать сельскія школы въ своихъ приходахъ, и на первый разъ сами занимали должности учителей грамотности и законоучителей; многіе впрочемъ и до сихъ поръ посвящаютъ по нѣсколькимъ часамъ ежедневно на занятія съ дѣтьми поселянъ. Священники, кромѣ того, убѣждаютъ прихожанъ въ пользу грамотности, указываютъ имъ средства къ устройству и поддержанію приходской школы, заботятся о присканіи учителей, о снабженіи школы учебными пособіями и убѣждаютъ составлять приговоры о вознагражденіи учителей. Въ случаѣ недостатка помѣщенія или неостовительности приходомъ, они отводятъ помѣщенія для училищъ въ своихъ домахъ, снабжаютъ ихъ книгами и другими классными принадлежностями, а иногда даже пищей и одеждою тѣхъ мальчиковъ, которые обнаруживаютъ особенную способность къ ученію. По званію предсѣдателей и членовъ приходскихъ попечительствъ, священники располагаютъ крестьянъ удѣлять часть почительской суммы на нужды школы, жертвовать въ пользу школы доходъ отъ итей, наконецъ, располагаютъ сельскія власти содѣйствовать распространенію грамотности между дѣтьми поселянъ зависящими отъ нихъ средствами. Такова хорошая сторона въ состояніи церковно-приходскихъ школъ Подольской епархіи; но есть и недостатки, иногда весьма существенныя.

Въ Подольской епархіи съ 1866 года существуетъ 1.300 школъ. При такомъ количествѣ школъ, трудно требовать, чтобы въ каждой школѣ былъ учитель, вполне соотвѣтствующій своему назначенію;

оттого въ иной школѣ можно встрѣтить окончившаго курсъ семинаріи, въ другой уволеннаго изъ семинаріи или духовнаго училища, въ иной чиновника, въ нѣкоторыхъ же солдата или крестьянина; впрочемъ, большинство учителей состоитъ изъ псаломщиковъ, пономарей и священнослужителей. По той же причинѣ, не всѣ училища имѣютъ приличное помѣщеніе и не всѣ снабжены въ достаточномъ количествѣ учебными пособиями и классными принадлежностями. Нѣкоторыя помѣщаются въ дымныхъ и тѣсныхъ крестьянскихъ избахъ, или въ такъ-называемыхъ школахъ, гдѣ помѣщаются причетники и гдѣ небольшое окно едва даетъ свѣта на столько, что съ трудомъ можно разбирать буквы. Относительно учебныхъ принадлежностей обезпечены только до 300 школъ; остальные же 1.000 школъ сильно нуждаются въ нихъ. Изъ святѣйшаго синода присылается по тысячѣ и болѣе экземпляровъ книгъ для раздачи въ школы, но ихъ приходится только по одному или по два экземпляра на школу. Въ 1868 г. начальникомъ губерніи было отпущено на необходимыя потребности школъ 4.438 руб.; при расходованіи этой суммы соблюдалась строгая экономія: учебниковъ дороже 60 коп., и то для немногихъ школъ, не покупалось; на наемъ домовъ для нѣкоторыхъ школъ полагалось не болѣе 30 руб.; на награду учителямъ не болѣе 20 руб., на школьныя принадлежности не болѣе 10 руб., и за всѣмъ тѣмъ только третья часть школъ получили необходимое пособіе, а школы, имѣющія какую-нибудь возможность сами приобретать для себя необходимое, по недостатку суммы, исключены были изъ числа нуждающихся въ пособіи; тогда какъ, по единогласному заявленію благочинныхъ и наблюдателей, для каждой школы необходимъ ежегодный отпускъ суммы, въ количествѣ не менѣе 100 руб. Далѣе, самое снабженіе учебными пособиями представляетъ не малое затрудненіе въ тѣхъ школахъ, для которыхъ поселяне приобретаютъ ихъ на собственныя средства: распорядившійся этимъ попечитель школы, вмѣстѣ съ обществомъ, смотритъ недовѣрчиво на книгу, которую приходится покупать не выдавши ее; оттого общество, желающее приобрести книги для школы, дожидается случая, когда кто-нибудь изъ среды его отправляется въ Каменецъ или въ Одессу, или когда явится въ село какой-нибудь ходящій съ коробомъ книжнаго хлама, чтобы продать товаръ лицомъ, но и тутъ выборъ книгъ опредѣляется не потребностію школы, а вкусомъ покупателей. Нерѣдко встрѣчается и такого рода препятствіе въ развитію школы: иная школа хорошо устроена; но умираетъ или переходитъ на другой приходъ священникъ, сжвняется

волостной старшина, назначается новый мировой посредникъ, — и школа упадаетъ. Посредникъ держитъ себя безразлично по отноше- нію къ образованію поселянъ; старшина внушаетъ крестьянамъ, что содержаніе школы обходится для общества дорого, что учителя можно найти дешевле или возложить эту обязанность на причетника, ко- торый обязанъ обучать безвозмездно, — и школа, нѣредко прекрасно устроенная, разлагается, число учащихся убываетъ, порядокъ обуче- нія нарушается, и новому священнику приходится начинать дѣло съ начала, иногда съ большими противъ прежняго затрудненіями. При томъ мѣстныя школы, хотя и не вездѣ, все еще испытываютъ давленіе отъ новобрія, не переставшаго и донынѣ мечтать объ „ойчизнѣ“.

— Въ *Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 8) помѣ- щены біографическій очеркъ покойнаго архіепископа Кишиневскаго Антонія, который, какъ видно изъ этого очерка, принималъ дѣятель- ное участіе въ распространеніи грамотности въ мѣстномъ населеніи. Во время 13-лѣтняго управленія Кишиневскою епархіей, имъ открыто до 400 сельско-приходскихъ школъ, почти съ 7.000 учениковъ и нѣ- сколькими сотнями ученицъ. За отчисленіемъ изъ нихъ школъ, нахо- дящихся въ казенныхъ селеніяхъ, въ вѣдомству дирекціи училищъ Бессарабской области, при церквахъ въ 1869 году осталось 183 учи- лища съ 2.248 учащихся обоого пола, а въ 1870 году, за отчисле- ніемъ и колоніальныхъ, состояло при церквахъ 175 училищъ, но уже съ 3.587 учащимися. Многие изъ священниковъ открыли въ послед- ніе годы воскресныя и праздничныя школы. Училища эти однако же не вполнѣ достигали своей цѣли, чему причиной были, съ одной сто- роны неразвитость и бѣдность крестьянъ, съ другой, недостатокъ въ учителяхъ. Училища помѣщаются болышею частію въ домахъ дер- жовнаго причта и постройкахъ при церквахъ, частію же въ домахъ поселянъ, и снабжены бумварами, присланными въ 1861 году, по рас- поряженію святѣйшаго синода, въ количествѣ 19.600 экз. Кроме того, для нихъ же разослано по церквамъ 6.500 экз. „Начатковъ“ въ переводѣ на молдавскій языкъ.

— Въ *Вилненскомъ Вѣстникѣ* (№№ 67, 69 и 73) помѣщены слѣ- дующія извѣстія по вопросу о народномъ образованіи въ этомъ краѣ: 1) Ковенское Свято-Никольское братство, кромѣ пособія училищамъ, издержало на содержаніе братской школы для безродныхъ сиротъ 2.167 руб. Расходъ по содержанію увеличился, сравнительно съ пре- дыдущимъ годомъ, вслѣдствіе открытія при школѣ переделной ма- стерской, въ которой обучается 8 мальчиковъ. Въ настоящее время.

при братской школѣ состоитъ на лицо 20 мальчицѣвъ и 10 дѣвочекъ. Въ ней, кромѣ обученія обыкновеннымъ предметамъ начальной школы, старшіе обучаются сапожному и башмачному мастерствамъ, дѣвочки всѣ шьютъ и вѣжутъ; работа по всѣмъ этимъ ремесламъ преимущественно ограничивается удовлетвореніемъ потребностей школы. 2) Инженеръ Врестско-Смоленской желѣзной дороги А. Н. Рыдзевскій прислалъ Гродненскому директору народныхъ училищъ 300 руб., съ просьбой употребить эти деньги на усиленіе содержанія народныхъ учителей въ трехъ доименованныхъ имъ училищахъ Пружанскаго уѣзда. 3) Въ Минскѣ предполагается устроить училище для приготовленія органистовъ, знающихъ русскій языкъ и могущихъ пѣть молитвы по русски, для римско-католическихъ костеловъ. Училище это будетъ устроено на чисто-русскихъ началахъ, то есть, воспитанники его, и въ костелѣ, и въ домашней жизни, будутъ употреблять исключительно русскій языкъ. Кромѣ музыки и пѣнія, они будутъ обучаться русской грамотѣ, славянскому и латинскому языкамъ, на сколько послѣдніе необходимы для пѣнія и богослуженія. Это еще первый въ Россіи опытъ устройства специальной школы для католиковъ по религіи и русскихъ по происхожденію. На первый годъ комплектъ учениковъ въ школѣ полагается въ 10 человекъ, съ отпускомъ ежегоднаго содержанія изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ по 1.200 руб., кромѣ издержекъ на первоначальное устройство и обзаведеніе школы.

— При *Варшавскихъ* гимназіяхъ 1-й мужской и 1-й женской состоятъ два мужскихъ и одно женское начальныя училища. Польза этихъ училищъ, по отзыву отчета о состояніи обѣихъ гимназій, читанныхъ на послѣднемъ публичномъ актѣ (*Прав. Вѣстн.* № 150), до того очевидна, что они постоянно переполнены учащимися. Въ училищахъ этихъ обучается ежегодно, въ мужскихъ отъ 75-и до 80-и, а въ женскихъ отъ 55-и до 60-и человекъ. Большинство поступающихъ туда — дѣти православнаго вѣроисповѣданія, а также и еврейскаго закона. По происхожденію, послѣдніи принадлежатъ большею частію нижнимъ воинскимъ чинамъ, бѣднымъ чиновникамъ, ремесленникамъ и прислугѣ. Дѣти эти поступають въ народныя училища 7-и и 8-лѣтняго возраста, безъ всякой предварительной домашней подготовки, нѣкоторыя едва умѣя складывать по старинному методу, немногія — умѣя читать, а очень многія не умѣя и говорить по русски. Все это, при значительномъ числѣ учащихся, затрудняетъ успѣхъ преподаванія; однако, благодаря дѣятельности преподавателей, большая часть

воспитанниковъ начальныхъ училищъ поступаетъ въ гимназіи съ подготовкою, вполне удовлетворительно. При 1-й Варшавской мужской гимназіи существуетъ съ 1869 года воскресная школа, открытая учителемъ русскаго языка г. Грушецкимъ. Въ настоящемъ году школа эта была ведена тѣмъ же г. Грушецкимъ, при содѣйствіи учителей гг. Семеновича, Вербицкаго и г-жи Вояриновой. Обыкновенное преподаваніе бываетъ во всѣ воскресные дни. Въ школѣ приходящихъ учать русскому языку, начиная съ первоначальнаго чтенія и письма, до диктовки и грамматики. Со времени открытія школы до настоящаго времени въ ней пользовалось преподаваніемъ 1.332' человекъ всѣхъ возрастовъ. Собственныхъ средствъ школа не имѣетъ, но содержится частными пожертвованіями и пособиями г. Грушецкаго.

—При Маріинской православной церкви на Прагѣ, въ Варшавѣ, учреждено церковно-приходское попечительство, подъ предсѣдательствомъ генераль-лейтенанта В. Л. Соболевскаго. Члены попечительства единодушно постановили: не смотря на скудость денежныхъ средствъ попечительства и вообще семействъ, проживающихъ на Прагѣ, которыя, при всемъ желаніи, не могутъ доставить дѣтямъ своимъ первоначальнаго обученія грамотѣ, открыть безотлагательно бесплатную школу для обученія малолѣтнихъ дѣтей закону Божію, чтенію и письму и первымъ четыремъ правиламъ ариметики. Школа помѣщена, впредь до окончанія постройки церковнаго дома, въ зданіи сборнаго пункта. Члены церковнаго прѣдства приняли на себя обязанности преподавателей. Бесплатная школа для малолѣтнихъ должна была открыться 15-го іюня. Къ обученію въ ней допускаются, кроми дѣтей православнаго исповѣданія, и дѣти всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій, съ увольненіемъ сихъ послѣднихъ отъ слушанія закона Божія. (*Правит. Вѣстн.* № 127).

—Начальникъ *Радомской* учебной дирекціи, г. Воронцовъ-Вельяминовъ представилъ бывшему въ апрѣлѣ сего года собранію начальниковъ учебныхъ дирекцій Варшавскаго учебнаго округа записку о средствахъ для побужденія учителей заниматься русскимъ языкомъ. Убѣдившись, при посѣщеніи начальныхъ училищъ, что многіе изъ учителей, недавно лишь окончившихъ педагогическіе курсы, объясняются очень неудовлетворительно по-русски, неправильно произносятъ слова, какъ въ разговорѣ, такъ и при чтеніи, и дурно пишутъ по-русски, и въ виду вредныхъ отъ того послѣдствій, значительно ослабляющихъ пользу, какая ожидается отъ учрежденія педагогическихъ курсовъ, г. директоръ указываетъ на слѣдующія мѣры для поддержанія и

освѣщенія въ учителяхъ, бывшихъ воспитанникахъ педагогическихъ курсовъ, приобретенныхъ ими познаній въ русскомъ языкѣ, и для доставленія имъ средствъ какъ можно чаще упражняться въ русскомъ чтеніи и письму: 1) пригласить учителей доставить въ педагогическіе совѣты, во времени открытія учительскихъ сѣздовъ, подробные и обстоятельные отчеты о состояніи ввѣренныхъ имъ училищъ, для чего сообщить учителямъ заблаговременно краткіе конспекты такихъ отчетовъ, и затѣмъ посвятить одно, по крайней мѣрѣ, засѣданіе сѣзда на чтеніе нѣкоторыхъ отчетовъ, по усмотрѣнію предсѣдательствующаго на сѣздѣ, съ тѣмъ, чтобъ объяснить учителямъ, какимъ образомъ и съ какою цѣлю должны быть составляемы подробные отчеты, въ которыхъ излагались бы по преимуществу наблюденія и опыты изъ педагогической практики учителя. Для упражненія учителей, отъ нихъ можно было бы требовать такихъ отчетовъ два раза въ годъ. Подмѣчаемыя ими подробности и частности въ жизни училища, въ отношеніяхъ школы къ семейству, къ домашнему быту дѣтей, и вообще къ окружающей общественной средѣ, были бы, независимо отъ упражненій въ русскомъ языкѣ, полезнымъ матеріаломъ для педагогическихъ соображеній. Поэтому всѣ такіе отчеты слѣдовало бы доставлять въ педагогическіе курсы на разсмотрѣніе совѣта. Предполагаемая мѣра послужила бы такимъ образомъ началомъ для установленія болѣе тѣснаго сближенія между учителями и заведеніемъ, въ которомъ они воспитывались. Въ курсахъ сосредоточились бы интересы и задачи педагогической дѣятельности народныхъ училищъ, и нѣтъ сомнѣнія, что съ развитіемъ и укрѣпленіемъ связи учителей съ педагогическими курсами, и тѣ и другіе останутся въ выигрышѣ. Эта связь необходима также и въ виду недостатка контроля надъ училищами, по невозможности одному лицу часто посѣщать школы, которыхъ въ дирекціи бываетъ болѣе 300. 2) Для доставленія учителямъ полезнаго и разнообразнаго чтенія, было бы полезно устраивать, постепенно и сообразно имѣющимся средствамъ, бібліотеки въ городахъ и болѣе центральныхъ посадахъ; въ нихъ должно находиться хотя по нѣскольку болѣе капитальныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ, по литературѣ, исторіи, географіи, естественной исторіи и педагогіи. Чтобы такіа бібліотеки приносили дѣйствительную пользу, слѣдовало бы повѣрять учителей въ чтеніи предлагаемыхъ имъ книгъ и приглашать ихъ къ составленію изъ указываемыхъ сочиненій нѣкоторыхъ извлеченій, дѣтскихъ разказовъ, уроковъ и проч. 3) Для поощренія учителей въ занятіяхъ русскимъ языкомъ, полезно задавать темы на

конкурсъ, съ выдачей премій отъ 25 до 50 руб. за лучший отчетъ или сочиненіе. 4) Для того, чтобъ учителя не забывали русскаго разговорнаго языка, слѣдовало бы обязать ихъ говорить въ классахъ не иначе, какъ по русски, и употреблять хотя четверть часа изъ каждаго урока для упражненія учениковъ въ разговорной рѣчи по одиночкѣ или хоромъ.

Съѣздъ начальниковъ учебныхъ дирекцій съ своей стороны постановилъ: „Въ видахъ поддержанія научной дѣятельности начальныхъ учителей и побужденія ихъ къ логическому изложенію мыслей на русскомъ языкѣ, предложить начальнымъ учителямъ, чтобъ они, при представленіяхъ годовыхъ отчетовъ, прилагали отдѣльные записки, съ изложеніемъ въ нихъ хода занятій въ теченіе учебнаго года, методовъ, которымъ они слѣдовали при преподаваніи, затрудненій, встрѣчавшихся въ практической ихъ дѣятельности, и средствъ, употребляемыхъ ими къ успѣшному веденію дѣла. Къ таковымъ представленіямъ они могутъ прилагать и свои соображенія относительно того, что, по ихъ мнѣнію, могло бы служить къ улучшенію учебной части“. Въ инструкціи для съѣзда учителей начальныхъ училищъ, утвержденной г. попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа, между прочимъ, постановлено: Въ виду особенной важности русскаго языка и самой необходимости большаго ознакомленія съ педагогическими приемами при его изученіи, занятія на учительскихъ съѣздахъ должны быть усилены по этому предмету; почему большая часть времени, назначеннаго для съѣздовъ, опредѣляется на русскій языкъ. (*Циркул. Варш. учебн. окр. № 5*).

— Въ майской книжкѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.* (Совр. Лѣт., стр. 116) сообщено было нѣсколько свѣдѣній о воскресно-ремесленныхъ училищахъ въ Варшавѣ, въ которыхъ, какъ было замѣчено, обученіе обязательно для ремесленныхъ учениковъ христіанскихъ исповѣданій, подъ отвѣтственностію ихъ хозяевъ-мастеровъ. Любопытны мѣры, принимаемыя для обезпеченія неуклоннаго посѣщенія этихъ училищъ учениками. Онѣ заключаются въ слѣдующемъ:

1) По истеченіи четырехдѣльнаго срока испытанія, которому могутъ быть подвергаемы мальчики, желающіе изучить то или другое мастерство, каждый мастеръ, принявъ ученика, обязанъ лично, или при посредствѣ перваго подмастерья, записать его въ ближайшее къ мѣсту жительства училище. 2) Въ удостовѣреніе этого, надзиратель надлежащаго училища выдаетъ мастеру свидѣтельство на печатномъ бланкѣ, за своею подписью. Документъ этотъ мастеръ обязанъ немедленно представить управѣ старшинъ; безъ чего ученикъ не можетъ быть внесенъ въ цеховую книгу. 3) Въ случаѣ отсутствія

ученика въ школѣ, надзиратель ея извѣщаетъ о томъ мастера письменно, повѣсткой на бланкѣ по предписанной формѣ. Получивъ такое извѣщеніе мастеръ обязанъ въ слѣдующій воскресный или праздничный день прибыть въ школу или прислать первого подмастерья для объясненія причинъ отсутствія ученика. 4) Мастера, уличенные въ томъ, что, по ихъ винѣ, состояще у нихъ терминаторы (то-есть, молодые люди, приготовляющіеся въ подмастерья) неакуратно или вовсе не посѣщаютъ училища, а также уклоняющіеся отъ сообщенія причинъ отсутствія терминаторовъ въ училищѣ, подвергаются денежному штрафу отъ 30-и до 75-и копѣекъ за каждый день ученія, пропущенный терминаторомъ. 5) Если терминаторъ, вопреки желанію мастера, по собственному нерадѣнію, неакуратно будетъ посѣщать училище, то для понужденія его къ исправности, мастеръ можетъ просить содѣйствія начальника подлежащаго полицейскаго участка. Для этой же цѣли и надзиратели училищъ могутъ, въ случаѣ необходимости, сноситься официальными отъѣздами съ приставами исполнительной полиціи. 6) Управы старшинъ должны представлять инспектору училищъ города Варшавы два раза въ годъ, а именно 1-го февраля и 1-го іюля именныя списки наличнымъ терминаторамъ съ обозначеніемъ: времени поступленія въ обученіе ремеслу, возраста терминатора, номера посѣщаемого училища, времени поступленія въ оное терминатора, фамиліи и мѣста жительства мастера. 7) Для устраненія возможности поддѣлки терминаторами училищныхъ свидѣтельствъ, эти послѣднія не выдаются имъ на руки; но препровождаются прямо въ магистратъ. 8) Безъ училищнаго свидѣтельства терминаторъ не можетъ быть произведенъ въ подмастерье. За нарушеніе этого правила отвѣчаютъ управы старшинъ“.

НАЧАЛЬНЫЯ НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ ЗА 1870 ГОДЪ ¹⁾.

II. Курскаго уѣзда.

1) *Стрѣлецкое*, смѣшанное училище, въ пригородной слободѣ города Курска, открыто въ 1866 году; содержится на общественный доходъ, получаемый за наемъ луговъ, земли и проч. Изъ этихъ доходовъ на содержаніе училища ассигновано 250 руб. на слѣдующіе предметы: наставнику 100 руб., его помощнику 75 руб., сторожу 48 руб., на содержаніе дома и учебныя пособия 27 руб. Отопленіе доставляется отъ общества натурой.

Помѣщается училище въ общественномъ домѣ, состоящемъ изъ сѣней, передней, сторожки и двухъ классовъ. Классныя комнаты свѣтлы, теплы, имѣютъ форточки для вентиляціи; содержатся довольно опрятно. Въ обоихъ классахъ стоитъ по 13-и партъ узкихъ, неудобныхъ для письма, многія изъ нихъ расшатались и требуютъ исправленія; въ каждомъ классѣ находится въ исправномъ видѣ классная доска; въ младшемъ классѣ къ доскѣ прикрѣплены линейки для подвижныхъ буквъ.

Число учащихся мальчиковъ (отъ 7-и до 13-и лѣтъ) въ I-мъ отдѣленіи (младшемъ) 40, во II-мъ отдѣленіи (старшемъ) 30; дѣвочекъ (отъ 6-и до 11-и лѣтъ) въ I-мъ отдѣленіи 4, во II-мъ отдѣленіи 5. Всѣ православнаго исповѣданія.

Число жителей сл. Стрѣлцкой 2,750 д. об. п.; число учащихся относительно числа жителей составляетъ 2,8%, то-есть, на каждыя 100 д. приходится почти 3 ученика.

Занятія происходятъ 9¹/₂ мѣсяцевъ, отъ 15-го сентября по 1-е юля, ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 8 до 1¹/₂ часа утра съ отдыхомъ въ ¹/₂ ч. отъ 10 до 10¹/₂ ч.).

¹⁾ См. июльскую книжку *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1871 г.

Чтеніе гражданскоѣ и церковной печати происходитъ по силлабическому методу. Затѣмъ преподаются: письмо, законъ Божій, молитвы съ объясненіемъ, священная исторія, главнѣйшіе догматы православной церкви (по краткому катихизису), объясненіе праздниковъ, чтеніе Евангелія съ переводомъ на русскій языкъ, съ толкованіями наставника, четыре дѣйствія надъ простыми и именованными числами съ упражненіемъ въ рѣшеніи задачъ, счисленіе на счетахъ и церковное пѣніе главнѣйшихъ молитвъ.

Успѣхи обученія вообще удовлетворительны; церковное же пѣніе идетъ весьма хорошо. Что касается учебныхъ пособій при школьномъ обученіи, то въ I-мъ отдѣленіи употребляются подвижныя буквы, 1-я часть „Роднаго слова“, синодальный букварь; во II-мъ отдѣленіи священная исторія и краткій катихизисъ проходятся по „Начаткамъ христіанскаго ученія“; для объяснительнаго чтенія употребляется 2-я ч. „Роднаго слова“; Евангеліе. По ариѳметикѣ — руководство въ обученію ариѳметикѣ Лева. Въ школѣ есть нѣсколько грифельныхъ досокъ (недостаточно), счеты и прописи.

Для внѣ-класснаго чтенія учениковъ нѣтъ ни одной книги, такъ какъ бібліотеки при школѣ не существуетъ. Попечителя школа также не имѣетъ, и въ училищѣ нити не принимаетъ особеннаго участія; ирѣдва только посѣщаетъ его мировой посредникъ; но училище ежегодно ревизуется учебнымъ начальствомъ.

Наставникомъ состоитъ священникъ мѣстной церкви, о. Волобуевъ, а помощникомъ его—священникъ той же церкви, о. Ивановъ; оба они воспитывались въ Бѣлгородской семинаріи и ведутъ дѣло съ усердіемъ, вполне сознавая великую важность обязанностей народныхъ учителей. Поэтому между ними и учениками существуютъ самыя лучшія отношенія; ученики не запуганы, смѣло отвѣчаютъ на вопросы. Матеріальное состояніе ихъ, какъ священниковъ, вполне обезпечено.

При первомъ посѣщеніи училища, въ чтеніи не было никакой системы: 30 учениковъ II-го отдѣленія читали разныя книги; какъ гражданскія, такъ и церковныя; по закону Божию всѣ учили разное, по ариѳметикѣ тоже; классный журналъ былъ (во II отдѣленіи), но въ веденіи его не было никакой системы. Словомъ, организація училища была неудовлетворительна. Но послѣ педагогической бесѣды съ наставниками (29-го октября) я нашелъ значительныя перемѣны къ лучшему. Ученики строго раздѣлены на группы; введено чтеніе по одной и той же книгѣ, употребляются подвижныя буквы при обученіи грамотѣ; сдѣланы опыты приученія дѣтей писать подъ

такъ; обращено вниманіе на умственные вычисления при рѣшеніи задачъ, относящихся къ быту поселянъ; обращено вниманіе на объявленіе праздничное; заведенъ классный журналъ въ обоихъ отдѣленіяхъ. Всѣ эти перемены не замедлили обнаружиться въ успѣхахъ учениковъ и сообщить самому училищу характеръ организованнаго учебнаго заведенія. Но еще многого недостаетъ училищу для того, чтобъ оно со временемъ приносило надлежащую пользу обществу.

Школа страдаетъ: 1) недостаткомъ учебныхъ пособій, какъ-то: грифельныхъ досокъ, письменныхъ принадлежностей, славянскихъ букварей, географическихъ картъ и историческихъ картинъ, отсутствіемъ, наконецъ, библиотеки, изъ которой ученики могли бы пользоваться книгами для домашняго чтенія. 2) Хотя въ училищѣ и есть распределение занятій между наставниками, которому они строго слѣдуютъ, но это распределение неудобно въ томъ отношеніи, что учителя занимаются попеременно, а не оба въ одно и то же время, а такъ какъ въ училищѣ два отдѣленія въ отдѣльныхъ классахъ, то одно изъ нихъ остается не занятымъ въ то время, когда въ другомъ занимается учитель. При такомъ распределеніи занятій невозможно установить должную дисциплину, нельзя приучить дѣтей къ порядку и тишинѣ во время учебныхъ часовъ. Такъ какъ учителя, по своимъ прямымъ обязанностямъ, не могутъ иначе распределить своихъ занятій, то слѣдовало бы еще имѣть помощника не-священника, которому можно было бы поручить обученіе грамотѣ (I отд.). 3) Училище Стрѣльцкое стоитъ на площади безъ всякой ограды, при немъ нѣтъ двора и самыхъ необходимыхъ удобствъ; словомъ, оно имѣетъ весьма непривлекательный видъ и производитъ неблагоприятное впечатлѣніе. Между тѣмъ, общество охотно уступаетъ мѣсто для двора, огорода и сада. На удовлетвореніе всѣхъ связанныхъ насущныхъ нуждъ училище не имѣетъ средствъ.

2) *Ямское женское* училище, также въ пригородной слободѣ города Курска, открыто въ 1866 году и содержится на счетъ Ямскаго общества. Расходы на содержаніе училища слѣдующіе: наемъ дома — 125 руб., наставницъ 120 руб., ея помощницъ 75 руб., прислугъ ¹⁾ 18 руб., учебныхъ пособій 13 р. 50 к., а всего 351 р. 50 к. Училищною суммой завѣдуетъ мѣстное волостное правленіе.

Помѣщеніе училища тѣсно, особенно въ первомъ отдѣленіи, гдѣ всѣ дѣти оставляютъ платье и верхнюю обувь, тутъ же стоитъ кро-

¹⁾ Хотя прислуга и положена по сметѣ, но ея нѣтъ въ дѣйствительности.

вать помощницы; входъ въ классъ черезъ кухню, содержимую неопратно; но второе (старшее) отдѣленіе по чистотѣ и порядку можетъ занять первое мѣсто между всеми училищами Курскаго уѣзда. Хотя я посѣщалъ его въ самое ненастное время, но заставлялъ въ немъ (два раза) замѣчательную чистоту; не только крашенные полы были безукоризненно чисты, но даже подъ скамьями не было слѣдовъ грязи; комната оклеена обоями, свѣтла, тепла, вентилируется форточкой.

Число партъ недостаточно; во время чистописанія нѣсколько дѣвочекъ остаются безъ мѣста; парты узки, неудобны для письма; во II-мъ отдѣленіи классная доска безъ подставки, виситъ на стѣнѣ; сзади ученицъ; въ I-мъ же отдѣленіи совсѣмъ нѣтъ доски, и вмѣсто учительскаго стола стоитъ безобразный кухонный столъ.

Въ I-мъ отдѣленіи нѣтъ класснаго журнала, а потому и сама учительница, повидимому, опредѣленно не знаетъ, сколько у нея ученицъ; по ея словамъ, должно быть 40, а же застать только 30; во II-мъ отдѣленіи 40. Жителей женскаго пола въ Ямской 2.660 душъ; число учащихся относится къ числу жителей, какъ 2,6 къ 100, то есть, на 100 женщинъ приходится почти три обучающіяся грамотѣ.

Учебныя занятія продолжаются въ теченіе 9-и мѣсяцевъ, съ 15-го сентября по 15-е іюня, ежедневно отъ 9-и до 10-и часовъ утра и отъ 2-хъ до 4-хъ час. послѣ обѣда. По субботамъ ученіе бываетъ только до обѣда, какъ и во всѣхъ другихъ училищахъ губерніи.

Обученіе чтенію и письму въ I-мъ отдѣленіи идетъ по буквосочетательной методѣ (а, бе, ве) весьма безтолково, безъ всякой системы въ занятіяхъ; начинающія читать (черезъ 2 года) не понимаютъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ словъ; читаютъ свободно одну книгу и не могутъ разобрать другой; все ученіе основано на заучиваніи словъ. Молитвы заучиваются наизусть, письмо буквъ идетъ безъ всякихъ правилъ: „какъ это выпишется“; по выраженію учительницы:

Во II-мъ отдѣленіи законъ Божій, священная исторія и краткій катихизисъ преподаются по „Начаткамъ“, не вполне понятнымъ для дѣтей; главное вниманіе обращено на заучиваніе изъ книги. При чтеніи и письмѣ дѣтямъ объясняется, по словамъ учительницы, читаемое, но многія изъ нихъ не понимаютъ того, что читаютъ и не умѣютъ говорить. По-славянски не читаютъ; по арифметикѣ учатъ первыя 4 дѣйствія механически; ученицы затрудняются въ рѣшеніи самыхъ простыхъ задачъ. Вообще весьма многія дѣвочки очень не развиты. Чистописаніе идетъ очень хорошо; рукодѣліе — тоже.

Пособіемъ по закону Божію въ I-мъ отдѣленіи служитъ букварь, изъ котораго дѣти учатъ молитвы; во II-мъ — „Начатки христіанскаго ученія“ и Евангеліе. Для обученія чтенію служатъ разныя буквари, 1-я ч. „Роднаго слова“, во II-мъ отдѣленіи тоже. Руководство для ариметики — Лева, для чистописанія — прописи.

Библиотека при училищѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ № *Мирскаго Вѣстника*, одного экземпляра „Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней находящихся“, Беветова, 1-й ч. „Русской исторіи“ Соловьева и „Естественной исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній“ Горизонтова. Попечитель училища не принимаетъ въ немъ никакого участія: онъ ни разу даже не былъ въ немъ.

Училище посѣщается ежегодно учебнымъ начальствомъ, изрѣдка мировымъ посредникомъ. Наставница, дочь губернскаго секретаря, г-жа Левицкая, занимается преподаваніемъ съ 1868 года, по свидѣтельству, ведетъ свое дѣло съ полною энергіей и весьма серьезно смотритъ на свою обязанность. Если въ ея отдѣленіи и не замѣтно желанныхъ уснѣховъ, то это происходитъ отчасти потому, что она еще не успѣла сдѣлать многого съ своимъ классомъ, а главное потому, что изъ I-го отдѣленія поступаютъ ученицы совсѣмъ неподготовленныя. Видя, какъ худо идетъ дѣло первоначальнаго обученія чтенію, г-жа Левицкая, съ нѣкоторыми ученицами (6-ю), сама занимается азбукой. Помощницей учительницы — получившая воспитаніе въ Курскомъ женскомъ монастырѣ; она преподаетъ съ 1866 года, безъ всякаго права и не имѣетъ никакихъ способностей къ тому дѣлу, которое она, повидимому, приняла на себя по крайней нуждѣ. Матеріальное положеніе ихъ болѣе или менѣе обезпечено (обѣ живутъ въ училищѣ); общество ими довольно.

Законоучитель, мѣстный священникъ, только съ ноября мѣсяца 1869 года началъ преподаваніе (безмездно) закона Божія, по три раза въ недѣлю. Первый урокъ его, на которомъ я присутствовалъ, не рекомендуетъ его, какъ хорошаго преподавателя; но можетъ быть, современемъ, онъ выработаетъ болѣе раціональный методъ ученія.

Въ I-мъ отдѣленіи училища нѣтъ ни распредѣленія занятій, ни класснаго журнала; оно представляетъ простой сборъ дѣтей, сидящихъ за букварями съ утра до вечера и выкрикивающихъ склады и буквы. Занятія II-го отдѣленія вполне организованы; одинъ урокъ неизмѣнно слѣдуетъ за другимъ по росписанію; журналъ по каждому предмету отдѣльно ведется очень аккуратно; на опущеніе уроковъ наставница обращаетъ большое вниманіе.

Для полной успѣшности учебнаго дѣла въ училищѣ необходимо: а) лучше устроить I-е отдѣленіе, устранивъ неудобство его помѣщенія; б) передѣлать парты, построить 4 новыхъ, учительскій столъ, классныя доски, приспособить ихъ и для обученія азбукѣ съ помощью подвижныхъ буквъ; с) снабдить училище „Роднымъ словомъ“ (1-ю ч.), подвижными буквами, письменными принадлежностями, географическими картами, картинами изъ священной исторіи и книгами для чтенія въ бібліотеку. На все это училище не имѣетъ средствъ.

3) *Ямское мужское училище* въ пригородной слободѣ открыто въ 1840 году вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ. Занимаетъ оно верхній этажъ дома (въ нижнемъ помѣщается волостное правленіе) и находится въ такомъ грязномъ, запущенномъ состояніи, что трудно представить себѣ что-либо подобное). Штукатурка обита во многихъ мѣстахъ, стѣны загрязнены до крайности. Съ подоконниковъ отъ сырости течетъ постоянно; окна отъ нечистоты и плесени пропускаютъ мало свѣта, полъ съ вершковымъ слоемъ грязи — все это напоминаетъ скорѣе видъ камеры тяжкихъ преступниковъ, чѣмъ училище богатой подгородной слободы, почти съ трехтысячнымъ населеніемъ. Въ классахъ душно, сыро, особенно въ младшемъ отдѣленіи, гдѣ въ двухъ небольшихъ комнатахъ скучено болѣе 90 учениковъ. Содержится училище на общественный счетъ; расходы по содержанію слѣдующіе: наставнику 100 руб., его помощнику 85 руб., сторожу 17 р., на учебныя пособія 13 руб. 50 к., на ремонтъ дома 30 руб. Итого 245 руб. 50 коп. Училищною суммой распоряжается волостное правленіе. Парты въ достаточномъ количествѣ, но всѣ почти ветхи и положительно неудобны для письма, такъ какъ у многихъ (во II-мъ отдѣленіи) края, обращенные къ ученикамъ, поднялись на столько, что стали выше краевъ противоположныхъ, образовался, словомъ, наклонъ стола въ противоположную сторону. Во II-мъ отдѣленіи классная доска, безъ подставки, виситъ на стѣнѣ. Шкапъ для книгъ стоитъ въ передней. Въ крошечной комнатѣ, подлѣ классовъ, живетъ женатый помощникъ наставника.

Число учащихся въ I-мъ отдѣленіи 93, а во II-мъ отдѣленіи 27. На каждыя 100 д. мужскаго населенія (2.630) учащихся приходится 4,5%.

Занятія происходятъ 9 мѣсяцевъ, съ 15-го сентября по 15-е июня, ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, отъ 8 до 12 ч. утра и отъ 2 до 4 час. послѣ обѣда, кромѣ субботы.

Въ I-мъ отдѣленіи обученіе чтенію происходитъ по буквосчету.

тельной методѣ; молитвы знаютъ только тѣ ученики, которые уже могутъ читать по своей книгѣ; большая часть учениковъ „выписываетъ“ азбуку на грифельныхъ доскахъ. Успѣхи въ этомъ отдѣленіи (93 уч.) весьма сильно замедляются многочисленностью учениковъ.

Во II-мъ отдѣленіи по закону Божию преподаются: объясненіе молитвъ, церковныхъ праздниковъ, священная исторія и краткій катихизисъ. Два-три мальчика знаютъ преподаваемое удовлетворительно, прочіе — слабо; въ чтеніи славянскомъ до моего посѣщенія не упражнялись. По ариметикѣ дѣти проходятъ 4 дѣйствія механически и не могутъ рѣшить самыхъ обыкновенныхъ задачъ; на счетахъ считать знаютъ только два мальчика: Захаровъ и Булатовъ; они же и лучшіе чтецы въ классѣ. Церковное пѣніе идетъ хорошо.

Начинающіе читать ученики I-го отдѣленія приносятъ по большей части въ школу свои азбуки, самыя разнообразныя: у нѣкоторыхъ гражданскія, у нѣкоторыхъ церковныя; лучшіе ученики читаютъ 1-ю часть „Роднаго Слова“, молитвы учатъ также по азбукамъ; приучаются къ письму на грифельныхъ доскахъ.

Во II-мъ отдѣленіи руководствомъ по закону Божию служатъ „Начатки христіанскаго ученія“; по русскому языку — „Родное Слово“ 1-я часть, по славянскому — Евангеліе. По ариметикѣ — руководство Лева; въ пособіе употребляютъ счеты, числомъ 15. Библіотека состоитъ по большей части изъ книгъ духовнаго содержанія, изданія 40-хъ и 50-хъ годовъ; всѣмъ поступающимъ книгамъ ведется каталогъ.

Наставникомъ состоитъ окончившій курсъ Бѣлгородской семинаріи воспитанникъ, г. Коралловъ, служитъ съ ноября 1869 года. Судя по началу, онъ принялся за дѣло съ большимъ усердіемъ. Преподаетъ по опредѣленію Курскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Помощникъ учителя, воспитанникъ семинаріи Ефремовъ, занимается преподаваніемъ съ 1865 года, по свидѣтельству отъ Курской духовной консисторіи. Занимается съ усердіемъ, но многочисленность учениковъ и одновременное поступленіе ихъ въ училище чрезвычайно затрудняютъ успѣхи обученія. Хотя обязанность учителя его и не тяготитъ, но матеріальная необеспеченность заставляетъ его искать другихъ занятій.

Въ училищѣ я не нашелъ ни класснаго журнала, ни росписанія занятій; въ дисциплинарномъ отношеніи училище неудовлетворительно; многія дѣти не умѣютъ держать себя въ классѣ, невнимательны во время уроковъ. Я предложилъ учителю свои замѣчанія объ устраненіи этихъ недостатковъ. Училищу необходимо, кромѣ того: а) при-

вести помещеніе училища въ болѣе опрятный видъ и нанять для него отдѣльнаго отъ правленія сторожа; б) передѣлать парты и приспособить ихъ къ занятію чистописаніемъ; сдѣлать классную доску для I-го отдѣленія; в) снабдить училище подвижными буквами, письменными принадлежностями, которыя, по словамъ г. Ефремова, въ теченіе уже четырехъ лѣтъ не доставляются; г) доставить 1-ю ч. „Роднаго слова“ (экземпляровъ 30), пополнить бібліотеку новыми книгами. Но для удовлетворенія всѣхъ этихъ нуждъ училище не имѣетъ средствъ.

4) Смѣшанное училище въ слободѣ *Казачьей* открыто въ 1865 г.; содержится на подушный сборъ со всей волости (7 коп. съ души; съ дѣтей мѣщанъ, не принадлежащихъ къ Казачьей волости, взимается плата по 15 коп. въ мѣсяцъ съ каждаго ученика.). Этотъ сборъ производится старшиной, по приговору общества отъ 29-го іюня 1869 г., весьма строго; ученики, не принесшіе почему-либо деньги, исключаются изъ училища. Платящихъ учениковъ 20. Расходы по содержанію училища слѣдующіе: наставнику—100 руб., сторожу—17 руб. 50 коп., на отопленіе и прочіе расходы—30 руб., на учебныя пособия—13 р. 50 коп., итого—161 руб.

Училище помещается въ общественномъ, недавно построенномъ (1865 г.) домѣ, при которомъ есть садъ; расположеніе классовъ (2-хъ) весьма удобно; они свѣтлы, теплы, хотя и невелики по числу учащихся. Но парты, какъ и въ другихъ училищахъ, узки и неудобны для письма; число ихъ также недостаточно; классная доска требуетъ исправленія (истерта). Въ школѣ есть шкафъ для учебныхъ пособій и учительскій столъ.

Число учащихся мальчиковъ въ I-мъ отдѣленіи—25, во II-мъ отдѣленіи—30, а дѣвчонокъ въ I-мъ отдѣленіи—1, всѣхъ учащихся 56. Къ населенію Казачьей волости число учащихся относится какъ 1, къ 100.

Занятія въ училищѣ происходятъ круглый годъ, ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, отъ 8-и до 12-и часовъ утра и отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ послѣ обѣда.

Грамота гражданская и церковная преподается по буквосочетательному методу; молитвы изучаются по азбучкамъ, священная исторія и краткій катихизисъ по „Начаткамъ“; 4 правила ариметики изучаются письменно, на доскѣ. Чистописаніе идетъ по прописямъ, церковное пѣніе—по слуду; мальчики же, участвующіе въ пѣвческомъ хорѣ, учатся по нотамъ. Успѣхи по обученію грамотѣ неудовлетворительны, по закону Божию порядочны; русское чтеніе слабо; по славянски замѣтенъ недостатокъ упражненія; по ариметикѣ ученики

механически дѣлають сложеніе и вычитаніе; на счетахъ умѣють считать 2—3 ученика. Поютъ молитвы порадочно.

Буквари употребляются въ школѣ разныхъ авторовъ и изданій; есть таблицы складовъ Золотова, „Начатки христіанскаго ученія“, Евангеліе, картины изъ священной исторіи, „Родное слово“, по ариеметикѣ — руководство Лѣве.

Библиотеки при школѣ не существуютъ.

Почетнаго блюстителя школа не имѣетъ и въ училищѣ никто не принимаетъ особеннаго участія; за исключеніемъ лицъ учебнаго вѣдомства, ея никто не посѣщаетъ.

Наставникъ, мѣстный священникъ Яковлевъ, занимается преподаваніемъ съ 1867 г., по разрѣшенію епаркіальнаго начальства; учитъ онъ усердно, но не усвоилъ себѣ никакого метода, а потому занятія его идутъ вяло. Притомъ, не имѣя навыка въ учебномъ дѣлѣ, онъ не въ силахъ вести его успѣшно въ обоихъ отдѣленіяхъ.

Я посѣщалъ училище два раза. Въ первый разъ не нашелъ въ немъ никакой организаціи; ученики не были раздѣлены на отдѣленія; не было распределенія учебныхъ занятій; въ классный журналъ только вписывались фамиліи учениковъ. Наставникъ, повидимому, и самъ не зналъ, что ему дѣлать съ этою массою учениковъ, весьма различныхъ по степени знанія. Во второй разъ, черезъ мѣсяць, я засталъ училище уже въ гераздо лучшемъ положеніи. Но все же, не смотря на этотъ видимый успѣхъ, свидѣтельствующій объ усердіи наставника, училищу недостаетъ еще многого, чтобы стать на ряду съ другими правильно организованными учебными заведеніями.

Для болѣе успѣшнаго веденія дѣла, существенно необходимо:

- а) опредѣлить помощника наставника, которому поручить I-е отдѣленіе, съ обявительствомъ заниматься со II-мъ отдѣленіемъ, въ случаѣ отсутствія наставника;
- б) уничтожить ежемѣсячный сборъ (по 15 коп.) съ учениковъ и тѣмъ сдѣлать училище доступнымъ для бѣдныхъ мальчиковъ;
- в) приспособить парты для письма, сдѣлать три новыя, исправить классную доску для II-го отдѣленія и сдѣлать таковую же для I-го;
- г) снабдить училище подвижными буквами, грифельными досками, счетами, письменными принадлежностями;
- д) написать книгу для бібліотеки, и
- е) избрать почетнаго блюстителя.

5) *Рождественское мужское училище въ селѣ Рождественскомъ (Полозовка тожъ)*, открыто въ 1849 г. вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ; содержится на общественный сборъ, по 16 коп. съ души, что (992 душъ м. п.) составляетъ 158 руб. 72 коп. Сумма эта рас-

предѣлена такимъ образомъ: наставнику—100 руб., сторожу—8 руб. 50 коп., на содержаніе дома—30 руб., на учебныя пособія—15 руб., а всего 153 руб. 50 коп.

Училище помѣщается въ собственномъ домѣ, состоящемъ изъ двухъ комнатъ; въ одной живетъ семейный учитель, въ другой устроенъ классъ. При училищѣ есть садъ, который, впрочемъ, находится въ распоряженіи общества. По отдаленности отъ центра селенія (училище стоитъ на краю кладбища, близъ церкви), помѣщеніе училища не совсѣмъ удобно: въ зимнее и ненастное время дѣти должны ходить версты за 4, что весьма затрудняетъ акуратное посѣщеніе уроковъ учащимися.

Классная мебель, состоящая изъ 4-хъ партъ, весьма ветхихъ, доски безъ подставки и шкапа для учебныхъ пособій, требуетъ исправленія.

Учащихся 25, что относительно всего населенія составляетъ 2,%. Учебныя занятія въ школѣ продолжаются весьма недолго: 5—6 мѣсяцевъ, отъ ноября до конца марта или начала апрѣля (что зависитъ отъ наступленія весны) ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, отъ 8—9-и до 12-и ч. утра и отъ 2-хъ до 4-хъ ч. послѣ обѣда. Въ малочисленности учащихся виновно само общество. При первомъ моемъ посѣщеніи этого училища 7-го ноября, я засталъ въ немъ только 6 учениковъ. Учитель и нѣкоторые постороннія лица, объясняя мнѣ причины такой малочисленности учениковъ, указывали на нежеланіе общества посылать дѣтей въ школу и вообще на несочувствіе его къ образованію дѣтей. Желая побудить „стариковъ“ къ этому дѣлу, мѣстный священникъ, по просьбѣ учителя, убѣждалъ ихъ посылать дѣтей учиться, но въ отвѣтъ на эти убѣжденія многіе сказали: „Мы платимъ жалованье учителю, ну, пусть и получаетъ, а дѣтей нашихъ не трогасть, они лѣтомъ-то поработали, пусть же теперь отдохнутъ“. И Рождественское общество, кажется, твердо держится этого мнѣнія; второй разъ я посѣтилъ это училище 18-го декабря, и въ числѣ 25-и учениковъ засталъ 7, только 16-го декабря пришедшихъ въ училище.

Обученіе грамотѣ идетъ по буквосочетательному методу, весьма вяло: ученики твердятъ азбуку и склады безъ всякаго старанія со стороны учителя облегчить имъ этотъ отупляющій трудъ. Войдя въ училище, я засталъ пять мальчиковъ (новопоступившихъ наканунѣ) и передъ каждымъ изъ нихъ по буквѣ А (это было около двухъ часовъ послѣ обѣда). Когда я спросилъ учителя, зачѣмъ разложены передъ

ними эти буквы, то онъ отвѣчалъ, что ученики эти сидятъ уже второй день съ этой буквой и не могутъ ее *выучить*. Вызвавъ двухъ изъ этихъ учениковъ къ доскѣ, я показалъ имъ, какъ А пишется и заставилъ ихъ самихъ написать, какъ могутъ. Ученики попробовали и черезъ нѣсколько минутъ изображали букву удовлетворительно; затѣмъ я заставилъ ихъ найти такую же букву въ книгѣ, и они находили безъ затрудненія, каждый разъ произнося ее громко. Съ остальными тремя учениками я достигъ того, что они выучили звуки буквъ а, с и ш; одинъ изъ нихъ безъ особыхъ усилій прочелъ слово „Сама“. На все это потребовалось 10 минутъ. Я считалъ это самымъ лучшимъ средствомъ доказать учителю, *знакомому* съ звуковой методой, что не безтолковость дѣтей, какъ говоритъ онъ, заставляеть сидѣть ихъ по два дня за одною и тою же буквой, а его собственная небрежность къ своему дѣлу и невниманіе къ дѣлу и дѣтямъ составляетъ причину такого факта.

Чтеніе происходитъ по принятому почти во всѣхъ училищахъ способу: читаетъ каждый свое въ слухъ, а учитель подходитъ то къ тому, то къ другому, выслушиваетъ и „проказываетъ“ далѣе. Поэтому, когда, по моему предложенію, учитель занялся общимъ чтеніемъ, то ничего не вышло. Ученики не могли слѣдить глазами за чтеніемъ товарища, читали не отчетливо, весьма медленно и ни одинъ не могъ передать смысла читаемаго. Да и самъ учитель объяснялъ вяло, безжизненно. То же было и съ славянскимъ чтеніемъ по Евангелію. По закону Божію—молитвы знаютъ только 7 учениковъ, хотя многіе учатся уже вторую зиму; священную исторію учатъ (по книгѣ) только трое; счисленіе идетъ слабо; письму дѣти учатся по прописямъ, и двое пишутъ удовлетворительно.

Руководствомъ для обученія чтенію служатъ „Азбука“ Главинскаго, употребляются и подвижныя буквы; для закона Божія служатъ „Начатки“, „Евангеліе“; для счисленія — руководство Главинскаго же; кромѣ того, въ классѣ есть прописи, грифельныя доски и счеты.

Библиотека училища заключаетъ въ себѣ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, нѣсколько брошюръ по сельскому хозяйству, „Естественную исторію“ Горизонтова и „Русскую исторію“ Соловьева.

Почетнаго блюстителя школа не имѣетъ.

Въ школѣ обучаетъ Бѣлгородскій семинаристъ А — въ, служащій учителемъ съ 1863 г., по опредѣленію епархіальнаго начальства; ведетъ свое дѣло небрежно, а потому и неуспѣшно. Я въ первое мое посѣщеніе (7-го ноября) очень долго бесѣдовалъ съ нимъ, разъяснялъ

ему методы преподаванія устно и на примѣрахъ, совѣтоваль ему заняться обученіемъ церковному пѣнію и проч.; но учитель не исполнилъ ни одного изъ моихъ совѣтовъ, и тѣмъ какъ-бы показалъ полное невниманіе къ дѣлу, за которое онъ взялся добровольно. Весьма можетъ быть, что общество равнодушно относится къ училищу именно потому, что оно не видитъ отъ него никакой пользы, что оно не довольно учителемъ; такое недовольство и заявили мнѣ нѣкоторые „старики“ въ первый мой приѣздъ.

Въ училищѣ нѣтъ строгаго раздѣленія учениковъ на группы; нѣтъ распредѣленія занятій; классный журналъ хотя и ведется, но по немъ нельзя судить о ходѣ занятій учителя. Поэтому необходимо настоять на томъ, чтобъ учитель ввелъ лучшую систему въ свои занятія и тѣмъ хотя нѣсколько поправилъ бы плоды своей небрежности.

Кромѣ того, для улучшенія этой школы нужно было бы: а) приспособить парты къ занятію письмомъ, исправить классную доску; б) снабдить училище письменными принадлежностями, руководствомъ по священной исторіи, молитвенникомъ, „Роднымъ словомъ“, картинами изъ священной исторіи, картой Палестины; в) пополнить библиотечку новыми книгами; г) доставить руководство для обученія церковному пѣнію; д) избрать почетнаго блюстителя.

Въ Рождественскомъ училищѣ имѣется остатокъ училищной суммы, въ количествѣ 51 руб. 31 коп., который и можетъ быть употребленъ на нужды училища.

6) *Любичкое мужское училище* въ селѣ Любичкомъ, открыто въ 1844 году; содержится на счетъ Любичкаго общества, по приговору котораго съ каждой ревизской души взимается 24 коп., что (съ 681 д.) составляетъ 163 руб. 44 коп. Изъ этой суммы дѣлаются слѣдующіе расходы: учителю—100 руб., сторожу—17 р., на содержаніе дома—30 руб., на учебныя пособія—16 руб. 44 коп.

Помѣщается училище въ общественномъ, весьма ветхомъ и холодномъ домѣ безъ двора, стоящемъ на краю кладбища, на обширной площади. Въ этомъ домѣ двѣ довольно просторныя комнаты съ сѣнями. Въ одной изъ нихъ живетъ семейный сторожъ, въ другой устроенъ классъ; комната эта довольно просторна, но холодна, къ тому же и топятъ ее весьма неаккуратно. Въ первое мое посѣщеніе этого училища, 6-го ноября, классная комната еще ни разу не топилась, съ наступленія холодовъ, а потому я въ тепломъ платьѣ не могъ пробыть въ ней болѣе двухъ часовъ; во второй разъ (18-го де-

кабря) въ классѣ было теплѣе, но все же не на столько, чтобъ оставаться въ немъ безъ шубы.

Классная мебель заключается въ шести ветхихъ партахъ, классной доскѣ безъ подставки, совершенно вытертой и неудобной для употребленія, шкала для учебныхъ пособій и учительскаго стола. Какъ само училище, отчасти покривившееся, такъ и вся его обстановка — носить на себѣ характеръ ветхости и разрушенія.

Число учащихся 21; на каждыя 100 душъ населенія приходится по 3 ученика. Ученіе начинается съ половины октября и оканчивается съ наступленіемъ весенней оттепели, въ мартѣ или въ началѣ апрѣля. Занятія происходятъ ежедневно съ 8-и до 12-и и съ 1-го до 4-хъ час. Въ минувшую осень занятія начались гораздо позже: я былъ въ Любичкомъ училищѣ 6-го ноября и засталъ въ немъ только 9 учениковъ.

Обученіе грамотѣ идетъ по руководству Главинскаго по методу складовъ (а, бе, ве, и азъ буки, веди — безразлично). Чтеніе гражданской и церковной печати, священная исторія новаго завѣта, 4 дѣйствія ариметики и письмо преподаются совершенно механически; „проказываніе уроковъ“ — единственный методъ, котораго придерживается учитель при чтеніи и изученіи священной исторіи; при письменномъ рѣшеніи задачъ на первыя два дѣйствія, которымъ обучаются три ученика, я спросилъ одного ученика: „Почему онъ ставитъ на сторонѣ тысячи, получающіяся отъ сложенія сотенъ“? Ученикъ не отвѣчалъ, а учитель сказалъ, что „всего нельзя объяснить“. Я указалъ ему на руководство Лёве, съ которымъ онъ знакомъ; но онъ выразилъ о немъ неодобрительный отзывъ, говоря, что „руководство Лёве толкуетъ о пустякахъ, которыми не стоитъ занимать учениковъ“. Объ умственныхъ упражненіяхъ въ рѣшеніи самыхъ простыхъ задачъ и помину нѣтъ; счисленію на счетахъ не обучаются.

Успѣховъ ни по одному предмету нѣтъ удовлетворительныхъ; нѣтъ ни одного ученика, который писалъ бы (изъ прописи) чисто и хорошо; нѣкоторые пишутъ по одной линіи, но въ высшей степени дурно, съ грубѣйшими ошибками, которыя учитель, кажется, и не считаетъ своею обязанностію поправлять.

Чтенію дѣти обучаются по руководству Главинскаго, при пособіи подвижныхъ буквъ; есть въ классѣ „Начатки“, Евангеліе, счеты (избитые), грифельныя доски (тоже истертые) и прописи.

Библиотека училища состоитъ изъ многихъ весьма полезныхъ книгъ

и брошюръ изданія 50-хъ годовъ. Почетнаго блюстителя училище не имѣетъ и въ немъ никто не принимаетъ участія. Учитель, Бѣлгородскій семинаристъ, занимается преподаваніемъ съ января 1869 г., по свидѣтельству отъ Курской духовной консисторіи, и ведетъ дѣло свое въ высшей степени небрежно. Онъ смотритъ на свою обязанность, какъ на самый тяжкій трудъ, принятый только ради невозможности пристроить себя иначе; все жалуется на малое жалованье, ради котораго, по его словамъ, „не стоитъ тратить силъ“. Образъ жизни ведетъ неодобрительный (по отзывамъ нѣкоторыхъ „стариковъ“). Въ справедливости этихъ отзывовъ я отчасти и самъ убѣдился, убѣдился также и въ томъ, что этотъ молодой человекъ на столько твердъ въ своихъ „убѣжденіяхъ“, что на него, повидимому, самые очевидные доводы не имѣютъ никакого вліянія. Въ первый мой прїѣздъ въ Любичное я провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ въ бесѣдахъ о различныхъ педагогическихъ вопросахъ, преимущественно же объ обязанностяхъ народнаго учителя и наставника; казалось, онъ согласился со мной во многомъ, но на другой же день онъ вовсе не явился въ школу. Я пробылъ въ ней два часа и занимался съ учениками, которые обнаружили полнѣйшую неравномерность и совершенное отсутствіе какихъ-либо свѣдѣній; лучшіе ученики (по 3-й зимѣ) едва читали по складамъ. Учитель же, вставши поздно, отправился по селу собирать учениковъ по случаю моего прїѣзда. Во второй мой прїѣздъ учитель былъ аккуратнѣе (я его засталъ въ училищѣ) и далъ мнѣ возможность убѣдиться въ совершенной неспособности его къ дѣлу и въ сознательномъ пренебреженіи къ нему.

Училище не имѣетъ ни одной черты сколько-нибудь хорошо организованнаго учебнаго заведенія. Чтобы поднять училище во мнѣніи общества и тѣмъ расположить его къ школѣ, очевидно, прежде всего необходимо привлечь въ это училище лучшаго учителя, увеличивъ его жалованье, по крайней мѣрѣ, на 50 руб.

Для приведенія училища въ надлежащій видъ, необходимо, кромѣ того: а) перестроить училищный домъ и поставить его ближе къ селенію, обвести оградой и развести садъ; б) устроить при немъ квартиру для учителя; в) отремонтировать классную мебель и построить новую классную доску; г) снабдить школу письменными принадлежностями и учебниками по всѣмъ предметамъ; д) приобрести картины изъ священной исторіи, карту Палестины и нотный обиходъ для обученія церковному пѣнію.

Въ волостномъ правленіи имѣются остатки училищной суммы отъ

прежнихъ лѣтъ въ количествѣ 41 руб., которые и могли бы быть обращены на вышеизложенныя нужды училища.

7) *Муравлевское женское* училище въ селѣ Муравлевоѣ (Зоринѣ тожѣ) открыто въ 1844 году; содержится на счетъ сбора (со всей волости) по 5 коп. съ души, что (съ 4.503 душъ м. п.) составляетъ 225 руб. 15 коп. Сумма эта расходуется волостнымъ правленіемъ на слѣдующіе предметы: наставнику—85 руб., его помощнику—75 руб., сторожу—12 руб., на учебныя пособія—13 руб., на отопленіе—20 р., на ремонтъ дома 25 руб. 15 коп.

Помѣщеніе училища разрушилось, временно же училище помѣщается въ церковной караулѣ, вмѣщающей до 50-и учениковъ.

Классная мебель—пять партъ и доска, остающаяся, но неисправности, безъ употребленія.

Наличное число учениковъ 50 ¹⁾ относится къ населенію волости какъ 1,1 къ 10. Занятія обыкновенно начинаются съ половины октября и продолжаются до выгона скота на пастбище, то-есть, до конца марта или начала апрѣля. Но въ минувшемъ году занятія начались очень поздно—8-го ноября, по случаю поврежденія училищнаго дома; большинство учениковъ явилось въ школу только въ декабрѣ и нѣкоторые за день до роспуска на праздникъ (18-го декабря). Занятія происходятъ ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 8-и до 12-и час. и отъ 2-хъ до 3¹/₂ час. по полудни.

Въ школѣ дѣти учатся грамотѣ, молитвамъ, закону Божію, читаютъ Евангеліе и русскія книги, учатся письму и церковному пѣнію. Обученіе чтенію идетъ по старинному буквосочетательному методу (азъ, буки и т. д.); священная исторія—по книгѣ; по русскому чтенію всѣ читаютъ разное; по славянскому чтенію—тоже. Письмо идетъ по прописямъ, церковное пѣніе различныхъ молитвъ—по слуху.

Судя по краткости учебного времени (съ 7-го ноября по 18-е декабря), въ занятіяхъ учениковъ нельзя не видѣть успѣха: порядочно читающихъ (механически) 6 учениковъ; они же могутъ разбирать и рукописи, а одинъ изъ нихъ Е. Ельниковъ довольно скоро читалъ рукопись, помѣщенную въ концѣ книги Главинскаго (2-й выпускъ); тотъ же ученикъ и Н. Комаревъ хорошо пишутъ и удовлетворя-

¹⁾ Одинъ изъ учениковъ Д. Б.—въ, 22-хъ лѣтъ, пришелъ учиться по непереломной охотѣ къ ученію; въ три недѣли по методу азъ, буки и проч. выучилъ всѣ склады и теперь уже начинаетъ читать.

тельно знают нѣкоторые разказы изъ священной исторiи. Церковное пѣніе идетъ порядочно.

Руководствами въ школѣ служатъ: по обученію грамотѣ — Главнаго (2 первыхъ выпуска), по закону Божию — „Начатки христіанскаго ученія“, Евангеліе; есть въ школѣ грифельныя доски, счеты и прописи.

Въ училищной библиотекѣ находится нѣсколько книгъ и брошюры духовнаго содержанія, а также по сельскому хозяйству изданія 50-лѣтнихъ годовъ.

Почетнымъ блюстителемъ школы состоитъ крестьянинъ Захаровъ (неграмотный), не принимающій, впрочемъ, никакого участія въ судьбѣ училища.

Училище нѣрѣдка посѣщается мировымъ посредникомъ; ежегодно ревизуется кѣмъ-либо изъ лицъ учебнаго вѣдомства.

Наставникомъ училища состоитъ мѣстный священникъ Булгаковъ, занимающійся обученіемъ съ 1864 года, по распоряженію вѣдомства государственныхъ имуществъ и съ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Занимается онъ съ усердіемъ но, по преклонности лѣтъ, чувствуетъ себя не въ силахъ справляться съ такою массою учениковъ и учить ихъ по новѣйшимъ методамъ. Поэтому, оставляя за собой преподаваніе закона Божія и славянское чтеніе, онъ уступаетъ всѣ прочіе предметы другому учителю, о назначеніи котораго просилъ меня передать его просьбу училищному совѣту.

Въ училищѣ нѣтъ строгаго раздѣленія учениковъ на группы; нѣтъ опредѣленныхъ по часамъ занятій съ каждою группою; читаютъ всѣ вмѣстѣ вслухъ, а наставникъ вслушиваетъ каждого по одиночкѣ и проказываетъ уроки.

Чтобы придать училищу характеръ правильно устроеннаго учебнаго заведенія, необходимо: а) опредѣлить учителя, которому и поручить преподаваніе грамоты, объяснительнаго чтенія, ариметики, чистописанія и церковнаго пѣнія; назначивъ ему жалованье 100 руб., а остальные 55 руб. законоучителю; б) перестроить старый домъ, въ которомъ прежде помѣщалось волостное правленіе и училище, и перенести на новое мѣсто, на возвышенный берегъ Сейма; здѣсь легко развести и садъ; в) снабдить училище письменными принадлежностями (теперь на все училище одна чернилица и одинъ изломанный перочинный ножъ), подвижными буквами; г) приобрести учебники и руководства для учителя и также картины изъ священной исторіи; д) пополнить библиотечку новыми книгами. Въ настоящее время училище имѣетъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ 163 руб.

8) *Мужское училище* въ селѣ *Дьяконово* существовало съ 1850 года до 1867 года включительно; въ 1868 году закрылось, потому что общество отказалось содержать его на свой счетъ. Въ 1869 году снова было возобновлено; затѣмъ по приговору 25-го мая этого года положено дѣлать сборъ по 4 коп. съ души со всей волости, что (съ 5.450 душъ) составляетъ 218 руб. Изъ этой суммы производится нынѣ слѣдующіе расходы: наставнику — 100 руб., его помощнику — 75 руб., сторожу — 24 руб., на отопленіе и другіе расходы — 19 рублей.

Училище помѣщается въ общественномъ домѣ, состоящемъ изъ 4-хъ комнатъ съ сѣнями. Въ двухъ устроены классы, въ 8-й квартира помощника учителя, 4-я ничѣмъ не занята.

Училище имѣетъ 8 партъ, требующихъ исправленія, доску для обученія грамотѣ посредствомъ подвижныхъ буквъ, классную доску безъ подставки. Внѣшняя обстановка училища производитъ неблагоприятное впечатлѣніе запущенности; видно, что оно давно не ремонтировалось.

Число учениковъ по списку наставника считается 93; но судя по тому, что въ одномъ отдѣленіи учениковъ было такъ много (46), что больше и помѣстить ихъ нельзя никакимъ образомъ, а въ другомъ хотя и мало (9), но тоже для отсутствующихъ не было партъ, я думаю, что число это преувеличено. Это преувеличеніе тѣмъ болѣе возможно, что оно, повидимому, вошло въ обычай этого училища: изъ книги, гдѣ записываются замѣчанія ревизующихъ лицъ, омазывается, что при 20-и ревизіяхъ, число наличныхъ учениковъ всегда было на $\frac{1}{3}$, а иногда на $\frac{1}{2}$ меньше противъ списковъ. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, я думаю, что болѣе близкое къ дѣйствительности число учениковъ 60¹⁾; относительно населенія всей волости число это относится какъ 1,1 къ 100.

Учебныя занятія въ школѣ происходятъ въ теченіе 6-и мѣсяцевъ, съ 15-го октября до начала весны, ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ отъ 8-и до 1 $\frac{1}{2}$ часовъ.

Грамота преподается по буквосочетательному методу (а, бѣ, вѣ); законъ Божій: молитвы, священная исторія и краткій катихизисъ — по учебнику. Русское и славянское чтеніе идетъ совокупно, вслухъ;

¹⁾ До закрытія училища въ 1867 году, при немъ было отдѣленіе для двоекъ и наставница; въ 1869 году отдѣленіе это уничтожено, а около 15-и двоекъ учились вѣсть съ мальчишками, но затѣмъ перестали посѣщать училище, такъ какъ для нихъ не достало мебели (на чемъ же сидятъ еще 33 ученика, значащихся въ спискѣ?).

4 дѣйствія ариметики; преподаются письменно, механически; при обученіи употребляются впрочемъ счеты; письмо — по прописямъ.

Успѣхи по всѣмъ предметамъ неудовлетворительны. Нѣтъ ни одного ученика, который, хотя по одному какому-нибудь предмету, оказалъ бы полный успѣхъ.

Пособія при обученіи: по закону Воюю: „Начатки христіанскаго ученія“, Евангеліе (4); для обученія грамотѣ, чтенію и численію употребляется руководство Главинскаго (3 выпуска); въ классѣ есть грифельныя доски (5), счеты (6), прописи, подвижныя буквы, вставлены въ доску, нарочно для того устроенную, таблицы складовъ Золотова.

Библіотека училища состоитъ изъ нѣсколькихъ брошюръ духовнаго содержанія („Житія святыхъ“), курса географіи Корнеля и нѣсколькихъ разрозненныхъ *ММ Мирскаго Вѣстника*.

Почетнаго блюстителя училища не имѣтъ, и вообще въ немъ никто не принимаетъ участія; изрѣдка, впрочемъ, посѣщаютъ его благочинный, мѣстный священникъ и старшина; одинъ разъ былъ и мировой посредникъ. Училище ревизуется ежегодно учебнымъ начальствомъ.

Учитель, Ч—новъ, не кончившій курса Вѣлгородской семинаріи, занимается преподаваніемъ съ 1867 г., по свидѣтельству отъ Курской духовной консисторіи; служилъ сначала въ Суджанскомъ уѣздѣ, въ настоящемъ училищѣ занимается только первую зиму. Документовъ никакихъ при себѣ не имѣтъ; по его словамъ, ихъ *задерживаетъ* консисторія.

Помощникъ учителя В—евъ изъ учениковъ Курскаго духовнаго училища и (по его словамъ) „поступилъ во 2-й разрядъ воспитанниковъ семинаріи, но по распоряженію свѣтѣйшаго синода уволенъ“. Определенъ на настоящую должность мировымъ посредникомъ ¹⁾ въ минувшемъ 1869 году, но документовъ объ этомъ опредѣленіи не имѣтъ.

Хотя неудовлетворительные успѣхи обученія въ школѣ записаны и отъ того обстоятельства, что ученики цѣлме 1½ года не посѣщали училища, но тѣмъ не менѣе недостатковъ успѣховъ надаетъ на наставника, что особенно относится въ первоначальному обученію грамотѣ. Для этого обученія училище имѣтъ такія средства, которыми не располагаетъ ни одна изъ осмотрѣнныхъ школъ училищъ; кромѣ того, наставникъ знакомъ и съ звуковою методою. Не смотря на

¹⁾ Въ силу какихъ основаній совершилось это опредѣленіе? *Ред.*

все это, дѣти сидятъ за букварями и зубрятъ склады, какъ и въ другихъ училищахъ. Въ преподаваніи прочихъ предметовъ замѣтна та же рутина, то же невниманіе къ тому, чтобъ облегчить трудъ дѣтей, то же равнодушіе къ конечному результату своихъ занятій. Въ училищѣ нѣтъ росписанія занятій, нѣтъ журнала; ученики не раздѣлены на группы, словомъ, оно вполне не организовано. Такъ какъ это вполне зависитъ отъ наставника, то я предложилъ ему свои соображенія о немедленномъ устраненіи этихъ недостатковъ, препятствующихъ правильному ходу дѣла.

Кромѣ того, для училища нужно: а) исправить мебель, сдѣлать новыя парты, чтобы можно было устроить отдѣленіе для дѣвочекъ; б) отремонтировать училищное помѣщеніе и привести его въ надлежащій видъ; в) снабдить его руководствами для преподаванія всѣхъ предметовъ, учебниками, письменными принадлежностями, картинами изъ священной исторіи; г) пополнить бібліотеку новыми книгами, и д) избрать почетнаго блюстителя.

III. Льговскаго уѣзда.

1) *Колпаковское мужское* училище въ селѣ Колпаковой (Николаевское тожъ) открыто въ октябрѣ прошлаго 1868 года. На содержаніе училища ничего не ассигнуется, но на вознагражденіе за трудъ помощника наставника дѣлается сборъ хлѣба: по $\frac{1}{2}$ гарнца съ души со всей волости, что при населеніи ея въ 1.504 душъ составляетъ $11\frac{1}{4}$ четвертей хлѣба; кромѣ того, вслѣдствіе постановленія Льговскаго земства, земская управа высылаетъ ежегодно 50 руб. на жалованье помощника наставника.

Училище помѣщается въ одномъ домѣ съ волостнымъ правленіемъ въ холодной, сыррой комнатѣ; содержится неопрятно; не всегда топится.

Классная мебель заключается въ двухъ длинныхъ высокихъ столахъ, къ которымъ приставлены четыре низенькія скамейки, небольшой шканикъ для книгъ, учительскій столикъ, стулъ и истертая доска, привѣшенная на стѣнѣ, свадя учениковъ. Вообще ни помѣщеніе, ни мебель нисколько не приспособлены къ нуждамъ училища.

Учащихся — 18, между ними 2 ученика изъ ближайшей деревни. Если принять во вниманіе, что 16 учениковъ принадлежатъ исключительно къ мѣстнымъ жителямъ, населеніе которыхъ простирается до 250 душъ мужскаго пола, то на каждыя 100 душъ приходится 6 учениковъ.

Учебныя занятія въ училищѣ происходятъ въ теченіе 9-и мѣ-
сяцевъ, съ сентября по июнь, ежедневно, отъ 8-и до 12-и часовъ
утра.

Методъ преподаванія, какъ и въ другихъ училищахъ—*заучиваніе*
наизусть; при обученіи грамотѣ употребляется буквочетательный спо-
собъ (азъ, буки, веди); ни наставникъ, ни его помощникъ не имѣютъ
никакого понятія о звуковомъ способѣ. Чтеніе происходитъ вслухъ,
по разнымъ книгамъ, за неизмѣнимъ одинаковыхъ; чистописаніе —
идеть по прописямъ совершенно механически.

Успѣховъ школа не оказываетъ; два-три мальчика читаютъ лучше
другихъ, но и тѣ поступили въ училище уже умѣя читать. Пишутъ
только два ученика изъ прописи, да и то такъ небрежно, неаку-
ратно, что неприятно даже и брать въ руки ихъ тетради; остальные
„выписываютъ“ азбуку.

Въ школѣ нѣтъ однообразныхъ руководствъ; кто принесетъ какое,
тотъ то и учитъ. Нѣкоторые мальчики читаютъ псалтири, нѣкото-
рые — часословы, другіе — Евангеліе, азбуки и проч. Въ училищѣ
также нѣтъ достаточнаго числа экземпляровъ одной и той же книги,
по которой можно было бы организовать общее чтеніе. Впрочемъ, о та-
комъ чтеніи сами учителя не имѣютъ никакого понятія.

Библиотеку училища составляютъ 43 названія книгъ, присланныхъ
Львовскимъ училищнымъ совѣтомъ, при открытіи училища.

Попечителя при школѣ нѣтъ и въ училищѣ нѣкто не принимаетъ
близкаго участія. Между тѣмъ въ Колнаковой живутъ прежніе вла-
дѣльцы, которые охотно приняли бы на себя эту обязанность и сдѣ-
лали бы для училища многое, но бывшіе ихъ крестьяне, изъ опасенія,
чтобы слова не заваляли дѣтей ихъ, упорно отказываются отъ вы-
бора въ попечители кого-либо изъ своихъ прежнихъ господъ.

Наставникомъ состоитъ мѣстный священникъ Р., занимающійся
преподаваніемъ съ открытія Колнаковскаго училища, по распоряженію
епархіальнаго начальства. Существованіе этого училища обязано за-
ботамъ и вліянію этого священника, который предложилъ обществу
даровой трудъ по обученію въ школѣ. Предложеніе было принято,
школа открыта; но какъ только этотъ фактъ совершился, у настав-
ника явилось много востороннихъ дѣлъ, отвлекшихъ его отъ учи-
лища, не стало и охоты заниматься въ немъ постоянно. По его на-
стоянію, былъ присважанъ помощникъ и ему поручено училище. Къ
несчастію, помощникъ этотъ, воспитанный духовнаго училища З., ли-
шенъ всякихъ педагогическихъ способностей; при мнѣ онъ не про-

изнесъ ни одного слова, а стоялъ около учениковъ, и молча передавалъ имъ нужныя книги.

Въ училищѣ нѣтъ ни росписанія ежедневныхъ уроковъ, ни класснаго журнала, сами учителя ни о томъ, ни о другомъ не имѣютъ никакого понятія; не знаютъ, чему учить дѣтей, кромѣ грамоты, словомъ, ни по наружному виду, ни по внутреннему устройству, это училище не имѣетъ въ себѣ ничего, по чему можно было бы его отнести къ учебно-воспитательнымъ заведеніямъ.

Необходими поэтому настойчивыя усилія со стороны училищнаго совѣта, большія матеріальныя средства, чтобы организовать его, какъ слѣдуетъ. Прежде всего необходимо конечно, устранить помощника и поручить одному наставнику обученіе дѣтей; итъ такъ мало, что ежедневныхъ двухчасовыхъ занятій будетъ вполне достаточно для успѣха дѣла. Колпаковское общество только потому и открыло училище, что наставникъ обидѣлъ въ немъ заниматься безмездно. Съ устраненіемъ же помощника, тормозящаго всякій успѣхъ, часть его жалованья (хотя уплачиваемая хлѣбомъ) можетъ идти въ вознагражденіе наставника за трудъ, а земскія деньги на необходимѣйшія учебныя пособия.

2) *Ивановское мужское училище* въ селѣ Ивановскомъ существуетъ съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія. До 1861 года содержалось на счетъ владѣльца князя Барятинскаго, а затѣмъ на общественный счетъ; иныѣ по приговору общества дѣлается сбору на жалованье учителя 30 руб., да земство на тотъ же предметъ ассигновало 50 руб., всего 80 руб. Затѣмъ на содержаніе училища, на учебныя пособия нѣтъ ни копѣйки и училище пользуется тѣмъ имуществомъ, которое уступлено владѣльцемъ въ его пользу; это имущество (мебель, учебныя пособия) не ремонтировалось съ давнихъ поръ, а потому прішло въ совершенную ветхость и негодность (учебники, книги, классныя доски, книжный шкапъ, нѣсколько скамеекъ).

Помѣщается училище въ общественномъ домѣ, вмѣстѣ съ волостнымъ правленіемъ, въ двухъ смежныхъ комнатахъ, но разобщенныхъ забитыми дверьми, такъ какъ учитель признаетъ болѣе удобнымъ переходить черезъ сѣни изъ одного отдѣленія въ другое. Помѣщеніе училища грязно, неопратно; I-е отдѣленіе несоразмѣрно тѣсно по числу учениковъ.

Наличное число учениковъ въ I-мъ отдѣленіи — 41, во II-мъ — 13. По словамъ же учителя, въ I-мъ отдѣленіи — 56, во II-мъ — 17. Такъ какъ класснаго журнала нѣтъ и нельзя было провѣрить это пева-

заніе, то я и принялъ найденное мною число учениковъ за дѣйствительное, тѣмъ болѣе, что и въ отчетѣ Льговскаго училищнаго совѣта показана та же цифра, именно 53. Изъ населенія села Ивановскаго 2.450 душъ, 500 душъ раскольниковъ, не посылающихъ своихъ дѣтей въ училище, слѣдовательно, все число учащихся должно быть отнесено только къ православному населенію въ 1.900 душъ, что составляетъ 2,8% на 100 душъ муж. пола.

Учебныя занятія продолжаются круглый годъ ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, отъ 8-и, 9-и до 12-и часовъ утра и отъ 2-хъ до 4-хъ послѣ обѣда.

Обученіе грамотѣ идетъ по методу ланкастерскому; молитвы — по букварямъ; священная исторія по книгѣ; ариѳметика изучается письменно, механически; счисленіе — на счетахъ. Письмо — на пескѣ грифельныхъ доскахъ, и наконецъ, — на бумагѣ. Молитвы изучаются по различнымъ азбукамъ; священная исторія по „Начаткамъ“; ариѳметика преподается безъ руководства; вообще учебники находятся въ самомъ жалкомъ видѣ, многіе изъ нихъ превратились въ засаленныя тряпки; присланные изъ училищнаго совѣта не могутъ удовлетворити потребностямъ училища.

Библіотеки при училищѣ не существуютъ.

Почетнаго попечителя нѣтъ и въ училищѣ никто не принимаетъ участія.

Года два назадъ тому, наставникомъ въ школѣ былъ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, но, не видя со стороны общества никакой поддержки училищу, никакого вознагражденія за его личный трудъ, оцъ устранился въ послѣднее время отъ всякаго участія въ судьбѣ училища, и оно перешло въ полное распоряженіе сельскаго писаря К — ва, человека безъ всякаго образованія, не умѣющаго, какъ оказалось на опытѣ, прочесть самаго простаго разказа (изъ 1-й ч. Роднаго Слова). Все вниманіе его обращено на то, чтобы дѣти какъ можно громче читали.

Такъ какъ въ настоящее время уже приступлено къ устройству здѣсь двухкласснаго образцоваго училища, то я считаю излишнимъ указывать на какія-либо нужды этого училища, подлежащія удовлетворенію.

3) *Шептуховское мужское* училище въ селѣ Шептуховѣ открыто съ 1863 года. На содержаніе училища употребляется часть арендныхъ денегъ (140 руб.), уплачиваемыхъ винопродавцемъ. Изъ этой суммы уплачивается: наставнику 50 руб., его помощнику 90 руб. Отопленіе общество доставляетъ натурой.

Училище помѣщается въ церковномъ домѣ, построенномъ на общественной землѣ; состоитъ этотъ домъ изъ сѣней, классной комнаты и кухни; всѣ эти три помѣщенія грязны въ одинаковой степени, по всему видно, что со времени постройки классъ ни разу не ремонтировался. Классная мебель состоитъ изъ трехъ длинныхъ высокихъ лавокъ, на которыхъ положительно нельзя писать, и черной истертой доски, повѣшенной на стѣнѣ.

Число учащихся, по словамъ учителя, 50, но такъ какъ три скамейки были совершенно заняты учениками и помѣстить большее число ихъ негдѣ, и такъ какъ притомъ и самъ учитель не знаетъ навѣрное, сколько у него бываетъ учениковъ (въ училищѣ нѣтъ не только класснаго журнала, но даже простаго списка учениковъ), то гораздо справедливѣе принять наличное число учениковъ 24 за дѣйствительное число учащихся, относящееся къ мѣстному населенію въ 801 д. ¹⁾ какъ 3 къ 100.

Занятія въ школѣ происходятъ въ теченіе 7-и мѣсяцевъ, съ сентября по апрѣль, ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, отъ 9-и до 12-и часовъ утра и отъ 2-хъ до 4-хъ послѣ обѣда.

Учатся дѣти славянской грамотѣ, письму и молитвамъ. Когда я вошелъ въ школу, то не засталъ въ классѣ ни наставника, ни его помощника. Въмѣсто нихъ у каждой скамьи стоялъ взрослый малый и понукалъ „читать“. Ученики старались на перерывъ перекричать другъ друга. Черезъ нѣсколько минутъ явился помощникъ, а затѣмъ, послѣ двукратнаго приглашенія, и самъ наставникъ. На вопросъ мой о его занятіяхъ въ училищѣ, онъ подозвалъ трехъ какихъ-то молодыхъ людей и отрекомендовалъ ихъ „настоящими учителями“, при чемъ представилъ данное ими обязательство, изъ котораго видно, что означенныя лица подрядились учителю, — одинъ за 1 руб., двое другихъ за 50 коп. въ мѣсяць, — учить въ школѣ положеннымъ предметамъ и являться въ нее неопустительно ²⁾. Черезъ нѣсколько минутъ представился удобный случай удалить наставника изъ класса, чѣмъ я и воспользовался для испытанія учениковъ; съ учителемъ вмѣстѣ ушли и „настоящіе учителя“, остался одинъ помощникъ, не имѣющій никакого понятія о преподаваніи; все, что онъ въ силахъ дѣлать—это обучать азбуку „по азамъ“ и „проказывать“ въ

¹⁾ По «Списку населенныхъ мѣстъ Курской губерніи».

²⁾ При отчетѣ приложена засвидѣтельствованная копія съ этого документа, написаннаго весьма безграмотно. *Ред.*

чтеніи. Успѣховъ и быть не можетъ при настоящемъ положеніи училища.

При училищѣ нѣтъ никакихъ учебниковъ или учебныхъ пособій; ученики приносятъ свои книги: буквари, псалтири, часословы. Въ классѣ не оказалось, кромѣ азбуки, ни одной книги гражданской печати, когда я хотѣлъ испытать указанныхъ двухъ учениковъ въ чтеніи.

Библиотеки при школѣ не существуетъ. Почетнаго блюстителя нѣтъ.

Наставникъ никогда не посѣщаетъ училища, а если и приходитъ въ него, то въ такомъ видѣ, что помощникъ всячески старается отклонить его отъ подобныхъ посѣщеній. Необходимо немедленно устранить наставника отъ всякаго участія въ дѣлахъ училища. Помощникъ наставника, временно-обязанный крестьянинъ, окончившій курсъ съ похвальнымъ листомъ въ Любимовскомъ сельскомъ училищѣ, занимаетъ это мѣсто съ 1866 года, безъ всякаго на то свидѣтельства. Онъ же обучаетъ хоръ пѣвчихъ изъ крестьянъ для мѣстной церкви, но дѣти въ училищѣ не поютъ. Помощникъ мало-способенъ и не имѣетъ никакого понятія объ обученіи.

При существованіи настоящихъ учителей никакая педагогическая организація училища невозможна. Притомъ училище это въ такомъ видѣ, что только совершенное преобразование его можетъ принести пользу учащимся; преобразованію же необходимо подвергнуть все, начиная съ учителей.

4) Церковно-приходское мужское училище въ селѣ *Обицѣй Колодезь* открыто въ 1862 году. Помѣщается въ церковной караулкѣ, довольно просторной и удобной. Классную мебель составляютъ: двѣ длинныя высокія скамьи и столъ.

Учащихся 16 мальчиковъ (на лицо), но число это, по словамъ наставника, доходить до 25-и. Всѣ учащіеся—дѣти мѣстныхъ прихожанъ (208 д. м. п.), на каждыя 100 д. которыхъ приходится по 7 учениковъ.

Ученіе начинается съ половины октября и продолжается до 1-го апрѣля, ежедневно, по утрамъ. Дѣти учатся славянской грамматикѣ, молитвамъ и письму. Во всемъ классѣ только 2—3 ученика порядочно читаютъ по-славянски, они же знаютъ и молитвы. Руководства въ школѣ различныя, смотря по тому, кто какую принесетъ книгу; преимущественно же въ ходу псалтири и часословы. Библиотеки и почетнаго блюстителя школа не имѣетъ.

Наставникъ — мѣстный священникъ, занимается, какъ умѣетъ, по-видимому, усердно, безъ всякаго вознагражденія въ теченіе уже 7-и лѣтъ.

Все, что необходимо для подобной школы, которую строго нельзя называть начальнымъ народнымъ училищемъ, — это снабженіе необходимѣйшими учебниками, письменными принадлежностями и руководствомъ къ преподаванію грамоты и ариметики — для учителя.

IV. Рыльского уѣзда.

Мужское училище въ селѣ *Благодатномъ*, открыто въ 1842 году; содержится на счетъ сбора съ выдаваемыхъ ежегодно паспортовъ (до 3.000). За каждый мѣсяцъ положено брать 2 коп. въ пользу училища. Такъ какъ нельзя заранѣе опредѣлить, за сколько мѣсяцевъ придется сдѣлать сборъ, то и количество собираемой суммы не можетъ быть точно указано. Среднимъ числомъ этотъ доходъ полагаютъ въ 300 руб. Кроме того, съ каждаго учащагося, за исключеніемъ бѣдныхъ, опредѣлена плата, 2 р. въ годъ. Но въ минувшемъ (1869 г.) въ такой платѣ не оказалось надобности. Изъ училищной суммы уплачивается жалованье наставнику 120 руб., а цифра прочихъ расходовъ не опредѣлена съ точностію.

Училище помѣщается въ одномъ домѣ съ волостнымъ правленіемъ, занимая одну небольшую комнату, битомъ набитую учениками; смежная съ ней комната пуста, но почему-то наставникъ предпочитаетъ тѣсниться въ одномъ классѣ, гдѣ и пройти трудно между 8 партъ, такихъ же неудобныхъ, какъ и въ другихъ училищахъ; для 10-12 учениковъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и они учатся стоя. Классной доски нѣтъ; въ книжномъ шкапѣ хранятся разные письменныя принадлежности.

Учащихся 62, изъ нихъ одинъ старообрядецъ; прочіе православнаго исповѣданія. При населеніи села Благодатнаго около 1.000 душъ изъ 100 душъ 6 обучаются грамотѣ.

Ученіе происходитъ въ теченіе 6-и мѣсяцевъ, съ сентября по апрѣль, ежедневно, съ 8-и до 12-и часовъ утра и съ 2-хъ до 4-хъ послѣ обѣда.

Обучаются дѣти чтенію, церковной и гражданской печати, по буквосочетательному методу (азъ, буквы, веди) съ „проказываніемъ“ уроковъ. Нѣкоторые ученики (напримѣръ, Грацинъ) учатъ 2-ю зиму азбуку. Молитвы знаютъ весьма немногіе, да и то безсознательно; нѣкоторые ходятъ 2-ю зиму и не умѣютъ прочитать ни одной мо-

литвы. Русское чтеніе идетъ по разнымъ книгамъ — весьма худо; славянское — тоже. По арифметикѣ не занимаютъ; на счетахъ знаютъ сложеніе два ученика; числописаніе неудовлетворительно. Изъ всѣхъ учениковъ лучше читаетъ (хотя медленно и не отчетливо), а также и пишетъ порядочно одинъ Гоготовъ, который учится 5-ю зиму. Какъ и въ другихъ училищахъ, все дѣло учителя ограничивается наблюденіемъ за тѣмъ, чтобъ ученики „погромче читали“; это скорѣй еврейская талмудъ-тора, нежели русское училище.

Судя по разнообразію букварей, книгъ церковныхъ и гражданскихъ (коихъ весьма мало), въ школахъ нѣтъ опредѣленныхъ учебниковъ. Такъ какъ наставника не было въ училищѣ, а его помощникъ оказался неспособнымъ дать какия-нибудь свѣдѣнія по этому вопросу, то я и не могъ ничего болѣе узнать. Впрочемъ, достаточно немного познакомиться съ этимъ училищемъ, чтобъ придти къ убѣжденію, что въ немъ никакой системы не существуетъ относительно выбора учебниковъ. Кто что кунитъ, тотъ то и учитъ (буквально). Швапъ съ училищными принадлежностями былъ запертъ, а потому нельзя было узнать, есть ли въ немъ какия-либо книги для чтенія.

Почетнаго блюстителя училище не имѣетъ, и въ немъ никто не принимаетъ близкаго участія. Впрочемъ, изрѣдка посѣщается оно мировымъ посредникомъ, а иногда кѣмъ-либо изъ членовъ Рылскаго училищнаго совѣта.

Наставникъ, мѣстный священникъ, постоянно отвлекается требамъ и въ училищѣ почти не бываетъ. При моемъ посѣщеніи, 11-го декабря, его также не было, потому что онъ отправился въ приходъ (за 10 верстъ) съ предраздничною молитвой. Высто же себя договорилъ онъ (съ 6-го октября 1869 года) нѣкоего семинариста, не окончившаго курса, за 50 руб. въ годъ. Этотъ помощникъ не только не имѣетъ свидѣтельства на право преподаванія, но и никакого вида. При всемъ желаніи, я не могъ замѣтить въ его преподаваніи ни одной черты, которая бы свидѣтельствовала о его педагогическихъ способностяхъ, — это какая-то одушевленная машина, „проказывающая“ и выслушивающая уроки.

Училище совершенно не организовано: въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какой бы то ни было системы. Такъ какъ главная вина въ этомъ падаетъ на наставника, который получаетъ сравнительно хорошее жалованье и нисколько не заботится объ училищѣ, то опредѣленіе другаго наставника составляетъ главнѣйшую потребность училища. Объ этомъ просило меня и общество въ лицѣ волостнаго

старшины, и нѣсколько стариковъ, случайно бывшихъ въ волостномъ правленіи и присутствовавшихъ въ классѣ при ревизіи. По словамъ старшины, общество хорошему учителю заплатитъ и большее жалованье (до 150 руб.), кромѣ того отведеть ему квартиру въ томъ же домѣ (двѣ комнаты), гдѣ училище. Кромѣ наставника, общество готово будетъ платить и помощнику его, такъ какъ на это есть средства. Удовлетворивши этой главнѣйшей потребности, необходимо будетъ снабдить училище однообразными учебниками, письменными принадлежностями и другими пособиями, составляющими принадлежность хорошо устроеннаго училища.

На всѣ эти потребности и нужды общество окотно даетъ деньги, въ случаѣ если бы не достало училищной суммы.

V. Обоянскаго уѣзда.

Смѣшанное училище въ слободѣ *Медвенки* существуетъ съ 1827 г.; содержится на счетъ общества на сумму 192 руб. 50 коп. Статьи расхода слѣдующія: наставнику 100 руб., помощнику 75 руб., сторожу 17 руб. 50 коп. Въ октябрѣ мѣсяцѣ земство Обоянскаго уѣзда прибавило наставнику жалованья 50 руб., такъ что теперь общіе расходы по училищу простираются до 242 руб. 50 коп.

Училище помѣщается въ общественномъ домѣ, въ 4-хъ комнатахъ, съ сѣнями; въ двухъ смежныхъ устроены классы, въ 3-й живетъ сторожъ, а въ 4-й находятся волостной архивъ и шкалъ съ учебными пособиями. Помѣщеніе вообще удовлетворительно, хотя при такомъ просторѣ можно было бы лучше расположить классы и устроить ихъ такъ, чтобы скамьи въ I-мъ отдѣленіи (передняя комната) не стояли возлѣ сильно нагрѣтыхъ печей, что неизбѣжно влечетъ за собой простуды и болѣзни учениковъ. Класной мебели достаточно и она въ хорошемъ состояніи; недостаетъ только класной доски для перваго отдѣленія.

Учащихся мальчиковъ въ I-мъ отдѣленіи 20, во II-мъ 26, дѣвочекъ во II-мъ отдѣленіи 12. При населеніи сл. Медвенки въ 2.119 д. об. п. на каждыя 100 д. учащихся 2, 2^о/о.

Занятія, начинаясь въ сентябрѣ и продолжаясь по апрѣль, происходятъ ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, отъ 8-и до 12-и часовъ утра и отъ 1-го до 4-хъ часовъ послѣ обѣда.

Обученіе грамотѣ по старому методу (азъ, буки, веда) идетъ на столько хорошо, на сколько дозволяетъ этотъ методъ; есть ученики, начинающіе читать безъ складовъ во 2-ю зиму. Наставникъ не только

не знакомъ съ новымъ (звуковымъ) методомъ, но онъ никогда о немъ и не слыхалъ. Законъ Божій — молитвы, священная исторія новаго завета, объясненіе праздниковъ — идетъ по книгѣ съ толкованіями наставника. Чтеніе славянское и русское преимущественно механическое. Арифметика (4 дѣйствія) изучается безъ умственныхъ упражненій, механически; счетъ идетъ и на счетахъ; письмо — по прописямъ; церковное пѣніе — по слуху. Успѣха, за исключеніемъ русскаго чтенія и счисленія на счетахъ, удовлетворительны по всемъ предметамъ.

Руководствомъ въ обученію чтенію и письму служить азбука Главниковаго (3 выпуска); для закона Божія — „Начатки христіанскаго ученія“, Евангеліе. Кроме того, въ школахъ употребляются „Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи“ Золотова, „Книга для чтенія“ Паульсона, карта европейской Россіи, счеты, грифельныя доски, швейцарская принадлежность (которая доставляетъ волостное правленіе).

Библіотека училища состоитъ изъ не многихъ книгъ изданія 40-хъ и 50-хъ годовъ, преимущественно духовнаго содержанія.

Попечителя школа не имѣетъ, но съ октября 1869 года жена мирового судьи г-жа Кондрашова приняла на себя званіе почетной попечительницы училища, посѣщала его и просила наставника дать ей свѣдѣнія о нуждахъ училища. Училище ежегодно посѣщается кѣмъ-либо изъ членовъ Обоянскаго училищнаго совѣта.

Преполагаетъ Бѣлгородскій семинаристъ г. Ивановъ, съ 1863 года, по свидѣтельству отъ Курской духовной консисторіи. Ведетъ свое дѣло съ особеннымъ усердіемъ; это лучший изъ наставниковъ обзорѣнныхъ мною училищъ. Жаль только, что онъ не знакомъ съ лучшими методами преподаванія и что, вслѣдствіе этого, успѣхи учениковъ не соотвѣтствуютъ его трудамъ. Отношеніе его къ ученикамъ вполне педагогическое; ученики (и ученицы) этого училища не имѣютъ того запуганнаго вида, какъ въ другихъ училищахъ; видимо, г. Ивановъ пользуется полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ учениковъ. Наставникъ вполне доволенъ своимъ положеніемъ; желаетъ только совершенствоваться на избранномъ имъ поприщѣ.

Помощника наставникъ не имѣетъ; впрочемъ, съ октября мѣсяца должность помощника учителя временно занимаетъ, по распоряженію волостнаго старшины, окончившій курсъ въ Обоянскомъ духовномъ училищѣ Солодовниковъ; онъ же обучаетъ и хоръ пѣвчихъ изъ крестьянъ, для чего собственно онъ и приглашенъ въ Медвенку. Документовъ при немъ никакихъ не было. Занимается съ дѣтьми, по словамъ наставника, усердно.

Въ училищѣ ведется классный журналъ хотя и не вполне удобной по формѣ; распредѣленія занятій нѣтъ, хотя, по словамъ наставника, для каждаго предмета назначенъ извѣстный часъ и онъ строго выполняетъ это распредѣленіе занятій. Ученики раздѣлены на два отдѣленія: учащіеся читать и уже читающіе; въ отдѣленіяхъ впрочемъ нѣтъ строгой группировки учениковъ по степенямъ званія. Всѣ эти вышніе недостатки, легко устранимы, не мѣшаютъ однако же Медвенскому училищу стать на ряду лучшихъ начальныхъ училищъ.

Но для полнаго успѣха дѣла необходимо: а) снабдить наставника руководствами, изъ которыхъ онъ могъ бы научиться новымъ методамъ преподаванія, и б) доставить училищу всѣ учебныя пособия для такого преподаванія, какъ-то: подвижныя буквы, классную доску, приспособленную для этой цѣли¹⁾; картины изъ священной исторіи, карту Палестины, „Родное слово“ Ушинскаго и другіе учебники и пособия. На удовлетвореніе всѣхъ этихъ нуждъ училище не имѣетъ средствъ, но можетъ разчитывать, какъ на помощь отъ почетной попечительницы, такъ и на пособия земства Обоянскаго уѣзда.

Инспекторъ народныхъ училищъ Курской губерніи,

К. Бобровскій.

¹⁾ Въ виду недостатка матеріальныхъ средствъ, которыми страдаютъ наши школы, нѣтъ нужды устривать особую доску для обученія чтенію; для этой цѣли можетъ съ удобствомъ служить и обыкновенная классная доска, если только прикрѣплять къ ней, на время обученія, передвижныя планки; онѣ укрѣпляются небольшими гвоздиками на краяхъ доски и снимаются по минованіи въ нихъ надобности. *Ред.*

НАЧАЛЬНЫЯ НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

І. Спасскаго уѣзда.

1) *Спасское городское приходское училище* существуетъ съ 1780 года. Въ 1862 году при немъ открыто женское отдѣленіе. Содержится отъ городского общества, жертвующаго на него 438 руб.; кромѣ того, общество отпускаетъ жалованье учительницѣ руководѣнія въ женскомъ отдѣленіи 120 р. въ годъ. Учитель старшаго отдѣленія получаетъ жалованья 210 р., учитель младшаго отдѣленія получаетъ отъ училищнаго совѣта 200 руб.; законоучитель отъ думы — 60 руб. Училище это находится подъ непосредственнымъ наблюдениемъ предсѣдателя училищнаго совѣта г. Кожина. Учениковъ 98, раздѣленныхъ на два отдѣленія: 36 въ младшемъ и 62 въ старшемъ; въ женскомъ отдѣленіи 21 дѣвочка.

Успѣхи по закону *Божію*. Изъ св. исторіи и краткаго патхистиса отвѣты учениковъ были довольно удовлетворительны, дѣти отъ вѣчали не заученное наизусть, безъ всякаго сознанія, какъ это обыкновенно водится во многихъ школахъ, но своими словами и довольно связано.

По *русскому языку*. Нѣкоторые изъ учениковъ хорошо разказывали прочитанныя статьи, съ совершеннымъ пониманіемъ ихъ содержанія; но большинство еще не подготовлено къ объяснительному чтенію. Подъ диктовку пишутъ съ грубыми ошибками.

По *арифметикѣ*. Способъ преподаванія рутинный, вслѣдствіе чего ученики мало развиты. Я предложилъ учителю, какъ можно болѣе упражнять дѣтей въ изустномъ рѣшеніи задачъ, что, какъ извѣстно, наиболѣе способствуетъ развитію ихъ способностей. На счетахъ нѣкоторые изъ учениковъ считаютъ довольно бойко. Преподавателю, замѣтно, недостаетъ педагогической сноровки умѣнья поддерживать вниманіе всего класса, что составляетъ одно изъ главныхъ условий для успѣшнаго веденія классныхъ занятій.

Дѣвочки обучаются чтенію, письму, 4-мъ дѣйствіямъ ариметики и закону Божію. Успѣхи порядочны. Классъ руководѣля заслуживаетъ особеннаго вниманія по успѣхамъ ученицъ.

Младшее отдѣленіе помѣщается въ особомъ домѣ, наняемомъ училищнымъ совѣтомъ за 120 руб. въ годъ. Обоимъ преподавателямъ мною даны наставленія, какъ вести успѣшнѣе дѣло въ классахъ, въ особенности преподавателю младшаго отдѣленія, еще недавно поступившему на эту должность.

2) *Ижевское училище* существуетъ съ 1844 года, помѣщается при волостномъ правленіи, въ просторной, свѣтлой и теплой комнатѣ, съ удовлетворительною мебелью. Содержалось отъ общества, но въ нынѣшнемъ году преобразовано въ двухклассное и перешло въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, которое ассигновало по 1.000 руб. ежегодно на его содержаніе. Для помѣщенія его строится на счетъ общества особый каменный двухэтажный домъ; временно же для II-го класса назначено особое помѣщеніе. Законоучителемъ состоитъ священникъ Лучинскій, учителемъ I-го класса г. Покровскій, слушавшій лѣтніе педагогическіе курсы (въ настоящее время только исправляющій должность учителя, до выдержанія установленнаго экзамена), во II-мъ классѣ преподаетъ священникъ Остроумовъ. Училище находится подъ покровительствомъ особаго попечительства. Обученіе вообще идетъ удовлетворительно. Изъ св. исторіи и краткаго вѣдѣнія большынство учениковъ отвѣчало съ полнымъ сознаніемъ. Обученіе чтенію по звуковому методу идетъ весьма удовлетворительно; въ старшемъ отдѣленіи разсказываютъ прочитанныя статьи и пишутъ подъ диктовку довольно хорошо. По ариметикѣ учащіеся рѣшаютъ задачи на 4 дѣйствія умственно и письменно довольно удовлетворительно, на счетахъ рѣшаютъ задачи слабѣе. Всѣ три преподавателя вполне понимаютъ свое дѣло и занимаются съ должнымъ усердіемъ. Я просилъ старшину ходатайствовать у попечительства о суммѣ, потребной на выписку учебныхъ пособій, въ которыхъ нуждается училище, а также объ открытіи ремесленныхъ классовъ. Ижевское общество не замедлило выслать мнѣ приговоръ о готовности обучать мальчиковъ слѣдующимъ мастерствамъ: столярному, токарному, рѣзьбѣ по дереву, малярному, золоченію, и сверхъ того, черченію плановъ разнаго рода зданій. Для обученія всему этому общество уже пригласило человѣка, хорошо знающаго свое дѣло. Прочимъ мастерствамъ, необходимымъ въ крестьянскомъ быту и преимущественно развитымъ въ Ижевской волости, какъ-то: кузнечному, бондарному, слесарному,

сапожному, портняжному, а кромѣ того и садоводству—мальчики практически обучаются въ заведеніяхъ, учрежденныхъ въ Ижевской волости въ достаточномъ количествѣ, а бондарному въ южныхъ губерніяхъ, преимущественно въ Астрахани и Одессѣ, куда большая часть Ижевскихъ крестьянъ отправляется ежегодно на цѣлое лѣто. Кромѣ того, Ижевское общество, по моему предложенію, выписало для училища зерночистильную машину Шиманскаго, которая, какъ доказалъ опытъ въ Васильевскомъ училищѣ, Шуйскаго уѣзда, можетъ доставить большую поддержку училищу въ матеріальномъ отношеніи.

Судя по такой искренней готовности Ижевскаго общества къ поддержанію и улучшенію училища, можно смѣло ручаться, что это заведеніе весьма скоро можетъ сдѣлаться вполне образцовымъ для сельскихъ школъ. Имѣется въ виду въ непродолжительномъ времени открыть при немъ бібліотеку, откуда могли бы грамотные крестьяне брать книги для чтенія на домъ, что можетъ имѣть огромное вліяніе на возвышеніе нравственности крестьянъ, а слѣдовательно, благотворно дѣйствовать и на весь домашній бытъ ихъ. Выборъ книгъ будетъ вполне соответствовать этой цѣли. Я увѣренъ, что большинство крестьянъ, весьма мало сочувствующее въ настоящее время дѣлу образованія вообще, имѣя въ виду образецъ въ Ижевскомъ училищѣ, будущій успѣхъ котораго несомнѣненъ, пойметъ, наконецъ, то благотворное вліяніе, которое можетъ внести въ ихъ среду правильно организованная сельская школа; тогда естественно сами собою уничтожатся всѣ тѣ пренятствія, которыя въ настоящее время слушать помѣхою для правильного развитія школъ. Двѣ—три подобныя образцовыя школы могутъ современемъ доставлять хорошихъ ремесленныхъ учителей на всю губернію.

Хорошее пѣніе по нотамъ заслуживаетъ въ школѣ особеннаго вниманія, оно идетъ весьма успѣшно.

3) *Казанское женское училище*, открытое въ 1861 году; содержится обществомъ; учительница г-жа В—кая. Училище это находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго благочиннаго. Учащихся 35 дѣв. Успѣхи по закону Божію, чтенію и письму порядочны; по ариметикѣ же весьма слабы; а потому мною предложено учительницѣ обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе, какъ на одно изъ наилучшихъ средствъ, служащихъ къ развитію умственныхъ способностей дѣтей, вриучать также ихъ къ вычисленію на счетахъ, что будетъ не лишнимъ для дѣвочекъ въ домашнемъ быту, и

наконецъ, заставлятъ ихъ разназывать прочитанныя статьи съ объясненіемъ. Учительница весьма мало подготовлена въ своему дѣлу.

4) *Покровское училище*, открытое въ 1860 году, содержится обществомъ. Учитель, мѣстный священникъ, получаетъ 100 руб., законоучитель-священникъ — получаетъ 50 руб.; учащихся 92 мальчика.

Успѣхи по закону Божию неудовлетворительны; учить дѣти все болѣею частію на память, безъ всякаго сознанія. Чтеніе и письмо идутъ механически: читаютъ морядочно, но не въ состояніи ничего разказать изъ прочитаннаго; подъ диктовку писать не приучены. По арифметикѣ кое-какъ рѣшаютъ письменно задачи на 4 дѣйствія, и то немногіе изъ учениковъ. Преподаватель почти совсѣмъ не знакомъ съ новѣйшими методами обученія чтенію и письму. Я предложилъ ему обратить большее вниманіе на принятую имъ на себя обязанность и исполнять ее вполне добросовѣстно. Упущенія со стороны преподавателя могутъ значительно поколебать мнѣніе крестьянъ, и не въ пользу школы. Училище помѣщается въ особенномъ домѣ, просторномъ, свѣтломъ и весьма удобномъ. Школа страдаетъ недостаткомъ въ учебныхъ пособіяхъ. Законоучителю мною предложено вести преподаваніе закона Божія болѣе въ бесѣдахъ съ учениками, а не обременять ихъ бесполезнымъ заучиваніемъ учебниковъ наизусть.

5) *Николаевское училище*, открытое въ 1864 году, содержится обществомъ. Учитель — священникъ Добромысловъ, помощникъ его — пономарь Лавровъ. Учащихся 48 мальчиковъ.

О познаніяхъ и степени развитости учениковъ можно сказать то же самое, что и объ ученикахъ Покровской школы.

6) *Деревенское училище*, открытое въ 1864 году, содержится обществомъ. Учитель, окончившій курсъ въ семинаріи Граціанскій, получаетъ жалованья 176 р. Учащихся 120 мальч. Успѣхи по закону Божию удовлетворительны; обученіе чтенію по вузовому методу идетъ весьма хорошо; пишутъ подъ диктовку съ объясненіемъ грамматическихъ правилъ довольно удовлетворительно; письменное и взустное рѣшеніе задачъ идетъ весьма успѣшно, такъ же какъ и на счетахъ. Преподаватель, какъ видно, съ большою любовью занимается своимъ дѣломъ и умѣетъ поддерживать вниманіе учениковъ. Училище помѣщается въ особомъ довольно просторномъ домѣ.

7) *Киструское училище*, открытое въ 1861 г., содержится обществомъ. Учитель изъ семинаристовъ Фелонинъ. Учащихся 84 мальчика и 2 дѣвочки. Успѣхи по закону Божию, чтенію, письму и арифметикѣ

довольно удовлетворительные. Преподаватели занимаются своимъ дѣломъ съ усердіемъ. Помѣщеніе училища удовлетворительное.

II. Михайловскаго уѣзда.

1) *Михайловское приходское* училище помѣщено въ хорошииъ одноэтажномъ крестьянскомъ домѣ и содержится на счетъ думи. Учитель изъ семинаристовъ, Ильинскій, получаетъ 180 р., съ помѣщеніемъ столичнымъ. Училищемъ 88 мальчиковъ. Законъ Божій преподаеть заштатный священникъ безвозмездно.

По закону Божію все пройденное — молитвы, св. исторія, краткіи истинныи и объясненіе притчъ Овсителя — ученики отвѣчали довольно удовлетворительно, съ сознаниемъ.

По русскому языку — чтеніе съ разказомъ и объясненіемъ прочитаннаго, писаніе подъ диктовку, съ объясненіемъ грамматическихъ правилъ, сказанное чтеніе — все это идетъ весьма удовлетворительно.

По арифметикѣ — изустное и письменное рѣшеніе задачъ на 4 начальна дѣйствія идетъ хорошо, но весьма немногіе могутъ считать на счетахъ, между тѣмъ какъ это весьма важно для торговаго класса, а потому я предлагаю учителю обратить на этотъ пробѣлъ особенное вниманіе.

2) *Прудское училище* содержится обществомъ; съ ноября мѣсяца 1870 года получать пособіе отъ казны 220 руб. въ годъ. Помѣщается пока въ плохомъ и ветхомъ домѣ, до устройства новаго, по-лучшаго обществомъ, болѣе помѣстительнаго дома. Учителемъ въ школу состоитъ Гавриилъ Лавинъ, изъ крестьянъ, бывшій на гдѣтнхъ Вяземскихъ педагогическихкихъ Курсахъ 1869 и 1870 годовъ. Училищемъ 58 мальчиковъ и 4 дѣвочки, вторые по числу рѣдѣляются на 2 отдѣленія. Въ старшемъ 35 мальчиковъ и 4 дѣвочки, въ младшемъ 18 мальчиковъ. Въ младшемъ отдѣленіи учатся по звуковому методу читать, писать, приучаются къ рѣшенію небольшихъ задачъ въ уѣб. Дѣла идутъ довольно хорошо. Въ старшемъ отдѣленіи по закону Божію — объясненіе молитвъ, двадцатилѣтнихъ преддѣлковъ и краткая священная исторія — усилки удовлетворительны. По русскому языку объяснительное чтеніе идетъ удовлетворительно, въ скальницѣ, дѣти не упражняются въ письмѣ подъ диктовку, на что я просилъ учителя обратить вниманіе. Изъ арифметики рѣшаютъ задачи на 4 дѣйствія, писаніемъ и изустно, не дурно. Весна немногіе кое-какъ считаютъ на счетахъ, а потому я просилъ учителя на будущее время исправить и этотъ недостатокъ. Училище крайне нуждается въ учеб-

ниды; воссобиакъ, въ особенности въ книгаль для ученія на церковно-славянскомъ языкѣ.

3) *Козловское училище*, въ Лещинской слободѣ, существуетъ около 20-и лѣтъ, помѣщается въ домѣ мѣстнаго священника, который состоитъ и преподавателемъ въ этомъ училищѣ. Общество платитъ ему за ученіе и помѣщеніе учащихся по 120 руб. въ годъ. Учащихся 35 мальчиковъ и 3 дѣвочки. Ускѣхи дѣлей робше слабые, только 10 человекъ, составляющіе старшее отдѣленіе, проходятъ священную исторію и краткій катихизисъ, порядкомъ читаютъ и письменно могутъ рѣшать небольшія задачи на 4 дѣйствія ариметики; остальные только еще учатся читать. Самого преподавателя а не засталъ въ училищѣ.

4) *Щетининское училище*, въ Щетининской волости, существуетъ около 20-и лѣтъ, помѣщается въ домѣ мѣстнаго священника, который состоитъ въ немъ и преподавателемъ. Общество платитъ ему за помѣщеніе и преподаваніе 88 руб. въ годъ. Учащихся 48 мальчика и 6 дѣвочекъ, которые раздѣляются на 2 отдѣленія. Въ старшемъ отдѣленіи пройдено по закону Божию: священная исторія всякого завѣта и начало новозавѣтной, краткій катихизисъ. Отвѣты учениковъ были довольно удовлетворительны. По русскому языку многіе изъ учениковъ читаютъ очень слабо, не совершенно безосознательно, такъ что не въ состояніи разказать почти ничего изъ фронтаннаго нѣтъ диктовку пишутъ безграмотно. По ариметикѣ — немногіе могутъ рѣшать письменно задачи на 4 дѣйствія, большинство же проходитъ только сложеніе и вычитаніе; къ науковому рѣшенію задачъ не приучены; на счетахъ собою не учатся. Многъ отдѣланы были подробныя наставленія; дакъ лесся дѣло, чтобъ оне было болѣе успешно и приносилъ болшую пользу учащимся.

5) *Хавартовское училище*: Руководясь свѣдѣніями, доставленными уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, а заикалъ въ село Хавартово, но училище въ немъ уже закрыто. Діаконъ, бывшій преподавателемъ въ этомъ училищѣ, а также и старшина общества не могли имѣть данъ объясненій о причинѣ закрытія училища. Велѣдствіе monkъ убѣжденій, старшина выразилъ готовность попробовать уговорить крестьянъ въ открытію вновь училища.

6) *Училище въ селеніи Вороньки-Виселмакъ* помѣщается въ домѣ священника Муретова; стараніями котораго оно и открыто въ 1869 году. Общество платитъ ему за помѣщеніе и преподаваніе закона Божія 80 руб. въ годъ. Учатся — Утѣшевскій слушалъ ибгніе пе-

дидактическіе курсы, получаетъ отъ вѣмства за ученіе 50 руб. въ годъ. Учащихся 50 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ. Помѣщеніе училища очень тѣсное. Отвѣты учениковъ по закону Божию — изъ священной исторіи ветхара завѣта и краткаго катихизиса были — довольно удовлетворительны. По арифметикѣ успѣхи весьма малы. Церковное пѣніе, подъ руководствомъ священника, идетъ хорошо.

7) *Училище въ селѣ Попадѣицѣ*. Содержится отъ общества. Преподаватель — мѣстный священникъ, въ домѣ козораго и помѣщается училище за 50 руб. въ годъ. За преподаваніе священникъ получаетъ 125 руб. въ годъ. Учащихся 40 мальчиковъ. Успѣхи по закону Божию, чтенію гражданской и церковной печати и арифметикѣ порядочные; слабѣе идетъ объяснительное чтеніе и письмо подъ диктовку.

8) *Училище въ селѣ Захаровкѣ* существуетъ около 17-и лѣтъ, содержится обществомъ и помѣщается въ домѣ священника, который состоитъ и преподавателемъ въ этомъ училищѣ; жалованья получаетъ 150 руб. въ годъ. Учащихся 20 мальчиковъ. Объ успѣхахъ то же можно сказать, что сказано и о предшдущемъ училищѣ ¹⁾.

III. Рязскаго уѣзда.

1) *Городское приходское* училище содержится думой и помѣщается въ наемномъ домѣ за 100 руб. Помѣщеніе довольно удовлетворительное. Учитель Ануровъ находится на службѣ 26-й годъ, получаетъ жалованья 130 руб.; законоучитель священникъ Соловьевъ получаетъ жалованья 50 руб. Учащихся 59 мальчиковъ, которые раздѣляются на 2 отдѣленія. Въ младшемъ отдѣленіи преподавалось: объясненіе молитвъ, объяснительное чтеніе и умственнаго рѣшеніе задачъ. Отвѣты учениковъ были весьма удовлетворительны. Во II-мъ отдѣленіи проходила священная исторія ветхаго завѣта и новаго — до страданій Спасителя, и краткій катихизисъ; ученики отвѣчали разумно, съ сознаниемъ. Затѣмъ шло объяснительное чтеніе, письмо подъ диктовку и 4 дѣйствія арифметики; объясненіе главныхъ грамматическихъ правилъ шло также удовлетворительно.

2) *Частная школа о. діакона Троицкой церкви* существуетъ 7 лѣтъ; содержится весьма опрятно. Учащихся 11 мальчиковъ, болѣею частью дѣти кушцовъ; плата за ученіе по 1 руб. въ мѣсяць, нѣкоторые

¹⁾ Не можемъ, не сознаться, что печатаемый здѣсь отчетъ не носитъ того характера подробнаго и внимательнаго обзорія учебно-воспитательнаго дѣла нашихъ школъ, какими отличается, напримѣръ, почтенный трудъ обзорія Буревѣхъ училищъ г. Бобровскаго. *Лед.*

платить по 50 в. Отвѣты учениковъ были довольно удовлетворительны, какъ изъ священнои исторіи ветхаго завіта и краткаго катихизиса, такъ и изъ арифметики; пишутъ дѣти очень красиво. Заимствъ недостатокъ въ объяснительномъ чтеніи, по неимѣнію руководствъ, что тормозить успѣхъ дѣди въ большей части обзорныхъ мною школъ.

3) *Пушковское училище*, въ Ямской слободѣ, содержится обществомъ. Учитель Архангельскій, слушавшій дѣтніе педагогическіе курсы, получаетъ 120 руб. въ годъ; законоучитель, мѣстный священникъ — 50 руб. За наемъ квартиры платится 15 руб. Учащихся 40 мальчиковъ. Хотя я пріѣхалъ въ школу только во 2-мъ часу, но ученики уже были распушены, что показываетъ безвѣность учителя, который притомъ же, по отзыву г. штатнаго смотрителя Рязскаго училища, оказался и мало способнымъ въ своему дѣлу, почему онъ будетъ замѣненъ другимъ.

4) *Захутское училище* содержится обществомъ съ 1864 года. Учащихся 43 мальчика. Препоаетъ мѣстный священникъ. Способъ преподаванія рутинный: заучиваніе на память безъ всякаго сознанія; чисто механическое чтеніе, безъ всякихъ объясненій. Мною сдѣланы надлежащія наставленія, какъ слѣдуетъ вести дѣло съ должнымъ успѣхомъ и не отнимать у мальчиковъ понапрасну время на бессмысленное заучиваніе наизусть учебниковъ.

5) *Ушоловское двуклассное образцовое училище*. Помѣщается въ каменномъ одноэтажномъ домѣ, стоящемъ почти посреди торговой площади, безъ всякой огорожи и двора. Внутренность дома еще не нѣе утѣшительна: штукатурка повсюду обвалилась, въ классахъ сыро и холодно. Я предложилъ старшинѣ немедленно приступить къ необходимымъ поправкамъ дома и приборкамъ къ нему, такъ какъ обязанность ремонтировать домъ лежитъ на обществѣ; старшина обѣщался все исполнить. Училище открыто съ 1-го ноября 1868 г. Преподавателями состоятъ два семинариста изъ окончившихъ курсы: въ I-мъ классѣ г. Филатовъ, во II-мъ—г. Алкоровъ. Учащихся въ младшемъ отдѣленіи 90, въ старшемъ—25 мальчиковъ. Пройдено по закону Божію: въ I-мъ классѣ—объясненіе молитвъ, во II-мъ—объясненіе церковнаго богослуженія, священнаи исторіи ветхаго завіта и новаго—до воскресія Христова. Отвѣты учениковъ обоихъ классовъ были вполне удовлетворительны. Видно, что священникъ занимается съ усердіемъ и любовью къ своему дѣлу. По русскому языку: въ I-мъ отдѣленіи шло объяснительное чтеніе, во II-мъ—письмо подъ диктовку съ объясненіемъ грамматическихъ правилъ, и разказъ прочитанныхъ статей.

Отвѣты большинства учениковъ были удовлетворительны. Оба преподавателя ведутъ дѣло правильно. По ариметикѣ въ I-мъ классѣ дѣти приучались къ умственному рѣшенію простѣйшихъ задачъ и на счетахъ, во II-мъ — проходили 4 дѣйствія съ отвлеченными и именованными числами и начало дробей. Многие изъ учениковъ отвѣчали бѣеко и вполнѣ сознательно, другіе же — довольно слабо по причинѣ частыхъ манкировокъ, на что повсемѣстно жалуются преподаватели. Для устранения этого неудобства я имѣю въ виду просить уѣздные училищные совѣты предложить обществамъ всѣхъ селеній, гдѣ находятся училища, объ избраніи изъ среды своей почетныхъ благодѣтелей для каждаго училища, которые своимъ вліяніемъ на общество могли бы склонить отцовъ — не отрывать дѣтей безъ особенной нужды отъ классныхъ занятій. Во II-мъ классѣ изъ русской исторіи пройдено немного изъ географіи — общее обозрѣніе частей свѣта по глобусу, что необходимо, чтобы приступить потомъ къ изученію географіи Россіи. Отвѣты учениковъ были довольно удовлетворительны ¹⁾.

IV. Рязанбургскаго уѣзда.

1) *Городское приходское училище*, содержимое думой, помѣщается въ каменномъ домѣ, очень просторномъ и удобномъ, нанимаемомъ за 300 руб. Учащихся 180 мальчиковъ. Преподаватели: въ младшемъ отдѣленіи г. Финиковъ, слушавшій педагогическіе курсы при 8-мъ Московскомъ уѣздномъ училищѣ; въ старшемъ — г. Урусовъ, державшій экзаменъ на званіе учителя, состоящій на службѣ уже 21 годъ. Оба получаютъ жалованье отъ думы по 200 руб. Законоучитель получаетъ отъ думы же 60 руб. Успѣхи учениковъ обоихъ отдѣленій по закону Божію, русскому языку и ариметикѣ удовлетворительны. Видно, что преподаватели ведутъ свое дѣло вполнѣ добросовѣстно. Въ I-мъ отдѣленіи обученіе чтенію по звуковому способу идетъ очень успѣшно, равно какъ и умственное рѣшеніе небольшихъ задачъ. Во II-мъ отдѣленіи объяснительное чтеніе и письмо подъ диктовку, рѣшеніе задачъ на 4 дѣйствія письменно и изустно. Подъ диктовку пишутъ съ довольно грубыми ошибками, а потому я предложилъ учителю, по возможности, объяснять ученикамъ при диктовкѣ и главныя грамматическія правила.

¹⁾ Нельзя не показать, что г. инспекторъ такъ кратко говоритъ въ своемъ отчетѣ о преподаваніи исторіи и географіи въ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ. *Ред.*

2) *Истобенское двухклассное образцовое училище.* Открыто съ 1-го ноября 1868 года. Училище раздѣляется на два класса и имѣетъ двухъ преподавателей. Учащихся 112 чел., изъ которыхъ 87 въ I-мъ классѣ и 25 во II-мъ. Помѣщается училище въ каменномъ одноэтажномъ, весьма удобномъ домѣ, съ двумя деревянными, крытыми желѣзомъ флигелями. Въ I-мъ классѣ пройдено по закону Божию: объясненіе молитвъ, разказы изъ священной исторіи ветхаго завѣта и отчасти новаго. Отвѣты учениковъ были отчетливы. По русскому языку объяснительное чтеніе шло очень удовлетворительно. По ариметикѣ преподавалось уместенное счисленіе. Во II-мъ классѣ по закону Божию: объясненіе литургій, всенощнаго бдѣнія; исторія новаго завѣта и краткій катихизисъ. Многие изъ учениковъ отвѣчали вполне сознательно. По русскому языку: объяснительное чтеніе, письмо подъ диктовку, съ разборомъ частей рѣчи и предложеній, все это шло довольно удовлетворительно. По ариметикѣ пройдены 4 дѣйствія отвлеченныхъ и именованныхъ чиселъ и начала о дробяхъ; немногіе изъ учениковъ отвѣчали вполне удовлетворительно. По русской исторіи пройдено до удѣльной системы; разказы учениковъ были довольно отчетливы. Изъ географіи — общее обозрѣніе частей свѣта; отвѣты учениковъ были относительно слабы. Хоровое пѣніе идетъ хорошо.

Такъ какъ мною уже приобрѣтены для обоихъ двухклассныхъ училищъ, Ухоловскаго и Истобенскаго, столярные инструменты и уже доставлены на мѣсто, то я просилъ старшинъ поскорѣе заняться приисканіемъ мастеровъ для открытія при этихъ училищахъ столярныхъ мастерскихъ.

Инспекторъ народныхъ училищъ М. Смирновъ.

+ 117. На развалинахъ Севастополя. Незданное стихотв. *Хомякова. Петербургская Газета.* № 35.

+ 118. Указатель вновь вышедшихъ книгъ на русскомъ языкѣ. *Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія.* № 1, 2, 3 и 4. Т. 141 и 142, отд. 2; стр. 278—289, 543—552, 308—319 и 488—506.

Помѣщался ежемѣсячно, на основаніи свидѣній, получаемыхъ изъ Имп. Публ. Библиотеки и составл. *В. Н. Казаковымъ.*

+ 119. Библиографическій указатель за 1869 г. *Прагмативств. Вѣстникъ.* 1869.

Печатался въ каждомъ воскресн. №, на основаніи свидѣній «Главн. Упр. по дѣламъ печати».

+ 120. Библиографическій указатель. *Всемирный Календарь.* № 2, отд. 5 и 6; стр. 168—170, № 4; стр. 328—335 и № 5; стр. 405—408.

121. Алфавитный указатель книгъ, поступившихъ въ библиотеку Университета св. Владимира въ 1865 и 1866 г. *Университ. (Кіевскія) Извѣстія.* № 1—4; стр. 81—96 и 112—136.

122. Прибавленіе 1-е къ каталогу русскихъ книгъ, изд. И. Акад. Наукъ и находящихся въ продажѣ у ея коммиссіонеровъ (изд. 1865 г.). *Записки И. Акад. Наукъ.* Т. 15. кн. 1; стр. 1—15 и 1—8.

123. Нормальный каталогъ для библиотекъ военныхъ прогимназій, прилож. къ *Педагогич. Сборнику*, къ кн. 4.

124. Указатель книгъ для народнаго чтенія. Прибавленіе къ *Тульскимъ епарх. вѣд.* № 7; стр. 266—267.

125. Библиографическій указатель книгъ и брошюръ, касающихся Архангельской губ. *П. Ефименко. Архангельскія губ. вѣд.* № 29 и 30.

126. Дополненіе къ указателю статей, помѣщенныхъ въ Арханг. губ. вѣд. за 1867 и 1868 гг., относящихся

до Архангельской губ. *Архангельскія губ. вѣд.* № 2.

127. Указатель, оригин. статей Астрах. Спр. Листва, преимущественно имѣющ. отношеніе къ Астрах. краѣ. *Астрах. Справ. Листокъ.* № 45, 46, 49 и 55.

128. Систематическій указатель къ неофиц. части Воронежскихъ губ. вѣд. со времени ихъ основанія по настоящее время (съ 1838—1865 г.). *Воронежскія губ. вѣд.* № 13, 15, 16, 17, 20 и 32.

129. Сочиненія г-жи Ростовской. *Е. Водозововъ. Учителъ.* № 8.

130. Русская журналистика при Александрѣ I-мъ *А. Пятковский. Дѣло.* № 1; стр. 41—65.

131. Обзоръ журналовъ: Вѣстникъ Европн. Обрывъ, ром. Гончарова. Беллетристика Русскаго Вѣстника (1869. кн. 1 и 2). Отеч. Записовъ (1869. кн. 1—3). Всемирный Трудъ (1869. кн. 1—3). *Всемирная Иллюстрація.* Т. 1. № 7, 13 и 18.

132. Обзоръ журналовъ. 1) Вѣстн. Европы. № 1—2). Отеч. Записки. № 2 и 3.—3) Заря. № 55. *Дятельность.* № 39, 46, 55 и 60.

133. Русская журналистика въ 1868 г. Статья *М. М. Иллюстрированная Газета.* Т. 23. № 1, 3, 4, 8 и 16.

134. Журнальные замѣтки. *Недѣля.* № 8 и 15.

1) Всемирн. Трудъ. 1868. № 12 и 1869. № 1.—2) Заря. 1869. № 1.—3) Отеч. Записки. 1869. № 1—3. 4) Дѣло. 1869. № 1—3.

135. *Журналистика. Новорос. Телеграфъ.* № 3 и 9.

136. Обзоръ журналовъ. Статья *С—ва. Сѣверная Пчела.* № 5, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 17 и 18.

137. Наши журналы 1869 г. *Новое Время.* № 35, 44, 45, 56, 63, 68, 73, 75, 79 и 82.

138. *Журналистика.* Статья *З.*

О.-Петербургскія Вѣдомости. № 11, 18, 25, 35, 42, 50, 56, 63, 76, 83, 91, 98, 106 и 111.

139. Что новаго въ журналахъ. Статьи *А. Х. Сынъ Отечества.* № 14, 26, 37, 50, 61, 84, 93 и 105. (будн. №№).

140. Московскія Вѣдомости, Голосъ и Мѣрославскій. (Перед. ст.). *Вѣсть.* № 54.

141. Московскія Вѣдомости прежде и нынѣ. (Перед. статья). *Вѣсть.* № 33.

142. Агитація „Москов. Вѣдомостей“. *Вѣсть.* № 56.

По поводу заявленнаго печатно многими предводителями дворянства нежеланія получать газету «Вѣсть».

143. Журнальные ратоборцы. (По поводу полемики „Вѣсти“ съ „Московскими Вѣдомостями“. *А. П. Пятковскій. Недѣля.* № 1 и 2.

144. Журнально-научное обозрѣніе. Литературное лицезрѣіе. „Отеч. Записки“. *Космосъ.* № 4.

145. Журнально-научное обозрѣніе. Литературная недобросовѣстность. „С.-Петербургск. Вѣдомости“, изд. г. Коршемъ. *Космосъ.* № 8.

146. Для «СПбургск. Вѣдомостей» Ч. II. (*А. П. Чебышевъ - Дмитріевъ. Судебный Вѣстникъ.* № 80.

147. Изданіе журнала „Воен. Сборникъ“ въ 1868 г. *Военный Сборникъ.* № 2. Т. 65, отд. 2; стр. 212—214.

148. Витебскія губ. вѣд. за 1868 г. (ред. *А. М. Сементовскій*). *Виленскій Вѣстникъ.* № 32.

149. Замѣтка о мѣстной печати и о Нижегородск. губ. вѣдомостяхъ въ особенности. *А. Гацисскій. Нижегородск. губ. вѣд.* № 3 и 4.

150. Списокъ газетамъ и журналамъ, получ. въ Географ. Обществѣ. *Извѣстія И. Русск. Географ. Общ.* Т. 5, № 1; стр. 54.

151. Число періодическихъ русскихъ изданій (газетъ), получавшихся

въ г. Виельгѣ. *Виленскій Вѣстникъ.* № 2.

3. СЛОВЕШНОСТЬ ИНОСТРАННАЯ И СЛАВЯНСКАЯ.

152. Обзорѣніе иностранной литературы. *Дѣло.* № 3; стр. 1—30.

153. Книжные заграничныя вѣсти. *Русскій Архивъ.* № 2; ст. 025—040.

Братія библиографическіи свидѣнія о книгахъ, имѣющихъ отношенія къ Россіи.

154. Иностранная литература. Новости франц. беллетристики. (Два новыя разсказа Эркмана Шатриана). *Отеч. Записки.* № 3. Т. 183, отд. 2; стр. 126—142.

155. Иностранная литература. Мрачныя картины. II. Авг. Мегью. *Отеч. Записки.* № 1 и 2. Т. 182, отд. 2; стр. 121—141 и 348—361.

156. Рейнне Лисъ. *Живокисл. Сборникъ.* Т. 6. № 4; стр. 100—107.

157. Новая пѣса В. Сарду. (*Patrie*). Фельетонъ. *Биржевая Вѣдом.* № 83.

158. Новая комедія В. Сарду. (*Segarhine*). *Тригорскій. Вѣсть.* № 19.

159. Королевская народная книга. *Р. Книж. Новое Время.* № 69.

Здѣсь говорится о соч. королевы Викторіи.—Изь «*Daheim*».

160. Англійская газета Times. *Живокисл. Сборникъ.* Т. 6. № 4; стр. 118—119.

161. Матеріалы для біографіи Байрона. *Недѣля.* № 13.

Здѣсь говорится о князѣ. «*Lord Byron, jugé par les temoins de sa vie*».

162. Чарльзъ-Диввенсонъ какъ чтець. *Сынъ Отечества.* № 3. (воскр. №).

163. Дидро и его отношенія къ Ева-теринѣ II-й. *М. Ф. Шугуровъ. Осмнадцатый вѣкъ.* Кн. 1-я. (2-е изд.), стр. 334—378.

164. Девякъ Дидро, какъ критикъ

спенической игры. *II. Боборыкина. Всемирный Трудъ.* № 1 и 3; стр. 47—64 и 73—109.

165. Приглашение Ж. Ж. Руссо гр. Орловымъ въ Россію. 1767 г. *Русскій Архивъ.* № 3; ст. 581—584.

Сообщилъ *В. В. Андреевъ.*

166. Ламартинъ. Біографическій очеркъ. *Л. Положскій. Вѣстникъ Европы.* № 4. Т. 2; стр. 871—894.

167. Дамаринъ. (Съ портретомъ). *Всемирная Иллюстрація.* Т. 1. № 13. См. также *Иллюстрир. Газету.* № 10.

168. Викторъ Гюго какъ путешественникъ. (V. Hugo en Zélande. 1868. 2 éd.). *Всемирный Трудъ.* № 1; стр. 79—100.

169. Викторъ Гюго. *М. Хмырова. Живописный Сборникъ.* Томъ 6; вып. 2 и 3; стр. 43—48 и 66—71.

170. Гейне по новымъ источникамъ. Статья *М. М. Иллюстрир. Газета.* Т. 23. № 14.

По поводу соч. 1) *Eginnerungen an Heine.* Berlin. 1868. 2) Соч. Г. Гейне, въ переводахъ русск. писателей. Т. 10-й.

171. Ида Дюрингофельдъ. *Иллюстрир. Газета.* Т. 23. № 13.

172. Князь Георгій Эристави, грузинскій писатель. *Иллюстрир. Газета.* Т. 23. № 15.

Род. въ 1811 г. Ум. 1864.

173. Библиографическія извѣстія *О. Лернеръ. Одесскій Вѣстникъ.* № 24.

Здѣсь сообщаются извѣстія о явленіяхъ въ еврейской литературѣ.

174. Новості славянскихъ литературъ. *Московск. Вѣдомости.* № 58.

175. Статистика всѣхъ славянскихъ газетъ и журналовъ. *Биржев. Вѣдомости.* № 86.

176. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія. Съ предисловіемъ *Д. И. Иловайскаго. Русскій Архивъ.* № 3; стр. 584—585.

177. Древнѣйшій памятникъ польской письменности. *Кіевскій Телеграфъ.* № 18.

178. Славянскія матицы и ученые дружества. *Антонъ Будиловичъ. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія.* № 2. Т. 141, отд. 2; стр. 459—475.

179. Сербское литературное общество въ Кіевѣ. *Кіевлянинъ.* № 26.

180. По поводу письма отъ общества „Русская Бесѣда“ въ Черновцахъ въ Буковинѣ. *Виленскій Вѣстникъ.* № 53.

181. О Іосифѣ Эрбенѣ въ письмѣ проф. *Н. Ренненкампафа. Кіевлянинъ.* № 19.

182. Янко-Ераль (одинъ изъ славянскихъ поэтовъ). *А. Кралицкій. Иллюстрир. Газета.* Т. 23. № 12.

XII. МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ, АСТРОНОМІЯ И МЕХАНИКА.

1. Математика, какъ орудіе научное и педагогическое. *Н. В. Вугаевъ. Московскія Университ. Извѣстія.* № 1; стр. 1—35.

2. Годичное засѣданіе московск. математ. общества. *Московск. Вѣдомости.* № 45.

3. Уроки научной ариметики по гештетической методѣ. *Е. Каминскій. Учитель.* № 7; стр. 222—230.

4. Таблица для облегченія умноженія и дѣленія большихъ чиселъ. *Статья П. Кр. Артиллерійск. Журналъ.* № 2; стр. 437—443.

5. Математическія задачи и рѣшеніе ихъ. *Е. Бедричь и Н. Шинкинъ. Педагогич. Обзорніе.* № 3 и 4; стр. 28—32 и 19—33.

6. Способъ дѣленія прямого угла и дѣлой окружности на 9 равныхъ

- частей и построения угла, равнаго 5 градусамъ. *В. Ярошевскій. Педагог. Обзорнѣе.* № 2; стр. 25—31.
- + 7. Приблизительные уроки по системат. обученію начальной геометріи. *Е. Кедрижъ. Педагог. Обзорнѣе.* № 2; стр. 1—24.
8. Исслѣдованіе способовъ интегрированія уравненій частными производными 2-го порядка функций двухъ независимыхъ переменныхъ. *В. Г. Имшенецкій. Извѣстія и Ученыя Записки Казанск. унив.* 1868. Вып. 2-й.
9. О линейныхъ дифференц. уравненіяхъ 2-го порядка. *М. Талызинъ. Труды 1-го съѣзда русск. естествоиспыт.*; стр. 27—56.
10. О числѣ постоян. произвольныхъ, входящихъ въ общій интегралъ дифференц. уравненія между двумя переменными. *М. Ковальскій. Труды 1-го съѣзда русск. естествоиспыт.*; стр. 14—20.
11. Условія интегральности однородныхъ дифференц. выраженій 2-го, 3-го и высшихъ порядковъ и интегралы этихъ выраженій въ случаѣ удовлетворенія всѣмъ условіямъ. *М. Андреевскій. Труды 1-го съѣзда русск. естествоиспыт.*; стр. 11—13.
12. О сложеніи и вычитаніи двухъ эллиптическихъ интеграловъ 1-го рода съ различн. модулями. *Н. Алексеевъ. Труды 1-го съѣзда русск. естествоисп.*; стр. 9—11.
13. Монографія ученія о притяженіи и теорія потенциаловъ. Прив.—доцентъ *В. А. Алексеевъ. Протоколы зазд. совѣта И. Харьковск. университета.* № 1 и 2; стр. 1—111 и 81—187.
14. Замятка по поводу одного вопроса о пожизненныхъ пенсіяхъ. *А. К. В. Буяковскій. Записки Имп. Акад. Наукъ.* Т. 15, кн. 1-я; стр. 61—70.
15. Заявленіе о метрич. системѣ. *Д. Менделѣевъ. Труды 1-го съѣзда русск. естествоиспытателей;* стр. 105—106.
16. Универсальный аппаратъ Шнидта для измѣренія жидкостей. *Иллюстрир. Газета.* Т. 23. № 16.
17. Программа преподаванія бухгалтеріи въ III-мъ классѣ Бугульминскаго училища. *Циркуляръ по Казанскому учеб. окр.* № 2.
18. Руководство къ сферической астрономіи. по сочиненіямъ Брюннова, Шовене и другихъ. Составилъ *А. Шидловскій.* Ч. 2-я. *Университ.* (Кіевскія) *Извѣстія.* № 1, 3 и 4; стр. 419—434—458 и 459—475.
19. Астрономическія и магнитныя наблюденія *Р. Э. Ленца* въ восточной Персіи и Гератѣ. *Извѣстія Имп. Русск. Географ. общ.* Т. 5. № 2; стр. 69.
20. О видимой фигурѣ планетъ. проф. *Л. Лиделевъ. Труды 1-го съѣзда русск. естествоиспыт.*; стр. 24—27.
21. О второй кометѣ 1786 года, съ нѣкоторыми замѣчаніями относительно наблюденій Мессье. Проф. *Брюггеръ. Труды 1-го съѣзда русск. естествоиспыт.*; стр. 21—24.
22. Астрономическія событія прошлаго года. *Русскій Выстѣпкъ.* № 1. Т. 79; стр. 367—388.
23. Солнечное затмѣніе 18-го августа. *Иллюстр. Газета.* Т. 23. № 6.
24. Вольшой экваторіальный телескопъ въ Мельбурнѣ. *Сѣверная Пчела.* № 14.
25. Францъ Арминскій. *Иллюстр. Газета.* Т. 23. № 1.
- Варшавскій астрономъ, род. въ 1789 г. Умеръ 14-го января 1848 года.
26. Научная хроника. Прогрессъ въ механич. двигателяхъ. *П. н. св. Записки для чтенія.* № 1—3; стр. 61—70.
27. О механической производительности Россіи. *Сѣверная Пчела.* № 1.

28. Новый механический двигатель г. Ливчака. *Голосъ*. № 99 и 114.

29. Устройствo вытяжныхъ трубъ (новое важное изобрѣтеніе). *Ярославскія губ. вѣд.* № 15.

30. Вертикальная паровая машина Германа Лашапеля и Гловера. *Всемирная Иллюстрація*. Т. 1. № 4.

+ 31. Полевное, но почти забытое изобрѣтеніе. Статья А. П. *Сынъ Отечества*. № 35 (будн. №).

Здѣсь говорится объ армем. машинѣ.

32. Первая швейная машина. *Киевлянинъ*. № 54.

33. Швейныя машины съ электр. двигателемъ. *Сынъ Отечества*. № 88. (будн. №).

34. О гидравлическомъ буферѣ и объ употребленіи воды, какъ топлива. П. *Зарубитъ. Записки для чтенія*. № 1—3; стр. 135—143.

35. Машинные копры съ чертежемъ. С. *Ясковичъ. Инженерный Журналъ*. № 2; стр. 320—335.

36. Крестыльничъ Телушкинъ. (Биографическій очеркъ). В. *Листовицкыя. Ярославскія губ. вѣд.* № 2.

37. Иосифъ Рессель. *Иллюстрир. Газета*. № 3.

І. Рессель—чехъ родомъ, изобрѣтатель примѣненія архимедова винта къ пароходамъ.

38. Нужно-ли государств. генеральное межеваніе. Ю. *Кушелевскій. Дѣятельность*. № 62.

39. По поводу отвѣта на статью „О генер. межеваніи, и о „Древней Башкиріи,“ въ газ. *Дѣятельность*. А. П. *Ольминскій. Пермскія губ. вѣд.* № 7, 17 и 35.

40. О межевыхъ работахъ въ Закавказскомъ краѣ. Статья —з. *Кавказъ*. № 35.

41. Свѣдѣнія объ успѣхѣхъ межеванія въ Полтавской губ. *Полтавскія губ. вѣд.* № 5, 13 и 28.

42. Архивъ межевой канцеляріи. (Госуд. межевой архивъ). Статья М. *Современ. Лѣтопись*. № 10.

ХІІІ. ВОЕННЫЯ И МОРСКІЯ НАУКИ.

1. ВОЕННЫЯ НАУКИ.

А. Артиллерія, военное хозяйство, инженерное искусство, огнестрѣльное оружіе, стратегія, тактика и фортификація.

1. Караульная служба. Статья Брин.....*Воен. Сборникъ*. № 2. Т. 65, отд 1; стр. 203—217.

2. Ротныя экономическія харчевыя сумы въ полкахъ. П. *Горъ. Русскій Инвалидъ*. № 28.

3. Замятка къ статьямъ о мундирной одеждѣ. *Линденеръ. Военный Сборникъ*. № 3; стр. 121.

4. Еще по вопросу о повѣркѣ требовательныхъ вѣдомостей на постройку шинелей и мундирной одеж-

ды. И. *Ивановъ. Военный Сборникъ*. № 3; стр. 111—120.

5. О повѣркѣ отчетности по хозяйственной части въ войскахъ. Статья Л. *Ма-ва. Военный Сборникъ*. № 3; стр. 95—110.

6. Объ эмеритальной кассѣ военнаго вѣдомства. С. *Резневскій. Военный Сборникъ*. № 4; стр. 181.

7. Лѣтнія занятія Киевскаго воен. округа въ 1868 году. *Военный Сборникъ*. № 1; стр. 80.

8. Штатъ денежнаго довольствія лицъ прусскыхъ желѣзно-дорожн. командъ, въ продолженіи одного мѣсяца. *Инженерный Журналъ*. № 3; стр. 510.

9. О приспособленіяхъ подвиж-

ныхъ составовъ прусскихъ жел. дороговъ для перевозки войскъ; съ чертежемъ. *А. Квистъ. Инженерный Журналъ.* № 2; стр. 17—24.

10. Обь устройствѣ военно-телеграфной части въ Пруссіи; съ политип. *А. Квистъ. Инженерный Журналъ.* № 2; стр. 295—319.

11. Организація и порядокъ управленія службы полевыхъ желѣзнодорожныхъ командъ въ Пруссіи. Статья *К. Инженерный Журналъ:* № 1; стр. 200.

12. Поврежденіе, разрушеніе, исправленіе и построеніе желѣзныхъ дорогъ для военныхъ цѣлей; съ чертежемъ. *П. Фомъ Курскъ. Инженерный Журналъ.* № 1; стр. 23—72 и № 3; стр. 407—456.

13. О приспособленіи товарныхъ вагоновъ и платформъ къ перевозкѣ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ. Статья *И. Г—ва. Русскій Инвалидъ.* № 48.

14. О сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ юго-западнаго края. *И. Золотницкій. Военный Сборникъ.* № 4; стр. 209.

15. Военно-походная вузница Шаллера. *А. Квистъ. Инженерный Журналъ.* № 1; стр. 10—12.

16. Новое провіантское депо въ Вѣнѣ. *А. Квистъ. Инженерный Журналъ.* № 1; стр. 5—10.

17. Замѣтки по части администраціи полковъ лазаретовъ. Д-ръ *Заусцинскій. Соверм. Медицина.* № 7, 8 и 9.

18. Лазаретный баракъ, построенный въ Берлинѣ при госпиталѣ *Спагітѣ;* съ чертежемъ. Статья *Б. Инженерный Журналъ.* № 2; стр. 326—343.

19. Обь устройствѣ отхожихъ мѣсть при военныхъ госпиталяхъ; съ чертежемъ и политип. *Н. Ковловъ. Инженерный Журналъ.* № 2; стр. 211—294.

20. Санитарныя мѣры, принятыя

въ Казанскомъ военномъ округѣ. *Военный Сборникъ.* № 3; стр. 77.

21. Подвижная пистерна, съ помпой и фильтрами, для употребленія при войскахъ въ походахъ и подвижныхъ лазаретахъ; съ чертежемъ. *А. Овсю. Инженерный Журналъ.* № 3; стр. 27—29.

22. Отчетъ С.-Петербургскаго мѣстнаго управленія общества попеч. о раненыхъ и больныхъ воннахъ за 1868 г. *Русскій Инвалидъ.* № 36.

23. Отчетъ Тверскаго управленія общества о раненыхъ и больныхъ воннахъ за 1868 г. *Тверскія губ. вѣд.* № 12.

24. Отчетъ Оренбургскаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воннахъ за 1868—69. *Оренбургскія губ. вѣд.* № 8.

25. Письма пзъ Верлиана. *Андрей Н. Русскій Инвалидъ.* № 49, 50 и 51.

Здѣсь говорится о засѣданіяхъ комиссіи по обсужденію вопроса обь улучшеніи участи раненыхъ на войнѣ.

26. Артиллерійскіе очерки (мнѣніе англичанъ обь орудіяхъ Круппа.— Мивная оборона Швеціи.— Опыты въ форть Делаваръ.— Приборъ для подъема снарядовъ.— Новый ракетный станокъ. *В. Свенторжецкій. Морской Сборникъ.* № 1 и 3; стр. 73—120 и 81—120.

27. Артиллерійскія замѣтки. *Кронштадт. Вѣстникъ.* № 32.

28 и 29. Артиллерійскіе опыты, произведенные въ 1868 году въ городѣ Фридрихсгамѣ надь пробиваніемъ брешей въ каменныхъ эскарпныхъ и отдѣльныхъ стѣнахъ; съ 3 чертеж. *С. Лукомскій. Инженерный Журналъ.* № 4; стр. 517—545.

См. также *Артил. Журналъ.* № 4; стр. 665—748.

30. О современной тактикѣ артиллеріи. *П. Билдерлингъ. Артиллерійскій Журналъ.* № 2; стр. 375—419.

31. Ватарен, покрытыя желѣзною броней. Извлечено изъ брошюры капитана Никезъ: объ опытахъ, произведенныхъ въ Англии, въ юнѣ 1868 г. *Артиллерійскій Журналъ*. № 1; стр. 1—28.

32. Сообщеніе по поводу испытаній надъ предохраненіемъ стальныхъ пушекъ отъ ржавчины. *Г. Котиковъ. Записки Русск. Технич. Общ.* Вып. 1 и 2.

33. Ератвія свѣдѣнія о нашихъ нарѣзныхъ орудіяхъ. *В. Ильинъ. Инженерный Журналъ*. № 2; стр. 405—406.

34. О сопротивленіи орудій отрыванію казенной части, при употребленіи для запиранія казны, механизмомъ Трель де-Болье. *А. Габолинъ. Артиллерійскій Журналъ*. № 2; стр. 209—258.

35. Крѣпостной лафетъ капитана Монкріефа; съ чертежемъ. *Н. Шильдеръ. Инженерный Журналъ*. № 3; стр. 25—27.

36. Замятка о глазобѣрномъ опредѣленіи разстояній. *В. Патраковъ. Оруж. Сборникъ*. № 1; стр. 166—173.

37. Возможность единства калибра въ полевой артиллеріи. *Артиллерійскій Журналъ*. № 3; стр. 497—517.

38. Повторительный дальномѣръ Ле-Сира. *П. Бропонкинъ. Артиллерійскій Журналъ*. № 2; стр. 428—432.

39. Теоретическіе масштабы. *Г. Лееръ. Военный Сборникъ*. № 1; стр. 39—76.

40. Объ отливѣхъ и испытаніи рядовъ 9-ти-дюймового калибра изъ обыкновеннаго чугуна на Самсоніевскомъ чугуно-литейномъ и механическомъ заводѣ инженеръ-технолога Голубева. Статья *Е. Н. Артиллерійскій Журналъ*. № 1; стр. 175—179.

41. Дѣйствіе изъ большихъ орудій (Working Heavy Guns). *П. Вильдер-*

линъ. Артиллерійскій Журналъ. № 3; стр. 565—568.

42. Испытаніе 9-ти-дюймовой Вудичской и остальныхъ, заряжающихся съ казенной части, 96-ти-ф., 72-хъ и 24-хъ-ф. пушекъ, произведенное въ Прусской артиллеріи. *Доппельмайръ. Артиллерійскій Журналъ*. № 2; стр. 259—374.

43. По поводу статьи, Ш. К. Доппельмайра. Статья *Г. К—аго. Артиллерійскій Журналъ*. № 4; стр. 816—817.

44. По поводу проекта временнаго положенія о хозяйственной части полевой артиллеріи. Статья *П. М. Артиллерійскій Журналъ*. № 1; стр. 141—148.

45. Нѣвозможно замѣтокъ объ артиллерійскомъ уставѣ, касательно наводки орудій. Статья *Б. Е. Г. Артиллерійскій Журналъ*. № 1; стр. 159—167.

46. Объ освященіи Петербургской орудійной мастерской. Статья *А. Ч—скаго. Артиллерійскій Журналъ*. № 1; стр. 180—184.

47. Исслѣдованія относительно дѣйствія мгновенно и медленно горящихъ взрывчатыхъ составовъ въ различныхъ срединахъ; съ чертежемъ. *Постельниковъ. Инженерный Журналъ*. № 4; стр. 665—682.

48. Опредѣленіе степени сырости пороховыхъ погребовъ. Статья *Ф. П. Артиллерійскій Журналъ*. № 1; стр. 168—174.

49. *Zeitschrift für die Schweizerische Artillerie*. № 6—8. 1868 г. Статья *Р. Ш. Артиллерійскій Журналъ*. № 3; стр. 582—592.

50. *Инженерный Журналъ* за 1868 годъ. №№ 1—8. Статья *А. Г. В. Артиллерійскій Журналъ*. № 3; стр. 550—565.

51. *Инженерный музей въ Парижѣ*. *А. Квистъ. Инженерный Журналъ*. № 3; стр. 486—509.

52. Инженерныя войска и военно-образовательныя учрежденія въ Великобританіи. Статья *Н. Г. Инженерный Журналъ*. № 1; стр. 1—5.

53 и 54. Еще отвѣтъ г. М. Берескову (о минныхъ горнахъ). Инж.—полковникъ *Фроловъ*. *Инженерный Журналъ*. № 3; стр. 19—32.

Отвѣтъ на статью *М. Берескова* см. въ 1-мъ №; стр. 1—11.

55. По поводу статьи: „Нѣсколько словъ о нашихъ понтонныхъ полубаталіонахъ въ мирное и военное время *И. Какушкинъ*, и *В. Афанасьевъ*. *Инженерный Журналъ*. № 3 и 4; стр. 1—18 и 15—34.

56. Перечень занятій оруж. комиссіи. *Оруж. Сборникъ*. № 1; стр. 58—78.

57. Техническая сторона ружейнаго дѣла. *Б. Чебышевъ*. *Русскій Инвалидъ*. № 31 и 32.

58. Къ ружейному вопросу. Статья *NN*. *Вѣсть*. № 73 и 87.

59. Современное состояніе вопроса о вооруженіи пѣхоты. *В. Шляревичъ*. *Русскій Инвалидъ*. № 24, 25 и 26.

60. Историческая замѣтка объ испытаніи и принятіи нарѣзнаго оружія, дѣйствующаго продолговатыми снарядами. (Съ франц.) *Оруж. Сборникъ*. № 1; стр. 123—165.

61. По поводу вооруженія арміи скорострѣльными ружьями. (Перед. ст.) *Вѣсть*. № 68 и 99.

62. Къ редактору „Биржевыхъ Вѣдом.“. По поводу заявленія о нововозобрѣтенныхъ снарядахъ. *Лейтенантъ Федоровскій 3-й*. *Биржевыя Вѣдомости*. № 113.

63 и 64. Винтовки: скорострѣльная и обыкновенная съ тактической точки зрѣнія. *М. Драгомировъ*. *Русскій Инвалидъ*. № 12—14 и *Артил. Журналъ*. № 3; стр. 46.

См. по поводу этой статьи въ

Московск. Вѣдом. № 38. (Перед. ст.).

65. Мнѣніе „Голоса“ о старикъ винтовкахъ. *Новое Время*. № 27.

66. Описаніе разработокъ, употребляющихся на Сестрорѣцкомъ оруж.-заводѣ для изготовленія замочныхъ частей нашей 6 л. винтовки. *Оруж. Сборникъ*. № 1; стр. 23—40.

67. Результаты сравнительнаго испытанія ружей Баранова и Брна. *В. Чебышевъ*. *Русскій Инвалидъ*. № 38.

68. Скорострѣльное ружье системы Брна. *Всемирн. Иллюстрація*. Т. 1. № 9.

69. Русская игольчатая винтовка. Статьи *В. Б.* и *Е. М.* и *П. Билдермина*. *Оруж. Сборникъ*. № 1; стр. 1—24—78.

70 и 71. О передѣлкѣ старикъ винтовокъ на ударныя по системѣ Баранова. *Московск. Вѣдомости*. № 64.

См. объ этомъ же предметѣ статью въ 35-мъ № *Русск. Инвалидъ*.

72. Передѣлка нашихъ винтовокъ въ игольчатыя и починка ихъ. *П. Лукинъ*. *Оруж. Сборникъ*. № 2; стр. 41—68.

73. Перемѣна образца для передѣлки нашихъ ружей. *В. Чебышевъ*. *Русскій Инвалидъ*. № 35 и *Московск. Вѣдомости*. № 73.

74. С.-Петербургская мастерская металлическихъ патроновъ. *В. Шляревичъ*. *Русскій Инвалидъ*. № 23.

75. Патроны Вельтищева. *Отстойной артиллеристъ*. *Вѣсть*. № 66.

76. О патронахъ къ нашему игольчатому оружію. *Русскій Инвалидъ*. № 11.

77. Замѣтка о револьверахъ. *Оруж. Сборникъ*. № 1; стр. 1—22.

78. Всеобщая тактика въ пригнѣненіи къ современ. развитію военнаго искусства. *Военный Сборникъ*. № 1—4. Т. 65; стр. 1—144. (Приложеніе).

79 и 80. Вооруженіе и тактика

М. Драгомировъ. Русскій Инвалидъ. № 24.

Отвѣтъ на ст. № 38 «Москов. Вѣдомостей».

81. Неожиданно мысли о тактическомъ образованіи нашей пѣхоты. Статья *Н. З. Военный Сборникъ.* № 2. Т. 65. отд. 1; стр. 169—202.

82. Руководство къ познанію лошади и ея выѣздѣ, переведено и дополнено Гешвендомъ. Сиб. 1868. (Рецензія). *Бучевскій. Труды И. Воин. Эконом. Общ.* Т. 1, вып. 1; стр. 55—59.

83. Фортификаціонныя боевыя порядки. Предметъ и объемъ полевой фортификаціи. *Г. Лееръ. Военный Сборникъ.* № 1; стр. 23—32.

84. О зависимости вооруженія крѣпостей отъ развитія сѣти жел. дорогъ. *Е. Сурковъ. Артиллерійскій Журналъ.* № 1; стр. 148—159.

85. О составленіи правилъ для вооруженія крѣпостей. *Е. Сурковъ. Артиллерійскій Журналъ.* № 3; стр. 593—616.

86. Крѣпости и укрѣпленные пункты въ азіатск. государствахъ. Статья *Н. Г. Инженерный Журналъ.* № 3; стр. 29—38.

87. Укрѣпленіе австрійцами Эперіена. Статья *Н. Ш. Инженерный Журналъ.* № 2; стр. 24.

88. Дрезденскій укрѣпленный лагерь въ 1866 г., съ чертеж. *Н. Шильдеръ. Инженерный Журналъ.* № 1; стр. 1—22.

89. Объ осадѣ и паденіи Боргофорте, на рѣкѣ По, въ іюль мѣсяцѣ 1866 г. Генерала Бургоннъ, и пренія по поводу этой осады. *Артиллер. Журналъ.* № 4; стр. 819—838.

90. Прикѣпная осада Кобленца въ 1868 г., съ чертеж. *И. Вальбергъ. Инженерный Журналъ.* № 4; стр. 546—580.

См. также *Армил. Журналъ.* № 4; стр. 839—841.

91. Описаніе обороны Севастопо-

ля. *Военный Сборникъ.* № 3 и 4; стр. 1—23 и 131—143.

92 и 93. Береговая оборона. *Бронштадт. Вѣстника.* № 37 и 38.

См. также объ этомъ предметѣ *Всемирн. Иллюстрацію.* Т. 1. № 13.

94. Новые инструменты для опредѣленія разстояній въ полевой войнѣ. *Лавровъ. Артиллерійскій Журналъ.* № 1; стр. 29—47.

95. Военныя аэростаты. *Сынъ Отечества.* № 11 (воскр. №)

Б. Военная исторія, статистика, законодательство и хозяйство.

96. Очерки состоянія военнаго дѣла на Руси въ половинѣ XVII-го вѣка. Статья *Н. Бранденбургъ. Военный Сборникъ.* № 4; стр. 153.

97. Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 гг. *А. Г. Брикнеръ. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія.* № 2, 3 и 4. Т. 141 и 142, отд. 2; стр. 291—363, 106—157 и 321—374.

98. Въ исторіи шведской войны въ 1788 г. *Я. Гротъ. Русскій Архивъ.* № 1; стр. 111—124.

Гр. А. Е. Разумовскій.—Русскіе плѣнные въ Швеціи.—Дипломатическая полемика.

99. Библиографическія замѣтки. Новые матеріалы о сѣв. войнѣ (на шведск. яз.). *Русскій Инвалидъ.* № 27.

100. Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году. Изъ записокъ Муравьева. М. 1869. (Рецензія П. Т.). *Дѣло.* № 1; стр. 35—40.

101—102. Воспоминанія о 1812 годѣ *Кн. Вяземскій. Русскій Архивъ.* № 1; стр. 181—216.

См. объ этой ст. въ 18-мъ № «С.-Петербургск. Вѣдом.» въ сентяб. томѣ, подъ загл.: «Князь Вяземскій, дающій гр. Толстому гулять по пригоркамъ».

103—104. По поводу историч. указаний 4-го тома „Война и миръ“. *А. Витмеръ* (окончание). *Военный Сборникъ*. Т. 65; стр. 91—134.

См. объ этой статьѣ въ «Отеч. Запискахъ», № 4. Т. 183 (т. 8). отд. 2; ст. 295—296.

105. Война и миръ гр. Толстаго съ военной точки зрѣнія. (Ст. 2-я). *М. Драгомировъ*. *Оруж. Сборникъ*. № 1; стр. 69—122.

106. Война 1812 года. Замѣчания на 2-й т. Исторіи отеч. войны 1812 г. Г. М. Богдановича. 3 т. *И. П. Дипранди*. *Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Рос.* № 1, отд. 1; стр. 1—198.

107. Нѣсколько замѣтокъ по поводу критическаго отзыва А. С. Норева о романѣ „Война и миръ“. *Петербургск. Газета*. № 2 и 4.

108. Дневникъ свѣтскаго офицера. *С. Г. Холутовъ*. 1813 годъ. *Русскій Архивъ*. № 2; стр. 219—304.

109. Исторія кампаній 1815 года. Соч. Шарраса. Изд. и пер. Пичугина. Спб. 1868. *Военный Сборникъ*. № 1 и 2. Т. 65; отд. 2; стр. 1—6 и 1—5.

110. Дагестанскія событія 1818 г. *Н. Дубровинъ*. *Военный Сборникъ*. № 3; стр. 5—30.

111. Тагаурское общество и экспедиція генералъ-маіора князя Абхазова въ 1830 году. *М. Базъ*. *Терскія Выдомости*. № 6, 8 и 10.

112. Почему Гѣргей положилъ оружіе передъ русскими, а не передъ австрійцами? (Изъ венгерскихъ источниковъ). Статья *А. Л.* *Военный Сборникъ*. № 2. Т. 65; отд. 1; стр. 163—168.

113. Восточная война. Нападеніе турокъ на постъ св. Николая. Битва при Синопѣ. Битва при Ольтеницѣ. Статья *Н. Ма—ва*. *Морской Вѣстникъ*. Кн. 3 и 4; стр. 31—64 и 44—65.

114—115. Изъ ярмыскихъ воспоминаній о послѣдней войнѣ. *Русскій Архивъ*. № 2; стр. 381—396.

См. по поводу этой статьи замѣтку въ 4-мъ № «Русск. Изнамидъ».

116. Очеркъ Крымской войны. *Л. Весина*. *Семейные Вѣщера*. (Старшій возрастъ). № 3; стр. 161—181.

117. Письмо въ редакцію. *Иманъ*. *Неводичанскій. Современ. Медицина*. № 1.

Воспоминанія медика о крымской кампаніи.

118. По поводу статьи г. Инсарскаго „Походъ 1859 года“ *А. Л. Зиссерманъ*. *Кавказъ*. № 2 и 3.

Статья г. Инсарскаго была помещена въ 3, 6 и 8 №№ «Русскаго Архива». 1868.

119. Военно-некоричневая записка объ участіи въ дѣлахъ съ кавказцами и въ закубанскихъ походахъ строевыхъ частей Енатернодарскаго воен. округа Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) кав. войска, съ 1863 года до окончанія кавказск. войны. *Кубанскія войск. вѣд.* № 2, 5 и 6.

120. Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи. Статья *Т. Русскій Вѣстникъ*. № 3 и 4. Т. 80; стр. 102—155 и 658—707.

121. Русскій оградъ на китайской границѣ въ 1868 году. (Изъ воспоминаній артиллериста). *А. Штиловъ*. *Военный Сборникъ*. № 2. Т. 65, отд. 1; стр. 219—249.

122. Кавъ смотрятъ въ Германіи на наши военныя дѣйствія въ центральной Азіи. *Съверная Пчела*. № 15.

123. Последняя война Соединен. Штатовъ съ индѣйцами. *Всемирная Иллюстрація*. Т. 1. № 9.

124. Кавказскій вечеръ въ С.-Петербургѣ. *Русскій Изнамидъ*. № 18 и *Голосъ*. № 41.

125. Вибліографическая замѣтка. Избранная переписка Наполеона I. *Русскій Изнамидъ*. № 21.

126 — 127. *Oesterreichische Mili-*

tair-Zeitschrift. (Австрийскій военный журналъ). *Военный Сборникъ*. № 2. Т. 65, отд. 2; стр. 144—155.

См. также обзорнае этого журнала въ «Артил. Журналъ». № 3 и 4; стр. 509—561 и 842—858.

128—129. Обзоръ русскихъ военныхъ журналовъ за 1868 годъ *Военный Сборникъ*. № 4; стр. 143.

См. также статью объ этомъ въ «Русскомъ Инвалидъ». № 43.

130. Иностранное военное обозр.: Военно-ученнаго общества и ихъ значеніе. *Н. Глаголюскій*. *Военный Сборникъ*. № 3; стр. 87.

131. Некрологъ. Кн. Фв. Мих. Андрониковъ. Ум. въ началѣ 1869 года. *Военный Сборникъ*. № 2. Т. 65, отд. 2; стр. 221—222.

132. Генералъ Бухмейеръ. *Иллюстрир. Газета*. Т. 28. № 11.

133. Воспоминаніе о генералѣ Вельяминовѣ. Статья П. *Московскій Вѣдомости*. № 81.

134. Памяти Конст. Ант. Дарино. (Одесск. плацъ-адъютантъ). *Одесскій Вѣстникъ*. № 78.

135. Несколько словъ о покойномъ генералъ-маюрѣ Евреиновѣ. *В. Казнаковъ*. *Журналъ Министер. Путей Сообщ.* Кн. 1-я; стр. 1—2.

136. Переписка между С. А. Масловима и П. Х. Граббе о подвигѣ Ермолова въ Бородинской битвѣ. *Русскій Архивъ*. № 4; стр. 61—64.

137—139. Некрологъ. Баронъ Генрихъ Веняминовичъ Жоини. *Русскій Инвалидъ*. № 34.

Ом. также некрологи: 1) въ «Голосъ», № 89, и 2) во «Всемирной Иллюстраціи». Т. 1. № 18.

140. Некрологъ. Инженеръ ген.-лейт. Юסף Альбертовичъ Заряецкій. (Умеръ 29 янв. 1869 года). *Кронштадт. Вѣстникъ*. № 14.

141. Некрологъ. Вадимъ Ильичъ Квнств. (Начальникъ нажен. управл.

Одесскаго военного округа). *Одесскій Вѣстникъ*. № 81.

142. Некрологъ. Ген.-лейт. Николай Семен. Клинскій. (Род. 1814 г. Умеръ въ концѣ прошл. года). *Воен. Сборникъ*. № 2. Т. 65, отд. 2; стр. 223—224.

143. Пятидесятилѣтній юбилей офицерской службы ген. отъ инф., И. М. Лабянцова. *Вилненскій Вѣстникъ*. № 47.

144—146. Некрологъ. Инженеръ-генералъ Алексій Федор. Сорокинъ. *Военный Сборникъ*. № 4. Т. 66. (Современ. обзор.); стр. 190—192.

Род. 1795 года; умеръ 1869 года 22-го февраля. См. также некрологи: 1) въ «Военномъ Сборникъ». № 4; стр. 190, и 2) въ «Русскомъ Инвалидъ». № 26.

147. Некрологъ. Вурлоай Карповичъ Фридерини, ген. отъ инф. *Русскій Инвалидъ*. № 27 и 28.

Ум. 1-го марта 1869 г. на 90 году.

148—149. Военно-статистическій сборникъ. (Оставленъ подъ общю редак. Г. Ш. генералъ-маюра Н. Н. Обручева. Вып. 3-й. Статья А. Г. В. *Артиллерійскій Журналъ*. № 3; стр. 519—549.

См. также отзывъ о 2-мъ и 3-мъ вып. сборника въ «Морскомъ Сборникъ». Т. 101. № 3; стр. 1.

150. Общій военный обзоръ 1868 г. *Русскій Инвалидъ*. № 1. 2 и 3.

151. Русская армія въ 1868 году. *Военный Сборникъ*. Т. 65. № 1, 2 и 3; стр. 90, 66 и 171—210.

152. Мирный отзывъ на военные вопросы: 1) Вооруж. силы Россіи Р. Фадѣева. М. 1868. — 2) Воен. силы Сѣв. Америки. Шт. Вито Русильона. Спб. 1868. *Отч. Записки*. № 4. Т. 182 (т. 8), отд. 2; стр. 255—270.

153. Стрѣльцовыя баталіоны въ 1868 году. *Военный Сборникъ*. № 2. Т. 65, отд. 2; стр. 214—221.

154. О стрѣлковскихъ ротахъ. В. *Дытовича. Военный Сборникъ.* № 4; стр. 231.

155. Сравнительныя достоинства европ. войскъ. Н. *Волоцкой. Всемирный Трудъ.* № 1; стр. 65—78.

156. Вооруженныя силы Турціи и Греціи. Н. *Шимдере. Инженерн. Журналъ.* № 3; стр. 457—485.

157. Военное положеніе Пруссіи и Сѣв.-Герм. Союза. Н. *Глиноецкій. Военный Сборникъ.* № 2. Т. 65. отд. 2; стр. 225—240.

158. Прусская кавалерія во время войны 1866 года. *Военный Сборникъ.* № 3; стр. 31—60.

159. Военный бытъ въ Пруссіи. (Очерки *Гахландера*). *Военный Сборникъ.* № 1—4. Т. 65, отд. 1; стр. 135, 251, 123 и 311.

160. L'armée danoise en 1864... Étude historique par F. De-Vas. (Датская армія въ 1864 году. Парижъ. 1868). *Военный Сборникъ.* № 2. Т. 65, отд. 2; стр. 156—170.

161. Военная международная конференція въ С.-Петербургѣ. (Съ картиной). *Всемирн. Иллюстр.* Т. I. № 1.

162. Военно-окружная система. *Виссар. Комаровъ. Русский Вѣстникъ.* № 1, 2 и 4. Т. 79; стр. 180—227, 764—782 и 609—627.

163. Военныя реформы. (Передов. ст.). *Вѣсть.* № 112.

164. Обзоръ дѣятельности комитетовъ и комиссій учрежд. для обсужденія мѣръ къ улучшенію и преобразованію разныхъ частей военнаго вѣдомства за 1868 годъ. *Русскій Инвалидъ.* № 43.

165. О занятіяхъ конференціи Николаевск. Академіи Генерал. Штаба за учеб. 1867—1868 годъ. *Военный Сборникъ.* № 3; стр. 37.

166. Австро-венгерскія военныя реформы. Н. *Глиноецкій. Военный Сборникъ.* № 4; стр. 193.

167. Записка о резервныя батальонахъ. А. *Слюсаренко. Воен. Сборникъ.* № 1; стр. 33—38.

168. Нѣвольное словъ о формированіи сотенъ въ 24 полку. *Л. Рыжиковъ. Еубанскія войск. вѣд.* № 13.

169. Объ особенныхъ полковыхъ сборахъ кубанск. казачьяго войска въ 1868 г. *Ив. Красновъ. Кавказъ.* № 37.

170. Арифметическія вычисленія о продолжакъ при сдачѣ рекрутъ. Гр. *Щенетевъ. Минскія вѣд.* № 7.

171. Статистическія свѣдѣнія о рекрутскомъ наборѣ 1868 года. *Русскій Инвалидъ.* № 35.

172. По поводу послѣдняго рекрутскаго набора. *Бисаланинъ.* № 39.

173. О рекрутскомъ наборѣ одесскихъ мѣщанъ-христіанъ въ Одессѣ. *Одесскій Вѣстникъ.* № 42.

174. По поводу примѣненія наемна 18-го іюля 1868 года о рекрутствѣ наемщикахъ. *С.-Петербургск. Видомости.* № 10.

175. О рекрутской повинности. (Перед. ст.). *С.-Петербургск. Видомости.* № 69.

176—178. По поводу новыхъ воуженій, относящихся до поступленія въ военную службу. *Русскій Инвалидъ.* № 41.

См. также по поводу этого вопроса ст. 1) въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». № 88. (Перед. ст.) 2) въ «Годосѣ». № 92. (Перед. ст.).

179. По поводу положенія о производствѣ нижнихъ чиновъ въ офицеры. *Русскій Инвалидъ.* № 46.

2. МОРОКІЯ НАУКИ.

180. Исторія русскаго флота. *Самъ Отчествова.* № 83 (будн. №).

181. Нашъ военный флотъ въ 1868 году. *Сверная Пчела.* № 12 и 13.

182. О парусномъ флотѣ на вѣгѣ

Россіи. *Н. Вейс. Новорос. Телеграфъ.* № 36.

183. Извѣстіе о плаваніи нашихъ воен. судовъ за границу. *Морской Сборникъ.* № 1, 2, 3 и 4. Т. 100 и 101; стр. 1—11 и 1—31, 1—13 и 1—8.

184. Флоты Турціи и Греціи. *Морской Сборникъ.* Т. 100. № 2; стр. 36—37.

185. Состояніе франц. воен. флота. Франц. морскія орудія. Морскіе порты Франціи. *Морской Сборникъ.* № 2. Т. 100; стр. 27—36.

186. Паровыя шлюпки и барказы въ англійскомъ флотѣ. *Морской Сборникъ.* Томъ 100 и 101. № 1 и 4; стр. 18—22.

См. также статью П. И. въ 27 № «Кроншт. Вѣстника».

187. Замѣчанія объ англійскомъ фрегатѣ „Liffey“, сдѣланныя въ бытность его въ Кронштадтѣ. *Морской Сборникъ.* Т. 100. № 1; стр. 7—12.

188. Спускъ корветовъ „Volage“, „Active“ и „Druid“. *Морской Сборникъ.* Т. 101. № 4; стр. 22—28.

189. Свѣдѣнія о броненосныхъ флотахъ Англии, Франціи и Турціи; съ чертежемъ. *К. Влименко. Инженерный Журналъ.* № 4; стр. 641—664.

190. Американскія панцирные суда. *Иллюстрированная Газета.* Т. 28. № 13.

191. Броненосныя суда. *Морской Сборникъ.* № 1—4. Т. 100 и 101; стр. 1—16, 1—47, 1—23 и 1—24.

192. Приготовленіе 15-ти дюймовой броневой плиты. *Морской Сборникъ.* Т. 101. № 3; стр. 117—120.

193. Испытаніе стальныхъ броневыхъ плитъ. *Аполонъ М...въ. Морской Сборникъ.* Т. 101. № 3; стр. 121.

194. Откуда взять матросовъ, штурмановъ и шкиперовъ на русскія купеческія суда. *Б. Амисимовъ. Дѣятельность.* № 28.

195. Отвѣтъ г. Анисимову о шки-

перахъ и матросахъ. *Евгеній Бурачекъ. Дѣятельность.* № 32.

196. Астраханскій военный портъ. *Астраханскій Справоч. Листокъ.* № 2, 3, 4 и 6.

Изъ «Морск. Сборника». 1868 года.

197. Николаевская коммерческая верфь. С. Бакстеръ и комп. Статья *Н. И. Николаевскій Вѣстникъ.* № 14.

198. Справочная книга для судостроителей, инженеровъ, архитекторовъ и заводчиковъ и проч. Составлена Х. Прохоровымъ и А. Рудыковскимъ. 1868 года. (Рецензія). *Морской Сборникъ.* Томъ 100. № 1; стр. 1—10.

199. Вопросъ о приватирахъ. Изъ сочиненія сѣверо-американца *Генри Уитона.* Перевелъ лейтенантъ Х—. *Морской Сборникъ.* Т. 100. № 2; стр. 71—104.

200. Наши клипера. Статья *К. Ш. Кронштадтскій Вѣстникъ.* № 43 и 45.

201. Статистика кораблекрушеній у береговъ Великобританіи и Франціи въ 1867 году. *Морской Сборникъ.* Т. 100. № 2; стр. 149—172.

202. Статистика кораблекрушеній у береговъ Россіи. *Морской Сборникъ.* Т. 101. № 3; стр. 78—80.

203. Крушеніе англійскаго корвета «Rattler». *Морской Сборникъ.* Т. 100. № 2; стр. 23—26.

204. Гибель австрійскаго фрегата «Radetzky», близъ острова Виса (Лисса). *Морской Сборникъ.* Т. 101. № 4; стр. 13—17.

205. Лаваревъ на мели. *А. Илалышевъ. Одесскій Вѣстникъ.* № 84.

206. Капитанъ 1-го ранга, Сергій Ивановичъ Елагинъ. (Некрологъ). *Морской Сборникъ.* Томъ 100. № 1; стр. 1—7.

207. Рудневъ, Николай Феофановичъ, командиръ винтовой шкуны „Полярная Звѣзда“. (Некрологъ). Ста-

тъя *Птухова. Архангельскія губ. отд.* № 4.

208. Морской музей въ С.-Петербурѣ. *Всемирн. Иллюстрація*. № 2.

209. О боевыхъ строяхъ въ сраженіяхъ съ таранами и *Беранстета* и *Корда*, лейтенантовъ франц. флота. Перевелъ *Н. Валмицкій. Морской Сборникъ*. Т. 100. № 2; стр. 35—70.

210. Рулевой индикаторъ Руда, какъ средство къ предупрежденію столкновеній. *Д. Мертваго. Морской Сборникъ*. Т. 100. № 2; стр. 203.

211. Рулевой телеграфъ Грея. *Е. Березина. Морской Сборникъ*. Т. 101. № 3; стр. 108—116.

212. Очеркъ штурвальныхъ приводовъ. *Е. Березина. Морской Сборникъ*. Т. 101. № 3; стр. 27—42.

218. Управление судами при встрѣчѣ. *Д. Мертваго. Морской Сборникъ*. Т. 101. № 2 и 4; стр. 105—148, 1—64.

214—215. Спасительныя ракеты и спасительный амбій. *К. Константиновъ. Николаевскій Вѣстникъ*. № 2, 3 и 4.

См. также «Русскій Инвалидъ». № 44.

216. Новый якорь Унтрама. *Морской Сборникъ*. Томъ 101. № 4; стр. 143—146.

217. О паровыхъ и вынужденныхъ пролетахъ пароваго цилиндра. *Н. Тверской. Морской Сборникъ*. Т. 101. № 4; стр. 171.

218. О формахъ подводной части купеческихъ кораблей. *Евг. Бурачекъ. Дѣятельность*. № 61.

219. Прожѣры посредствомъ электрическ. тока. *Э. Шнейдеръ. Морской Сборникъ*. Т. 101. № 3; стр. 125.

220. Соотавъ воздуха на судахъ. Статья *Н. Т. Морской Сборникъ*. Т. 100. № 1; стр. 1—6.

221. Подводныя мины и относящіяся къ нимъ приборы на парижск. выставкѣ 1867 г. Лейтенантъ *Терентьевъ. Морской Сборникъ*. Т. 100. № 1; стр. 13—24.

222. Подводныя мины, торпедо; съ двумя чертежами. *А. Гаскель. Инженерный Журналъ*. № 4; стр. 581—640.

223. О взрывкахъ паровыхъ котловъ. Капитанъ-лейтенантъ *Евгений Бурачекъ 1-й. Морской Сборникъ*. Т. 101. № 4; стр. 147—166.

XIV. ВРАЧЕБНЫЯ НАУКИ.

1. О МЕДИЦИНѢ ВООБЩЕ.

Къ исторіи медицины. Отчеты больницъ. Биографіи и некрологи врачей.

1. Русская военно-медицинская старина (1616—1762). *М. А. Хмыровъ. Военно-Медицинскій Журналъ*. № 1—4. Часть 104, отд. 7; стр. 25—70, 71—109, 139—183 и 217—257.

2. Русская медицина въ 1868 г. *Современ. Медицина*. № 1.

3. Движеніе медицины какъ науки въ 1848 г. *Сѣверная Пчела*. № 3 и 4.

4. Что сдѣлано по части медицины въ 1868 г. *Сѣверная Пчела*. № 2.

5. Торжественный актъ въ Пе-

терб. Медико-Хирург. Академіи. *Медицинскій Вѣстникъ*. № 1.

6. Нефрологъ. Аркадій Алексѣевичъ Алфронскій. Статья *А. Полунина. Московск. Университ. Извѣстія*. № 1; стр. 53—55.

7. Нефрологъ. Александръ Осиповичъ Арифельдъ. Статья *А. Полунина. Москов. Университ. Извѣстія*. № 1; стр. 63—64.

Род. въ 1808 году, ум. 15 марта 1868 г.

8. Описаніе торжеств. обѣда, даннаго въ честь Андріяна Ивановича Блументала. *Московская Медицинская Газета*. № 5, 6, 7 и 8.

9. Неврологъ Красильтникова. *Архивъ Судебн. Медицины*. № 1 (Мартъ), отд. V; стр. 69—72.
10. Неврологъ. Докторъ мед. Вас. Алексеевичъ Красильтниковъ. *Медицинскій Вѣстникъ*. № 10.
11. Профессоръ Янъ Пуркинъе (Jan Purkinje).—*Медицинскій Вѣстникъ*. № 6 и 7.
12. Неврологъ. Людв. Андр. Слухоцкій. *Современ. Медицина*. № 8.
13. Неврологъ. Пав. Семен. Топорнинъ. *Современ. Медицина*. № 7.
14. Отчетъ старшаго врача эскадры броненосныхъ судовъ. *Морской Сборникъ*. Т. 101, № 4; стр. 1—50.
15. По поводу медицинскаго отчета по флоту за 1867 г. *Дѣятельность*. № 15.
16. Число больныхъ въ Парижскихъ гражд. больницахъ за 1868 г. А. Тарасенковъ. *Московская Медицинская Газета*. № 11 и 12.
17. О губернскихъ медиц. обществахъ и сѣздахъ врачей, при участіи духовенства и земства. Врачъ Р. Якубовскій. *Владимірскія спарх.* *вѣд.* № 5; стр. 223.
18. Годичное засѣданіе общества Арханг. врачей. *Архангельскія губ. вѣд.* № 22.
19. Свѣдѣнія о 35 лѣтней дѣятельности Медико-Фармацевтическаго Попечительства въ Москвѣ, съ 1833 г., включительно, по 1868 годъ. *Московская Медицин. Газета*. № 9 и 10.
20. Протоколъ засѣданія Тавричesk. Медико-Фармацевт. Общества, 4 Ноября 1868 года. *Тавричeskія губ. вѣд.* № 5 и 7.
21. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Общества Курскихъ врачей, 10 Февр. 1869 года. О необходимости увеличенія фельдшеровъ въ Россіи. *Бурскія губ. вѣд.* № 18.
22. Отчетъ Костромскаго уѣзднаго земск. врача за 1866 годъ. *Костромскія губ. вѣд.* № 14.
23. О необходимости учредить въ Кіевѣ больницу для прислуги, мастеровыхъ и чернорабочихъ. А. Вальтеръ. *Кіевскія вѣд.* № 6.
24. Отчетъ Могилевской лечебницы для приходящихъ больныхъ съ 1-го Янв. 1868 г. по 1-е Янв. 1869 г. *Могилевскія губ. вѣд.* № 11.
25. Отчетъ Михайловской лечебницы въ г. Владикавказѣ, печат. ежемѣсячно въ *Терскихъ Вѣдомостяхъ*.
26. Обзоръ дѣятельности Михайловской лечебницы для приходящихъ больныхъ въ г. Владикавказѣ за 1868 годъ. *Терскія Вѣдомости*. № 9.
27. Нѣкоторые факты для медицинскон статистики Пермской губерніи. *Пермскія губ. вѣд.* № 8 и 9.
28. Отчетъ Тульской лечебницы для приходящихъ за 1868 г. *Тульскія губ. вѣд.* № 14.
29. О дѣтской больницѣ въ Харьковѣ. *Харьковскія губ. вѣд.* № 13.
30. Отчетъ о состояніи Ярославск. лечебницы для приходящихъ больныхъ за 1868 г. В. Медовщикова. *Ярославскія губ. вѣд.* № 14.
31. Отвѣтъ на статью „Лечебница доктора Майера“. Статья Д. Майера. *Биржевыя Вѣдомости*. № 91.
32. Санитарный отчетъ по г. Олонцу и Олонецкому уѣзду, за 1868 г. *Олонцкія губ. вѣд.* № 14.
33. Проектъ устройства медицинскон части въ Чембарскомъ уѣздѣ. *Пензенскія губ. вѣд.* № 8.
34. Неудовлетворительное состояніе медиц. части въ селеніяхъ (перед. ст.) С.-Шурск. *Вѣдомости*. № 91.
35. Объ устройствѣ врачевныхъ пособій для сельскаго населенія. Ст. врача Корочской городской земской больницы И. Е. Савицкаго. *Архивъ Судебн. Медицины*. № 1 (Мартъ), отд. 5; стр. 8—27.
36. О военно-временныхъ госпи-

галахъ, съ точки зрѣнія военнаго ин-
женера. *В. Пыльц. Императорскій Жур-*
нала. № 1; стр. 73—117.

37. Отношеніе публики къ меди-
цинѣ и медикамъ *П. Склотовскій. До-*
машній Врачъ. № 2.

38. Уставъ кассы вспоможенія
нуждающихся медиковъ а также
ихъ вдовъ и сиротъ, въ Варшавѣ.—
Медицинскій Вѣстникъ. № 15.

39. Бъ вопросу о реформѣ въ сѣ-
стемѣ испытаній на учено-медицинскія
степени. *Э. Юнг. С.-Пбурск. Вѣдомо-*
сти. № 108.

40. Женщина - лекарка. (Передов.
ст.) *И. Пантюховъ. Киселаникъ.* № 52.

41. Женщина - докторъ. Брошюра
г-жи *Газль. Домашній Врачъ.* № 8.

42. Еще женщины врача. *Домаш-*
ній Врачъ. № 13.

43. О необходимости увеличенія
фельдшеровъ въ Россіи. *Курскія зуб.*
стд. № 17.

44. Дежарскіе помощники Военно-
Медицинскаго вѣдомства. *Омы Оте-*
чества. № 60 (будн. №).

45. Библиографическая замѣтка.
8-й вып. Медиц. прибавлен. къ «Мор-
скому Сборнику». *Б. С-въ. Бронитадт-*
Вѣстникъ. № 32.

2. ПАТОЛОГІЯ ТЕРАПІЯ И ДІАГНОСТИКА.

46. Вступительная лекція проф.
Се въ клинич. курсъ. *Московск. Ме-*
диц. Газета. № 2—3, 4 и 5—6.

47. О важности и недостаткахъ
нѣкоторыхъ физико-химическихъ из-
слѣдованій въ клиникѣ. Пробная лек-
ція *И. Уишихина. Медицин. Вѣст-*
никъ. № 3 и 4.

48 и 49. Архивъ клиники внутр.
болѣзней *С. П. Боткина.* Т. 1 за
1867—68. Статья *С. Ловцова. Архивъ*
Судобн. Медицины. № 1, отд. 4; стр.
19—32.

См. также объ этомъ соч. за-

мѣтку *Н. Кристофа* въ 4-мъ №
Московск. Медич. Газетъ.

50. Нѣсколько замѣтокъ изъ мо-
ихъ скорбныхъ листовъ. Д-ръ *Ф. Ци-*
товичъ. Современная Медицина. № 8.

51. Здоровье, болѣзнь и смерть.
Домашняя Бесѣда. № 14, 15, 16, 17 и
18. (Врач. отдѣлъ).

52. Причины болѣзней. *Петебург.*
Листокъ. № 50.

53. Источники болѣзней. *В. Пор-*
тугаловъ. Дѣло. № 3; стр. 81—114 и
Архивъ Суд. Медицины. № 1; стр. 1—23.

24. Признаки, указывающіе опас-
ность болѣзни и близость кончины.
Статья П. Р. Руководство для сель-
скихъ пастырей. № 5, 6, 8, 11 и 12.

55. Объ опредѣленіи разбѣра бо-
лѣзненности и главнѣйшихъ причи-
нахъ ея въ войскахъ. *А. Архимова.*
Медицинскій Вѣстникъ. № 13 и 14.

56. Дѣятельность, какъ физиоло-
гическое условіе благосостоянія ор-
ганизма. *П. Склотовскій. Домашній*
Врачъ. № 12.

57. О значеніи температуры тѣла
въ болѣзняхъ. *Балванскій. Воронеж-*
скій Телеграфъ. № 9.

58. О значеніи пищи въ животной
экономіи, съ особеннымъ примѣне-
ніемъ къ бентинговой методѣ леченія.
Популярно-научная лекція профес.
Зелена. Домашній Врачъ. № 3, 4, 5,
6 и 7.

59. О вліяніи курительнаго табаку
на организмъ человѣка. Статья *А. М.*
Кавказъ. № 8 и 9.

60. О дѣйствіи сжатого (сгущен-
наго) воздуха на человѣка и примѣ-
неніе его къ леченію болѣзней. *Бос-*
мосъ. № 6.

61. Случай успѣшнаго перелива-
нія цѣльной крови. *В. Раутенбергъ.*
Медицинскій Вѣстникъ. № 7 и *До-*
машній Врачъ. № 8.

62. Исторія переливанія крови.
Ольверная Пчела. № 14.

63. О подкожномъ впрыскиваніи Нарденна, *В. Радаковъ. Московская Медицинская Газета. № 4.*

64. О подкожномъ впрыскиваніи хинина. *Я. Кижж. Медици. Сборникъ. Изд. Канц. медиц. общ. № 6; стр. 13—16.*

65. Терапевтическое употребленіе впрыскиваній солянокислаго морфія въ мочевой пузырь. *Эд. Аллина. Другъ Здравія. № 3.*

66. Теплая, мѣстная водная ванна при отмороженіи. *Паа. Толансонъ. Военно-Медицинскій Журналъ. Ч. 104. Кн. 3; стр. 1—24.*

67. О предохранительномъ осповпрививаніи прямо съ коровы (о такъ называемой животной вакцинаціи) и о преимуществахъ этой методѣ. *Эд. Биллардъ. Перев. съ англ. Домашній Врачъ. № 3 и 4.*

68. Поучительный случай спорнаго діагноза. *Н. Андреевъ. Медицинскій Вѣстникъ. № 8.*

69. Этиология повальныхъ болѣзней по понятіямъ древнихъ и новыхъ наблюдателей. *Ив. Беззаботный. Московская Медицинская Газета. № 1, 2 и 3.*

70. Отчетъ С.-Петербургск. частной глазной лечебницы за 1868 годъ. *Извѣстія С.-Петерб. городской общедумы. № 6; стр. 337—339.*

71. Отчетъ Московск. глазной больницы за 1868 годъ. *Московск. Вѣдомости. № 25.*

72. Рефератъ объ успѣхахъ въ офтальмологіи. *Б. Федяевскій. Воронежскій Телеграфъ. № 7 и 8.*

73. Извѣ глазнаго отдѣленія Киевск. военнаго госпиталя. *Стратоновичъ. Современ. Медицина. № 7.*

74. Ель вопросу объ офтальмометриі. *М. Волковъ. Московская Медицинская Газета. № 11 и 12.*

75. Матеріалы для офтальмологической казуистики. *Г. Талько. Меди-*

цинскій Сборникъ. Изд. Кавказск. медиц. общ. общ. № 6; стр. 61—79.

76. Леченіе катарра средней части уха. *Д-ръ Груберъ. Другъ Здравія. № 5-й.*

77. Леченіе легочныхъ болѣзней съ хроническимъ теченіемъ и цѣлебное на нихъ дѣйствіе Зальцбрунскаго минер. водъ. Попул. изложеніе д-ра *Валентинера. Домашній Врачъ. № 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16.*

78. Краткій обзоръ болѣзненныхъ процессовъ въ легкихъ, обуславливающихъ чахотку или (phtisis pulmonum). *К. Славинскій. Труды 1-го съѣзда русск. естествоиспыт.; стр. 109—118.*

79. О альбуминъ возмущенныхъ мѣстностей на излеченіе легочной чахотки. *Д-ръ Ч. Дриндалъ. Домашній Врачъ. № 13.*

80. Ель августистѣ буторчатен. *В. Бессеръ. Медици. Вѣстникъ. № 15.*

81. Термометрія и ея значеніе въ чахоткѣ. *А. Шитовъ. Военно-Медицинскій Журналъ. Ч. 104. Кн. 3; стр. 123—204.*

82. Трахеотомія при отека гортанной щели (oedema-glottidis) послѣ тифа. *Д-ръ Маминъ. Военно-Медицинскій Журналъ. Ч. 104. Кн. 3; стр. 1—24.*

83. Laryngo - tracheotomia при спазмѣ гортани. *Миа. Чаусовъ. Военно-Медицинскій Журналъ. Ч. 104. Кн. 3; стр. 1—24.*

84. Отравленіе организма туберкулами. *Современ. Медицина. № 2-й и 3-й.*

85. Мнѣніе д-ра Лесби о холерѣ. *Домашній Врачъ. № 8.*

86. Гидатиды въ брюшной полости. *А. Годзевскій. Медиц. Сборникъ. Изд. Кавказск. медиц. общ. № 6; стр. 7—12.*

87. Критическій обзоръ спленотоміи. *Н. Сачава. Военно-Медицинскій Журналъ. Ч. 104. Кн. 3; стр. 1—24.*

88. О нарывахъ селезенки послѣ возвратной горячки, преимущественно въ клиническомъ отношеніи. В. Керниа. *Военно-Медицинскій Журналъ*. Ч. 104. Кн. 2; стр. 43—100.

89. Сифилисъ въ Пензенской губ. Изъ отчета А. Холмсаго. *Архивъ Судебн. Медицины*. № 1 (мартъ) отд. 6; стр. 24—28.

90. Сифилисъ въ Омскѣ. (Изъ отчета объ Омскомъ воен. госпиталѣ за 1867 г.). *Современ. Медицина*. № 9, 11, 12, 13 и 14.

91. Первичная сифилистическая язва съ отвердѣніемъ и мягкой наперъ на внутренней поверхности вѣкъ. (Изъ офтальмологической клиники профессора Э. А. Юнге). *Н. Гисслеровъ Медицинскій Вѣстникъ*. № 17.

92. О леченіи конституціоннаго сифилиса посредствомъ подкожныхъ инъекцій сублиматовъ. Статія А. Стиро. *Московская Медич. Газета*. № 13 и 14.

93. Лечение сифилиса подкожными инъекціями ртутныхъ препаратовъ. Д-ръ Бришто. *Другъ Здравія*. № 18.

94. О мерзураллизмѣ (Nudargyrosis). Практ. замѣч. д-ра Н. Мансурова. *Московская Медич. Газета*. № 1, 2—3, 5—6, 7—8, 11—12 и 13—14.

95. Извлеченіе изъ постановленій экстренныхъ земскихъ собраній по вопросу о пресѣченіи распространенія въ губерніи сифилитической болѣзни. *Пензенскій губ. вѣд.* № 6 и 7.

96. Распространенность сифилитической болѣзни въ деревенскомъ народонаселеніи. *Медицинскій Вѣстникъ*. № 10.

97. Число сифилит. больныхъ въ 1-мъ военномъ С.-петербургск. госпиталѣ, съ 1-го января 1868 по 1-е января 1869 года. Съ таблицей. *Архивъ Судебной Медицины*. № 1 (мартъ), от. 6; стр. 37—42.

98. Матеріалы для изученія каменной болѣзни въ Казанской губ. д-ръ А. Щербатовъ. *Архивъ Судебной Медицины*. № 1 (мартъ), отд. 6; стр. 1—24.

99. О спинальномъ половинномъ параличѣ. (Hemiplegia spinalis). Д-ръ Броунъ-Секаръ. *Современ. Медицина*. № 1, 2 и 3.

100. Случай нарывовъ въ мозжечкѣ. Н. Фейтбергъ. *Военно-Медицинскій Журналъ*. Ч. 104. Кн. 3; стр. 1—24.

101. Несколько случаевъ воспаления мозговыхъ оболочекъ въ 1-мъ Петербургск. воен. госпиталѣ. М. Шершевскій. *Протоколы засѣданій общ. русск. врачей*. 1868—69. № 9; стр. 287—293 и *Архивъ Судебной Медицины*. № 1, отд. 6; стр. 42—46.

102. Статія профессору Рудневу на его замѣчу: „По поводу заявленій о повальномъ воспаленіи мягкой оболочки головного и спиннаго мозга“. М. Шершевскій. *Архивъ Судебной Медицины*. № 1, отд. 6; стр. 45—49.

103. Случай возвратной горячки съ крапивною сыпью (urticaria). (Изъ клиники профессора В. Е. Эжа). Ф. Лемъ. *Медицинскій Вѣстникъ*. № 2.

104. Эпидемія возвратной горячки въ Кіевѣ. Е. Афанасьевъ. *Современ. Медицина*. № 2 и 3.

105. Тифозное состояніе. Причины и предубрежденіе. *Домашній Врачъ*. № 9, 10, 11; 12; 13, 14, 15 и 16.

106. Два случая воспаления селезенки въ возвратной горячкѣ. П. Румицевъ. *Московская Медич. Газета*. № 13 и 14.

107. Подкожныя инъекціи при спорозныхъ микорадахъ. И. Пантюховъ. *Современная Медицина*. № 8.

108—109. Случай скарлатины. Трахеотомія. В. Спримонъ. *Воронежскій Телеграфъ*. № 6; стр. 22 и 23.

Также см. ст. Аммосова въ № 23-мъ.

+ 110. Въ леченію чесотки. *Ив. Пантмоховъ. Современная Медицина.* № 9.

111. Слоновое перерожденіе ноги. *О. Анановъ. Медицинскій Сборникъ.* Изд. Кавказск. медиц. общ. № 6; стр. 1—6.

112. О характерѣ сыпной эндеміи, свирѣпствовавшей въ Тифлисѣ съ авг. 1867 до конца мая 1868 года. *С. Мрезовъ. Медицинскій Сборникъ.* Изд. Кавказск. медиц. общ. 1869 г. № 6; стр. 91—100.

113. Лечение экзематозной сыпи мѣстными наружными средствами. Д-ръ *Минкевичъ. Домашній Врачъ.* № 1.

+ 114. Спиртная падушая болѣзнь; специальное дѣйствіе полынной водки. Д-ръ *Майязъ. Другъ Здравія.* № 8.

115. Въ патологіи цынти. (Изъ патолого-анатомич. института С.-Петербур. медико-хирург. академіи). *К. Славянский. Медицинскій Вѣстникъ.* № 14, 15 и 16.

116. Въ патологической анатоміи костнаго рака. (Изъ патолого-анатомическ. кабинета Петербургск. медико-хирург. академіи). *Н. Штейнскій. Медицинскій Вѣстникъ.* № 4.

117. Въ ученію о происхожденіи эпителиальнаго рака (канцероида). *А. Леонтовичъ. Медицинскій Вѣстникъ.* № 8.

118. Tumor in fossa iliaca. *В. Валгородскій. Московская Медицинская Газета.* № 5 и 6.

119. Проектъ новаго родовспомогательнаго заведенія въ С.-Петербургѣ. (Перед. ст.). *Голосъ.* № 105.

120. Забѣтки о курсѣ акушерства и женскихъ болѣзней (гинекологія). Соч. Флоринскаго. Т. 1. 1869 г. (Рецензія). *Московская Медицинская Газета.* № 2 и 3.

+ 121. Общій зудъ въ беремености, излеченный куреніемъ табака. Д-ръ *Гро. Другъ Здравія.* № 1.

122. О механическомъ леченіи бо-

лѣзней матки. *И. И. Тарновскій. Военно-Медицинскій Журналъ.* Ч. 104. Кн. 3 и 4; стр. 123—204 и 205—260.

123. Гинекологическія забѣтки о больныхъ, лечившихся въ Харьковской городской лечебницѣ (за 6 мѣсяцевъ 1868 года). *Н. Сочава. Медицинскій Вѣстникъ.* № 12 и 13.

124. Decidua Menstrualis (случай воспалительной формы Дузменогнозае). *А. Соловьевъ. Медицинскій Вѣстникъ.* № 10.

3. ГИГИЕНА.

125. Гигіена и ея изученіе. Д-ръ Эд. Рейхъ. (*Die Hygiene und ihr Studium v. Ed. Reich. Erlangen. 1868.*) *Домашній Врачъ.* № 9.

Библиографическій обзоръ сочиненія.

126. Гигіена беременныхъ. (Изъ соч. проф. *Фонсаурига.*) *Другъ Здравія.* № 1 и 3.

127. Общій взглядъ на примѣненіе питательной гигиены въ терапіи, по поводу употребленія сырой говядины въ медицинѣ. Д-ръ *Люпти. Другъ Здравія.* № 4 и 5.

128. Очерки гигиены. *К. Федяевскій. Воронежскій Телеграфъ.* № 18, 19, 20, 25, 26, 27, 30, 32 и 41.

129. Значеніе гигиены въ медицинѣ и народной жизни. *И. И. Медведевъ. Москов. Университ. Извѣстія.* № 2; стр. 182—191.

130. Проектъ организаціи государственной гигиены въ Россіи. *Ю. Укке. Медицинскій Вѣстникъ.* № 2, 4 и 5.

131. Гигіена русск. училищъ. *Современная Медицина.* № 14.

132. Вѣствованіе въ гигиенѣ. *Н. Здекауеръ. Труды 1-го съезда русскихъ естествоиспытат.;* стр. 93—96.

133. О наследственности. (Изъ соч. проф. *Фонсаурига: L'Hygiène.*) *Другъ Здравія.* № 6 и 7.

134. Бровное супружество. (Изъ соч. профес. *Фонсарива*: L'Hygiène). *Дружъ Здравія*. № 10.

135. Исторія санитарной комисіи Соединенныхъ Штатовъ, *Н. Геймацъ*. *Военно-Медицинскій Журналъ*. Ч. 104. Кн. 1—4; стр. 1—24, 110—138, 184—216 и 258—296.

136. Замятка о санитарныхъ заведеніяхъ Парижск. обществъ привязчива. *Алексій Тарасковъ*, *Московская Медицинская Газета*. № 1.

137. Дешевое устройство безвредной вентиляціи. *Херсонскія губ. вѣд.* № 1 и 2.

138. По поводу способа вентиляціи г. Соханскаго. Статья *З—аю*. *Архивъ Судебной Медицины*. № 1 (мартъ), отд. 5; 47—48.

139. Обрѣтеніе не есть изобрѣтеніе. *В. И. Соболющиковъ*. *Голосъ*. № 97.

По поводу изобрѣтенія г. Соханскимъ печей.

140. Очищеніе городовъ посредствомъ сухой землѣ. *Архивъ Судебной Медицины*. № 1; стр. 43—47.

4. ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА, ВАЛЬНЕОЛОГІЯ, ГОМЕОПАТІЯ И ГАЛЬВАНИПУНКТУРА.

141. Изъ памятной книжки праят. врача. *Х. Домашній Врачъ*. № 1.

142. О простонародной русской медицинѣ. *Д-ръ Аментскій*, *Домашній Врачъ*. № 2, 3, 6 и 7.

143. О народной медицинѣ туземцевъ Рювской долины. *И. Пантозовъ*. *Медицин. Сборникъ*. Изд. Кавказск. медиц. общ. № 6; стр. 1—33.

144. Употребленіе прост. средствъ при леченіи болѣзней. Статья *С. Ш.* *Домашній Врачъ*. № 16 и 17.

145. Нѣсколько словъ о пользѣ и способахъ распространенія популярныаъ медицинскіаъ познаній. *Домашній Врачъ*. № 1.

146. Еще выносежныя изъ Друкенннѣ впечатлѣнія. *Изъ Эр—мъ*. *Виленскій Вѣстникъ*. № 40.

147. Мураховскія цѣлебныя воды. Статья *П. Я. Харьковскія губ. вѣд.* № 11.

148. Елейнъ-Либентадъ. Статья *Л. П—аю*. *Одесскій Вѣстникъ*. № 81.

149. Чокражскія минеральн. грязи. *А—ръ Барбашевъ*, *Никалаевск. Вѣстникъ*. № 19.

150. Поѣздка на кумысь. Статья *Е. Л. С.—Петербургскія Вѣдомости*. № 93.

151. Изъ монографіи о кумысѣ. *Д-ръ Штальбергъ*, *Московская Медицинская Газета*. № 7 и 8.

152. Еще свидѣнія о кумысномъ заведеніи въ Біевѣ. *И. Андреевскій*. *Кіевлянинъ*. № 38.

153. Сезонъ моего кумысо-воздухо-минер. лечеб. заведенія въ 1868 году, при Сувсунск. сѣрн. и др. жел. водахъ въ Пермск. губ. *А. Щербакоевъ*. *Современная Медицина*. № 13 и 14.

154. Минеральныя воды въ Славянскѣ. *Люблинскія губ. вѣд.* № 19.

155. Отчетъ о сезонѣ Солецкихъ соляно-сѣрныхъ минер. водъ въ 1868 году. *Сулицкій*. *Бѣлецкія губ. вѣд.* № 1—3.

156. Отчетъ о сезонѣ Бусскихъ соляно-сѣрныхъ минер. водъ въ 1868 году. *Сулицкій*. *Бѣлецкія губ. вѣд.* № 8.

157. Гомеопатія, сплетеніе обмановъ, лжи и невѣжества. Статья проф. *Бока*. (Перев. съ нѣмец.). *Домашній Врачъ*. № 3, 4, 5 и 7.

158. Гальвано-пунктура. *Дружъ Здравія*. № 16.

5. ХИРУРГІЯ.

159. Обзоръ успѣховъ практической хирургіи, за 1863 и 1864 годъ. *Н. А. Вилчковскій*. *Военно-Медицин-*

ский Журналъ. Ч. 104. Кн. 1; стр. 61—76; кн. 2; стр. 77—90, и кн. 3; стр. 91—108.

160. Обзоръ успѣховъ хирургической патологiи и оперативной хирургiи. Профес. Э. Богдановскiй. Особое приложение къ *Военно-Медицинскому Журналу*. Ч. 104. № 4; стр. 113—160.

161. Материалы по хирургической патологiи Кавказа. А. Финкельштейнъ. *Медицинскiй Сборникъ*. Издан. Кавказск. медц. общ. № 6; стр. 1—50.

162. Изъ клиническихъ замѣтокъ по хирургiи. Выводцевъ. *Военно-Медицинскiй Журналъ*. Ч. 104. Кн. 1; стр. 17—42.

163. Изъ клиническихъ лекцiй проф. В. Ф. Грубе въ Харьковѣ. Ассистентъ хирург. клинiки М. Аношенко. *Московская Медицинская Газета*. № 2 и 3.

164. Сравнительныя изслѣдованiя различныхъ операцiй, предложенныхъ противъ расширенiя венъ (varices). И. И. Минкевичъ. *Военно-Медицинскiй Журналъ*. Ч. 104. Кн. 1; стр. 1—16 и кн. 2; стр. 101—122.

165. О рѣдко-смѣняемой повозкѣ. И. Букуджановъ. *Медицинскiй Сборникъ*. Изд. Кавказск. медц. общ. № 6; стр. 80—90.

166. Еъ ученiю объ отдаленной перевязкѣ главныхъ артерiальныхъ стволовъ. П. Пелегинъ. *Медицинскiй Вѣстникъ*. № 5 и 9.

167. О вровотеченiяхъ. (Изъ пробной лекцiи на званiе адъюнктъ-проф. хирургiи). П. Пелегинъ. *Медицинскiй Вѣстникъ*. № 6.

168. Овариотомiя. Многополостная мѣшчатая опухоль праваго яичника; выздоровленiе. Н. Склифосовскiй. *Медицинскiй Вѣстникъ*. № 13.

169. Двѣ овариотомiи. В. Карагаевъ. *Медицинскiй Вѣстникъ*. № 1 и 4.

170. Объ овариотомiи профес. А.

Красовскаго. (Разборъ). Статья Л. Лефора. *Военно-Медицинск. Журналъ*. Ч. 104. Кн. 4; стр. 1—32.

171. По поводу операцiи г. Спримона. К. Федлевскiй. *Воронежск. Телеграфъ*. № 15, 16 и 24.

172. Высѣченiе опухоли матки. Д-ръ Н. Склифосовскiй. *Современная Медицина*. № 9 и 10.

173. Маточныя винты или дренажныя выпрямители. И. Лазаревичъ. *Протоколы засѣдан. общ. русск. врачей*. 1868—69. № 8; стр. 272—274.

174. Лекцiи проф. Томпсона. Камень мочев. пузыря. О болѣзни мочев. органовъ. *Современная Медицина*. № 4, 5, 6, 10, 12 и 13.

175. Случай (второй) кишечнаго камня. Д. Кошляковъ. *Протоколы засѣд. общ. русск. врачей*. 1868—69. № 8; стр. 267—271.

176. О частичномъ вырѣзыванiи блуждающихъ нервовъ. Г. Полота. *Московская Медицинская Газета*. № 2 и 3.

177. Артериально-венозная аневризма. Перевязка общаго ствола сонной артерiи. Н. Склифосовскiй. *Медицинскiй Вѣстникъ*. № 11 и 12.

6. ФАРМАКОЛОГИЯ И ТАКСИНОЛОГИЯ.

178. Изъ отчета медицинскаго инспектора Радомской губ. д-ра Револинскаго объ осмотрѣ аптекъ въ 1868 г. *Архивъ Судебной Медицины*. № 1. (мартъ). отд. 5; стр. 28—31.

179. Дѣйствiе аконитина на животный организмъ. Дм. Ахшарумовъ. *Военно-Медицинскiй Журналъ*. Ч. 104. Кн. 1; стр. 1—16; кн. 2; стр. 17—40; кн. 3; стр. 41—60.

180. Употребленiе экстракта какабарскихъ бобовъ при атоническомъ состоянiи кишечнаго канала. В. Субботинъ. *Современ. Медицина*. № 11.

181. О двухкорнстомъ метиленѣ,

какъ новомъ вообще анестезирующемъ средствѣ. *И. Минкевичъ. Медицин. Сборникъ. Изд. Кавказск. медиц. общ. № 6; стр. 101—118.*

182. Терпентинное масло, какъ противоядіе фосфора. *Космосъ. № 16.*

183. О химическомъ анализѣ для открытія отравленія синильною кислотой. *Л. Зиссерманъ. Другъ Здравія. № 1.*

184. *Synoglossum officinale* (матеріалъ для фармакологіи). *Я. Дедюлинъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспит.; стр. 140—144.*

7. СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА И МЕДИЦИНСКАЯ ПОЛИЦИЯ.

185. Вступительная лекція судебной медицины, читанная въ Казанск. университетѣ. *И. Геоздовъ. Медицин. Вѣстникъ. № 16 и 17.*

186. Замѣтки о судебно-медицинской экспертизѣ въ Россіи. *А. Деммертъ. Медицин. Сборникъ. Изд. Кавказск. медиц. общ. № 6.*

187. О судебно-медицинской экспертизѣ въ П—ской губерніи. Акушеръ *Хретовичъ. Архивъ Судебной Медицины. № 1 (мартъ), отд. 2; стр. 14—38.*

188. О наружномъ осмотрѣ мертвыхъ тѣлъ, производимомъ врачами по требованію полиціи. Сообщилъ *Н. И. Розовъ. Архивъ Судебной Медицины. № 1 (мартъ), отд. 2; стр. 81—83.*

189. О смерти Василя Свиная. Проф. *Лямбль. Архивъ Судебной Медицины. № 1 (мартъ), отд. 2; стр. 38—72.*

190. Дѣло о мѣщанкѣ Матренѣ Богдановой, обвиняемой въ покушеніи на дѣтоубійство. Сообщилъ акушеръ *Вл. Мержеевскій. Архивъ Судебной Медицины. № 1 (мартъ), отд. 2; стр. 72—81.*

191. О судебно-психиатрическомъ

освидѣтельствованіи. *Драмичинъ. Московская Медицинская Газета. № 5 и 6, 7 и 8.*

192. Преступленіе и сумашествіе. Руководство для распознаванія сомнительныхъ душевныхъ болѣзней, для врачей, психологовъ и судей. Д-ръ *П. И. Сомбригъ. Архивъ Судебной Медицины. № 1 (мартъ), отд. 4; стр. 1—18.*

193. О помѣшательствѣ оболыщенныхъ и покинутыхъ женщинъ. Докторъ *Рей. Архивъ Судебной Медицины. № 1; стр. 41—42.*

194. Наблюденія надъ умственными способностями тифлискаго жителя *К. Е. Статья Н. Савицкаго. Медицинскій Сборникъ. Изд. Кавказск. медиц. общ. № 6; стр. 1—9.*

195. Исслѣдованіе состоянія умственныхъ способностей *М.* и заключеніе о томъ врачей. Сообщилъ д-ръ мед. *Дюковъ. Архивъ Судебной Медицины. № 1, (мартъ), отд. 2; стр. 1—13.*

196. Дѣло въ Воронежск. окружн. судѣ. Объ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей отставнаго канцелярскаго служителя Филипова. *Воронежскій Телеграфъ. № 24, 25 и 26.*

197. Парадоксы воли или добровольные поступки при внутреннемъ противоборствѣ, въ практическомъ судебно-медицинск. отношеніи. Д-ръ *Кнопъ. Архивъ Судебной Медицины. № 1 (мартъ), отд. 4; стр. 1—18.*

198. Рана черепа съ потерей части мозга; выздоровленіе. Сообщилъ д-ръ *Неводничанскій. Архивъ Судебной Медицины. № 1 (мартъ), отд. 2; стр. 83—84.*

199. Убіеніе въ просонкахъ. (Изъ судебно-медиц. клинич. изслѣдованія проф. *Эриардта. Автъ). Современная Медицина. № 7.*

200. Грибы и порослы въ брамотологическомъ, токсикологическомъ и судебно-медицинскомъ отношеніяхъ.

Магистръ фармаціи *М. М. Архивъ Судебной Медицины*. № 1 (мартъ), отд. 3; стр. 23—43.

201. Паразитные грибы и низшія тайнобрачныя растенія, какъ болѣзнетворная причина. *Ю. Губнеръ. Архивъ Судебной Медицины*. № 1; стр. 49.

202. Новѣйшая литература мед. полиціи. *Судебный Вѣстникъ*, № 67.

8. СКОТОВОРАЧЕННЫЯ НАУКИ. (ВЕТЕРИНАРІЯ).

203. Слово, сказанное проф. *Равичемъ* при открытіи ветеринарнаго комитета, выс. учрежд. при министер. внутрен. дѣл. *Дѣятельность*. № 29.

204. Ветеринарный вопросъ. *Петербургскій Листокъ*. № 60.

205. Пятидесятилѣтній юбилей русскаго ветеринара Степ. Антон. Фролова. *Журналъ Коннозаводства*. № 1; стр. 117—123.

206. Курсы ученія о повальныхъ и заразительныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ. Проф. *И. Равичъ. Военно-Медицинскій Журналъ*. Ч. 104. Бн. 1—4; стр. 1—306.

207. Нѣсколько словъ по поводу трудовъ комисіи, учрежд. къ изысканію мѣръ противъ развитія сибирской язвы. *Д. Протопоповъ. Вѣстникъ рос. общ. покров. животнымъ*. № 3 и 4 и *Медицинскій Вѣстникъ*. № 11—12.

208. Изслѣдованіе сибирской язвы на мѣстѣ. *Сѣверная Пчела*. № 17.

209. Мышь и саль, у лошадей. *А. Якобсонъ. Вѣстникъ рос. общ. покров. животнымъ*. № 5, 6 и 8.

210. Предварительное сообщеніе.

Ф. Шиблеръ. Журналъ Коннозаводства. № 3; стр. 132—134.

О болѣзни у лошадей, назыв. подсыдалъ.

211. Болѣзни органовъ дыханія. Перевелъ съ нѣмецкаго. *Е. Иманова. Журналъ Коннозаводства*. № 4; стр. 4—31.

212. Мнѣніе г. проф. *Лессена* о составомахъ, бывшемъ у жеребятъ въ Хрѣновскомъ государт. заводѣ. *Журналъ Коннозаводства*. № 3; стр. 100—124.

213. Нѣсколько словъ къ вопросу о наследственныхъ болѣзняхъ лошадей. Проф. *Равичъ. Журналъ Коннозаводства*. № 1; стр. 73—80.

214. Лихой, чильчакъ, короста у лошадей. *А. Якобсонъ. Журналъ охоты и коннозаводства*. № 8.

215. Болѣзни лошадей и охотничьихъ собакъ. *Журналъ охоты и коннозаводства*. № 4.

216. Болѣзни собакъ. *Вѣстникъ рос. общ. покр. животнымъ*. № 4 и 7. Статья въ 7-мъ № 1. *Якобсона*.

217. Ящуръ. Статья *А. Цопова. Труды Имт. Вольно-Эконом. общ. Т. I. Вып. 6; стр. 501—504* и *Харьковскій зуб. вѣд.* № 27.

218. Заразительность ящура для людей. Проф. *И. Чернопятавъ. Московская Медич. Газета*. № 15 и 16.

219. О происхожденіи спянной сухотки у овецъ (Trauberkrankheit). (Ст. профессора *Радлофа* въ Галле). *Землед. Газета*. № 7.

220. Печаночная мотыльница у овецъ. *Унтербергеръ. Вѣстникъ рос. общ. покров. животнымъ*. № 2.

XV. ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.

**I. ВОТЕСТВЕННЫИ НАУКИ ВООБЩЕ. СВЪЗ-
ДЫ ВОТЕСТВОНОПЫТАТЕЛЕИ. ВЮГРАФИИ
И НЕКРОЛОГИ ВОТЕСТВОНОПЫТАТЕЛЕИ.**

1. О воспитательномъ значеніи естественныхъ наукъ и о необходимыхъ пособіяхъ для преподаванія естеств. наукъ. *А. Фамининъ. Труды 1-го създа русск. естествоиспыт.*; стр. 40—48 и 107—118.

2. Объ общедоступности или популяризаціи естествен. наукъ. *Г. Шутовскій. Труды 1-го създа русск. естествоиспыт.*; стр. 7—18.

3. *Der Naturwissenschaften und der Materialismus, von Dr. M. E. A. Naumann. Bonn. 1868. Космосъ. № 6.*
Отчетъ о книгѣ.

4. Объ успѣхахъ естество-историч. изученія Азіатск. Россіи. *М. Венюковъ. Труды 1-го създа русск. естествоиспыт.*; стр. 49—58.

5. *Общепонятныя естественно-научныя и гигиен. соч. Ловцова. Спб. 1869. (Рецензія). Отечество. Записки. № 4, Т. 183, отд. 2; стр. 296—305.*

6. О преподаваніи въ гимназіяхъ физики, космографіи и физ. географіи, по поводу программъ, составл. на създѣ учителей Кавказскаго учебн. окр. *Я. Вейнбергъ. Педагогич. Обзоріе. № 1; стр. 16—26.*

7. Приложеніе къ программамъ физики и космографіи, составл. на създѣ учителей Кавказск. учебн. окр. *Педагог. Обзоріе. № 1; стр. 51—60.*

8. Теорія Дарвина предъ судомъ св. писанія, какъ самаго древняго историческаго ботанико-зоологическаго памятника. Статья *В. Д—чаева. Странникъ. Т. I. № 1 и 2; стр. 12—33 и 45—75.*

9. *Анваріумъ. Всемірная Иллюстрація. Т. I. № 17.*

10. Уставъ С.-Петербургскаго общ. естествоиспытателей. *Горный Журналъ. № 3; стр. 545—552.*

11. О създѣ русскихъ естествоиспытателей. Статья *К. Л. Горный Журналъ. № 3; стр. 543—545.*

12. Историческая записка объ учрежденіи и ходѣ 1-го създа русскихъ естествоиспытателей. Сост. *А. Бекетовымъ. Труды 1-го създа русск. естествоиспыт.*; стр. 1—XIII.

13. *Рѣчи и протоколы засѣданій общаго създа русск. естествоиспытателей. Подъ ред. А. Советова. Труды 1-го създа русск. естествоиспыт.*; стр. 1—6.

14. Списокъ членовъ и дѣятель. участниковъ 1-го създа русск. естествоиспытателей. *Труды 1-го създа русск. естествоиспыт.*; стр. XIV—XXXIV.

15—17. Труды перваго създа русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ, происход. съ 28-го дек. по 4-го янв. 1868. Спб. 1868. Статья *М. И. Отеч. Записки. № 4. Т. 183. (Т. 8) отд. 2, стр. 244—255.*

См. также отзывы объ этой книгѣ:

- 1) въ *С.-Петерб. Вѣдом. № 24* —
- 2) въ *Горн. Журналъ. № 3; стр. 561. (Статья Н. Б.).*

18. Второй създъ русскихъ естествоиспытателей. *Голосъ. № 98.*

19. Библиографическое обзоріе. *Космосъ. Изд. г. Симоновичъ Н. 3—ii Дѣятельность. № 14.*

20. Засѣданія Имп. Академіи Наукъ. Физико-математ. отдѣленіе. (21-го января и 4-го февраля) 1869. *С.-Петербург. Вѣдомости. № 63.*

21. Матеріалы для познанія Онежскаго озера и Обонежскаго края. *К. Бесслеръ. Труды 1-го създа русск. естествоиспыт.*; стр. 1—144.

22. Отчетъ, читанный въ годичномъ засѣданіи Имп. Московск. общ. испытателей природы. Секретаремъ *Н. Н. Кауфманомъ*. *Московск. Университ. Извѣстія*. № 2; стр. 147—168.

23. Любителямъ микроскопа. (Синапта). *Животисный Сборникъ*. Т. 6, вып. 2; стр. 60—61.

24. Неврологъ. Извѣстный естествоиспытатель Антонъ Андріевскій, ум. на 84 году своей жизни. *Киевлянинъ*. № 1.

25. Христіанъ Фридрихъ Шенбейнъ (профессоръ химіи въ Базельск. университетѣ. Род. 1799). *Иллюстрир. Газета*. № 9.

26. Христіанъ Готфридъ Эренбергъ. Род. 1795. Братъ Монгольфье. *Иллюстриров. Газета*. № 9.

2. ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ, КОСМОГРАФІЯ И КЛИМАТОЛОГІЯ.

27. Метеорологическія наблюденія, произведенныя въ г. Пензѣ въ 1868 году. *Пензенскія губ. вѣд.* № 3, 4, 5, 6, 7 и 8.

28. Учрежденіе метеорологическихъ станцій въ Монголіи. *Извѣстія Имп. Русск. Географич. Общ.* Т. 5. № 1; стр. 30.

29. Замѣтка (метеорологическая) на 1868 годъ. *Томскія губ. вѣд.* № 3.

30. Новая теорія земнаго магнетизма, *Паркера*. Перев. лейтенантъ *Динденъ*. *Морской Сборникъ*. Т. 101, № 3; стр. 1—22.

31. Фотографическія снимки магнитографа обсерваторіи, представл. Академіи Наукъ г. *Вильдома Голосъ*. № 104.

32. Объ углестомахъ веществъ метеоритовъ. *З. Баларъ*. *Горный Журналъ*. № 2; стр. 374.

33. Составъ нѣкоторыхъ метеоритовъ. *Горный Журналъ*. № 2; стр. 373—374.

34. Климатъ въ Туркестанскомъ краѣ. *Всемирный Путешественникъ*. Т. 5. Вып. 13.

35. Библиографическій листокъ. Воздухъ и воздушный міръ съ его явленіями и обитателями. Соч. Арт. Манжена. Перев. съ франц. П. Ольхина. (Рецензія). *Спб. 1868. Всемирный Трудъ*. № 1; стр. 120—126.

36. Публичныя лекціи г. Смирнова о преподаваніяхъ погоды. *Самарскія губ. вѣд.* № 30 и 32.

37. Гроза. *Андрей Ростовскій*. *Семейные Вечера*. (Старшій возрастъ). № 2; стр. 98—107 и № 3; стр. 148—161.

38. Количество атмосферы, осадковъ въ Москвѣ и опредѣленія магнитнаго наклоненія. *В. Ветчинкинъ*. *Труды 1-го съѣзда русск. естествоиспыт.*; стр. 95—97—100.

39. Землетрясенія за послѣдніе 2 года. Препорщикъ *Ивановъ*. *Кроншт. Вѣстникъ*. № 5.

40. Вода въ Новгородѣ. *И. Лясневскій*. *Новгородскія губ. вѣд.* № 5.

41. Жесткость воды Одерскихъ владѣлецъ. *А. Верно*. *Новороссійскій Телеграфъ*. № 41 и 64.

42. О формѣ земли и морской поверхности и размыванія морскаго дна. *В. В. Ивановъ*. *Морской Сборникъ*. Т. 100, № 1; стр. 121.

43. Опредѣленіе длины секунднаго маятника для Кіева. Кандидатъ *Эйсмонтъ*. *Университ. (Кіевскія) Извѣстія*. № 2; стр. 1—6.

44. Вуффадеро, близъ Мелекванскаго берега. *Животисный Сборникъ*. Т. 6. Вып. 3; стр. 71—73.

45. Послѣдніе результаты наблюденій надъ природой солнца; (Извлеченіе изъ письма франц. астронома *Янсона* къ франц. химіку *Дюма*). *Космосъ*. № 11.

46. Солнечная атмосфера. *Космосъ*. № 6.

47. Когда мы будем путешествовать по воздуху. Статья П. В. Юворос. *Телеграф*. № 6.

3. ГЕОЛОГИЯ, ГЕОГНОЗИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ.

48. Человекъ до историческихъ временъ. *Иллюстрир. Газета*. Т. 23. № 5, 6 и 8.

49. Древние остатки человека въ Казанск. губ. Н. Головкинскій. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 31—40.

50 и 51. Доисторическій бытъ человечества. Е. В. Тайлоръ. Москва. 1868. (Рецензія). *Вѣстникъ Европы*. № 1. Т. 1; стр. 491.

См. также рецензію этого соч. Н. Т. въ *Дѣлѣ*. № 1; стр. 19—36.

52. Бартина развитія земли. (Лекція профессора *Даббага*). *Сѣверная Пчела*. № 9.

53. Ископаемая произведенія Новгородской губ. А. Штукенбергъ. *Дятельность*. № 34—36.

54. Новый видъ ископаемой лошади очень малаго роста (небольш. ст.). *Космосъ*. № 12.

55. Геогностическое описаніе нижне-силурийской и девонской системъ С.-Петербургской губ. Иванъ Бокъ. *Горный Журналъ*. № 4; стр. 178—177.

56. Черты геогностическаго строенія юго-восточн. угла Московскаго бассейна. Венецкій. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 42—52.

57. Нельзя ли сказать о геогностикотопографической системѣ въ западной части Донецкаго вѣдра и тѣхъ условіяхъ, при которыхъ мы находимся, въ началѣ 1869 года; относительно надежду на развѣтвіе на югѣ каменноугольнаго дѣла. Н. Д. Борисякъ. *Харьковскія губ. вѣд.* № 9, 10, 11, 12 и 13.

58. Петрографическій очеркъ

остр. Валамо. А. Иностранцевъ. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 52—62.

59. О Кавказскихъ глетчерѣхъ вообще и въ особенности о глетчерѣ Девдорокъ. Статья Э. Фавра. *Горный Журналъ*. № 4; стр. 39—60.

60. Девонскія окаменѣлости въ окрестностяхъ Сандомира въ Польшѣ. *Горный Журналъ*. № 4; стр. 64—67.

61. Къ геологій Польшы. *Горный Журналъ*. № 4; стр. 178—189.

62. Новѣйшіе успѣхи геологій. Рѣчь г. Данпарана въ французскомъ геолог. обществѣ. *Горный Журналъ*. № 2; стр. 221—309.

63. Отношенія напластованія третичныхъ слоевъ между Величкой и Бохней. Ф. Феттерле. *Горный Журналъ*. № 4; стр. 61—63.

64. Геологическія изысканія въ Китаѣ, Монголіи и Японіи. *Извѣстія Импер. Русск. Географ. Общ.* Т. 5. № 1; стр. 32—36.

65. Пещера Антипароса. *Иллюстрированная Газета*. Т. 23. № 15.

4. ФИЗИКА И ХИМИЯ.

66. Уроки изъ физики. Н. Шликинъ. *Педагог. Обзоріе*. № 2; стр. 31—38.

67. Уроки физики. В. фонъ-Боолъ. *Учитель*. № 2, 3, 5, 6, 9 и 10.

68. Популярныя лекціи Дж. Тиндала. Перев. Ф. Петрушевскаго. Спб. 1869. (Рецензія). *Дѣло*. № 3; стр. 81—86.

69. Механическая теорія теплоты. *Космосъ*. № 4, 6, 7, 9, 10, 12 и 14.

70. Какъ составляются учебники физики. (Руководство физики для гимназій А. Малинина. Москва. 1868). *Космосъ*. № 3.

71. Езъ ученію о поглощеніи газомъ водомъ. Ф. Заваржинъ. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.* стр. 100—104.

72. Объясненіе алектродитического закона Фарадэ. *В. Лисенко. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 49—51.

73. Способы и приборы для опредѣленія полюсовъ магнитовъ и алектромагнитовъ. *Ф. Петрушевскій. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*, стр. 109—124.

74. О спектральныхъ свойствахъ безжелезнаго гематита. *Д. Попова. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 172—176.

75. О спектрѣ пламени пульверизованнаго скинидара. *Е. Чеховичъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 104—107.

76. Показатели преломленія и дѣлительности стекловиднаго тѣла и водяной жидкости. Студ. *И. Еиселевъ. Медицинскій Вѣстникъ*. № 4.

77. О явленіяхъ, производимыхъ прошедшимъ сквозь мална отверстиемъ свѣтомъ. *И. Полетика. Горный Журналъ*. № 1; стр. 65—102.

78. О замѣненіи правила Ампера другимъ болѣе простымъ и болѣе удобнымъ въ практич. приложеніяхъ. *Гр. Волболицъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 107—109.

79. Исторія химическихъ доктринъ со времени Лавуазье до нашихъ дней. Соч. *Ад. Вюрца. Космосъ*. № 10—16.

1) Лавуазье. 2) Берцалиусъ. 3) Лоранъ и Жераръ.

80. О курсѣ химіи для нашихъ реальныхъ гимназій. (По поводу программы химіи для Кавказскихъ реальныхъ гимназій). *М. Малиоранскій. Учитель*. № 9 и 10; стр. 299—318.

81. Популярныя и учебныя книги по химіи. *М. Малиоранскій. Учитель*. № 2, 3, 5 и 6.

82. О новостяхъ по металлургіи и химической технологіи. *Г. Львова. Записки Русск. Технич. Общ.* Вып. 1 и 2.

83. Земледѣльческая химія Ро-

берта Гоффмана, съ дополненіями А. Энгельгардта. Спб., 1868. А. Астауровъ. *Труды Импер. Воин. Эконом. Общ.* Т. 1, вып. 6; стр. 478—500.

84. Уставъ Русскаго химическаго общества. *Горный Журналъ*, № 3; стр. 552—554.

85. Отчетъ о занятіяхъ лабораторіи горнаго департамента за 1865, 1866 и 1867 года. *Горный Журналъ*. № 4; стр. 67—125.

86. Извѣстія лабораторіи проф. Энгельгардта въ С.-Петербургѣ. О нитро-сѣрно-толуоловой и аспидо-сѣрно-толуоловой взрывчаткахъ. Студ. *Бекъ. Журн. Русск. Химич. Общ.* Т. 1, вып. 2 и 3; стр. 77.

87. Анализы воды источниковъ въ предѣлахъ г. Харькова и ближайшихъ его окрестностей. Студ. *И. Турбинъ. Протоколы засѣданій совета Импер. Харьковскаго университет.* № 2, стр. 3—24.

88. Наблюденіе надъ дѣйствіемъ динхонина. *В. Алабратъ. Медицин. Сборникъ*. Изд. Кавказск. медиц. общ. № 6; стр. 115—125.

89. О дѣйствіи хлора на толуоль. *Ф. Вейльштейнъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 17—21.

90. О продуктахъ дѣйствія паровъ брома на серебряныя соли кислотъ: масляной и валерьяновой. А. Бородитъ. *Журналъ Русск. Химич. Общ.* Т. 1, вып. 1; стр. 31—32.

91. Важнѣйшіе отнрсительно очищенія и измельченія графита по способу Броди. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 79—80.

92. Вліяніе давленія на химическія явленія. *Космосъ*. № 13.

93. Мнѣніе Бертелло по поводу вслѣдованій Кальета надъ вліяніемъ давленія на химическіе процессы. *Космосъ*. № 15.

94. О нахожденіи шабазовой кислоты въ Богородицкомъ камен. углѣ

и о гидроскоп. свойствах камен. углей. *Ф. Вредель. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 22—28.

95. О ксиленолѣ и его производныхъ. *Э. Вроблевскій. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 29—33.

96. О броженіи. Профес. *Г. А. Гвартовскій Московск. Универ. Извѣстія. № 1*; стр. 36—101 и *Московск. Медич. Газета. № 9—16.*

97. Объ употребленіи хлористаго калція при анализѣ силъкатовъ. *П. Ильенковъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 34—39.

98. Мнѣніе *С.-Дьеръ Девилл* о температурѣ и яркости пламени въ связи съ вѣшнимъ давленіемъ. *Восмосъ. № 10.*

99. Сообщенія *А. Крупскаго* (по химіи). *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 88—95.

100. О химическомъ составѣ оваленныхъ губокъ, встрѣч. въ мѣловой формациі. *Костычевъ и Марирафъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 29—30.

101. О бромнитробензолѣ. *Б. Лисенко. Журналъ Русск. Химическ. Общ. Т. 1, вып. 2 и 3*; стр. 54—59.

102. О дѣйствіи смѣси брома и іода на нитробензолъ. *Б. Лисенко. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 52—56.

103. Въ исторіи основныхъ монои поли-металлич. солей и ихъ производныхъ. *Т. Лоначевскій-Петруляка. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 40—48.

104. Изъ лабораторіи проф. Энгельгардта въ Сиб. Объ изомерныхъ сѣрно-толуидиновыхъ кислотахъ. *И. Мальшевъ. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1, вып. 2 и 3*; стр. 86—91.

105. О новомъ углеводородѣ изъ каменноугольнаго дѣгтя. *Ю. Фришье и Д. Менделѣевъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 71—73.

106. Соотношеніе свойствъ съ атомнымъ вѣсомъ элементовъ. *Д. Менделѣевъ. Журналъ Русск. Химическ. Общ. Т. 1, вып. 2 и 3*; стр. 60—77.

107. О нитридахъ. *Д. Менделѣевъ. Кетонъ мефилъ амилный, кетонъ мефилъ эфирный и эфиръ димефилъ-карбиноль. А. Поповъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 56—66.

108. О дѣйствіи піанокислаго калія на амидовислоты и ихъ производныя. *Н. Мениуткинъ. Журналъ Русск. Химическ. Общ. Т. 1, вып. 2 и 3*; стр. 38—53.

109. Нитроглицеринъ; его добываніе, свойства и употребленіе, съ чертежемъ. Статья *Ngf. Инженерный Журналъ. № 2*; стр. 357—404.

110. Прямое и обратное химическое дѣйствіе. Чтеніе *Одлинга. Космосъ. № 9.*

111. О соединеніяхъ титала и вѣобія. Статья *Б. Л. Горный Журналъ. № 2*; стр. 374.

112. О составѣ ванадовыхъ соединеній. Статья *Б. Л. Горный Журналъ. № 2*; стр. 378.

113. Отношеніе водорода къ палладіуму. *Космосъ. № 8.*

114. О строеніи янтарной кислоты. *Ю. Рихтеръ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 67—70.

115. Скорость окисленія въ артеріальной крови. *Космосъ. № 4.*

116. Второе сообщеніе объ открытіи и объ опредѣленіи количественнаго содержанія іода въ жидкостяхъ. *Г. Струве. Медицин. Сборникъ. Изд. Кавказск. Медич. Общ. № 6* стр. 17—21.

117. Дѣйствіе сѣрнистой кислоты на растворы металловъ, осаждающихся изъ кислой жидкости отъ сѣрнистаго водорода въ присутствіи кислаго раствора хлористаго олова. *Н. Федоровъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 76—77.

118. Замѣчаніе о способѣ Вергера для анализа пароваго остатка. *Н. Федоровъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 77—78.

119. Опредѣленіе всего количества углерода въ чугунахъ, желѣзѣ и стали. *Н. Федоровъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 78—79.

120. Опыты надъ кремнекислою известью. *А. Р. Шульченко. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 73—76.

121. О бензойно-параоксибензойной кислотѣ. *А. Эмелгардтъ и П. Лачиновъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 80—86.

122. Исслѣдованіе надъ тимолею. *А. Эмелгардтъ и П. Лачиновъ. Журналъ Русск. Химич. Общ. Томъ 1, вып. 1*; стр. 12—30.

123. О химическомъ составѣ окаменѣлыхъ деревьевъ и костей, встрѣчающихся въ мѣловой формаціи. *А. Эмелгардтъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 24—29.

5. БОТЪСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ, ЗООЛОГІЯ, БОТАНИКА И МИНЕРАЛОГІЯ.

124. Замѣтки о пелагической фаунѣ Чернаго моря. *Ил. Мечниковъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 267—270.

125. Замѣтка о фаунѣ Чернаго моря. Проф. *И. Маркузенъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 176—179.

126. О географическихъ предѣлахъ фауны Финляндіи. Проф. *Ф. Мерклинъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 169—175.

127. Матеріалы для сравнит. зоографіи Понта. *В. Чернявскій. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.* стр. 17—136.

128. Описаніе нѣкоторыхъ животныхъ изъ элементарнаго курса зоологій. *К. Сентъ-Илеръ. Педагогическій*

Сборникъ. кн. 1; стр. 78—104. и кн. 3; стр. 256—288.

129. Живныя многоклеточныя животныя. *Домашняя Библиотека. № 1*, стр. 1—36.

130. Современное состояніе науки о развитіи животныя (эмбриологіи). *И. съжиковъ. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія. № 3. Т. 142, отд. 2*; стр. 158—186.

131. Замѣтка о трехклеточной свиньѣ. *Иос. Мардаскій. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 187—190.

132. Слово. *Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 16*.

133. Вегетоты. *Животный Сборникъ. Т. 6, вып. 3*; стр. 90—92.

134. Охотничья гонимыя. *Животный Сборникъ. Т. 6. № 4*; стр. 108—109.

135. Хорька. *Животный Сборникъ. Т. 6, вып. 3*; стр. 79—82.

136. Бреть. *Всемирная Иллюстрація. Т. 1, № 17*.

137. Архивныя разномыслія объ изображеніи несуществующаго вынѣ животнаго *Rhynchus borealis*. *Акад. П. Пекарскій. Приложеніе къ 15-му т. Записокъ И. Ак. Наука. № 1. Сиб. 1869. 8°—33 стр. съ чертежемъ.*

138. О лейдиговскихъ органахъ на слязкахъ разноногихъ раковъ. *Ф. Яржисскій. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 311—318.

139. О слязкахъ наѣбкомныхъ. Статья *О. Гримма. Записки И. Акад. Наука. Т. 15, кн. 1*; стр. 71—78. (Съ рисункомъ).

140. О доволныхъ эмбріяхъ, находящихся въ Россіи. *А. Штраухъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 271—298.

141. О новой породѣ хвостатыхъ лягушекъ. Проф. *Э. Баллонъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 216—217.

142. Замѣтки о содержаніи 2-го н.

3-го отдѣла моихъ сообщеній о морскихъ коровахъ. *Ф. Брандта. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 211—216.

143. Новые книги. Луи Фигье. Жизнь насекомыхъ. *Всемирн. Иллюстрація. Т. 1. № 10.*

144. О безножовочныхъ животныхъ Харьковск. губ. Проф. А. Черный. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 180—184.

145. Замѣтка о соображающей полости у нагнотичныхъ. А. Вржеснитовскій. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 161—168.

146. Картофель и живущія на немъ насекомыя. *Дятскій Садъ. № 1.* (Январь и Февраль); стр. 126—136.

147. Щетинкожогіе черви Севастопольской бухты. Н. Бобринскій. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 137—160.

148. О яругиныхъ червяхъ, паразитирующихъ въ пищеварит. каналѣ таракана (*Blatta*). Г. Радковичъ. *Протоколъ засед. общества Н. Харьковск. унив.* № 3; стр. 1—18 и I—III.

149. Аппаратъ, запаивающій дыхальце таракана. Статья О. Гриммъ. *Записки И. Акад. Наукъ. Т. 15, кн. 1-я*; стр. 79—80.

150. Наблюденія надъ тарантуломъ, водящемся въ Россіи. Н. Виллеръ. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 240—262.

151. Новый паразитъ на тѣлѣ мухъ. Докт. Брюксъ. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 185—187.

152. Объ одномъ колоніальномъ свѣтл. лектѣ. Ил. Мечниковъ. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 263—266.

153. *Hyalosoma dux*, новая форма изъ группы *Daphnida*. Н. Вандеръ. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 215—240.

154. Био-географическій очеркъ теререва полевого. *Модестъ Бодановъ.*

Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 190—210.

155. Новый обитатель для дѣтскихъ гѣсовъ. Объ нѣмецкаго. В. Леопольдъ. *Всесвітн. № 59.*

Здѣсь говорится о холлатомъ переносѣ.

156. Упавшій совн. *Всемирная Иллюстрація. Т. 1. № 10.*

157. Журавль. *Иллюстрир. Газета. № 4.*

158. Австраліійскій зимородѣкъ. *Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 16.*

159. Королекъ, птичка (*macailla regulus*). *Иллюстрир. Газета. № 9.*

160. Урожи элемент. ботаники. Д. Оливеръ. Спб. 1869. (Разборъ П. Г.). *Дѣло. № 4*; стр. 47—49.

161. Лекарственныхъ растенія Южной Россіи. П. Пантмоховъ. *Всесвітн. № 23, 24, 25 и 28.*

162. Замѣтка о растительности Забайкальскаго края. А. Кубаковъ. *Вѣстникъ Росс. Общ. Садоводства. № 2*; стр. 147—150.

163. Простонародныя названія растеній въ Тверской губ. Собраніи К. Пунаревичъ въ 1868 году. *Тверскій губ. вѣд. № 33.*

164. О некоторыхъ явленіяхъ растительной жизни. Софійа Дмитриева. *Семейные Вѣщера. (Старшій возрастъ). № 1*; стр. 13—22.

165. Обзорніе сѣменныхъ и высшихъ спорныхъ растеній, входящихъ въ составъ флоры Кіевскаго уч. округа. А. Роговичъ. *Университетскій. (Кіевскій) Известія. № 2, 3 и 4*; стр. 145—176—200 и 201—222.

166. Описаніе аппарата для изслѣдованія дѣйствія искусствен. свѣта на растенія. А. Фалитычъ. *Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 95—97.

167. Прѣборъ для изслѣдованія воздушн. питанія листьевъ и примѣненія искусствен. освѣщенія къ изслѣдова-

нiямъ подобнаго рода. *В. Тимирязевъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 74—80.

168. О влiянiи свѣта на нѣкоторыя высшiя споровыя растенiя. *И. Бородинъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 59—74.

169. О восходящихъ осяхъ нѣкоторыхъ яросей. *Н. Кауфманъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 18—23.

170. Замятка о развитiи зооспоръ у водорослей. *Я. Вальцъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 34—40.

171. О развитiи зигоспоръ у *Closterium Lunula*. *Я. Вальцъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 41—45.

172. О строенiи листьевъ у луговика и др. злаковъ. *С. Карельщикова. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 81—94.

173. О самостоятельной жизни гонидiевъ лишаевъ. *О. Баранский. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 45—58.

174. О дѣйствии земнаго притяженiя на пласмодии слизистыхъ грибовъ. *С. Розановъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 97—110.

175. О влiянiи климата на возрастанiе сосны и ели. *А. Бекетовъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.*; стр. 111—163.

176. Оротавскiй драконникъ. Читано Алексѣемъ Петунниковымъ. *Московск. Университ. Извѣстiя. № 2*; стр. 169—181.

177. Араукария и Веллингтонiя. *Иллюстрир. Газета. Т. 23, № 11.*

Два новыхъ вида хвойныхъ деревьевъ.

178. Свѣдѣнiя о базальтѣ, находящемся въ Ровенскомъ у. Волынской губ., употребл. на ремонтъ шоссе. Инженеръ-Полковникъ *Казнаковъ.*

Журналъ Минист. Путей Сообщ. Кн. 1; стр. 2—3.

179. Сѣрнокислый натръ въ 11-й бригадѣ войска Кубанскаго. *О. Кузнецовъ. Кубанскiя войск. вѣд. № 8.*

180. Сборникъ вновь открытыхъ и вновь изслѣдованныхъ минераловъ. *Д. Пламеръ. Горный Журналъ. № 2*; стр. 353.

181. Новый металлъ гидрогенiй. *Современная Литтопись. № 5.*

182. Кристаллическая форма азобензида. *П. Алексеевъ. Журналъ русск. химическ. общ. Т. I, вып. 2 и 3*; стр. 91—92.

6. АНТРОПОЛОГIЯ, ФИЗIOЛОГIЯ И АНАТОМIЯ.

183. Антропологи въ Европѣ и ихъ современное значенiе. *Отечест. Записки. № 3. Т. 183 (т. 8), отд. 2*; стр. 1—51.

184. Антропология первобытныхъ народовъ. Т. Вайцъ. Т. I. Вып. 1. М. 1867. (Статья П. Т.). *Дѣло. № 4*; стр. 29—42.

185. Современные вопросы антропологии. Изд. Ламанскаго, Годъ 1-й и 2-й. (Разборъ П. Т.). *Дѣло. № 4*; стр. 42—47.

186. Единство физическаго и нравственнаго космоса. *М. Антоновичъ. Космосъ. № 1 и 2.*

187. Смѣшанныя человѣч. расы. (Изъ отчета Катрфажа объ успѣхахъ антропологии во Францiи, за послѣднiя 20 лѣтъ). *Космосъ. № 11.*

188. Роскошный пиръ московск. науки. (Сборникъ антропол. и этнограф. статей о Россiи, изд. В. Дашковымъ. Кн. 1. М. 1868). *Отеч. Записки. № 1. Т. 182 (т. 7), отд. 2*; стр. 280—306.

189. Человѣкъ и обезьяна. *Современная Литтопись. № 13.*

190. Материалы для физиологии жи-

ровой ткани. Диссертація В. Субботина, Університ. Извѣстія. № 4; стр. 1—71.

191. Обь организаціи кровяного свертка при перевязкѣ сосудовъ. М. Чаусовъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 119—122.

192. О переходѣ глазъ человѣческихъ изъ одного типа строенія въ другой. В. Добровольскій. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 27—35.

193. Обмѣнъ веществъ и дѣятельность въ живомъ организмѣ. Космосъ. № 2, 3, 5, 8 и 11.

194. Къ физиологійи сосудо-двигательныхъ нервовъ. Я. Дедюлинъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 156—171.

195. Къ вопросу обь участіи костныхъ тѣлъ въ развитіи новообразованій. М. Лавдовскій. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 123—130.

196. Почему желчь, попадая въ желудокъ, портитъ пищевареніе. (Небольш. статьяка). Космосъ. № 5.

197. Долгій сонъ. Сынъ Отечества. № 10 (воскр. №).

198. Скорость психическихъ процессовъ. Космосъ. № 6.

199. Физическія силы и мысль. Отрывокъ изъ рѣчи Гиндаля. Космосъ. № 7.

200. Физиологическое дѣйствіе мясного бульона. Космосъ. № 2.

201. Дополженіе въ анатоміи основанія черепа. Извлеченіе изъ статьи д-ра В. Грубера. Записки Имп. акад. наукъ. Т. 15. Кн. 1; стр. 107—111.

202. Форма черепа первобытнаго человѣка. Космосъ. № 2.

203. Обь отношеніи количества мозга въ массѣ тѣла у различныхъ животныхъ. А. Брандтъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 57—68.

204. Сравнительный вѣсъ головного мозга мужчинъ и женщинъ въ различные періоды жизни. Космосъ. № 7.

205. Относительная величина различныхъ долей полушарій головного мозга у человѣка и обезьяны. Космосъ. № 2.

206. Сосуды и нервы барабанной перепонки. Моризъ Поттеръ. Военно-Медицинскій Журналъ. Ч. 104. Кн. 2; стр. 49—70.

207. Къ вопросу о слизистой оболочкѣ барабанной полости. М. Успенскій. Медицинскій Вѣстникъ. № 15.

208. Новое ученіе Гельмгольца о механизмѣ слуховыхъ косточекъ и барабанной перепонки, съ относящимся сюда клиническими замѣчаніями. Московская Медиц. Газета. № 9 и 10.

209. Механика слуховыхъ косточекъ. Исслѣдов. Гельмгольца. Космосъ. № 1.

210. Вліяніе перерѣза блуждающаго нерва п... vagus s. pneumogastricus и раздраженіе центр. его конца на процессъ дыханія. В. Бауеръ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 94—108.

211. Гистологическое изслѣдованіе строенія нервныхъ спящихъ узловъ. М. Усовъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 69—93.

212. О вліяніи нервовъ на отправленіе слюнныхъ желѣзъ. Проф. Ф. Навроцкій. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 36—44.

213. О мѣстѣ выхода сосудистыхъ нервовъ верхней конечности изъ спинного мозга. Д-ръ И. Ціонъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 45—50.

214. Исслѣдованіе о строеніи нервной системы эхиноринховъ. Ф. Эржисскій. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 298—310.

215. Къ физиологiи периферическихъ окончанiй блуждающаго нерва въ сердца. *П. Сушинскiй. Медицинскiй Вѣстникъ. № 1, 2 и 3.*
216. О скорости распространенiя электротома, въ проводникахъ и въ нервахъ. Док. *Сымахо. Московскя Медицинская Газета. № 2—4.*
217. Аппараты животныхъ для наступательныхъ и враждебныхъ движенiй. *В. Шумовскiй. Медицинскiй Вѣстникъ. № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 16.*
218. О влiянiи согрѣванiя мышцъ на ихъ механическую работу. Док. *Шумовскя. Востно-Медицинскiй Журналъ. Ч. 104. Кн. 4; стр. 115—156.*
219. Прибавленiе къ физиологiи мышечнаго окончанiя. *И. Тархановъ. Медицинскiй Вѣстникъ. № 8.*
220. Случай полного отсутствiя лѣвой почки и лѣваго мочеточника. *Московская Медицинская Газета. № 5 и 6.*
221. О мочевыхъ каналахъ. *Д. Ф. Риндовскiй. Востно-Медицинскiй Журналъ. Ч. 104. Кн. 2; стр. 84—91.*
222. Къ вопросу о струйчатыхъ клеточкахъ. *А. Леонтовичъ. Медицинскiй Вѣстникъ. № 12.*
223. Случай анализа спинно-мозговой жидкости человека. *Ар. Щербатовъ. Востно-Медицинскiй Журналъ. Ч. 104. Кн. 2; стр. 92—94.*
224. О началѣ лимфат. сосудовъ въ серозныхъ оболочкахъ. *Н. Афанасьевъ. Востно-Медицинскiй Журналъ. Ч. 104, кн. 1; стр. 1—48.*
225. Лимфатическiе сосуды почки. (Предварительное сообщенiе). *Д. Риндовскiй. Медицинскiй Вѣстникъ. № 3.*
226. О химическомъ строенiи и физиологическомъ значенiи Лецитина. *Ж. Даржонръ. Медицинскiй Вѣстникъ. № 13, 14, 15 и 17.*
227. Форма деленiя въ эмбриологiи *bothriocera* latii, въ доказательство прямого метаморфоза зародыша, леврятаго рiсничкави, въ индивидуумъ, достигшiй половой зрѣлости. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибавленiе къ терапiи *Reimithiasis*. *Д-ръ Кюль. Востно-Медицинскiй Журналъ. Ч. 104, кн. 2; стр. 71—83.*
228. Ороскiе близнецы. Сообщ. *д-ръ Неведничанскiй. Архивъ Судебн. Медицины. № 1 (мартъ), отд. 2; стр. 84.*
229. Untersuchungen aus dem physiologischen Laboratorium in Würzburg, v. Alb. Bezdold. *А. Доброславинъ. Востно-Медиц. Журналъ. Ч. 104, кн. 4; стр. 1—32.*
230. Нѣкоторые результаты нефротомiи и перевязки мочеточниковъ у змѣй (ужей). *Л. Дювернуа. Московск. Медицин. Газета. № 15 и 16.*
231. Исслѣдованiя о развитiи сѣмян. тѣлъ у нѣкоторыхъ животныхъ. *И. Мечниковъ. Труды 1-го съезда рус. естествоиспыт.; стр. 50—56.*
232. О развитiи и гистологическомъ строенiи рыбныхъ живчиковъ. Академ. *Ф. Овсянниковъ. Труды 1-го съезда русскихъ естествоиспыт.; стр. 177—186.*
233. Объ органахъ сѣчави Ивана червячка (*Lamprugis postilusa*). Академ. *Ф. Овсянниковъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 145—155.*
234. Исслѣдованiе механизма координацiи движенiй въ актѣ ходьбы и скачковъ у лягушки. *И. Тархановъ. Труды 1-го съезда русск. естествоиспыт.; стр. 130—139.*

XVI. ИСКУССТВА.

1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВЪ. ВЫСТАВКИ.

1. Замѣтки о художествѣхъ. *Вѣстникъ. С.-Петербургск. Вѣдомости.* № 14, 47, 79, 105 и 117.

2. Руководство къ исторіи искусствъ. *Ф. Кулсера.* (Редакція). *С.-Петербургск. Вѣдомости.* № 65.

3 и 4. Двадцатипятилѣтній юбилей Московск. Художеств. Общества. *С. Яковлева.* *Современная Лѣтопись.* № 1.

См. также статью *К. Герца* въ 10-мъ № того же журнала.

5. Общество изящныхъ искусствъ въ Одессѣ. *Серебрянниковъ.* *Новороссійскій Телеграфъ.* № 12 и 13.

6. Годовой отчетъ общества изящныхъ искусствъ. *Одесскій Вѣстникъ.* № 86.

7 и 8. Выставка художественныхъ произведеній и рѣдкостей. Статья *С. Всемирная Иллюстрація.* Т. I, № 14 и 18.

См. также *Голосъ.* № 72 (статья *Л. П—на.*).

9. Христіанскій музей въ Академіи Художествъ. *Голосъ.* № 31.

10. Очерки древняго міра. (Три произведенія античнаго искусства). *Учитель.* № 9 и 10; стр. 319—323.

11. Наши художест. дѣла. *В. Отасова.* *С.-Петербургск. Вѣдомости.* № 29, 36, 39 и 43.

2. СЦЕНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО. БИОГРАФИИ И НЕКРОЛОГИ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ АРТИСТОВЪ.

12. 1868 годъ въ драматич. и музык. отношеніяхъ. Статья *М. Б—на.* *Свѣ. Пчела.* № 2.

13. Театральная лѣтопись. *М. Р.*

Сынъ Отечества. Помѣщалась востановлено.

14. Казенный театръ. *Ларош.* *Современная Лѣтопись.* № 7.

15. Нѣсколько словъ о современном состояніи Московск. театра. *Москвич.* *С.-Петербургск. Вѣдомости.* № 46 и 58.

16. Московскій театръ. Бенефисъ Садовскаго, (Горячее сердце, Островскаго). *Современная Лѣтопись.* № 4.

17. Московскій театръ. Бенефисъ г. Шунскаго. *В. Родиславскій.* *Современная Лѣтопись.* № 8.

18. По поводу Одесскаго театра. *А-ръ Серебрянниковъ.* *Новороссійскій Телеграфъ.* № 4.

19. Хорошее наше сцени. Статьи *А. Г—скаго.* *Нижегородскія губ. вѣд.* № 7.

20. Народный театръ въ Прагѣ. *Иллюстрированная Газета.* № 9.

21. Домашній спектакль учениковъ Виленской классической гимназіи. *В. В—скій.* *Виленскій Вѣстникъ.* № 26.

22. Еще нѣсколько словъ о солдатскомъ Кабардинскомъ театрѣ. Ст.*ва.* *Терскія Вѣдомости.* № 12.

23. По поводу статьи: „Еще нѣсколько словъ о солдатскомъ Кабардинскомъ театрѣ“. *Кегамова.* *Терскія Вѣдомости.* № 16.

24. Замѣчательное психологическое явленіе. *Дамрафъ.* *Кіевлянинъ.* № 14.

Объ игрѣ 10-ти лѣтн. дочери г. Чернышева въ нѣспол. пьесѣхъ.

25. По поводу постановки на нашей сценѣ новой комедіи Островскаго: „На всякаго мудреца довольно простоты“. Ст. *М. Кисляминъ.* № 4.

26—29. Горячее сердце, комедія Соч. Островскаго. Бенефисъ г-жи Линской, 29-го января. Ст. *К. Цепр—ва.* *Дѣятельность.* № 22.

См. также объ исполненіи этой пьесы: 1) въ *Сверст. Пчелѣ*. № 5 (Статья К.), 2) въ *Петербург. Жизнѣ*. № 7 и 3) въ *Петербург. Газета* № 17 (Статья ЗЗ).

30. **Сценки и тины:** нѣя комедія „Фроль Скабѣвъ“. *Восточная Иллюстрація*. Т. 1. № 7.

31—33. **Венефизъ** г-на Сафойлова. Комедія Аверкіева „Фроль Скабѣвъ“. Двѣ новыя пьесы. пьесы: фарсъ „Die Mottenburger“ и комедія „Kanonenfutter“. *Вирасская Видомости*. № 4.

См. также объ исполненіи комедіи Аверкіева: 1) въ *Свѣ. Пчелѣ*. № 1; 2) въ *Заря*. № 2; стр. 263—265. (Театр. записки Л. Н. А.—са.)

34. **Театральная новость.** Фроль Скабѣвъ. *Одесскій Выстникъ*. № 7.

35 — 38. **Венефизъ** г-жи Жулевой. Комедія Авдѣва „Мѣщанская семья“. *Вирасская Видомости*. № 20.

См. также объ исполненіи этой пьесы: 1) въ *Голосъ*. № 19; 2) въ *Отеч. Записки*. № 2. Т. 182; отд. 2; стр. 362—369 и 3) въ *Сверст. Пчелѣ*. № 3.

39. **Театральная гѣтонисъ.** Венефизъ Васильева 2-го „Черныя и бѣлыя“, сцены изъ современной жизни, въ 4-хъ картинахъ, В. Щиглева. *Сверстная Пчела*. № 9.

40. **Театральная хроника.** Расточитель, драма М. Стебницкаго. Статья П. *Современная Литонисъ*. № 1.

41 и 42. **Венефизъ** Нильскаго: „Наканунѣ сснлея“, ком. въ 3-хъ д. соч. Павловскаго; „Боль врача ищетъ“, ком. въ 1-мъ д. „Всѣ мы жадемъ любви“, фарсъ-оперетка, передѣланъ съ франц. Мих. Федорова. Статья К. *Сверстная Пчела*. № 7.

См. также статью Д. А. въ *Голосъ*. № 40.

43. **Театральныя замѣтки.** По поводу произведеній Дьяченко, Самарина, Стахѣва и новой комедіи Остров-

скаго: «На всякаго мудреца». Л. Н. А.—са. *Заря*. № 1; стр. 169—180.

44. **Театральное обзорніе.** Новая пьеса Островскаго: *Душия. Всемирная Иллюстрація*. Т. 1. № 7.

45. **Театральная гѣтонисъ.** Венефизы: г. Григорѣва и г-жи Жулевой. „Въ доброе старое время“, соч. актера Григорѣва и „Мѣщанская семья“, комедія г. Авдѣва. Вечера и спектакли въ клубѣ художниковъ. Статья К. *Сверстная Пчела*. № 3.

46. **Театральная гѣтонисъ.** „Seraphine“, ком. Сарду. „Въ западнѣ“, ком. Г. Майкова въ 1 д., перед. съ франц. *Сверстная Пчела*. № 4.

47. Ф. Г. Волковъ, основатель русскаго театра. Е. *Лескинъ. Русскія Видомости*. № 88 и *Дѣятельность*. № 30.

48—50. **Фикшнкта** Вестфали. *Иллюстр. Газета*. Т. 23. № 12.

Знаменитая драматическая актриса. См. также о ней: 1) въ *Голосъ*. № 112; 2) въ *С.-Петербург. Видомости*. № 114. (Статья В. Александрова).

3. **МУЗЫКА И ПѢНІЕ. БЮГРАФІИ И НЕКРОЛОГИ КОМПОЗИТОРОВЪ, МУЗЫКАНТОВЪ, ПѢВЦОВЪ И ПѢВЦІЦЪ.**

51. **Письма** М. И. Глинки къ К. А. Булгакову (съ нотами и примѣчаніями М. Н. Лопатова и кн. В. Ф. Одоевскаго). *Русскій Архивъ*. № 2; стр. 341—380.

52. **Наши музык. дѣла.** А. Н. *Орловъ. Голосъ*. № 119.

53. **Замѣтки** объ оперѣ. *Музыкальн. Соптѣ*. № 1 г 2.

54. **Хоръ церковныхъ пѣвчихъ** въ Харьковѣ. *Харьковскія изв. свѣд.* № 1.

55. **Музыкальныя замѣтки.** С.-Петербургск. *Видомости*. № 73, 78, 90 и 99.

56. **Музыкальныя замѣтки.**

М. Р. Сын Отечества. № 45 (будн. №).

57. Музыкальная хроника *Лароши. Современная Литтонис.* № 15.

58 и 59. Музыкальные заметки. Концерты русского музея. общества. Статья *Б. С.-Петербургск. Видности* № 39.

См. также статью г. *Тригорская* в *Вести.* № 92.

60. Музыкальная хроника. Обзор концертов русского музея. общества. *Лароши. Современная Литтонис.* № 4 и 9.

61. Исторический концерт. *Иллюстрир. Газета.* Т. 23. № 15.

62. Музыкальные материализмы. (По поводу 6-го концерта русск. муз. общества). *Тригорский. Вестн.* № 39.

63. Музыкальные вечера слепых и человекороб. общества. *Голос.* № 149.

64. Русская музыка. общество. в Воронеже. *Воронежский Телеграф.* № 14.

65. Киевская русская опера. Статья *В. . . . ю. Киевский Телеграф.* № 80.

66. Музыкальное общество в Пскове. Корресп. *М. Всемирн. Иллюстрация.* Т. 1. № 7.

67. Неделя в музыкальной жизни Одессы. Статья *Л. Одесский Вестник.* № 83.

68. Сердечное участие. Статья *В. С. Сибиряк. Видности.* № 112.

О бесплатной муз. школ.

69. Дело музыкального образования. *Новое Время.* № 29.

70. Обзорные балетного сезона. *С. Н. Х. Петербургский Листок.* № 85.

71. Концерт славян и итальянцев 31-го марта. *Н. Павловский. Москов. Видности.* № 72 и 74.

72. Реквиемъ Берлиоза в Москве. *Лароши. Московск. Видности.* № 73.

73. Музыкальные известия. *Н. Павловский. Московск. Видности.* № 85.

Реквиемъ Берлиоза. Нанхида в

намять кн. В. Ф. Одоевского. А. Р. Осбергъ.

74. По поводу Роггиди. *Лароши. Современная Литтонис.* № 2.

См. также *Русский Видности.* № 2.

75 и 76. Музыкальная хроника. Новая русская опера. „Восход“; и Чайковского. Бенефисъ г-жи Мещаниновой 30 января. *Лароши. Современная Литтонис.* № 6.

См. также *Русский Видности.* № 39.

77. Петербургские театры (Донъ Карлосъ, опера Верди. Дебютъ Патти). *Отеч. Зависки.* № 1. Т. 182. Т. 7. отд. 2; стр. 156—175.

78—82. Нижегородская опера. Направителка. *Всемирн. Иллюстрация.* № 3 и 6.

См. также оглаш. объявтой оперы:

- 1) в *Вирзее. Видн.* № 10. (Оглаш. II. М.); 2) *Голос.* № 211. (Оглаш. Н.); 3) *Сибирь. Видн.* № 3 (Статья Н.); 4) *Отеч. Зависки.* № 1. Т. 182, отд. 2; стр. 156.

83—83. Вильгельм Раткинъ, опера въ 3-хъ д. г. Кюн—Н. *Римский-Корсаков. Сибирск. Видности.* № 53.

См. также оглаш. объявтой оперы:

- 1) в *Вирзее. Видности.* № 59.
- 2) *Всемирн. Иллюстрация.* Т. 1. № 8 и 10. (Статья Н. Г.). 3) *Вестникъ Европы.* № 3. Т. 2 стр. 462—465. (въ хроникѣ); 4) *Голос.* № 47 и 57; 5) *Петербург. Газета.* № 27. (Статья В.—ва); 6) *Петербург. Листок.* № 28. (Статья А. М.—ва); 7) *Сибирь. Видности.* № 86. (По поводу статей объ оперѣ г. Кюн. Г. *Мюндосов*); 8) *Сынъ Отеч.* № 17. (Статья М. Р.); 9) *Сво. Пчела.* № 7. (Статья Ш.); 10) *Отеч. Зависки.* № 3. Т. 183. отд. 2; стр. 142.

84. Нюрнбергские нейстерингеры. Опера Рихарда Вагнера. Статья *Б. Т.—а. Русскія Видности.* № 19.

96. Первое представление оперы Г-жи Биардо въ Веймарѣ. *Из Тургеневъ: С.-Петербургскія Ведомости.* № 110.

96—98. Джованни Россини и его время. Статья Л. П. Выстника *Европы.* № 1. Т. 1, стр. 285—311.

См. также его биографію: 1) во *Всемирн. Иллюстраціи.* Т. 1. № 1. 2) въ *Семейн. Вечерахъ* (Старшій возрастъ) № 4 и 5.

99—101. Некрологъ. А—ръ Серг. Даргомыжскій. Статья ***. *С.-Петерб. Ведомости.* № 6.

См. также некрологи: 1) въ *Голосъ.* № 7.—2) въ *Виржев. Видомостяхъ.* № 27. (Статья М. П.)—3) во *Всемирн. Иллюстраціи.* Т. 1. № 2.

102 и 103. Похороны А. О. Даргомыжскаго. Н. Соковнина. *Московск. Ведомости.* № 12.

См. также *Голосъ.* № 10.

104. Два слова объ А. С. Даргомыжскомъ. *Литтисъ.* Современная *Литтисъ.* № 6.

105. Писатель по призванію. Статья В. С. С.-Петербург. *Видомости.* № 24.

По поводу ст. А. Н. Сарова о Даргомыжскомъ.

106. Въ портрету А. С. Даргомыжскаго. Статья Н. Г. *Всемирная Иллюстрація.* Т. 1. № 6.

107. Памяти Даргомыжскаго. (Отихотъ.) *Сынъ Отечества.* № 8. (воскр. №).

108. Вечеръ въ память Даргомыжскаго. *Голосъ.* № 77.

109. Петербургскіе театры. Нѣсколько словъ въ память покойнаго А. С. Даргомыжскаго. Камен. гость. Patti—mania. *Отеч. Записки.* № 3. Т. 183, (т. 8); отд. 2; стр. 142—162.

110. Шопенъ. *Иллюстрир. Газетъ.* Т. 23. № 11.

111—113. Гензоръ Вердіовъ. (1803—1869) (съ портретомъ). Статья

Н. Г. *Всемирная Иллюстрація.* Т. 1. № 15, и 16.

См. также о Вердіовъ, статьи: 1) въ *Иллюстрир. Газетъ.* Т. 23. № 12 и 2) въ *Сынъ. Пчелъ.* № 11. 114—116. Александръ Дрейшокъ. Некрологъ. *Современная Литтисъ.* № 12.

Род. 1818 г., умеръ 1-го апр. 1869 г. См. также его некрологи: 1) въ *С.-Петерб. Видомостяхъ,* № 85 и 2) въ *Голосъ.* № 88.

117. Музыкальная хроника. Генрихъ Вѣнявскій. Статья *Бемоль.* *Новороссійскій Телеграфъ.* № 66.

118. Германъ Унтанъ (безрукій скрипачъ). Статья А. С.—а. *Семейные Вечера.* (Старшій возрастъ) № 1; стр. 58—59.

119—121. Аделина Патти. *Всемирная Иллюстрація.* Т. 1. № 4.

См. также статьи о Патти: 1) въ *Голосъ.* № 26 (Статья Н.) 2) въ *Иллюстрир. Газетъ.* Т. 23. № 2.

122. Специальное изслѣдованіе постановки, выработки и голосовыхъ средствъ Аделины Патти. *Ростиславъ.* *Голосъ.* № 30.

123. Паулина Лукка (съ портретомъ). *Всемирная Иллюстрація.* Т. 1. № 2.

124. Дебютъ Г-жи Александровой. Статья Н. Я. Г. *Вистъ.* № 40.

125. Д. А. Славянскій. Статья Н. У. *Воронежск. Телеграфъ.* № 28 и 29.

126. Г-жа Лавровская передъ судомъ г. Стасова. *Недѣля.* № 15.

127. Г-жа Чхатау передъ судомъ г. Стасова. *Дѣло.* № 4; стр. 93—97.

Съ неск. берега. Статья Анонима.

128. Генриета Доръ. (Съ портретомъ). *Всемирная Иллюстрація.* Т. 1. № 2.

129. Огюстина Деверіа. *Иллюстр. Газета.* Т. 23. № 6.

4. СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И ФОТОГРАФИЯ, БИОГРАФИИ И НЕКРОЛОГИ.

130. Иисусъ Христосъ и св. Іоаннъ Богословъ. (Статуя Торвальдсена). *Всемирная Иллюстрація*. Т. 1. № 13 и 14.

131. Памятникъ Богдану Хмельницкому. М. Юзефовичъ. *Дьявольность*. № 5.

132. Статуя Карла XII въ Стокгольмѣ. *Всемирн. Иллюстрація*. Т. 1. № 6 и *Иллюстрир. Газета*. № 9.

133. Статуя св. Кирилла и Мефодія въ Прагскомъ Тынекомъ соборѣ. *Всемирная Иллюстрація*. Т. 1. № 13.

134. Н. И. Диберихъ и его бронзы. *Всемирная Иллюстрація*. № Т. 1. № 8.

135. Серебряный самоваръ по рисунку Монигетти. *Всемирн. Иллюстрація*. Т. 1. № 14.

136. Новѣйшая школа русской живописи и скульптурн. *Сверстная Пчела*. № 1.

137. По поводу одной великопостной выставки. Статья С. С.-Петербург. *Вѣдомости*. № 100.

Здѣсь говорится о выставкѣ общ. поощр. художниковъ.

138. Выставка картинъ художника Зичи. *Голосъ*. № 106.

139. Собраніе картинъ покойнаго митрополита Іосифа. *Современныя Известія*. № 6.

140. Замѣтки объ иконописныхъ компаніяхъ или артеляхъ. *Духовное Чтеніе*. № 3; стр. 89—91.

141. Объ иконописной въ Троицкой даврѣ. В. Латимъ. *Голосъ*. № 7.

142. Конпель, или кончелоѣ серебро, употребляющееся вмѣсто золота для иконописи въ сл. Мстарѣ и др. селеніяхъ. Вязниковск. у. Крест. И. Голышевъ. *Владимір. губ. вѣд.* № 17.

143. Одѣяніе, вооруженіе, мебель, утварь, и нѣкоторые другіе, такъ

назыв. аксессуарн въ церковной живописи. Сяичъ. В. *Владимірскій. Духовносл. Ученіе*. Ч. 1; стр. 43—58.

144. О двухъ картинахъ на Туркестант. выставкѣ, Вас. Верещагинъ. *Петербург. Листокъ*. № 54.

145. Нѣсколько словъ о картинахъ художника Красовскаго. *Любитель. Современныя Известія*. № 91.

146. Иллюстрированная библія г. Доре. Теодоръ Гебелъ. *Типографскій Журналъ*. № 13, 14, 15 и 16.

147. Двѣ новыя картины г. Боголюбова. *Голосъ*. № 100.

148. Сожрощица Импер. Эрмитажа. І. Са человекъ. (Ессе Ното). Картина Миккель-Анджело. *Всемирная Иллюстрація*. Т. 1. № 16.

149. Поклоненіе царей (съ картины Рубенса). *Всемирная Иллюстрація*. Т. 1. № 3.

150. Времена реформации. Картина Каульбаха. *Живописный Сборникъ*. Т. 6, вып. 3; стр. 78—79.

151. Святые жены у гроба Христа. (Картина Аниб. Караッチи). *Иллюстр. Газета*. Т. 23. № 16.

152. Приглажденный ученикъ. (Картина фламандской школы). *Иллюстр. Газета*. Т. 23. № 14.

153. Пиръ Вальтасара. Картина К. Отто. *Иллюстрир. Газета*. Т. 23. № 4.

154. Тицианъ. *Иллюстрир. Газета*. Т. 23. № 15.

155. Эдуардъ Гмидебрандтъ (нѣмецкій живописецъ). *Иллюстриров. Газета*. № 7. Т. 23.

156. Живописецъ Деланъ (съ портретомъ). *Вокрасный Досугъ*. № 312.

157. Августъ Родлакъ (живописецъ). *Живописный Сборникъ*. Т. 6, вып. 1; стр. 18—19.

158 и 159. Густавъ Доре (Paul Gustave Doré). *Всемирн. Иллюстрація*. Т. 1. № 15.

См. также *Иллюстрир. Газету*. Т. 23. № 11.

160. Гаварки. *Всемирная Иллюстрация*. Т. I. № 11 и 12.

161. Вейдеманн, Александръ Бгоровичъ, адъюнктъ-проф. И. акад. худож. *Русскій Инвалидъ*. № 27.

Умеръ 27 февр. 1869 года.

162. Воспоминаніе о Вас. Анд. Троицкииъ (художникъ). Статья—*са. Современ. Литтисисъ*. № 12.

163. Неуродогъ, Николай Семен. Шустовъ. Живописецъ. *Иллюстрир. Газета*. Т. 23. № 9.

164. А. Г. Венециановъ и его картина: Причащеніе умирающей. *Извѣстныи Сборникъ*. Т. 6 вып. 8; стр. 77.

165. Ижмошисецъ Ступицъ. Грамотный. Годъ 8. № 2; стр. 5—12.

166. Солиця, вѣтъ живописецъ и гравёръ. *Сѣверная Пчела*. № 7 и 9.

167. Окончательныи усовершенствованія въ свѣтописцѣ. *Сѣверная Пчела*. № 10.

168. Альбертотипія. *Сѣверная Пчела*. № 16.

5. АРХИТЕКТУРА, ПОСТРОЙКА ЖЕЛЕЗНЫХЪ ДОРОГЪ, ГИДРАВЛИЧЕСКІЯ ООРУЖЕНІЯ И ПР.

169. О тюремной архитектурѣ. Гр. Ва. Соллогубъ. *Современ. Литтисисъ*. № 6.

170. Зданіе Петербургскаго Эрмитажа. *Всемирная Иллюстрация*. Т. I. № 12.

171. Отель Базилевскаго въ Парижѣ. *Всемирная Иллюстрация*. Т. I. № 5.

172. Архитекторъ Гриниъ. *Иллюстрированная Газета*. № 4.

173. Фердинандъ Лессельеъ. *Иллюстрированная Газета*. Т. 23. № 12.

174. Краткій отчетъ по устройству Грушевской жел. дороги, съ 15 авг. 1860 по 1 янв. 1865. Инженеръ-подполковникъ Кусакоеъ. *Журналъ Мин. Путей Сообщ.* кн. 1; стр. 55—143.

175. *Annales des ponts et chaussées*.

Первая книжка 1867 г. *Н. Вѣстникъ. Журналъ Министр. Путей Сообщ.* кн. 1; стр. 1—24.

176. Работы по устройству тунеля черезъ гору Сенсъ. *Космосъ*. № 15.

177. Улучшеніе рѣкъ въ техническомъ отношеніи и результаты наблюденій на р. Одерѣ. Статья В. Рейнбома. *Журналъ Минист. Путей Сообщ.* кн. I; стр. 144—163.

178. По поводу статей объ Одесскомъ водопроводѣ. *Одесскій Вѣстникъ*. № 64.

179. Проектъ водоснабженія Одессы. М. Охридоеъ. *Одесскій Вѣстникъ*. № 65 и 66.

180. Ематерикославекій водопроводъ. Н. Герсегоноеъ. *Одесскій Вѣстникъ*. № 20.

181. По вопросу о водопроводѣ въ г. Херсонѣ. *Херсонскія губ. вѣд.* № 4, 5, 6 и 11.

182. Новочернаоескій водопроводъ. Н. Блелюбскій. *Журн. Минист. Путей Сообщ.* кн. 1; стр. 1—54.

183. Къ вопросу о постройкѣ мельницъ. Предостереженіе владѣльцамъ и арендаторамъ мельницъ. П. Исполтмосекскій. *Труды М. Воим. Эконом. Общ.* Т. 1, вып. 4; стр. 309—318.

184. Объ комонаекскихъ строительныи матеріалахъ. Подольской губ. *Подольскія губ. вѣд.* № 3 и 4.

185. Система домостроительства—одна изъ причинъ развитія пожаровъ въ деревняхъ. М. Михайлоекскій. *Новгородскія губ. вѣд.* № 6.

6. СТЕНОГРАФІЯ И ТИПОГРАФСКОЕ ИОУОСТВО.

186. Стенографія (или быстросписъ). А. Бувацкииъ. *Самарскій Стравочныи Листокъ*. № 12.

187. Полукторасталѣтній юбилей дома Брейтконфъ и Гершель. *Иллюстриров. Газета*. № 10.

188. Завадежіе Ф. А. Броздува въ Лейпцигѣ. *Иллюстриров. Газета*. Т. 23. № 2.

189. Ученіе о титульномъ наборѣ. *Дел. Мараренск. Типограф. Журналъ*. № 18—18.

190. Автоматъ - наборщикъ. *Щербинъ. Типографск. Журналъ*. № 17 и 18.

191. Гелиография въ Парижѣ. *Типографскій Журналъ*. № 17 и 18.

192. Вашицы, цилиндрическій и талерный красочные аппараты. *Типографскій Журналъ*. № 13 и 14.

193. Форматъ въ 18-ю долю листа. *Дел. Мараренск. Типограф. Журналъ*. № 15 и 16.

194. В. Ж. Прадъ. Некрологъ. *Типографскій Журналъ*. № 15—16.

7. ГИМНАСТИКА И ОХОТА.

195. Гимнастика въ подготовит. школѣ. *Федлевокая. Воронежскій Телеграфъ*. № 42.

196. Гимнастика въ Виленскомъ дух. училищѣ. *Св. І. Берлинъ. Виленскій Вѣстникъ*. № 48.

197. Различныя виды гимнастич. тѣлодвиженій. *Дюссова. Московск. Медич. Газета*. № 2—3.

198. Журналъ охоты и коннозав. Ред. А. Ф. Паули. *Отеч. Записки*. № 4. Т. 188 (т. 8), отд. 2; стр. 288—289.

199. Охота. Объ охотѣ вообще и о псовой охотѣ въ особенности. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 1.

200. О причинахъ уменьшенія дичи въ Россіи. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 4.

201. Замятка о весенней охотѣ въ Петербургской губ. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 6.

202. Уставъ Нижегородскаго обще-

ства охоты. *Нижегородскій губ. вѣд.* № 14.

203. Общество охотниковъ въ Казани. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 6.

204. Охота въ Кіевѣ. Статья С. П. Биселанинъ. № 31.

205. О полевыхъ и правилахъ псовой охоты, съ короткихъ пеленъ и дакъ. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 3.

206. Объ облавахъ вообще и объ охотѣ съ загонщиками. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 5.

207. Влагодрачичице для охоты вътрѣ. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 8.

208. Охота въ Индіи, наюра Л., прозваннаго старымъ охотникомъ, снѣжаная Жюльетъ Жарромъ. Переводъ съ франц. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8.

209. Тигръ. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 2.

210. Носорогъ и охота на него. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 7.

211. Вегемонъ и охота на него. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 8.

212. О волкахъ и охотѣ на нихъ въ Россіи. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 4, 5 и 6.

213. Охота на лосей. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 2.

214. Охота на зайцевъ съ быстрыми или зайчьи травля. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 1.

215. Глухой тетеревъ и охота на него. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 7.

216. Пингвинъ и охота на него. *Журналъ Охоты и Коннозаводства*. № 6.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ РУССКИХЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНИЯХЪ И СБОРНИКАХЪ.

Вторая и третья треть 1869 года.

І. БОГОСЛОВІЕ.

І. ЛИТЕРАТУРА БОГОСЛОВИЧЕСКИХЪ НАУКЪ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЕ УКАЗАТЕЛИ. КУР- ТИКА.

677. Библиографическіе очерки. 1) Небесный отецъ. Веседа о Богѣ и его отношеніи къ міру и чловѣку. Соч. Э. Нейля. Перев. къ франц. Спб. 1868. 2) Ижеуъ Христосъ и его время. Соч. Э. Прессаноз.—Веседа о воскресеніи Іисуса Христа. Соч. Гудара, перев. съ франц. Спб. 1869 г. (Разборъ) *В. І. Рождествовато. Христіанское Чтеніе.* № 5; стр. 774—801.

678. Библиографическій списокъ (книгъ дух. содержанія). Православн. Обзорніе. № 8; стр. 300—302, № 9; стр. 357—359, № 11; стр. 449—451 и № 12; стр. 485—486.

679. Записка объ ученихъ трудахъ пресвященнаго Юліана, бывшаго епископомъ Смоленскимъ, а прежде ректоромъ Спб. дух. академіи. *Т. В. Варсоѣ. Христіанское Чтеніе.* № 4. стр. 689—694.

680. Обзоръ заграничной литературы. 1) Христ. вѣроисповѣданіе. Ф. Рихтера. 2) „Религія“ Ошдошера. 3) Восточный коммерч. вопросъ. Бардел-

лоти. 4) Историч. заметки Египта. Л. Вассала. Статьи. *О. С. Новое Время.* № 156.

681. Замѣтки изъ нѣмецкой церковной журналистики и литературы. *В. Голубковъ. Христіанское Чтеніе.* № 6, стр. 948—977.

682. Обзорніе французской богословской журналистики. *Селищ. М. Я. Мерошкіна. Православн. Обзорніе.* № 5; стр. 718—731, № 6; стр. 853—871; № 9; стр. 279—300, № 10; стр. 419—426 и № 12; стр. 602—610.

683. Обзорніе духовныхъ журналовъ. *В. М.—овъ. Московскія смарк. ед.* № 88 и 48.

684. Журналь „Истина“, кн. 5 и 6, 1868 г. и кн. 7 и 8, 1869 г. Статья *В—а. Московскія смарк. ед.* № 28.

685. О сочиненіяхъ пресв. Иннокентія, предприн. М. Вольфомъ. (Библиогр. замѣтка.) *Одесск. Вѣстн.* № 290 и 289.

686. Библиографическая замѣтка. Православная вѣра, книга для религіозно—нравств. чтенія. Св. А. Смирновъ. М. 1868. *Владимирскія смарк. ед.* № 4; стр. 178—185.

687. Библиографическія замѣтки.

1) Собрание словъ В. Орлова. М. 1869, стр. 305—311.— 2) Полное собрание поучений Р. Путятина. М. 1868; стр. 312—318. *Воскресное Чтеніе.* № 13.

688. Книжные новости. Статья В. И. Лытвинина. *Ярославскія губ. езд.* № 42.

Евангеліе 13 в.—Синодикъ 17 в. Страсти Христовы. — Катихизисъ *Арх. Матвеевич.* — Певчѣныя прошлаго вѣка.

689. Первое присужденіе праміи преосвященнаго архіепископа Макарія, названной за учебники для духовныхъ семинарій. *Христіанское Чтеніе.* № 9; стр. 560—562.

690. Выборской богословскій словарь, В. Михайловскаго. (Рец.) Рук. для сельскихъ пастырей. № 45.

2. БОГОСЛОВІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

А. Священная исторія ветхаго и новаго заветовъ. Творенія св. отцевъ церкви.

691. Енохъ. (Изъгнание Адамова). *Бельмонтъ.* *Воскресное Чтеніе.* № 49.

692. Заветы (назательно Авраамъ и трехъ странниковъ, какъ говорится въ начаткахъ *Христіанскаго ученія*). С. I. *Кубаличъ.* Прибавленіе въ *Черниговск. стар.* извѣстнаго. № 24.

693. Шрекъ въ Египтѣ. И. Доброхотовъ. *Мірской Вѣстникъ.* № 6; стр. 25—30.

694. Гудейскія пророчества. *Владимірскія стар.* езд. № 17, 18 и 21.

Изъ книги «*Jesus Christ devant le siddé.*».

695. Юваъ, какъ честолюбецъ. Прот. *Матей Позднѣвъ.* *Орловскія стар.* езд. № 21.

Юваъ былъ поповодець у царя Давда.

696. О седмиднахъ Давидовыхъ. *Святенномучъ Павелъ.* *Душенюлевъ.* *Чтеніе.* № 12; стр. 369—377.

697. Чѣмъ угодили Богу ветхозавѣтные праотцы. *Воскресное Чтеніе.* № 23.

698. О книгѣ „Притчи Соломона“. *Кишиневскія стар.* езд. № 13, 14 и 15.

699. Образцы русскаго перевода священныхъ книгъ ветхаго заветъа съ греческаго перевода 72 толковниковъ. *Труды Киевской дух. академи.* № 3; стр. 249—268, № 4; стр. 37—70, № 5; стр. 71—101, № 6; стр. 103—118, № 7; стр. 118—143, № 8; стр. 145—170, № 9; стр. 171—200 и № 10; стр. 203—214.

700. Книги св. писанія ветхаго заветъа въ русскомъ переводѣ. Книга *Нееміи.* Гл. XI—XIII. Книга *Эсфирь.* Гл. I—X. Книга *Іова.* Дл. I. — XXX. *Христіанское Чтеніе.* № 3—7 и 12; стр. 653—692 и 1—70.

701. Два паремія изъ книги Бытія. *Св. Вас. Немецъ.* *Душенюлевъ.* *Чтеніе.* № 12; стр. 378—388.

702. Введеніе въ новозавѣтныя книги священнаго писанія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей архимандрита *Михаила.* Первая половина. Москва. 1869. Статья *М—ва* — *Московскія стар.* езд. № 21.

703. О евангеліи отъ *Матфея.* Статья *А. Е—кто.* *Дитовскія стар.* езд. № 21.

704. Древнее церковное сказаніе о Рождествѣ пресв. Богородицы. Статья *А. А. Воскресное Чтеніе.* № 21.

705. Сказанія о земной жизни Пресвятой Богородицы. Слб. 1869 года. *Равборъ В. Греческаго.* *Странника.* № 8; стр. 55—59.

См. также 1) «*Всерісную Иллюстрацію*» Т. I, № 14—2) *Христіанское Чтеніе.* № 3. Статья П. И. Н—ва.

706. Введеніе во храмъ пресв. Богородицы и пребыванія ея тамъ, по древнимъ церковнымъ сказаніямъ. Ст. *А. Воскресное Чтеніе.* № 31.

707. Волхвы въ Иерусалимѣ. Ст. А. С. Душполесн. *Чтеніе*. № 12; стр. 345—353.

708. Исусъ Христосъ, его время, жизнь и дѣло. *Килимасскія епарх. езд.* № 14, 17, 21, 22 и 24.

709. Исусъ Христосъ и его время. Соч. Эд. Прессансе. Перев. съ франц. Спб. 1869. Статьи *К-ва Церковнаго Литотиса Духовнаго Бесѣды*. № 116.

710. Исусъ Христосъ. (Лук. II, 8—12). *Валеттисъ. Воскресное Чтеніе*. № 41.

711. Исусъ Христосъ: на будъ сего міра. Епископъ *Іоаннъ* (Смоленскій епарх. вѣд.). *Саратовскія епарх. езд.* № 11.

712. За что внизили и фарисей возненавидѣли Христа Спасителя. *Воскресное Чтеніе*. № 54.

713. Дѣло І. Христа (изъ *Лотмарда*). *Труды Киевской Дух. Академіи*. № 3; стр. 313—333.

714. Опрещеніи поклоненія волхвовъ въ порядкѣ евангельскихъ событій. В. *Грекулевича. Опрощеніе*. № 12; стр. 144—152.

715. Объ избраніи І. Христомъ 12-ти апостоловъ и утвержденіи ихъ въ прѣвахъ апост. служенія. *Орловскія епарх. езд.* № 18.

716. Мысли о смерти и воскресеніи І. Христа. *Воскресное Чтеніе*. № 9.

717. Входъ І. Христа въ Иерусалимъ. Прот. *Н. Заринскій*. Прибавленіе къ *Черниговскимъ епарх. езд.* № 11.

718. Три креста на Голгофѣ. Статьи А. В. *Воскресное Чтеніе*. № 55.

719. Шестьки: Господа Исуса Христа на волевахъ страданій и крестную смерть. Архим. *Фотій*. *Духовная Бесѣда*. № 14; стр. 217—226.

720. О таинствѣ страданій Христовыхъ. *Писемъ*, еписк. Выборгскій. *Духовная Бесѣда*. № 15; стр. 238—248.

721. Событіе воскресенія І. Христа,

(Изъ апологетическихъ бесѣдъ Юл. Шниттца). В. Н. *Лоскутъ*. *Христианское Чтеніе*. № 4; стр. 527—561.

722. Обыкновеніе о св. Духѣ. Свящ. В. *Николь*. *Душполесное Чтеніе*. № 6, ч. 2; стр. 168—176.

723. О соединеніи св. Духа въ пятидесятный день до воскресенія Христовою. *Мірское Слово*. № 11.

724. Вознесеніе Господа Исуса Христа на небо. Архим. *Фотій*. *Духовная Бесѣда*. № 21; стр. 337—346.

725. Пастырокія наставленія І. Христа апостоламъ при отправленіи на проповѣдь. Статьи Х. О. *Руководство для сельскихъ пастырей*. № 16; стр. 579—600.

726. Очеркъ библейскихъ древностей. Прибавл. къ *Валуевск. епарх. езд.* № 17.

727. Деревья, упоминаемыя въ описаніи. Свящ. Д. *Разумовскій*. *Душполесное Чтеніе*. № 10; стр. 185—200.

728. Материалы для бесѣдъ священника съ прихожанами о свят. апостолахъ. *Конст. Думитрашеску*. *Руководство для сельскихъ пастырей*. № 26, 30, 45, 46 и 48.

729. Муженки за Христа. *Воскресное Чтеніе*. № 54.

730. Творенія бл. *Августина*. (Переводъ съ латинскаго). *Труды Киевской Дух. Академіи*. № 4; стр. 427—442, № 6; стр. 443—458 и № 8; стр. 443—458.

731. Творенія бл. *Иеронима*. (Переводъ съ латинскаго). *Труды Киевской Дух. Академіи*. № 8; стр. 95—110, № 5; стр. 111—126, Т. 8, № 7; стр. 127—148, № 9; стр. 148, № 10; стр. 157, № 11—12; стр. 156—191.

732. Слово св. *Ипполита* объ англичанствѣ. Е. *Несоструева*. М. 1868. (Редизіанъ). *Московскія епарх. езд.* № 16.

733. Искорія религій и тайныхъ религ. обществъ. *Домашняя Библиотека*. № 4—11.

См. рец. 1) въ «Зарѣ» № 9; стр. 256—257 и 2) «Сиб. Вѣдом.» № 242.

734. Св. Ириней Лионскаго пять книгъ противъ ересей. Перев. свящ. П. А. Преображенскаго. Приложенье къ *Православному Обзорнню*. № 7; стр. 171—186, № 8; стр. 167—218, № 9; стр. 219—234, № 10; стр. 235—266, № 11; стр. 267—282 и № 12; стр. 283—314.

Б) Исторія церкви и вѣры православной.

а) Истоки церкви и вѣры православной вообще.

735. Русская церковно-историческая литература. Разсказы изъ исторіи христіанской церкви отъ I вѣка до половины XI. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Разборъ свящ. А. И — ва. *Православное Обзорнне*. № 8; стр. 172—188.

736. Русская церковно-историч. литература. Очеркъ исторіи христіанской церкви. Заключаютъ: перваго военнаго Павловскаго учителя, св. Вас. Михайловскаго. Ст. А. Л — ва. *Православное Обзорнне*. № 8; стр. 189—192.

737. Русская церковно-историч. литература. Очеркъ церковной исторіи (церкви вселенской до IX в. и потѣмъ исключительно церкви западн. до половины XIX в.). И. Г. Буричъ. Перев. прот. А. Рудаковъ. Ст. А. Л — ва. *Православное Обзорнне*. № 8; стр. 189—192.

738. Разсказы изъ исторіи христіанства въ IV-мъ в. Съ франц. *Воскресное Чтеніе*. № 17.

739. Евангеліево проповѣдь въ I-мъ вѣкѣ христіанства. I. Пархомовичъ. *Воскресное Чтеніе*. № 11.

740. Исторія восточной церкви. Галемана. Ив. М. *Добротоверскій. Христіанское Чтеніе*. № 34—62.

741. О вселенскихъ соборахъ. Г. В.

Бирсова. *Христіанское Чтеніе*. № 11; стр. 795—829 и № 12; стр. 961—1011.

742. Дѣянія вселенскихъ соборовъ. Т. V. Соборъ Бенедиктинскій 2, вселенскій пятый. *Православный Собесѣдникъ*. № 5; стр. 193—256, № 9; стр. 317—329 и № 11; стр. 321—400.

743. Изъ исторіи Іерусалимскаго патриаршества. Фигуръ православныхъ съ латинами и армянами за са. мѣста. во второй половинѣ XVII и XVIII вѣка. Архим. Григорій Палама. *Православное Обзорнне*. № 10; стр. 381—418.

744. Восстановленіе свѣдѣній православна-нафешнкетской церкви. Д. Косицка. *Современная Литотисъ*. № 42. *Московск. Вѣдомости*. № 70 и 74.

См. ст. объ эт. сое. въ *Московск. стар.* отд. № 18.

745. Нареченіе и картонаі архіепископа Тверидскаго въ Іерусалимѣ. Статья А. Духова. *Москва*. № 11; стр. 177—184.

746. Изображеніе четверокопечнаго креста отъ седьмаго вѣка. Прот. Степанъ Камышевскій. *Ватскія стар.* отд. № 16.

747. Вопросъ о возобновленіи народнои церкви въ Болгаріи и прѣдѣшенія со стороны грековъ. *Восточная Иллюстрація*. Т. 2, № 44.

748. Гриво-болгарскій церковный вопросъ. (Передае. ст.) Голеса. № 177 и 180.

749. Нѣсколько словъ о современномъ состояніи болгарской церкви (Историч. очеркъ.). Статья А. П — ча. *Подольскія стар.* отд. № 14.

750. Современное состояніе греко-болгарскаго церковнаго вопроса. Б. Жемидовъ. *Православное Обзорнне*. № 5, Т. I; стр. 739—751 и отъ ред. стр. 752—764, № 7, Т. II; стр. 106—115 и № 11; стр. 536—604.

751. Церковный вопросъ въ Болгаріи. Статья Б. *Руководство для сельскихъ мастеровъ*. № 17; стр. 631—688.

6) ИСТОРИЯ И СТАТИСТИКА ЦЕРКВИ И
ВѢРЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЪ РОССІИ. МАТЕ-
РІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ: ПИСЬМА,
ГРАМОТЫ И ПР.

752. Документы, относящиеся къ
исторіи православнаго культа въ сѣв.-
зап. Россіи. № 3; 7 и 10—12.

- 1) Дарогъ, зашевъ къ: Новог.
Олунурскаго, 1878 г. 2) Неизданные
наз. митр. въ вел. св. Алексѣево
1879 г. — 3) Письма Льва Самойла
4) Выпись реляцій Троицкаго мана-
наго, 1780 года; и др.

753. Записки о жизни и иностраннаго
сочиненія по исторіи славянства и
его церковно-жизни: 1) *Serbien, hist. —
ethnogr. Reconstitution, aus den J. 1869—
1868.* Von F. Kanitz. — 2) *Die Geschich-
te des Nissibenthams.* Von Prof. C.
Höller. *Kritische Studien* von Dr. Fr.
Palacky; Prag, 1868. — 3) *Ueber die
Beziehungen und das Verhältniss der
Waldenser zu den ehemaligen Secten
in Böhmen.* Von Dr. Fr. Palacky; Prag,
1869. Статья свят. А. Лебедева. *Дра-
вославное Обозрѣніе.* № 5; Т. II (изв.
и замѣтки); стр. 161—168.

754. Рассказы о исторіи русской
церкви. Др. М. Толстой. *Душеполез-
ное Чтеніе.* № 7 и 8; ч. II; стр. 190—
218, 296—300. № 9; ч. 6; стр. 1—26.

755. О томъ, откуда и какъ пошла
православная вѣра на Русь въ старо-
давнее время. Писаръ Никол. *Мі-
рское Слово.* № 14.

756. Дѣятели промисла бѣжін на
Игор. Александра I; посредство
свят. писанія. *Душеполезное Чтеніе.*
№ 8, ч. 2. (Изв. и зам.); стр. 116—117.

757. Россійское Общественное обще-
ство. Соч. г. Шинкина, издѣненное въ
8—12 кн. *Восточная Европа*, въ 1888
годъ. Ред. Проф. Володимира До-
бровольскаго. *Странникъ* № 8; стр.
5—8.

758. Взаимодѣйствія божія въ Россіи и

русск. церкви въ сѣвостыяхъ ихъ отъ
однѣзванцевъ и междунаретвья. *Вос-
кресное Чтеніе.* № 6 и 7.

759. Южно-русское проповѣдни-
чество XVI и XVII вѣка (по латинско-
польскимъ образцамъ). Статья Ф. Т.
Руководство для священн. надзирател.
№ 21; 81; 84, 95 и 98.

760. Право патронатства въ юго-
западной Россіи въ XVII вѣкѣ. *По-
дольскій епарх. оуд.* № 15.

761. Иммиграціи выходц. Н. Дуб-
ровскій. *Чтенія въ Ям. Обл. Ист.
и Дрест. Росс.* кн. 2; стр. 6—64.

762. Выявленіе положительнаго положе-
нія православнаго Россіи. Прот.
Ев. Н. Поповъ. *Христіанское Чтеніе.*
№ 18; стр. 1086—1075.

763. Ижоварцы, прибывшіе къ
моментамъ правосл. церкви. Статья
И. Г. Я. *Душеполезное Чтеніе.* № 7;
ч. II. (Изв. и зам.); стр. 68—76.

764. Назначеніе Россіи. *Духовная
Всѣда.* № 44, 45 и 46.

765. Свѣдѣнія о ставленникахъ Мос-
ковск. церкви 1645—1686 г. К. Него-
струевъ. *Чтенія въ Ямск. Обл. Любит.
Духовн. Пров.* кн. 8; стр. 1—74.

766. О значеніи монастыря въ
исторіи Россіи. Статья Д—аю. *Духов-
ная Всѣда.* № 49, 50 и 51.

767. Мѣсто и роль документовъ, отно-
сящихся къ началу воссоединенія
уніатовъ. А. Поповъ. *Журналъ Ми-
нот. Народн. Пров.* № 6, ч. 145;
одж. 2; стр. 267—268.

768. Обзорные труды по изуче-
нію славянъ въ Россіи съ XV в. до
настоящаго времени. С. Соловьевъ. *Дра-
вославное Обозрѣніе.* № 6; Т. I; стр.
797—822.

769. Краткій очеркъ исторіи тек-
стнаго славянскаго библіи въ Россіи до
изданія ея при императрицѣ Екате-
ринѣ. Прибавленія къ Черниговскому
епарх. изв. № 21.

770. Жаморъ губернатора Каргве-

ва имп. Падгу о православіи въ Мил-ской губ. *Русскій Архивъ*. № 9; стр. 1559—1566.

771. Письмо епископа къ митрополиту ввѣсть 1703 г. *Духовныя Мемуарскія Литовскія епарх. езд.* № 17.

772. О богохульствѣ Никитѣ Ивановѣ, 1799 г. *Висскій Вѣстникъ*, № 58.

773. Письма высочайшепроев. Арама, архіепископа Ярославскаго, бывшаго прежде епископомъ Тульскимъ. *Тульскія епарх. езд.* № 13, 14, 19 и 21.

774. Письмо Московскаго патриарха Іоакима Львовскому епископу Іосифу Шумляцкому касательно учрежденія Галицкой митрополіи, Москва. 22 октября 1689 г. *Вѣстникъ Западн. Россіи*. № 9; стр. 49—78.

775. Письмо пресвященнаго митрополита Іоанн къ пресвящ. Николаю, епископу Калужскому (1834 г.). Прибав. къ *Калужскимъ епарх. езд.* № 24.

776. Три письма Іосифа, митрополита Литовскаго, къ Гавріилу, архіепископу Рязанскому. *Чтенія въ Им. Общ. Исторіи и Древн. Росс.* № 2; стр. 236—238.

777. Письма Платона, митрополита Московскаго, къ преев. Амвросію и Августину, съ предисл. и примѣч. С. К. Смирнова. *Православ. Обзорніе*. № 5—9. Т. I; стр. 1—88.

778. Письмо Хомякова къ высочайшепроев. Григорію, архіепископу Казанскому. *Православ. Обзорніе*. № 12; стр. 667—672.

779. Письма Хомякова къ Пальмеру. Свѣд. А. М. *Исаичевъ-Платоновъ. Православ. Обзорніе*. № 9; стр. 241—278 и № 11; стр. 521—552.

780. Письмо А. С. Хомякова къ Блестору, англ. пастору въ Броннѣтатѣ (1846 г.). *Московскія епарх. езд.* № 38.

781. Письмо митрополита Іоанн къ пресвящ. Николаю, епископу Калуж-

скому (28 дек. 1834 г.). Прибав. къ *Калужскимъ епарх. езд.* № 24.

782. Чуждое дѣйствіе божія промысла чрезъ покойнаго Филарета, митроп. Московскаго. *Духовное Чтеніе*. № 5; Т. 2; стр. 16.

783. Письмо архим. Филарета къ Августину, епископу Дмитровскому. *Иркутскія епарх. езд.* № 46.

784. Письма Филарета, митрополита Московскаго, къ Гавріилу, архіепископу Тверскому. *Духовное Чтеніе*. № 5, 6, 7 и 10; стр. 88—96, 194—196, 292—296 и 301—304.

785. Изъ письма Московскаго митрополита Филарета къ миссіонеру, проповѣднику «Отче нашъ» въ нагометанской мечети. *Духовное Чтеніе*. № 11; стр. 72—73.

786. Три письма митрополита Филарета къ игумену Евгенію. *Духовное Чтеніе*. № 11; стр. 227—229.

787. Изъ переписки митрополита Филарета съ А. Н. М.: о времени введенія св. даровъ. *Духовное Чтеніе*. № 9, ч. 3; стр. 74—82.

788. Приказаніе братавъ. Отрывокъ изъ письма митрополита Московскаго Филарета, отъ 22—23 ноября 1820 г. *Духовное Чтеніе*. № 9, ч. 3; стр. 6—9. (Изд. и зам.)

789. Письмо Рязанскаго епископа Филарета, къ Гавріилу, архіепископу Рязанскому, о нуждахъ православія. *Чтенія въ Им. Общ. Исторіи и Древн. Росс.* № 3; стр. 233—235.

790. Письмо Рязанскаго еписк. Филарета къ Иннокентію, архіеп. Харьковскому, о тѣсномъ положеніи православія въ Прибалтійскомъ краѣ. *Чтенія въ Им. Общ. Исторіи и Древн. Росс.* кн. 2; стр. 175—178.

791. О вѣдомствѣ Юрьевскаго архіепископа Фотія. Н. В. Сумского. *Чтенія въ Им. Общ. Исторіи и Древн. Росс.* № 3; стр. 187—202.

792. Мнѣніе митрополита Филарета

о подлинности икономическихъ свѣдѣн. *Духовное Чтеніе*. № 12; стр. 90—93.

793. Новгородскія святцы. *Новгородскія губ. езд.* № 35 и 40.

794. Древняя вышитая икона пресв. Богородицы въ Московск. Казанск. соборѣ. *Д. Предтечевскій. Древности. Труды Московск. Археол. Общ.* Т. II, вып. 2; стр. 189—139.

795. Угрюмщина св. синода. *Домашняя Бесѣда*. № 32.

796. Объ увольненіи Кіевскаго и Московскаго митрополитовъ въ ихъ епархіи, 1842 года. *Н. В. Сушков. Чтенія съ Ект. Общ. Ист. и Дрести Росс.* № 4; стр. 181—192.

797. Состояніе Московск. епарх. управленія подъ управленіемъ епарх. архіереевъ, происходившихъ изъ малороссіянъ. Ч. II, кн. 1. *Н. Розанов. Чтенія съ Моск. Общ. Любит. Дух. Просв.* кн. 7, 8, 9 и 10.

798. Предписанія и распоряженія по духовному вѣд. Московской епархіи, съ 1824 по 1869 годъ. *Московскія епарх. езд.* № 27, 28, 30, 32, 33, 34, 36 и 40.

799. О мѣрахъ наказаній по Московскому епарх. вѣд. въ прежнее время. *Н. Розанов. Духовное Чтеніе*. № 5 и 6; ч. 2. (Изв. и зам.); стр. 16—28 и 49—56.

800. Замѣчательнѣйшее десятилѣтіе въ исторіи епархіи Воронежской по части благотворительности. *Воронежскія епарх. езд.* № 15.

801. Ростовъ-Великій. Статья *Н. Д—ва. Церковная Лѣтопись Духовной Бесѣды*. № 15.

802. Шкема изъ древней Суздальской области. *Гр. М. Толстой. Духовное Чтеніе*. № 5 и 6. Т. 2. (Изв. и зам.); стр. 1—9 и 29—36.

803. Очеркъ исторіи Пермской епархіи. *Е. Вудринъ. Пермскія епарх. езд.* № 25, 32, 37, 38 и 39.

804. Угрюмщина Таврической епархіи и первое десятилѣтіе оной. *Таврическія губ. езд.* № 72, 73, 75 и 76.

805. Церковный сборъ въ Тобольскѣ, при митроп. Филофѣ (1702 г.). *Перемон. Шелетѣ. Иркутскія епарх. езд.* № 41, 42 и 43.

806. Извлеченіе изъ отчета Антонія, архіепископа Казанскаго и Овіажскаго, о состояніи Казанской епархіи за 1868 годъ. *Извѣстія по Казанской епархіи за 1868 годъ. Известія по Казанской епархіи*. № 17, 20 и 24.

807. Изъ современной жизни. (Объ уставѣ общ. для распространенія св. писанія въ Россіи). *Воскресное Чтеніе*. № 9.

808. Празднованіе 6-й годовщины въ Московскомъ Общ. любит. дух. просвѣщенія и отчетъ за 1868—69-й г. *Московскія епарх. езд.* № 38 и 39.

809. Извлеченіе изъ протоколовъ Московск. Общества любителей дух. просвѣщенія за 1868—69 г. *Московскія епарх. езд.* № 34, 35 и 38.

810. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора свѣтлѣйшаго синода, графа Д. Толстого, по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1868 годъ. Приложеніе къ № 280 *Правительств. Вѣстника*.

811. И. А. Давидченко (къ матеріаламъ по церковно-строительному дѣлу въ Кіевской епархіи). *Гребенетскій. Кіевлянинъ*. № 66.

812. 28 Апрѣля въ мѣстечкѣ Гелмазовѣ въ Николаевскомъ приходѣ. свѣщ. *Михаилъ Волянскій. Полтавскія епарх. езд.* № 11.

в) Житія святыхъ.

813. Святые апостолы какъ проповѣдники слова божія. *От. Г. Н—скаго. Воскресная Бесѣда*. № 23.

814. Неисправности и неполнота святцевъ зан.-русскихъ мѣсяцеслововъ.

Сввц. *Иоаннъ Кассианъ Далматскій. Вѣстника. № 88.*

815. Обращеніе мощей св. Алексѣя боядія чудотѣца. *П. Давидовъ, Церковная Литургія Духовной Бесѣды. № 18.*

816. Предсказаніе дѣвяти пр. Антонія Печерскаго и слово сввц. *Климъ, Смоленскаго. Литургія сввц. епсд. № 16.*

817. Житіе святаго апостола Андрея Первозваннаго. Переводъ съ грузинской рукописи Давидгареджійскаго монастыря. *Христіанское Чтеніе. № 8; стр. 151—180.*

818. Св. страстотерпцы кн. Борисъ и Глѣба. Статья *М. Воскресное Чтеніе. № 20.*

819. Сказаніе о убіеніи св. русскихъ князей Бориса и Глѣба, нареченныхъ въ св. крещаніи Романомъ и Давидомъ, и о перенесеніи святыхъ мощей ихъ. (*№ 8 Дружъ Народа.*). *Смоленичъ еуб. епсд. № 19 и 20.*

820. Св. благовѣрный и великій князь Владимиръ. *Вѣра Греческая. Мѣское Слово. № 14.*

821. Св. равноапостольный кн. Владимиръ. *Воскресное Чтеніе. № 13.*

822. Св. Григорій Назіанзенъ, какъ обличитель недостойныхъ настоярей. *Ст. Б. С. Труды Кіевской Дух. Акад. № 4; стр. 3—13.*

823. Выдержки изъ дневника, иже во святыхъ отца нашего Дмитрія, митрополита Ростовскаго, 1677, 1678 и 1679 г. *Митскія епарх. епсд. № 10.*

824. Краткія свѣдѣнія о жизни и апостольскихъ трудахъ св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. *Ст. Арх. М*** Прибавл. къ Воронежскимъ епарх. епсд. № 11 и 12.*

825. Св. Іоаннъ Злотоустъ и императрица Евдоксія. *Статья Ю. Труды Кіевской Дух. Академіи. Т. 3, № 8; стр. 139—189 и № 9; стр. 400—498.*

826. Св. Іоаннъ Злотоустъ. Св. *Н. Флоринскій. Дружъ Народа. № 47.*

827. Святый Іоанъ многогрудальникъ. *Б. Ступаковъ. Мѣской Вѣстникъ. № 6; стр. 10—14.*

828. Святый Кириллъ, епископъ Карфагенскій. *Статья Л. Б. Преваленія къ Черномоскванъ епарх. епсд. № 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и 19.*

829. Св. Кириллъ и Мефодій. *Илюстр. Газета. № 8 и 9.*

830. Разсказъ пре сввц. и труды св. Кирилла и Мефодія, равноапостольныхъ первоучителей славянскихъ. *Мѣское Слово. № 10.*

831. Кириллъ и Мефодій. *Соч. В. А. Бѣлбасова. Ч. 1. Кириллъ и Мефодій по документальнымъ источникамъ. Критика документовъ. Спб. 1868 г. Разборъ Б. Думескаго. Ступаковъ. № 5; стр. 15—38.*

832. Предсказаніе памяти св. Кирилла и Мефодія. *Голосъ. № 131. Церковная Литургія Духовной Бесѣды. № 9 и 10.*

833. Отъ чего въ нашемъ обществѣ еще недостаточно разпространено чтеніе памяти св. славныхъ первоучителей. Изъ слова пр. *І. Л. Ямшова. Воскресное Чтеніе. № 4.*

834. Житіеописаніе св. Митрофана. *Соч. Самбикина. Воронежъ. (Библиогр. зам.) Дѣла. № 63.*

835. Преподобный Никодимъ, пустынножитель Холмскій. *А. Ковалевскій. Душеполезное Чтеніе. № 10; стр. 97—106.*

836. Св. Николай, архіепископъ Мирликійскій. *Прот. Д. Верхоградое. Подольскія епарх. епсд. № 12.*

837. Св. Николай, епископъ Пинарскій и архимандритъ Сіонскій. *Статья А. А. Труды Кіевской Дух. Академіи. № 6; стр. 445—497.*

838. О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ мамзеномъ побоящѣ. *А. Майковъ. Заря. № 5; стр. 1—18.*

839. Преподобный Савва Сторожевский по блаженномъ представленіи. *Еписк. Леонидъ Душополски. Чтеніе.* № 10; стр. 162—172.

840. Симонъ вождьъ и ебѣ время. *Труды Киевской Дух. Академіи.* № 10. стр. 3—38.

841. Св. Стефанъ, первоверховный Пермскій. *П. Д. Шестаковъ. Известія и Учен. Записки Казанск. Университета.* 1868 (вышли въ 1869 г.); стр. 21—110.

842. Нѣсколько уроковъ изъ жизни преп. Феодосія Петерскаго. *Воскресное Чтеніе.* № 19.

× 843. Черты изъ жизни св. равноапостольной Маріи Магдалины, поучительныя для современнаго общества. Пр. *Е. Ляпидевскій. Московскія епарх. вѣд.* № 30.

× 844. Марія Магдалина. *Воскресное Чтеніе.* № 14.

× 845. Св. благовѣрная и великая княгиня Ольга. *Любовь Гречушевичъ. Мѣское Слово.* № 14.

846. Житіе блаженнаго княгини Ольги, изданное въ Афинахъ на греческомъ языкѣ. Прот. *Серафимъ Серафимовъ.* Прибавл. въ *Херсонскіе епарх. вѣд.* № 14.

г) Жизнеописанія духовныхъ писателей и другихъ лицъ, достопамятныхъ въ церкви.

847. Краткія свѣдѣнія о Харьковскихъ іерархахъ. *Харьковскія епарх. вѣд.* № 1 и 6.

848. Настоятели Далматовскаго монастыря. Проп. *Гр. Плотниковъ. Пермскія епарх. вѣд.* № 26, 27 и 28.

849. Въ исторіи Нявлаго Новгорода. (О настоятеляхъ Благовѣщенскаго монастыря). Н. *Храмовскій. Нижегородскія губ. вѣд.* № 29.

850. Объ іерархахъ бывшей Великоустюжской епархіи. *Вологодскія епарх. вѣд.* № 13, 14 и 15.

1) Архіеп. Галасій; 1662 г. 2)

Архіеп. Александръ, 1686 г. 3)

Архіеп. Іосифъ, 1700 г. 4) Епископъ

Боголюбъ Адамовъ, 1719 г.

5) Епископъ Лавр. Горка, 1723 г.

6) Епископъ Сергій, 1731 г. 7)

Архіеп. Гавріилъ, 1731 г.

851. Воспитанники Киевской дух. Акад. (1819—1869 г.), поступившіе изъ Воронежской дух. семинаріи. Св. Д. *Самбукинъ. Воронежскія епарх. вѣд.* № 22 и *Донъ.* № 116.

852. Святители изъ воспитанниковъ Киевской Дух. Академіи, со времени преобразованія ея въ 1819 году. *Херсонскія епарх. вѣд.* № 23.

853. Адольфъ митрополитъ Киевскій (род. въ 1293 г., ум. въ 1378 г.) *Владимірскія губ. вѣд.* № 18.

854. Преподобный Амвросій Орватскій, епископъ Пензенскій и Саратовскій. *П. И. Саваитовъ. Страничка.* № 11; стр. 29—43.

855. Амвросій I Кекембетъ, архиепископъ Тобольскій и Сибирскій (1806—1822 г.). Ст. Сов. *Ник. Абрамовъ. Страничка.* № 8; стр. 26—38.

856. Амвросій II Рождественскій, архіепископъ Тобольскій и Сибирскій Ст. Сов. *Н. Абрамовъ. Страничка.* № 10; стр. 5—16.

857. Пребываніе въ г. Ирбитѣ пресвящ. Антонія, епископа Пермскаго и Верхотурскаго. Статя *С. А. К—ва. Пермскія епарх. вѣд.* № 31.

858. Замѣчательный случай въ жизни Ярославскаго архіепископа Антонія Знаменскаго. Ст. Сов. *Н. Абрамовъ. Страничка.* № 12; стр. 107—109.

859. Арсеній, патриархъ Никейскій и Константинопольскій. *И. Е. Троицкій. Христіанское Чтеніе.* № 11; стр. 830—837 и № 12; стр. 1012—1048.

860. Автобиографическое повѣстаніе Арсенія Мацѣвича. *Николай Григоровичъ. Киевскія епарх. вѣд.* № 10.

- См. также объ А. Маціевичъ ст. въ *Яросл. епарх. вѣд.* № 19; 25, 26, 27—29, 31—34, 36 и 50.
861. Праждкованіе 50-ти-лѣтняго юбилея священства о. Іоанна Бѣли-юнида. Свящ. *Іоанна Ямушевскій. Минскія епарх. вѣд.* № 12.
862. Варлаамъ и Афанасій Шеп-тицкіе, епископы Львовскіе и Камен-ецкіе. Кл. Пр. *П. Трошкій. Подольскія епарх. вѣд.* № 2 и 3.
863. Пятидесятилѣтній юбилей архіепископа Васкія. *Харьковскія епарх. вѣд.* № 18 и *Голосъ.* № 235.
864. Два слова объ архіепископѣ Вассіанѣ и о славянск. съѣздѣ 1867 г. (По словоду статей въ 10-й кн. Вѣстн. Европы). *М. Погодимъ. Заря.* № 11; стр. 141—149.
865. Ректоръ Подольской семинаріи, протоіерей Порфирій Вознесенскій. (Некрологъ). *Подольскія епарх. вѣд.* № 7.
866. Село Яновлевское, Пехорка тожъ и юбилей замѣтн. священника онаго, Д. П. Воннова, 28 іюля 1869 г. Статья *С. І. Н. Московскім епарх. вѣд.* № 48.
867. Торжественное прощаніе съ учителемъ Калужской семинаріи В. С. Волковымъ его сослуживцевъ. Прибавл. къ *Калужскимъ епарх. вѣд.* № 16.
868. Священникъ Іоаннъ Гаври-ловичъ Волобуевъ (ум. 18 іюля 1869). Некрологъ. *Харьковскія епарх. вѣд.* № 15.
869. Пресвященныи Гавриилъ, митрополитъ Вирійскій (Бейрутскій). Статья *Н. Д. Церковная Лѣтопись Духовн. Бесѣды.* № 49.
870. Въ память преосв. архіепископа Могилѣвскаго Георгія Конисскаго († 13 февр. 1795). *Воскресное Чтеніе.* № 46.
871. Свидѣнникъ и доетеръ бого-словія Владимиръ Геттѣ. *Всемирная Иллюстраціи.* № 24, т. 1.
872. Моисей Александровичъ Го-лубевъ, ординарный профес. Сиб. духовн. академіи. (Некрологъ). *Хри-стіанское Чтеніе.* № 9; стр. 535—549. *Голосъ.* № 239. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* № 9, ч. 165, отд. 4; стр. 118—120 и *Сынъ Отец.* № 198.
873. Смерть патріарха Григорія. Прибавл. къ *Воронезжскимъ епарх. вѣд.* № 19.
874. Проповѣдническая дѣятель-ность покойнаго священника А. К. Громаковскаго. Ст. прот. *І. Г. Рухов.* для сельскихъ пастырей № 50, 51 и 52.
875. Священникъ А. В. Гумшев-скій. *Всемирная Иллюстраціи.* № 27 и 49. (Ст. *Н. С—ова.*). *Голосъ.* 145 и 183 (воспоминаніе). *Виржевия Вѣдомости.* № 256. *Московск. епарх. вѣд.* № 24. *Петерб. Листокъ.* № 74 и 75. *Петербург. Газета.* № 74. *Христ. Чтеніе.* № 6; стр. 1018—1020 (Статья *П. Н—ва*) *Харьковскія епарх. вѣд.* № 12.
876. Геродіаионъ Дамаскинъ. Прот. *Іоаннъ Яхонтовъ. Духовная Бесѣда.* № 51 и 52.
- Дух. писатель конца XVII и на-чала XVIII вѣва.
877. О матеріалахъ для біографіи митрополита Кіевскаго Евгенія. *А. Д. Ивановскій, Кіевскія губ. вѣд.* № 131, 132, 133, 135, 136, 137 и 138.
878. Кіевскій митрополитъ Евгеній Волховитиновъ. *Н. Тихонравовъ. Рускій Вѣстникъ.* № 5; т. 81; стр. 1—38.
879. Митрополитъ Евгеній, какъ историкъ. *Н. Е. Сѣверный. Воронежскій Телеграфъ.* № 106.
880. Черты пастырской и проповѣднической дѣятельности преосвящ. архіеп. Евгенія (Казанцева). *Воскресное Чтеніе.* № 45.
881. 20, 21 и 28 Декабря 1868 г. Статья *Гр. Д. Н. Т. Воронежскій Телеграфъ.* № 2.
- По поволу чтеній г. *Ивановскаго* о митрополитѣ Евгеніи.

882. Игуменія Евгенія (Мещерская). *А. Григорій. Душеполезное Чтеніе.* № 11; стр. 205—226.

883. Архимандритъ Елифаній. (Некрологъ). Прибавленія къ *Иркутскимъ епарх. вѣд.* № 49.

884. Прижърный священникъ (о. Пырванъ Живковъ). *Воскресное Чтеніе.* № 29.

885. Старецъ отецъ Израиль. *Смоленскія епарх. вѣд.* № 9.

886. Нефрологъ. Преосвящ. епископъ Инновентій (Александровъ), род. 8 іюля 1793 г., ум. 31 марта 1869 г. *Харьковскія епарх. вѣд.* № 8. Прибавленія къ *Воронежск. епарх. вѣд.* № 10. *Церковн. Лѣтопись Духовн. Бесѣды.* № 19.

887. Епископъ Инновентій Неруновичъ. Переѣзна миссія въ Пекинъ (1748 года). Прибавленія къ *Иркутскимъ епарх. вѣд.* № 25, 28 и 39.

888. Архіепископъ Иринаей (Несторовичъ). Матеріалы для біографіи. *Ярославскія епарх. вѣд.* № 29, 30, 35, 38, 39, 45, 50, 51 и 52 и *Пензенскія епарх. вѣд.* № 20—23.

889. Иринаей, архіеп. Псковской. Біограф. очеркъ, по неиздан. документамъ 1798 г. *Н. Н. Гризоровичъ. Русскій Архивъ.* № 7—8; стр. 1103—1126.

890. Гавровъ-Возмолинскій въ Воронежѣ. (Изъ мѣстныхъ преданій). *Воронежскія губ. вѣд.* № 73, 75, 79, 81, 84, 85, 89 и 92.

891. Нефрологъ, Іоанникій, епископъ Козловскій, викарій Тамбовской епархіи. Прибавленія къ *Тамбовскимъ епарх. вѣд.* № 21.

См. въ 22-мъ № погребеніе, слова и рѣчи. Статья *П. М. З.*

892. Іоаннъ Ражъ, архим. православно-сербскаго монастыря Ковила въ австрійскихъ владѣніяхъ. Сообщено *В. В. Христіанское Чтеніе.* № 5; стр. 766—773.

893. Преданіе о святителѣ Іоасафѣ

Горленцѣ, епископѣ *Бѣлгородскомъ. Смоленскія епарх. вѣд.* № 12; стр. 457—465.

Перепечат. изъ «*Душеполезнаго Чтенія*» № 2.

894. Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій. *А. Ковалевскій. Душеполезн. Чтеніе.* № 12; 303—337.

895. Нефрологъ. Ректоръ Пензенской дух. семинаріи архим. Іоасафъ (Пашинъ). *Пензенскія губ. вѣд.* № 30.

896. Преосвященный Іосифъ (Волчанскій) архіепископъ Московскій и Владимірскій (1742—1745), *Н. Розанова. Московскія епарх. вѣд.* № 21.

897. Вибліографія. О почившемъ митрополитѣ Литовскомъ Іосифѣ. Соч. *М. Колловича.* Сбп. 1869. Статья *П. Г. Виленскій Вѣстникъ.* № 14.

898. Іосифъ, митрополитъ Литовскій, и возсоединеніе униатовъ съ правосл. церковью въ 1839 г. *Гр. Дм. Толстой. Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія.* № 7, 8, 9 и 10, ч. 164 и 165, отд. 2; стр. 72—83, 251—271, 1—23 и 217—234.

899. По поводу соч. гр. *Д. Толстого* о Іосифѣ, митроп. Литовскомъ (не больш. зам.). *Виленскій Вѣстникъ.* № 89 и 90.

900. Очеркъ служенія митрополита Литовскаго Іосифа (изъ отчета графа *Толстаго* за 1868 г.). *Христіанское Чтеніе.* № 12; стр. 1076—1110.

901. Черты изъ жизни покойнаго митрополита *І. Сѣмашки.* *Биржевыя Вѣдомости.* № 240 и 247 и *Виленскій Вѣстникъ.* № 105 (№ 65)

902. Іосифъ (Сѣмашко), митрополитъ Литовскій и Виленскій. *Евгеній Дылевскій. Страникъ.* № 5; стр. 47—102 и № 6; стр. 105—156.

903. Воспоминанія сельскаго священника о почившемъ митрополитѣ *І. Сѣмашко.* *Виленскій Вѣстникъ.* № 57.

904. **Высокопреосвященный** Иосифъ, митрополитъ Литовскій и Виленскій. (Некрологъ). *Орловскія епарх. вѣд.* № 15. *Подольскія епарх. вѣдом.* № 2. Прибавл. къ *Чернигов. епарх. изв.* № 9 и 10.

905. Пятидесятилѣтній юбилей священника п. Воскресенія, что въ Малой — Бронной, Г. С. Кліентов-Алекс. Григорьевъ Морозовъ. *Всеобщая Газета.* № 13.

906. Некрологъ. Колоколовъ, Іоаннъ Дмитріевичъ, кафедральнаго Исакиевского собора протоіерей. *Церковная Литѣпись Духовн. Вѣстны.* № 52.

907. Некрологъ. Протоіерей Іоаннъ Константиновичъ (ум. 20-го апрѣля 1869 г. 76 лѣтъ). Свящ. *Феофила Базилевичъ.* *Полтавскія епарх. вѣдом.* № 12.

908. Некрологъ И. З. Крыловъ (писатель преимущественно соч. духовно-историч. содержания). Статья С. І. Н. *Московскія епарх. вѣд.* № 51.

909. На память о покойномъ протоіерей Д. І. Крыловъ. *Саратовскія епарх. вѣд.* № 20.

910. Некрологъ. Прот. С. А. Кучеровскій. (16 ноября 1869 г.). *К. Росто.* *Кубанскія войск. вѣд.* 49.

911. Некрологъ. Смотритель Саратовскаго духовн. училища Ілія Ів. Лавровскій (ум. съ 8-го на 9-е марта 1869 г. на 43 г.). *Иеромон. Миссалиъ Саратовскія епарх. вѣд.* № 9.

912. Протоіерей Іоаннъ Васильевъ Лашковъ. Свящ. *Федоръ Лашковъ.* *Страникъ.* № 9; стр. 60—69.

913. Воспоминанія о Левандѣ. (Проповѣдникъ, род. 1736, сконч. 25 іюня 1814 г.). *Ив. Максимовичъ.* *Кіевскія епарх. вѣд.* № 10.

914. Леонтій Карповичъ, ревностный защитникъ православія временъ уни (краткій біограф. очеркъ). Статья В. Балак—скаго. *Полтавскія епарх. вѣд.* № 13.

915. **Всероссійскій** митрополитъ Макарій и его заслуги для русской церкви. А. Шишовъ. *Страникъ.* № 12; стр. 75—106.

916. Максимъ митрополитъ Кіево-Владимірскій и всея Руси (1283—1305). *Владимірскія епарх. вѣд.* № 13.

917. Въ біографіи блаженной памяти архіепископа Харьковскаго Мелетія Леонтовича. Андрей Бовалевскій. *Харьковскія епарх. вѣд.* № 21.

918. Архимандритъ Мельхиседекъ, настоятель Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря. (Біогр. очеркъ). А. Григорій. *Московскія епарх. вѣд.* № 34, 35, 37, 41, 42, 44, 46, 49 и 50.

919. Пѣношскій архимандритъ Мефодій. *Одинъ изъ чтимелей.* *Душеполезное Чтеніе.* № 10; стр. 40—43.

920. Празднованіе 50-лѣтія въ санѣ іерейскомъ. (о. П. І. Мизерова). Статья Б. М. Р. *Московскія епарх. вѣд.* № 38.

921. Обзоръ пребыванія высокопреосвящ. Михаила, митрополита Сербскаго, въ Москвѣ. *Современная Литѣпись.* № 39.

922. Иеросхимонахъ Задонскаго монастыря Нафаналъ. Игуменъ Зосима. *Душеполезное Чтеніе.* № 5; Т. 2. (Изв. и зам.); стр. 10—14.

923. Некрологъ. Настоятель Семигородной Успенской пустыни, архіеп. Нектарій ум. на 80 году отъ рожд. (ум. 20 іюня 1869 г.). Прибавл. къ *Вологодскимъ епарх. вѣд.* № 14 и 15.

924. Патріархъ Никонъ. *Мірской Вѣстникъ.* № 10; стр. 1—12.

925. Павелъ III Павловъ, архіеп. Тобольскій и Сибирскій (1831 г.) Ст. Сов. Ник. Абрамовъ. *Страникъ.* № 7; стр. 5—9.

926. Случай изъ жизни преосвященнаго Павла, бывшаго (съ 1716 по 1725 г.) епископа Вологодскаго. Прибавл. къ *Вологодскимъ епарх. вѣд.* № 14 и 15.

927. Отъѣздъ изъ Вологды въ Псковъ преосвященнѣйшаго Павла, бывшаго епископа Вологодскаго. Прибавл. къ *Вологодскимъ епарх. вѣд.* № 16.

928. Прибытіе въ Вологду преосвщ. Палладія, епископа Вологодскаго и Устюжскаго. Прибавленіе къ *Вологодскимъ епарх. вѣд.* № 20.

929. Затворница Платонида (въ сѣмѣ Алиція), Воронежскаго Покроводѣвчяго монастыря. *Воронежскія епарх. вѣд.* № 24.

930. Преосвященный Платонъ I (Малиновскій), архіепископъ Московскій и Сѣвскій (1748—1758 г.). *Н. Розановъ. Московскія епарх. вѣд.* № 22 и 23.

931. Біографическія свѣдѣнія о жизни въ Бозѣ почившаго преосвященнаго Поливарпа, епископа Орловскаго, собраннаго свящ. *Моисеемъ Дарюмовичемъ. Подомскія епарх. вѣдом.* № 1.

932. Изъ дневника въ Бозѣ почившаго настоятеля Соловецкаго монастыря, архимандр. Порфирія. *Духовная Бесѣда.* № 16, 38, 40, 42 и 48.

933. Некрологъ. Протоіерей Родіонъ Путятинъ. *Ярославскія епарх. вѣд.* № 41. *Нижегородскія епарх. вѣд.* № 22. *Ярославскія губ. вѣд.* № 46. *Кіевскія епарх. вѣд.* № 23.

Умеръ 4 ноября 1869 г. на 62 г.

934. Геромонахъ Самуилъ, строитель Коломенскаго Бобренѣво-Голутвина монастыря. *Московскія епарх. вѣд.* № 18, 19 и 21.

935. Некрологъ. Свящ. Андрей Васильевичъ Селитренниковъ. *Харьковскія епарх. вѣд.* № 15.

Умеръ 20 июля 1869 г. на 52-мъ г.

936. Въ память о покойномъ о. протоіерей Г. И. Терсинскомъ. Статья А. Д. *Саратовскія епарх. вѣд.* № 24.

937. Преосвященный Тимофей (Щербатскій), митрополитъ Московскій и Сѣвскій, потомъ Московскій и

Калужскій. 1757—1767 г. *Н. Розановъ. Московскія епарх. вѣд.* № 27 и 28.

938. Некрологъ. Прот. Конст. Петр. Успенскій. *Московскія епарх. вѣдом.* № 45.

939. Воспоминанія о высокопреосв. Феогностѣ, архіепископѣ Псковскомъ и Порховскомъ (бывшемъ съ 1852—1856 г. епископомъ Вологодскимъ). А. *Билзевъ.* Прибавл. къ *Вологодскимъ епарх. вѣд.* № 19. Прибавл. къ *Воронежск. епарх. вѣд.* № 10. *Псковскія губ. вѣд.* № 17 (О погребеніи его) и *Духовная Бесѣда.* № 27—32.

940. Феофанъ Прокоповичъ и его противники. (Феофанъ Прокоповичъ и его время. И. Чистовича. Спб. 1868 г.). А. *Литинъ. Вѣстникъ Европы.* № 6; Т. 3; стр. 791—818.

941. Библиографическій очеркъ. Феофанъ Прокоповичъ и его время. И. Чистовича. Спб. 1868 г. (Рецензія Н. И. Барсова.) *Христіанское Чтеніе.* № 4; стр. 620—638.

942. Феофанъ Прокоповичъ и его время. Соч. И. А. Чистовича. Спб. 1868 г. Статья Б. *Церковная Летопись.* № 17 и 18.

943. Названійный обманъ. Случай изъ жизни Московск. митрополита Филарета. Сообщ. архим. *Антоніемъ. Духовное Чтеніе.* № 8. Ч. 2 (Изв. и зам.); стр. 117—118.

944. Матеріалы для біографіи Филарета, митроп. Московскаго. *Чтенія въ Московскомъ Общ. Любителей Духовн. Прочс.* кн. 8-я; стр. 1—106.

1) Четыре слова.—2) Письмо къ гр. А. К. Разумовскому.—3) 69 псалмъ къ Николаю, еписк. Дмитровскому.—4) Заблужденіе на конеклѣтѣ Превята, и пастьрскаго богословія.—5) Мысли о подлинныхъ апокриписныхъ святцевъ.

945. Воспоминаніе о митроп. Филаретѣ. *Русскій Архіевъ.* № 6; стр. 1177—1183.

946. Къ биографіи покойнаго митрополита Филарета. (Родословная свѣдѣнія). Статья А. И. Прибавл. къ *Тулск. епарх. вѣд.* № 12; стр. 434—437.

947. Чудное дѣйствіе божія промысла чрезъ покойнаго Филарета, митрополита Московскаго. Свят. *Александръ Романовскій. Странникъ.* № 7; стр. 11—12.

д) путешествія ко святымъ мѣстамъ и съ религіозною цѣлью. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ СВЯЩЕННЫХЪ МѢСТЪ.

948. Древнерусское официальное наомничество ко св. мѣстамъ Востока въ связи съ отношеніями русской церкви къ восточной и взглядами русскаго народа на Востокъ. *Н. Докучаевъ.* Прибавл. къ *Черниговскимъ епарх. вѣд.* № 13, 14 и 16.

949. Поѣздка на богомолье изъ г. Вятки на Великую рѣку за крестнымъ ходомъ съ чудотворнымъ образомъ св. Николая. *Вятскія губ. вѣд.* № 23 и 24.

950. Разсказы странника о Святой землѣ. Статья *Б. О-ва. Мирской Вѣстника.* № 7; стр. 8—18.

951. Путешествіе блаж. *Геронима* съ Павломъ и ея спутницами по св. мѣстамъ Востока, въ 385—388 годахъ. Статья *Т. Труды Киевской Дух. Академіи.* Т. 3, № 7; стр. 23—44.

952. Посѣщеніе Афона русскимъ архипастыремъ Александромъ, бывшимъ епископомъ Полтавскимъ, а прежде настоятелемъ Соловецкаго монастыря во время бомбардированія онаго англичанами. Прибавл. къ *Херсонскимъ епарх. вѣд.* № 16.

953. Путешествіе по св. горѣ Афонской священника Подольскаго епархіи *Іоанна Рыжановскаго. Подольскія епарх. вѣд.* № 8, 10 и 11.

954. Путь отъ Иркутска въ Камчатку. Прот. *Прокотій Громовъ. Иркутскія епарх. вѣд.* № 16, 17, 18 и 20.

955. Отырвокъ изъ путешествія въ

Сибирь. Архим. *Іаковъ.* Прибавленія къ *Иркутскимъ епарх. вѣд.* № 25.

956. Съ Амура. Св. *Сизой. Иркутскія епарх. вѣд.* № 19.

957. Изъ путевыхъ записокъ преосвященнаго архіепископа *Нила. Ярославскія епарх. вѣд.* № 21, 22, 25 и 26.

958. Мысленное путешествіе инока въ Иерусалимъ, или бесѣды инока со своимъ старцемъ при обозрѣніи плана и зданій Иерусалима, изображенныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ онъ во время земной жизни Господа нашего І. Христа. (Изъ рукописей преосв. *Іеремиѣ*, бывшаго епископа Нижегородскаго). *Орловскія епарх. вѣд.* № 20, 22, 23 и 24.

959. Описаніе св. земли. Горы на западъ отъ Иордана. *П. Г-ій. Думнопольное Ученіе.* № 6. Ч. 2; стр. 97—112.

960. Святая земля. *В. Диксонъ.* Сиб. 1869 г. (Рец.) *Отч. Записки.* № 5; Т. 184; стр. 65—70.

961. Свѣтлое Воспрееміе въ Иерусалимѣ, ит. Даніила.—На Афонѣ. А. З.—На св. Руси. Изъ губ. очерковъ Щедрина.—На чужбинѣ. Изъ переписки Н. Гоголя. *Воскресное Ученіе.* № 1.

962. Посѣщеніе Вильны высокопреосв. Михаиломъ, архіепископомъ Вѣнградскимъ, митрополитомъ всея Сербіи. *Литовскія епарх. вѣд.* № 22.

963. Древній Иерусалимъ. *Воскресное Ученіе.* № 16.

964. Изъ Иерусалима. *Поклонникъ. Нижегородскія епарх. вѣд.* № 22. *Херсонскія епарх. вѣд.* № 19.

965. Посѣщеніе Высокопреосв. Платономъ, архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ Каменской станицы. *Донскія епарх. вѣд.* № 40.

966. Кармилъ (гора въ Палестинѣ). Статья *О. У. Н. Московскія епарх. вѣд.* № 29.

967. Самотоевская криница. *Домъ* № 92.

Бригидца - колодезь. Здѣсь говорится о богомольцахъ, приходящихъ къ колодезю.

968. Дѣнь въ сѣнѣхъ преп. Арсенія вел. при Оятогорской пустыни. *А. Ковалевскій. Душеполезное Чтеніе.* № 8. Ч. 2; стр. 85—105, (Изв. и зам.).

969. Мамырѣвскій дубъ. (Письмо къ редактору *Всеміра. Иллюстр.*). Повл. *А. Отшибиланъ. Всемірная Иллюстр.* № 42.

970. Воспоминаніе о св. мѣстахъ, или путешествіе въ Соловецкую обитель. Соч. Вас. Дунина. Казань. 1869 г. (Рецензія), Статья В—с—ю. *Странникъ.* № 10; стр. 1—6.

971. Нѣчто объ архипастырскомъ путешествіи преосвящ. Діонисія епископа Якутскаго, изъ Якутска въ Нижнеколымскъ въ 1868—69 г. *К. Неоструевъ. Душеполезн. Чтеніе.* № 12; стр. 93—100.

972. Изъ путешествія архіеп. ивертинскаго *Гавриила* для обозрѣнія Абхазія и Самурзаканск. приходоув. *Кавказъ.* № 5.

973. Изъ Висерскаго завода. Свящ. *Аркадій Славина. Пермскія епарх. вѣд.* № 48.

974. Впечатлѣнія русскаго православно путешествователя за границей. *Евгеній Воналярскій. Церковная Лѣтопись Духовн. Бесѣды.* № 47.

е) Описаніе соворовъ, церквей, монастырей, пустынь, чудотворныхъ иконъ, чудесъ и пр.

975. Афонъ. *Всемірная Иллюстрація.* № 26. Т. II.

976. Западно-русскія архимандрія. Статья *О. Ш. Литовскія епарх. вѣд.* № 14.

977. Вытѣновскія архимандрія. *Олимпій Щербинскій. Литовскія епарх. вѣд.* № 28.

978. Вологодскій архіерейскій дѣнь.

Н. Суворовъ. Прибавл. въ *Вологодскія епарх. вѣд.* № 16, 17 и 18.

979. Долгичковское и Опшмянское благотворія въ 1784 году. Ст. *Н. М. Литовскія епарх. вѣд.* № 23.

980. Описаніе одного изъ благотворій Московской епархіи. *С. Л. Державинъ. Московскія епарх. вѣд.* № 28.

981. Алексѣевскій Акатовъ монастырь. *Федоръ Леорскій. Воронежскія епарх. вѣд.* № 9, 10, 11, 12, 13 и 14.

982. Валужскій Успенскій монастырь. Свящ. *Димитрій Самбичинъ. Воронежскія епарх. вѣд.* № 21.

983. Виленскій православный женскій монастырь. *Народная Газета.* № 26.

984. Матеріалы для исторіи и археологіи Владимірскій Рождествен. монастырь. *Владимірскія зуб. вѣд.* № 25, 26, 29, 31, 32, 34, 39 и 40.

985. Матеріалы для исторіи и археологіи: Спасо-Евфиміевскій монастырь въ г. Суздаль и десять найденныхъ въ немъ знаменъ въ 1839 г. *Яковъ Гарелинъ. Владимірскія зуб. вѣд.* № 28.

986. Возобновленіе Ивановскаго женскаго монастыря въ Москвѣ. *Всѣобщая Газета.* № 2.

987. Далматовскій Введенскій женскій монастырь, съ 1681 по 1763 годъ. *Г. Плотниковъ, Пермскія епарх. вѣд.* № 29, 30 и 35.

988. Изъ исторіи Спасо-Евфиміева, Суздальскаго монастыря. *Л. Сахаровъ. Владимірскія епарх. вѣд.* № 19 и 20.

989. Историко-статистическое описаніе Винницкаго женскаго монастыря, состоящаго въ мѣстечкѣ Брамловѣ. *Подольск. епарх. вѣд.* № 2.

990. Историко-статистическое описаніе прихода и церкви предградія города Винницы и приписной деревни Тяжловъ. *Подольскія епарх. вѣд.* № 7.

991. Историко-статистическое описание Нижнеомовскаго Казанскаго Вогородицкаго второкласснаго мужскаго монастыря. Архим. *Евтихий. Пензенскія епарх. езд.* № 12, 13 и 14.

992. Историческія свѣдѣнія объ упраздненномъ Авнежскомъ Троицкомъ монастырѣ Вологодской епархіи, *Вологодскія епарх. езд.* № 10.

993. Приложенія къ описанію Авнежскаго монастыря. (Опись Авнежскаго монастыря и вотчины его 1612. 1616 и 1642 г.) Прибавл. къ *Вологодскимъ епарх. езд.* № 11.

994. Намѣщенный Ов. - Троицкій первоклассный монастырь. *Вспомог. Зап. Россіи.* № 3; стр. 82-91.

995. Коши съ актовъ, относящихся преимущественно къ исторіи Важскаго Богословскаго монастыря, найденны въ архивѣ яраходской Богословской церкви Шеннуров. уѣзда. *Архателъскія губ. езд.* № 64.

996. Воротомскій Вознесенскій монастырь. Св. Д. *Омбыкинъ. Воронежскія епарх. езд.* № 9.

997. Борсудскій монастырь. *Тавричскія губ. езд.* № 49.

998. Къ исторіи Свирскаго монастыря. *Олонекія губ. езд.* № 16.

999. Московскіе монастыри во время нашествія французовъ. (Изъ подлиннаго донесеніи Имн. Александру I-му). *Русскій Архивъ.* № 9; стр. 1387—1399.

1000. О монастыряхъ, существующихъ на сѣверѣ Россіи въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской епархіи съ конца XIV в. и до начала XVII. *Архателъскія губ. езд.* № 48—55.

1001. Описаніе Арсеніево—Комельскаго монастыря. Прибавленія къ *Вологодскимъ епарх. езд.* № 23 и 24.

1002. Основаніе Успенскаго монастыря. *Воронежскія епарх. езд.* № 10.

1003. Новоспасскій монастырь въ Москвѣ. *Воскресная Иллюстрація.* № 25, т. 1.

1004. Вознесенскій дѣвичій монастырь въ Москвѣ. *Воскресная Иллюстрація.* № 25. Т. 1.

1005. Островъ Валаамъ и Валаамскій монастырь. *Воскресная Иллюстрація.* № 23; т. 1.

1006. Празднованіе двадцатипятилѣтія Одесскаго Архангело-Михайловскаго женскаго монастыря и при немъ училища дѣвиць,—спротивъ духовнаго званія. *Харьковскія епарх. езд.* № 11.

1007. Придѣлъ во имя св. Иннокентія Иркутскаго въ Московскомъ Златоустовомъ монастырѣ. А. *Григорій. Душеспасит. Читаніе.* № 11; стр. 61—66.

1008. Рождество-Вогородицкая женская община. *Анастасія Станиславская. Странички.* № 9; стр. 49—59.

1009. Сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ. *Вспомог. Западн. Россіи.* № 8; стр. 162—172.

1010. Солдатково—Источенскій, Свято-Троицкій, третьеклассный мужскій монастырь. Свщ. *Александръ Сахаровъ. Пермскія епарх. езд.* № 51 и 52.

1011. Усть-Медвѣдичскій женскій монастырь. *Домскія епарх. езд.* № 48, 49 и 50.

1012. Описаніе Седмозерной Вогородицкой пустыни. *Статьи II. З. Правосл. Собесѣдникъ.* № 11; стр. 212—252 и № 12; стр. 297—319.

1013. Святогорская Успенская пустынь. (Алтырогскаго уѣзда). *Харьковскія епарх. езд.* № 17.

1014. Сказаніе о началѣ Мироносицкой пустыни и о чудесахъ явленной иконы ея. жень мироносиць. II. *Троицкій. Труды Казанск. губ. стат. комитета.* Вып. 2-й; стр. 59—64.

1018. Тарховъ—Жожиъ (свѣдѣнія о бытвѣ на немъ пустыни). *У. Д. М. Преображенскій. Ярославскія епарх. вѣд.* № 29.

1016. Введенская страшно—примница и ея основатель. Статья *М. В. Воронежскія губ. вѣд.* № 62.

1017. 250-лѣтне Покровскаго собора, въ селѣ Покровскомъ. *Алексей Мартыновъ. Московскія Вѣдомости.* № 197.

1018. Вольной Успенскій соборъ въ Москвѣ. *Мирской Вѣстникъ.* № 9; стр. 1—24.

1019. Историческія свѣдѣнія о Борисоглѣбовомъ соборѣ въ г. Орлѣ. Статья *П. П. П—ова. Орловскія епарх. вѣд.* № 9 и 11.

1020. Историко-статистическій очеркъ Ревельскаго Преображ. собора. *Устлядскія губ. вѣд.* № 63, 64, 65 и 66.

1021. Куягуревъ и Благовѣщенскій соборъ. Свящ. *Н. Старичевъ. Пермскія епарх. вѣд.* № 24.

1022. Новый колоколъ для колокольни Вологодск. Софійскаго собора. *Вологодскія епарх. вѣд.* № 9.

1023. Деревня Пушкирева (Туринаскаго округа). Свящ. *С. Терновскій. Томскія губ. вѣд.* № 18.

О заложения храма во имя св. Александра Невскаго.

1024. Освященіе въ Екатеринбург. кафедральномъ соборѣ св. прѣдѣльнаго храма. Свящ. *Филаретъ Зубаревъ. Пермскія епарх. вѣд.* № 44.

1025. Освященіе новаго православнаго храма въ с. Дудаконичахъ. *Молдавскія губ. вѣд.* № 46.

1026. Освященіе храма, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Кулойскомъ, Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Свящ. *Іоаннъ Варфоломеевъ. Архангельскія губ. вѣд.* № 98.

1027. Освященіе храма Рожд. Пресв. Богородицы въ бывшемъ Рож-

деств. монастырѣ во Владимірѣ. *К. Тихонравовъ. Владимірскія губ. вѣд.* № 30.

1028. Соборъ св. Софїи въ Новгородѣ. Статья *Е. Б. Семейные Вечера (младшій возраст).* № 8; стр. 289—296.

1029. Сооруженіе храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ. Статья *Вл. Р—на. Современная Литература.* № 31.

1030. Справочный указатель соборевъ и церквей СПбургской епархіи и состоящихъ при нихъ священнослужителей и приходевъ, съ предварительнымъ обзоромъ состава епарх. управления за 1867 г. Слб. 1867 г. *С. М. Потова. (Разборъ). Странникъ.* № 6; стр. 43—78.

1031. Храмъ Воскресенія Христова, воздвигнутый въ Перми, въ память освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. *Пермскія губ. вѣд.* № 80.

1032. Храмъ святой Софїи въ Константинополѣ. Свящ. *П. Матвеевскій. Смоленскія епарх. вѣд.* № 14.

1033. Статистическія свѣдѣнія о настоящемъ состояніи русской церкви. *Владимірскія епарх. вѣд.* № 10.

1034. Выдержки изъ дѣтописи Песочанской церкви Игуменскаго уѣзда. Свящ. *Николай Соловьевъ. Минскія епарх. вѣд.* № 9.

1035. Историческая справка о церквахъ въ г. Холмгорахъ. *Архангельскія губ. вѣд.* № 78.

1036. Письмо изъ Варшавы. Новая правосл. церковь. Пр. *Сам—ва. Православное Обозрѣніе.* № 7, т. 2. (Изв. и зам.) стр. 240—248.

1037. Новая православная церковь на Прагѣ. *М. П. Устимовичъ. Варшавскій Дневникъ.* № 168.

1038. Объ устройствѣ и освященіи Тамбовской гимназич. церкви. *К. Удовиченко. Тамбовскія губ. вѣд.* № 48.

1039. О постройкѣ и освященіи церкви Оргиевоваго уѣзда въ сел. Бушевѣ. *Св. Федоръ Лашковъ. Книжневскія старж. год. № 24.*

1040. Церковно-статистическія свѣдѣнія о г. Москвѣ. *Церковная Лѣтопись Духовной Бѣсѣды. № 11.*

1041. Церковь св. Спаса на Казанской ул. въ г. Уфѣ Р. Г. *Дятлова. Уфимскія губ. год. № 49, 50, и 51.*

1042. Записка о церкви, устроенной при Минской гимназій. *Минскія старж. год. № 10 и Минскія губ. год. № 22.*

1043. Записка о церквахъ и башняхъ вапт. г. Илимска. Д. *Ларионовъ. Записки и Труды Иркутск. Отд. Комитета. Вып. 4-й; стр. 146—158.*

1044. Извлеченіе изъ лѣтописи о церквахъ села Новаго Усолья. Прот. П. Б — *св. Пермскія старж. год. № 50.*

1045. Изъ Бундракинской станицы. Св. *Левъ Емельяновъ. Церковная Лѣтопись Духовной Бѣсѣды. № 11.*

1046. Изъ Кулгура (о поднятій колокола въ 1000 пудъ). Статья С. П. *Пермскія старж. год. № 47.*

1047. Историко-статистическое описаніе церкви и прихода м. Михальполя, Лятичевскаго у. *Подольскія старж. год. № 17.*

1048. Историко-статистическое описаніе церкви и прихода с. Гумионецъ, Каменецкаго у. *Подольскія старж. год. № 18; стр. 770—779.*

1049. Историко-статистическія свѣдѣнія о Далматовской Николаевск. церкви и о приходѣ ея. Прот. *Григорій Плотниковъ. Пермскія старж. год. № 47 и 50.*

1050. Краткія свѣдѣнія о соборахъ и церквахъ г. Москвы и Московской епархіи. Сост. прот. *Г. А. Благочинскіа. Московскія старж. год. № 42 и 43.*

1051. Краткія свѣдѣнія о москов-

скихъ соборахъ и монастыряхъ, находящихся въ Кремлѣ. *Г. Иосифъ. Московскія старж. год. № 32, 33, 34, 35, 36, 38, 39 и 42.*

1052. Архангельскій соборъ въ Москвѣ. *Всемирная Иллюстрація. № 25, т. 1.*

1053. Лѣтопись Вознесенской церкви села Петрова. Свяд. *Антоній Манжелей. Херсонскія старж. год. № 22.*

1054. Лѣтопись Троицкой церкви села монастырскаго Урая, Далматовскаго уѣзда. В. *Печавъ. Извѣстія по Казанской епархіи. № 11, 13 и 16.*

1055. Матеріалы для историко-статистическаго описанія православныхъ церквей Волинской епархіи. *Волинскія старж. год. № 18.*

1056. Матеріалы для статистики церквей г. Кишинева. *Кишиневскія старж. год. № 14.*

1057. Матеріалы для описанія Московскихъ церквей. П. *Хавскій. Московскія старж. год. № 50.*

1058. О постройкѣ и освященіи новой церкви въ деревнѣ Елмшевой, Мамадышскаго уѣзда. Статья Н. Р. *Извѣстія по Казанской епархіи. № 13.*

1059. Оренбургская Спасопреображенская церковь. *Домашняя Бѣсѣда. № 37.*

1060. Освященіе церкви св. великомуч. Дмитрія, въ с. Скородномъ, Мозырскаго у. К. *Мысовскій и рѣчь прот. Георгія Тарнопольскаго. Минскія старж. год. № 17.*

1061. О церкви Спаса нерукотѣ образа въ Барышевской богадѣльнѣ. Н. *Розановъ. Душеполезное Чтеніе. № 8, Ч. 2. (Изв. и зам.); стр. 105—116.*

1062. О члкахъ церквей и другихъ богослужебныхъ вданій въ Пермской губ. за 1868 г. *Пермскія губ. год. № 97.*

1063. Православная церковь св.

Маріи Магдалины на Прагѣ, въ Варшавѣ. *Всемирн. Иллюстрація*, т. II, № 34.

1064. Православный приходъ и правосл. церковь на о. Эзелѣ. Статья С. Д. *Рижскій Вѣстникъ*. № 27.

1065. Предисловіе къ лѣтописи Мирской Николаевской церкви. Св. Е. *Пастернацкій. Минскія епарх. вѣд.* № 20, 21 и 23.

1066. Покровская церковь въ г. Бѣлевѣ. Прибавленія къ *Тулск. епарх. вѣд.* № 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 24.

1067. Торжество освященія церкви Рождества Пресв. Богородицы въ нынѣшнемъ Владимірскомъ архіерейскомъ домѣ, возобновленной по высочайшему повелѣнію Государя Имп. Александра Николаевича. Статья С—каго. *Владимірскія епарх. вѣд.* № 15.

1068. Торжество освященія церкви въ Минской гимназіи. *Минскія епарх. вѣд.* № 10.

1069. Троицкая церковь въ г. Бѣлевѣ. Св. М. *Бурцевъ. Тульскія епарх. вѣд.* № 9, 10 и 11; стр. 314—320, 349—354 и 394—401.

1070. Церковь Спаса въ Полтавѣ. *Воскресный Досугъ*. № 329.

1071. О сооружеиіи соборнаго храма въ Владикавказѣ. А. *Бостанш. Терскія Вѣдомости*. № 17.

1072. Освященіе возобновленнаго изъ развалинъ древняго Пидундскаго храма. К. *Красницкій. Кавказъ*. № 122 и 123.

1073. Александровская и кладбищенская часовня въ г. Вильнѣ. *Всемирная Иллюстрація*. Т. 2, № 44.

1074. Объ освященіи въ г. Вильнѣ часовни, въ память заслугъ покойнаго графа М. Н. Муравьева. *Виленскія губ. вѣд.* № 90.

1075. Освященіе часовни во имя св. архистратига Михаила. *Литовскія епарх. вѣд.* № 22.

1076. Освященіе часовни въ Молодечнѣ. *Литовскія епарх. вѣд.* № 15.

1077. Воровская часовня. Статья И. Б—ва. *Вятскія епарх. вѣд.* № 12 и 13.

Воровская часовня находилась въ приходѣ Срѣтенскаго села Полнинскаго уѣзда.

Всѣ свидѣнія объ этой часовнѣ взяты изъ дѣла, хранящагося въ архивѣ секрет. дѣла Вятск. Дух. Консист., подъ № 15/12, 1836.

1078. Часовня въ селѣ Ярополѣ. Статья А. С. *Сынъ Отечества*. № 290.

Село Ярополь, Московской губ., принадлежало прежде графу Л. Г. Ч., которому досталось отъ гетмана Дорошенки, а этотъ послѣдній завѣщаль наследнику отпустить всѣхъ своихъ крестьянъ на волю.

1079. Пребываніе въ Воровжѣ Афонской святыни и совершившіяся чудесныя исцѣленія отъ нея. Статья А. Х. *Воронежскій Телеграфъ*. № 57 и *Воронежскія губ. вѣд.* № 42.

1080. Случай благодатнаго исцѣленія отъ Афонской святыни въ г. Воронежѣ. *Фомъ-Мензешампфъ. Воронежскія епарх. вѣд.* № 14.

1081. Церковное торжество въ Москвѣ 18 и 19 мая. Гр. М. *Толстой. Душеполезное Чтеніе*. № 6, Ч. 2; стр. 43—44.

О двухсотлѣтіи Иверской иконы.

1082. Иверская икона Божіей Матери. *Всемирная Иллюстрація*. № 28. Т. II.

1083. Сказаніе о явленіи иконы Пресв. Богородицы, именуемая Феодоровскія, въ пригородѣ Капширѣ, Симб., губ. и торжественное ея перенесеніе отсюда въ Сызранскій монастырь. Священноинокъ *Навекъ. Душеполезное Чтеніе*. № 6, ч. 2; стр. 45—48.

1084. Двухсотлѣтіе Иверской иконы Божіей Матери въ Москвѣ. *Смоленскія епарх. вѣд.* № 14.

1085. Сказаніе о чудотворной Ивер-

ской иконѣ Божіей Матери. *Московскія епарх. вѣд.* № 20.

1086. По поводу 200-лѣтней годовщины Иверской Богоматери. (Передов. ст.) *Московскія Вѣдомости.* № 108.

1087. Исцѣленіе по молитвѣ предъ иконою Божіей Матери въ день Покрова ея. Прот. *Евфимій Ловинскій.* *Странникъ.* № 10; стр. 23.

1088. Чудесныя исцѣленія предъ иконою Божіей Матери „Всѣхъ скорбящихъ радость“, что въ Ахтырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, съ предварительнымъ сказаніемъ объ этой иконѣ и самомъ монастырѣ. *Харьковскія епарх. вѣд.* № 1.

1089. Обожженіе иконы Казан. Божіей Матери по селеніямъ въ 1869 г. *Иркутскія епарх. вѣд.* № 33 и 34.

1090. Историческія свидѣнія о св. иконѣ Страстныя Божіей матери, наход. въ Карачевскомъ Арханг. соборѣ. *Орловскія епарх. вѣд.* № 10; стр. 914—930.

1091. Объ образѣ св. Влговѣрнаго кн. Александра Невскаго въ благовѣщенской церкви г. Красноярска. *Иркутскія епарх. вѣд.* № 17—18.

1092. Выписка изъ дѣлъ консисторскаго архива о чудотворномъ образѣ св. чудотворца Николая, наход. въ Мценскомъ Николаев. соборѣ (1777 г.). *Орловскія епарх. вѣд.* № 14; стр. 1274—1276.

1093. О чудотворной иконѣ св. Николая Мокраго. *Кіевскія епарх. вѣд.* № 12.

1094. О чудотворной иконѣ святаго Николая Рихловскаго. *А. Ковалевскій. Душеспележ. Чтеніе.* № 12; стр. 100—104.

1095. Торжество крестьянъ Дегичевскаго уѣзда Бахматовенкой волости, по поводу освященія иконой св. благовѣрнаго кн. Александра-Невскаго. *Подольскія епарх. вѣд.* № 16.

1096. Описание перенесенія иконы

ов. архистратига Михаила, вмѣстѣ съ чудотворною иконою Божіей Матери, именуемою Владимирскою, въ устроенную часовню на монастырскомъ мѣстѣ, близъ р. Суры, Козьмодемьянскаго уѣзда. *Извѣстія по Казанской епарх.* № 21.

В. Исторія церкви и вѣры другихъ христіанскихъ исповѣданій.

1097. Письма о современномъ состояніи религиозно-церковной жизни за границею. Свящ. *Б. Л. Кустодіевъ.* *Христіанское Чтеніе.* № 3; стр. 458—485, № 5; стр. 802—820, № 7; стр. 96—148, № 10; стр. 583—622, № 11; стр. 893—944 и № 12; стр. 1111—1148.

1098. Современное состояніе церкви на западѣ Европы. Прибавл. къ *Воронежскимъ епарх. вѣд.* № 23.

1099. Очеркъ исторіи христіанства у славянскихъ народовъ. Св. *А. М. Иванцовъ-Платоновъ.* *Православное Обозрѣніе.* № 5, Т. I; стр. 661—695.

1100. Письмо къ архіепископу Маннингу Эдмунда О. Фаукса, автора соч. подъ заглавіемъ: „Christendoms Division“, Перев. прот. *Ев. И. Попова.* *Христіанское Чтеніе.* № 5; стр. 755—785; № 6; 916—944 и № 7; стр. 63—95.

1101. Настоящій кризисъ. Воззваніе къ ритуалистамъ и ко всѣмъ тѣмъ, кто некренно ищетъ истины, пута и жизни. Перев. прот. *Ев. И. Попова.* *Христіанское Чтеніе.* № 5; стр. 739—754.

1102. Очеркъ исторіи древнихъ національныхъ литургій запада. *А. Л. Катанскій.* *Христіанское Чтеніе.* № 4; стр. 562—614.

1103. Англійскіе деноты XVII и XVIII ст. Записки Имп. Новорос. университета, годъ 2-й, т. 3, выш. 1-й; стр. 1—142.

1104. Замѣтки по исторіи церкви въ Англіи, отъ введенія христіанства

до половины XI ст. Соч. свящ. Бѣлороссова, 1868 г. Рецензія *Т. Ковалева*. *Странникъ*. № 4; стр. 1—14.

См. также разборъ въ *Церковн. Литониси Дух. Бесѣды*. № 8. (Статья *К—ва*).

1105. Братѣя свѣдѣнія о состояніи англиканской церкви за февраль 1869 г. Статья *О. І. Н. Московскія епарх. езд.* № 18.

1106. Литургія англиканской церкви. Статья *Е. І. Н. Московскія епарх. езд.* № 23.

1107. Объ англійскомъ священствѣ. *И. Т. Осиповъ*. *Христіанское Чтеніе*. № 10; стр. 702—719.

1108. Взглядъ англичанина на соединеніе. Статья *Е. И. П. Московскія епарх. езд.* № 29.

1109. Къ вопросу о взаимнообщеніи англиканской церкви съ православными восточными церквами. Прот. *Е. И. Поповъ*. *Христіанское Чтеніе*. № 9; стр. 513—534 и № 10; стр. 673—701.

1110. Къ вопросу о соединеніи американской епископальной церкви съ русско-греческою православною. *В. Губинъ*. („Совр. Лѣт.“) *Московскія епарх. езд.* № 24.

1111. По вопросу о соединеніи церквей. Письмо изъ Ретфорда (въ Англіи) въ Москву. *Московскія епарх. езд.* № 23.

1112. По вопросу о сношеніи англичанцевъ съ православною церковію. *Харьковскія епарх. езд.* № 13.

1113. По вопросу о сношеніи англичанцевъ съ восточною церковью. (Переод. ст.) *Голосъ*. № 127.

1114. Современное движеніе англиканской церкви въ пользу православія. *А. П—чъ*. *Подольскія епарх. езд.* № 7.

1115. Духовныя жены В. Диксона 2 ч. перев. В. Зайцева. Сиб. 1869 г. (Рецензія). *Вѣстникъ Европы*. № 5. Т. 3; стр. 456—467.

См. также небольшую библиогр.

зам. 1) въ 133-мъ № *Голоса* и 2) въ *Отеч. Запискѣхъ*. № 5, Т. 184; отд. 2; стр. 65—70.

1116. Церковь и государство въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ (извлеч. изъ статьи свящ. *А. Бустановіа*, помѣщенной въ *Православномъ Обзорнѣ* во 2-й кн. за 1866 г.). *Харьковскія епарх. езд.* № 7 и *Кіевскія епарх. езд.* № 9.

1117. Богословскій факультетъ королевскаго Берлинскаго университета. Статья *Т. С. Христіанское Чтеніе*. № 8; стр. 342—354.

1118. Богословствованіе Шенкеля. Архим. *Августинъ*. *Труды Кіевской Дух. Академіи*. № 9; стр. 387—399.

1119. Воспоминаніе о проповѣдяхъ швейцарскаго пастора Кате. Сообщено *Вомлярларокимъ*. *Воскресное Чтеніе*. № 34.

1120. О нравственной и церковной жизни въ Берлинѣ. (*Zustände des sittlichen und kirchlichen Lebens in Berlin, von Pastor Lisko. Berlin 1866*). Свящ. *А. Т.—въ*. *Христіанское Чтеніе*. № 4; стр. 655—686.

1121. Черты изъ жизни извѣстнаго филантропа Іоанна Оберлина, бывшаго пастора въ Штейнгагѣ (пер. съ нѣмецкаго). Спб. 1867 г. Рец. *О. М. Попова*. *Странникъ*. № 6; стр. 39—42.

1122. Чешскіе и моравскіе братья до сближенія ихъ съ протестантами (въ половинѣ XVI в.). *Вячеславъ Смирновъ*. *Православное Обзорнѣ*. № 6. Т. 1; стр. 823—852; № 7, т. 2; стр. 48—82.

1123. Востоужъ христіанскій, богослуженіе абиссинновъ. Чинъ крещенія и миропомазанія въ эфиюскомъ требникѣ. *Труды Кіевской Духовной Академіи*. № 3; стр. 334—372 и № 4; стр. 14—51.

1124. Восточныя христіанскія общества. Соч. Л. Петрова. Сиб. 1869. 8° 97 стр. (Разборъ *К—ва*). *Церковная*

Литовскія (Духовн. Вѣстни) № 6; стр. 87—95.

См. также *Христ. Чтеніе*. № 1; стр. 140—143.

1125. Какъ образовалась унія въ западной и югозападной Россіи? (Историч. очеркъ). Статья *А. П—ча*. *Подольскія епарх. вѣд.* № 8.

1126. Комедія уніатовъ съ православными, Саввы Стрѣльцака. *Л. Мажовича*. *Кіевскія епарх. вѣд.* № 22, 23 и 24.

1127. Юбилей Люблинской уніи. *Современная Литовскія*. № 30.

1128. Люблинская унія. *Свѣ. Дича*. № 37.

О «Дневникъ Люблинскаго сейма».

1129. Объ учрежденіи Ипатіемъ Поцесемъ уніатской капитулы во Владимірѣ Волинскомъ и первоначальныхъ ея дѣйствіяхъ. Статья *Н. П. Труомъ* *Кіевской Дух. Академіи*. № 6; стр. 498—539.

1130. О 300-лѣтней годовщинѣ Люблинской уніи. *М. Колловичъ*, *Голосъ*. № 125.

1131. Памятныи уніатской церковно-литературной дѣятельности, въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія. *Подольскія епарх. вѣд.* № 5, 7 и 8.

1132. Русская греко-уніатская церковь. Статья *Н. Д. Церковная Литовскія Духовн. Вѣстни*. № 45.

1133. Уніатскіе теологи и проповѣдники, въ концѣ 18-го столѣтія и началѣ 19-го. Статья *Н. М. Литовскія епарх. вѣд.* № 11.

1134. Михаилъ Буземскій; очеркъ его жизни и прощальное слово яко памятникъ его дѣятельности для блага Галицкой Руск, изданъ въ нарочитый день его консекраціи въ Холмскаго епископа. 11 (23) августа 1868 г. во Львовѣ. *Сыдлецкинъ губ. вѣд.* № 1.

1135 Папа Пій IX. (Пер. съ нѣм.).

Новоросс. Вѣдомости. № 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 63, 64 и 65.

1136. Черты современнаго папства. *Животисный Сборникъ*. Т. VI, вып. 11 и 12; стр. 340—346.

1137. Самораспиденіе католицизма и протестантизма. *Домашняя Вѣстка*. № 42.

1138. Братскій историческій очеркъ постепеннаго распаденія протестантизма на разныя секты и вырожденія изъ него раціонализма. Прибавл. къ *Тамбовскимъ епарх. вѣд.* № 23 п 24.

1139. Католическая и протестантская пропаганда на востокѣ. Статья *К—а*. *Новороссійскій Телеграфъ*. № 170.

1140. Задача католическаго духовенства въ западныхъ губерніяхъ. (Перед. ст.) *Вѣст.* № 157.

1141. О христіанахъ восточныхъ церквей, признающихъ главенство папы. *Литовскія епарх. вѣд.* № 12.

1142. Церковь подъ Варшавой. *Плюмстрир. Газета*. Т. 23, № 22.

1143. Церковь св. Автовія Падуанскаго. *Животисный Сборникъ*. Т. 6, № 5; стр. 136—138.

1144. Храмъ въ г. Бари, гдѣ почиваютъ мощи св. Николая чудотворца. *Воскресное Чтеніе*. № 3.

1145. По францисканскій костель въ м. Ивенцѣ (обращенный нынѣ въ православную церковь). Статья *В. Р—аю*. *Минскія губ. вѣд.* № 29.

1146. Братлевицкая каплица. Статья *Н. Р—аю*. *Минскія губ. вѣд.* № 27.

1147. Объ Іезуитскихъ коллегіумахъ, миссіяхъ и резиденціяхъ въ Могилевской губ. *Могилевскія губ. вѣд.* № 48.

1148. Празднества въ честь 500 лѣтняго юбилея Яна Гуса. *Всемирная Иллюстр.* № 38. *Голосъ*. № 134 п 237.

1149. Пятигодлѣтняя годовщина Іоанна Гуса. (Передов. ст.) *Голосъ*. № 173 и 233.

1150. Пятиотлѣтній юбилей Іоан-

на Гуса. *Православн. Обзорніе*. № 9; стр. 339—344.

1151. Японія съ точки зрѣнія христіанской миссіи. Геромонахъ *Николай*. *Русскій Вѣстникъ*. № 9, Т. 83; стр. 219—264.

1152. Вилль Гладстопа объ имуществвахъ Ирландской церкви. *М. Сузо-тижъ*. *Православное Обзорніе*. № 7, т. 2; стр. 83—91.

1153. Слова правды отъ подолжана его землякамъ католикамъ. *Труды Кіевской Дух. Академіи*. № 4; стр. 52—84.

1154. Владислопъ Шаявскій. *Иллюстрир. Газета*. Т. 23, № 25.

1155. Іезуиты въ Китаѣ. *Домашняя Библиотека*. № 11; стр. 373—382 и № 12; стр. 385—411.

1156. Браковомая монахія. *Всемирная Иллюстрація* № 37 и 38. Т. 2.

1157. Латидскіе церковные пѣснописцы и ихъ пѣснопѣнія въ римско-католической церкви сравнительно съ пѣснописцами и пѣснопѣніями церкви православной. *А. Хойнацкій*. *Труды Кіевской Дух. Академіи*. № 10. стр. 39—112.

1158. Объ отжощеніяхъ Вальдецевъ къ религіознымъ сектамъ старой Чехіи. *Антонъ Будилавичъ*. *Христіанское Чтеніе*. № 8; стр. 319—341.

1159. О водвореніи іезуитовъ въ Испаніи и распряхъ ихъ съ доминиканами. Статья *Н. Ц.* *Труды Кіевской Дух. Академіи*. № 3; стр. 404—450.

1160. О польскомъ дуровенствѣ. (Передов. ст.) *Биржевая Вѣдомости*. № 305.

1161. Слово произнесенное въ Блонскомъ римско-католическомъ костелѣ, 27 и 29 іюня 1869 г. *ксендаомъ Фердин.* *Свѣтскоескимъ*. *Минскія губ.*, *отд.* № 31 и 33.

1162. Очерки католическаго монашества. *Иллюстрированная Газета*. № 10.

1163. Очеркъ исторіи чешскаго вѣроисповѣднаго движенія. *А. С. Клевановъ*. Съ предисловіемъ *О. Бодянскаго*. *Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Росс.* № 3; стр. 1—116; № 4; стр. 117—272.

1164. Паяство какъ торгазъ благоденствія народовъ или крестовой паукъ. Соч. д-ра *Франца Губера*. профессора исторіи въ Бернѣ. *І. Папы* какъ истребители чловѣческаго рода. Спб. 1870. *Всемирный Трудъ*. № 8; стр. 1—32, № 9 и 10; стр. 33—64.

1165. Попытка римскаго епископа подчинить своей власти юго-западную русскую церковь въ XIII столѣтіи, во время княженія Данила Романовича Галицкаго. *Н. Яворскій*. *Подольскія епарх. отд.* № 3 и 4 и *Вѣстн. Западн. Россіи*. № 3; стр. 93—103.

1166. Правда о паяствѣ. *Домашняя Бесѣда*. № 20.

1167. Преимущество и отличія кардиналовъ. *Руководство для сельскихъ пастырей*. № 16; стр. 610—611.

1168. Корреспонденція изъ Флоренціи. Вселенскій соборъ и современные либералы и клерикалы въ Італіи. Статья *Д. Г.* *Вѣстникъ Европы*. № 12. Т. 6; стр. 937—951.

1169. Мнимо—вселенскій соборъ. (Передов. см.). *Голосъ*. № 131.

1170. Мысли лучшихъ представителей католич. духовенства о предстоящемъ якобы вселенскомъ соборѣ. *Свѣ. Пчела*. № 49.

1171. Невыгоды и выгоды римскаго вселенскаго собора. (Передов. ст.) *Голосъ*. № 253.

1172. О римскомъ соборѣ. *Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ.* № 12. Ч. 146, отд. 2; стр. 381—388.

1173. Основанія для псевдо—вселенскаго собора. (Передов. ст.). *Голосъ*. № 219.

1174. Отвѣтъ англиканской церкви на апостольское посланіе папы Пія IX. — *Христіанское Чтеніе*. № 3; стр. 497—497.

1175. Отвѣты съ востока по повѣду приглашеній папы на Вселенскій соборъ въ Римѣ. *Смоленскія епарх. вѣд.* № 14.

1176. Открытіе мнимовселенскаго собора. (Передов. ст.). *Голосъ*. № 328 и Статья *Ник. Родіонова. Голосъ*. № 347.

1177. По повѣду предстоящаго мнимовселенскаго собора въ Римѣ. *А. Елецкій. Вѣстникъ Запад. Россіи*. № 6; стр. 21—37.

1178. Посѣщеніе Александрійской патріархіи папскимъ легатомъ, съ дѣлюю приглашенія на предполагаемый напѣу вселенскій соборъ въ Римѣ. *Христіан. Чтеніе*. № 4; стр. 615—619.

1179. Размышленія по повѣду предстоящаго римскаго собора. Статья *А. П. Христіанское Чтеніе*. № 10; стр. 567—582.

3. КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО, НОВѢЙШЕЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАВДИКИ, ВОГОСЛУЖЕНІЕ, ПОСТАНОВЛЕНІЯ О ДУХОВЕНСТВѢ И ОВЪ УЛУЧШЕНІИ ЕГО ВЫГТА. БРАТСТВА И ПРИХОДСКІЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА.

1180. Полное собраніе постановлений и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣд. Россійск. пмперіи. Т. 1, 1721 г. *Т. В. Варсовъ. Христіанское Чтеніе*. № 10; стр. 623—672. *Судебн. Вѣстникъ*. № 215.

1181. Собраніе нынѣ дѣйствующихъ церковныхъ и гражданскихъ постановленій касательно брака въ православной нашей церкви. *Донскія епарх. вѣд.* № 24, 27 и 28.

1182. Какимъ русскимъ словомъ можно вѣрнѣе выразить употребленное въ 54-мъ правилѣ VI вселенскаго собора слово *εκαδέλφη*, — племянница

или двоѣродная сестра? Статья *П. Лашкарева. Труды Кіевской Духовн. Академіи*. Т. 8, № 7; стр. 96—107.

1183. Вѣдѣнія о состояніи правосл. церкви, причтовъ, домовъ и правосл. школь въ уу. Эстл. губ. *Эстландскія вѣд.* № 51 и 52.

1184. Вѣдѣнія о ходѣ дѣлъ по росписанію приходскихъ церквей и причтовъ. *Православн. Обзоръ*. № 8; стр. 261—265, № 9; стр. 332—339, № 12; стр. 469—478.

1185. Рѣшеніе московскаго епархіальнаго начальства по дѣлу о составленіи новаго росписанія церквей и о составѣ при нихъ причтовъ. *Странникъ*. № 9; стр. 160—162.

1186. Правила для Борисоглѣбскаго женскаго общежитія, составленныя покойнымъ *Филаретомъ*, архіепнопомъ, потомъ митрополитомъ Московскимъ. *Душеполезн. Чтеніе*. № 11; стр. 230—239.

1187. Проектъ правилъ о взаимномъ страхованіи церквей Орловской епархіи. Свящ. *Н. Раевскій. Орловскія епарх. вѣд.* № 23.

1188. Церковный судъ. (Перед. ст.). *Биржевыи Вѣдомости*. № 136.

1189. Правила для монастырей Литовской епархіи. *Литовскія епарх. вѣд.* № 19.

1190. Амафитово пѣснопѣніе въ честь Богородицы. Передложенъ на русск. яз. преосв. *Политартамъ* въ 1838 г. *Орловскія епарх. вѣд.* № 19.

1191. Военщца въ выганѣ на Курскѣ — Кіевской жел. дорогѣ. *Воскресное Чтеніе*. № 49.

1192. Вѣсѣды о божественной литургіи. Св. *Макарій Троицкій. Орловскія епарх. вѣд.* № 17.

1193. Вопросы и замѣчанія, относящіяся къ божественной литургіи и ея чину въ нашей православной церкви. Прот. *Т. Серединскій. Христіанское Чтеніе*. № 5; стр. 695—704.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. 28-го мая 1871 года. Обь учрежденіи въ С.-Петербургѣ Фрѣбелевскаго общества для содѣйствія первоначальному семейному воспитанію	3
2. 31-го мая 1871 года. Обь учрежденіи въ городѣ Ревелѣ гимназій	—
3. 3-го іюня 1871 года. Обь учрежденіи въ Калининской гимназій стипендіи Морковскаго	6
4. 9-го іюня 1871 года. О началѣ трехлѣтняго срока временнымъ уставу и штату Дешидовскаго юридическаго лица	7
5. 20-го іюня 1871 года. Обь учрежденіи при Вологодской Маринской женской гимназій стипендіи Богракавицъ	—
6. 12/18-го іюня 1871 года. О преобразованіи специальныхъ классовъ при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ	29
7. 20-го іюня 1871 года. О принятіи завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Зернистовымъ капитала, съ обращеніемъ процентовъ съ оного на выдачу пособія одному изъ учениковъ Харьковской 2-й гимназій	40
8. 24-го іюня 1871 года. Обь учрежденіи стипендіи при Мозырской гимназій	—

9. 30-го июля 1871 года. Уставъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	42
10. 30-го июля 1871 года. Объ исправленіяхъ въ штатахъ гимназій и прогимназій	96

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

12-го іюня 1871 года (№ 15)	8
8/30-го іюля 1871 года (№ 16).	97

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 5-го іюня 1871 года. Уставъ „Фребеловскаго общества для содѣйствія первоначальному семейному воспитанію“	7
2. 5-го іюня 1871 года. Правила попечительства о недостаточныхъ студентахъ Императорскаго университета св. Владиміра.	12
3. 5-го іюня 1871 года. О взиманіи въ С.-Петербургской Введенской прогимназій платы за ученіе по тридцати рублей съ каждаго ученика.	16
4. 12-го іюня 1871 года. Правила попечительства о недостаточныхъ студентахъ при Демидовскомъ юридическомъ лицѣѣ.	—
5. 12-го іюня 1871 года. Объ употребленіи внесенныхъ душеприказчиками умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Василя Петровича Боткина 5.250 рублей, согласно воли жертвователя, на приобрѣтеніе художественныхъ произведеній для состоящаго при Московскомъ университетѣ музея изящныхъ искусствъ и древностей	20
6. 19-го іюня 1871 года. Циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія о доставленіи свѣдѣній о переимѣнахъ въ службѣ лицъ разныхъ четырехъ классовъ	21
7. 12-го іюня 1871 года. Правила объ обязанностяхъ студентовъ и постороннихъ слушателей Демидовскаго юридическаго лицѣѣ и о взысканіяхъ за нарушеніе лицейскихъ правъъ	97
8. 26-го іюня 1871 года. Правила объ испытаніяхъ студентовъ Демидовскаго юридическаго лицѣѣ въ Ярославлѣ.	106
9. 3-го іюля 1871 года. Правила о стипендіяхъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Л. В. Ротштейна въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.	111
10. 3-го іюля 1871 года. Правила о стипендіяхъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Леонтія Венцеславовича Ротштейна въ 1-й Казанской гимназій	112

11. 10-го іюля 1871 года. О размѣрѣ слѣдующихъ назвѣ гербовыхъ пошлинъ съ контрактовъ, заключаемыхъ по подрядамъ на не опредѣленную заранѣ сумму	113
--	-----

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

12-го іюня 1871 года (№ 10)	22
19-го іюня 1871 года (№ 11)	25
26-го іюня 1871 года (№ 12)	115
10-го іюля 1871 года (№ 13)	117

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Чтеніе Н. В. Верещагина, учредителя артельныхъ сыроварень: О наибѣгоднѣйшихъ способахъ обработки молочныхъ продуктовъ“	26
О книгѣ: „Примѣрная мать“	—
О книгѣ: „Азбука правописанія. Сборникъ примѣровъ и статей на главнѣйшія правила правописанія для диктовки и списыванія съ книги“, А. Тихомирова	—
О книгѣ: „Начала Космографіи“, К. Краевича	27
О книгѣ: „Сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ“, Ю. Стурцеля	27
О книгѣ: „Учебная книга географіи. Россійская имперія“ Е. А. Лебедева	—
О книгѣ: „Krugov et ses fables“, Jean Fleury	—
О книгѣ: „Учебная географія Россіи“ М. Мостовскаго	—
О книгѣ: „Приготовительный курсъ химіи“, А. А. Ващенко-Захарченко	28
О книгѣ: „Практическій курсъ латинскаго языка“, Эмилія Керковіуса	28
О книгѣ: „Учебная книга географіи“, К. Смирнова	—
О книгѣ: „Пожары, причины ихъ и способы предохраненія отъ огня“	121
О книгѣ: „Бабушка Марѳа, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ“	—
О книгѣ: „Удивительныя и забавныя похождения Пошехонцевъ, или новое не любо не слушай“, Хамы Болясникова	—
О книгѣ: „Деревенскіе разказы“	—

О книгѣ: „Свѣтъ Божій“	121
О книгѣ: „Пріемыя“, Т. Толчковой	7

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Объ изданіяхъ археографической комиссіи	—
---	---

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Синтаксисъ языка русскихъ пословицъ. <i>П. Глатовскаго</i>	1
Сатиры Персія. Сатира четвертая. <i>Н. М. Благовещенскаго</i>	46
Ученіе Аристотеля „о душѣ“ (περί ψυχῆς) въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона. <i>Ө. Зеленогорскаго</i>	62
Новости иностранной ученой литературы. (Философія).	111
О трудахъ по исторіи русской литературы. <i>М. Сухомлинова</i>	180
Иезуиты въ западной Россіи (въ 1569 — 1772 годахъ). <i>А. Демьяновича</i>	181

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

L. Ranke Die deutschen Mächte und der Fürstenbund, Deutsche Geschichte von 1780—1790. Erster Band. <i>А. Брикнера</i>	280
Исторія французской революціи 1789—1799 г. Соч. Гейсера, пер. Мамонтова. <i>А. Брикнера</i>	293

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Янъ Амосъ Коменскій и его значеніе въ педагогій. <i>С. И. Миропольскаго</i>	1
Извлеченіе изъ замѣчаній иностранныхъ ученыхъ и педагоговъ о пользѣ и необходимости основательнаго ученія обоихъ древнихъ языковъ въ гимназіяхъ	67
Пражскія гимназіи и преподаваніе въ нихъ отечественнаго языка и словесности. <i>Колосова</i>	125
Къ вопросу о программѣ русской словесности въ нашихъ гимназіяхъ. <i>А. Кирпичникова</i>	146

Наша учебная литература.

Латинская этимологія въ соединеніи съ русскою для трехъ низшихъ классовъ. (Учебникъ лица Цесаревича Николая). <i>И. Гиврилова</i>	94
---	----

Учебникъ русской грамматики, составленной сравнительно съ славянскою, съ прибавленіемъ статей для разбора. <i>А. Ладинскаго</i>	156
Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. <i>Л. Поливанова</i>	159
Дѣтскій возрастъ. Составилъ <i>А. Семеновъ</i> для сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищъ, для первыхъ двухъ классовъ уѣздныхъ училищъ, прогимназій, гимназій и институтовъ.	161
Дѣтскіе разказы и стихотворенія. <i>В. И. Водовозова</i>	182
Сборникъ статей для чтенія и разказа по предмету русскаго языка въ уѣздныхъ, городскихъ начальныхъ и сельскихъ училищахъ. <i>И. Соснецкаго</i>	163
Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ. <i>В. Игнатовича</i>	168
Элементарный курсъ французскаго языка. <i>В. Сильмана</i>	169
Руководство къ изученію французскаго языка. Его же	—
Краткій французскій синтаксисъ. <i>Н. Сопшикова</i>	174
Histoire élémentaire de la littérature française. Par. <i>J. Fleure</i>	176

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Рѣчь ректора Варшавскаго университета <i>П. А. Лавровскаго</i> въ день 11-го мая	1
Обозрѣніе начальныхъ народныхъ училищъ Курской губерніи за 1870 годъ <i>С. Бобровскаго</i>	10 и 104
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) гимназій, в) женскихъ училищъ и г) низшихъ училищъ	58 и 121
О дѣйствіяхъ въ 1870 году Высочайше утвержденнаго общества для распространенія св. писанія въ Россіи	103
Начальныя народныя училища Рязанской губерніи. <i>Смирнова</i>	235

Приложеніе.

Библиографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ на 1869 годъ.

YC 69405

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C045460182

854549

w 451
A4
v. 156

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

